

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

11931

11931
МОСКОВСКИЙ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ

НА 1851 ГОДЪ,

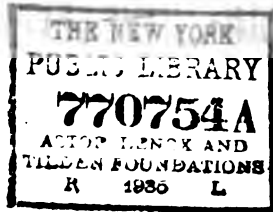
Часть V.

МОСКВА.

**Въ типографіи В. Готье и Н. Степанова.
1851.**

12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 13 дня 1854 года.

Ценсоръ *Д. Ржевскій.*

АНТОНІЙ

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 17.

Сентябрь.

Кн. 1.

С Л О В О

Синодальнаго Члена Юсифа Архієпископа Литовскаго и Виленскаго, произнесенное въ 14 день Апрѣля 1851 года, по освященіи Пещерской церкви во имя Святыхъ Мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, въ Виленскомъ Свято-Духовомъ перво-классномъ монастырѣ (*).

*Возвеличите Господа со мною, и вознесемъ
имя Его вкупѣ. (Псал. XXXIII. 4.).*

И еще, православные христіане, сподобилъ насъ Господь устроить новый храмъ молитвы, новое прибѣжище въ скорбяхъ и немощахъ нашихъ.

Минуло уже пятьсотъ лѣтъ, когда пострадали въ Вильнѣ позорною смертію за вѣру Христову, святые мученики Антоній,

(*) Украшаемъ нашъ журналъ этимъ словомъ, примѣчательнымъ какъ по своему содержанию, такъ и по мѣсту, гдѣ оно произнесено. Высокопреосвященный Юсифъ давно уже занялъ высокое мѣсто въ отечественныхъ автописяхъ. *Ред.*

Иоаннъ и Евстафій. Церковь И. давно уже сопри-
 числила ихъ къ сонму Угодниковъ. И въ нынѣшній день, и въ сей же день, и въ намъ назидательныя ихъ житія.

Между тѣмъ драгоценныя мощи сихъ первыхъ мучениковъ въ Литовскомъ краѣ, покоились безгласно подь олтарь церкви Святаго Духа, въ которой стоимъ мы нынѣ на молитвѣ. Можетъ быть церковь сія изъ многочисленныхъ православныхъ храмовъ, бывшихъ некогда въ Вильнѣ, одна съ обителью своею устояла въ православіи, потому единственно, что основа на самымъ дѣломъ на Святыхъ Мученицѣхъ. Не безъ особаго Промысла Божія, мощи сіи сокрыты были толь долгое время подь спудомъ отъ взоровъ жителей здѣшней страны. Не безъ особой цѣли явились онѣ свѣтло тогда именно, когда православіе воскресло въ Литвѣ и ея некогда престольномъ градѣ Вильнѣ, когда чада Православныя Церкви, столь долго ей чужды, возвратились на лоно ея.

Вотъ, почти у насъ на глазахъ, надъ вратами богоспасаемаго нашего града, стоитъ какъ бы на стражѣ Русская Православная икона Божія Матери, нынѣ уже не наша (*). Вы знаете, православные: съ какимъ благоговѣніемъ, съ какимъ рвеніемъ, обращается къ ней въ своихъ молитвахъ все здѣшнее Христіанское населеніе, самое близкое намъ по сердцу, самое близкое по вѣрѣ, но къ несчастію чуждое по церковному единенію. Не смутное ли воспоминаніе прошедшаго, не кровь ли праотцевъ, текущая въ ихъ сердцахъ, есть источникомъ сего рвенія, сего благоговѣнія? И въ нынѣшнемъ благодатномъ прославленіи Святыхъ Мощей, не есть ли персть Божій, указующій симъ иновѣрнымъ братіямъ вашимъ, что православная мученическая кровь, впервые оросила здѣшнюю страну и престольный градъ ея, и что страна сія есть древнее достояніе Руси православной!

Но не станемъ провинкать дерзновенно въ неисповѣдимыя судьбы и намѣренія Всевышняго. Часть наша и безъ того велика. У насъ неоцѣненная святыня страдальческихъ Мощей — и пещера, гдѣ онѣ ископн почиваютъ, по благословенію Св.

(*) Объ Остробрамской иконѣ, смотри примѣчаніе въ концѣ.

тѣйшаго Синода, вознесемъ насъ въ храмъ Божій, который сподобился мы оубо нынѣ во имя Святыхъ мучениковъ Антонія, Юзефа и Евстафія (*). Теперь на всякой день, готово намъ душевное утѣшеніе: приносить безкровную жертву тѣла и крови Христовой, у самыхъ мощей Угодниковъ Божіихъ, принесшихъ себя въ жертву за Христа.

Возвеличитежъ Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ.

И усомнится ли кто въ душевномъ утѣшеніи, ожидающемъ насъ во всякое время у гроба Святыхъ нашихъ Мучениковъ?

Не усомнится въ томъ мать, потерявшая любимое дитя, но видящая уже оное въ ангельскомъ сонмѣ Угодниковъ Божіихъ. Не усомнится жалкая вдовица, плачущая надъ гробомъ супруга и жаждущая соединиться съ нимъ на вѣки. Не усомнится въ томъ несчастный, который лишь въ надеждѣ будущей жизни видитъ облегченіе страданій, гнетущихъ его безпощадно. Не усомнится и счастливецъ, который знаетъ, какъ бранны и скоронпреходящи блага сего міра, какъ жизнь наша кратковременна. Не усомнится въ томъ слабый грѣшникъ, почерпающій силы къ лучшей жизни у гроба Угодниковъ, бывшихъ тоже не безгрѣшными, но преодолевшими немощь свою помощію благодати Божіей. Не усомнится и праведникъ, взирающій на земное свое попріще, какъ на постоянную борьбу съ искушеніями, съ немощами плоти и духа, и жаждущій получить за гробомъ облегченіе и вѣчное блаженство, подобно лежащимъ намъ блаженнымъ страдальцамъ.

Жалокъ, жалокъ христіанинъ, который побойся проникнуть въ эту пещеру, и лснымъ, спокойнымъ взоромъ взглянуть на гробъ и за предѣлы гроба. Жалокъ, кто не постыгаеть удовольствіемъ, отрѣшиться иногда отъ тягостныхъ узъ временной нашей жизни, и перенестись мыслію въ вѣчность. Господь облегчаетъ намъ нынѣ, православные,

(*) Не худо здѣсь напомнить, что Святые мощи сіи были свидѣтельствованы и похвѣрены, назначенными нарочно отъ Святѣйшаго Синода, Преосвященными Черниговскимъ Лаврентіемъ и Милскимъ Анатоліемъ въ 1826 году, то есть 25 лѣтъ тому назадъ.

постигнуть это удовольствие. Мы на Светлой Седмицѣ. Церковь Святая водила насъ къ гробу Христову, и мы торжествовали съ него разрушеніе гроба. Онъ изливалъ намъ на смерть, и мы видѣли побѣду надъ смертію. Умершии и въ третій день воскресши Спаситель нашъ, самымъ дѣломъ возвѣщаетъ нынѣ каждому: *Нѣсьмь Богъ мертвыхъ, но живыхъ.* (Марк. XII. 27); и какъ бы указуя на подлежащія намъ благословенныя мощи Угодниковъ Своихъ, призываетъ насъ къ будущей блаженной жизни; да и въ настоящей, утѣняетъ сладостными словами: *Придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мат. XI. 28).

Да будетъ за сіе благодареніе Господу: *Возвеличите Его со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ.*

Неужели, однакожъ, православные христіане, эту милость, это утѣшеніе, въ мощахъ Святыхъ Угодниковъ, Богъ послалъ для насъ однихъ? Неужели это сокровище будетъ питать и живить лишь одно наше скудное стадо?—Да не будетъ. Помните, что мы составляемъ только частицу Русской Православной Церкви, великаго Русскаго Царства.

Бѣдные сыны суетнаго нынѣшняго вѣка! Вы воздвигаете памятники мелкимъ вашимъ дѣламъ, часто исчезающимъ при первомъ дуновеніи вѣтра; хотите продлить память минутныхъ, иногда порочныхъ вашихъ привязанностей; а попираете ногами подвиги, освященные вѣками и цѣлыми народами. Не такова, слава Богу, наша Россія, не таковъ народъ Русскій.

Народъ этотъ не случайное скопище пришельцевъ, дѣйствующее подъ вліяніемъ минутныхъ потребностей и побужденій. Онъ, въ памяти людей, столько же древенъ, какъ и земля безграничная, Богомъ ему данная, которую населяетъ онъ тьмами темъ.

Въ теченіи вѣковъ онъ испыталъ безчисленныя превратности, и въ простотѣ здраваго смысла глубоко постигъ: что Всевышній Промыслъ управляетъ міромъ и народами, человѣкомъ и человѣчествомъ; и что добро, которое изливается на насъ частно или общественно, даруется намъ благостію всемилосердаго Провидѣнія. Но сему высокому понятію, народъ нашъ,

всѣхъ творившихъ ему добро, считаетъ орудіями Божиими, и тѣмъ самымъ, иными же, свѣщенною.

Не спрашивайте у этого народа о людяхъ, мнѣвшихъ некогда заслужить память дѣлами суетнаго любомудрїя и горделивой самопадьянности—они забыты.

Но укажите ему на ревнителей, просвѣтившихъ и утвердившихъ его въ спасительной вѣрѣ Христовой, преобразившей челоѡчество. Укажите на безтрепетныхъ исповѣдниковъ, запечатлѣвшихъ истину сей вѣры кровїю своею. Назовите ему пострадавшихъ за правду, подвизавшихся ко благу народа и Церкви Святой. Назовите смиренныхъ пѣоковъ, пролагавшихъ пути вѣрѣ и образованности въ самыя непроходимыя и дикія дебри. Укажите ему на строителей и благодѣтелей храмовъ Божїихъ. Укажите на поставившихъ себя въ пристанище сирымъ и вдовицамъ, въ прибѣжище страждущимъ и немущимъ. Прибавьте только, что всѣ сподвижники сїи не мечтали о самихъ себѣ, не искали собственной пользы, но смиреннымъ сердцемъ, съ полнымъ самоотверженїемъ, посвятили себя добру и истинѣ—и народъ Русскїй будетъ благодарить предъ вами, какъ передъ посланниками Божиими; назоветъ ихъ святыми, какъ Святы Тоть, который творить чрезъ нихъ добро и истину; станетъ почитать ихъ память, и все отъ нихъ оставшееся будетъ для него священнымъ памятникомъ.

Такихъ-то памятниковъ преисполнено любезное наше Отечество. Посмотрите на пространство между Байкаломъ и Нѣманомъ, между Бѣлымъ и Чернымъ морями: оно усыпано священными воспоминанїями. Тамъ драгоценныя мощи Угодниковъ Божїихъ, здѣсь останки, напоминающїе сихъ Святыхъ; тамъ храмы Божїи и честныя обители, сооруженныя величїемъ усердіемъ; здѣсь иконы Спасителя, Божїи Матери и Святыхъ Божїихъ, или сосуды священнодѣйствїя и орудїя честныхъ страданїй. Сими памятниками, какъ бы непрерывною священною цѣпїю, обхвачена и скрѣплена во всѣхъ направленїяхъ Русская земля. Къ нимъ съ теплою вѣрою прибѣгаетъ Русскїй народъ: въ благополучїи, при нихъ изливаетъ чувства благодарности; въ бѣдствїяхъ, въ нихъ обрѣтаетъ утѣшенїе и ободренїе—и

нигдѣ не считаетъ себя чуждымъ, гдѣ находитъ Русскую святыню. Онъ не раздѣляетъ въ своихъ мысляхъ, Русской святыни отъ Русской земли, Русскаго царства и Русской Православной Церкви—и не даромъ страну свою, землю отцевъ своихъ, именуетъ: *Святою Русью*.

Въ этой священной цѣпи, скрѣпляющей неразрывнымъ союзомъ Русскую землю, сподобились мы имѣть и не одно звено (*) среди богоспасаемаго нашего града, а въ ихъ числѣ предлежащія здѣсь мощи святыхъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія. Но это не наше исключительное достояніе—оно принадлежитъ всей Россіи, всей Церкви Православной, всему Русскому народу. Тѣмъ оно драгоцѣннѣе. У гроба святыхъ нашихъ Мучениковъ, каждый Русскій не сочтетъ себя на чужбинѣ; и мы сами, на предѣлахъ необъятной Россіи, не будемъ одиноки. За насъ стоитъ наша святыня и насъ не забудетъ вся Русь Святая.

Возблагодаримъ же Господа за сію милость: *Возвеличьте Его со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ.*

Вы понимаете теперь, православные, высокое значеніе у насъ Русской святыни. Она представляетъ вѣру святую, спасавшую Русскій народъ; она представляетъ землю, посвященную для его пребыванія; она представляетъ власть, водившую и ридившую Его въ теченіи вѣковъ—словомъ: она представляетъ Святую нашу Церковь Православную, великое наше Отечество Россію, и священное имя Царей Благочестивѣйшихъ.

О, да покроетъ же позоръ всякаго, кто дерзнетъ попирать святотатственною ногою сіи драгоцѣнныя убѣжденія и чувства, которыми стоитъ и возвеличена Россія. Посмотрите народы, мятущіеся пылъ окрестъ насъ бурей страстей, бурей раз-

(*) Кроме мощей, у насъ въ Вильнѣ, самый Святодуховъ монастырь, гдѣ оны почиваютъ, есть древній памятникъ бывшаго здѣсь православія. Сверхъ того: есть древняя Николаевская церковь, построенная знаменитымъ Константиномъ Острогскимъ, есть останки древнихъ церквей Пятницкой и Спасской, есть икона Остробрамскія Божія Матери, есть древній Троицкій монастырь, а въ немъ еще древнѣйшая икона Божія Матери, привезенная въ Вильну Еленою, дочерью Юлиана III.

дора и безпорядковъ. Они забыли все священное, и въ своемъ высокомеріи, мечтають основать будущность свою на вснышкахъ кроткаго и измѣнчиваго разума, вмѣсто законовъ Предвѣчнаго Промысла. Да спасеть ихъ Господь въ ихъ слѣпотѣ, и да познають они: что нѣтъ мудрости, кромѣ отъ Бога.

Мы же православные, у нашей святыни, у мощей Святыхъ, дадимъ новый обѣтъ: хранить завѣтъ отцевъ нашихъ; хранить вѣру Святую Православную; почитать все священное на землѣ Русской; благоговѣть къ Царямъ устроившимъ и возвелчившимъ ее; и полагаться скорѣе на милость Божию и на Всевышній Промыслъ, нежели на слабыя силы ограниченнаго нашего разума.

Святые мученицы Антоніе, Іоанне и Евстафіе! Здѣсь у ногъ вашихъ, и мы дерзновеннѣе возносимъ чело свое. Мы понимаемъ, что не въ какомъ-либо частномъ племени, не въ какомъ-либо провинціальномъ городѣ, стоитъ Россія: но что и мы дѣти благословеннаго великаго нашего Отечества; что и мы ничѣмъ же меньше есмь въ землѣ Русской.— Вы бо здѣсь прославили ее мученическимъ вѣнцемъ за вѣру Православную, вѣру отцевъ нашихъ. Ваша кровь хранила и питала въ нихъ привязанность и сочувствіе къ общей землѣ Русской, пока общими усиліями, послѣ борьбы нѣсколькихъ вѣковъ, не слились они съ нею по прежнему въ одно великое тѣло. Будите же намъ всѣдневными предстателями и молитвенниками предъ Господомъ: да утвердитъ Онъ и умножитъ въ здѣшней странѣ Православную вѣру; да скрепитъ ея всѣ племена Русскаго народа; и да вся Россія, единымъ сердцемъ и единымъ гласомъ восхвалитъ васъ, святые Мученицы. Аминь.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Е.

О икошѣ Пресвятыя Богородицы, называемой Остробрамскою

Почтенный дѣписатель города Вильны, Крашевскій, отзывается невѣдѣніемъ о происхожденіи иконы Остробрамскія Божія Матери, ссылаясь на извѣстіе объ оной, изданное монахами Кармелитами. Но г. Крашевскому легко было самому указать истину. Онъ знаетъ, что города

гдѣ находилась и находится нынѣ сія священная икона, назывались всегда Острый Конецъ и Русскій Конецъ, по преимущественному здѣсь пребытію Русскаго населенія. Естественно, что въ ~~Вильнѣ~~ ~~здѣсь~~ ~~находящихся~~, называемыхъ донныѣ Острою Браною, по всеобщему обычаю Русской Православной Церкви находилась всегда икона Божія Матери, которую столь почитаетъ и теперь все Христіанское населеніе города Вильны. Послѣ ужасныхъ, неоднократно претерпѣваемыхъ симъ городомъ опустошеній, отъ пожаровъ, и отъ войны; послѣ неурядицъ и раздоровъ между Русскимъ населеніемъ Вильны и послѣдовавшихъ отъ возникшей въ концѣ шестнадцатаго столѣтія Уніи, Римскокатолическіе монахи Кармелитанцы, поселившіеся возлѣ Острой Браны, присвоили Остробрамскую икону Божія Матери—и естественно, что извѣстіе о сей иконѣ начинаютъ они съ того лишь времени, когда она досталась въ ихъ руки. Но въ бывшемъ архивѣ Уніатскихъ Митрополитовъ, находящемся нынѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, хранится большое дѣло, производившееся объ означенной иконѣ между монахами Кармелитами и Русскими (бывшими въ Уніи) монахами Виленскаго Святотроицкаго монастыря. Это дѣло, послѣ низшихъ инстанцій, поступило на рѣшеніе Папы. Не находя возможности опровергнуть доказательства Русскихъ Уніатовъ, преимущество Кармелитовъ, Римской Дворъ вздумалъ спросить: Кармелитанскій ли монастырь, или Уніатскій Свято-Троицкой находится ближе Острой Браны, и на семъ основаніи присудилъ икону Кармелитамъ.

Да не смущаются симъ извѣстіемъ наши братія и сограждане Римскіе Католики. Мы не думаемъ требовать обратно священную Остробрамскую икону—напротивъ рады, что къ сей Русской святынь, обращается съ благоговѣніемъ въ скорбяхъ и немощахъ своихъ, христіанское населеніе города Вильны,—да вспомнить только, что и они, нѣкогда, не были чужды ни Россіи, ни Церкви Православной.

Считаемъ за неслужное напоминать читателямъ, что св. Мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій пострадали и получили смерть отъ Литовскаго Князя Олгерда, сына Гедимина, во время его язычества, въ 1342 году, за принятіе христіанской вѣры. *Ред.*

В И Л Ъ М А.

РѢЗКАЗЪ (*).

Wahrheit und Dichtung.

СОКЪТЪ.

На дняхъ сидѣли мы вечеромъ въ гостиной и весело разговаривали, когда неожиданно вошелъ въ комнату общій другъ нашъ Бенволио.

Мы дали это имя одному молодому человѣку, очень любезному во всѣхъ отношеніяхъ, но и очень оригинальному. Съ изящною наружностью, свѣтскими манерами и образованіемъ обширнымъ и блестящимъ, соединяетъ онъ необыкновенное разнообразіе талантовъ. Природа такъ щедро надѣлила его лучшими изъ своихъ даровъ, что если бы одинъ изъ нихъ достался въ удѣлъ человѣку, поставленному въ другомъ кругу общества, то изъ него вышелъ бы даровитый музыкантъ, живописецъ или литераторъ. Стихи и повѣсти Бенволио читаются съ удовольствіемъ; его рисунки служатъ лучшимъ украшеніемъ дамскихъ альбомовъ; игра на фортепьяно отлчается не оконченностью, но чувствомъ. Но это самое разнообразіе талантовъ послужило во вредъ Бенволио: при живомъ сочувствіи всему прекрасному во всѣхъ обширныхъ сферахъ его проявленія, у него есть добрая воля для развитія своихъ блестящихъ способностей, но нѣтъ того упорства, характеризующаго людей гениальныхъ, которые стремятся удѣленные имъ дары довести до высшей степени

(*) Эта *біографическая фантазія* написана по поволу игры одной молодой виртуозки, недавно восхитавшей музыкальную публику Петербурга.

совершенства. Довольный своими успехами въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, онъ любитъ жизнь и наслажденія, доставляемая ею, и не щетъ ни громкой известности, ни рукоплескающей толпы, безъ которыхъ не можетъ жить артистическая натура.

Оригинальную черту Бенволио составляетъ какая-то особенная тревожная пытливость его ума. Онъ не любитъ останавливаться на поверхности явленій изящнаго міра, но съ страстнымъ увлеченіемъ юноши стремится проникнуть въ глубь, пзслѣдовать сокровенныя причины проявленія идей. Если какое-либо произведеніе поразило его умъ, воображеніе или сердце, то онъ не можетъ удовольствоваться однимъ эстетическимъ наслажденіемъ, но справляется, ищетъ, роется въ книгахъ, чтобы узнать, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ возникла въ творцѣ идея его созданія, какія метаморфозы приняла она въ минуты творчества, какъ окончательно приняла извѣстную всѣмъ форму. Если ему понравится картина неизвѣстнаго ему до тѣхъ поръ живописца, то онъ собираетъ всѣ біографическія свѣденія о немъ, и по нимъ объясняетъ себѣ то мѣсто, которое она должна занимать въ кругу идей и дѣятельности этого живописца. Когда онъ увлечется какою-либо симфоніей или сонатой Бетговена, то, не довольный біографами, и зная всѣ движенія сердца этого великаго гениа, старается объяснить ея основную идею изъ внутренней жизни этого титана. Ему извѣстны на память всѣ біографическія подробности о жизни великихъ поэтовъ. Онъ непрерывно увеличиваетъ свою огромную коллекцію портретовъ знаменитыхъ людей; онъ любитъ сравнивать ихъ внѣшнія черты въ разные періоды ихъ жизни съ ихъ внутреннею фззіогномією. Его бібліотека завалена несметнымъ числомъ біографическихъ сочиненій. Они — его любимое чтеніе, анализъ душевныхъ страданій великихъ мужей, поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ — любимая тема его занятій, и, по своей богатой организациіи вполне сочувствуя имъ, онъ говоритъ о нихъ съ увлеченіемъ оратора и глубокимъ пониманіемъ психолога.

Когда Бенволио вошелъ въ гостиную, его встрѣтили разными восклицаніями.

«Такъ рѣдко и такъ поздно!» сказала ему съ упрекомъ Юлія, которая, какъ женщина образованная, любитъ его за умъ, начитанность и остроумную бесѣду.

«Откуда вы?» спросила живая Лилли, и въ чудныхъ глазахъ ея заблестало неудовлетворенное любопытство.

Бенволио пожалъ намъ всѣмъ руки, съ непринужденностью свѣтскаго челоуѣка сѣлъ на первое пустое кресло, и отвѣчалъ:

«Съ концерта.»

Его лице выражало внутреннее удовольствіе, спокойное и ничѣмъ не взволнованное.

«Разкажите же поскорѣе, кто пѣлъ и игралъ,» сказала Лилли, недовольная слишкомъ краткимъ отвѣтомъ.

Мы обратились съ подобными же вопросами къ Бенволио.

«Я былъ сего дня на концертѣ моей любимицы — Вильмы, отвѣчалъ онъ, тринадцатилѣтней дѣвочки, играющей на скрипкѣ. Не спрашивайте меня, какъ она играетъ: я не въ страхъ описать словами того магическаго вліянія, которое производитъ она и ея игра на меня.»

«Дѣвочка и играетъ на скрипкѣ! — какъ это должно быть не граціозно!» воскликнула Лилли.

«И неестественно женщину, замѣтила Юлія. Я помню одну артистку, которая играла на віолончели — и скажу вамъ, Бенволио, что она произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Я вышла изъ концерта, какъ будто изъ какого-нибудь кабинета рѣдкостей.»

«Я слышала, сказалъ я, что Вильма — талантъ необыкновенный, выходящій изъ ряда ежедневныхъ явленій; но я знаю Бенволио, что вы энтузіастъ, и приписываю ваши похвалы избытку вашихъ чувствъ.»

Другіе изъ нашихъ друзей говорили, что Вильма, какъ большая часть дѣтей, достигшихъ въ ранней игрѣ необыкновеннаго развитія, дивитъ толпу только, какъ гениальный ребенокъ, и, вѣроятно, скоро истратитъ свои физическія и душевныя силы.

Бенволио выслушала спокойно все эти замечания, и отвечала:

« Я разделяю съ вами, друзья мои, все эти предрассудки до тѣхъ поръ, пока не услышала ее; но ея первое появленіе, первый ея концертъ разрушил ихъ совершенно. Скажу даже болѣе: я пришелъ къ ней съ гораздо болѣешимъ запасомъ предубѣжденій, сомнѣній и предрассудковъ. Я передумалъ прежде васъ все ваши мысли. Мнѣ была непріятна мысль, что я долженъ смотрѣть на подвиги гениальнаго ребенка, котораго показываютъ за деньги; мое эстетическое чувство оскорблялось идеею, что я увижу дѣвочку, играющую на инструментѣ, не свойственномъ ея полу; какъ музыкантъ, я былъ убѣжденъ, что останусь недоволенъ исполненіемъ и пониманіемъ исполняемыхъ пьесъ. Могу васъ увѣрить, друзья мои, что эти предубѣжденія разсыпались вполнѣ, какъ тѣнь, послѣ перваго концерта Вильмы. »

« Вы говорите съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, сказала Юлія, что, можетъ быть, вамъ удастся убѣдить и насъ, если вы передадите намъ ваши впечатлѣнія. »

Мы присоединили наши просьбы къ словамъ Юліи. Мы любимъ слушать рассказы Бенволио объ искусствѣ и его великихъ представителяхъ: онъ умѣетъ открывать высокій и таинственный смыслъ явленій изящнаго міра, и съ необыкновенною ясностью переводитъ ихъ съ языка темнаго и часто загадочнаго на языкъ простой и всею доступный.

« Вы знаете, друзья мои, (такъ началъ свой разговоръ Бенволио), какъ сильно на меня всегда дѣйствуетъ первое впечатлѣніе: я обыкновенно нахожусь подъ его вліяніемъ чрезвычайно долго, и иногда, не смотря даже на перемѣны времени, обстоятельствъ, распространенія круга свѣденій, остаюсь подъ нимъ на всегда. Даже въ ежедневной жизни, при встрѣчѣ съ самыми обыкновенными людьми, выгодное или невыгодное впечатлѣніе, которое они производятъ на меня при первой встрѣчѣ, опредѣляетъ мои будущія отношенія къ нимъ. Эта воспріимчивость моихъ нервовъ увеличивается при первомъ взглядѣ на произведенія искусствъ или при

встрѣвъ съ людьми, замѣчательными по необыкновенному уму или талантамъ. Отъ природы одаренъ я антипатіей къ гениальнымъ дѣтямъ, потому что издавна, изъ разсказовъ этихъ бѣдныхъ страдалицъ, знаю средства, употребляемые для обнаруживанія гениальности въ этихъ жалкихъ игрушкахъ. Какой-нибудь антрепренёръ, промышленникъ, самъ не удавшійся или промотавшійся артистъ, найдетъ случайно въ какомъ-нибудь захолустьѣ дитя, въ которомъ замѣтитъ, пожалуй, то, что называется: необыкновенныя музыкальныя способности. Онъ посулитъ родителямъ золотыя горы, которыя въ послѣдствіи, безъ сомнѣнія, и отправятся въ его карманъ. Бѣдность часто не разборчива на средства; торгъ заключенъ; ребенокъ дѣлается рабомъ, даже хуже, вещью, собственностью корыстолюбиваго и самаго безжалостнаго существа на свѣтъ. Тогда начнется рядъ тяжелыхъ испытаній для бѣднаго малютки: неутомимый трудъ, частыя наказанія, побои, потому слабая пища, безпокойный сонъ, неуемное напряженіе умственныхъ силъ — вотъ какъ влечется жизнь малютки въ самую пѣжвую пору. За то въ два-три года прозвѣденъ на свѣтъ феноменальный ребенокъ. Восьмилѣтнему гению рукоплещутъ Парижъ и Лондонъ; газеты неистощимы въ похвалахъ; антрепренёръ разстолстѣлъ и разбогатѣлъ. Правда, этотъ ребенокъ не зналъ ни дѣтства, ни одного изъ сладкихъ чувствъ самой невинной поры своей жизни; онъ состарился съ первымъ румянцемъ, разыгравшимся на его полныхъ щекахъ; онъ сдѣлался желтъ, хотя и не замѣтишь этой болезненной желтизны при блескѣ тысячи свѣчей, и примешь ее за романтическую блѣдность — признакъ гениальнаго лица; глаза его окружены черными кругами, и червь тщеславія и себялюбія давно подточилъ еще не начинавшее созрѣвать сердце. А какъ печаленъ конецъ такихъ гениальныхъ дѣтей. Когда изъ дѣтскаго возраста онъ перейдетъ въ юношескій, и, по окончаніи постыднаго контракта, будетъ предоставленъ самъ себѣ, какъ скоро узнаетъ онъ все свое ничтожество, увидѣвъ ту бездну, въ которую повергли его бѣдность и корыстолюбивый расчетъ Поздно пойметъ онъ, что для минутнаго эффекта

принесена была въ жертву вся его богатая будущность, что преждевременно истрачены были лучшія его силы, и безнадѣжность и отчаяніе овладѣютъ имъ. Ни въ самомъ себѣ, въ внутренней сокровищницѣ своего духа, ни въ другихъ людяхъ не находитъ онъ помощи безвыходному положенію своему, и онъ бросается въ грязныя объятія порока, стараясь въ нихъ задупить глубокія и безыменныя страданія своей души. Это грустно.... и вотъ почему я не люблю гениальныхъ дѣтей. Я люблю развитіе правильное, совершающееся по законамъ природы; мнѣ отвратительны всѣ аномаліи. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ должны имѣть полное сознаніе себя, своего искусства и своихъ идеаловъ: только такихъ самосознающихъ гениевъ цѣню я.

Занятый такими печальными мыслями, вошелъ я въ яркоосвѣщенный и наполненный зрителями театръ. Вы поймете, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я перваго появленія Вильмы. Наконецъ послѣ обычной увертюры, полувывслушанной, изъ боковой двери вышла, безъ всякой принужденности въ походкѣ, съ скрипкою въ рукахъ, дѣвочка, съ перваго взгляда показавшаяся мнѣ старше своихъ лѣтъ, и поклонилась публикѣ. Признаюсь, меня тотчасъ удивилъ этотъ поклонъ: въ немъ была какая-то смѣсь женскаго присѣданья съ мужскимъ поклономъ, вольнымъ наклоненіемъ головы. Она спокойно остановилась на приготовленномъ возвышеніи, и, съ улыбкою на устахъ, обвела ярко блестящими глазами весь театръ. Въ эту минуту я направилъ на нее мой лорнетъ, и взоры мои впивлись во все ея существо.. Древніе справедливо замѣтили, что только въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровая душа. Вильма не принадлежала къ числу болѣзненныхъ гениальныхъ дѣтей: все въ ней дышало полною жизнію; она, казалось, выросла не въ нашей средѣ, между стѣпъ лунаго города, но привыкла дышать вольнымъ воздухомъ полей, скрываться въ чащу густаго лѣса и прислушиваться къ шуму дикаго потока. На ея здоровомъ и веселомъ лицѣ не было ни слѣдовъ напряженнаго труда, ни тѣлесной и физической усталости. Его осѣняли густые локоны темнокаштановыхъ волосъ.

Большие черные глаза блистали живостью и умом; длинные ресницы, свойственные только лицам пламенного юга, придавали им по временам томное, задумчивое и меланхолическое выражение. Я не могу назвать черты ее лица ни правильными, ни красивыми, но общее выражение их было приятно. Небольшой, хорошо очерченный лоб, тонкий нос, особенно приятно сложенный ротик, украшенный двумя рядами белых зубов — вот внешние ее черты; но я не могу вам передать словами той неуловимой жизни, которая непрерывно играет в них, течет широко и быстро и ежеминутно сменяет одно выражение другим. Ее детские плечи отличались круглотою форм; полную правую руку, водившую смычком, обхватывала золотой, широкой, но простой браслет. На ней было белое коротенькое платье; талия перехвачена была детской голубою лентою, живописно ниспадавшею. Ножки были тщательно обуты в черные бархатные башмачки. По временам прикладывала она к смеющимся устам своим батистовый платок. Весь костюм ее дышал тою свежестю и безыскусственною простотою, которая высказывалась во всем ее явлении.

Она уперла скрипку в полное плечо свое, и заиграла. Это был какой-то ученый концерт, не помню Виотти или Берю. Звук ее смычка был полон; в исполнении было много чистоты, жизни и одушевления; она с непостижимою для труженников легкостью преодолевала все трудности этого самого капризного инструмента, или лучше сказать, она не знала никаких трудностей; они не существовали для нее, как трудности ремы не существуют для гениального поэта, но, признаюсь, я не остался совершенно доволен ее игрою. Я слышал исполнение этого концерта первоклассными артистами: я не находил в ее игре той оконченности, которою отличается вполне обдуманная игра зрелого художника. Это не была рабская копия с подлинника, но и не художественное воспроизведение оригинала. Только те музыкальные части этого произведения, которые она, по своему возрасту, совершенно понимала, передавала она так самобытно, владела в

нихъ такой новѣй смыслъ, такую новую жизнь, что онѣ получали совершенно другой колоритъ подѣ ея смычкомъ. Не знаю, приписать ли музыкальному инстинкту мысли, или тому, что только образованный вкусъ сочувствуетъ такъ называемымъ классическимъ произведеніямъ, но, по окончаніи пьесы, рукопискала только небольшая часть публики. Впрочемъ эти недостатки ея исполненія ясно говорили въ пользу яркой оригинальности ея таланта. Послѣ длинной пьесы, сыгранной для нашего утомленія какимъ-то посредственнымъ пианистомъ, вышла опять Вильма. Я взглянулъ на афишу; на ней стояло: *Элегія, сочиненная для скрипки Вильмою.* — Признаюсь, я не люблю ходить вообще на концерты, потому что маленькіе великіе люди, считающіе себя всѣ за гениевъ, играютъ на нихъ бѣльшею частію пьесы своего сочиненія. Въ дѣлѣ музыки, какъ и во всемъ, я люблю только хорошую музыку. А эти господа сочиняютъ себѣ на всю жизнь десятковъ пьесъ съ разными заманчивыми заглавіями, и разъѣзжаютъ съ ними по всему шару земному. Правда, публика выслушиваетъ ихъ съ удовольствіемъ, благодаря свосному исполненію самихъ творцовъ, но это произведенія очень жалкія, обыкновенно лишеныя всякой музыкальной мысли, или часто блистающія украденнымъ и ловко скрытымъ мотивомъ, созданія эфемерныя, живущія жизнью одного дня. — Я не ждалъ много отъ Элегіи Вильмы, но съ перваго удара смычка меня поразила перемѣна, происшедшая съ нею самою. До тѣхъ поръ она играла съ нотъ: я не люблю на концертахъ игры съ нотъ, какъ не люблю оратора, читающаго свою рѣчь съ тетради. Въ этомъ есть что-то подготовленное, непріятно на меня дѣйствующее; кажется вдохновеніе является въ такомъ случаѣ обдуманнмъ заранѣе; нѣтъ мѣста минутному увлеченію, могущественно электризирующему всю массу слушателей. Когда Вильма играла съ нотъ, лице ея принимало какое-то заботливое выраженіе; глаза часто съ напряженіемъ устремлены были на раскрытую передъ нею тетрадь. Вдругъ всѣ эти побочныя мелочи, столь непріятно на меня дѣйствовавшія, исчезли, какъ будто по мановенію добраго генія. Нотный

пультъ отставленъ былъ въ сторону. Вся внѣшность Вильмы преобразилась. Въ ея позѣ была какая-то смѣлость и свобода, дотошъ не обнаружившіяся; на ея лицѣ заблестала торжествующая самоувѣренность; глаза загорѣлись тѣмъ скрытымъ огнемъ, который поразилъ меня при первомъ ея появленіи. Она заиграла. Звуки, сначала тихіе, но печальные, росли постепенно, но съ поражающею силою и быстротою. Къ выраженію тихой скорби начали примѣшиваться слезы; скоро они превратились въ рыданія, раздиравшія сердце. Это былъ голосъ отчаянія души, на всегда потерявшей самое любимое существо въ мірѣ. Изнемогая подъ бременемъ горя, онъ перерывался съ какимъ-то бользненнымъ стономъ, и замеръ на вѣки въ рыданіяхъ тихихъ, но безнадежныхъ. — Душа моя была глубоко потрясена; чужія страданія, высказанныя съ такою силою, чувствомъ и краснорѣчіемъ, разбудили недавно уснувшую боль въ моемъ собственномъ сердцѣ; слезы выступили на глазахъ; я забылъ все окружавшее меня, и только шумныя рукоплесканія всего театра, крики и беконечныя вызовы привели меня опять въ память, и заставили веселою улыбкою замаскировать скрытую боль.

Послѣ короткаго антракта она опять играла; играла, не зная ни напряженій, ни усталости, также легко и свободно, какъ поютъ Божіи птички, порхая подъ вѣчно-голубымъ шатромъ южнаго неба. И съ лица ея не сходило выраженіе внутренняго счастья и спокойствія; глаза все блистали умомъ; она вся была полна жизнью богатой, роскошной, живо игравшей въ ея жилахъ. Вильма заключила свой концертъ *Варіаціями своего сочиненія, на какую-то народную пѣсню своей родины*. Она была исполнена веселаго юмора, какого-то дѣтскаго каприза, иногда задорнаго, иногда разрѣшающагося въ залушевомъ хохотѣ. Но въ этой непритворной радости отзывались мнѣ иногда звуки, напоминашіе ея Элегію. Эти мимолетныя намеки, какъ зародыши идей, развитыхъ со всею силою Элегіи, высказывали мнѣ какую-то таинственную связь, существующую между этими двумя созданіями, вылившимися изъ души. Но какая мысль связывала ихъ? Какъ родилась она?

И вдругъ понялъ, что эти двѣ пьесы не могли быть игрушками фантазіи, спокойно набросанными въ теплой комнатѣ, среди изящной и модной обстановки, въ часы досуга, въ минуту пріятныхъ мечтаній. Ея Элегія былъ крикъ отчаянной души, это были вопли разбитаго сердца, еще полнаго радостной жизни, въ то время, когда оно пѣло, съ веселіемъ на лицѣ, свою родную пѣсню, и въ ея живомъ мотивѣ находило тысячу новыхъ, стольже живыхъ идей. — Такія раны наносятся судьбою рѣдко въ жизни; такія вещи создаются столько же рѣдко. Истинное вдохновеніе покупается цѣною слезъ и крови, цѣною тысячи тѣмныхъ, но безконечныхъ страданій. Такія произведенія имѣютъ основу, взятую изъ жизни, изъ дѣйствительности безотрадной, жестокой. Они реальны, какъ жизнь, какъ дѣйствительность.

Я возвратился домой изъ этого перваго концерта Вильмы съ чувствомъ душевнаго спокойствія, которое всегда овладѣваетъ нами послѣ долгаго созерцанія великихъ произведеній искусства. Душа моя была спокойна, но умъ мучили картины и вопросы безпокойные, мѣшавшіе моимъ эстетическимъ наслажденіямъ. То представлялъ я себѣ отчаяніе какого-нибудь артиста-труженика, обыкновеннаго скрипача, который, услышавъ Вильму, долженъ понять свои тщетныя усилія, бездарность своей природы, все свое ничтожество, и — разбить свою скрипку, взять лучше въ руки инструментъ ремесленника или поденщика, а не профанировать сознательно искусство. То задавалъ я себѣ неразрѣшимый вопросъ, отчего природа вдругъ изъ милліоновъ людей изберетъ, совершенно неожиданно, невѣдомаго счастливца, и волеетъ въ его душу, какъ въ чистый сосудъ, мысли, дотолъ ни кѣмъ невысказанныя міру? Отчего не удѣлитъ она каплю своихъ божественныхъ даровъ большому числу избранныхъ; не заставитъ ее упасть и мнѣ въ удѣлъ, а, скупая, расточаетъ ихъ рѣдко, въ большіе промежутки времени, на большихъ разстояніяхъ пространственныхъ! — А то мы бѣдные, которыхъ клеймятъ позорнымъ именемъ толпы, должны довольствоваться однимъ созерцаніемъ твореній ея избранниковъ, и смотримъ съ завистью на того изъ насъ, кто

посредствомъ долгихъ размышленій, путемъ медленной науки, дошелъ до болѣе яснаго пониманія великаго смысла этихъ твореній. Но всего болѣе мучили меня вопросы, которые выше высказаны вамъ. Богато одаренная природою, что могла еще кромѣ того почувствовать Вильма для того, чтобы передать съ такимъ выраженіемъ движенія души, обыкновенно неизвѣстныя ея возрасту? Какъ обнаружилось ея дивное призваніе? Что разбудило въ ней мысли, которыя вѣроятно безъ особеннаго повода долго дремали бы въ ея душѣ? Не ужели она могла прожить?

Вы поймете, что послѣ безъ сна проведенной ночи, я не былъ въ состояніи успокоить мой умъ, взволнованный этими мыслями, и дать обыкновенный ходъ моимъ любимымъ занятіямъ. Какъ страстный охотникъ по едва замѣтному слѣду ищетъ дорожку для него добычу, такъ и я употребилъ всевозможныя средства, чтобы сблизиться съ Вильмою. Это удалось мнѣ. Я познакомился съ нею; я проводилъ съ нею цѣлыя часы; я сдѣлался другомъ этого чуднаго ребенка. Она любила мнѣ повѣрять свои дѣтскія тайны. Изъ ея воспоминаній, ея ребяческихъ, часто безсвязныхъ и темныхъ разсказовъ, изъ ея намѣковъ, изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ объ ней другими лицами, я создалъ біографію ея внутренней жизни, которую съ охотою передамъ вамъ. Она не длинна и не наполнена романическими эффектами: это простая дѣтская пидилія, тихая и ясная, какъ майское утро, и только одишады смѣшанная съ слезами.

Вильма родилась далеко отъ насъ, подъ другимъ небомъ, окруженная другою природою. Въ средней полосѣ Германіи, есть страна, имѣющая видъ котла, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ высокими горами, скрывающими въ нѣдрахъ своихъ безчисленныя сокровища. Вершины ихъ, каменныя и рѣдко покрытыя зеленью, рисуютъ рѣзкія черты на дальнемъ горизонтѣ. Разнообразныя долины, по которымъ текутъ не широкія, но быстрыя рѣки, густые лѣса, по характеру болѣе схожіе съ лѣсами сѣвера, придаютъ этой странѣ видъ дикій и малахольическій. Въ ея ландшафтахъ есть своя поэзія. Ее

любить души мечтательныя, но съ характеромъ независимымъ, люди энергическіе, бѣгущіе отъ общественной борьбы, но ищущіе успокоенія не въ объятіяхъ изнѣженной природы юга, а въ борьбахъ природы самой съ собою и съ человѣкомъ, силлящимся усмирить быстрый потокъ, вложить тропинку въ непроходимомъ ущельѣ, и превратить безплодный камень въ плодородную почву. Говорятъ обыкновенно, что окружающая природа не производитъ никакого впечатлѣнія на дѣтей; что они безчувственны къ предметамъ, ихъ окружающимъ. Судя по собственному опыту, я думаю на оборотъ, что первые предметы, поражающіе нашу воспримчивую дѣтскую душу, оставляютъ въ ней неизгладимый отпечатокъ, даютъ рѣшительное направленіе нашему уму, воображенію и способностямъ. Собственную склонность мою ко всему таинственному, любовь къ міру фантази, иногда наполняющему душу суевѣрнымъ страхомъ, я приписываю тому обстоятельству, что родился въ старинномъ готическомъ домѣ, и провелъ первыя года дѣтства въ комнатахъ съ мрачными сводами, въ которыхъ господствовалъ таинственный полусвѣтъ, и гдѣ всѣ неодушевленные предметы являлись мнѣ безъ опредѣленныхъ, рѣзкихъ очертаній, но казались живыми и часто движущимися. Старинный садъ, съ темными аллеями, манилъ мое воображеніе въ свою сѣнь сумракомъ, господствовавшимъ въ немъ даже среди яркаго лѣтняго дня. Когда украдкой я выбѣгалъ на улицу, то моимъ глазамъ представлялся извилистый, пустой переулокъ, которымъ, кажется, никто не проходилъ, а про развалившійся старинный домикъ, стоявшій противъ нашего, няня по вечерамъ рассказывала мнѣ странные слухи, объ немъ ходившіе. Точно такое же сильное впечатлѣніе произвели на воображеніе и характеръ Вильмы иная природа, среди которой она выросла, и другіе предметы, явившіеся ея глазамъ. Природа, подобная природѣ этой страны, можетъ производить людей съ сердцемъ добрымъ и простымъ, но съ характеромъ независимымъ и энергическимъ.

На широкомъ скатѣ одной изъ южныхъ долинъ этой страны находится большая деревня. По обширности не скорѣе

можно было бы причислить къ мѣстечкамъ или къ тѣмъ не большимъ городамъ, которыхъ такъ много встрѣчаешь въ этой странѣ. Отдаленная отъ несносныхъ по своему вѣчному движенію большихъ дорогъ, какъ будто спряталась отъ глазъ всего свѣта, она по мѣстоположенію своему отличается необыкновенною живописностью. Посреди долины вьется, раскинутая подобно прекрасной голубой лентѣ, рѣка, въ теченіи своемъ все болѣе и болѣе расширяющаяся; на лѣвомъ берегу ея, низкомъ и покатою, начинаются обширныя желтѣющіяся нивы; на правомъ, болѣе крутомъ, тянется деревня съ широкою улицею посрединѣ. Я не стану описывать вамъ ни наружнаго вида ея веселыхъ и опрятныхъ домиковъ, съ раскрашенными ставнями, съ открытыми въ лѣтнюю пору окнами, на которыхъ стоятъ кое-гдѣ бѣдные горшки съ простыми цвѣтами, ни маленькихъ, окружающихъ эти домики садовъ съ зелеными рѣшетками, съ зелеными скамьями подъ скудною тѣнью фруктовыхъ деревьевъ. Въ срединѣ деревни большая площадка, которую жители съ гордостью величаютъ названіемъ: рыночная площадь. Главнымъ ея украшеніемъ былъ старинный колодець — мѣсто воскресныхъ сборищъ и веселыхъ праздничныхъ плясокъ. На самомъ концѣ деревни, нѣсколько уединенная, стояла ветхая церковь, съ небольшою колокольней. Широко обнесенный старинною оградой, въ которой находился дикій садъ, храмъ Божій, казалось, не только по назначенію своему, но и по самому мѣсту удаленъ былъ, какъ святыня, отъ суеты мірской. Вблизи его находилось нѣсколько столь же простыхъ, какъ и въ деревнѣ, одноэтажныхъ домиковъ, съ садами, но поддерживаемыхъ съ большою тщательностію. Въ нихъ жили все люди, причастные къ храму, и съявшіе Божіе слово въ безплодныхъ сердцахъ простыхъ дѣтей природы. Въ самомъ близкомъ къ церкви и всѣхъ лучше отдѣланномъ домѣ жилъ священникъ, а въ самомъ большемъ помѣщалась деревенская школа съ учителемъ и его семьею. Еще дальше за церковью, въ тишинѣ, ни чѣмъ не нарушаемой, лежало сельское кладбище, на которомъ почивали безвѣстныя міру поколѣнія. За кладбищемъ начинался

лъсь, темный и угрюмый, росшій по окраинамъ пропасти, которую поселяне называли: «Чернымъ оврагомъ,» и за которымъ тотчасъ тянулись горы, столь же дикія и печальныя.

Въ одномъ изъ этихъ небольшихъ домиковъ, которые, сказалъ я, находились недалеко отъ церкви, жилъ съ своимъ семействомъ церковный органистъ, онъ же учитель пѣнія въ приходской школѣ. Это былъ человекъ высокаго роста, съ черными волосами и глазами, съ строгимъ выраженіемъ лица. Хотя онъ былъ въ цвѣтъ лѣтъ, но раннія лишенія, заботы при видѣ увеличивающагося семейства, согнули станъ его прежде времени, и дали отъ природы прямому и добродушному характеру, серьезное направленіе, отчасти непріятно дѣйствовавшее на людей, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Странная судьба забросила его въ эту глушь, и, кажется, намѣревалась схоронить его здѣсь на вѣки. Уроженецъ одного изъ большихъ городовъ этой страны, онъ, съ самаго младенчества, почувствовалъ непреодолимую страсть къ музыкѣ. Отецъ его, бѣдный и необразованный ремесленникъ, съ недовольствомъ смотрѣлъ на эту склонность; по обычаю, изстари соблюдаемому, онъ хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его послѣдовалъ ему въ ремеслѣ. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ попытокъ уговорить его, послѣ непріятныхъ домашнихъ сценъ, въ которыхъ грубость тогдашнихъ нравовъ оставила на всегда слѣды на характерѣ впечатлительнаго мальчика, онъ наконецъ уступилъ его просьбамъ и слезамъ матери, и согласился на то, чтобы сынъ сдѣлался музыкантомъ и занялся ремесломъ, по его мнѣнію, потѣшнымъ и безхлѣбнымъ. Мальчикъ избралъ скрипку, и за самую ничтожную плату отдавъ, былъ въ ученіе одному посредственному придворному музыканту. Онъ провелъ у него пять тяжелыхъ лѣтъ. Оканчивая уже свое ученіе, онъ однажды имѣлъ случай присутствовать при исполненіи какой-то духовной музыки Дуранте или Палестрины. Это событіе рѣшило его участь: онъ понялъ, что его призваніе была музыка религіозная. Онъ бросилъ скрипку и посвятилъ себя изученію церковнаго органа, свойствъ

этого величественнаго инструмента, объема выражаемых на немъ идей, музыкъ, для него написанной. Это были опять тяжкіе годы, проведенные въ борьбахъ съ горькою нуждою, но духъ юноши безпрерывно поддерживала вдохновенная любовь къ божественному искусству. Когда всѣ трудности этого инструмента были имъ преодолены, молодой органистъ, съ легкою котомкой за плечами, отправлялся странствовать. Это былъ обычай тогдашнихъ временъ: въ странствіяхъ юноша усовершенствовался въ своемъ искусствѣ и учился другой трудной наукѣ — жизненному опыту и познанію людей. Но молодой органистъ не началъ своего странствованія съ большихъ городовъ Германіи, чтобы познакомиться тамъ съ великими произведеніями Баха, Генделя и Гайдена. Первая великая церковная музыка, услышанная имъ, произвела на него, его умъ и музыкальное направленіе, слишкомъ сильное и неизгладимое впечатлѣніе. Его манила къ себѣ не дальняя отъ родины, но прекрасная Италія: тамъ думалъ онъ найти еще живыя преданія о ея великихъ музыкантахъ; тамъ думалъ онъ окончательно посвятиться въ сокровеннѣйшія таинства религиозной музыки. Впрочемъ онъ не дошелъ далеко. Во Флоренціи — Firenze la bella, такъ называютъ ее Итальянцы — сошелся онъ съ однимъ старымъ maestro di capella, Антоніемъ Берретини, старикомъ крайне бѣднымъ, больнымъ, но большимъ энтузіастомъ въ дѣлѣ музыки. Старикъ забывалъ свою бѣдность и всѣ свои немощи въ восторженной бесѣдѣ съ органистомъ, въ которомъ онъ съ перваго разу разгадалъ истиннаго музыканта, и нашелъ въ послѣдствіи послушнаго ученика и преданнаго друга. Но не одна любовь къ искусству была тайною причиною дружбы юноши къ странному старику. У Антоніо была двадцатилѣтняя дочь рѣдкой красоты — Анжелика, органистъ полюбилъ ее со всѣмъ пыломъ первой страсти. Между тѣмъ старикъ день отъ дня становился хуже. На смертномъ одрѣ поручилъ онъ своему другу безпріютную сироту; со слезами радости отъ взаимно раздѣляемаго чувства, юноша обещалъ свято исполнить послѣднія желанія умирающаго, назвалъ его въ первый и послѣдній разъ именемъ отца.

и на дѣвственныхъ устахъ Авжелики впечатлѣнъ цѣлому-дренный поцѣлуй жениха. Когда старика схоронили, и первые порывы горести прошли, они обвѣнчались тихо, какъ сироты. Продолжать музыкальное путешествіе нельзя было и думать. Нужно было воротиться назадъ, искать гдѣ-нибудь на родинѣ вѣрный кусокъ хлѣба, чтобы не поплатиться нищенствомъ за необдуманный шагъ. Оно и безъ того грозило уже нѣсколько разъ влюбленной четѣ. Боясь приближенія этого страшнаго врага, волнуемый надеждою скоро назвать себя сладкимъ именемъ отца, молодой музыкантъ съ радостью принялъ открывшееся мѣсто церковнаго органиста въ уединенной деревнѣ, вдали отъ всего міра. Такъ очутился онъ въ этой глуши.

Но годы проходили, а положеніе органиста нисколько не улучшалось. Хотя его существованіе было обезпечено, но его потребности безпрестанно увеличивались, потому что семейство постепенно приростало. Кромѣ того къ этимъ матеріальнымъ заботамъ присоединились еще душевныя страданія. Органистъ съ горестью замѣчалъ, что лучшіе годы его жизни проходили безвозвратно, что онъ долженъ былъ противъ желанія, отказаться отъ юношескихъ задушевныхъ мечтаній своихъ о славѣ, объ имени, которое онъ нѣкогда хотѣлъ составить себѣ своею игрою и своими произведеніями; постоянно тяготила его душу печальная мысль, что въ средѣ, его окружающей, никто не только не можетъ оцѣнить его таланта, но даже и не подозреваетъ его въ немъ, и этотъ даръ завянетъ какъ цвѣтокъ, занесенный вѣтромъ въ песчаную степь. А при его семейныхъ обстоятельствахъ думать о перемѣнѣ мѣста, оставить вѣрное, и гнаться за мечтою, снова пойти по міру, ища всеобщаго признанія и болѣе его достойнаго круга дѣятельности, онъ не смѣлъ и помыслить. На него находили минуты глубокой меланхоліи. Тогда онъ рѣшился схоронить себя за-живо въ этой глуши, и передать всѣ тайны своего искусства, мечты и идеалы своему сыну; онъ намѣревался сдѣлать его великимъ музыкантомъ, который долженъ прославить имя своего отца учителя. Но Провидѣніе долго не

исполняло и этого желанія бѣднаго органиста. Наконецъ Анжелка, подарившая ему въ первые годы трехъ дочерей, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ родила сына, котораго восхищенный отецъ назвалъ именемъ Себастіана, въ честь одного изъ величайшихъ религіозныхъ музыкантовъ, а черезъ годъ опять дочь Вильгельмину, которой появленіе на свѣтъ отецъ принялъ съ равнодушіемъ, потому что для него уже было совершенно достаточно трехъ старшихъ дочерей.

Объ малютки росли вмѣстѣ и жили подъ одною кровлею, но съ самыхъ первыхъ дней жизни любовь родителей раздѣлила дѣтей между собою. Чѣмъ болѣе отецъ восхищался Себастіаномъ и покрывалъ его тысячею ласками, занимаясь имъ какъ куклою, и, кажется, для удовольствія ребенка готовъ былъ самъ превратиться въ дитя, тѣмъ труднѣе было для страстной натуры матери переносить равнодушіе отца къ Вильмѣ (такъ называли для сокращенія Вильгельмину), тѣмъ горячѣе привязывалась она сама къ этому ребенку, и казалось дышала только имъ. Это качество материнскаго сердца — отдаться совершенно одному существу, никѣмъ не любимому, но между тѣмъ прекрасному, имѣло что-то глубоко трогательное. Между тѣмъ, какъ отецъ восхищался своимъ любимцемъ Себастіаномъ, а старшія сестры непрерывно окружали нѣжными заботами своего единственнаго малютку брата, Вильма лежала, всеми покиннутая, въ своей колыбели. Но она была не одна. У ногъ ея ждала ее мать: ея глаза, исполненные безпредѣльной любви, покоились на спокойныхъ чертахъ ребенка; она прислушивалась къ каждому ея дыханію, слѣдила боязненно за каждымъ ея движеніемъ. Цѣлыя ночи просиживала она у постели Вильмы, при малѣйшемъ признакѣ болѣзни, не знала ни покоя, ни отдыха, но и ея радость не знала также границъ, когда Вильма подросъ, весело смотрѣла своими большими глазами на мать, державшую ее въ рукахъ, раскрывала свой ротикъ для улыбки и обѣими рученками обнимала бѣлую шею прекрасной италіанки. Рано слуха Вильмы коснулась музыка, свѣжая и безыскусственная по мелодіи; рано душа ея должна была сдѣлаться воспріимчивою для міра звуковъ. Засыпала ли

Вильма или лежала днем въ своей колыбели, весело улыбаясь, надъ нею тихо раздавались простыя мелодіи народныхъ южныхъ пѣсень. Ихъ пѣль голосъ необработанный, но пріятный; изъ манера передаванья этихъ неподдѣльныхъ изліяній души видно было, что онъ принадлежалъ странѣ, болѣе всѣхъ одаренной музыкальнымъ чувствомъ и вкусомъ. У колыбели своего любимаго ребенка Анжелика часто вспоминала свою родину: ей приходили на память ея собственныя дѣтскіе годы, тотъ маленькій городокъ, въ которомъ она родилась: у ногъ его разстилалось лазуревое море съ островами, вдали дымился Везувій, и такое-же лазуревое небо разстилалось надъ свѣтлымъ и роскошнымъ ландшафтомъ. По это самое раннее дѣтство являлось ей въ ея воспоминаніяхъ мгновеннымъ и мимолетнымъ сновидѣніемъ; съ тѣхъ поръ, какъ она ясно помнила себя, она знала, что послѣ какихъ-то печальныхъ происшествій, о которыхъ отецъ никогда не говорилъ, она непрерывно переселялась съ нимъ изъ одного большаго города въ другой, пока судьба не привела ее подъ другое печальное небо, гдѣ ее окружала дикая природа, столь же печальная, какъ небо, и люди простые и добрые, но безъ откровенности и веселія юга. Тогда, сравнивая въ умѣ своемъ эти столь различныя картины, счастливая мать становилась грустна, и невольно, даже можетъ быть противъ желанія, ей приходили на память пѣсни, которымъ учила ее рано-умершая мать. Она пѣла ихъ тихо, боясь, чтобы органистъ въ ея голосъ, дрожавшемъ отъ внутренняго волненія, не узналъ ея глубоко-скрытой тоски по родинѣ. Вильма, услышавъ гармоническій голосъ матери, становилась тиха, серьезна, и, казалось, прислушивалась чрезвычайно внимательно; она наклоняла головку, раскрывала широко свои большіе глазки, и смотрѣла неопредѣленно въ какую-то неизвѣстную даль. Когда пѣсня кончалась, ея лицо опять принимало прежнее выраженіе, и улыбка внутренняго удовольствія блистала на розовыхъ губкахъ; поцѣлуями просила она нѣвыхъ пѣсень, и когда мать истощала для нея весь свой маленькій репертуаръ, Вильма, въ совершенномъ упоеніи, снова протягивала къ ней свои ручки

и губки. Такъ вмѣстѣ съ молокомъ матери всасывала она и любовь къ музыкѣ, и первый міръ, открывшійся ея внутреннимъ очамъ, былъ міръ гармоніи.

Когда Вильма начала ходить и на дѣтскомъ языкѣ своемъ передавать впечатлѣнія, производимыя новыми предметами, поражающими ея умъ, мать, какъ женщина, и исполненная глубокаго благочестія, водила ее съ собою въ церковь. Это былъ одинъ изъ старинныхъ, тяжелыхъ по архитектурѣ, храмовъ, которыхъ много еще можно найти въ Германіи. Легкая и граціозная архитектура среднихъ вѣковъ, выражающаяся въ формахъ, стремящихся къ небесамъ, кажется, была совершенно неизвѣстна его строителю. Массивныя стѣны церкви съ узкими и высокими окнами не пропускали въ ея внутренность ни дневнаго свѣта, ни полуденнаго лѣтняго жара. Мрачные своды увеличивали сумракъ въ ней господствовавшій. Внутреннее ея убранство было просто, но столь же тяжело. На сторонѣ, противоположной алтарю, находился старинный органъ, котораго величественные звуки наполняли всю церковь, и, иногда казалось, даже потрясали тяжелые своды. Сюда-то приходилъ въ каждый праздничный и воскресный день органистъ, и на этомъ дивномъ инструментѣ изливалъ свою вѣру и свои страданія. Часто, передъ началомъ богослуженія, собравшіеся прихожане съ умиленіемъ и долго слушали, какъ органистъ, забывая весь свѣтъ, игралъ какую-то музыку, глубоко трогавшую ихъ души, и, казалось, приготовлявшую сердце къ лучшему воспріятію божественнаго слова. Эти простые дѣти природы не знали, что органистъ бралъ какую-нибудь тему Скарлатти или Страделлы, и въ летучихъ импровизаціяхъ на мотивъ, сообразовавшійся съ настроеніемъ его собственнаго духа, высказывалъ всѣ сокровенныя тайны своей души. Возлѣ него обыкновенно долженъ былъ сидѣть его любимецъ Себастьянъ, казалось, вдохновлявшій его своимъ присутствіемъ. Органистъ хотѣлъ, чтобы съ самаго ранняго дѣтства онъ любилъ инструментъ, которому отецъ посвятилъ всю жизнь. Но рѣзвый мальчикъ съ неохотою и трудомъ переносилъ это принужденное положеніе: ему гораздо болѣе нравилось обще-

ство товарищей его лѣтъ, сидѣвшихъ передъ органомъ на деревянныхъ скамьяхъ. Какъ скоро раздавался хоръ ихъ звонкихъ дѣтскихъ голосовъ, и отецъ, погруженный въ музыку, забывалъ его присутствіе, онъ украдкою оставлялъ свое мѣсто, садился возлѣ самаго рѣзваго изъ своихъ пріятелей, и начиналъ изподтишка играть съ нимъ. Между тѣмъ Вильма, недалеко отъ органа сидѣвшая съ матерью, прилежно читавшею въ молитвенникъ, невольно вздрагивала при первыхъ звукахъ, оглашавшихъ мрачные своды церкви. Она не спускала глазъ съ органа; онъ казался ей чѣмъ-то одушевленнымъ; его трубы, блестящія, какъ серебро, говорили съ нею на какомъ-то ей понятномъ языкѣ. Верхъ органа украшенъ былъ разными позолоченными украшениями, съ которыхъ падала темномалиновая драпировка. На этихъ украшеніяхъ вырѣзаны были ангелы: одни изъ нихъ держали въ рукахъ ноты и пѣли, другіе — трубы и флейты, и играли на нихъ. Когда раздавался хоръ, ей чудилось, что эти ангелы оживали, и она слышала ихъ небесные голоса и ихъ небесную игру. Но внутренній механизмъ органа былъ также исполненъ для нея чудной таинственности. Украдкою оставляла она мать и подходила къ отцу: она съ удивленіемъ видѣла, съ какою быстротою бѣгали его пальцы по клавишамъ, какъ работали его руки, передвигая регистры, какъ ноги его то прижимали, то опускали педали. Но всего болѣе наполнялъ ея дѣтскую душу суевѣрнымъ страхомъ шумъ огромныхъ мѣховъ, приводимыхъ въ дѣйствіе скрытою силою. Ей казалось, что въ нихъ заперты духи, которые съ шумомъ и ревомъ просились вонъ изъ своего тѣснаго заключенія, и наконецъ, истощенные безуспѣшною борьбою, замирали въ жалобныхъ звукахъ. И этимъ всѣмъ царствомъ звуковъ и духовъ управлялъ ея отецъ: онъ являлся ей въ эти минуты могучимъ властелиномъ, которому безпрекословно повинуются незримыя существа: онъ казался ей тогда точно такимъ же таинственнымъ существомъ, и принималъ въ ея глазахъ странные и величественные размѣры. Но органъ умолкалъ, очарованіе исчезало: напряженное вниманіе слетало съ лица Вильмы, и когда отецъ, усталый, искалъ глазами си-

дѣвшаго не давно возлѣ него Себастіана, и вмѣсто него встрѣчалъ веселое и живое личико Вильмы, досада на Себастіана, снѣпанная съ удивленіемъ при видѣ этой странной, внимательно слушающей дѣвочки, изображалась на его лицѣ. Задумчивый, онъ уходилъ домой, и кроткій выговоръ за невниманіе былъ единственнымъ наказаніемъ любимому Себастіану.

Между тѣмъ наступало Рождество Христово, и органистъ вознамѣрился воспользоваться этимъ праздникомъ, чтобы привести въ исполненіе свои давнишніе планы. Желая посвятить сына въ музыканты, этотъ человекъ, смотрѣвшій на искусство не какъ на пустую забаву, а какъ на занятіе строгое и серьезное, вознамѣрился теперь отступить отъ своихъ обычныхъ правилъ. Онъ думалъ, что Себастіанъ получитъ отвращеніе отъ музыки, или, по крайней мѣрѣ, не охотно пристрастится къ ней, если онъ начнетъ преподавать ему это искусство по строгимъ правиламъ науки, и будетъ заниматься съ нимъ неутомимо, по нѣсколькимъ часамъ въ день. Онъ боялся принуждать, утомлять живое дитя. Ему хотѣлось, чтобы ребенокъ полюбилъ ее въ часы забавъ своихъ, какъ игрушку. За нѣсколько дней до праздника дѣтямъ объявили, что Христовъ наканунѣ Рождества своего, довольный тѣмъ, что они хорошія дѣти, и ведутъ себя хорошо, принесетъ имъ разные подарки. Радость дѣтей не знала границъ; разговоры были только о будущихъ игрушкахъ; они стали въ нетерпѣливомъ ожиданіи считать дни и часы до приближенія счастливой минуты. Съ тѣхъ поръ, въ глазахъ ихъ, въ домѣ происходило что-то таинственное. Однажды утромъ отецъ поѣхалъ одинъ, не взявъ противъ обыкновенія никого изъ нихъ съ собою, въ сосѣдній городъ; не сказалъ имъ, за чѣмъ ѣдетъ; остался долѣ обыкновеннаго въ городѣ, и возвратился съ большимъ пакетомъ, который служанка Анхень пронесла осторожно въ темный чуланъ, и заперла дверь на ключъ. Она оставалась нѣма на всѣ ихъ распросы. Они даже не видѣли вблизи пакета, а знали объ его величинѣ и странныхъ формахъ только по рассказамъ любопытной Маргариты, третьей дочери органиста, которой удалось видѣть его въ замочную скважину.

На другой день повторилась таже сцена съ матерью, которая, оставивъ дѣтей на попеченіе отца, ходила куда-то съ Анхень, и возвратилась тоже съ пакетомъ, но гораздо меньшимъ. Поутру кануна Рождества служитель Гансъ принесъ изъ сосѣдняго лѣса только-что срубленную зеленую ёлку и поставилъ ее въ сѣняхъ; а потомъ приходилъ пономарь, веселый толстякъ, который въ ихъ присутствіи отдалъ органисту пучекъ тоненькихъ восковыхъ свѣчекъ, пошутить съ дѣтьми, и, прощаясь съ ними, сказалъ имъ, что у нихъ будетъ превеселый праздникъ. Потомъ обѣдали; наступилъ наконецъ и вечеръ. Мать отвела всѣхъ дѣтей въ сосѣднюю комнату, приказала имъ сидѣть смирно и ждать, пока позоветъ ихъ. Сказавъ эти слова, она заперла дверь столовой, и они остались одни. Сердца ихъ бились сильно, но радостно; они стали прислушиваться къ каждому шуму. Сперва въ столовой ходило много людей, что-то носили и передвигали, раздавался стукъ молотка, слышались разные голоса; потомъ шумъ сталъ постепенно затихать, говорили шопотомъ, но непрерывно чѣмъ-то занимались, надъ чѣмъ-то работали; наконецъ все совершенно стихло, только дѣти стали замѣчать другое явленіе. Сквжина между поломъ и дверью сосѣдней комнаты стала пропускать въ ихъ темную комнату болѣе и болѣе яркій свѣтъ: казалось, что тамъ загарались тысячи яркихъ огней. Наконецъ дѣтямъ показалось, что вся сосѣдняя комната объята пламенемъ. Сердца ихъ забились еще сильнѣе. Въ эту минуту Вильма устремила отъ яркой полосы огня свои взоры сквозь окно въ темную ночь: ей хотѣлось видѣть, какъ пролетитъ мимо ихъ дома Спаситель съ своими Ангелами, которые держатъ въ рукахъ прекрасные подарки добрымъ дѣтямъ. Былъ холодный зимній вечеръ: земля и деревня были покрыты не давно выпавшимъ снѣгомъ; большія сѣрыя тучи, гонимыя по небу буйнымъ вѣтромъ, непрерывно скрывали блѣднолицую луну. Когда минутный дрожащій блескъ ея падалъ на землю, то окружные предметы принимали фантастическіе образы. Вильма, съ скрытымъ страхомъ, съ быющимъ отъ ожиданія сердцемъ, смотрѣла на небо и землю. Однажды даже буйный порывъ

вѣтра она приняла за шумъ съ такимъ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидаемаго приближенія, но въ эту минуту двери столовой растворились, волны свѣта полились въ ихъ комнату, и дѣти съ восклицаніями радости бросились туда. Это была новая и очаровательная картина для дѣтей! По средній комнаты стоялъ столъ, а на немъ ёлка; на зеленыхъ сучьяхъ ея горѣло безчисленное множество свѣчекъ, и висѣли конфеты и позолоченные орѣхи. Кругомъ ёлки разложено было на столъ множество игрушекъ, блестящихъ и затѣйливыхъ. Глаза дѣтей разбѣжались по нимъ: это былъ пррѣ малютокъ! Въ это же самое время растворились другія двери, и вошли приглашенные гости и участники въ праздникъ: впереди шель почтенный съдовласый священникъ, за нимъ школьный учитель съ женою и дѣтьми: тутъ была и красавица Лотта, и шалунья Лиза, и умный Генрихъ. Даже деревенскій староста съ своею семьею былъ позванъ на общій дѣтскій праздникъ. И наконецъ, къ дополненію семейной картины; на порогъ комнаты, въ почтительномъ положеніи, показалась добрая, но простоватая фигура Ганса, а за нею Анхенъ съ своею маленькою Гретхенъ. Сколько счастливыхъ младенческихъ личекъ было въ этотъ вечеръ, сколько сердечной радости, сколько улыбокъ, сколько поцѣлуевъ!

Когда всѣ дѣти окружили столъ, и съ любопытствомъ разсматривали подарки, каждый не рѣшаясь, что выбрать, органистъ, счастливый ихъ счастіемъ, сказалъ имъ: «теперь, дѣти, пусть тѣ изъ васъ, которыя выучились читать, прочтутъ надписи и выберутъ то, что Христось принесъ имъ и младшимъ ихъ братьямъ и сестрамъ.» Тутъ началась другая сцена, еще болѣе живая: каждый получалъ по подарку, невиданному до тѣхъ поръ. Старшія дочери органиста получили вещи, сообразныя съ ихъ лѣтами; Себастьяну Христось принесъ маленькую скрипку, имѣвшую очень пріятный звукъ; Вильмъ досталась кукла, большая, почти съ нее ростомъ, съ розовымъ лицомъ, съ большими черными глазами и прекрасными черными нарисованными волосами, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и съ розовою шляпкою на головѣ. Лотта и Лиза получили

такихъ же куколъ, но не столь красивыхъ; Генрихъ прекрасную книжку съ раскрашенными картинками, и даже на долю Гретхенъ выпала маленькая куколка. Когда дѣтскій раздѣлъ кончился, востроглазая Маргарита замѣтила, что на столѣ остались еще два подарка, незамѣченные ни органистомъ, ни его женою. На одномъ изъ нихъ было написано: *самой добродѣтельной изъ супруговъ и самой нѣжной изъ матерей*. Это былъ кусокъ матеріи на платье. На другомъ: *обожаемому мужу дарить плоды своей бережливости любящая жена*. Когда органистъ изъ устъ Маргариты услышалъ эти слова, онъ подошелъ къ столу, и взявъ изъ ея рукъ новый бархатный жилетъ: въ боковомъ карманѣ его нашелъ онъ шелковый кошелекъ, тихомолкомъ связанный его женою: въ немъ лежали деньги, нѣсколько золотыхъ монетъ, собранныхъ ею въ теченіе многихъ лѣтъ. Это были плоды честнаго труда, многихъ лишеній, стѣснительной бережливости. Нѣмое свидѣтельство многолѣтней и глубокой привязанности тронуло до слезъ органиста: онъ заключилъ въ свои объятія плачущую отъ радости жену свою, и, кромѣ невинныхъ сердецъ малютокъ, въ этотъ вечеръ осчастливлены были взаимною любовью еще два сердца, столь же невинныя, но испытанныя жизненнымъ опытомъ, и въ этомъ испытаніи не утратившія ни первобытной чистоты, ни способности безпредѣльной любви.

На другой день, возвратясь изъ церкви, дѣти не могли налюбоваться новыми игрушками, и не выпускали ихъ изъ рукъ. Вильма имѣла множество заботъ съ своею куклою: она сперва уложила ее спать, потомъ разбудила, одѣла въ новое платье, причесала ея нарисованные волосы, потомъ показала ей весь домъ, и долго гуляла съ нею по комнатѣ. Къ сожалѣнію, она не могла ее повести въ садъ, потому, что на дворѣ было очень холодно, и всѣ дорожки покрыты были снѣгомъ. Себастьяну повидимому тоже очень понравилась его скрипка: съ утра шилъ онъ на ней, не жалься ни чьихъ ушей, и органистъ съ скрытнымъ удовольствіемъ замѣчалъ, что его выдумка ведетъ къ желаемому результату. Окруженный своими дочерьми, слушая рассказы Вильмы объ ея куклѣ, онъ сидѣлъ и само-

довольно улыбался. Потомъ онъ подзвалъ къ себѣ Себастьяна и сказалъ ему, что если онъ хочетъ играть на скрипкѣ, то долженъ сперва выучиться держать ее и водить смычкомъ. Онъ показавъ ему эти первые приемы, потомъ рассказывалъ имена струнъ, складывалъ его пальчики, и, забавляясь съ нимъ, знакомилъ съ музыкальной азбукой. Между тѣмъ какъ прочія сестры занимались каждая своимъ дѣломъ, Вильма, казалось, на минуту забыла свою куклу, оставила ее безъ вниманія сидѣть на стулѣ, и слушала серьезно слова отца, слѣдя глазами за его приемами. Но такого рода импровизированные уроки, которые начали повторяться каждый день, кажется, не приходились совершенно по вкусу Себастьяна: онъ рѣже бралъ и для собственнаго удовольствія скрипку, а когда игралъ на ней въ часы забавы, то игралъ по собственной, первоначально имъ изобрѣтенной методѣ. Такая игра очень сердила Вильму: она, присутствовавшая при всѣхъ урокахъ Себастьяна, и помнившая каждое слово отца, безпрестанно поправляла его, показывала, какъ держать скрипку и играть на ней, спорила съ нимъ и даже жаловалась нѣсколько разъ отцу, что Себастьянъ не слушается его наставленій. Себастьянъ сердился въ свою очередь, по капризу, свойственному избалованнымъ мальчикамъ, не давалъ Вильмѣ играть на своей скрипкѣ, и обыкновенно пряталъ ее. Въ это время Вильма окончателно разлюбила свою куклу: ея воображеніе не занимали болѣе ни розовая шляпка и бѣлое платье, ни прогулки ея нарядной куклы. Ей захотѣлось имѣть такую же скрипку, какъ у Себастьяна, такой же маленькой инструментъ, но съ такимъ же пріятнымъ тономъ. На немъ хотѣлось ей играть цѣлой день, гулять съ нимъ лѣтомъ по полямъ, и пѣть вмѣстѣ съ птичками. Теперь же, къ ея горести, упрямый Себастьянъ не давалъ ей скрипку и пряталъ ее отъ нея. За то, когда онъ уходилъ гулять съ отцомъ, Вильма отыскивала спрятанную игрушку, упряла скрипку въ дѣтское поленькое плечо свое, и начинала играть. Ей приходили на память всѣ трудныя и скучныя для обыкновенныхъ учениковъ музыкальныя начала, которыя органистъ передавалъ съ строгимъ мето-

дизмомъ старой школы своему сыну. Она любила играть сукіа гаммы; ея слухъ пльнялся продолжительностію скрипичнаго тона; звукъ ея смычка пріобрѣталъ полноту, чистоту и необыкновенную пріятность.

Однажды, когда органиста не было дома, а Себастьянъ съ матерью ушли къ одному больному поселянину, Вильма, по обыквенію, играла. Въ это время отецъ возвратился домой, и, прислушиваясь, удивленный, остановился у двери: въ комнатѣ раздавались тѣ гаммы, которыя онъ поутру показывалъ Себастьяну; ихъ передавалъ смычекъ смѣлый и пріятный. Пораженный радостною мыслию, что Себастьянъ дѣлаетъ такіе значительные успѣхи, и, не скучая уроками, повторяетъ ихъ съ такимъ прилѣжаніемъ въ его отсутствіе, онъ съ радостнымъ лицомъ отворилъ дверь, и хотѣлъ прижать къ сердцу любимаго сына, но, каково было его разочарованіе, когда онъ увидѣлъ передъ собою—только дѣвочку, Вильму, которая забавлялась чужою игрушкою! И Вильма, серьезная и правдивая Вильма, тоже смѣшалась: ей показалось, что ее поймали въ какой-то шалости; она испугалась выговора отъ строгаго отца, за то, что играетъ игрушкою Себастьяна. Раскраснѣвшись отъ стыда, она потупила головку, тихонько вышла изъ комнаты, и спрятала скрипку въ то мѣсто, откуда взяла. Органистъ, молча, прошелъ мимо, и мысль, что у Вильмы есть слухъ, что со временемъ она можетъ сдѣлаться хорошею фортепьянной учительницей, впервые мелькнула въ его головѣ.

Между тѣмъ споры за скрипку между Вильмою и Себастьяномъ продолжались по прежнему. Чтобъ прекратить ихъ, матери наконецъ удалось уговорить органиста купить при первой его поѣздкѣ въ сосѣдній городъ такую же скрипку для Вильмы. Она даже подарила ему сбереженный его талеръ для этой игрушки. Когда Вильма получила дорогой подарокъ, восторгъ ея не зналъ границъ. Она покрыла поцѣлуями руки органиста, бросилась обнимать счастливую ея радостью мать, цѣловала скрипку, не разставалась съ нею, и даже хотѣла, чтобы ночью она лежала возлѣ нея на постель. Между тѣмъ Себастьянъ учился каждый день; Вильма, не смѣя сама играть

на урокахъ строгаго отца, еще прилѣжнѣе слушала, присутствуя на нихъ, и только тогда, когда органистъ печально заставлялъ ее играющею на скрипкѣ, онъ указывалъ ей на ея ошибки съ тою снисходительною небрежностью, съ которою великій мастеръ замѣчаетъ мимоходомъ недостатки ученика неопытнаго, но подающаго надежды.

Но скрипка не оставалась на долгое время единственною привязанностью Вильмы. Ранѣе, роскошнѣе и полнѣе обыкновеннаго развилась въ ней жизнь сердца. Изъ вѣсѣхъ сосѣднихъ дѣтей, съ которыми Вильма бѣгала по полямъ, гуляла въ отцовскомъ саду или играла зимою въ комнатѣ, она подружилась всего болѣе съ Генрихомъ. Это былъ странный ребенокъ. Можетъ быть взаимная дружба ихъ была основана на совершенной противоположности ихъ натуръ. Школьный учитель, отецъ Генриха, былъ человекъ съ умомъ яснымъ, обширнымъ и проникательнымъ, очень ученый, не сухой педантъ, но съ свѣдѣніями живыми и разнообразными, знакомый съ науками практическими, и по этому очень полезный въ своемъ кругу дѣятельности. Ребенокъ наследовалъ серьезный и необыкновенный умъ своего отца, но природа, капризная въ своихъ дѣйствіяхъ, вложила его въ сосудъ слабый и хрупкій. Возлѣ Вильмы, полной, здоровой и веселой, Генрихъ казался прекраснымъ, но слишкомъ нѣжнымъ цвѣткомъ, который завянетъ отъ перваго дыханія холоднаго вѣтра. Густые белокурые волосы, отъ природы завитые, окаймляли тонкія и правильныя черты его лица. Умные голубые глаза имѣли постоянное тайное выраженіе; по временамъ они блистали какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ. Руки его были прозрачны; етанъ тонкій и худощавый. Хотя онъ былъ годомъ старше Вильмы, но нѣсколько меньше ея ростомъ. Когда они гуляли вмѣстѣ по полямъ или по лѣсу, ихъ застигаль дождь, и они спѣшили вмѣстѣ укрыться отъ приближавшейся грозы, то Генрихъ тихо отдавался подъ покровительство бодрой и ничего не боявшейся Вильмы. Она, казалось, была создана, чтобы защитить его отъ всякой невзгоды и пройти съ нимъ по міру, какъ его Ангель-хранитель.

Какъ началась ихъ дѣтская дружба, они сами не знали, только они полюбили другъ друга безотчетно, всѣмъ сердцемъ. Вильмъ нравился въ Генрихъ его умъ, пытливый и любознательный: никто не умѣлъ такъ занимать ея затѣливыми вопросами или длинными разсказами, никто такъ не сочувствовалъ ея дѣтскимъ радостямъ и печалямъ, и не раздѣлялъ ихъ такъ живо съ нею, какъ Генрихъ. Онъ любилъ въ ней ея открытый и веселый характеръ, ея добрую душу, ея любящее сердце, такъ страстно отвѣчавшее его сердцу, жаждавшему сочувствія. Быть можетъ, въ ея привязанности онъ находилъ то успокоеніе, которое находятъ души слабыя и болѣзненные въ покровительственной любви натуръ сильныхъ и здоровыхъ.

По сосѣдству домовъ ихъ, они проводили вмѣстѣ цѣлые дни. Или жена органиста приходила съ рукодѣльемъ и своими дѣтьми къ сосѣдкѣ, и оставалась у ней цѣлый вечеръ, или школьный учитель, окончивъ утренній урокъ съ Генрихомъ, навѣщалъ съ нимъ своего пріятеля-органиста, оставлялъ у него ребенка въ награду за его прилежаніе, и уходилъ къ своимъ класснымъ послѣ-объеденнымъ занятіямъ. Тогда дѣти или играли въ маленькомъ саду, или выбѣгали на пустую дорогу, или рвали полевые васильки на сосѣдней нивѣ. Но всего болѣе радовались они воскресному дню: тогда предпринимали они предаекія, по ихъ понятіямъ, путешествія. Вильма отправлялась гулять, брала съ собою свою скрипку; Генрихъ не могъ разстаться съ любимой книжкою. Но и въ этихъ прогулкахъ обнаруживалась рѣдкая противоположность въ ихъ характерахъ: Генрихъ любилъ гулять по полямъ, широкимъ, но открытымъ, между нивами, покрытыми желтыми колосьями, на мягкомъ берегу широкой рѣки. Онъ любилъ далекій горизонтъ и блестящее солнце на лазурномъ небѣ. Его воображеніе пугали тѣни, кое-гдѣ лежавшія на яркомъ ландшафтѣ. Когда все въ природѣ было тихо и свѣтло, тогда грудь его дышала свободнѣе, ничто не стѣсняло и не печалило его; въ эту минуту онъ предавался совершенно безпечной веселости своихъ дѣтскихъ лѣтъ. Но когда невыносимый

полуденный жаръ начиналъ слишкомъ утомлять дѣтей, онъ, противъ желанія, уступалъ тогда просьбамъ Вильмы: они переходили чрезъ мостъ, пересѣкали деревню и скрывались въ чащѣ прохладнаго лѣса. Тутъ Вильма чувствовала, что она находится будто въ родной сферѣ. Ея воображеніе плѣняли картины дикой природы. Она любила этотъ густой и темный лѣсъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его съ трудомъ проникалъ солнечный лучъ, и извилистыя дорожки пересѣкались въ разныхъ направленіяхъ. Но и одна она никогда не заблуждалась въ обширномъ лѣсу: подобно большой части людей, выросшихъ среди безъискусственной природы, она имѣла удивительную память по мѣстности: кривое, странной формы дерево, пень, переброшенный черезъ ручей, сукъ, давно отломленный бурей, служили ей вѣрными указателями пути въ этомъ лабиринтѣ деревъ. Но и въ лѣсу у нея были свои любимыя мѣста: маленькая поляна, края которой поросли кустарникомъ, и стремительный изворотъ ручья, протекавшаго по лѣсу. Земля въ этомъ мѣстѣ нѣсколько понижалась, и ручей, до тѣхъ поръ лѣниво катившійся, вдругъ становился быстрымъ и сердитымъ: нѣсколько камней задерживали тутъ его теченіе, и онъ шумѣлъ, ежеминутно омывая ихъ своею волною. Старыя деревья росли возлѣ самыхъ его береговъ: нѣкоторыя изъ нихъ нагнулись совершенно къ землѣ, и зелеными вѣтвями касались воды. Но далѣе ручей принималъ опять свое тихое теченіе, и наконецъ исчезалъ совершенно въ отдаленномъ болотѣ. Къ этому водонаду любила всего чаще приходиться Вильма съ Генрихомъ. Усталые, ложились они на траву; иногда Генрихъ, клалъ свою головку на колѣна Вильмы, и тихо засыпалъ; между тѣмъ она, смотря съ любовью на прекрасныя черты спящаго ребенка, прислушивалась къ дикому шуму сердитаго ручья, къ жужжанію тысячи насѣкомыхъ, трепету листьевъ, щебетанью пролетающей малиновки, или къ странному гулу, иногда по лѣсу ходившему. Въ эти минуты ей казалось, что вся природа живетъ, дышетъ и говоритъ, и она сочувствовала этой жизни, слышала это дыханіе, и понимала таинственный говоръ. Чѣмъ болѣе выростала Вильма, тѣмъ болѣе любила

она природу, тѣмъ болѣе становились ей несносны темныя комнаты, и стѣснялъ ея грудь ихъ душный воздухъ. Она старалась безпрестанно вырваться изъ нихъ: ей нужны были синее небо, темный лѣсъ, да широкая воля.

Но самымъ любимымъ мѣстомъ Вильмы былъ «черный оврагъ.» Хотя его дикія красоты манили къ себѣ ея воображеніе, однако безстрашная дѣвочка рѣдко отваживалась доходить до него. Однажды она повела туда Генриха, но это непріютное мѣсто такъ испугало робкое его воображеніе, что Вильма не рѣшалась на второй опытъ. Только ея мать знала, что она любитъ «оврагъ», и изрѣдка гуляла тамъ съ нею.

Когда Генрихъ и Вильма гуляли по полямъ, то онъ бѣгалъ за пестрыми бабочками, или ловилъ безобразныхъ насякомыхъ. Онъ имѣлъ страсть ко всякаго рода животнымъ, которая увеличивалась по мѣрѣ того, какъ уменьшался ростъ животного. Онъ очень любилъ домашнюю бурую корову, но еще болѣе ея теленка; бѣлую козу и большую черную кошку съ зелеными глазами, но еще болѣе козлятъ и котятъ. Въ комнатѣ отца его стоялъ на столѣ большой деревянный ящикъ со стеклянною крышкою: подъ нею находилось много очень красивыхъ бабочекъ, черныхъ жуковъ и какихъ-то странныхъ насякомыхъ, съ длинными ножками и усиками, которыхъ пмень Генрихъ не зналъ. Этотъ ящикъ, къ сожалѣнію запертый, необыкновенно нравился ему: какъ хотѣлось ему отпереть крышку и дать волю затворникамъ! Кажется они тотчасъ закопошились бы, побѣжали и улетѣли: крылушки ихъ были расправлены для полета, а ножки готовы для ходьбы. Но Генрихъ скоро замѣтилъ, что бѣдняжки не могли болѣе ни ходить, ни летать, потому что торчали на длинныхъ блестящихъ булавахъ, и вѣрно давно уже умерли. Тогда сожалѣніе закралось въ его сердце, и онъ далъ себѣ слово, никогда не мучить и не убивать бѣдныхъ животныхъ. «Вилл», говорилъ онъ Вильмѣ, поймавъ какого-нибудь толстаго жука, въ черной бронѣ, съ большимъ рогомъ на лбу, — «посмотри, какія у него шершавыя лапы: хочешь, онъ тотчасъ умретъ?» Вильма кивала утвердительно головкой. Тогда онъ опрокидывалъ жука на спину, и

жукъ на ладони Генриха лежалъ, точно мертвый. Дѣти смѣялись. Потомъ Генрихъ повертывалъ опять жука, расправлялъ его крылушки, и говорилъ Вильмъ: «смотри, Виля, какія у него крылья: онъ летаетъ съ ними по воздуху, точно большой корабль плыветъ по морю на парусахъ!» И онъ давалъ волю плѣнному жуку, и жукъ быстро пчезалъ въ безконечномъ пространствѣ изъ глазъ дѣтей.

Если же они уходили въ лѣсъ, то Генрихъ настаивалъ, чтобы Вильма всегда брала съ собою скрипку. Онъ очень любилъ музыку; она любила играть для него. Они доходили до маленькаго водопада: тутъ подъ тѣнью старыхъ лсеней, Генрихъ, скоро устававшій отъ ходьбы, ложился на зеленую траву. Вильма становилась подлѣ него и играла. Когда и она въ свою очередь уставала отъ игры, они садились другъ подлѣ друга, и Генрихъ говорилъ ей: «послушай, Виля, я спою тебѣ пѣсню.» И онъ дѣтскимъ голосомъ своимъ, въ которомъ было много грудныхъ нотъ, начиналъ одну изъ простонародныхъ пѣсень этой страны. Онъ зналъ ихъ нѣсколько, но всего чаще любилъ онъ пѣть одну, которую поютъ поселяне, загоня вечеромъ стадо домой. Ея слова и напѣвъ были исполнены живаго юмора, но этотъ юморъ не лзя передать словами, потому что онъ заключался въ простой музыкальной фразѣ и въ уменьшительныхъ словахъ, которыми такъ богато нарѣчїе этой страны. Она начиналась словами:

Папашинька! Коровушка
 Домой идетъ.
 Папашинька! Твой Осинька
 Ее ведетъ.

Генрихъ перенялъ напѣвъ этой пѣсни съ особеннымъ искусствомъ, и эти уменьшительныя, этотъ безыскусственный наборъ словъ, простые чувства, выраженные пѣсней, сложеною въ минуту простодушнаго веселїя, получали въ его дѣтскихъ устахъ, въ его еще не твердомъ произношенїи, новую невыразимую прелесть. Онъ пѣлъ ее часто, обыкновенно нѣсколько разъ сряду. Но наконецъ ему наскучило слушать только свой собственный юморъ, и тогда онъ приступалъ къ

Вильмъ съ просьбами: «Вилля», говорилъ онъ, «выучись играть на скрипкѣ эту пѣсню: когда я буду ее пѣть, ты будешь ее играть на скрипкѣ.» Онъ хотѣлъ сказать: «ты будешь акомпанировать мнѣ,» но онъ не зналъ этого технического термина. И послушная Вильма съ радостью спѣшила исполнить его желаніе. Вѣрному слуху ея удалось найти на скрипкѣ простую мелодію любимой пѣсни Генриха. Тогда начались у нихъ въ лѣсу концерты, въ которыхъ пѣніе смѣняло скрипку, а скрипка — пѣніе, или оба сливались въ одно до тѣхъ поръ, пока исполнители не уставали. Тогда они ложились отдыхать на траву, смотрѣли въ синее небо, и продолжали весело болтать между собою.

Разъ Генрихъ, печальнѣе и слабѣе обыкновеннаго, не могъ пѣть, но ему хотѣлось слышать любимую пѣсню. Вильма играла, но звуки ея скрипки не могли его развеселить. Видя уныніе Генриха, она вознамѣрилась шутками разсѣять милое дитя. Нечаянная мысль блеснула въ ея головѣ. «Послушай, Генрихъ» сказала она, «что я тебѣ сыграю. Слушай: вотъ какъ мычать коровушка, когда идетъ домой!» И, въ тонъ любимой пѣсни Генриха, она стала подражать на басовой струнѣ мычанью коровы. Генрихъ оживился; на лицѣ его блеснула улыбка. Неожиданный успѣхъ электризировалъ Вильму. «А вотъ, Генрихъ», продолжала она, «маленькій Осивька начинаетъ говорить съ папенькой своимъ» — и она на дискантахъ брала разныя ноты въ тонъ той же пѣсни. Генрихъ оживился, смѣялся простодушнымъ дѣтскимъ хохотомъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на скрипку и быстрые пальчики Вильмы, и заставляя ее непрерывно повторять эту веселую музыку. Вильма играла. Среди игры ей вдругъ приходили новыя мысли: она то вставляла ихъ, то развивала предыдущія, то связывала разбросанныя части, и, наконецъ, заключила ихъ въ цѣлое стройное, но веселое и прихотливое. Восторгъ Генриха не зналъ границъ, и дѣти возвратились домой, прыгая, смѣясь и играя. Такъ создала Вильма первое свое сочиненіе: юмористическія варіаціи на народную пѣсню своей родины.

И органистъ тоже слышалъ эту пѣсню, слышалъ и ва-

ріяціи. Ага, Вильма», сказалъ онъ хладнокровно, но съ улыбкою, ты выучилась играть «Осиньку.» И онъ слушалъ снисходительно. Когда она сыграла варіаціи, органистъ былъ пораженъ, хотя его удивленіе не выразилось на лицѣ: казалось, впечатлѣніе, произведенное на его умъ Вильмою, было слишкомъ мгновенно и холодно. Но онъ приказалъ повторить ей, взявъ карандашъ, нотную бумагу, и сталъ скоро записывать по мѣрѣ того, какъ она играла. Вдругъ онъ остановилъ ее, сказалъ, что она неправильно соединила двѣ идеи, указалъ ей ошибку ея на скрипкѣ, исправилъ еще двѣ-три музыкальныя фразы, и тема народной пѣсни съ варіаціями Вильмы впервые явилась на бумагѣ, переданная карандашомъ опытнаго контрапунктиста.

Иногда погода хмурилась, по цѣлымъ днямъ шелъ дождь, и дѣти принуждены были оставаться въ душевной комнатѣ. Тогда Генрихъ находилъ неистощимый источникъ удовольствія въ своей библіотекѣ, и спѣшилъ дѣлиться своими драгоценностями съ Вильмою. Эта библіотека была не велика; она состояла изъ трехъ-четырехъ книгъ, носившихъ на себѣ слѣды давняго и частаго употребленія. Генриху казалось, что эти книги содержатъ самые умные рассказы на свѣтѣ; что люди, ихъ написавшіе, были величайшіе мудрецы; что лучше книгъ не существуетъ. Читать ихъ безпрестанно, нѣсколько разъ сряду, рассказывать Вильмѣ и разсуждать съ ней о прочитанномъ было величайшимъ его удовольствіемъ. Они садялись въ уголокъ, на маленькія скамьи, тамъ стоявшія; Вильма слушала, Генрихъ читалъ. Или онъ бралъ въ руки свою самую красивую книгу, полученную имъ на ёлкѣ, вы помните, года полтора тому назадъ, въ красномъ переплетѣ, съ пестрымъ обрѣзомъ, съ раскрашенными картинками. Это были *Басни Эзопа*, въ которыхъ, точно люди, говорятъ умныя и глупыя животныя. Генрихъ очень любилъ эту новую красивую книжку, но еще болѣе были ему по сердцу три старыя книги. Въ одной изъ нихъ, которая, кажется, называлась: *Зеркало вселенной*, онъ находилъ описаніе всѣхъ интересовавшихъ его предметовъ: тутъ было описано, и что такое звѣзды, и какіе камни

бываютъ въ горахъ, и сколько людей, бѣлыхъ и черныхъ на землѣ, и какія птицы живутъ въ небесахъ. Онъ часто объяснялъ Вильмѣ множество рисунковъ, приложенныхъ къ этой книгѣ, рассказывалъ про чудеса дальнихъ странъ, описывалъ привычки верблюда или строуса. Вильма слушала съ любопытствомъ, но ее болѣе занимали повѣсти другой книги, толстой претолстой, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, напечатанной на сѣрой бумагѣ. Это были *Жизнеописанія славныхъ дѣтей*, въ которыхъ рассказывались очень трогательныя исторіи. Сколько славныхъ дѣтей жило на свѣтѣ! Одни изъ нихъ отличались необыкновеннымъ умомъ, огромною памятью, знаніями, которыми удивляли всѣхъ современниковъ; другіе прославились рѣдкими добродѣтелями: самопожертвованіемъ, примѣрною привязанностью къ родителямъ. Сколько слезъ проливала Вильма, слушая повѣсти о послѣднихъ: подобно мученикамъ переносили они, со смиреніемъ и безъ ропота, лишенія и притѣсненія; переносили, заключенные въ тюрьмѣ съ своими родителями, голодъ и холодъ, и умерли жертвами страшнаго жестокосердія и фанатизма. Не въ состояніи слушать эти раздиравшіе ея сердце рассказы, Вильма брала книгу изъ рукъ Генриха, закрывала ее и долго плакала. Но самую любимую книгою Генриха была: *Жизнь и приключенія Робинзона Крузо*. Онъ зналъ ее почти наизусть, пересказывалъ Вильмѣ въ сотый разъ всѣ приключенія этого дѣтскаго героя, самъ развивалъ ихъ дальше, воображалъ себѣ, что онъ Робинзонъ, переселялся мыслію на необитаемый островъ и рассказывалъ Вильмѣ, какъ онъ намѣренъ поселиться и жить на немъ. Они даже уговорились на слѣдующую весну построить хижину, за неимѣніемъ необитаемаго острова, въ своемъ саду, жить въ ней вмѣсто ламы съ маленькою козою, а Иятницу должна была по уговору представлять Вильма.

Рѣже и рѣже становились ясны осенніе дни; холодный вѣтеръ дулъ съ сѣверныхъ горъ, и обнаженный лѣсъ стоналъ печально. Наконецъ пришла и зима, суровая въ гористыхъ странахъ. Она не была весела для дѣтей. Генрихъ не могъ часто приходиться къ Вильмѣ: его рѣдко пускали изъ дому;

онъ былъ, очень слабъ и казалось, едва дышалъ иногда. Вильма подрастала: ей не позволяли играть по цѣлымъ днямъ; мать начала приучать ее къ труду, къ женскимъ рукодѣльямъ. Однажды дѣти не видались другъ съ другомъ долѣе обыкновеннаго: Вильма встревожилась. Ею овладѣло какое-то внутреннее безпокойство, пророчившее что-то недоброе. Ей ничего не говорили объ Генрихѣ; на лицѣ матери читала она худо скрытое безпокойство, на ея разспросы объ немъ, она отвѣчала неопредѣленно; можетъ быть, она хотѣла скрыть отъ нея что-то печальное или неприятное. Тогда ей захотѣлось пойти къ Генриху, но ее не пустили. Вильма съѣла въ уголокъ свой, и тихо заплакала. Сердце ея еще болѣе наполнилось злобными предчувствіями. Слезы и просьбы склонили добрую мать; она увидѣла, что долѣе нельзя скрывать положенія Генриха отъ страстно его любящей подруги: онъ пошелъ къ нему.

Въ маленькой комнатѣ господствовала мертвая тишина: на окнахъ были опущены бѣлыя занавѣски: черезъ нихъ едва проникалъ блѣдный свѣтъ зимняго утра. Возлѣ маленькой кровати больнаго сидѣлъ добрый докторъ Браунъ, и держалъ его руку; поодаль стояла мать Генриха: глаза ея были красны отъ слезъ. Лотта и Лиза сидѣли смирно у окна. Онъ лежалъ въ жару, и говорилъ какія-то странныя и безсвязныя рѣчи; бѣднѣйшій Генрихъ! Лицо его пылало, въ смутныхъ взорахъ блистала лихорадочный огонь; его фантазіи непрерывно представлялись видѣнія, чудовищныя и нестройныя. То море готово было развергнуть передъ нимъ свою пасть и поглотить его, то представлялось ему, что онъ заблудился въ густомъ лѣсу, наполненномъ хищными звѣрями, и онъ слабымъ голосомъ звалъ на помощь Вильму. Она подошла къ нему, начала съ нимъ говорить, но онъ не узнавалъ ее и продолжалъ звать по прежнему. Вильма плакала. Но когда силы Генриха совершенно изнемогали въ этой трудной борьбѣ, тогда онъ лежалъ блѣдный, тихій, съ закрытыми глазами, и, казалось, будто Ангелъ смерти уже пронесся надъ милымъ ребенкомъ.

Докторъ объявилъ, что ночью произойдетъ кризисъ въ болѣзни, и если больной переживетъ его, то выздоровѣетъ. И кризисъ прошелъ благополучно. На другое утро, когда Генрихъ открылъ глаза, взоры его встрѣтились съ исполненными любви взорами Вильмы: онъ поднялъ головку; казалось, что онъ хотѣлъ припомнить что-то смутно являвшееся ему, но память ему измѣнила. «Ахъ, Вилля», сказалъ онъ, «какъ долго спалъ я!» — Она не дала ему продолжать и напечатлѣла на его изсохшихъ губахъ горячій поцѣлуй. «Слава Богу, Генрихъ», сказала она, «гадкій сонъ прошелъ. Не говори много. Докторъ запретилъ тебѣ говорить.» Но и запрещеніе не было нужно. Ребенокъ повернулся, и впервые крѣпительный сонъ освѣжилъ его истощенныя силы.

Но эти силы не возвращались: казалось, въ тяжелой борьбѣ съ невидимымъ противникомъ жизнь ежедневно ему уступала. Генрихъ не вставалъ съ постели, но и Вильма отъ нея не отходила. По прежнему любилъ онъ ея дѣтскую бесѣду, только теперь вмѣсто его она должна была читать ему вслухъ его любимыя книги, показывать ему давно знакомыя картинки. Въ тѣ дни, когда лицо его оживлялось улыбкою, и онъ чувствовалъ себя здоровѣе и сплнѣе, онъ садился на постели, облокотясь на мягкія подушки, и просилъ Вильму играть ему на скрипкѣ его любимыя пѣсни; онъ долго слушалъ и улыбался. Но напряженіе утомляло его, и, усталый, онъ снова засыпалъ. Вильма была его любовь, она жила только для Генриха. По цѣлымъ днямъ не видала она ни брата, ни сестеръ; ея комнатка опустѣла, рукодѣлье давно было забыто, и даже ее не манили къ себѣ ни быстрый ручей, ни темный лѣсъ.

Да, потому что въ это время пришла веселая весна, а Генриху становилось все хуже. Небо опять сдѣлалось снѣе, и на немъ заблестало яркое солнце. Въ прозрачномъ воздухѣ порхала домовая ласточка и поля одѣлись зеленымъ ковромъ. Снова листья шумѣли въ лѣсу, и поселянинъ пѣлъ, проводя первую бороздку на нивѣ, а Генриху становилось день отъ дня хуже.

Однажды Вильма, долго задержанная плачущею, но молчаливою матерью, пошла къ училищному дому. Тамъ было все тихо, какъ на кладбищѣ. Ея слухъ пораженъ былъ отсутствіемъ шумнаго говора учениковъ, хотя день былъ будничный; она съ удивленіемъ увидала, что окна комнаты Генриха были открыты; среди свѣтлаго дня горѣли тамъ свѣчи; ей послышался даже оттуда чей-то голосъ знакомый, но монотонный. Она стала подыматься по лѣстницѣ. Ее не встрѣтили веселыя лица Лотты и Лизы. Сердце ея билось спльно; она дрожала. Она тихо растворила дверь: Лотта и Лиза плакали; школьный учитель стоялъ, рыдая, у стола, на которомъ въ гробу лежалъ маленькій Генрихъ. Священникъ тихо читалъ молитвы по усопшемъ. Она подошла къ на-вѣки уснувшему ребенку, и хотѣла взять его за руку, но быстро отдернула пальцы отъ холодной руки. Испуганная и пораженная, она хотѣла вскрикнуть, но голосъ измѣнилъ ей, ноги подкосились, и она безъ чувствъ упала на полъ.

Я не знаю мѣста на свѣтѣ, гдѣ душа, усталая отъ жизненной борьбы, могла бы найти болѣе успокоенія, нежели на сельскомъ кладбищѣ. Я не люблю городовыхъ кладбищъ. Ихъ мраморные памятники, ихъ пышныя надписи слишкомъ много говорятъ объ мірѣ и его суетѣ: кажется, за предѣлами жизни еще не уснули въ сихъ владѣльцахъ ни жажда къ славѣ, ни презрѣнное тщеславіе. На сельскомъ кладбищѣ ни что не напоминаетъ житейскихъ страстей: тихо и безмятежно почіютъ здѣсь поколѣнія, чредою прошедшія по міру и безвѣстныя ему. Песчаная насыпь, кусокъ зеленого дерна, низенькій деревянный крестъ безъ имени говорятъ о чьихъ-то уснувшихъ на вѣки радостяхъ и страданіяхъ, о лептѣ, внесенной невѣдомо кѣмъ въ общую сокровищницу челоувѣчества, но за которую неизвѣстному даятелю воздастся сторицею въ лучшемъ мірѣ.

Было тихое и ясное майское утро. Солнце блистало на небѣ: все обѣщало жаркій день. Онъ любилъ такіе свѣтлые дни, это яркое солнце, бѣдненный Генрихъ. А оно блистало во всей своей красѣ, и, казалось, хотѣло взглянуть въ послед-

ній разъ на своего любимца. Птички порхали съ веселымъ щебетаніемъ; на зеленыхъ листьяхъ еще дрожали капли утренней росы. Священная тишина лежала на сельскомъ кладбищѣ, только деревянные ворота были отворены, и свѣжая могила ожидала вѣчнаго жильца.

Раздался протяжный звукъ колокола. Печальное шествіе обогнуло церковь. Впереди шелъ священникъ съ распятіемъ въ рукахъ. Четыре молодые крестьянина несли маленькій гробъ, украшенный полевыми цвѣтами. За нимъ шелъ школьный учитель: за его руку держалась Вильма. Она была очень блѣдна; глаза ея были очень мутны, но безъ слезъ. По временамъ она тяжело дышала; но походка ея была ровна и спокойна. За ними шли сестры маленькаго Генриха, органистъ съ дѣтьми и женою и вся школа. Когда они пришли на кладбище, гробъ опустили въ землю и священникъ произнесъ нѣсколько простыхъ, но трогательныхъ словъ. Всѣ плакали, но у Вильмы не было слезъ. Когда же священникъ взялъ въ руки маленькую лопатку, со словами молитвы первый бросилъ на гробовую крышку горсть земли, и земля начала скрывать самое драгоценное существо въ мірѣ отъ очей Вильмы, слезы брызнули ручьями изъ ея глазъ, она, рыдая, припала къ свѣжей могилѣ, и ее съ трудомъ могли оторвать отъ нея.

И въ домѣ органиста сдѣлалось тоже все тихо, будто и надъ нимъ пронеслась неумолимая смерть. Пароксизмъ Вильмы прошелъ, но онъ произвелъ въ ней страшную перемѣну. Три дня послѣ похоронъ Генриха она не говорила и не плакала. Слезы ея быстро высохли, но она не произносила также ни слова. Она была тиха и серьезна. Ее не старались развеселить, и она сама не искала развлеченій. Скрипка лежала забытая. Вильма, казалось, была занята какою-то мыслию; головка ея работала неутомимо; эта мысль обнимала всю ея душу, не давала ни отдыха, ни покоя. По цѣлымъ часамъ сидѣла Вильма, не трогаясь съ мѣста; глаза ея, съ странно неподвижностью, были задумчиво устремлены на какой-то невидимый предметъ. На четвертое утро она исчезла.

Органистъ съ семействомъ садился за столъ обѣдать; стали искать Вильму, но не находили. Сестры не видали, когда и куда она ушла по утру; Себастьянъ былъ занятъ урокомъ съ отцемъ; мать ходила по дѣламъ хозяйства. Обѣдъ прошелъ въ томительномъ ожиданіи и молчаніи. Не окончивъ его, мать встала изъ-за стола и пошла къ школьному учителю: она думала, что Вильма, столь страстно любившая Генриха, вѣроятно по старой привычкѣ, захотѣла снова увидѣть его комнату, его любимыя игрушки, обнять его сестеръ. Но тамъ ея не было, и никто не видалъ ее. Встревоженная мать зашла къ одной больной старушкѣ, которую очень любила Вильма, но и та тоже ничего не знала объ ней. Безпокойство бѣдной матери росло съ каждымъ мгновеніемъ. Быстрыми шагами пошла она вдоль деревни, заглянула на рыночную площадь, останавливала прохожихъ, спрашивала ихъ, но все было тщетно: никто не могъ сказать ей ни слова объ ея дочери. Страхъ и отчаяніе начинали овладѣвать ею. Вдругъ счастливая мысль блеснула въ ея головѣ, и она побѣжала: Вильма, можетъ быть, въ лѣсу; она гуляла тамъ и опоздала возвратиться домой. Лучъ надежды озарилъ ея душу. Она знала любимыя мѣста Вильмы и быстро побѣжала. Но поляна была пуста, ручей шумѣлъ одиноко, и только проснувшееся эхо повторяло къ лѣсу крики матери. Отчаяніе снова овладѣло ею, и сила была готова покинуть ее. Она побрела дальше, прислонясь въ деревьямъ, чтобы перевести дыханіе. На одной изъ большихъ дорожекъ, проходившихъ по лѣсу, она встрѣтила крестьянина, спокойно возвращавшагося на телегѣ изъ сосѣдняго города. Она остановила его. « Часа два тому назадъ, а можетъ болѣе, ѣдучи въ городъ », отвѣчалъ онъ, и видѣлъ Вильму: она сидѣла близъ трехъ крестовъ у Чернаго Оврага и играла на скрипкѣ. А она славно играетъ.... и онъ началъ сравнивать ея игру съ игрою деревенскаго слѣпца-музыканта. Она не выслушала послѣднихъ словъ; до ея слуха не донеслись его прощальныя желанія; слабая надежда придала ей новыя силы, и она побѣжала къ « Черному Оврагу ».

« Черный Оврагъ » былъ страшное мѣсто, и въ народѣ ходило

объ немъ множество суевѣрныхъ преданій. На опушкѣ лѣса начиналась пропасть, говорятъ, бездонная; съ другой стороны подымались горы, дикія и неприютныя. Лѣсъ продолжался по окраинѣ оврага, переходилъ на другую его сторону, и цѣлыя столѣтія росъ по скатамъ и на днѣ пропасти. Сотни старыхъ деревъ лежали тутъ, сложенные бурями. Въ черной мглѣ, покрывавшей дно, самый зоркій глазъ не могъ различить ни одного предмета. Только камень, брошенный на дно, падалъ долго и пропадалъ безъ вѣсти. Вокругъ оврага, со стороны лѣса, шла дорожка. На одномъ мѣстѣ, самомъ узкомъ и покатою къ оврагу, въ незапамятныя времена совершенно было страшное убійство, въ память котораго были поставлены здѣсь три креста, отъ чего оно и получило свое имя.

Она объжала кругомъ оврагъ, но все было тщетно. На песокъ у «Трехъ Крестовъ» были видны слѣды маленькой ножки, трава была измята, но Вильмы не было. Отчаяніе матери не знало границъ. Во время бѣга густая коса ея развязалась, и прекрасныя черныя волосы падали, какъ змѣя, на ея обнаженныя бѣлыя плечи. Одежда ея была въ беспорядкѣ: она не замѣчала. Она ломала свои прекрасныя руки; голосъ ея прерывался отъ усиленныхъ воплей, но ея крики вспугнули только ворона, который взмахнулъ крыльями, и перелетѣлъ черезъ оврагъ. Она упала на землю, но тотчасъ приподнялась; ей не могло придти на мысль, что Вильма погибла на днѣ страшной пропасти. Изнеможенная, шатаясь, она направила свой путь черезъ сельское кладбище. Можетъ быть, Вильма, думала она, ожидаетъ ее уже дома.

Вечерью. Красноватые лучи заходящаго солнца бросали гигантскія тѣни отъ высоты деревъ. На сельскомъ кладбищѣ все было такъ же тихо, какъ въ то прекрасное утро, когда хоронили маленькаго Генриха. Она шла между крестами. Вдругъ что-то бѣлое мелькнуло передъ ея глазами на недавней могилѣ. Сердце ея забилось страшно; она съ воплемъ бросилась туда. На зеленомъ дернѣ, подъ которымъ спалъ непробуднымъ сномъ маленькій другъ, лежала Вильма. Глаза ея были закрыты; на спокойномъ лицѣ блистала прежняя улыбка;

казалось, дитя улыбалось пріятнымъ видѣніемъ безмятежнаго сна; лъвою рукою поддерживала она головку; въ правой былъ смычекъ и возлѣ лежала драгоценная скрипка. По временамъ тихій вѣтерокъ игралъ длинной лентой, обхватывавшей ея станъ; упоенная счастіемъ мать судорожно сжала ее въ своихъ объятіяхъ, и поцѣлуями разбудила найденное дитя.

На другое утро Вильма съ робостью постучалась у дверей комнаты отца и вошла. Органистъ сидѣлъ за столомъ и писалъ какія-то ноты. Она держала въ рукахъ скрипку, подошла къ отцу, и востановительно поцѣловала его руку. Вильма казалась, стала совершенно прежняя. Недавняя мучительная задумчивость исчезла съ ея лица. Глаза ея горѣли, исполненные жизни; румянецъ по прежнему игралъ на щекахъ, и веселая улыбка открывала рядъ жемчужныхъ зубовъ. Она, казалось, выросла, и сдѣлалась крѣпче и здоровѣе въ это печальное время. Только голосъ ея дрожалъ отъ внутренняго волненія, когда она заговорила.

«Папа», сказала она, и щеки ея зардѣлись румянцемъ стыдливости, «я выдумала вчера пѣсню на смерть Генриха. Позволь мнѣ сыграть ее тебѣ.... послушай ее.»

Органистъ положилъ на столъ перо, улыбнулся снисходительно, но съ сомнѣніемъ, и кивнулъ утвердительно головою.

И она сыграла свою *Элегію*.

Органистъ слушалъ; вдругъ онъ поблѣднѣлъ, черты его лица измѣнились; онъ приподнялся со стула.

«Вильма», вскричалъ онъ, милое дитя, ангелъ, ниспосланный мнѣ небомъ! Какъ долго, слѣпой, не понималъ я тебя! ты гений, дивное дитя!»

И въ первый разъ въ жизни онъ покрылъ ея головку тысячею поцѣлуевъ; цѣловалъ ея глаза, ея темные локоны. И Вильма тоже заплакала, но это были слезы счастья, глубокаго внутренняго счастья, и въ первый разъ въ жизни смѣшались онѣ со слезами счастливаго отца.

«Я не стану рассказывать вамъ дальнѣйшую исторію Вильмы, такъ кончилъ Бенволю. «Вы найдете ее во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ музыкальныхъ фельетонахъ. Два года неутомимаго труда посвятилъ органистъ для окончательнаго музыкальнаго образованія Вильмы. Потомъ онъ объѣхалъ съ нею всю столицу Европы, давая вездѣ безчисленное множество концертовъ. Вы знаете, какой успѣхъ имѣла вездѣ Вильма; ея путешествіе было рядомъ музыкальныхъ триумфовъ. Ея жизнь и игра описаны и разобраны съ мельчайшей подробностью; только никто не разсказалъ намъ внутренней жизни этого чуднаго ребенка. Я старался дополнить этотъ пробѣлъ, раскрыть ея внутреннюю жизнь передъ вами, разоблачить всѣ тайныя фибры ея сердца, но вы, друзья мои, безъ сомнѣнія, захотите сами убѣдиться на дѣлѣ въ справедливости моихъ похвалъ. Послушайте Вильму, и, я убѣжденъ, вы поймете ея игру изъ ея жизни, и ея внутреннюю жизнь—изъ ея игры.»

К. Герцъ.

С.-Петербургъ,
Въ Апрель и Май
1851 года.

СВИТЕЗЯНКА. (*)

(Съ Польскаго.)

Кто эгогъ молодець статный, красивый?
Кто эта дѣвица съ краснымъ?
Вдоль по прибрежью Свитези бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясномъ.

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
Знать онъ — милой другъ красотки-дѣвицы,
Знать она — парня зазноба.

Каждою ночью въ тѣни осокора
Оцъ ее здѣсь поджидаетъ:
Молодець — ловчій изъ здѣшняго бора;
Дѣвица.... кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть — когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть — куда исчезаетъ....
Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
Искрой ночной пропадаетъ.

(*) Есть преданіе, что на берегахъ озера Свитези показываются ундины, которыхъ простой народъ называетъ *Свитезянками*.

«Полно таиться со мной, дорогой,
 Вымолви слово для Бога:
 Где твоя хата и семья родная,
 Какъ къ тебѣ путь и дорога?»

..

«Минуло лѣто, листочки валятся,
 Холодно въ полѣ просторномъ....
 Али всегда мнѣ тебя дожидаться
 Здѣсь на прибрежьи озерномъ?»

..

«Али всегда ты, какъ стѣнь гробовая,
 Бродишь полночной порою?
 Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
 Лучше оставься со мною!»

..

«Вотъ и избенка моя не далечко:
 Видишь—гдѣ въ чащѣ лошина....
 Будеть у насъ съ тобой лавка и печка,
 Будеть и хлѣбъ и дичина.»

..

— «Парнямъ не вѣрю я, что-бы ни пѣли,
 Знаю я все ихъ уловки:
 Въ голосѣ ихъ—соловьиныя трели,
 Въ сердцѣ ихъ—лисьи ссоровки.»

..

«Ты насмѣешься потомъ надо мною,
 Кинешь меня и загубишь!
 Я тебѣ тайну пожалуй открою,
 Только.... ты вправду-ли любишь?»

..

Молодецъ клялся у ногъ своей милой:
 Бралъ горсть сырой земли въ руку,
 Бралъ, заклиная *темною* силой,
 На душу вѣчную муку.

..

— «Будь-же ты втрень въ священномъ обѣтъ:

Если кто клятву забудеть,
Горе ему и на будущемъ свѣтъ,
Горе и здѣсь ему будетъ!»

∴

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ надѣваетъ,
Парню махнула рукой, и, какъ птица,
Въ темныхъ кустахъ изчезаетъ.

∴

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ
Гонится парень: за-даромъ!
Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсѣялась паромъ.

∴

Вотъ онъ остался одинъ надъ водами....
Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногами
Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

∴

Онъ надъ стремниной идетъ торопливо,
Робко поводитъ очами....
Вдругъ вихорь взвылъ по дубровъ сонливой,
Озеро вздулось волнами.

∴

Вздулось, вскипѣло до дна котловины....
Вьявь, али греза ночная?
Тамъ, надъ Свitezью, изъ темной пучины,
Всплыла краса молодая....

∴

Личико чище лилеи прибрежной,
Вспрыснутой свѣжей росомъ;
Легкою тканію стань бѣлоснѣжный
Обвить, какъ легкою мглою.

∴

— «Парень пригожий мой, парень красивый!»

Молвить красавица страстно.

«Кто ты? зачѣмъ надъ Свитезью бурливой
Бродишь порою ненастной?»

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлетной,

Глупой и вѣтровой дѣвки:

Ты по ней сохнешь, а ей, переметной,
Только смѣшки да издѣвки.

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,

Нянчиться съ думой печальной:

Бросься къ намъ въ волны, и будемъ кружиться
Вмѣстѣ по зыби хрустальной.

«Хочешь, мой милый, и ласточкой шибкой

Будешь надъ озеромъ мчаться,

Али здоровой, веселою рыбкой

Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебристой,

Ландышей мы набросаемъ,

Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,

Дивныя грезы узнаемъ!»

Смокнула; вѣтеръ покровъ ей колышетъ,

Млечную грудь открывая....

Ловчій, — хоть смотритъ — не смотритъ, а слышитъ —

Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ

Мчится, воды не касаясь,

То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,

Жѣмчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
 Къ самому краю стремнины,
 Хочетъ прыгнуть — и назадъ отступаетъ:
 Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна подкатилась,
 Плещеть, ласкается, манить....
 Сердце въ немъ замерло; кровь расходилась,
 Память и мысли туманить. ..

И позабылъ онъ про прежнюю любовь,
 Клятвою прѣзрѣлъ святою,
 Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
 Слѣдомъ за новой красою.

Вотъ ужъ надъ плѣсомъ несется онъ смѣло,
 Смѣло очами поводитъ;
 Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
 Дальше да дальше уходитъ.

Ловчій къ красоткѣ плыветъ, что есть мочи,
 Доплылъ и обвилъ руками:
 Смотрится ей въ ненаглядныя очи,
 Льнетъ къ ея губкамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучкою черной
 Вспыхнулъ сквозь тѣмнеть ночную:
 Ловчій взглянулъ и въ красоткѣ озерной
 Призналъ подругу милую.

— «Такъ-то ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ?
 Если кто клятву забудетъ,
 Горю ему и на будущемъ свѣтѣ,
 Горе и *здесь* ему будетъ!»

«Нѣтъ не тебѣ подѣ колодной струєю
 Рыбкой веселой плескаться:
 Тѣло твое распадется землею,
 Очи пескомъ засорятся.

* *

«А за измѣну, душа проклятая
 Вѣчно при томъ осокорѣ
 Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая....
 Горе измѣннику, горе!»

* *

Слушаетъ ловчій, плыветъ торопливо,
 Робко поводитъ очами....
 А вихорь воетъ въ дубровѣ сонливой,
 Озеро вздулось волнами.

* *

Вздулось, вскипѣло до дна котловины,
 Пѣнится, плещетъ и стонетъ....
 Разомъ раскрылись сѣдня пучины:
 Дѣвица съ молодцемъ тонетъ.

* *

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ,
 Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
 Видны доселѣ двѣ блѣдныя тѣни—
 Дѣвица съ молодцемъ краснымъ.

* *

Молодецъ стонетъ въ тѣни осокора,
 Дѣвица въ плѣсѣ играетъ....
 Молодецъ ловчимъ былъ здѣшняго бора;
 Дѣвица.... кто ее знаетъ!

Л. Мей.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЛЕКАРЬ.

ПОВѢСТЬ ГЕРЦОГНИИ Д'АРБУВИЛЬ.

— Боже мой! что это такое?—воскликнули разомъ нѣсколько лицъ, собравшихся въ столовой замка Бюрсн.

Графиня де-Монкаръ только что получила въ наследство по смерти своего дальняго и очень мало оплаканнаго дяди, старый замокъ, котораго еще не видала, хотя онъ былъ въ пятнадцать лѣтъ отъ ея лѣтняго жилища. Г-жа де-Монкаръ, одна изъ самыхъ щеголеватыхъ и почти первыхъ красавицъ въ Парижѣ, мало любила деревню. Выѣзжая изъ Парижа въ концѣ Юня, и возвращаясь туда въ началѣ Октября, она увлекала за собою въ Морванъ нѣкоторыхъ соучастницъ своихъ зимнихъ удовольствій и нѣсколько молодыхъ людей, избранныхъ изъ числа самыхъ усердныхъ ея кавалеровъ въ танцахъ. Мужъ г-жи де Монкаръ былъ гораздо старше ея, и не очень стѣснялъ ее своимъ присутствіемъ. Не слишкомъ злоупотребляя своею свободою, она была порядочно кокетлива, щеголевато пуста, счастлива какой-нибудь бездѣлицею, похвалою, любезностью, мнунтымъ успѣхомъ, она любила балы изъ-за удовольствія выказать свою красоту, любила внушать къ себѣ любовь, для того, чтобы ей подняли цвѣтокъ выпавшій у ней изъ букета; когда же какіе-нибудь старики-родственники дѣлали ей замѣчанія, она говорила:

— Боже мой! дайте же мнѣ смѣяться и смотрѣть на жизнь съ ея веселой стороны: сидѣть въ уединеніи да прислушиваться къ біеніямъ своего сердца гораздо опаснѣе этого! Впрочемъ, я и не знаю, есть ли у меня сердце?

Дѣло въ томъ, что графиня де-Монкаръ сама не знала, чего придерживаться въ этомъ отношеніи. Главное—она хотѣла

чтобы этот предмет остался для нея неизвѣстнымъ, и не считала за нужное размышлять о немъ.

И такъ однажды утромъ, она съ своими гостями пустилась въ путь къ неизвѣстному замку, съ намѣреніемъ провести тамъ цѣлый день. Проселочная дорога, которую называли удобною, должна была сократить до двѣнадцати льѣ предпринимаемое путешествіе. Эта проселочная дорога была ужасная: путешественники заблудились въ лѣсу, одна карета изломалась; наконецъ около полудня, усталые гости, нисколько не восхищавшіеся живописными красотами дороги, достигли замка Бюрси, котораго наружность не вознаграждала за скучное путешествіе.

То было большое строеніе съ почернѣвшими стѣнами. Передъ крыльцомъ запущенный огородъ спускался уступами, потому-что вокругъ замка, построеннаго на скатъ холма, не было плоскаго мѣста; со всѣхъ сторонъ окружали его горы, а деревья, выросшія между утесами, темноватаго цвѣта, наводили грусть. Запущеніе увеличивало еще болѣе дикость этой природы. Г-жа де-Монкаръ въ недоумѣніи остановилась на порогъ своего стараго замка.

— Наша поѣздка нисколько не походитъ на пріятную прогулку, — сказала она, — и я чуть не плачу при видѣ этого мрачнаго мѣста. Однакожъ вотъ прекрасныя деревья, высокіе утесы, шумный потокъ: тутъ можетъ быть и есть какая нибудь прелесть; но все это ужъ слишкомъ для меня серьезно, прибавила она улыбаясь. Войдемте и осмотримъ внутренность.

— Хорошо, посмотримъ, благополучіе ли насъ дохалъ поваръ, который отправился еще вчера, — отвѣчали проголодавшіеся гости.

Вскорѣ они получили пріятную увѣренность, что обильный завтракъ сейчасъ будетъ поданъ, а покамѣстъ пустились осматривать замокъ. Старинная мебель, покрытая холстиною, кресла о трехъ ножкахъ, качавшіеся столы, дребезжащія звуки фортепіано, забытаго здѣсь лѣтъ двадцать тому назадъ, подали поводъ къ разнымъ шуткамъ. Веселость возобновилась.

Вмѣсто того, чтобы жаловаться на неприютность этого неудобнаго жилища, рѣшились смѣяться всему. Къ тому же, для молодаго и празднаго общества день этотъ былъ событіемъ или подвигомъ почти опаснымъ, котораго необыкновенность начинала нравиться воображенію. Въ гостинной затопили было каминъ; но дымъ началъ пробиваться изъ него со всѣхъ сторонъ, и гости убѣжали въ садъ. Страненъ былъ видъ этого сада; каменные скамьи поросли мохомъ; въ стѣнахъ обрушившейся террасы между камнями, плохо связанными одинъ съ другимъ, выросли разныя дикія травы, то поднимавшіяся кверху, то падавшія на землю, какъ гибкія ліаны; алленъ исчезли подъ травой; клумбы, назначенныя для хорошихъ цвѣтовъ, заросли дикими, которыя вырастаютъ вездѣ, гдѣ только небо прольетъ каплю дождя и уронитъ лучъ свѣта; бѣлый выюнокъ окружалъ и заглушалъ кустъ мѣсячныхъ розановъ; дикій шелковичникъ мѣшался съ красными ягодами смородины; папоротникъ, мята съ пріятнымъ запахомъ, волчець съ своими острыми иглами, росли рядомъ съ забытыми лліями. Въ ту минуту, когда путешественники вошли за загородку, множество маленькихъ животныхъ, испуганные необычайнымъ шумомъ, скрылись въ траву, а птицы вылетѣли изъ гнѣздъ, перелетая съ вѣтки на вѣтку. Молчаніе, царствовавшее здѣсь уже въ продолженіи столькихъ лѣтъ, смѣнилось шумомъ голосовъ и веселымъ, громкимъ смѣхомъ. Никто не понялъ этого молчанія; никто не вступилъ въ него съ благоговѣніемъ. Оно возмутилоя и его святыня была осквернена. Начались многослеленные рассказы о различныхъ эпизодахъ пріятныхъ зимнихъ вечеровъ, — рассказы, перемѣшанные любезными намеками, выразительными взорами, скрытыми похвалами, однимъ словомъ тысячами бездѣлокъ, сопровождающихъ разговоры тѣхъ, которые стараются нравиться другъ другу, не имѣя еще права важничать.

Дворецкій, тщетно искавшій вдоль стѣны замка колокольчика, который бы раздавался вдаль, рѣшился наконецъ закричать съ крыльца, что завтракъ готовъ. Улыбка, сопровождавшая эти слова, показывала, что и онъ, какъ его господа,

рѣшается пзмѣнить своимъ привычкамъ къ этикету и приличію. Весело съли за столъ, забывъ про старый замокъ, про пустыню, въ которой онъ находился, про грусть, царствовавшую повсюду; всѣ говорили разомъ, пили здоровье владѣтельницы замка, или скорѣе волшебницы; которой одно присутствіе сдѣлало изъ этихъ развалинъ очарованный дворець. Вдругъ всѣхъ обратились къ окнамъ столовой.

— Что это такое?—воскликнули гости.

Передъ окнами замка проѣхала, и остановилась маленькая пновая зеленая тележка, съ колесами, вышиною съ самый кузовъ; въ нее заложена была сѣреньяя низенькая лошадка, котóрой глаза были угрожаемы оглоблями, поднимавшимися отъ кабриолета кверху. Изъ-за жесткаго фартука видѣлись только два рукава синей блузы, да кнутъ, щекотавшій уши сѣренькой лошади.

— Боже мой!—воскликнула г-жа де-Монкаръ, я забыла предъупредить васъ, что была принуждена просить къ завтраку деревенскаго лекаря, старика, который оказалъ нѣкогда большія услуги семейству моего дяди, и котораго я видѣла вскользь два или три раза; не пугайтесь этого гостя, онъ очень молчаливъ. Послѣ нѣсколькихъ учтивостей, мы станемъ болтать, какъ бы его и не было, къ тому же я не думаю, чтобы его посѣщеніе продолжилось.

Въ эту минуту дверь въ залу отворилась; и—вошелъ докторъ Барнабе. То былъ слабый, хилый старикъ, съ лицомъ пріятнымъ и спокойнымъ. Его сѣдые волосы были связаны на затылкѣ и образовали косу, по старинной модѣ. Пудра покрывала его виски и морщинистый лобъ, на немъ былъ черный кафтанъ и нижнее платье со стальными прижками.

На одной рукѣ у него висѣлъ пюсовый тафтяный сюртукъ на ватъ, въ другой онъ держалъ большую трость и шляпу. Весь нарядъ деревенскаго лекаря показывалъ, что онъ въ этотъ день одѣлся съ большимъ стараніемъ, но черные чулки и платье лекаря были покрыты большими пятнами грязи, какъ будто бы бѣдный старикъ упалъ въ какую-нибудь яму. Онъ остановился въ дверяхъ, удивленный тѣмъ, что

попалъ въ такое многочисленное общество. Нѣкоторое замѣшательство изобразилось у него на лицѣ; но вскорѣ онъ оправился и поклонился, молча. При этомъ странномъ появленіи всѣ готовы были разразиться громкимъ смѣхомъ, но всѣ болѣе или менѣе старались отъ него удержаться. Одна г-жа де-Монкаръ, какъ хозяйка дома, не желая измѣнить законамъ учтивости, сохраняла степенный видъ.

— Боже мой! г-нъ докторъ, васъ, кажется, вывалили, — спросила она.

Барнабе, прежде отвѣта, поглядѣлъ на молодежь, среди которой онъ попалъ, и, не смотря на простоту и безхитрость, выразившіяся у него на лицѣ, не могъ не замѣтить веселости, причиненной его появленіемъ.

— Меня не вывалили, — отвѣчалъ онъ просто. — Бѣдный извозчикъ упалъ подъ колесо своей телеги; я проѣзжалъ мимо и поднималъ его.

И лекарь направилъ шаги свои къ пустому стулу, стоявшему у стола. Онъ взялъ салфетку, развернулъ, продѣлъ конецъ ея въ петлю своего кафтана, и такимъ образомъ покрылъ себѣ грудь и колѣна.

При этой выходкѣ, улыбка замелькала на лицахъ гостей; шопотъ прервалъ молчаніе. Этотъ разъ докторъ уже не поднималъ глазъ, можетъ быть и не видалъ ничего.

— А что, много больныхъ въ деревнѣ? — спросила г-жа де-Монкаръ, въ то время, какъ новоприбывшему подавали кушанье.

— Много, сударыня.

— Такъ стало быть климатъ нездоровъ?

— Нѣтъ, сударыня.

— Но отъ чего же просходятъ эти болѣзни?

— Отъ сильнаго зноя во время жатвы, отъ сырости и холода во время зимы.

Одинъ изъ гостей, притворяясь очень важнымъ, вмѣшался въ разговоръ.

— И такъ, сударь, въ этой здоровой странѣ бываютъ болѣзны круглый годъ?

Докторъ поднялъ свои сѣренькіе глазки на вопрошающаго, посмотрѣлъ на него, колебался, какъ будто удерживаясь отъ отвѣта или пріискивая его. Г-жа де-Монкаръ прибавила ласково:

— Я знаю, что вы здѣсь служите ангеломъ-хранителемъ для всѣхъ страждущихъ.

— О! вы слишкомъ добры!—отвѣчалъ старикъ.

И онъ, казалось, очень занялся кускомъ пирога, который положилъ себѣ на тарелку.

Тутъ лекаря Барнабе оставили въ покоѣ, и разговоръ возобновился.

Если кто-нибудь случайно обращалъ взоры на кроткаго старика, то не опускалъ при этомъ бросить легкую насмѣшку, думая, что въ связи съ другими словами, она останется незамѣтною тому, кто былъ ея причиною. Это происходило не отъ того, чтобы молодые люди и молодыя женщины были обыкновенно неучтивы, или не имѣли добраго сердца; но въ этотъ день, путешествіе, вліяніе завтрака, ихъ собраніе, смѣхъ, начавшійся съ происшествій дня, все возбудило безумную радость, сообщительную насмѣшливость, которая дѣлала ихъ немилосердными къ жертвѣ, посланной имъ случаемъ. Лекарь, казалось, кушалъ спокойно, не поднимая глазъ, не слушая, не говоря ни слова; его считали за глухаго и нѣмаго, и завтракъ кончился непринужденно.

Когда вышли изъ-за стола, лекарь Барнабе сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, оставилъ мужчинамъ волю свободно выбирать женщинъ, которыхъ они хотѣли вести въ гостинную. Одна изъ подругъ г-жи де-Монкаръ осталась безъ пары; деревенскій лекарь застенчиво подошелъ къ ней и предложилъ отвести ее не подъ руку, а за руку. Пальцы молодой женщины едва касались пальцевъ доктора, который, наклонившись слегка, въ знакъ уваженія, мѣрными шагами отиравался къ гостинной. Новыя улыбки приветствовали этотъ входъ; но никакое облачко досады не показалось на лицѣ старика, котораго объявили слѣпымъ такъ же, какъ глухимъ и нѣмымъ.

Г-нъ Барнабе, отдѣлившись отъ прочаго общества, пріискалъ себѣ самый маленькій и скромненькій стулъ изъ всей гостинной. Онъ подвинулъ его въ уголокъ, вдаль отъ прочихъ, сѣлъ на него, поставилъ трость между колѣнами, скрестилъ руки на набалдашникъ трости, и оперся подбородкомъ на руки. Въ этомъ глубокомысленномъ положеніи, онъ сидѣлъ молча, и время отъ времени глаза его закрывались, какъ будто бы сладкій сонъ, котораго онъ не призывалъ и не отталкивалъ, готовъ былъ имъ овладѣть.

— Г-жа де-Монкаръ, — воскликнулъ одинъ изъ путешественниковъ, — я надѣюсь, что вы не намѣрены жить въ этой пустынь и этихъ развалинахъ?

— Разумѣется, я не намѣрена; но вотъ тутъ есть высокія деревья, рощи. Г-нъ де-Монкаръ, можетъ быть, вздумаетъ, во время охоты, провести здѣсь нѣсколько осеннихъ мѣсяцевъ.

— Но въ такомъ случаѣ надобно ломать, перестроивать, очищать, вырубать!

— Составьте планъ, — воскликнула молодая графиня; пойдемте, и разобьемъ будущій садъ монхъ владѣній.

Но эта прогулка не состоялась. Въ ту же минуту разразилась огромная туча, и пошелъ мелкій и частый дождикъ. Невозможно было выдти изъ гостинной.

— Боже мой! что намъ дѣлать? — продолжала г-жа де-Монкаръ; лошади должны отдыхать еще нѣсколько часовъ. Вероятно дождь не скоро перестанетъ. Здѣсь все заросло травою, такъ что едва можно тронуться съ мѣста, прежде недѣли; всѣ струны у фортепіано лопнули. На разстояніи десяти верстъ не сыщешь ни одной книги. Эта гостинная холодна и печальна до смерти; что съ нами будетъ?

Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ, не за долго столь шумномъ, изчезала веселость; шепотъ и смѣхъ замѣнило молчаніе. Всѣ подошли къ окнамъ; смотрѣли на небо: оно было мрачно и покрыто тучами. Вся надежда на прогулку сдѣлалась невозможною. Усѣлись кое-какъ на старинную мебель. Старались возбудить разговоръ; но бываютъ такія мысли, которыя нуждаются, подобно цвѣтамъ, въ солнцѣ, и изчезаютъ, когда

небо сдѣлается мрачно. Всѣ эти молодыя головки склонились подъ грозою, какъ въ саду тополи, которые видно качались по волю вѣтра передъ лѣнвыми взорами присутствующихъ. Печально прошелъ цѣлый часъ.

Владѣтельница замка, огорченная малымъ успѣхомъ своей прогулки, безсознательно смотрѣла вдаль, небрежно опершись о балконъ.

— Вотъ,— сказала она,— тамъ на холмѣ я велю сломать бѣлый домикъ; онъ портитъ видъ.

— Бѣлый домикъ!— воскликнулъ докторъ.

Уже болѣе часу Барнабе сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ. Радость, скука, солнце, дождь, все смѣнялось одно за другимъ, не заставивъ его выговорить ни слова. Объ его присутствіи даже забыли, и потому взоры всѣхъ вдругъ обратились на него, когда онъ произнесъ эти два слова: Бѣлый домикъ!

— Отъ чего же занимаетъ васъ этотъ домикъ, г-нъ докторъ?— спросила графиня.

— Боже мой! вообразите, сударыня, что я не сказалъ ни слова. Его безъ сомнѣнія слѣмають, если ужъ такова ваша воля....

— Но отъ чего сожалѣете вы объ этихъ старыхъ развалинахъ?

— Потому.... Боже мой, потому-что въ нихъ жили люди, которыхъ я любилъ.... и....

— И они намѣрены возвратиться туда, г-нъ докторъ?

— Они умерли давно, сударыня, умерли тогда, какъ я еще былъ молодъ!

И старикъ печально посмотрѣлъ на бѣлый домикъ, который по ту сторону горы возвышался между лѣсомъ, какъ маргаритка посреди травы.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Графиня,— сказалъ одинъ изъ путешественниковъ на ухо г-жѣ де-Монкаръ;— тутъ есть, какал-то тайна. Посмотрите, какъ нашъ Эскулапъ сдѣлался мраченъ; какал-нибудь чув-

ствительная драма произошла въ этомъ домикѣ; любовь молодости, можетъ быть. Попросите доктора разсказать намъ объ этомъ.

— Да! да! шептали со всѣхъ сторонъ: повѣсть! повѣсть! и если не достанетъ въ ней занимательности, то, по крайней мѣрѣ, краснорѣчіе оратора вознаградитъ насъ за это.

— Совсѣмъ нѣтъ, господа!—отвѣчала вполголоса графиня де-Монкаръ;—если я попрошу г-на Барнабе разсказать вамъ исторію бѣлаго домика, то съ условіемъ, чтобы никто не смѣялся.

И когда всѣ обѣщались быть степенными и учтивыми, г-жа де-Монкаръ подошла къ Барнабе.

— Милый докторъ,—сказала она,—посмотрите, какая дурная погода! какъ все скучно! Вы—самый старшій изъ насъ, разскажите намъ вашу повѣсть! Заставьте насъ забыть дождь туманъ и холодъ.

Барнабе посмотрѣлъ на графиню съ большимъ удивленіемъ.

— Тутъ нѣтъ никакой повѣсти,—сказалъ онъ;—то, что произошло въ бѣленькомъ домикѣ, очень просто, и возбуждаетъ участіе только во мнѣ, потому что я любилъ этихъ молодыхъ людей; посторонніе не могутъ назвать этого повѣстью. Да при томъ же я не умѣю ни разсказывать, ни распространяться, когда меня слушаютъ. И сверхъ того, мой разсказъ грустенъ, а вы пріѣхали сюда для забавы.

Докторъ снова оперся подбородкомъ о трость.

— Милый докторъ,—продолжала графиня,—бѣлый домикъ останется на своемъ мѣстѣ, если вы намъ разскажете, что именно заставило васъ любить его.

Старикъ, казалось, былъ нѣсколько тронутъ; онъ положилъ ногу на ногу, опять снялъ, съискалъ табакерку, и не открывъ, положилъ ее въ карманъ, потомъ, смотря на графиню, сказалъ, показывая своею худою и дрожащею рукою на домикъ, виднѣвшійся вдали.

— Вы не сломаете его?

— Даю вамъ слово.

— Ну! такъ и быть! я сдѣлаю это для нихъ; я спасу домъ, въ которомъ они были счастливы... Господа, продолжалъ старикъ, я не умѣю говорить хорошо; но полагаю, что самый послѣдній невѣжда всегда можетъ заставить себя понять, говоря о томъ, что видѣлъ; эта повѣсть, предъупреждаю васъ, не весела. Когда хотятъ пѣть и танцовать, обыкновенно призываютъ музыканта; а когда страдаютъ, находятъ при смерти, то призываютъ врача.

Вокругъ доктора Барнабе составилъ кружокъ, и старикъ, скрестивъ руки на своей трости, спокойно началъ слѣдующій разговоръ, обращаясь къ слушателямъ, которые втихомолку надѣялись надъ нимъ посмѣяться.

«Это было давно, во время моей молодости, потому—я вѣдь тоже былъ молодъ. Молодость такая вещь, которая принадлежитъ равно всѣмъ, бѣднымъ и богатымъ, но не остается ни чьею постоянною собственностію. Я только что кончилъ свои экзамены, былъ удостоенъ степени лекаря, и увѣренный, что, благодаря мнѣ, люди перестанутъ умирать, явился въ свою деревню проявить свои великія дарованія.

«Моя деревня не далеко отсюда. Изъ окошечка моей комнаты со стороны противоположной той, куда вы теперь смотрите, мнѣ видѣнъ былъ бѣлый домикъ. Моя деревня, на ваши глаза, вѣроятно не очень красивая. Для меня она была прекрасна; я въ ней родился, и любилъ ее. Каждый смотритъ по своему на то, что любить, и старается постоянно поддерживать эту любовь. Богъ допускаетъ время отъ времени ослѣпленіе; видѣть всегда ясно, на семь свѣтъ не составляетъ никакой прибыли. И такъ это мѣсто казалось мнѣ очень веселымъ, оживленнымъ: я умѣлъ жить въ немъ счастливо. Одинъ только бѣлый домикъ, когда по утрамъ я открывалъ свои ставни, неприятно поражалъ меня; онъ всегда былъ запертъ, молчаливъ и печаленъ, какъ преданный за пустыню. Никогда не видалъ я, чтобы окна открывались или закрывались, чтобы отворялась дверь, чтобы кто-нибудь входилъ за загородку сада. Вашъ дяюшка, не зная, что дѣлать съ избушкою возлѣ замка, старался отдать ее внаймы; по

цѣна была немного высока, а между нами никто не былъ богатъ.

«— Такое славное жилище, говорилъ я самъ себѣ, а жить некому—пропащее добро!

«Вдругъ я началъ замѣчать съ каждымъ днемъ, что видъ дома измѣнялся, голыя стѣны скрывались за кадочками съ цвѣтами. Предъ крыльцомъ разбили цвѣтникъ, вычищенные дорожки усыпали пескомъ, и на окнахъ заблестала отъ солнца кисея, бѣлая какъ снѣгъ. Наконецъ, однажды, почтовая карета проѣхала по деревнѣ, и остановилась передъ заборчикомъ. Кто были эти чужеземцы? никто не зналъ, но всѣ въ деревнѣ желали знать. Долго не было никакого слуху о томъ, что происходило въ этомъ жилищѣ; только видно было, какъ цвѣли розаны и зеленѣлся дернъ. Сколько истолкованій было на эту тайну! говорили, что это—искатели приключеній; что это—молодой человекъ съ своею возлюбленною; наконецъ разгадали все, кромѣ правды. Истина такъ проста, что на нее рѣже всего нападаютъ мыслию; умъ, однажды пришедши въ движеніе, ищетъ на право и на лѣво, а не догадается посмотреть прямо передъ собою. Я нисколько не безпокоился.

«Кто бы не жилъ тамъ, говорилъ я самъ себѣ, но все же это люди; слѣдовательно они долго не проживутъ безъ страданія или болѣзни, и—пришлютъ за мною. Я ждалъ терпѣливо.

«Въ самомъ дѣлѣ, однажды утромъ сказали мнѣ, что г-нъ Вильямъ Мередитъ просить меня къ себѣ. Я нарядился въ свое лучшее тогдашнее платье, и желая придать себѣ важности, приличной моему званію, прошель всю деревню, нѣсколько гордясь своимъ достоинствомъ. Многіе завидовали мнѣ въ тотъ день! Всѣ вышли за порогъ, чтобы видѣть, какъ я пройду. «Онъ идетъ въ бѣлый домикъ», говорили между собою; а я, не торопясь, по видимому пренебрегая пошлымъ лобопытствомъ, шель медленно, кланяясь своимъ сосѣдямъ—крестьянамъ, и говоря имъ: «До свиданія, друзья мои, немножко попозднѣе, а теперь, по утру, у меня есть дѣло.» И такимъ образомъ дошелъ я до того холма.

«При входѣ моемъ въ гостинную этого таинственнаго домика, я былъ обрадованъ зрѣлищемъ, которое поразило мои взоры: все было просто и мило. Самымъ лучшимъ украшеніемъ этой комнаты служили цвѣты; они были такъ искусно разставлены, что самое золото не лучше бы украсило это жилище; бѣлая кисея на окнахъ, бѣлый миткаль на креслахъ, вотъ и все; но тутъ росли розы, жасмины, и другіе цвѣты всевозможныхъ родовъ, какъ будто бы въ саду. Свѣтъ умѣрялся оконными занавѣсями, воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ, а на софѣ сидѣла молодая дѣвушка или молодая женщина, бѣлая и свѣжая, какъ и все ее окружающее; она привѣтствовала меня улыбкою. Прекрасный молодой человекъ, сидѣвшій возлѣ нея на табуретѣ, всталъ, когда доложили о докторѣ Барнабе.

«— Милостивый Государь, сказалъ онъ мнѣ очень замѣтнымъ иностраннымъ выговоромъ; здѣсь всѣ такъ много говорятъ о вашей учености, что я ожидалъ увидѣть старика.

«— Милостивый государь, отвѣчалъ я, я занимался серьезно, и вполне постигаю всю отвѣтственность и важность своего званія; вы можете быть во мнѣ увѣрены.

«— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, я предоставляю на ваши попеченія жену, которой теперешнее положеніе требуетъ нѣкоторыхъ совѣтовъ и предосторожностей. Она родилась далеко отсюда; оставила семейство и друзей, чтобы за мной слѣдовать. А у меня для того, чтобы ходить за нею, только одна любовь, и нѣтъ никакой опытности. Я надѣюсь на васъ, милостивый государь; предохраните, если можно, ее отъ всѣхъ страданій.

«— Говоря эти слова, молодой человекъ устремилъ на жену взоръ, исполненный такой любви, что на голубыхъ глазахъ чужестранки заблестали слезы благодарности. Она выпронила изъ рукъ маленькій чепчикъ, который вышивала, и обѣими руками сжала руки мужа.

Я смотрѣлъ на нихъ, и, кажется, долженъ былъ считать участь ихъ завидною; а вышло совсѣмъ не то: мнѣ стало грустно, не умѣю сказать почему. Я часто видалъ, какъ

плакали люди, о которых говорили: «как они счастливы!» Видя, какъ улыбались Вильямъ Мередитъ и его жена, я тѣмъ не менѣе полагалъ, что у нихъ есть какое-нибудь горе. Я съѣлъ возлѣ своей прекрасной больной. Никогда не видалъ я ничего прекраснѣе этого прелестнаго личика, окруженнаго длинными бѣлокурыми локонами.

«—Который вамъ годъ, сударыня?

«— Оснадацатый!

«— Этотъ край по климату во многомъ различенъ отъ вашего?

«— Я родилась въ Америкѣ, въ Новомъ Орлеанѣ! О! тамъ солнце прекраснѣе здѣшняго!

«Но она, видно, испугалась, что выразила сожалѣніе, потому что прибавила:

«— Впрочемъ всякая страна хороша, когда живешь въ домѣ мужа, возлѣ него, и ожидаешь ребенка.

«— Она взоромъ своимъ искала глазъ Вильяма Мередитъ; потомъ на незнакомомъ для меня языкѣ они произнесли нѣсколько словъ, и вѣроятно словъ любви.

«Пробывши у нихъ нѣсколько времени, я отправился, обѣщаясь придти опять.

«Я пришелъ вторично, и по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, сдѣлался почти другомъ въ ихъ молодомъ хозяйствѣ. Г-нъ и г-жа Мередитъ жили не эгонстическимъ счастіемъ: у нихъ доставало времени думать и о другихъ. Они поняли, что бѣдный деревенскій лекарь, не имѣя другаго общества, кромѣ общества крестьянъ, считаетъ благословеннымъ тотъ часъ, въ который слышитъ свѣтскій разговоръ. Они привлекли меня къ себѣ, рассказали мнѣ свои путешествія, и вскорѣ, съ полною откровенностію, отличающею молодость, рассказали мнѣ свою исторію. Молодая женщина начала такъ:

«— Докторъ, сказала она, тамъ за моремъ, у меня есть отецъ, сестры, семейство, друзья, которыхъ я давно любила, до самаго дня, въ который полюбила Вильяма, но я закрыла свое сердце для тѣхъ, кто не принималъ моего друга. Отецъ Вильяма запрещалъ ему на мнѣ жениться, потому что онъ былъ

слишкомъ знатенъ для дочери американскаго плантатора; мой отецъ запрещалъ мнѣ любить Вильяма, потому что былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы отдать дочь свою въ семейство, которое приняло бы ее не съ любовію. Насъ хотѣли разлучить; но мы любили другъ друга. Мы долго молились, плакали, просили милости у тѣхъ, кому обязаны были повиноваться; они оставались непреклонными; а мы все-таки любили другъ друга. Докторъ, любили ли вы когда-нибудь? я бы желала этого для того, чтобы вы были къ намъ снисходительнѣе. Мы обвинялись тайно и бѣжали во Францію. О! какъ прекрасно мнѣ показалось море въ первые дни нашей любви! Оно было гостепріимно для двухъ бѣглецовъ. Блуждая между волнъ, въ тѣни большихъ корабельныхъ парусовъ, мы наслаждались счастливыми днями, мечтая о прощеніи нашихъ родныхъ, и суля себѣ въ будущемъ одну только радость. Увы! не то случилось на дѣлѣ. Насъ преслѣдовали, и пользуясь какимъ-то опущеніемъ въ формѣ нашего тайнаго брака, честолюбивое и жестокое семейство Вильяма хотѣло разлучить насъ. Мы скрылись въ этихъ горахъ и лѣсахъ, живемъ въ неизвѣстности и подъ чужимъ именемъ. Батюшка никогда не хотѣлъ простить мнѣ; онъ проклиналъ меня!... Вотъ, докторъ, отчего не всегда могу я улыбаться, даже возлѣ моего милаго Вильяма.

«Боже мой! какъ они любили другъ друга! Никогда не видалъ я, чтобы кто-нибудь предался другому такъ, какъ предалась Ева Мередитъ своему мужу! чѣмъ бы она не занималась, она садилась такъ, чтобы могла, поднявъ глаза, смотрѣть на Вильяма и видѣть его. Она читала только тѣ книги, которыя читалъ онъ. Опершись головою на плечо мужа, она слѣдила глазами за строчками, на которыхъ останавливались глаза Вильяма; ей хотѣлось, чтобы даже однѣ мысли поражали ихъ въ одно время; идучи къ нимъ и проходя черезъ ихъ садъ, я всегда улыбался, видя на пескѣ дороги слѣды маленькихъ ножекъ Евы возлѣ слѣдовъ Вильяма. Какая разница, господа, между этимъ уединеннымъ и старымъ домикомъ, который вы видите тамъ, и хорошенькимъ жилищемъ молодыхъ друзей моихъ!

Сколько цвѣтовъ покрывали его стѣны! сколько букетовъ на столахъ и стульяхъ! Сколько очаровательныхъ книжекъ, полныхъ исторiями любви, походившей на ихъ любовь! Сколько веселыхъ пичекъ распѣвали возлѣ нихъ! Какъ хорошо было жить тамъ и быть нѣсколько любимымъ тѣми, кто такъ сильно любилъ другъ друга. Но знать совершенно справедливо говорить, что счастье на землѣ не долговѣчно, и что Богъ дастъ его всегда по немногу.

«Однажды утромъ Ева Мередитъ показала мнѣ больною. Я спросилъ ее съ тѣмъ участiемъ, которое питалъ къ ней, и она быстро отвѣчала мнѣ:

«— Послушайте, докторъ, не ищите такъ далеко причину моей болѣзни; не щупайте пульса, у меня сердце бьется слишкомъ сильно. Говорите, пожалуй, докторъ, что я ребенокъ, но у меня сегодня утромъ маленькое горе: Вильямъ ѣдетъ; да, онъ ѣдетъ за горы, въ сосѣдній городъ, за деньгами, которыя намъ присылаютъ.

— А когда возвратится онъ?—спросилъ я тихо. Она улыбнулась, почти покраснѣла, и со взоромъ, который, казалось, говорилъ: «Не смѣйтесь надо мною,» отвѣчала: *Нынче вечеромъ!*

«Я никакъ не могъ удержаться отъ улыбки, не смотря на взглядъ, которымъ она умоляла меня.

«Въ эту минуту слуга подвелъ къ крыльцу лошадь для г-на Мередитъ. Ева встала, пошла въ садъ, подошла къ лошади, и глядя ее по гривѣ, приложила свою голову ей къ шеѣ, можетъ быть для того, чтобы скрыть свои слезы. Пришелъ Вильямъ, и, вскочивъ на лошадь, тихо приподнял голову жены.

«— Дитя! сказалъ онъ, смотря на нее съ любовiю и цѣлуя ее въ лобъ.

«— Вильямъ! да вѣдь мы еще никогда не разставались на столько часовъ сряду.

«Г-нъ Мередитъ нагнулся къ Евѣ, и снова поцѣловалъ ея прекрасные бѣлокурые волосы; потомъ прищипорилъ коня и пустился въ галопъ. Я увѣренъ, что и онъ былъ немногъ.

тронуть! ничто не может быть заразительнее слабости любимых существ; слезы вызываются слезами, и нет ничего прекрасного в том мужестве, которое оставляет нас нечувствительными при виде плачущаго друга.

«Я ушел от них, и войдя в комнату моего домика, стал размышлять о великом счастье любить. Я спрашивал себя, придет ли когда-нибудь и ко мне другая Ева разделить со мною мое бедное жилище; я и не подумал рассмотреть, достоин ли я быть любимым. Боже мой! смотря, как люди предаются другим, видишь, что не по каким-либо причинам, и не из-за чего-либо так много любят; они любят, потому что это им необходимо, неизбежно; они любят по своему сердцу, а не по сердцу других. Ну, вот этого-то счастья, по которому встрѣчаешь душу нуждающуюся в любви, я искал точно также, как искал по дорогѣ в моих утренних прогулках благоухающаго цвѣтка.

«Я мечтал таким образом, хотя и непохвально то чувство, которое при виде счастья других, заставляет нас сожалеть о том, чего нам не достает. Не скрывается ли тут некоторая зависть? и если бы можно было красть радость, как крадут золото, то не сделали-ли-бы мы из этого воровства?

«День прошол, и я только что кончал свой утренний ужин, как пришли от г-жи Мередит просить меня к ней. Через пять минут, я был уже у дверей блага домика. Я нашел Еву одну, сидѣвшую на софѣ, без работы, без книги, блѣдную и дрожащую.

«— Пожалуйста, доктор, пожалуйста, сказала она мне своим сладким голосом; я не могу оставаться одна. Посмотрите, как поздно! вот уже два часа, как ему надобно бы прийти, а его все еще нет!

«Я был удивлен продолжительным отсутствием г. Мередит; но чтобы успокоить его жену, отвѣчал равнодушно: Как можем мы знать, сколько времени потребно для его дѣла, для которых поѣхал он в город. Может быть

заставили его дожидаться; стряпчаго не было дома, надобно было составить и подписать какія-нибудь бумаги....

«— О! докторъ, ужъ я знала, что вы успокоите меня какими-нибудь утѣшительными словами. Я не колебалась послать за вами; мнѣ нужно было, чтобы кто-нибудь сказалъ, что неблагоприятно бояться такимъ образомъ. Боже мой! Какъ дологъ былъ этотъ день. Докторъ, развѣ есть люди, которые могутъ жить одни? Развѣ они не умираютъ тотчасъ же, какъ будто отнимали у нихъ половину воздуха, которымъ они дышать? Но вотъ бьетъ восемь часовъ.

Въ самомъ дѣлѣ било восемь. Я не могъ понять, почему не возвращается Вильямъ. На всякій случай, я сказалъ г-жѣ Мередитъ:

«— Солнце едва начинаетъ садиться; еще свѣтло, а вечеръ превосходный. Пойдемте подышать благоуханіемъ цвѣтовъ; пойдемте на дорогу. И вашъ мужъ встрѣтитъ васъ.

«Она оперлась мнѣ на руку и пошла къ калиткѣ садика. Я старался остановить ея вниманіе на окружающихъ предметахъ. Она сначала отвѣчала мнѣ, покорно какъ ребенокъ; но я чувствовалъ, что мысли ея были далеки отъ словъ. Ея безпокойный взоръ былъ устремленъ на зеленую калитку, еще полу-отворенную, какъ и при отъѣздѣ Вильяма.

«Она оперлась о деревья, потомъ дала волю говорить, улыбаясь время отъ времени, чтобы поблагодарить меня; потому-что по мѣрѣ, какъ проходило время, она лишалась мужества отвѣчать мнѣ. Глаза ея слѣдили за захожденіемъ солнца, и сѣроватыя тѣни, заступившія мѣсто блестящихъ лучей, вѣрно показывали теченіе времени. Все темнѣло вокругъ насъ; дорога, видѣвшаяся въ своихъ бѣлыхъ изгибахъ, исчезла у насъ изъ глазъ подъ тѣнью большихъ деревьевъ, и на деревенскихъ часахъ пробило девять. Ева вздрогнула; я самъ чувствовалъ, какъ каждый ударъ отзывался мнѣ въ сердцѣ. Мнѣ жаль было видѣть, какъ страдала эта бѣдная женщина.

«— Подумайте, сударыня, отвѣчалъ я ей (она не говорила со мною, но я отвѣчалъ на безпокойство, выразившееся во

всѣхъ чертахъ ея), подумайте, что г. Мередитъ можетъ ѣхать не иначе, какъ шагомъ; дороги въ лѣсу часто перерѣзаны скалами, которыя не позволяютъ ѣхать скоро.

«Я говорилъ ей такъ, чтобы только успокоить немного, а на дѣлѣ я самъ не могъ уже растолковать себѣ причину отсутствія Вильяма. Я зналъ хорошо разстояніе, и зналъ тоже, что я успѣлъ бы съѣздить два раза въ городъ, и два раза возвратиться съ тѣхъ поръ, какъ онъ выѣхалъ изъ дома. Вечерняя роса начала проникать наип платя, особливо кисею на молодой женщинѣ. Я опять взялъ ее за руку и увлекъ за собою въ домъ. Она послушно пошла за мною. У ней былъ слабый характеръ, въ которомъ все было покорно, даже самое горе. Она шла медленно, наклонивши голову, и устремивъ глаза на слѣды, оставленные по песку лошадыю ея мужа. Но Боже мой! какъ было грустно, возвращаться ночью, и все еще безъ Вильяма! Напрасно прислушивались мы: природа была погружена въ глубокое молчаніе, которое ничѣмъ не прерыввается въ деревнѣ при наступленіи ночи. Какъ всякое чувство, безпокойство тогда увеличивается! Земля кажется такою грустною посреди мрака, что какъ будто напоминаетъ намъ, что и все омрачается въ жизни. Видъ этой женщины наводитъ меня на эти размышленія, одинъ же, я бы никогда не подумалъ объ этомъ.

«Мы вошли въ домъ. Ева сѣла на канapé и осталась неподвижною, скрестивши руки на колѣняхъ, и склонивши голову на грудь. На каминъ поставили лампу, и свѣтъ падалъ вполне на лицо Евы. Никогда не забуду я его болезненнаго выраженія: она была блѣдна совершенно; лобъ и щеки были одинаковаго цвѣта; вечерняя сырость развила кудри ея волосъ, падавшихъ въ безпорядкѣ по плечамъ. Глаза ея были полны слезъ, и дрожащія безцвѣтныя губы показывали, какого усилія стоило ей удержаться отъ слезъ. Она была такъ молода, что ея кроткое пріятное лицо походило скорѣе на лицо ребенка, которому запрещаютъ плакать.

«Я началъ безпокоиться и не зналъ, что говорить съ г-жею Мередитъ. Я вспомнилъ вдругъ (то была истинная мысль

лекаря), что посреди этихъ безпокойствъ, Ева еще ничего не ѣла съ такого утра, а въ ея положеніи было бы неблаго-разумно не принимать такъ долго никакой пищи. При первомъ словѣ, которое сказалъ я объ этомъ, она подняла на меня глаза съ такимъ выраженіемъ упрека, что тогда отъ движенія рѣсницъ двѣ слезы потекли у ней по щекамъ.

«— Для вашего дитяти, сударыня, сказалъ я.

«— Ахъ! ваша правда! прошептала она.

«И она встала, чтобы идти въ столовую; но въ столовой на маленькомъ столикѣ было накрыто на два прибора, и это показалось мнѣ тогда такъ грустнымъ, что я не могъ сказать ни слова, не могъ сдѣлать никакого движенія. Мое возра-ставшее безпокойство дѣлало меня чрезвычайно неловкимъ; я впрочемъ и вообще не умѣлъ говорить того, чего не думалъ. Молчаніе продолжалось.

«— Однакожъ, говорилъ я про себя, я сижу здѣсь, чтобы утѣшать ее; она послала за мною съ этимъ намѣреніемъ. Можно найти тысячу причинъ, чтобы объяснить его замѣденіе; поищемъ хоть одну....

«Я искалъ, искалъ.... потомъ оставался молчаливымъ, тысячу разъ на каждую минуту проклиная малое присутствіе духа бѣднаго деревенскаго лекаря.

«Ева оперлась на руку, и ничего не ѣла. Вдругъ она быстро повернулась ко мнѣ, и зарыдавъ, сказала:

«— О! докторъ, я вижу, что и вы безпокоитесь!

«— Э, нѣтъ, нѣтъ, сударыня, возразилъ я на удачу. Отчего мнѣ безпокоиться? Онъ остался обѣдать у стряпчаго. Эта сторона спокойна; къ тому же никто не знаетъ, что онъ вдетъ съ деньгами.

«Яна противъ высказалъ одно изъ моихъ опасеній, я зналъ, что утромъ толпа нездѣшнихъ жнецовъ, идучи въ сосѣдственный департаментъ, прошла деревнею.

«Ева вскрикнула.

«Воры! воры! сказала она. Я и не подумала объ этой опасности!

«— Но, сударыня, я говорю про это для того, чтобы сказать, что этого нѣтъ.

«— О! эта мысль пришла вамъ, докторъ, потому, что вы полагали это несчастіе возможнымъ! Вильямъ! мой Вильямъ! зачѣмъ ты оставилъ меня? воскликнула она, заплакавъ.

«Я стоялъ передъ нею, въ отчаяніи отъ своей неловкости, опасаясь за всякую мысль, нащептывая себя нѣсколько безсвязныхъ словъ, и чувствуя къ довершенію всего, какъ глаза мои наполнялись слезами.

«Ну! я самъ сейчасъ заплачу, только этого и не доставало.

«Наконецъ у меня въ головѣ блеснула мысль.

«— Г-жа Мередитъ, сказалъ я, я не могу видѣть, какъ вы мучитесь, и быть съ вами, не умѣя сказать вамъ чего-нибудь въ утѣшеніе. Я отправляюсь искать вашего мужа, наудачу пойду по какой-нибудь дорогѣ въ лѣсу, стану вездѣ смѣтрѣть, звать,—пойду, если это надобно, даже въ городъ.

«— О! благодарю, благодарю, другъ мой! воскликнула Ева Мередитъ. Возьмите съ собою садовника и слугъ, ступайте по всѣмъ направленіямъ.

«Мы поспѣшно вошли въ гостинную, и Ева быстро позвонила нѣсколько разъ. Всѣ жители маленькаго домика въ одно время отворили разныя двери въ комнату, въ которой мы находились.

«— Ступайте съ докторомъ Барнабе, воскликнула г-жа Мередитъ.

«Въ ту минуту послышался очень ясно конскій топотъ по садовой алеѣ. Ева испустила крикъ, въ которомъ звучало счастье, который отозвался у всѣхъ въ сердцѣ; никогда не забуду я выраженія небесной радости, мгновенно изобразившейся на ея лицѣ, еще орошенномъ слезами.

«Мы бросились на крыльцо. Луна, въ ту минуту выкатившаяся изъ-за облаковъ, вполне освѣтила лошадь покрытую пѣною; на ней никого не было, поводы волочились по землѣ, пустая стремена билась о ея запыленные бока. Другой вопль, но на этотъ разъ вопль ужасный, вырвался изъ груди Евы;

потомъ она повернулась ко мнѣ съ неподвижными глазами, съ полу-открытымъ ртомъ, съ опущенными руками.

«— Друзья мои, закричалъ я испуганнымъ слугамъ, зажгите факелы и идите за мною! сударыня, мы, я надѣюсь, вернемся тотчасъ, съ вашимъ мужемъ, который слегка раненъ; или можетъ быть какъ-нибудь помялъ себѣ ногу. Не теряйте бодрости; мы скоро вернемся.

«— Я пойду съ вами, прошептала Ева Мередитъ задыхающимся голосомъ.

«— Это невозможно, сказалъ я; надобно торопиться; идти, можетъ быть, далеко, а въ вашемъ положеніи... это значить жертвовать своею жизнью и жизнью вашего ребенка....

«— Я пойду съ вами, повторяла Ева.

«О! тогда-то почувствовалъ я, какъ жалко было одиночество этой женщины. Еслибы съ нею жилъ отецъ, или мать, то они вѣдьли бы ей остаться, удержали бы ее силою; но она была на землѣ одна, и на всѣ мой торопливыя убѣжденія она отвѣчала глухимъ голосомъ:

«— Я пойду съ вами.

«Мы отправились. Тучи заволокли луну; ни на небѣ, ни на землѣ не видать было никакого свѣта. Едва могли мы, при колеблющемся свѣтѣ нашихъ факеловъ, различать дорогу. Слуга шелъ впереди. Онъ наклонялъ факель, держа его то на право, то на лѣво для того, чтобы освѣщать рвы и кустарники, лежавшіе по дорогѣ. За нимъ шла г-жа Мередитъ, садовникъ и я; мы слѣдили глазами за лучемъ свѣта, мерцавшимъ отъ пламени, и съ ужасомъ искали какого-нибудь предмета, который попался бы намъ на глаза. Время отъ времени мы громко звали г-жу Мередитъ. За нами заглушаемый рыданіемъ голосъ едва нашептывалъ имя Вильяма, какъ будто бы надѣясь, что инстинкту любви легче будетъ заставить слышать тихія слезы, чѣмъ наши крики.

«Мы достигли лѣса. Дождь началъ накрапывать, и капли, ударяя въ листья деревьевъ, звучали такъ грустно, какъ будто бы все, окружающее насъ, плакало.

«Легкая одежда, покрывавшая Еву, вскоре промокла насквозь от этого холодного дождя. Вода текла по волосам и лбу бѣдной женщины. Она спотыкалась о камни, встречавшіеся по дорогѣ, и часто готова была упасть на колѣни отъ усталости; но она подымалась съ силою отчаянія и продолжала свой путь. Больно было смотрѣть на это. Красноватое пламя нашихъ свѣтильниковъ освѣщало одинъ за другимъ каждый стволъ дерева, каждый камень. Иногда, на аршинъ отъ дороги, свѣтъ факеловъ, колеблемый вѣтромъ, какъ бы исчезалъ совершенно, и тогда мы терялись во мракѣ. Наши голоса, при зовѣ Вильяма Мередитъ, дрожали такъ сильно, что пугали насъ самихъ. Я не смѣлъ смотрѣть на Еву; правду сказать, я боялся, что она падетъ мертвая передо мною.

«Наконецъ, въ то время, какъ мы, усталые и отчаянные, шли, молча, г-жа Мередитъ вдругъ быстро оттолкнула насъ, устремилась впередъ и бросилась въ кусты. Мы пошли за нею. И когда мы могли поднять факелы, чтобы различить предметы, увы! мы увидѣли, что она стояла на колѣняхъ передъ тѣломъ Вильяма; онъ лежалъ на землѣ, безъ движенія, съ мутными глазами и лицомъ, покрытымъ кровію, которая струилась изъ раны на левой сторонѣ головы.

«— Докторъ! сказала мнѣ Ева.

«Это одно слово означало: «живъ ли еще Вильямъ?»

«Я нагнулся тронуть пульсъ Вильяма Мередитъ; положилъ ему руку на сердце, и молчалъ. Ева смотрѣла все на меня; но по мѣрѣ того, какъ продолжалось мое молчаніе, я видѣлъ, что она шаталась, склонялась, потомъ, не выговоривъ ни слова, не испустивши звука, упала безъ чувствъ на трупъ своего мужа....

«Но, господа, сказалъ докторъ Барнабе, обращаясь къ своимъ слушателямъ, вотъ заблѣстало солнце; можно идти гулять. Остановитесь здѣсь въ этомъ грустномъ разсказѣ.»

Г-жа де-Монкаръ подошла къ старику.

— Докторъ,— сказала она,— сдѣлайте милость, будьте такъ добры, докончите его; посмотрите на насъ, и вы не будете сомнѣваться въ участіи, съ которымъ мы васъ слушаемъ.

Дѣйствительно, уже на молоденькихъ личикахъ, окружавшихъ деревенскаго лекаря, не было насмѣшливыхъ улыбокъ. Скорѣе можно бы было замѣтить слезы, которыя блистали у нѣкоторыхъ на глазахъ. И онъ продолжалъ:

«Г-жу Мередитъ перенесли къ ней въ домъ, и она пролежала нѣсколько часовъ безъ памяти. Я чувствовалъ, что было бы съ одной стороны долгомъ, а съ другой жестокостью оказывать ей помощь, и возвратить ее къ жизни. Я боялся раздирающихъ сценъ, которыя послѣдуютъ за этимъ состояніемъ неподвижности; я стоялъ надъ бѣдною женщиною, молча теръ ей виски водою и подстерегалъ грустную и въ то же время счастливую минуту, когда увижу дыханіе, вырвавшееся у ней изъ груди. Я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, потому-что никогда не видалъ бѣльшаго несчастья. Ева открыла глаза, и тотчасъ уже опять закрыла ихъ; ни одна слезинка не выкатилась у ней изъ глазъ. Она лежала холодная, неподвижная, молчаливая, и если бы у ней, подъ моею рукою, не начало биться сердце, то я почелъ бы ее мертвою. Какъ грустно быть свидѣтелемъ горя, которое выше всякаго утѣшенія! Мнѣ казалось, что молчать значить не имѣть жалости къ этой несчастной женщинѣ, утѣшать же значить не постигать всей глубины ея горя. Я, который не находилъ ничего сказать, чтобы успокоить ея опасенія, могъ ли надѣяться быть краснорѣчивѣе при видѣ столькихъ страданій? Я выбралъ самое вѣрное средство, оставаться въ совершенномъ молчаніи. Я останусь здѣсь, говорилъ я себѣ, буду стараться облегчать физическія страданія, такъ какъ это мой долгъ, потомъ буду неподвиженъ возлѣ нея, какъ вѣрная собака, которая ложилась бы у ней въ ногахъ. Рѣшившись однажды, я сдѣлался спокойнѣе; я оставлялъ ее жить жизнью, подходящею скорѣе на смерть. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ я поднесъ г-жѣ Мередитъ ложку сиропа, что считалъ необходимымъ. Ева медленно повернулась на противоположную

сторону, и отодвинулась далеко от руки, подносявшей ей питье. Несколько минут спустя, я опять подошелъ.

«— Выпейте, сударыня, сказалъ я.

«И я слегка прикоснулся ложкою къ ея губамъ; губы ея остались закрытыми.

«— Сударыня, ваше дитя, продолжалъ я вполголоса.

«Ева открыла глаза, медленно приподнялась, оперлась на локоть, нагнулась къ подносимому ей питью, вынула; потомъ опять опустилась на подушку.

«— Надобно подождать, чтобы другая жизнь отдѣлилась отъ моей! прошептала она.

«Съ тѣхъ поръ, г-жа Мередитъ болѣе не говорила, но безсознательно повиновалась всѣмъ моимъ предписаніямъ. Распростертая на своемъ страдальческомъ ложѣ, она, казалось, вѣчно спала; но, когда бы ни говорилъ я ей шопотомъ: «привстаньте, выпейте это,» она исполняла съ перваго слова, что служило доказательствомъ, что душа обитала въ этомъ неподвижномъ тѣлѣ, не давая ей ни минуты забвенія или покоя.

«Я одинъ распоряжался похоронами Вильяма. Ничего вѣрнаго не могли узнать о причинѣ его смерти. У него не нашли ужъ денегъ, которыя онъ долженъ былъ привезти изъ города; можетъ быть, его убили и ограбили, можетъ быть тоже, что деньги, данныя банковыми билетами, выпали у него изъ кармана въ то время, какъ онъ упалъ съ лошади. И такъ какъ хватились отыскивать ихъ уже слишкомъ поздно, то вѣроятно, что ночнымъ дождемъ забило ихъ въ болотистую почву и мокрую траву. Сдѣлавъ нѣсколько безуспѣшныхъ розысковъ, вскорѣ совсѣмъ перестали производить слѣдствіе касательно этого предмета. Я старался узнать отъ Евы Мередитъ, не нужно ли написать какихъ-нибудь писемъ, чтобы извѣстить ея или мужа родныхъ о смерти г-на Мередитъ. Съ трудомъ могъ я добиться отвѣта. Наконецъ я узналъ, что надлежало предупредить только ихъ стряпчаго, который сдѣлаетъ все необходимое. Я надѣялся, по крайнѣй мѣрѣ, получить извѣстія изъ Англій, которыя рѣшатъ участь этой

бѣдной женщины; но напрасно: дни смѣнялись днями, и никто, казалось, не безпокоился, что вдова Вильяма Мередить жила совершенно одинокою въ бѣдной деревушкѣ. Позднѣе, стараясь возвратить Еву къ чувству жизни, я пожелалъ, чтобы она встала. На другой день послѣ того, какъ я подалъ ей этотъ совѣтъ я нашелъ ее вставшею, и всю въ черномъ: то была тѣнь прекрасной Евы Мередить. Волосы ея отдѣлялись прядями на ея блѣдномъ лицѣ. Она сидѣла у окна, такъ же неподвижно, какъ была въ постели.

«Такимъ образомъ просиживала она со мною, молча, цѣлые вечера. Я бралъ въ руки книгу только для виду. Всякій день, здороваясь съ ней, я говорилъ нѣсколько словъ, выражавшихъ мое состраданіе и преданность. Она отвѣчала мнѣ взоромъ, который говорилъ: благодарю; потомъ мы оба хранили молчаніе. Я ждалъ случая, чтобы постараться выразить ей нѣсколько мыслей; но моя неловкость и мое уваженіе къ ея несчастію не умѣли отыскать его или пропускали. Я мало по малу сталъ привыкать къ отсутствію всякаго разговора, къ этому самоуглубленію, да къ тому же, что бы сталъ я говорить? Дѣло въ томъ, чтобы она знала, что она не совершенно одна на свѣтѣ, и какъ бы ничтожна ни была опора, все-таки близъ нея былъ кто-нибудь. Я ходилъ къ ней только для того, чтобы сказать ей: «я здѣсь.»

«То было странное время въ моей жизни; оно имѣло сильное, рѣшительное вліяніе на мою участь. Еслибы я не выразилъ столько сожалѣнія, узнавъ объ уничтоженіи блага домика, то быстро перѣшелъ бы къ заключенію моего разсказа. Но вы хотѣли знать, отчего этотъ домикъ былъ для меня мѣстомъ священнымъ, итакъ надобно сказать, что я думалъ, что чувствовалъ подъ этою смиренною кровлею. Извините, сударыня,—нѣсколько серьезныхъ мыслей. Для молодости не дурно немного вѣдь и погрузить: ей предстоитъ столько времени для смѣха и забвенія!

«Я, сынъ обогатившагося крестьянина, былъ посланъ въ Парижъ для окончанія наукъ. Впродолженіе четырехъ лѣтъ,

проведенных мною въ этомъ многолюдномъ городѣ, я сохранилъ неловкость въ обращеніи, простоту въ разговорѣ; но я скоро потерялъ искренность моихъ чувствованій. Я возвратился въ свои горы почти ученымъ, но не върующимъ въ то, что дѣлаетъ жизнь спокойною подъ соломенною кровлею, съ женою и дѣтьми, не заставляя отворачиваться отъ крестовъ кладбища, которое видѣется съ порога жилища.

«Когда Ева Мередить была счастлива, ея счастье дало мнѣ полезныя уроки. «Они меня обманули тамъ,» говорилъ я самъ себѣ: есть сердца, истинныя души, невинныя, какъ души дѣтей. Минутное удовольствіе не составляетъ единственной цѣли въ жизни. Есть чувства, которыя не оканчиваются съ концемъ года. Можно любить долго, можетъ быть—всегда.

«Смотря на любовь Вильяма и Евы, я опять нашелъ въ себѣ простую природу прежняго крестьянина. Я мечталъ о женщинѣ благочестивой, скромной, прилежной къ работѣ, которая украшала бы мое жилище своею заботливостію и порядкомъ. Я гордился кроткою ясностію ея лица, показывающею въ ней вѣрную и даже нѣсколько строгую супругу. Конечно, это были не тѣ мечты, которыя лелѣялъ я въ Парижѣ при возвращеніи съ веселаго вечера, проведеннаго съ товарищами! Ужасное несчастіе, какъ молнія, поразило Еву Мередить. Этотъ разъ, я не такъ скоро понялъ уроки, возобновлявшіеся для меня ежедневно.

«Ева сидѣла у окна, устремивъ печальныйъ взоръ на небо. Это положеніе, свойственное людямъ мечтательнымъ, мало обращало на себя мое вниманіе; однако же, впоследствии, оно поразило меня. Въ то время, покуда открытая книга лежала у меня на колыняхъ, я смотрѣлъ на г-жу Мередить,— и увѣренный, что она не замѣтитъ моихъ взоровъ, смотрѣлъ на нее пристально.—Ева смотрѣла на небо, мои глаза слѣдовали за направленіемъ ея взоровъ.

«— А! говорилъ я самъ себѣ, улыбаясь: она думаетъ тамъ опять найти его!

«Потомъ я бралъ свою книгу, думая: какъ хорошо для женщинъ, что подобныя мысли приходятъ на помощь ихъ страданіямъ.

«Я вамъ говорилъ, что жизнь моя между студентами вселила дурныя мысли мнѣ въ голову. Каждый день, однакоже, я находилъ Еву въ одномъ положеніи, и каждый день я размышлялъ о томъ же предметѣ. Мало по малу, я сталъ думать, что это была для ней пріятная мечта. Я сталъ сожалѣть, что не вѣрю въ истину этого сна. Душа, небо, жизнь вѣчная, все, чему нѣкогда училъ меня мой пасторъ, представилось мнѣ воображенію, въ то время, какъ я сидѣлъ вечеромъ подъ открытымъ окномъ, и я думалъ:

«— То, чему училъ меня старикъ-пасторъ, утѣшительнѣе холодной дѣйствительности, которую открыла мнѣ наука.

«Потомъ я смотрѣлъ на Еву, которая все смотрѣла на небо, тогда какъ вдали, на деревенской колокольнѣ, раздавался благовѣстъ, а церковный крестъ блисталъ между облаками отъ лучей заходящаго солнца. Я часто приходилъ и садился возлѣ вдовы, постоянной въ своей печали такъ же, какъ и въ своемъ святомъ упованіи.

«— Какъ! говорилъ я, столько любви относится къ праху, смѣшанному съ землею! Вся эти вздохи не ведутъ ни къ какой цѣли! Вильямъ скончался въ молодости, съ горячею любовью, съ сердцемъ, гдѣ все еще цвѣло. Она любила его лишь одинъ годъ, не больше какъ годъ, и все было для нея кончено! Надъ нашими головами только одинъ воздухъ!... Любовь, это живое чувство, не что иное, какъ пламя, зажженное въ мрачной темницѣ нашего тѣла, гдѣ она горитъ, горитъ, потомъ гаснетъ, когда падаетъ хрупкая стѣна, ея окружающая; прахъ,—вотъ что остается отъ нашей любви, нашихъ надеждъ, нашихъ мыслей, нашихъ страстей, всего, что въ насъ дышетъ, волнуется и приходитъ въ восторгъ.

«Въ душѣ моей воцарилось глубокое молчаніе.

«Въ самомъ дѣлѣ, я пересталъ думать: я былъ какъ будто въ усыпленіи между тѣмъ, чего уже не отрицалъ, и тѣмъ, чему не вѣрилъ. Наконецъ, однажды вечеромъ, когда Ева,

сложила руки и при видѣ прекраснаго звѣзднаго вечера, какой только можетъ быть, хотѣла молиться—не знаю, какими судьбами, только и я скрестилъ свои руки, и уста мои стали шептать молитву. Тогда, къ счастью, въ первый разъ Ева Мередитъ посмотрѣла на то, что происходило вокругъ нея, какъ будто бы по инстинкту узнавъ, что душа моя согласовалась съ ея душою.

« — Благодарю,—сказала она, протягивая мнѣ руку; не забывайте его, и молитесь иногда за него Богу.

« — О, сударыня, воскликнулъ я, дай Богъ, чтобы мы увидѣли другъ друга въ лучшемъ мѣрѣ, будетъ ли наша жизнь продолжительна или коротка, счастлива или полна испытаній.

« — Безсмертная душа Вильяма тамъ, на небѣ! сказала она мнѣ важнымъ голосомъ, устремляя въ то же время грустный и ясный взоръ свой на небо.

« Съ тѣхъ поръ, исполняя обязанности своего званія, я часто видалъ, какъ умирали люди; но оставшимся я всегда говорилъ утѣшительныя слова о лучшей жизни; и эти слова были дѣйствительнымъ выраженіемъ моихъ мыслей!

« Наконецъ, мѣсяцъ спустя послѣ этихъ молчаливыхъ событій, у Евы Мередитъ родился сынъ. Когда въ первый разъ принесли ей ея ребенка, бѣдная вдова воскликнула: «Вильямъ!» и слезы, слезы спасительныя, такъ долго отказывавшіяся облегчить ея горестъ, ручьями потекли изъ глазъ ея. Ребенокъ названъ былъ столь любезнымъ именемъ Вильяма, и его колыбелька была поставлена возлѣ самой кровати матери. Тогда взоръ Евы, отвернувшійся отъ земли, опять возвратился на землю. Она стала смотрѣть на сына, какъ прежде смотрѣла на небо. Она наклонялась къ нему для того, чтобы увидать образъ его отца. Господь допустилъ совершенное сходство между Вильямомъ и его сыномъ, котораго онъ не долженъ былъ видѣть. Вокругъ насъ произошла большая перемена. Ева Мередитъ, которая соглашалась жить до тѣхъ поръ, пока существованіе ея сына отдѣлится отъ ея собственнаго, теперь,—я понималъ это очень хорошо, — хотѣла жить еще, чувствуя, что для этого крошки необходимо было покрови-

тельство ея любви. Она проводила дни, вечера возмъ колыбели, и когда я приходилъ навѣщать ее, о! тогда она говорила, спрашивала о попеченіяхъ, которыми должно было окружать ея сына; она рассказывала про его страданія; хотѣла знать, что можно дѣлать для того, чтобы избавить его отъ малѣйшей боли. Она боллась за своего ребенка зная солнечнаго луча, самаго легкаго холода. Склонясь надъ нимъ, она закрывала его своимъ тѣломъ, отогрѣвала своими поцѣлуями. Однажды, мнѣ показалось, что она даже улыбается своему сыну; но она никогда, качая его колыбель, не соглашалась пѣть пѣсни, чтобы усыпить своего ребенка; она призывала одну изъ своихъ женщинъ, и говорила: «Пойте, чтобы усыпить моего сына!» Потомъ она прислушивалась, между тѣмъ какъ слезы ея тихонько падали на лице маленькаго Вильяма. Бѣдный ребенокъ, онъ былъ прекрасенъ, кротокъ, и его легко было воспитывать; но горе его матери какъ будто проникло его еще до рожденія; этотъ ребенокъ былъ грустенъ; онъ не плакалъ, но и не смѣялся; онъ былъ спокоенъ, но спокойствіе въ его лѣта заставляетъ предполагать страданіе. Мнѣ казалось, что слезы, пролитыя надъ его колыбелью, оледенили его маленькую душу. Мнѣ хотѣлось видѣть, чтобы ласковыя ручки Вильяма обвивались вокругъ шеи его матери, я желалъ, чтобы онъ старался отплатить поцѣлуями же за поцѣлуй, которыми его осыпали.

« — Но объ чемъ думалъ я? говорилъ я себѣ; развѣ можно требовать отъ маленькаго существа, которому нѣтъ еще году, чтобы онъ понималъ, что пришелъ на этотъ свѣтъ любить и утѣшать эту женщину.

« Трогательно было, увѣрю васъ, сударыня, видѣть эту молоденькую, блѣдную, слабую мать, которая отказалась отъ всякой для себя будущности, а теперь оживала единственно для дитяти, которое не могло даже сказать ей: «Благодарю, матушка!» Наше сердце, это — просто, чудо, какъ изъ бездѣлицы оно умѣетъ сдѣлать многое! Дайте ему одну песчинку, и оно составитъ изъ нея гору; если, при последнемъ его біеніи, покажете ему атомъ, который бы оно могло любить, и она

скоро забьется; оно останавливается только тогда, какъ въ-кругъ него остается одна пуетота, и даже тѣнь того, что было ему дорого, исчезаетъ съ лица земли!

«Ева сажала своего сына на коверъ, у себя въ ногахъ, и глядя на него, какъ онъ игралъ, говорила:

«Г-нъ Барнабе, когда сынъ мой вырастетъ, я хочу, чтобы онъ былъ человѣкомъ образованнымъ; я изберу для него благородное поприще; послѣдую за нимъ повсюду: на море, если онъ съѣздается морякомъ; въ Индію, если онъ вступитъ въ полкъ!» Не правда ли, г-нъ Барнабе, онъ согласится, чтобы я за нимъ слѣдовала? Бѣдная женщина, которой нужно немного молчанія да уединенія для того, чтобы плакать, вѣдь не поиѣшаетъ никому, не правда ли?

«Потомъ мы начинали разсуждать о разныхъ поприщахъ, и на маленькую головку ребенка набрасывали вдругъ лѣтъ двадцать, забывая, что въ эти двадцать лѣтъ мы состарѣмся, и что наша маленькая доля счастливыхъ дней жизни уже пройдетъ! Но что было намъ до этого! мы нисколько не думали о себѣ; а желали быть молодыми и счастливыми только тогда, какъ онъ будетъ молодъ и счастливъ.

«Я не могъ, слушая эти прекрасныя мечты, смотрѣть безъ ужаса на этого ребенка, отъ котораго зависѣло другое существованіе. Неопредѣленное безкойство занимало меня, противъ моей воли; но я говорилъ: «Она довольно плакала: Богъ, Которому она молится, пошлетъ ей счастье.»

«Такимъ образомъ жили мы, какъ вдругъ я получилъ письмо отъ дяди, моего единственнаго родственника. Дядя, принадлежавшій къ медицинскому факультету Монпелье, звалъ меня къ себѣ, чтобы въ этомъ образованномъ городѣ окончательно посвятить меня въ таинства моего искусства. Письмо это, написанное въ видѣ просьбы, было просто приказомъ; надобно было ѣхать. Однажды утромъ, съ тяжелымъ сердцемъ, думая объ одиночествѣ, въ которомъ оставяла вдову и сиротку, я отправился въ бѣленькій домикъ, проститься съ

Евою Мередитъ. Когда я сказалъ ей, что расстаюсь съ нею на долго, не знаю, изобразилось ли хоть сколько-нибудь печали въ ея чертахъ. Ея прекрасное лице носило, со смерти Вильяма, выраженіе такой глубокой грусти, что на немъ можно было замѣтить только улыбку, когда она появлялась; что касается до грусти, то она всегда была на немъ.

« — Вы уѣзжаете! воскликнула она, а ваши попеченія такъ полезны моему ребенку!

« Бѣдная женщина забывала сожалѣть объ удаляющемся другѣ, жалѣла только мать о медикѣ, такъ полезномъ ея сыну. Я не жаловался. Быть полезнымъ — вотъ пріятная награда людей преданныхъ!

« — Прощайте! продолжала она, протягивая мнѣ руку. Гдѣ бы вы ни были, да благословить васъ Господь! и если по Его волю, когда-либо вы будете несчастливы, то пусть Онъ пошлетъ вамъ сердце столь сострадательное, какъ ваше!

« Я нагнулся лицемъ къ рукѣ Евы Мередитъ, и вышелъ, глубоко тронутый.

« Дитя лежало передъ крыльцемъ, въ травѣ, на солнцѣ; я подошелъ къ нему, взялъ его на руки, поцѣловалъ нѣсколько разъ; долго, внимательно, грустно смотрѣлъ я на него; потомъ слеза выкатилась у меня изъ глазъ. — О! нѣтъ! нѣтъ! я ошибаюсь! прошепталъ я, и съ поспѣшностью вышелъ изъ бѣлаго домика....»

— Боже мой, докторъ! воскликнули разомъ всѣ слушатели деревенскаго лекаря, да чего же боялись вы за этого ребенка?

— Позвольте мнѣ, сударыни, отвѣчалъ Барнабе, окончить мою повѣсть по-своему, — всякая вещь объяснится въ свое время. Я расскажу событіе въ томъ порядкѣ, въ которомъ оно случилось.

« Пріѣхавши въ Монпелье, я былъ какъ нельзя лучше принять моимъ дядею, исключая того, что онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ дать мнѣ у себя квартиры, ни стола, ни взаймы денегъ, и что я, не имѣя никакого знакомства — не могу надѣяться имѣть ни одного больного въ городѣ, наполненномъ знаменитыми врачами.

« — Въ такомъ случаѣ, дядюшка, сказала я ему, я возвращусь въ свою деревню.

« — Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ онъ, я сыскалъ тебѣ приличное мѣсто. Одинъ Англичанинъ очень старый, очень богатый, очень безпокойный, сильно подверженный подагрѣ, желаетъ имѣть всегда подъ своею кровлею медика, умнаго молодого человѣка, который могъ бы слѣдить за его бользнью, подъ руководствомъ другаго врача. Я предложилъ тебѣ, ты принять: поѣдемъ.

« Мы немедленно отправились къ лорду Джемсу Кизингтону. Мы вошли въ огромный прекрасный домъ, наполненный многочисленною прислугою, и послѣ нѣсколькихъ остановокъ, сначала въ переднихъ, потомъ въ первыхъ залахъ, насъ ввели наконецъ въ кабинетъ лорда Джемса Кизингтона.

« Лордъ Джемсъ Кизингтонъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ. То былъ старикъ холоднаго и строгаго вида. Его совершенно сѣдые волосы были странною противоположностью съ его бровями самаго прекраснаго чернаго цвѣта. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ, по крайней мѣрѣ, такимъ онъ показался мнѣ подъ складками своего широкаго суконнаго редингота, сшитаго на подобіе шлафорка. Руки его всунуты были въ рукава, и мѣхъ бѣлаго медвѣдя согрѣвалъ его больныя ноги. Передъ нимъ на столикъ стояло нѣсколько стклянокъ съ лекарствами.

« — Милордъ, вотъ мой племянникъ, докторъ Барнабе.

« Лордъ Джемсъ Кизингтонъ поклонился, смотря на меня, т. е. сдѣлалъ незамѣтное движеніе головою.

« — Онъ очень ученъ, продолжалъ мой дядя, и я не сомнѣваюсь, чтобы его попеченія не были вамъ полезны.

« Другое движеніе головою было единственнымъ отвѣтомъ моему дядѣ.

« — Кромѣ того, продолжалъ послѣдній, такъ какъ онъ получилъ довольно хорошее воспитаніе; то можетъ читать вслухъ милорду, или висать съ его словъ.

« — Я буду благодаренъ за эту услугу, отвѣтилъ наконецъ

лордъ Джемсъ Кизингтонъ, закрывъ тотчасъ глаза, отъ усталости ли, или желая тѣмъ дать знать, что разговоръ долженъ остановиться на этомъ.

«Тогда я могъ посмотреть вокругъ себя. У окна сидѣла женщина, одѣтая очень щеголевато; она вышивала что-то, не поднимая на насъ глазъ, какъ будто бы мы были недостойны ея взгляда. На коврѣ, передъ нею, игралъ съ картинками маленькій мальчикъ. Молодая женщина съ перваго взгляда не показалась мнѣ прекрасною, потому что у ней были черные волосы, черные глаза: а чтобы казаться прекрасною, по моему, надо быть блонкурою и блюю, какъ Ева Мередитъ; къ тому же, по моему неопытному сужденію, я не могъ отдѣлать красоту отъ выраженія доброты. Мнѣ пріятно было смотреть только на то, что пріятно было сердцу, и я долго не признавалъ красоту этой женщины, которой лице было надмѣнно, взоръ презрителенъ и уста безъ улыбки.

Она была, подобно лорду Джемсу Кизингтону, высока ростомъ, худа, не много блѣдна. Между ними было какое-то фамильное сходство. Ихъ характеры должны были слишкомъ сходствовать между собою для того, чтобы имъ можно было ужиться другъ съ другомъ; эти холодные и молчаливые люди, вѣроятно, жили вмѣстѣ, не любя друга друга и не говоря между собою. Ребенокъ тоже привыкъ не шумѣть; онъ ходилъ на цыпочкахъ, и при малѣйшемъ звукѣ паркета, строгій взоръ матери или лорда Джемса Кизингтона превращалъ его въ статую.

«Ужъ было слишкомъ поздно возвращаться къ себѣ въ деревню; но всегда можно было сожалѣть о томъ, что мы любили и что потеряли. Сердце мое сжалось при мысли о моемъ домикѣ, долинь и свободѣ.

«Вотъ все, что я могъ узнать вѣрнаго объ этомъ печальномъ семействѣ.

«Лордъ Джемсъ Кизингтонъ пріѣхалъ въ Монпелье для поправленія своего здоровья, разстроеннаго климатомъ Индіи. Будучи младшимъ сыномъ герцога Кизингтона и сдѣлавшись лордомъ посредствомъ своей искательности, онъ былъ обязанъ

политическимъ вѣсомъ въ палатѣ депутатовъ своимъ талантамъ, а не наследственному праву и своимъ богатствамъ. Леди Мэри была жена его самаго младшаго брата, и лордъ Кизингтонъ, который могъ, какъ хотѣлъ, распорядиться своимъ имуществомъ, назначилъ наследникомъ своего племянника, сына леди Мэри. Я сталъ заботиться объ этомъ старикъ со всѣмъ рвеніемъ, къ которому былъ только способенъ, увѣренный, что вѣрнѣйшее средство улучшить положенія самыхъ дурныхъ, состоитъ въ точномъ исполненіи своей даже тягостной должности.

«Лордъ Джемсъ Кизингтонъ обходился со мною съ самою утонченною вѣжливостью. Поклономъ благодарилъ онъ за каждую помощь, за каждое движеніе, которое я дѣлалъ, чтобы услужить ему. Я читалъ по цѣлымъ часамъ, и никто не прерывалъ меня, ни мрачный старикъ, котораго усыплялъ я, ни молодая женщина, которая не слушала, ни ребенокъ, который дрожалъ передъ своимъ дядею. Никогда не видалъ я ничего печальнѣе этого семейства, хотя бѣленькій домикъ уже давно пересталъ быть веселымъ; но молчаніе, происходящее отъ несчастій, предполагаетъ такія важныя мысли, что слова считаются недостаточными для ихъ выраженія. Подъ неподвижностью тѣла чувствуешь жизнь души. Въ моемъ новомъ жилищѣ царствовало молчаніе пустоты.

«Однажды, въ то время, когда лордъ Джемсъ Кизингтонъ, казалось, задремалъ, а леди Мэри нагнулась на свои пальца, маленькій Гарри влезъ ко мнѣ на колѣни, и какъ мы сидѣли въ дальнемъ уголкѣ комнаты, то онъ потихоньку сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ со всѣмъ простодушнымъ любопытствомъ его возраста; потомъ я въ свою очередь, нисколько не думая о томъ, что говорю, — спрашивалъ его объ его семействѣ.

«— У васъ есть братья и сестры? спросилъ я его.

«— Да, у меня есть премиленькая сестра.

«— Какъ ее зовутъ? продолжалъ я, прѣбывая глазами фельетонъ журнала.

«— У ней прехорошенькое имя, — отгадайте, г-нъ докторъ.

« Не знаю, объ чьихъ думалъ я. Въ моей деревнѣ, я слышалъ имена однихъ крестьянокъ, а они не могли относиться къ дочери леди Мэри. Г-жа Мередитъ была единственная женщина во всемъ свѣтѣ, которую я только зналъ; а ребенокъ повторялъ: отгадайте, отгадайте; и я случайно отвѣчалъ:

« — Можетъ быть, Ева?

« Мы говорили очень тихо; но въ ту минуту, какъ имя Евы вырвалось у меня изъ устъ, лордъ Джемсъ Кизингтонъ быстро открылъ глаза и привсталъ съ своего кресла; леди Мэри выронила иголку, съ живостью повернулась ко мнѣ. Я смутился отъ дѣйствія, которое произвелъ; я смотрѣлъ то на лорда Джемса Кизингтона, то на леди Мэри, не смѣя выговорить больше ни слова; прошло нѣсколько минутъ; лордъ Джемсъ Кизингтонъ снова опустился въ кресло и закрылъ глаза; леди опять принялась за иголку, Гарри и я замолчали.

« Я долго размышлялъ объ этомъ странномъ случаѣ; потомъ, когда все пришло въ обыкновенный порядокъ, молчаніе и неподвижность водворилась вокругъ насъ, я всталъ потихоньку и хотѣлъ уйдти. Леди Мэри отодвинула пальцы, прошла мимо меня, и сдѣлала мнѣ знакъ рукою за нею слѣдовать. Вошедши въ гостинную, она затворила дверь, и ставъ передо мною, съ гордымъ взглядомъ, съ повелительнымъ выраженіемъ на лицѣ, самымъ для нея естественнымъ, сказала: «Г-нъ Барнабе! пожалуйста никогда не произносите имени, которое сейчасъ у васъ вырвалось; это имя лордъ Джемсъ Кизингтонъ никогда не долженъ слышать!» Она слегка поклонилась, и вошла опять въ кабинетъ, затворивъ за собою дверь.

« Тысяча мыслей пришло мнѣ въ голову. Эта Ева, о которой нельзя было говорить, не была ли Ева Мередитъ? Не была ли она невѣсткою лорда Джемса Кизингтона? Стало быть, я живу у отца Вильяма? Я надѣялся, сомнѣвался, потому что если для меня имя Евы означало только одно лице: то для другихъ оно было именемъ, разумѣется, очень обыкновеннымъ для многихъ женщинъ въ Англіи.

« Я не смѣлъ спрашивать: кругомъ меня всѣ уста были закрыты и всѣ сердца недоступны; но мысль, что я живу въ

семействъ Евы Мередитъ, близъ женщины, которая лишила вдову и ея сироту-сына отеческаго наслѣдія, эта мысль сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ думъ днемъ и ночью! Я тысячу разъ видѣлъ во снѣ возвращеніе Евы и ея сына въ это жилище, видѣлъ, будто я прошу за нихъ прощенія и получаю его; но когда поднималъ я глаза, холодное и безчувственное лице лорда Джемса Кизингтона оледеняло всю надежды моего сердца. Я начиналъ разсматривать это лице, какъ будто никогда не видалъ его; старался найти въ его чертахъ движеніе и выраженіе, которое показывало бы хоть немного чувства. Я искалъ души, которую хотѣлъ смягчить.—Увы! не находилъ ея нигдѣ! Я не терялъ надежды; мое предпріятіе было такъ прекрасно! Что такое, говорилъ я себѣ, значить выраженіе его лица? Что значить наружная оболочка, перажающая взоры? Самый черный сундукъ развѣ не можетъ содержать золота? Развѣ необходимо, чтобы все, заключающееся въ насъ, разгадывалось съ перваго раза? и всякій, проживши на свѣтъ, развѣ не научится отдѣлывать свою душу и мысль отъ пошлаго выраженія лица?

« Я рѣшился уяснить мои сомнѣнія, но какое средство употребить для этого? Спросить леди Мэри или лорда Джемса Кизингтона?—вещь невозможная; заставить говорить слугъ? они были французы и только что поступили въ домъ. Камердинеръ англичанинъ, единственный слуга, послѣдовавшій за своимъ господиномъ, изъ дому, былъ только что посланъ въ Лондонъ съ тайнымъ порученіемъ. Я направилъ свои розысканія на лорда Джемса Кизингтона. Отъ него узнаю я, и отъ него получу прощеніе. Строгое выраженіе лица его перестало пугать меня. Я говорилъ самъ себѣ: «Когда въ лѣсу встрѣтишь дерево по видимому сухое, то надрубишь его для того, чтобы узнать, не найдется ли подъ мертвою корою живаго сока; такимъ образомъ и я дорожусь до самаго сердца, и увижу, не кроется ли въ немъ гдѣ-нибудь жизнь». Я ожидалъ случая.

« Ждать съ нетерпѣніемъ, значить приближать ожидаемое.

Вмѣсто того, чтобы зависѣть отъ обстоятельствъ, покоряешь себя самымъ обстоятельствамъ.

« Однажды, лордъ-Джемсъ Кизингтонъ велѣлъ позвать меня; онъ страдалъ. Сдѣлавши, что было нужно, я остался съ нимъ одинъ, чтобы видѣть послѣдствія моихъ предписаній. Въ комнатѣ было темно; горѣвшая свѣчка помогала различать предметы, но не освѣщала ихъ. Благородное и блѣдное лице лорда Джемса Кизингтона лежало на-взничъ на подушкѣ. Глаза его были закрыты. Такъ обыкновенно дѣлалъ онъ, приготовляясь къ страданію, какъ будто желая углубиться въ самого себя для того, чтобы нисколько не потерять нравственной силы; онъ никогда не жаловался; онъ лежалъ на постель прямо, неподвижно, какъ изображеніе какого-либо короля на памятникѣ. Вообще онъ просилъ, чтобы ему читали, надѣясь, что предметъ сочиненій овладѣетъ его умомъ, или, что однообразный голосъ чтеца усыпитъ его.

« Въ эту ночь, онъ своею костлявою рукою подавъ мнѣ знакъ, чтобы я взялъ книгу и началъ чтеніе, но я напрасно искалъ: всѣ книги и журналы были снесены въ гостинную; всѣ двери заперты, и я не позвонивши и напугавши всѣхъ, не могъ бы достать никакой книги. Лордъ Джемсъ Кизингтонъ сдѣлалъ знакъ нетерпѣнія, потомъ покорности, и показавъ мнѣ на стулъ, чтобы я сѣлъ близъ него. Мы долго сидѣли, молча, почти въ темнотѣ; одни только часы правильнымъ стукомъ маятника прерывали молчаніе. Сонъ не приходилъ. Вдругъ лордъ Джемсъ Кизингтонъ открылъ глаза, и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

« — Говорите, расскажите мнѣ, что хотите.

« Глаза его закрылись, онъ ждалъ.

« Сердце мое сильно забилося. Минута наступила.

« — Милордъ, сказалъ я ему, я боюсь, что не знаю ничего, чтобы могло занять васъ. Я могу говорить только о себѣ, о происшествіяхъ моей жизни, а вамъ нужны исторіи о великихъ людяхъ этого міра, чтобы завлечь ваше вниманіе. Что можетъ рассказать вамъ деревенскій житель, который жилъ довольствуясь малымъ, въ молчаніи и тишинѣ?... Я, милордъ, никогда

не покидалъ своей деревушки, хорошенькой деревушки, лежащей посреди горъ; даже не родясь въ ней, можно избрать ее мѣстомъ жительства. Не далеко отъ нея, есть сельской домикъ, гдѣ я видѣлъ людей богатыхъ, которые могли бы уѣхать, но не уѣзжали, потому что лѣса у насъ густые, тропишки цвѣтисты, ручьи свѣтлы и прозрачны, и быстро стекаютъ съ утесовъ. Увы! ихъ было двое въ этомъ домикѣ... и вскорѣ бѣдная женщина осталась одна до рожденія своего сына... Милордъ, эта женщина, ваша соотечественница, Англичанка, но столь прекрасная, какъ рѣдко бываетъ и въ Англіи и во Франціи, и добрая, какъ только могутъ быть одни ангелы на небесахъ!... Ей минуло только осемнадцать лѣтъ, когда я оставилъ ее безъ отца, безъ матери, и уже вдовою послѣ обожаемаго мужа; она слаба, нѣжна, почти больна, а ей надо жить: кто бы сталъ безъ нея заботиться объ этомъ ребенкѣ?

« О! милордъ, на этомъ свѣтѣ есть люди очень несчастные! Быть несчастнымъ на половинѣ жизни, или когда уже наступила старость, разумѣется, грустно; но тогда имѣешь какія-нибудь пріятныя воспоминанія, которыя говорятъ, что и для тебя было свое время, свое счастье; но когда плачешь раньше осемнадцати лѣтъ, это еще грустнѣе, потому что ничто не воскрешаетъ мертвыхъ, и тогда остается плакать цѣлую жизнь. Бѣдное дитя!... Видя нищаго возлѣ дороги, знаешь, что онъ страдаетъ или отъ холода, или отъ голода: ему подашь милостыню и смотришь на него безъ горя, потому что ему можно оказать помощь; но для этой несчастной женщины, сердце которой разбито, единственная помощь—любовь къ ней... а между тѣмъ у нея нѣтъ никого, кто бы оказалъ ей эту милостыню.

« О! милордъ, если бы вы знали, какъ прекрасенъ былъ молодой человекъ, ея мужъ! двадцати трехъ лѣтъ, съ благороднымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, подобнымъ вашему... умный и благородный, съ темно-голубыми глазами, нѣсколько мечтательными, грустными, и я зналъ отчего... оттого что онъ любилъ своего отца, свою родину, а долженъ былъ жить вдали отъ нихъ! Его улыбка была исполнена доброты! О!

какъ бы онъ улыбался своему маленькому сыну, если бы дожилъ до него! Онъ любилъ его еще до рожденія; съ удовольствіемъ смотрѣлъ на колыбель, ожидавшую малютки. Бѣдный, бѣдный молодой человекъ!... я видѣлъ его въ одну бурную ночь, въ темномъ лѣсу, распростертымъ на мокрой землѣ, безъ движенія, безъ жизни; платье его было покрыто грязью, а лобъ обезображенъ страшною раною, изъ которой кровь еще струилась ручьями. Я видѣлъ.... Увы! я видѣлъ Вяльма!...

« — Вы были свидѣтелемъ смерти моего сына! воскликнулъ лордъ Джемсъ Кизингтонъ, приподымаясь, какъ привидѣніе, съ подушекъ, его поддерживавшихъ, и устремляя на меня такіе большіе пронизательные глаза, что я въ испугъ отодвинулся; но не смотря на темноту комнаты, мнѣ показалось, что слеза выкатилась изъ-подъ рѣсницъ старика.

« — Милордъ, отвѣчалъ я, я видѣлъ смерть вашего сына и рожденіе его дитяти.

Наступила минута молчанія.

« Лордъ Джемсъ Кизингтонъ смотрѣлъ на меня пристально; наконецъ онъ сдѣлалъ движеніе, ища рукою моей руки — сжалъ ее, потомъ пальцы его полу-открылись, и онъ опустилъ на подушки.

« — Довольно, довольно, докторъ: я страдаю, мнѣ нуженъ отдыхъ. Оставьте меня одного.

Я поклонился и вышелъ.

Прежде чѣмъ я оставилъ комнату, лордъ Джемсъ Кизингтонъ принялъ свое обыкновенное положеніе, — сталъ молчаливъ и неподвиженъ.

Я не буду рассказывать вамъ, сударыни, о моихъ многочисленныхъ попыткахъ съ лордомъ Джемсомъ Кизингтономъ, его нерѣшительности, опасеніяхъ, которыя старался онъ скрыть, и о томъ, какъ наконецъ его отеческая любовь, пробужденная подробностями этого несчастнаго происшествія и родовою гордостью, оживленная надеждою оставить наследника своему имени, восторжествовали наконецъ надъ его горькою досадою. Три мѣсяца спустя послѣ описанной сцены, я стоялъ на порогѣ дома Монпелье въ ожиданіи Евы Мере-

днѣ и ся сына, возвращавшихся въ свое семейство, чтобы вступить опять въ свои права. То былъ прекрасный для меня день.

«Леди Мэри, умѣвшая владѣть собою, скрыла свою радость, когда возникли несогласія въ семействѣ, и сдѣлали ея сына наследникомъ ея брата, еще лучше скрыла свои сожалѣнія и свой гнѣвъ, когда Ева Мередитъ, или, лучше, Ева Кизингтонъ, помирилась съ своимъ свекромъ. Мраморное лице леди Мэри осталось безстрастнымъ; но сколько низкихъ страстей бушевало въ этомъ сердцѣ, по-видимому столь спокойномъ!

«И такъ я стоялъ на порогѣ, когда карета Евы Мередитъ (я стану называть ее этимъ именемъ) въѣхала на дворъ дома. Ева съ живостью протянула мнѣ руку. «Благодарю, благодарю, другъ мой!» прошептала она. Она отерла слезы, дрожавшія у ней на рѣсницахъ, и взявъ за руку своего трехлѣтняго ребенка, прекраснаго, какъ ангель, вошла въ свое новое жилище. «Я боюсь», сказала она.—Это была все таже слабая женщина, убитая горемъ, блѣдная, грустная и прекрасная, которая нисколько не вѣрила земнымъ надеждамъ, а вѣрила только небеснымъ. Я шелъ съ нею рядомъ, и въ то время, когда эта женщина, все еще одѣтая въ трауръ, съ пріятнымъ лицомъ, орошеннымъ слезами, съ гибкимъ и слабымъ тѣломъ, нагнувшись къ периламъ и протянувъ руку, которою притягивала къ себѣ своего ребенка, шедшаго еще медленнѣе ея, входила по первымъ ступенямъ, леди Мэри и ея сынъ показались на верху лѣстницы. Леди Мэри была одѣта въ темное бархатное платье, на рукъ у ней были прекрасные браслеты; тоненькая золотая цѣпочка блистала у ней на лбу, достойномъ, правду сказать, діадемы. Она шла твердой поступью, поднявши голову, со взоромъ полнымъ гордости. Такимъ образомъ объ матери увидали въ первый разъ другъ друга.

«— Милости просимъ, сударыня, сказала леди Мэри, кланясь Евѣ Мередитъ.

«Ева старалась улыбнуться и отвѣчала нѣсколькими любезностями. Какъ можно было ей предположить ненависть, когда она умѣла только любить? Мы отправились въ кабинетъ лорда

Джемса Кизингтонъ. Г-жа Мередитъ, едва держась на ногахъ, вошла первая, сдѣлала нѣсколько шаговъ, и стала на колѣни передъ своимъ свекромъ. Она взяла своего сына на руки, и поставивъ его передъ лордомъ Джемсомъ Кизингтономъ, воскликнула:

«— Вотъ сынъ его!

Потомъ бѣдная женщина заплакала и замолчала.

Лордъ Джемсъ Кизингтонъ долго смотрѣлъ на ребенка. По мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ черты сына, котораго потерялъ, взоръ его сдѣлался влажнымъ и нѣжнымъ. Наступила наконецъ минута, когда онъ, забывъ свои лѣта, теченіе времени, испытанныя несчастія, вообразилъ, что опять возвратились для него счастливые дни, когда онъ обнималъ своего сына, еще ребенка.

«— Вильямъ! Вильямъ! шепталъ онъ; дочь моя! прибавилъ онъ, протягивая руку къ Евѣ Мередитъ.

Глаза мои наполнились слезами. У Евы нашлось семейство, покровитель, состояніе; я былъ счастливъ, и отъ этого, можетъ быть, плакалъ!

Ребенокъ спокойно лежалъ на колѣняхъ дѣда, не изъявляя ни удовольствія, ни страха.

«— Станешь ли ты любить меня? сказалъ ему старикъ.

Ребенокъ поднялъ голову, но не отвѣчалъ ничего:

«— Слышишь ли ты? я буду твоимъ отцемъ!

«— Я буду твоимъ отцемъ! тихо повторялъ ребенокъ.

«— Извините его, сказала мать, онъ всегда былъ одинъ, онъ еще очень малъ, всѣ новыя лица наводятъ на него робость; впоследствии, милордъ, онъ лучше будетъ понимать ваши ласки.

Но я смотрѣлъ на ребенка, наблюдалъ за нимъ въ молчаніи, и вспомнилъ свои зловѣщія опасенія. Увы! эти опасенія оправдались; ужасный испугъ, испытанный Евою Мередитъ во время ея беременности, имѣлъ роковыя слѣдствія для этого ребенка, и одна только мать, по своей молодости, любви и неопытности, могла такъ долго не знать своего несчастія.

Въ одно время и такъ же, какъ я, леди Мэри смотрѣла на ребенка.

Никогда въ жизни не забуду я выраженія ея лица; стоя, она устремила на маленькаго Вильяма такой пронзительный взоръ, что онъ, казалось, проникалъ до самаго сердца ребенка. Она смотрѣла,—и глаза ея засверкали, какъ молніи, ротъ полу-открылся, какъ бы для улыбки, дыханіе стало быстро и сжато, какъ бываетъ въ ожиданіи большой радости.... Она смотрѣла, смотрѣла—и на лицѣ ея изобразилась надежда, сомнѣніе, ожиданіе. Наконецъ ея ненависть сдѣлалась яснovidящею, крикъ внутренняго торжества вырвался у ней изъ сердца, но не перешелъ за уста. Она выпрямилась, бросила презрительный взоръ на Еву, своего побѣжденнаго врага, и сдѣлалась опять безстрашною.

Лордъ Джемсъ Кизингтонъ, утомленный волненіями дня, выславъ насъ изъ кабинета, и остался одинъ на весь вечеръ.

На другой день, послѣ проведенной ночи, когда я сошелъ къ лорду Джемсу Кизингтону, все семейство уже собралось возлѣ него; леди Мэри держала маленькаго Вильяма у себя на колыняхъ:—это былъ тигръ, который схватилъ свою добычу.

«Красавецъ ребенокъ, говорила она, посмотрите, милордъ, эти шелковистые бѣлукурые волосы! какъ они блестятъ на солнцѣ!... Но, милая Ева, развѣ сынъ всегда такой молчаливый? Въ немъ нѣтъ ни живости, ни веселости его возраста.

«— Онъ всегда такой грустный, отвѣчала г-жа Мередитъ. Увы! у меня онъ не могъ выучиться смѣху!

«— Мы постараемся раззабавить, развеселить его, продолжала леди Мэри. Ну, милое дитя мое, подѣлуй дѣдушку! протяни къ нему рученки и скажи, какъ ты его любишь?

«Вильямъ не трогался.

«— Развѣ ты не умѣешь цѣловать? Гарри, другъ мой, подѣлуй дяденьку, и покажи добрый примѣръ твоему двоюродному брату.

Гарри бросился на колѣни къ лорду Джемсу Кизингтону, обнявъ его обѣими рученками.

«— Теперь твоя очередь, милый Вильямъ, продолжала леди Мэри.

Вильямъ оставался неподвиженъ, даже не поднялъ на дѣдушку глазъ.

Слеза покатила по щекамъ Евы Мередитъ.

« — Это моя вина, сказала она: я дурно воспитывала своего ребенка!

Она взяла Вильяма къ себѣ на колѣни, слезы, вылившіяся у ней изъ глазъ, падали на лобъ ея сына; онъ не чувствовалъ ихъ, и заснулъ на грустномъ сердцѣ матери.

« Постарайтесь, сказалъ лордъ Джемсъ Кизингтонъ своей невѣсткѣ, чтобы Вильямъ не былъ такъ дикъ.

« — Постараюсь, отвѣчала Ева покорнымъ голосомъ, къ которому уже я привыкъ давно,—постараюсь и можетъ быть, успѣю, если леди Мэри будетъ такъ добра, и научитъ меня тому, что она дѣлала, и какъ приучила сына своего быть такимъ счастливымъ и веселымъ.

Потомъ огорченная мать посмотрѣла на Гарри, который игралъ возлѣ кресла лорда Джемса Кизингтона, и взоръ ея упалъ снова на ея бѣднаго спящаго ребенка.

« — Онъ страдалъ даже прежде своего рожденія, прошептала она, мы оба были очень несчастны; но я попробую не плакать, чтобы Вильямъ былъ такъ же веселъ, какъ прочія дѣти.

Прошли два дня, два тяжелые дня, полные скрытаго смущенія и мрачнаго безпокойства. Лице лорда Джемса Кизингтона было озабочено, по временамъ онъ спрашивалъ меня взоромъ. Я отворачивалъ глаза только для того, чтобы не отвѣчать.

На утро третьяго дня, леди Мэри вошла съ разными игрушками для обоихъ дѣтей. Гарри схватилъ саблю и побѣжалъ по комнатѣ, испуская радостные крики. Вильямъ оставался неподвиженъ; онъ держалъ въ своихъ рученкахъ игрушки, которыя ему дали, но не попытался сдѣлать изъ нихъ употребленія, даже и не посмотрѣлъ на нихъ.

« — Пойдите, милордъ, сказала леди Мэри своему брату, возьмите эту книжку съ картинками, и покажите ее вашему внуку: можетъ-быть, эти картинки возбуждаютъ его вниманіе.

Потомъ она привела Вильяма къ лорду Джемсу Кизингтону. Ребенокъ не сопротивлялся, — пошелъ, остановился и сталъ какъ статуя на томъ мѣстѣ, гдѣ его поставили.

Лордъ Джемсъ Кизингтонъ открылъ книгу. Взоры всѣхъ обратились въ эту минуту на старика и его внука. Лордъ Джемсъ Кизингтонъ былъ мраченъ, молчаливъ, строгъ; онъ медленно перевернулъ нѣсколько страницъ, останавливаясь на каждой картинкѣ, и смотря на Вильяма, котораго неподвижные глаза устремлены были на книгу. Лордъ Джемсъ Кизингтонъ перевернулъ еще нѣсколько листовъ, потомъ рука его сдѣлалась неподвижна, книга соскользнула у него съ колѣнъ, и мрачное молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

Леди Мэри подошла ко мнѣ, нагнулась, чтобы сказать на ухо, но сказала такъ, чтобы всѣ могли слышать:

« — Докторъ! Этотъ ребенокъ идіотъ!

« Вопль былъ ей отвѣтомъ. Ева встала, какъ бы пораженная молніею, и, схвативъ сына, судорожно прижала его къ груди.

« — Идіотъ! воскликнула она; и взоръ ея, исполненный негодованія, заблесталъ въ первый разъ самымъ живымъ огнемъ; идіотъ! повторяла она, оттого что онъ былъ несчастенъ всю свою жизнь, оттого что видѣлъ однѣ только слезы съ тѣхъ поръ, какъ у него открылись глаза, оттого что не умѣетъ играть такъ, какъ сынъ вашъ, который всегда былъ окруженъ радостью. О, сударыня! вы оскорбляете несчастіе! Поди, поди, дитя мое, въ слезахъ воскликнула Ева. Поди ко мнѣ, уйдемъ отъ этихъ безчувственныхъ сердець, у которыхъ для нашего несчастія есть только однѣ жестокія слова.

И несчастная мать, взявъ своего ребенка, быстро пошла къ себѣ въ комнату, я слѣдовалъ за ними. Она поставила Вильяма на полъ, и ставъ передъ нимъ на колѣни, воскликнула:

« — Сынъ мой! сынъ мой!

Вильямъ подошелъ къ ней и положилъ свою головку на плечо матери.

« — Докторъ! сказала она, онъ любитъ меня, вы это видите! онъ подходитъ ко мнѣ, когда я зову его; онъ цѣлуетъ меня.

Его ласки достаточны для моего спокойствія, для моего печальнаго счастья! Боже мой, такъ этого было не довольно! Сынъ мой, говори со мною, успокой меня: найди утѣшительное слово, одно только слово для твоей несчастной, отчаянной матери! До сихъ поръ я просила, чтобы ты только изображалъ мнѣ черты твоего отца, и оставлялъ меня въ молчаніи, чтобы я могла плакать непринужденно. Теперь, Вильямъ, мнѣ нужны отъ тебя слова! Развѣ ты не видишь моихъ слезъ, моего ужаса! Милое дитя, ты такъ прекрасенъ, такъ похожъ на отца, говори, говори со мною!

Увы! увы! ребенокъ оставался безъ движенія, безъ ужаса, безъ понятія; только улыбка, улыбка ужасная для глазъ, показалась у него на устахъ. Ева закрыла лице руками и осталась, какъ была на колыняхъ. Я долго слышалъ ея рыданія.

Тогда я просилъ Небо внушить мнѣ утѣшительныя мысли, которыя могли бы доставить этой несчастной матери, хоть одинъ лучъ надежды. Я говорилъ ей о будущемъ, объ ожидаемомъ выздоровленіи, о возможной, вѣроятной переменѣ, но надежда никакъ не можетъ основаться на неправдѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ ея самой, нельзя видѣть ея тѣни. Ударъ ужасный, ударъ смертельный былъ нанесенъ, и Ева Мередитъ поняла теперь всю истину.

Съ этого дня, одинъ только ребенокъ сходилъ каждое утро въ кабинетъ лорда Джемса Кизингтона. Приходили къ нему еще двѣ женщины, но одна, казалось, жила, другая молчала, какъ мертвая; одна говорила: «сынъ мой», другая никогда не говорила о своемъ дитяти; одна высоко держала голову, другая всегда склоняла ее на грудь, чтобы лучше скрыть свои слезы; одна была прекрасна и блестяща, другая блѣдна и вся въ черномъ. Борьба кончилась. Леди Мэри торжествовала.

Маленькаго Гарри заставляли играть передъ глазами Евы Мередитъ; это было жестоко. Не заботясь о страданіяхъ этой женщины, приводили Гарри, заставляли его говорить уроки въ присутствіи дяди, хвалили его успѣхи. Честолюбивая мать рассчитывала на все, чтобы упрочить успѣхъ, и всегда имѣла

на-готовѣ ласковыя слова, лицемѣрныя утѣшенія для Евы Мередитъ; она терзала ей сердце каждую минуту; Лордъ Джемсъ Кизингтонъ, убитый въ лучшихъ своихъ надеждахъ, возвратился снова къ своей холодной безчувственности, которая такъ пугала меня. Теперь я понималъ, что это было послѣднимъ словомъ его характера, камнемъ покрывающимъ могилу. Будучи утонченно учтивъ съ своею невѣсткою, онъ не питалъ къ ней никакой привязанности; дочь американскаго плантатора могла найти мѣсто въ его сердцѣ только, какъ мать его внука. А на этого ребенка онъ смотрѣлъ, какъ на несуществовавшаго. Лордъ Джемсъ Кизингтонъ сдѣлался болѣе, чѣмъ когда либо, мраченъ, молчаливъ; можетъ быть, онъ сожалѣлъ, что склонился на мои просьбы и причинилъ своей старости волненіе тягостное, и между тѣмъ бесполезное.

Прошелъ годъ, потомъ въ одинъ печальныйъ день, лордъ Джемсъ Кизингтонъ велѣлъ позвать къ себѣ Еву Мередитъ, подалъ ей знакъ сѣсть возлѣ своего кресла и сказалъ:

«— Вслушайте меня, сударыня, выслушайте съ мужествомъ. Я хочу поступить съ вами честно и ничего не скрою отъ васъ: я—старъ и боленъ, долженъ заняться своими дѣлами. Они грустны для меня и для васъ. Я не стану говорить вамъ о моемъ неудовольствіи по случаю женитьбы моего сына. Ваше несчастіе обезоружило меня; я призвалъ васъ къ себѣ, и желалъ видѣть и любить въ вашемъ сынѣ Вильямѣ наследника моего состоянія, молодаго человека, на которомъ основывались всѣ мои мечты о будущемъ и все мое честолюбіе.

«Увы, сударыня, судьба была жестока къ намъ! Вдова и сынъ моего сына будутъ имѣть все, что нужно для безбѣдной жизни; но располагая своимъ имѣніемъ, которое приобрѣлъ я одинъ, я усыновляю своего племянника и съ этихъ поръ считаю его наследникомъ. Я ѣду въ Лондонъ, чтобы присмотрѣть за дѣлами; поѣдете со мною, считайте мой домъ своимъ, и я радъ буду видѣть васъ у себя.»

Ева (она рассказала мнѣ объ этомъ въ послѣдствіи), почувствовала въ первый разъ, что мужество заступаетъ въ ней мѣсто унынія, и у ней оказалось довольно силы, которая про-

исходить отъ благородной гордости: она подвѣла голову, и, если лице ея не выражало гордости леди Мэри, то по крайней мѣрѣ, оно имѣло величіе несчастія.

« Поѣзжайте, милордъ, отвѣчала она, поѣзжайте, я не поѣду съ вами. Я не хочу быть свидѣтельницею того, какъ сынъ мой будетъ лишаемъ своихъ правъ! Вы слишкомъ поторопились, милордъ, осудить его навсегда! Что можно знать о будущемъ? Вы слишкомъ рано не надѣетесь на милость Божию!

« — Будущее, продолжалъ Джемсъ Кизингтонъ, въ монета заключается въ переходящемъ днѣ. Если я хочу дѣйствовать, то долженъ дѣйствовать по утру, не дожидаясь даже вечера.

« — Дѣлайте, какъ знаете, отвѣчала Ева. Я возвращусь въ жилище, въ которомъ была счастлива съ своимъ мужемъ, возвращаюсь съ вашимъ внукомъ, лордомъ Вильямомъ Кизингтономъ, онъ сохранитъ это имя, свое единственное наследство;—и пусть свѣтъ узнаетъ объ этомъ имени лишь тогда, какъ прочтетъ его на его могилѣ—все-таки ваше имя, милордъ, есть имя моего бѣднаго сына.

По прошествіи недѣли, Ева Мередитъ сходила съ большой лѣстницы дома, держа за руку своего сына, также, какъ и вошла въ этотъ роковой домъ. Леди Мэри стояла позади нѣсколькими ступенями выше ея; многочисленные слуги, печально-молчаливые, смотрѣли, сожалея о кроткой хозяйкѣ, изгоняемой изъ-подъ отеческаго крова.

Оставляя это жилище, Ева Мередитъ оставляла единственные существа, которыхъ знала на землѣ, единственные, отъ которыхъ имѣла право требовать жалости, міръ раскрывался передъ нею безпредѣльнымъ и одинокимъ: то была Агарь, уходящая въ пустыню....»

— Это ужасно, докторъ! воскликнули слушатели деревенскаго лекаря; неужели есть люди, которыхъ жизнь бываетъ такъ совершенно несчастна? Какъ! Вы сами видѣли?...

— Видѣлъ, но я еще не все досказалъ, отвѣчалъ докторъ Барнабе. Позвольте мнѣ кончить.

Спустя нѣсколько дней по отъѣздѣ Евы Мередитъ, лордъ Джемсъ Кизингтонъ отправился въ Лондонъ. Оставшись на свободѣ, я отказался отъ всякаго желанія учиться: для своей деревни я былъ ученъ уже довольно, — и возвратился въ нее, какъ только могъ скорѣе.

Вотъ мы опять соединились въ этомъ бѣломъ домикѣ, соединились, какъ это было до двухъ-лѣтняго отсутствія; но какъ эти два года увеличили несчастье! Никто не смѣлъ говорить о будущемъ, этой неизвѣстной минутѣ, въ которой мы такъ нуждаемся, и безъ которой счастливый настоящій день даетъ слишкомъ мало счастья, а несчастный дѣлаетъ несчастье еще болѣе ощутительнымъ.

«Никогда не видалъ я горя болѣе благороднаго въ своей простотѣ, болѣе спокойнаго въ силѣ, какъ горе Евы Мередитъ. Она молилась еще Богу, ее испытующему, Богу, Которому возможно невозможное, съ Которымъ начинаешь снова надѣяться, когда угасаютъ земныя надежды. Взоръ ея, этотъ взоръ исполненный вѣры, который такъ живо поразилъ меня, останавливался на лицѣ ребенка, какъ будто бы ожидая пришествія души, призываемой ея молитвами. Я не могу описать вамъ мужественнаго терпѣнія этой матери, говорящей съ своимъ сыномъ, который слушалъ ее не понимая. Не могу описать вамъ тѣхъ сокровищъ любви, мыслей, искусныхъ разказовъ, которые расточала она этому несчастному ребенку, повторявшему, подобно эху, послѣднιά слова той сладкой рѣчи, съ которою къ нему обращались; она толковала ему о небѣ, о Богѣ, объ ангелахъ; стараясь заставить его молиться, она складывала ему рученки, но не могла заставить его поднятъ глаза къ небу.

Она облакала во всѣ возможныя формы тѣ первые уроки, которые даютъ дѣтямъ; читала своему сыну, говорила съ нимъ, развлекала глаза его картинками; вмѣсто словъ употребляла звуки музыки.

Однажды, сдѣлавъ надъ собою ужасное усиліе, она даже разказала Вильяму про смерть его отца; она надѣялась, ждала

слезы. Въ это утро ребенокъ ея заснулъ, между тѣмъ какъ она еще говорила; слезы были пролиты, но эти слезы падали изъ глазъ Евы Мередитъ.

Она истощилась въ тщетныхъ усиліяхъ, въ постоянной борьбѣ; она трудилась для того, чтобы имѣть возможность надѣяться, но въ глазахъ Вильяма картинки были ничто иное какъ краски, слова же для ушей его были однимъ лишь звукомъ. Не смотря на то, этотъ ребенокъ росъ и становился чудно-прекрасенъ. Видя его на одну минуту, можно было назвать неподвижность его лица спокойствіемъ; но это продолжительное непрерывное спокойствіе, это отсутствіе всякаго горя и слезъ производили на насъ необыкновенное и грустное дѣйствіе. О! Видно страданіе такъ нераздѣльно съ нашею природою, что вѣчная улыбка Вильяма заставляла говорить всѣхъ: «Бѣдный идиотъ!» — Матери не понимаютъ счастья, заключающагося въ дѣтскихъ слезахъ. Слезы — это сожалѣніе, желаніе, боязнь, однимъ словомъ, жизнь, которую начинаютъ понимать! Увы! Вильямъ былъ доволенъ всѣмъ. Онъ, казалось, спалъ цѣлые дни съ открытыми глазами; онъ никогда не ходилъ шибче обыкновеннаго, не оборачивался, не избѣгалъ никакой опасности, никогда не изъяслялъ ни скуки, ни вѣтерпѣнія, ни гнѣва. Если онъ не умѣлъ слушаться словъ, то, по крайней мѣрѣ, повиновался рукъ, его ведущей. Въ этомъ существѣ, лишенномъ разума, оставалось одно влеченіе: онъ зналъ мать свою и даже любилъ ее. Онъ любилъ опираться ей на колѣна, на плеча; онъ цѣловалъ ее. Когда я долго держалъ его вдали, въ немъ обнаруживался какой-то тоскливый страхъ. Я приводилъ его опять къ матери, но онъ не изъяслялъ никакой радости; а только становился спокоенъ. Эта нѣжность, этотъ слабый лучъ Вильямова сердца составлялъ всю жизнь Евы. Здѣсь-то находила она силу дѣлать новыя посылки, надѣяться, ждать. Если слова ея не понимались, то по крайней мѣрѣ понимались ея поцѣлуй! Сколько разъ брала она сына своего за голову, и цѣловала, цѣловала долго его въ лобъ, какъ будто бы надѣясь, что ея любовь воспламенитъ эту нѣмую и ледяную душу! Сколько разъ

ждала она чуда, сжимая сына въ своихъ объятіяхъ, и положивъ спокойное лице Вильяма на свое горячее сердце!

Часто забывалась она ввечеру въ деревенской церкви (Ева Мередитъ была католичка). Преклонивъ колѣна на камень передъ алтаремъ Богородицы, предъ мраморномъ изображеніемъ Дѣвы Маріи съ Младенцемъ на рукахъ, она говорила:—О пресвятая Дѣва, сынъ мой безжизнень, испроси у Бога душу для моего сына!

«Она подавала милостыню всѣмъ бѣднымъ деревенскимъ дѣтямъ, раздавала имъ хлѣбъ, платье, говоря: «Молитесь за него!» Она утѣшала страждущихъ матерей, въ тайной надеждѣ, что и къ ней придетъ утѣшеніе. Она не допускала ни одной слезы вытекать изъ глазъ другихъ, чтобы только думать, что и она перестанетъ плакать. Во всей окрестности она была любима, благословляема, и уважаема; она это знала, и кротко, съ надеждою, а не съ гордостью, приносила небу благословенія несчастныхъ, чтобы получить помилованіе сыну. Она любила смотрѣть на спящаго Вильяма; тогда она находила его прекраснымъ и подобнымъ другимъ дѣтямъ; она забывала на минуту, можетъ-быть, на секунду, и передъ этими правильными чертами, золотистыми волосами, длинными рѣсницами, бросавшими тѣнь на розовую щечку Вильяма, она была матерью, счастливою почти гордою матерью. Господь посылаетъ минуты утѣшенія, даже и тѣмъ, которые обречены на страданіе.

Такимъ образомъ протекли первые годы Вильяма. Онъ достигъ восьми лѣтъ. Тогда произошла въ Евѣ Мередитъ грустная перемѣна, которая не могла ускользнуть отъ моихъ внимательныхъ взоровъ; она перестала надѣяться, или отъ того, что уже высокій ростъ ея сына дѣлалъ поразительнѣе недостатокъ разума, или отъ того, что работникъ, трудившійся въ продолженіе цѣлаго дня, изнемогаетъ къ вечеру отъ усталости; душа Евы отказывалась отъ своего труднаго предпріятія и впала въ изнеможеніе, прося себя отъ Бога только терпѣнія. Бѣдная мать оставила книги, картинки, музыку, всѣ средства, которыя призывала къ себѣ на помощь, она

сдѣлалась унылою и молчаливою; и если это возможно, стала еще нѣжнѣе къ своему сыну. Переставъ надѣяться дать ему возможность вступить въ свѣтъ, пріобрѣсти друзей, состояніе, она почувствовала въ цѣломъ мірѣ, что для ея ребенка она была одна, она требовала у своего сердца чуда — увеличенія любви, которую она уже питала къ сыну. Эта женщина сдѣлалась рабою, служанкою своего сына; вся душа ея стремилась только къ тому, чтобы предохранить его отъ страданія, отъ малѣйшаго безпокойства. Если солнечный лучъ падалъ на лице Вильяма, она вставала, спускала занавѣсъ, и низводила тѣнь на мѣсто слишкомъ яркаго свѣта, который заставилъ ея ребенка опустить глаза. Сама чувствуя холодъ, она для Вильяма приносила теплое платье; захотѣвши ѣсть, она шла въ садъ, рвала плоды и приносила ихъ Вильяму; уставши, она подавала ему большое кресло и мягкія подушки; наконецъ она прислушивалась къ своей жизни, для того, чтобы угадывать чувствованія жизни своего сына. Это была еще дѣятельность, но уже не надежда.

Вильямъ достигъ одиннадцати лѣтъ: тогда началась послѣдняя фаза въ жизни Евы Мередитъ. Вильямъ, чрезвычайно высокій ростомъ и сильный для своихъ лѣтъ, пересталъ нуждаться въ ежеминутныхъ попеченіяхъ, которыми окружаютъ первые годы жизни; онъ уже не былъ ребенкомъ, засыпавшимъ на колыбеляхъ своей матери; онъ одинъ гулялъ въ саду, ѣздилъ со мною верхомъ, и охотно слѣдовалъ за мною въ моихъ горныхъ прогулкахъ, и такъ наконецъ птица, хотя и лишенная крыльевъ, покидала свое гнѣздо.

Несчастіе Вильяма не было ни страшно, ни тягостно для глазъ. Это былъ юноша, прекрасный какъ день, молчаливый, тихій, какимъ не бываютъ здѣсь на землѣ, взоръ его выражалъ одно спокойствіе; онъ не былъ ни неловокъ, ни не пріятель, ни докучливъ; это была душа, дремавшая возлѣ васъ, не безпокоившая васъ ни вопросами, ни отвѣтами. Г-жа Мередитъ, чтобы занять свое горе, не имѣла болѣе дѣятельности матери-кормилицы; она опять сѣла у этого окна, изъ котораго виднѣлась деревушка и церковная колокольня, на

томъ же мѣстѣ , на которомъ такъ горько оплакивала своего перваго Вильяма. Блѣдное лице ея обращалось къ наружному воздуху, какъ бы испрашивая у вѣтра, шумѣвшаго въ деревьяхъ , нѣсколько дуновеній для освѣженія своего чела ; ея руки, протянутыя по бокамъ, падали въ безсильи, какъ руки празднаго или усталаго, которымъ нечего на землѣ дѣлать.

« Надежда, попеченія, все улетало отъ нея одно за другимъ ; ей оставалось только бодрствовать издалека, день и ночь, какъ лампада, горящая подъ церковнымъ сводомъ.

« Но силы ея истощались. Посреди этого страданія возвратившагося къ точкѣ исхода, молчанія и неподвижности, послѣ того, какъ всѣ усилія мужества, надежда, были истощены, Ева Мередитъ занемогла горячкою. Не смотря на всѣ средства моего искусства, я видѣлъ, какъ она худѣла и слабѣла. Какое употребить лекарство, когда поражена душа?

« Бѣдная чужестранка ! она нуждалась въ солнцѣ своей родины и хотѣ въ маломъ счастьи, чтобы отогрѣться ; но ей въ одно и тоже время не доставало ни солнца, ни луча счастья. Она долго не замѣчала еще своей опасности, потому-что не думала о себѣ ; но когда ей не возможно было сойти съ своего кресла, то она по неволѣ должна была повянуть ! Не могу описать вамъ тоски этой женщины при мысли оставить Вильяма безъ опоры, безъ друзей , безъ покровителя , оставить его одного между людьми чужими, его, котораго должно было любить и вести за руку какъ ребенка. О ! какъ она старалась жить ! Съ какою жадностью принимала питья, приготовляемыя мною ! Сколько разъ хотѣла она повѣрить возможности своего излеченія ! Но болѣзнь усиливалась. Тогда она чаще стала удерживать Вильяма дома ; она хотѣла видѣть его безпрестанно.

« — Останься со мною, говорила она.

« И Вильямъ, всегда любившій оставаться съ матерью , садился у ней въ ногахъ. Она долго смотрѣла на него, и до тѣхъ поръ , пока потокъ слезъ не мѣшалъ ей различать пріятное лице сына ; тогда она призывала его еще ближе къ себѣ, прижимала къ своему сердцу, и въ какомъ-то бреду восклицала :

—«О! еслибы душа моя, которая должна разстаться съ тѣломъ, могла сдѣлаться душою моего сына, какъ бы я, умирая, была счастлива!

Ева не отчаявалась совершенно въ милосердіи Божіемъ, и когда всѣ человѣческія надежды исчезали, это сердце, полное любви, еще сладко мечтало, и изъ мечты дѣлала свои надежды. Но какъ грустно было видѣть эту бѣдную мать, медленно умпрающую передъ глазами своего сына, сына, который не понималъ ничего и улыбался ей, когда она цѣловала его!

«—Онъ не будетъ сожалѣть о мнѣ, говорила она, не будетъ по мнѣ плакать, не будетъ меня помнить!

Потомъ она оставалась неподвижною въ нѣмомъ созерцаніи своего сына; рука ея иногда искала моей.

«—Вы его любите, другъ мой, шептала она.

«—Я не покину его, говорилъ я до тѣхъ, пока у него не найдутся друзья, которые были бы лучше меня.

Богъ на небѣ, да бѣдный деревенскій лекарь на землѣ,— вотъ покровители, которымъ повѣряла она своего сына!

«Вѣра великое дѣло!... Эта женщина вдовая, лишенная наслѣдства, умирающая возлѣ безумнаго сына, еще не чувствовала того безвыходнаго отчаянія, которое заставляетъ умирать богохульствуя; какой-то невидимый другъ былъ съ нею; она, казалось, опиралась на него, и иногда прислушивалась къ святымъ словамъ, которыя слышала только одна она.

Однажды утромъ, она рано прислала за мною; она не могла встать съ постели, и съ своею исхудавшею рукою показала на листъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько строчекъ:

«—Другъ мой, сказала Ева своимъ тихимъ голосомъ, я не въ силахъ продолжать, кончите это письмо.

Я прочелъ слѣдующее:

«Милордъ! пишу Вамъ въ послѣдній разъ. Въ то время, какъ здоровье возвратилось къ Вамъ въ старости, я страдаю «и скоро умру. Я оставляю безъ покровителя вашего внука «Вильяма Кизингтона. Милордъ, это послѣднее письмо назна-

« чается для того, чтобы напомнить вамъ о немъ; я не столько
 « прошу у васъ богатства, сколько мѣстечка въ вашемъ сердцѣ.
 « Изъ всего въ этой жизни, онъ понялъ только одно—любовь
 « матери. И вотъ я должна оставить его на всегда! Любите
 « его, Милордъ: онъ понимаетъ только одну привязанность!»

Она не могла докончить, я прибавилъ :

« Леди Вильямъ Кизингтонъ остается жить только нѣсколько
 « дней; что прикажетъ лордъ Джемсъ Кизингтонъ касательно
 « ребенка, носящаго его имя?

« Докторъ Барнабе.»

Письмо было послано въ Лондонъ, и мы ожидали отвѣта. Ева не вставала болѣе съ постели; Вильямъ, сидя подлѣ нея, держалъ по цѣлымъ днямъ ея руку въ своихъ; мать старалась грустно улыбаться ему, а я, стоя у другой стороны кровати, приготавливалъ ей лекарства, которыя могли утишить ея страданіе.

Она начинала говорить съ сыномъ, какъ будто бы не отчаяваясь, что послѣ ея смерти нѣсколько словъ, сказанныхъ ею, не придутъ ему на память; она подала этому ребенку всѣ совѣты, всѣ наставленія, какъ бы разумному существу; потомъ обратившись ко мнѣ, сказала:

«—Кто знаетъ, докторъ? можетъ быть, когда либо онъ въ глубинѣ своего сердца найдетъ слова мои!

Прошло еще нѣсколько недѣль. Смерть приближалась, и какъ покорна ни была христіанская душа Евы, эта минута возбуждала въ ней тоску и благоговѣйный страхъ передъ будущностью. Деревенскій пасторъ посѣтилъ ее, и когда онъ оставилъ ее, я подошелъ къ нему, взявъ за руку и сказалъ:

«—Вы помолитесь за нее.

«—Я просилъ ее помолиться за себя, отвѣчалъ онъ.

То былъ послѣдній день Евы Мередитъ. Солнце закатилось; окно, подлѣ которымъ она сживала такъ долго, было открыто; она издали могла видѣть окрестность, столь ею любимую. Она держала сына въ своихъ объятіяхъ, цѣловала ему лобъ, волосы, и горько плача, говорила съ любовію :

«—Бѣдное дитя! что съ тобою будетъ? О! Выслушай меня, Вильямъ: я умираю; твой отецъ тоже умеръ! ты остаешься на землѣ одинъ! надо молиться Господу; я вручаю тебя Тому, Кто хранить одинокаго воробушка: Онъ сохранитъ и сироту. Милое дитя, посмотри на меня, выслушай для того, чтобы нѣкогда вспомнить обо мнѣ! и постарайся понять, что я умираю.

И бѣдная мать, потерявъ силу говорить, сохранила еще силу цѣловать своего ребенка.

Въ эту минуту необычайный звукъ поразилъ мой слухъ. Колеса кареты шумѣли по песку садовыхъ дорожекъ. Я выбѣжалъ на крыльцо. Лордъ Джемсъ Кизингтонъ и леди Мэри вошли въ домъ.

«—Я получилъ ваше письмо, сказалъ мнѣ лордъ Джемсъ Кизингтонъ; когда былъ готовъ отправиться въ Италию; такъ-какъ мнѣ очень мало составило крюка, то я самъ пріѣхалъ рѣшить участь Вильяма Мередитъ: къ вашимъ услугамъ. Леди Вильямъ?...

«—Леди Вильямъ Кизингтонъ еще жива, милордъ, отвѣчалъ я.

Съ тягостнымъ чувствомъ видѣлъ я, какъ вошелъ въ комнату Евы, этотъ спокойный, холодный и строгій человекъ сопровождаемый гордою женщиною, которая будетъ свидетельницею событія для нея счастливаго, смерти своей старинной соперницы. Они вступили въ эту комнатку простую, скромную, столь различную отъ великолѣпныхъ комнатъ дома Монпелье. Они приблизились къ этой кровати съ бѣлыми занавѣсами, подъ которыми лежала Ева блѣдная и еще прекрасная, прижимая сына къ своему сердцу. Они сѣли, одинъ по правую, другая по лѣвую сторону, страдальческаго ложа, и не нашли ласковаго слова, чтобы утѣшить бѣдную женщину, взоры которой обращались къ нимъ. Нѣсколько холодныхъ фразъ, безсвязныхъ выраженій, едва соскользнули съ ихъ губъ. Присутствуя въ первый разъ при грустномъ зрѣлищѣ предсмертной муки, они отвернули отъ умирающей глаза, и увѣренные, что она не видитъ и не слышитъ, ждали

только того, чтобы она умерла, даже не давъ своему лицу выраженія благорасположенія или сожалѣнія. Ева устремила на нихъ свои умирающіе взоры, и внезапный ужасъ овладѣлъ этимъ, уже начинавшимъ едва только биться, сердцемъ. Она поняла тогда, чего не поняла въ продолженіи всей своей жизни,—скрытыя чувства леди Мэри, и глубокое равнодушіе, себялюбіе, лорда Джемса Кизингтона. Поняла наконецъ, что они были врагами, а не покровителями ея сына. Отчаяніе и ужасъ изобразились на ея блѣдномъ лицѣ. Она не попыталась умолять эти бездушныя существа. Судорожнымъ движеніемъ она прижала Вильяма еще крѣпче къ своему сердцу, и собравъ всѣ свои силы, воскликнула, цѣлуя его въ послѣдній разъ :

«—Дитя мое, бѣдное дитя мое! у тебя нѣтъ никакой опоры на землѣ, но на небесахъ—Богъ милосердъ! Боже! приди на помощь къ моему сыну!

Въ этомъ воплѣ любви, въ этой высокой молитвѣ, жизнь ея изсякла; руки ея открылись, губы остались неподвижны на лбу Вильяма. Она не цѣловала болѣе своего сына, потому что умерла, умерла въ глазахъ тѣхъ, которые до самаго конца отказались протянуть ей руку помощи, умерла, не заставивъ леди Мэри опасаться, что она хоть просьбою постарается измѣнить прожизненный приговоръ, умерла, оставивъ за ней совершенную, рѣшительную побѣду.

На минуту водворилось молчаніе; никто не тронулся, не произнесъ ни слова. Смерть заставляетъ самыхъ горделивыхъ людей склонить голову. Леди Мэри и Лордъ Джемсъ Кизингтонъ преклонили колѣна предъ своею жертвою. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, лордъ Джемсъ всталъ и сказалъ мнѣ:

«—Удалите этого ребенка изъ комнаты его матери, и пойдемте со мною, докторъ; я объясню вамъ мои намѣренія въ отношеніи его.

Уже два часа Вильямъ лежалъ; опершись на плечо Евы Мередитъ, прикинувъ сердцемъ къ ея сердцу, и устами къ ея устамъ, осыпaeмый въ одно и тоже время ея поцѣлуями и орошаемый слезами. Я подошелъ къ Вильяму, и не говоря

Безполезныхъ словъ , старался приподнять и вывести изъ комнаты; но Вильямъ сопротивлялся , и еще крѣпче прижалъ мать свою къ сердцу. Это сопротивленіе , первое , которое когда либо бѣдный ребенокъ противопоставлялъ , кому бы то ни было на землѣ , тронуло меня до глубины души. Не смотря на то , я опять силлся оторвать его отъ постели; Вильямъ на этотъ разъ не упорствовалъ ; онъ сдѣлалъ движеніе , и обратился ко мнѣ прекраснымъ лицомъ своимъ , орошеннымъ слезами. До этого дня Вильямъ никогда не плакалъ. Сильное волненіе овладѣло мною , и я допустилъ ребенка броситься опять на тѣло его матери.

«—Уведите же его! сказалъ мнѣ лордъ Джемсъ Кизингтонъ.

«—Милордъ , онъ плачетъ , воскликнулъ я. О ! пусть онъ проливаетъ слезы.

Я наклонился къ ребенку , и—услышалъ рыданія.

«—Вильямъ ! милый мой Вильямъ ! сказалъ я ему съ безпокойствомъ , взявъ его за руку; о чемъ плачешь ты , Вильямъ?

Во второй разъ Вильямъ обернулся ко мнѣ ; потомъ со взоромъ , полнымъ страданія , отвѣчалъ:

«—Матушка умерла!

«Я не могу выразить вамъ , что я тогда чувствовалъ. Глаза Вильяма засвѣтились умомъ; слезы его были грустны , потому что текли не случайно , и голосъ его дрожалъ , какъ это бываетъ , когда страдаетъ сердце. Я вскрикнулъ , и сталъ почти на колѣна передъ кроватью Евы.

«—О ! ты была права , Ева ! сказалъ я , что не отчаевалась въ небесномъ милосердіи.

Самъ лордъ Джемсъ Кизингтонъ вздрогнулъ. Леди Мэри сдѣлалась блѣдна , какъ умершая Ева.

«— Матушка ! матушка ! восклицалъ Вильямъ съ такимъ выраженіемъ , которое наполняло сердце мое радостью.

Потомъ , повторяя слова Евы Мередитъ ,—тѣ слова , которыя , по ея убѣжденію , онъ долженъ былъ вспомнить во глубинѣ своего сердца ,—ребенокъ продолжалъ громкимъ голосомъ:

«—Я умираю , сынъ мой; твой отецъ умеръ ; ты одинъ на землѣ ! Надо молиться Господу!

Я потихоньку положилъ руку на плечо Вильяма, чтобы нагнуть его и поставить на колѣни; онъ сталъ, одинъ сложилъ на этотъ разъ свои дрожащія руки, и обративъ къ небу взоръ, полный жизни, прошепталъ :

«—Боже мой! умилосердись надо мною!

Я наклонился къ Евѣ, взявъ ее оледенѣвшую руку и воскликнулъ: О, мать! мать, которая такъ много страдала, слышавшій ли ты своего сына? видишь ли ты его съ небеси? Будь счастлива! сынъ твой спасенъ; бѣдная женщина, ты такъ много страдала!

«Усопшая Ева, распростертая у ногъ леди Мэри, въ этотъ разъ заставляла дрожать свою соперницу, потому что уже не я вывелъ изъ комнаты Вильяма; то былъ лордъ Джемсъ Кизингтонъ, который въ своихъ объятіяхъ вынесъ внука.

Что вамъ сказать, сударыни, еще болѣе? къ Вильяму возвратился разумъ и онъ уѣхалъ съ лордомъ Джемсомъ Кизингтономъ. Въ послѣдствіи, возстановленный въ своихъ правахъ, онъ сдѣлался единственнымъ наследникомъ имущества своего семейства. Наука подтверждаетъ такіе рѣдкіе случаи, въ которыхъ разумъ оживляется сильнымъ нравственнымъ потрясеніемъ. И такъ происшествіе, о которомъ я вамъ рассказываю, объясняется самымъ естественнымъ образомъ; но добрая деревенскія женщины, ходившія за Евою Мередитъ въ продолженіи ея болѣзни, и слышавшія ея пламенные молитвы, увѣрены, что душа матери такъ, какъ она просила Бога, перешла въ тѣло ея сына. Она была такъ добра, говорятъ крестьяне, что Богъ ни въ чемъ не можетъ отказать ей. Это добродушное вѣрованіе совершенно утвердилось въ окрестности. Никто не оплакивалъ Г-жу Мередитъ, какъ покойницу. Она жива еще, увѣряютъ жители деревушки; поговорите съ ея сыномъ—и это она будетъ отвѣчать вамъ.

Когда лордъ Вильямъ Кизингтонъ, сдѣлавшись владѣтелемъ имѣнія своего дѣда, ежегодно присылалъ обильныя милостыни въ деревню, въ которой онъ родился и въ которой умерла его мать, бѣдняки восклицали: Вотъ добрая-то душа

Евы Мередитъ помнѣть еще насъ! О! когда она улетитъ на небо, несчастные будутъ очень жалки! Мы носимъ цвѣты не на ея могилу, но на ступени алтаря Божіей Матери, гдѣ она такъ часто просила Дѣву Марію послать душу ея сыну. Украшая алтарь букетами изъ весеннихъ цвѣтовъ, крестьяне говорятъ между собою: Когда она молилась съ такимъ усердіемъ, Милосердая Матерь Божія отвѣчала ей тихо: Я дамъ душу твоему сыну!»

«Пасторъ оставилъ нашихъ крестьянъ при этомъ трогательномъ вѣрованіи, и я самъ, когда лордъ Вильямъ пріѣхалъ въ эту деревню, когда устремилъ на меня взоръ, столь похожій на взоръ матери, когда своимъ голосомъ, который имѣлъ для меня такое знакомое выраженіе, сказалъ мнѣ, какъ говорила Г-жа Мередитъ: «другъ мой, благодарю васъ!» тогда, сядьтесь, сударыни, если хотите, я плакалъ и вѣрилъ вмѣстѣ со всею деревнею, что Ева Мередитъ стояла передо мною!

Эта женщина, которой вся жизнь была только продолжительнымъ несчастіемъ, оставила послѣ себя воспоминаніе пріятное, утѣшительное, не заключающее въ себѣ ничего горькаго для тѣхъ, кто любилъ ее. Думая о ней, думаешь о милосердіи Божіемъ, и если питаешь какую либо надежду въ глубинѣ своего сердца, надеешься еще съ большою вѣрою.

Но уже очень поздно, сударыни; давно кареты ваши стоятъ передъ крыльцомъ. Извините этотъ длинный рассказъ: въ мои лѣта не умѣютъ говорить вкратцѣ о воспоминаніи юности. Простите старика, который заставилъ васъ улынуться при своемъ прибытіи и плакать при его рассказѣ.

Эти послѣднія слова были сказаны самымъ кроткимъ и отеческимъ голосомъ, въ то время, какъ легкая улыбка мелькнула на губахъ доктора Барнабе. Всѣ подошли къ нему; начался тысяча благодарностей; но докторъ Барнабе всталъ, направилъ шаги къ пюсово-тафтяному стуруку, лежавшему на креслѣ, и между тѣмъ какъ одинъ изъ его молодыхъ слушателей помогалъ ему надѣвать сѣртукъ, деревенскій икаръ сказалъ: «Прощайте, господа, прощайте, сударыни!

тележка моя подана, ночь настала, дорога не хороша, прощайте, я ъду.»

Когда докторъ Барнабе усься въ свою зеленую ивовую тележку, и сьреньяя лошадка, пощекотанная кнутомъ, была готова пуститься въ путь, Г-жа де Монкаръ быстро подошла, и поставивъ одну ногу на подножку тележки, натнувшись къ доктору Барнабе, сказала тихо, очень тихо:

— Докторъ, я дарю вамъ бьлый домикъ, и велю устроить его такъ, какъ онъ былъ въ то время, когда вы любилн Еву Мередить.

Потомъ она убьжала; кареты и зеленая ивовая тележка разьѣхались по разнымъ направлениамъ.

А. П.

АЭЦІЙ И БОНИФАЦІЙ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ V-го ВѢКА,

АМЕДЕЯ ТЬЕРРИ.

V-й вѣкъ отъ Рождества Христова — одинъ изъ самыхъ важныхъ для изученія — для того, кто хочетъ знать вполне исторію новыхъ народовъ. Съ этого вѣка начинаютъ они большею частию свое историческое бытіе. Въ этомъ вѣкѣ родились они отъ брака образованнаго міра съ міромъ варварскимъ, которые подали другъ другу руку на развалинахъ, какъ Атаульфъ и Платидія — на добычахъ разграбленнаго Рима. Хотя бы даже для нихъ, племенн, происшедшаго отъ этого смышенія, исторія V-го вѣка и не имѣла нѣкотораго права на сыновнее уваженіе, все — таки имѣла бы она право несомнѣнное на участіе философа, который съ любопытствомъ слѣдитъ за различными метаморфозами человечества, — ибо ни одна эпоха не была исполнена противоположностей, болѣе странныхъ, — перемѣнъ болѣе неожиданныхъ, бѣдствій болѣе страшныхъ, — слѣдствій сильнаго столкновенія изыщенной цивилизаціи съ варварствомъ, постепеннымъ до безконечности и возраставшимъ до лютости дикаго звѣря въ Ругъ, Геруль или Гуннъ.

Въ одномъ изъ монхъ предшествовавшихъ разсказовъ (приключенія Платидіи (*)) — я пытаюсь изобразить варвара, отдавнагося Римскому обаянію, очарованнаго имъ и побѣжденнаго: Атаульфа у ногъ Платидіи, — теперь представляю я Римля-

(*) Мы сообщимъ также его нашимъ читателямъ. *Ред.*

нина, лицомъ къ лицу съ самимъ собою, съ правительствомъ имперіи и съ этимъ обществомъ, преданнымъ въ жертву всѣмъ безпорядкамъ, — съ обществомъ, къ которому нравственная жизнь потрясена была еще глубже матеріальной жизни. Признакъ, не обманывающій никогда на счетъ смерти общества, роковая печать свидѣтельствующая о ихъ близкомъ рожденіи, это — униженіе характера въ личностяхъ, отсутствіе нравственнаго мѣрила въ массахъ; это — эгоизмъ дошедшій до равнодушія къ другимъ и къ себѣ самому. Когда человекъ не знаетъ уже болѣе, чего онъ долженъ хотѣть, — онъ скоро потомъ перестаетъ знать, чего онъ хочетъ. Мы увидимъ, что у этого общества V-го вѣка, не было недостатка ни въ умѣ, ни во вкусѣ къ искусствамъ и изящной жизни, ни въ рѣдкихъ способностяхъ, которыя создаютъ гениевъ подъ вліяніемъ энергическихъ началъ, въ эпохи крѣпкой общественной жизни. Въ этихъ стихіяхъ избранныхъ натуръ, Провидѣніе не отказало V-му вѣку, какъ не отказало другимъ вѣкамъ, а между тѣмъ, выходять неполные люди: одни, великіе на минуту, падаютъ вдругъ, и съ самыми благородными инстинктами, становятся бичами отчизны, которая въ свою очередь не можетъ рѣшиться ихъ ненавидѣть, другіе начинаютъ зломъ и потомъ дѣлають добро изъ суетности или выгоды, поправши напередъ ногами отчизну. Между тѣмъ *свѣтъ во тьмѣ этой свѣтитися*, и чувствуешь какъ-то, что человечество не погибнетъ. Тамъ и сямъ являютя представители невѣдомаго грядущаго; слово ихъ поднимаетъ падшія души и бросаетъ въ этотъ хаосъ чувство будущаго воскресенія. Одна изъ этихъ утѣшительныхъ личностей явится въ нашихъ разсказахъ.

Величайшее бѣдствіе этого общества въ томъ, что варвары въ немъ повсюду; если не входятъ они силою, само оно ихъ призываетъ и принимаетъ на собственную гибель. Орудія всеобщаго разрушенія, они призываются массами какъ послѣднее врачеваніе общественныхъ недуговъ, — одно изъ врачеваній, которыя исцѣляютъ убивая; бѣдный зоветъ ихъ на богатаго, честолюбецъ на правительство, которому онъ служить или на соперника, котораго хочетъ погубить.

Готъ, Вандалъ, Гуннъ замѣняютъ въ гражданскихъ междуусобицахъ V-го вѣка гѣтальскія и латинскія шайки, которыя возмущаемы были цѣкогда трибунами республиканскаго Рима и вели союзническую войну. При первомъ бѣдствіи, при первой мести, при первомъ честолюбивомъ замыслѣ — истребитель подъ рукою — вооружаютъ его и спускаютъ съ цѣпи на отчизну. Аттила былъ призванъ въ Галлію — начальникомъ Багаудовъ: грустно вымолвить — онъ явился туда какъ союзникъ римской Жаккеріи. Гнѣвъ римскаго военачальника предаетъ Африку Вандаламъ—честолюбіе другаго отдастъ Иллирію: всюду орудіе становится властелиномъ. Такова новая точка зрѣнія, съ которой мы взглянемъ въ нашихъ разсказахъ на два общества, сѣванныхъ неразрывно между собою, для того что бы взаимно давить, раздирать и оплодотворять одно другое.

I.

Варвары, состоявшіе на жалованьи Имперіи, приносили подъ знамена ея, вмѣстѣ съ своею первобытною храбростію, грузъ, нерѣдко тягостный, своихъ старыхъ преданій, своихъ предразсудковъ, своихъ народныхъ совмѣстничествъ. Союзный Франкъ завидовалъ Алеману: Алеманъ косо глядѣлъ на Вандала; Вандалъ въ свою очередь презиралъ какъ работника, недостойнаго имени воица, трудолюбиваго, миролюбиваго Бургунда, пскуснаго въ столярномъ дѣлѣ и нанимавагося въ римскихъ мастерскихъ на границѣ въ то время, когда онъ не сражался; наконецъ гордый Визиготъ, варваръ между римлянами, и римлянинъ между варварами, не скрывалъ презрѣнія, которое питалъ во всемъ имъ безъ различія. Между тѣмъ, эти чада сѣверной Европы отлагали въ сторону свои совмѣстничества, чтобы вмѣстѣ ненавидѣть и проклинать азіатскія кочующія племена, которыхъ орды теперь соперничали съ ними на Дунаѣ, на этомъ великомъ рынкѣ римскихъ вербовщиковъ. Звать эти распри, изучить причины ихъ и поддерживать въ случаѣ нужды, чтобы держать въ страхѣ однихъ

другими опасныхъ защитниковъ, — все это, для Римлянина V-го вѣка было важною вѣтвю политики — и Римъ не менѣе искусно умѣлъ ссорить своихъ наемныхъ варваровъ, какъ и извлекать пользу въ сраженіяхъ изъ разнообразія ихъ вооруженія, привычекъ и особенныхъ свойствъ храбрости. Такимъ образомъ, если племенные предрасудки проявлялись въ такой степени резко въ регулярныхъ войскахъ въ вѣчномъ столкновеніи съ понятіями и правами цивилизаціи, какова должна была быть сила ихъ въ самыхъ выселившихся массахъ, которыя цѣлыми народами кочевали по римской почвѣ, таская на телѣгахъ, вмѣстѣ съ своими стариками, дѣтьми и женами, весь хламъ преданій варварской жизни? Когда двѣ подобныхъ шайки, въ своихъ прогулкахъ по Имперіи, встрѣчались одна съ другою, — это была всегда минута колебанія для нихъ самихъ, страшнаго безпокойства для римскихъ провинціаловъ. Имперія не разъ превращалась въ арену, по которой разрешались распри, родившіяся въ лѣсахъ Дуная или въ степяхъ Борисфена. Разъ одно варварское племя насильственно перешло римскую границу и отправилось на далекій Западъ ловить другое племя, требуя его себѣ какъ подчиненное, хотя Римъ далъ ему убѣжище; что становилось тогда съ богатыми усадьбами, виллами, дворцами, великолѣпными городами, которые варварство избирало театромъ своихъ споровъ?

Какъ дикія колѣна Америки, варварскіе народы Европы позорили другъ друга оскорбительными или смѣшными прозваніями, которыя бросали другъ другу въ распряхъ и которыя часто бывали причинами ожесточенныхъ войнъ. Исторія, какъ будто ради потѣхи, сохранила намъ нѣкоторыя изъ прозвищъ нашихъ отцевъ, и нѣсколько историческихъ именованій, употреблявшихся Римлянами, могутъ дать намъ понятіе о другихъ — въ такой степени явно взяты они изъ словаря варварскихъ распрей. Такъ, Вандава честили *скупымъ* и *трусомъ*; слово *клятвопреступникъ* было обыкновеннымъ ругательствомъ, обращаемымъ на Франка, — Герула звали *лютымъ*, Таифала *позорнымъ*; Гуннъ былъ не человекъ, а злой духъ, происшедшій отъ союза нечистыхъ духовъ пустыни съ

скандинавскими колдуньями (*). Даже и надменный Визиготь — и тотъ тащилъ за собою въ своихъ триумфахъ смѣшное прозвище, которое приводило его въ неистовую ярость. Его звали *Trule*, т. е. треть мѣры, страннымъ прозвищемъ, которое получилъ онъ отъ Вандаала, и вотъ по какому случаю: въ одинъ годъ ужаснаго голода, Визиготы просили у Вандаловъ, ихъ непріятелей, больше ихъ снабженныхъ провизіей, немного хлѣба; послѣдніе послѣ долгихъ просьбъ продали его, по такой высокой цѣнѣ, что небольшая мѣра, называемая *trule* и едва равнявшаяся трети римской мѣры (**), стоила золотую монету. Визиготы, умирая съ голоду, согласились на все, и отдали все, что имѣли. Ограбивши ихъ такимъ образомъ, Вандалы насмѣялись надъ ними, и прозвище *Trule* осталось за ними, на память ихъ униженія. То была несносная обida для гордыхъ побѣдителей Рима, въ особенности со стороны Вандаловъ. Когда при встрѣчѣ этихъ народовъ, обмѣнивались разъ кликами: *Trule!* и *трусъ Вандаалъ!* — глаза сверкали гнѣвомъ, щетинились волосы, мечъ исторгался изъ ноженъ, и война начиналась, — не одна изъ этихъ войнъ римскихъ, въ которыхъ ярость Германца засыпала скоро среди упоеній грабежа, а война *варварская*, одна изъ тѣхъ войнъ между братьями, которыхъ цѣль — месть, а конецъ — истребленіе.

Испанія была театромъ одной изъ такихъ братоубійственныхъ войнъ въ годы 417 и 418. Я рассказывалъ уже разъ, какъ Готы, по убіеніи Атаульфа, выбрали Валлію при кликахъ вѣчной войны съ Римлянами. Они твердо рѣшились тогда разорваться съ Имперіею и совершенно возвратиться къ своей варварской особности; но когда они встрѣтили снова въ Испаніи

(*) Это передалъ намъ Готскій историкъ Юрианъ. *Неграмотный* (какъ самъ онъ себя называетъ) Нотарій, потомъ епископъ Равенскій, Юрианъ составилъ исторію Готовъ по Кассіодору и такъ же по народнымъ преданіямъ, которыхъ поэтическій колоритъ не трудно признать на нѣкоторыхъ его страницахъ.

(**) Римская мѣра, по г. Дюро де ла Малль, равняется полу-метру; значить *Trule* составляетъ около $\frac{1}{4}$ метра.

старыхъ за-Дунайскихъ враговъ, съ которыми не одну распрю надобно было имъ рѣшить, т. е. Алановъ въ Лузитаніи, Свевокъ въ горахъ Галиціи и въ особенности Вандаловъ, обладателей плодородной провинціи Беттики: они не выдержали; ненависть пробудилась съ той и съ другой стороны, и вражда прорвалась съ страшною силою. Представьте себѣ двѣ стаи дикихъ звѣрей, вступившія въ схватку въ лѣсу, которыхъ не можетъ раздѣлить даже прибытіе охотника, до такой степени сцѣпила ихъ ярость и ненасытная жажда крови, вы получите только слабое понятіе о томъ зрѣлищѣ, которое представила вскорѣ Испанія. Визиготы съ одной стороны, съ другой союзныя Свевы, Аланы и Вандалы, просили у Римлянъ какъ милости, сохраненія между ними нейтралитета. Гонорій, къ великому своему изумленію, получилъ отъ Свево-Вандалскихъ королей письмо слѣдующаго содержанія: «Сохрани съ нами мѣрь, возьми отъ насъ заложниковъ и оставь насъ драться, какъ намъ хочется, не мѣшайся въ это дѣло. Если мы будемъ побѣждены, мы, которые къ тебѣ пишемъ, тѣмъ лучше для тебя; если мы побѣдимъ, тѣмъ еще для тебя лучше, потому что мы будемъ ослаблены нашею побѣдой и истребимъ твоего врага, который есть вмѣстѣ и нашъ. Есть ли что лучше для твоей Имперіи, какъ то, чтобы мы взаимно истребили другъ друга?» Мы отвергли бы такое письмо, какъ мало вѣроятное, если бы оно не было сообщено намъ современнымъ авторомъ, обыкновенно точнымъ, историкомъ Павломъ Орозіемъ, который самъ тому не надивится, видя здѣсь признакъ ослабленія варваровъ Провидѣніемъ и милость Божию къ Имперіи. Валліи въ это же время, въ выраженіяхъ менѣе дикихъ, просилъ у Цезаря позволенія служить ему и одному очистить землю отъ этихъ разбойниковъ, осмѣльшихся занять римскую провинцію. Гонорій оставилъ ихъ дѣлать, какъ имъ хотѣлось и они повели дѣло такъ, что къ концу 418 года, Вандалы-Силинги были почти истреблены. Вандалы-Астинги, частію разсѣялись по внутреннимъ горнымъ хребтамъ Испаніи, частію отодвинуты съ Свевами въ Галицію, Аланы же такъ жестоко поражены, что владычество ихъ на всегда прекратилось въ Испаніи.

Когда земля была достаточно расчищена, явились Римляне, и Императоръ пригласилъ Визиготовъ сдать ему Барселону, которая четыре года уже была ихъ сборнымъ мѣстомъ, и оставивъ Испанію, идти занять въ Галліи прежнія владѣнія Атаульфа, т. е. первую Аквитанію съ Новемпопуланіей и Тулузу, отдѣленную отъ Нарбоннской провинціи. Римъ находилъ свою выгоду въ этомъ размѣнѣ, ибо оставить Визиготовъ на югѣ Пиренеевъ—значило явнымъ образомъ оставить тамъ властелиновъ, отъ которыхъ ничто не могло бы уже освободить Испанію, тогда какъ въ Аквитаніи, на глазахъ граефесті граетогіо, жившаго въ Арль, этотъ народъ легче могъ быть сдержанъ въ повиновеніи, скорѣе могъ пріобыкнуть къ покорности и лучше быть употребленъ на пользу въ службѣ Имперіи. Что касается до Визиготовъ, они кажутся безъ сожалѣнія перевернули развалины еще дымящіяся и страну уже истощенную на другую, которую они оставили противъ своей воли, и которой смѣющійся образъ преслѣдовалъ ихъ можетъ быть даже за горами. Дѣйствительно, полученные провинціи Галліи прославляемы были въ это время за богатство и красоту всѣмъ римскимъ міромъ. Доказательство тому—описание, сдѣланное въ 440 году, Марсельскимъ священникомъ Сальвіаномъ (*). «Несомнѣнно для всѣхъ, пишеть онъ, что Аквитанія и Новемпопуланія—мозгъ костей Галліи и эссенція всего богатства. Въ нихъ есть еще то, что иногда предпочитается богатству: пріятность, нѣжность и красота. Вся страна разстилается передъ очами или поточувшая въ зелени виноградниковъ, или расцвѣченная лугами, или пересѣченная усадьбами, или засаженная садами, или затѣненная рощами, или орошаемая источниками или прорѣзанная широкими рѣками, или покрытая жатвою, какъ золо-

(*) Сальвіанъ — сочинитель известной книги *De gubernatione Dei*, которую написалъ онъ съ цѣлію доказать, что Римляне грѣхами своими навлекли на себя бѣдствія, тяготѣвшія тогда надъ Имперіею. Его книга—Оправданіе судьбы Провидѣнія необходимостью наказанія людей и часто, апологія варваровъ, какъ орудія избраннаго для наказанія Рима.

«той щетиной; такъ что господа и властелины этой счастливой страны владѣють не уголкомъ нашего міра, но подобиемъ рая». Визиготы поселились тамъ въ 419 году подъ надзоромъ императорскихъ комиссаровъ, которые раздѣлили землю между ними и жителями въ пропорціи двухъ третей для варваровъ и одной трети для Римлянъ. Это была плата за ихъ услуги, прошедшія и будущія, плата, за которую они стали гостями Имперіи, присягнули ей въ вѣрности, обязались не знать иныхъ друзей кромѣ ея друзей, иныхъ враговъ, кромѣ ея враговъ, и поклялись вѣрно и честно хранить ея величество (*majestatem populi Romani comiter conservare*), по древней формулѣ договоровъ державнаго Рима съ его союзными данниками. Варвары удержали свои законы, свое управленіе, свой языкъ; Римлянинъ въ ихъ владѣніяхъ, тоже не переставалъ подчиняться римскому закону и чиновникамъ зависимымъ отъ Префектуры Pretorio; города остались Римскими, за исключеніемъ немногихъ. Точно какъ будто союзный лагерь расположенъ былъ по римской землѣ, но этотъ лагерь постоянно распространялся и по существу дѣлъ, долженъ былъ обратиться въ независимое государство. Валлія сдѣлалъ Тулузу центромъ своего управленія, какъ и Атаульфъ. Самъ онъ впрочемъ едва имѣлъ время поселить свой народъ въ этой обтраванной странѣ, и умеръ въ тотъ же годъ, оставя преемникомъ Теодорика, изъ колѣна Бальтовъ.

Вся эта трудная операція и переговоры ей предшествовавшіе, производились вторымъ мужемъ Плацидіи, Констанціемъ, Патриціемъ и правителемъ Трансальпийскихъ провинцій. Визиготы какъ будто взялись за то, чтобы пролагать этому человѣку дорогу къ счастію; до такой степени, всякая встрѣча съ ними проносила ему выгоды. Возведенный въ патриціи, за то, что прогналъ ихъ изъ Галліи, онъ получилъ титулъ императора за то, что вновь поселилъ ихъ тамъ. Правда, что Констанцій имѣлъ близъ царствовавшаго императора, неутомимаго и могущественнаго ходатая въ лицѣ жены своей Плацидіи, которая, вышедши за мужъ противъ воли за человѣка ею нелюбимаго, искала отрады въ удовлетвореніи честолюбія.

Сначала, она достигла того, что сынъ ея Валентиніанъ, родившійся въ этотъ самый 419 годъ получилъ титуль Nobilissimus, который давалъ нѣкоторымъ образомъ право на наследованіе престола; потомъ, ей захотѣлось имѣть титуль Augusta для самой себя, и титуль императора для мужа. Гонорій, у котораго не было дѣтей отъ двухъ его женъ, умершихъ въ дѣвствѣ, и который однако не хотѣлъ, чтобы за живо располагали его наследствомъ, сначала противился пронкамъ и уступилъ имъ только въ 421, да и то съ не-пріятнымъ чувствомъ, по свидѣтельству историковъ; но императоръ Востока, Θεодосій II, который имѣлъ также притязаніе на наследство послѣ Гонорія, какъ сынъ старшаго сына великаго Θεодосія, упорно вооружался противъ всякихъ иска-тельствъ и даже отвергалъ ихъ надменно. По системѣ же государственнаго устройства Рима, которой основнымъ пра-виломъ было единство имперіи подъ управленіемъ многихъ государей, августовъ или цезарей, и общность во всѣхъ важ-ныхъ политическихъ мѣрахъ и законахъ, ни какое новое на-значеніе на престолъ не могло имѣть силы, безъ согласія всѣхъ царствующихъ императоровъ: это называлось единогла-сіемъ. Претендентъ, не имѣвшій за себя единогласія, въ гла-захъ закона былъ не болѣе какъ похититель, *тиранъ* или только парадный императоръ, простой намѣстникъ августа, который его выбралъ. Первымъ дѣломъ всякаго претендента, было разослать къ своимъ будущимъ товарищамъ свой порт-ретъ, обвитый лавровою вѣтвію; милостивое принятіе или отверженіе такой посылки само собою было уже торжествен-нымъ изъявленіемъ согласія и несогласія. Такимъ образомъ, когда Гонорій, побѣжденный неотступными просьбами Плаци-дія, надѣлъ пурпуровую мантию на плеча своего зятя, этотъ послѣдній, послалъ по освященному обычаемъ церемоніалу, портретъ свой ко двору Константинопольскому, но Θεодосій отказался принять портретъ и прогналъ даже послан-никовъ его привезшихъ. Это былъ первый толчекъ, испытанный баловнемъ счастья, а вмѣстѣ съ тѣмъ по-слѣдній, потому что онъ не счумѣлъ его вынести. Онъ вы-

шелъ изъ себя, грозилъ Θεодосію, сталъ готовиться къ походу на него; но тѣмъ не менѣе, среди униженій гнѣва, его грызла скорбь униженія. Отвратительна стала ему власть, которой владѣлъ онъ только тѣню, санъ, котораго только тяжести несть онъ, и сталъ онъ сожалѣть, какъ рассказываетъ одинъ изъ современниковъ, о независимости своей прошлой жизни, о распущенности своихъ, нѣсколько пошлыхъ, привычекъ, объ ужинахъ съ друзьями, о скоморохахъ, въ игры которыхъ онъ иногда самъ вмѣшивался; однимъ словомъ, веселый собесѣдникъ провъ началъ скучать и предаваться меланхоліи и печально угасъ въ Равеннѣ, 2 Сентября 421, послѣ шестимѣсячнаго царствованія по имени. Ему, полному мрачныхъ предчувствій, слышался во снѣ голосъ, взывавшій къ нему: «шестой отходить — берегись седьмой». Онъ слышалъ въ этомъ предвѣщаніе близкой кончины и какъ будто постарался оправдать его.

Вдова вторично, Платидіа заняла дворецъ своего брата — она расположилась тамъ со всею пышностью и великолѣпиемъ государыни. У Августы былъ свой дворъ, свои совѣтники и почти свои министры — своя гвардія изъ Визиготскихъ солдатъ, даръ ея перваго мужа, храбрые варвары, преданные ей особы и продолжавшіе служить ей, какъ прежней королевы. Въ такомъ положеніи, Платидіа неумѣренно отдалась своей страсти властвовать. Умная и страстная, она гордо выказывала свое значеніе, вмѣшивалась во все, показывала, что дѣлаетъ все. Знавшіе подозрительный характеръ Гонорія и его ребяческую ревность ко всему касавшемуся власти, совершенно не понимали того чрезмѣрнаго терпѣнія, того почти смиренія, которое въ немъ проявлялось, но скоро нашли слишкомъ ясное объясненіе въ кровосмѣсительной страсти, зародившейся въ немъ къ сестрѣ. Недостойный сынъ великаго Θεодосія, осужденный на вѣчное дѣтство, послылъ на себя, и въ частной и въ публичной дѣятельности, клеймо природы слабой и развращенной. Вся жизнь его была не что иное, какъ продолжительный мятежъ неистовыхъ порывовъ честолюбія или любви, противъ горестнаго чувства собственного ничтожества. Въ го-

сударственной дѣятельности онъ убивалъ своихъ министровъ, точно такъ же какъ въ любви—разводился съ своими женами, вслѣдствіе ярости безсилія. Развратное воображеніе повлекло его къ единокровной сестрѣ, которой красота еще сіяла яркимъ блескомъ—и страсть обладавшая имъ, не замедлила выказаться на глаза всѣхъ. Современники разгадали только частію печальную и постыдную тайну,—но они свидѣтельствуютъ о Платидіи, что вдова Атаульфа, внутри своего дворца, должна была призывать на помощь двухъ близкихъ къ себѣ женщинъ, изъ которыхъ одна была кормилица ея, Эльпидія, и своего дворецкаго Леонтія, чтобы сопротивляться преступнымъ обольщеніямъ, нецеловой любви Гонорія, обратившейся вдругъ въ ненависть еще болѣе нецеловую (*). Августа приняла вызовъ на эту борьбу съ гордостью и выдерживала ее съ рѣшимостью. Изъ тайныхъ комнатъ Гинекей, борьба вышла наконецъ наружу. Вдругъ Гонорій окружилъ себя чрезвычайными предосторожностями, какъ будто считая жизнь свою въ опасности; вскорѣ, онъ явно обвинилъ сестру въ заговоръ противъ жизни его и престола и въ сношеніяхъ съ варварами. Визиготская гвардія Платидіи подавала нѣкоторый предлогъ къ такому обвиненію неумѣреннымъ жаромъ своего усердія. Наконецъ, всѣ приняли участіе въ распрѣ: дворъ, войско, народъ раздѣлились; начались ссоры, драки—и не разъ площади Равенны обогрѣлись кровію.

Въ этой неравной борьбѣ, женщина должна была пасть. Изгнанная изъ дворца и города вслѣдствіе обвиненія въ оскорбленіи величества, Платидія бѣжала въ Римъ съ сыномъ своимъ Валентиніаномъ и дочерью Гоноріей, которая была годомъ постарше своего брата. Толпа приверженцевъ ея рѣдѣла съ каждымъ днемъ; друзья ея наконецъ совсѣмъ исчезли: она осталась одна, безъ покровительства и безъ денегъ. Ей приходило въ мысль бѣжать въ Константинополь и отдаться подъ защиту восточнаго императора, своего племянника—но

(*) Просперъ Торонъ говоритъ положительно, что жизнь ея была чиста отъ всякаго нравственнаго пятна.

у нея не было ровно ничего для такого далекаго путешествія. Нашелся человекъ, который мужественно рѣшился помочь ей и явно взялъ ея сторону—мужество, которое сочтено было за великое передъ ненавистью Гонорія и сравнительно съ постыдною трусостью другихъ: это было значительное лице въ имперіи, comes Бонифаций, который некогда ранилъ Атаульфа при осадѣ Марсея, и въ это время управлялъ провинціею Африканскою. Отложивъ въ сторону всѣ низкіе расчеты, comes послалъ Платидіи денегъ и доставилъ ей средства для отплытія въ Константинополь, вмѣстѣ съ ея святою. Путешествіе было не безъ опасности; во время плаванія, буря едва не потопила въ морѣ послѣднюю плодоносную вѣтвь Θεодосіева дерева. Платидія, въ минуту страшной опасности, дала обѣтъ построить храмъ Іоанну Евангелисту, если заступничествомъ его спасена будетъ съ дѣтьми; они спаслись—и до сихъ поръ еще цѣла церковь, построенная ею въ Равеннѣ. Чтобы увѣковѣчить память своей благодарности, Платидія велѣла поставить во внутреннемъ придѣлѣ мозаическую картину, изображавшую ея кораблекрушеніе, чудесное спасеніе и всѣ обстоятельства послужившія поводомъ къ обѣту. Еще можно доселѣ разбирать кое-какъ эту любопытную историческую страницу, хотя время и попортило ее. На волнующемся морѣ, подъ страшною бурей — видны два корабля, совершенно погибающихъ — пловцы, стоя на колынахъ простираютъ руки къ небу. Высокая фигура, которая повидимому повелѣваетъ вѣтрами, простертой рукой своей поднимаетъ упдающія мачты, и направляетъ уже на путь одинъ изъ кораблей. Вдали виднѣется другая фигура, просвѣтленная кротостью и величіемъ божественными, персты которой развиваютъ свитокъ таинственной книги, укрощающей бури души человѣческой какъ волненія океана—это Господь Іисусъ Христосъ. На верху картины надпись: «обѣтъ Платидіи и дѣтей ея для спасенія отъ бури» — на право и на лѣво по каймѣ — изображенія всѣхъ христіанскихъ императоровъ со временъ Константина и принцессъ императорскихъ домовъ Валентиніана и Θεодосія: Гонорій не забыть тоже въ томъ числѣ.

Суша не болѣе моря была милостива къ изгнанному семейству. Только что сошло оно на берегъ въ Константинополь, какъ лишено было титуловъ и знаковъ, носимыхъ имъ на западѣ, и свидѣтельствовавшихъ о правѣ его на императорскій престолъ; потомъ, Феодосій удалилъ его въ захолустье города, гдѣ и жило оно въ безвѣстности, до тѣхъ поръ пока непредвидимое событіе не возвратило ему свободы. Гонорій умеръ 27 Августа 428, тридцати девяти лѣтъ, какъ отецъ его, отъ водяной болѣзни, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. Эта неожиданная смерть застигла въ располѣхъ всѣ расчеты личнаго честолюбія. Феодосій II сначала скрылъ тщательное извѣстіе, — и торопясь сосредоточить войска на границы Италіи, отправляя пословъ за тѣмъ, чтобы располагать въ свою пользу жителей запада, — онъ проводилъ Платидію и восточныя провинціи съ противорѣчащими извѣстіями, — но Римъ рѣшилъ дѣло, не выжидая ни войска Цезаря Константинопольскаго, ни его политическихъ агентовъ. Еще Гонорій не сошелъ въ нѣдра земли, какъ сенатъ овладѣлъ уже браздами правленія, назначилъ императора по своему выбору и подалъ сигналъ къ совершенной реакціи въ государствѣ, уничтоживши систему политическихъ и религіозныхъ законовъ, имѣвшихъ силу со временъ Феодосія, носившихъ имя законовъ *каволическихъ* и законовъ единства. Свобода цѣроисповѣданій, стѣсненная этою системою, была снова объявлена — всѣ изгнанные, всѣ отверженные послѣднимъ царствованіемъ, ревнители язычества, еретики, приверженцы похитителей, пытавшіеся поколебать домъ Феодосія, — всѣ стеклись на зовъ сената и возвратились къ должностямъ, которыхъ были лишены. Новый императоръ, по имени Іоаннесъ, самъ, съ двухъ сторонъ, принадлежалъ къ числу враговъ этого дома, и какъ старый савонникъ тирана Аттала и какъ еретикъ аріанинъ.

Выборъ Іоаннеса не былъ впрочемъ дурень, и сенатъ, оставаясь на немъ, показалъ свое искусство. Всѣ вообще признавали въ немъ доблестныя качества: правосудіе, безкорыстіе, благосклонность къ людямъ, ревность къ общественнымъ пользамъ; но онъ былъ человекъ партіи, выдававшійся рѣзко въ

возмущеніи Аттала. Снискавши снова милости Гонорія, онъ достигъ заслугами важнаго мѣста примаціарія Нотаріевъ или начальника государственнаго секретаріата. Италія, склонявшаяся обыкновенно на сторону сената, признала охотно новое правительство. Галлія, болѣе далекая, болѣе раздѣленная — подчинилась ему не безъ сопротивленія, но Африка отвергла его рѣшительно, и отвѣчала на письма Іоаннеса возведеніемъ на престолъ Валентиніана III. Не трудно было узнать тутъ вліяніе Бонифація, и для Іоаннеса было несчастіемъ то, что онъ имѣлъ противъ себя такого человѣка и такую провинцію. Въ переворотахъ имперіи западной, всегда должно было имѣть въ виду Африку, главную житницу Италіи; держать во власти Карфагенъ, значило осаждать Римъ; потому, новый императоръ, оставя въ сторонѣ всѣ другія дѣла, послалъ войско для того, чтобы напасть на Бонифація и всѣми мѣрами покорить Карфагенъ. Для пополненія недостатковъ, оставленныхъ этимъ походомъ въ силахъ Италіи, онъ объявилъ всеобщій наборъ, — призвалъ рабовъ къ оружію; послалъ наконецъ своего *куропалата* или майордома Аэція договариваться съ Гуннами, занимавшими тогда всю страну по лѣвому берегу средняго и нижняго Дуная, чтобы они дали союзное войско съ условіемъ платы жалованья. Аэцій, опытный воинъ, лично извѣстный королямъ Гуннскимъ, былъ человѣкъ самый способный для успѣшнаго веденія этихъ переговоровъ.

Предпріятіе, которое началъ Бонифацій и которое смѣло велъ онъ до конца, разрушило всѣ расчеты честолюбія. Теодосій II отступилъ передъ срамомъ, который могъ навлечь на себя, ограбивши ребенка, своего родственника: перемѣнивши тотчасъ же роль, онъ вызвалъ изгнанныхъ изъ ихъ уголка и объявилъ себя ихъ патрономъ: но онъ хотѣлъ, чтобы въ глазахъ свѣта, всѣ права свои получилъ онъ изъ его рукъ. Платидія должна была вытерпѣть то униженіе, что сыну ея пожалованъ былъ титулъ *nobilissimus*, какъ будто бы этотъ титулъ не принадлежалъ ему съ самаго его рожденія, — сама она принуждена была, какъ нѣчто новое принять титулъ Августы. Великому сановнику восточнаго двора, магистру *officiorum*,

Геліону — поручено было везти сына и мать къ войску, долженствовавшему вступить въ Италію, сопровождать ихъ въ продолженіе всего похода, въ качествѣ представителя императора востока и передать юному Валентиніану по частямъ, — всѣ силы и знаки власти. Такимъ образомъ, Геліонъ, оставившись въ Фессалоникѣ, облекъ пятимѣтнаго *pobilissimum* императорской мантией и объявилъ его цезаремъ, приберегая на другое время діадиму изъ перловъ обвивавшую чело Августовъ, и, съ нею вѣсть, права самодержавія. Около того же времени исполнена была вторая церемонія: обрученіе юнаго цезаря съ дочерью Θεодосія Евдокіею, которой самой было только два года. Θεодосій желалъ ихъ брака, чтобы крѣпче привязать къ себѣ Платидію, которой нѣсколько боялся и которая впрочемъ нѣсколько тому не противилась. Женихъ, во свидѣтельство признательности уступилъ тестю, черезъ посредство матери, западную имперію, которой давно искалъ сей послѣдній и которая присоединилась съ тѣхъ поръ къ восточной имперіи — пагубная щедрость, оставлявшая Италію неприкрытою со стороны самой важной ея границы.

Война тянулась медленно съ переменнымъ успѣхомъ — такъ сильна была партія сената въ Италіи — и Іоаннесъ, для того чтобы окончательно взять верхъ, ожидалъ только прибытія союзныхъ Гунновъ, которые по слухамъ были уже близко, — когда самъ сдѣлался вдругъ жертвою измѣны, предававшей его въ руки враговъ. Со стороны Платидіи не встрѣтилъ онъ ни жалости, которую долженствовало внушать его несчастіе, ни уваженія, слѣдовавшаго его характеру, ни кротости, которой были вправдѣ ожидать всѣ отъ дочери великаго Θεодосія. Съ побѣжденнымъ, котораго отдало въ руки ея военное счастье, и который, три дня поздне, былъ бы господиномъ надъ нею, поступлено было какъ съ послѣднимъ изъ преступниковъ. Отрѣзавши ему руку до локтя въ Аквилейскомъ циркѣ, его возили по всему городу на ослѣ и въ императорской одеждѣ, посреди толпы скомороховъ, оскорблявшихъ его насмѣшками и ругательствами; потомъ отрѣзали ему голову.

Послѣ этого достойнаго подвига, Плацидія и сынъ ея поѣхали въ Римъ, гдѣ юный цезарь долженъ былъ получить изъ рукъ Геліона, въ присутствіи сената, мантию Августа со всеми правами императорской власти. Они были еще въ дорогѣ, когда получили вѣсть о прибытіи Аэція и о побѣдѣ его надъ заднимъ отрядомъ восточныхъ войскъ. Дѣйствительно, на третій день послѣ казни Іоаннеса, куропалатъ явился съ вершины Альпъ съ шестидесятью тысячами Гунновъ и разбилъ отрядъ войска Плацидіи, загородившій ему дорогу. Узнавши тогда о гибели Іоаннеса и о покорности Рима, отворившаго ворота военачальникамъ Θεодосіа, — онъ остановилъ свои орды и ждалъ, чтобы новое правительство вошло съ ними въ переговоры, или чтобы для него самого уяснилось, чтѣ дѣлать.

Страшенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ этотъ человекъ, который бросилъ теперь, хотя нѣсколько поздно, шестидесять тысячъ варваровъ на вѣсы счастья. Родившись въ Дуросторъ, въ малой Скиѣи, римской провинціи нижняго Дуная, первоначально населенной Скиѣами т. е. Сарматами и Славянами, Аэцій былъ, подобно Стиликопу, ново-Римлянинъ, и не походя на него, напомнилъ его исторію. Въ этихъ двухъ Римлянахъ, въ Сарматѣ и въ Вандалѣ, различіе происхожденія высказалось въ различіи способа того и другаго быть Римляниномъ. Великій и несчастный Стиликопъ представлялъ въ характерѣ своемъ нѣкоторыя черты спокойствія и обдуманности, отличающихъ западные племена; поведеніе Аэція, смѣсь гибкости и неукротимости, хитрости и смѣлости, обличало напротивъ человека восточной расы. Если у этого послѣдняго не было нравственной возвышенности и энтузіастическихъ мечтаній, которыя были и достоинствомъ и несчастіемъ опекуна Гонорія, если онъ помрачилъ славу свою насиліями и обманами, которыхъ тотъ не знавалъ никогда, — можетъ быть за то онъ былъ болѣе по своему времени, способнѣе взять въ руки развращенную имперію, и служить ей, владычествуя надъ нею.

Отецъ его происходилъ отъ древнихъ старѣйшинъ страны. Переимѣнявши свое скиѣское имя на латинское имя Гауденція и вступивши подъ римскіе орлы, онъ постепенно достигъ сана

magistri equitum и довершилъ свою фортуна бракомъ въ Ита-
ліи; потомъ погибъ въ Галліи во время бунта солдатъ. Умный,
смѣлый, полководецъ по инстинкту, сынъ его, еще ребенкомъ,
привлекъ къ себѣ вниманіе Стиликона, который отправилъ
его заложникомъ къ Аларіку, расположившему тогда лагерь
свой въ Эшпръ: тѣмъ же качествами стяжалъ онъ и привязан-
ность уже знаменитаго тогда варвара. Одинъ изъ поэтовъ того
времени изобразилъ намъ будущаго завоевателя Рима, наста-
вляющимъ для забавы своей молодаго заложника, обучаю-
щимъ его стрѣлять изъ лука, владѣть тяжелымъ Галльскимъ
копьемъ—«привязывающимъ къ его плечикамъ колчанъ и за-
бывающимъ въ этихъ военныхъ играхъ, что учить Римля-
нина.» Пробывши три года у Готовъ, Аэцій былъ посланъ,
точно такъ же заложникомъ, къ Гуннамъ, жившимъ, какъ я
уже сказалъ, въ странахъ на сѣверъ Дуная. Знакомиться съ
варварами, привыкать нѣсколько къ ихъ жизни было лучшею
школою для Римлянина, предназначавшаго себя къ военному
дѣлу; изучая племена, въ которыхъ Римъ находилъ въ одно
и то же время, и защитниковъ и враговъ своихъ, можно было
научиться знать роковую стихію, вмѣщавшую въ себя спасеніе
или гибель міра. Подъ шатромъ Руа, самаго сильнаго изъ
Гуннскихъ королей, воспитанникъ Аларика сдѣлался товари-
щемъ Атгалы. Онъ зналъ уже войну германскую, войну тя-
желой пѣхоты Готовъ—онъ узналъ и войну азіатскихъ ордъ,
искусство подымать и укрощать эти бури народовъ, передъ
которыми обратились въ бѣгство самые Готы. Тогда-то мо-
жетъ быть задумалъ онъ впервые, осуществленный въ послед-
ствіи геніемъ его планъ—употребить на службу Рима Гунновъ
противъ Гермавцевъ и Германцевъ противъ Гунновъ, противу-
поставить варварство азіатское варварству европейскому и исто-
щить одно другимъ.

Эта дѣятельная и полная приключеній юность сдѣлала изъ
Аэція совершеннѣйшаго воина и въ то же самое время, пре-
восходнаго полководца. Ни кто не могъ равняться съ нимъ
въ искусствѣ владѣть различными оружіями, которыя, много-
численность разноплеменныхъ союзниковъ, такъ сказать, уза-

конила въ римскомъ войскѣ. Не высокой ростомъ, но гибкій и жилистый, онъ любилъ хвалиться силою и ловкостью—и былъ не менѣе опасенъ въ схваткѣ, съ копьемъ или топоромъ въ рукѣ,—какъ и впереди своихъ войскъ, спокойно распоряжался битвою. Онъ казался урожденнымъ главою каждой изъ этихъ шаекъ, которыхъ пестрый сбродъ составлялъ, въ V-мъ вѣкѣ, римское войско: во главѣ легионовъ, онъ былъ подобенъ Римлянамъ старыхъ временъ—во главѣ германскихъ союзниковъ, это былъ подручникъ Аларика, и когда въ стремительномъ напорѣ, увлекалъ онъ за собою легкіе конные отряды Азіи, его можно было счесть за прибывшаго изъ степей начальника ордъ. Этотъ великій воинъ не былъ впрочемъ хорошимъ гражданиномъ. Хотя и безкорыстный въ своемъ управленіи и справедливый въ отношеніи къ подвластнымъ,—онъ вносилъ въ свою публичную дѣятельность отвратительный духъ двуличности. Все было ему хорошо, лишь бы вело къ цѣли, все казалось ему законнымъ для уничтоженія соперника, и въ чужеземномъ союзникѣ любилъ онъ въ особенности обоюду острое орудіе, посредствомъ котораго, могъ онъ держать въ страхѣ Римское правительство, служа ему. По расчету честолюбія, служившему свидѣтельствомъ возрастающей важности варваровъ,—онъ, вопреки примѣру отца искавшаго союза съ итальянкою,—искалъ руки варварки—сватался и женился на молодой Готкѣ, королевскаго колѣна, которой отецъ занималъ при дворѣ важныя должности, но которая, оставалась варваркою подъ *Стѣлою* Матроны, считала униженіемъ имѣть отца и мужа изъ римскихъ генераловъ. Одинъ изъ современниковъ рассказываетъ о распрѣ, въ которой она попрекала Аэція за неравенство и побуждала его овладѣть престоломъ Цезарей, чтобы ей не жалѣть о престолѣ Бальтовъ. Аэцій, всегда готовый пользоваться счастьемъ, принялъ отъ тирана Іоаннеса управление императорскимъ дворцемъ и порученіе къ Гуннамъ: онъ выжидалъ теперь, какъ независимый властелинъ, что предложить ему новое правительство.

Правительница не теряя ни одной минуты, сиѣшила его

успокоить. Сносясь, какъ власть съ властью съ своимъ полководцемъ, она утвердила его во всѣхъ должностяхъ и поручила ему военное управленіе Галліею: Гунны же его, щедро вознагражденные, возвратились въ свою страну. Аэцій удержалъ впрочемъ вѣкоторыхъ избранныхъ, и составилъ изъ нихъ свою гвардію, которая послѣдовала за нимъ за Альпы, и не признавала, какъ можно уже предполагать, другаго повелителя кромѣ его. Новый главнокомандующій Галліи принялся всеми силами за трудный подвигъ возстановленія порядка въ этихъ глубоко потрясенныхъ провинціяхъ. Что касается до правительницы, то радуясь такой развязкѣ, она спокойно могла заботиться о возстановленіи католическаго единства, этой политической и религіозной системы Феодосія, къ которой крѣпко было привязано все его семейство.

II.

Чтобы дать лучше понять сущность *системы единства*, ея важность въ разсматриваемую нами эпоху и связь ея съ прошедшимъ и будущимъ римской имперіи, — необходимо объяснить нѣсколько ходъ христіанства съ царствованія Константина до царствованія Феодосія.

Константинъ, который, если позволительно такъ выразиться, былъ законнымъ устройтеlemъ христіанства, далъ ему въ римскомъ законодательствѣ мѣсто подлѣ народнаго полиѳеизма, какъ другой государственной религіи; но невозможно было по самому существу, равенство между религіею устарѣлою, гонительною и побѣжденною и религіею чистою, вѣрующею въ судьбы свои и побѣдоносною надъ гоненіями; — если бы даже и позволялось это положеніемъ дѣлъ, — иначе рѣшили бы ревность императора новообращеннаго, выгоды императора благоразумнаго. Съ самаго царствованія Константина, новая религія получила неоспоримое преобладаніе, когда вдругъ, вслѣдствіе борьбы аріанизма, она раздѣлилась на двѣ большія враждебныя церкви, — и государь, организаторъ христіанства, скончался съ горькою мыслию, что оставляетъ дѣло свое въ опасности.

Зло разлилось ядомъ при сынѣ его Констанціѣ, человекѣ ума слабого, имѣвшемъ притязанія на богословскія свѣденія, неумолимомъ проповѣдникѣ аріанскихъ положеній, которыя онъ доказывалъ вооруженною рукою, государь столько же слѣпою, какъ плохомъ богословъ. Раздоры, которые съ нажѣреніемъ раздувалъ онъ въ христіанствѣ, слабость и униженіе бывшія ихъ слѣдствіями — привели за собою языческую реакцію Юліана.

Послѣ Юліана, въ имперіи было два христіанскихъ императора, но они принадлежали къ двумъ враждебнымъ церквямъ. Валентиніанъ I, предокъ Платидіи со стороны матери, былъ православный: Валентъ, сотоварищъ и братъ его—аріанинъ. Въ то время какъ одинъ, управляя твердо и милостиво, хранилъ на западѣ Никейскій символъ вѣры, другой преслѣдовалъ его на востокѣ, и силясь подавить католическую церковь, давалъ аріанской свободу раздробляться на тысячу безыменныхъ сектъ. Такая дурная политика принесла неминуемые плоды. Поднявши голову, полиеизмъ собралъ свои разрозненные стихіи. Констанцій вызвалъ Юліана, Валентъ разбудилъ сенатъ Римскій—этого языческаго генія республики и душу всѣхъ религіозныхъ реакцій. Сенатъ съ высоты Капитолія объявилъ законность возстаній Максима и Евгенія; Θεодосій, возвышенный на престолъ востока въ минуту, когда все готовилось къ борьбѣ, смѣло принялъ сторону того, что одно могло сообщить крѣпость христіанству, и уничтожилъ аріанскую церковь: возстановивши на востокѣ церковь католическую, онъ укрѣпилъ ее, утвердилъ, какъ общественное учрежденіе, на совокупности законовъ, получившихъ имя закона католическаго, закона единства (*Lex Catholica; leges de unitate vel unitatis; unitas*). Это возобновленіе устройства христіанской церкви, дало ей силу побѣдить два страшныхъ возстанія, явившихся подъ знаменами древняго народнаго вѣрованія.

Впрочемъ, Θεодосій избравши православіе орудіемъ единства, слушался не однихъ только собственныхъ католическихъ убѣжденій—другія причины еще содѣйствовали къ тому, причины общія, и, скорѣе политическія чѣмъ религіозныя, хотя исте-

кавшія изъ сущности догматовъ и постановленій двухъ церквей. Аріи не видалъ можетъ быть самъ пагубныхъ слѣдствій своего ученія; онъ не видалъ, что посягнуть, предать на произволъ разсужденій — основное таинство, — значило отнять у христіанства, какъ у государственной религіи, значеніе власти и прочность общественнаго учрежденія. Аріанизмъ, въ самомъ основаніи своемъ заключалъ, какъ неизбежное логическое послѣдствіе — разрушеніе христіанской религіи, и это послѣдствіе высказалось прямо во многихъ аріанскихъ сектахъ, происшедшихъ еще при жизни Арія. Что касается до церкви, то онъ раздроблялъ ее на столько же отдельныхъ церквей, сколько можетъ быть богослововъ — и ни одна изъ нихъ не имѣла права объявить себя исключительною и обязательною. Можно ли же было основать на этой анархіи государственное учрежденіе т. е. управленіе вѣрованій и нравовъ? Можно ли было связать общественную власть съ колебаніями и противорѣчіями личнаго разсудка? Для Римлянъ, которые, не по нашему понимали взаимныя связи между государствомъ и религіею, аріанизмъ не могъ служить основой крѣпкаго и постояннаго учрежденія. Православіе, напротивъ, незыблемостью своего символа и возвышенною таинственностью перваго изъ своихъ догматовъ, соответствовало понятіямъ и требованіямъ ихъ религіозной политики.

Это было еще не все, и, если единая церковь должна была спасти христіанство, она не менѣ важна была для матеріальнаго спасенія имперіи. Со времени упадка своей военной силы, имперія имѣла внѣ своихъ границъ только нравственное вліяніе, которое въ особенности основывалось на религіозномъ чувствѣ. Она, какъ и во времена Тацита, обладала постоянно своими искусствами, пороками, обаяніями цивилизаціи — для того чтобы привлекать къ себѣ и укрощать варваровъ; но она приобрѣла съ тѣхъ поръ нѣчто лучшее, и христіанство было въ V-мъ вѣкѣ самымъ энергическимъ орудіемъ сближенія. Дивное дѣло! эта религія, въ которой языческій Римъ упорно видѣлъ своего смертнаго врага, которую преслѣдовалъ онъ еще до сихъ поръ рѣчами своихъ ораторовъ, преслѣдовавши

ее долго рукою палача, — христианство, стала теперь охранительнымъ щитомъ отъ варварства: тамъ, куда не дерзали болѣе показываться римскіе легіоны, христианская пропаганда шла дѣлать завоеванія въ пользу Рима. Варварское племя, принимавшее христианство, тѣмъ самымъ уже становилось болѣею частію римскимъ; между этимъ племенемъ и цивилизованнымъ обществомъ, тотчасъ же создавалось нѣчто общее въ понятіяхъ и чувствахъ, въ обычаяхъ и нравственныхъ потребностяхъ, и все это расширялось и оплодотворялось со временемъ болѣе и болѣе. Обращенный варваръ входилъ въ известное отношеніе подчиненія имперіи — принималъ отъ нея священниковъ и епископовъ, принималъ отъ ея соборовъ свой нравственный законъ и толкованіе своихъ вѣрованій — самъ, черезъ представителей своихъ, епископовъ, присутствовалъ въ великихъ собраніяхъ Римскаго христианства — засѣдалъ тамъ, разсуждалъ въ свою очередь о религіозныхъ законахъ Римлянъ: однимъ словомъ, гордый и упрямый варваръ, на другой день своего обращенія, становился — важною частію своего внутренняго существа, подданнымъ или гражданиномъ имперіи. Понятно, какое важное значеніе долженъ былъ приписывать римскій императоръ христианской пропагандѣ въ отношеніи къ варварамъ! Къ несчастію, христианство и во внѣ слѣдовало тѣмъ же направленіямъ, какъ и внутри; — двѣ церкви, аріанская и католическая перенесли свои раздоры и къ варварамъ. Въ то время, какъ народы запада принимали Никейскій символъ, Валентъ привлекалъ къ аріанству могущественное племя Визиготовъ, и посредствомъ его, другихъ варваровъ востока. Слѣдствіемъ была большая опасность для имперіи, раздираемой религіозными войнами: каждая изъ партій звала къ себѣ своихъ единомышленниковъ по вѣрв изъ варваровъ, и находила въ нихъ отвѣтъ на свой призывъ. По роковому закону возмездія, варвары въ войнахъ съ имперією, обрѣтали часто въ своихъ римскихъ единовѣрцахъ помощниковъ или сообщниковъ. Отсюда ясно видно, сколько потребностей религіозныхъ или политическихъ, внутреннихъ или внѣшнихъ, думалъ удовлетворить императоръ Феодосій своею системою

каволическаго единства. Съ этою мыслию, онъ издалъ многіе соотвѣтствовавшіе одинъ другому законы, которые, подтвержденные, ограниченные или распространенные его преемниками, составили нѣчто цѣлое, совокупность правительственныхъ мѣръ для утвержденія единства: этотъ-то самый религіозный кодексъ, въ исторіи V-го вѣка, то отвергается, то снова получаетъ силу, смотря по торжеству партій и колебаніямъ политики. Анализируя эти многочисленныя постановленія, можно привести ихъ къ нѣкоторымъ главнымъ пунктамъ.

Религія католическая, какую исповѣдуетъ городъ Римъ по преданію престола святаго Петра, объявляется религіею господствующею въ имперіи и обязательною для всякаго римскаго подданнаго; она одна имѣетъ право именоваться *христианскою*; еретическія общины этого права не имѣютъ — онѣ должны заимствовать названіе, или отъ имени своего основателя или отъ особенныхъ свойствъ ученія. Равномѣрно, воспрещается имъ употреблять слово *церковь* для обозначенія мѣсть ихъ сходбищъ, а также и названіе *священника* (*sacerdos*) въ отношеніи къ исполнителямъ ихъ обрядовъ; эти названія, съ которыми законодательство связываетъ привилегіи и почести, должны оставаться исключительною собственностью православія.

Нѣкоторыя ереси запрещены совершенно, подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ наказаній—каковы: изгнаніе, конфискація имущества, смерть, недопущеніе къ свидѣтельству; другія терпимы, во подъ сильно ограничивающими условіями. Законодательство съ намѣреніемъ смѣшиваетъ еретиковъ съ язычниками, жидами, манихеями, подъ общимъ именемъ *секты враждебной православію*. Отступающіе въ чемъ-либо отъ догматовъ вѣры устраняются отъ общественныхъ должностей, не могутъ занимать мѣсть ни въ войскѣ, ни въ гражданскомъ управленіи, не могутъ быть адвокатами. Лишая всѣхъ преимуществъ начальниковъ еретическихъ общинъ, законодательство въ то же самое время поддерживаетъ духовенство православное, сообщаетъ епископамъ гражданскую юрисдикцію, даетъ имъ право не только судить въ высшей инстанціи духовныя дѣла, но и

быть третейскими судьями въ дѣлахъ мірянъ. Этотъ законъ, противорѣчившій всемъ началамъ римскаго права, встрѣчалъ постоянную и сильную оппозицію въ высшихъ классахъ общества.

Этотъ кодексъ не былъ впрочемъ всегда и всецѣло соблюдаемъ; прилагались нѣкоторые законы, приостанавливалось дѣйствіе другихъ. Это былъ арсеналь, изъ котораго правительство брало разныя оружія, смотря по требованіямъ обстоятельствъ — вѣчной была только идея, освѣщавшая путь и указывавшая цѣль. Понятно такимъ образомъ, что по смерти Гонорія обнаружилось рѣзко двойственное стремленіе, — со стороны сената — уничтожить законы единства; со стороны Платидіи, возстановить ихъ. Правительница не выжидала даже того, чтобы утвердиться въ Италіи; она ясно объявила свою политику въ трехъ постановленіяхъ (*constitutiones*), изданныхъ ею отъ имени ея сына, еще когда была она въ Аквилей. Женское нетерпѣливое желаніе возстановить все въ одну минуту, возбуждаемо было пламеннымъ усердіемъ къ вѣрѣ, почтеніемъ къ памяти отца и даже фанатизмомъ, истиннымъ или притворнымъ, придворныхъ, которые успѣли овладѣть ея доверенностью.

Правленіе Платидіи, не смотря на мужественность духа, оказанную ей въ другую эпоху, было все-таки правленіе женское, съ самаго начала своего, зависѣвшее отъ временщиковъ. Небольшой кабинетъ, во главѣ котораго были жена великаго магистра войскъ Феликса, самъ великій магистръ и діаконъ, по имени Груннитъ, великій интригантъ и составитель заговоровъ — управлялъ всемъ, говорилъ и дѣйствовалъ именемъ правительницы. Феликсъ не всегда былъ извѣстенъ за такого ревностнаго каеолика — и недавно еще, подъ ложнымъ предлогомъ ко мщенію, онъ велѣлъ умертвить, во время раздачи милостыни, одного римскаго діакона, котораго римская церковь включила въ число святыхъ. Времена измѣнились и Феликсъ спѣшилъ загладить это убійство другимъ убійствомъ. Епископская кафедра въ Арль занята была нѣкоторымъ хищникомъ Патрокломъ, который сумѣлъ удержаться въ провин-

ціи не смотря на оппозицію галльскихъ епископовъ:—Фелпксъ поручилъ одному трибуну изъ варваровъ зарѣзать его и такимъ образомъ уничтожить заразу и расколъ и главу онаго. Вообще, этотъ жестокий солдатъ имѣлъ вліяніе самою зѣвскою своею лютостію. Триумвиратъ въ особенности враждовалъ съ лицами, располагалъ мѣстами и, для погубленія тѣхъ, кого онъ опасался, равно прибѣгалъ и къ клеветѣ и къ насилію.

Въ это самое время является ко двору Плацидіи Comes — Бонифацій, призванный правительницею, которая вѣроятно хотѣла лично благодарить возстановителя ея семейства. Пріездъ его былъ событіемъ для Италіи, гдѣ дивились его тогда еще совершенно безпорочному мужеству, и гдѣ послѣднія пропсшествія сдѣлали его предметомъ общаго любопытства. Плацидія приняла его почти не какъ подданнаго: дала ему титулъ Comes domesticorum, т. е. начальника гвардіи императора, хотя онъ долженъ былъ отправиться въ Африку; кромѣ того, препоручила ему важные переговоры въ Испаніи съ Вандалскими королями Бетнки, ибо послѣ ухода Визготовъ и возвращенія ихъ въ Галлію, Вандалы соединились и вновь завоевали свои прежнія поселенія на югѣ гесперійскаго полуострова. Между тѣмъ, мѣсто патриція, важнѣйшій санъ имперіи, было не занято — и такъ какъ правительница не распорядилась еще на этотъ счетъ, то всѣ думали, что ему предназначаютъ она важный санъ. Народность Бонифація и въ особенности эти милости двора возбудили зависть въ Фелпксѣ, который сталъ видѣть въ немъ соперника и можетъ быть преемника.

На имени Бонифація лежитъ роковое, несмываемое пятно, справедливое наказаніе за великое преступленіе, потому что ни одинъ гражданинъ не сдѣлалъ столько вреда своей отчизнѣ. Между тѣмъ, его соотечественники прославляли, любили, уважали его даже послѣ его преступленія, и современная исторія выказываетъ въ отношеніи къ нему такую снисходительность, которая изумляетъ, останавливаетъ новаго историка и даже смущаетъ его въ томъ сужденіи, которое долженъ онъ про-

взнести объ этомъ чловѣкѣ. Что касается до насъ, то не отдѣляя Бонифація отъ его вѣка, мы только изложимъ безпристрастно его жизнь, смѣсь добра и зла, возвышенныхъ дѣяній и бѣдствій — потому, пусть судять его, и, съ нимъ вмѣстѣ, его современниковъ.

Бонифацій былъ старый Римлянинъ и происходилъ изъ Эракинъ. Воинъ съ младенчества, онъ былъ братомъ Аэціи по оружію столь же храбрымъ, какъ онъ, столь же уважаемымъ за достоинства и болѣе уважаемымъ за характеръ. Качества души, однѣ обаятельныя, другія порочныя, — откровенность, благородные порывы, мужество, увлекавшее за нимъ другихъ въ самыя несчастныя дѣла, доставили ему общую славу у христіанъ и язычниковъ. Сравнивали его съ людьми былыхъ временъ, и можетъ быть, — не будь въ его нравѣ подозрительной впечатлительности, не будь его гордость такъ раздражительна, — сравненіе было бы справедливо — но въ этой натурѣ было больше блеска, чѣмъ истиннаго величія, больше распушенности чѣмъ силы. Тѣмъ не менѣе, посреди общаго униженія характеровъ она владычествовала и привлекала къ себѣ. Одно въ особенности отличало Бонифація отъ военныхъ людей его времени, почти всѣхъ атеистовъ или равнодушныхъ къ религіи, — пламенная набожность, доходившая до аскетизма. Его страстная душа, которая ни въ чемъ не знала мѣры, казалось, колебалась вѣчно между жаждою славы и отвращеніемъ отъ міра, между полемъ битвы и монастыремъ. По смерти любимой имъ супруги, онъ хотѣлъ идти въ монахи, и помѣшало этому только вліяніе епископа Гиппонійскаго Августина и друга его Алппа, которые явились къ нему въ Тубуны и доказали ему, что онъ можетъ быть полезнѣе для церкви въ шлемѣ полководца, нежели подъ рясою монаха. Язычники, для которыхъ подобный характеръ, былъ совершенною новостью, и которые не могли понимать его, говорили о Бонифаціи, что онъ — *чловѣкъ героическій* (*). Мы, знакомые уже съ этимъ

(*) Bonifacius vir erat heroicus, говоритъ Олимпіодоръ, языческій писатель, современникъ этихъ событій. Олимпіодоръ занималъ важныя должности въ адми-

типомъ, развившимся въ средніе вѣка подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, — скажемъ съ большимъ знаніемъ дѣла: это былъ уже христіанскій воинъ, далекій предшественникъ рыцарства. И какъ бы дополняя въ этомъ Римлянинъ V-го вѣка, очеркъ рыцаря XI столѣтія, исторія показываетъ его принимающимъ во всѣхъ случаяхъ сторону меньшихъ и слабыхъ, готовымъ на защиту дѣтей и женщинъ — даже рыцарскую вѣжливость находимъ мы въ немъ вмѣстѣ съ погубившими его слабостями.

Вандалы Бетики, къ которымъ Бонифацій отправлялся посланникомъ Плацідіи, были аріане и аріане ревностные до нетерпимости, болѣе впрочемъ по системѣ политической, чѣмъ по религіозному фанатизму. Съ намѣреніемъ устроить заставу между владѣніями Испаніи и Имперіи, — они принуждали къ аріанству провинціаловъ, ихъ подданныхъ. Всякій Испанецъ, желавшій сохранить свое имущество, званіе и миръ семейный, долженъ былъ дѣлаться аріаниномъ, — и подъ гнетомъ угрозъ и гоненій, бывали частыя отступленія отъ вѣры. Порученіе, данное африканскому комесу, имѣло ли цѣлю прекратить гоненія? относилось ли оно къ войнѣ, готовой тогда разразиться между Римлянами и Свевами Галиціи? — Это не извѣстно, но какъ то, такъ и другое дѣло, возбуждало тогда безпокойство въ Плацідіи.

При дворѣ вандалскихъ королей, Бонифацій встрѣтилъ молодую Испанку, по имени Пелагію, обладавшую однимъ изъ огромныхъ имуществъ, сосредоточенныхъ еще тогда въ рукахъ Иберійской аристократіи; онъ привязался къ ней и искалъ ея руки. Пелагія столько же была ревностною аріанкою, сколько ревностнымъ православнымъ былъ Бонифацій. Ихъ взаимныя признанія въ любви, перемѣшивались, какъ кажется съ богословскими спорами, съ учеными разсужденіями о сущности Слова — и въ упоеніи любви, они взаимно сочли одинъ

встраціи и звалъ большею частію лично людей, о которыхъ говорить. Отвертки, которые намъ остались изъ его сочиненій — одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи V-го вѣка.

другаго обращеннымъ на путь истины. Африканскій комесъ, въ восторгъ своей радости писалъ къ своимъ карфагенскимъ и гиппонійскимъ друзьямъ: «я везу къ вамъ православную жену»—но увы! черезъ девять мѣсяцевъ дочь, родившаяся отъ этого брака, крещена была арианскимъ епископомъ, и кромѣ того, молодыя монахини, какъ кажется родственницы Бонифація, жившія въ его домѣ, вслѣдствіе убѣжденій Пелагій, приняли второе еретическое крещеніе. Вопль ужаса и гонимости раздался во всей африканской церкви.

Подобное событіе, случившееся притомъ вслѣдъ за возстановленіемъ законовъ единства, должно было надѣлать шуму—и общественное злорѣчіе не замедлило имъ воспользоваться. Въ первый разъ еще, Бонифацій подвергался нападкамъ и всѣ наперерывъ старались задѣть его—враги, завистники и даже люди равнодушные, которымъ можетъ быть, надобно слушать, что его зовутъ *героическимъ*, всѣ бросались на него какъ на добычу. Задавали себѣ вопросъ, не сдѣлался ли въроотступникомъ самъ африканскій Комесъ—и прилично ли, что дворецъ правителя обширной православной провинціи обращенъ въ вертепъ ересей, что comes domesticorum начальствовавшій гвардіею государыни, явно презираетъ правительство и нарушаетъ законы? Нашлись даже голоса, которые нашептали Плацидію, что этотъ поступокъ, повидимому только неблагоразумный, прикрываетъ другіе, болѣе важные замыслы; что Бонифацій, упоенный своей народностью, хочетъ сдѣлаться независимымъ въ Африкѣ, что злоупотребляя недостойно довѣренностью правительницы, онъ велъ въ свою пользу переговоры съ Вандалами, что наконецъ его отступничество было первымъ залогомъ, который онъ имъ далъ. Феликсъ и Падуза были неутомимыми переносчиками этихъ клеветъ во дворецъ и въ городъ. Смущенная Плацидія рѣшилась посоветоваться съ Аэціемъ, котораго, желаніе наблюдать ближе событія, привело изъ Галліи въ Италію. Аэцій былъ товарищемъ Комеса по оружію и выказывалъ себѣ его другомъ, онъ оправдывалъ его публично, за то клеветалъ на его тайно. Онъ отвѣчалъ съ притворною искренностью правительницѣ, что

прежде осужденія такого челоуька, слѣдуетъ испытать его до конца. « Повели ему—прибавилъ онъ, явится тогчасъ же « для объясненій. Если онъ явится, значить, не думаетъ о « возмущеніи—если откажется, ты ясно увидишь опасность. « Тогда дѣйствуй безъ колебаній. » Въ тоже самое время, давая этотъ совѣтъ правительницѣ, онъ послалъ во Африку одного изъ преданныхъ себѣ людей съ письмомъ къ своему старому другу, слѣдующаго содержанія: «Смерть твоя рѣшена; «Плацидія перемѣнилась въ отношеніи къ тебѣ. Она предп- «шетъ тебѣ явиться въ Италію но если ты оставишь Африку, «считай себя погибшимъ.» вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требовалъ глубокой тайны въ отношеніи къ этому увѣдомленію. Приказъ дѣйствительно прибылъ, и Бонифацій, который не имѣлъ причинъ сомнѣваться къ добросовѣстности Лэція, раздраженный, вышелъ изъ себя и принялъ презрительно императорскаго посланнаго. Въ эту минуту, отдавшись раздражительности своего характера, Комесъ разразился обвиненіями противъ правительницы, жалобами на неблагодарность, которую платять ему за услуги, и клялся, что заставитъ раскаться тѣхъ, которые такъ его вознаграждаютъ: Феликсъ и жена его торжествовали.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ШИЛЛЕРЪ И ГЕТЕ

ВЪ БОРЬБѢ КСЕНІИ.

Соч. Едуарда Боаса.

Kein Stündchen schleiche dir vergebens,
Benutze was dir widerfahren.
Verdruss ist auch ein Theil das Lebens.

(изъ *Allg. Zeit.*)

Кто не только читалъ и перечитывалъ стихотворенія обоихъ великихъ мужей, но и сроднился съ ними, тотъ вѣроятно, сдѣлавъ самъ надъ собою замѣчаніе, что тѣмъ старѣе онъ становился, тѣмъ старѣе и зрѣлѣе казался ему тотъ и другой поэтъ. Мы познакомились съ тѣмъ или другимъ въ самомъ чудномъ расположеніи духа; въ послѣдствіи все чаще и чаще прибѣгали къ нему за совѣтомъ, и всегда спокойнымъ словомъ онъ освобождалъ насъ отъ суматохи страстей. Если мы воображали, что имѣемъ достаточныя причины разорвать всѣ связи съ міромъ, живое наслажденіе, которое находилъ поэтъ въ согрѣтомъ любовью существованіи, мигомъ пристыжало слабодушаго. Теперь мы едва можемъ разстаться; онъ сопровождаетъ насъ повсюду, даже когда мы не имѣемъ при себѣ тома его сочиненія, мы смотримъ, или, по крайней мѣрѣ, воображаемъ, что смотримъ на все сго глазами. Онъ опредѣлялъ и очищалъ наши склонности и разумъ, и мало по малу между нами образовалось нѣчто въ родѣ личнаго сношенія.

Въ этомъ смыслѣ говоритъ каждый о своемъ Гёте, о своемъ Шиллерѣ, о томъ, какъ онъ его понимаетъ и въ какой мѣрѣ принадлежитъ ему; они не только наши поэты и учителя, но спутники и собесѣдники; мы гордимся тѣмъ, что находимся съ обоими на такой

короткой ногъ. Ихъ вліянію мы подвержены болѣе, нежели думаемъ. Если бы злѣйшій врагъ нашъ умно похвалилъ нашего учителя, мы въ ту же минуту забыли бы ненависть, и другъ ничѣмъ не можетъ такъ огорчить насъ, какъ оскорбленіемъ нашего любимца. Въ дѣлѣ вкуса самымъ вѣрнымъ образомъ испытывается сродство душъ, а противоположности нигдѣ не сталкиваются такъ ощутительно. Намъ перѣдко указывали на то, какъ высшія философскія идеи мало по малу входятъ въ свѣтскій разговоръ, и становятся общественнымъ достояніемъ націи. Также точно тысячи совершенно чуждыхъ одиному другому людей въ жизни узнаютъ другъ друга по словамъ учителя: образуются формальныя общества, и наконецъ одно дѣлается общимъ для всѣхъ.

Этимъ оправдывается множество книгъ и рукописей, предметъ которыхъ есть одно и тоже безцѣнное достояніе, этимъ объясняется неослабное участіе частныхъ лицъ. Именно вслѣдствіе нашего личнаго отношенія къ Шиллеру и Гёте важны для насъ всякія мелочи, которыя, освободившись отъ забвенія, возвѣщаютъ что-либо новое, или объясняютъ невѣрныя свидѣтельства. Въ этихъ случаяхъ съ нами бываетъ также, какъ когда роюсь въ конторкѣ, мы неожиданно въ ея дальнемъ отдѣленіи находимъ какую-нибудь вещь. Мы разсматриваемъ ее съ улыбкой или съ грустію, во всякомъ случаѣ съ любопытствомъ: какъ чудо воскресаетъ передъ нами давно отжитое то время, когда этотъ шлейфъ или эта ленточка, эта ловко похищенная перчатка, или эти бѣглыя слова бѣглой записочки составляли для насъ значительное обладаніе, лишитъ насъ котораго не удалось бы никому. Потомъ мы приходимъ къ размышленію, какъ все это сдѣлалось незначущимъ; мы хотимъ кинуть эти пустяки въ огонь, но ковчаемъ тѣмъ, что бережно ихъ упрячиваемъ. Также бываетъ и съ читателемъ комментариевъ, приложенныхъ къ сочиненіямъ. Онъ притворяется разсерженнымъ тѣмъ, что спасаютъ отъ гибели безполезныя бездѣлки, и однакожъ, еслибы ему самому пришлось распорядиться этимъ стихотворнымъ добромъ, у него не достало бы духа уничтожить на всегда хотя маленькое письмецо, хоть малѣйшую строчку.

Новое литературное сочиненіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, представляетъ намъ непосредственную и вѣрную картину состоянія литературы до эпохи Ксеній и послѣ нея. Въ немъ мы находимъ богатѣйшій источникъ для ближайшаго знакомства съ личностями нашихъ любимцевъ. Мы теперь такъ чужды тому времени, что можемъ судить о немъ вполне безпристрастно. Продолжительность вліянія художе-

ственного произведенія есть непогрѣшимый масштабъ его достоинства. Если бы въ этомъ отношеніи значило что-нибудь число поклонниковъ, то родъ Евгениевъ Сю и Александровъ Дюма давно бы замѣняли, большинствомъ своихъ приверженцевъ, безсмертнаго Гомера. Ихъ сочиненія опираются на обширнѣйшемъ фундаментѣ всѣхъ гризетокъ, всѣхъ *commis voyageurs*. И Шекспирова ими померкло на цѣлыя столѣтія; но вдругъ проснулась память о немъ, внезапно и «раздалась его пѣсь предъ неизвѣстной толпой», и не умолкнетъ, пока живетъ британскій народъ, пока будетъ хоть одна нація, понимающая языкъ поэта. При жизни нашихъ поэтовъ похвала имъ также не была столь неоспорима, какъ теперь. Мы тогда только видимъ, что возвыщается на вершинѣ горы, когда покидаемъ горную цѣпь и глубже проникаемъ въ равнину. Въ то время для литературы настала весенній мѣсяць, преисполненный майскими жучками, и среди настѣваемыхъ, жужжавшихъ надъ кустомъ цвѣтовъ, только вѣрный глазъ могъ отличить дневную и ночную бабочекъ отъ всего, что тамъ ползало, порхало и стрекотало. Появленіе Погеа, ихъ быстрый съ самаго начала, неслыханный успѣхъ возбудили повсюду зависть. Пошлости и посредственности литературы, разсуждавшіе обо всемъ по своему, сердили и мучили Шиллера своими критическими замѣчаніями. Бѣдные! Они чувствовали себя отставшими соперниками, и это дѣлало ихъ несчастными. Кто не осуждалъ художественной стороны сочиненія, тотъ нападалъ на чистое созваніе Шиллера, находилъ геній его безнравственнымъ; кто не могъ находить и геній его безнравственнымъ, тотъ простиралъ сплетни далѣе и заподозрѣвалъ гражданскую жизнь поэта. Это повело къ заговору Ксенія, который состоялся именно по совѣту Шиллера.

Кто заглядывалъ когда-либо за кулисы книгопродавчества и литературства, тому извѣстно, сколько потребно смѣлости и осторожности въ нападеніяхъ на литературное собратство. Торгашная зависть вгдѣ такъ не велика, а здѣсь она даже не лишена колкости и остроумія. Тутъ есть левные владѣльцы, выokie покровители посредственности, если эта посредственность принадлежитъ къ толпѣ обожателей. Тутъ составляются обоюдные контракты, страховыя общества безсмертія. Затроньте ихъ — весь муравейникъ подымется (*). Конечно это маленькіе вѣрки, но тѣмъ легче имъ облѣпить васъ своими жалемами (*). Шиллеръ и Гёте рѣшились на чрезвычайное, они напали разомъ на цѣлыя дюжины

(*) Слушайте! слушайте! слушайте! *Ред.*

(*) Слушайте! Слушайте! *Ред.*

и вся республика пришла въ смятеніе. Шиллеръ выказалъ себя болѣе буйнымъ и неосторожнымъ, нежели Гёте, потому и принадлежать ему самыя сильныя и мѣткія Ксеніи. Въ нихъ все трещить и пламенѣть, но мы охотно прислушиваемся къ шуму разрушенія, который въ то же время согрѣваетъ насъ. Гёте, какъ человекъ свѣтскій, не употребляетъ такого геркулесовскаго оружія; онъ сражается парижскимъ клинкомъ, его нападеніе расчитываетъ ударъ, его колкости сокрыты для пониманія толпы, но тѣмъ глубже проникаютъ въ цѣль. Шиллеръ рвется къ нападенію, старается отдѣлать одного за другимъ; Гёте увѣщаетъ его набрать побольше вѣтилъ сюрпризовъ. «Когда подобныя вещи, пишетъ онъ, связываются въ охапку, то онѣ лучше горятъ.» Онъ внутренно слышалъ уже трескъ и чувствовалъ запахъ опаленной шерсти. Незадолго до публикаціи Гёте ничего не хотѣлъ открыть Мейеру, хотъ довѣрилъ ему; онъ хорошо зналъ, что нападеніе въ располхъ есть вполнину пораженіе непріятеля. Напротивъ, Шиллеръ съ самаго начала не могъ удержаться, чтобъ не сообщать кой-чего Гумбольту и Кёрнеру. Мы смѣемся, слушая разсказъ о томъ, какъ капельмейстеръ Рейхардтъ вошелъ однажды къ обоимъ великимъ заговорщикамъ во время ихъ работы, которую они почти оканчивали. Онъ затронулъ Гёте, не подозрѣвал, какому близкому ангелу-истребителю онъ вѣтимъ предастъ себя во власть. Безжалостно они записываютъ его въ общій проскрипціонный листъ, несмотря на то, что онъ оказалъ нѣкоторыя услуги Гёте. Вообще наши дуумвиры разыгрывали сцену изъ четвертаго акта Юлія Цезаря. «Твой братъ, Лепидъ, долженъ также умереть. Ты согласишься на это?» — «Согласенъ.» — «Запиши, Автоній!»

Конечно эти великіе люди были часто несправедливы, но это не вредитъ имъ: мы любимъ въ нихъ даже недостатки, подобно Вильгельму Мейстеру, съ удовольствіемъ убирающему очаровательные предметы, которыхъ нельзя назвать, и которые Маріанна съ наивнымъ спокойствіемъ разложила по кресламъ и клавикорду. Теперь намъ представляется это товарищескою слабостію, когда Шиллеръ въ своемъ подаркѣ Фоссовой Луизѣ часто по дружбѣ «прислушивается къ звукамъ древности.» При этомъ мы воспоминаемъ свадебную пѣсню въ «Луизѣ», гдѣ полной предчувствій невѣстѣ описывается въ гимнѣ (и этотъ гимнъ она даже сама поетъ) то время, когда супругъ, ведя ее подъ руку, будетъ чувствовать почтенную тяжесть, пѣсню, въ которой говорится о подблужахъ раздающихся въ сосѣдней комнатѣ. Можетъ быть Шиллеръ находилъ античнымъ именно это мѣсто, потому что оно на-

поминаеть намъ исполинскій аппетитъ гомерическихъ гербовъ, дѣлвшихъ съ своими спутниками цвѣтущій жиръ свиней.

Хотя эта борьба Ксеній есть ничто иное, какъ эпизодъ изъ жизни обшихъ мужей, но тѣмъ не менѣе она живо выставляетъ тѣ большія и малыя затрудненія, съ которыми даже высокія натуры Шиллера и Гёте должны были бороться, пока не были вполне признаны своимъ народомъ. Они падали духомъ, не находя участія къ себѣ, и видя, что жалкая посредственность осмѣливалась учить ихъ. То мучили ихъ фантастическіе святоши, то проповѣдовавшееся въ Швейцаріи тщеславное самохвальство и нравственное ханжество, то необходимость наказанія притязанія берлинскихъ просвѣщенныхъ, утверждавшихъ, что все еще чувствуетъ іезуитскій запахъ. Введеніе лучшаго вкуса не было возможно тамъ, гдѣ господствовала пошлая ежедневность титулярныхъ комедій Коцебу съ ихъ гусарскими маіорами, коммерческими совѣтниками и князьями, которые въ заключеніе пьесы застегивали фракъ сверху надъ звѣздою. Остатокъ хорошаго вкуса портила жалкая мѣщанственность комедій Шрёдера и Ифлянда, въ которыхъ прелучъ серебряныя ложки, отдають подъ залогъ деньги займы и грозятъ позорнымъ столбомъ. Жаль что при этомъ нѣкоторые камни попали въ несчастнаго Георга Фюрстера и поразили его слишкомъ жестоко. Главное же нападеніе было направлено противъ остатка прежней «ученой республики.» Почтенный городъ Лейпцигъ былъ резиденціей большинства авторитетовъ, слывшихъ долгое время поэтами. Изъ числа писателей, каковы: Готшедъ, Геллертъ, Глеймъ, Вейсе, Пёфель и Клопштокъ, одинъ только былъ бѣлымъ ворономъ—это авторъ Эмили Галотти. Когда Гёте осмѣлился появиться съ своимъ Берлинскимъ, а Шиллеръ даже съ своими Разбойниками, то всѣмъ этимъ ученымъ, сидячимъ, обмѣщанившимся людямъ, вѣроятно, показалось яснымъ и рѣшительнымъ дѣломъ, что для полнаго водворенія въ Римской Имперіи прежнихъ ужасовъ и варварства оставалось только волкамъ изъ Польши сдѣлать набѣгъ на лейпцигскую ярмарку. Но не одни эти дѣльцы, добрые авторы видѣли, какъ двойная планета затмѣвала ихъ туманный блескъ; межеумки также почувствовали, что ихъ время прошло. Какъ испугались при видѣ посягательства Ксеній на ихъ особы всѣ эти господа, прекрасно завитые и напудренные, но все еще торчавшіе своими тонкими ножками въ башмакахъ съ пряжками досель прославлявшейся пастушеской поэзіи. Одинъ Виландъ осмѣлился открыто выступить съ своей критикой, но она прервалась именно тамъ, гдѣ ожидали наиболѣе колкостей. Гер-

дерь велъ дѣятельную перепалку со всѣми и страшно сердился на соблазнъ забывая, сколько оскорбленій Гёте спокойно вытерпѣлъ отъ него въ прежнее время. Въ особенности нравственно негодовали на то, что Шиллеръ замѣтилъ въ стихотвореніяхъ Глейма ослабленіе «напрягающей силы и быстроты;» что тотчасъ же объяснили недостаткомъ уваженія его къ лѣтамъ. Въ опроверженіе Глеймъ издалъ сочиненіе, названное имъ «Силой и быстротой стараго Пелея.» Въ эпиграфѣ онъ сравнилъ дуумвировъ съ гарпіями и отнесъ къ нимъ слова *Виргилія: diripiuntque dapes, contactuque omnia foedant in mundo*—возраженіе, если сравнить его съ другими, вовсе не изъ худшихъ, ибо эта грубость высказывалась по крайней мѣрѣ по латынѣ. Фоссъ, глубоко оскорбленный нѣкоторыми общими замѣчаніями, тотчасъ же написалъ старому Глейму восторженное письмо, въ которомъ онъ сулилъ ему «силу и быстроту.» Даже въ частныхъ письмахъ не покидаетъ его пафосъ школьнаго учителя; вотъ какъ онъ выражается: «Какъ юношески выступаетъ онъ, этотъ сѣдовласый Пелей (Глеймъ), твердою рукою потрясая тяжелымъ ясенемъ Пеліона и мѣтко попадая въ цѣль; онъ и теперь еще достоинъ объятій Фетиды! Непорочный старецъ! ты современникъ лучшаго вѣка, того времени, когда любимцы боговъ съ полубожеской силой поражали мятежниковъ мельничными жерновами»... Противъ этихъ-то безпорочныхъ, противъ этого-то лучшаго вѣка и этихъ мельничныхъ жернововъ, вооружились веймарскіе мятежники!

Невозможно описать, какой шумъ произвели Ксеіи. Ничего не читали, кромѣ творенія дѣтей «отца сатаны», и вскорѣ появилось оно третьимъ издашемъ. Гете тайно радовался этой литературной ночи Вальпургиса. Онъ стоялъ на ряду съ простыми зрителями; какъ будто бы не онъ бросилъ пламя въ солому. Грубости своихъ противниковъ онъ отражалъ съ созвательнымъ спокойствіемъ и наслажденіемъ, «что наиболее разсердило эту людскую породу.» Шиллеръ, болѣе шекотливый, глубже чувствовалъ нападенія. Хотя онъ былъ зачинщикомъ, но общественное мнѣніе считало таковымъ Гете, и Шиллеръ жалуется ему на то: «Въ общихъ сужденіяхъ, говоритъ онъ, мнѣ представляютъ жалкую роль обольщеннаго. Вы, по крайней мѣрѣ, имѣете утѣшеніе слыть обольстителемъ». Когда нападенія сдѣлались злобнѣе, Шиллеръ сожалѣетъ, что книгопечатаніе не боится даже полиціи. «Веселость Гете не терпала своего равнодушія; онъ постоянно имѣлъ въ виду благотворное дѣйствіе, которое не замѣдитъ проявиться. «Всякой, говоритъ онъ въ утѣшеніе Шиллеру, кто расчитываетъ на славу въ потомствѣ, долженъ заставлять своихъ современниковъ высказывать

все, что они имѣютъ противъ него *in petto*. Впечатлѣніе, производимое этимъ, онъ заглаживаетъ своимъ присутствіемъ, жизнью и дѣяніемъ». Замѣчательное мѣсто, показывающее, что Гете никогда не терялъ изъ виду самого себя, и въ своихъ поступкахъ соображался съ характеромъ Нѣмцевъ, «которыхъ онъ зналъ такъ давно.»

Такъ какъ когда не было отвѣтамъ на Ксеніи, антикритикамъ критикъ, комментаріямъ и брошюрамъ, то Гете писалъ Шиллеру: «Если юморъ нашъ сохранилъ свою свѣжесть, то мы должны снова выступить на сцену и отдалать ихъ на смерть.» Но Шиллеръ не находилъ болѣе удовольствія въ борьбѣ. Онъ помѣстилъ въ то время въ (Ноген) очень посредственныя драмы старика Готтера и Елизаветы Фонъ-деръ-Реке, потому только, что ему «нравилось, что послѣ шума, произведеннаго Ксеніями, такія моральныя особы не прерываютъ сношеній съ еретикомъ.» Но за то онъ отложилъ въ сторону Гете «Золотую свадьбу Оберова,» которая, если разсмотрѣть ее ближе, была ничто иное, какъ эпилогъ Ксеній, и которую въ «Борьбѣ Ксеній» слѣдовало бы изложить подробнѣе.

Тогдашняя литературная чернь воспользовалась оболъстительнымъ примѣромъ, поданнымъ дуумвирами, чтобы выказаться во всемъ цвѣтѣ своей пошлости и злости. Если Шиллеръ упоминалъ о «быкѣ города Галле,» то естественно, что животныя прозвища были возвращены ему сторицею. Наиболѣе повредило поэтамъ возраженіе стараго Глейма, незаслужившаго обиды, возрастъ котораго постарались сдѣлать предметомъ общаго участія. «Молодые люди» естественно должны были показаться заслуженному пѣвцу людьми сатанинскаго характера; полукомически и полутрогательно звучать слова его: «Какъ прекрасно было прежде на нашемъ Геликовѣ!» «Прежде,» когда Клопштока безнаказанно и щедро сравнивали съ Гомеромъ, Уца съ Анакреономъ, Рамлера съ Гораціемъ. «Прежде,» когда цѣнились малый вкусъ и тѣмъ болѣе аркадская кротость. Старецъ, конечно, съ горя сошелъ въ могилу, чему появленіе двухъ *enfants terribles*, какъ эти Шиллеръ и Гете, казалось, подвергнетъ и молодыхъ.

Противнѣе всѣхъ оказался Николай. Гете должно быть глубоко ненавидѣлъ эту привязчивую натуру. Онъ негодовалъ на Николая съ того времени, какъ сей послѣдній выстрѣлъ Вертера въ своемъ романѣ отъ пистолѣтнаго выстрѣла куриной кровью, а отъ «Страданій» разводомъ. Николай былъ жалкій, низкій завистникъ, который никогда не могъ рѣшиться признать гений Гете, и который однакоже постоянно чувствовалъ магнетическое влеченіе къ совершенству его художниче-

ства. Мученіе, претерпѣваемое имъ отъ сознанія собственнаго безсилія и внутреннее побужденіе къ душевной низости, если существуетъ такое побужденіе, постоянно заставляли его пятнать чистоту поэзіи Гете. Изъ всѣхъ сочиненій, направленныхъ противъ дуумвировъ, его возраженія находили въ свое время наиболѣе одобренія, но мы замѣчаемъ въ нихъ болѣе желчи, нежели таланта. При своемъ поэтическомъ безсиліи онъ написалъ только одинъ жалкій отвѣтъ, въ которомъ слово *verdorben* рифмуется съ словомъ «*Worden.*» Гете превосходно понималъ его, когда писалъ Шиллеру: «Проклятый Николай ничего такъ не желаетъ, какъ нападокъ Ксеній.» «У Николаи, прибавляетъ онъ, всегда *bonus odor ex re qualibet*, и онъ вовсе не прочь отъ денегъ доставляемыхъ ему его возраженіями.»

Лучшимъ оправданіемъ Ксеній служатъ Анти-Ксеніи, которые для насъ Нѣмцевъ служатъ пристыжающимъ зеркаломъ. что Характеръ народа не такъ скоро измѣняется, а тогдашніе наши ученые. оказали себя дерзкими и торжествующими, не смотря на ихъ жалкую и отвратительную наготу. Шиллеръ и Гете издали вслѣдъ за полемическими подарками рядъ не относящихся ни къ чему двухстишіи, которыя заключались невпными и очаровательными поэтическими цвѣтками. За бурей, писалъ Гете, должна слѣдовать ясная погода. Послѣ урагана Ксеній, воздухъ очистился на долго. Но и у самихъ поэтовъ за бурей послѣдовала ясная погода. И какава ясная! Лишь только возраженія *gallentando* умолкли, Шиллеръ издалъ своего Валентштейна, Гете — Германа и Доротею, — стихотвореніе не уступающее въ окончности Ифигеніи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Современникъ. № VIII. Августъ.

На некоторое время, мы должны будемъ кажется, отступить отъ принятаго нами прежде порядка: — разсматривать прежде всего — произведенія изящной словесности въ «Современникъ.» Во-первыхъ, изящной словесности въ смыслъ сколько нибудь подходящемъ къ понятію, въ выходящихъ нумерахъ журнала не оказывается, потому что не лзя причислять къ ней безконечнаго «Мертваго озера» или разсказовъ, которые пишутся Богъ знаетъ о чемъ, Богъ знаетъ какъ и Богъ знаетъ для кого: повторныхъ, — журналъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, жарко принялся за полемику, и явленія по этой части такъ рѣзко выдаются своей *курьезностью*, что — не отмѣчать ихъ, — рѣшительно грѣхъ. Мало того, что г. Новый поэтъ *острится* каждый мѣсяцъ въ своихъ замѣткахъ «о русской журналистикѣ» — онъ взялся за сатиру и написалъ бесѣду журналиста съ подписчикомъ — вещь дѣйствительно замѣчательную по своему остроумію и еще болѣе по фактамъ, которые выводитъ она на свѣжую воду.... И этого казалось еще не довольно редакціи современника: въ той же книжкѣ напечатана статья о романѣ Теккеря: «Ярмарка тщеславія» — *драгоценная* по богатству сообщаемыхъ ей извѣстій о состояніи русской критики въ настоящую минуту.

Осень для нашихъ журналовъ — вообще время походовъ одного противъ другаго. Цѣль этихъ походовъ, какъ ясно открывается изъ статьи о романѣ Теккеря и изъ сатиры Новаго поэта — такова, что мы и называть ее считаемъ неприличнымъ. Этой цѣли приносится въ жертву все, о ней говорятъ печатно, безъ малѣйшаго зазора въ отношеніи къ ней допускають ту искренность, которую преслѣбуютъ въ критикѣ и въ литературѣ.... Странное состоявіе критики, которая вполне оказывается достойною названія давнаго ей когда-то княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ....

Но перейдемъ къ фактамъ для подтвержденія этой печальной истинѣ, и начнемъ прежде всего со статьи о «Ярмаркѣ тщеславія.» Разъяснимъ

сначала самое дѣло. Романъ Теккерей переводился въ Современникъ подъ именемъ «Ярмарки тщеславія» и вышелъ потомъ отдельною книжкою; тотъ же самый романъ переведенъ и въ «Отечественныхъ запискахъ» г. Введенскимъ, подъ названіемъ (болѣе удачнымъ) «Базара житейской суеты.» По выходѣ «Ярмарки тщеславія» — въ От. Зап. появилась въ бібліографіи статья довольно длинная и доказавшая *весьми очевидно*, что переводъ, напечатанный въ Современникъ и изданный отдельною книжкою — наполненъ промаховъ, грубыхъ ошибокъ, сокращеній и т. д. — при чемъ задѣты были и другіе переводы, печатаемые въ Современникъ. Въ VIII-мъ N Современника, въ отвѣтъ на эту длинную статью появилась тоже очень длинная и доказала тоже *очевидно*, что переводъ напечатанный въ Отеч. запискахъ исполненъ произвольныхъ вставокъ, невѣрностей и даже (!) не безъ сокращеній — и по этому поводу высказала много горькихъ истинъ Отечественнымъ запискамъ. Наше дѣло тутъ — сторона: мы не печатали и не печатаемъ ни Vanity Fair ни Пенденнуса — и если продолжаемъ печатать Копперфильда, то потому только, что начали его прежде другихъ журналовъ — да и то стараемся ввести нѣкоторое разнообразіе въ отдѣлъ приложений, перерывая Копперфильда небольшими повѣстями другихъ иностранныхъ писателей.... Къ тому и другому переводу Теккереева романа, мы совершенно равнодушны, соглашаясь и съ статьей Отечественныхъ записокъ о переводѣ Современника и съ статьей Совр. о переводѣ О. З. Важны въ этомъ дѣлѣ факты, обличаемые статьею Современника, важны общія положенія, выводимыя изъ частнаго случая.

«Еслибъ — говоритъ статья Современника — «Отечественныя записки, изъ своихъ тридцати ежемѣсячныхъ листовъ посвящали по двадцати страницъ каждому роману, плохо переведенному, то осталось ли бы у нихъ мѣсто для другихъ отдѣловъ журнала? По выборъ палъ именно «на переводъ, *помыщенный въ Современникъ* и для этого перевода «не пожалѣли двадцати страницъ; мало того: не пожалѣли времени, ачтوبъ собрать и выставить на видъ всѣ *опечатки*, которыхъ не лзя «же не принскать въ сорока листахъ мелкой печати, сплошно печатанныхъ. Къ этимъ опечаткамъ прибавлено и нѣсколько *дѣйствительныхъ* промаховъ, сдѣланныхъ переводчикомъ, и эти промахи, эти опечатки, (которымъ приданъ видъ незнанія языка, безграмотности, искаженій) собраны изъ сорока печатныхъ листовъ на очную ставку въ «статейкѣ въ лѣтъ, явились чѣмъ-то до того обвинительнымъ, что «редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» увидѣлъ полную и вожделѣнную необходимость сдѣлать такое заключеніе: «И этотъ переводъ по»

«мѣщался въ журналъ, который»... и проч. (Отеч. Зап. 1851, N 7. «Б. X. стр. 52). То есть *помѣщался въ Современникъ*... Теперь «каждому ясно, для чего писана вся статья, подбирались опечатки, «прослѣжено было, не напечатано ли гдѣ нибудь одно и тоже имя иначе, «чѣмъ сначала (ошибка всякому замѣтная) подбирались пропуски, («которыхъ скажемъ ниже) и проч. и проч. и проч.

«Это дѣло очень старое и вѣсѣмъ наскучившее, (кромѣ, какъ оказы-
«вается, Отечественныхъ Записокъ, которыя не перестаютъ возобнов-
«лять его). *Это дѣло началось еще ранѣе, чѣмъ началъ выходить*
«Современникъ въ преобразованномъ видѣ. Едва только появилось
«объявленіе объ этомъ преобразованіи, какъ уже «Отечественныя
«записки» и въ отдѣльныхъ листахъ при афишахъ и въ своемъ
«журналѣ» объявили, что... Но что они тогда писали, вѣрно
«помнить любители библиографическихъ рѣдкостей, а кто забылъ —
«тѣмъ нѣтъ нужды напоминать. Съ той поры это дѣло умолкало
«и возобновлялось (никогда однакожъ со стороны Современника) время
«отъ времени, и читатели еще помнить вѣроятно, какъ вспыхнуло оно
«въ концѣ прошлаго года, при наступленіи подписки на вышедшій.
«Въ одномъ номерѣ «Отечественныхъ записокъ» было напечатано про-
«тивъ «Современника» сорокъ страницъ, въ другомъ шестьдесятъ
«и проч.»

Дѣло — ясное и даже слишкомъ ясно представлено оно редакціей Со-
временника. Должны и мы, съ большою неохотою, согласиться — но
должны также сказать, что не вѣримъ искренности нападокъ Сове-
ременника на тактику Отечественныхъ записокъ и убѣждены напротивъ, —
что его редакція сама готова на тоже самое. Личное раздраженіе на
«Записки» заставило ее возстать на основное правило своей собствен-
ной дѣятельности — и голосъ ея въ этомъ случаѣ, драгоцѣненъ для
исторіи критики только какъ довольно смѣлое сознаніе. Сове-
ременникъ расхваливалъ переводы г. Введенскаго, пока г. Введенскій рабо-
талъ въ Современникѣ, былъ въ восторгѣ отъ его манеры при пере-
водѣ Диккенсова романа: «Домби и сынъ» — и едва только, г. Введе-
скій перешелъ исключительно къ «Отечественнымъ запискамъ» — Сове-
ременникъ пересталъ быть доволенъ его переводами. Эта домашняя исто-
рія была въ свое время обличена довольно жестко Отечественными за-
писками — и, *потому только*, мы о ней упоминаемъ.

Еще фактъ: Отечественныя Записки обвинили переводъ «Разказовъ
о первыхъ Американцахъ въ Техасѣ» Сисфильда, напечатанныхъ тоже

въ «Современникѣ» — въ томъ, что переводъ и небреженъ и сдѣланъ или съ нѣмецкаго языка, или нѣмецкѣмъ, плохо знающимъ русскій языкъ.

«Во-первыхъ — отвѣчаетъ редакція Современника — съ чего же прикажете переводить нѣмецкій подлинникъ, какъ не съ нѣмецкаго? А если редакція неизвѣстно, на какомъ языкѣ писать подлинникъ, то не лучше «ли было скромно умолчать, чѣмъ превратить въ обвиненіе призракъ «собственнаго незнанія».

«Во-вторыхъ, мы убѣждены, что переводъ «Разказовъ» очень хорошъ; но «Отечественныя Записки» конечно этимъ не удовольствовуются; и потому мы должны объявить, что переводъ «Разказовъ» принадлежитъ одному изъ извѣстныхъ русскихъ переводчиковъ, который обогатилъ русскую литературу переводомъ нѣсколькихъ «классическихъ писателей, и котораго переводы (напечатанные не въ «Современникѣ») постоянно и съ большимъ жаромъ одобрялись самими Отечественными Записками.»

Драгоценныя для исторіи литературы признанія! Редакція одного журнала обличается явно въ незнаніи того, на какомъ языкѣ пишетъ одинъ изъ извѣстныхъ иностранныхъ литераторовъ — и съ другой стороны, редакція другаго журнала защищаетъ переводъ неоправданнымъ доказательствомъ, что онъ принадлежитъ переводчику, котораго хвалили... Сколько смѣлости падаетъ на долю и стороны обличенной и стороны обличающей! Самая грустная мысль, которая приходитъ въ голову при чтеніи подобныхъ обличеній — та, что есть въ нихъ нѣкоторое тартюфство и притомъ весьма замѣтное, — что недобросовѣстность подымается на ходули добросовѣстности при обличеніи другой недобросовѣстности, принимается серьезный тонъ, находящійся въ явномъ противорѣчій съ обыкновенными выходками журнала, употребляя этотъ серьезный тонъ, для приглашенія...

«Вотъ что мы сочли необходимымъ — говорить съ «достоинствомъ» въ заключеніи редакція Современника — «поставить на видъ кому слѣдуетъ; печатая обвинительную статью противъ «Современника» должно было бы, кажется, сначала убѣдиться, каковъ переводъ въ собственномъ журналѣ. Конечно, не лзя требовать отъ издателя журнала знанія всѣхъ языковъ, съ которыхъ переводы помѣщаются въ его журналъ: но необходима въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторая осмотрительность, особенно, когда хотимъ обвинять другихъ.»

«Обвиненія эти достаются иногда очень легко: часто случается получить готовую статью, наполненную подобными обвиненіями; но можно

«ли помѣщать ее въ журналъ безъ повѣрки? Авторъ подобной статьи «можетъ имѣть одну цѣль: напечатать свой разборъ чтобы онъ дошелъ «по адресу; но журналистъ долженъ думать и о публикѣ.»

Все это—такъ, но не странно ли слышать подобныя слова отъ «Современника», который явно не думалъ о публикѣ, печатая письма иногородняго подписчика, похождения Черно книжника и большую часть пародій Новаго Поэта?... Кто повѣритъ серьезному тону Современника?

Опять-таки отсутствіе искренности—въ отношеніи къ себѣ самимъ; хотя за то откровенность смѣлая въ обличеніи своихъ противниковъ....

Не менѣе замѣчательны и «Замѣтки Новаго Поэта о русской журналистикѣ за Іюль мѣсяцъ. Г. Новый поэтъ» объявляетъ, что онъ въ деревнѣ. «Повѣрьте,—говоритъ онъ—природа выше вашей поэзій, вашего искусства, (Почему же выше, г. Новый поэтъ—и откуда вы почерпнули такую философію природы—и давно ли вы сдѣлались натурфилософомъ?), выше вашихъ «художественныхъ эстетическихъ, искреннихъ, не искреннихъ и всяческихъ теорій. Эти восходы и закаты солнца, торжественныя и тихія ночи.... (пропускаемъ продолженіе лирической тирады г. Новаго Поэта)» все это я ни за что «не промѣню на ваши пыльные книги, на вашу бѣдную литературу, «на ваши такъ называемыя художественныя и беллетристическія «произведенія, на эти повѣсти, романы, поэмы, драматическія пословицы «безъ пословицъ, на ваши остроумныя критическія и политическія статьи.

Намѣтки тонкіе на то,
Чего невѣдаетъ никто....»

Однимъ словомъ въ аркадію переселился г. Новый поэтъ, теперь онъ вольный житель міра. Онъ, какъ Алеко, готовъ проклинать шумъ и суету городовъ, готовъ пожалуй взывать:

Мнѣ душно здѣсь—я въ лѣсъ хочу.

Но не думайте, «чтобъ свой онъ нравъ и зубы» не взялъ съ собою въ Аркадію. Нѣтъ—заботы о русской литературѣ не даютъ ему покоя и въ степной глуши—и сосѣдъ помѣщикъ, знакомый уже читателямъ Современника, любитель плохихъ стиховъ, каратель русскихъ журналовъ, выводитъ его изъ тихой бесѣды съ природою, и отрываетъ отъ воспоминаній о собственныхъ литературныхъ заслугахъ. Въ самомъ дѣлѣ—будетъ вамъ погружаться въ квіэтизмъ духа, г. Новый Поэтъ, будетъ вамъ исчислять все то, что вы сдѣлали: и сосѣду это уже извѣстно, да и публика оцѣнила уже давно по достоинству все то, что вы сдѣлали дѣйствительно хорошаго. Благодарна она вамъ за

многіа удачныя пародіи на великозвѣтскія повѣсти, на драматическія фантазіи и т. д., — но ждѣтъ чего нибудь новаго; новаго же давно ничего отъ васъ не слышитъ. Даже и въ настоящую минуту, сосѣдъ *всѣ* разбудилъ васъ, разбудилъ даже нѣсколько не въ пору (въ Іюль мѣсяцѣ) на *осенній походъ* противъ враждебныхъ журналовъ, весьма мало интересный для читающей публики.

Осенній походъ открытъ рыпнымъ ратоборцемъ противъ Библиотеки для чтенія — и надобно сказать правду, г. Новый Поэтъ нашелъ достойный предметъ для нападенія. Въ Библиотекѣ для чтенія, въ которой всеобще печатается много странныхъ статей, часто ничѣмъ не объяснимыхъ или объяснимыхъ только съ точки зрѣнія литературнаго цинизма — напечатана статейка «о русской критикѣ вообще по поводу разбора Сборника: Кометы» — статейка исполненная общихъ мѣстъ, самохвальства, неумѣренныхъ похвалъ *своимъ*, и безцеремонныхъ указаній на обѣды какихъ-то критиковъ у Дюссо и т. д.; статья возбуждаетъ чувство весьма непріятное и грустное, какъ за себя, такъ и за факты выставляемые его на позорище; но г. Новый Поэтъ не воспользовался-ею, какъ слѣдуетъ. Правда, что онъ ловко *отдѣлалъ* (техническій терминъ осеннихъ походовъ русской журналистики) несостоятельность убѣжденій Библиотеки для чтенія, поднялъ всю ея старину, напомнилъ, какъ падала она въ прахъ передъ гг. Тимофеевымъ и Бернетомъ, какъ ставила г. Кукольника на одну доску съ Гёте; но о печальныхъ фактахъ, выставляемыхъ статьею, даже не упомянулъ почему-то, и во всей статьѣ отыскалъ только слова «Теперь уже не та публика, какова была лѣтъ десять назадъ» — на которыхъ и оснрвалъ свои послѣдующія разсужденія съ сосѣдомъ помѣщикомъ.

Съ нѣкотораго времени, въ тактику русской критики вошло обыкновеніе весьма старое, употреблявшееся и во времена покойнаго Пушкина, съ нѣкоторымъ впрочемъ измѣненіемъ, доказывающимъ несомнѣнный *прогрессъ*. Во времена Пушкина нѣкоторые журналисты выводили бесѣдующими о русской литературѣ — просвирню, дячка или другія подобныя лица; въ настоящую минуту, являются судьями: сосѣдъ-помѣщикъ и иногородный подписчикъ и проч. Съ ихъ вкусомъ, по мнѣнію г. Новаго Поэта, должна сообразоваться наша литература и журналистика, въ ихъ уста влагаетъ онъ свои самыя рѣзкіе выводы. Быть такъ! Послушаемъ сначала, что скажетъ сосѣдъ помѣщикъ — а за тѣмъ примемъ къ свѣденію и бесѣду журналиста съ подписчикомъ. Начнемъ съ сосѣда-помѣщика.

«А чтѣ съ? проговорилъ мой сосѣдъ, *просыпаясь, звалъ и про-*

«тираля глаза (NB. Самая лучшая минута для того чтобы судить о русской литературе) «нѣтъ ли чего нибудь новинькаго? чего нибудь «адакъ поинтереснѣе? Я, признаюсь, большой охотникъ до романовъ и «повѣстей. Скажите, правда ли, что журналисты имѣютъ въ виду «преимущественно насъ, провинціаловъ, печатая такіе романы, какъ «старый домъ?»

« — Говорятъ.

«Сосѣдь мой покачалъ головою.

«Да неужели же эти господа воображаютъ, что мы лишены всякаго «вкуса въ искусствѣ, что насъ можно угощать чѣмъ ни попало, и что «намъ могутъ нравиться, насъ могутъ занимать нескончаемыя, вялыя «и безталанныя подражанія Казановъ, Ал. Дюма и «*тремя странами свѣта.*»

Здѣсь мы въ правѣ спросить, на что именно жалуется сосѣдь — на самыя ли романы, въ родѣ Дюма или «Трехъ Странъ свѣта» или только на еще болѣе *безталанныя* подражанія? Ясно, что сосѣдь кривитъ маленько душою, не смѣетъ коснуться самого корня зла. «Три страны свѣта» не смотря на нѣсколько сносныхъ и на немного замѣчательныхъ главъ, надобно вѣсѣмъ не менѣе «Старого дома», а «Мертвое озеро» Современника, о которомъ сосѣдь нарочито не упоминаетъ, какъ несравненно болѣе длинное — еще болѣе. Что не касается до романовъ Дюма, то любовь къ нимъ показываетъ только грубость вкуса сосѣда г. Новаго Поэта.

Новый Поэтъ возражаетъ сосѣду, что не откуда взять хорошихъ оригинальныхъ повѣстей и романовъ. Сосѣдь весьма основательно совѣтуетъ печатать переводныя, и весьма основательно же спрашиваетъ, «для чего одни и тѣ же романы переводятся въ одно и то же «время въ разныхъ журналахъ? Многіе изъ насъ подписываются на три журнала. Согласитесь, что для насъ непріятно встрѣчать въ этихъ «журналахъ одно и тоже?»

На этотъ упрекъ сосѣда, Новый Поэтъ пускается въ такія объясненія и признанія, которые своею безперемонностью всѣ превосходятъ всѣ извѣстныя.

«Я очень понимаю это — говоритъ г. Новый Поэтъ — «и совершенно «вхожу въ ваше положеніе: журналисты такъ же очень хорошо понимаютъ, что это должно быть для васъ непріятно, но... но, вотъ «видите ли, я не знаю до какой степени это справедливо, по крайней «мѣрѣ, я слышалъ такъ, и довольно изъ вѣрныхъ источниковъ.... «наши журналисты не имѣютъ другъ съ другомъ никакихъ сношеній;

«они хотя и знакомы между собою, но смотрят другъ на друга обыкновенно изъѣдлѣвъ, мрачно, какъ ни непримиримыхъ соперниковъ, какъ на жестокихъ враговъ, они перебиваютъ другъ у друга статьи оригинальныя и переводныя, и каждый изъ нихъ думаетъ переманить этимъ у другаго подписчиковъ. Если одному журналу удастся на примѣръ, начать печатаніе переводнаго романа прежде другаго, то этотъ другой вдругъ падаетъ на переводъ, напечатанный въ журналъ его соперника, и посвящаетъ на разборъ этого перевода цѣлыя печатныя листы, для того, чтобы доказать публикѣ, что переводъ никуда негодится. *«Пожалуйте сюда — кричитъ онъ, — что вамъ угодно съ? Милости просимъ-съ пожалуйте-съ къ намъ: у насъ самый лучший и переводный и оригинальный-съ товаръ-съ, все что вамъ угодно-съ.»*

До истиннаго самопожертвованія простирается здѣсь откровенность г. Новаго Поэта! Кто не видитъ, что нападая на соперниковъ, онъ обличаетъ и тактику своего журнала — что все это точно правда, но правда, купленная собственнымъ опытомъ. А между тѣмъ — и мы спросимъ какъ сосѣдь: «Боже мой! не ужели это правда?» — спросимъ съ ужасомъ. Неужели эти *завывы*, эти мелкія вражды находятъ мѣсто въ журналахъ, которые некогда обличали такъ ловко, такъ безошадно, такъ справедливо-гнѣвно всѣ подобныя явленія — въ то давно прошедшее время, когда печаталась повѣсть «Тля» — эта гогартовская картина темныхъ угловъ русской литературы? О благородный авторъ «Тли» заключившій свою мрачную и грустную повѣсть, утѣшительными словами:

«Но благъ Господь — онъ знаетъ срокъ

И выпшетъ утро на востокъ!»

Что скажешь ты теперь, читая безцеремонныя признанія г. Новаго Поэта? . До какого страшнаго цинизма дошли мы въ лѣто 1851 г.

И чему же радуется г. Новый поэтъ, повторяя безпрестанно «теперь уже не та публика, какова была лѣтъ десять назадъ». Не тому ли, что эта публика смотритъ теперь равнодушно на продѣлки литературныхъ торгашей, находитъ вкусъ въ ихъ циническихъ признаніяхъ, тѣшится ихъ *перебранками*? не тому ли, что для нея равны теперь журналы, что вездѣ и повсюду встрѣтитъ она въ опредѣленное время года «Осенніе походы?... Есть чему радоваться, нечего сказать — и далеко шагнула въ десять лѣтъ русская критика!...

Выслушавши *теорію завыва*, такъ ясно изложенную г. Новымъ Поэтомъ, сосѣдь здумался, и взявъ со стола З Н Отечественныхъ Записокъ.

«По позвольте—сказалъ онъ:—вѣдь нельзя же на примѣръ, чтобъ «не замѣтить», что переводъ дурень, что романъ вмѣсто перевода съ «оригинала, съ англійскаго, переводится, какъ напримѣръ въ «Современникъ» съ нѣмецкаго. Это ни на что не похоже! Вотъ что справедливо замѣтили «Отечественныя Записки» о переводѣ *Разсказовъ о первыхъ Американцахъ въ Техасъ.*»

А оказывается, что Сисфильдъ писалъ по-Нѣмецки. Промахъ въ самомъ дѣлѣ забавный—но не Современнику бы говорить о немъ. Надобно вспомнить, какъ въ Современникъ выдавался за *оригинальную* статью, составленную по источникамъ, переводъ книги Мишельса, какъ въ немъ тоже *по источникамъ* составлялась статья о Ричардсоновой Клариссѣ, какъ въ немъ Бенъ Джонсонъ смѣшивался съ докторомъ Самуиломъ Джонсономъ, какъ въ немъ выраженіе un viellard спсого верт переводилось: зеленый старикъ и т. д.

Любопытно, какъ г. Новый Поэтъ разсуждаетъ о промахѣ Отечеств. Записокъ въ отношеніи къ книгѣ Сисфильда.

«Конечно»—говоритъ онъ съ свойственнымъ ему великодушіемъ—«это не большой промахъ; но Отечественнымъ Запискамъ не мѣшало «бы, прежде обвиненія справиться, на какомъ языкѣ писанъ оригиналъ. «Извѣстна поговорка: «поспѣшишь—людей насмѣшишь», говоря ихъ «же словами. И знаете ли что? *не будь разказы о Техасъ напечатаны сначала въ «Современникъ»—объ этомъ переводъ въ тѣхъ же Отч. Зап. былъ бы отзывъ гораздо благосклоннѣе; тогда «можетъ быть и промаха бы не было.*»

Сосѣдъ улыбается и «Новый Поэтъ» въ такомъ восторгѣ отъ его понятливости, что опять восклицаетъ:» Милостивые государи, провинція уже не та, что была *десять лѣтъ назадъ тому!*...

Сосѣдъ, вѣроятно *возгордившись*, отъ такой *апробаціи* пускается въ сужденіе и объ ученыхъ статьяхъ, и по поводу статьи г. Буслаева, говорить, что въ журналахъ не слѣдуетъ печатать ученыхъ изслѣдованій. «Я думаю, что сосѣдъ мой правъ», замѣчаетъ кратко и глубоко-мысленно г. Новый Поэтъ. Оно конечно—правъ и сосѣдъ помѣщикъ, если исключительно для него будутъ издаваться журналы.

Последняя выходка г. Новаго Поэта и его сосѣда, относится исключительно къ намъ—именно, къ статьѣ о г-жѣ Самойловой, напечатанной въ XIII N Москвитянина. Это бы еще ничего, что статья обвинена въ выпискахъ изъ Ретшера, тогда какъ въ ней всего одна только выписка—эпиграфъ; до Ретшера и до другихъ мудреныхъ вещей г. Новый Поэтъ съ его сосѣдомъ не доходили, но замѣчательно то, что

привилегированный судья журпала, въ которомъ изобрѣтена была не вѣдомая никому «беззвучная музыка» (въ статьѣ о стихотвореніяхъ г. Огарева)—выловилъ въ нашей статьѣ выраженіе «энергія слабости», и привѣсилъ его къ употребленію травника, что очень *понравилось* сосѣдямъ его помѣщикамъ. На здоровье! желаемъ и г. Новому Поэту и сосѣдямъ его вкушать травникъ съ *Энергією слабости*—только боимся, чтобы слѣдствіемъ такого вкушенія не была *слабость энергіи*.

Вслѣдъ за своимъ письмомъ, г. Новый Поэтъ помѣстилъ «Бесѣду журналиста съ подписчикомъ». «Публика, журпалы, журналисты, «соперничество! подписчики!»... восклицаетъ онъ въ предувѣдомленіи. «Взявшись писать о русскои журналистикѣ, въ послѣднее время я «такъ много думалъ обо всемъ этомъ, что въ головѣ моей образовалась цѣлая поэма, въ которой долженъ отразиться характеръ современной нашей журналистики. Я далъ моей поэмѣ драматическую форму, «я теперь дѣлательно пишу ее. Котъ первая Бесѣда, или первая часть «моей драматической поэмы; надѣюсь, публика прочтетъ ее съ любопытствомъ и благодарностью: я думаю, еще ни одинъ литераторъ «такъ горячо не хлопоталъ объ интересахъ публики, какъ хлопочу я «въ моей поэмѣ. И дай Богъ, чтобъ усилія мои принесли плодъ!»

Сильно сомнѣваемся мы, чтобы принесла какой нибудь плодъ поэма г. Новаго Поэта, не смотря на свое безспорное остроуміе, на свои мѣткія и злыя выходки—и сомнѣваемся такъ не безъ основаній. Въ ней нѣтъ того, что живительно дѣйствуетъ на публику—нѣтъ жара негодованія, нѣтъ той благородной основы, на которой построена повѣсть «Тя», нѣтъ идеала, который бы сознавался сатирикомъ, въ противоположность хаотическому состоянію, имъ изображаемому. Сатирикъ стоитъ въ уровень съ предметомъ сатиры, не отличался и не желая отличатся отъ того, что изображаетъ,—передавая съ какой-то сластью или равнодушіемъ разные грязные или смѣшные факты. Одно уже то, что провинціальный подписчикъ избранъ представителемъ здраваго взгляда и судією литературы, наводитъ на размышленія весьма грустныя. Мы согласны конечно съ подписчикомъ, что:

Читателей у насъ, что годъ то шире кругъ.
По милости правительства и Бога,
Намъ къ просвѣщенію широкая дорога,
Открыта....

Но, вѣдь ежели не сложившаяся еще во мнѣніяхъ, разнообразная масса читателей станеть изъявлять свои разпообразныя и ей самой

не ясныя требованія, то кого прикажете слушать? въ литературѣ выйдетъ такая разнобоярщина, что Боже упаси, и по неволѣ придется прибѣгнуть опять къ какому нибудь мѣрилу.

Журналистъ, изображенный г. Новымъ Поэтомъ, говорить, что съ юныхъ лѣтъ онъ принесъ все въ жертву корректурѣ, что.

Кто что ни говори - безъ вѣрной корректуры,

Нѣтъ настоящихъ книгъ и лѣтъ литературы.

Не любите стиховъ, отличается положительностью и т. д., черги извѣстныя. Къ нему является

Помѣщикъ Свистуновъ—привзкій изъ Уѣм.

И журналистъ, сознавая всю свою рабскую зависимость отъ подпичиковъ, обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью.

•Садитесь, очень радъ. Какъ розы среди терній,

Какъ свѣтлый ручеекъ во глубинѣ степей—

Цвѣтисто говоря—такъ жители губерній.

Пріятны намъ всегда. Вы щедростью своей,

Поддержисая насъ, конечно заслужили

Чтобъ полное имъ къ вамъ почтеніе хранили—

И если въ микроскопъ разсматривать меня

Охота вамъ придеть—я долженъ согласиться».

Эта рѣчь не требуетъ кажется комментаріевъ, но за то возбуждаетъ невольно вопросъ: какимъ образомъ и отъ чего дошла журналистика до такого постыднаго униженія? На вопросъ этотъ отвѣчать впрочемъ довольно легко. Самъ журналистъ, изображенный г. Новымъ Поэтомъ, не смыслить толку ни въ чемъ, кромѣ корректуры, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ денежной, потерялъ способность различать хорошее и дурное—и восклицаетъ наивно:

•Ум! не знаемъ мы цѣны самимъ себѣ.

И ошупью бредемъ въ какомъ-то полумракѣ!

Ктожъ можетъ этотъ путь тернистый освѣтить?

Кто на дурное намъ беззлобно укажетъ?

Кто за хорошее намъ благодарность скажетъ,

Умъ покаратъ, умъ и проститъ?»

«Конечно, публика.... отвѣчаетъ подписчикъ», Конечно публика, повторимъ и мы за нимъ, нисколько не отвергая значенія общаго голоса—но кто отвѣтитъ на вопросъ журналиста тогда, когда публика еще не сложилась въ общую массу, и почему иногородный подписчикъ-помѣщикъ, читающій послѣ обѣда, для препровожденія времени-представитель публики, и почему съ его вкусами долженъ

сообразовать и духъ и тонъ и содержаніе журнала — журналистъ. Подписчикъ сердится напримѣръ на отдѣлъ наукъ и говоритъ, что все это:

Бить можетъ и прекрасно,
 Да только тяжело, скотворно и неясно,
Имѣйте, батюшка, слова мои въ виду!
 Притомъ, какіе вы трактуете предметы:
 «Проказы домашнихъ, пословицы, примѣты,
 «О роли пѣтуха въ языческомъ быту,
 Значеніе кочерги, исторія ухвата.

Подписнику, читающему для сваренія желудка, конечно не могутъ нравиться не только такія спеціальныя изслѣдованія, но даже и широкая по своему объему статья г. Буслаева, объ эпической поэзіи, но журналисту непозволительно слушать его праздный и невѣжественный отзывъ, и, заодно съ нимъ, подсмѣиваться надъ наукою. Притомъ, едва ли и въ матеріальныхъ расчетахъ не ошибется журналистъ въ этомъ случаѣ слишкомъ увеличивая число тѣхъ читателей, которые вмѣстѣ съ г. Свистуновымъ и критиками «Библиотеки для чтенія» *тышатся* надъ спеціальными изслѣдованіями. Подписчикъ, бесѣдующій съ журналистомъ, по своему повнимаетъ пользу журналовъ:

Вы разбиваете охоту къ просвѣщенію.
 Вы примиряете насъ съ собственною лънью.

Говорить онъ между прочимъ, и журналистъ его слушаетъ и ретасіишъ согласіишъ сознается, что точно его задача — *примирять помилщиковъ съ ихъ собственною лънью*. Да и какъ же не согласиться ему въ этомъ, когда въ слѣдъ за этою пиллюлею, подписчикъ подноситъ ему *существенное*:

И вамъ всегда открытъ охотно нашъ карманъ.

Карманъ!... вотъ основная пружина всего, вотъ почему журналистъ будетъ браниться съ другими своими собратіями, — чтожъ я дѣлать стану; говорить онъ откровенно.

Когда меня бранятъ, колотятъ по карману!

Вотъ почему, онъ готовъ дать себя разсматривать въ микроскопъ какъ букашку и сдѣлать что угодно, вотъ почему свель онъ свой

журналъ на степень средства для сваренія желудка провинціального читателя. И подписчикъ помѣщикъ въ правѣ понимать по своему пользу журналовъ.

Насъ опытъ научилъ, что, безъ статей журнальничь,

Осеннихъ вечеровъ дождливыхъ и печальныхъ

Намъ некуда дѣвать.

Только не въ правѣ думать подписчикъ-помѣщикъ, что отъ такого чтенія разсѣвается туманъ невѣжества, не въ правѣ и такой журналистъ утѣшать себя мыслию, что онъ работаетъ на пользу просвѣщенія.

Довольно. Мы дошли до крайнихъ границъ—и не остановимся уже ни на рѣзкихъ выходкахъ подписчика противъ осеннихъ походовъ, ни на цинической бесѣдѣ редактора журнала съ его *чернорабочими*. Мы отмѣтили всѣ грустные факты, которые представила въ такомъ изобилии полемика Современника, во вредъ своимъ соперникамъ и во вредъ самой себѣ. Пора перейти къ литературной части.

Мертвое озеро. Части одиннадцатая и двѣнадцатая. Авторы «Трехъ Странъ свѣта» остались необыкновенно вѣрны самимъ себѣ въ «Мертвомъ озерѣ»—а въ особенности вѣрны своимъ любимымъ идеаламъ. Неживется имъ безъ чувствительныхъ, добродѣтельныхъ и любящихъ нѣмцевъ. Мы думали было до одиннадцатой части романа, что не встрѣтимся съ нѣмецкимъ субъектомъ, который надобѣлъ всѣмъ читателямъ «Трехъ странъ», въ лицѣ нѣмца-башмачника. Нѣтъ! поговорка что «on revient toujours a ses premiers amours» какъ видно сбылась надъ авторомъ. Въ «Трехъ странахъ свѣта» былъ одинъ нѣмецъ—да и тотъ жиденькій, сладенькій—здѣсь есть таковой же, но вдобавокъ является еще другой нѣмецъ, сигарочный фабрикантъ Августъ Штукенбергъ, идеалъ всевозможныхъ домашнихъ и общественныхъ добродѣтелей, порядка, мудрой экономіи и т. д... Странное чувство только испытывали мы, читая *умилительное* и довольно длинное описаніе хозяйства г. Штукенберга: намъ припоминались иные далекіе годы, блаженные годы ранней юности, когда еще читались романы этого рода. Въ одномъ, сколько мы помнимъ, изображены два помѣщика, одинъ г. Руссовъ съ ярлыкомъ на лбу: добродѣтель и порядокъ: другой—съ ярлыкомъ: развратъ и безпутство. Описаніе хозяйства г. Штукенберга, по тону своему и колориту, точь въ точь описаніе домашняго обзаведенія съ тѣхъ поръ извѣстнаго,

«Внутренній порядокъ фабрики соответствовалъ наружному ея виду. Въ опредѣленный часъ и минуту, мастеровые вставали, садились за работу, шли завтракать, обѣдать, ужинать, ложились спать. На дворѣ, въ свободные часы, играли въ бабки, чехарду и другія русскія игры, которыя, если иногда переходили въ драку, то зло прекращалось, въ самомъ началѣ, дядькой изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, который наблюдалъ за порядкомъ на дворѣ и въ домѣ мастеровыхъ: онъ вмѣстѣ съ ними жилъ и зналъ ближайшимъ образомъ характеръ каждаго изъ нихъ. Со двора отпускались какъ мальчики такъ и наемные мастеровые въ будни только въ случаѣ дѣйствительной надобности, а въ праздники—до известнаго часа и за промедленіе дѣлались денежныя штрафы. За пьянство и буйство немедленно отказывалось отъ мѣста, а съ мальчиковъ строго взыскивалось. (Нужно бы для совершенной *статистической* отчетливости сказать, какъ именно взыскивалось и т. д.) Женщины, работавшія внизу, на ночь расходились по своимъ квартирамъ и на фабрику оставался только мужской полъ. Вообще хозяинъ строго наблюдалъ за нравственностью мастеровыхъ, и *расчитывалъ на этомъ* свою и ихъ собственную пользу; одинъ здоровый и благообразный видъ мастеровыхъ свидѣтельствовалъ уже о пользѣ строгихъ мѣръ хозяина. Лицо съ заспаннми или подбитыми глазами рѣдко встрѣчалось въ мастерскихъ Августа Штукенберга, даже послѣ большихъ праздниковъ, когда половина мастеровыхъ другихъ фабрикъ вовсе не являлась на свою фабрику ни съ цѣлыми, ни съ подбитыми глазами. Условіи, съ которыми мастеровые Штукенберга отпускались со двора, заставляли ихъ иной разъ отказаться отъ публичныхъ гульбищъ и проводить праздники дома въ полезныхъ занятіяхъ или въ удовольствіяхъ дешевыхъ и безвредныхъ. Такимъ образомъ мастеровые Штукенберга легко уплачивали свой оброкъ и имѣли деньги на черный день. Сверхъ того, удаленіе отъ публичныхъ гульбищъ и развлеченій внѣ дома, поселяло въ нихъ охоту къ грамотѣ, которой они незамѣтно выучивались одинъ отъ другаго, и рѣдкій мастеровой на фабрику Штукенберга былъ неграмотный.»

Мы не споримъ, что все это очень назидательно, но ради чего хозяйственные утопіи попали въ беллетристическое произведеніе, недоумѣваемъ.

Нѣмцевъ рисовать легко, и въ особенности легко рисовать ихъ такъ, какъ рисуютъ авторы «Трехъ странъ свѣта» этаго, знаменитаго произведенія, которому, какъ свидѣтельствуется сосѣдъ г. Новаго

поэта, кто-то подражаетъ и неменѣе знаменитаго или извѣстнаго быть знаменитымъ «Мертваго озера» совокупить нѣсколько домашнихъ добродѣтелей въ одномъ лицѣ—и выдать Августъ Штуценбергъ, идеаль сигарочнаго фабриканта, съ нѣкоторыми пожалуй недостатками, или лучше сказать крайностями добродѣтелей: Недостатки его, необходимые при добродѣтеляхъ—такъ же не личные недостатки, какъ не личны добродѣтели. Такъ напримѣръ—идея порядка доходить въ немъ до нѣкоторыхъ крайностей, — такъ самолюбіе старочнаго фабриканта выражается въ слабыхъ сторонахъ — но это ничего: есть и въ солнцѣ пятна, есть слабости человѣческія и въ Августъ Штуценбергъ.

Другой нѣмецъ—Генрихъ; юноша истинно назидательный: благоправно его, честности, способности любить нѣтъ предѣловъ; онъ влюбленъ въ Сашу, дѣвицу звающую шить и кроить по мѣркѣ, и отношенія ихъ самыя идиллическія. Въ какой степени желанія Генриха отличаются нѣмецкою невинностью, показываетъ всего лучше слѣдующее происшествіе, случившееся съ нимъ, во время перехода отъ отрочества къ юности, когда наскучило ему ходить въ сѣрой курткѣ.

«Неизвѣстно, долго ли еще Генриху пришлось бы одѣваться и жить «дитятей, если бѣ одно обстоятельство не измѣнило взгляда Августа «Иваныча на своего воспитанника. Генрихъ до тѣхъ поръ, какъ лишился общества Гарелина (NB. Гарелинъ, прикащикъ и въ добавокъ еще художникъ, непонятная натура) «началъ сильно скучать, но не рѣшился «отправляться у Августа Иваныча со двора, боясь, что это ему «не понравится. Немного мечтательный, онъ развилъ въ себѣ эту «наклонность чтеніемъ нѣкоторыхъ романовъ (NB. Должно быть Клаурена—юные нѣмцы другихъ романовъ не читаютъ) «сталъ особенно «тосковать по природѣ, завидовать свободной жизни прикащиковъ «въ праздники, и вотъ, наконецъ, все это выразилось у него чисто-«сердечно и довольно оригинальнымъ образомъ.»

Дѣйствительно оригинально—и, главное, удивительно невинно выразилось желаніе Генриха:

«Въ жаркій лѣтній вечеръ Генрихъ сидѣлъ въ кабинетѣ съ Августомъ «Иванычемъ и окончивалъ счеты; но мысли его были давно уже «заняты не тѣмъ, и мечтатель, на начатомъ счетѣ, вдругъ бойко «началъ писать смету расходовъ на разныя принадлежности костюма... «Надо замѣтить, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, Августъ «Иванычъ, обѣщалъ положить ему жалованье. Цѣны по сметѣ полагались «впрочемъ слишкомъ скромныя, за которыя можно было бы получить «предполагаемыя вещи развѣ только на Толкучемъ рынкѣ. За сметою

«явилась, довольно хорошо удавшаяся, нога на высокомъ каблукѣ, обшита въ приходившумся на ея долю часть панталонъ и т. д...»

Таковую же невинность желаній сохранялъ Генрихъ и тогда, когда Августъ Иванычъ положилъ ему малованіе. Вообще, о Генрихѣ можно сказать, что онъ возрасталъ въ всѣхъ возможныхъ моральныхъ совершенствахъ, въ любви и въ уваженіи къ нему окружающихъ, какъ говорилось встарь о разныхъ герояхъ, вѣмцахъ и не вѣмцахъ. Но самая добродѣтель Генриха погубила его. Не будь Генрихъ такъ добродѣтеленъ, не поручилъ бы ему Августъ Штукенбергъ отвезти въ городъ ВВ сорокъ тысячъ, а не отвози Генрихъ этихъ несчастныхъ сорока тысячъ, не случилось бы тѣхъ трогательныхъ событій, которыя его привели въ отчаяніе, а авторамъ романа дали матеріалу на цѣлыхъ двѣ части. Событія эти мы расскажемъ вкратцѣ, отсылая охотниковъ до *умилительнаго* къ самому роману. Извольте видѣть, у Саши, предмета страсти юнаго Генриха, есть отецъ, спившійся съ кругу, а у отца—знакомый, Винтушевичъ, занимающійся разными *художествами*. Надобно сказать, что и спившійся съ кругу отецъ и *художникъ* Винтушевичъ изображены очень хорошо, и гораздо болѣе—личности, чѣмъ добродѣтельные вѣмцы. Винтушевичъ даже оригиналенъ, и если бы мы не боялись утомлять читателей вѣписками, то непременно познакомили бы ихъ съ мастерки написаннымъ очеркомъ его жизни и дѣятельности, но ограничиваемся только указаніемъ на это очень хорошее мѣсто. Винтушевичъ, перерядившись является къ Штукенбергу, ловить его самолюбіе на удачку, выхваляя его сигары, и вызывается быть попутчикомъ юному Генриху. Юный Генрихъ въ дорогѣ никакъ не поддается на разныя искушенія, но все таки обкраденъ самымъ мошенническимъ манеромъ. Разумѣется, онъ въ отчаяніи. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ ему достать сорокъ тысячъ? Кто его выручитъ? Не бойтесь добрые читатели, вы забыли, что у авторовъ романа есть въ запасѣ Иванъ Софронычъ съ его тайной. Опять на сценѣ Иванъ Софронычъ, онъ узнаетъ въ Генрихѣ свою тайну т. е. искомаго сына какаго-то Александра Ѳомича. Начинается мелодрама, да какая! трогательная, жалостная! старику негдѣ взять денегъ. Новый управляющій Тавровскаго обвинилъ его по счетамъ, и Тавровскій, этотъ великодушный, хотя странный и капризный человекъ, позволилъ своему новому управляющему, ограбить Ивана Софроныча. Выручаетъ Ивана Софроныча Гриша, влюбленный въ Настю. Но оказывается, что принесенныя деньги Гриша укралъ. Новое горе, которымъ и кончается двѣнадцатая часть. Въ тринадцатой части мы вѣрно познакомимся еще съ новыми quasi—

лицами, а когда узнаемъ что нибудь о старыхъ — это известно только авторамъ романа, который обѣщаетъ кажется разстануться на сто частей.

Широкая натура, повесть г. Серебрицкаго.

Повесть «Широкая натура» служить свидѣтельствомъ удивительнаго обмѣльня, до котораго дошла петербургская литература. Авторъ пишетъ довольно легко, и изображаетъ довольно живо знакомую ему сферу жизни театраловъ, лоретокъ, завтраки у рестораноу и т. д. — но во все это не внесъ онъ ровно никакой мысли (подразумѣвается, мысли художественной) и потому до всего этого, никому не можетъ быть дѣла. Притомъ въ этомъ родѣ, онъ могъ быть только подражателемъ даровитаго Григоровича, котораго «похожденія Накатова» исчерпали кажется всѣ вышнія черты жизни такихъ широкихъ натуръ, надъ какими вздумалось посмѣяться г. Серебрицкому. Въ этомъ родѣ можно указать такъ же на «Ивана Савича Поджабрина» г. Гончарова, расказъ, въ которомъ мірокъ лоретокъ, большихъ завтраковъ и маленькихъ ужиповъ, изображенъ очень хорошо. Пустота содержанія не выкупается у нашего автора, какъ у этихъ даровитыхъ писателей, мастерскими подробностями.

Въ смѣси VIII N Современника есть еще расказъ «Знакомая не знакомка» расказъ ровный, гладкій, чистенькій, и весьма мало интересный. О специальныхъ статьяхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Г.

Библиотека для чтенія. Июнь и Июль N N 6-й и 7-й.

Мачиха, повесть Лейлы. О ней мы уже говорили при появленіи ея начала. Мы замѣтили тогда, что въ Мачихѣ не было даже содержанія. Впрочемъ къ концу второй части, и въ напечатанной теперь третьей, появилось нѣчто какъ бы похожее на завязку. Но смыслъ всей этой повѣсти все еще остается для насъ загадкою, равно какъ непонятнымъ кажется намъ и то, зачѣмъ нужна была въ ней вся первая часть. Пожалуй, если сообразить начало этой повѣсти, гдѣ падчерица постоянно бранится съ мачихой, и конецъ, гдѣ эта послѣдняя оказываетъ первой очень значительное благодѣяніе, обнаруживая истинно материнскую любовь, то можно подумать, что авторъ хотѣлъ показать, какъ иногда высокая любовь бываетъ не оцѣняема, и какія иногда бываютъ мачихи, но вѣдь подобныя сентенціи не могутъ быть положены въ основу повѣсти. Гораздо естественнѣе было бы построить повѣсть на характеръ Армалева, и столкновеніи его съ Лентовой, что, кажется, и имѣлъ, отчасти, въ виду авторъ; но въ такомъ случаѣ, повторя-

смь, первая часть оказывается совершенно лишнею. Очевидно, что авторъ не умѣлъ, или не хотѣлъ обдумать хорошенько сюжета своей повѣсти, и потому вышло что-то смутно: и странное.

Что касается до *Стараго Матроса*, стихотворенія Г. Миллера, то стихъ его гладокъ и довольно звученъ, но само оно, по содержанію принадлежитъ къ несовсѣмъ удачнымъ стихотвореніямъ въ фантастическомъ родѣ. Конечно могутъ сказать, что это преданіе, которое потому и интересно, что характеристично. Но преданіе преданіямъ рознь, и нельзя не согласиться, что въ основу этого положено что-то чисто условное, не представляющее общаго поэтического интереса, который потому и разсѣлянъ весь на подробности, картины и т. д. Въ повѣстическомъ произведеніи, переданномъ намъ Г. Миллеромъ, сдѣлаво все, что было можно изъ этого преданія, но само-то по себѣ оно очень скудно, и вмѣстѣ съ тѣмъ причудливо, — чтобы не сказать болѣе. Есть мѣста эффектныя, которыя очень хорошо переданы переводчикомъ, но въ цѣломъ стихотвореніе оставляетъ какое-то странное чувство, очень далекое отъ поэтического настроенія, производимаго на пр. извѣстнымъ подражаніемъ восточнымъ стихотворцамъ, Пушкина. Впрочемъ конечно някто не станетъ сомнѣваться въ пользу знакомства Русской публики съ такими иностранными произведеніями, какъ старыи Матросъ, и притомъ въ такомъ прекрасномъ переводѣ, какъ переводъ Г. Миллера.

Чабаны — Разсказъ А. Котляревскаго, есть очеркъ изъ степной жизни пастуховъ, живущихъ и бродящихъ неразлучно съ своими стадами. Г. Котляревскій, кажется, довольно хорошо знаетъ описываемый имъ бытъ, и потому едва ли бы не лучше было, если бы онъ просто описывалъ его, не давая своимъ разсказамъ драматическаго движенія, для чего, кромѣ знанія обычаевъ и вообще мѣстнаго, нуженъ еще особый талантъ, особенное знаніе. Мы и не отказываемъ ему положительно въ этомъ талантѣ, который замѣтенъ на пр. въ изображеніи характера Приски, но думаемъ, что если авторъ хочетъ давать своимъ разсказамъ форму художественныхъ произведеній, то долженъ обратить больше вниманія на эту сторону, нежели сколько обращалъ до сихъ поръ.

Въ отдѣлѣ наукъ и художествъ іонской и іюльской книжекъ помѣщены: *Суздальскія древности* — А. Терещенко — статья, представляющая много интересныхъ свѣденій, хотя и довольно сухая по изложенію, для періодическаго изданія. *Италіянскіе поэты среднихъ вѣковъ, Путешествіе и труды Августа Лейарда въ древней Ассиріи...* статья четвертая, съ оченъ любопытными рисунками, и въ особенности интересныя: *Очерки быта лѣсныхъ звѣропромышленныхъ инородцевъ*

восточной сибиря — И. Корнилова, какъ потому, что касаются нашего отечества, такъ и потому что по ловкому изложению читаются легко и съ удовольствіемъ.

Разборъ «Кометы» въ отдѣлѣ критики выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, поэтому мы и рѣшаемся посвятить ему нѣсколько времени. Авторъ, не приступая еще къ разсмотрѣнію статей, помѣщенныхъ въ Альманахѣ, говоритъ въ предисловіи о жалкомъ состояніи критики въ нашей литературѣ, причинахъ этого обстоятельства, и наконецъ уже предлагаетъ, какъ образецъ, свою критику «Кометы». — Все это, какъ видите, очень интересно, и могло бы повести къ дѣльнымъ и основательнымъ мыслямъ, если бы не мѣшало рецензенту особенное состояніе духа, не сохотѣлъ удобное для обсуждения чего бы то ни было. Но онъ очевидно сердитъ на нашихъ критиковъ, и если и есть нѣсколько правды въ томъ, что онъ говоритъ объ нихъ; то остается еще неудовлетворительно рѣшеннымъ вопросъ о томъ, сердитъ ли онъ на нихъ за ихъ дѣйствительные недостатки, каковы выставленные имъ: произвольность сужденій о появляющихся произведеніяхъ, пристрастіе къ разнымъ писателямъ и проч., или за что нибудь другое. Вѣдь вотъ Г. Масальскій, басни котораго разбираются въ июльской книжкѣ Библіотеки для Чтенія, тоже по видимому *оттазалъ* критиковъ изъ любви къ правдѣ, за ихъ дѣйствительные недостатки, а между тѣмъ невольно кажется, что была какая-то другая причина, побудившая его написать басни: *Волынка и трещетка* и *Сычъ*. — Кажется же это потому, что всякій умѣетъ отличить негодованіе, возбужденное чѣмъ нибудь вреднымъ и недостойнымъ вообще, отъ озлобленія происшедшаго въ слѣдствіе какихъ нибудь болѣе близкихъ къ автору или журналу причинъ. Тонъ нѣкоторыхъ выраженій въ названныхъ нами басняхъ Г. Масальскаго по этому не безъ основанія поразилъ рецензента Библіотеки: точно также поражаетъ и насъ напр. слѣдующее мѣсто въ разборѣ «Кометы».

Говоря о томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ суть люди, «которые еще не успѣли обжиться, не получили вѣрнаго самостоятельнаго взгляда и обратились къ литературѣ, какъ средству для пополненія своего жизненнаго бюджета», критикъ вдругъ восклицаетъ «Вотъ кто теперь судитъ гениевъ и талантовъ, кто *рѣшаетъ участь* (?) гениальныхъ, талантливыхъ, даровитыхъ ученыхъ и литераторовъ; что налагаетъ на васъ свою неуклюжую лапу, мнетъ самыя вѣжныя кружева и блонды, топчетъ цвѣты, толкуетъ о душистости георгинъ и камелій, о приторности ананасовъ и ароматѣ устрицъ» и т. д. Кто же такъ сердится за дѣло общее, каково дурное направленіе критики

въ литературѣ. Если и сердятся на это, то сердятся другимъ образомъ. Притомъ какая польза въ этихъ горячихъ фразахъ, которыя обличаютъ только въ авторѣ способность горячиться, не принося никому никакой пользы. Ни критикамъ, потому что кто же изъ нихъ приметъ на свой счетъ фразы подобныя приведеннымъ выше, ни читателямъ, потому что не могутъ же они повѣрить, чтобы единственно благонамѣреннымъ критикомъ въ Русской литературѣ былъ одинъ Г. Никитенко и потому, конечно, сочтутъ все сказанное о другихъ критикахъ пристрастнымъ и лишеннымъ основанія. — Такимъ образомъ первая, вступительная часть критики на «Комету» оказывается рѣшительно бесполезною, потому что носить на себѣ явный отпечатокъ каприза и раздражительности. Точно также мало удовлетворительна и вторая часть, гдѣ собственно разбираются произведенія, помѣщенные въ «Кометѣ», и толкуется о талантѣ ихъ авторовъ. Не удовлетворительна она во первыхъ потому, что поражаетъ рѣшительнымъ своеволіемъ критика въ произнесеніи своихъ сужденій, и собственно даже не можетъ быть названа критикой, а во-вторыхъ потому, что не соответствуетъ даже тѣмъ условіямъ критики, которыя изложены, какъ необходимыя въ первой части статьи. — Въ тѣхъ рѣзкихъ и по большей части бездоказательныхъ приговорахъ, какія произносятся критикомъ о статьяхъ напечатанныхъ въ «Кометѣ» совсѣмъ не видно употребленія «критическаго хлороформа», который рекомендуется имъ для «усыпленія самолюбія автора» и для «снятія съ его таланта всѣхъ рѣзкихъ недостатковъ». — Странно же въ самомъ дѣлѣ забывать въ концѣ статьи, что пишешь въ началѣ. Вообще критическая статья, о которой идетъ рѣчь, написана какъ видно съ горяча, не достаточно обдуманна, и потому заслуживала бы мало вниманія, если бы не отличалась рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ, который можетъ иногда сбить съ толку легковѣрныхъ. Это послѣднее обстоятельство и побудило насъ заняться ею довольно долго.

Литературная лѣтопись Библіотеки для Чтенія начинается опять блистать остроуміемъ, которое прежде составляло неотъемлемую принадлежность этого журнала, и нельзя не сознаться, что такое явленіе въ ней гораздо пріятнѣе, нежели тѣ литературныя наѣзды, которыя иногда позволяютъ себѣ Библіотка для Чтенія то на какое нибудь замѣчательное сочиненіе, то на критиковъ, руководствуясь неизвѣстно какими побужденіями.

Отдѣломъ модъ, представляющимъ много рисунковъ различныхъ нарядовъ, завѣдуетъ по прежнему Марья Петровна.

Schrift Denkmale der Slawen vor Christi Geburt von T. Wollanski 1-e Lieferung Gnesen. 1850.

Въ какихъ странахъ и подъ какими именами скрывались словянскія племена въ древней исторіи, и какое вліяніе на нее имѣли ихъ вѣрованія, нравы и нарѣчія? Вотъ вопросы, которые, вопреки упорному молчанію Германской учености, приобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ болѣе вѣсу и настоятельнѣе требуютъ отвѣта и удовлетворенія за презрительное пренебреженіе, каимъ наука въ западной Европѣ клеймитъ уже такъ давно нашу древнюю словянскую народность.

Но какъ по закону діалектическаго развитія всякая крайность производитъ другую, такъ крайность нарочитаго отстраненія словянскаго начала отъ всѣхъ вопросовъ древней исторіи и археологіи ввела многихъ словянскихъ изслѣдователей въ противоположную крайность, подававшую не рѣдко, своими рѣзкими филологическими объясненіями и гипотетическими положеніями новыя орудія недоброжелательной критикъ и презрительнымъ насмѣшкамъ противниковъ.

Греческіе боги носятъ имена словянскія (1). Набукодоносоръ, — не что иное, какъ «не богъ да нашъ царь». Умирающій гладіаторъ, барельефы троянской колонны и киріатиды, — эти каменныя олицетворенія римскихъ рабовъ, — всѣ носятъ на себѣ словянскіе типы и словянскія одежды. Наконецъ въ Ассиріи, Либіи, Скиѣи, Карфагенѣ и нѣкоторыхъ Этрусскихъ племенахъ древней Италіи встрѣчаются вездѣ, — въ Исторіи, Географіи, Миѳологіи словянскіе звуки и словянскія имена. Все это, конечно, весьма шатко и, при первомъ взглядѣ, даже смѣшно; но тѣмъ рѣзче и даже невѣроятнѣе подобныя предположенія, тѣмъ сильнѣе возраждается въ нихъ потребность привести наконецъ вопросы о про-

(1) Данковскаго Die Gotter Griechenland. Pest, 1839.

исхожденіи Словянъ въ яспому и положительному разрѣшенію. Не такъ поступаютъ Германскіе писатели, которые безшощадно преслѣдуютъ своими насмѣшками всякіе подобные опыты отыскать въ древнемъ мірѣ слѣды словянской народности; они никогда не прощаютъ увлеченію, не требуя почти невозможной положительности фактовъ, тѣмъ не менѣе, при самыхъ яснѣйшихъ историческихъ данныхъ, не обращаютъ на нихъ вниманія, когда эти факты говорятъ въ пользу старожитности Словянъ, ихъ разпространенія до береговъ сѣвернаго моря и Атлантическаго Океана, или словянскаго происхожденія знаменитыхъ историческихъ личностей, какъ: Діоклеціаны и Юстиніаны, которыхъ имъ крайне досадно уступить Словянамъ, не имѣя возможности записать ихъ въ Нѣмцы.

Г. Воланскій уже и прежними своими письмами о Словянскихъ древностяхъ заслужившій вполне имя страстнаго Словянина и весьма находчиваго археолога, въ настоящее время представляетъ нѣмецкой публикѣ первый выпускъ сочиненія *Schrift-Denkmaie der Slawen vor Christi Geburt* съ рисунками, 14 различныхъ надписей, которыя почитаетъ словянскими и объясняетъ приложеніемъ азбуки древне-словянскихъ руновъ. Одно заглавіе сего сочиненія показываетъ намъ достаточно взглядъ и направленіе автора, который принимаетъ за положительный фактъ еще весьма сомнительное существованіе древне-словянской письменности, и основываетъ на ней свои дальнѣйшіе выводы. Само собою разумѣется, что эти догадки лишены всякаго ученаго авторитета, и не могутъ внушать намъ полнаго довѣрія къ археологическимъ находкамъ и различнымъ способамъ чтенія словянскихъ надписей г. Воланскаго, не смотря на всю любопытность и цѣнность приведенныхъ имъ примѣровъ и объясненій.

Но отстранивъ вопросъ о критической оцѣнкѣ самыхъ матеріаловъ, приведенныхъ авторомъ этой брошюры, мы должны замѣтить, что по самой азбукѣ словянскихъ руновъ г. Воланскаго, нѣкоторые изъ приводимыхъ имъ надписей могутъ имѣть различныя чтенія, въ которыхъ авторъ, по незнанію многихъ словянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка, не рѣдко крайне ошибается, притомъ у него такъ называемый *ivtext* иногда вовсе не соответствуетъ надписи, находящейся на рисункахъ, и представляетъ собою какое-то смѣшеніе Польско-Чешскихъ нарѣчій, происходящее отъ употребленія польской орфографіи, вмѣсто того, чтобы передавать намъ надпись тѣми самыми буквами, какими она изображена на его же рисункахъ. Послѣ этого,

такъ называемыхъ, оригиналовъ слѣдуютъ Латинскіе, Нѣмецкіе, Чешскіе, Польскіе и Русскіе ихъ переводы, изъ которыхъ послѣдніе, къ сожалѣнію, такъ неправильны, что иногда и вовсе не понятны. Почему, исполняя просьбу самого автора, выраженную имъ въ одной выноскѣ мы принуждены въ приводимыхъ нами примѣрахъ древнихъ надписей исправлять отчасти его русскіе переводы, придерживаясь въ этомъ отношеніи къ смыслу Латинскихъ и Нѣмецкихъ переводовъ. Въ короткомъ своемъ предисловіи Г. Волянскій, не вникая въ историческіе вопросы, затронутое его сочиненіемъ, общаетъ, объясненіемъ донынѣ непонятныхъ Пубійскихъ, Египетскихъ, Карагенскихъ и другихъ надписей, фактически доказать всеобщее вдревлѣ разпространеніе славянскихъ племенъ, и прямо приступаетъ къ исполненію этого общаго, представляя своимъ читателямъ 14 различныхъ надписей, изъ которыхъ выпишемъ здѣсь самыя замѣчательныя.

Подъ номеромъ 4 изображена гемма, заимствованная изъ сочиненій Монфокона и представляющая голову дракона или змѣя на человѣческомъ туловищѣ, которую Волянскій приписываетъ русскому нарѣчію, хотя она написана справа на лѣво, — онъ ее читаетъ: «Луч держе мѣн вкисі дву овриму, т. е. получше держи меня въ кисетѣ (?) я даваю обримумъ» Едва ли правильно такое чтеніе, если даже надпись въ самомъ дѣлѣ была бы славянская. Замѣчательно, что авторъ называетъ эту гемму талисманомъ противъ великановъ, что невольно наводитъ на древнія паузы; драконъ играетъ большую роль въ нашей мифологіи; слово же Обръ, въ значеніи исполина, общезвѣстно въ Россіи.

Подъ номеромъ 13 выписана авторомъ финикійская надпись изъ Grammaire Phénicienne par Iudas, Paris 1847, и читая ее, по-финикійски, справа на лѣво, находимъ въ ней слѣдующій смыслъ: *Дайте сму серебру бы чадороощ.* Дайте сму (?) серебру на чадородіе.

Рисунки 10 и 11 представляютъ обѣ стороны одной геммы, заимствованной изъ Ульриха Коппа De inscriptionis interpretanda obscura. Съ одной стороны представлена нимфа Мениппа съ купидономъ, и подъ ними надпись Кирилловскими буквами (?): стер... коушда ра... Менѣ т. е. стрѣлы купиды ранили Менифу.

Съ другой стороны этой геммы помѣщена только надпись: іао саваоѡ Адоуіи и —кли еа лайса идут оу тартароуско тін, что Волянскій переводитъ: Но (Егова) Саваоѡъ Адонисъ Ей (Эль-Аль), коли его лаятса (если его бранятъ), идутъ въ тартаровскую тину (тьму).

Важнѣе предъидущихъ 4 и 8 надписи, взятые обѣ изъ новаго сочи-

ненія Момзева *Unteritalische Dialekte*, и найденныя объ въ южной Ита-
ліи. Первая не что иное, по словамъ Воланскаго, какъ надгробная
надпись Эней; вторая же также относится къ Троянцамъ, которыхъ
онъ почитаетъ Словянами, — *fuimus Troes* — его зптраць.

Резкі-вѣс-бог-выз- (1) *вѣмъ-і-дѣм-Езмены-рѣвѣмъ-вѣмъ-о-пече-і-дом-і-дѣз-лепеіен* Езмен-ектѣіи дѣхецім-до-дѣлзім-пѣѣжеы-тѣчи-веро-вро-ес-
ткъым-Еней-пар рдіе-сыдеіз-с-лѣдѣым-елѣшѣым-леітъ поімез завѣлаіз-
о-дргъ-хорошіі. По переводу Воланскаго: «Райскій Богъ выше Вима
и Дима Еемений росскій (русскій), имѣй же попеченіе о домѣ и дѣтей,
прекрасный (лѣпый) Есмень! далеко Гекаты, нисхожу я въ подземное
царство, такъ же вѣрно, какъ я Эней изъ царскаго рода, сидя съ Ладомъ
въ Елисеи, напьюсь забвенія въ (водахъ) Лета. О! дорогой, хорошій.

При этой надписи даетъ авторъ еще нѣсколько объясненій собствен-
ныхъ именъ, подтверждающихъ, по его мнѣнію, предположеніе о томъ,
что этотъ памятникъ относится въ самомъ дѣлѣ къ Троянцамъ, и что
Троявцы были предками русскихъ Словянъ. 1) Езмень или Эсмунъ
сынъ Сидека, имя древне-Египетскаго божества, занимавшаго 8-е и выс-
шее мѣсто между 7 кабирами, и отъ которато получилъ также свое
прозвище Фивскій Аполлонъ Эсменось.

2) Вима — прозвище Индейскаго Шивы, неизвѣстное въ Италіи.

3) Дима — имя сына Дарданоса, праотца Троянцевъ.

4) Ладо — имя древне-словянскаго бога войны (или мира? также богини
любви и лада).

5) Эней, — Словянская форма его имени, соотвѣтствующая именамъ:
Андрей, Тимофей, Алексій и проч. и пр. Воланскій полагаетъ это
имя синонимическимъ съ названіемъ «Словянинъ»; потому что имя
Энея переводится *laus laudans*, а имя «Словянинъ» происходитъ, по
его мнѣнію, отъ славы.

Наконецъ авторъ разсматриваетъ еще нѣсколько выраженій этой
надписи, какъ: слово *резки*, которое могло бы имѣть свое начало въ
глаголѣ *рѣзати*, но которое авторъ предполагаетъ читать *райскій*, и
еще слово *лепеіен*, которое намъ совершенно понятно, сохранившись
въ Русскомъ отрицательномъ: *нелпный*.

Подъ 8 номеромъ помѣщена у Воланскаго слѣдующая надпись: Ет
дето ззі Иллоуае. — *Это дѣто (посвящено) Азу (богу) Иллоу!*

(1) Эту надпись мы списываемъ съ рисунка, почему и употребляемъ букву
ъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ гласныя сомнительны или вообще буквы (руны) не со-
всѣмъ ясны.

Подъ этимъ именемъ обоготворяли Троянцы Аполлона, выраженіе же *Азъ* почитаетъ авторъ тождественнымъ съ богомъ.

Мы удовлетворимся этими немногими примѣрами, достаточно выказывающими какъ направленіе сочиненія г. Волянскаго, такъ и всю любопытность возбуждаемыхъ имъ историческихъ и филологическихъ вопросовъ. Если въ самомъ дѣлѣ всѣ эти надписи нисколько не измѣнены пристрастіемъ г. Волянскаго къ словянскимъ рунамъ; то должно сознаться, что многія изъ нихъ представляютъ, по видимому, совершенно словянскія буквы, и что смыслъ этихъ надписей, хотя и не такъ понятенъ, какъ увѣряетъ г. Волянскій, однако же довольно удовлетворителенъ, чтобы по крайней мѣрѣ удостовѣрить читателей въ томъ, что надпись писана на одномъ изъ Словянскихъ языковъ. Замѣтимъ впрочемъ, что сказанное нами вообще о надписяхъ г. Волянскаго не можетъ относиться къ каждой изъ нихъ въ частности, и, конечно, трудно согласиться съ авторомъ, чтобы Финикійская надпись, — номеръ 13, — имѣла малѣйшее сходство съ рунами и буквами словянской письменности.

Д. Ш.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 18

Сентябрь.

Кн. 2.

ОБЪ ОБЩЕ-СЛАВЯНСКОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКЪ. (*)

(Изъ Юго-славянской газеты: *Zudslavische Zeitung*, N 116, Юля 16, Аграмъ).

Когда въ прошедшемъ году мы возбудили важный вопросъ о возможности приобрести Славянамъ одинъ общій литературный языкъ, вся нѣмецкая журналистика подняла противъ насъ ужасный шумъ; но мы утѣшали себя надеждою, что досѣянное нами сѣмя не замедлитъ пустить ростки, если оно только хорошо и способно къ развитію. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло и года, а нѣмецкія газеты уже утихли; а нашъ вопросъ порождаетъ, какъ кажется, цѣлую «маленькую литературу», начатки которой мы видимъ въ двухъ лежащихъ передъ нами брошюрахъ. (**). Впрочемъ, признаться, мы не думаемъ, чтобы отъ этого вопросъ нашъ подвинулся хоть на волосъ; ибо брошюры, конгрессы и другія трансцендентальныя средства не въ состояніи призвать идею къ жизни, если люди дѣйствуютъ только словами, а не принимаютъ за дѣло

(*) Вопросъ этотъ столько важенъ для Русской литературы, и столько близокъ къ сердцу Москвитянина, что мы съ живѣйшей радостію представляемъ ему первое мѣсто въ этой книгѣ, въ исхъ отдѣленій. М. П.

(**) Мысли о общо-Славянскомъ письменномъ языкѣ, Шумавакаго. Прага, 1851. Предвѣщаніе всемірной азбуки съ особеннымъ отношеніемъ къ Славянскому языку, Поклюкара. Лайбахъ, 1851.

руками, и не заботятся о практическомъ осуществленіи своихъ теорій. Объ этомъ-то мы и хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ.

Нынѣ едва-ли кто сомнѣвается въ исторической необходимости для Славянъ этого литературнаго соединенія, а въ отношеніи къ выбору языка вопросъ уже до такой степени разъяснился, что всѣ единогласно сознаются: выборъ этотъ можетъ касаться только языка Русскаго или древне-Славянскаго; ибо объ образованіи новаго Славянскаго языка изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій никогда безъ шутокъ не могло быть рѣчи. По нашему мнѣнію, результатъ этого выбора не можетъ быть сомнителенъ: мы уже знаемъ по опыту, что мертвый языкъ не можетъ служить выраженіемъ многосторонне-развивающейся жизни нашего времени. Еще недавно пытались употреблять Латинскій языкъ, справедливо изумляющій насъ своею великою литературою и своимъ вліяніемъ на западъ, для научнаго выраженія современнаго развитія; но попытки эти неудались, и языкъ древнихъ Римлянъ долженъ уступить въ этомъ живымъ нарѣчіямъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ. Тоже самое было бы и съ языкомъ древне-Славянскимъ. Подъ древне-Славянскимъ языкомъ разумѣемъ мы тотъ, на которомъ написаны Остромирово Евангеліе, Glagolita (Iozianus, Реймскіе и Болонскіе отрывки и т. д., и который величайшіе знатоки древней Славянской филологіи, Востоковъ, Копитаръ, Миклошичъ признаютъ языкомъ Славянскихъ апостоловъ. Этотъ языкъ уже не живетъ, ибо литургическій языкъ Славянской церкви образовался подъ вліяніемъ Русскаго народнаго языка и относится къ настоящему древне-Славянскому такъ, какъ Латынь средневѣковыхъ летописцевъ относится къ языку Саллюстія или Тацита. И если теперь кто думаетъ, что сочиненія Раича, Кенжелака, Соларича и другихъ, дѣйствительно написаны на древне-славянскомъ языкѣ, какъ это полагали сами авторы, тотъ, значитъ, не понимаетъ ни по русски, ни по древне-славянски.

Какъ понимаютъ въ наше время этотъ древне-славянскій языкъ, это всего лучше видно изъ двухъ новыхъ грамматическихъ сочиненій: «Началъ» Галки и «Церковно-Славянской

грамматики» епископа Іоанновича. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ нѣтъ и слѣда древне-Славянскаго языка, но ими очень хорошо можно пользоваться какъ грамматиками Русскаго языка до-Ломоносовскаго періода. Они толкуютъ о нашемъ литургическомъ языкѣ, который совершенно понятенъ нашему народу; но это не древне-Славянскій, а Русскій языкъ до-Петровскаго періода. Языкъ этотъ имѣетъ въ основаніи древне-Славянскій, но развился далѣе и представляетъ уже окончанныя грамматическія формы. Это нарѣчіе, хотя и понятное для насъ, уже болѣе не живое, и тамъ, гдѣ оно развивалось, мѣсто его въ литературу и жизни занялъ языкъ Русскій; ибо жизнь требуетъ для своего выраженія языка живаго, т. е. такого, развитіе котораго идетъ параллельно съ развитіемъ народной жизни.

Это быти, а не личное наше мнѣніе. Вообще кто возьмется доказать, что древне-Славянскій языкъ еще живеть, или что нашъ литургическій языкъ не все равно, что языкъ до-Петровской Россіи. А въ такомъ случаѣ всѣ *argumenta ad hominem* въ пользу древне-Славянскаго языка распадаются сами собою. И такъ къ чему писать нарѣчіемъ антикварскимъ, когда есть языкъ, развитой гораздо болѣе, языкъ, который бьется самою свѣжею жизнью, и на которомъ говорятъ болѣе 30 милліоновъ.

Въ своей сферѣ церковно-Славянскій языкъ будетъ для насъ столько же дорогъ, сколько для благочестиваго католика дорогъ языкъ Латинскій; но едва-ли возможно сдѣлать изъ него языкъ новой литературы, литературы будущаго времени. Для этого было бы нужно начать съ настоящаго древне Славянскаго языка и потомъ развивать и измѣнять его далѣе; но такъ какъ языкъ, на которомъ нигдѣ не говорятъ, не имѣетъ корректива, который могъ бы дѣйствовать на его развитіе, то изъ него бы произошли болѣе различныя нарѣчія, нежели какія мы имѣемъ теперь. Слѣдовательно этого путь никакъ нельзя назвать практическимъ! И такъ будемъ держаться единственнаго положительнаго элемента, элемента Русскаго.

Но для того, чтобы сдѣлать Русскій языкъ обще-литературнымъ языкомъ всего Славянскаго народа, не нужно ни-

какихъ литературныхъ собраній и брошюръ, которыя, можно заранее сказать, не поведутъ ни къ какому результату. Пусть тотъ, кто надлежащимъ образомъ понимаетъ эту идею, осуществить ее тѣмъ, что начнетъ писать по-Русски, и такимъ образомъ докажетъ, что идея эта не мечта, а уже была. Публика, читающая сочиненія Пушкина, Гоголя и Лермонтова, будетъ читать и ваши произведенія, если они только будутъ этого стоить. Право, публики этой достанетъ и на десять тысячъ писателей, пишущихъ по-Русски въ славянствѣ.

Когда Досиѣей Обрадовичъ вырвался изъ условныхъ цѣпей Славяно-Сербскаго нарѣчія, то сначала онъ нашелъ мало подражателей; но теперь уже никто не пишетъ по славяно-сербски. Теперь не только Сербы, но даже и Кроаты, и Словаки, пишутъ по-сербски, хотя для двухъ послѣднихъ племенъ изученіе Сербскаго языка представляетъ такія же трудности, какъ и изученіе Русскаго. Если бы у насъ были школы, если бы народъ нашъ пользовался преподаваніемъ, то можно было бы довольно точно опредѣлить время, по истеченіи котораго Сербскій языкъ сдѣлался бы народнымъ языкомъ всѣхъ южныхъ Славянъ. Но какъ Южные Славяне должны прикнудить къ Сербскому племени, какъ самой свѣжей и мощней вѣтви южно-Славянской народности, такъ все литературное славянство должно сгруппироваться вокругъ Русскаго языка. Такимъ образомъ вопросъ объ общемъ языкѣ, объ общей азбукѣ и всѣ общественные вопросы разрѣшаются безъ брошюръ и даже безъ литературныхъ обществъ и конгрессовъ. *Quod faxit Deus.*

Не лишнимъ считаю прибавить, что написалъ я въ 1839 году и напечаталъ въ 1843 объ этомъ же предметѣ въ своемъ сочиненіи: Годъ въ чужихъ краяхъ, въ 4 частяхъ: Языкъ у народа уничтожить такъ же нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ; языкъ есть такой же природный, неотъемлемый органъ, какъ и прочіе, только драгоценнѣйшій для человѣка, потому что тѣсно связанъ съ его разумною душою. Тѣмъ болѣе должно сказать

это объ языкъ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Исторія предлагаетъ намъ разительные уроки: чего достигли народы уничтожая систематически въ теченіи вѣковъ чужія нарѣчія!... Увеличили ихъ силу, содѣйствовали ихъ развитію, приготовили своими плотинами такіе водопады, которые часто поглощали ихъ самихъ. Нѣкоторые Славяне забыли свой языкъ, это правда; но гдѣ это случилось? По крайнѣ, гдѣ чуждое племя задавило ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенчествѣ. Съ другой стороны Русскій языкъ заключаетъ въ себѣ, по моему мнѣнію, столько свойствъ, общихъ Славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что онъ самъ по себѣ безъ всякихъ особыхъ усилій, рано или поздно, сдѣлается письменнымъ Славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было на нѣсколько времени Болгарское нарѣчіе, или на Западѣ Латинское. Всѣ нарѣчія принесутъ ему дань своими словами, оборотами и формами; и слѣдовательно скажу, я, какъ Русскій филологъ, не надо сушить Оку и Каму, которыя непременно упадутъ въ Волгу.

Бывъ въ продолженіи 15 лѣтъ въ самой короткой, болѣе или менѣе дружеской связи, со всеми почти Славянскими корифеями, Шафарикомъ и Коляромъ, Кошигаромъ и Ганкой, Караджичемъ и Пуркиней, Стоматовичемъ и Гаель, Мацѣвскимъ и Линде, я никогда никому не осмѣливался произносить одного слова о Русскомъ языкѣ, какъ общемъ литературномъ языкѣ для Славянъ, равно какъ и о православномъ исповѣданіи, общей для нихъ исторической религіи, ибо считать эти вопросы слишкомъ щекотливыми, слишкомъ связанными со всемъ существомъ всякаго человѣка образованнаго; и никогда не хотѣлъ ихъ касаться, чтобъ не раздражить самолюбія, чтобъ не подать подозрѣнія въ пристрастіи, — развѣ въ разговорахъ съ своими соотечественниками и въ статьяхъ для нихъ назначенныхъ; но вотъ эти вопросы возникаютъ сами собою, и не между корифеями, а въ массахъ Славянскихъ! Сила вещей сильнѣе всѣхъ силъ. Какая блистательная, необозримая будущность! Счастливымъ себя считаю, что увидѣлъ хоть зарю ея прежде другихъ. М. Ш.

АДАМЪ АДАМЪЧЪ.

ПОВѢСТЬ.

Auch ich war in Arkadien geboren.
Schiller.

...Here the patriarchal days are not
A pastoral fable.

Вурон.

Чго-то буколическаго много, Шато-
Брианомъ нахметъ.

Гоголь.

I.

Розовые пальцы Авроры приподнимали медленно завѣсу ночи, и пріятныя предъутренніе сумерки держали еще въ своихъ объятіяхъ едва пробуждающуюся природу.

Уѣздный городокъ Забубеньевъ спалъ сладко и глубоко отъ восточнаго своего края до западнаго.

Само собою разумется, что такъ же глубоко и сладко почивалъ домъ отставнаго высокороднаго господина Желнобובה, стоявшій на одной изъ Забубеньевскихъ улицъ. Все покоилось въ этомъ домѣ, съ самаго хозяина, Максима Петровича, до юнѣйшаго изъ его дѣтищъ—Ганюшки, и съ дворецкаго Макарыча до малолѣтнаго казачка Алешки.

Но и въ новѣйшія времена такъ же, какъ бывало во дни патріарховъ, любители природы не пропускаютъ случая насладиться созерцаніемъ ранняго восхода лѣтняго солнца. Поэтому и не удивительно, что въ домѣ господина Желнобובה, въ одной изъ уютныхъ комнатокъ на антресоляхъ, оказалось нѣкоторое движеніе въ такую раннюю пору.

Кровать, стоявшая въ углу означенной комнатки, скрипнула, тканьевое одѣяло откинулось, и изъ-подъ него возникла, въ одно мгновеніе ока, фигура, дотоль скрывавшаяся подъ

спудомъ. Хотя въ комнатѣ было еще довольно темно, однако все же можно было различить на стулѣ, у самой кровати, нѣкоторыя главные статьи утренняго мужскаго туалета. Воспрянувшая отъ сна фигура простерла руки къ стулу, потянула съ него помянутыя статьи и поспѣшила воспользоваться ими. Въ нѣсколько секундъ, нарядъ, достойный времянь буколическихъ, превратился въ одѣяніе болѣе цивилизованное, и фигура оказалась въ сапогахъ и панталонахъ. Солнце не замедлило порадовать своимъ появленіемъ записнаго природолюба, и при первомъ, матовомъ свѣтѣ утра довольно ясно обозначился вставшій отъ сна человекъ.

Чтобы не томить болѣе многоуважаемаго мною читателя, я вмѣняю себѣ въ обязанность объявить ему, что сей любитель природы, столь рано покидающій сладостныя объятія Морсея, былъ не кто иной, какъ самъ достолюбезный герой моей правдивой повѣсти—Адамъ Адамычъ, наставникъ юношества вообще, и дѣтей Максима Петровича Желнобובה въ особенности.

Наконецъ, дневное свѣтило осіяло вполне особу достойнаго мужа, и ярко вырѣзался на сѣрой стѣнѣ гѣтевскій профиль Адама Адамыча. Сходство съ портретомъ Гёте въ преключенныхъ лѣтахъ было такъ велико въ лицѣ моего героя, что живи онъ въ Веймарѣ въ то время, когда обиталъ тамъ и великій корифей новѣйшей поэзіи, то, безъ сомнѣній, многіе затруднились бы отличить ихъ одного отъ другаго. Волосы съ просѣдью такъ же зачесаны, или, лучше сказать, взъерошены кверху, носъ съ такимъ же орлинымъ погибомъ, такое же олимпійское чело.... Одни глаза у Адама Адамыча не могли идти въ сравненіе съ глазами Гёте, ибо были не въ примѣръ больше. Чтобы имѣть понятіе объ этихъ глазахъ, я прошу читателя припомнить Гомера и его эпитеты къ очамъ державной Геры: такъ же, какъ у этой ревнивой богини, очи у моего героя были чрезвычайно выпуклы и огромны; а такъ какъ на прикрытіе ихъ въ известныхъ случаяхъ требовался довольно значительный объемъ вѣкъ, то вѣки у Адама Адамыча собирались въ неисчислимомъ множествѣ морщинъ подъ густыми и широкими бровями.

Хотя и говорится въ русскихъ сказкахъ, что онѣ только скоро сказываются, дѣлю же не такъ-то скоро дѣлается, — однако, въ настоящемъ случаѣ, изреченіе это не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія къ дѣйствительности. Вѣроятно гораздо прежде, чѣмъ я успѣлъ разсказать возстаніе Адама Адамыча отъ сна, герой мой приблизился уже къ умывальнику, омылъ животворною влагой свой ликъ и окончилъ даже одно изъ высочайшихъ своихъ наслажденій — чистку зубовъ.

Мгновенно исчезла не малая доля нюхательнаго табаку, изъ коробочки, стоявшей около умывальника, отправляясь въ ротъ и за почтенныя щеки Нѣмца.

Лавочникъ, продовольствовавшій Адама Адамыча ' этимъ продуктомъ, всегда удивлялся, куда такъ скоро выходитъ у него табакъ, — и всякій разъ Адамъ Адамычъ говорилъ ему, что беретъ табакъ не для нюханья, и что нюхать табакъ — привычка нехорошая и ни мало не возвышающая человѣческаго достоинства, но что, напротивъ, главная польза отъ этого благороднаго растенія — укрѣпленіе десенъ и убѣльнисъ зубовъ (чему, мимоходомъ сказать, лавочникъ вовсе не вѣрилъ).

Рѣшившись послѣдовать за Адамомъ Адамычемъ во всѣхъ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ въ настоящій день, мы должны сказать, что тотчасъ послѣ описаннаго процесса употребленія нюхательнаго табаку, наставникъ подростковъ господина Желобобова вышилъ полный графинъ чистѣйшей воды, повязалъ на шею черный платокъ, обвернутый на неизмѣримо-широкомъ подгалстушникѣ, и надѣлъ на свою не слишкомъ обемистую, но и не совсемъ мизеристую фигуру глухой сѣренькій казиретовый жилетъ, и наконецъ завершилъ свой туалетъ скруткою табачнаго цвѣта, украшавшимся не малымъ количествомъ сборокъ на рукавахъ.

Когда все это приведеніе фигуры своей въ достодолжное убранство было окончено почтеннымъ наставникомъ, онъ открылъ одно изъ двухъ оконъ своей комнаты, глядѣвшихъ на дворъ, и пріятно вдохнулъ въ себя свѣжій и нѣсколько холодный воздухъ утра. Солнце продолжало смотрѣть съ пріветною улыбкой на своего вѣрнаго обожателя. Адамъ Ада-

мычь закрыль обширными въками не менѣе обширные глаза и привелъ свой носъ въ сношеніе съ солнцемъ. Онъ всталъ такъ противъ окошка, что лучи яркаго свѣтила падали ему прямо въ лицо и пріятно щекотали его ноздри.

Вдругъ вся благородная фізіономія Адама Адамыча начала искажаться самыми странными гримасами: носъ сморщился, губы полуоткрылись и выткнулись впередъ, и въ лицѣ почтеннаго Нѣмца утратилось всякое сходство съ портретомъ автора Фауста въ преклонныхъ лѣтахъ. Вслѣдъ за этими мгновенными измѣненіями фізіономіи Адама Адамыча, послѣдовалъ ужасный звукъ, отъ котораго дрогнули, какъ отъ пистолетнаго выстрѣла, рамы оконницъ; за тѣмъ черты Нѣмца приняли снова въ совершенную гармонию и полный покой. Онъ вынулъ изъ кармана тщательно сложенный, въ видѣ тетрадки, пестрый бумажный платокъ, высморкался въ самый незамѣтный кончикъ его, и, давъ платку снова первоначальную форму, уложилъ его опять въ боковой карманъ табачнаго сюртука. При этомъ, пріятная улыбка озарила уста добраго Нѣмца, и онъ прошепталъ: «I war tüchtig genies't!»

Словно по обычному зву, вслѣдъ за звукомъ, изданнымъ носомъ Адама Адамыча въ товарищество съ его же, Адама Адамыча, гортанью, — изъ-подъ тканей, скрывавшихъ отъ посторонняго зрителя разные домашніе предметы, таившіеся подъ кроватью, выглянула косматая голова Пальмы, вѣрной собаки Адама Адамыча.

Такъ какъ должное почтеніе было уже отдано проснувшейся природѣ и оконченъ дневной туалетъ, то почтенный Нѣмецъ не счелъ предосудительнымъ обратитъ свое драгоценное вниманіе на показавшееся изъ-подъ кровати животное. Лежавшая дотолъ въ совершенномъ спокойствіи, собака, увидѣвъ обращенные на нее взоры, тряхнула ушами, и забила по одной изъ ножекъ кровати своимъ чувствительнымъ хвостомъ.

Адамъ Адамычь улыбнулся, вскрикнулъ: «о-го-го!» и поманилъ къ себѣ, посредствомъ особаго сжатія губъ и издаваемого тѣмъ звука, свою Пальму.

Возникшая изъ своего пріюта собака была, какъ показываютъ и самое имя ея, женскаго пола; это, впрочемъ, не

ившало ей нисколько не отличатьса красотою. Почтенный владѣлец Пальмы считаль ее пуделемъ; но безпристрастный зритель не могъ бы согласиться въ этомъ случаѣ съ всегда правдивымъ Адамомъ Адамычемъ. Бѣлая шерсть Пальмы давила знать о себѣ только длинными космами на широкихъ ушахъ, скуднымъ ключкомъ на самомъ концѣ хвоста, да густыми бровями, которыя, какъ щетки, торчали надъ парюю ея мутныхъ глазъ. Какъ ни достойно всякаго вѣроятія показаніе такого челоуѣка, какъ Адамъ Адамычъ, однако авторъ не можетъ согласиться съ нимъ и въ томъ мнѣніи, что Пальма оттого только утратила первобытнѣй образъ пуделя, чо линяеть. Простимъ герою нашему небольшую слабость къ преданному ему животному! Желая оправдать не совсѣмъ поражающій красотою видъ своего друга, онъ круглый годъ, и лѣтомъ и зимой, и весной, и осенью, говорилъ: «пудель, но только линяеть». Если мы и примемъ за истину это мнѣніе Адама Адамыча, то ни въ какомъ случаѣ не дерзнемъ приписать постоянной линючести вѣрнаго пса его тонкихъ ногъ и звонкихъ боковъ.

Пальма досталась Адаму Адамычу отъ одного господина, который купилъ ее въ Москвѣ за кобелишку молодыхъ лѣтъ и былъ очень-непріятно изумленъ, когда кухарка вдругъ донесла ему, что кобелишка, возраставшій на лонѣ тишины и спокойствія, въ кухню, въ одно прекрасное утро—«ощенился». Раздраженный такою несостоятельностью кобелишки, хозяинъ его подарилъ Адаму Адамычу не оправдавшую надеждъ собаку и рекомендовалъ ему—переименовать ее изъ мужскаго имени «Браіашка» въ болѣе приличное женскому ея полу имя. Въ слѣдствіе всего вышечисаннаго, собака получила постическое имя Пальмы, хотя стройностью, послѣ тяжкихъ родовъ, походила не на какое-либо дерево въ особенности, а на каряжникъ вообще. Тѣмъ не-менѣе, не смотря на совершенное исчезновеііе красотъ Пальмы, Адамъ Адамычъ питаль сильную къ ней привязанность.

И въ то раннее утро, описаніемъ котораго мы занимаемся, вся нѣжность его обратилась на южившую сладостнымъ образомъ у ногъ его собаку. Онъ принялся протирать еѣ

глаза ся же собственными ушами, щекоталъ ей подь брюхомъ ногой, называлъ пріятными ласкательными именами, и, наконецъ, утомившись и порядкомъ пропотѣвъ, выпроводилъ ее в гаус на вольный воздухъ.

Выпустивъ собаку на дворъ, на которомъ еще не было ни малѣйшаго движенія, Адамъ Адамычъ возвратился въ свою съренькую комнатку и обратился къ вѣтхозавѣтной, родовой серебряной луковницѣ, чтобы узнать состояніе времени. Луковница, которую Адамъ Адамычъ считалъ непогрѣшительнѣйшею изъ всѣхъ хронометровъ, когда-либо существовавшихъ и нынѣ существующихъ, возвѣстила ему, что только пятый часъ въ исходѣ. Вѣруя вполне въ достовѣрность этого показанія (ибо ходъ такихъ часовъ, не стѣсненный новѣйшимъ искусствомъ въ тѣсныя и плоскія границы, не могъ сбиваться съ толку), достопочтенный наставникъ юпошества рѣшился обратиться къ двумъ обычнымъ услужителямъ своихъ утреннихъ часовъ — трубкѣ и чтенію.

Бережно снявъ съ гвоздика глубокую фарфоровую трубку съ оловяннымъ отливомъ и волосянымъ, гибкимъ чубучкомъ, любезный герой мой бросилъ самый любовный взглядъ на видъ Магдебурга, изображенный на фарфорѣ трубки весьма пріятною и смѣлою кистью, и тотчасъ наполнилъ ее крыпкимъ саксонскимъ табакомъ, известнымъ также, въ области курильщиковъ, подь названіемъ «самкроше». Адамъ Адамычъ, точно, занимался, въ часы досуга, самъ крошеніемъ табаку, который покупался имъ въ листахъ. Для большаго вкуса, къ нему доставлялись казачкомъ Алешкой всѣ окурки сигаръ, истребляемыхъ гостями господина Желнобובה, и Адамъ Адамычъ удобрялъ этии окурками свое зелье, просушивъ ихъ предварительно на солнцѣ и искрошивъ мелко-на-мелко.

Наложивъ трубку, вырубивъ огня (ибо спички считалъ непозволительною прихотью) и пустивъ къ потолку струйку самаго сѣраго дыму, Адамъ Адамычъ сталъ у отвореннаго окна, и взялъ книгу. Книга эта была одинъ изъ романовъ чувствительнаго нѣмецкаго сочинителя Клаурена, единственныи бывшій у Адама Адамыча романъ, котораго онъ никогда не могъ всѣтъ начитаться.

По мѣрѣ различныхъ мечтаній, возбуждаемыхъ какъ чтеніемъ романа, такъ и пріятнымъ, хотя отчасти однообразнымъ храпомъ въ отливѣ трубки, — по-мѣрѣ различныхъ мечтаній, говорю я, и самыя черты лица чувствительнаго Нѣнца принимали выраженіе все болѣе и болѣе сладостное. Такое направленіе фізіономіи Адама Адамыча, по всей вѣроятности, можно было приписать тому, что романъ, перечитываемый имъ въ неизвѣстно который, но вѣрно не одной и не двумя цифрами выражаемый, разъ, приближался къ развязкѣ; а ужъ извѣстно всѣмъ и каждому, что хорошій романъ окончится иначе не можетъ, какъ внеся самыя пріятныя и сладостныя ощущенія въ сердце читателя. По лицу Адама Адамыча, по постоянному повышенію его бровей, по недосыгаемой ясности чела, на которомъ разгладились всѣ до единой морщины, видно было, что козни злодѣевъ наконецъ обнаружены, добродѣтельные люди выбились изъ-подъ гнета бѣдственныхъ обстоятельствъ и изъ сѣтей коварныхъ ухищреній порока, — и скоро уже явятся пасторъ и нотаріусъ, и обвиняются, и въ власть заживутъ добродѣтельные любовники, бывшіе долго подъ гнетомъ обстоятельствъ и въ сѣтяхъ разныхъ злонамѣренныхъ ухищреній порока.

Искусанный чорный костяной мундштучокъ трубки, изъ которой пересталъ уже вылетать дымокъ, все крѣпче и крѣпче ущемлялся зубами Адама Адамыча на лѣвой сторонѣ его рта; изъ правой же части его усть, обращенной къ окну, вылетали ежеминутно: «prâcht g, superb!» и тому подобныя восклицанія поощрительнаго свойства.

Наконецъ, когда романъ былъ конченъ, Адамъ Адамычъ, отложивъ книгу въ сторону, по все еще находясь подъ вліяніемъ обольстительныхъ строкъ, пыхалъ минутъ съ пять изъ давно-погашенной трубки и созерцалъ природу, или, правильнѣе, большой дворъ, по которому рыскала Пальма и тщательно обнюхивала всѣ мѣста, имѣвшія какое-либо сходство со стѣной, или возвышеніемъ. На дворъ только теперь начиналось нѣкоторое движеніе. Кучеръ Иванъ отправился съ свиницы сначала въ каретникъ, потомъ въ конюшню; въ кухню и застольной загомосились, — и Адамъ Адамычъ разсудилъ воззвать

къ себѣ на антресоли свою вѣрную сучку, дабы не избаловали ее на дворѣ и не искусили ея вѣрность приманчивыми кусками чего-нибудь съедобнаго.

Зазвавъ къ себѣ и уложивъ Пальму на обычное мѣсто ея, подъ кровать, которая самимъ Адамомъ Адамычемъ была прибрана и прикрыта тканьевымъ одѣяломъ, онъ принялся за важное дѣло.

Съ благоговѣшемъ отперъ онъ небольшую шкатулку, помѣщавшуюся на его письменномъ столѣ, довольно убогомъ и не очень-пространномъ, и вынулъ изъ этой шкатулки толстую тетрадь въ четвертку. Онъ очинилъ перо, обдуть тетрадку, бережно развернулъ ее на письменномъ столѣ и принялся писать, тихо и съ любовью выводя каждую букву.

Адамъ Адамычъ былъ удивительный каллиграфъ: даже отмѣтки, которыя дѣлалъ онъ въ книжечкѣ, подававшейся ежедневно, по вечерамъ, господину Желнобобову и заключавшей отчетъ объ успѣхахъ его чадъ, — даже отмѣтки эти могли бы служить превосходными прописями. Но здѣсь, въ этой тетрадкѣ, которая заботливо хранилась въ шкатулкѣ и не могла никакъ идти въ сравненіе съ журналомъ объ успѣхахъ дѣтей, почеркъ руки Адама Адамыча достигалъ высочайшей степени изящества: острокопечныя пѣмцидъ буквы ложились на бумагу такими ровными городками, прилавки были такъ отчетливы, что душа радовалась, смотря на веленевую бумагу, расписанную такъ узорочно и красиво. Но далеко не такъ интересна, при всей своей красотѣ, была внѣшняя сторона тетрадки, какъ внутренняя, то-есть самое содержаніе.

Каждый день, въ означенный утренній часъ, Адамъ Адамычъ садился къ своему письменному столику, развертывалъ заветную книгу и вписывалъ въ нее все, что случалось съ нимъ на каунѣ. Аккуратно были занесены въ дневникъ Адама Адамыча всѣ прожитые имъ дни: по нему могли бы вы прослѣдить всю его жизнь за двадцать лѣтъ. Если даже ничего особеннаго не случалось, то день означался цифрой и прибавлялось: «Ничего достопримѣчательнаго.»

Долго писалъ въ настоящій разъ Адамъ Адамычъ, и остановился только на нѣсколько минутъ, чтобы наюжить себѣ

еще трубочку и зажечь ее посредством зажигательнаго стекла, не расходуя понапрасну трута, ибо солнце какъ разъ напрашивалось запалить ему трубку своими огненными лучами. Трубка догорѣла до тла, только отливъ издавалъ по временамъ отрывистые звуки, — а почтенный наставникъ все еще писалъ.

А между тѣмъ вѣчно-бѣгущее колесо времени не останавливалось, и кривая стрѣлка серебряной луковицы указывала уже на римскую цифру VII.

Забубеньевъ, не отступая отъ благословенныхъ нравовъ, воцарившихся въ немъ съ незапамятныхъ временъ, и привыкнувъ подыматься испоконъ-вѣку пораньше, давно уже кипѣлъ самою живою жизнью въ лицѣ своихъ почтенныхъ и смиренныхъ обитателей. Въ домъ господина Желнобובה жизнь эта проявилась въ особенности въ шумъ чашекъ, ложекъ и прочаго чайнаго скарба.

Адамъ Адамычъ кончилъ свою лѣтопись, и въ ту самую минуту, какъ запиралъ завѣтную тетрадку въ шкатулку, дверь полуотворилась.

Пальма не показала ни малѣйшаго вида неудовольствія, когда въ комнату вошелъ мальчишка въ замасленномъ сюртукѣ, застегнутомъ до-верху на крючкахъ и украшенномъ маленькимъ столчимъ воротникомъ, изъ-за котораго виднѣлась голая шея, немного побѣлѣе сапожнаго голенища. Мальчишка безпрестанно подергивался и фыркалъ, при чемъ его носъ, чрезвычайно похожій на пуговицу, совершенно сморщивался.

— Пожалуйте-съ чай кушать!—проговорилъ онъ, поправляя что-то обѣими руками на своихъ бедрахъ.

— Зейчасъ,—отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, подходя къ маленькому круглому зеркальцу на ножкѣ, приотившемуся на окнѣ.

— Адамъ Адамычъ-съ! — вкрадчиво произнесъ тутъ мальчишка, извѣстный во всемъ Забубеньевѣ подъ фирмою желнобобовскаго казачка Алешки.

— А, Адамъ Адамычъ!—прибавилъ онъ снова, сдерживая глупую улыбку.

— Ну?—спросилъ нашъ герой, не оборачиваясь и застѣгивая передъ зеркальцемъ наглухо свой табачный сюртучокъ.

— Пожалуйте грошакъ-съ.

Адамъ Адамычъ быстро обернулся.

— Ach du, shweinigel du! — проговорилъ онъ съ сердцемъ:—знова? Я долженъ буду сказать то Максимъ Петровичъ.

— Не скажете-съ, Адамъ Адамычъ!—спокойно возразилъ мальчишка, копая у себя въ ухъ грязнымъ пальцемъ и ухмыляясь.

— Знова не умывался? — сказалъ Адамъ Адамычъ, озирая съ ногъ до головы казачка, и стараясь по видимому замять непріятный споръ.

— Вотъ же Богъ, не скажете-съ!—не отставалъ Алешка.

— И Макарычъ скажу!—воскликнулъ наставникъ, дѣлая впрочемъ усиліе, чтобы не улыбнуться.

— Не скажете-съ, Адамъ Адамычъ; пра, не скажете! Вы вѣдь добренькій такой-съ. А грошакъ дадите-съ.

Чувствительное сердце Адама Адамыча начало смягчаться, и онъ сказалъ болѣе-ласковымъ тономъ:

— Ну, пошолъ! Зегодня нѣтъ. Позлѣ.

Алешка подскочилъ пѣтухомъ къ почтенному Нѣмцу, и схватилъ его за руку.

— Чтò ты хочешь?—спросилъ Адамъ Адамычъ.

— Ручку пожалуйста-съ, — сказалъ мальчишка обтирая свой носъ объ руку Адама Адамыча

Непріятное чувство пробѣжало по всемъ нервамъ наставника юношей и отроковъ, когда Алешка прикоснулся къ его рукѣ.

— Озтавь! — сказалъ онъ съ неудовольствіемъ. — Иди, вымой зебъ лицо, или не дамъ ничего!

Алешка ухмыльнулся. Какъ видно, онъ болѣе сомнѣвался въ чистотѣ намѣреній Адама Адамыча, чѣмъ въ опрятности своей собственной особы.

— Что же, чай-то кушать-съ? — сказалъ онъ, желая, въ свою очередь, отклонить разговоръ о своей личности.

— Ну, иди! — проговорилъ Адамъ Адамычъ, отворилъ дверь, выпустилъ казачка и самъ последовалъ за нимъ по узенькой лѣсенкѣ внизъ, заперши предварительно дверь свою ключомъ.

Внизу, въ лакейской, куда выходила лѣстница отъ Адама Адамыча, сердце его должно было поразиться чувствами жалости и соболезнованія. Только-что казачокъ просунулся въ лакейскую, и слѣдомъ за нимъ вошелъ туда Адамъ Адамычъ, огромная жилистая рука ухватила за вихорь Алешку.

— Ты что проклажаешься, негодный? а!—говорилъ высокій лакей лѣтъ сорока-пяти, съ самымъ-свирѣпымъ лицомъ. — Ты что? а!... А ножи-то? а!... Не чистилъ, не чистилъ, каналья?—Вотъ, стой! стой! Вотъ я-те на конюшнѣ выпорю. Спишь все? а!... И рожи-то всплеснуть не успѣлъ? Ахъ ты повѣса эдакой!... Ишь, глаза-те гноятся.—Стой! Вотъ, помяни мое слово, на конюшню сведу! — Что у-те штаны-то ползутъ? а!... Опять крючки оборвалъ? а!...

Алешка глухо стоналъ, не смѣя взывать подъ грозными лапами и увѣщаніями Макарыча.

Тронутый до глубины души истязаніями несчастнаго, Адамъ Адамычъ обратился умоляющимъ тономъ къ свирѣпому лакею:

— Оставьте, Макарычъ! довольно! Онъ былъ у мня.

— Нельзя съ ними иначе поступать, Адамъ Адамычъ, — отвѣчалъ Макарычъ, даруя свободу Алешкѣ.—Такой ужъ народецъ! Разъ потакнешь — бѣда! все вверхъ-тарма пойдетъ! Рыла-то вѣдь самъ не умоетъ, Адамъ Адамычъ. Вы только посмотрите, что за поведенць у мерзавца: весь въ пуху, въ салищѣ!

— Вотъ,—сказалъ Адамъ Адамычъ, обращаясь къ битому Алешкѣ:—я то-же говорилъ—лицо умывайтъ должно.

—Такъ вы говорили, Адамъ Адамычъ? — воскликнулъ Макарычъ, накидываясь съ новымъ бѣшенствомъ на злополучную, побѣдную голову Алешки.—А ты наперекоръ, каналья! тебѣ говорятъ, а ты мимо уха пропускать!—Шельма ты эдакая шальная; право, шельма! — приговаривалъ онъ, качая казачка за вихорь съ боку на бокъ.

— Оставьте, Макарычъ!—повторилъ опять благородный Нѣмецъ, обуянный милосердіемъ:—онъ не будетъ снова такъ поступайтъ.

Алешка и стонать уже пересталъ; онъ былъ былъ, какъ велевая бумага, и слезы градомъ катились ему на грудь. Макарычъ насилу удовольствовался; далъ, впрочемъ, казачку еще порядочнаго лизуна по затылку и сказалъ:

— Пошелъ, бестія, ножи чистить!

Съ чувствомъ глубокой радости, что сыгралъ доблестную роль миротворца, перешелъ Адамъ Адамычъ корридоръ и буфетную, и очутился въ чайной комнатѣ, лицомъ-къ-лицу съ двумя особами, занимавшими въ домѣ мѣста хозяевъ.

На кругломъ столѣ, помѣщавшемся посреди комнаты, отчаянно кипѣлъ большой самоваръ, и паръ отъ него подымался трубой къ самому потолку. Особа женскаго пола, лѣтами не много за тридцать, съ черными, какъ сажа, волосами, собранными на затылкѣ подъ маленькую роговую гребенку, и съ бойкими, молодежавшими чертами лица, разставляла на подносѣ огромное количество чашекъ разнаго калибра.

Вокругъ стола находилось больше дюжины стульевъ, и между ними возвышалось одно кресло довольно древняго фасона. На этомъ креслѣ возсѣдалъ самъ сановитый хозяинъ дома, Максимъ Петровичъ Желнобобовъ. Широкій халатъ изъ какой-то азіатской матеріи, съ лихимъ глянцемъ, облекалъ его низменную и коренастую фигуру. На головѣ у него красовалась вязаная ермолка съ кисточкой въ родѣ цвѣтка трилистника. Ермолка эта служила не столько для согрѣванія головы, сколько для скрытія отъ постороннихъ глазъ совершенно голаго и непріязненно-лоснящагося черепа, въ другое время таящагося подъ парикомъ. Черты лица у Максима Петровича, казалось, находились въ самыхъ враждебныхъ между собою отношеніяхъ. Левая бровь никакъ не хотѣла стоять на равнѣ съ правой и горделиво подымалась дюймою выше; глаза какъ-то не родственно расходились иногда въ своихъ взглядахъ на вещи; носъ непріязненно и насмѣшливо смотрѣлъ на нижнюю губу, какъ-бы желая клонуть и уязвить ее; нижняя губа, съ своей стороны, нимало не унывала и, въ ущербъ своей верхней сестрѣ, которую, такъ-сказать, совершенно затирала въ грязь, гордо лѣзла къ носу и пока-

завала видъ, что нисколько не боится его угрозъ. Довольно-обширный подбородокъ господина Желнобובה, украшенный перельскою сѣроватыхъ волось, и обнаженная его шея—обрамлялись воротникомъ красной рубашки, не кумачной какой-нибудь, а настоящей шолковой, безъ малѣйшей примѣси шерсти или бумаги. На ногахъ Максима Петровича надѣты были красные казанскіе ичиги, которые ярко сіяли новизной, когда владѣлецъ ихъ мѣрно покачивалъ ножкой.

Собесѣдница господина Желнобובה была одѣта тоже, подѣ-пару къ нему, очень-благопристойно и щеголевато. Полосатая тафтяная блуза обнимала ея полный станъ, вѣрзываясь поясомъ въ то мягкое мѣсто, гдѣ у пныхъ бываетъ талия. Хотя талии и не было у этой привлекательной и милой особы; однако, тѣмъ не менѣе, она была очень-стройна, и походила, какъ двѣ капли воды, и ростомъ и дородствомъ, на одно историческое лицо, а именно—Бобелину, героиню Греціи, портретъ которой (съ саблей при бедрѣ) можно еще видѣть на шторахъ у нѣкоторыхъ обывателей Забубеньева. Вѣроятно, тамъ только и сохранились еще эти прекрасныя шторы съ изображеніями историческихъ событій и персонажей; въ другихъ мѣстахъ росписныя шторы замѣнены нисколько непоучительными кусками бѣлаго коленкора и полотна.—Однимъ костюмъ прекрасной женщины, разливавшей чай, не гармонировалъ съ костюмомъ ея собесѣдника, а именно-обувью. Козловыя башмаки Бобелины, съ запахомъ, нисколько не напоминающимъ ароматъ розъ, или амбру, никакъ не могли быть сравниваемы съ роскошными спальными сапогами Максима Петровича, сшитыми изъ самага-лучшаго сафьяна. Читатель, вѣроятно, ошибается уже на счетъ положенія въ обществѣ означенной особы женскаго пола, занимавшейся разливаніемъ чая, и считаетъ ее, конечно, или законной супругой, или дѣвствующей сестрой, или вдовствующей кузиной Максима Петровича.

Татьяна Васильевна (такое имя носила эта особа) была ни больше, ни меньше, какъ экономка и домоправительница у господина Желнобובה.—Хотя два злорѣчивыхъ и неблагонамѣренныхъ языка (только два замѣнилось ихъ въ добро-

дательное общество Забубеньева) и поговаривали, что Татьяна Васильевна находится у Максима Петровича на правахъ болѣе-обширныхъ; но клевета эта оставалась безъ всякаго оправданія и вниманія со стороны остальныхъ жителей города. Жители эти были убѣждены только въ томъ, что подобное мнѣнiе можетъ быть приложено къ безнравственному штабъ-лекарю Шелопаеву, ибо онъ самъ открыто сознавался, что держитъ у себя, по его собственному выраженiю, «незаконную старушку». Господинъ Желнобобовъ стоялъ въ мнѣнiи Забубеньева выше всякаго подозрѣнiя, ибо всею знаема была неукоснительная нравственность и уваженiе къ религiи Максима Петровича. — Сановитый хозяинъ Татьяны Васильевны пришолъ, правда, въ болѣе-тѣсное отношенiе къ экономкѣ своей съ тѣхъ поръ, какъ скончалась голубка его, Агафья Андреевна; но это иначе и быть не могло. Сдѣлавшись вдовцомъ, долженъ же онъ былъ вѣрить кому-нибудь бразды домашнего правленiя, а вѣрить ихъ кому-либо, долженъ же былъ наблюдать за этимъ кѣмъ-либо.

Когда Адамъ Адамычъ вошолъ въ комнату, въ ней царствовало полное молчанiе, нарушаемое только изрѣдка свистомъ самовара и легкимъ сапомъ носа господина Желнобобова. Адамъ Адамычъ вошолъ тихохонько; сапоги его на тонкой подошвѣ и безъ каблучковъ, не простукнули. Онъ приблизился къ столу почтительно, и поклонился учтиво, однимъ почеркомъ головы, и Максиму Петровичу, и Татьянѣ Васильевнѣ, сидѣвшимъ на разныхъ сторонахъ чайнаго стола.

— Добрый день! — проговорилъ онъ, описывая снова головою эллиптическую линiю отъ Максима Петровича къ домоправительницѣ.

— Здравствуйте! — сказала громко и отрывисто экономка. — Что это вы долго? Чай-то ужъ простылъ.

Адамъ Адамычъ подвинулся къ столу, молча и почти тѣло глядя на господина Желнобобова, который тянулъ чай изъ огромнаго стакана, болѣе похожаго на купель, чѣмъ на стаканъ, и не обращалъ вниманiя ни на что, происходящее окрестъ.

— А! — сказалъ онъ наконецъ, помавая нижнею губой, когда Адамъ Адамычъ стукнулъ стаканомъ. — А ну, здорово!

— Злава Богу! — проговорилъ Адамъ Адамычъ, принимаясь мѣшать ложечкой въ стаканъ.

— Нечего ужъ мѣшать-то! — сказала Татьяна Васильевна: — давно ужъ разошелся сахаръ. Я вамъ первый стаканъ налила.

— Покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ почтительный Нѣмецъ.

— А ну, садись, Адамычъ! — сказалъ хозяинъ дома, указывая нижнею губой на ближайшій стулъ: — а ну, садись! гость будешь.

Адамъ Адамычъ снова поблагодарилъ и присѣлъ на стулъ. Присѣлъ онъ уютно и скромненько на краешекъ, а не развалился на спинку и не закинулъ головы залихватски назадъ, какъ дѣлаютъ нынче нѣкоторые юноши, не твердые въ правлахъ благопристойности и уваженія къ старшимъ.

— А ну! что? что киндеры-то? а!... Не былъ у нихъ? — спросилъ господинъ Желнобобовъ.

Адамъ Адамычъ постыдился поставить стаканъ свой на столъ и произнести, вставая со стула:

— Вы прикажете идти за нихъ?

— Нѣту, не надо! — отвѣчалъ господинъ Желнобобовъ: — слышь никакъ идутъ. А ну, какъ по нѣмецкому будетъ «идутъ»?

— Sie kommen, — сказалъ Адамъ Адамычъ.

— Зи комень, зи комень.... А ну, ладно! — Вотъ — сказалъ Максимъ Петровичъ, обращаясь къ Бобелинѣ: — еще слово выучилъ нѣмецкое! Зи.... зи.... Какъ-бишь, Адамычъ?

— Комен.

— Ну, да, да! зи комень.... Да садись же, Адамычъ, садись! Что ты, расти что-ли хочешь?

Адамъ Адамычъ снова занялъ самый крохотный уголокъ стула.

— А я это слово давно знаю! — сказала Бобелина гораздо привѣтнѣе прежняго. — Зи комень — это значить: идутъ, а комень зи значить: подите сюда!

— Вотъ тебѣ на! — произнесъ Максимъ Петровичъ, подѣзжая губой къ самому носу: — А какъ это вы знаете?

— Мнѣ Петинька сказали, — отвѣчала экономка.

— А!

Максимъ Петровичъ хотѣлъ, кажется, сказать еще что-то; но по лѣстницѣ въ корридоръ страшно затопали ноги, и въ чайную вошли четыре отрока въ клетчатыхъ холстинковыхъ рубашкахъ съ кожаными поясами, обстриженные по-Русски, чада Максима Петровича. Они шли лѣсенкой одинъ за другимъ, по старшинству лѣтъ, и направились все къ виновнику своего бытія. Старшему было не болѣе тринадцати лѣтъ; остальные были погодки. Облобызавъ поочередно руку родителя, они расшаркались передъ Адамомъ Адамычемъ и Татьяной Васильевной. Трое старшихъ, вслѣдъ за тѣмъ, усѣлись на стульяхъ; но младшій, повидимому обладавшій большою бойкостью, подошелъ къ Адаму Адамычу и сказалъ ему:

— Адамъ Адамычъ, я учиться сегодня не буду: сегодня мое рожденіе.

— 'S gut, 's gut! — торопливо произнесъ Адамъ Адамычъ. — Задизъ и пей чай!

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула Бобелина, приподымаясь на стулѣ: — Максимъ Петровичъ, мы и забыли совсѣмъ... Ведь, точно, Ганюшкино рожденіе сегодня.

— А! — сказалъ Максимъ Петровичъ, обращаясь къ новорожденному. — А ну, поди сюда!

Ганюшка подошелъ къ родителю, и родитель вонзилъ свою нижнюю губу въ его пухлую щеку.

— А ну, поздравляю. А ну, сколько тебѣ теперь лѣтъ, карась? а!.. А ну, сколько? а!

— Девять, — бойко отвѣчалъ Ганюшка.

— Девять?... девять, — такъ, такъ!.. А учишься плохо? а!.. Ведь плохо учится, Адамычъ?

— Зпозобности большія! — сказалъ Адамъ Адамычъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта, дабы не оскорбить Ганюшку въ такой высокаторжественный для него день.

— А ну, освободить его отъ ученья сегодня, освободить!.. по случаю рожденья, освободить, да!

— Очень хорошо, — промолвилъ Адамъ Адамычъ.

— А ну, садись! пей чай!

— Задивь, задивь! — подтвердилъ наставникъ, подставляя Ганюшкѣ стуль.

Братья его давно уже убрали за обѣ щеки огромные куски булки, и Ганюшка не замедлилъ пристать къ нимъ.

— А Петинька встали, Васинька? — спросила Бобелина, обращаясь къ старшему изъ бывшихъ на лицо потомковъ господина Желобобова.

— Да, да! — сказалъ Максимъ Петровичъ, вправляя въ ротъ нижнею губой кусокъ калача:—а ну, гдѣ же онъ? гдѣ?

— Я здѣсь, папенька! — сказалъ Петинька, входя въ комнату.

То былъ цвѣтущій оснадцатилѣтній юноша, довольно высокаго роста, съ длинными блокурыми волосами и нѣжнымъ, довольно красивымъ лицомъ. На немъ былъ синій сюртучекъ и пестрый галстухъ съ большимъ откладнымъ воротничкомъ. Во всей его фигурѣ была замѣтна щеголеватость. — Онъ тоже подошелъ къ ручкѣ родителя и подаль руку Адаму Адамычу, который спросилъ его, какъ онъ почивалъ, на что Петинька отвѣчалъ ему по-нѣмецки, что очень хорошо.

— Вотъ вамъ стаканчикъ, Петръ Максимычъ! — сказала Бобелина, подавая налитой стаканъ вошедшему юношѣ.

— Благодарю, — сказалъ, слегка кланяясь, Петинька, и сѣлъ около домоправительницы.

— Сладко ли, Петръ Максимычъ? — спросила дѣва.

— Сладко, очень-сладко, — отвѣчалъ юноша, пробуя чай ложечкой.

— Не хотите ли сухариковъ, Петръ Максимычъ?—продолжала спрашивать Бобелина.

— А ну, а ну!—воскликнулъ вдругъ Максимъ Петровичъ, качая головой:—ему сухариковъ? а!... а намъ нѣтъ!

— Да вѣдь никто не любитъ, кромѣ Петра Максимыча, произнесла домоправительница, отправляясь за сухарями къ шкафу.

— А ну, ладно! дай ему сухарей!

— Merci, —отвѣчалъ юноша Бобелинъ, которая съ нѣжною улыбкой подала ему корзинку съ сухарями.

— И мнѣ сухарей дайте!—завопилъ Ганюшка:—мое сегодня рожденье.

— *Verwöhntes Kind!*—выштался Адамъ Адамычъ, отстраняя руки Ганюшки отъ корзинки съ сухарями.—Не должно прозить.

— А ну, дать ему сухарь.... ради рожденья!—сказалъ Максимъ Петровичъ:—а отъ ученья отстранить!

Бобелина сердито взяла въ корзинку кривой и сожженный сухарь, и сунула его въ руку Ганюшкѣ.

— А ну, пойдти, пойдти приодѣться!—сказалъ, вставая съ кресель, Максимъ Петровичъ:—пойдти погулять! Погода-то, погода-то нынче славная.

Когда Максимъ Петровичъ удалялся, Бобелина сказала, собирая чашки:

— Ну, что, все накушались?

— Възъ,—отвѣчалъ Адамъ Адамычъ.—Время есть учиться.

— Да, ужъ восьмой въ исходѣ,—замѣтила домохозяйка.

— Ну, идите!—сказалъ наставникъ, обращаясь къ дѣтямъ.—Базиль, Юганъ, Михель! *Nun geht alle parat!* Я приду зейчасъ.

Адамъ Адамычъ удалился вмѣстѣ съ тремя отроками. Въ корридоръ послалъ онъ ихъ на верхъ, а самъ направилъ стопы въ свою горенку, чрезъ лакейскую, гдѣ Алешка усердно чистилъ ножи, а Макарычъ все еще продолжалъ корить и усовѣщивать казачка.

Взойдя на верхъ, Адамъ Адамычъ кликнулъ изъ-подъ кровати Пальму, которая уже при звонѣ ключа съ замкѣ высунула изъ своего убѣжища вылинявшую голову. Онъ вынулъ изъ кармана кусокъ калача, положилъ его на полъ и нѣсколько разъ произносилъ: «*vom Juden, vom Juden!*» Собака, виляя хвостомъ, взирала на лакомый кусокъ и не трогалась съ мѣста; но когда Адамъ Адамычъ произнесъ магическія слова «*vom Mädchen!*», Пальма быстро схватила калачъ и отправилась съ нимъ въ свой обычный приюгъ.

Всѣмъ за тѣмъ, Адамъ Адамычъ принялся за коробку съ нюхательнымъ табакомъ, котораго снова истребилъ

достаточное количество на приведение въ изящную чистоту своихъ зубовъ. Эту операцію герой мой привыкъ производить послѣ каждаго куска хлѣба, или чего-бы-то ни было съѣстнаго, побывавшаго у него во рту.

Между тѣмъ, какъ почтенный Нѣмецъ занимался такою внимательною заботою о Пальмѣ и своей особѣ, Гѣнюшка долго не хотѣлъ выходить изъ чайной, откуда выпроваживала его Бобелина то тихими и молящими, то строгими и грозными словами. Наконецъ, только обещаніемъ принести ему на верхъ прѣдникъ убѣдила домоправительница непокорнаго отрока — оставить чайный столъ.

Петинька продолжалъ еще пить чай, и Бобелина безпрестанно потчивала его то сухариками, то сахаромъ, спрашивая, сладокъ ли его чай.

— Не угодно ли вамъ пѣночку, Петръ Максимычъ?—спросила она, одной рукой подставляя Петинькѣ сливочникъ, а другою поправляя кружевной воротничокъ, глядѣвшій изъ большаго отверстія ея блузы, у самой души.

— Нѣтъ, благодарю!—отвѣчалъ прекрасный юноша:— я ужъ допиваю.

— Скажите пожалуйста, Петръ Максимычъ, — продолжала нѣжная дѣва:—отчего вы такіе невеселые сегодня?

— Ни мало, съ чего вы это взяли? — сказалъ Петинька, глядя въ лицо Бобелинѣ.

Взоры домоправительницы подернулись маслянистой влагой и пріятная улыбка легонькой лести покосила немало правый уголъ ея рта.

— Впрочемъ, это къ вамъ очень идетъ, Петръ Максимычъ. Вы сегодня такіе интересные.

— Будто?—проговорилъ юноша, пріятно улыбаясь.

— Ахъ, да, я хотѣла спросить васъ, Петръ Максимычъ, — продолжала Бобелина нѣжнымъ и вкрадчивымъ тономъ:— какое пирожное желаете вы сегодня?

— Мнѣ рѣшительно все равно.

— Я думала приказать сдѣлать суфлей. Я знаю, что вы любите суфлей. Только не знаю, изъ чего лучше?

— Изъ чего хотите, — отвѣчалъ Петинька, торопливо допивая свой стаканъ чаю.

— Я велю изъ шоколаду сдѣлать, Петръ Максимычъ?— приставала домоправительница.

— Ну, изъ шоколаду, такъ изъ шоколаду!—Пора мнѣ однакожь.... Адамъ Адамычъ, я думаю, ждѣтъ.

— Ну, что за важность такая! Погодите немножечко, Петръ Максимычъ; доставьте мнѣ это удовольствіе!

— Нѣтъ, надо идти. Неловко.

— И чему вамъ учиться у Адама Адамыча, Петръ Максимычъ? Вы сами гораздо больше его знаете.

Лицо юноши озарилось усмѣшкою гордости и самодовольствія.

— Это, конечно, отчасти правда; да папѣ такъ хочется. Пусть ужъ будетъ по его!

— Максимъ Петровичъ, право, странные такіе. Ну, что знаетъ этотъ Нѣмецъ? и по своему-то, кажется, гораздо хуже васъ.

— Ну, не хуже, положимъ, — сказалъ юноша, вставая. — Пора, впрочемъ, мнѣ, пора!

— Ахъ, позвольте! — сказала вдругъ, воспрянувъ со стула, Бобелина, когда Петинька всталъ: — что это у васъ на головѣ?

— Гдѣ? — спросилъ Петинька, шаря у себя на лбу.

— Нѣтъ, не тутъ-съ. Вы не косматѣте волоски, Петръ Максимычъ! Позвольте, я сниму. Это пухъ, кажется.

— Ну, снимите! — сказалъ юноша, наклоня немного голову.

Бобелина подошла къ нему почти вплотъ и подняла обѣ руки на его голову. Хотя пушинка была самая микроскопическая; но тѣмъ не-менѣе нѣжная дѣла одною рукою пригладила рядъ, пронятый въ волосахъ юноши, а другою стала бережно и медленно снимать пушинку, чтобы не сдвинуть съ мѣста ни единого волоска. Во время этой операциі крутая и горделивая грудь воинственной Бобелины коснулась жилета юноши. Руки Петиньки вдругъ обхватили мягкій станъ дѣвы и прижали ее къ груди. Бобелина слабо вскрикнула, освобождаясь отъ этихъ тѣсныхъ объятій.

— Ахъ, какіе вы шутники, Петръ Максимычъ! Какъ это можно, поутру? — произнесла она съ жеманной улыбкой. — Что это вы? Ну, не равно папенка всйдуть!

Въ ближайшей комнатѣ раздався скрипъ сапогъ.

— Вотъ онъ и легокъ на поминъ! — сказалъ Петинька, удаляясь изъ чайной.

— А ну, ну! — воскликнулъ господинъ Желнобобовъ, просовывая въ дверь свою голову, облеченную уже въ парикъ съ пріятнымъ хохолкомъ, — а ну, велите сѣно принять, Татьяна Васильевна!... Привезли тамъ два воза.

— Сейчасъ! — грубо произнесла Бобелина, съ досадою двигая чашки и оглушительно звеня чайными ложками.

Когда Петинька взбѣжалъ на верхъ и вошелъ въ классную комнату, которая была вмѣстѣ и спальнею четырехъ младшихъ дѣтей, наставникъ юношества только что садился на свое наставническое мѣсто, на одномъ концѣ длиннаго бѣлаго стола, исчерченнаго разными фигурами посредствомъ перочинныхъ ножичковъ, карандашей и перьевъ.

— *Gieb mal meine Arme! her!* — сказалъ онъ, обращаясь къ Васинькѣ, сидѣвшему на противоположной сторонѣ стола.

По слову Адама Адамыча, Васинька выдвинулъ ящикъ стола, и вынулъ оттуда два бережно сложенныхъ сѣрыхъ коленкорovýchъ рукава, которые Адамъ Адамычъ не замедлил натянуть на свои руки, съ цѣлью предохранить свой табачный сюртучокъ отъ всякихъ постороннихъ пятенъ.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ процессъ ученія, который Адамъ Адамычъ выполнялъ всегда съ любовью и тщательностью чловѣка, преданнаго душою своему предмету.

Время, кажется, сказать теперь читателю, чему и какъ училъ Адамъ Адамычъ дѣтей чадолюбиваго отца Желнобобова. Главнымъ предметомъ преподаванія былъ, разумѣется, нѣмецкій языкъ *Mutterergache* Адама Адамыча; второстепенными предметами — каллиграфія, которую Адамъ Адамычъ воздѣлывалъ съ искреннею любовью, и географія, обогащенная немалымъ количествомъ замѣчаній самаго преподавателя, — замѣчаній, почерпнутыхъ имъ изъ многолѣтняго опыта

и странствованій по многимъ городамъ, какъ русскимъ, такъ и инымъ.

Первымъ дѣломъ Адама Адамыча было отобрать отъ всѣхъ питомцевъ тетрадки съ нѣмецкими словами, положить ихъ въ кучку подъ одинъ изъ своихъ коленкоровыхъ локтей, и начать спрашивать учениковъ сначала по порядку, потомъ въ разбивку, но все таки соблюдал очерель.

Въ ученіи дѣтми наизусть вокабулъ, Адамъ Адамычъ слѣдовалъ самому строгому систематическому порядку, а именно: сначала заучивали питомцы его названія добродѣтелей и пороковъ, и вообще отвлеченныя понятія по предметамъ религіи и философіи; потомъ ученикъ отъ понятій высшихъ переходилъ къ природѣ, заучивалъ названія звѣрей, птицъ, рыбъ и травъ. Наконецъ входилъ онъ въ бытъ чловѣка, какъ извѣстно, разумнѣйшаго изъ животныхъ, знакомился съ номенклатурой его домашнихъ и общественныхъ нуждъ; потомъ переходилъ къ самому организму чловѣка, узнавалъ имена составныхъ его частей и самыя болѣзни и немощи брэннаго чловѣческаго тѣла.—Въ тотъ день, который принялись мы изображать, ученики Адама Адамыча дошли уже до этого важнаго отдѣла. Впереди, впрочемъ, оставалось имъ еще много прекрасныхъ словъ по части физики и другихъ немнѣе значительныхъ отраслей знанія.

Петинька давно уже не училъ вокабулъ, а занимался болѣе переводами, и потому сѣлъ къ особому, маленькому столику, развернулъ томикъ Карамзина и принялся передавать нѣмецкимъ языкомъ одно изъ «Писемъ русскаго Путешественника».

Трое остальныхъ питомцевъ Адама Адамыча сидѣли смирно и скромно, опустивъ руки подъ столъ, и только Ганюшка, въ ознаменованіе высокаторжественнаго дня своего рожденія и вождельннаго вступленія въ десятый годъ своего возраста, помѣстился на одной изъ четырехъ кроватей, находившихся въ комнатѣ для помѣщенія четырехъ дѣтенышей господина Желнобובה, кромѣ Петиньки.

— Ну, Базиль!—воскликнулъ Адамъ Адамычъ, обращаясь къ Васинькѣ:—желтуха.

— *Gelbsucht!*— произнесъ Васинка съ полнымъ достоинствомъ, какимъ облакаетъ человека знаніе.

— *Sgut!* — сказалъ Адамъ Адамычъ, тщательно скрывая книгу отъ глазъ Ванички, который косвенно запускалъ въ нее свои лобознательныя взоры.— Михель! чесотка.

Мишинка почесалъ у себя въ головъ и заблагоразсудилъ выразительно промолчать.

Адамъ Адамычъ придвинулъ къ себѣ лоскутокъ бумаги, обмкнулъ въ чернила перо и выставилъ на этомъ лоскуткѣ: *Michel*; потомъ противъ этого имени протянулъ небольшую черту. — Я бы, разумется не сталъ утруждать читателей всеми этими подробностями, еслибъ не имѣлъ благаго намѣренія познакомить педагоговъ съ образомъ преподаванія моего героя. Адамъ Адамычъ отиѣчалъ такимъ образомъ черточками каждое слово, которое не зналъ кто-либо изъ его питомцевъ. Такъ доставлялась ему возможность судить наглядно, такъ сказать, математически, о степени знанія ученика. Само-собой-разумется, что ни одна отѣтка не пропадала даромъ для мудраго наставника.

— Ну, ты не знаешь.— Ваничка! *wie deutsch* чесотка?

Хотя Ваничка подсмотрѣлъ не одно уже слово въ тетрадкѣ, пока Адамъ Адамычъ записывалъ ошибку Мишиньки; но, тѣмъ не-менѣе, наскоро никакъ не могъ найти своимъ пытливымъ окомъ необходимое въ эту минуту слово. Поэтому Ваничка промолчалъ.

За то Ганюшка, хранившій дотолъ глубокое безмолвіе, вытаскилъ потихоньку изъ-подъ подушки свою тетрадку вокабулъ, отыскалъ данное слово, тетрадку опять спряталъ, а самъ воскликнулъ:

— Я знаю, Адамъ Адамычъ. *Kätzle?*

Адамъ Адамычъ, не подозрѣвавшій до тѣхъ поръ присутствія новорожденнаго отрока, обратилъ драгоценное вниманіе свое на Ганюшку; но былъ очень непріятно пораженъ неблагочинною позой, въ которой лежалъ Ганюшка на кровати.

— *So,*— сказалъ онъ съ видомъ неудовольствія;— *aber* не должно такъ лежать во время урока, Габріэль!

Ганюшка лежалъ по-прежнему.

— Онъ посмотрѣлъ въ свою тетрадку! — воскликнули въ три голоса остальные питомцы Адама Адамыча. — Онъ не зналъ, какъ чесотка, Адамъ Адамычъ!

— Зядь, Габріэль! — продолжалъ Адамъ Адамычъ, не обращая вниманія на извѣтъ Васиньки, Мишиньки и Ванички:—зядь! нехорошо лежатъ такимъ *sranischer Vock*.

Ганюшка всталъ, подошелъ къ столу и спросилъ:

— *Was ist das*, Адамъ Адамычъ: *sranischer Vock*?

— Я не знаю, какъ въ русскомъ. Петинька!—обратился онъ къ юношѣ:—вы не знаете, что обозначаетъ *sranischer Vock*?

— Нѣтъ,—проговорилъ Петинька, не оборачиваясь.

— Ищи въ лексиконъ, Габріэль! — сказала Адамъ Адамычъ, не забывъ отмѣтить на лоскуткѣ бумаги промахъ Ванички.

За тѣмъ Адамъ Адамычъ продолжалъ по прежнему спрашивать своихъ учениковъ о названіяхъ разныхъ недуговъ, не менѣ пріятныхъ желтухи и чесотки.

Послѣ спрашиванья вокабулъ, наставникъ принялся за диктовку, такъ-же тщательно отмѣтилъ всѣ ошибки и подписалъ число ихъ въ тетрадкѣ cadaго.

За диктовкою слѣдовало произнесеніе поочередно стиховъ наизусть, что Адамъ Адамычъ обозначалъ названіемъ декламации, или практическаго упражненія въ произношеніи.

Когда все это было окончено, Адамъ Адамычъ развернулъ передъ каждымъ изъ своихъ питомцевъ по листку имъ самимъ выписанныхъ прописей, и дѣти принялись за каллиграфію.

Въ это время Петинька подалъ ему свой переводъ. Какъ нарочно, попадись Петинькѣ подъ руку то письмо Карамзина изъ Парижа, гдѣ говорится о Палерояль и о нимфахъ радости, заманивающихъ нежныхъ и чувствительныхъ путешественниковъ въ свои таинственные гроты. Переводя все только приблизительно, это мѣсто Петинька обдѣлалъ съ особою тщательностью и даже прибавилъ строкъ десять отъ себя. Когда Адамъ Адамычъ прочелъ его, — глубокая тоска о безнравственности юноши обула его любящую душу.

— Не слѣдуетъ переводъ дѣлать Карамзина. Переводите другое зочиненіе.

— Отчего же не слѣдуетъ?—грубо спросилъ Петинька:— развѣ это легко?

— Здѣсь есть мѣста, не должны которыя знать молодой человѣкъ.

— Что же, я мальчикъ по вашему, что-ли? — сказалъ Петинька съ оскорбленнымъ видомъ.

— Нѣтъ, но еще не зовемъ человѣкъ.

— Ха, ха, ха! не совсѣмъ человѣкъ?... Вы, кажется, знаете, что я на будущій годъ въ Университетъ ѣду... такъ, я думаю, могу читать и переводить все, что мнѣ вздумается.

Давно уже замѣчалъ Адамъ Адамычъ въ питомцѣ своемъ пагубную склонность къ вредоносному чтенію; ею отчасти потерялъ Петинька прежнее благоволеніе своего наставника, который считаеъ и малѣйшій намекъ на что-либо «неподходящее»—растлѣніемъ нравовъ. Онъ молча взглянулъ на Петиньку. На устахъ его была написана глубокая укоризна; Петинька же улыбался иронически.

— Я бы зовѣтовалъ вамъ,—сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Адамъ Адамычъ: — «Разговоръ о счастіи» переводить изъ хрестоматіи.

— Сами не хотите ли? — спросилъ насмѣшливо Петинька.—Изъ хрестоматіи! Да что, младенецъ я, что-ли?... Вѣдь и то, что вы предлагаете переводить, тоже Карамзина.

— Оставимъ этотъ разговоръ! — сказалъ наставникъ, дочитывая переводъ Петиньки:

— Mit ihnen ist nichts zu sprechen: вы упрямъ, и очень-много о себѣ думаетъ.

— Да вѣдь смѣшно слушаться-то васъ во всемъ! — сказалъ Петинька, принимая самый-гордый видъ.— Возьмемъ нѣмецкую литературу... Что вамъ въ ней нравится? Клаурень какой-нибудь, который чортъ-знаетъ на что годенъ!

— Оставьте Клаурень zufrieden, и задитесь на мѣсто, или уходите! Вы мѣшаете мнѣ урокъ давать.

Петинька не унялся и продолжалъ:

— Матиссонъ, напрымьрь .. Ну, что въ немъ?

— Отстанте отъ меня! — проговорилъ, потушивъ очи, Адамъ Адамычъ.

Дверь въ это мгновеніе полуотворилась, и рука Бобелины поманила Петиньку.

— Не хотите ли кофейку, Петръ Максимычъ?—спросила дѣвственная домоправительница:—ужь одиннадцать часовъ

— Сейчас!—сказала Петинька, дѣлая знакъ Бабелинѣ, чтобы она скрылась.

Ганюшка въ одну секунду вскочилъ съ кровати, которую занялъ-было снова, и бросился опретью внизъ.

— *Gieb mal her die Signatur!* — проговорилъ Адамъ Адамычъ, обращаясь къ Ваничкѣ.

Адамъ Адамычъ называлъ сигнатурою тетрадь, въ которой ежедневно вписывались отчеты о занятіяхъ дѣтей.

Противъ имени Ганюшки онъ отмѣтилъ: «*nicht gelernt*»; противъ Петиньки: «*gut*». —Когда вписывалъ онъ это «*gut*», самыя горькія мысли шевелились въ его душѣ.

— Гдѣ же хорошо онъ учится? — думалъ Адамъ Адамычъ:—ему слѣдовало бы отмѣтить: вольнодумствуетъ, непокорствуетъ... Но съ Максимомъ Петровичемъ не сладить; ничего ему не растолкуешь. Да и по-русски-то у меня выходитъ все не такъ, какъ вышло бы по-нѣмецки.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ ушелъ Адамъ Адамычъ изъ классной, зашелъ къ себѣ въ комнатку, взялъ фуражку и отправился изъ дому.

По неисповѣдимымъ судьбамъ, большинство народонаселенія городка Забубеньева состояло изъ дѣтей, и потому Адамъ Адамычъ не имѣлъ почти свободной минуты, давая многимъ изъ нихъ уроки, на что благосклонно соглашался господинъ Желнобобовъ.

На этотъ разъ, Адамъ Адамычъ отправился къ исправнику Юзгину, у котораго было двое сыновей-младенцевъ и одна дочь, носившая панталончики, хотя лифъ ея платья почти каждый день надо было разставлять. Тоже раченіе, таже метода, какія употреблялись въ дѣло Адамомъ Адамычемъ при обученіи дѣтей господина Желнобобова, были

пущены въ ходъ и тутъ. Адамъ Адамычъ съ собою нѣжностью смотрѣлъ на исправникову Лизаньку, называлъ ее соловьемъ—Nachtigall, и любовался, спрашивая вокабулы, бѣлою и полной ея шейкой.

Когда наставникъ окончилъ урокъ и отправился къ своимъ пенатамъ, былъ уже первый часъ въ половинѣ. Господинъ Желнобобовъ обѣдалъ по-христіански—въ часть, и потому Адамъ Адамычъ нашелъ столъ накрытымъ, казачка въ болѣе-опрятномъ видѣ, а Макарыча, который заправилъ уже свой желудокъ, не столъ-свирѣпымъ.

Не успѣлъ выкурить и одной трубочки почтенный герой мой, какъ Алешка-казачекъ возвѣстилъ ему, что супъ уже поданъ.

Въ большой залъ, которая служила и вмѣсто столовой, растянута былъ довольно-длинный столъ. Максимъ Петровичъ сидѣлъ уже на одномъ краю, обвязавъ вью свою салфеткой; на другомъ краю, Бобелина, стоя, разливала супъ. Адамъ Адамычъ присѣлъ около хозяина, и слѣдомъ за нимъ явились его питомцы.

Адамъ Адамычъ находилъ обѣдъ своего хозяина очень хорошимъ и питательнымъ, когда не подавали къ нему раковъ, къ которымъ чувствовалъ онъ неопределимую антипатію. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было не питать уваженія къ этому столу? Это не то, что какой-нибудь новомодный обѣдъ! Ужъ если подадутъ супъ, такъ въ немъ чего хочешь, того и просишь: и говядина, и курица, и рисъ, и рѣпа, и картофель, и морковь, и петрушка. Не то, что какой-нибудь прозрачный бульонъ, въ которомъ ничего не выловишь! Пирожки къ супу обжарены въ маслѣ,—и ужъ видно, что масла не жалѣютъ: такъ съ нихъ и течетъ. Про пирожное же и говорить нечего... Не такое пирожное, что только провизія на него выходитъ, а поѣсть нечего; пирожное и сладкое и питательное: олады, напимѣръ, заварныя или творожныя, или съ медомъ; каша рисовая въ формѣ, и съ изюмомъ, и съ корицей, и съ гвоздикой; розаны—точно живые, — и одинъ съѣшь, такъ сытъ на весь день!

Обѣдъ прошолъ тихо и безмолвно. Бобелина смотрѣла съ нежностью на Петиньку, который сидѣлъ съ нею рядомъ, и указывала ему на лучшіе куски изъ каждаго блюда. Максимъ Петровичъ ѣлъ усердно; но какъ-скоро тарелка его опрастывалась, онъ начиналъ дремать, ибо приближался часъ вождельннаго послѣобѣденнаго отдохновенія. По временамъ только восклицалъ онъ:

— А ну, что же? что же? эдакія бестіи! зайдутъ въ кухню—и заболтаются. А ну, пошолъ, пошолъ, Алешка! гони ихъ, мерзавцевъ! А ну, пошолъ, гони!

Мудрый наставникъ смотрѣлъ болѣе въ свою тарелку, и только изрѣдка, когда Ганюшка, мотая подъ столомъ ногами, задѣвалъ его пяткой по колѣнкѣ, приговаривалъ съ укоризной:

— Зиди зпокойно! Что дѣлаешь ты зъ ногами?

Обѣдъ кончился; суффле торжественно заключилъ его, и всѣ отправились по своимъ мѣстамъ: Ганюшка въ садъ—побѣгать на свободѣ, прочіе дѣти въ классную ждать русскаго учителя, Максимъ Петровичъ въ свой кабинетъ—на боковую; Бобелина ушла въ гостиную.

Одинъ Петинька остался въ залѣ, сѣлъ у отвореннаго окна и сталъ смотреть на пустую улицу. Лакеи, прожовывая захваченные съ тарелокъ куски, убрали со стола и отправились всхрапнуть, кто въ лакейскую, кто въ застольную.

Дверь изъ гостиной скрипнула. Оттуда высунулась голова Бобелины.

— Петръ Максимычъ, коммень-зи!—прошептала она съ улыбкой на устахъ и съ влагой во взорахъ.

Петинька усмѣхнулся, всталъ и прошолъ на цыпочкахъ въ гостиную.

Между тѣмъ, Адамъ Адамычъ почистилъ уже себѣ зубы нюхательнымъ зельемъ, покормилъ изъ обломка горшка свою Пальму, пабилъ трубочку и сѣлъ съ книгою на кровать.

И этотъ день, какъ многіе дни Адама Адамыча, канулъ въ вѣчность безъ особыхъ замѣчательныхъ происшествій.

Когда солнце утратило свою жгучесть и предъ закатомъ его разлилась въ воздухъ пріятная свѣжесть, Адамъ Адамычъ пошолъ погулять. Какъ истинный любитель природы, онъ направилъ стопы свои въ большой садъ, полный прохлады и тѣни, и тамъ, сидя подъ развѣсистой тополью, отдался весь своимъ мечтамъ и воспоминаніямъ.

Въ оврагѣ, оканчивавшемъ собою садъ и заключавшемъ въ себѣ цѣлое озеро воды, весело покрякивали лягушки; мошки сповали около лица Адама Адамыча; пѣсня какой-то птицы ярко звенѣла въ вѣткахъ густыхъ деревьевъ... Тѣнь длиннѣе и свѣжѣе ложилась по аллеѣ, — а мысли Адама Адамыча летали далеко, а воспоминанія тѣснымъ и шумнымъ росемъ бились въ его спокойное сердце...

II.

И вся былая, давно-промелькнувшая жизнь, съ картинами не отуманеннаго дѣтства и любящей юности, съ прошлыми, и потому вдвое-милыми сердцу радостями, воскресла передъ мысленными очами нашего героя, и, подъ вліяніемъ могучей силы воспоминаній, помолодѣла его начавшая уже съдѣть голова.—Видѣнія за видѣніями вставали передъ Адамомъ Адамычемъ.

Вотъ его далекая родина. Вотъ темный сосновый лѣсъ съ смолянымъ запахомъ, съ глухими тропинками, заросшими высокой травой и загаленными хворостомъ, съ звонкоголосыми пгицами, съ вѣчнымъ таинственнымъ шумомъ и говоромъ вѣтвей.

А вотъ и маленькій, сѣренькій домикъ въ этомъ лѣсу, обнесенный непыльнымъ цвѣтникомъ, гдѣ пестрѣютъ мальфы, ноготки и гвоздики.

На небольшомъ дворѣ лѣснаго домика стоитъ полный и здоровый, небольшого роста человѣчекъ, съ самою-довольною фizioноміей, съ улыбающимися глазами и гладко-выстриженной бѣлокурой головой. Погода тепла; лужайка, на которой выстроены домики, вся озарена полуденнымъ лѣтнимъ солнцемъ. Человѣчекъ, стоящій на дворѣ, одѣтъ очень легко: на немъ одинъ длинный, какъ камзолъ, жилетъ, съ огромными карманами, короткія бѣлыя штаны, сѣрые чулки

и черные безъ пряжекъ башмаки, самой простой работы. Важное занятіе поглощаетъ все его вниманіе: передъ нимъ лягавый щенокъ дѣлаетъ стойку надъ мертвой уткой, безпрестанно порываясь къ ней мордой. Терпѣливъ лѣсничій: цѣлое утро бьется онъ съ безтолковой собакой; но не унываетъ, зная навѣрное, что достигнетъ своей цѣли, и что глупый щенокъ будетъ таки со временемъ дивной охотничьей собакой. Сильный и безумолчный лай пяти другихъ псовъ, которыхъ лѣсничій нарочно заперъ въ сарай, на углу двора, чтобы они не мѣшали лягавому новичку штудировать стойки и поноски, — ни мало не трогаютъ его и не мѣшаютъ продолжать свое дѣло.

Хорошенькій кудрявый мальчикъ, лѣтъ шести, вбѣгаетъ на дворъ, махая свѣжий, только что срезаннымъ хлыстикомъ. Синяя курточка почти свалилась съ его плечъ, бѣлая сорочка растегнута, и дѣтская грудка тяжело дышетъ. Панталоны ребенка, поутру еще не уступавшіе бѣлизною снѣгу, теперь всѣ испачканы зеленымъ сокомъ травы и смолою сосенъ. Въ тонкихъ, мягкихъ и желтыхъ, какъ ленъ, волосахъ его запутались рѣпы и зеленыя иглы.

При появленіи ребенка, щенокъ, находящійся въ дрессировкѣ, собирается приласкаться къ нему; но строгій учитель взмахиваетъ своею плеткой, и щенокъ принужденъ продолжать свою стойку. — Лѣсничій грозитъ ребенку и говорить ему: — Ступай къ мамѣ, Адамъ!

Мальчикъ вбѣгаетъ въ комнату, свѣтлую и въ высшей степени опрятную. Бѣлый, некрашенный полъ выскобленъ чисто начисто и прикрытъ въ разныхъ направленіяхъ бѣлыми хошевыми половиками. Стѣны блестятъ на солнцѣ. Съ одной стороны весело смотритъ портретъ непривѣтливаго въ натурѣ оберъ-форстмейстера; на другой широко раскинула запутанные рога голова оленя, поддерживавшая полдюжины свѣтлыхъ ружей. Простые, некрашенные стулья и такой же столъ составляютъ всю мебель комнаты. За нею слѣдуетъ скромная спальня лѣсничаго, съ кроватью подъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ, съ распятіемъ на стѣнѣ и молитвенникомъ на маленькомъ столикѣ.

Ребенокъ бѣжитъ черезъ эти двѣ комнаты прямо въ чистенькую кухню, гдѣ ослѣпительно бѣлая изразцовая печь заключаетъ въ себя простую трапезу небольшой семьи, и, какъ жаръ, горитъ посуда, систематически расположенная на полкахъ. Тамъ у окна, открытаго въ цвѣтущій садикъ, приготовленъ уже столъ, для обѣда, и Адама встрѣчаетъ объятіями не молодая, высокая, худая, рыжая и очень не красивая, но за то неизмѣримо-любящая мать. Съ нѣжными укоризнами, больше похожими на ласки, расчесываетъ она его всключенныя кудри, чиститъ вѣничкомъ синюю курточку, перемѣняетъ на немъ панталоны, застегиваетъ ему воротъ сорочки и обтираетъ лицо мокрымъ полотенцемъ, а потомъ нѣжно-нѣжно цалуетъ его глазки, щеки, губки и курчавые волосы нѣжными материнскими устами.

Но кукушка кукуетъ уже двѣнадцать разъ на стѣнныхъ часахъ; супъ разливаетъ пріятный запахъ,—и хозяйка, поправивъ свой полотняный чепецъ, полотняный воротничекъ и полотняный же фартукъ, бѣжитъ, гремя ключами, подвѣшенными къ ея поясу, звать обѣдать лѣсничаго. Собаки тотчасъ же выпускаются изъ засады; щенокъ бѣснуется отъ радости, что кончилъ долгій искусь, — и семья собирается у дымящейся миски.

Вкусенъ супъ послѣ усталости, вкусны земляныя груши съ кислосладкимъ соусомъ, вкусна каша съ свининой, вкусна приличная доза свѣжаго пива; но вкуснѣе всего миръ и спокойствіе домашняго круга! Нехитростныя рѣчи, незлобныя шутки и ласковыя слова другъ другу сокращаютъ время обѣда,—и всѣ трое совершенно счастливы. Счастливъ самъ лѣсничій, что достигъ нѣкоторой степени понятливости въ щенкѣ; счастлива жена его, что отлично удался обѣдъ; счастливъ и маленький Адамъ, что вдосталь побѣгалъ по лѣсу и сытно поѣлъ, и кромѣ того счастливъ каждый изъ нихъ счастьемъ двухъ другихъ....

И идутъ такъ дни за днями, безмятежно смѣняя другъ друга.

Но ребенокъ подростаетъ. Синяя курточка стала ему узка; пора бросить ее и сдѣлать ему изъ стараго кафтана

отца новую, пора наконецъ дать ему я книгу въ руки. Довольно бѣгать по лѣсу безъ мысли и заботы!

Ребенокъ учится читать; онъ понятливъ, и скоро кончить азбуку. Знаетъ онъ и молитвы и двѣ три басни наизусть. Скоро уроки матери нужно будетъ замѣнить другими уроками.

И настаетъ наконецъ время болѣе серьезнаго ученія. Адамъ въ первый разъ прощается съ домашнимъ кровомъ. Правда, новое жилище его недалеко отъ прежняго—и мила вѣтъ; а все же грустно. Мать плачетъ, отецъ благоразумно уговариваетъ ее, хотя и самъ прослезился, а сынъ припалъ къ ея худощавой груди и не хочется ему оторваться. Но лошадка ждетъ у крыльца; лѣсничій надѣлъ кафтанъ, снялъ съ оленьей головы ружье и зоветъ вхать....

На новосельѣ хорошо Адаму. Онъ учится въ приходской школѣ маленькаго городка, и живетъ у приходскаго шувейстера, добраго стараго вдовца, давнишняго пріятеля лѣсничаго. Адаму нравится новое житье, и весело ему играть съ маленькой и бѣленькой Минхень, дочкой учителя. Твердить онъ свою нѣмецкую грамматику, склоняетъ латинскія слова, спрягаетъ латинскія verbs; узнаетъ по немножку о герояхъ, жившихъ въ старину, о битвахъ, покрывавшихъ кровью землю; идетъ не съѣзжая изъ Ассиріи въ Вавилонъ, изъ Греціи въ Римъ; знакомится и съ той наукой, которая рассказываетъ о томъ, какой главный городъ въ какомъ государствѣ, и о томъ, гдѣ родится хлопчатая бумага, и гдѣ водятся слоны. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Адамъ ходитъ пѣшкомъ, съ сумкой за плечами, домой, гдѣ ждетъ его теплый привѣтъ матери, ласковое слово отца. Дома идетъ своимъ чередомъ его специальное образованіе. Отецъ его человекъ не ученый, но дѣльный и опытный практикъ. Адамъ заучиваетъ названія разныхъ породъ деревьевъ, изучаетъ искусство дрессированія всякихъ собакъ лягавыхъ и меделянскихъ, учится стрѣлять и ходить съ отцомъ на бекасовъ....

И дни идутъ за днями, безмятежно смѣняя другъ друга. Но вотъ ужъ и золотистый пушокъ пробился на верх-

ней губъ Адама; онъ почти сравнялся ростомъ съ своимъ учителемъ, школьный кругъ познаній почти весь обойденъ имъ, и дома вставляетъ онъ иногда свое словцо въ разговоры лѣсничихъ о мѣрахъ къ истребленію коркового жука, или о разведеніи лѣса. Ему уже шестнадцать лѣтъ, и не долго осталось ему до конца ученія.

Но чѣмъ болѣе приближается этотъ конецъ, тѣмъ сильнѣе становится какое-то странное волненіе въ его груди. Онъ не съ прежней уже радостью ходитъ домой: онъ все что-то думаетъ и передумываетъ. Зато скоро и радостно бѣжитъ онъ назадъ, къ шульмейстеру, — и останавливается на дорогѣ только для того, чтобы нарвать цвѣтовъ, которыми обильно изукрашена не длинная его дорога. У маленькаго озера на пути Адамъ снимаетъ съ себя платье и бросается въ воду, чтобы сорвать нѣсколько бѣлыхъ водяныхъ лилій, блестящихъ, какъ жемчужины, посреди изумрудной зелени широкихъ листьевъ и яхонтовой синевы воды. Но срывая ихъ, онъ думаетъ: «Она еще бѣлѣе этихъ лилій». У пригорка, лежащаго близъ городка и опушеннаго мелкимъ кустарникомъ, Адамъ рветъ, или выкапываетъ съ корнями кустики фіалокъ; но при этомъ опять думаетъ: «Глаза ея нѣжнѣе этихъ фіалокъ». И потомъ, глядя на весь букетъ, который назначенъ дочкѣ учителя, Адамъ шепчетъ улыбающимся устами: «Она краше во сто разъ этого букета!»

Вы уже поняли, читатель, что молодое сердце Адама забилось новымъ, невѣдомымъ ему дотолѣ чувствомъ. Да и какъ было не полюбить ее—эту тихую, какъ ягненокъ, нѣжную, какъ голубь, и прекрасную, какъ весенній цвѣтокъ, дѣвушку. Минхенъ раздвѣгается съ каждымъ днемъ лучше и лучше. Бирюзовыя глазки ея сдѣлались, точно, сини, какъ фіалки, и тихая нѣжность теплится въ нихъ подъ чистою влагой дѣвическихъ слезъ; льняныя волосы ея стали темнѣе цвѣтомъ, не свиваются въ кольца и обрамляютъ гладкими широкими лентами ея бѣлое личико. Прежняя молочная бѣлизна и алая краска ея щекъ смѣнялись какою-то матовою прозрачностью и тонкимъ розовымъ румянцемъ. За то еще свѣжѣе развернулись пышныя губки Минхенъ, алая,

какъ двѣ поспѣвающія вишни, — и просятъ поцалуя; зато, какъ двѣ бѣлыя голубки, быются подѣ высокими лифами платья, непорочныя груди дѣвушки, — и настаетъ пора первой любви, блаженная пора, которой не купить уже потомъ никакими лишеніями, никакими горестями и бѣдствіями жизни.

Свѣтлая весна грѣветъ землю, и сердце Минхенъ смутно грепещеть.... Свѣтлая весна уступаетъ мѣсто свѣтлому лѣту — и Минхенъ уже любить всею силой первой любви.

O klingender Frühling, du selige Zeit
Und bist da vorüber, uns thut es nicht leid:
Wir liebten uns gestern, wir lieben uns heut',
Wir lieben uns morgen, wir glückliche Leut'!

Въ маленькомъ садикѣ шульмейстера стоятъ три высокія липы, щедро одѣтыя зеленою, и дерновая скамейка прилажена между этими тремя липами.

По саду ходитъ самъ старый хозяинъ его, срѣзываетъ засохшія вѣтки и замазываетъ смолой свѣжія раны, нанесенныя деревьямъ его ножницами.

На дерновой скамейкѣ, подѣ липами, сидитъ Адамъ, перелистывая исторію того великаго героя, который былъ еще юношей, когда почти весь свѣтъ покорился ему. Онъ смотритъ на портретъ, приложенный къ занимательной повѣсти Квинта-Курція, и любитъ этимъ прекраснымъ лицомъ, освѣненнымъ пышнымъ шлемомъ, изъ-подѣ котораго выбиваются прекрасныя локоны длинныхъ волосъ.... Но душа молодаго Пѣмца не разгарается честолюбіемъ, а читая исторію сказочныхъ подвиговъ Александра, глядя на его благородный юношескій образъ, онъ думаетъ не объ убогихъ тревогахъ битвъ, а о тихомъ счастьи любви.

Минхенъ, въ простомъ ситцевомъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ, и съ маленькимъ чепцомъ на маленькой головкѣ, сходитъ со ступенекъ незатѣливаго балкона и несетъ кружку вспѣннаго пива старому шульмейстеру.

День клонится къ вечеру; солнце косыми лучами прорѣзываетъ гуцу трехъ стройныхъ листьевъ, и каждый листъ ихъ обрамленъ свѣтлою чертой, какъ изумрудное сердечко, вставленное въ золотой ободокъ. Старикъ окончилъ свою

работу, выпилъ всю кружку пива, обтеръ потъ съ лица и сказалъ, обращаясь къ ученику и къ дочери:

— Подберите-ка ветки, которыхъ я столько настригъ сегодня, да сложите ихъ въ кучу. Онѣ годятся для камина. А я усталъ и пойду отдохнуть.

Минхенъ поставила кружку, Адамъ всталъ со скамьи, шульмейстеръ ушолъ.

— Что вы читали? — спрашиваетъ Минхенъ, наклоняясь къ землѣ, чтобы поднять сухую ветку, и мгновенно краснѣя всѣмъ лицомъ.

— Квинта-Курція, — отвѣчаетъ Адамъ, дѣлая тоже.

— Какъ жаль, что я не знаю латинскаго языка, — говоритъ Минхенъ.

— Я самъ, — говоритъ Адамъ, — не знаю по-латыни на столько, чтобы читать на этомъ языкѣ. Это нѣмецкій переводъ, который далъ мнѣ вашъ батюшка.

Минхенъ идетъ по аллеѣ, подбирая сучья; Адамъ слѣдуетъ за ней, и оба молчатъ.

Острая высохшая ветка лбомъ зацѣпилась за чулокъ Минхенъ.

— Вы наколете себѣ ногу! — говоритъ вдругъ Адамъ, останавливаясь: — а тотъ сучокъ разорветъ вашъ чулокъ.

Минхенъ остановилась. Адамъ бросается отнять ветку отъ чулка; Минхенъ наклоняется, чтобы сдѣлать тоже. Руки ихъ хватаются за одно мѣсто ветки.

Ветка въ руку Минхенъ, рука Минхенъ въ руку Адама. Оба покраснѣли до ушей.

— Минна! — говоритъ Адамъ.

— Адамъ! — говоритъ Минна.

Работа кончена, хворостъ сложенъ въ кучку, въ углу сада, молодые работники устали. Смеркается.

— Сядемте на скамейке, — говоритъ Адамъ.

— Не хотите ли пить? — спрашиваетъ Минна; — вы устали.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Адамъ.

Они сѣли на скамейку и молча взглянули въ глаза другъ другу. Рука Адама спустилась на дернъ и нашла тутъ ма-

ленькую ручку Минхенъ. Онъ взялъ эту руку тихо и нѣжно, не пожимая ее. Минна опустила синіе глазки.

Тихо дрожать ихъ молодыя сердца. Милліономъ своихъ зеленыхъ сердечекъ трепещутъ надъ ними три липы, подъ легкимъ заревымъ вѣтеркомъ, вьющимъ съ запада.

— Я васъ люблю, Минна, — говоритъ Адамъ.

Минхенъ молчитъ, и кровь приливаетъ ей къ груди.

— Я васъ очень люблю, Минна.... А вы... вы любите меня?

Рука Минхенъ невольно пожимаетъ руку Адама.

— Скажите, Минна.... вы любите меня?

Голосъ Адама рвется на каждомъ слогѣ.

— Да, — отвѣчаетъ Минхенъ, еще ниже опуская хорошенькую головку и еще болѣе краснѣя отъ этихъ двухъ буквъ, которыя тихо произнесены ея свѣжими губками.

Такъ же низко наклоняется голова Адама, и онъ робко заглядываетъ въ лицо Минхенъ, боясь увидѣть на немъ смѣхъ; но по лицу ея катятся двѣ свѣтлыя слезинки. — Когда девушка ихъ отерла и рѣшилась взглянуть на своего друга, глазки ея встрѣтились близко съ его глазами, губки ея сошлись съ его губами — и они поцаловались.... поцаловались короткимъ, какъ будто холоднымъ, но единственнымъ сладкимъ въ жизни — первымъ поцалуемъ.

Любезный читатель, въ ту минуту, какъ я описываю вамъ эти весеннія сцены молодой любви, грозная сѣверная вьюга воетъ на дворѣ, снѣгъ тяжелыми хлопьями заляпляетъ мое тусклое окно, вѣтеръ стонетъ и шумитъ по кровлѣ; въ моемъ уголкѣ становится такъ темно, что надо зажигать свѣчу, хотя и очень рано. А за часъ тому назадъ свѣтлый зимній день, и все весело сіяло. Благоклонный читатель, въ эту минуту можетъ быть не одна ясная и пріятная идиллія сохранена въ моей памяти, и въ груди не одно, не два горя; а эти идилліи были когда-то дѣйствительностью, и казалось, должны были продолжаться всю жизнь, — а сердце мое не знало, не только двухъ, одного, но и половины горя. Вамъ, разумется, нѣтъ до этого никакого дѣла, если вы не сочувственны, читатель, — и я сказалъ все это только для того,

чтобы поцвѣтистыя выразить простую истину, что всегда буря идетъ за тишиной, и горе за счастьемъ.

Тоже сталося съ моимъ героемъ. Вслѣдъ за тою отрадной жизнью, которою такъ хорошо жилось Адаму у сѣдаго шувейстера, наступили года тяжелыхъ лишеній. Одинъ за другимъ отпадали отъ его жизни цвѣты, украшавшіе ее. Нечаянно умеръ лѣсничій отъ избытка здоровья: его зашибло апоплексическимъ ударомъ; слѣдомъ за нимъ умерла и жена его отъ недостатка здоровья: она была всегда худа и больна....

Но, зачѣмъ станемъ мы повторять всѣ эти грустныя обстоятельства, которыя лишили моего героя и крова, и родины, и принесли его наконецъ въ Россію, гдѣ онъ долго страствовалъ изъ одного благороднаго семейства въ другое, пока не очутился въ домъ господина Желнобובה?... Еще довольно предстоитъ намъ безотрадныхъ подробностей въ дальнѣйшемъ ходѣ этой исторіи.

Да и самъ Адамъ Адамычъ, молчаливо сидѣвшій подъ развѣсистой тополюю и предавшійся мечтамъ,—и самъ Адамъ Адамычъ, какъ только прекрасные годы юности стали смѣняться въ его воспоминаніи ненастными годами его возмужалости, всталъ съ мѣста и только плюнулъ.

Становилось довольно темно. Герой нашъ опустилъ руку въ карманъ жилета, вынулъ оттуда кожаный мѣшечекъ, а изъ кожанаго мѣшечка свои толстые часы, и съ большимъ усиліемъ узналъ по нимъ, что уже половина девятого. «Пора спать!» подумалъ онъ и медленными шагами вышелъ изъ саду.

III

При домъ господина Желнобובה находился небольшой флигель о трехъ окнахъ, въ которомъ обитало одно лицо, имѣющее именоваться въ сей повѣсти педагогомъ Закурдаевымъ. Этотъ Закурдаевъ состоялъ при четырехъ младшихъ дѣтяхъ Максима Петровича въ качествѣ младшаго учителя по части русскаго языка, исторіи и ариметки; а старшаго сына господина Желнобובה—Петиньку, знакомаго уже съ нѣкоторыхъ сторонъ читателю, приготовлялъ къ университетскому экзамену.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день, канунъ коего описанъ мною въ предшествовавшихъ главахъ настоящей повѣсти, часовъ около десяти по утру, Закурдаевъ лежалъ на клеенчатомъ диванѣ въ своей маленькой комнаткѣ, и пускалъ къ потолку непроницаемые клубы табачнаго дыма изъ длиннаго черешневаго чубука и огромной трубки, изображавшей голову Аристотеля.

Здѣсь считаю я не лишнимъ, прервать на нѣсколько страницъ нить моего разсказа и сообщить читателю нѣкоторыя подробности о личности педагога Закурдаева, который имѣлъ, какъ окажется въ послѣдствіи, влияние и на судьбу моего любезнаго героя.

Василій Семенычъ Закурдаевъ, былъ сынъ небогатыхъ и незнатныхъ родителей. Отецъ его проживалъ въ главномъ городѣ той губерніи, къ которой принадлежитъ Забубеньевъ, и былъ извѣстенъ тамъ за перваго портнаго.

Когда юный Василій кончилъ свое ученіе въ мѣстномъ городѣ, отецъ нашолъ полезнымъ открыть сыну, какъ врата знанія, такъ и болѣе обширное поле для общественной жизни, и потому препроводилъ его въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ въ столицѣ. Юноша отправился съ радостью, но радость его происходила не столько отъ жажды знанія, сколько отъ свѣтлыхъ надеждъ жить независимо отъ грознаго родителя, который столь же хорошо владѣлъ хлыстомъ, какъ и иглою.

Еще въ домѣ отца, при строгомъ и бдительномъ его надзорѣ, юный Васюкъ (какъ именовалъ его самъ Семенъ Закурдаевъ) часто выказывалъ буйство и непокорность своего необузданнаго нрава, а подчасъ, вечеркомъ, возвращаясь домой отъ товарищей, являлся даже «подъ-шефе» очамъ гнѣвнаго родителя. Когда же судьба, олицетворенная на этотъ разъ въ отцовской волѣ, удалила его отъ родимаго крова и поставила въ полную независимость, — дурныя наклонности быстро овладѣли Васильемъ Семенычемъ, который и не думалъ бороться съ ними.

Одаренный природою блестящими способностями и прекраснымъ сердцемъ, онъ могъ бы пойти далеко, еслибъ

не сдѣлался игралищемъ недостойныхъ страстей. Неаккуратно посѣщаль онъ классы, когда и бывалъ на нихъ, то не выносилъ оттуда почти ничего въ голову. Въ комнаткѣ подъ кровлей, гдѣ онъ жительствоваля съ двумя товарищами, ему былъ всегда готовъ дружескій ихъ привѣтъ, вмѣстѣ съ постоянно-стоявшею на столѣ бутылкою рому. Юноша, отданный совершенно своей волѣ, мало по малу втянулся во много грустныхъ пороковъ, унижающихъ достоинство человека. Праздность была, разумеется, ихъ родительницею.

Лежа большую часть дня на утлой кровати, съ трубкою въ зубахъ, или съ гитарой, и съ постоянною «мухой» въ головѣ, Василій Семенычъ проживалъ день за днемъ и прожилъ цѣлый учебный годъ, не замѣтивъ близости публичныхъ экзаменовъ, имѣющихъ быть въ пансіонѣ.

Въ пагубномъ ослѣпленіи, онъ считалъ жизнь свою ровною и безмятежною, потому что не произвелъ ни одного буйства ни въ одномъ публичномъ заведеніи, не выбилъ ни одного стекла кіемъ, и не былъ ни разу поднятъ на улицѣ въ нехорошемъ видѣ. Но не видѣлъ онъ также и всей гнусности своихъ сожителей, и, закрывъ глаза, вполне отдался ихъ произволу.

Оба они были люди небогатые, и доходы Василья превышали многимъ ихъ рѣдкія получки денегъ отъ родителей. Тѣмъ не менѣе, Закурдаевъ никогда не имѣлъ ни гроша денегъ.

Въ трудныя минуты жизни, когда грусть тѣснится въ сердце, трое сожителей усаживались на одну кровать, подвернувъ подъ себя ноги калачикомъ, и, при громкомъ звонѣ трехъ гитаръ, пѣли буйныя пѣсни.

Когда который-нибудь изъ пріятелей Василья Семеныча получалъ деньги, а самъ онъ былъ въ тонкихъ, друзья принуждали его, поваливъ на кровать и взявшись ему за горло, просить у нихъ займы. Несчастнѣйшій юноша бралъ деньги и посмѣялъ покупать на нихъ того сладостнаго нектара, отъ

котораго морщатся не испорченныя души. При возліаніяхъ, совершаемыхъ на счетъ обманутаго друга, пріятели восхваляли его до небесъ и постоянно оканчивали попойку возгласеніемъ ему счастья на многая лѣта.

Когда же Василій Семенычъ получалъ изъ дому деньги, ему приходилось отдавать долги своимъ товарищамъ, платить одному за квартиру, нанимаемую втроемъ, и даже дѣлать запасы табаку, чаю и сахару не для себя одного. Добрая душа его не смущалась подобными злоупотребленіями ея любви со стороны друзей, а голова была въ безпрестанномъ чаду и не имѣла времени думать о чемъ-нибудь.

Прошло наконецъ годъ, пришли экзамены,—и Закурдаевъ безвозвратно и неисправимо сръзлся.

Горе никогда не приходитъ одно къ человеку, оно любитъ общество,—и потому къ бѣдняку явилось три горя разомъ. Кромѣ дурнаго экзамена, его поразило приказаніе оставить пансіонъ его выключили за непосѣщеніе классовъ.

Комнатка подъ кровлей, гдѣ обиталъ Василій Семенычъ съ своими друзьями, наполнилась, въ знакъ грустныхъ событій съ главнымъ ея хозяиномъ, вчетверо-сильнѣйшимъ, непроходимымъ дымомъ трубокъ. Нѣсколько стакановъ послѣ пунша было уже разбито, двѣ пустыя бутылки катились по полу, и три гитары отчаянно играли «спирьку съ заходомъ», когда явился почтальионъ, чтобы поразить третьимъ горемъ Закурдаева.

Письмо, которое было взято въ руки съ надеждою на пріятное извѣстіе о близкомъ полученіи денегъ, заключало въ себя страшную вѣсть. Первый портной губернскаго города, гдѣ увидѣлъ свѣтъ Закурдаевъ, скончался, послѣ кратковременной болѣзни, на рукахъ своего закройщика, который и извѣщалъ о томъ сына въ казенныхъ, хотя и весьма плачевныхъ выраженіяхъ.

Спирька мгновенно утихъ, и глубокая печаль вызвала изъ глазъ градъ слезъ на носу, на губахъ и блѣдныя щеки осиротѣвшаго и уже сильно-пьянаго Василія. Но дѣлать было нечего,

помочь нельзя, — и потому оставалось только валяться в досталь и залечь спать.

На другое уже утро, обдумав несчастный педагог всю неприятность своего положенія. Денегъ у него почти не было, и, чтобы получить необходимую для проѣзда домой сумму, Василій приступилъ къ распродажѣ своего скуднаго имущества.

Спустивъ за дешевую цѣну все, что можно было спустить, и выгадавъ изъ выручки цѣлковый на бутылку ямайскаго, педагогъ распростился съ друзьями, и кое-какъ отправился на свое родное пепелище.

Тамъ встрѣтило его грустное зрѣлище. Отецъ его былъ человекъ одинокій, вдовецъ, и Василій былъ его единственнымъ сыномъ. Умирая на чужихъ рукахъ, окруженный наемниками, старикъ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій, чтобы обезпечить будущую жизнь своего любимаго дѣтища. Василій, по прѣздѣ, нашолъ мастерскую отца пустою: все было растащено, — и ему осталось только нѣсколько хозяйственныхъ статей, неимѣвшихъ никакой цѣнности.

Тутъ, въ первый разъ, привелось ему подумать серьезно о своей участи, и онъ принялъ рѣшеніе принскать какое-нибудь мѣстечко, чтобы имѣть хоть не очень сладкій кусокъ насущнаго хлѣба. Всѣ поиски его въ губернскомъ городѣ остались тщетными, и только чрезъ три года самой жалкой и безпріютной жизни помѣстился онъ домашнимъ учителемъ у господина Желнобובה, который выписывалъ изъ губернскаго города, отъ старика Закурдѣва, ежегодно по стеганому халату.

Въ новомъ городѣ, Василій Семенычъ, получившій уже не одинъ урокъ отъ наставницы людей — судьбы, велъ себя вовсе не такъ дурно, какъ было три года тому назадъ. Правда, онъ сохранилъ любовь къ уединенному лежанью на кровати, къ гитарѣ и къ напиткамъ, дарующимъ веселье въ горѣ; но всему этому были должныя границы. Хотя и довольно-рѣдко, однако все-же показывался онъ по временамъ въ общество Забубеньева; кромѣ гитары развлекалъ себя иногда и чтеніемъ; а крѣпкіе напитки употреблялъ умеренно:

только передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ случаевъ.

Добрый характеръ его пріобрѣлъ ему любовь почти всѣхъ знавшихъ его. Даже Адамъ Адамычъ, не сошедшійся ни съ кѣмъ въ городѣ по своей дикости, посѣщалъ нерѣдко Закурдаева и любилъ быть у него. Правда, часто умъ Василья Семеныча принималъ вдругъ саркастическое направленіе въ разговорахъ съ почтеннымъ Нѣмцемъ; но сарказмы эти Адамъ Адамычъ считалъ изъясненіемъ привязанности къ нему педагога, ибо они большію-частью дѣлались только съ глазу-на-глазъ между двумя наставниками Желнобобовскихъ дѣтей.

Итакъ, Василій Семенычъ лежалъ на своемъ диванѣ и курилъ, повидному не думая ни о чемъ.

Въ комнатѣ не имѣлось ничего, что могло бы привести къ мысли, что не всегда же онъ лежитъ на диванѣ и курить трубку. Слои пыли покрывали старую и некрасивую мебель; куча табачной золы была навалена на жестяномъ листѣ, прибитомъ къ полу передъ печью; на столѣ стоялъ чайникъ съ отбитымъ горлышкомъ недопитой стаканъ чаю.

Педагогъ докурить трубку и поставилъ ее около дивана. Онъ приподнялся было, какъ видно, съ желаніемъ набить себя новую; но лѣнь превозмогла, — и онъ опять протянулся на диванѣ, напѣвая про себя стихи одной извѣстной латинской пѣсни:

*«Me jejunum vincere
Potest puer unus».*

При сей вѣрной оказіи, авторъ обязуется сказать, что хотя годъ, проведенный Васильемъ Семенычемъ въ пансіонѣ, и не расширилъ его познаній, зато лобознательный юноша сильно усовершенствовалъ себя въ наигрываніи на гитарѣ различныхъ забубенныхъ пѣсенъ, и изучилъ нескончаемый репертуаръ разныхъ холостыхъ и застольныхъ, энергическихъ гимновъ.

Стѣнные часы показывали одиннадцатъ, когда въ комнату вошелъ Адамъ Адамычъ. Педагогъ съ удовольствіемъ поднялся и приветствовалъ гостя громкимъ восклицаніемъ:

— А! Адамъ Адамычъ! здравствуйте!

— Здравствуйте, Василій Семенычъ! сказалъ Нѣмецъ, протягивая педагогу свою худошавую руку.

Единожды на всегда должны мы предварить теперь читателя, что уже не намѣрены болѣе, во все продолженіе этой повѣсти, слѣдовать, въ приводимыхъ нами словахъ и разговорахъ Адама Адамыча, его не совсѣмъ чистому русскому произношенію, и льстимъ себя надеждою, что читатель одобритъ наше намѣреніе.

— Ну, что? какъ вы, Адамъ Адамычъ? спросилъ педагогъ, вставая съ дивана и направляясь къ пещкѣ выколотить пепель изъ трубки.

— Ничего, отвѣчалъ Нѣмецъ.

— Садитесь, побесѣдуемъ! продолжалъ педагогъ.

Адамъ Адамычъ занялъ полстула.

— Отчего это вы, спросилъ Закурдаевъ, взглянувъ на Нѣмца:— смѣтрите такимъ сентябремъ?

— Какъ это? спросилъ, въ свою очередь, Адамъ Адамычъ.

— Да такъ. Вѣрно, есть какая-нибудь причина. Опять повздорили съ Петинькой?

Какъ будто уколотый шиломъ, Адамъ Адамычъ воспрынулъ, взѣрошилъ свои волосы и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, тщательно избѣгая плевковъ, которыми Закурдаевъ испещрялъ ежедневно полъ своей комнаты.

Да, да! говорилъ встревоженный Нѣмецъ: Богъ знаетъ, что дѣлать съ такимъ ученикомъ! Уже вчера онъ очень меня огорчилъ; но сегодня.... я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось!

— А что же такое? Не на кулачки же онъ полѣзъ?

— Вы знаете мой характеръ, сказалъ Адамъ Адамычъ, подойдя къ Закурдаеву, и взявъ его за рукавъ:— я терпѣливъ, очень терпѣливъ. Но сегодня я не могъ вытерпѣть, никакъ не могъ!

Адамъ Адамычъ горячился съ каждымъ словомъ болѣе и болѣе.

— Онъ переводилъ вчера изъ сочиненій Карамзина о пале-рояль. Я сказалъ ему, что тамъ много неприличнаго для

молодаго человека. Да, тамъ много такого. Что же сдѣлать онъ сегодня? какъ вы думаете?

— Ну? произнесъ хозяинъ, продувая чубукъ, изъ котораго вылетали на стѣну куски накинн и капли табачнаго соку: — ну?

— Какъ вы думаете? продолжалъ Адамъ Адамычъ.

— Да, ну? повторилъ Закурдаевъ.

— Онъ нашелъ гдѣ-то въ старыхъ книгахъ,—сказалъ Адамъ Адамычъ,—русскій переводъ одного безнравственнаго французскаго романа, и перевелъ оттуда такой пассажъ!—О!—прибавилъ почтенный наставникъ, качая головой съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что волосы, дескать, дыбомъ.

— Что же дальше? спросилъ Закурдаевъ.

— Какъ что? — воскликнулъ разъяренный Адамъ Адамычъ, — какъ что? О! это не можетъ такъ оставаться! Я долженъ буду сказать о томъ Максиму Петровичу. Я не для того учитель, чтобы надо мною насмѣхаться. Да!

— Да какая же это книга?

— Это описаніе интригъ кавалера....

— Фобласа?

— Да, да. Вы знаете это сочиненіе?

— Превосходная вещь! — произнесъ педагогъ съ пріятной улыбкой: — удалое перо писало.

— Какъ?—воскликнулъ Адамъ Адамычъ, съ изумленіемъ глядя на Закурдаева:—вы хвалите это сочиненіе?

— Да; по-моему это славная книга, сказалъ педагогъ, наколачивая трубку.

Адамъ Адамычъ покачалъ головой.

— Разумѣется, прибавилъ педагогъ, — Петька еще молодъ эдакія книги читать.

— Я говорю тоже, сказалъ Адамъ Адамычъ.

Закурдаевъ поставилъ въ уголь набитую трубку и пошелъ къ Ньмцу.

— Это вотъ нашему брату, Адамъ Адамычъ! нашему брату сказалъ онъ, хватывая за плечи своего гостя и качая его

съ одной стороны въ другую. — Въдь и вы лихачъ, Адамъ Адамычъ! я васъ знаю. Въдь вы дока, все произошли!

Адамъ Адамычъ приготовился было усмѣхнуться съ самодовольствіемъ; но разсудилъ проглотить улыбку и принять солидный видъ.

— Полноте! сказалъ онъ: я уже старъ.

— Это ничего! Да и не стары вы вовсе. Ну, а Петька, разумеется, еще молодъ для такихъ вещей.

— Читали вы, — началъ Адамъ Адамычъ, — «Антипаросскую Пещеру», сочиненіе господина Энгеля, автора «Свѣтскаго Филос...

— Ну ихъ ко псамъ — и пещеру, и философа! проговорилъ Закурдаевъ, закуривая трубку.

— Тамъ прекрасно говорится о томъ, продолжалъ Адамъ Адамычъ, — какъ вредно читать безнравственныя сочиненія.

— Къ чорту ихъ, Адамъ Адамычъ! право, къ чорту! Что о пустякахъ толковать!

Закурдаевъ взялъ со стола сигару и поднесъ ее Адаму Адамычу со словами:

— Цыгарку другу!

Адамъ Адамычъ поблагодарилъ, обмуслилъ сигару и закурилъ.

— Ну-ка, сядемте, да и Петьку-то туда же къ чорту!

Оба съли

— Охота вамъ такую дрянью заниматься, Адамъ Адамычъ! началъ хозяинъ. — Нѣтъ, вотъ я сегодня, какъ всталъ, думаю: сколько могу я съразу трубокъ выкурить? — да вотъ до вашего прихода все курилъ.... инда во рту чортъ знаетъ что сдѣлалось. Я думаю, кожа слзла съ языка?

Онъ показалъ языкъ Адаму Адамычу, и не давъ ему произнести ни слова, продолжалъ:

— Да! двѣнадцать трубокъ за присѣсть! тринадцатую лень стало набивать, — такъ ужъ я и бросилъ.

— Только баловство доводить до такихъ поступковъ, про-
бормоталъ Нѣмецъ, занятый вполнѣ мыслію о поведеніи Петиньки.

— А вы все свое! Да будетъ вамъ тростить одно и тоже! знаете ли что?... Есть у васъ уроки сегодня поутру?

— Нѣтъ.

— А послѣ-обѣда?

— То же нѣтъ: сегодня суббота.

— И прекрасно! Такъ мы и закусимъ, значить, вмѣстѣ? хозяинъ всталъ и выглянулъ въ переднюю.

— Гдѣ этотъ Дениска? вѣчно шалаберить?

— Я видѣлъ его, отвѣчалъ Пѣмецъ:—онъ игралъ въ карты съ Макарычемъ.

— Экой мошенникъ! съ утра въ носки дуется. Носъ-то онухъ у мерзавца, какъ дули!

Дениска! крикнулъ Закурдаевъ, высовываясь въ окно.— Эй, ты, Алешка! пошли ко-мнѣ Дениску! вели ему принести хлѣба да телятины холодной! слышишь?

— А какъ онъ не пойдетъ? отвѣчалъ со двора Алешка.

— Какъ не пойдетъ? А спину вздуютъ? кричалъ Закурдаевъ.

— Это все такіе люди, замѣтилъ Адамъ Адамычъ:—они не знаютъ ни какого послушанія.

— Ну, со мной Дениска шутить не станеть: онъ меня знаетъ, сказалъ Закурдаевъ, возвращая свою голову и туловище въ комнату

Дениска былъ ремесломъ домашній чеботарь; онъ работалъ различнаго рода обувь для двора господина Желнобובה въ прихожей флигеля, гдѣ жилъ Закурдаевъ, и обязанъ былъ служить педагогу, что впрочемъ вовсе не считалъ за нужное исполнять какъ слѣдуетъ.

— А я покаместъ вытасу благословенный напитокъ, сказалъ хозяинъ отправляясь въ маленькую темную канурку около той комнаты, гдѣ они сидѣли съ почтеннымъ наставникомъ.

Въ этой кануркѣ, весьма похожей на чуланъ, помѣщалось всехозяйство забубеннаго педагога. На стѣнѣ висѣла гитара. На полу валялось нѣсколько паръ сапогъ, около которыхъ стояла опрокинутая помадная банка, съ разведенною въ донышкѣ ея ваксою. Въ одномъ углу навалено было горой черное бѣлье, а въ другомъ помѣщалась огромная бутылъ. Безцвѣтная жидкость, которую вмѣщала въ себя эта посуда, была нечто

нное, какъ очищенное зелено-вино, которое Закурдаевъ именовать впрочемъ различно: и померанцевкою — отъ единственной померанцевой корки, лежавшей на днѣ бутылки, и травникомъ — отъ соломинки, которая плавала въ крѣпительной влагѣ.

Хозяинъ снялъ съ полочки довольно вместительный, совершенно пустой графинъ, накренилъ бутылъ и наполнилъ графинъ померанцевкою, или травникомъ. Тутъ же на полочкѣ взялъ онъ два хрустальныхъ стаканчика съ позолотой, известныхъ подъ названіемъ ванекъ-встанекъ. Такую кличку стаканчики получили отъ того, что куда ни наклоняй ихъ, они все таки встануть на свое круглое дно.

Все это торжественно вынесъ Василій Семенычъ въ свой пріемный покой и поставилъ на столъ передъ Адамомъ Адамычемъ, который не переставалъ думать о Петинкѣ и повторялъ про себя:

— Вотъ до чего доводитъ баловство!

— Нектаръ-то, нектаръ то, Адамъ Адамычъ! сказалъ Закурдаевъ, указывая на графинъ. — Самое время выпить и закусить.

— О, я боюсь пить, проговорилъ Адамъ Адамычъ.

— Пустяки! сказалъ Василій Семенычъ. — Немножко можно выпить въ-пережку: сначала померанцовки, потомъ травничку.

Холодная телятина и нѣсколько ломтей хлѣба не замедлили явиться вмѣстѣ съ казачкомъ Алешкой, который объявилъ, что Дениска рѣшительно отказался принести завтракъ самъ, потому что у него выходятъ безпрестанные хлюсты, и носъ его партнера съ каждою новою сдачей становится все болѣе и болѣе похожимъ на луковицу.

Закурдаевъ не преминулъ обругать Дениску ракаліей; потомъ сказалъ Алешкѣ, что какъ Адамъ Адамычъ, такъ и самъ онъ сегодня за общимъ столомъ обѣдать не будутъ, по поводу сборовъ на охоту, и потому приказалъ обѣдъ принести во флигель. Надо замѣтить, что хотя педагогъ и никогда почти не обѣдалъ вмѣстѣ съ семействомъ Желнобובה, однако считалъ необходимою всякій разъ объявлять о томъ.

Алешка, выслушавъ приказаніе Закурдаева и бросивъ лукавой взглядъ на флягу съ нектаромъ, усмѣхнулся. Тотъ, замѣтивъ такой неуважительный пассажъ малолѣтняго казачка, далъ за это ему здороваго тумака по затылку, выбралиль его дуралеемъ и прогналъ вонъ.

За тѣмъ оба собесѣдника приступили къ закускѣ, выпивъ предварительно по стаканчику померанцовки. Приступъ этотъ совершился въ полномъ безмолвіи съ обѣихъ сторонъ.

Когда по куску телятины было уже отправлено въ желудокъ каждаго, Закурдаевъ громко крикнулъ и возгласилъ:

— И такъ, Адамъ Адамычъ, по померанцовкѣ прошлись, червяка заморили?

— Да, пронзешь сквозь-зубы Адамъ Адамычъ, прожеывая корку хлѣба.

— Что слѣдуетъ теперь?—спросилъ хозяинъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ.

Какъ не знаете! Послѣ померанцовки слѣдуетъ — травникъ. Да!

Онъ налилъ оба стаканчика.

— Ваше здорověе! сказалъ Нѣмецъ, выпивая залпомъ ваньку-встаньку.

— Дѣльно; и ваше также! произнесъ педагогъ опоражнивая свой стаканчикъ.

Тутъ хозяинъ взялъ своего гостя за руку и посадилъ на клеенчатый диванъ, а рядомъ сѣлъ и самъ. Задымились трубки, и разговоръ принялъ слѣдующее направленіе:

— Теперь намъ надо поговорить насчетъ охоты, Адамъ Адамычъ, — сказалъ хозяинъ—Завтра непременно надо ѣхать.

— О, да! да! — воскликнулъ Адамъ Адамычъ, моргая огромными вѣками отъ полноты чувствъ.

— Предстоитъ одинъ вопросъ: завтра ли пораньше отправиться, или на ночевую сегодня?

— Я думаю, лучше завтра, —сказалъ Адамъ Адамычъ.— Я не люблю ѣздить на ночь.

— Ну завтра, такъ завтра! отвѣчалъ Закурдаевъ. — Вы встанете пораньше.... Правда, вы всегда рано встанете.... Дешиска заложить намъ тельгу, возьмемъ вотъ этого....

Педагогъ указаль на графинь.

— Затѣмъ и двинемся въ походъ, продолжалъ онъ.— Только собаки у меня нѣтъ.... Ну, да я пошло къ шелопаевскому Ванюшкѣ, за Фингалкой. Но, куда намъ ѣхать, Адамъ Адамычъ?

Произнеся послѣднія слова, Закурдаевъ улыбнулся. Адамъ Адамычъ не замѣтилъ этой улыбки.

— Я думаю, къ мельницѣ, — отвѣчалъ Нѣмецъ. — Гдѣ найдете вы столько дичи?

— Такъ! такъ! — сказалъ Закурдаевъ, смѣясь лукавымъ смѣхомъ: — я зналъ, что вы скажете это. А не лучше ли къ Пролетовкѣ?

— О, нѣтъ! — возразилъ Адамъ Адамычъ: — что тамъ? Были перспела, но и ихъ уже нѣтъ. Я знаю одно мѣсто у мельницы....

— Гм! прервалъ весельчакъ взявшисъ за плечо Адама Адамыча и качая головой: — а какое бы это мѣсто?

— Тамъ очень много вальдшнеповъ.

— Охъ, хитрецъ, хитрецъ! — воскликнулъ Закурдаевъ, раздражаясь безцеремоннымъ хохотомъ. — Знаю я, — знаю это мѣсто! Только туда не вальдшнепы васъ тянутъ.

Адамъ Адамычъ немного обидѣлся.

— Что хотите вы сказать? — спросилъ онъ, собираясь встать съ дивана.

— Ничего, ничего. Фу, ты пропасть! ужъ и обидѣлся. Ну что же за бѣда така!

— Я не понимаю вашихъ намековъ, — холодно замѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— Полноте, полноте, Адамъ Адамычъ! Развѣ другаго кого, а меня не проведете. Вѣдь я и самъ на эту руку не дуракъ.

— Я не знаю, — сказалъ Адамъ Адамычъ, оставляя съ раздосадованнымъ видомъ диванъ: — я не знаю....

Хозяинъ тоже всталъ.

— Ну, ладно, ладно, — сказалъ онъ: — не буду! Ужъ если вы хотите быть такимъ скромнымъ, такъ я оставлю мельничиху въ покоѣ.

— Какъ? — воскликнулъ почтенный наставникъ, широко раскрывая глаза.

Закурдаевъ не далъ ему продолжать, и сказалъ, взявъ его за руку:

— Скажите-ка лучше: что слѣдуетъ послѣ травнику? Полноте сердиться! плюньте! Ну, что послѣ травнику?

Морщины разгладились на лбу Нѣмца, уста слегка улыбнулись

— Померанцовка, — сказалъ онъ, подходя къ столу.

Два стаканчика снова были опорожнены.

— Ну, пересталъ гнѣваться, Адамъ Адамычъ? — спросилъ Закурдаевъ: — спало сердце? а!

Адамъ Адамычъ кивнулъ головой; продолжая по немногу улыбаться.

— Ну, изъ-за чего? — спрашивалъ педагогъ, — изъ-за чего было обижаться?... Кто Богу не грѣшень? Ну, съякшался съ мельничихой, такъ съякшался. Эка бѣда! Напротивъ....

— Оставьте! сказалъ Адамъ Адамычъ, улыбаясь все болѣе и болѣе, подъ вліяніемъ померанцовки и травника. — Это совсѣмъ не правда.

— А что же ты смѣешься? чему же ты смѣешься? а! — спросилъ неугомонный рѣзко подступая къ Адаму Адамычу и тоже поддаваясь разбирающей силѣ кровпительнаго. — Ну, признайся! Полно скрывать!

— Мнѣ не въ чемъ признаваться, если вы уже знаете, — отвѣчалъ Нѣмецъ, крутя головой.

— Вотъ, спасибо! вотъ, молодецъ! — началъ кричать Закурдаевъ, съ такимъ восторгомъ, какъ будто получилъ душъ двѣсти наслѣдства. — Ну, а Александрина? а! тоже занозила сердце? Ну, признайся по дружески!

— Полноте! — отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, качая укорительно головой: — Это ужъ не то, что мельничиха.

Закурдаевъ не отставалъ.

— Ну, нѣтъ, Адамъ! Ты не скрывайся, я тебѣ скажу Ты взгляни на меня! Я не скрываюсь. У меня душа вотъ... на ладони душа. Я тебѣ говорю....

Онъ налилъ въ стаканчики травнику, и оба выпили.

— Я тебя говорю, у меня у самого сердце нежное; за то и люблю тебя. Ты не смотри, что я такой! Я, вотъ, люблю и подвыпить, и посмѣяться; а сердце у меня нежное....

— Когда я былъ молодъ, — сказалъ Адамъ Адамычъ: — я тоже имѣлъ нежное сердце; но когда опытъ....

— Ну, оставь ты философію, Адамъ! не завирайся! Ты скажи прямо про Александрина!

Адамъ Адамычъ повѣсилъ голову; одинъ глазъ его почти совсѣмъ прикрылся огромнымъ вѣкомъ, и изъ-подъ него блеснула капля слезъ.

— Ну, садись! — сказалъ чудакъ: — садись! Ну, и почувствовался! Я ужъ зналъ, зналъ....

— Женщина есть фальшивое твореніе, — замѣтилъ, въ видѣ сентенціи, Нѣмецъ.

— Это никакъ еще вотъ кто сказалъ, Адамъ! — отвѣчалъ весельчакъ указывая на трубку, изображавшую бородатую голову Аристотеля.

— Да! — началъ было Адамъ Адамычъ: — наружность....

— А ты выпей лучше! — прервалъ хозяинъ, котораго начало уже безпрестанно тянуть къ графину.

— Довольно уже, — проговорилъ Нѣмецъ.

— Довольно? что ты? что ты, Адамъ?... Пей знай!

Оба выпили.

— Слушай, Адамъ! я дамъ тебѣ советъ.... Вѣдь ты вступишь мнѣ? а! вступишь моей дружбѣ?...

Вместо отвѣта, Адамъ Адамычъ вытянулъ свои влажныя губы и прикоснулся ими къ губамъ друга.

— Ты действуй, ты действуй молодцомъ! Слышишь, Адамъ? Да полно ужъ ты, полно! не заминай ты меня! Слушай!.. Будь ты смѣлье! действуй, братъ, молодцомъ!.. Да ты вѣрь мнѣ!.. Ну, что ты моргашь?... Ты вѣрь!.. Вѣдь это мнѣ вотъ.... какъ пять пальцевъ....

Рѣсницы Адама Адамыча увлажились, а правый глазъ совсѣмъ исчезъ подъ вѣкомъ, что дѣлалъ всегда, когда почтенный наставникъ выпивалъ два-три стаканчика закурдаевского нектару. Губы его задрожали, и онъ началъ говорить,

голосомъ, полнымъ слезъ, какую-то весьма длинную, весьма чувствительную, но совершенно непонятную рѣчь.

Закурдаевъ не выдержалъ, и вдругъ неожиданно перервалъ краснорѣчивыя изліянія Нѣмца.

— Ну, занесъ! — сказалъ онъ. — Будетъ, братъ!... Споемъ-ка лучше что-нибудь!

— Я не могу пѣть, — отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, дрожащимъ голосомъ, расчувствованный собственными своими словами.

— Пустяки! — сказалъ Закурдаевъ, невѣрными стопами направляясь къ чулану.

Адамъ Адамычъ сидѣлъ, понурилъ голову, и плакалъ, думая то о родинѣ, то о Миннѣ, то объ Александринѣ, то о мельничихѣ.

Хозяинъ явился съ гитарой.

— Ну, полно! — сказалъ онъ Нѣмцу. — Ну, что ты хнычешь? А вотъ постой, постой! я тебя развеселю....

Рука его бойко заколотила по всемъ струнамъ гитары, и онъ запѣлъ густымъ басомъ:

«Знаешь ли причину:
По чьему Ричардъ
Вздвигъ въ Палестину
Турокъ воевать?»

— Ну, знаешь причину? — сказалъ онъ, обращаясь къ Адаму Адамычу.

Тотъ улынулся сквозь слезы.

— Не знаешь? а!

«Я скажу причину....
Это по тому,
Что бы на полтину
Выпить одному.»

Педагогъ принялся наяривать свою пѣсню еще бойче и всею ладонью на струнахъ гитары, и возгласилъ слѣдующій куплетъ:

«Властелинъ Китая
Смотритъ подлономъ,
Если въ чашку чая
Не волеетъ онъ ромъ.»

По мѣръ энергическихъ возгласовъ хозяина, меланхолическое лицо гостя просіявало понемногу, но хотя улыбка и играла уже на его устахъ, правый глазъ оставался по прежнему закрытымъ. Какъ ни старался Адамъ Адамычъ поднять вѣко, подъ которымъ таился этотъ глазъ, старанія его остались совершенно тщетными. Разыгрывавшаяся въ немъ веселость ни мало, впрочемъ не смутилась этимъ обстоятельствомъ. Онъ взялъ трубку Закурдаевъ, который хотѣлъ было уже умолкнуть, и, показывая ему на голову мудраго Аристотеля, сказалъ:

— Что же не споете вы про Аристотеля?

— Ахъ, да! — воскликнулъ юноша начиная опять колотить пальцами по струнамъ....

«Аристотъ ученый,
Древній философъ,
Продавъ панталоны —
За сивухи штофъ».

Когда Закурдаевъ повторялъ послѣднюю строку куплета въ другой разъ, Адамъ Адамычъ пришелъ въ совершенный экстазъ.

Sarperment! — воскликнулъ онъ: — Sarperment!

Въ такихъ и подобныхъ сию занятіяхъ и разговорахъ прошлю время до обѣда, который былъ принесенъ самимъ Денискою. хозяинъ предложилъ выпить по стаканчику передъ щами, и графинъ тѣмъ кончился. Денискъ было немедленно поручено отправиться въ чуманъ и наполнить его снова. Для возбужденія аппетита, оба собесѣдника передъ каждымъ блюдомъ прибѣгали къ графину и стаканчикамъ, и къ концу обѣда, какъ говорится, не вязали уже лыка.

Адама Адамыча обуяла сильная меланхолія, и какъ ни старался собесѣдникъ разогнать ее различными выходками и пвнїемъ разныхъ забубенныхъ пѣсень, грусть не исчезала съ лица почтеннаго наставника. Даже когда Закурдаевъ забряцалъ на своей гитарѣ: «По всей деревнѣ Катеньку» и запѣлъ на этотъ голосъ любимую пѣсню Адама Адамыча:

«Es ging einmal ein clericus
Wohl in den grünen Wald,—
Und vidit ibi stantem
Puellam wohlgestalt!...»

Даже и тогда морщины не разгладились на лицѣ Пѣнца. Наконецъ утомленный напрасными усиліями развеселить своего товарища и обуреваемый дремотою, хозяинъ улегся на диванъ и молча потянулъ къ себѣ за рукавъ Адама Адамыча, изъясняя тѣмъ мимически, что приглашаетъ его лечь вмѣстѣ съ собою и успокоиться послѣ неоднократныхъ возліяній.

Адамъ Адамычъ, не произнося ни слова и не покидая своего задумчиваго вида, высвободилъ руку, которую взялъ у него Закурдаевъ, и, пошатываясь, направился къ выходной двери.

— Куда ты, Адамъ, — спросилъ педагогъ, зѣвая во весь ротъ.

Адамъ Адамычъ кивнулъ въ молчаніи головою, при чемъ потерялъ было равновѣсіе; но поправился и пошелъ вонъ изъ комнаты.

Едва исчезъ онъ за дверью, какъ сонъ, этотъ мирный сопутникъ всякихъ бойкихъ травниковъ и померанцовокъ, слетѣлъ на отяжелѣвшіе вѣки нашего молодца, и онъ громко захрапѣлъ, прижавшись лицомъ къ спинкѣ дивана.

Минуть черезъ пять, Адамъ Адамычъ явился назадъ. Лицо его было блѣдно; какъ полотно; онъ качался еще болѣе. Шевеля губами, какъ будто желая произнести что-нибудь, онъ подошелъ коснѣющимъ шагомъ къ ложу, на которомъ былъ распростертъ его пріятель, и совершенно машинально опустился на диванъ. Онъ протянулся тутъ рядомъ съ хозяиномъ, и вскорѣ разногласный храпъ двухъ друзей огласилъ утлыя стѣны учительской комнатки.

Вскорѣ вошелъ въ комнату Дениска, чтобы убраться отъ остатковъ обѣда, а остатокъ водки препроводить въ свой желудокъ. Видя двухъ наставниковъ совершенно безчувственными ко всему окружающему, онъ попышился привести въ исполненіе свое намѣреніе; но не удовольвовался однимъ этимъ удовольствіемъ.

Хотя по росту, по лицу и даже по ревизскимъ сказкамъ, чеботарю значилось двадцать пять лѣтъ отъ роду; однако душа его была молода, какъ душа ребенка, — и потому Де-

ниска никакъ не могъ отказать себѣ въ слѣдующей забавѣ. Онъ вынулъ изъ чернильницы мохнатое перо и началъ водить кончикомъ его подъ носомъ уснувшаго Нѣмца. Адамъ Адамычъ не шевельнулся ни однимъ волоскомъ. Дениска запустилъ перо въ лѣвую ноздрю Адама Адамыча, — напрасно; въ правую, — тоже.

Съ досадою воткнулъ Дениска перо въ чернильницу, и ушелъ изъ комнаты, ворча про себя, что вотъ, де-скасть, человекъ нахлестался до такого безобразія, что ему хоть носъ отрѣжь, такъ онъ не услышитъ.

Долго царствовало безмолвіе въ сѣрыхъ стѣнахъ жилища Закурдаева, и прерывалось только мѣрными ударами маятника стѣнныхъ часовъ, да повременамъ болѣе сильной выхрипкой, излетающей изъ устъ котораго-нибудь изъ спящихъ, при чемъ рой мухъ, обляпавшій ротъ каждаго, съ досадою снимался съ пріютныхъ мѣстъ. Впрочемъ, покруживъ надъ носомъ и глазами Закурдаева, и Нѣмца, и видя совершенное ихъ спокойствіе, мухи снова сѣлились во кругъ ихъ губъ, разминаясь, какъ гости, за большимъ столомъ званаго обѣда. Часы прохрипѣли и пять, и шесть, и семь ударовъ, — а наставники все спали.

Наконецъ, когда солнце, передъ закатомъ, ударило цѣлымъ пучкомъ лучей въ окна Закурдаевской обители, заиграли въ стеклы опорожненнаго графина и позолоченныхъ ванекъ-ванекъ, и слило въ два густыхъ столба всю пыль и весь трубочный дымъ, носившіеся по комнатѣ, хозяинъ ея проснулся. Онъ протянулъ было руку къ трубкѣ, которая постоянно помѣщалась у дивана; но, ощутивъ присутствіе Адама Адамыча, привсталъ и началъ его расталкивать.

— Вставайте, Адамъ Адамычъ! — сказалъ онъ: — пора! Экъ мы заспались! Половина восьмага.

Адамъ Адамычъ медленно потянулся; но, увидѣвъ, что онъ не на своихъ антресоляхъ, тотчасъ же привскочилъ на диванъ, и сълъ, спустивъ ноги на полъ.

— Ахъ, какъ много я спалъ! — воскликнулъ онъ, бросивъ взглядъ на стрѣлку часовъ.

— Не бѣда! — замѣтилъ хозяинъ. — Ладно, что выпались передъ охотой.

— После объѣда спать не хорошо, — сказалъ Адамъ Адамычъ, повидимому чувствовавшій уже угрызенія совѣсти.

— Ну, не хорошо! Все хорошо!... Пойдите-ка, пойдите-ка! — сказалъ молодой человѣкъ глядя на Нѣмца: — что это у васъ губа-то?

Адамъ Адамычъ быстро схватился за нижнюю свою губу: она была толще грецкого орѣха.

— Ахъ! — произнесъ онъ съ замѣтнымъ неудовольствиемъ: — муха укусила.

— Такъ и есть! такъ и есть! — сказалъ хозяинъ, — вонъ ихъ сколько здѣсь, ракалій!

При этомъ Закурдаевъ сдѣлалъ изъ правой руки своей нѣчто въ родѣ ложки, и махнулъ ею по спинкѣ дивана. Размахнувшись, онъ ударилъ объ полъ пойманныхъ мухъ и принялся давить ихъ ногой, приговаривая:

— Вонъ ихъ сколько здѣсь! Разъ, два, три... десятокъ цѣлый!

— Ахъ, какъ это неприятно! сказалъ Нѣмецъ, утѣжа распухшую губу ладонью.

— Вы оставьте! не трите! Еще больше разнесетъ. — Надо масломъ деревяннымъ помазать.

— Да, это помогаетъ, — отвѣчалъ Нѣмецъ.

— А теперь лучше покуримъ немного... Да не хотите ли чаю?

— Нѣтъ.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ; и я не хочу! А вотъ трубку можно.

Онъ закурилъ трубку, потомъ подалъ Адаму Адамычу сигару, и, по обыкновенію, произнесъ:

— Цыгарку другу!

Докуривъ сигару и поговоривъ съ педагогомъ относительно повѣдки, завтрашнимъ утромъ, на охоту, Адамъ Адамычъ вышелъ изъ флигеля и отправился къ себѣ на антресоли.

Въ лакейской, вниманіе Макарыча было поражено блѣдностью лица почтеннаго Нѣмца и совершенно закрытымъ пра-

вымъ его глазомъ. Зная капризъ этого глаза закрываться, когда Адамъ Адамычъ нетрезвъ, Макарычъ толкнулъ подъ бокъ Дениску, сидѣвшаго рядомъ съ ѣмъ на конникъ. Дениска взглянулъ въ засаленныя карты, объявилъ, что у него хлюсть, и потомъ уже обратилъ свой взглядъ на наставника. Тутъ партнеры перемигнулись, и глупая, но вѣсть съ тѣмъ лукавая улыбка оскалила ихъ зубы. Припухшей губы Адама Адамыча, къ счастью, они не замѣтили; ибо онъ прикрылъ ее носовымъ платкомъ и не отнималъ его отъ рта.

Чувствуя совершенную пустоту въ головѣ и желудкѣ, Адамъ Адамычъ пожалѣлъ отъ всей души тѣхъ часовъ, которые провелъ такъ бесполезно и съ видимымъ ущербомъ, какъ для здоровья, такъ и для репутаціи своей. Но, дѣлать было нечего!

Утѣшивъ себя тѣмъ, что прошедшаго не воротить, онъ снялъ со стѣны ружье, патронташъ и другіе охотничьи доспѣхи, съ цѣлю приготовить все къ завтрашнему утру.

Пальма, пытавшаяся обратить на себя взоръ своего владѣльца, не успѣла въ этой попыткѣ. Адамъ Адамычъ не кликнулъ ея, и не далъ ей понюхать заправки, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Причиною такою уклоненія почтеннаго Нѣмца отъ всегдашнихъ его правилъ было, разумѣется, тоже угрызеніе злой совѣсти и совершенное недовольство своимъ поведеніемъ въ настоящій день.

Только усиленная забота могла прогнать докучныя мысли изъ головы Адама Адамыча; онъ зналъ это, и потому, вооружась отверткою, принялся развинчивать свое огнестрѣльное орудіе. Потомъ началъ онъ чистить и промывать дуло ружья, вымазалъ ложе деревяннымъ масломъ, часть котораго употребилъ и на свою распухшую губу, намѣрялъ въ патронташъ пороху и дробь, наразалъ изъ кудели пыжей и наконецъ зарядилъ ружье.

IV.

— Чтобы васъ медвѣдь зѣлъ и съ охотой-то! экъ взбодарила нелегкая тѣмъ свѣтъ!... Дался Дениска въ лапы: хомутай его, ни свѣтъ, ни заря! Что будни, что праздникъ,—

все одно. Въ будни ты чеботарь, въ праздникъ — конюхъ. Экое житье проклятое! А Макарычъ дрыхнетъ, старый чортъ! Тутъ бы те, на слободѣ-то, и поспать; анъ нѣтъ! поди вотъ шлею подъ хвостъ подлаживай, да въ дегтю полоскайся!

Такую рѣчь держалъ единственно для самого-себя чеботарь Дениска, направляя шаги къ конюшкѣ, и протирая едва глазющія, заплывшія со сна очи.

Солнце еще не всходило; но на краю синяго неба видна уже была близость его появленія: звѣзды угасли, и лицо мѣсяца, какъ испуганное, блѣднѣло все болѣе и болѣе, пока не слилось совсѣмъ съ освѣтлѣвшей лазурью.

Ночная свѣжесть пробирала Дениску, и онъ не переставалъ ворчать.

Впрочемъ, когда чубарая и тощая кобыла была выведена чеботаремъ изъ конюшни, и тельга выкачена имъ изъ-подъ навѣса, онъ немного согрѣлся и поуспокоился. Надо замѣтить, что Дениска къ прочимъ достоинствамъ своимъ: достоинствамъ — чеботаря по ремеслу, картежника по призванію, и шутника и зубоскала по натурѣ, — присоединялъ качество довольно плохаго стрѣлка, и любилъ охоту. Не смотря на эту послѣднюю склонность, онъ имѣлъ обыкновеніе, по несчастному характеру своему, ругнуть того, кто его рано разбудить, хотя бы то было для его любимѣйшихъ занятій. Потому и теперь ропотъ вскипѣлъ въ груди его, и утихнулъ только послѣ нѣсколькихъ минутъ работы.

Почтенный наставникъ, уже припасшій все къ отъѣзду, опоясался ремнемъ, навѣсилъ на себя патронташъ, заткнулъ, за поясъ кисеть и трубку, и съ самаго выхода Дениски изъ флигеля, слѣдилъ за его дѣйствіями, стоя у своего окна и опираясь на ружье. Ни одно движеніе чеботаря не ускользало отъ вниманія Адама Адамъча.

— Ась? вскричалъ вдругъ Дениска, приправляя колѣнкомъ оглоблю, къ которой прищиплялъ дугу.

Смутная рѣчь съ другаго конца двора донеслась до ушей моего героя. Онъ высунулъ голову въ окно.

— Забылъ, сказалъ Дениска: — сейчасъ схожу.

Адамъ Адамычъ стукнулъ локтемъ по стеклу окна, какъ-будто нечаянно, а между тѣмъ съ цѣлью подать вѣсть о своемъ незамѣчаемомъ Денискою присутствіи. Чуткое ухо Дениски услышало этотъ звукъ, и онъ взглянулъ на окно Адама Адамыча.

— Вонъ, зовутъ они васъ къ себѣ, проговорилъ чеботарь, привязывая сѣделку и указывая головой на флигель Закурдаева.

— Я сейчасъ,—сказалъ Адамъ Адамычъ, быстро отходя отъ окна и направляясь къ двери.—Пальма, въ походъ!

Пальма давно уже суетилась около ногъ почтеннаго наставника.

Только-что вышелъ Адамъ Адамычъ изъ комнаты и началъ было запирать на ключъ свою дверь, неожиданная мысль вдругъ поразила его мозговые органы. Онъ ударилъ себя ладонью по лбу и произнесъ:

— Негг же! какая забывчивость! Это непростительно.

Сказавъ это, Адамъ Адамычъ возвратился въ свою горенку, высунулъ руку изъ окна и снялъ съ гвоздика, прибитаго къ наружной стѣнѣ дома, шнурокъ, на которомъ было нанизано что-то съ виду весьма похожее на грибы. Это было, впрочемъ, нечто иное, какъ трутъ, собственноручно нарѣзанный Адамомъ Адамычемъ, вымоченный имъ же самимъ въ растворъ селитры, и вывѣшенный за окно на просушку.

— Я могъ бы остаться безъ огня!—сказалъ онъ, снимая два куска трута съ веревочки, и помѣщая ихъ въ карманъ своихъ панталонъ.

Тутъ наставникъ лукаво и пріятно улыбнулся, глядя себѣ на ноги. Улыбнулся онъ такъ не потому, что сапоги его были густо смазаны салнымъ огаркомъ и тѣмъ приведены въ непромокаемое состояніе, а потому, что онъ вспомнилъ еще объ одной, тоже забытой имъ вещицѣ.

— Какъ глупо такъ забывать! — пробормоталъ онъ съ тою же лукавою улыбкой, когда извлекъ изъ своей драгоценной шкатулки маленькій сверточекъ бумаги.

Онъ препроводилъ этотъ свертокъ къ себѣ за пазуху, и наконецъ вышелъ изъ комнаты, чтобы уже не возвращаться въ нее до отъезда на охоту.

Закурдаевъ нетерпѣливо ожидалъ своего товарища, сидя за самоваромъ и глуша пятый уже стаканъ легкаго пуншу.

— Что это вы такъ долго? — воскликнулъ онъ, когда Адамъ Адамычъ вступилъ въ сильно-надымленную трубками комнату.

— Мнѣ не сказывали, — отвѣчалъ наставникъ.

— Этотъ мошенникъ вѣчно забудеть!... А я ужь и чаю вамъ нацѣдилъ. Садитесь-ка!

Адамъ Адамычъ сѣлъ и приступилъ къ питью чая.

— Да гдѣ же Пальма-то у васъ? — спросилъ хозяинъ, когда изъ-подъ стола вылезъ глупѣйшаго вида солвопѣтій съ подпалинами лягавый кобель, одаренный неизменно-огромными брылями, одну сторону которыхъ онъ постоянно закусывалъ зубами, отъ чего и приобретаеъ еще болѣе-безсмысленное и тупое выраженіе.

— Она здѣсь, — отвѣчалъ Адамъ Адамычъ, вставъ и отворивъ дверь, въ которую Пальма давно уже скребла изъ сѣней лапою.

— Ну, вы, развозились! А гдѣ плеть? — прикрикнулъ Закурдаевъ, когда Пальма, кокетничая съ своимъ новымъ знакомымъ, ударила хвостомъ по чубуку, помѣщавшемуся въ углу комнаты, и уронила его на полъ. — Кушъ, пучеглазый! кушъ, Фингалка!

Адамъ Адамычъ допилъ свой стаканъ чаю. Хозяинъ взялъ со стола сигару и вручилъ ее почтенному Пыщу.

— Цыгарку другу!

— Покорно благодарю, — отвѣчалъ нашъ герой.

— Ну, Адамъ Адамычъ, — замѣтилъ Закурдаевъ: — теперь не мѣшаетъ пропустить стаканчикъ и съ ромцомъ. — Холодно-вато, канальство! — прибавилъ онъ, потирая руками.

— Не много можно положить, — отвѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— Ну, да ... для вкусу, — сказалъ Закурдаевъ, взявшись за бутылку.

— Ухъ! — воскликнулъ онъ, переполняя ромомъ стаканъ Нѣмца. Эхма! пересластилъ пемножечко.... Ну, да ничего! Не когъ, — пройдетъ.

— Ахъ, какъ много вы мнѣ налили! — проговорилъ Адамъ Адамычъ.

— Полноте! ничего, — сказалъ педогогъ. Адамъ Адамычъ принялся за пуншъ.

— А куда бишь, — спросилъ вдругъ Закурдаевъ, — куда бишь хотѣли вы ѣхать-то, Адамъ Адамычъ? къ Пролетовкѣ никакъ?

— О, нѣтъ! — сказалъ съ досадою Нѣмецъ: — какъ это можно? тамъ только....

— Ахъ! да, да. Я и забылъ совсѣмъ! Вы говорили, кажется, на Чортово-Городище?.... Ну, да! такъ, на Чортово-Городище.

— Ахъ, что вы говорите? Развѣ....

— Что я, въ самомъ дѣлѣ! И забылъ совсѣмъ, что вы хотѣли непремѣнно ѣхать къ Коровьему Озеру.

— О, Василій Семенычъ! — воскликнулъ Адамъ Адамычъ, съ укоризною качая головой.

— Знаю, знаю! — подхватилъ Закурдаевъ, хлопая ладонью по лиишкѣ достопочтеннаго наставника. Охъ, вы! — прибавилъ онъ, грозя пальцемъ. — Что можетъ быть лучше мельницы? Не такъ ли? а!

— Да; мнѣ кажется, что тамъ прекрасное мѣсто для охоты.

— Знаю, знаю! — повторилъ, громко смѣясь, молодецъ.

— Вы берете двуствольное ружье? — спросилъ Нѣмецъ, заминая разговоръ о мельницѣ.

— Да. — А какъ вы думаете, Адамъ Адамычъ: не запросить ли намъ желудокъ померанцовкой и легкой закуской на дорогу? а?

— Нѣтъ, нѣтъ. Кчему? Теперь еще такъ рано. Мы успѣемъ и тамъ.

— А успѣемъ, такъ успѣемъ, — я пожалуй согласенъ.

— Ну, что? готово у тебя что-ли? — крикнулъ Закурдаевъ, высовываясь въ окно.

— Только вотъ въвозжаю, — отвѣчалъ со двора Дениска.

— Ну, такъ значить, можно съ Богомъ и въ путь?

— Я уже совсѣмъ готовъ, — замѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— А вотъ и я сейчасъ готовъ буду.

Сборы его были не долги. Все быю уже прилажено къ охотѣ, и ему оставалось только навѣсить на себя ружье и прочіе охотничьи снаряды, что онъ тотчасъ же и сдѣлалъ.

Чеботарь, между-тѣмъ, зарядилъ свое ружье, и, завернувъ въ пестрядинную тряпицу наготовленные имъ заряды, сунулъ ихъ къ себѣ за пазуху. Готовый такимъ образомъ къ немедленному отъѣзду, онъ вошелъ объявить обоимъ охотникамъ, что телѣга ждетъ ихъ.

Передъ отходомъ, хозяинъ подставилъ подъ самый носъ Адаму Адамычу три сигары, давая тѣмъ знать, что вотъ-дискать, цыгарки другу, и потомъ спряталъ ихъ въ карманъ.

Наконецъ охотники усѣлись въ телѣгу, на сѣно, прикрытое войлокомъ, подъ которымъ таилась и дорожная, оплетенная тростникомъ, фляга съ нектаромъ. Дениска тронулъ возжами; кобыла дернула и тряхнула головой; собаки взвыли и залаяли благимъ матомъ, прыгая у ея переднихъ ногъ, и экипажъ двинулся, оглашаемый этими радостными и мелодическими звуками.

— Тише, тише! — кричалъ педагогъ, когда телѣга повернула въ улицу, которая шла крутыми уступами подъ гору. Голову сломить! Говорять тебѣ, тише!.... Экой городокъ! съ тормозомъ надо ѣздить.

— Да, здѣсь очень сильно трясеть, — замѣтилъ Адамъ Адамычъ, подпрыгивая на войлокъ.

— Гдѣ выстроился-то, дурачина! — сказалъ Закурдаевъ, указывая на домъ исправника Юзгина, стоявшій на юру. — Посмотрите, что за валъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Съ одной стороны въ окошко курца впринетъ, а съ другой палкой окна не достанешь.

Но здѣсь такое уже мѣсто, — сказалъ Адамъ Адамычъ.

— Да развѣ не было другихъ мѣсть въ городѣ? Глупъ онъ, какъ чурбанъ, — и больше ничего. — А что Лизанька? преуспѣваетъ?

— О, это дѣвушка съ огромными способностями.

— Ахъ ты, нѣжная душа, произнесъ педагогъ, потрепавъ по плечу своего товарища. — Ужъ ни за что про женскій полъ не скажешь дуршаго.

— Я думаю, каждый согласится, что это очень умная дѣвица.

— Вона! и дѣвица!... Какая же дѣвица?... Дѣвчонка, просто. Что ей? Лѣтъ двѣнадцать?

— О, нѣтъ; ей уже пятнадцать лѣтъ.

— Ну, все еще не тово... А точно, разивается, растеть.

— Дерутся больно, — сказывала ихняя Глафира! вставиль свое замѣчаніе возница, укорочал шаги лошади.

— Мнѣ очень нравится ея голосъ, — сказалъ Адамъ Адамычъ. — Она поеть, какъ соловей.

— Батюшки-свѣты! ужъ и соловей!

— Да, это справедливо.

— Ну-ка, Адамъ Адамычъ, посмотрите-ка на меня!

Нѣмецъ посмотрѣлъ.

— Ну, нѣтъ еще, нѣтъ; а близко! — сказалъ балагуръ: — того и гляди, влюбишься!

— Полноте! что вы говорите?

— Ну, да чего ужъ? Вѣдь я знаю... Вѣдь душа нѣжная.... охъ, какая нѣжная!

Адамъ Адамычъ промолчалъ; но за то Дениска сказалъ, оборачиваясь къ Закурдаеву:

— А вотъ Глафира ихняя сказывала: ай-ай безстыжая барышня. Хуже, говорить, мужчишки; все подслушиваетъ, что въ лакейской говорятъ. Известно, что ужъ у нашего брата выслушаешь? какое тутъ...

— А ты гляди впередъ, полно растабарывать-то! Куда ты заблалъ? — вскричалъ сердито Закурдаевъ.

Телѣга, точно, наѣхала на бревно, лежавшее на одной сторонѣ улицы, и чуть не свернулась на бокъ.

— Экая ослопина! — ворчал педагогъ: — точно у тебя глаза-то тѣстомъ замазаны.

Адамъ Адамычъ въ это время молчалъ, но думалъ о томъ, какъ большая часть слугъ не питаетъ ни малѣйшей привязанности къ своимъ господамъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ безнаказанно клевететь на нихъ.

«Можетъ ли статься, — размышлялъ онъ, — чтобы это прекрасное существо, полное непорочности и нежныхъ чувствъ, — можетъ-ли статься, чтобы Лизанька Юзгина была способна на что-нибудь подобное?»

При этомъ размышленіи, образъ хорошенькой ученицы ясно нарисовался въ мечтахъ благоразумнаго паставника; сердце его пріятно вздрогнуло, и онъ совершенно безсознательно произнесъ:

— Какъ можетъ это быть?

— Что такое? — спросилъ его товарищъ.

Адамъ Адамычъ сконфузился и отвѣчалъ, запинаясь:

— Я сказалъ: какъ можетъ это быть.... такая дурная дорога?

— Полно такъ ли? — возразилъ Закурдаевъ, грозя пальцемъ.

Телѣга спустилась наконецъ съ горы, и въѣхала въ болѣе-ровную и болѣе-просторную улицу.

Когда охотники поровнялись съ однимъ довольно-красивымъ домомъ о пяти окнахъ, въ которыхъ вездѣ были спущены занавѣски, Закурдаевъ выразительно толкнулъ товарища подъ бокъ локтемъ, а головою указалъ на домъ.

— Она спитъ! — произнесъ онъ, вздыхая: — она спитъ, — и сердце ея спокойно!

— Онъ всегда въ десять часовъ встаютъ, — замѣтилъ Дениска: — а обѣдаютъ въ три часа.... поваръ ихній, Степанъ, сказывалъ.

Адамъ Адамычъ, при возгласѣ Закурдаева, почувствовалъ сильный жаръ въ лицѣ; на лбу его проступило нѣсколько капель пота. Онъ вынулъ платокъ, и началъ обтирать себѣ лицо.

— Ахъ, да! я и не взглянулъ, — сказалъ вдругъ Закурдаевъ: — что у васъ, губа-то никакъ опала?

— Ничего, совсѣмъ уже прошло, — отвѣчалъ Нѣмецъ, продолжая тереть свой лобъ и щеки.

— А хороша, волшебница? — началъ опять восклицать веселой собесѣдникъ, толкая подъ бокъ Адама Адамыча: — очаровательна? а?

Адамъ Адамычъ не отвѣчалъ; ему казалось, что войлокъ подъ нимъ превращается въ раскаленные уголья.

— Что же вы все молчите? — спросилъ Закурдаевъ.

— О чемъ же буду я говорить? — пробормоталъ сквозь зубы чувствительный Нѣмецъ.

— Какъ, о чемъ? Ну, вотъ, я спрашиваю васъ.... Не ужели, по вашему, Александра Фоминишна не очаровательна?

— Да, она очень недурна.

— Похвалилъ, нечего сказать! Не дурна!.... Я вамъ говорю, очаровательна!

— Это вѣдь какъ кому, — замѣтилъ Дениска. — По мнѣ, Прасковья Дергачовская попрозрачнѣе будетъ.

— Молчи ты, пентюхъ! Кто тебя спрашиваетъ? — закричалъ Закурдаевъ. Ну, какого ты рожна смыслишь?

Адамъ Адамычъ чувствовалъ, что лицо его вспыхиваетъ все больше и больше, и что не усидѣть ему прямо на войлокъ, превращающемся въ раскаленные уголья.

— А какъ умна-то? Господи Боже мой, какъ умна! Я и не видывалъ такой женщины! — продолжалъ педогогъ восклицать ея имя Александръ Фоминишнъ. — Не ужто вы не согласны съ этимъ?

— О, да, она чрезвычайно, чрезвычайно умна! — сказалъ вдругъ Адамъ Адамычъ, невольно увлекшись пафосомъ рѣчи своего спутника.

Порою вѣтка, выростая на отвѣсномъ берегу быстрой рѣки, долго лѣпится въ землѣ, какъ ни тягнетъ ее окунуться въ синихъ летучихъ волнахъ. И жаль ей разстаться съ пріютнымъ берегомъ, и потокъ манитъ ее къ себѣ, подмывая ея неглубокія корни.... И, вотъ, дрожа отъ желанія и обаянная стремленіемъ, сорвалась вѣтка, — и потокъ несетъ ее за собою....

Такъ точно было и съ Адамомъ Адамычемъ. Какъ ни крѣпился онъ на почвъ своей таинственности, увлекающее стремленіе рѣчи товарища сорвало его съ этой почвы, и, вслѣдъ за потокомъ Закурдаевскихъ похвалъ, Немецъ пошелъ катать огромную и патетическую тираду въ честь Александрѣ Ѳомииншѣ. Съ жаромъ изложилъ онъ въ этой тирадѣ, что такихъ умныхъ женщинъ встрѣтишь очень мало, даже вовсе не встрѣтишь въ нынѣшнемъ свѣтѣ; что большая часть прекраснаго пола подобна бабочкамъ, которыя стараются только о внѣшней красотѣ своей, а духовную сторону свою не стараются воздѣлывать и украшать познаніями или пылкими чувствованіями. Какъ контрастъ этихъ вѣтренныхъ женщинъ, почтенный Немецъ началъ превозносить Александрину, и, кажется, сказалъ даже, что по уму она равняется извѣстнымъ семи мудрецамъ; что знаетъ отлично всѣ науки, — чуть-ли даже и не астрономію; что сердце ея открывается для всякаго чувства съ самою полною симпатіею. Когда отъ чувствъ перешелъ онъ къ поэзіи, Шиллеру и любви, то, казалось, конца не будетъ восторженному гимну....

Но посреди этой послѣдней части своего панегирика, Адамъ Адамычъ вдругъ остановился, вспомнивъ, какъ неумѣстно такое увлеченіе, и какъ не должно обнажать предъ другими очами, можетъ-быть, совершенно не сочувствующими, глубокія нѣдра своего нѣжнаго и болѣющаго сердца.

Педогогъ трепалъ по плечу умолкшаго наставника и повторялъ:

— Молодець, молодець! Какъ по писанному! романъ романомъ!

Очи Адама Адамыча были опущены долу, и онъ не могъ замѣтить проницеской улыбки, которая судорожно сводила уста его друга, когда онъ произносилъ хвалу его рѣчи.

Телъга выбралась наконецъ на совершенно-гладкое мѣсто, и пошла нестись, волею чубарой кобылы, по прямой улицѣ такъ называемой «Ямской слободки», мимо запертыхъ еще лавчонокъ, проваливавшихся деревянныхъ тротуаровъ, колодцевъ, пустырей, кривыхъ домишекъ, маленькихъ косыхъ

оковы, изъ которыхъ глядятъ бѣлыя подушки, увѣшанныя коклюшками; мимо пестрой версты; мимо питейнаго заведенія съ потемнѣвшей выѣзской; мимо гусей, гогочущихъ посрединѣ улицы, — свиньи, расчесывающей свои кудри жесткими кочками, — курносаго пса, который бросается съ лемъ подъ ноги кобылы и отстаётъ только понюхавъ шерсть Пальмы.

За улицей тѣсныхъ и жалкихъ домишекъ, на самомъ выѣздѣ, стоялъ убогій монастырь съ деревянною оградой и длинною покачнувшейся колокольней, а за нимъ лежало широкое кладбище, гдѣ, подъ сѣнью простыхъ крестовъ, спятъ непробуднымъ сномъ праотцы Забубеньевскихъ обывателей.

Столбъ пыли несся надъ головами охотниковъ, и только тогда началъ отклоняться въ сторону, когда тельга проскакала мимо кладбища и выѣхала въ открытое поле, гдѣ свободный вѣтеръ запорхалъ вокругъ вѣдущихъ стрѣлковъ.

Когда, безъ всякихъ особыхъ приключеній, товарищи отъѣхали версты три отъ города, на встрѣчу имъ попала еще тельга, въ которой возсѣдали двѣ особы, повидимому, законные супруги.

Лишь только завидѣлъ Закурдаевъ ковыляющій и пылящій передъ глазами ихъ экипажъ, какъ воскликнулъ:

— Мельникъ нашъ катитъ, и съ дражайшею половиной.

Онъ не ошибся: это былъ, точно, мельникъ Игнатичъ и жена его, Марья Касьяновна. Какъ только тельги поровнялись, педагогъ схватилъ за плеча Дениску, и велѣлъ ему остановить лошадь, а проѣзжающимъ махнулъ рукой.

— Постой, постой, Игнатичъ! — закричалъ онъ. — Здравствуй!... Или не узналъ?

— А! Василью Семенычу, Адаму Адамычу мое почтеніе! — сказалъ мельникъ, затянувъ поводья своей живенькой и кругленькой лошадки.

То былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, въ изсиня сѣромъ долгополомъ кафтанѣ. Жирное лицо его озарилось веселою улыбкой; борода была обрита.

Сосѣдка его на тельжной сидѣлкѣ и законная супружница была почти такъ же жирна, какъ и ея мужъ; но за то

гораздо его моложе: съ виду казалось ей не болѣе тридцати лѣтъ. Волосы ея, подобранные подъ шоловѣй коричнево-пѣтій двуличневый платокъ, ярко лоснились на солнцѣ, такъ же, какъ и бѣлое полное лицо съ бойкими глазами и алыми толстыми губами, которыя, улыбаясь, выказывали рядъ рѣдкихъ и узенькихъ зубовъ. На высокой груди ея была кокетливо зашпиlena булавкой голубая шерстяная шаль съ злнхватовской каймой, непрятавшая, впрочемъ, янтарнаго борка, который обнималаъ сдобную шею мельничихи.

— Куда, Игнатьичъ? — крикнулъ Закурдаевъ, спуская ноги за облучокъ тельги и принимаясь набивать свою трубку.

— Куда, какъ не въ городъ! Къ обѣднѣ вотъ собрались.... Да и дѣльце есть по мельницѣ.

— Ну, а намъ найдется, чѣмъ пообѣдать? — спросилъ педагогъ.

— Милости просимъ! — сказала съ улыбкою мельничиха: — я къ той порѣ дома буду. Игнатьичу вотъ нельзя будетъ воротиться: ему до завтра въ городъ остаться надо. А я послѣ обѣдеи сейчасъ и до мельницы.

Адамъ Адамычъ не сказалъ ничего; но за то многозначительно посмотрѣлъ на мельничиху, которая пріятно ему улыбулась.

Закурдаевъ, закуривъ трубку, помѣстилъ ноги опять въ тельгу, кивнулъ головою мельнику и велѣлъ Денискѣ вѣхать.

— Съ Богомъ! — сказалъ мельникъ, трянувъ возжами. — Прощенья просимъ!

Встрѣчные разстались.

Вскорѣ охотники наши подѣхали къ околицѣ, ворота которой Дениска отворилъ самъ, передавъ возжи въ руки Закурдаева.

За околицей дорога пошла уже и хуже; но за то глазамъ Адама Адамыча представилось много очень знакомыхъ и очень милыхъ ему мѣстъ. Вотъ оврагъ, съ бойкимъ ручейкомъ, отгнѣеннымъ непроходимыми кустами; вотъ животрепещущій мостикъ, переброшенный чрезъ этотъ ручей. Бревны мостикъ заплясали и запрыгали подъ тельгою, словно обрадовавшись прибытію своего стараго знакомаго. Вотъ маленькое

озерко, обнесенное густымъ и звонкимъ камышомъ, съ цѣлыми стадами бѣлыхъ, жирныхъ цвѣтовъ, плавающихъ по гладкой поверхности воды. Тутъ пріютилась семья домашнихъ утокъ, и то полощется и ныряетъ въ синей влагѣ, то выходитъ на берегъ отряхаться и сыпаться на солнцѣ съ крыльевъ своихъ цѣлыя пригоршни крупнаго жемчуга. Вотъ и поляна, гдѣ пасутся стреноженные кони Игнатъича. Вотъ и гумно, обведенное плетенымъ заборомъ, сквозь который старается пробиться огромный борозъ, не сообразивъ, что рогатина, вздѣтая на его шею, никакъ не доставить ему этого наслажденія. Вотъ и мельница шумитъ. Бѣздки наши переправляются черезъ утлый мостикъ, устланный сѣномъ и соломой, и усѣянный домашними голубями, мимо-входныхъ дверей, откуда слышно пѣніе жорнова. По другую сторону, далеко уносится быстрая рѣчка, у мостика вспѣнная и шумная, а далѣе синяя и гладкая. Частыя аллеи ветель склоняются надъ ея смиреннымъ токомъ и купаются въ немъ своими длинными вѣтками и обнаженными, подмытыми корнями. Вотъ и хата хозяина мельницы, съ приткнутымъ къ завалинкѣ мельничнымъ камнемъ, съ конькомъ надъ воротами, и съ остервенелою собакой, которая давно уже охрипла отъ лая, а все ворчить и скалить зубы, выглядывая изъ дыры, пробитой въ подворотнѣ....

— Стой! закричалъ Закурдаевъ.

Тельга остановилась. Фингалка подбѣжалъ къ подворотнѣ, взглянулъ въ самую морду мельничной дворнягѣ, и зарычалъ, обнажая рядъ верхнихъ зубовъ.

Калитка отворилась. Приспѣшница мельничихи, Авдотья, толстая, здоровенная туша, одѣтая въ сарафанъ, выглянула оттуда и привѣтливо заговорила съ знакомыми гостями.

Оба они выскочили изъ тельги. Вороты были немедленно отворены, ставни открыты, тельга втащена подъ навѣсъ, кобыла отпряжена, и Авдотья тотчасъ занялась вареніемъ десятка яицъ для почтенныхъ посѣтителей, расположившихся въ парадной комнатѣ мельникова жилища.

Окончивъ завтракъ, передъ которымъ не преминули сдѣлать приличное, хотя и умѣренное, возліяніе въ честь бога

гроздїй (не имѣвшаго, впрочемъ, ни малѣйшаго понятїя о хлѣбныхъ напиткахъ), оба охотника отправились на поискъ дичи.

Они шли сначала вмѣстѣ вдоль тѣнистаго берега рѣчки; но потомъ раздѣлились и отправились въ разныя стороны, чтобы избѣжать всякихъ могущихъ случиться неприятныхъ стечекъ, какія бываютъ часто между охотниками.

Чеботарь Дениска остался пока вмѣстѣ на мельницѣ, чтобы не на тощій желудокъ идти стрѣлять сидящихъ утокъ. (На лету онъ не попалъ бы и въ корову, еслибъ корова могла летать). Вслѣдствіе такого, заранѣе составленнаго соображенїя, онъ обратился къ Авдотѣ, бабѣ смирной и податливой, съ просьбою угостить его.

Авдотя, не столько потому, что знала къ нему благоволеніе самой мельничихи, сколько по личному уваженію къ Денискинымъ достоинствамъ, и по любви, питаемой къ этому заливчатскому парню, вытащила изъ печи заготовленный собственно для себя пирогъ, и поставила его передъ Денискою.

— А что? сказалъ онъ, принимаясь за Закурдаевскую флягу, — вѣдь, я думаю, можно и посогрѣться малехонько?

Съ него потъ катилъ градомъ.

— Вѣстимо, можно! отвѣчала Авдотя, улыбаясь реторической фигурѣ, отпущенной Денисомъ: — скрозь плетенку-то и не знать будетъ.

Чеботарь отвинтилъ чарку, служившую крышкою флягъ; но не разсудилъ пить изъ этой чарки, а просто приложилъ горлышко сосуда къ губамъ и пошелъ булькать. Утоливъ жажду достаточнымъ количествомъ водки, Денисъ принялся за пирогъ, который на ружейный выстрѣлъ вокругъ себя разилъ лукомъ и капустой.

Тутъ чеботарь обратилъ такую рѣчь къ Авдотѣ, къ которой питалъ взаимную склонность:

— Садись-ка, Авдотьюшка! поѣдимъ вмѣстѣ,

Авдотя съѣла, положивъ свою руку, въ видѣ ласки, на плечо Дениса.

— Ну что, какъ живешь-можешь, Денисъ Петровичъ? спросила она.

— Да чего? Известное дѣло, какъ ужь.... начать чеботарь, напичкавъ ротъ пирогомъ.

— А вотъ у насъ,—прервала Авдотья,—все вверхъ тармашкой идетъ. Игнатичъ нынче все разьѣзжаетъ: вонъ, на мельницѣ поломка сдѣлалась, такъ заподряжать ѣздить плотниковъ.... Почитай недѣлю дома его не было. А баба все погуливать! То къ ней Черепановскій заводчикъ, то писарь вонъ отъ становаго, изъ Подзаборья. Только вотъ, видно, не знашь, вашъ-то колбасникъ не заглядывалъ.

— Прямой колбасникъ, замѣтилъ Дениска: — провалъ его возьми! Башку-то съдымъ волосомъ подернуло, а туда же....

— Да вѣдь она кому хошь въ душу вѣзеть Развѣ стыдъ что-ли у нея есть?

— И не завиталось. Ужъ чего я!...

— А что, сказала Авдотья, сердито снимая руку съ плеча Дениски — развѣ она и къ тебѣ?

— Ну, нѣтъ! ефтого не было,—а ужъ на-счетъ тамъ эдакъ чего ни на есть.... Тамъ картъ ей старыхъ привези, башмаки тамъ сваргань.... какъ бы все на шармака.

— Да вѣдь и къ колбаснику-то изъ-за чего подлипать? Известно, какъ бы что выштитить.

— Ужъ ай-ай глупъ онъ, ай-ай глупъ, я те скажу! Ему только баба платокъ съ шеи сними, такъ онъ и размазеть.

— Его давно ужъ у насъ не видать было. Простое воскресенье она его ждала: не прѣхалъ; потомъ въ среду — праздникъ тоже былъ — тоже ждала....и тутъ не бывалъ.

— И нынче вдосталь позабавятся! пузатый-то вѣдь не скоро изъ городу.

— А онъ ей, Нѣмецъ-то вашъ, вотъ какъ въ пропльный разъ былъ, видно даль-таки деньжонокъ, али чего. Какъ ужъ она его ласково провожала!

— Эка баба, подумаешь! И куда ей деньги? И безъ того чать кубышка-то набита биткомъ.

— Да развѣ ея душиньку насытитишь? такая ужъ жадная уродилась.— Да вѣдь и Игнатичъ-то мощной даромъ не тряхнетъ: у него, что куска изъ горла, копыйки не выклянчишь.

— Да ей-то куда?

— Какъ куда? Она вонъ и прифуфырится любить: выпль да выложи ей и сережки хорошия, и платокъ шолковой, и платье—все чтобы позакатистье было. Вотъ и вино любить, чтобы было не простое, давай все мушкате.по.

— Известно, не отвыкать стать! И въ дѣвкакъ-то была человекъ хожалый— кому хошь пожалуй.

Заклучивъ такою сентенціей характеристику мельничихи, Денисъ всталъ изъ-за стола, погугорилъ еще немного со своею слабостью, и отправился, въ чаюни сидящихъ утокъ, на рѣку, намѣреваясь, впрочемъ, пройтись и по всѣмъ озеркамъ, во множествѣ раскинутымъ не вдалекъ отъ лѣска.

Между тѣмъ, Адамъ Адамычъ зашелъ уже очень далеко, въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя посѣщаль и прежде, но не указываль ни кому, опасаясь соревнованія.—Онъ вступилъ въ мелкій кустарникъ, гдѣ надѣялся найти вальдшнеповъ. Хотя и ожидалъ онъ тутъ охоты недурной, однако, на этотъ разъ, ожиданія его были превышены сторицею въ дѣйствительности.

Одинъ знакомый Адама Адамыча, страстный охотникъ, какъ-то разказываль ему случай, необычайный въ лѣтописяхъ охоты. Случай этотъ состоялъ въ томъ, что помянутый знакомый нашего героя набрелъ будто-бы однажды на такое мѣсто, гдѣ вдругъ поднялся вокругъ него отовсюду... что-бы вы думали? — миллионъ, ни больше, ни меньше, какъ миллионъ вальдшнеповъ! Это мионическое количество пернатыхъ окружило охотника со всѣхъ сторонъ и совершенно заслонило отъ него дневной свѣтъ. Очутившись вдругъ во мракѣ, охотникъ напрасно искалъ свое ружье, которое обронилъ отъ изумленія.—Адамъ Адамычъ, слушая этотъ курьѣзный анекдотъ, при всей своей доврчивости къ людямъ вообще и къ разказику въ особенности, никакъ не могъ признать непреложность подобнаго событія.

Теперь же, когда почтенный наставникъ вступилъ въ кустарникъ, и вокругъ него начали вспархивать со всѣхъ сторонъ вальдшнепы, онъ вѣрно нашель бы хоть тѣнь вѣроятія въ разказъ своего знакомаго, еслибъ только могъ думать о чемъ-нибудь въ эту минуту.

Фрр... Справа взлетѣло три вальшнепа. Адамъ Адамычъ хватилъ изъ праваго ствола.... Ни одного! Тоже повторилось слѣва. Адамъ Адамычъ хлопнулъ по птицамъ изъ другаго ствола.... Ничего! Стриженная дѣвка не успѣла бы заплести и четверти косы, какъ Адамъ Адамычъ зарядилъ уже оба ствола ружья, не смотря на то, что руки его тряслись и глаза слезились отъ сильнаго внутренняго волненія. Онъ выпалилъ въ кучку, поднявшуюся спереди.... Промахъ! Мигомъ обернулся назадъ и хватилъ еще разъ.... Тоже! Собака, бросаясь послѣ каждаго выстрѣла въ ту сторону, куда таковой былъ направленъ, вспугивала еще болѣе быстрыхъ птицъ. Адамъ Адамычъ ужасно горячился. Пафъ! пафъ! раздавалось одно за другимъ, — и двѣнадцать выстрѣловъ было уже разстрчено, а еще не было положено ни одной штуки дичи въ пустой ягдташъ.

Сердце страстнаго охотника колотило во всю мочь, руки опустились вмѣстѣ съ ружьемъ; онъ крикнулъ къ себѣ Пальму и отошелъ нѣсколько назадъ, по той тропинкѣ, по которой пробрался къ драгоценному мѣстечку.

— Надо отдохнуть и успокоиться. Горячность всему виной.

Сказавъ эти благоразумныя слова, почтенный Немецъ опустился на землю, положилъ ружье рядомъ съ собой на траву, Пальмъ приказалъ лечь, и такимъ образомъ приступилъ къ успокоенію своихъ взволнованныхъ чувствъ. Долго старался онъ обратить мысли свои на какой-нибудь совершенно посторонній охотъ предметъ, и долго не могъ сладить съ неугомнымъ сердцемъ, которое, казалось, хотѣло выпрыгнуть изъ его груди.

Наконецъ, когда послѣ долгихъ усилій, все смятеніе Адама Адамыча исчезло, и мѣсто его заступили только тихая любовь къ охотѣ и спокойствіе, онъ всталъ и отправился на старое мѣсто. Охота, точно, была въ этотъ день на диво. Каждой шагъ Адама Адамыча становился завоеваніемъ, и ягдташъ безпрестанно наполнялся жертвами его неумолимо-мѣткой руки.

Но какъ ни пріятна, какъ ни привлекательна была охота, все-же долженъ былъ наступить ей конецъ, тѣмъ болѣе, что сердце Адама Адамыча влекло его болѣе къ мельницѣ, чѣмъ

въ противоположную отъ нея сторону. Часы нашего героя показывали уже пять, — время, далеко ушедшее отъ обыкновеннаго обѣденнаго часа; желудокъ просилъ пищи; ноги начинали чувствовать сильную усталость... И Адамъ Адамычъ направилъ стопы къ мельницѣ, гдѣ давно поджидала его полночьная, но тѣмъ не мѣнѣе красивая мельничиха.

Закурдаевъ, не бывшій вовсе страстнымъ охотникомъ, еще въ третьемъ часу возвратился къ милой хозяйкѣ, поѣлъ на порядкахъ, и, не могши преодолѣть давнишней привычки всхрапнуть послѣ трапезы, попросилъ мельничиху допустить его въ какой-нибудь амбаръ, или погребъ для отдохновенія, ибо вездѣ въ остальныхъ мѣстахъ жарко и, одолеваяють мухи. Марья Касьяновна отперла для него какой-то прохладный чуланъ, Авдотья распростерла на полу перину, и Закурдаевъ бросился съ наслажденіемъ въ объятія сна.

Когда Адамъ Адамычъ, измученный ходьбой, покрытый потомъ и бременный тяжестью настрѣлянной имъ дичи, возвратился, Марья Касьяновна сказала Авдотья, что объ обѣдѣ позаботится ужъ она сама, какъ хозяйка, а она бы, Авдотья, шла, куда знаетъ. Вслѣдствіе такого приказанія, Авдотья сошла опять съ Дениской, который, застрѣливъ на охотѣ одну только утку, и то, какъ послѣ оказалось, не дикую, отдыхалъ на завалинкѣ, глядя на гусыню, гнавшуюся за свиньей.

Адамъ Адамычъ получилъ отъ хозяйки милый выговоръ въ невниманіи, какое онъ оказалъ ей въ последнее время, не заглянувъ ни разу на мельницу. Вслѣдъ за этимъ выговоромъ, Марья Касьяновна поставила на столъ обѣдъ, и наконецъ уже, послѣ долгихъ и умиленныхъ извиненій Адама Адамыча, съѣла рядомъ съ нимъ и пріятно ему улыбнулась. При этомъ она сочла не лишнимъ снять съ крутыхъ плечъ своихъ большой платокъ, совершенно скрывавшій ихъ. Раньше не сдѣлала она этого изъ тонкаго кокетства, съ цѣлью показать Адаму Адамычу всю глубину оскорбленія, нанесеннаго ей невниманіемъ мудраго мужа.

— Экая жаринь какая! сказала Марья Касьяновна, свернувъ платокъ.

Адамъ Адамычъ, прожевывая послѣдній кусокъ жаренаго гуся, посмотрѣлъ влажными глазами на соблазнительницу, и не удержался: губы его прикоснулись къ плечу хозяйки.

— Ахъ, Марья Касьяновна!

Вотъ все, что могъ онъ прошептать отъ полноты рта и чувствъ.

Чтобы сдѣлать читателю болѣе понятными отношенія между моимъ почтеннымъ героемъ и мельничихою, я долженъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе.

Марья Касьяновна, обладая въ сильной степени кокетствомъ, покорила чуть не съ перваго раза сердце и вѣсть съ нимъ добродѣтель Адама Адамыча. Зная вполне всю нѣжность чувствованій, а такъ-же и объемъ жалованья Нѣмца, первую изъ двухъ-трехъ встрѣчь съ нимъ, а второй изъ слуховъ, которыми, какъ извѣстно, земля полнится, — корыстолюбивая супруга Гнатыча начала употреблять все средства женщины, чтобы плѣнить моего героя — При шаткости своей въ дѣлахъ сердечныхъ, Адамъ Адамычъ не смогъ противиться обаянію красивой мельничихи, не сумѣлъ отказать ей въ нѣсколькихъ подаркахъ, — и тѣмъ началъ эту не весьма-благовидную интригу. Мельничиха была, разумѣется, совершенно равнодушна ко всемъ достоинствамъ добраго Нѣмца, за исключеніемъ его карманныхъ качествъ; онъ же, напротивъ, привязывался къ ней съ каждымъ свиданіемъ больше и больше, и, при всей своей расчетливости и бережливости, не жалѣлъ ничего для ея удовольствій.

Не смотря на то, что сердце его съ нѣкотораго времени клонится уже въ другую сторону, Адамъ Адамычъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ побывать на мельницѣ, и повидаться съ соблазнительной мельничихой.

Марья Касьяновна, не пренебрегая ни къмъ и ни чѣмъ, обратилась-было и къ педагогу Закурдаеву съ цѣлью завоеванія его привязанности и кошелька; но Закурдасвъ былъ малый непромахъ и въ обманъ не дался. Какъ только увидѣла Марья Касьяновна, что съ него взятки гладки, какъ

только услышала, что «ты, дескать, душенька съ этимъ не подъѣзжай!» и что «это-моль дудки, и мы видали виды!» — то наступательныя дѣйствія ея тотчасъ же и прекратились.

Послѣ обѣда Адамъ Адамычъ принадлежалъ уже одной мельничихѣ, не отвращаемый отъ нея ни голодомъ, ни задними мыслями, и весь прикованный къ ней силою ея неотразимыхъ прелестей.

Еслибъ я владѣлъ нѣжнымъ стихомъ Тасса, или чувствительною прозою Августа Лафонтена, я бы передалъ вамъ то полное любви «лей-перелей», которое началось тогда между моимъ героемъ и пышною Марьей Касьяновной. Еслибъ у меня была кисть Тиціана, я изобразилъ бы вамъ возвышенный восторгъ, сіявшій на лицѣ Адама Адамыча. Еслибъ, наконецъ, во власти моей была рѣчь Бокаціо, я передалъ бы вамъ всю глубину наслажденій мудраго мужа.... Но, увы! — я лишень всего этого; я умѣю рассказывать только самыя пустыя событія ежедневной, будничной жизни, — міръ же чувства и души для пера моего недоступное поле.... Итакъ, я молчу, молчу, чтобы не обезобразить моимъ неискуснымъ изображеніемъ неописанную красоту этихъ нѣсколькихъ часовъ, вполне прочувствованную моимъ любезнымъ героемъ.

За нѣсколько минутъ до пробужденія Закурдаева, Адамъ Адамычъ, прикасаясь устами къ горячей щекѣ Марьи Касьяновны, вынулъ изъ-за пазухи маленькій сверточекъ, который утромъ взялъ изъ своей шкатулки.

— Вотъ, Марья Касьяновна, — сказалъ онъ: возьмите отъ меня небольшой подарокъ!

При этихъ словахъ лицо его вспыхнуло заревомъ стыдливости.

— К чему это? — отвѣчала мельничиха, отталкивая руку моего героя. — Ахъ, какіе вы, Адамъ Адамычъ! Вы ужъ и такъ мнѣ столько дарите!

— Нѣтъ, возьмите, возьмите! — продолжалъ Адамъ Адамычъ, стараясь всунуть въ толстую ладонь Марьи Касьяновны.

— Не пора ли ужъ и самоваръ ставить? — сказала она, отходя отъ Адама Адамыча.

Свиточекъ остался у нея въ рукѣ.

— Ахъ, батюшки!—воскликнула она, подходя къ маленькому довольно тусклому зеркальцу, висѣвшему на стѣнѣ, промежъ портретовъ Платова и храбраго Казарскаго.—Ахъ, батюшки! голова-то у меня овинъ овиномъ. Причесаться взять....

Марья Касьяновна наклонилась къ столу, на которомъ лежалъ гребень, и съ немовѣрною ловкостью и быстротою успѣла развернуть бумажку, данную ей Адамомъ Адамычемъ, и посмотреть, что въ ней содержится. Сущность сверточка, какъ видно, была не совсѣмъ противна вкусу и желаніямъ нашей красавицы, ибо легкая улыбка раздвинула ея губы.

— Куда вы идете? спросилъ Адамъ Адамычъ:—еще рано пить чай.

— Нѣтъ, пора. Скоро и Василій Семенычъ встанутъ. Еще, пожалуй, сердиться будутъ, что самоваръ не готовъ.

Съ этими словами, хозяйка вышла изъ комнаты, оставивъ Адама Адамыча на жертву мечтамъ и нѣжнымъ воспоминаніямъ.

Закурдаевъ не замедлилъ явиться послѣ высылки, и вся компанія усѣлась за самоваръ.

Остальныя событія этого дня, состоявшія въ питьѣ чая, легкомъ балагурствѣ, приготовленіи пунша съ мельничихой и обратной поѣздкѣ домой, не представляютъ особаго интереса для читателя, а потому авторъ и пропускаетъ ихъ. Но долгомъ считаетъ онъ изъять изъ всего этого слѣдующее умозрѣніе, выраженное Закурдаевымъ, и прямо касающееся выгодъ лобзнаго героя моей справедливой повѣсти:

— Ахъ, Адамъ, Адамъ! говорилъ Василій Семенычъ, трясясь на войлокъ своей тельжонки, и мало по малу поддаваясь разымчивой силѣ нѣсколькихъ стакановъ крѣпкаго пунша.—Ахъ, Адамъ, Адамъ! Право же, ты глушь, неговоря дурнаго слова. Въдъ у тебя ни въ чемъ границъ нѣтъ.... Ей-Богу же, нѣтъ!.... Ну, что ты головой-то качаешь?—Положимъ, и сердце у тебя доброе.... доброе сердце, нѣжное. Да что толку?... Въдъ отъ этого ты на все падохъ,—на всякую дрянъ. Ну, вотъ, что ты связался съ этой,—съ мельничихой? Ну, разбери ты самъ.... сдѣлай такую милость, разбери!

Вѣдь просто ты въ петлю лѣзешь. Хорошо, не знаетъ Игна-
тѣвичъ... такъ! Ну, а какъ узнать? что ты тогда?... Вѣдь
ты передъ нимъ просто дрянъ, дурнаго слова не говоря
Вѣдь онъ ай-ай! Ты не знаешь его. Это звѣрь, это просто,
братецъ, тигръ африканскій. Ну что ты морщишься? ты не
морщъ лба-то! Вѣдь во мнѣ что говорить? Во мнѣ любовь къ
тебѣ говорить, любовь... ей-Богу, любовь, дуракъ ты этакій!

Тутъ педагогъ наклонился къ своему товарищу, съ
цѣлью поцаловать его въ щеку, но толчокъ тельги позво-
лилъ ему только увлажить своими устами високъ моего героя.
Герой, впрочемъ, мало слышалъ и мало видѣлъ: сонъ одоле-
валъ его.

— А ты вѣдь мнѣ не вѣришь. Ты кому вѣришь? Ей ты
вѣришь... вонъ кому! А она, просто, какъ есть, въ душу къ
тебѣ влѣзла. Да, правда, ты и прости; у тебя душа нежная...
знаю, какая нежная. И сапоги снимать не надо, — ей Богу,
не надо: такъ въ сапогахъ и влѣзешь въ нее, — въ душу-то
твою. Я тебѣ говорю, Адамъ: ты вѣрь мнѣ, а ей мошенницъ
не вѣрь! Вѣдь она и ко мнѣ обращивалась.... Ну, что ты ка-
чаешь головой-то?

Адамъ Адамычъ началъ уже удить носомъ.

— Ты не качай головой-то! Ей Богу же, такъ; да я ей
просто на отрезъ сказалъ, что убирайся молъ. Ну вотъ ты
не вѣришь, — а я сказалъ. Ну, и отстала.... отстала — и
не пристаешь. А къ тебѣ пристаешь. Отчего къ тебѣ при-
стаетъ? Ты въ нее вонъ все жалованьишко свое пичкаешь....
Да ужъ такъ, — ужъ ты не спорь!

Адамъ Адамычъ и не думалъ спорить, потому что дре-
малъ; но педагогъ дѣлался все говорливѣе и говорливѣе
по мѣрѣ того, какъ пунишь овладевалъ его головой.

— Ахъ, Адамъ, Адамъ! — продолжалъ онъ: — да ты
просто скотина, я тебѣ скажу.... ты не сердись!... ей Богу-же
скотина, свинья!... Ну, что въ ней, скажи ты мнѣ на милость?
что въ ней, ты только скажи? Ну, нѣтъ, ничего нѣтъ! Да. А
мнѣ жаль тебя, Адамъ, то есть, вотъ какъ жаль. А ты, без-
чувственный.... вотъ какъ есть животное безчувственное. Ты

не понимаешь.... любви къ себѣ не понимаешь, колбаса ты нѣмецкая! Ну, присталь, какъ банный листъ, къ мельничихѣ! Ну, я не спорю съ тобой, не спорю: amabile oris.... я не спорю съ тобой! Да ты скажи, говорятъ тебѣ, скажи: что въ ней, — что хорошаго? Только и есть, что жиръ, — больше ничего. Право, больше ничего. Да что ты молчишь, Адамъ? что ты молчишь, пентюхъ ты этакій? Вѣдь тебѣ добра желаютъ, ракалія, — добра....

Педогогъ начиналъ уже сильно горячиться.

— Экъ его розняло! — замѣтилъ сквозь зубы Дениска, — и потомъ прибавилъ, обращаясь къ съдоку: — А вы тише, сударь! Въ городъ въѣзжаемъ. Не хорошо.

— Что не хорошо? Ахъ ты, бестія! Что не хорошо? — крикнулъ Закурдаевъ: — Ты ко мнѣ не лѣзь! слышишь, не лѣзь! Я не спущу.... вотъ же Богъ, не спущу.... Ты смотри! ты у меня смотри!...

Въ такомъ родѣ педогогъ продолжалъ говорить до тѣхъ поръ, пока телѣга не въѣхала на дворъ Желнобобовскаго дома.

Тутъ герой мой черезъ силу добрался до своей канурки и черезъ минуту уже храпѣлъ.

Педогога Дениска привелъ во флигель и самъ уложилъ въ постель; но Закурдаевъ долго не могъ заснуть и все говорилъ такъ же безсвязно, обращая неизвѣстно къ кому свою длинную рѣчь.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

СВѢТІНА (*).

Опять, опять звучитъ въ душѣ моей унылой
 Знакомый голосокъ, и дѣвственная тѣнь
 Опять передо мной съ неотразимой силой
 Изъ мрака прошлаго встаетъ, какъ ясный день;
 Но тщетно памятью ты вызванъ, призракъ милый!
 Я устарѣлъ: я жить, и чувствовать — мнѣ лѣнь.

Давно съ моей душой сроднилась эта лѣнь,
 Какъ вътеръ съ осенью утрюмой и унылой,
 Какъ взглядъ влюбленнаго съ привѣтнымъ взглядомъ милый,
 Какъ съ боромъ въковымъ таинственная тѣнь;
 Она гнететъ меня и каждый Божій день
 Овлаждаетъ мной все съ новой, съ новой силой.

(*) Помышля это стихотвореніе, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о составѣ *секстимы*.

Секстикою называется стихотвореніе, состоящее изъ шести шести-строчныхъ строфъ. Кроме того, что конечныя рифмованныя слова остаются одни и тѣже во всѣхъ строфахъ *секстимы*, самый порядокъ размѣщенія этихъ словъ подчиняется извѣстному закону. Именно:

Въ 1-й строфѣ рифмы располагаются по произволу; обыкновенно — въ перемежку, женскія и мужскія. 2-я строфа составляется изъ 1-й слѣдующимъ образомъ: 1-я рифма 2-й строфы есть послѣдняя рифма 1-й; 2-я рифма 2-й строфы — 1-я рифма 1-й; 3-я рифма 2-й строфы — 2-я съ конца 1-й; 4-я рифма 2-й строфы — 2-я съ начала 1-й; 5-я рифма 2-й строфы — 3-я съ конца 1-й; и наконецъ 6-я рифма 2-й строфы есть 3-я рифма съ начала 1-й строфы. Точно такимъ же порядкомъ составляется изъ 2-й строфы — 3-я, изъ 3-й 4-я и т. д. Переставляя послѣднюю 6-ю строфу, мы снова получимъ первую.

До сихъ поръ извѣстны только двѣ *секстимы*: одна принадлежитъ *Петраркѣ*, другая одному изъ Французскихъ писателей.... кому именно, не поминивъ.

Авторъ позволяетъ себѣ сдѣлать маленькую оговорку и покорѣннѣе просить благосклонныхъ читателей не искать въ его стихотвореніи ничего, кроме желанія — привести еще одинъ примѣръ гибкости Русскаго стиха и послушности могучаго Русскаго слова — даже неопытной рукѣ.

Порою сердце вдруг забьется прежней силой,
 Порой спадут съ души могильный сонъ и лѣнь,
 Сквозь ночи вѣчныя проглянетъ свѣтлый день:
 Я оживу на мигъ и пѣснею унылой
 Стараюсь разогнать докучливую тѣнь;
 Но кратокъ этотъ мигъ, печальный и милой...

* * *

Куда-жъ сокрылись вы, дни молодости милой,
 Когда кипѣла жизнь неукротимой силой,
 Когда печаль и грусть скользили, словно тѣнь,
 По сердцу юному, и тягостная лѣнь
 Еще не гнѣздилась въ душѣ моей унылой,
 И новымъ краснымъ днемъ смѣнялся красный день?

* * *

Увы!... пришелъ и онъ, тотъ неизбежный день,
 День разставанія съ былою жизнью милой...
 По морю жизни я, усталый и унылой,
 Плыву.... меня волна невѣдомой силой
 Несетъ — Богъ вѣсть куда, а только плыть мнѣ лѣнь,
 И все вокругъ меня — густая мгла и тѣнь.

* * *

Зачѣмъ-же, разогнавъ привычную мнѣ тѣнь,
 Сквозь ночи вѣчныя проглянуть свѣтлый день?
 Зачѣмъ, когда и жить, и чувствовать — мнѣ лѣнь,
 Опять передо мной явился призракъ милой,
 И голосокъ его съ неотразимой силой
 Опять, опять звучитъ въ душѣ моей унылой?

Л. Мей.

МОЛЬЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, Жоржъ Занда.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мольеръ, авторъ и актеръ, содержатель странствующей группы комедиантовъ (50 лѣтъ).

Брекуръ.

Дюпаркъ, по прованію толстякъ Рене.

Магдалина Бежаръ (25 лѣтъ).

Арманда Бежаръ (18 лѣтъ).

Всадникъ.

Пьерретта, молодая крестьянка.

} актеры въ группѣ Мольера.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ЛИМУЗЕНЬ.

Театръ представляетъ площадку надъ оврагомъ; въ глубинѣ сцены—скала. На право, на второмъ планѣ, пригорокъ съ зеленымъ скатомъ; на первомъ планѣ высохшее дерево и около него дерновая скамья, не много въ сторону—дерновій бугорокъ. На лѣво—вѣтви деревьевъ сплелись сводомъ и образовали родъ пещеры,—на второмъ планѣ, пригорокъ, большія деревья и подвѣнными каменная скамья,—середина сцены и лѣвая сторона ничѣмъ не заняты,—слѣва, въѣзжаетъ карета и останавливается на второмъ планѣ лѣвой стороны. На каретѣ надпись: «Труппа Сіёра Мольера»; карета отворяется свади.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дюпаркъ, Брекуръ.

БРЕКУРЪ (выльзая изъ повозки). Это мѣсто, кажется, нарочно устроено для остановки, для обѣда и для роздыха (выходитъ совстьмъ). Уфъ! что за жара такая! Крестьяне говорили намъ, что найдемъ источникъ, подъ тѣнью дерева, на самой верхушкѣ пригорка. Иди же сюда, неустрашимый охотникъ!

ДЮПАРКЪ (снимая съ себя ружье и клича собакъ;—на лѣво, на второмъ планѣ) Тибурсъ! Артабанъ!

БРЕКУРЪ. Да забудь ты хоть на минуту своихъ собакъ—и пооди, помоги мнѣ выгрузить наше съѣстное. (Дюпаркъ захо-

дитъ съ пригорка и Брекуръ отвораеъ задъ фургона; онъ и Дюпаркъ приносятъ на сцену все, что нужно). Здѣсь намъ будетъ хорошо — каретныя подушки для нашихъ дамъ, корзина съ припасами, корзина съ винами.... Поттише, не надо ничего коверкать. А! значить мы будемъ завтракать! Дюпаркъ!

ДЮПАРКЪ. Ну!

БРЕКУРЪ. Какъ бы огонь развести?

ДЮПАРКЪ (*который помогалъ ему вынимать изъ фургона большую четверугольную корзину, подушки и разную рухлядь*). Это зачѣмъ?

БРЕКУРЪ. Да изжарить бы дичь, что ты обещалъ настрѣлять дорогой.

ДЮПАРКЪ. Глупый шутъ! только ты и думаешь, что о своей утробѣ — а забываешь объ этой бѣдной лошади, которая, право, больше всѣхъ насъ стбитъ.

БРЕКУРЪ. Я прежде думаю о существахъ нашей породы.

ДЮПАРКЪ. Наша порода худшая изъ всѣхъ; Брекуръ, люди никуда не годятся! Да что же, придуть или нѣтъ, наши товарищи?

БРЕКУРЪ (*идя въ глубину сцены*). Ужъ имъ пора бы здѣсь быть. Тельга № 2-й ѣдетъ по краю оврага, а дамы бѣгутъ въ припрыжку своими легкими ножками, обивая кусты, какъ школьницы на пути изъ школы.

ДЮПАРКЪ. Такъ, такъ, — по своему обычаю, вѣчно смѣются, кокетничаютъ или зѣваютъ на воронь — а ты тутъ жди ихъ, да умирай отъ голода и жажды; у меня желудокъ пусть какъ гудокъ. Пойду, поставлю эту бѣдную лошадь въ тѣнь; собаки мои нашли уже себѣ хорошее мѣстечко (*отдвигаетъ карету влѣво, такъ что становится видна надпись*).

ЯВЛЕНИЕ II.

БРЕКУРЪ (*одинъ*). Ну, кто повѣритъ, что этотъ мизантропъ — на сценѣ самый забавный шутъ изъ всей труппы. Публика и знать не знаетъ, каковъ настоящій норовъ веселаго толстяка Рене — публика не вѣдаетъ, что маска, которая смѣется и гримасничаетъ, часто приклеена слезами къ лицу комеданта.

ЯВЛЕНИЕ III.

БРЕКУРЪ, ПЬЕРРЕТТА, *чрезвычайно бѣдно одѣтая.*

ПЬЕРРЕТТА (*входитъ задомъ справа и говоритъ въ кулису*). Барыни-сударыни, будьте разумны и не бѣгайте въ рожь, не портите свои бѣлыя платица.

БРЕКУРЪ (*про себя, смотря на нее*). Съ кѣмъ же говорить, чортъ возьми, эта маленькая крестьянка?... Да просто, съ своими гусями, кажется.

ПЬЕРРЕТТА (*думая, что она одна*). Надо ихъ учить уму разуму, красавицъ — мозгу-то мало; не то что я — я все о чемъ-нибудь да думаю.... Ну-ка... о чемъ бы это подумать?... подумать развѣ о томъ, какъ бы поѣсть — да такая бѣда, поѣсть-то нечего, хоть зубы клади на полку.... поспать развѣ? Да вѣдь надобно подумать, какъ бы гусей уберечь, — а ужъ эти двѣ мысли куда какъ вмѣстѣ не ладятся... А что, вѣдь скучно было бы мнѣ цѣлый день быть все одной на горѣ, ка-бы ума-то у меня не было, ка-бы нельзя было съ собой побесѣдовать.... А на мызѣ, тамъ все они говорятъ, что я глупа. (*Переминая голову и кого-то передразнивая. — Брекуръ въ это время всходитъ на пригорокъ и кладетъ на него свой плащъ*). Дурища дескать этакая — въ шестнадцать лѣтъ ни о чемъ понятія не имѣетъ, (*опять своимъ собственнымъ голосомъ*). Ну, да, конечно — ка-бы учили меня чему-нибудь, такъ и знала бы я что-нибудь. (*Увидавъ Брекура*). Ай-ай!-ай! (*хочетъ убѣжсать*).

БРЕКУРЪ. Что это ты, красотка, — неужели я тебя такъ страшень?

ПЬЕРРЕТТА. Ахъ, да! очень страшень.... Не дѣлайте мнѣ худа, господинъ, я съ вами не говорю.

БРЕКУРЪ. Ты просто дикая какая-то, милочка — а вѣдь вотъ сейчасъ ты говорила превесело.

ПЬЕРРЕТТА. Такъ вы меня подслушали? Вотъ те на! Кто бы это зналъ.... Но я, ей Богу, ничего не сказала вамъ въ обиду, я объ васъ вовсе и не думала.

БРЕКУРЪ. Очень вѣрю — и тоже не хочу обижать тебя. Смотри-ка вотъ, видѣла ты такія штуки? (*показываетъ ей монету*).

ПЬЕРРЕТТА. Толку я въ этомъ мало знаю, да и считать даже денегъ не умью.

БРЕКУРЪ. Значить, ты не живешь тѣмъ, что пасешь гусей?

ПЬЕРРЕТТА. Нѣтъ, живу, за это мнѣ даютъ хлѣбъ, да еще бапшаки вдобавокъ.

БРЕКУРЪ. Ну! хочешь ты получить эту серебряную штучку?

ПЬЕРРЕТТА. Нѣтъ, господинъ—если за это надобно сдѣлать что-нибудь противъ короля.

БРЕКУРЪ. О! о! такъ ты за короля, стало быть?

ПЬЕРРЕТТА. Я? а право не знаю.

БРЕКУРЪ. Знаешь ли ты короля?

ПЬЕРРЕТТА. Никогда и не видала.

БРЕКУРЪ. Ну, а Фрондѣровъ боишься?

ПЬЕРРЕТТА. Еще бы не бояться.

БРЕКУРЪ. Что же такое Фрондѣры?

ПЬЕРРЕТТА. Фрондѣры? Да слышно....оно правду сказать, я ихъ не знаю—вы мнѣ все такое говорите, чего я не понимаю. Говорятъ только такъ у насъ въ сторонѣ, что надобно быть за короля—вотъ и все; больше ничего знать не знаю.

БРЕКУРЪ. Да я больше тебя и не спрашиваю. Хочешь помочь намъ, мнѣ то есть и моимъ товарищамъ, завтракать подъ этими деревьями?

ПЬЕРРЕТТА. А гдѣ жъ они, ваши товарищи-то?

БРЕКУРЪ. (*Указывая на лѣво*). Смотри, — видишь, они сюда поднимаются.

ПЬЕРРЕТТА (*становясь на скамейку у высохшаго дерева*). У! какая знать, какіе все красивые!... въ какихъ всѣ городскихъ платьяхъ.... Этакіе сюда не часто набѣгаютъ! Только вѣдь, если они у меня завтракать станутъ просить, мнѣ имъ право дать нечего.

БРЕКУРЪ (*указывая на корзиночку, что стоитъ на лѣво*). У насъ тутъ вотъ все, что нужно: и тебѣ дадимъ, коли поможешь.

ПЬЕРРЕТТА. Что жь дѣлать-то надо. Лошадь что ли вашу держать?... О! лошади меня знаютъ—и ужь отъ меня ни за что не уйдуть; но этотъ господинъ, что идетъ, лекарь что ли онъ, что весь въ черномъ?

БРЕКУРЪ. Нѣтъ, не лекарь—комедіантъ: это нашъ голова.

ПЬЕРРЕТТА. Такъ онъ комедіантъ... не знаю я, что это такое—ну, да это до меня не касается.

ЯВЛЕНІЕ IV.

БРЕКУРЪ, ПЬЕРРЕТТА, МОЛЬЕРЪ, МАГДАЛИНА, БЕЖАРЪ, АРМАНДА БЕЖАРЪ.
(*Мольеръ пшыкомъ, ведетъ подъ руку Магдалину и Арманду Бежаръ. Брекуръ идетъ къ нимъ на встрѣчу.*)

БРЕКУРЪ. Ну Мольеръ, не правда ли, что я нашелъ чудесную столовую? Я позаботился обо всемъ, — есть у меня даже пажъ (*указывая на Пьерретту*) и подъ этими скалами источникъ, изъ котораго мы можемъ достать воды въ наши графинны.

МОЛЬЕРЪ. Ты на это мастеръ, любезный Брекуръ. Не правда ли, что онъ образецъ людей — на театрѣ, въ путешествіи, вездѣ — не онъ ли употребляетъ себя на то, чтобы заботиться объ удовольствіи другихъ?

АРМАНДА. Онъ долженъ быть любезенъ за двоихъ — за своего друга Дюпарка и за себя.

МОЛЬЕРЪ. Дюпаркъ исполняетъ впрочемъ всѣ ваши желанія, мадмуазель Арманда.

БРЕКУРЪ (*Пьерретту*). Ну-ка, пойдемъ, дадимъ имъ овса.
ПЬЕРРЕТТА (*спускаясь и идя къ Магдалинѣ и Армандѣ*). Ужъ я умью за скотиной ходить... А вы, барышни, постережете мое стадо покамѣсть?

АРМАНДА. Что?

ПЬЕРРЕТТА (*показывая за кулисы*). Да гусей-то моихъ—вонъ они тамъ, во ржи: ихъ шестнадцать, (*уходитъ съ Брекуромъ на лѣво*).

АРМАНДА (*смѣясь*). Хорошо, надѣйся!

ЯВЛЕНИЕ V.

Арманда, Мольеръ, Магдалина.

(Арманда садится на лѣво; Мольеръ на каменной скамьѣ, Магдалина у корня высохшаго дерева).

МОЛЬЕРЪ (слыши). Вотъ, дѣти мои, — вы видите, — вы хотѣли дѣлать со мною мою бродящую жизнь — и за это я могу предложить вамъ, какъ теперь, только дерновую скамью, да кровь изъ листьевъ — для нѣжныхъ женщинъ все это черезъ чуръ тяжело и утомительно.

МАГДАЛИНА. До сихъ поръ я, покрайней мѣрѣ, не чувствую никакого утомленія и всѣ наши приключенія больше забавляли меня, чѣмъ сердили. Я люблю ее, эту кочующую жизнь — и никогда не воображала, чтобъ она была такъ пріятна, какъ кажется мнѣ съ вами.

МОЛЬЕРЪ (вставая и идя съ Магдалиной, но смотря съ тоже время на Арманду, которая съшла съ досадою). Вы такъ говорите, чтобы не огорчить меня, — зная, какъ хотѣлъ бы я доставить вамъ всѣ удобства, какъ я страдаю, что не могу очистить отъ всѣхъ терній вашу дорогу. Что за благородный у васъ характеръ, Магдалина — и какъ одно ваше слово способно придать челоуѣку бодрости и утѣшить!

МАГДАЛИНА (вставая). Вы, стало быть, сами себя не знаете, Мольеръ, — потому что вы — мой образецъ и на васъ стремлюсь я походить, чтобы быть собой довольной.

АРМАНДА. Ахъ Боже мой, — какіе комплименты! Роль что ли это вы оба читаете?

МАГДАЛИНА. Я высказываю свою мысль, которая должна бы быть и вашею, Арманда.

АРМАНДА. О! моя мысль въ настоящую минуту вотъ въ чемъ: мнѣ жарко, я голодна и устала.

МОЛЬЕРЪ. Бѣдная милочка!... поскорѣй давайте завтракать.... (подходитъ къ корзинѣ, — Арманда встаетъ).

МАГДАЛИНА (идя къ Мольеру). Нѣтъ — не прежде, чѣмъ подоспѣютъ наши товарищи, которые теперь трудятся.... не балуйте мою сестру, другъ, вѣдь надобно же учиться ей терпѣть, какъ другія! Она захотѣла съ нами путешествовать, — она хочетъ быть актрисой; я была противъ этого, вы заста-

вили меня уступить, — теперь, когда дѣло сдѣлано, надобно приучить ее сносить свое горе безъ жалобъ.

МОЛЬЕРЪ (*Армандъ, которая надула губы*). Ваша сестра права, Армандъ— нужно терпѣніе. (*Снимаетъ крышку съ корзины, и вынимая плоды, тихонько передаетъ ихъ Армандъ*). Надобно привыкнуть къ воздержанію и вѣрить всему, что говоритъ вамъ ваша сестра.

АРМАНДА. Хорошо, я попытаюсь; благодарю за урокъ, мой добрый другъ.— Пойду, пройдуся покамѣстъ, въ ожиданіи завтрака, чтобы приучиться къ терпѣнію (*жуесть, уходя*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОЛЬЕРЪ, МАГДАЛИНА.

МАГДАЛИНА. Мольеръ, Мольеръ, — вы ее слишкомъ любите.

МОЛЬЕРЪ. Я люблю ее какъ свое дитя.

МАГДАЛИНА. Какъ ваше дитя... Да можно ли въ ваши лѣта быть опекуномъ?

МОЛЬЕРЪ. Мнѣ кажется, что можно... Я воображаю себя, что она ваша племянница и что я ея отецъ, потому что на васъ я смотрю, какъ на свою сестру. Чистая дружба, которая связываетъ меня съ вами, Магдалина, наполняетъ жизнь мою силой и мужествомъ, нѣжная привязанность къ Армандъ развлекаетъ меня въ минуты досуга и даетъ пищу сердцу. Отъ васъ получаю я все, что есть у меня въ душѣ хорошаго, и ей хотѣлъ бы я передать это, какъ благо, которое принадлежитъ ей болѣе по праву, чѣмъ мнѣ.

МАГДАЛИНА. Вы любите насъ не одинаковымъ образомъ, я это знаю; но не ей ли отдава лучшая часть любви?... Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ мы съ вами дѣлимъ поровну, одни и тѣже заботы, одну и ту же участь; — едва минуло шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ сестра моя съ нами, и ужъ она, занимаетъ васъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

МОЛЬЕРЪ. Какъ Магдалина? неужели дружбѣ доступна ревность? Вы говорите просто какъ ревнивица!

МАГДАЛИНА (*вздрагивая*). Дружба ревнива къ довѣренности. Слушайте, Мольеръ: я хочу вашей, я ея требую; рас-

кройте передо мной глубину сердца: чувствуете ли вы любовь къ Армандъ?... Если такъ, я прошу васъ не скрывать отъ меня этого:—я удвою заботы, чтобы сдѣлать сестру достойною васъ, я буду ей въ полномъ смыслѣ опекуней и матерью, чтобы соединить ее съ вами, когда только выйдутъ ей года, чтобы выйти замужъ.

МОЛЬЕРЪ (*немного взволнованный*). Вы серьезно говорите, Магдалина?

МАГДАЛИНА (*взволнованная, но удерживаясь*). Клянусь вамъ въ томъ нашею дружбою.

МОЛЬЕРЪ. Такъ и я же, во имя моего уваженія къ вамъ, я вамъ клянусь, что нѣтъ на землѣ чловѣка, менѣе меня способнаго къ вѣчнымъ узамъ; не то, чтобы былъ у меня вѣтренный характеръ; непостоянство—это неблагодарность — да и я слишкомъ склоненъ къ ревности, чтобы подать своей женѣ примѣръ невѣрности; но вѣдь для того, что бы имѣть вѣрную подругу, надобно сдѣлать ее счастливою, а моя не найдетъ успокоенія въ томъ, что меня самого исключительно занимаетъ. Вы знаете, что у меня одна страсть—къ театру, что я всею ей пожертвовалъ—родными, будущимъ, самимъ собою. Наслѣдникъ торговаго капитала и довольно выгоднаго мѣста сынъ семейства, адвокатъ — даже патентованный, съ вашего позволенія — не на вашихъ ли глазахъ кинулъ я все и привязался къ занятію самому ничтожному и даже унижительному въ глазахъ свѣта?... Меня влекла къ нему невѣдомая сила, упорство моей судьбы, болѣе чѣмъ упорство моей воли — и пусть я до сихъ поръ еще не вижу исхода моимъ тревоженіямъ, утомительнымъ трудамъ, безвѣстности, ничто не заставитъ меня отказаться отъ моего дѣла.... Ему отдамъ я все свое время, все свои силы, все свои мысли, меня не отвлекутъ отъ него ни чувства сердца, ни семейныя заботы.... Вы видите теперь, что я не долженъ жениться, развѣ только сдѣлаюсь очень богатъ и очень славенъ (*улыбаясь*), что вѣдь невѣроятно, какъ вы объ этомъ думаете?

МАГДАЛИНА. Я знаю все это, и я соединила свои интересы съ вашими—и, ни вы не женитесь, ни я не выйду за-

мужъ,—но коли такъ, Мольеръ, то вы не должны любить мою сестру и я имѣю причину тревожиться.

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, Магдалина, вы не имѣете причины—потому что я порядочный человекъ, и вы это знаете.

МАГДАЛИНА. Вы даете мнѣ слово, слово серьезное и обдуманное, что будете смотреть всегда на Арманду глазами брата?

МОЛЬЕРЪ. Да, мой добрый другъ, даю его передъ лицомъ Божиимъ.

МАГДАЛИНА. Вѣрю и надѣюсь.

БРЕКУРЪ (за сценой). Мольеръ! эй, Мольеръ! (Мольеръ идетъ къ нему).

МАГДАЛИНА. (про себя) Вѣрю, надѣюсь.... а все таки страдаю.

ЯВЛЕНИЕ VII.

МОЛЬЕРЪ, БРЕКУРЪ, МАГДАЛИНА, ПЬЕРРЕТТА.

БРЕКУРЪ (идя съ лѣвой стороны). Презабавный случай!... Все есть у насъ для завтрака, кроме хлѣба, о которомъ мы забыли; (указывая на Пьерретту) но вотъ это дѣвочка говорить, что близко тутъ есть мыза, гдѣ хлѣба можно найти. Побѣгу туда.

МОЛЬЕРЪ (удерживая его). Нѣтъ, моя очередь сдѣлать теперь что,—нибудь для другихъ: отдохни.

ПЬЕРРЕТТА (показывая на право). О! да вѣдь мыза-то близехонько, вонъ, смотрите, на концѣ поля.

МАГДАЛИНА (Мольеру). Я пойду туда съ вами.

МОЛЬЕРЪ. Хорошо, пойдите—но Арманда гдѣ?

БРЕКУРЪ (смотря въ кулисы на право). А прямо-то на дорогѣ, по которой вы пойдете (подходя къ одной корзинѣ и вынимая глиняную кружку)—я пойду за водой, (Пьерреттѣ) ты пока погляди за нашей провизіей (уходитъ на лѣво).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПЬЕРРЕТТА (одна). Э! напрасно бояться; по этой дорогѣ ужъ теперь не такъ много народу ѣздить: ну, да все равно—сказано присмотрѣть, такъ я и присмотрю, (садится у высокаго

Дерева). А кстати и гусей-то буду стеречь.... они тамъ—и пресмирные — всѣ спятъ.... Экіе лѣнвивые, спятъ! днемъ.... (*засыпаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПЬЕРРЕТТА, *сплывая*, Всадникъ — *подъезжаетъ къ каретѣ, на лошади; лошадь повидимому упрямится идти, — онъ слѣзаетъ.*

Всадникъ. Ну же, проклятое животное—на ноги чтоли ты разбита? (*бьетъ хлыстомъ лошадь, которая убѣгаетъ*) Ышь, спи, лопни, дѣлай что хочешь и ступай къ чорту! (*подходя къ авлиценю и обтирая лобъ*) Я усталъ чуть что не такъ же, какъ моя верховая, и просто съ ногъ валюсь! но воля должна помогать человѣку, особенно въ большихъ опасностяхъ.... А! это мѣсто, кажется, занято—поосторожнѣй! (*разсматриваетъ повозку и читаетъ надпись: «труппа Сіѣра Мольера!»*) Мольеръ, что это такое? (*просовываетъ голову въ повозку и вытаскиваетъ въ полеину нѣсколько театральныя вещи*). Каски, рапиры и бердыши изъ золоченаго дерева! Это не военные люди, а странствующие комедіанты; съ ними я справлюсь—они должны уступить мнѣ одну изъ своихъ лошадей.... Гдѣ же они? (*увидѣвъ Пьерретту*) Эй ты! дѣвочка! (*толкаетъ ее*) Да ну, отвѣчай же, проснись!

ПЬЕРРЕТТА (*въ полуснѣ*). Что такое?... Вы изъ тѣхъ что ли, кто будетъ здѣсь завтракать?

Всадникъ. Завтракать! Чортъ возьми!... да, изъ тѣхъ самыхъ; гдѣ же завтракаютъ?

ПЬЕРРЕТТА. Вонъ корзина съ съѣстнымъ, пошли только за хлѣбомъ.

Всадникъ (*притаскивая на средину корзину*). За хлѣбомъ!—о! пустяки! (*хочетъ снять крышку съ корзины—Пьерретта не дитъ ему*).

ПЬЕРРЕТТА. Какъ же это вы не подождете вашихъ товарищей, вѣдь это нечестно.

Всадникъ (*сурово*). Ты думаешь?

ПЬЕРРЕТТА (*про себя, пятясь назадъ*). У! какіи страшныя глазищи, —можетъ быть, это воръ—пойди сказать тѣмъ! (*убѣгаетъ на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ X.

всадникъ (одинъ. Онъ беретъ изъ корзины бутылку и стаканъ, и пьетъ, съвши верхомъ на корзину). Славная встреча, ей Богу—счастіе слѣдусть за мною повсюду... Больше надежды, больше смѣлости — и все спасено! Восемь моихъ храбрецовъ должны уже быть въ Лиможъ, я нагоню ихъ сегодня вечеромъ.... Восемь человекъ противъ цѣлой Франціи—да вѣдь я, правда, девятый (принимается за жиркое).

ЯВЛЕНІЕ XI.

всадникъ, Брекуръ, Пьерретта. Она, указавши Брекуру на всадника, бѣжитъ со всѣхъ ногъ на право. Брекуръ держитъ за собой палку и подходит не замѣчаемый всадникомъ. Посмотрѣвши на него нѣсколько минутъ, онъ садится верхомъ на ту же корзину, прямо противъ него.

БРЕКУРЪ. Хорошаго аппетита, товарищ!

всадникъ (вынимая бутылку изъ корзины). Покорно благодарю. За ваше здоровье! (Брекуръ подымаетъ палку—всадникъ отпрягаетъ ее пистолетомъ, который быстро выхватываетъ изъ-за пояса). Потише, другъ! я голоденъ, мнѣ пить хочется, я тороплюсь, у меня есть деньги, я награждаю того, кто меня обязываетъ, убиваю того, кто мнѣ мѣшаетъ.

БРЕКУРЪ (вынимаетъ свою рапиру). Такъ убейте, если можете—я имѣю намѣреніе помѣшать вамъ.

всадникъ (бросивъ свой пистолетъ). Если вы взялись за это оружіе—прекрасно (вынимаетъ тоже рапиру и останавливается: про себя) Думаю я, что некстати разыгрывать здѣсь дворянина. Ссора меня только задержитъ.

БРЕКУРЪ. Чтожъ, сударь! я къ вашимъ услугамъ, неужели вы отступаете?

всадникъ. Нѣтъ, но стоитъ ли дѣло того, чтобы мы перерезали другъ другу горло? Продайте мнѣ свою часть завтрака—потому что будь у меня цѣлое королевство, я бы отдалъ его въ эту минуту за кусокъ хлѣба.

БРЕКУРЪ. Я, сударь, не продавецъ съѣстныхъ припасовъ и не держу харчевни подъ небеснымъ сводомъ. Очень непріятно мнѣ васъ огорчить, но съ позволенія вашего, вы

должны получить маленький урокъ, за то, что безъ моего спросу прикоснулись къ вещамъ, отданнымъ мнѣ на сохраненіе; извольте выбирать рапиру или палку.

всадникъ. А! вы непременно хотите?... жаль мнѣ васъ, клянусь честью (*скрещиваютъ оба рапиры*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Мольеръ, Арманда, Магдалина, Дюпаркъ, Пьерретта, Брекуръ, Всадникъ (*у Пьерретты четырехъ-фунтовой хлѣбъ подъ мышкой*).

мольеръ (*раздѣляя шпаги своей палкой*). Стойте, господа! Брекуръ, что это?

Брекуръ. Оставь, оставь, Мольеръ — у меня руки чешутся проучить путешественника со слишкомъ сильнымъ аппетитомъ, котораго я засталъ истребляющимъ наши припасы.

мольеръ. Дѣло точно важное, потому, что у насъ самихъ очень сильный аппетитъ. Посмотримъ, г. прожора, что вы скажете въ свое оправданіе?

всадникъ. Такъ какъ вы, сударь, кажется, взглянули на дѣло не съ трагической стороны, то я вамъ признаюсь, что поступилъ нѣсколько безцеремонно; одно утомленіе, да дѣла, не терпящая медленности, могутъ меня извинить. Я хотѣлъ оставить здѣсь свой кошелекъ, въ уплату за разхищеніе, — и предлагалъ его вашему товарищу — который не хотѣлъ ничего слушать; онъ очень горячъ.

мольеръ (*приближается къ всаднику, глядитъ на него съ изумленіемъ и потомъ ведетъ на аван-сцену*). Онъ самый кроткій и самый лучший изъ людей, но гордъ и храбръ — и такой характеръ не долженъ васъ удивлять, потому что вы сами....

всадникъ. Что я самъ? что вы такъ на меня глядите?

мольеръ. Хотя сейчасъ умереть — а я васъ знаю.

всадникъ (*понижая голосъ, но повелительнымъ тономъ*). Вы обманываетесь, вы меня не знаете.

Мольеръ. Этотъ надменный тонъ, этотъ орлиный взглядъ, эта львиная грива.... О! извините меня, сударь, я васъ очень хорошо знаю, и кто видѣлъ васъ разъ, тотъ васъ забыть не можетъ. (*Громко*) Брекуръ, я знаю этого господина.... онъ

порядочный человекъ, не много только опрометчивый; я переговорю съ нимъ: готовьте завтракъ, дѣти мои, и положите лишній при боръ. Ну же, Дюпаркъ! *(Всѣ остальные лица начинаютъ за нимъ притвореніями къ завтраку).*

всадникъ. Вы ея узнали, говорите вы? Ну, ложь мнѣ противна—и даже для спасенія жизни и участи я до нея не унижусь. Что вы намѣрены дѣлать? *(Оборачивается и смотритъ назадъ).* Васъ трое противъ одного — но вы должны знать, что будь васъ хоть десятеро, — со мной вамъ не легко справиться.

мольеръ. Будь насъ хоть даже двадцать, можетъ быть — я это знаю. Сдѣлайте, однако, мнѣ честь повѣрить, что я уступаю больше чувству почтенія, нежели чувству боязни — повѣрьте, сударь, также, что не санъ вашъ ослѣпилъ меня — а передъ гениемъ, передъ мужествомъ, передъ несчастіемъ, можетъ быть, склоняюсь я почтительно.

всадникъ. Несчастіе — да или нѣтъ ... кто знаетъ?... Всѣ мы подъ Богомъ. Вы, сударь, кажется, человекъ со здравымъ смысломъ, сохраните мою тайну — и вѣрьте, что если когда нибудь я восторжествую, вы будете мною награждены.

мольеръ. я могъ овладѣть вашей особой или силою *(всадникъ улыбается)* или измѣной. *(Всадникъ вздрагиваетъ).* Что касается до меня, я не могу нарушить почтенія къ вамъ, — а что до измѣны, то взгляните на меня и скажите, считаете ли вы меня на это способнымъ?

всадникъ *(смотря на него)*. Никогда не встрѣчалось мнѣ человека съ такимъ мужественнымъ и честнымъ лицомъ.... я вѣрюсь вамъ.

мольеръ. И хорошо дѣлаете. *(Своимъ товарищамъ)* Ну, друзья, за столъ! за столъ! *(Всаднику)* Это метафора, — но каждый дѣлаетъ, какъ можетъ, и вы знаете еще лучше насъ, какъ живутъ на бивакахъ.

брекуръ *(всаднику)*. Значить, вы оправдались?

мольеръ. Да, мой другъ, да.

БРЕКУРЪ. Ну, коли вы другъ Мольера,—дайте руку—мнѣ жаль было бы сдѣлать вамъ какое-нибудь худо.

(Садятся, дамы на подушкахъ, мужчины на камняхъ или на хворостъ. Конде сидитъ на корзинѣ—а Дюпаркъ у дерева).

МОЛЬЕРЪ. За столъ, за столъ! Гость нашъ—знатный господинъ; я не имѣю чести быть его другомъ, но имѣлъ честь видѣть его при дворѣ, гдѣ я, по должности, доставшейся мнѣ по наследству, находился при особѣ его Величества Людовика XIII-го..

(Всѣ ѣдятъ. Въ началъ разговора, Пьерретта обнесла всѣхъ салатомъ и оставила при себѣ салатникъ. Она садится на землю, подлѣ Дюпарка и ѣстъ ломоть хлѣба съ салатомъ).

ВСАДНИКЪ *(въ волненіи)*. Покойнаго короля!

МОЛЬЕРЪ. Я ѣздилъ съ нимъ въ Нарбоннь—и видѣлъ, какъ Ришлье, путешествуя на своемъ смертномъ одрѣ, перedalъ палачу головы Сень-Мара и Де Ту,—жестоко было это, но величаво, какъ древняя трагедія. Что теперь мы видимъ,—это одна только комедія.

ВСАДНИКЪ. А! вамъ такъ кажется?

БРЕКУРЪ. Мы въ этомъ случаѣ на сторонѣ общаго мнѣнія.

ДЮПАРКЪ. Даже и комедія-то это нехорошая; смѣшно, да не забавно.

ВСАДНИКЪ. И Мазаринъ не Ришлье, по вашему мнѣнію?

ДЮПАРКЪ. Не знаю вашего, но не привыкъ скрывать своего... Мазаринъ....

БРЕКУРЪ. Мазаринъ—все что вамъ угодно, я теперь впрочемъ за него, потому что Тюреннь за него.

ВСАДНИКЪ. Такъ вы за Тюрениа, стало быть?

БРЕКУРЪ. Конечно, за Тюрениа, чортъ возми, потому что я служилъ подъ его начальствомъ—и при мнѣ не совѣтовалъ бы я никому говорить, что онъ не величайшій человекъ этого времени.

МОЛЬЕРЪ *(замѣчая волненіе всадника)*. Этотъ господинъ, также думаетъ, потому что онъ въ его службѣ.

ВСАДНИКЪ *(съ удивленіемъ)*. Я!

МОЛЬЕРЪ. Ну, конечно! не вы ли мнѣ сказали, что ѣдете къ нему съ важнымъ порученіемъ?..

всадникъ (улыбаясь). Да—да, конечно, это такъ; это и послужить мнѣ извиненіемъ въ томъ, что я взялъ пристѣпомъ полевой завтракъ. (Брекуру). Если вы сами послали латы, мой храбрецъ, такъ вы знаете, что голодь и жажда — такіе черти, съ которыми не сговоришь.

БРЕКУРЪ (подвигаясь къ всаднику). Оно, надобно признаться, и мы часто по вашему дѣлали — въ родной сторонѣ, вели себя, какъ въ завоеванной; бѣда, бывало, бѣдному крестьянину, бѣда бѣдному путешественнику. (Передвигается по своей мѣсто).

ЛЮПАРКЪ. То-то съ горя, онъ и пошелъ въ комедіанты, съ единственной цѣлью, сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ.

МОЛЬЕРЪ (со смѣхомъ). Иди, гость разсудить въ послѣдствіи, слѣдуетъ ли ему сдѣлать, тоже самое, что тебѣ, въ искупленіе своихъ грѣховъ.

БРЕКУРЪ. А покаместъ, я предлагаю выпить за здоровье великаго Тюрениа. (Подымаетъ стаканъ).

всадникъ. Очень радъ — и за здоровье Короля, тоже (Брекуру, Мольеру и Всаднику чокаются стаканами и пьютъ).

МАГДАЛИНА (беретъ стаканъ). Я, какъ женщина, предлагаю за здоровье королевы; она несчастна въ настоящую минуту.

АРМАНДА (также.) Что до меня, я пью за здоровье г. Принца.... Я, фрондерка, да еще изъ молодой фронды... да здавствуютъ Принцы!

всадникъ (вставая и кланяясь ей). Вправду, прекрасное дитя мое!...

АРМАНДА. Въ моемъ характерѣ противорѣчить — и я терпѣть не могу думать, какъ другіе.

МОЛЬЕРЪ. Арманда отдаетъ себѣ справедливость.

АРМАНДА. Ну, а вы, г. Люпаркъ, по прозвищу толстякъ Рене, ни за кого не вѣсте. Такъ вѣйте, же непременно, — я предлагаю вамъ здоровье двухъ вашихъ собакъ, — Артабана и Тибурса.

ДЮПАРКЪ (поднимая свой стаканъ). Да здравствуютъ собаки! только и есть честнаго и вернаго на этомъ плачевномъ свѣтѣ.

ПЬЕРРЕТТА (сидя на преземѣ своемъ мѣстѣ подлѣ Дюпарка). Ну такъ да здравствуютъ же и гуси—тоже вѣдь скотина добрая. Вотъ ужъ въ комъ хитрости-то нѣтъ.

МОЛЬЕРЪ. Да здравствуютъ пожалуй и животныя — самыя низкія твари — творенія великаго Зодчаго вселенной, и природа — храмъ его, открытый всемъ людямъ безъ изъятія, даже бѣдному отверженному комедіанту. (Встаетъ со стаканомъ съ руки). Но если ужъ мы принялись пить за здоровье, выпьемъ же за здоровье Французскаго народа. Не такъ ли, гость нашъ?

ВСАДНИКЪ (поднимая тоже стаканъ). Такъ! да здравствуетъ Франція и ея народъ! (Всѣ пьютъ до дна и ставятъ стаканы).

МОЛЬЕРЪ. Увы — Франція! гдѣ она теперь?

ВСАДНИКЪ. Тамъ, сударь, гдѣ ея настоящіе интересы — и не всемъ объ этомъ судить.

МОЛЬЕРЪ. Много на это теорій, но я — бѣдный человекъ, знакомый только съ практикой и разсуждающій по своему о вещахъ явныхъ для всехъ. Я думаю, безъ всякаго желанія оскорбить васъ, что вы одна партія не представляете теперь собою Франціи: старая фрѣнда, молодая фрѣнда, министерство, парламентъ, городское и сельское населеніе — все это стоитъ то за того, то за другаго, само не зная, почему; все эти названія прикрываютъ у знатныхъ страсти, выгоды, честолюбіе, — у бѣдныхъ — мѣлкое или отчаяніе. А посреди вашихъ распрій, Франція умираетъ, бѣднѣютъ деревни, страждетъ религія, гибнетъ искусство. И есть одно только существо чистое отъ ващей вражды; — это ребенокъ пятнадцати лѣтъ, котораго зовутъ Людовикомъ XIV, котораго Воля Господня призываетъ олицетворить въ себѣ единство Франціи. Боже милосердый!... какое воспитаніе даетъ ему партія, — этому бѣдному ребенку: воспитаніе междоусобныхъ войнъ....

Это напоминаетъ мнѣ... но вамъ будетъ скучно слушать мой рассказъ.

всадникъ. По поводу молодого короля! нѣтъ, говорите, говорите.

всѣ. Говорите, говорите.

всадникъ. Это для всѣхъ любопытно.

Мольеръ садится у высохшаго дерева. Конде на бугоркѣ, Брекуръ и Дюпаркъ на землѣ, Арманда и Магдалина на лѣво, на дерновой скамьѣ, а Пьерретта разлеглась на бугоркѣ на лѣво).

мольеръ. Изволите видѣть, разъ король, который былъ еще въ пеленкахъ, ужасно кричалъ и ничѣмъ нельзя было его унять. Ея Величества, королева, вадумала послать за Скарамушемъ.

всадникъ. За Скарамушемъ?

мольеръ. Да, за Тиберио Фюрелли, знаменитымъ Скарамушемъ, забавнымъ скоморохомъ, который, какъ всѣ нути по ремеслу — былъ очень меланхолическаго темперамента; я былъ тогда его ученикомъ, и онъ велѣлъ мнѣ идти за нимъ, съ его гитарой, собакой, кошкой, обезьямой и попугаемъ, — сталъ онъ пѣть и заставилъ кричать всѣхъ своихъ зверей, но дитя не унималось. Тогда Скарамушъ попросилъ короля къ себѣ на руки, и ему его подали.... Тотчасъ же, переставъ дѣлать гримасы, и взглянувъ на младенца съ самымъ важнымъ видомъ, онъ сказалъ: «О король! побереги свои слезы до того дня, какъ ты узнаешь людей», — и эти слова, сказанныя самымъ важнымъ тономъ, и съ влажными отъ слезъ глазами, поразили младенца, какъ пророчество — словно какъ будто понялъ онъ, и вдругъ пересталъ плакать. Маленькими своими ручками онъ гладилъ блѣдныя щеки и длинные усы Скарамуша, которому королева подарила золотую цѣпь, сказавши ему: — «Ну, Скарамушъ, ты умнѣе, нежели думаютъ, или говоришь не то, что думаешь».

всадникъ. История ваша хороша; но что же вы изъ нея выводите?

мольеръ. Что настала для короля часъ плакать горько — если онъ любитъ Францію, и кричать громко, если онъ хочетъ спасти ее.

всадникъ (вставая). Пусть же только воскликнетъ онъ: ко мнѣ, мои друзья! и истинные друзья притекутъ къ нему.

мольтеръ. Истинные друзья не станутъ возставать противъ него и рвать по клочкамъ отчизну.

всадникъ (съ досадою). Право, сударь....

пьерретта (которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вышла, возвращается съ лѣвой стороны, въ поныхахъ). Эй! баринъ, баринъ — лошадка-то ваша, что вы пустили съ уздечкой, скачетъ теперь какъ дьяволъ какой — и хочетъ загрызть другихъ.

всадникъ. А! тѣмъ лучше, — я думаю, что она разбита на ноги. Вашъ слуга, господинъ Мольтеръ. (Уходитъ вѣтше).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢМЪ, КРОМѢ Всадника.

арманда (Мольтеру). Что это за человекъ? — онъ, кажется, думаетъ не совсѣмъ по вашему.

мольтеръ. А вотъ сейчасъ вамъ скажу, какъ только онъ увидитъ. Собирайтесь-ка въ путь, господа. (Брекуръ и Дюпаркъ начинаютъ собирать ружьяды).

пьерретта. Эва! такъ вы ужъ и ѣдете? а я было только что стала къ вамъ привыкать маленько — теперь опять придется мнѣ скучать, потому что говорить не съ кѣмъ.

мольтеръ. Она, вѣдь, славная, эта дѣвчонка — видъ у ней совсѣмъ не глупый.

пьерретта. Охъ, нѣтъ, сударь, ужъ глупа-то я глупа, — потому, это мнѣ безпрестанно говорятъ, и ни кто со мной заводится не хочетъ; да сердце у меня доброе, вотъ что, — и ка-бы вы взяли меня съ собою, чтобы я за курами ходила, гусей стерегла, коровъ доила....

мольтеръ. Я бы пожалуй — да нѣтъ у меня на бѣду такой скотины. Ну, а за людьми ты не можешь ли ходить?

пьерретта. Не что, поучусь.

мольтеръ (Магдалинѣ и Армандѣ). У васъ нѣтъ горничной — вы ищите — не годится ли эта по своему веселому нраву?

МАГДАЛИНА. Очень. Какъ звать тебя, дитя мое?

ПЬЕРРЕТТА. Пьерретта Лафоре, мамзель, готовая къ услугамъ.

МАГДАЛИНА. Родные твои не будутъ ли противъ этого?

ПЬЕРРЕТТА. У меня отродясь не было ни отца, ни матери, ни дядей, ни тетокъ — я Божій человекъ: нашли меня въ лѣсу, и отъ того и дали мнѣ имя Лафоре.

МОЛЬЕРЪ. Она умна, сама того не зная. Возьмите ее. Что ты хочешь жалованья?

ПЬЕРРЕТТА. Да, нуженъ мнѣ мой добрый фунтъ хлѣба каждый Божій день.

МАГДАЛИНА. Это ужь само собой разумѣется — а платить-то что тебѣ.

ПЬЕРРЕТТА. Ну, въ этомъ я не смыслю — дайте, что хотите.

МОЛЬЕРЪ. Ты доверчива, значить, у тебя доброе сердце — поѣдемъ съ нами, каяться не будешь.

ПЬЕРРЕТТА. Сейчасъ! пойду только, сдамъ гусей по счету, да поблагодарю людей на мызѣ (*уходитъ приглася*).

МОЛЬЕРЪ. Вы, друзья мои, оставьте меня на минуту съ вашими гостями, — потому что онъ совсѣмъ собрался ѣхать. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Мольера, въ право*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Всадникъ, Мольеръ.

Всадникъ (*входитъ съ лѣва*). Пускаясь въ путь, г. Мольеръ, благодарю васъ за гостепрѣимство, и предлагаю вамъ свои услуги. Я нашелъ въ васъ характеръ, мало согласный съ вашимъ занятіемъ. Не хотите ли вы переменить его?

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, принцъ — я люблю свое званіе — я хочу жить и умереть въ немъ.

Всадникъ. Ну — вы, вѣроятно, актеръ трагическій и серьезный. Эти бурные времена пройдутъ. Мы пригласимъ васъ въ Бургонскій отель.

МОЛЬЕРЪ. У меня нѣтъ такого большого честолюбія.

всадникъ. Можеть быть ваше—мѣтичь выше. Говорите.

мольтеръ. Извините меня, ваше высочество — я люблю только стихи великаго Корнеля—и не чувствую себя достаточно великимъ артистомъ, чтобы произносить ихъ.

всадникъ. Что это?—смирение паче гордости?

мольтеръ. Нѣсколько: мое настроеніе — забавное, а не героическое.

всадникъ. Вы предпочитаете комедію?

мольтеръ. Да, но забавляюсь только тѣми, которые самъ сочиняю.

всадникъ. А! такъ вы авторъ?

мольтеръ. Нѣтъ! я пишу, дѣлаю канву, по которой я и мои товарищи вышиваемъ узоры вольныхъ разговоровъ по итальянскому манеру.

всадникъ. Нужно много ума для этого рода.

мольтеръ. Нужна естественность и наблюденіе надъ чело-вѣческими характерами: эти упражненія нравятся мнѣ, и учатъ меня, какъ мнѣ кажется, больше книгъ.

всадникъ. Что же, такія забавы нравятся не только народу, а и образованнымъ людямъ, и если я возстановлю свое положеніе....

мольтеръ. Не общайте мнѣ ничего, монсеньеръ,—чтобы удовлетворить меня, вы должны будете нанять всю мою труппу, которой вы видѣли здѣсь только часть.... Не всѣ сюжеты хороши, а между тѣмъ, я ни за что въ свѣтъ не оставлю ихъ, этихъ бѣдныхъ людей, которые рассчитываютъ на меня въ борьбѣ своей съ суровой судьбою. Въ настоящую минуту, мы попросимъ у васъ одной только милости.

всадникъ. Говорите скорѣе, я желаю потерпѣливо оказать ее....

мольтеръ (улыбаясь). И увѣхать. Итакъ, принцъ — покоритесь королю, чтобы кончить междоусобную войну, которая много дѣлаетъ намъ вреда, гоня насъ изъ провинціи въ провинцію, подвергая бѣдамъ и опасностямъ; если вы для насъ это сдѣлаете—за всѣмъ остальнымъ мы не гонимся.

всадникъ (смѣясь). Приложены будутъ все старанія, г. Мольтеръ; молитесь Богу, чтобы только помогли намъ въ этомъ. А покаместъ, примите этотъ небольшой подарокъ въ память добраго пріема, который вы мнѣ сдѣлали (*хочетъ дать ему кольцо*).

МОЛЬТЕРЪ. О — что касается до этого, принцъ, то я не возьму подарка: мы здѣсь не въ обыкновенномъ положеніи, — и я выскажу вамъ правду, какую честный человекъ долженъ высказать, какую честный человекъ долженъ выслушать: «Принцъ, вы идете противъ короля Франціи, — но я многого жду отъ вашего собственнаго размысленія, когда разсвѣтаетъ въ васъ чадъ упоенія мести». Вотъ почему не каюсь я, что смиренно раздѣлилъ съ вами хлѣбъ, но принять за это хотя бы малѣйшую награду, было бы измѣною противъ моего государя. Если вы, монсиньеръ, крадете отъ помощи такого бѣдняка, каковъ я — то забудьте о ней скорѣе: едвали когда-нибудь встрѣчусь я съ вами на пути жизни, чтобы, напомнить вамъ о ней (*низко кланяется и уходитъ въ правую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

всадникъ (одинъ). Станный это человекъ — любить и уважать мою особу, считаетъ для себя священою — и ненавидитъ мое дѣло, которое кажется ему преступнымъ: — человекъ съ большимъ умомъ, — котораго видъ и слова удивительно влекутъ къ себѣ. Собственно говоря, онъ правъ... Точно, его ремесло ставить его внѣ великихъ интересовъ и великихъ страстей сего міра... куда, право, не запрячется добродѣтель? (*думаетъ съ минутою — и вдругъ пробуждается отъ задумчивости*). Но вѣдь не для того же однако пустился я въ путь съ такой таинственностью, и черезъ такія опасности, чтобы слушать разсужденія всякаго! *идетъ, но издали увидавъ Пьерретту, зоветъ ее — она приходитъ съ права*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

всадникъ, Пьерретта.

всадникъ. Эй, дѣвочка! пооди сюда.

Пьерретта. Что тамъ еще?

всадникъ. Слушай, дитя мое, ты честная дѣвочка, это видно по лицу; отдай отъ меня это кольцо прекрасной Армандъ, той изъ двухъ комедіантокъ, что помоложе, — и попроси ея отъ меня сохранить его на память обо мнѣ и за любовь къ Фрондъ; а вотъ это тебѣ, красотка! (*Даетъ ей кольцо и денегъ и уходитъ съ льсо*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ПЬЕРРЕТТА (*одна, смотря на кольцо и деньги*). А за что же это вы мнѣ денегъ-то даете? (*подымаетъ голову*). Эва! да онъ ужъ далеко!... экъ сго—словно молнія!... Не мѣшковать, печего сказать.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ПЬЕРРЕТТА, МОЛЬЕРЪ, ДѢВИЦЫ БЕЖАРЪ, ДЮЖАРКЪ и БРЕКЮРЪ.

ПЬЕРРЕТТА (*Армандъ*). Вотъ, мамзель, вамъ гостинецъ отъ того барина, что былъ тутъ ссейчасъ: онъ говорилъ мнѣ, увѣждал: скажи моль ей—анъ вотъ и забыла, право, что онъ велѣлъ вамъ сказать.

АРМАНДА (*взявши кольцо*). Подарокъ! мнѣ?... ахъ! какое прекрасное кольцо—взгляните, сестрица, большой пребольшой алмазъ!

МАГДАЛИНА. Подарокъ?... но по какому праву этотъ незнакомецъ дѣлаетъ вамъ подарокъ?

АРМАНДА. Неужели вы его у меня отнимете?

МАГДАЛИНА (*отниная у нее кольцо*). Да, чтобы отдать его какому-нибудь бѣдному — вы не должны получать подарковъ.

АРМАНДА (*плача и идя къ Мольеру*). Помилуйте, Мольеръ, тиранство — сестра у меня все беретъ и вѣчно меня огорчаетъ!

МОЛЬЕРЪ (*Магдалину, взявши у нее кольцо*). Другъ мой, вы можете ей оставить эту дѣтскую игрушку: человекъ, который прислалъ ее—не опасенъ: между нимъ и нами слишкомъ велико разстояніе, ему и въ голову не придетъ о ней вспомнить! (*отдаетъ кольцо Армандъ*).

АРМАНДА. Стало быть это очень знатная особа?

МОЛЬЕРЪ. Гораздо больше! это великій человекъ!

ДЮПАРКЪ (*идя къ Мольеру*). Неужто?... Мнѣ онъ показался съужасшедшимъ! (*возвращается къ картамъ*).

БРЕКУРЪ (*Мольеру*). А мнѣ дьяволомъ! я не трусь — и кажется, доказываю это, — а признаюсь! когда я скрестилъ съ нимъ шпагу, его глаза метали молнии и мѣшали мнѣ...

МОЛЬЕРЪ. Брекуръ, ты, можетъ быть, хорошо бы сдѣлалъ, еслибы убилъ его, кто знаетъ? Но — судьбы Божіи неисповѣдны, и какая то-высшая сила заставила меня защитить его отъ твоихъ ударовъ.

АРМАНДА. Да кто же это, Боже мой!... говорите, говорите, милый Мольеръ.

МОЛЬЕРЪ (*смотря вокругъ*). Уѣхалъ онъ?

ПЬЕРРЕТТА. Хватились!...

МОЛЬЕРЪ. Друзья мои — слушайте же, этотъ человекъ — господинъ принцъ Конде!

МАГДАЛИНА. Принцъ Конде!

ВСѢ. Принцъ Конде!

МОЛЬЕРЪ. Великій Конде.

БРЕКУРЪ. Одинъ въ этой сторонѣ, когда всѣ думаютъ, что онъ на границѣ?

ДЮПАРКЪ (*въ карты*). Чортъ возьми, понимаю, онъ спѣшитъ къ войску принцевъ, — онъ пойдетъ на Парижъ съ чужеземцами, возьметъ въ плѣнъ короля, и самъ себя объявитъ, можетъ быть, королемъ, истребивъ тысячи человекъ, которые гораздо его достойнѣе. (*Смотритъ въ даль и поднимаетъ ружье*).

БРЕКУРЪ (*тоже смотря*). Вотъ онъ въ оврагѣ. (*Дюпаркъ цѣлится*). Онъ будетъ сражаться съ Тюреннемъ — стрѣлай, Дюпаркъ!

МОЛЬЕРЪ (*палкой отбивая ружье Дюпарка*). Нѣтъ, Дюпаркъ, этотъ человекъ, который сдѣлалъ столько добра, можетъ еще спасти Францію, если только пойметъ, сколько зла ей сдѣлалъ. Тюреннь, — великій Тюреннь — былъ вчера съ Конде противъ короля — завтра, можетъ быть, Конде будетъ за короля противъ Тюрення... Но не пора ли намъ въ путь?

Что съ вами, Арманда? вы совсѣмъ взволнованы... что васъ такъ тревожить?

АРМАНДА (задумчиво). Великій Конде далъ мнѣ кольцо мнѣ! о! онъ меня не забудетъ—я одна здѣсь пила за его здоровье... Что за чудный алмазь! блеститъ какъ солнце, какъ слава!

МОЛЬЕРЪ. Дитя, слава кружить вамъ голову.

АРМАНДА. Да, да — разсуждайте вы такъ, какъ себѣ хотите, вы все, у кого ея нѣтъ, у кого ея никогда не будетъ... Но я хочу славы, у меня есть она, потому что великій Конде обратилъ на меня вниманіе.

МОЛЬЕРЪ. Къ славы не одна дорога, Арманда—но вы меня не слушаете. (Магдалинѣ). У нея совсѣмъ вкружилась голова, у вашей сестры—и она станетъ съ этихъ поръ презирать насъ; (понижая голосъ) что же, неужели вы до сихъ поръ думаете, что я женюсь на этой честолюбивой дѣвочкѣ!

МАГДАЛИНА (про себя). Слава Богу! Мольеръ никогда не будетъ славенъ!

БРЕККУРЪ и ДЮПАРКЪ. Вдѣмте же, вдѣмте!
(Карета движается въ путь; они идутъ плышкомъ за нею, Дюпаркъ на козлахъ. Заказъ падаетъ).

Конецъ перваго дѣйствія.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

О ГОРДОСТИ НАШЕГО ВѢКА (*).

Если вы, разсмотрѣвая внимательно состояніе общества, ученій, законовъ, нравовъ, услышите, какъ иные смѣло превозносятъ надъ всеми вѣками тотъ вѣкъ, который достался на ихъ долю, то будете поражены не одной смѣшной стороною этого недѣлаго или виноватаго удивленія, нѣтъ, —какая-то жадость, смѣшанная съ невольнымъ ужасомъ, овладѣваетъ вами, при видѣ такого безмернаго высокомерія. Мы припоминаемъ себя слова, глубоко запавшія въ душу нашего праотца: *будете яко боимъ*, и намъ кажется, что его потомки, обольщенные своими желаніями, ослѣпленные своими преступленіями, подя кровомъ ноци, въ безсмысленной радости, — торжествующаго сбывшагося общаніе некускители.

На чемъ однако же основываются эти кичливыя притязанія и это гордое презрѣніе къ вѣкамъ минувшимъ? Говорятъ объ успѣхахъ просвѣщенія, какъ будто міръ погруженъ былъ досель въ глубокой мракъ, и шесть тысячъ лѣтъ ожидалъ мощнаго голоса, который бы разсвѣлялъ тьму. Если это такъ, то счастливое поколѣніе, присутствующее при этомъ великомъ зрѣлищѣ, при этомъ высокомъ созданіи, узрѣвшее, какъ занялась заря человѣческаго разума, это поколѣніе действительно имѣетъ право гордиться. Но если, напротивъ того, оно приняло закатъ солнца за восходъ его, если мнимый свѣтъ его не что иное, какъ густая тѣнь, а его разсудокъ — смрачный бредъ, жалкое безуміе, тогда его слѣдуетъ вывести въ этомъ положеніи предъ всеми взорами, хотя для того

(*) Считали бы сообщить нашимъ читателямъ эту любопытную статью. Важность ея увеличивается тѣмъ, что она принадлежитъ Ланселю, и помѣщена въ *Assemblée nationale*. М. Н.

только, чтобы показать людям, какъ низко можетъ пасть человѣкъ, если, презирая старую мудрость, онъ отдѣлится отъ прошедшаго, и только въ себя самомъ будетъ искать опоры.

Отдадимъ прежде всего этому тщеславному вѣку то, на что онъ имѣетъ неотъемлемое право. Нельзя не сознаться, что естественныя науки сдѣлали значительные успѣхи въ теченіи этого вѣка, но свойство сихъ наукъ таково, что онѣ неустанно должны подвигаться; невозможно, смотря непрерывно на вещественные предметы, которыми онѣ занимаются, не увидать явленій прежде не замѣченныхъ. Для этого почти достаточно однихъ пяти чувствъ; къ прежнимъ наблюденіямъ накопляются новыя, и мы довольны, потому что все идемъ впередъ, хотя и не приближаемся къ цѣли. Математика также сдѣлала соответственные успѣхи. Введены новыя формы; упрощены прежнія, рѣшены задачи, до сихъ поръ не рѣшенныя. Однако же надобно сознаться и въ томъ, что всѣ эти усовершенствованія, хотя и существенныя, не могутъ стать на ряду съ великими открытіями, прославившими вѣка прошедшіе, съ непостижимыми усиліями ума, которые вдругъ переносили науку за извѣстные ея предѣлы.

Мы охотно готовы на подобное сознаніе и въ отношеніи къ искусствамъ и ремесламъ, если кому нибудь лестна слава за окраску ткани, болѣе прочую или за умѣнье прѣсть бумагу, болѣе тонкое. Каковы бы впрочемъ ни были выгоды такого рода, которыми мы можемъ гордиться, но въ изобрѣтеніяхъ по части искусствъ, позволено предполагать столько же заслуги и усилій ума, сколько въ усовершенствованіяхъ, которыя сами собою развиваются въ нихъ со временемъ. Не знаю, чьи имена противопоставить нашъ вѣкъ именамъ основателей Лионскихъ фабрикъ, Гобелневскихъ мануфактуръ и *de la Savonnerie*. Кто изъ новѣйшихъ инженеровъ или архитекторовъ побѣдилъ зодчихъ Ландегоккаго канала, базилики Св. Петра въ Римѣ, Луврскаго фасада, Версаля и ея садовъ?

И такъ, нечего слишкомъ хвалиться превосходствомъ нашего вѣка въ этихъ различныхъ родахъ. Но объ нихъ и не говорить, а указываютъ на права, кои оправдать еще гораздо труднѣе.

Утверждают, что просвѣщеніе распространено болѣе прежняго. Это спорный, еще не рѣшенный вопросъ, если даже слово просвѣщеніе понимать въ ограниченномъ и исключительномъ смыслѣ нравственныхъ познаній, кои составляютъ истинное просвѣщеніе человека. Не спору однако же, что теперь число знающихъ грамотъ болѣе, но это никакъ не увеличиваетъ итога общихъ свѣдѣній, — не спору, что въ испроверженнѣй общества народъ слышалъ многія вещи, которыя онъ не можетъ понять и былъ бы счастливъ не вѣдать, — словомъ, что въ умахъ теперь болѣе движенія и болѣе тревоги. Менѣе разсуждали о религіи, когда была религія опредѣленная; не говорили столько о правительствѣ, подъ сѣнью прочнаго правительства; не толковали о законахъ, когда они были неизмѣнны; о правахъ, когда ихъ уважали; о торговлѣ, когда она процвѣтала; о налогахъ, когда платили четвертую или пятую часть того, что платили въ послѣдствіи; о воспитаніи, когда оно было свободно, и равно доступно богатому и бѣдному. Собирая все это, кажется, что зло не было еще такъ велико; кажется, что мы слишкомъ дорого заплатили за удобство говорить обо всемъ.

Наконецъ вотъ что можно, съ нѣкоторымъ правоподобіемъ, привести въ пользу притязаній вѣка: вотъ преимущества, которыми онъ гордится. Посмотримъ теперь, что они ему стоятъ, и какъ велики его потери.

Ученія, сохраненныя преданіемъ, развитыя временемъ, были вмѣстѣ и сущностью человеческого разума и краеугольнымъ камнемъ общества. Что съ ними стало? что забыло ихъ? Гдѣ истины, введенныя вмѣсто ихъ? Что теперь несомненно? Чему теперь вѣрять, что знаютъ изъ того, что болѣе всего занимаетъ человека? Существуетъ ли по крайней мѣрѣ, хотя одно обще-принятое правило, подъ руководствомъ котораго бѣдный умъ, лишенный своихъ, прежнихъ владѣній, могъ бы пуститься на новыя завоеванія? Нѣтъ, все отвергнуто, все испровержено, и на этихъ-то развалинахъ, гордость провозглашаетъ превосходство того вѣка, который завѣщаетъ вѣкамъ грядущимъ одни сомнѣнія.

Спросите его, есть ли Богъ, нравственный порядокъ, другая жизнь послѣ этой жизни, истинная вѣра, обязанности,

доброты; онъ или все будетъ отрицать, или ответить вамъ: я не знаю. Въ самомъ дѣлѣ, есть чѣмъ гордиться этимъ невѣдѣніемъ, и я постигаю, почему современные люди такъ сожалеютъ о своихъ ошибкахъ. Тѣ, въ простотѣ души вѣровали въ величіе своей природы; они почитали себя созданными по образу и подобию Божию, и ихъ вѣра, какъ ихъ надежда, далеко стремилась въ вѣчность. Благодаря новѣль понятій, люди разуверились въ этихъ мечтахъ; они такъ рады были познать, что это мнимое величіе есть только безумное высокомеріе; что это бессмертное созданіе, подобное другимъ животнымъ, равно какъ и они, есть только горсть праха, оживленнаго теплотою, и что человекъ имѣетъ равныя съ животными права на ничтожество. Какъ сгнѣшили они утвердить за собою эту высокую участь! Нашлись люди, которые неутомимо трудились, изгладить права свои на благородное происхожденіе. На самую надежду накинута они положили своего лжеумудрія. Вселенная содѣлалась въ ихъ глазахъ вѣчнымъ царствомъ смерти. Они заглянули въ гробъ, и говорятъ, что за гробомъ всему конецъ.

Успѣхи въ политикѣ не менѣе удивительны. Тамъ, какъ и вездѣ, начали уничтоженіемъ того, что было, даже того, что ископи существовало, даже до всегдѣшнихъ понятій народовъ, о влади, о законахъ, объ учрежденіяхъ, необходимыхъ для бытія государствъ. Потомъ принялись за теоріи, и въ особенности за опыты. Предки наши, въ простотѣ своей, основали монархію, которая существовала четырнадцать вѣковъ. Мы можемъ сожалѣть о нихъ, но они нашли бы, можетъ быть, чѣмъ извинить ошибку, лишившую ихъ неопредѣленнаго преимущества, видѣть, какъ мы, семь или восемь конституцій въ тридцать лѣтъ, и жить подъ кроткимъ правленіемъ Конвента и Имперіи. Прочность также имѣетъ свою цѣну; но дабы въ обществѣ что либо было прочно, необходимы твердыя правила, точныя, опредѣленныя понятія, неизмѣнныя положенія; необходимо, чтобы умы были руководимы и обузданы общепринятыми вѣрованіями. Прежде не было ничего неопредѣленнаго, ни въ правахъ, ни въ обязанностяхъ, ни въ ихъ основаніяхъ.

Каждый знает что онъ такое и чѣмъ долженъ быть. Это наскучило. Двадцать пять милліоновъ людей, размыщенные по различнымъ ступенямъ общественной іерархіи, спросили другъ друга объ относительныхъ правахъ своихъ, потомъ начали разсуждать, а вслѣдъ за тѣмъ рѣзать, конфисковать, изгонять именемъ разума. По стѣнамъ писали: *свобода, равенство*, а между тѣмъ ни одна нація не испытала болѣе унижательнаго рабства, болѣе нестерпимаго угнетенія.

До сихъ поръ я не нахожу ничего въ оправданіе гордости вѣка во всемъ, что касается до совершенства общественнаго благоустройства. Коснемся ли ученій, — развѣ за нихъ возносить онъ себя выше вѣковъ прошедшихъ? Такъ пусть же скажетъ, какіе онъ открылъ истинны. Онъ отвергъ прежнія положенія; но есть ли у него взамѣнъ другія? Я не говорю о непостоянныхъ личныхъ идеяхъ, о шаткихъ мнѣніяхъ; я прошу указать мнѣ ученіе вѣка. Знаетъ ли онъ, что такое власть? знаетъ ли что такое законъ, что право, обязанность, собственность? На всѣ эти вопросы, не одинъ ли будетъ отвѣтъ? Согласны ли мнѣнія въ томъ, что составляетъ законность правительства, что значить коренной законъ, правила управленія? Совпадаютъ ли эти мнѣнія въ чемъ бы то ни было? Нѣтъ - все вопросъ, все сомнѣніе, даже до верховной власти.

Обратимъ ли наше вниманіе на труды вѣка и его произведенія? Я, вижу что ниспровергнуто, пусть укажутъ мнѣ, что создано. Къ чему привели безчисленныя попытки возсоорудить общественное зданіе? Что остается послѣ толикихъ тщетныхъ усилій? Все предназначалось быть вѣчнымъ, и ни что не дожило до завтра. Еще разъ спрошу я, что основано, какіе публичныя памятники, какія благотѣтельныя учрежденія, благословляемыя бѣднымъ, свидѣтельствуютъ, о заботливости относительно потомковъ, о любви человека къ человеку? Что дерзнуть они сравнить съ несметнымъ множествомъ заведеній, посвященныхъ нашими предками призрѣнію страждущихъ? что сдѣлано для несчастныхъ? они имѣли нѣкогда приюты, теперь для нихъ есть тюрьмы.

Сыны, лишеныя достоянія отцовъ своихъ, вы, которые ничего не стяжали изъ великаго наслѣдія вѣковъ, и ничего не завѣщаете потомкамъ, не гордитесь такъ своего нищетою. Много ли у васъ собственности, кромѣ вашего безумія, вашихъ сомнѣній и преступленій, которыхъ было ужаснѣе грядущее! Вы хвалитесь улучшеніемъ нравственности, а тюрьмы ваши наполнены преступниками, а ваши добродѣтели утомили палача!

Высказавъ все объ успѣхъ просвѣщенія, я хотѣлъ еще говорить объ успѣхахъ счастья, но я видѣлъ пожаръ міра, я видѣлъ низверженные троны, потрясенныя до самыхъ основаній государства, я видѣлъ развалины по цѣлой Европѣ... и замолчалъ.

АЗЦІЙ И БОНИФАЦІЙ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ V-го ВѢКА,

АМЕДЕА ТЪЕРРИ.

(Окончаніе).

Начали войну. Войско, посланное изъ Италіи, разбѣжалось или позволило себя разбить. Второй походъ имѣлъ лучшей успѣхъ. Бонифацій былъ разбитъ. Провинція, сначала взявшая съ живостью сторону своего правителя, охладѣла, когда увидѣла, что война длится безуспѣшно. Жители Атласа, пользуясь тѣмъ, что съ границъ сведены войска, вторглись въ римскія колоніи, вырѣзали ихъ и сожгли. Богатыя области скоро обратились въ выжженные поля; повсюду — разграблены были муниципіи, осквернены церкви, взятыхъ въ плѣнъ жителей, какъ стада, тащили въ горы варвары. Бонифацій, весь погруженный въ собственныя дѣла, не принималъ никакихъ мѣръ для прекращенія, и когда начальники городовъ являлись къ нему жаловаться или просить помощи, онъ сердился и не отвѣчалъ. Стыдъ пораженія съ воспоминаніями о несправедливостяхъ, которыхъ считалъ себя жертвою, раздували его гнѣвъ еще болѣе: онъ винилъ правительницу въ помраченіи его славы. Этотъ человекъ, иѣкогда открытый и пскрепшій, сталъ мраченъ, — онъ

видѣль и слышалъ только враждебное; онъ отвергалъ добрые совѣты,—и притомъ, они съ трудомъ къ нему проникали, потому что римляне, которыхъ увлекъ онъ съ собою въ возмущеніе, стерегли своего сообщника, боясь, чтобы онъ не возвратился вспять. Такъ изобразилъ намъ его Августинъ. Нѣсколько разъ сбирался писать къ нему святой епископъ, но отлагалъ по боязни, что захваченное и обнаруженное письмо послужитъ къ обвиненію его друга. Въ самомъ дѣлѣ—что могъ писать онъ, кромѣ упрековъ и увѣщаній раскаяться? Наконецъ, когда одинъ діаконъ, равно знакомый обоимъ, отправился неизвѣстно для какого дѣла—въ главный лагерь, Августинъ воспользовался случаемъ, и написалъ къ Бонифацію длинное письмо или лучше меморію, которую находимъ мы въ его перепискѣ, и въ которой не знаешь, чему болѣе удивляться, благочестію ли священнослужителя, мудрости моралиста или тонкости свѣтскаго человѣка. Да простятъ мнѣ, что нахожусь подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ и трогательныхъ словъ, и приведу это письмо почти въ цѣлости, какъ драгоценный памятникъ нравовъ римскаго общества въ V-мъ столѣтіи.

«О сынъ мой! милый сынъ мой!»—писалъ великій Епископъ къ Бонифацію — собери свои воспоминанія. Вспомни, каковъ «былъ ты при жизни первой жены твоей блаженной памяти, «и какъ, послѣ смерти ея, проклятая суета вѣка, хотѣлъ ты «посвятить себя на служеніе Господу. Я помню это, я, который былъ того свидѣтелемъ, и знаю, что сказалъ я тебѣ «въ Тубунахъ, когда наединѣ съ нами, съ братомъ моимъ «Алппомъ и со мной, открылъ ты намъ свою душу и доверилъ «предначертанія. Нѣтъ, каковы бы ни были удручающія тебя «нынѣ заботы, бесѣда эта не могла изгладиться изъ твоей «памяти; ты хотѣлъ сложить съ себя санъ свой, и оставя міръ, «жить жизнью отшельниковъ, которые служатъ Господу «въ святомъ покоѣ. Ты отрекся отъ этого намѣренія, рассудилъ «вслѣдствіе нашихъ представленій, что то, что дѣлалъ ты «тогда, важнѣе для церкви Христовой, если только ты станешь «дѣлать это съ цѣлію защищать ее и если для себя и для «своихъ не станешь требовать отъ міра большаго, нежели

«что нужно для поддержанія жизни, подкрѣпляя себя умеренностью, и посреди оружія земныхъ облакался въ оружія духовныя.

«Взялъ ты рѣчамъ нашимъ и принялъ это намѣреніе; мы еще радовались тому, когда ты отправлялся. Переплылъ ты море, потомъ вторично женился. Это путешествіе совершилъ ты по повелѣнію властей *предержащихъ*, которымъ ты долженъ былъ повиноваться по слову апостола; но «вторичный бракъ твой—къмъ былъ внушенъ, какъ не страстію, тебя побѣдившею? Признаюсь, велико было мое изумленіе при этой вѣсти; однако, я утѣшился нѣсколько, узнавши, «что ты не хотѣлъ жениться на этой женщинѣ, доколь не «обратилась она къ православію—и вотъ нынѣ, ересь отрицающихъ Христа Иисуса, яко истиннаго Сына Божія, въ такой степени сильна въ домъ твой, что дочь твоя пріяла «крещеніе изъ рукъ ихъ! Еще многое другое, исторгающее «у меня изъ глазъ слезы, рассказываютъ о тебѣ люди; но «можетъ быть они клеветуютъ.

«Съ этой женитьбы, сколько бѣдствій и какія бѣдствія «обрушились на тебя! Сойди во глубину своей совѣсти, «спроси себя, — ты отвѣтишь самъ то, чего я не хочу сказать. «Раскайся же—не отлагай покаянія, и я не сомнѣваюсь, что «Господь проститъ тебя и ты избавишься отъ всѣхъ опасностей. Но скажешь ты мнѣ: «Дѣло мое право!» Не знаю—и не «судья я въ этомъ, ибо не выслушалъ обѣихъ сторонъ; но, «справо или нѣтъ твое дѣло, чего я не имѣю нужды ни знать, «ни разсматривать,—отвергнешь ли ты передъ лицомъ Божиимъ, «что не впалъ бы ты въ такія несчастія, если бы не «ввязался къ благамъ вѣка сего, ты, который долженствовалъ «считать ихъ за ничто, ты, котораго знали мы вѣрнымъ рабомъ «Божіимъ.

«И не однимъ только собственнымъ похотямъ подчинился «ты нынѣ: ты сталъ рабомъ страстей другихъ. Эти люди, «тебя окружающіе, которые защищаютъ могущество твое и «жизнь, которые вѣрны тебѣ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, и «со стороны которыхъ не долженъ ты, конечно, опасаться

«никакой изъѣны,— любятъ ли они тебя для тебя самого и въ «Господь? Они любятъ блага міра, хотятъ стяжать ихъ черезъ «твое посредство,— такимъ образомъ, ты, долженствовавшій «подавлять собственныя страсти, принужденъ удовлетворять «страсти другихъ. А этого быть не можетъ безъ многихъ «преступныхъ дѣйствій, оскорбляющихъ Бога. Да и можно «ли удовлетворить когда-либо такое любостяженіе? Его иско- «ренишь въ себѣ самомъ, когда любишь Бога, его не насы- «тишь, когда любишь міръ. Какимъ способомъ удовлетво- «рять столько вооруженныхъ людей, столько жадныхъ стра- «стей, которыя надобно напротивъ подстрекать, чтобы сдѣлать «ихъ болѣе опасными? Какимъ способомъ, не говорю уже «утишить ихъ, но хоть нѣсколько насытить, не навлекши на «главу свою мщенія божественнаго? Взгляни же кругомъ себя— «все разхпщено, разрушено, и уже воинамъ твоимъ нечего «болѣе грабить.

«Ты отвѣтишь мнѣ, что вину этихъ бѣдствій должно «сложить на оскорбившихъ тебя и заплатившихъ неблагодар- «ностью за твои великія услуги и за твое мужество. Я сказалъ «уже тебѣ — этого дѣла я не хочу знать и не могу судить; «то подумай: ты долженъ защищать иное, не передъ челове- «комъ какимъ-либо, а передъ Богомъ; ибо ты христіанинъ «и слѣдственно, долженъ бояться оскорбить Господа. Если я «обращусь къ высшимъ причинамъ удручающихъ насъ событій, «то чувствую, что долженъ приписать бѣдствія наши грѣхамъ «людскимъ, но нѣтъ во мнѣ силы причислить тебя къ числу «бичей Божіихъ, орудій гнѣва Его, которыми караетъ Онъ «въ міръ семь нечестивыхъ и злыхъ... Обрати взоръ на «Христа, Который сдѣлалъ столько добра и столько страдалъ! «Чтобы принадлежать Ему, чтобы жить съ Нимъ, — должно «любить враговъ нашихъ и молиться за ненавидящихъ насъ. «Если Имперія Римская сдѣлала тебѣ добро (добро земное «и преходящее, какъ сама она), если, говорю я, она сдѣлала «тебѣ добро— не воздавай зломъ за добро; если же она сдѣ- «лала тебѣ зло, не воздавай зломъ за зло. Чтѣ она сдѣлала «тебѣ, объ этомъ я не разсуждаю, и не призванъ судить о

«томъ,—я бесѣдую съ христіаниномъ и говорю ему: не воздавай зломъ за добро, не воздавай зломъ за зло!

«О! не будь у тебя жены, я посовѣтывалъ бы тебѣ, какъ нѣкогда въ Тубунахъ, жить въ святости воздержанія, и прибавилъ бы (чего не сказалъ тогда), чтобы отрекся ты, сколько возможно, отъ военного дѣла, и началъ бы, какъ ты желалъ тогда, жизнь отшельниковъ, этихъ воиновъ Христо-выхъ, которые ведутъ брань въ безмолвіи, не для того, чтобы убивать людей, а чтобы усмирять злыя силы. Жена твоя мѣшаетъ такому увѣщанію, ибо, хотя и не долженъ бы ты жениться на ней, по обѣтамъ твоимъ въ Тубунахъ,—она вступила въ бракъ съ тобою, она, въ невинности и простотѣ своего сердца. Такъ какъ исполненіе такого намѣренія уже невозможно, останься по крайней мѣрѣ вѣрнымъ Богу, отторгнись отъ страстей міра, соблюди честно свое слово, и если суждено тебѣ вести еще войну, веди ее съ желаніемъ мира: этому жена твоя не можетъ или не должна воспрепятствовать. Любовь къ тебѣ заставила меня написать это письмо, о дражайшій сынъ! Духъ Святой сказалъ нгдѣ: «укори мудраго—возлюбить тебя;—укори неразумнаго — возненавидитъ тебя.» И писалъ я къ мудрому.»

Это письмо, въ которомъ твердость совѣтника не теряла ничего отъ языка друга и служителя алтаря, это письмо, и нѣжное, и мудрое, и мужественное—осталось безъ отвѣта. Бонифацій, котораго дѣла шли все хуже и хуже, погрязъ какъ въ бездну, въ ожесточеніе своего мятежа. Видя, что города Проконсуларіи и Нумидіи, одинъ за другимъ, сдаются императорскимъ военачальникамъ, и что пустота распространяется вокругъ его, онъ потерялъ голову и обратился за помощію къ Вандаламъ. Новые историки предположили, не безъ вѣроятности, что онъ былъ увлеченъ къ этому поступку женою, которая была его злымъ духомъ и на которую строгій Августинъ не коснѣлъ возложить отвѣтственность въ общественныхъ бѣдствіяхъ: Испанка, состоявшая въ сношеніяхъ съ вандалскими королями, легче всего могла вести роковые переговоры и заключить ихъ. Договоръ, по всѣмъ формамъ

заключенный съ Гензерикомъ., только что вступившимъ на престоль вандалскій, обезпечивалъ за нимъ владѣніе Мавританіею въ награду за вооруженное его содѣйствіе, и, такъ какъ у Гензерика не было кораблей, Бонифаціи доставилъ ему свои Римскій флотъ, въ нѣсколько переѣздовъ черезъ проливъ Гадескій, извергнувъ на берегъ Мавританіи 80,000 Вандаловъ: то былъ цѣлый народъ, мужчины, женщины и дѣти. Едва Гензерикъ разбилъ шатры свои на берегу, котораго сталъ господиномъ; къ нему сбѣжались Маврскія колѣна и начался грабежъ римскихъ провинцій — печальное предзнаменованіе судьбы, которая ожидала вскорѣ всю Африку, отъ бунта туземцевъ и утѣсненія чужеземныхъ варваровъ. Когда вѣсти эти дошли въ Италію, ужасъ былъ тамъ не меньшій, какъ и въ африканскихъ городахъ, надъ которыми носилось уже разрушеніе. Пораженные страхомъ провинціи думали, что пришелъ послѣдній день Имперіи. Краснорѣчивый священникъ Марсельскій, Сальвіанъ, взывалъ образнымъ языкомъ пророковъ: «Душа государства (rei publicae) впала въ руки варваровъ.»

Тогда только, хотя уже нѣсколько поздно, объ стороны начали думать о томъ, какъ бы объясниться. Разумные люди, которыхъ слушаютъ всегда послѣднихъ, уже два года говорилъ, что въ поведеніи Бонифаціи скрыта какая-то непонятная тайна, что человекъ, который въ продолженіе всей жизни былъ достоинъ общественнаго уваженія, не могъ пасть въ одну минуту, что мужественный защитникъ правительницы не измѣнилъ бы ей и не вооружился бы противъ нея безъ особой, досель не разъясненной причины. Ковчили тѣмъ, что сознался въ справедливости такихъ простыхъ заключеній. Друзья Бонифаціи отправили тайно въ Африку двухъ посланыхъ, которымъ онъ могъ довѣриться безъ задней мысли; одинъ изъ нихъ былъ Комесъ Дарій, извѣстный намъ по перепискѣ своей съ блаженнымъ Августинимъ. Судя по письмамъ его, это былъ придворный чрезвычайно любезный, вкрадчивый, вѣжливый до крайности, тонко-образованный и отличавшійся нѣкоторою изысканностью по духу своего вре-

мени, — но вѣстѣ съ тѣмъ, человекъ благодушный и миролюбивый, добрый христіанинъ, иногда только впадавшій въ язычество по страсти къ наукѣ и по удивленію къ древнимъ. Тогда не проѣзжали Африки безъ того, чтобы не посѣтить Августина или не найдти случая вступить съ нимъ въ переписку — такъ сильно было вліяніе великаго мужа. Едва только прибывши въ Кароагенъ, Дарій поручилъ нѣсколькимъ Епископамъ привѣтствовать Августина отъ своего имени; тотъ отвѣчалъ на привѣтъ письмомъ изъ Гиппоніи, которое и было началомъ ихъ связи. Это письмо, дошедшее и до насъ, намекаетъ въ темныхъ и весьма осторожныхъ выраженіяхъ о тайномъ порученіи, которое привело комеса Дарія изъ-за моря. «Когда мнѣ представили изображеніе твое — «пишетъ святой Епископъ — изображеніе души твоей, а не «плоти — я вспомнилъ, что видѣлъ таковое же въ Евангелии, «гдѣ читаемъ мы сіи слова, прямо къ тебѣ относящіяся: «*блаженни миротворцы, яко тии сынове Божіи порекутся.*» «Великая, конечно, слава побѣдить мужествомъ, трудами своими «и опасностями страшнаго врага и дать покой мятущимся «областямъ своего отечества, но болѣе славно убить самую «войну словомъ, нежели убивать людей мечемъ, завоевать миръ «миромъ, нежели пріобрѣсти его войною. Да утвердитъ Господь «то, что совершилъ Онъ у насъ черезъ посредство тебя.»

Дарій отвѣчаетъ ему, что хотя онъ и не убилъ еще войны, но надѣется, что остановилъ и отдалилъ ее, и что съ помощію Божіей, ужасныя бѣдствія, переполнившія уже мѣру, станутъ теперь сбывать и утишаться. «Да дастъ тебѣ «Господь — прибавлялъ онъ — возносить всегда таковыя молитвы «къ небу за императора, за республику Римскую и за всѣхъ, «кого считаешь ты оныхъ достойными.» Переписка оканчивается взаимнымъ обмѣномъ даровъ между престарѣлымъ Епископомъ и итальянскимъ комесомъ. Послѣдній проситъ у Августина списка драгоценной книги его «Исповданій», и посылаетъ ему въ свою очередь лекарство, которое врачъ, находящійся при его особѣ, считаетъ цѣлебнымъ отъ недуговъ, удручающихъ епископа Гиппонійскаго — врачевство телесное

въ обмѣнъ за врагство духовное! Съ живымъ интересомъ слѣдишь въ этой, крайне осторожной перепискѣ, за ходомъ переговоровъ, которыхъ только одни послѣдствія представляетъ намъ исторія. Бонифацій, открывши наконецъ глубину своего сердца вѣрному другу, признался во всемъ, объяснилъ все и показалъ письмо Аэція. Дарій тотчасъ же поѣхалъ назадъ въ Равенну.

Молніей было открытіе для Плацидіи, но эта молнія устранила ее: она все отдала челоуѣку, котораго обманъ раскрыли теперь—передъ ней, и самыя воинственные провинціи, и лучшее войско, и доступъ въ ея тайный совѣтъ, и даже верховное начальство надъ войскомъ, которое должна была, хотя противъ желанія сердца, отнять у Феликса. Дѣйствительно, *magister militiae* приписывалъ себѣ такое участіе въ паденіи Бонифація, торжествовалъ такъ нагло, что во всѣхъ послѣдующихъ бѣдствіяхъ обвиняли его, и Комесъ Аэцій не преминулъ присоединить свой голосъ къ общему воплю, чтобы окончательно уничтожить Феликса. Подъ гнетомъ всеобщей ненависти, мужъ любимицы долженъ былъ сложить съ себя санъ верховнаго начальника войска, который тотчасъ же и былъ принятъ Аэціемъ. Тщетно правительница, вынужденная пожертвовать Феликсомъ, дала ему достоинство патриція, въ ту пору не занятое, какъ я уже упоминалъ; это достоинство, отдѣленное отъ дѣйствительнаго начальства, было только пустымъ титуломъ, смѣшнымъ вслѣдствіе самаго великолѣпія. Въ неудовольствіи своемъ, Феликсъ обратилъ на своего преемника ту ненависть, которой преслѣдовалъ некогда Африканскаго Комеса, и уже по своему обычаю, составлялъ противъ Аэція темный заговоръ, о которомъ послѣдняго уведомили. Въ одно утро воины, составлявшіе гарнизонъ Равенскій, своевольно вооружились, и съ неистовыми криками явившись на площадь, требовали, чтобы имъ выдали новаго патриція, жену его Падузу и друга ихъ дьякона Груннита, которые всѣ тутъ же на площади и были умерщвлены. Плацидія склонила голову, Аэцій же спокойно возвратился въ свою Галлію.

Таково было положеніе дѣлъ, когда открытія Комеса Дарія довели до крайнихъ предѣловъ ужасъ правительницы. Она просила держать все въ тайнѣ, до тѣхъ поръ, пока приметъ мѣры къ ливному нападенію на столь могущественнаго врага, и чтобы лучше усыпить его, назначила его на слѣдующій годъ консуломъ. Смирившійся Бонифацій истощилъ все усилія для исправленія нанесенныхъ имъ золъ. Онъ предложилъ Гензеріку возвратиться съ народомъ его въ Испанію, за большую сумму денегъ. Гензерікъ насмѣялся надъ нимъ. Онъ поднялъ голосъ выше и грозилъ. Гензерікъ винилъ его въ вѣроломствѣ и объявилъ войну. Нѣчто роковое тяготѣло теперь на полководца, нѣкогда славномъ и счастливымъ; онъ былъ побѣжденъ и вынужденъ запереться въ Гиппоніи, которую Гензерікъ обступилъ съ суши и моря. Тамъ въ послѣдній разъ сошлись вмѣстѣ, въ однѣхъ стѣнахъ и подъ гнетомъ однѣхъ опасностей, два главныхъ дѣйствующихъ лица Тубупской бесѣды: одинъ, раскаявающійся и приведенный въ отчаяніе, другой, дряхлый, больной и умирающій.

Послѣднія минуты Августина, соединенныя съ послѣдними минутами римской Африки, принадлежатъ исторіи. Едва живой старецъ, для поддержанія стада своего, находившагося въ смертномъ страхѣ, обрѣлъ въ себѣ силу, ему самому невѣдомую. Онъ постоянно пребывалъ въ храмѣ, какъ полководецъ на стѣнахъ. Гиппонійцы для отдохновенія приходили туда съ битвы. Августинъ увѣщавалъ ихъ, проповѣдывалъ имъ и молился съ ними. Великій мудрецъ, говоря съ простыми душами, придавалъ рѣчи своей народную простоту, которая трогала и увлекала ихъ, и когда, въ простой и энергической проповѣди, открывалъ онъ имъ истинную отчизну христіанна, царство небесное, гдѣ не было Вандаловъ, мужественные защитники города возвращались въ битву, съ укрѣпленнымъ сердцемъ. Вечеромъ Августинъ собиралъ за столомъ своимъ епископовъ Нумидійскихъ, укрывшихся въ Гиппоніи, и они окружали его какъ отца. Бесѣда шла обыкновенно о бѣдствіяхъ или надеждахъ дня, присовокуплялись къ тому еще размышленія о тщетѣ предначертаній человѣческихъ передъ

страшными судьбами Божиими: эти подробности сохранены намъ свидѣтелемъ-очевидцемъ, который самъ былъ епископъ. При извѣстіяхъ о раззореніяхъ сосѣднихъ городовъ, Августинъ смущался; онъ молилъ со слезами Господа не сдѣлать его свидѣтелемъ разрушенія Гиппоніи и оскверненія храма, но прежде того взять его отъ міра. Почувствовавши, что силы его вдругъ ослабли и лихорадка овладѣла имъ, онъ счелъ молитвы свои услышанными. Единственною заботою его стало тогда готовиться къ смерти, и отдавши одному себѣ послѣдніе дни своей жизни, онъ заперся въ свою комнату, которой стѣны обвѣшены были свитками, съ написанными на нихъ крупными буквами, покаятельными псалмами. Взглядъ его былъ прикованъ къ нимъ, когда онъ скончался 28 Августа 430, семидесяти шести лѣтъ отъ рожденія. Гиппонія не была еще взята въ этотъ разъ, потому что голодъ распространился въ войскѣ осаждающихъ и принудилъ ихъ разсѣяться; но она пала въ руки ихъ на слѣдующій годъ, а вскоре вслѣдъ за нею и вся Африка. Войска, посланныя на помощь императоромъ Востока, не могли спасти ее.

Бонифацій, удрученный отчаяніемъ и стыдомъ, принялъ намѣреніе, свойственное только великому сердцу: онъ рѣшился ѣхать въ Италію—объясниться съ правительницею передъ лицомъ сената, въ присутствіи всей имперіи, и предложить себѣ въ жертву справедливымъ проклятіямъ отчизны. Онъ сѣлъ на корабль, оставя войско подъ начальствомъ подручника своего Тригетія. Пять лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ онъ изъ этой самой Италіи, славный и славимый; онъ возвращался въ нее преступный и несчастный, но съ челою подъятымъ, какъ жертва пдущая на вольную смерть. Нравственное достоинство его поступка тотчасъ же смирило всѣ ненависти. Толпы народа, стекавшіяся издалека, чтобы видѣть его, тѣснились вокругъ его, съ выраженіемъ не гнѣва, но почтительнаго состраданія на лицахъ. Когда приблизился онъ къ Риму, цѣлый городъ поднялся встрѣтить его. «То было — говоритъ одинъ современникъ, — удивительное согласіе сочувствія». Въ Равеннѣ повторилось тоже самое, и, среди

этого триумфа раскаянія, ни одинъ голосъ не дерзнулъ напомнить прошлаго. Присутствіе его развязывало узелъ дѣлъ въ Италіи. Правительница, объявивши прямо о вѣроломствѣ Аэціи, сложила съ него санъ верховнаго полководца и передала его Бонифацію, который въ тоже самое время былъ возведенъ въ патриція. Это было сигналомъ междуусобной войны.

Между тѣмъ Аэціи, спокойно дремавшей подъ игомъ правительницы, пробудился какъ бы отъ сна. Онъ за-разъ узналъ о пріѣздѣ и о торжественномъ шествіи соперника на Италію и о рескриптѣ противъ него самого. При этой послѣдней вѣсти онъ счелъ себя погибшимъ: онъ не могъ вообразить, чтобы смѣли нападать на него вполонину, не вѣрнулъ, чтобы у Бонифація не было подкупленныхъ убійць. Исполненный этой мысли, онъ быстро оставилъ свой лагерь и бѣжалъ въ укрѣпленное мѣсто на горы, по словамъ лѣтописцевъ; потомъ, убѣдившись, что обманулъ, и призываемый своимъ вѣрнымъ войскомъ, онъ возвратился, вдохнулъ въ него огонь своей вражды и повлекъ за собою къ Италіи. Бонифаціи ждалъ его по другую сторону Альпъ съ итальянскими легіонами, не менѣе исполненными рѣшимости. Въ расщелинѣ горъ и на обширныхъ равнинахъ Лигуріи, встрѣтились, по всѣмъ вѣроятностямъ, два послѣднихъ полководца издыхающаго Рима и два лучшихъ его войска. Мы не знаемъ ничего о порядкѣ и движеніяхъ битвы, кромѣ того, что съ обѣихъ сторонъ равны были мужество воиновъ и геній предводителей. Гальское войско, оказавши чудеса храбрости, было стѣснено со всѣхъ сторонъ и разбито на голову. Рѣшившись играть на все и положить въ битвѣ свою жизнь или жизнь соперника, Аэціи наканунѣ велѣлъ сковать оружіе, которымъ владѣлъ искусно: это было копьѣ, подлиннѣе римскихъ гастъ и сдѣланное вѣроятно по образцу пикъ кочевыхъ племенъ. Видя совершенное разбитіе своихъ войскъ и бесполезность всѣхъ человѣческихъ усилій къ ихъ соединенію, онъ бросился въ толпы искать африканскаго комеса, и увидя его, сражавшагося въ первыхъ рядахъ и можетъ быть такъ же искавшаго врага, устремился во весь

опоръ; оружія ихъ скрестились, и Бонифацій, уязвленный въ бокъ пикой Аэція, закачался и упалъ съ коня, а врагъ его, столь же счастливый, какъ и дерзкій, цѣль и невредимъ вырвался изъ битвы. Рана патриція была неисцѣлима: онъ былъ цѣлыхъ три мѣсяца между жизнью и смертію и наконецъ скончался. Въ долгихъ думахъ болѣзни, сознавая собственныя вѣны и видя въ катастрофѣ роковое возмездіе, онъ научился прощать вѣны другихъ: не только отложилъ онъ всякую ненависть въ отношеніи къ своему убійцѣ, но увѣряютъ даже, что умирая, онъ совѣтовалъ женѣ своей, выйдти за-мужъ за Аэція, какъ за единственно достойнаго ея Римлянина, если только она захочетъ вступить въ новый бракъ и если онъ будетъ свободенъ: чудо самоотверженія, безъ сомнѣнія странное, но не безпримѣрное въ Паладинахъ рыцарства.

III.

Аэцій между тѣмъ перебѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, постоянно преслѣдуемый, постоянно открываемый: онъ укрывался сначала въ помѣсть своемъ въ Италиі, потомъ въ одномъ домѣ въ Римѣ, потомъ въ Далмаціи, откуда онъ пробрался въ при-Дунайскую долину и въ землю Гунновъ, своихъ старыхъ друзей. Руа принялъ его хорошо; еще болѣе: онъ предложилъ ему возвратиться въ Италію съ войскомъ. Комесъ Аэцій былъ не такой человекъ, который бы отказался отъ подобнаго предложенія. И вотъ, онъ внезапно явился на югъ Альповъ, съ толпою свирѣпыхъ кочевыхъ племенъ, которыя распространяли ужасъ кругомъ себя. Правительница, разумѣется, истощила всѣ средства защиты противъ этой опасности; начальство надъ войскомъ поручено было зятю покойнаго Африканскаго комеса, Себастіану, который и самъ былъ не безъ достоинствъ; къ несчастію въ войскѣ начался раздоръ, и старые воины Аэція перешли къ своему полководцу. Платидіи пришло тогда въ мысль обратиться къ Впзиготамъ Галліи: но Аэцій въ высшей степени обладалъ искусствомъ смущать своихъ враговъ дѣятельностію: едва только успѣли начать переговоры съ Го-

тами, какъ онъ уже грозилъ Равеннѣ—и правительница возвратила ему все его прежнія достоинства, присовокупя еще къ нимъ санъ патриція. Себастьянъ, болѣе упорный, ѣздилъ съ Запада на Востокъ и съ Востока на Западъ, ища вездѣ союзниковъ противъ Аэція и отъ всѣхъ получая одни отказы. Съ отчаянія, онъ сдѣлался морскимъ разбойникомъ; потомъ бросился въ Африку и возбуждалъ Вандаловъ къ походу на Испанію. Гензерикъ, какъ человекъ благоразумный, опасался коварства, предложилъ ему прежде всего сдѣлаться арианиномъ въ доказательство искренности его обещаній; когда же Себастьянъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе, онъ велѣлъ умертвить его какъ лазутчика и измѣнника. Странный вѣкъ, когда безъ малѣйшаго зазора рыскали по сушѣ и по морямъ, отыскивая союзниковъ на гибель отчизны и подвергались мученичеству за вѣру!

Самообольщенія были уже невозможны: императоръ и имперія имѣли теперь властелина, на котораго скоро посыпались лесты, консульства, титулы, апофеозы въ прозѣ и въ стихахъ. У Аэція былъ свой дворецъ на холмѣ Квиринальскомъ, свои поэты на Трояновомъ форумѣ, свой народъ полный энтузіазма, свой покорный сенатъ, все триумфы Стиликона — въ ожиданіи подобнаго же паденія. Послѣдніе звучные стихи Римской музы были данью, положенною къ ногамъ Вацдала; вслѣдствіе развитія, свидѣтельствовавшего о весьма скоромъ смѣщеніи племени, у Скиѳа Аэція былъ пѣвцомъ Германецъ, благородный Франкъ, Меробаудъ, присовокупившій къ этому знаменитому на родинѣ его имени, латинское прозваніе Флавія. Подобно скальдамъ своей отчизны, онъ былъ воинъ и поэтъ: сразившись подъ Римскими орлами, онъ брался за лиру Клавдіана и воспѣвалъ на Трояновомъ форумѣ славу Рима и вѣчность цезарей, при рукоплесканіяхъ цѣлой Италіи и къ стыду римскихъ поэтовъ, которыхъ всѣхъ превосходилъ онъ дарованіемъ. Этотъ внукъ Арминія, вѣнчанный лавромъ Виргилія—одна изъ оригинальныхъ личностей переходнаго вѣка. Въ 446 году, онъ такъ достойно воспѣлъ третье консульство Аэція, что Императоръ и мать его приказали поставить ему бронзовую статую подлѣ статуи Клавдіана, на площади, по-

священной знаменитымъ поэтамъ. Въ 1813 году, по счастливому случаю, при разрытіи Ульпійскаго форума отрыли эту статую—и даже съ надписью на пьедесталѣ, которая называетъ Меробауда «мужемъ древняго рода и новой славы, равно ученымъ и мужественнымъ, не менѣе способнымъ совершать достойные хвалы подвиги, какъ и восхвалять подвиги другихъ.» Въ надписи присовокуплено, что «Муза посѣщала его среди шума оружія, въ битвахъ, при переходахъ черезъ ледяныя Альпы, и что пѣснопѣнія его присовокупили новый блескъ къ величію непобѣдимой имперіи.» Второй случай, не менѣе счастливый, далъ намъ возможность оцѣнить справедливость этихъ похвалъ. Нѣсколько отрывковъ, довольно большихъ, стиховъ и прозы Меробауда—найдено было въ 1823 на палимпсестѣ Сентъ-Галльской библіотеки. Чтò всего поразительнѣе въ этомъ первомъ изъ латинскихъ поэтовъ-варваровъ — такъ это правильность его языка и изысканное изящество версификаціи. Ничто не напоминаетъ въ немъ дикости родной почвы, и тщетно стали бы вы искать какого-либо слѣда Германскаго духа и его энергическихъ порывовъ; муза скальдовъ черезъ чуръ уже подчинилась здѣсь ферулѣ латинскихъ риторовъ.

Въ ту самую эпоху, какъ Аэціи становился фактически настоящимъ властелиномъ имперіи, гордая Визиготка, жена новаго патриція, родила на свѣтъ втораго сына, названнаго Гауденціемъ, въ честь его дяди съ отцовской стороны. Старшій, уже взрослый, носилъ готское имя Карпмлю, въ честь дѣда съ материнской стороны. Второй ребенокъ родился на Квириналѣ, если не на порфирѣ, то близъ нея, и Меробаудъ приветствовалъ гевдекасиллабическими стихами рожденіе на свѣтъ этого младенца, котораго судьба предназначала быть нѣкогда рабомъ Вандальнаго пирата. Поэтъ описываетъ его крещеніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя внушили критикамъ сомнѣніе на счетъ того, былъ ли Меробаудъ христіаниномъ—до такой степени священный обрядъ, изображаемый имъ, походить въ его стихахъ на языческое омовеніе. Потомъ представляетъ онъ богиню Рима, принимающую ребенка изъ купели, покрывшею его военнымъ плащемъ своимъ и питающею своєю

грудю. Самое почетное мѣсто въ этомъ панегирикѣ, принадлежало, разумѣется, матери Гауденціи, но какъ достойно прославить ее? Поэтъ прибѣгаетъ къ уловкѣ и какъ бы отступаетъ передъ невыполнимою задачею: «Пѣть,—воскликаетъ онъ, рассыпаясь въ мнѣологическихъ сравненіяхъ, которые невольно удивляютъ, когда подумаешь, кто были героиня и поэтъ;—нѣтъ—не легкимъ музамъ воспѣвать подобную супругу, «потомство героевъ, дочь царей, женщину, которой слава превосходитъ славу женскую.... Она не пойдетъ, какъ Фетида, «предавшись робости, къ подземнымъ водамъ Стикса, чтобы «погрузить въ нихъ младенца и обмануть тѣмъ судьбы. Она «знаетъ, что сынъ Аэція, хотя и смертный, не убится смерти, «но научится у отца своего смѣяться надъ нею, нанося ее «другимъ.»

Между тѣмъ, Аэціи блистательными заслугами старался украсить свое счастье, котораго достигъ дерзостью и насиліемъ. Онъ снова принялся въ Галліи за свои прерванные труды, и обширная провинція, страдавшая распаденіемъ, получила отъ него хотя минутное устройство. Въ 425 и 430 онъ отразилъ Визиготовъ, которые при всякой государственной смутѣ выходили изъ своихъ поселеній, и дѣлали набѣги на Арль и Нарбонну; въ 436 г. онъ перенесъ войну въ ихъ владѣнія и заставилъ просить пощады. Точно такъ же поступилъ онъ съ союзными Бургундами, которые въ этомъ же 436 г. перешли Юру и осадили Туль и Метцъ: онъ наказалъ ихъ пораженіемъ, потомъ далъ имъ миръ и заключилъ съ ними новый, болѣе тѣсный союзъ, которому они остались вѣрны. Что касается до Сплійскихъ Франковъ, то, напавши на нихъ недалеко отъ Арраса въ то время, какъ они праздновали свадьбу,—онъ взялъ въ плѣнъ жениха, невѣсту, захватилъ большую добычу и гналъ короля ихъ Клодіона до его владѣній на Шельдѣ. Въ 435 и въ слѣдующіе года, онъ освободилъ на всегда Турень и Анжу отъ набѣговъ Бретанцевъ Арморики, которыхъ небольшая независимая республика отличалась не меньше безпкойнымъ духомъ, какъ и союзные варвары. На Востокъ, онъ обезпечилъ Галльскую границу, укротивши возмущившихся

горцевъ Нарпическихъ Альпъ, укрѣпилъ границу сѣверную, заселивши лѣвый берегъ Рейна племенемъ за-Рейнскихъ Франковъ, которое прежде грабило этотъ берегъ и которое Аэцій «послѣ страшнаго истребленія», по словамъ историковъ, принялъ на службу имперіи: это племя было корнемъ рипакрскихъ Франковъ. Онъ далъ также земли Аланамъ, служившимъ въ его войскѣ, поселивши однихъ въ Арморикъ, на границахъ малої Британіи, а другихъ по сторонѣ, кругомъ города Валенціи, главнаго сборнаго мѣста набѣговъ на востокъ Галліи. Наконецъ, увѣренный въ вѣрности имперіи Бургундовъ, онъ размѣстилъ ихъ по лѣвому берегу Роны, въ той части древне-аллобругской земли, которая звалась тогда Сапаудія (Савойя). Цѣлюю его было поставитъ оплотъ противъ могущества Визиготовъ, и помѣститъ союзныя силы, близко къ префекту praetoris, у котораго постоянно былъ врагъ въ виду.

Всѣ эти войны противъ внутреннихъ и вѣшнихъ варваровъ не обезопасили впрочемъ Галлію отъ междуусобій: Аэцій въ 436 и 437 году долженъ былъ усмирять страшный бунтъ Багаудовъ (такъ называли возмущившихся поселянъ). Ихъ шайки, прибывавшія отъ присоединенія бѣглыхъ рабовъ, съ мечемъ и огнемъ протекали центральные и восточные города, оставляя за собою одни развалины. Аэцій разбилъ ихъ въ нѣсколькихъ стычкахъ, взялъ въ плѣнъ начальника ихъ Гибатона, казнилъ его, и, частию строгостью, частию кротостью усмирилъ эту Галльскую Жаккерію.

Островъ Британія самовольно отдѣлился отъ Римскаго міра, надѣясь защититься отъ набѣговъ Пиктовъ и Скотовъ—вѣрнѣе одними собственными силами, нежели съ помощію метрополи, погруженной въ свои собственныя заботы. Испытавши въ 37 лѣтъ тщету своихъ надеждъ, сознавши слабость и удрученная бѣдствіями, Британія снова хотѣла сдѣлаться Римскою, но Римъ уже не хотѣлъ того. Тщетно посланные являлись къ патрицію Аэцію, котораго на западѣ считали настоящимъ Императоромъ, съ знаменитою просьбою, извѣстною подъ названіемъ «вопль Британіи, въ которой между прочимъ были слѣдующія трогательныя слова: «варвары тѣснятъ насъ къ

морю, а море отталкиваетъ къ варварамъ:» Азіи былъ не умолимъ: пусть, думалъ онъ, упадетъ одинъ безполезный членъ, лишь бы въ сердце сосредоточилась жизнь.

Въ дѣлѣ военнаго и политическаго возстановленія галльскаго діоцеза, патрицій, казалось, торопился, какъ будто подстрекаемый опасностью. Взгляды всѣхъ съ безпокойствомъ обращались къ Дунайской долины, и Азіи, больше чѣмъ кто-либо, понималъ важность событій, которыхъ театромъ была въ это время страна Гунновъ. Король Руа, умершій въ 434 г.—унесъ вѣсть съ собою въ могилу хорошее расположеніе своего народа къ Римлянамъ. Племянникъ его, Аттила, который ему наследовалъ, и который братоубійствомъ достигъ того, что сдѣлался скоро единственнымъ властелиномъ обширныхъ владѣній Гунновъ,—старался подвести подъ одно нго эти многочисленныя, до сихъ поръ независимыя племена, имѣвшія каждое своего начальника, своихъ данниковъ и своихъ подданныхъ. Во всякомъ малѣйшемъ дѣйствіи новаго государя высказывалось ясно всѣмъ ненасытное и жестокое честолюбіе; но Азіи зналъ это еще болѣе: по своимъ личнымъ отношеніямъ, съ самаго дѣтства, зналъ онъ его глубокую ненависть къ Римлянамъ и громадность дикаго генія; онъ зналъ, что если Аттила хотѣлъ войнами и преступленіями создать царство варварства,—то преимущественно для того, чтобы ринуть его на царство цивилизаціи и сокрушить его. Гунны, назадъ тому десять лѣтъ, узнали дорогу въ Галлію; одно изъ коленъ ихъ проникло, въ 436, до Герцинскаго лѣса и разбило Бургундовъ, у береговъ Рейна: впечатлѣніе, произведенное ихъ появленіемъ, было еще живо въ умахъ всѣхъ. За Рейномъ, Франки уже вступали съ ними въ союзы, и могли когда-нибудь призвать ихъ на Римскую имперію; но еще печальнѣе было то, что Багауды снова подымали голову и рассчитывали на будущее вторженіе Гунновъ, чтобы вновь начать междуусобную войну. Узнали даже въ 448, что одинъ изъ ихъ тайныхъ начальниковъ, по имени Евдоксій, искусный медикъ, по чловѣкъ съ умомъ развращеннымъ и направленнымъ на зло, по словамъ историковъ, отправился къ Аттилѣ, звать его въ Галлію.

Къ этимъ свѣденіямъ, къ несчастію, слишкомъ справедливымъ, присоединялись еще слухи о чудесахъ, о предсказаніяхъ, еще болѣе распространявшіе ужасъ. Двѣ кометы явились одна вслѣдъ за другою; землетрясенія случились въ Испаніи и въ Галліи; въ невиданномъ зрѣлищѣ сѣвернаго сіянія—южнымъ народамъ представлялись на небѣ сверкавшія оружія, шибки фантастическихъ легионовъ и кровавыя облака. Не меньшимъ ужасомъ была полна и Италія.

Что же дѣлала Платидія, въ то время, какъ опасности обступали кругомъ имперію?... Покорившись игу своего Магистра *militiae*, она мечтала еще, что царствуетъ, потому что сынъ ея носитъ діадиму, и что ее самоѣ привѣтствуютъ именемъ Августы. Поэзія юныхъ лѣтъ исчезла съ ними вмѣстѣ. Вдова Атаульфа, ѳстарѣвши на тронѣ, стала обыкновенною женщиной, преданной пороку и эгоистическому ханжеству и властолюбію безъ достоинства; сердца материнскаго у нея никогда не было; дѣти ея выросли на рукахъ евнуховъ, безъ нѣжности, безъ попеченій, подверженные всѣмъ случайностямъ ранняго развращенія. Это воспитаніе сдѣлало изъ Валентиніана III—государя слабоумнаго и порочнаго—и общественное мнѣніе, можетъ быть, черезъ чуръ уже строго винило Платидію въ намѣренномъ продолженіи дѣтства сына для продолженія своего регентства. Юная Грата Гонорія, старшая сестра Валентиніана, также лишена была попеченій матери. При восточномъ дворѣ вошло въ моду не отдавать замужъ царственъ, по крайней мѣрѣ за подданныхъ, чтобы такимъ образомъ онѣ сохраняли санъ,—и можетъ быть для того, чтобы допущеніемъ чужихъ въ императорскую фамилію не возбудить честолюбій опасныхъ для государя. Такъ сестры Θεодосія II, по собственному желанію, обрekli себя дѣвству. Платидія, привязанная ко всему, что походило на монархію, ввела этотъ обычай и на западѣ. Она съ самаго дѣтства дала дочери титулъ Августы, съ почестями императорскаго сана, и воспитала ее въ той мысли, что ее никогда не выдадутъ замужъ; но мать рѣшила это не спросясь дочери, въ которой съ лѣтами развились пятинкты совершенно противоположныхъ желаній, и

которой воображеніе представило безъ мѣры грезамъ, тѣмъ болѣе обольстительнымъ, чѣмъ болѣе они ей воспрещались. Среди праздности жизни въ гинскеонѣ, Гонорія питала себя романтическими планами; дочь матерн, исполнившей мнръ шумомъ похощеній, она хотѣла также прнключеній, хотѣла быть любимой и похищенной, плѣнить варварскаго короля, не для того, чтобы обратнть его въ Римлянина, какъ Плицидія Атаульфа, но чтобы возбуднть въ немъ ненавнсть къ Риму, рннуть его на погнбель тѣснвшей ее семьи. Трудность была только въ томъ, чтобы нанть такого варварскаго короля; Готы не стояли болѣе лагеремъ у воротъ Рима, а Гензернкъ былъ далеко.

Въ это время Гонорія (это было въ 434, н ей было 16 или 17 лѣтъ) узнала о восшествіи на тронъ Гунскій Аттила, и объ ужасъ, который внушалъ тогда Римлянамъ этотъ честолюбивый и кровожадный геній—его-то и выбрала она себя въ супруги. Одннъ изъ ея свнуховъ отправллся тайно къ Гунскому королю, въ его деревянный дворець, построенный на болотахъ Тейссы, и передалъ ему, отъ имени царевны, сестры западнаго императора, обручальное кольцо съ посланіемъ. Въ письмѣ своемъ, Гонорія приглашала его объявнть немедленно войну Валентнніану, вступнть въ Италію съ войскомъ, требовать ее себя въ супруги и освободнть ее. Аттила, по всей вѣроятности весьма изумленный, прннялъ кольцо, тщательно спряталъ его, и ннчего не отвѣчалъ.—Гонорія ждала его нѣсколько времени; потомъ, тщетно прождавъ и письма и посланника и войска, утѣшилась съ дворецкнмъ, по имени Евгениемъ. Признаки слишкомъ явные обнчнли скоро ея поведеніе. Плицидія выгнала ее изъ дворца, потомъ изъ города, и отправила на корабль въ Константинополь, гдѣ Θεодосій II-й держалъ ее въ заперти. Все это произошло въ 435. Потомъ, сердце Плицидіи стнхло—она опять призвала къ себе дочь, и позволила ей жнть вмѣстѣ съ собою въ Равеннѣ. Аттила между тѣмъ становнлся все могущественнѣй и могущественнѣй—и Восточная имперія уже признала себя его даннщей. Пятнадцать лѣтъ прошло послѣ посольства къ

нему Гонорію — и надобно было предполагать, что онъ позабылъ ее. Никогда, въ своихъ сношеніяхъ съ западной имперіей, не упоминалъ онъ о своей невѣстѣ; но Аттіла не забывалъ ничего, и всякій предлогъ казался ему хорошимъ, лишь бы только былъ полезенъ. Здѣсь же у него былъ личный предлогъ, и честь имени Θεодосія находилась въ его рукахъ.

Среди такихъ безпокойствъ и горестей, умерла Платидія, 22 Ноября 450 г., 62-хъ лѣтъ отъ роду. Последнее свое жилище она приготовила съ величайшимъ тщаніемъ, въ часовнѣ, которой простую и граціозную архитектуру можемъ мы до сихъ поръ созерцать съ удивленіемъ, близъ монастыря св. Виталія въ Равеннѣ. Она велѣла поставить тамъ, по правую и по лѣвую сторону, двѣ гробницы, одну для брата своего, другую для мужа — для себя же въ глубинѣ, подъ куполомъ, кенотафъ повыше, изъ бѣлаго мрамора безъ изваяній, обложеннаго серебромъ. Тутъ была она и сокрыта, какъ завѣщала, въ одеждѣ императрицы, возсѣдающая на кипарисномъ тронѣ — властолюбіе, движущее начало ея жизни, какъ будто оживляло и ея бранные остатки. Эта царица мертвыхъ уцѣлѣла такъ одиннадцать вѣковъ. Рассказываютъ, что лѣтъ за триста до нашихъ временъ, дѣти, играя въ часовнѣ, бросили огонь въ открытое отверстіе саркофага, и что саванъ на мертвой загорѣлся. Пожаръ обхватилъ скоро кипарисный тронъ, и когда монахи прибѣжали на помощь, они нашли только почернѣлыя кости и кучу пепла. Одинъ изъ нихъ, полюбознательнѣе другихъ, вымѣрлялъ эти кости, которыя показались ему слишкомъ велики — и засвидѣтельствовалъ, что женщина, которой они принадлежали, превосходила ростомъ обыкновенныхъ женщинъ.

Таково последнее извѣстіе исторіи о дочери Θεодосія.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Указатель Москвы. Составленъ, по распоряженію Г. Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, М. Захаровымъ, Ч. I-л. М. 1851 Стр. VI, 203 въ 16 д. л.

Если собрать все, что написано о Москвѣ, составителся огромная библіотека; но, выбравъ изъ этого множества книгъ лишь тѣ, которыя дѣйствительно важны при изученіи Москвы, получимъ очень ограниченное число: нѣсколько сочиненій, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, труды Гг. Снегирева, Погодина, Вельтмана, Забѣлина, Бѣляева — для исторіи и археологін Москвы, Гастева, Андросова, Пассека и Самойлова для статистики, Фишера и Рулье — для мѣстной естественной исторіи, и болѣе почти ничего. Все остальное — или матеріалы, требующіе дальнѣйшей обработки, или сшитыя на живую нитку компіляціи. Даже простаго путеводителя, *guide des voyageurs*, книги въ родѣ тѣхъ, которыя за границею издаются для каждаго сколько — нибудь замѣчательнаго городка, даже и такой книги, удовлетворительной для своего назначенія, у насъ нѣтъ. Изданные въ прежнее время путеводители, начиная съ «Описанія Императорскаго столичнаго города Москвы,» составленнаго Рубаномъ въ 1782 г., до «Путеводителя по Москвѣ», вышедшаго въ 1827, — всѣ они болѣе или менѣе устарѣли; изданные же въ послѣдніе годы не отличаются ни полнотою, ни точностію сообщаемыхъ ими свѣдѣній, — такъ что не только иногородный житель, но и коренной Москвичъ, желая ближе познакомиться съ Бѣлокаменной, остававливается почти на каждомъ шагу съ недоумѣніями и справками. — Поэтому, съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили мы «Указатель Москвы, составленный по распоряженію Г. Московскаго Оберъ-Полиціймейстера.» Конечно, эта книга не можетъ назваться, въ обширномъ смыслѣ, путеводителемъ: она не касается ни до исторіи, ни до статистики столицы, — но съ другой стороны, заключаетъ въ себѣ множество такихъ свѣдѣній, которыя, не входя въ рамку путеводителя, тѣмъ не менѣе необходимы по безпрестанно встрѣчающейся въ нилъ

надобности. Эта книга не для чтенія, а для справокъ; цѣль ея — не столько занимательность, сколько польза....

Вотъ планъ «Указателя», планъ, по видимому, удачно приспособленный къ потребностямъ читателей. Сперва слѣдуетъ мѣстность столицы, размѣщенная, по своимъ подраздѣленіямъ, въ алфавитномъ порядкѣ, большія дороги, бульвары, водопроводы, ворота и т. д.); при каждой мѣстности выставлена часть города, при которой она находится, — и такимъ образомъ «дистанція огромнаго размѣра», «городъ, у котораго, околнцы вѣту», — Москва, почти съ 800-ми улицъ и переулковъ и слишкомъ съ сотнею урочищъ — становится извѣстною, относительно своей топографіи, до малѣйшихъ подробностей. — За мѣстностью слѣдуютъ зданія: соборы, монастыри, церкви приходскія, дворцовыя, домовыя, кладбищенскія, иновѣрческія, зданія казенныя и общественныя — всѣ съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ они находятся. Здѣсь нельзя не поблагодарить составителя, во-первыхъ, за исчисленіе чудотворныхъ иконъ и свямощей, находившихся въ Московскихъ храмахъ, также всѣхъ крестныхъ ходовъ, совершающихся въ столицѣ; во-вторыхъ, за мысль расположить приходскія церкви въ алфавитномъ порядкѣ по тѣмъ наименованіямъ, подъ которыми онѣ извѣстны въ народѣ: это должно значительно облегчать нужныя справки. — За зданіями помѣщены отдѣлы: мѣста правительственныя и другія учрежденія, заведенія богоугодныя, благотворительныя и учебныя, ученныя общества, періодическія изданія, бібліотеки, музеи и проч., — «словомъ, какъ сказано въ предисловіи къ Указателю, собраны главнѣйшія свѣдѣнія, болѣе или менѣе необходимыя въ разнообразныхъ требованіяхъ общественнаго быта, и въ которыхъ рѣдкій изъ насъ не встрѣчаетъ какой-либо надобности. Съ сердечной радостью просматривали мы отдѣлы: Богоугодныя и благотворительныя заведенія. Хорошая Москва никогда не оскудѣвала въ пріютахъ безпомощной старости или осиротѣлаго дѣтства: въ ней считается 113 богадѣленъ (въ томъ числѣ 88 при перьявахъ), 26 благотворительныхъ заведеній, состоящихъ подъ ведомствомъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, 14 школъ, содержимыхъ Благотворительнымъ Обществомъ 1837 года, и 10 пріютовъ; больницъ казенныхъ и общественныхъ 18, кромѣ находящихся при богадѣльняхъ, учебныхъ заведеній и фабрикахъ, частныхъ лечебныхъ заведеній 7. Въ «Указателѣ» при больницахъ показаны условія, на какихъ принимаются въ нихъ больные, съ платою или безъ платы, и какого сословія: эти подробности, разумѣется, очень важны для имѣющихъ нужду въ восстановленіи своего здоровья.

Вторая часть «Указателя» (еще не вышедшая) посвящена одному изъ

главнѣйшихъ значеній Москвы, именно, дѣятельности торговой и промышленной, и заключаетъ въ себѣ самое подробное исчисленіе фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ и торговыхъ заведеній. Свѣдѣнія эти, сколько намъ извѣстно, появятся въ печати еще въ первый разъ, и важность ихъ и польза не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Вобщемъ, нельзя не привести искренней благодарности лицу, по мысли котораго изданъ Указатель. Что же касается до составителя, то онъ исполнилъ свое дѣло тщательно и добросовѣстно; но, какъ говорить самъ, не могъ избѣжать нѣсколькихъ недосмотровъ, по причинѣ «множества разнообразныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ надобно было извлекать данныя для «Указателя,» — и по новости изданій подобнаго рода у насъ — прибавимъ отъ себя. Мы также замѣтили нѣсколько недосмотровъ въ «Указатель.» Такъ, между кладбищами не показаны Преображенское и Рогожское, и ихъ въ «Указатель» можно отыскать только въ спискѣ богадѣленъ; въ перечнѣ урочищъ, составленномъ, впрочемъ, довольно точно, недостаетъ двухъ-трехъ (япр. Каковинка, Подберезки, Тверскіе разоганы); въ числѣ періодическихъ Московскихъ изданій пропущены Сенатскія объявленія; между библіотеками нѣтъ Синодальной, и проч. Не придавая никакой важности этимъ недосмотрамъ, надѣемся однако, что они будутъ исправлены при второмъ изданіи книги, которая, несомнѣнно, должна имѣть обширный кругъ читателей.

Замѣтимъ еще, что цѣна «Указателя» очень умѣренна: за двѣ части, напечатанныя компактно и красиво (по крайней мѣрѣ сколько можно судить по первой), полагается полтора руб. сер.

Краткія Поученія *Магистра Богословскихъ наукъ, Иеромонаха Стефана Матѣвѣва.* М. 1851. 107 стр. въ 8. дол. л.

Небольшая книжка, полная благочестивыхъ размышленій, озаренныхъ свѣточемъ чистаго разума и истинной вѣры. Въ немногихъ, но сердечныхъ словахъ поучитель бесѣдуетъ съ своими слушателями о Св. Писаніи, о Царствѣ небесномъ, о храмѣ Божіемъ, о молитвѣ, о терпѣнціи, о покорности волѣ Божіей во время несчастій и о миролюбіи. Всѣхъ поученій 19: всѣ они одинаково хороши, одинаково проникнуты теплою чувствомъ и христіанскою любовію.

Еще одна усердная лепта, приписанная въ сокровищницу духовной Русской словесности.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВООБЩЕ И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ОБЪ ИСТОРИИ ПРАВЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ ВЪ РОССИИ. Разсужденіе Ординарнаго Профессора Императорскаго С. Петербургскаго Университета, доктора правъ, П. Д. Калмыкова, читанное на публичномъ актѣ Университетскомъ 8-го Февраля 1851. Спб. 91 ст. въ 12 д. л.

Основная мысль «Разсужденія» П. Д. Калмыкова слѣдующая: раскрывъ значеніе и трудность вопроса о *литературной собственности*, указавъ происхожденіе и постепенное развитіе понятія о *литературной собственности* въ исторіи положительныхъ законодательствъ и законовѣдѣній, прослѣдить процессъ этого развитія въ нашемъ отечествѣ.

Отдѣливъ отъ капитала *вещественнаго* собственность надъ произведениями духовныхъ силъ челоука, составляющими капиталъ *невещественный*, который юриспруденція назвала собственностью *литературною* или *художественною*, авторъ останавливается на значеніи и трудности вопроса о *литературной собственности*. Это, по видимому, простое понятіе омногосложивается юридическимъ анализомъ, который раскрываетъ различныя отношенія *сочинителя къ публикѣ и публики къ сочинителю*. Изъ отношеній естественнымъ образомъ вытекаютъ *права*, а отсюда исключительное *право* сочинителя на неоднократное перепечатываніе своихъ произведеній. Это-то право и составляетъ *литературную собственность въ тѣсномъ смыслѣ слова* (*), а твердое огражденіе этого права составляетъ предметъ попеченія настоящихъ положительныхъ законодательствъ.

Какимъ-же путемъ возникло и развилось понятіе о *литературной собственности* въ исторіи законодательствъ?

(*) Подъ *литературною собственностью* въ обширномъ смыслѣ авторъ разумѣетъ: во 1-хъ, собственность сочинителя на подлинникъ или рукопись и право на вознагражденіе его за трудъ, во 2-хъ право личнаго обязательства между сочинителемъ и издателемъ по договору, заключенному ими касательно перваго изданія и продажи подлинника, размноженнаго въ определенномъ количествѣ экземпляровъ, и въ 3-хъ, право на неопредѣленно кратное повтореніе размноженія и продажи. Первые два права не подлежали и не подлежатъ сомнѣнію. Последнее право составляетъ юридическій вопросъ о значеніи *литературной собственности въ тѣсномъ смыслѣ*: вопросъ о призваніи этой собственности и объ огражденіи ея отъ *контрафакціи* или *противозаконнаго перепечатыванія*.

«Сравнительное изучение общей истории положительных законов и законовъдѣнія,» говоритъ г. Калмыковъ, «открываетъ намъ, что у всѣхъ образованныхъ народовъ понятіе о литературной собственности постепенно развивалось опредѣленнымъ и, въ главныхъ чертахъ, однообразнымъ путемъ. Вездѣ въ этомъ развитіи эпоху составляетъ введеніе *книгопечатанія*, раздѣляющее исторію правъ сочинителей на 2 періода: 1-й простирается отъ древнѣйшихъ историческихъ временъ до изобрѣтенія книгопечатанія, періодъ 2-й отъ изобрѣтенія книгопечатанія до нашихъ временъ. Въ первомъ періодѣ, понятія о правахъ сочинителей существуютъ съ самыхъ древнихъ временъ въ сознаніи людей, но, не будучи еще ясно понимаемы, остаются неразвитыми и неопредѣленными. Умственное произведеніе сочинителя, распространенное въ гражданскомъ обществѣ въ дорогихъ по рѣдкости спискахъ, считается общею собственностію, которую всякой можетъ употреблять списываніемъ для себя и на пользу общую. Хотя и въ эти времена возможны были юридическія отношенія между сочинителями и тѣми, которые брали на себя трудъ изготовленія списковъ съ ихъ произведеній, но положительный законъ и наука законовъдѣнія не обращали еще вниманія на эти отношенія по той причинѣ, что литературная дѣятельность не была еще распространена въ гражданскомъ обществѣ и занимала въ немъ слишкомъ незначительное мѣсто. Во 2-мъ періодѣ, книгопечатаніе производитъ быстрый переворотъ умственной и нравственной жизни гражданского общества. Это искусство дало мысли тысячекратные голоса, и, окрыливъ ее, сообщило ей быстроту, до тѣхъ поръ неизвѣстную и даже невообразимую. Типографіи заступили мѣсто переписчиковъ. Литературная дѣятельность оживилась и распространилась, охвативъ весь слои общества: въ слѣдствіе того, умственный трудъ получилъ несравненно большую противъ прежняго цѣнность, не только въ отношеніи къ наукѣ и изящному искусству, но и въ отношеніи хозяйственному. Отсель началось развиваться понятіе о *личныхъ правахъ* сочинителей и издателей и отдѣляться болѣе и болѣе отъ общественной собственности или собственности публики. Сперва эти права были признаваемы и обезпечиваемы посредствомъ привилегій, которыя власть государственная давала извѣстнымъ типографіямъ или книжнымъ промышленникамъ на исключительное перепечатываніе и продажу издаваемыхъ ими книгъ; но при семъ права сочинителей оставались не вполне обезпеченными. По мѣрѣ возвышенія цѣнности умственнаго труда и распространенія литературной дѣятельности стали сознавать въ XVIII столѣтіи необходимость общаго закона, ко-

торый бы точно отдѣлилъ частныя права сочинителей отъ общественной собственности публики, а въ XIX вѣкѣ, особенно во второе его двадцатипятилѣтіе, замѣтна особенная дѣятельность въ законодательствѣ различныхъ народовъ, направленная къ опредѣленію правъ сочинителей и издателей твердыми, положительными правилами.

Отъ общаго взгляда на происхожденіе и развитіе понятія о литературной собственности въ исторіи законодательства авторъ переходитъ къ историческому ходу этого развитія въ Россіи.

И въ нашемъ отечествѣ *понятіе о литературной собственности* возникло и развивалось по тѣмъ-же законамъ. Въ 1-мъ періодѣ посредниками между обществомъ и сочинителями были *писцы*, а книги составляли общее достояніе. Понятіе о томъ, что книги составляютъ общую собственность, авторъ приписываетъ *вліянію Христіанской вѣры и Церкви на просвѣщеніе Русскаго народа*.

«Первые памятники письменности, говоритъ онъ, введены у насъ вмѣстѣ съ ученіемъ Спасителя: это были необходимыя при богослуженіи книги, составлявшія, по содержанію своему, общее достояніе всѣхъ вѣрующихъ. Къ нимъ вскорѣ присоединились *лѣтописи*.... Сверхъ того — *законы* церковныя и гражданскіе, по существу своему, какъ всегда, составляли общую собственность». Авторъ приводитъ лѣтописныя свидѣтельства о Ярославѣ 1-мъ, какъ о ревнителѣ просвѣщенія.

Во время удѣльныхъ смутъ и Монгольскаго ига, по мнѣнію автора, *механическая работа переписыванія рѣшительно должна была получить перевѣсъ надъ трудомъ умственнымъ сочинителя или собирателя*. Средоточіемъ просвѣщенія сдѣлались монастыри. Немногія имена сіяютъ сквозь общій мракъ.

Введеніе книгопечатанія Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV въ 1553 г. (100 л. послѣ изобрѣтенія) составляетъ начало 2-го періода исторіи правъ сочинителей въ Россіи. По благословенію Митрополита Макарія, устроено особый домъ для книгопечатанія подъ руководствомъ 2-хъ мастеровъ: дьякона церкви св. Николая Гостунскаго Ивана Феоорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Въ 1564 г. издана древнѣйшая печатная книга въ Россіи: *Дѣянія и посланія Апостоловъ*. — Далѣе авторъ слѣдитъ за успѣхами тисненія въ Россіи при Годуновѣ и самозванцѣ, указавъ на распространеніе книгопечатанія въ юго-западной Руси, во владѣніяхъ Литовскихъ.

«При Царѣ Михаилѣ Феоодоровичѣ книгопечатаніе Московское было доведено до такого совершенства, что иностранцы давали Россійской типографіи честь равную со всеми тогда извѣстными въ Европѣ.»

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ болриномъ Θεодоромъ Михайловичемъ *Ртищевымъ* устроена (въ 1648) близъ Москвы Преображенская пустынь изъ 30 ученыхъ монаховъ, обязанныхъ переводить и издавать различныя церковныя книги. Въ главѣ этого братства стоятъ ученый Кіевопечерскій іеромонахъ *Епифаній Славинецкій*, которому указомъ Государя повелѣно было перевести всю библію съ греческаго на словянскій языкъ. Епифаній успѣлъ только перевести Новый заветъ: смерть Митрополита Павла, подъ надзоромъ котораго трудился переводчикъ, а вскорѣ и смерть самого Епифанія остановила это дѣло. —

Первые слѣды частной литературной собственности проявляются въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Разрядный дѣльскъ *Θ. І. Грибовъдовъ*, учитель Царевича Θεодора Алексѣевича, получаетъ дозволеніе на заведеніе при дворѣ особой типографіи, въ которой печатаетъ свои сочиненія и переводы (1677 г.); къ этому же времени относится первое вознагражденіе за частный литературный трудъ. Въ 1699 г. дѣльскъ Грибовъдовъ получилъ за написанное имъ «*сокращеніе Россійской исторіи*» отъ Государя жалованья: 40 соболей, да въ приказѣ 50 рублевъ денегъ, отласъ, камку, да придачи къ помѣстному окладу 50 четей 10 рублей; а книга взята къ великому Государю въ верхъ.

Учрежденіемъ Академіи наукъ въ царствованіе Великаго Преобразователя Россіи пробуждается умственная дѣятельность въ нашемъ отечествѣ. Академія наукъ и коммисіи народныхъ училищъ получаютъ привилегіи на печатаніе и продажу книгъ; частный и литературный трудъ становится въ 1-й разъ неприкосновеннымъ; множество частныхъ типографій, сначала иностранныхъ (*Тесинга, Жопіевича* и т. л.), а потомъ и Русскихъ, получаютъ особыя привилегіи на печатаніе Русскихъ книгъ. Постановленіемъ Императрицы Екатерины II типографіи подводятся подъ общій разрядъ *фабрикъ и рукодѣлій*, и типографская промышленность, перейдя въ частныя руки, начинаетъ развиваться съ удивительной быстротою. Но существованіе этихъ, такъ называемыхъ, вольныхъ типографій было непродолжительно: «въ 1796 г.», говоритъ авторъ, «именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату отъ 16-го Сентября, повелѣно эти типографіи, по причинѣ нѣкоторыхъ происходящихъ отъ нихъ злоупотребленій, упразднить и заводить вновь частныя типографіи только по особому дозволенію верховной власти.»

«При Императорѣ Александрѣ Благословенномъ настала новая эра въ процвѣтаніи наукъ и изящныхъ искусствъ... Тѣсно-связанное съ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ народа типографское дѣло

и внутрѣнный порядокъ изданія книгъ учреждены были указомъ 9-го Февраля 1802 г. Въ 1816 году признано право сочинителя на исключительное изданіе его твореній, а Россійская Академія принимаетъ на себя обязанность — *вновь издавать творенія знаменитыхъ писателей, не существующихъ болѣе, если они права печатанія ихъ никому не оставили.*

За тѣмъ авторъ продолжаетъ:

«Достославное царствованіе Императора Николая Павловича составляетъ продолженіе начатаго Александромъ Благословеннымъ. Поощреніе полезныхъ талантовъ наградами, быстрое распространеніе просвѣщенія усовершенствованіемъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, все это представитъ рядъ блестящихъ страницъ въ исторіи нашего времени. Частная литературная собственность, существовавшая до сихъ поръ въ сознаніи образованныхъ людей, но безъ точнаго ея опредѣленія, и потому являвшаяся намъ въ отрывочныхъ безсвязныхъ свѣдѣніяхъ и свидѣльствахъ о ней, въ благополучное нынѣшнее царствованіе впервые была обезпечена положительными законами, на основаніи началъ, выведенныхъ и объясненныхъ наукою и принятыхъ нѣкоторыми современными законодательствами... Въ теченіи 18-ти лѣтъ, съ 1828 (*) по 1846 г. (*) образовались достойныя подробнаго изученія законоположенія о правахъ частныхъ лицъ на произведенія ихъ ума и фантазіи, законоположенія, которыми наше отечество въ правѣ гордиться предъ нѣкоторыми государствами запада, старѣйшаго предшественника нашего на поприщѣ наукъ и литературной дѣятельности; не вездѣ еще встрѣчаемъ такое полное и отчетливое обезпеченіе этихъ правъ, какое существуетъ нынѣ въ могущественной Имперіи Россійской, благоденствующей подъ сѣнію мудраго едиводержавія.»

Упомянувъ объ изготовляемомъ имъ сочиненіи о *Литературной собственности*, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ доказательствамъ пользы изслѣдованій, касающихся этой собственности.

Къ «Разсужденію» присовокуплены крайне-занимательныя прибавленія: 1) *О цыганъ книгамъ въ древней Руси*, 2) *Объ изложеніи книгъ въ древней Руси въ періодъ до-татарскій* 3) *о литературѣ исторіи книгопечатанія въ Россіи*, 4) *о славяно-Россійской грамматикѣ Копіевича*, и 5) *О книгѣ: Театръ или зеркало монарховъ, переведенной Петромъ Беклемишевымъ.*

(*) Годъ изданія *Положенія о правахъ сочинителей.*

(**) Въ 1845 г. признана и обезпечена положительными правдами *музыкальная собственность*, а въ 1846 г. *художественная.*

Мы старались дать по возможности полное понятіе о сочиненіи П. Д. Калмыкова. Изъ сдѣланныхъ нами извлеченій читатели усмотрятъ, что подъ скромнымъ названіемъ *Разсужденій* авторъ представляетъ систематическую обзоръ *Русской письменности*, останавливаясь на всемъ, что можетъ служить указаніемъ на моменты постепеннаго развитія правъ сочинителей въ Россіи. Критикъ остается принести искреннюю признательность почтенному автору за его добросовѣстный трудъ, и пожалѣть, что онъ при своихъ познаніяхъ и талантахъ избралъ предметъ столь тощій и нѣмецкій.

ТАРХАННЫЕ ЯРЛЫКИ ТОХТАМЫША, ТИМУРЪ-КУТЛУКА И СААДЕТЪ-ГИРЯ, съ введеніемъ, переписью, переводомъ и примѣчаніями, изданные *И. Березинымъ*, Профессоромъ Казанскаго университета. Казань, 1851. 56 стр. въ 8 д. л.

Ханскіе ярлыки—единственные памятники письменности, дошедшіе до насъ отъ Золотой Орды, единственные подлинные источники для ея исторіи. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаютъ такъ называемые *тарханские ярлыки*, выдаваемые лицамъ, освобожденнымъ отъ всякихъ гражданскихъ повинностей. Такія лица именуется *тарханами* (*).

«Тарханские ярлыки, говоритъ издатель, имѣютъ весьма важное историческое достоинство: изъ нихъ, какъ изъ несомнѣнныхъ государственныхъ актовъ, видно гражданское устройство въ Золотой Ордѣ. Перечисляемая въ началѣ названія разныхъ должностныхъ лицъ и сословій даютъ возможность опредѣлить составъ общества въ Ордѣ, а исчисленіе повинностей, отъ которыхъ освобождается тарханъ, или другая жалуемая особа, указываетъ на общественныя обязательства гражданъ въ отношеніи къ правительству.»

Изданные г. Березинымъ ярлыки писаны на старомъ Тюркскомъ языкѣ (уйгурскаго нарѣчія), ярлыкъ Тимуръ-Кутлука уйгурскими, а остальные два арабскими буквами. Главная заслуга издателя состоитъ во 1-хъ въ правильномъ чтеніи этихъ ярлыковъ, а во 2-хъ въ возможновѣрномъ ихъ переводѣ съ мало-извѣстнаго языка. Г. Березинъ отчетливо выполнилъ оба эти условія, объяснивъ каждое слово подлинника филологически, или исторически.

(*) Подробное объясненіе *тархана* находится во «Внутреннемъ устройствѣ Золотой Орды», пд. г. Березинымъ.

Тарханных ярлыковъ, переведенныхъ г. Березинимъ, три: 1-й) ярлыкъ Тимурь-Кутлука, перепечатанный съ уйгурскаго письма арабскимъ, выданъ какому-то Мухаммеду, котораго предки были уже тарханами. Тимурь-Кутлукъ съѣзъ на «великое мѣсто» Золотой Орды въ 800 г. *гиджры*. 2-й) ярлыкъ Тохтамыша, нѣсколько древнѣе перваго; пожалованъ Ханомъ *Бекъ-хаджію*, въ подтвержденіе льготъ, дарованныхъ Тимурь-Пуладомъ племени Суткуль. 3-й) ярлыкъ Саадеть-Гирея самый полнѣй, принадлежитъ Тайгію съ сыновьями. Выданъ онъ въ 930 году *гиджры*.

— Для образца предлагаемъ здѣсь переводъ ярлыка *Тохтамыша*:
«Преданъ на Бога и уповаю на милость и благодать Его!

Тохтамышево слово.

Крымской области начальникамъ, во главѣ коней Кутлу-Буга, Бекамъ, духовнымъ судьямъ, духовнымъ законовѣдцамъ, настоятелямъ, старцамъ, секретарямъ палаты, таможникамъ, вѣсовщикамъ, букауламъ, заставщикамъ, какимъ-бы то ни было мастерамъ, всѣмъ.

Такъ какъ Тимурь-Пуладъ повелѣлъ такъ: «владѣющій симъ ярлыкомъ Бекъ-Хаджи съ принадлежащими ему людьми, всѣ нами пожалованы (они платили въ государственное казначейство ежегодно всѣ какіе-бы ни было требуемые расходы съ надбавками). Отнынѣ впредь да не налагаютъ на Суткуль называемые *подушныя*, да не требуютъ подводъ и корму; да не требуютъ на амбары хлѣбнаго харчу; областныя власти да не трогаютъ никакого подчиненнаго Суткулю человѣка внутри Крыма, внѣ, на мѣстахъ остановки; всѣмъ имъ вкупѣ сущимъ, ради освобожденія ихъ отъ требуемыхъ расходовъ, оказыванія покровительства и помощи, написанія паизоваго тарханнаго ярлыка, вы всѣ въ этомъ случаѣ оказывайте безпрекословно содѣйствіе Бекъ-Хаджію,» то по сему дѣлающіе раскладку областныхъ подушныхъ непременно побоятся причинить безпокойство и обиду. Но если ты, Бекъ-Хаджи, говоря: «я есмь вотъ какъ пожалованъ,» станешь причинять насиліе жалкимъ беднякамъ, и тебѣ же добраго не будетъ. Такъ молвя, для держанія дали красно-печатный ярлыкъ. Орда находилась на Дону, на Ур-тубѣ, на степи. Писано въ лѣто обезьяны девяносто четвертаго года, мѣсяца Зулькаада двадцать четвертаго.»

Примѣръ всесвятнаго Словянскаго чароумія въ словѣ мужь, открытый и составленный Платономъ Лукашевичемъ. Кіевъ. 1850. 48 стр. въ 8 д. л.

**Ключъ къ познанію, на всѣхъ языкахъ міра, прѣ-
мыхъ значеній въ названіяхъ числительныхъ именъ
перваго десятка на основаніи всесвѣтнаго Славян-
скаго чаромутія. Открылъ и составилъ Платонъ Лу-
кашевичъ. Кіевъ, 1851, 23 стр въ 8 д. л.**

Краснорѣчивыя заглавія этихъ книгъ отнимають у насъ всякую воз-
можность сказать что-нибудь *за* или *противъ*. Пусть говорятъ самъ
авторъ.

{ Примѣръ всесвѣтнаго Слав. чаромутія . Предувѣдомленіе.)
«Въ 1816 году мною было издано въ С.-П.-Б. любословное (фило-
логическое) мое открытіе: Чаромутіе, (*) или священный языкъ ма-
говъ, князей и волхвовъ, въ 8 большаго формата, стр. 405. Сіе со-
чиненіе было слѣдствіемъ огромнаго моего труда, гдѣ на чаромут-
помъ основаніи, изслѣдованъ мною весь Словяно-Русскій языкъ, а
Латинскій доведенъ до буквы I. Окончаніе онаго не было издано по
причинѣ совершеннаго къ нему невниманія не только публики, но и
ученыхъ.... Съ горестью и презрѣніемъ я взглянулъ на этотъ ничтож-
ный міръ, и, разсудивъ, что я могу еще заслужить спасибо отъ
потомства, написалъ, или, лучше сказать, дописалъ примѣръ всесвѣт-
наго Словянскаго чаромутія въ словѣ мужъ, въ коемъ приводятся
языки народовъ всѣхъ пяти частей свѣта. Статья вышла огромная;
примѣръ съ доказательствами и доводами чуденъ своею точностію и
вѣрностію. Можно сказать, что я, писавши оный, напередъ отгадывалъ
слова.... Въ этомъ примѣръ всесвѣтнаго чаромутія въ словѣ мужъ,
приведены главнѣйшіе языки народовъ всѣхъ пяти частей свѣта, по
сравнительному словарю всѣхъ языковъ и народовъ, изданному въ
С.-П.-Б. въ четырехъ томахъ въ 1790—1791 г.; примѣръ списанъ почти
совершенно сходно съ черновой моей рукописи, изъ которой посланъ
былъ сказанный списокъ его въ Петербургъ для изданія и которымъ
теперь покушаются завладѣть. Хотя въ немъ совершенно объяснены и
показаны законы всесвѣтнаго чаромутія въ словѣ мужъ по десяти вы-
говорамъ *юса* (первоначальной носовой гласной) и образъ усѣченій
этого же слова (по черному овѣмѣнію), и также переходъ буквы
z въ d: но...»

Тутъ авторъ, жалующійся на присвоеніе *кльмъ-то* его открытія,
покорнѣе проситъ присвоителя «въ срокъ, не далѣе четырехъ мѣ-

(*) Чаромутіе или градоправіе, по объясненію автора, основывается на обрат-
номъ чтеніи словъ. *Чары*, по его толкованію значать также и буквы.

сдѣвъ отъ сего начертанія, побезпоишься написать *продолженіе* этого примѣра, такъ-какъ онъ еще не оконченъ здѣсь печатаніемъ.

Далѣе авторъ объясняетъ значеніе слова мужъ. По его мнѣнію, это слово во всесвѣтномъ Славянскомъ чаромутіи имѣетъ тайное знаменованіе: *смертный*, а смерть означаетъ сонъ. Впрочемъ это значеніе «крылось въ истотномъ Словянскомъ только тогда, когда въ слово мужъ вставлялась буква *р* (рцы). Безъ этой вставки оно означало мочь, могущество, владычество. Но въ чаромутныхъ языкахъ, продолжаетъ авторъ, все это смѣшивается: въ одномъ мужъ означаетъ *сонъ*, въ другомъ *смерть*, въ третьемъ *чело*, въ четвертомъ *лице*, въ пятомъ *высоту*, еще въ другихъ: *мочь*, *власть*, *языкъ* или *слово*.» Кромѣ того мужъ иногда значить отца, мать, жену, брата, сестру, сына, дочь, дѣву и дитя. Изъ этого-же слова образуются мѣстоимѣнія личные и члены. Наконецъ видоизмѣненія слова мужъ означаютъ: землю, солнце, мѣсяцъ, и вселенную.

За тѣмъ авторъ, раздѣливъ чаромутіе на 2 отдѣленія, ростое и ключевое, придавъ къ нимъ еще третье со вставкою буквы *р* (рцы), и подраздѣливъ всѣ три отдѣленія на разряды, приступаетъ къ примѣру всесвѣтнаго Славянскаго чаромутія въ словѣ мужъ, по десяти выговорамъ юса.

Къ сожалѣнію, предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ дѣлать много выписокъ, а потому перейдемъ ко второй книгѣ г. Лукашевича, къ *Ключу-познанія* и т. д.

Попросимъ опять самого автора сказать нѣсколько вступительныхъ словъ.

«Преодолѣвъ столь великія, повидимому, никогда не разрѣшимыя задачи по всемъ раздѣленіямъ Славянскаго чаромутія, я симъ еще не ограничился... Известно, что названія счетовъ (числительныхъ именъ на перваго десятка), на всѣхъ языкахъ міра, удивительно какъ разнообразны и въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ совершенно непонятны. Повидимому это пустой звукъ, произвольный наборъ словъ, такъ что сіи слова или названія невозможно объяснить тѣмъ-же языкомъ, на которомъ они приняты безъ особаго таинственнаго ключа. Я это совершенно проникать: зная, что сіи названія могли «*поверхностно*» имѣть смыслъ «*простонародный*,» въ родѣ томъ, какъ я объяснилъ счетъ Словянскій (которой есть дѣйствительно таковой) въ чаромутіи (стр. 88—89), по онъ долженъ непременно заключать въ себѣ что-то любопытное. Тогда, разсмотрѣвъ сіи названія счетовъ попристальнѣе, сталъ читать ихъ на всѣхъ языкахъ міра...»

(Авторъ видитъ въ названіяхъ счетовъ любопытные памятники языка ского вѣрованія.)

Вотъ какъ, напримѣръ, авторъ читаетъ въ Славянскомъ или основномъ счетѣ число пять:

«Ѣ пять (выговаривать должно: *пенть*) пѣнць по - Польски—патце, *пять* по-Балабандски; *polire*, владѣть, по-Латински. И *обратно*: *i* пять=тѣпъ=табу, пять, по Монгольски; табъ, *пальцы*, по Котски; *тюбайне*, пальцы по Самоѣдски—Въ чаромутѣн, на всѣхъ языкахъ міра, слово пять означаетъ: или часть цѣлаго, т. е. пальцы (отъ числа *пять*) или цѣлое—*руку*, а въ переносномъ смыслѣ оно означаетъ *власть*. Рука—рака по Булгарски, и *обратно*: гаръ, рука по Брачки и Монгольски; гаръ, домъ (отъ власти, владѣнія оныхъ. Отсюда Латинское: *domus*, домъ и *dominium*, обладаніе), по Индѣйски. Ренка. рука, по Польски; отсюда: ранга, рука по Новозеландски (не забудемъ въ Полинезій) и Латинское: *regno* (вм. *genpno*); управляю, господствую. и т. д. Сверхъ этого полугласная ѣ въ словѣ пять означаетъ древнѣйшее окончаніе (какъ нынѣ въ малороссійскомъ нарѣчій) глаголовъ настоящаго времени, третьяго лица обонихъ чисель.

Пять-владѣть.»

Подобное-же чтеніе, прямое или обратное, вспомошествоваемое надлежащимъ остроуміемъ и пропизательностію, открываетъ автору, что *единъ*, *еденъ* - человекъ, *два* - богъ, дива или дева; *три* - земли (род. надежъ), *четыре*, *четверть*—коей твердью, материкомъ, *пять* (какъ сказано выше) - владѣть, *шесть* - сей есть, *седьмь* - сѣдѣишій, занимающій мѣсто, *Осьмь*, *восемь* - межю, между (чаромуть), *девять* - девами, дивами (богами), *десять* - духами.

Смыслъ Славянскаго, основнаго счета выходитъ у г. Лукашевича слѣдующій: «человекъ дева земли, коей *твердию* (материкомъ) владѣть: сей есть сѣдай между девами, духами (т. е. отъ девъ, духовъ)». Такой-же смыслъ, съ небольшими уклоненіями, представляетъ г. Лукашевичу чтеніе другихъ счетовъ: Латинскаго, Греческаго, Нѣмецкаго, Осетянскаго и счета на языкъ жителей острововъ Маркизскихъ и Сандвичевыхъ.

Въ доказательство того, какъ твердо убѣжденъ авторъ въ непогрѣшительности своей находки, приведемъ собственныя его слова, которыми заключается «*Ключъ къ познанію*», и т. д.

«Главнѣйшіе законы составленія рѣчи человѣческой мною уже совершенно раскрыты и на половину издаши; что-же касается до осталь-

ныхъ здѣсь упоминаемыхъ слѣдствій сего открытія, то это ужъ дѣло болѣе легкое и, можно сказать, само собою раскрывается. Прежде я спрашивалъ дать мнѣ названія счетовъ перваго десятка, на какомъ угодно языкѣ, и на томъ-же языкѣ нѣсколько словъ для меня нужныхъ; но вскорѣ, сверхъ этого, можно будетъ положительно еще присоединить: дайте мнѣ на письмѣ нѣсколько нужныхъ для меня словъ, на языкѣ какого угодно народа, скажите—подъ какою широтою (все равно-сѣверною или южною) онъ обитаетъ: и тогда можно вѣрно опредѣлить: на какомъ мѣстѣ земнаго шара эти слова, у совершенно другаго народа, тоже самое имѣютъ значеніе въ простомъ или въ обратномъ чтеніи.»

Не знаемъ, найдутся ли въ свое время желающіе провѣрить г. Лукашевича на опытъ; но съ своей стороны рѣшаемся сдѣлать ему маленькое предложеніе. Не угодно-ли будетъ ему, на основаніи все-свѣтнаго Славянскаго чаромутія, объяснить счетъ китайскій. Вотъ этотъ счетъ: 1-и, 2-эль, 3-санъ, 4-сы, 5-у, 6-лю, 7-цы, 8-па, 9-дзо, 10-ши.

Да не сочтетъ авторъ нашего предложенія за назойливый вызовъ на чаромутное состязаніе. О, нѣтъ! смѣемъ увѣрить почте нѣйшаго автора, что предложеніе наше вызвано единственно желаніемъ—удовлетворить крайнее наше любопытство. Работа г. Лукашевича въ высшей степени примѣчательная и ужасная, и мы не понимаемъ, какъ до сихъ поръ специалисты не примутъ на себя труда—вывести автора изъ заблужденія или принять его положеніе въ какой бы то ни было степени.

ПРАВОСЛАВІЕ, САМОДЕРЖАВІЕ И НАГОДНОСТЬ, ТРИ НЕЗЫВЛЕМЫЯ ОСНОВЫ РУССКАГО ЦАРСТВА. Соч. Ф. Ляликова, Изданіе 3, дополненное, Одесса. 1851. 49 стр. въ 8 д. л.

Литературная опѣнка этого сочиненія была уже однажды сдѣлана въ Москвитинѣ, а третье изданіе свидѣтельствуетъ объ его успѣхѣ.

ГАЛЛЕРІЯ МОНТЮНОВСКИХЪ ПРЕМІЙ. Изданіе второе, дополненное пояснительными примѣчаніями. Одесса, 1851, 263 стр. въ 12 д. л.

И объ этомъ сочиненіи высказано было, въ свое время, мнѣніе Москвитянина. Повторимъ вкратцѣ: мысль автора, объясненная въ заглавіи, очень хороша; выполненіе этой мысли заслуживаетъ полнаго одобренія, а переводъ весьма-весьма удовлетворителенъ. Даже неизбѣжныя галлицизмы встрѣчаются очень рѣдко. Изданіе и гравюры изящны.

Исторія Россіи отъ древнѣйшихъ временъ. Томъ 1-й.
 Соч. *Сергія Соловьева*. Москва, въ Унив. тип. въ 8 долю,
 с. 279, LXI, 14.

....

(Сообщено).

Глава 1-я.

Природа Русской Государственной области и ея вліяніе на Исторію. Главу эту авторъ начинаетъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ еще Геродотомъ, что племена, населявшія тогда нынѣшнюю Россію, ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Мы пока не знаемъ, какой выводъ можно сдѣлать изъ этого замѣчанія, и какое отношеніе имѣетъ оно въ этомъ видѣ къ Русской исторіи; ибо на всемъ земномъ шарѣ люди ведутъ образъ жизни сообразный съ занимаемою ими мѣстностію. Впрочемъ г. Соловьевъ не долго удерживаетъ въ этомъ повѣдѣніи: онъ въ слѣдъ за упоминаніемъ дѣлаетъ свой слѣдующій выводъ. «Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешествіемъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областію одного государства; отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними».

Намъ хотѣлось оправдать этотъ выводъ г. Соловьева и географіею и исторіею Руси; но при всѣхъ усиліяхъ съ нашей стороны онъ оказался въ совершенномъ противорѣчій съ тою и другою. Это правда, что пространство отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго, не имѣетъ никакихъ сколько-нибудь значительныхъ возвышеній; но не смотря на это, кто хотя разъ въ жизни проѣзжалъ отъ Архангельска до Азова или Одессы, изъ Петербурга до Астрахани или Кизляра, тотъ конечно скажетъ, что географически такого вывода сдѣлать нельзя; ибо низовья Днестра, Днѣпра, почти весь Донъ, треть Волги отъ устья вверхъ орошаютъ страну, которая совершенно не походитъ на остальное пространство Русской земли отъ Оки до Бѣлаго и Балтійскаго моря.

На югъ отъ Оки путешественникъ, куда бы онъ ни посмотрѣлъ, прямо ли, или на востокъ, или на западъ, видитъ всюду обширныя степи, изрѣдка орошаемыя рѣками, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ безводнѣе; оборачиваясь же на сѣверъ, тотъ же путешественникъ во всѣ стороны встрѣчаетъ мелко всхолмленныя обширныя пространства, покрытыя лѣсами, изрѣзанныя множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ, и частію, особенно къ сѣверозападу, устѣяныя озерами и болотами. Ясно, что одна половина Русской земли не походитъ на другую, что каждая имѣетъ свой особенный характеръ, что здѣсь нѣтъ однообразія. И это было замѣчено еще нашими предками: отъ XI до XVII столѣтія всѣ наши лѣтописи, Кіевскія, Волинскія, Московскія, и всѣ официальные памятники, дошедшіе до насъ, пространство на правомъ берегу Днѣпра на югъ отъ Роси, и на лѣвой сторонѣ Днѣпра на востокъ отъ Сулы и на югъ отъ Семи постоянно называютъ полемъ-степью; тоже наименованіе Московскіе официальные памятники даютъ всему пространству на югъ отъ Оки до Чернаго и Каспійскаго моря, а Волинская лѣтопись нижнее течение Днѣстра и восточнаго Буга называетъ понизьемъ, подоліей. Можетъ быть умный Геродотъ поддержитъ выводъ, сдѣланный г. Соловьевымъ, изъ его же книги, но и Геродотъ отказывается помогать: онъ не доходилъ до Оки, ему вовсе не извѣстна сѣверная половина Русской земли. Итакъ географически выводъ, сдѣланный г. Соловьевымъ, не принадлежитъ Русской землѣ; его можетъ быть нужно будетъ сберечь про запасъ для Мопгольскихъ степей, для пампъ Южной Америки, или для пустынь Аравіи.

Исторію, выводъ, сдѣланный авторомъ, также не оправдывается. Онъ говоритъ: «Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ». Это все правда; но не въ отношеніи къ Русской землѣ, которая, какъ мы видѣли, раздѣляется физически на двѣ половины не похожія другъ на друга, и еще дѣлится на нѣсколько частей по климату и по другимъ условіямъ мѣстности, которыя разнообразятъ условія занятій и обычаевъ народонаселенія. Исторія ясно говоритъ, что степная половина Русской земли постоянно была занята кочевниками, начиная отъ кочующихъ Скивовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ, до Половцевъ и Татаръ, извѣстныхъ по нашимъ лѣтописямъ; а на сѣверъ и западъ отъ степей всегда жили племена болѣе или менѣе осѣдлыя, частію земледѣльческія, частію звѣроловныя и частію торговлыя; и племена сія, какъ степныя, такъ и не степныя, чрезвычайно разнообразились въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ. Это замѣтилъ

и Геродотъ, а пашъ Несторъ даже объ однихъ Славянскихъ племенахъ прямо и ясно говоритъ: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и предаиша, каждо свой нравъ» (*).

Далѣе выводъ г. Соловьева уже не согласенъ ни съ какою исторіею: онъ утверждаетъ, что одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія. А по свидѣтельству исторіи, кочевники, живущіе въ одной степи и завивающіеся однимъ дѣломъ, находятя чуть не въ безпрестанныхъ расприхъ другъ съ другомъ.

Наконецъ г. Соловьевъ въ послѣдствіи даже самъ противорѣчитъ своему выводу, говоря, что юговостокъ Русской земли съ незапамятныхъ временъ былъ привольемъ кочевниковъ, а на берегахъ Днѣпра и его притоковъ на востокъ и западъ, селятся племена земледѣльческія съ характеромъ Европейскимъ (**).

Но оставя общій выводъ о географическомъ положеніи Росской земли, такъ неудачно выдавшійся автору, мы обратимся къ болѣе частнымъ очеркамъ или подробностямъ, которыя должны вытекать изъ сего вывода. Въ этихъ подробностяхъ у г. Соловьева первое мѣсто занимаетъ расселеніе Славянъ по Русской землѣ. Онъ говоритъ, что «Славянскія племена при движеніи съ юга на сѣверъ должны были встрѣтиться съ племенами Финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій; легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много.... все это произошло тихо, не замѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли никому не принадлежащей.... однимъ словомъ, здѣсь преимущественно имѣло мѣсто заселеніе, колонизація страны.... Мы видимъ, что Князья наши съ самаго начала преимущественно заботятся о построеніи городовъ, о населеніи пустынныхъ пространствъ; извѣстно, какъ и послѣ Московское государство разширяло свои предѣлы на востокъ и юговостокъ, занимая и населяя пустынные пространства». Что Славянскія племена при движеніи съ юга на сѣверъ встрѣтились съ Финскими племенами, это такъ, и что преданіе не сохранило намъ извѣстій объ ихъ враждебномъ столкновеніи, и это вѣрно; но предполагать, что Славяне и Финны не очень ссорились за землю, которой было такъ много, рѣшительно нельзя: ибо, хотя земли было и много, но не вся же земля была одинакова, и конечно Финны, какъ первые поселенцы страны, естественно заняли лучшія мѣстности; Славяне, пришедшіе послѣ, естественно по сему должны были искать мѣстностей занятыхъ Финнами, т. е. сгонять

(*) Лавр. 6. (**) Стр. 2.

Финновъ; вотъ и причина столкновеній и борьбы на смерть. Финны не могли оставить своихъ жилищъ безъ борьбы; и ежели уступали ихъ Славянамъ, то только послѣ упорной защиты; и только уже побѣжденные, или удалялись глубже на сѣверъ, или подчинялись побѣдителямъ, сперва конечно платили имъ лсакъ, а потомъ, совершенно затертые пришельцами, ославянивались. Это доказательство а priori, а есть и прямыя извѣстія лѣтописей, ясно показывающія, какимъ способомъ Славяне занимали земли въ Финскомъ краю: извѣстія сіи прямо свидѣтельствуютъ, что здѣсь была борьба, и сильная, что Славяне не мирно дѣлились землею съ Финнами, но отнимали ее, и подчиняли себѣ Финновъ. Такъ лѣтопись подъ 1040 годомъ говоритъ: «Володимеръ иде на Емь съ Новгородцы» (1); или подъ 1069 годомъ: «пособи Богъ Глѣбу Князю съ Новгородци, о велика баше съца Вожаномъ » (2); а подъ 1079 годомъ: «Убиша за Волокомъ Князя Глѣба», т. е. во время похода его на Финновъ (3); или подъ 1103 годомъ: «побѣдиша Ярослава Мордва Муромъ (4); или подъ 1111 годомъ: «Ходи Мстиславъ на Очелу»; или подъ 1116 годомъ: «Иде Мстиславъ на Чудь съ Новгородци» (5); потомъ подъ 1130 годомъ: «Иде Всеволодъ съ Новгородци на Чудь» (6); или подъ 1193 встрѣчаемъ подробное извѣстіе о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую сторону (7). (*)

Конечно мы не имѣемъ лѣтописныхъ извѣстій о томъ, какъ утвердились Славяне въ Ростовской и Белоозерской землѣ между Финнами; но до призванія Варяговъ у насъ почти нѣтъ никакихъ лѣтописныхъ извѣстій; следовательно изъ этого еще не лзя заключить, чтобы занятіе этого края Славянами было сдѣлано мирно, только посредствомъ одной колонизаціи. А напротивъ, такъ какъ Новгородскіе Славяне были одни и тѣже, которые занимали Ростовскую землю, и которые захватывали земли Финскаго племени въ XI и XII столѣтіяхъ, да и Финны были одинъ и тотъ же народъ и въ Ростовской землѣ, и въ Заволочѣ, и на западъ отъ Новгорода; то скорѣе можно заключить, что и до призванія Варяговъ Финскія земли были заняты Славянами также при помощи завоеваній, какъ они такимъ же способомъ занимались по прибытіи Варяговъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Это правда, что здѣсь не было завоевано одно государство другимъ государствомъ; но все же водвореніе Славянъ въ Финскомъ краѣ не лзя назвать мирнымъ занятіемъ земли никому не принадлежащей, какъ то утверждаетъ авторъ; все таки

(1) Повг. лѣт. стр. 2. (2) ibid. (3) ibid. 3. (4) ibid. (5) ibid. 4. (6) ibid. 6. (7) ibid. 21. Этотъ списокъ Финскихъ войнъ можно увеличить вдвое. П. М.

Финскія земля были отняты силою, и колонизація послѣдовала только послѣ насильственнаго отнятія; что доказывается еще и тѣмъ, что Финны въ Ростовскій и Бѣлозерскій землѣ ославянились, т. е. что побѣдители, какъ племя болѣе развитое, болѣе образованное, не только зняли землю, но и уничтожили самую народность побѣжденныхъ. †

Но г. Соловьевъ такъ увлекся своею мыслію о колонизаціи, что по его мнѣнію даже и Варяжскіе Князья, утвердившіеся въ Кіевѣ и другихъ городахъ, да и сами Государы Московскіе, расширяли предѣлы своихъ владѣній на востокъ и юговостокъ, занимая и населяя пустынные пространства. Не знаемъ, гдѣ вычиталъ, и гдѣ почерпнулъ авторъ такіа повѣя свѣдѣнія; по Русскимъ же лѣтописямъ и оффиціальнымъ памятникамъ ничего подобнаго не лзя отыскать. Это правда, что Кіевскіе Князья строили города по Роси и около Кіева, Переяславскіе Князья строили ихъ по Сулѣ и даже за Сулою, Черниговскіе по Семи, Деснѣ и Остру; но города сіи строились на Кіевской же, Переяславской и Черниговской землѣ, которая была уже завоевана Князьями, и въ построеніи ихъ была цѣль не расширенія предѣловъ области, а укрѣпленія границъ; то же должно сказать о Князьяхъ Суздальскихъ: они строили города въ своей, а не чужой землѣ, слѣдовательно такимъ построеніемъ не расширяли своихъ владѣній. Московскіе Государы, правда, ставили города въ Казанской землѣ, въ странѣ Мордвы и Черемисы, и въ степяхъ Заокскихъ, но города сіи не были представителями мирной колонизаціи, а напротивъ того являлись въ слѣдствіе завоеваній собственно для удержанія земель, занятыхъ силою, или для укрѣпленія границъ, къ каковымъ принадлежатъ всѣ городки и сторожевые притоны ца югъ отъ Оки; они даже и населены были преимущественно военными людьми.

Приступая собственно къ географіи, г. Соловьевъ дѣлитъ Русскую землю на четыре области, по его словамъ: « Особыя рѣчныя системы опредѣляли вначалѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныхъ части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси; четвертую область верхней Волги область Ростовская ». Мы рѣшительно не знаемъ, къ какому времени отнести такое дѣленіе; его просто никогда не было на Руси, ни ясно, ни подразумеваемо. До Варяжскихъ Князей Русская земля была раздѣлена между Славянскими и Финскими племенами безъ отношенія къ показаннымъ рѣчнымъ системамъ; при Рюрикѣ область, признавшая его власть, начиналась у Чуд-

скаго озера Изборскомъ, и на сѣверовостокъ шла до Бѣла-озера, и потому захватывала всю землю Ростовскую до Муромъ, и на югозападѣ оканчивалась Полоцкомъ; по смерти Гюрика Олегъ занялъ Двѣпровскій и частію Двѣстровскій край; послѣ Святослава земля Русская раздѣлилась на 3 части, княженія: Древлянское, Кіевское и Новгородское; по смерти Ярослава являются области или княженія Волынское, Кіевское, Переяславское, къ которому принадлежитъ и Ростовская земля съ Поволожьемъ, Черниговское, которое считается въ своей области Тмутаракань и все теченіе Ови до Муромъ, Смоленское, Полоцкое и Новгородское. Въ XII вѣкѣ отъ Кіевского княженія отдѣляется Туровское, отъ Волынскаго Галицкое, отъ Переяславскаго земля Ростовская или Суздальская, отъ Черниговскаго Рязань съ Муромомъ, потомъ владѣнія дробились еще мельче; въ XIII вѣкѣ явилась Русь Литовская, которая обнимала собою теченіе Двѣпра и всѣхъ его притоковъ и теченіе западной Двины и Немана съ притоками; въ XIV вѣкѣ вышла на поприще исторіи Русь Московская; но Руси Волжской, Двѣпровской, Западно-Двинской и Озерной никогда не бывало даже въ отношеніи интересовъ областей или княжествъ, расположенныхъ по той или по другой рѣчной системѣ; такъ по Двѣпру княженія Кіевское и Черниговское почти всегда шли врознь другъ отъ друга; область Западной Двины никогда не стояла отдѣльно отъ области притоковъ Двѣпра на сѣверозападѣ; область Озерная или Новгородская всегда была обширнѣе системы озеръ: она захватывала часть Волжской и Двинской системы; а Волжская область до XVI вѣка постоянно была раздѣлена между Князьями Суздальскими, Рязанскими и потомками Черниговскихъ князей, которые не имѣли ничего общаго между собою и жили отдѣльною жизнью, съ своими часто противоположными интересами; кромѣ того и собственно Суздальскія древнія владѣнія въ послѣдствіи были раздѣлены на Тверскія, Московскія, Ростовскія и Нижегородскія, изъ которыхъ каждое имѣло свои интересы и свою особую жизнь. Слѣдовательно дѣленіе Русской земли на четыре области по системамъ рѣкъ въ древности никогда не существовало, и приписывать ее древности, какъ то дѣлаетъ г. Соловьевъ, значитъ взводить на исторію небылицу, и притомъ безъ пользы и нужды, ибо таковой системой ничего не лзя ни опредѣлить, ни объяснить въ изшедшей исторіи, что ясно, хотя безсознательно и противъ себя, доказалъ самъ г. Соловьевъ, какъ сей-часъ увидимъ, при разборѣ каждой области отдѣльно.

Объясняя свою Новгородскую область, г. Соловьевъ говоритъ: «область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ

составляет озеро Ильмень; следовательно естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близъ лежащихъ озеръ; и дѣйствительно мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ Волги, Днѣпра и западной Двины (*) . Но въ исторіи нѣтъ вовсе извѣстій о такихъ границахъ по волокамъ Волжской, Днѣпровской и западно-Двинской рѣчныхъ системъ. Правда, мы знаемъ, что въ болѣе позднее время городъ Волокъ-Ламскій былъ пограничнымъ Новгородскимъ городомъ съ Московскими владѣніями, но онъ былъ слишкомъ далеко отъ истоковъ Волги, и вовсе не на границахъ Волжской рѣчной системы съ озерной, а на рѣкѣ Ламѣ, т. е. при волокѣ съ Верхне-Волжской рѣчной системы на Окскую; потомъ къ сѣверо-востоку владѣнія Новгородскія шли по Мологѣ, впадающей въ Волгу, гдѣ была Бѣжецкая пятна, а Молога по-конямъ образомъ не можетъ принадлежать къ озерной системѣ, и здѣсь вовсе нѣтъ волоковъ, которые бы отдѣляли Новгородскія владѣнія отъ Ростовскихъ. Далѣе къ сѣверовостоку въ такъ называемомъ Заволочьи Новгородскія владѣнія простирались по Онегѣ и сѣверной Двинѣ до Бѣлаго моря, и потомъ до Печеры и до Уральскихъ горъ, гдѣ жили Новгородскіе даники Югра. Здѣсь исторія ясно говоритъ, что волоки вовсе не были границами, ибо за волокомъ къ Двинѣ и Онегѣ, владѣнія Новгородскія простирались на тысячи верстъ, чего не отвергаетъ и самъ авторъ; ибо говоритъ : « Коловіи Новгородскія простирались въ области Онеги, сѣверной Двины и далѣе до самаго Уральского хребта », следовательно волею-неволею сознается, что область Новгородская въ эту сторону не ограничивалась ни озерною системою, ни волоками; т. е., ясное сказать, самъ признаетъ несостоятельность своего дѣленія Русской земли по рѣчнымъ системамъ. Если гдѣ и ограничивались Новгородскія владѣнія озерною системою, то только на югозападѣ; здѣсь дѣйствительно Новгородская граница не касалась ни Днѣпровской, ни западно-Двинской рѣчныхъ системъ; но на перекорь г. Соловьеву, она не доходила и до Волоковъ; ибо Великіе Луки и Опочка, южные пограничныя города Новгородскіе, были далеко отъ волоковъ къ западной Двинѣ и Днѣпру. Говоря о западной границѣ Новгородскихъ владѣній, г. Соловьевъ даже не поддерживаетъ своей озерной системы, и обрѣзываетъ эту границу озеромъ Ильменемъ, гдѣ былъ выстроенъ Новгородъ; по его словамъ: « Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на

(*) Стр. 6.

сѣверъ, не утвердилось въ половинѣ IX вѣка нигдѣ на берегахъ моря; на встрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильмея, гдѣ дѣляется Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли.... Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами;... наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на последнемъ самомъ важномъ пунктѣ озерной системы» (1). На сколько это показаніе г. Соловьева согласно съ извѣстными лѣтописей и официальныхъ памятниковъ, мы сей-часъ увидимъ. По свидѣтельству Исландскихъ сагъ, Порманы или Варяги, еще въ первой половинѣ IX вѣка, пріѣзжали торговать съ Голмгардцами на берегахъ Балтійскаго моря, а случалось, что и производили тамъ грабежи иногда удачные, иногда неудачные (2); а сага Гаунга-Грольфа прямо говоритъ, что владѣнія Новгородскія или Голмгардскія по восточному берегу Балтійскаго моря простирались до Ютунгейма (3). Самъ Несторъ, назвавъ Неву устьемъ озера Ладожскаго, съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы сказалъ, что Нева принадлежала уже Славянамъ Новгородскимъ, у которыхъ была уже выстроена Ладога не вдалекѣ отъ устья Волхова въ Ладожское озеро; о древности Ладоги сомнѣваться не лзя: о ней упоминаютъ Скандинавскія саги еще за долго до Рюрика, она у нихъ называется Аддейгобургомъ; по нашимъ лѣтописямъ, кромѣ Невы, Новгородцамъ принадлежало все теченіе Луги вплоть до моря, ибо Вотъ и Ижора, жившіе тутъ издавна, были данниками Новгородца; стоитъ только припомнить рассказъ лѣтописца о битвѣ Александра Невскаго со Шведами; тамъ прямо сказано, что Пелгусій Ижеравинъ былъ поставленъ отъ Новгородцевъ начальникомъ морской стражи (4); а въ писцовыхъ книгахъ Новгородскихъ XV вѣка, къ сторонѣ по Невѣ былъ расположенъ Городенскій погостъ, въ которомъ считалась 91 деревня, изъ коихъ 39 лежали по берегамъ Невы, и одна, самая большая, на Ооминѣ Островѣ въ самомъ устьѣ Невы, въ морѣ; въ этой деревнѣ было и областное управленіе Городенскаго и Карбосельскаго погостовъ; а другія деревни были расположены по Охтѣ, Мойкѣ и другимъ рѣ-

(1) Стр. 5 — 6. (2) Antiquites Russes, T. I. стр. 88, 116. 23 — 34. (3) ibid. 233. (4) Лавр. 105.

камь, и по Ладожскому озеру; въ другихъ погостахъ Вотьской пятины изчисляется нѣсколько деревень по берегу моря, и при устьѣ Луги. Слѣдовательно все теченіе Невы, за долго до Петра, принадлежало Новгородцамъ, и было утрачено только на время въ началѣ XVII столѣтія, когда Шведы захватили Новгородъ. Конечно, въ устьяхъ Невы и Луги, и по берегу Балтійскаго моря, въ этомъ краю мы не встрѣчаемъ Новгородскіихъ городовъ; но это еще вовсе не доказываетъ, что этотъ край до моря не принадлежалъ Новгороду; владѣи всѣмъ теченіемъ Луги и Невы, Новгородцы вовсе не имѣли нужды строить городовъ при устьяхъ сихъ рѣкъ; ибо по объему тогдашнихъ судовъ русскихъ и иностранныхъ нужнѣе были пристанища внутри на рѣкахъ, а не при устьяхъ; при томъ же для Новгородцевъ нужнѣе было, чтобы торговля и богатства сосредоточивались въ самомъ Новгородѣ, а не въ какомъ-нибудь приморскомъ пригородѣ. Совсѣмъ иное дѣло, ежели бы при устьяхъ Невы и Луги или по морскому берегу въ этомъ краю были какіе-нибудь Нѣмецкіе или Шведскіе города; тогда это значило бы ясно, что здѣшній морской берегъ не принадлежалъ Новгородцамъ; говорить же, что этотъ берегъ и устья рѣкъ были ни чьи, значить не понимать исторіи; ибо на такомъ бойкомъ торговомъ пути ни чьей землі быть не могло; ежели бы не догадались захватить ее Новгородцы, то не замедлили бы утвердиться здѣсь Нѣмцы или Скандинавы, — утвердились же они въ Ригѣ, Ревелѣ и Нарвѣ; а конечно нѣмецкій городъ въ устьѣ Невы принесъ бы для Нѣмцевъ чрезвычайныя выгоды: они тогда бы захватили всю Новгородскую торговлю, и ни одной бы Новгородской ладьи не пропустили въ море.

При описаніи границъ Западно-Двинской системы г. Соловьевъ также уничтожаетъ самъ свою Кривскую или Полоцкую область. Онъ ясно говоритъ, что верховья Двины принадлежали Смоленскимъ князьямъ, среднее теченіе Полоцкимъ и низовья Нѣмцамъ; слѣдовательно Двинская система никогда не составляла одной области; и для какихъ цѣлей устроена г. Соловьевымъ эта небывалая область, не извѣстно.

Подобное описаніе Днѣпровской области подвергается той же участи, какъ и описаніе двухъ предшествовавшихъ областей. Г. Соловьевъ при всемъ желаніи поддержать цѣлость этой мнимой области, никакъ не можетъ устроить этого: исторія представляетъ неодолимыя препятствія его изобрѣтательности, и онъ прямо все нижнее теченіе Днѣпра отдаетъ кочевникамъ и ограничиваетъ область теченіемъ Роси; но очень силится какъ нибудь Черниговскія владѣнія втиснуть въ одну область съ Кіевскими, и говорить: «Десна привязывала Черниговъ къ

Кіеву также крѣпко, какъ и родовыя отношенія Святославичей и Мономаховичей.» (стр. 15.) Но конечно для всякаго очевидно, что это одно выраженіе еще не доказательство; лѣтописи прямо говорятъ, что Черниговъ и Кіевъ жили отдѣльно другъ отъ друга, и почти никогда не соединялись подъ однимъ управленіемъ; Кіевскіе князья даже никогда не пытались занять Черниговъ, а Черниговскіе князья хотя иногда и занимали Кіевъ, то въ такомъ случаѣ Черниговъ всегда переходилъ въ другія руки.

При описаніи Верхне-Волжской области, самъ же г. Соловьевъ говоритъ, что этой области первоначально не существовало, ибо древній представитель ея Ростовъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородомъ, вмѣстѣ съ нимъ подвергался игу Варяговъ, вмѣстѣ съ нимъ свергъ это иго, и вмѣстѣ снова призвалъ Варяжскихъ князей. Но сказавъ такимъ образомъ, что Ростовская или Верхне-Волжская область была въ тѣсной связи съ Новгородскою областью, то есть по смыслу событій составляла одну область, что и справедливо и ясно свидѣтельствуется сагою Орваръ-Одда, которая называетъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ Новгородскими областями (*), вдругъ продолжаетъ: «Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и сѣверо-запада границами Новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверо-западную границу Ростовской области; на сѣверѣ естественною границею ея служили увалы, отдѣляющіе систему Волги отъ системы сѣверной Двины. Что же касается до естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и юго-запада; то они собственно должны совпадать съ границами Волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ мы видимъ, что историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соответствовать величинѣ своей рѣчной области; тѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству». (стр. 17—18.).

(*) Antiquit. Russ. стр. 105.

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза пасильственное соединеніе естественныхъ границъ Ростовской или Верхне-Волжской области съ историческими; естественныя границы Верхне-Волжской области обозначаются системою Волжскихъ водъ, т. е. верхнимъ теченіемъ Волги и ея притоковъ; историческія же границы, такъ называемой, Волжской области, какъ мы уже видѣли, шли своимъ порядкомъ, прежде Верхне-Волжская область или Ростовская была соединена, по словамъ самаго же г. Соловьева, съ Новгородскою или озерною областью, потомъ, по отдѣленіи Ростовской земли отъ Новгородской, граница первой далеко не захватывала всѣхъ верхнихъ притоковъ Волги; ибо все теченіе одного изъ главныхъ Волжскихъ притоковъ, Мологи, принадлежало къ Бѣжецкой Новгородской пятинѣ, и тудаже относились теченіе Корожичны, Медвѣдицы и даже почти всей Тверцы, — это западная граница Ростовской области; теперь перейдемъ къ южной границѣ. Она также далеко не захватывала всѣхъ тамошнихъ притоковъ Волги, ибо все теченіе главнѣйшаго Волжскаго притока — Оки, почти до впаденія въ нее Клязмы, было раздѣлено между Смоленскою, Черниговскою и Рязанскою областями, на востокъ Ростовская граница не доходила еще устья Оки, ибо только при В. К. Юрьѣ Всеволодовичѣ былъ выстроенъ Нижній Новгородъ; но на сѣверѣ Ростовская область довольно рано уже захватывала своими границами верхніе притоки сѣверно-Двинской рѣчной системы. Слѣдовательно всякое соединеніе естественныхъ границъ Волжской системы съ историческими границами Ростовской области логически невозможно; относительно восточной и южной границы, г. Соловьевъ даже самъ видитъ несостоятельность своей первой мысли, и говоритъ, что это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства; но сѣверную границу онъ силится удержать по своему, и протягиваетъ ее по уваламъ, отдѣляющимъ системы Волги отъ системы сѣверной Двины; тогда какъ исторически Ростовской области издавна уже принадлежало верхнее теченіе Сухоны, составляющей начало Сѣверной Двины. Такимъ образомъ для всякаго безпристрастнаго мыслителя очевидно, что историческое дѣленіе Русской государственной области на части, не можетъ условливаться отдѣльными рѣчными системами, какъ это хочется г. Соловьеву.

Далѣе, cadaго должна поразить неправильность слѣдующей мысли, въ отношеніи къ исторіи. Г. Соловьевъ говоритъ: «естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей.» Въ отношеніи къ природѣ физической эта мысль при извѣстныхъ условіяхъ правильна, она даже выражаетъ физическій законъ притяженія; но въ отношеніи къ нрав-

ственной природѣ челоуѣка и къ жизни цѣлыхъ народовъ, она никакъ неприложима, и рѣшительно противорѣчитъ исторіи; здѣсь дѣйствуетъ не количество, не пространство, а нравственная сила духа, характеръ народа, руководимый мудрыми кормчими при благословеніи Провидѣніи; убѣдительнымъ опроверженіемъ мысли г. Соловьева служитъ сама Русская исторія. Г. Соловьевъ говоритъ, что Москва притянула къ себѣ всѣ области древней Руси потому, что ея, т. е. Волжская область была больше всѣхъ другихъ областей. Исторія же свидѣтельствуетъ, что область собственно Московская была самая меньшая, ибо первоначально не захватывала и всего теченія Москвы рѣки, и въ этомъ видѣ она примкнула къ себѣ несравненно большую и богатѣйшую область Переяславскую, которую Московскій Князь Даниль Александровичъ получилъ по завѣщанію тамошняго Князя и по расположенію самихъ Переяславцевъ; потомъ Московскіе Князья своимъ умомъ и политикою при Ханскомъ дворѣ успѣли притянуть къ Москвѣ область великаго княженія Владимирскаго, (вдвое большую противъ Московской), которая почти въ продолженіи 60 лѣтъ была предметомъ спора между князьями Тверскими, Московскими и Суздальскими; далѣе занятіе областей Ростовской, Бѣлозерской, Ярославской и Нижегородской, конечно, въ нѣкоторомъ отношеніи можно назвать притяженіемъ меньшихъ частей къ большей; но завоеваніе В. К. Иваномъ Васильевичемъ всей области Новгородской никакъ не можетъ идти въ сей разрядъ. Ибо когда Иванъ Васильевичъ приступилъ къ завоеванію Новгорода, то Московская область была вчетверо меньше Новгородской. Новгородцы тогда владѣли еще почти въ цѣлости всѣми своими пятью пятинами, которые простирались до Сѣверной Двины и Бѣлаго моря; потомъ имъ же принадлежали всѣ за-Двинская и Печерская область почти до Уральскихъ горъ, Московскія же владѣнія еще далеко не занимали всего теченія Волги: внизъ по Волгѣ Москвичи еще едва добрались до Суры, гдѣ стоялъ уже Московскій городъ Курмышъ; по Окѣ они еще не имѣли въ своей власти юго-восточныхъ ея притоковъ, гдѣ было самостоятельное княженіе Рязанское; а верховья Волги принадлежали еще частію Тверскому княженію, и частію Новгороду. Такимъ образомъ исторія Москвы ясно говоритъ, что отъ Князя Давида Александровича вплоть до завоеванія Новгорода большія области притягивались къ меньшей, а не на оборотъ.

За несбывало-историческимъ раздѣленіемъ древней Руси, придуманнымъ такъ неудачно, г. Соловьевъ въ заключеніе первой главы приступаетъ къ объясненію вліянія, которое природа страны оказываетъ

на характеръ народный. Здѣсь авторъ сначала говоритъ о томъ, что роскошная природа располагаетъ къ недѣтельности, и на оборотъ, природа болѣе скупая на свои дары держитъ челоѵка всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ». Такое разсужденіе, ежели угодно, въ нѣкоторой степени справедливо; но не въ той формѣ, какую далъ ему г. Соловьевъ, изъ словъ котораго вытекаетъ прямое заключеніе, что Оленные или сидячіе Коряки, живущіе въ самомъ сѣверномъ углу Сибири, (гдѣ природу конечно не лзя назвать роскошною и даже менѣе скупой,) самый дѣятельный народъ, постоянно работающій умомъ, неуклонно стремящійся къ своей цѣли, и что племенамъ рода челоѵческаго, устроившимъ государства въ краю земли болѣе благодатномъ, не на шутку должно подумывать, что Коряки не замедлятъ подчинить ихъ своему вліянію, и особенно опасны Оленные Коряки: они, какъ говорятъ путешественники, всѣ выше средняго роста, и даже встрѣчаются между ними настоящіе гиганты; того и гляди, что гвардія Оленныхъ Коряковъ раскичетъ свой лагерь въ средія Европы, и тогда прощай всѣ государства, — они должны подчиниться вліянію Оленныхъ Коряковъ. Всего естественнѣе, что г. Соловьевъ этого не думаетъ; но мы здѣсь говоримъ пока не о его мысляхъ, а о неопредѣленности принятаго имъ изложенія; и на эту неопредѣленность мы здѣсь обратили вниманіе потому, что ею страдаетъ вся книга г. Соловьева; а будь только это одно мѣсто такъ неопредѣленно, мы бы и не подумали дѣлать замѣчанія, по пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода».

Но обратимся къ мыслямъ г. Соловьева. Они представляютъ для насъ много поучительнаго, много новаго. Г. Соловьевъ далѣе говоритъ, что «роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ, развиваютъ въ народѣ чувство красоты... въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ общества мужчинъ. Но среди природы относительно не богатой, однообразной, потому не веселой, въ климатѣ относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго практически, чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа дѣлается болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни, слабѣе, общественныя удо-

вольствія матеріальнѣ; а все это, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчинъ» (стр. 24.). Не правда ли, мысли, высказанныя здѣсь г. Соловьевымъ, чрезвычайно новы; должно быть эта-то новость и составляетъ главную и основную причину, что они не оправдываются никакою исторіею. Исторія намъ все говоритъ старое-бывалое; по ея свидѣтельству женщины на югѣ въ Азіи большею частію были въ заперти и исключены изъ общества мужчинъ, да и теперь еще ихъ не выпускаютъ изъ гаремовъ, а на сѣверѣ, на оборотъ, они постоянно являлись и теперь являются неизключенными изъ сообщества мужчинъ, и не въ гаремахъ; объ эвнухахъ нѣтъ и помину ни въ одной Европейской исторіи, тогда какъ въ южной Азіи безъ нихъ не обходится ни одна исторія. Но можетъ быть г. Соловьевъ основывалъ свои выводы относительно исключенія женщинъ на Русской исторіи; и здѣсь онъ до нѣкоторой степени правъ, ежели при изученіи Русской исторіи пользоваться одними иностранными источниками; правда, что нѣкоторые изъ иноземныхъ путешественниковъ говорили о затворнической жизни нашихъ женщинъ въ старину; но правильны ли такія извѣстія, это вовсе не рѣшено; и скорѣе должно допустить, что иноземцы, посѣщавшіе въ старину русскую страну, не понимали порядочно условій и формъ нашей семейной жизни, и потому говорили неправильно, находили исключеніе женщинъ изъ сообщества мужчинъ тамъ, гдѣ его вовсе не было: мы знаемъ же путешественниковъ XVI вѣка, которые, не понимая догматовъ нашей религіи, называли Русскихъ язычниками; и потому, ежели признать справедливыми извѣстія иностранцевъ объ исключеніи женщинъ, то должно согласиться и на извѣстіе о язычествѣ Русскихъ въ XVI вѣкѣ. Но вѣроятно г. Соловьевъ здѣсь не повѣритъ иностранцамъ; зачѣмъ же, не справясь путемъ съ русскими источниками, онъ вѣритъ имъ относительно женщинъ? Конечно, онъ не будетъ поддерживать иностранныхъ извѣстій свидѣтельствомъ Пестора о гаремахъ Владимира, ибо Владимиръ жилъ на югѣ, въ Кіевѣ, въ странѣ отъ природы роскошной, щедрой, гдѣ климатъ пріятный, при томъ же Владимиръ является въ нашихъ лѣтописяхъ рѣшительнымъ исключеніемъ; всѣ же прочія свидѣтельства русскихъ источниковъ опровергають извѣстіе иностранцевъ. Возьмемъ, на примѣръ, хотя Русскую Правду: она была почерпнута изъ жизни народа, и дѣйствовала какъ законъ согласный съ народными обычаями и правами, и была принята въ этомъ значеніи во всей Руси, и на сѣверѣ и на югѣ; и чтоже въ Правдѣ нѣтъ и намека на исключеніе женщинъ изъ сообщества мужчинъ, а напротивъ въ статьѣ о женѣ,

женщина является полною хозяйкою дома и прямою опекуншею дѣтей по смерти мужа; ежели не вступаетъ въ новый бракъ, ей даже не придаются опекуны со стороны родственниковъ; слѣдовательно она не исключается изъ сообщества мужчинъ; ибо по дѣламъ опеки и управленія имѣиємъ, ей необходимо нужно было вступить въ сношенія съ мужчинами. Но кромѣ Русской Правды есть и другія русскія свидѣтельства, что женщины принимали участіе даже въ общественныхъ дѣлахъ: такъ исторія представляетъ намъ Марю Борецкую, или въ древности великую княгиню Ольгу, которая даже ѣздила въ Константинополь; или, когда Всеволодъ Юрьевичъ отпускалъ дочь свою Верху-славу въ Кіевъ, то ее провожали до Кіева бояре Суздальскіе съ своими женами; да и Рюрикъ Кіевскій, посылая за Верхуславою, отправлялъ въ посольствѣ вмѣстѣ съ боярами и изъ женъ (*). А Митрополитъ Іоаннъ, нареченный пророкъ, въ посланіи своемъ къ Іакову мниху прямо свидѣтельствуется, что на Руси въ XII вѣкѣ женщины и по пирамъ ходили вмѣстѣ съ мужчинами. Вотъ слова посланія: «горе вамъ иже въ монастырѣхъ пиръ творять, сзываютъ вкупѣ мужи и жены» (**). Слѣдовательно и по русскої исторіи женщины не были и ключены изъ сообщества мужчинъ.

Мы теперь уже не доумѣваемъ, откуда г. Соловьевъ взялъ свои мысли объ исключеніи женщинъ изъ сообщества мужчинъ въ странѣ, по природѣ не богатой и однообразной, и на оборотъ, о принятіи ихъ въ это сообщество въ странѣ по природѣ роскошной и щедрой. Исторія, какъ всякой уже видитъ, на отрѣзъ отказывается отъ такихъ мыслей; впрочемъ есть еще одинъ источникъ: это здравое разсужденіе и соображеніе обстоятельствъ дѣла, — не взялъ ли г. Соловьевъ своихъ мыслей изъ этого источника? И такъ обратимся къ здоровому простому разсужденію и соображенію обстоятельствъ, и не отыщемъ ли здѣсь источника мыслей г. Соловьева, — они же и по формѣ своей походятъ на разсужденіе, — кажется, ихъ здѣсь и должно отыскивать. Но по здоровому и простому разсужденію оказывается: чѣмъ легче работа, тѣмъ меньше требуетъ рукъ; и на оборотъ, чѣмъ работа труднѣе, тѣмъ и рукъ для нея требуется больше; слѣдовательно въ странѣ роскошной, гдѣ природа щедра и съ лизвою вознаграждаетъ даже слабый трудъ челоуѣка; тамъ мужчина управляется съ своимъ трудомъ одинъ, а женщину запираетъ, удаляетъ отъ сообщества мужчинъ, какъ это и до сей поры дѣлается въ южной Азіи; въ сторонѣ же

(*) Ипат. стр. 136. (**) Русск. Достоп. Ч. I. стр. 100.

суровой, гдѣ природа скупа и требуетъ отъ человѣка большихъ и постоянныхъ усилій, мужчина, волей-неволей, долженъ принять въ свое сообщество женщину, иначе его однихъ рукъ не достало бы на трудъ нужный для пропитанія, а потому на сѣверѣ, въ краю холодномъ, между коренными жителями никогда не было и помину о гаремахъ и затворничествѣ женщинъ. Итакъ, и послѣдній источникъ отказывается служить г. Соловьеву, и мы теперь рѣшительно уже не знаемъ, откуда онъ почерпнулъ свои новыя и удивительныя мысли, о порядкѣ исключенія женщинъ изъ общества мужчинъ.

Г. Соловьевъ окончилъ свою первую главу, и мы оканчиваемъ разборъ ея, и скажемъ въ заключеніе: мысль, разсмотрѣть и прослѣдить вліяніе природы или мѣстности страны на исторію народа, хотя вовсе не нова, но заслуживаетъ полное вниманіе историковъ; и намъ очень жаль, что изложеніе ея вышло такъ неудачно у г. Соловьева.

ГЛАВА II.

Быть и судьба народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область, до вѣтвеннаго появленія въ ней племень Славянскихъ. Въ этой главѣ сочинитель въ сжатомъ разказѣ излагаетъ всѣ свѣденія Грековъ и Римлянъ, о сѣверномъ беревѣ Чернаго моря. Начиная съ того, что во время Гомера Греческіе корабли не смѣли еще плавать по Черному морю, и смотрѣли на это море, какъ на Океанъ границу обитаемой земли, и что берега этого моря долго считались не гостепріимными, по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло *ἄξευος* (негостепріимнымъ). «А далѣе говоритъ, что у Грековъ въ послѣдствіи страна на сѣверѣ отъ Чернаго моря называлась Скифією, а послѣ Грековъ Римляне стали называть ее Сарматією. Все это очень справедливо по извѣстіямъ дошедшимъ до насъ. Но какимъ образомъ разказъ о Скифахъ и Сарматахъ попалъ въ исторію Россіи? Всѣмъ уже извѣстно, что Скифы и Сарматы не только не были Русскими но даже дальними предками Русскихъ, и не оставили послѣ себя никакого слѣда въ Русскихъ, и ни чѣмъ не связали свою жизнь съ ихъ жизнью. Карамзинъ разрѣшилъ это окончательно, и послѣ Карамзинскаго труда отношеніе Скифовъ и Сарматовъ въ русской исторіи на столько уже объяснилось, что для нынѣшняго историка вовсе нѣтъ нужды повторять то, что уже сказалъ Карамзинъ. Вообще эта глава настоящей исторіи запоздала цѣлымъ полустолѣтіемъ; но изложеніе этой главы сравнительно съ первою очень хорошо, и за это не лзя не благодарить автора; особенно сжатость и живость

разказа здѣсь очень кстати; такъ и кажется, что авторъ, не рѣшась обойти настоящей главы, спѣшилъ съ него раздѣлаться поскорѣе, чтобы не томить читателей разказомъ не принадлежащимъ къ Русской исторіи.

ГЛАВА III.

Славяне и другія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства; ихъ бытъ и судьба до половины IX вѣка. Вотъ эта глава принадлежитъ къ исторіи Россіи, и изъ надлежащаго правильного разумѣнія ея многое зависить въ Русской Исторіи, особенно древней; и потому мы внимательно рассмотримъ, какъ ее понялъ и выработалъ г. Соловьевъ.

Г. Соловьевъ, сказавши, что Славянское племя не помнитъ о своемъ переходѣ изъ Азіи, и сохранило только преданіе о первоначальномъ пребываніи на Дунаѣ, и о движеніи оттуда на сѣверъ и сѣверо-востокъ, приступаетъ прямо къ объясненію сего послѣдняго преданія, и для сего прежде всего приводитъ свидѣтельство Нестора въ своемъ переводѣ и съ краткими толкованіями. Чтобы рассмотретьъ этотъ переводъ и толкованія г. Соловьева, мы прежде всего представимъ ихъ въ подлинникѣ. Вотъ онъ: «Спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись племена и прозвались своими именами, гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ, одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава, и прозвались Моравами, другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне—Хрваты бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волохи нашли на Славянъ Дунайскихъ, поселились среди нихъ, и начали насильничать, то тѣ Славяне (т. е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ, и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же Ляховъ принадлежатъ Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Также и эти Славяне (т. е. Хрваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись и сѣли по Двѣпру и проч.» Переводъ Несторова текста, сдѣланный г. Соловьевымъ за многими исключеніями, довольно вѣренъ, но пониманіе перевода и толкованіе рѣшительно произвольны и противорѣчатъ переводу и тексту. Вотъ доказательство: Несторъ говоритъ: «Волохомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ въ нихъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне.» и г. Соловьевъ перевелъ это также, только выпустилъ въ переводѣ союзъ *бо*. Следовательно и по тексту и по переводу значить, что когда Волохи стали дѣлать

Славянамъ Дунайскимъ, то одни изъ нихъ удалились въ Вислу и назвались Ляхами; а г. Соловьевъ толкуеть, что на Вислу удалились Моравы и Чехи; тогда какъ Несторъ выше сказалъ, что Моравы и Чехи удалились съ Дуная до нашествія еще Волоховъ; и потомъ ясно говорить, что Волхи напали на Дунайскихъ Славянъ а не на Мораву и Чеховъ; слѣдовательно въ это время перешли на Вислу Славяне жившіе еще до того времени на Дунаѣ, именно въ его низовьяхъ въ землѣ Болгарской и Венгерской, а не Моравы и Чехи, удалившіеся съ Дуная прежде. Далѣе Несторъ говорить: «Также и ти Словѣне пришедше и съдоша по Дѣвпру и нарекошася Поляне, а друзи Древлѣне, зане-съдоша въ лѣсахъ и проч.» А г. Соловьевъ толкуеть: «также и эти Славяне (т. е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане), двинулись и съли по Дѣвпру.» Несторъ ни сколько не думаетъ называть Полянъ и Древлѣнъ Бѣлыми Хорватами, Сербами и Хорутанами, ибо сказавши выше, что бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане также принадлежатъ къ Славянамъ Дунайскимъ, онъ говоритъ нѣсколько прежде, что отъ Дунайскихъ Славянъ когда-то отдѣлились Моравы и Чехи, потомъ рассказываетъ о нападеніи Волховъ, въ слѣдствіе котораго часть Дунайскихъ Славянъ отошла на Вислу, и часть на Дѣвпръ. Слѣдовательно по смыслу Несторова текста, понимаемаго ясно и естественно, Дѣвпровскихъ Славянъ никакъ не лзя отнести ни къ Хорватамъ, ни къ Сербамъ, ни къ Хорутанамъ, и откуда г. Соловьевъ взялъ свое толкованіе, мы не видимъ; но то ясно, что оно взято не изъ Нестора и рѣшительно противорѣчитъ Несторову тексту, и соображая вообще съ Славянскою исторіею, совершенно произвольно и не имѣетъ никакихъ основаній, и слѣдовательно ошибочно.

Ошибочность сія сама по себѣ не очень важна; но важность свою получаетъ по послѣдствіямъ или выводамъ г. Соловьева; ибо онъ далѣе, не думая ни сколько доказывать, прямо говорить, повторяя текстъ Нестора съ своими толкованіями: «Восточная отрасль Славянъ, т. е. Хорваты бѣлые, Сербы и Хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверо-востокъ, и одни съли по Дѣвпру и назвались Полянами, а другіе Древлѣнами, потому что съли въ лѣсахъ; далѣе съли между Припѣтью и Двиною, и назвались Дреговичами и проч.» И такимъ образомъ дѣлаетъ общій выводъ, что Дѣвпровскіе и вообще Русскіе Славяне одно и то же, что бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане; тогда какъ Несторъ этого нигдѣ не говорить.

Далѣе, разбирая въ отдѣльности поселеніе каждаго Славянскаго племени на русской землѣ, г. Соловьевъ говорить, что: «первыми Славян-

скими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе, являютя Древляне и Поляне, жители лѣсовъ и полей.... за Древлянами слѣдуютъ Дреговичи, поселившіеся между Припетью и Двиною.... за Дреговичами слѣдуютъ Полочане, т. е. Кривичи... за Кривичами идутъ Славяне Новгородскіе.» При чемъ, основываясь на прозваніи Новгородцевъ общимъ родовымъ именемъ Славянь, заключаетъ: «что Славяне Ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ и удержали названіе родовое въ отличіе отъ соплеменниковъ Финновъ.» Здѣсь скорѣе всего бросается въ глаза странность объясненія, придуманнаго г. Соловьевымъ; онъ говоритъ, что Славяне Ильменскіе (т. е. Новгородцы), будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удержали названіе родовое (т. е. Славянь, какъ говоритъ Несторъ) въ отличіе отъ иноплеменниковъ.» Какъ же это такъ случилось? Новгородцы произошли отъ Кривичей и не успѣли пріобрѣсти особаго названія, слѣдовательно назывались бы Кривичами; а лѣтопись ихъ называетъ не Кривичами, а своимъ именемъ, Славянами. Тутъ что-нибудь да не такъ: либо лѣтопись ошибается, либо г. Соловьевъ говоритъ не впопадъ, т. е. на самомъ дѣлѣ Новгородцы не происходили отъ Кривичей, и были не позднѣйшими выселенцами съ Двины или Полоты, а прямыми и старыми пришельцами съ Дуная; въ чемъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство Нестора, который говоритъ, изчисляя Славянскія владѣнія на Русской землѣ: «Въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словяне свое въ Новгородѣ, а другіе на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи (*).» Здѣсь мы видимъ, что Новгородцы и Полочане имѣли одно общее и родовое названіе Славянь, принесенное съ Дуная и (какъ старшіе выселенцы) составили два княженія: одно въ Новгородѣ а другое на Полотѣ, и что отъ Полочанъ произошли Кривичи, а не отъ Кривичей Новгородцы.

Но остава Новгородцевъ и Кривичей, такъ не удавшихся г. Соловьеву, обратимся назадъ къ Полянамъ, Древлянамъ и другимъ племенамъ, и посмотримъ, не лучше ли они удались ему, и для сего сравнимъ его показанія съ Несторовымъ свидѣтельствомъ. Несторъ, упоманувъ о переселеніи одной части Славянь съ Дуная на Вислу, продолжаетъ: «Также и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по Дѣтиру, и варѣкошася Поляне, а другіе Древляне, зане сѣдоша въ лѣстѣхъ; друзіи сѣдоша

(*) Лавр. 5.

лежю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи, пвиѣ съдоша на Двигѣ и нарекошася Полочане... Словени же съдоша около озера Пимеря» (*). Ясно, что Несторъ здѣсь не указываетъ, которое племя пришло прежде и которое послѣ, а просто перечисляетъ переселенія безъ указанія послѣдовательности во времени,—одни пришли и посѣлились тамъ-то, а другіе тамъ-то. По мнѣнію же г. Соловьева, будто бы основанному на свидѣтельствѣ Нестора, а въ сущности противорѣчущему всѣмъ свидѣтельствамъ Несторовымъ, первыми поселенцами были Древляне и Поляне, потомъ Дреговичи, далѣе Кривичи, и наконецъ отъ Кривичей Новгородцы. Согласно ли показаніе г. Соловьева съ свидѣтельствомъ Нестора, кажется, нѣтъ уже нужды говорить: это ясно для каждаго какъ день.

Но обратимся къ быту восточныхъ (т. е. Русскихъ) Славянскихъ племенъ, и посмотримъ, какъ объясняетъ его г. Соловьевъ. Это одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ разбираемой нами Исторіи Россіи, на немъ зиждется все зданіе, построенное г. Соловьевымъ. Вотъ какъ онъ начинаетъ сіе мѣсто: «Что касается быта Славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: «каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ. «Но начальный лѣтописецъ никогда не говорилъ такъ о бытѣ восточныхъ Славянскихъ племенъ вообще; вотъ подлинныя слова его, которыя съ выпусками привелъ г. Соловьевъ: «Полянамъ же живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сее братья живяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ (**).» Здѣсь для каждаго ясно, что лѣтописецъ говоритъ только объ однихъ Полянахъ, а не о всѣхъ восточныхъ Славянскихъ племенахъ; а посему настоящее свидѣтельство можно и должно относить только къ однимъ Полянамъ и тѣмъ болѣе не лзя его относить къ другимъ Славянскимъ племенамъ, что самъ лѣтописецъ вообще о Славянскихъ племенахъ на Руси говоритъ: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кровтокъ и тихъ... А Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски... И Радимичи и Вятичи и съверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсъ» и проч. (**). Итакъ ясно, что свидѣтельство лѣтописи, представленное г. Соловьевымъ, доказываетъ не то, что ему хотѣлось.

() .Лавр. 3. (**) .Лавр. 5. (***) Ibid. 6.

доказать, а совершенно противное; и отсюда естественно вытекает заключение, что г. Соловьевъ или не умѣетъ понимать лѣтописи, или съ намѣреніемъ искажаетъ смыслъ лѣтописнаго свидѣтельства для какой-то задней мысли, которую хочетъ поддержать, и которую не чѣмъ поддержать.

По приведеніи неудачнаго свидѣтельства г. Соловьевъ продолжаетъ: « Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждого изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя ». г. Соловьевъ напрасно навязываетъ незнаніе о значеніи рода всему современному обществу; большинство Русскаго общества и лучшая часть его, благодаря Бога, еще не достигло такого совершенства въ эгоизмѣ; мы думаемъ, что онъ говоритъ такимъ образомъ о современномъ Русскомъ обществѣ единственно потому, что, назвавши его потерявшимъ значеніе рода, ему свободнѣе будетъ говорить о родовыхъ отношеніяхъ, какъ вздумается, а не такъ какъ они были и какъ до сего времени существуютъ на самомъ дѣлѣ. Мы такъ говоримъ и утверждаемъ не потому, что намъ хочется противорѣчить г. Соловьеву; а на противъ онъ самъ противорѣчитъ въ своихъ доказательствахъ и себѣ и лѣтописямъ, и намъ остается только показать сіи противорѣчія. Напр. онъ говоритъ: « наши предки не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ ». А лѣтопись говоритъ: « Полюше бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ спохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ и къ родителсмъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнне имѣху » (*). Здѣсь каждый видитъ очеркъ семьи, а не рода, и при томъ именно такой семьи, которая и теперь часто встрѣчается во всѣхъ слояхъ общества; ибо лѣтописецъ здѣсь перечисляетъ только отца семейства, его сыновей, дочерей и невѣстокъ (т. е. сыновнихъ жевъ), и не упоминаетъ ни объ одномъ членѣ рода

(*) Лав. 6.

не принадлежащемъ къ одному семейству, т. е. ни о дядяхъ, ни о двоюродныхъ братьяхъ, ни о племянникахъ, ни о другихъ родственникахъ; слѣдовательно ясно, что наши предки понимали семью, точно также, какъ мы и теперь ее понимаемъ, и также, какъ мы, умѣли отличать семью отъ рода. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ: «родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ»; но родъ и теперь означаетъ совокупность родственниковъ, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребленъ въ лѣтописи, онъ можетъ означать и одного родственника. Наконецъ г. Соловьевъ говоритъ: «первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, и потому употребляли слово родъ въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа» (*). Мы не знаемъ, далеко ли простирается у г. Соловьева слово *первоначально*; но вполне согласны съ тѣмъ, что какъ у Славянъ такъ и у другихъ народовъ, пока люди живутъ отдѣльно родами, не соединяясь въ большія общества, до тѣхъ поръ не знаютъ другихъ связей, кромѣ родовыхъ; но какъ скоро соединяются въ большія общества, въ города, то невольно возникаютъ между ними, кромѣ родовыхъ связей, и связи общинныя, и смотря по обстоятельствамъ, развиваются быстрее или медленнѣе. А по свидѣтельству Нестора у Полянъ при Кіѣ и его братьяхъ уже является городъ Кіевъ, Славяне же Ильменскіе при самомъ поселеніи своемъ около Ильменя уже построили Новгородъ, у Кривичей также являются весьма рано города Полоцкъ и Смоленскъ, у Стверлянъ Черниговъ, у Древлянъ Коростень и другіе города; слѣдовательно въ сихъ племенахъ *первоначально* кончилось очень рано, и съ симъ вмѣстѣ кромѣ родовыхъ отношеній они очень рано узнали и отношенія общинныя. И слѣдовательно историкъ не имѣетъ никакого права характеризовать Славянскія племена на Русь родовымъ бытомъ, съ тѣхъ поръ, какъ они составили города и съ ними вмѣстѣ общины; города же, какъ свидѣтельствуеетъ Несторъ, появились у Русскихъ Славянъ еще въ до-историческое время; то по сему царство родового быта вовсе не относится къ Русской исторіи.

Далѣе г. Соловьевъ разбираетъ отношеніе родоначальника къ роди-

(*) Въ примѣчаніи онъ указываетъ на выраженія лѣтописей: *отъ рода Руска*, *отъ рода Варяжска*; но выраженія сія указываютъ только на происхожденіе людей употреблявшихъ оныя; т. е. Русскіе по происхожденію, Варяги по происхожденію; такія выраженія употребляются и теперь; а посему неужели изъ этого должно заключать, что и теперь выраженіе родъ имъ употребляемъ въ смыслѣ народа, какъ толкуетъ г. Соловьевъ.

чамъ, и говорить: « Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадедъ умираетъ, то какимъ образомъ поддерживается единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти; одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная Чешская пѣсня говоритъ: «Когда умереть глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку». Потомъ ссылается на теперешній бытъ нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ, т. е. на Черногорцевъ, и на послѣдующую исторію Рюрикова княжескаго дома. О Чехахъ, современныхъ приводимой въ свидѣтельство Чешской пѣснѣ, никто не спорить; пѣсня говоритъ, что у Чеховъ дѣти по смерти отца сообща владѣютъ имѣніемъ и выбираютъ изъ своего рода владыку; слѣдовательно этотъ обычай и былъ у Чеховъ; но Чехи и Русскіе Славяне не одно и то же, а по сему Чешскихъ обычаевъ не лзя навязывать сямъ послѣднимъ; и тѣмъ больше, что Чешскіе и Русскіе Славяне разошлись другъ съ другомъ слишкомъ давно, и не имѣли никакихъ между собою связей, будучи постоянно разъединены и мѣстностію и условіями жизни; чему яснымъ доказательствомъ служитъ и то обстоятельство, что язычество Чеховъ совершенно не походило на язычество Русскихъ Славянъ. На томъ же основаніи и обычай Черногорцевъ или южныхъ Славянъ не могутъ быть свидѣтельствомъ при объясненіи древняго быта Русскихъ Славянъ, соприкасающагося съ Русскою исторіею. О князяхъ Рюрикова дома и ихъ отношеніяхъ между собою, мы будемъ еще имѣть случай говорить подробно; теперь же достаточно сказать, что Рюриковичи по происхожденію своему не были Славянами, и въ Русской землѣ, какъ заподлинно извѣстно, являются пришельцами, пришедшими съ своими обычаями, съ своимъ образомъ жизни; слѣдовательно бытъ Рюриковичей и ихъ отношенія другъ къ другу (даже если бы они были именно таковыми, каковыми ихъ воображаетъ г. Соловьевъ) также ни сколько не могутъ объяснить древняго быта Славянскихъ племенъ на Руси, и особенно во времена ближайшія къ исторіи, когда между Славянскими племенами появились города. Такимъ образомъ доказательства о родовомъ бытѣ Славянъ Русскихъ, приведенныя г. Соловьевымъ, въ сущности своей не могутъ быть доказательствами. Они отчюсятся совсѣмъ къ другимъ народамъ; чтобы доказывать родовый бытъ между Русскими Славянами, для этого нужны Русскіе же свидѣтельства; а г. Соловьевъ ихъ отстраняетъ; какаѣ же причина такому отстраненію? неужели между Русскими свидѣтельствами нѣтъ ни одного, которое бы говорило о древнемъ бытѣ Русскихъ Сла-

внѣ; какъ не быть: есть, и не одно; но дѣло въ томъ, что Русскіе источникники свидѣтельствуютъ не о родовомъ бытѣ; изъ нихъ мы видимъ, что родового быта въ тѣхъ формахъ, въ какихъ представляетъ его г. Соловьевъ, между Русскими Славянами не замѣтно и слѣдовъ. Такъ г. Соловьевъ говоритъ, что Русскія Славяне жили отдѣльно родами, и владѣли съ обща имѣніемъ, выбирая себѣ изъ роду своего владыку; а Несторъ говоритъ даже о Полянахъ, которые по видимому ближе подходили своимъ образомъ жизни къ родовому быту: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху». Гдѣ же тутъ родовой бытъ? Ясно, что общество состоитъ изъ семей, а не изъ родовъ, каждая семья имѣетъ свою отдѣльную самостоятельную жизнь, не какъ невѣдѣнная доля рода, а какъ живой, вполне организованный членъ общины. Несторъ ясно представляетъ намъ семью, т. е. отца съ дѣтьми, а не родъ; ибо въ его текстѣ мы не видимъ ни лядей, ни племянниковъ, ни двоюродныхъ братьевъ, ни другихъ родственниковъ, которые непременно должны бы явиться въ описаніи какъ не обходимые члены рода. Это свидѣтельство Нестора; а вотъ еще свидѣтельство Княжескаго дома Рюриковичей, отношеніями которыхъ г. Соловьевъ думаетъ доказать какое-то владычество родового быта надъ Русскими Славянами. Въ Русской Правдѣ, изданной Рюриковичами, нѣтъ и намековъ на родовой бытъ, а напротивъ вездѣ ясно является бытъ общинный съ самостоятельностью семействъ и независимостью ихъ отъ рода, и съ болѣе или менѣе полнымъ развитіемъ личности: такъ въ статьѣ о дикой вирѣ прямо выступаетъ община, а не родъ, ибо члены верви названы вкладчиками, а не родичами, «заве къ нимъ прикладываетъ, того же дѣла имъ помогати головнику» (*). Потомъ въ статьѣ о състаткѣхъ прямо высказывается самостоятельность семьи и независимость ея отъ рода. Статья гласитъ: «Аже кто умирая раздѣлитъ домъ дѣтемъ своимъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умереть, то всѣмъ дѣтемъ и на самага часть дати во души» (**). При родовомъ же бытѣ, когда всѣ родичи владѣютъ сообща родовымъ имѣніемъ, отецъ семейства не можетъ дѣлить имѣнія между дѣтьми, ибо имѣніе принадлежитъ не ему, а роду. Впрочемъ послѣдняя половина статьи можетъ еще наводить нѣкоторое сомнѣніе, ибо въ ней сказано: паки ли безъ ряду умереть, то всѣмъ дѣтемъ». Это выраженіе нѣкоторымъ образомъ можно еще толковать

(*) Соф. врем. Т. I. III. (**) Ibid. 125.

въ пользу нераздѣльной родовой собственности, хотя въ одной семьѣ; но это сомнѣніе вполне разрѣшается послѣдующими статьями; такъ въ статьѣ о задницѣ сказано: «а дворъ безъ дѣлу отень всякой меньшему сыновю». Или въ статьѣ о женѣ: «Аще братія растяжуются о състаткѣ предъ Княземъ, то который дѣтескый идетъ ихъ дѣлити, тому взяти гривна кунъ». Въ сихъ статьяхъ ясно говорится о раздѣлѣ имѣнія послѣ отца, а не объ общемъ владѣніи родовымъ имѣніемъ; или въ прежней статьѣ: «А оже будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дюжи сами собою печаловатися, а мати имъ поидеть замужь, то кто имъ ближній будетъ, тому же дать на руцѣ съ добыткомъ и съ домомъ, донелже възмогутъ. А товаръ дати передъ добрыми людьми». (*) Статья ясно говоритъ объ опеки надъ малолѣтними и ихъ имѣніемъ; а при родовомъ бытѣ, какъ его понимаетъ г. Соловьевъ, для опеки вовсе нѣтъ мѣста, ибо имѣніе по его системѣ принадлежитъ роду, который конечно не нуждается въ опеки. Еще можно бы предположить и при родовомъ бытѣ опеку надъ личностію малолѣтнихъ; но статья Правды прямо говоритъ и о личности и объ имѣніи: «тому дать на руцѣ съ добыткомъ и съ домомъ». При томъ, что особенно замѣчательно, имѣніе передается опекуву передъ добрыми людьми: «а товаръ дати передъ добрыми людьми», а не передъ родичами, какъ слѣдовало бы при родовомъ бытѣ. Слѣдовательно Русская Правда свидѣтельствуешь объ общинномъ, а не о родовомъ бытѣ. Русская же правда издана Рюриковичами, и именно въ то время, когда по словамъ г. Соловьева между ними будто бы царилъ родовой бытъ, которымъ г. Соловьевъ даже старается доказать владычество родоваго быта и между Русскими Славянами. Теперь спрашивается: какимъ образомъ Рюриковичи, воспитанники родоваго быта, вдругъ ни съ того ни съ сего издаютъ чисто общинный законъ, и для кого же, — для Русскихъ Славянъ погрязшихъ въ родовомъ бытѣ? рѣшеніе этого вопроса очевидно; т. е. приписывать родовой бытъ Русскимъ Славянамъ, въ тѣхъ формахъ и въ томъ объемѣ, какія являются въ пламенномъ воображеніи г. Соловьева значить противорѣчить всемъ историческимъ данымъ, взводить на исторію небылицу.

Окончивши сказанія о родовомъ бытѣ Русскихъ Славянъ, г. Соловьевъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ Славянъ языческихъ, не объясняя, какихъ Славянъ, западныхъ или придубайскихъ или Русскихъ; и начинаетъ свои описанія разсказами Прокопія, Маврикія и Иордана объ Астахъ и Склавиныхъ, которые по свидѣтельству тѣхъ же писателей

(*) Ibid. 126.

далье Днѣстра и сѣвернаго берега Дуная не простирались. Газказы сіи, писанные очевидцами, конечно, правильны; но они представляютъ только нравы и обычаи Славянъ жившихъ до Днѣстра; стало быть захватываютъ одну южную часть Русскихъ Славянъ, т. е. Уличей и Тиверцевъ; а Несторъ говоритъ, что Русскія Славянскія племена, каждое имѣло свои обычаи и нравы; следовательно приписывать обычаи и нравы Уличей и Тиверцевъ всемъ Русскимъ Славянамъ, значитъ противорѣчить Русской исторіи. А по сему все объясненія и все старанія г. Соловьева сблизить сказанія греческихъ писателей по сему предмету съ свидѣтельствами Нестора, не только бесполезны для исторіи, но даже вредны, ибо запутываютъ дѣло.

Перехода собственно къ свидѣтельству Нестора, г. Соловьевъ разбираетъ извѣстное мѣсто лѣтописи о бракахъ у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, и опять сбивается на свою любимую тему о родовомъ бытѣ и задаетъ вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ могло имѣть мѣсто похищеніе дѣвицъ въ родовомъ бытѣ? Вопросъ этотъ дѣйствительно очень важенъ; ибо первое, что является при соображеніи обстоятельствъ родового быта; это именно то, что при этомъ бытѣ похищеніе дѣвицъ не имѣетъ мѣста; ибо въ состояніи язычества браки были возможны въ какихъ угодно степеняхъ родства; а первая выгода и требованіе рода состояли именно въ томъ, чтобы не завязать отъ другихъ родовъ, и соблюдать строгую исключительность; по сему молодые люди должны были вступать въ бракъ съ дѣвцами своего же рода, а не чужаго, и по распоряженію родоначальниковъ, отъ которыхъ они были въ полной зависимости. Следовательно ежели безусловно допустить обычай похищенія дѣвицъ между Славянскими племенами, указанными Несторомъ; то значитъ признаться въ несостоятельности идеи родового быта; а по сему, чтобы уклониться отъ такой несостоятельности или какъ-нибудь ее прикрыть, г. Соловьевъ придумалъ такой оборотъ при рѣшеніи сего вопроса: «Если браки совершались внутри рода, то ясно, что въ такомъ случаѣ похищеніе не могло имѣть мѣста: постоянное сожителство четы долженствовало быть слѣдствіемъ согласія цѣлаго рода, воли отца — старшины; такимъ образомъ похищеніе могло имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужаго рода, изъ чужаго села». Но этотъ оборотъ, такъ искусно придуманный именно для того, чтобы-какъ-нибудь обойти необходимый невыгодный вопросъ, все таки не удался изобрѣтателю; ибо ежели принять рѣшеніе, предлагаемое г. Соловьевымъ, то значитъ рѣшить вопросъ только на половину, т. е. при условіи: «когда дѣвушка была изъ чужаго рода». А Несторъ го-

ворить безусловно: «брацы не бываху въ нихъ, но игрища между селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ неюже кто съвѣщашеся» (*). Следовательно представляетъ общую форму сочетанія половъ, а не исключеніе изъ правила при извѣстныхъ условіяхъ; и говорить, что эта форма допускалась только при извѣстныхъ случаяхъ, значитъ, явно и бездоказательно противорѣчить прямому свидѣтельству летописи. Такимъ образомъ при всей изобрѣтательности и при всѣхъ уклоненіяхъ придуманныхъ г. Соловьевымъ, настоящее свидѣтельство Нестора остается въ полной силѣ, и прямо указываетъ, что у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, а также и у Кривичей, родовой бытъ не существовалъ въ тѣхъ формахъ, на какія указываетъ г. Соловьевъ: ибо при такихъ формахъ сочетанія половъ, указанное Несторомъ, не имѣетъ мѣста.

Обращаясь къ древней религіи Славянъ, г. Соловьевъ говоритъ: «Религія восточныхъ Славянъ соответствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ домашнимъ геніямъ; следовательно героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ: знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей—героевъ; и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а не въ дружинной формѣ». Здѣсь опять стараніе отыскать какое-либо доказательство въ пользу родоваго быта; и опять такого доказательства не оказывается; ибо мнѳологія Русскихъ Славянъ до того еще не разработана, и до того темна, что дѣлать изъ нея какія-либо заключенія на счетъ древняго быта Славянъ мы рѣшительно не имѣемъ никакого права; притомъ отсутствіе или присутствіе антропоморфизма отнюдь еще не доказываетъ родоваго или дружиннаго быта, ибо мы знаемъ изъ исторіи примѣры сильнаго развитія антропоморфизма въ такихъ народахъ, которые никогда не были дружинниками, и упорно и долго придерживались родовыхъ началъ; для образца довольно показать на Грековъ. Впрочемъ за исключеніемъ желанія отыскать доказательства родоваго быта, разсужденія г. Соловьева о древней религіи русскихъ Славянъ довольно замѣчательны; и мы особенно благодарны ему за то, что онъ не смѣшалъ Религіи восточныхъ Славянъ съ религіею западныхъ ихъ собратій.

Разсказавши о религіи восточныхъ Славянъ г. Соловьевъ предлагаетъ краткій обзоръ о Финскихъ и Литовскихъ племенахъ, далѣе рассказы-

(*) Лавр. 6.

васть о движеніяхъ Готѣвъ, Гуиновъ, Аварь, и Казарь. Здѣсь г. Соловьевъ умѣлъ удачно свести всѣ отрывочныя извѣстія и разныя догадки, извѣстныя о томъ или другомъ изъ сихъ народовъ, и представилъ очеркъ ихъ исторіи живой и стройной; но въ собственныхъ соображеніяхъ и изслѣдованіяхъ почти не пускался...

Наконецъ доходить очередь до Варяговъ. Г. Соловьевъ приступая къ изслѣдованію о Варягахъ говорить: «Здѣсь, прежде нежели приступимъ къ разбору лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о географическихъ понятіяхъ лѣтописца, во сколько они разнятся отъ нашихъ. Разница состоитъ въ томъ, что Балтійское или Варяжское море, по лѣтописцу, находится не на сѣверо-западъ, но прямо на сѣверъ; это видно изъ описанія рѣчныхъ теченій: «Днѣпръ бо потече изъ Оковскаго лѣса, и потечеть на полдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощѣ, и впадетъ въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ». Въ слѣдствіе такого взгляда, говоритъ Соловьевъ, становится понятнымъ, какъ Варяги, присѣдя къ морю Варяжскому, могутъ въ то же время соприкасаться къ востоку съ предѣломъ Симовымъ: Скандинавскій полуостровъ мы должны положить поперекъ, Балтійское (Варяжское) море будетъ находится прямо на сѣверъ отъ Русскихъ владѣній, составлять одно съ Нѣмецкимъ, это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго Океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, при чемъ сѣверный Скандинавскій берегъ Варяжскаго моря будетъ соответствовать Европейскому берегу Средиземнаго, южный берегъ Варяжскаго — Африканскому берегу Средиземнаго; слѣдовательно Скандинавскій перешеекъ, подобно Суэзкому, долженъ находится на востокъ около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою». Мы рѣшительно не понимаемъ, къ чему ведетъ такое странное толкованіе простыхъ словъ Нестора: «а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощѣ, и впадетъ въ море Варяжское». Ужъ не припала ли г. Соловьеву охота доказывать, что Несторъ былъ плохой географъ-систематикъ, который разкидывалъ моря и земли по своему произволу и могъ писать такую дикую систему своимъ современникамъ, очень хорошо знавшимъ и Балтійское море и сѣверный океанъ почти до устья Оби, плававшимъ и по сѣверной Двинѣ и по Печорѣ? Но предполагаемое г. Соловьевымъ доказательство не можетъ быть имъ; ибо у Нестора есть другое подобное же выраженіе, которое однако г. Соловьевъ не осмѣлился перетолковывать по своему. При изчисленіи земель, доставшихся сыновьямъ Поевымъ, Несторъ говоритъ, что Афету достались полунощныя страны

и западных, и между прочимъ часть Асійскія страны до Поветьскаго моря; на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ и Кавкавказскія горы, рекше Угорскія, и отгудъ доже и до Днѣпра». Здѣсь конечно не лъзя предполагать, чтобы Несторъ думалъ, что Дунай течетъ на сѣверъ отъ Понтскаго или Чернаго моря, хотя и сказано: на полнощныя страны, слѣдовательно подъ *полунощными странами*, здѣсь Несторъ разумѣлъ собственно сѣверозападъ; а посему въ томъ же значеніи у него употреблено слово на *полунощье*, т. е. въ мѣстѣ приведенномъ у Соловьева, а Двина идетъ на сѣверо-западъ, и впадаетъ въ Варяжское море. Принимая это простое и естественное толкованіе словъ Нестора, основанное на сличеніи одинакихъ выраженій, употребленныхъ въ разныхъ мѣстахъ, и представляющихъ одинакій смыслъ, всякой ясно видитъ, то географическая небывалая система, навязываемая г. Соловьевымъ Нестору, исчезла сама собою; но чтобы не останавливаться надъ тѣмъ, что уже исчезло, мы перейдемъ къ самимъ Варягамъ. Г. Соловьевъ объ нихъ говоритъ, что вѣрнѣйшее мнѣніе о Варягахъ есть то, которое приписываетъ имъ Скандинавское происхождение; съ симъ показаніемъ г. Соловьева мы совершенно согласны, но также вполне убѣждены и въ томъ, что г. Соловьевъ не самъ выработалъ это мнѣніе, слѣдовательно долгъ справедливости требовалъ бы хотя мелькомъ упоминуть о тѣхъ писателяхъ, которые выработали это мнѣніе, и довели его до очевидности.

Глава IV.

Призваніе Варяговъ Руси сѣверными племенами Славянскими и Финскими. Обзоръ состоянія Европейскихъ народовъ, преимущественно Славянскихъ въ эпоху призванія князей. Главу сію г. Соловьевъ начинаетъ тѣмъ, что Русскія Славянскія племена и вмѣстѣ съ ними Финскія передъ прибытіемъ Рюрика платили дань на югъ Казарамъ, а на сѣверъ Варягамъ. «Брали дань Варяги изъ-за моря на Чуди Славянахъ Новгородскихъ, Мери Веси и на Кривичахъ; а Казары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали по горностаю и по бѣлкѣ отъ дыма.» Это слова Нестора; но вотъ толкованіе автора. «Лѣтописецъ говоритъ о Варягахъ, что они просто брали дань, а о Казарахъ, что они брали по горностаю и бѣлкѣ, — знакъ, что о дѣлахъ на югъ Лѣтописецъ имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія.» О дѣлахъ на югъ Лѣтописецъ правда имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія, но это видно не изъ настоящаго текста, который указываетъ не на подробность свѣдѣній, но на форму взиманія дани;

зѣсь мы видимъ, что Казары брали дань опредѣленную по горпостая и по бѣлѣ отъ дыма; Варяги же, производи только набѣги, грабежи, брали, что придется, какъ это и всегда бываетъ у разбойниковъ. Значить, Казары покорили упоминаемыя Несторомъ племена, Варяги же не покоряли Сѣверныхъ племенъ, а только грабили ихъ въ своихъ разбойническихъ набѣгахъ, и этотъ грабежъ Лѣтописецъ назвалъ данью. Такое толкованіе совершенно согласно съ характеромъ того и другаго народа; при томъ же списки Несторовой лѣтописи Ипатіевскій и Хлѣбниковскій и первая Псковская лѣтопись прямо говорятъ: «имаху дань Варязи приходяще изъ заморья,» приходяще, т. е. временно дѣлая набѣги, по временамъ приходя грабить. Да и самая исторія Нормановъ или Варяговъ свидѣтельствуетъ тоже; ибо изъ нея мы видимъ, что Норманны, покоривши какой либо край, всегда строили тамъ укрѣпленія, а иногда даже и не успѣвши покорить края, тамъ укрѣплялись въ надеждѣ удержаться, но въ Новгородской землѣ у Варяговъ не было укрѣпленій; слѣдовательно они, не только покоряли этого края, но зная хорошо силы Новгородцевъ, даже никогда не надѣялись удержаться въ немъ, и посему дѣлали только временныя набѣги для грабежа, иногда удачныя, а иногда неудачныя.

Передавши слова Нестора о призваніи Варяговъ Новгородцами, Кривичами и Чудью, г. Соловьевъ продолжаетъ: «При изображеніи нравовъ и обычаевъ Словянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ими вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Словянъ; нашъ Лѣтописецъ не отвергаетъ ихъ показанія: какъ скоро, говоритъ онъ, племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, т. е. безпристрастнаго рѣшенія споровъ, не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнить, не было власти, которая бы принуждала ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніи между родами, при общихъ дѣлахъ рѣшителями споровъ должны быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утверждать право.» Мы не споримъ, что при родовомъ бытѣ усобицы возможны, хотя и не необходимы, ибо споры и недоумѣнія между двумя родоначальниками могутъ быть разрѣшены посредничествомъ третьяго родоначальника, и не доходя до драки; но

нельзя отвергать и того, что усобицы возможны и при общинномъ бытѣ когда нѣсколько общинъ составляютъ одинъ союзъ; следовательно, при возможности усобицъ въ томъ и другомъ бытѣ, главный вопросъ состоитъ не въ усобицахъ, а въ томъ изходѣ, какой они получили у Новгородцовъ съ ихъ союзниками; при какомъ бытѣ возможенъ такой изходъ, какъ явленіе историческое? Авторъ самъ признаетъ, что главное условіе родового быта — разрозненность и наследственная вражда изъ рода въ родъ; следовательно естественно роды и не подумаютъ о соединеніи даже потому, чтобы не попасть въ такое положеніе, которое бы удерживало ихъ отъ вражды къ противникамъ; они, какъ свидѣтельствуется исторія, скорѣе согласны истребить другъ друга въ усобицахъ, только бы не соединиться съ враждебными родами. Изходомъ родовыхъ усобицъ, по свидѣтельству всей исторіи, можетъ быть или насильственное подчиненіе чуждой власти или также насильственное признаніе власти за которымъ либо своихъ же усилившихся родовъ. Добровольное же приглашеніе властителей изъ чуждаго рода возможно только при бытѣ общинномъ, гдѣ матеріальныя выгоды, связывающія людей, хотя и часто порождаютъ споры и усобицы, но не могутъ вселить вражды потомственной родовой, ибо самая измѣняемость матеріальныхъ выгодъ невольно измѣняетъ враждующія стороны, такъ что кто нынче по столкновенію выгодъ врагъ, тотъ завтра по столкновенію же выгодъ можетъ быть другомъ. А эта измѣняемость и непродолжительность вражды у общинниковъ, при главной цѣли пользоваться свободно матеріальными выгодами, естественно развиваетъ желаніе большаго порядка и наряда, дабы съ большимъ обезпеченіемъ пользоваться выгодами, для которыхъ общинникъ въ случаѣ нужды откажется и отъ чуждаго властелина, только бы этотъ властелинъ обезпечивалъ безопаснсть и покой общины, чему прямымъ свидѣтельствомъ служить вся исторія Новгорода. Итакъ призваніе Варяговъ Славянами Ильменскими и ихъ союзниками, какъ явленіе историческое, есть прямой результатъ общиннаго, а не родового быта.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію объясненій, которыя авторъ далъ обстоятельствамъ, сопряженнымъ въ рассказѣ Пестора съ призваніемъ Варяговъ. Обстоятельства сіи суть 1-е: соединеніе племенъ Славянскихъ и Финскихъ и 2-е, занятіе городовъ Рюрикомъ и его братьями. Первое обстоятельство авторъ объясняетъ такъ: «Безъ всякаго сомнѣнія означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ Варяжскимъ, какъ въ послѣдствіи остальные разрозненныя Славянскія племена были приведены въ связь князьями изъ дома Рюрикава,

Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ, и потомъ въ призваніи Князей.» Что Князья Рюрикова дома завоеваніями соединили разныя Славянскія племена, это еще нѣсколько понятно; понятно также и то, что Варяги и до Рюрика при помощи завоеваній могли соединить Славянскія племена съ Финскими. Но какимъ образомъ сіи разныя и совершенно чуждыя другъ другу племена по изгнаніи Варяговъ остались соединенными? Это рѣшительно не понятно; ибо связь сихъ племенъ, основанная только на завоеваніи, естественно уничтожилась съ уничтоженіемъ завоеванія; А посему обстоятельство соединенія Финскихъ племенъ съ Славянскими, очевидно вытекаетъ не изъ мнимаго Варяжскаго завоеванія, а совершенно изъ иныхъ источниковъ, на которые почему-то не разсудилъ указать г. Соловьевъ.

Во второмъ обстоятельствѣ особенно обратилъ вниманіе авторъ на то, что Рюрикъ поселился не въ Новгородъ, а въ Ладогъ, и это предпочтеніе Ладоги Новгороду онъ объясняетъ такъ: «положеніе Ладоги относительно начала великаго воднаго пути, относительно близости моря, важнѣе положенія Новгорода; Ладога находится ближе къ устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственномъ сообщеніи съ заморьемъ въ случаѣ, ежели бы дѣло его пошло не такъ успѣшно въ новой странѣ; недавнее изгнаніе Варяговъ должно было научить его осторожности; съ другой стороны Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область отъ нападений другихъ Варяговъ, и вотъ онъ прежде всего строитъ крѣпость въ Ладогѣ, недалеко отъ устья Волхова и селится здѣсь.» Объясненіе это вовсе не новое и даже ежели угодно запоздалое. Здѣсь вопросъ не въ томъ, выгоднѣе ли была Ладога или Новгородъ; но въ томъ Рюрикъ не былъ завоевателемъ Новгородскаго края, а пришелъ туда по приглашенію, следовательно выбиралъ ли города, или садился тамъ, гдѣ ему назначили приглашатели? При томъ въ занятіи городовъ Рюрикомъ и его братьями замѣчательно занятіе не столько Ладоги сколько Бѣлозера, Ростова и Муромъ; ибо здѣсь рождается вопросъ, почему Варяжскіе князья заняли Бѣлозеро принадлежавшее племеню Веси, Ростовъ принадлежавшій Мери, и Муромъ принадлежавшій Муромъ? тогда какъ ни Веси, ни Мери, ни Муромъ не участвовали въ приглашеніи Варяжскихъ Князей; ибо Несторъ прямо говоритъ, что приглашали Варяговъ только Чудь, Словены и Кривичи: «рѣша Руси Чудь Словени и Кривичи.» Г. Соловьевъ этого вопроса вовсе и не коснулся и даже не примѣтилъ его: тогда какъ разрѣшеніе его разрываетъ намъ значеніе Новгородъ

до Рюрика, и объясняетъ смыслъ соединенія Славянскихъ племенъ съ Финскими. Впрочемъ г. Соловьевъ не коснулся и многихъ другихъ вопросовъ вытекающихъ изъ обстоятельствъ призванія Варяжскихъ князей, но мы оставляемъ его недосмотры; и спѣшимъ поблагодарить его за краткій обзоръ происшествій въ другихъ странахъ Европы въ IX столѣтїи, приложенный къ этой главѣ.

Глава V.

Первые Князья: Рюрикъ, Олегъ, Игорь. Г. Соловьевъ Рюрика и его братьевъ представляетъ какими-то завоевателями; вотъ его слова: «По прошествїи двухъ лѣтъ отъ призванія, младшіе братья Синеусъ и Труворъ умерли, и всю власть принялъ одинъ старшій Рюрикъ; эта власть уже простиралась на Кривичей Западно-Двинскихъ, т. е. Полочанъ на югъ, на Мерю и Мурому на сѣверо-востокъ. Если Меря, платившая дань Варягамъ, и не упомянутая въ разсказѣ о призванїи, точно въ немъ не участвовала, то должно быть, что ее снова покорилъ Синеусъ съ Бѣлоозера, по старому Варяжскому пути, а за Мерею впервые покорилась и Муромъ; на югъ перейденъ волокъ между Ловатю и западною Двиною, присоединенъ Полоцкъ.» Но откуда г. Соловьевъ взялъ такіе извѣстія, мы рѣшительно не знаемъ, ибо Несторъ ни слова не упоминаетъ о завоеванїяхъ Рюрика и его братьевъ, а напротивъ прямо свидѣтельствуетъ, что завоеваній не было; «и придоша; старшій Рюрикъ сѣдъ въ Ладозѣ, а другїй Синеусъ на Бѣлозерѣ, третїй Изборствъ Труворъ... По двоуже лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прїа власть Рюрикъ; и раздал мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи; а первїи насельницы въ Новгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлозерѣ Весь, въ Муромѣ Муромъ, и тѣми всеми обладаша Рюрикъ». Здѣсь Несторъ называетъ Варяговъ находниками и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ и на Бѣлозерѣ и въ Муромѣ; а въ Новгородѣ Варяги не были завоевателями, ибо намъ за подлинно извѣстно, что они пришли туда по приглашенїю, следовательно ни въ Ростовѣ, ни въ Муромѣ ни въ Полоцкѣ они также не были завоевателями. Притомъ какимъ образомъ г. Соловьевъ говоритъ, что Синеусъ завоевалъ Мерею и Мурому изъ Бѣлоозера; вѣдь и Бѣлозерцы его къ себѣ не приглашали; ибъ онъ свидѣтельству лѣтописи, на Бѣлозерѣ жила Весь, а приглашателями были только Чудь, Словѣни и Кривичи; по этому выходитъ, что

и Бѣлоозеро было завоевано Синеусомъ; а Несторъ прямо противорѣчить этому, онъ говоритъ: «и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Ладозѣ, а другій Синеусъ на Бѣлоозерѣ; следовательно ежели Ладога и Бѣлоозеро не были завоеваны, то и Меря и Муромъ также не были завоеванными; и вообще Рюрикъ съ братьями пришедши въ нашу сторону по приглашенію не производили завоеваній, и владѣли Бѣдымъ озеромъ, Ростовомъ и Муромомъ потому, что ихъ уступили имъ главные приглашатели Новгородцы повелители всего этого края. На это владычество Новгорода довольно прямо указываетъ самъ Несторъ; ибо сказавши о занятіи городовъ Рюрикомъ и его братьями, тутъ же говоритъ: «отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородци: ти суть люде Новгородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣна» т. е. отъ Рюрика съ братьями стали называться Русскою землею Новгородци или весь новгородскій край, т. е. и Бѣлоозеро и Ростовъ и Муромъ. Желая поддержать свою ни на чемъ неоснованную мысль о небывалыхъ завоеваніяхъ Рюрика съ братьями, г. Соловьевъ говоритъ: «о войнахъ есть извѣстіе, что призванные князья начали воевать всюду»; да, это правда, точно есть такое извѣстіе; но можно ли ему сколько нибудь вѣрить, это другой вопросъ. Извѣстіе сіе находится въ лѣтописяхъ половины XVII вѣка, и стоитъ рядомъ съ извѣстіемъ о происхожденіи Рюрика отъ Августа Кесаря Римскаго; конечно г. Соловьевъ не вѣритъ происхожденію Рюрика отъ Августа, следовательно нѣтъ никакого права вѣрить и извѣстію о войнахъ всюду. Даже самое выраженіе «начаша воевати всюду» по своей неопредѣленности ясно обличаетъ позднѣйшаго вставщика и изкажителя древнихъ лѣтописныхъ извѣстій. Итакъ Рюрикъ и его братья не производили завоеваній въ Русской землѣ.

Далѣе г. Соловьевъ говоритъ: «о правительственныхъ мѣрахъ читасмъ, что Рюрикъ роздалъ города мужамъ своимъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Раздая волости мужемъ своимъ и города рубити». Такъ съ Рюрика началась уже эта важная дѣятельность нашихъ князей — построение городовъ, сосредоточеніе народонаселенія». Мы согласны съ тѣмъ, что Рюрикъ раздалъ города мужамъ своимъ, ибо объ этомъ свидѣлствуютъ лѣтописи; но чтобы съ Рюрика началось построение городовъ и сосредоточеніе народонаселенія съ этимъ согласиться нельзя, ибо города существовали и въ нихъ сосредоточивалось народонаселеніе еще до Рюрика; приведенныя же слова нѣкоторыхъ списковъ лѣтописи: «*города рубити*» означаютъ не основаніе городовъ, не сосредоточеніе народонаселенія, а

только построение или даже возобновление городских стѣнъ, въ городахъ уже существующихъ; такой смыслъ сихъ словъ ясно видѣнъ во всѣхъ древнихъ памятникахъ нашего языка; мысль же основать городъ въ древности у насъ изображалась выражениемъ *ставить* городъ, а *перубить*. Такъ на примѣръ Несторъ говоритъ объ Олгѣ подь 882 годомъ: «се же Олгъ нача города ставити? или подь 988 годомъ о Владимирѣ: «И нача ставити города по Деснѣ, и по Вѣстри, и по Трубежеви» и пр. Слѣдовательно Рюрика даже нельзя назвать первымъ княземъ начавшимъ основывать города на Руси; ибо таковымъ по свидѣтельству Нестора былъ Олгъ. Но г. Соловьевъ не остановился даже на одномъ глухомъ показаніи о постройкѣ городовъ, онъ приписываетъ Рюрику построение и Новгорода; конечно каждому покажется удивительно, какимъ образомъ Рюрикъ былъ основателемъ Новгорода? когда Новгородъ существовалъ уже до него, и самъ-то Рюрикъ былъ призванъ на Русь Новгородцами; оно точно удивительное дѣло, а все таки г. Соловьевъ прямо говоритъ: «сохранилось преданіе, что по смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильмену, срубилъ городъ надъ Волховомъ, прозвалъ его Новгородомъ, и сѣлъ тутъ княжить. Это мѣсто лѣтописи, по мнѣнію г. Соловьева, прямо показывается, что собственный Новгородъ былъ основанъ Рюрикомъ? а на самомъ дѣлѣ это мѣсто говоритъ, что Рюрикъ по смерти братьевъ только перебрался изъ Ладоги къ Ильмену, и построилъ надъ Волховомъ ту крѣпостцу, которая въ послѣдствіи называлась Ярославовымъ городищемъ, и въ которой съ Рюрика начинала обыкновенно жила князья Новгородскіе. Ежели же текстъ лѣтописи принятъ въ томъ смыслѣ, какой силится дать ему г. Соловьевъ; то должно будетъ признать что Новгородъ былъ построенъ даже не Рюрикомъ, а гораздо позднѣе именно Ярославомъ, ибо въ одной Новгородской лѣтописи подь 6557 годомъ сказано: «Ходи Великій Ярославъ Владимировичъ на Литву, а на весну заложилъ Новградъ, и сѣла на Софійской сторонѣ каменнаго».

Разсказывая о занятіи Кіева Аскольдомъ и Диромъ авторъ говоритъ: владѣніе основанное Варяжскими выходцами въ Кіевѣ не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой либо прочный порядокъ вещей среди племенъ, жившихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать только Сѣверные Князья, имѣвшіе для того достаточную мате-

риальную силу, и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ». Такъ по мнѣнію г. Соловьева, а исторія говоритъ совсѣмъ другое. Сѣверные Князья были привязаны правительственными отношеніями только къ Сѣвернымъ племенамъ ихъ призвавшимъ, а на племена южныя на Кіевъ вовсе не имѣли права; ибо ихъ туда не приглашали, и южныя племена нисколько не были связаны съ сѣверными. А утвердились на югѣ сѣверные Князья потому, что Олегъ обманомъ убилъ Аскольда и Дира; самая хитрость, употребленная Олегомъ при этомъ случаѣ, довольно ясно показываетъ, что Аскольдъ и Диръ были сильны въ Кіевѣ, и Олегъ не надѣялся побѣдить ихъ открытою силою, и такимъ образомъ самъ признавалъ прочность ихъ власти.

Говоря о поселеніи Олега въ Кіевъ, авторъ пишетъ. «Понятно, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата... тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ поворачиваетъ на востокъ въ степи, жилище кочевыхъ народовъ. Здѣсь слѣдовательно должна была утвердиться главная защита, главной острогъ новаго владѣнія со стороны степей». Чтобы главный острогъ былъ на границѣ съ степями—это понятно; но чтобы главный острогъ былъ мѣстопробываніемъ князя, этого уже понять нельзя; и ежели Олегъ остался въ Кіевѣ, то уже конечно не потому, что этотъ городъ былъ главнымъ острогомъ противъ кочевниковъ, а по другимъ причинамъ, которыхъ не примѣчаетъ г. Соловьевъ, и которыя даютъ Русской исторіи совсѣмъ другой совершенно ясный и понятный смыслъ.

Далѣе авторъ рассказываетъ о построеніи Олегомъ городовъ, о завоеваніи разныхъ южныхъ племенъ и о походѣ на Константинополь. Здѣсь всего важнѣе Константинопольскій походъ, ибо онъ былъ поконченъ мирнымъ договоромъ записаннымъ у летописца вполне; въ договорѣ этомъ превосходно изображена тогдашняя внутренняя жизнь Руси устройство Русскаго общества въ IX столѣтіи; но Г. Соловьевъ рѣшительно не умѣлъ воспользоваться симъ превосходнымъ источникомъ и только вкратцѣ перечислилъ статьи договора, въ каковомъ перечисленіи сгладилъ всѣ характеристическія черты драгоцѣннаго памятника.

Описывая Княжескіе Игоря г. Соловьевъ въ рассказѣ о первомъ Игоревомъ походѣ на Грецію говоритъ о причинѣ его пораженія. «Эту причину можно открыть въ самомъ преданіи, изъ котораго видно, что походъ Игоря не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ; это былъ скорѣе набѣгъ

шайки, малочисленной дружины. Что войска было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи». Мы рѣшительно не знаемъ, какая причина заставляетъ г. Соловьева видѣть въ Олеговомъ походѣ народное предпріятіе, а въ Игоревомъ только набѣгъ шайки, малочисленной дружины; но ясно видимъ, что г. Соловьевъ произвольно отвергаетъ свидѣтельства лѣтописей и рассказываетъ исторію не по древнимъ источникамъ, а по своему замысленію, которое совершенно противорѣчитъ лѣтописи. Ибо лѣтописецъ говорить, что въ первомъ Греческомъ походѣ съ Игоремъ было 10,000 лодокъ, въ Олеговомъ же походѣ только 2000 лодокъ (*), слѣдовательно въ сравненіи съ Олеговомъ походомъ походъ Игоревъ вовсе нельзя назвать набѣгомъ шайки, малочисленной дружины, ибо ясно что 10,000 лодокъ больше 2000 лодокъ. Но мирнымъ договоромъ Игоря съ Греками г. Соловьевъ воспользовался лучше нежели Олеговомъ договоромъ, и сдѣлалъ изъ него выводы хотя не новые, но довольно вѣрные, впрочемъ и тутъ многое и очень важное оставилъ необъясненнымъ и даже какъ бы незамѣченнымъ: За то рассказъ о столкновеніяхъ Игоря съ Печенегами изложенъ во многихъ отношеніяхъ удовлетворительно; ибо здѣсь г. Соловьевъ съ отчетливостію коснулся событій тогда произошедшихъ за Доломъ между Казарами, Уграми, Печенегами и Узами.

Глава VI.

Ольга, Святославъ; событія по смерти Святослава до утвержденія Владимира въ Кіевѣ. Главу сію авторъ начинаетъ лѣтописнымъ рассказомъ о мести Ольги Древлянамъ за смерть Игоря. На этомъ рассказѣ онъ останавливается довольно долго потому, что онъ даетъ ему поводъ поговорить о родовомъ бытѣ, о чемъ самъ г. Соловьевъ объявляетъ по окончаніи лѣтописнаго рассказа, вотъ его слова. «Таково преданіе объ Ольгиной мести: оно драгоцѣнно для историка, потому что отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставляющія мечь за убійство близкаго челоука священною обязанностію; видно, что при составленіи лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній

(*) Конечно у Лиутпранда число лодокъ, бывшихъ въ Игоремъ, показано только 1000, Левъ Граммтикъ число войска ограничиваетъ 10,000; а объ Олеговомъ походѣ Греки и вовсе не говорятъ; слѣдовательно ихъ свидѣтельства не доказываютъ, что съ Игоремъ было меньше войска, нежели съ Олегомъ.

мечь за родича была подвигомъ до преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигъ возбуждалъ всеобщее живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшенно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ его охраняющимъ, и прославляетъ какъ героевъ тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ». Что преданіе объ Ольгиной мести сохранилось довольно свѣжо, это ясно изъ самаго лѣтописнаго разсказа; но изъ тогоже разсказа видно что и сбо всѣхъ Ольгиныхъ дѣяній сохранилось самое живое преданіе; а прочія дѣянія Ольги вовсе не походятъ на мечь Древлѣнамъ; слѣдовательно причина сохраненія живыхъ преданій объ Ольгѣ заключается не въ уваженіи тогдашняго общества къ мести, какъ священной обязанности челоука, а совершенно въ другомъ источникѣ, и именно въ томъ, что Ольга была первою Русскою Княгинею принявшею христіанство; и указаніе на этотъ источникъ мы находимъ не въ однихъ соображеніяхъ, но и въ ясномъ свидѣтельствѣ самаго Нестора. «Ольга первое вииде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Русіе сынове аки начальнику: ибо по смерти моляше Бога за Русь». Здѣсь каждый ясно видитъ, что по свидѣтельству Нестора Ольга была славна въ Русской землѣ не местию Древлѣнамъ, а принятіемъ христіанства; что живое преданіе о ней сохранилось потому, что Русскіе считали ее своею начальницею въ христіанствѣ, молитвенницею за Русь. Приписывать память объ Ольгѣ, единственно уваженію общества къ мести, мы не можемъ уже и потому, что въ то время, когда была писана лѣтопись, родовая мечь много уже должна была потерпѣть и отъ законовъ Ярослава, его дѣтей и внуковъ, и въ особенности отъ христіанства; и никакимъ образомъ нельзя допустить чтобы преподобный Несторъ, благочестивый и кроткій инокъ христіанскій, рѣшился прославлять въ Ольгѣ родовую мечь поганого язычества.

Далѣе авторъ разсказывая о разныхъ учрежденіяхъ Ольги въ Древлѣнской землѣ и Новгородѣ, силится опредѣлить древнее значеніе словъ оброкъ и погость. «Мы знаемъ, говоритъ онъ, что Русскіе Князья въ Ноябрь мѣсяцъ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на полюдье, и проводили у нихъ зиму: обязанность племенъ содержать князя и дружину во время этого полюдья, называлась какъ-то оброкомъ. Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества это былъ для Князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и разправу; разумется, что для этого князь не могъ останавливаться при каждомъ

жилья; онъ останавливался въ какомъ нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства эти мѣста княжеской стоянки, гощенія, эти погосты могли быть опредѣлены на всегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе приказшики (тіуны), и такимъ образомъ эти погосты могли получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ, и передать свое имя округамъ; въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги». Всѣ сіи разсужденія и предположенія очень хороши и замысловаты, но только до первой справки съ исторіею и ея источниками, отъ соприкосновенія съ которыми они разлетаются въ прахъ. Такъ автору кажется, что оброкомъ называлась обязанность племени содержать князя съ дружиною во время полюдья; а древніе памятники, на примѣръ хотябы Русская правда, оброкомъ или урокомъ называетъ условленную уреченную плату или за трудъ, или за пользованіе чужою собственностію, или за пользованіе чужимъ правомъ. Такъ правда говоритъ о судебныхъ уроцѣхъ, т. е. о платѣ судьямъ и ихъ помощникамъ, или о мостныхъ уроцѣхъ, т. е. о платѣ мостнику за работу, о городныхъ уроцѣхъ, т. е. о платѣ за работу строителю городскихъ стѣнъ; также въ правдѣ встрѣчаемъ урокъ отъ ролейной земли, т. е. плату запользованіе ролейною землею; а въ другихъ официальныхъ памятникахъ находимъ оброки за пользованіе рыбными ловлями, бортными ухояями и другими угодымъ, также верѣдко встрѣчаются оброки, взимаемые вмѣсто податей; но содержаніе князя и его людей вездѣ называется не оброкомъ а кормомъ. Не менѣе произвольно и несогласно съ исторіею толкованіе г. Соловьева и о погостахъ; онъ говоритъ, что погостами назывались стоянки князя во время полюдья; но таковыя стоянки назывались прежде становищами, какъ свидѣтельствуеетъ и самъ Песторъ, говоря объ Ольгѣ: «суть становища ея и ловища»; въ послѣдствіи таковыя мѣста во всѣхъ официальныхъ памятникахъ назывались станами, и нигдѣ не встрѣчаются подъ именемъ погостовъ. При томъ ежели бы погостами назывались именно тѣ мѣста, гдѣ во время полюдья князь останавливался для суда и разправы и держалъ тіуновъ; то названіе погостовъ въ значеніи небольшихъ правительственныхъ центровъ мы встрѣчали бы во всѣхъ Русскихъ областяхъ, т. е. и въ Кіевской и въ Черниговской, и Рязанской и въ другихъ, ибо полюдье было вездѣ; но на самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ погосты только въ одной Новгородской землѣ, и то не какъ центры правительственные, но какъ административное дѣленіе

страны; даже въ погостахъ не было и княжескихъ тиуновъ. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ, что при погостахъ въ послѣдствіи могли быть построены церкви и собираться при церквахъ торги. Что при погостахъ могли быть церкви и торги, противъ этого мы не споримъ; но на самомъ дѣлѣ церкви были не при всѣхъ погостахъ, а торги производились на особыхъ мѣстахъ, которыя назывались у Новгородцовъ рядками, а не погостами.

Разсказавши о принятіи Ольгою христіанства г. Соловьевъ разпространяется о побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять христіанство, и принять его именно въ Константинополь; и какъ должно было ожидать по приему къ дѣлу, не рѣшаетъ сего вопроса, и дѣлаетъ одни только предположенія, совершенно лишнія.

Приступая къ описанію дѣяній Святослава г. Соловьевъ сдѣлалъ очень важное замѣчаніе: «что Святославъ совершалъ свои подвиги съ помощію одной своей дружины, а не соединенными силами всѣхъ подвластныхъ Руси племенъ». Это замѣчаніе въ отношеніи къ дружинѣ Святослава совершенно ново, и метко выражаетъ значеніе княжой дружины на Руси, мы ему вполне сочувствуемъ и не можемъ не благодарить за него г. Соловьева (*). Самое описаніе начала подвиговъ Святослава, хотя изложено не такъ живо какъ у Карамзина, но имѣетъ свои достоинства и именно въ томъ, что авторъ, не мудрствуя, здѣсь слѣдовалъ своимъ источникамъ (**), и читатели особенно должны быть благодарны ему за пзвѣстіе о войнѣ Святослава съ Волжскими Болгарами, почерпнутое изъ восточныхъ писателей, о которомъ узналъ Карамзинъ уже тогда, когда первые томы его исторіи были напечатаны. Но относительно первой войны Святослава съ Дунайскими Болгарами г. Соловьеву кажется слѣдовало бы быть повнимательнѣе къ Византійскимъ писателямъ; ибо у нихъ здѣсь помѣщены подробности очень важныя для Русской исторіи.

Но недолго г. Соловьевъ остается при однихъ источникахъ, привязанность къ разсужденіямъ и предположеніямъ не даетъ ему покоя; особенно его преслѣдуетъ родовой бытъ, который представляется ему вездѣ и во всемъ. Приступая къ описанію втораго Болгарскаго

(*) Не понимаю, что за разницу видятъ рецензентъ, равно какъ и его авторъ въ походахъ Святослава, Владимира, Ярослава, и прежде Игоря и Олега. Они всѣ предпринимались одинаково съ дружиною. М. П.

(**) Рецензентъ видно забылъ, что эти источники употреблены другими очень давно. М. П.

похода, онъ останавливается на Святославовыхъ словахъ: «не любо ми есть въ Киевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунай, яко то есть среда въ земли моей, яко ту вся благая сходятся». Папирая особенно на выраженіе: «яко то есть среди земли моей», г. Соловьевъ задеетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть среди земли Святославовой? и говорить: «Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1-е Переяславецъ въ земли моей есть срединное мѣсто, потому что туда изъ всѣхъ странъ свозится все доброе. Переяславецъ слѣд. названъ срединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2-е Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ свою землю считалъ только одну Болгарію, приобретенную имъ самимъ, Русскую же землю считалъ по понятіямъ того времени владѣніемъ общимъ родовымъ». Это послѣднее объясненіе намъ особенно нравится, въ немъ открывается главная тайна родового быта, которую г. Соловьевъ постоянно старается скрыть отъ читателей. Дѣло вотъ въ чемъ: въ лѣтописи прямо сказано, что Святославъ называетъ Переяславецъ срединою своей земли, потому что туда свозится все доброе: «яко ту вся благая сходятся». Слѣдовательно это прямое и ясное свидѣтельство, рѣшительно исключаетъ всѣ объясненія, кромѣ одного, что Переяславецъ названъ срединою земли Святославовой по со средоточенію въ немъ торговли. Но г. Соловьеву, это простое и единственное объясненіе кажется недостаточнымъ, и ему представляется легче второе объясненіе, что будтобы Святославъ считаетъ свою землю только одну Болгарію, Русскую же землю по понятіямъ того времени признаетъ владѣніемъ общимъ родовымъ; но на самомъ дѣлѣ, для каждаго безпристрастнаго мыслителя очевидно, что второе объясненіе противорѣчить прямому смыслу лѣтописи, ни откуда не вытекаетъ, и основывается единственно на произволѣ толкователя; слѣдовательно на томъ же произволѣ основываются и всѣ толки о родовомъ бытѣ у Русскихъ Славянъ, и также всѣ они противорѣчатъ Русской исторіи.

Далѣе рассказавъ о раздѣлѣ владѣній между сыновьями Святослава, г. Соловьевъ задеетъ себѣ вопросъ: почему Святославъ первоначально не далъ никакой волости Владимиру? и придерживаясь своихъ идей родового быта, въ которыхъ по его мнѣнію малолѣтныя не получали владѣній отъ отцовъ, рѣшаетъ вопросъ такъ: «можно съ достоверностію предположить, что не столько неравноправность Владимира, сколько его малолѣтство было причиною тому, что Святославъ не далъ ему волости.» Но во 4-хъ здѣсь должно замѣтить, что ни въ одной лѣто-

писи не указывается на малолѣтство Владимира, какъ на причину исключенія изъ права на владѣнїе, тогда какъ Несторъ прямо намекаетъ на его неравноправность съ братьями, называл его сыномъ ключницы Малуши; и во 2-хъ, ежели малолѣтство исключало Владимира изъ права на владѣнїе; то такому же исключенію должны были подвергнуться Ярополкъ и Олегъ: ибо по признанію самого же г. Соловьева (на стр. 142) Ярополку во время раздѣла было не болѣе девяти лѣтъ. Слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ г. Соловьевъ не только дѣлаетъ предположенія очевидно невѣрныя; но даже противорѣчитъ самъ себѣ.

Наковецъ предъ самымъ описаніемъ втораго Болгарскаго похода авторъ говоритъ: «Княженіе Святослава кончилось на Руси; онъ отдалъ всѣ свои владѣнія здѣсь сыновьямъ, и отправился въ Болгарію на-всегда.» Что Святославъ отправился въ Болгарію, мы съ этимъ согласны, ибо лѣтопись именно говоритъ это; но чтобы онъ отказался отъ владѣній Русью, чтобы оставилъ ее навсегда, этого не откуда не видно. Въ лѣтописи онъ только говоритъ: «нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хощю жити въ Переяславцѣ на Дунаи.» Это еще не значитъ, что онъ отказывается отъ владѣній въ Русской землѣ, а только хочетъ перебраться на житѣ изъ Кіева въ Переяславецъ, какъ Олегъ перебрался изъ Новгорода въ Кіевъ. Потомъ слова лѣтописи: «посади Святославъ Ярополка въ Кіевъ, а Олега въ Деревехъ,» также не значатъ, что отказался отъ Кіева и земли Древлянской; ибо и Рюрикъ сажалъ своихъ мужей въ Ростовъ и Полоцкъ, и Олегъ въ Смоленскъ и Любечъ; но г. Соловьевъ не говорилъ же тогда, что они такимъ распоряженіемъ отказывались отъ власти надъ сими городами; а Святославъ точно тоже сдѣлалъ, что и они, онъ только вмѣсто мужей посадилъ своихъ сыновей. На признаніе власти за Святославомъ и послѣ раздѣла ясно указываетъ самъ Несторъ; ибо не прежде 973 года, т. е. по прибытіи извѣстія о Святославовой смерти, говоритъ: «нача княжити Ярополкъ.» Слѣдовательно предположеніе, что съ удавленіемъ Святослава въ Переяславецъ кончилось его княженіе на Руси, не имѣетъ никакого основанія, рѣшительно произвольно, и противорѣчитъ прямымъ свидѣтельствамъ лѣтописи.

При описаніи самаго Святославова похода въ Болгарію, г. Соловьевъ представляетъ вполнѣ разсказъ лѣтописи, и старается сколько нибудь свести его съ описаніемъ этой войны у Византійцевъ; впрочемъ не дѣлаетъ подробнаго сличенія и ограничивается общимъ выводомъ: «что Святославъ потерпѣлъ неудачу, долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ Императоромъ; при чемъ обязался оставить Болга-

рiю и возвратиться на Русь.» Потомъ передавши лѣтописный рассказъ объ обстоятельствахъ смерти Святославовой, онъ вдается въ различныя объясненiя сихъ обстоятельствъ и задаетъ себѣ вопросы: «Почему Святославъ испугался Печенѣговъ и возвратился зимовать въ Бѣлобережье? и какимъ образомъ спасся Свенельдъ?» Вопросы сiи конечно странное и отвѣчать на нихъ очень просто. — Святославъ вовсе не пугался Печенѣговъ, а воротился отъ пороговъ къ Бѣлобережью, потому что за осеннимъ временемъ нельзя было пройти порогами, и волей неволей должно было ждать весны, или идти сухимъ путемъ, который не нравился Святославу. Какимъ же образомъ спасся Свенельдъ, мы не знаемъ, да и знать не имѣемъ нужды; но что онъ спасся, въ этомъ ничего нѣтъ мудренаго, не на каждомъ же бою всѣ погибають; да и ни откуда не видно, чтобы Печенѣги свали подрядъ истребить всю дружину Святославову; иное дѣло, имъ нужна была хорошая добыча, и смерть грознаго Святослава, о которой просили ихъ Болгары или Греки, а за Свенельдомъ имъ не было нужды много хлопотать. Но г. Соловьевъ для рѣшенiя сихъ вопросовъ выдумываетъ цѣлую небывалую исторiю, и говоритъ: «Святославъ остался зимовать въ Бѣлобережьи, пославъ Свенельда степью въ Русь, чтобы онъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою снова можно бы было выступить противъ Болгаръ и Грековъ. Но Свенельдъ волею или неволею мешкалъ на Руси; а голодъ не позволялъ Святославу медлить долѣе въ Бѣлобережьи; идти въ обходъ степью было нельзя: кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ черезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги.» Конечно это очень хорошенъкая исторiйка, и объясняетъ дѣло такъ, какъ хочется г. Соловьеву; но къ сожалѣнiю въ ней есть одинъ почти незамѣтный недостатокъ: ее нѣтъ ни въ одной лѣтописи, ни въ одномъ древнемъ памятникѣ, ее выдумалъ г. Соловьевъ, и выдумалъ наперекоръ лѣтописи, изъ которой видно, что Свенельдъ ушелъ съ пороговъ тогда уже, когда Святославъ былъ убитъ. Вотъ слова лѣтописи: «Понде Святославъ въ пороги, и пападе напъ Кура Князь Печенѣжскiй, и убиша Святослава. Взаша главу его, и во лбѣ сдѣлаша чашу, оковаше лобъ его, и пяху по немъ. Свенельдъ же прииде Кiеву къ Ярополку.»

Описывая усобицы сыновей Святославовыхъ, авторъ передаетъ рассказъ Нестора, и представляетъ два очень дѣльныя замѣчанiя; 1-е, что Святославовы сыновья во время своихъ усобицъ были еще очень молодые и дѣйствовали подъ руководствомъ отцовскихъ мужей, своихъ воспитателей; и 2-е, что южныя Славянскiя племена на Руси неохотно

принимали участіе въ княжескихъ усобицахъ. Оба сіи замѣчанія много способствуютъ къ надлежащему повиманію событій того времени, къ которому они относятся, и г. Соловьевъ кажется первый обратилъ на нихъ вниманіе (*). Но нельзя не скорбѣть, что у него радомъ съ такими дѣльными замѣчаніями стоитъ самое невѣроятное и несогласное съ исторіею извѣстіе, почерпнутое изъ Іоакимовской лѣтописи, по которому торжество Владимира надъ Ярополкомъ приписывается борьбѣ христіанства съ язычествомъ, въ которой борьбѣ Ярополкъ будто бы былъ покровителемъ христіанъ, а Владимиръ защитникомъ язычниковъ. Г. Соловьевъ самъ готовъ признать это извѣстіе только остроумной догадкой; а между тѣмъ думаетъ постронть на немъ, какъ на дѣйствительномъ фактѣ, объясненіе поведенію Владимира въ первые годы княженія; и говорить, что Владимиръ какъ ревностный поборникъ язычества, побѣдивъ Ярополка велѣлъ ставить кумиры на высотахъ Киевскихъ, и хотѣлъ этимъ выразить торжество языческой стороны надъ христіанскою, и въ ознаменованіе того же торжества какъ виновникъ его предался необузданному женолюбію, недопускаемому христіанствомъ. Но принимать такое объясненіе, значить предпологать во Владимирѣ и окружавшихъ его болѣе общественной развитости и утонченности, нежели сколько они могли имѣть по тогдашнему состоянію Русскаго общества. Такая злая и утонченная насмѣшка торжествующей партіи надъ побѣжденной конечно естественна въ образованнѣйшемъ язычникѣ Юліанѣ, но подозрѣвать ее во Владимирѣ рѣшительно невозможно. И поведеніе Владимира объясняется гораздо проще и естественнѣе, именно: женолюбіе его молодостию, а поставленіе кумировъ вліяніемъ Добрыни, который, какъ человекъ пожилой и усердный язычникъ, преодолевъ столько препятствій въ борьбѣ своего молодого племянника съ старшимъ братомъ, естественно спѣшилъ выразить свою признательность къ языческимъ богамъ поставленіемъ ихъ кумировъ (**), но здѣсь конечно не было никакой задней мысли, никакой насмѣшки надъ христіанствомъ.

Намъ особенно страннымъ кажется видѣть, что г. Соловьевъ защи-

(*) Рецензентъ вмѣстѣ съ авторомъ забыли, что у Ярополка была жена, приведенная еще отцемъ, и невеста, и что даже меньшей Владимиръ собирался жениться. Слѣд. первое замѣчаніе столько же не правильно, сколько бесполезно, а второе не можетъ подтверждено быть ничѣмъ. *М. П.*

(**) Едва ли нужно и такое объясненіе. *М. П.*

щаетъ настоящее извѣстіе Іоакимовской лѣтописи, тогда какъ оно рѣшительно и явно противорѣчитъ собственнымъ его мыслямъ, высказаннымъ прежде. Такъ настоящее извѣстіе говоритъ: «что Святославъ во время Греческой войны воздвигъ гоненіе на христіанъ и послалъ въ Кіевъ приказъ раззорить христіанскія храмы.» А г. Соловьевъ выше сказалъ, что съ отправленіемъ Святослава вторично въ Болгарію, кончилось его княженіе на Руси, что онъ всѣ свои владѣнія на Руси отдалъ сыновьямъ. Посему, ежели г. Соловьевъ допускаетъ справедливость Іоакимовскаго извѣстія, то значитъ самъ признаетъ ошибочность своего прежняго мнѣнія; ибо Святославъ отказавшись отъ Русской земли не могъ посылать приказовъ объ истребленіи христіанскихъ храмовъ въ Кіевъ, гдѣ сидѣлъ уже самостоятельный Князь отъ него независившій.

Глава VII.

Владимиръ Святый, Ярославъ I-й. Первая половина сей главы посвящена изложенію и разбору обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ введеніе христіанской религіи на Руси, и написана она рѣшительно подъ влияніемъ только что разсмотрѣннаго нами извѣстія Іоакимовской лѣтописи о борьбѣ христіанства съ язычествомъ во время междоусобія Владимира съ Ярополкомъ, неосновательность довѣрія къ такому извѣстію мы уже видѣли, но она еще рѣзче выказывается въ настоящей главѣ, авторъ говоритъ: «Мы видѣли, что торжество Владимира сопровождалось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: Русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ; ревность Владимира и Добрыни въ началѣ ихъ власти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы произтекали изъ желанія поднять язычество сколько-нибудь противопоставить его другимъ религіямъ, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вела прямо къ паденію язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У насъ на Руси, въ Кіевъ произошло тоже самое, что въ болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ имперіи, при Юліанѣ: ревность этого Императора къ язычеству болѣе способствовала къ паденію сего послѣдняго, потому что Юліанъ истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все, что оно могло

дать для умственной в нравственной жизни человека, и тѣмъ всего рѣзче выказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христіанствомъ.» Но для всякаго ясно, что только одно увлеченіе могло такъ далеко завести, какъ зашелъ здѣсь г. Соловьевъ. Обстоятельства Юліана и Владимира столько не походятъ другъ на друга, что ихъ никакъ нельзя ставить въ одну параллель. Юліанъ боролся съ христіанствомъ торжествующимъ, признаннымъ уже отъ Константина великаго господствующею религіею въ Имперіи; а у Владимира вовсе не было мѣста для такой борьбы, ибо въ началѣ его княженія христіанство на Руси только было терпимымъ, но отнюдь не торжествующимъ; а посему устройство изукрашенныхъ кумировъ и частыя жертвы выражаютъ не болѣе какъ простую ревность Владимира и Добрыни къ языческому богочитаію, вовсе безъ задней мысли поддерживать язычество; ибо въ таковой поддержкѣ оно еще не нуждалось, народъ не видалъ ни бѣдности, ни безцвѣтности въ религіи своихъ предковъ, и вѣрилъ ей въ простотѣ сердца. Конечно и въ то время много уже было христіанъ, между Русскими, ибо еще при Игорѣ въ Кіевѣ была церковь св. пророка Іліи, но ни Греческіе ни Русскіе памятники не оставили ни какихъ слѣдовъ о пропагандѣ; христіане жили и множились между Русскими язычниками только потому, что Русь всегда отличалась вѣротерпимостію. Общинное устройство большей части Русскихъ племень такъ было настроено, что общинники какъ бы и не замѣчали разновѣрцовъ между собою, и только смотрѣли за тѣмъ, чтобы поддерживать выгоды или требованія общины. Лучшимъ доказательствомъ сего служить извѣстный случай принесенія человеческой жертвы при Владимирѣ. Лѣтописецъ рассказываетъ, что старцы и бояре сказали: «Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падеть, того принесемъ въ жертву Богамъ,» жребій палъ на одного молодого Варяга, который съ отцомъ своимъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру; послали сказать Варягу отцу, чтобы онъ выдалъ сына на жертву, ибо жребій палъ на него; Варягъ отказался исполнить требованіе и началъ порицать языческихъ боговъ; народъ на это отвѣчалъ нападеніемъ на Варяговъ домъ, и убилъ тамъ обоихъ отца и сына. Изъ этого разсказа мы видимъ, что Кіепляне въ это время не отличали язычниковъ отъ христіанъ, и бросали жребій на всѣхъ отроковъ и дѣвицъ Кіевскихъ безъ исключенія; а когда старшій Варягъ христіанинъ не согласился выдать сына, то преслѣдовали ихъ обоихъ не какъ христіанъ, а только какъ ослушниковъ общей воли; на что указываетъ самая форма преслѣдованія: народъ разломалъ домъ ослушниковъ и убилъ ихъ тамъ, чему не одинъ примѣръ мы видимъ

въ Повгородской исторіи, гдѣ точно такимъ же образомъ преслѣдовали вѣствъ ослушниковъ общей воли, не различали того, были ли они едино-
вѣрцы или разновѣрцы. Но г. Соловьевъ въ этомъ событіи видитъ какое-то видимое торжество язычества, и торжественный вызовъ хри-
стіанства кумирамъ; онъ говоритъ: «Не смотря на то, что смѣлый
Варягъ палъ жертвою торжествующаго, по видимому, язычества, со-
бытіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, ку-
мирамъ, сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно
наругались: проповѣдь была произнесена громко, народъ въ пылу яр-
ости убилъ проповѣдника, но ярость прошла и страшныя слова остались:
ваши Боги дерево; Богъ одинъ, которому кланяются Греки, который
сотворилъ все, — и безответны стояли кумиры Владимира предъ эти-
ми словами, и что могла, въ самомъ дѣлѣ, Славянская религія ска-
зать въ свою пользу, что могла отвѣчать на высокіе запросы, задан-
ныя ей проповѣдниками другихъ религій? Самые важныя изъ нихъ были
вопросы о началѣ міра и будущей жизни.» Но мы уже видѣли, что
Варягъ палъ не жертвою торжествующаго язычества, а какъ ослушникъ
общей воли, какъ противникъ требованіямъ общины, и его смерть во-
все не могла сдѣлать сильнаго впечатлѣнія на общество, ибо таковая
расправа съ ослушниками общей воли была обыкновенна; порицаніе же,
которое, по словамъ лѣтописи, Варягъ пронзосилъ языческимъ бо-
гамъ, ни по чему не можетъ быть названо торжественною проповѣдю
христіанства и торжественнымъ вызовомъ кумирамъ, (ежели и допу-
стить, что оно именно было таковымъ, какъ рассказано въ лѣтописи):
ибо христіане въ Кіевѣ не прятались, а имѣли открытую церковь, гдѣ
открыто совершалось богослуженіе, а слѣдовательно и проповѣдь хри-
стіанства. Что же касается до важныхъ вопросовъ о началѣ міра и
будущей жизни, то на вопросы сии Славянское язычество не было безъ-
ответнымъ, ибо Славяне и въ язычествѣ вѣрили въ загробную жизнь,
и понимали ее по своему; о твореніи міра также были у нихъ свои
сказанія, которыя дошли даже до насъ, частію въ лѣтописяхъ, частію
въ отдѣльныхъ повѣстьяхъ; конечно, всѣ отвѣты язычества на сии важ-
ныя вопросы были нелѣпы; но они удовлетворяли невѣгословъ, како-
выми были Русскіе до принятія св. крещенія. Такимъ образомъ
авторъ предпочтя свои предположенія простому и ясному пре-
данію, сохраненному въ лѣтописи, не объяснилъ, а только запуталъ об-
стоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія введеніе христіанства
на Руси: но мы не отрицаемъ его рассказа о введеніи христіанства
въ Повгородъ: подробности этого рассказа, почерпнутыя изъ Іоакимов-

своей летописи, не противоречат ни духу Новгородцевъ, ни ихъ исторiи; здѣсь видно, что подробности сiи писалъ человекъ жившій въ Новгородѣ, и участвовавшій въ дѣлѣ введенiя христiанства въ этомъ краю. Также справедливо замѣчанiе автора о томъ, что «христiанство при Владимирѣ было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кiевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, не смотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христiанство распространялось очень слабо.»

Описавъ введенiе христiанской вѣры на Руси, авторъ приступаетъ къ описанiю внѣшней дѣятельности Владимира, т. е. его походовъ на сосѣдей; сначала разсказъ его не удаляется отъ разсказа летописи, онъ почти только повторяетъ слова летописца, но дошедши до войнъ Владимира съ Болгарами, онъ начинаетъ толкованiя, задаетъ себѣ вопросъ, на какихъ Болгарѣ ходилъ Владимиръ, на Волжскихъ или на Дунайскихъ, и пишетъ: — «на это разные списки летописей даютъ разнорѣчные отвѣты: вѣроятно были походы къ тѣмъ и другимъ, и послѣ перемѣшаны по одинаковости народнаго имени.» Здѣсь авторъ представляетъ удивительный примѣръ настроенности къ придиркамъ. Во всѣхъ спискахъ нашихъ летописей и даже въ Степенной книгѣ говорится о походѣ Владимира на Болгарѣ, или просто: «иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею,» и съ прибавленiемъ «иде Володимеръ на Болгары низовскiя,» а въ иныхъ прибавлено *по Волгѣ*; но нигдѣ нѣтъ и намека о Дунайскихъ Болгарахъ. Следовательно всѣ списки говорятъ собственно объ однихъ Болгарахъ Волжскихъ, только одни яснѣе, а другiе темнѣе. А посему для историка здѣсь нѣтъ и повода спрашивать о Болгарахъ Дунайскихъ. Но г. Соловьевъ не только спрашиваетъ, а даже явно болѣе склоняется къ походу на Дунайскихъ Болгарѣ, основываясь на сводѣ Татищева. У Татищева дѣйствительно есть очень много дѣльных извѣстiй; но нельзя же отрицать, что есть извѣстiя и очень сомнительныя, и даже невѣрныя; къ таковымъ конечно принадлежитъ и настоящее извѣстiе о Дунайскомъ походѣ Владимира; ибо, по сознанiю самого Татищева, основано только на свидѣтельствѣ Стрыковскаго и Кромера, следовательно его не было и въ тѣхъ спискахъ Русскихъ летописей, которыми пользовался Татищевъ, и которыхъ мы теперь не имѣемъ; а всѣмъ извѣстно, какъ шатки и даже невѣрны свидѣтельства Стрыковскаго и Кромера въ настоящемъ дѣлѣ. А посему, основываясь на нихъ однихъ, въ явную противность нашимъ лето-

писанъ, значить ни больше, ни меньше, какъ запутывать исторію только изъ одного расположенія къ новостямъ.

Переходя къ описанію походовъ Владимира на Западныхъ Славянъ, авторъ предпосылаетъ своему описанію обзоръ о тогдашнемъ состояніи западно-славянскихъ государствъ; этотъ обзоръ указываетъ на связь событій западнаго Славянскаго міра съ восточнымъ, и г. Соловьева нельзя не благодарить за его попытку сколько-нибудь объяснить это дѣло. Здѣсь онъ полагаетъ главною причиною, замѣшательствъ у Западныхъ Славянъ вторженіе Венгровъ. По его словамъ, «Венгры стали между Византією и Западными Славянами, Славянская церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурей, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать питаніе и укрѣпленіе младенствующей церкви. Такимъ образомъ съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные Славяне по необходимости должны были проникнуть къ западу и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи. Но мало того, что Мадьярскимъ нашествіемъ прекращалась связь западныхъ Славянъ съ Византією, прекращалась также и непосредственная связь ихъ съ Римомъ, и они должны были принять христіанство и просвѣщеніе изъ рукъ Нѣмцевъ, которые оставались для нихъ теперь единственными посредниками; этимъ объясняется естественная связь западныхъ Славянъ съ Нѣмецкою имперією, невозможность выпутаться изъ этой связи для государственной и народной независимости. Христіанское стало синонимомъ Нѣмецкому; Славянское языческому, варварскому; отсюда то явленіе, что ревностные христіане между западными Славянами являются вмѣстѣ ревностными гонителями своего, Славянскаго, и тянутъ народъ свой къ западному, т. е. Нѣмецкому; отсюда же обратное явленіе, что защитники своего являются свирѣпыми врагами христіанства, которое приносило съ собою подчиненіе Нѣмцамъ; отсюда несчастная борьба Полабскихъ Славянъ противъ христіанства, т. е. противъ Нѣмцевъ, въ которой они не могли получить помощи отъ христіанскихъ единоплеменниковъ своихъ, и должны были пасть.» Все это согласно кажется съ исторією западныхъ Славянъ, по крайней мѣрѣ сколько мы ее знаемъ въ настоящее время. Нельзя также не замѣтить, что г. Соловьевымъ порядочно объяснены войны Владимира съ Лахами въ 984 и въ 992 годахъ, и отношенія Владимира къ Болеславу Польскому; но войны съ Хорватами требуютъ большихъ объясненій. За то войны съ Печенѣгами изложены по лѣтописямъ со всѣми подробностями, записанными у Нестора; только очень жаль, что г. Соловьевъ,

думая систематизировать, отдѣлялъ ихъ отъ прочихъ событій, и такимъ образомъ разорвалъ естественную связь, въ которой событія другъ друга объясняютъ, и даютъ настоящий смыслъ цѣлому періоду времени. Тотъ же недостатокъ замѣтенъ въ изложеніи о построеніи городовъ Владиміромъ: изъ разсказа г. Соловьева мы не знаемъ, когда Владиміръ началъ ставить города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Суль и Стугнѣ. Также намъ не понятно, какимъ образомъ г. Соловьевъ изъ построенія городовъ Владиміромъ по Суль, Деснѣ и другимъ рѣкамъ, вывелъ заключенія о какомъ-то безпокойномъ духѣ Сѣверскаго народонаселенія, о какомъ-то непрерывномъ подбавленіи удалыхъ людей въ этотъ край, и даже о козачествѣ на югѣ. Ибо лѣтописи нигдѣ не говорятъ о безпокойномъ характерѣ Сѣверскаго народонаселенія, ни о наплывѣ удалыхъ людей: по лѣтописямъ мы только знаемъ, что Владиміръ построилъ нѣсколько городовъ по Деснѣ, Суль и другимъ та-мъшнимъ рѣкамъ, и паселялъ ихъ Чудью, Кривичами, Славянами и Вятичами; но чтобы это населеніе въ послѣдствіи непрерывно подбавлялось такимъ же разноплеменнымъ сбродомъ, объ этомъ нѣтъ нигдѣ извѣстій. А козачество явилось слишкомъ поздно, чтобы объяснить его сброднымъ населеніемъ края при Владимірѣ, и при томъ имѣло множество другихъ началъ и причинъ своего появленія, которыя не имѣютъ никакой связи съ городами Владиміра, и относятся совершенно къ другому, позднѣйшему времени; построеніе пограничныхъ городковъ не могло развитъ козачества, ибо подобное построеніе ихъ на степной Украинѣ Московскаго государства не развито же козачества, даже и тогда, когда городки сіи именно населялись, такъ называемыми, городовыми козаками.

Характеръ Владиміра и смыслъ его подвиговъ выставлены хорошо; авторъ удачно подмѣтилъ, кажется, нѣкоторые намѣки лѣтописей; но опять нельзя не пожалѣть, что онъ увлекся желаніемъ группировать событія по самодѣльному плану. Конечно группировка до нѣкоторой степени помогаетъ картинности изложенія; но она уничтожаетъ настоящий смыслъ событій, отрываетъ ихъ отъ времени, въ которое они совершались, а слѣдовательно и отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми окружены, и которыя сообщали имъ тотъ или другой характеръ, то или другое значеніе у современниковъ. Группируя событія по какимъ-нибудь составившимся въ нашемъ умѣ отдѣламъ, мы можемъ представить нѣсколько частныхъ отдѣльныхъ картинъ, но сіи частныя картины не выразятъ цѣлаго, изъ нихъ никогда не составитя общая картина даннаго времени.

Въ слѣдъ за изображеніемъ Владимірова характера, г. Соловьевъ дѣлаетъ подробное изслѣдованіе и сличеніе извѣстій о старшинствѣ сыновей Владиміра, потомъ переходить къ раздачѣ имъ волостей. Здѣсь ему кажется страннымъ, что «размельчая волости на сѣверъ и западъ, Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Днѣпра, не упоминается ни о Черниговѣ ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ Тмутаракани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ въ послѣдствіи уже при Ярославѣ. Это явленіе можетъ объясниться только пустынною страной, составившею въ послѣдствіи княжества Черниговское и Переяславское; Владиміръ только началъ строить города по Деснѣ, Остру, Трубежу и Сулѣ, и началъ строить ихъ уже послѣ разсылки сыновей.» Но на самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ ничего страннаго, и расприженіе Владиміра объясняется отнюдь не пустынною восточнаго Днѣпровскаго берега. Владиміръ не отдалъ восточнаго берега Днѣпра молодому сыну, потому что берегъ этотъ, т. е. пространство, образуемое теченіемъ Сулы и Десны, было очень не велико въ сравненіи съ прочими областями, гдѣ Владиміръ посадилъ своихъ сыновей, а посему онъ его причислилъ собственно къ Кіевской области; и причисленіе сіе объясняется съ одной стороны смежностію этого края съ Кіевскимъ, а съ другой необходимою непосредственной защитой его отъ Печенѣговъ; Владиміръ самъ защищалъ уже и Кіевъ; для него берега Сулы, Трубежа и другихъ тамошнихъ рѣкъ были такою же важною оборонительною линіею, какъ и берега Стугвы подъ Кіевомъ, и это заставило его принять защиту ихъ на себя, а не поручать ее молодымъ сыновьямъ. Лѣтопись прямо говоритъ, что въ этомъ краю «бѣ рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воля съ ними и одоля имъ (*).» Слѣдовательно вотъ настоящая причина причисленія восточнаго Днѣпровскаго берега къ Кіеву, а не мнимая пустынность края: пустынности не могло быть на большой Днѣпровской дорогѣ и на перепутьи отъ Днѣпра къ Казарамъ и промышленнымъ Болгарамъ Волжскимъ. Слова Владиміра: «се недобро, еже мало городовъ около Кіева,» указываютъ не на пустынность края, а на недостаточность укрѣпленій по степной границѣ, ибо самъ же Владиміръ, пожаловавшись на недостаточность городовъ около Кіева, начинаетъ строить города не тутъ, а только по границамъ прилегавшимъ къ степямъ; по Стугвѣ, Трубежу, Сулѣ, Деснѣ и Остру, и въ этомъ построеніи не отличаетъ западный берегъ Днѣпра отъ восточнаго, строятъ города и по Сулѣ и по Стугвѣ.

(*) Лавр. 52.

Кончина Владимира, убіеніе Бориса и Глѣба и война Ярослава съ Святополкомъ разсказы по лѣтописамъ и другимъ источникамъ, и гдѣ нужно объяснены удачно. Но нападеніе Брячислава Полоцкаго на Новгородъ и занятіе Мстиславомъ Тмутараканскимъ Чернигова, подали г. Соловьеву поводъ говорить о какихъ-то правахъ родичей на равное распредѣленіе волостей; по его словамъ: Брячиславъ, Мстиславъ и Судиславъ, «какъ члены одного рода, имѣли право на равное распредѣленіе волостей.» Мы не знаемъ, откуда авторъ взялъ это право равнаго раздѣла волостей, а только въ лѣтописяхъ о немъ нѣтъ и помину, его даже нельзя вывести изъ притязаній Брячислава и Мстислава; ибо они были не болѣе, какъ насильственное исканіе волостей, а не требованіе права, чему лучшимъ доказательствомъ служить то, что ни тотъ, ни другой князь не ссылаются на это мнимое право, и притомъ они нападаютъ на Новгородскія и Кіевскія земли, которыя Ярославъ получилъ не по случаю смерти младшихъ братьевъ, но которыми владѣлъ или по назначенію отца, какъ, напримѣръ, Новгородомъ, или которые достались ему послѣ старшаго передъ нимъ брата, напримѣръ Кіевъ; слѣдовательно на такія волости, которыя по мнимому закону вовсе не шли въ раздѣлъ младшимъ членамъ рода. А еще сильнѣе опровергается существованіе этого мнимаго права на ровный раздѣлъ поступкомъ Мстислава, который, побѣдивши Ярослава, вовсе не думалъ требовать равнаго раздѣла, а удовольствовался однимъ восточнымъ берегомъ Днѣпра, не составлявшимъ и девятой доли всѣхъ владѣній Ярослава, тогда какъ по мнимому закону онъ имѣлъ право на четвертую часть.

Далѣе г. Соловьевъ говоритъ о внѣшнихъ отношеніяхъ Ярослава къ Скандинавіи, къ Финскимъ племенамъ, къ Польшѣ, къ Византіи и къ Печевъгамъ; всѣ сіи отношенія разобраны у него обстоятельно и особенно хорошо изложены отношенія Ярослава къ Польшѣ. Но желаніе группировать событія по своему плану, а не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были на самомъ дѣлѣ, опять отняло въ разсказѣ много жизни и правды, и поставило читателя въ неестественное положеніе къ пониманію событій. А страсть къ новымъ открытіямъ заставила даже автора уклониться отъ прямаго свидѣтельства лѣтописей въ описаніи Владимірова похода на Ямъ. Лѣтопись говоритъ: «Иде Володимеръ сынъ Ярославль на Ямъ, и побѣди я,» а г. Соловьевъ, приводя въ связь это извѣстіе съ другимъ о походѣ Улѣба на Желѣзные врата, говоритъ: «можно думать, что походъ Владимира былъ предпринятъ по слѣдамъ Улѣбовымъ въ ту же сторону на сѣверо-во-

стокъ къ берегамъ Сѣверной Двины.» Но по лѣтописямъ намъ извѣстно, что Ямью у Новгородцевъ называлось Фивское племя, жившее въ Финляндіи; следовательно историкъ, зная прямое свидѣтельство лѣтописи о походѣ Владимира на Ямъ, не имѣетъ никакого права посылать его къ Желѣзнымъ вратамъ, къ нынѣшнему Устьсысольску, т. е. совершенно въ противоположную сторону; сохранившееся, по свидѣтельству Шегрена, народное преданіе о какомъ-то народѣ Гамъ, при устьѣ Вычегды въ Двину, еще не есть доказательство въ этомъ дѣлѣ; ибо ежели бы походъ Владимира былъ въ ту же сторону, куда ходилъ Ульбъ, то лѣтопись и о Владимирѣ бы сказала то же, что и о Ульбѣ: «иде на Желѣзные врата,» но она говоритъ противное: «иде на Ямъ.»

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

Замѣчаніе о вѣ одной статьѣ Владимірскихъ Губер. Вѣдомостей.

Въ читателѣ лѣтописей происходятъ у насъ безпрестанно смѣшныя явленія для знающихъ: одинъ ссылается на полное собраніе лѣтописей, какъ будтобы можно было ссылаться, напримѣръ на какую-нибудь цѣлую литературу: другой на Нестора—о происшествіи 12 вѣка; третій толкуетъ, что въ какой-то Ипатьевской лѣтописи сказано то-то, а въ Лаврентьевской вотъ что. Чѣмъ дѣло проще, тѣмъ досаднѣе его искусственное, произвольное, замѣшательство. Мнѣ случалось часто въ Изслѣдованіяхъ объяснять всѣ эти недоразумѣнія, но повтореніе все-таки нужно.

Древнѣйшая, общая, лѣтопись наша есть *Несторова*. Списки ея Лаврентьевской, Ипатьевскій, Кенигсбергскій.

Послѣ Нестора лѣтопись его была продолжаема въ Кіевѣ. Это *Кіевская* лѣтопись. А списокъ ея главный—Ипатьевскій (съ Хлѣбниковскимъ и Ермолаевскимъ).

Своя лѣтопись ведена была въ Новгородѣ—*Новгородская*. Списки академическій и проч.

На Воляни—*Волинская*. Списокъ тотъ же, Ипатьевскій.

Во Владимирѣ—*Суздальская*, а списки Лаврентьевскій и Кенигсбергскій. Вотъ и вся премудрость! Для чего бы казалось тутъ хитрить и умничать тѣмъ, которые понимаютъ дѣло, а мудрено ли узнать тѣмъ, которые не понимаютъ.

Одна статья Владимірскихъ Губ. Вѣдомостей, которая подаетъ мнѣ

поводъ написать это, ссылается на Нестора, говоря о 6699 годѣ (1191 г.), между тѣмъ какъ Несторъ писалъ только до 1110-хъ годовъ.

Таже статья приводитъ мѣсто изъ Софійскаго временника, говоря о томъ же происшествіи (построеніи Рождественской церкви во Владимірѣ), между тѣмъ какъ Софійскій временникъ есть источникъ позднѣйшій, заимствовавшій свои извѣстія изъ первыхъ лѣтописей.

Вы хотите говорить о церкви, построенной во Владимірѣ, въ 1192 году, — такъ справьтесь прежде всего въ Суздальской или Владимірской лѣтописи. Списковъ ея два, какъ мы сказали: Лаврентьевскій и Кеишбергскій. Лаврентьевскій — древнѣе и важнѣе. Тамъ найдете вы:

«6700 (1192).» Заложилъ благоу. и В. князь Всеволодъ Юрьевичъ церковь Рождество св. Богородицы, въ градѣ Володимери: почата бысть здати м. Августа въ 22 день, на память св. мученика Хр. Агаѳоника и дружины его, при блаж. Епископѣ Іоанѣ.»

«6705 (1197) Тое же осени священа бысть церковь Рождество С. Б., юже создалъ В. К. Всеволодъ, м. Октября въ 27 день, на память св. мученицы Капетолпы.»

«6727 (1219) Священа бысть церковь С. Б. Рождество, въ монастырѣ, великимъ сплщеньемъ, Епис. Симеономъ, м. Сентября въ 7 день, на память и проч.»

Всѣ сии три извѣстія принадлежать *одной* лѣтописи Суздальской, и читаются такъ въ древнѣйшемъ ея спискѣ — Лаврентьевскомъ, а авторъ статьи первое беретъ изъ Софійскаго временника, и потомъ приводитъ изъ Нестора (!), какъ болѣе ясное! Второе беретъ оттуда же, т. е. изъ Нестора (!), а третье, въ противоположность (!!!) послѣднему, изъ Лаврентьевской лѣтописи (!!!!), — между тѣмъ какъ всѣ онѣ, повторю, принадлежать одной лѣтописи (Суздальской), и одному ея списку (Лаврентьевскому). *М. П.*

Печатать дозволяется. Москва, Сентября 29 дня, 1851 года.

Цензоръ *Д. Рожевскій.*

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 19 и 20 Октябрь. Кн. 1 и 2.

АДАМЪ АДАМЫЧЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Если вы не откажетесь слѣдовать за мною, читатель, то я поведу васъ опять тою же дорогой, по которой, какъ значитса въ только что прочитанной вами главѣ моего разсказа, ѣхали двое охотниковъ. Но на этотъ разъ, мы не пойдемъ такъ далеко и остановимся у того довольно-красиваго домика о пяти окнахъ, который произвелъ между двумя Желнобобовскими наставниками очень горячій разговоръ: съ одной стороны—нѣсколько саркастическій, но за то съ другой совершенно серьезный и искренній. Владѣя преимуществомъ проникать всюду и быть незамѣчаемыми, мы войдемъ въ этотъ домикъ, хотя и незнакомы еще съ его хозяйкой.

Первая комната, въ которую вступаемъ мы изъ прихожей,—веселенькая зала, съ банками геранія, жасмина, мѣсячныхъ розановъ, желтофіолей, левкоевъ и резеды на всѣхъ окнахъ и во всѣхъ углахъ. Тутъ помѣщается и довольно-старое, весьма разбитое фортепяно, съ кучкой рваныхъ нотъ на крышкѣ.

За залой—гостиная, съ голубыми стѣнами и голубой мебелью. Она почти всегда пуста. Изъ гостиной дверь въ ту комнату, которая и есть постоянный храмъ богини-хозяйки. Едва станешь приближаться къ этому святилищу, какъ уже чувствуешь какое-то благоговѣніе. Подходишь къ двери — и сладостные запахи пачули и ванили нѣжатъ обоняніе. А тамъ!...

Плющъ оцпелъ и окна, и стѣны, и потолокъ уютной комнаты, и, по среди этой поэтической зелени, на мягкомъ малиновомъ вольтерѣ, покоится сама хозяйка дома, — добродѣтельная вдовица, извѣстная между всеми дамами и дѣвицами, а также и мужескимъ юношествомъ города Забубеньева, подъ поэтическимъ именемъ Александрины, хотя въ сущности она просто на-просто Александра Фоминишна, по мужъ Дроздовская.

Такъ вотъ она, —эта молодая вдова, покорившая сердце нашего мудраго героя! Вотъ она! Посмотрите, какъ граціозно полулежитъ она въ своемъ креслѣ, протянувъ ножки на маленькую скамеечку! На ней бѣлое кисейное платье съ миллиономъ кружевныхъ оборокъ; ножки обуты въ зеленыя ботинки. На колѣняхъ ея лежитъ разогнутая книжка, кажется, на французскомъ языкѣ; на рабочемъ столикѣ, рядомъ съ кресломъ, помѣщена ея работа: кусокъ канвы и нѣсколько мотковъ шерсти. Но что же обращаю я вниманіе ваше на обстановку?... Впрочемъ, обращать его на нее самое, на прекрасную хозяйку, — трудъ лишний: вниманіе ваше, вѣрно, давно уже приковано къ ней.

Вѣдь съ перваго взгляду она, кажется, и вовсе не хороша: носъ длиненъ, ротъ немного широкъ, брови почти не даютъ почувствовать своего существованія, коса тоже не очень пышна; а чѣмъ больше вглядываешься въ эту женщину, тѣмъ больше она нравится. Посмотрите, что за глаза у ней! Хоть они и сѣрые, очень сѣрые, но за то сколько въ нихъ томительнаго желанія, сколько страсти, сколько души, сколько ума, — однимъ словомъ, сколько всякой прелести! А каковы эти четыре тирбушона, которые раздѣлились на двѣ пары и такъ мило вьются за ушами Александрины, спускаясь на ея плечи?...

Но что значитъ весь наружный привлекательный видъ добродѣтельной вдовицы передъ тою сокровищницей, которую она носить и таить въ груди своей. Вотъ и теперь, она читала что-то, вѣроятно очень чувствительное (это ея вкусъ), и мало-по-малу такъ увлеклась думами, возбужденными чтеніемъ, что бѣлая ручка ея опустилась вмѣстѣ съ книгой на колѣни, головка поникла нѣсколько на бокъ, и сердце наполнилось цѣлымъ роємъ разнаго нѣжнаго матеріалу. Не думайте, однакожь, чтобы чувствительность нѣжной вдовицы (это лучшее украшеніе женскаго пола) была не разборчива и безсознательна. Нѣтъ, Александрина, выданная волею родителей, на-перекоръ ея собственной воли, за господина Дроздовскаго, терзалась издавна жаждою увидѣть желанный идеалъ, созданный ея мечтами.

Такъ-какъ вся жизнь нѣжной Александрины была жаркимъ стремленіемъ къ этому идеалу, то авторъ думаетъ поступить не совсѣмъ неумѣстно, представивъ въ нѣсколькихъ строчкахъ прогрессивный ходъ ея тайныхъ мечтаній и развитія означеннаго идеала.

Когда прекрасная вдова была еще демуазелью Фицовой, когда по-временамъ тревожилась еще длиною своего носа, думая ея безпрестанно представалъ юноша, полный красоты, отваги и свѣтскаго блеска. Мечталъ о будущемъ герое своего романа, демуазель Фицова слышала гармоническое бряцанье шпоръ и сабли, видѣла очами сердца лихіе усы въ завиткахъ, блестящія эполеты и роскошный мундиръ, обоняла пріятный ароматъ благовонныхъ фиксатуаровъ и упивалась рѣкою самыхъ свѣтскихъ рѣчей, которыя сравнивали ее съ «неземною пери» и толковали о «волканахъ любви». Въ дѣйствительной жизни Александрина встрѣтилась съ однимъ смертнымъ, который нѣсколько приближался къ этому идеалу. То былъ гарнизонный прапорщикъ Казанцевъ. Сердце его, вѣроятно, поняло сердце нѣжной дѣвицы, потому что онъ всегда танцовалъ съ нею мазурку. Эта любовь была, впрочемъ, не продолжительнѣе одной зимы, ибо прапорщикъ Казанцевъ былъ переведенъ изъ Забубеньева.

Послѣ отъѣзда его, мечты Александрины, вѣроятно, удо-

вметворенныя вполне этою встречею въ действительности, создали новый идеалъ. Это былъ уже вдохновенный поэтъ, блѣдный, блѣлокурый, нечесанный, худой, съ чахоткой въ груди и вѣчными пѣснями на устахъ. И пошли сниться ей соловьи и ручьи, луна и тишина, слѣзы и розы, и безконечныя грѣзы. Въ мѣръ действительномъ такой личности Александрина не встрѣтила.

Вскорѣ, холодная, безчувственная существенность спугнула ея поэтическія грѣзы, посредствомъ нѣкоего господина Дроздовскаго, человека съ вѣсомъ, хотя и деревяннаго. Горько было Александринѣ разставаться съ теплыми мечтами о поэтѣ; но семейныя обстоятельства были сильнѣе и крѣпче ея воли, и она покорила ихъ. Деревянный женихъ былъ черноволосъ, гладко причесанъ, румянъ и полонъ, однимъ словомъ, не походилъ нисколько на любимца харитъ. И ему-то пришлось отдавать свою руку и сердце!... сердце Александрина оставила, впрочемъ, при себѣ; Дроздовскій получилъ только ея руку и повелъ ее къ вѣнцу. Такимъ образомъ, demuзась Фицова превратилась въ мадамъ Дроздовскую.

Съ переменною званія дѣвушки на званіе замужней жепщины, не переѣнилась Александрина и по прежнему поддавалась обаянію идеаловъ; но теперь, постигнутая разочарованіемъ, она хотѣла непременно видѣть и въ героя своей судьбы человека разочарованнаго, удрученнаго злобою людей, опутаннаго узами свѣта, человека непонятаго и съ ироническимъ взглядомъ на вещи. Хотя этотъ идеальный образъ въ нѣкоторыхъ лишь чертахъ былъ сходенъ съ лицомъ Чацкаго, однако Александрина говорила, что только такой человекъ, каковъ герой Грибоедова, достоинъ ея любви, и потому два года ея замужства посвящены были отыскиванію избранника, которому готовилось сокровище искренней ея привязанности.

Господинъ Дроздовскій умеръ, прошелъ годъ траура по немъ, прошелъ и еще годъ; но Александрина не измѣнила своему идеалу и продолжала искать его въ жизни. Избранника все не являлось. И глаза и сердце вдовы утомились отыскиваніемъ его въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу забубеньевской молодежи. Она стала ждать утоленія своей сердечной

жаждѣ извнѣ, и извѣстіе о каждомъ прїѣхавшемъ въ городъ новомъ лицѣ мужескаго пола кидало ее въ томительный трепеть надежды.

Не смотря, однакожь, на то, что никто изъ окружающихъ не подходилъ подъ мѣрку созданій ея пылкаго воображенія, молодая вдова не пренебрегала никѣмъ, и, вѣроятно, съ цѣлю изощренія своего какетства, привязывала безпрестанно новыхъ пльнниковъ къ побѣдоносной колесницѣ своихъ красотъ и талантовъ. Въ часы, свободные отъ занятій по части завоеванія различныхъ сердець, вдова любила бесѣдовать съ музами: играла на фортепіано и пѣла прїятные романсы, рисовала цвѣты и даже, иногда, въ минуты грусти, изливала на бумагу стихи (по-большой-части семистопные) томныхъ элегій. Вообще, молодая вдова была въ Забубеньевѣ первую артисткою во всѣхъ свободныхъ искусствахъ и главною цѣнительницею всего изящнаго.

Не упуская никакого случая къ украшенію своего ума и сердца, вдовнца, искавшая Чацкаго, пожелала въ одно прекрасное утро прочесть въ подлинникъ Шиллера. Такъ-какъ знанія ея въ нѣмецкомъ языкѣ хватало только на самый процессъ чтенія, то приходилось обратиться къ Адаму Адамычу, единственному въ городѣ источнику свѣдѣній по этому предмету. Добрый наставникъ, не умѣвшій никому отказывать, тотчасъ принялъ приглашеніе Александрины и аккуратно два раза въ недѣлю ходилъ къ ней на урокъ.

Уроки были взаимны, какъ показало время. Получая долю знанія въ нѣмецкой литературѣ отъ Адама Адамыча, вдова, съ своей стороны, развивала понемногу чувства мудраго наставника и своими восторженными рефлексіями разсѣивала мракъ, существовавшій въ головѣ Нѣмца. Касательно понятій о любви, Нѣмецъ, раскрывъ ротъ и выпучивъ глаза, внималъ медоточивымъ устами вдовы, и покоренный давно уже со стороны сердца, поддавался понемногу и умомъ обаятельнымъ теоріямъ своей прекрасной ученицы. Съ самыхъ дней свѣтлой молодости Адама Адамыча, Александрина была первая встрѣченная имъ женщина, которая повидимому не пренебрегала имъ, одинокимъ и бѣднымъ

человѣкомъ, излагая ему исторію женской любви и описывая идеальныя потребности женскаго сердца. Адамъ Адамычъ съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе увлекался любовью къ чувствительной вдовицѣ — и, въ ослѣпленіи своемъ, не видалъ бездны, въ которую заманивала его эта сладкоязычная сирена. Когда онъ сидѣлъ передъ нею съ томикомъ Шиллера и комментировалъ какое-нибудь стихотвореніе, сердце его сильно трепетало. Въ эти минуты часто закрадывалось въ его съдѣющую голову глубокое раскаяніе и недовольство тѣмъ, что онъ не можетъ отдѣлаться отъ мельничихи, чтобы принадлежать безъ раздѣла одной Александринѣ. Одно утѣшеніе нѣсколько смирало его внутреннюю борьбу: это было размышленіе о двойственной любви человѣка, плодъ теорій его благоразумной ученицы. Онъ говорилъ себѣ, что крепкая привязанность, которую чувствуетъ къ пышной Марьѣ Касьяновнѣ, груба и слишкомъ матеріальна, и не можетъ омрачить пылкихъ чувствъ любви къ прекрасной вдовѣ, — чувствъ высокихъ и идеальныхъ, какъ любовь Петрарки къ Лаурѣ. Эти соображенія одни удерживали его на узкой стезѣ между двумя оконечностями великаго чувства любви.

Но мы наговорили уже слишкомъ много, и потому перейдемъ къ разсказу того, что хотѣли разсказывать.

Вдова сидѣла задумавшишь надъ книгою, опущенною на колѣни.

Маленькая собачонка на тоненькихъ ножкахъ и крайне-вертляваго свойства, вдругъ соскочила со стула, на которомъ лежала, и бросилась вонъ изъ будуара. Въ залѣ она остановилась, и, поджавъ одну переднюю ножку, залилась звонкимъ лаемъ. Верно, заслышала шаги по крыльцу: чуткая собачонка!

Дверь въ переднюю отворилась, и вошелъ нашъ любезный герой. Знала ли Мимишка о любви Адама Адамыча къ собакамъ, или тонкій инстинктъ далъ ей знать о привязанности мудраго учителя къ своей рачительной ученицѣ, — только она, Мимишка, тотчасъ приласкалась къ Ньмцу и немедленно стихла. Хорошенькая горничная Наташа выбѣжала, семеня ножками, въ лакейскую, вскрикнула: «Ахъ, это вы, Адамъ Адамычъ!» и побѣжала въ будуаръ своей госпожи.

Адамъ Адамычъ, гладко-на-гладко выбритый, особенно тщательно пріодѣтый, откашлялся, вынулъ изъ задняго кармана книгу и пошелъ къ завѣтной комнатѣ, видѣвшей рожденіе его страсти.

Вдова сидѣла по-прежнему въ граціозномъ, небрежномъ и мечтательномъ положеніи, когда Адамъ Адамычъ вступилъ въ ея будуаръ. Она очень пріятливо, очень мило поклонилась ему, и указала книгою на кресло, стоявшее насупротивъ ея вольтера. Адамъ Адамычъ немного переминался, засмотрѣвшись на Александрину.

— Что же вы не сядете, Адамъ Адамычъ? сказала она.

Адамъ Адамычъ вѣжливо поклонился.

— А знаете ли, продолжала вдова, что мнѣ сегодня вовсе не хочется брать урокъ нѣмецкаго языка!

— Значитъ, я могу.... началъ Нѣмецъ, шаркая ножкой.

— Полноте, полноте! куда вы? Какъ будто я говорю для этого! Напротивъ, мнѣ вы очень нужны, Адамъ Адамычъ. Придвигайте-ка кресло и садитесь! Да кладите вашу фуражку!

— О! это ничего, сказалъ Нѣмецъ, усаживаясь не совсемъ ловко на кресль.

— Признаюсь, меня занимаетъ одинъ планъ, продолжала вдовица: — одинъ планъ, который такъ овладѣлъ мной, что мнѣ хочется сегодня заняться съ вами Шиллеромъ.

— Какой же это планъ? — дерзнулъ спросить Адамъ Адамычъ.

— А вотъ какой...: Вы знаете мою страсть къ литературѣ и ко всемъ искусствамъ!... Мнѣ хочется устроить маленькій вечерокъ, гдѣ бы соединить всѣ художественныя удовольствія. Этого еще не бывало въ нашемъ городѣ, и потому устроить такую вещь очень трудно. Надо заранѣе приготовиться.

Почтенный наставникъ слушалъ со вниманіемъ, не понимая, впрочемъ, къ чему клонится рѣчь вдовы.

— Я хочу и васъ просить объ одолженіи, сказала Александра.

— Но чѣмъ могу я быть полезнымъ? спросилъ Адамъ Адамычъ.

— Вы не откажете мнѣ, Адамъ Адамычъ? Я знаю, вы не откажете....

Эти слова сопровождались такимъ взглядомъ, что герой нашъ началъ таять.

Вы такъ любезны, прибавила вдова, нѣжно подавая руку Адаму Адамычу.

Адамъ Адамычъ бережно взялъ поданную ему ручку и глазами вопрошающими и исполненными глубокой преданности взглянулъ въ лицо вдовы.

— Цалуйте! сказала она съ усмѣшкой.

Нѣмецъ прильнулъ губами къ ручкѣ Александрины, замирая отъ блаженства.

— Такъ вы не откажете мнѣ? спросила снова вдова.

— Вамъ стоитъ приказать, — и я рѣшусь на все.

Адамъ Адамычъ глубоко вдохнулъ, произнеся эти слова: ему они казались почти дерзостью.

— О, на это нечего и рѣшаться. Просьба моя такъ для васъ проста.

— Скажите, и я все исполню.

— Вотъ видите ли что: такъ какъ на вечеръ, который мнѣ хочется устроить, должно быть какъ можно больше разныхъ художественныхъ развлеченій, то я прошу васъ тоже написать что-нибудь.

Но что могу я написать?

— Вы, съ вашимъ умомъ, съ вашимъ чувствомъ, съ вашими познаніями?

— Вы слишкомъ хорошо думаете обо мнѣ.

— Тоже, что думаетъ всякій, улыбающій цѣнить дарованія и достоинства людей.

— О, полноте! вы слишкомъ льстите мнѣ, произнесъ Нѣмецъ, сильно краснѣя.

— Нисколько; я говорю только правду! замѣтила вдова.

— Что могу я написать для вашего вечера? сказала Адамъ Адамычъ: — кто будетъ слушать меня?... Никто почти не знаетъ по-нѣмецки въ здѣшнемъ обществѣ.

— Да зачѣмъ же по-нѣмецки? Вы напишите по-русски.

— О, по-русски я очень дурно знаю!

— Вы дурно знаете? полноте, не скромничайте! Да къ тому же и писать не то, что говорить: тутъ можно подольше подумать.

— Право, я не буду уметь этого сдѣлать.

— Да развѣ нужно много? Если вы напишете строкъ восемь, — то и это очень достаточно. Вы вѣдь, вѣрно, сочините что-нибудь въ стихахъ?

— О, стихи.... Это такъ трудно!

— Да вѣдь вы говорили мнѣ, Адамъ Адамычъ, что прежде писали стихи.

Этому уже очень много времени.

— Стоитъ только припомнить прошлое. Восемь, десять строкъ — много ли труда?

— Но если я и напишу, то всѣ будутъ смѣяться.

— Кто же смѣетъ? Вѣроятно, то, что напишете вы, будетъ лучше сочиненій всѣхъ другихъ.

— Кто же будетъ еще сочинять?

— Вотъ, мосѣ Погуровъ хотѣлъ прочитатъ свои стихи ... Знаете—этотъ прѣзжій, — отставной военный?

— Знаю.

— Я вчера просила еще Закурдаева: онъ такой образованный человекъ; жаль только, что дичится общества. Я совершенно случайно и встрѣтила его....

— Что же онъ?

— Онъ былъ такъ добръ, что обещалъ преодолѣть свою лѣнь и написать что-нибудь въ прозѣ.

— Онъ очень-хорошо напишетъ.

— Вы думаете?

— О, непременно: онъ такой умный человекъ.

— Ну, такъ ужъ и вы Адамъ Адамычъ.... пожалуйста, хоть нѣсколько строкъ!—Вотъ и Пьеръ Желнобобовъ (у него прекрасныя способности) хотѣлъ что-то свое прочитатъ.

Адамъ Адамычъ поморщился.

— Такъ вотъ уже и довольно, сказалъ онъ нѣсколько неприятнымъ тономъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, приставала вдова, — и не говорите мнѣ этого! Мнѣ хочется во всемъ соблюсти симметрію. Я хочу непременно,

чтобы музыка перемѣжалась съ литературой. Мнѣ надо непремѣнно, чтобы вы участвовали тоже.

— У васъ самихъ такъ много таланта. Вы доставите болѣе удовольствія, если прочтете что-нибудь изъ своихъ сочиненій.

— О, нѣтъ; мои жалкія сочиненія такъ незначительны, и вдобавокъ они такъ мало выражаютъ то, что хотѣлось мнѣ высказать. Только друзьямъ моимъ могутъ они нравиться.

— Нѣтъ, всѣмъ, всѣмъ, — поворѣте мнѣ! проговорилъ съ увлеченіемъ Адамъ Адамычъ.

— Въ васъ говоритъ пристрастіе, Адамъ Адамычъ. — Ну такъ что же? даете вы обещаніе?

— Позвольте мнѣ отказаться.

— А вы забыли, что говорили сейчасъ.

— Нѣтъ; но я клянусь вамъ, что мнѣ очень трудно исполнить вашу просьбу,

— Вамъ стоитъ захотѣть. Вотъ единственный трудъ!

— Я не могу.

— Если такъ, если вы отступаетесь отъ своихъ словъ, то какъ хотите, ваша воля!

Прекрасная вдова нахмурила брови, надула губки и начала съ досадою стучать по столу развернутою книгой.

Надо признаться, что планъ Александрины былъ чрезвычайно хитеръ, и незлобивая душа Адама Адамыча никакъ не постигала, что его хотятъ выставить на посмѣяніе всѣхъ, за неимѣніемъ другихъ, болѣе безгрѣшныхъ предметовъ для забавы. Мнимая досада вдовы, выказанная ею съ величайшимъ искусствомъ, произвела сильное впечатлѣніе на моего героя. Видя непріятность, причиненную имъ прекрасной женщиной, Адамъ Адамычъ глубоко раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ и вознамѣрился поправить его сразу.

— Я согласенъ, — сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ, давно бы такъ, чѣмъ отказываться отъ своихъ словъ! — сказала прекрасная вдова, подавая Адаму Адамычу опять свою нѣжную ручку и крѣпко пожимая его руку.

Адамъ Адамычъ, не спрашивая уже о позволеніи ни словами, ни взорами, и озадаченный до мозга костей такую дру-

жескою фамилярностью вдовы, крѣпко поцаловаль руку ея. Вдова улыбнулась.

— Ого! какъ же вы крѣпко цалуете мою руку! — сказала она, грозя пальцемъ съ лукавымъ видомъ.

— Виновать, — прошепталь Нѣмецъ.

— Ничего, ничего; прощаю! За ваше повиновеніе можно все простить.

— Когда же мы будемъ заниматься? — спросиль чрезъ нѣсколько минутъ Адамъ Адамычъ, приподымаясь съ кресла.

— Послѣ-звѣтра. Приходите послѣ-завтра, Адамъ Адамычъ! Мы поговоримъ съ вами на свободѣ о томъ, что такъ близко моей душѣ...

Вдовица закатила глаза подъ лобъ. Адамъ Адамычъ трепеталь восторгомъ.

— Поэзія, музыка, любовь.... — произносила какъ бы въ забытіи прекрасная Александрина: — вотъ предметы, о которыхъ всегда у меня найдется слово. Что была бы наша жизнь безъ этихъ краткихъ спутницъ нашего земнаго существованія?

— Шиллеръ правду сказалъ, — началъ было Адамъ Адамычъ.

Вдова перебила его.

— Мы поговоримъ и объ немъ, дивномъ Шиллерѣ! — сказала она, привставая съ кресель. — А теперь... Вы извините меня, Адамъ Адамычъ? не правда ли, извините?... Мнѣ нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ. Условія свѣта — оковы женщины, грустная обязанность — покидать для безчувственнаго общества искреннюю бесѣду съ лучшими друзьями...

Снова ручка вдовы была въ рукахъ Адама Адамыча, снова уста его прикоснулись къ ней.

— Такъ до свиданія! Вы общаете? — спросила Александрина.

— Общаю, общаю! — сказалъ откланиваясь, Адамъ Адамычъ, и вышелъ упоенный изъ дома вдовы.

Дорогой, онъ все думаль о томъ, что получилъ наконецъ полныя доказательства благосклонности къ нему вдовы, и душа его ликовала, когда онъ припоминаль всѣ сказанныя ею милыя слова....

Грустно ошибался мой чувствительный герой, — но какъ быть! Ошибки сродны челоѣку. И кто изъ насъ, читатели, не ошибался точно такъ же въ то время, какъ мы любили? кто не думалъ видѣть любовь тамъ, гдѣ было одно холодное кокетство, или только обычная свѣтская любезность?... Увы! обманчивы женщины!

Вечеромъ того же дня, новоприбывшій въ городъ Забубеньевъ господинъ Погуровъ, челоѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, возсѣдалъ въ булуаръ чувствительной вдовы, на томъ самомъ креслѣ, на которомъ по утру помѣщался Адамъ Адамычъ. Вдова страшно кокетничала съ этимъ гостемъ, не смотря на то, что онъ нисколько не походилъ на отдаленную цѣль ея поэтическихъ мечтаній, — то есть, на Чацкаго.

Между прочимъ, хозяйка рассказала господину Погурову, какъ уговорила своего Нѣмца-учителя сочинить стишки къ ея литературному вечеру. Господинъ Погуровъ, который считалъ себя великимъ литераторомъ, потому что наскрибачилъ какіе-то стишки о Кавказѣ, и который далъ вдовицѣ идею устроить вечеръ съ разными артистическими наслажденіями, — отважно крутилъ усы, слушая рассказъ Александрины, и хохоталъ во все горло....

Глубинная душа моего любезнаго героя никогда не могла бы и въ романъ повѣрять такому коварству, какое онъ испытывалъ въ это время на себѣ; онъ не понималъ, какъ можетъ челоѣкъ надѣть на себя такую искусную личину, что ее не отличишь отъ настоящаго лица.... Не зналъ онъ всего этого, — и въ тѣ самыя минуты, когда вдова и Погуровъ избрали его мишенью своихъ насмѣшекъ и остротъ, онъ, блаженный утреннимъ вниманіемъ вдовы и неподозрѣвающій ни какого зла, сидѣлъ въ тѣнистомъ саду господина Желнобова, подъ развѣсистой тополью, лѣниво курилъ довольно скверную, дешевую сигару, и грѣзилъ свои лучшія грѣзы....

VI

Недѣли черезъ полторы послѣ описаннаго мною визита Адама Адамыча вдовѣ, часовъ въ семь вечера, въ известной уже благосклонному читателю чайной, въ домъ господина

Желнобובה, не менѣ известная ему Татьяна Васильевна, Бобелина тожъ, суетилась за чайнымъ столомъ и сильно негодовала на горничную Глашку, которая, по вертлявости и модничанью своему, вытирая чашки полотенцемъ, уронила одну изъ нихъ на полъ, при чемъ таковая разбилась въ дребезги. Чашка эта, къ несчастію, была та самая, изъ которой пилъ постоянно Петинька. Негодованіе домоправительницы съшалось самыми рѣзкими и безцеремонными выраженіями на несчастную виновницу. Татьяна Васильевна раскраснѣлась до нелзя и гнѣвалась невыразимо.

— Эка бѣда кака!—сказала наконецъ вертлявая Глашка, выслушавъ длинную укорительную рѣчь Бобелины.—Добро бы чашка-то была новая, а то еще барыня покойница изъ нея никакъ лѣтъ десять пила!

— Да замолчишь-ли ты? крикнула Бобелина на Глашку, которая, впрочемъ, все молчала, и уже послѣ долгаго безмолвія рѣшилась произнести немногія приведенныя нами слова.—Ахъ, ты, хада проклятая! Чѣмъ тебѣ горло-то заткнуть?... Ты ей слово, а она десять.

На дѣлъ выходило противное: на каждое слово Глашки пришлось бы по сту словъ воинственной Бобелины.

Неизвестно, когда кончился бы споръ между этими двумя особами по поводу разбитой чашки, еслибъ въ чайную не вошелъ Петинька, облеченный въ высокій галстухъ и коричневый фракъ съ золотыми пуговицами, и съ шляпою въ рукахъ.

— О чемъ это у васъ такое жаркое преніе? — спросилъ онъ Бобелину.

— Посмотрите, Петръ Максимычъ, какая жалость!—сказала она, показывая Петинькѣ на осколки. — Эта мерзавка разбила вашу чашечку.

— Ну, такъ что жъ за бѣда?

— Какъ что жъ за бѣда? помилуйте! Это вы только можете сказать, потому что у васъ такой добрый характеръ. Она, тварь, готова все перебить!... Только плямиться знаеть на мужчинъ.

Какая-то тайная злоба заставляла въ этотъ день Бобелину ворчать на Глашку, еще и прежде, чѣмъ она разбила Петинькину чашку.

— Застегни мнѣ перчатку! — сказала Петинька, обращаясь къ Глашкѣ.

— Что вы, Петръ Максимычъ? зачѣмъ вы даёте ей? она своими лапищами только испачкаетъ. Позвольте, я...

— Кчему вамъ беспокоиться? Не все ли равно?

Когда Глашка застегивала перчатку, Петинька ущипнула ее. — Поступокъ этотъ не укрылся отъ глазъ Бобелины, и она, съ досады, громко зазвенѣла ложками въ полоскательной чашкѣ.

— Ну, что же ты стоишь?... глаза-то оставила?... Ступай! — сердито произнесла домоправительница, обращаясь къ горничной, когда перчатка была застегнута.

Глашка удалилась.

Петинька подошелъ къ Бобелинѣ сзади и положилъ ей одну руку на плечо.

— Оставьте меня, Петръ Максимычъ! — сказала она самымъ обиженнымъ тономъ, ворочаясь на стулѣ.

Юноша поставилъ шляпу на окно.

— Что это у васъ сегодня за неприступность такая? а! — спросилъ онъ, тыкая экономку пальцемъ подъ мышку.

Какъ ужасная, Бобелина вскочила со стула и вскрикнула:

— Ахъ, Боже мой! Вы, кажется, знаете, Петръ Максимычъ, что я щекотлива!

— Экая ревнивица! — проговорилъ Петинька. — Ну, что вы сердитесь? Вѣдь я нарочно хотѣлъ побѣсить васъ.

— Грѣхъ вамъ, Петръ Максимычъ, — сказала съ укоризной Бобелина, занимая снова свое мѣсто: — знавши мою искреннюю къ вамъ любовь...

— Ну, ладно, ладно! будетъ; помиримся! Налейте-ка лучше мнѣ чаю! Я вамъ говорю, только немножко побѣсить васъ хотѣлъ.

Петинька сѣлъ къ столу.

— Вотъ вы бы лучше побѣсили Адама Адамыча! — сказала Татьяна Васильевна, наливая чай. — Вы его давно ужъ не затрогивали; а на него, право, любо-дорого посмотреть, какъ онъ сердится.

— Ахъ, вотъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасная мысль! Поставьте, онъ придетъ!

— Пожалуйста, хорошенько побьсите его, Петръ Максимычъ! Вѣдь вамъ еще рано къ Юзгинымъ?

— Рано еще. Жаль только, что Василья Семеныча нѣтъ.

— За Васильемъ Семенычемъ послать можно.

— И посылать нечего: я здѣсь, на лицо,—сказала Закурдавъ, входя—и даже, какъ видите, въ полномъ облаченіи!

Онъ былъ во фракъ и въ пуху.

— Куда это вы собрались?—спросилъ Петинька.

— Къ предмету общей нашей страсти, Александръ Оуминишнѣ.

— Какъ это вы вздумали?

— Сидѣль, сидѣль, или, лучше сказать, лежалъ, лежалъ,—да и вздумалъ. У меня къ тому же и дѣльце до нея есть.

— Какое? не секретъ?

— Ни мало. Лернула меня нелегкая обшарить ей сочинить что-нибудь для ея глупѣйшаго литературнаго вечера, такъ хочу спросить: на сколькихъ листахъ сочинить? Коли много захочетъ, такъ ничего не сочиню.

— Да вѣдь вечеръ ея завтра. Когда же вы успѣете?

— Чего тутъ успѣвать! Съѣлъ, да и написалъ, сегодня же вечеромъ.

— Ну, не знаю, что изъ этого выйдетъ!

— Что-нибудь да выйдетъ. А вы, вѣрно, тоже какое-нибудь посланье принесете?

— Какже. Да вотъ еще пѣть буду дуэть съ Лизой Юзгиной, такъ сейчасъ иду спѣваться.

— Ахъ, да! Зачѣмъ же вы послать за мной хотѣли?

— А вотъ, хочется намъ, Василій Семенычъ, вмѣшалась Бобелина,—посердить Адама Адамыча.

— Дѣло. Давно пора: онъ и то что-то больно пришипился.

— Это, я вамъ скажу, подозрительно, Василій Семенычъ!—продолжала Бобелина. — Когда онъ эдакъ присмирѣетъ,—значить, скоро закурить. Ужъ я замѣтила это.

— А я такъ объясню вамъ дѣло это совсѣмъ иначе. Эта глупая нѣмецкая рожа врѣзалась и тѣломъ, и душой... въ кого бы вы думали?

— Въ мельникову жену что-ли?—спросила Татьяна Васильевна съ самою лукавою улыбкой.

— Нѣтъ, это само собою!... Я говорю про Александру Ѳомииншну. Вотъ избранница его сердца!

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Петинька. — Да вѣдь она надъ нимъ смѣется!

— Это ничего; онъ все-таки влюбленъ въ нее по уши. Попробуйте только заговорить о ней съ нимъ!

— Начните вы, Петръ Максимычъ! — произнесла экономка. — Вы его разсердите больше, чѣмъ Василій Се...

— Тсс... идетъ! — перервалъ Закурдаевъ, ибо въ корридоръ послышались шаги.

Адамъ Адамычъ, точно, не замедлилъ вступить въ чайную и однимъ почеркомъ головы засвидѣтельствовать почтеніе свое всѣмъ присутствующимъ. Лицо его было совершенно лишено движенія; казалось, глубокая дума лежала гнетомъ на его высокомъ чель. Молча присѣлъ онъ къ столу, какъ бы продолжая размышлять о чемъ-то весьма важномъ.

Собесѣдники перемигнулись.

— Что это вы такіе невеселые, Адамъ Адамычъ? — спросила Бобелина.

Адамъ Адамычъ поднялъ голову, но и не собирался отвѣчать.

— Чтò ты замолкъ и сидишь одиноко? — крикнулъ Закурдаевъ, ударивъ Адама Адамыча ладонью по колѣнкѣ, и такъ сильно, что мѣдная заслонка печи затрепетала при этомъ ударѣ.

— Ахъ, какъ вы испугали меня! — воскликнулъ Нѣмецъ, вздрогнувъ и поблѣднѣвъ.

— Дума лежитъ на угрюмомъ чель, — продолжалъ Закурдаевъ. — Дума, глубокая дума! О чемъ это, Адамъ Адамычъ?

Адамъ Адамычъ не отвѣтилъ и опять погрузился въ прежнее забытѣе.

Закурдаевъ толкнулъ локтемъ Петиньку.

— Какъ бы папà не пришель, — сказалъ Петинька съ видомъ опасенія.

— У папеньки гость какой-то, — сказала Бобелина: — они приказали чай туда подать, въ кабинетъ.

— Александрина велѣла вамъ кланяться, — сказалъ вдругъ Петинька, обращаясь къ Адаму Адамычу.

Наставникъ опять вздрогнулъ; но внимательно посмотрѣлъ на Петиньку, и сталъ вслушиваться въ его слова.

— Очень, очень велѣла вамъ кланяться, — продолжалъ Петинька: — и еще просила передать вамъ, чтобы вы не забыли своего обещанія.

Юноша коварно улыбнулся. Вдова вовсе не просила его передавать что-либо Адаму Адамычу.

— Чтò находите вы смѣшнаго? — спросилъ съ видимого дасадой наставникъ.

— Ничего. Это я такъ, постороннее вспомнилъ.

— Нѣтъ, постойте! постойте! — вскричалъ Закурдаевъ: — не о постороннемъ рѣчь. Дѣло тутъ въ обещаніи! да! — Еще другомъ считается, другомъ.... а ни гу-гу!.... Вонъ ужъ у васъ куда пошло, Адамъ Адамычъ? а!

— Я не знаю... что вамъ?... что вы хотите?... — пробормоталъ сконфуженный Немецъ.

— Вонъ оно какъ! — продолжалъ Закурдаевъ: — это не по нашему. Тутъ ужъ дѣло идетъ на обещанія! Вонъ оно какъ!

Адамъ Адамычъ только двигался съ безпокойствомъ на стуль.

— И другу-то, другу-то (вѣдь другомъ меня величаютъ), ннѣ-то ни полсловечка!.... а! Какъ вамъ это кажется?

— Въ амурныхъ дѣлахъ всегда скрытничаютъ, — замѣтила Бобелина самымъ ироническимъ тономъ.

Адамъ Адамычъ бросилъ на нее такой презрительный взглядъ, какого, я думаю, не случилось еще ему употреблять во всю свою долгую жизнь.

— Ну, что вы на меня эдакъ смотрите? — продолжала Бобелина, нимаго не стѣсняясь презрѣніемъ великаго мужа. — Ужъ нечего!... Что, видно досадно, что узнали тайну?

— Я не емлю никакой тайны.

— А отчего же сконфузились? а! отчего сконфузились?

— Я нисколько....

— Чего нисколько? Посмотрите, Василий Семеныч! посмотрите, Петръ Максимыч! макъ-макомъ.

Бобелина принялась громко смѣяться.

— Покраснѣлъ! покраснѣлъ!—восклицалъ съ хохотомъ Закурдаевъ.

— Гдѣ же покраснѣлъ?—сказалъ Адамъ Адамычъ, прикладывая руку къ щекъ, которая была горяча, какъ самоваръ, стоявшій на столѣ.

— Покраснѣлъ! покраснѣлъ!—повторялъ Петинька, подпрыгивая на своемъ стулѣ и ударяя въ ладоши.

— Вотъ она, любовь-то, какова,—сказала Бобелина.

Закурдаевъ захлопалъ ладонью по своему лѣвому боку и восторженно произнесъ:

— Кипятокъ, канальство!.... Да, кипятокъ! ключемъ бѣть!

Адамъ Адамычъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и чувствовалъ, какъ лицо его разгорается все больше и больше. Насилу собралъ онъ остатокъ силъ, и смогъ проговорить, не глядя, впрочемъ, на присутствующихъ:

— Я общалъ быть у нея завтра, на вечеръ.

— Ну, нѣтъ; ужъ это, съ позволенія сказать, дудки, почтеннѣйшій Адамъ Адамычъ!—замѣтилъ Закурдаевъ. —Кому бы другому говорили, а не мнѣ! Вѣдь я васъ знаю, насквозь васъ проникъ. Да!.... Ну, да и сказалось ретивое: не даромъ вспыхнулъ.

— Ужъ если, когда помянешь про какую-нибудь особу, да человекъ разгорится эдакъ, какъ вотъ Адамъ Адамычъ,—присовокупила Бобелина: — такъ ужъ это вѣрный знакъ, что особа эта предметъ того человека.

— А что, Адамъ Адамычъ?—спросилъ Петинька, садясь около своего почтеннаго наставника:—кто говорилъ, что того не слѣдуетъ дѣлать, этого не слѣдуетъ читать?... А сами какой примѣръ подаете?

Адамъ Адамычъ чувствовалъ, что ему не сдобровать, и сидѣлъ неподвижно, какъ между двумя огнями, между Петинькой и Закурдаевымъ.

— Вот онъ гдѣ, Фобласть-то!—воскликнулъ Закурдаевъ, чуть не тыча указательнымъ пальцемъ въ носъ чувствительнаго Нѣмца.

— А еще мнѣ запрещалъ переводить оттуда!—сказалъ Петинька.

— Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ! — пролепеталъ Нѣмецъ, торопясь допить стаканъ чаю, чтобы улизнуть поскорѣе отъ этой пытки; но чай былъ очень горячъ, и Адамъ Адамычъ едва могъ пропустить въ горло два глотка.

— Что вы жжетесь, Адамъ Адамычъ?—сказала экономка, вся сіяющая отъ удовольствія.—Дайте простыть чаю!

— Вѣдь онъ отчего вамъ не велѣлъ переводить этой книги? Вѣдь я его знаю... это хитрецъ первой степени, даромъ что Нѣмецъ!... Тамъ его любовныя интриги описаны! да!

— Ну, не правда что-ли?—прибавилъ Закурдаевъ, трепля по плечу Адама Адамыча.—Такъ?

— А! такъ вотъ вы каковы! Хороши же вы!—кричалъ съ другой стороны Петинька.

— Боже мой!—воскликнулъ Адамъ Адамычъ въ совершенномъ отчаяніи.—Ради Бога, скажите, что я вамъ сдѣлалъ? за что вы хотите такъ меня измучить?

— Ахъ, какіе вы смѣшные, Адамъ Адамычъ! Съ вами говорить смѣхѡмъ, а вы сердитесь!

— Я не разговариваю съ вами, отвѣчалъ Адамъ Адамычъ на замѣчаніе Бобелины, съ досадою ставя недопитый стаканъ на столъ, и подымаясь съ мѣста.—Я не знаю, что это такое... Это адъ!.. Боже мой!

— Куда же вы? спросилъ Закурдаевъ: — да посидите! полноте! поговорите по душѣ.

— Мы оставимъ этотъ разговоръ, вмешался Петинька:—мы потопкуемъ о чемъ-нибудь философскомъ.

Петинька зналъ, что этими словами уколетъ мудраго наставника еще болѣе: философскій разговоръ, о которомъ намекнулъ Петинька, состоялъ обыкновенно въ томъ, что юноша принимался нести самую-дикую и безалаберную чушь о разныхъ полезныхъ и вредныхъ вещахъ, единственно съ намѣреніемъ разсердить Адама Адамыча. Отъ этой глупѣйшей

философiи любящiй Нѣмецъ впадалъ въ совершенное бѣшенство отчаянiя.

Быстро схватился Адамъ Адамычъ со стула, взялся обѣими руками за голову и вышелъ стремглавъ изъ комнаты, повторяя:

— О, Gott! Gott! .. Das ist'ne мученье!

Дружный хохотъ трехъ устъ проводилъ его за дверь.

Ероша свои волосы, шелъ Адамъ Адамычъ по корридору, и когда четверо младшихъ питомцевъ его, поспѣшавшихъ пить чай, чуть не сбили его съ ногъ, а Ганюшка, по врожденной бойкости своего характера, принялся было что-то объяснять ему, Адамъ Адамычъ крикнулъ имъ: «Weg!» такимъ страшнымъ голосомъ, что у дѣтей опустились руки, и они медленнымъ и робкимъ шагомъ продолжали путь свой къ чайной.

Въ залѣ, Адамъ Адамычъ наткнулся на какого-то толстаго господина, который выходилъ изъ кабинета господина Желнобובה.

Когда маститый старецъ увидѣлъ наставника своихъ чадъ въ такомъ свирѣпомъ и страшномъ видѣ, то выдвинулъ половину своего тѣла изъ дверей кабинета и сказалъ:

— Чтò ты? чтò ты, Адамычъ? а!... А ну, постой, постой! зайди-ка сюда!

Адамъ Адамычъ повиновался,

— Чтò съ тобой? чтò съ тобой? а!

Смущенный наставникъ вошелъ въ кабинетъ господина Желнобובה. Господинъ Желнобобовъ сѣлъ въ кресла у письменнаго стола, и пригласилъ сѣсть и Адама Адамыча, чтобы быть гостемъ, — потомъ спросилъ его о причинѣ такого растеряннаго его вида и крайняго смущенiя.

Прерывающимся и робкимъ голосомъ сталъ говорить Адамъ Адамычъ, объясняя старику нанесенныя себѣ оскорбленiя; но, по свойственной ему манерѣ, началъ онъ не прямо съ дѣла, а предварительно завелъ рѣчь о томъ, какъ надо держать въ рукахъ дѣтей съ мягкихъ лѣтъ младенчества, до чего доводить баловство, какъ портятъ отрока раннiя удовольствiя свѣтской жизни, какъ надо удалять всякiй соблазнъ

отъ непрояснившихся еще очей юноши, и въ особенности напиралъ на вредъ, который производятъ книги, даваемые для чтенія молодымъ людямъ безъ всякаго разбора; потомъ произнесъ онъ цѣлую длинную тираду о томъ, какія пагубныя слѣдствія производятъ невзнузданность воображенія, свобода воли, вольнодумство и прочее, — и наконецъ посоветовалъ старцу Желнобобову прочесть сочиненіе господина Энгеля, автора «свѣтскаго философа,» подъ заглавіемъ «Антипаросская-Пещера,» не вникнувъ въ то обстоятельство, что Максимъ Петровичъ никогда не занимался такимъ вздоромъ, какъ чтеніе какихъ-бы то ни было книгъ.

Долго слушалъ Адама Адамыча господинъ Желнобобовъ, безпрестанно подѣзжая нижнею губой къ носу и произнося: «а ну! ну!...» Но самага дѣла не могъ дождаться, почему и прекратилъ совершенно-внезапно длинную рачею наставника тѣмъ, что вдругъ всталъ, поставилъ свой носъ къ самымъ устамъ Адама Адамыча и произнесъ:

— А ну, дохни-ка на меня, дохни! Выпилъ сегодня? а! выпилъ? А ну, дохни!

Адамъ Адамычъ, окончательно уничтоженный этою выходкой, стремительно выбѣжалъ изъ комнаты и бросился къ себѣ на антресоли.

Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія ни на Пальму, которая сунулась-было къ нему поласкаться, ни на трубку, которая глядѣла съ гвоздика такъ пригласительно, не почистилъ даже зубовъ нюхательнымъ табакомъ, и въ изнеможении и горь упалъ на свою узкую кроватенку. Онъ прижался горящимъ лицомъ къ жесткой подушкѣ, чтобы заглушить отчаянныя рыданія. Слѣзы градомъ текли изъ глазъ его; бѣдная голова его была совсѣмъ растеряна.

Послѣ ухода Адама Адамыча изъ кабинета, Максимъ Петровичъ прилежъ въ чайную, и съ глухимъ и хриплымъ хохотомъ говорилъ эконолкѣ:

— А каковъ нашъ Нѣмчура?... каковъ? а!... Да что съ нимъ, Татьяна Васильевна?... запилъ онъ что-ли? а! закурилъ что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорила Бобелипа, пуская такую трель смѣха, какъ будто на полъ высыпали цѣлый кулекъ орѣховъ

— Да что же? а! что же онъ?... Занесъ такую ахинею... выплеталъ, выплеталъ кружева.... А ну, нѣтъ конца, нѣтъ конца! Я ужъ всталъ, думаю: что онъ? что онъ? «А нудохни!» говорю ему: «дохни! Коль выпилъ, такъ выпилъ.... А ну, Богъ тебѣ простить!»

Максиму Петровичу тотчасъ же объяснили самымъ комическимъ образомъ причину разстройства наставника, и онъ, похотавъ вдоволь, пошелъ погулять, — а черезъ пять минутъ и совсѣмъ забылъ о случавъ съ Нѣмцемъ, точно такъ же, какъ и всѣ виновники его огорченія.

А между тѣмъ Адамъ Адамычъ долго лежалъ внизъ лицомъ на кровати и горько плакалъ. Онъ не потрудился даже скинуть съ себя зеленый сюртучокъ и развязать широкій галстухъ. Пальма, несмотря на свою природную тупость, — слыша раздирающія душу всхлипыванья своего хозяина, подошла къ постели, и, въ качествѣ утѣшительницы, принялась лизать ухо Адама Адамыча.

Мало-по-малу, добрый Нѣмецъ началъ успокаиваться, и когда наступили сумерки, благодатный сонъ сомкнулъ его раскраснѣвшіяся щеки, и богъ сновиднѣй, одаренный, какъ известно, великою жалостію къ несчастнымъ, немедленно перенесъ Адама Адамыча въ какой-то чудный, обтованный край, и тамъ окружилъ его всѣмъ, что любить его сердце. Адамъ Адамычъ блаженствовалъ; правда, это было во снѣ; но за то блаженство то было полно и безъ всякой примѣси даже неприятныхъ воспомнаній.— Не долго, впрочемъ, блаженствовалъ нашъ герой, никакъ не больше часа...

Чуткое ухо Адама Адамыча вдругъ заслышало легкій скрипъ двери. Онъ приподнялъ голову. Въ комнатѣ было уже довольно темно; синяя ночь смотрѣла въ открытое окно. Нѣмецъ не могъ ничего разглядѣть съ просонковъ, и спросилъ:

— Кто тутъ?

— Это я, произнесъ голосъ Дениски, который и вошелъ въ дверь.

Адамъ Адамычъ всталъ съ кровати, вздулъ огня и тогда уже спросилъ у пришедшаго, что ему понадобилось у него ночью.

— Да какая же еще ночь, сударь? спросил чеботарь. — Вамъ это со сна только показалось. Всего девять часовъ.

— Неужели? спросил увидевный Нѣмецъ и поспѣшилъ посмотреть на свои часы, которые и убѣдили его въ совершенной справедливости словъ чеботаря.

— А я къ вамъ по секрету-съ, таинственно произнесъ Дениска.

— Что такое?

У Адама Адамыча кровь прихнула къ головѣ. Событія этого вечера сдѣлали его чрезвычайно раздражительнымъ.

— А вотъ дѣло какое! объяснилъ Дениска: — сейчасъ сюда Парфѣнка забѣгалъ мельниковъ. Онъ съ самимъ-то съ мельникомъ въ городъ прѣхалъ.

— Ну? нетерпѣливо спросилъ Адамъ Адамычъ.

— Ну, такъ вотъ просилъ онъ сказать вамъ, что Касьяновна васъ завтра къ себѣ ждетъ; Игнатьичъ то, видите, до вечера въ городу пробудеть.... И наказывала, что очинно, дескать, нужно.

— Хорошо, хорошо, проговорилъ сконфуженный Адамъ Адамычъ. — Ступай!

— А у меня до васъ просьбица, Адамъ Адамычъ; только не прогнѣвайтесь!

— Что такое?

— Да вотъ два гривенничка бы надо-съ. Макарычъ все съ меня долгъ спрашиваетъ.

— Вотъ, возьми! Больше тебѣ ничего не надо?

— Ничего-съ; покорно васъ благодарю-съ, Адамъ Адамычъ. А что же, какъ вы? побѣдете, что-ли-съ?

— Это не касается до тебя.

— Слушаю-съ.

— Ступай!

— Иду-съ.

Когда чеботарь Дениска удалился, Адамъ Адамычъ началъ расхаживать по комнатѣ, думая, какъ ему поступить лучше.... Завтра назначена литературная вечеринка у вдовы, и онъ долженъ быть заранѣе дома, чтобы прифрантиться «по порядку», какъ онъ обыкновенно выражался; когда же

успѣть ему вхвать завтра на мельницу? Развѣ неидти ко вдовѣ? Но это невозможно: онъ обещалъ; а обещанія свои Адамъ Адамычъ считалъ святыми. Къ тому же слишкомъ недѣля, которая прошла со времени его утренняго визита Александрина, была посвящена почти вся на отдыху небольшого анемологическаго и сантиментальнаго стихотворенія, которымъ мудрый Нѣмецъ рассчитывалъ окончательно покорить сердце вдовствующей красавицы. Какъ ни смущали его въ настоящую минуту невольна вкравшіяся въ память его оскорбленія со стороны его недостойнаго ученика Петиньки и коварнаго друга Закурдаева, однако рѣшеніе его было твердо, и онъ ни мало не колебался въ намѣреніи — непременно идти на литературный вечеръ и доказать своимъ стихотвореніемъ всю преданность вдовѣ и всѣ свои лингвистическія познанія. За то очень шатки были его намѣренія касательно поѣздки на мельницу, и онъ справедливо рассуждалъ, что завтра ему никакъ не сдумѣть добыть себѣ лошадку безъ помощи лихаго Закурдаева; а съ Закурдаевымъ сойтись, послѣ его злостныхъ выходокъ, не находилось ни малѣйшей возможности. Идти же завтра пѣшкомъ туда и назадъ — сильно устанешь, потому что не успѣешь тамъ и отдохнуть. А между тѣмъ Адама Адамыча все-таки сильно тянуло къ Марьѣ Касьяновнѣ, и потому, поразмысливъ немного, онъ рѣшился на слѣдующее: немедленно снарядиться въ путь и отправиться по вечерней прохладѣ на мельницу, отдохнуть тамъ до утра, пострѣлять часикъ-другой и возвратиться домой часамъ къ двѣнадцати утра, чтобы хорошенько собраться съ духомъ къ страшному вечеру.

Ни мало не медля, Адамъ Адамычъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе.... Онъ облачился въ свой охотничій спортукъ, надѣлъ охотничьи сапоги, зарядилъ ружье, — однимъ словомъ, собрался, какъ слѣдуетъ, и, сопровождаемый Пальмою, отправился изъ дому.

При видѣ его, снаряженнаго такимъ образомъ, Макарычъ, игравшій въ лакейской съ чеботаремъ Денискою въ фильку, и въ это время показывавшій ему изъ-подъ колѣнки фигу, не преминулъ отнустить какое-то острое словцо на-счетъ

любовныхъ пашней и свдыхъ волосъ. Хотя Адамъ Адамычъ и не понялъ вполне черезъ-чуръ русскаго выраженія Макарыча, однако догадался, что дѣло идетъ объ немъ, и потому прошелъ какъ можно доспѣшнѣе мимо игроковъ и вышелъ на улицу.

Ночь была довольно темна, потому что мѣсяць еще не всходилъ; но Адамъ Адамычъ, зная хорошо топографію города, шелъ вѣрными шагами по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ обыкновенно вѣздили на мельницу.

Кривой домъ исправника Юзгина былъ освѣщенъ, окна растворены, и до слуха почтеннаго наставника доносилось гнѣие двухъ голосовъ, при слабомъ акомпаниментѣ фортепіано. Въ одномъ голосѣ узнавалъ онъ соловьиный напѣвъ Лизаньки, всегда нѣжившій его душу; въ другомъ ненавистный и фальшивый теноръ безнравственнаго и избалованнаго Петиньки. Оба голоса орали не на животь, а на смерть, какой-то очень хорошей дуэтъ.

— Мимо! скорѣе мимо! произнесъ нашъ герой, учащая шаги, — и вся горечь, налитая Петинькою въ фіалъ его сердца, вскипѣла въ немъ.

Чуть не бѣгомъ пустился Адамъ Адамычъ подъ гору.

Въ жилищѣ чувствительной вдовицы всѣ окна тоже горѣли, и почти всѣ были отворены. Вътерокъ взвѣвалъ бѣлая занавѣски и изъ-за нихъ видѣлись: фигура прѣзжаго Погурова, крутящаго съ безбожнымъ постоянствомъ черные усы, и растрепанный Закурдаевъ. Яркій хохоть вдовы раздавался почти по всей улицѣ, въ то время, какъ Закурдаевъ держалъ какую-то рѣчь густымъ басомъ. Адаму Адамычу показалось, будто Закурдаевъ произноситъ его имя, и онъ еще скорѣе побѣжалъ далѣе, съ отчаяніемъ повторяя про себя:

— Мимо! скорѣе мимо!

Безъ дальнѣйшихъ приключеній, но съ глубокою, невыносимою тоской вышелъ онъ въ поле. Луна подымалась изъ-за горизонта, какъ будто окруженная блестящимъ туманомъ; звѣзды молчаливо и весело сіяли на синей, гладкой ткани неба. Свѣжій вътерокъ пахнулъ въ лицо Адаму Адамычу. Забубеньевъ, со всеми своими каверзами и гадостями,

окружающими свѣтлую любовь Нѣмца, остался у него за спиной, а передъ нимъ лежали только поля безъ конца, золотыми легкими свѣтомъ восходящаго мѣсяца. Какъ рама картины, чернѣлъ только край небосклона далекою рощей.

«Что можетъ быть краше и дружелюбнѣе лѣтней, свѣжей и свѣтлой ночи?» подумалъ Адамъ Адамычъ.

И скоро та сила, которая такъ властна надъ человѣкомъ, — сила природы охватила все существо Адама Адамыча. Тишина полей, казалось, переходила мало-по-малу въ его чувства; кроткое мерцаніе мѣсяца лилось бальзамомъ въ его страдающее сердце; каждое дуновеніе благовоаннаго вѣтерка смахивало съ головы его какую-нибудь черную и непривѣтную думу. Гдѣ найти такого друга, какъ природа? Кто съ умѣетъ быть столько постояннымъ въ своей красотѣ, и не смутить насмѣшкой, или злобой, любующеся имъ око? Какая женщина охватитъ васъ такими теплыми и любящими объятіями, и не устанетъ держать васъ въ нихъ столько, сколько вы хотите?

— Боже мой! какая прекрасная ночь! Какъ хорошо и легко стало мнѣ! — вскричалъ Адамъ Адамычъ, сходя съ дороги и бросаясь на свѣжую, росистую мураву.

VII.

Вотъ собака воетъ невдалекѣ; вотъ огонекъ мелькнулъ въ глаза; вотъ шумитъ, словно толпа бѣгущаго народа, вода, падающая изъ-подъ колесъ мельницы. Вотъ и серебро мѣсяца разсыпалось по знакомымъ кровлямъ, и свѣтлой лентой синѣетъ рѣка, опушенная дрожащею зеленою.

Вотъ собака притихла; вотъ залаяла хриплымъ горломъ — громче и громче, злѣе и злѣе.

Рука Адама Адамыча стучитъ въ калитку; скрипитъ дверь мельниковой избы; черная фигура заслоняетъ въ окнѣ свѣтъ.

— Кто тамъ? — раздается голосъ Авдотьи, заглушаемый лаемъ пса, который завязилъ уже рыло въ подворотнѣ.

— Я, — отвѣчаетъ ночной путникъ.

— Да кто ты? — спрашиваетъ Авдотья.

— Я, — отвечает снова Немець.

— Много вашего брата.... Я, да я! Всякого льшого знать! Говори имя, что-ли! кричить наперсница мельничихи.

— Адамъ.... начинается-было нашъ герой.

— А что ты дашь? — прерываетъ Авдотья, торопясь отдѣлаться отъ докучнаго гостя. Начто намъ твою подачку? Что, у насъ постоялый дворъ, что-ли?

— Я Адамъ Адамычъ, — произноситъ наконецъ Немець.

— Ахъ, батюшки! да что же вы сейчасъ не сказали? — говорить, перемѣняя тонъ, Авдотья.

— А я, дура эдакая, и не узнала по голосу-то!

Засовъ отодвигается, щеколда гремитъ, и калитка представляеть свободный входъ прищельцу. Собака угомонится.

— Кто тамъ, Авдотьюшка? — кричитъ съ крыльца нѣжный голосъ Касьяновны, картинно-озаренной светомъ изъ-за полу-отворенной двери.

— Жданный гость! — отвечаетъ Авдотья. — Что есть въ печи, все на столъ мечи!

— Прекрасная мельничиха выходитъ навстрѣчу своего почтеннаго друга, и очи его съ нѣгой покоятся на облитыхъ луною, открытыхъ плечахъ соблазнительницы.

Когда Адамъ Адамычъ вошелъ въ комнату, пріятный запахъ ужина началъ нѣжить его обоняніе.

— Садитесь! садитесь, Адамъ Адамычъ! говорила мельничиха.

— Я думалъ, вы уже спите, — сказалъ гость.

— Какое? Мы вотъ все съ едимъ проклажаемся! сказала Касьяновна, указывая на столъ: — къ завтраму готовимъ.

На столъ лежалъ кусокъ сырзго мяса, съ воткнутымъ въ него ножомъ, кусокъ сала, кусокъ тѣста, кучка муки и скалка. Все это служило матеріаломъ, изъ котораго хозяйка дома, виѣсть со своею приспѣшницей Авдотьей, приготовляла гастрономическое кушанье, называсмое пельменями, которыхъ было надѣлано уже больше полусотни въ широкой деревянной чашкѣ.

Объ женщины принялись за оставленную на нѣсколько минутъ работу. Адамъ Адамычъ снялъ охотничье бремя съ своихъ плечъ, и, присутствуя уже не въ первый разъ при процессѣ заготовленія пельменей, началъ формировать пальцами шарики изъ тѣста и раскатывать ихъ скалкою, а потомъ подкладывать поближе къ хозяйкѣ, для должнаго начиненія говядиной и саломъ.

Бойкій разговоръ со стороны двухъ собесѣдницъ почтеннаго Желнобобовскаго наставника, и отрывистые, хотя не лишеныя пріятности, отвѣты и замѣчанія его самого, сокращали однообразное занятіе. Адамъ Адамычъ не преминулъ, между прочимъ, выставить на дружное порицаніе обвѣхъ дамъ скверное и двусмысленное поведеніе коварнаго Закурдаева и молокососа Петиньки.

Къ одиннадцати часамъ работа была кончена, и за нею послѣдовалъ ужинъ, вполне удовлетворившій аппетитъ моего героя. Именно, что только было въ печи, все явилось на столъ: и густыя, подбитыя сметаной дымящіяся щи, и жирный гусь, и каша съ творогомъ.

Ужинъ кончился; рты сотрапезниковъ были отерты, и чашка квасу утолила жажду всѣхъ.

— Спокойной ночи, пріятнаго сна, — говоритъ Авдотья, выходя изъ комнаты.

Сальный огарокъ подобрался къ бумагъ, обвертывающей его конецъ; сало зашипѣло, свѣтильня согнулась, бумага вспыхнула.

Фф... Уста красавицы погасили широкое пламя. Мракъ и ночь воцарились въ пріютной комнатѣ.

Собака опять завывала, глядя на полный мѣсяцъ, который безмятежно катится по звездному небу; вода журчитъ, свергаясь черезъ загородъ плотины, — и въ хатѣ мельника всѣ заснули — и спать крепко и сладко...

Но не спать судьба, бодрствующая надъ гибелью людей, и не спать мельникъ Игнатьичъ въ кануркѣ своего добраго пріятеля, мѣщанина Прохорова, торгующаго разнымъ мелкимъ товаромъ: ветчиной и ржавчиной, битой посудой и козымъ пухомъ. Игнатьичу предстоитъ славное дѣльце на завтрашнее

утро, и заранѣе улыбается во мракъ его полное лицо, и мысли самаго усладительнаго свойства озаряютъ его мозгъ.

По прѣздѣ въ городъ, тучный мельникъ успѣлъ уже заготовить одно пріятное для своего благосостоянія обстоятельство. Мѣщанинъ Прохоровъ, по дружбѣ своей, доставилъ ему хорошаго покупателя, который объявилъ Игнатьичу, что купить у него всю заготовленную имъ муку по выгодной цѣнѣ, если только она будетъ найдена имъ въ желанномъ качествѣ.

«Завтра, завтра....» думаетъ мельникъ, ворочаясь на постелѣ: «въ девять часовъ прѣдетъ и посмотритъ.... А ужъ на счетъ доброты.... Это ужъ что и говорить! И сумнительства никакого нѣтъ. Жернова новыя; трутъ, голубчики, молодецки.... Тоньше пыли мучица.... Поди-ка ты, вонъ въ Подзаборьѣ, взглянь только!... перецъ-перцомъ. — А вотъ одно плоховато.... Угошеньемъ какъ бы не подгадить. Известно, человекъ не простой, не нашъ братъ — мужланъ: купецъ тоже третьей гильдіи — купчикъ-голубчикъ. — Кизлярка была.... Шпунтикъ можно будетъ сварганить.... Закуска тоже хорошая: бѣлая рыбица провѣсная, икра паисная.... Вотъ бы тамъ, эдакъ, къ обѣду-то.... тово.... Ши-то будутъ, а вотъ гуся-то малесовато осталось.... А самимъ, поди, не вдогадъ. — Эхма! плохოდьровато!... Надо бы самому пораньше....

Хотя соображенія эти и очень занимали духовный организмъ Игнатьича, однако тучная физика его была сильнѣе и превозмогла: онъ заснулъ. Впрочемъ, сонъ его былъ не крепокъ, и на зарѣ, только-что забрезжилось раннее лѣтнее утро, мельникъ всталъ съ своего ложа, надѣлъ длинный кафтанъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ снѣгахъ принялся онъ расталкивать рыжаго мальчишку, храпѣвшаго во всю ивановскую.

— Парфенка, а Парфенка! вставай, шельмецъ! Ладъ, поди, тельгу, — да напои буланку! — Да вставай, дурень! Ну, что ты зенки-то трешь? вставай! — Ишь ты! Поворотился.... Говорятъ тебѣ добромъ, вставай!

Говоря добромъ, Игнатьичъ ткнулъ Парфенку ногой подъ бокъ. Такое дружелюбное внушеніе заставило мальчишку вскочить.

Черезъ нѣсколько минутъ все было готово къ отъѣзду, и Игнатьичъ зашелъ только проститься съ своимъ хозяиномъ, который тоже ужъ не спалъ. Сообщивъ Прохорову свой планъ относительно возврата домой для приготовленія дорогаго гостю-купцу приличнаго угощенія, и передавъ ему просьбу сказать купцу, что его, молъ, купца, ждутъ на мельницу къ девяти часамъ, — Игнатьичъ сѣлъ въ свой экипажъ и отправился на мельницу.

Чувства его были такъ преисполнены радостью отъ ожидаемой выгодной сдѣлки, что онъ не далъ даже ни одного подзатыльника Парфѣнкѣ, который на семи верстахъ къ мельницѣ принимался десять разъ дремать, и то опрокидывался въ тельгу, то тыкался носомъ впередъ, при чемъ разъ чуть не клонулъ буланку въ задъ.

Когда тельга остановилась у воротъ мельникова обиталища и Парфѣнка припасалъ уже кулаки, чтобы ударить тревогу въ ворота. Игнатьичъ заказалъ ему такую, а спустился съ тельги, поставилъ мальчишку себѣ на плечо и велѣлъ ему лѣзть черезъ заборъ, чтобы не бударажить весь домъ въ такую раннюю пору.

Ворота отворились, и хозяинъ дома вступилъ на дворъ. Тутъ, первымъ предметомъ, попавшимся ему на глаза, была звонкобая Пальма, лежавшая у крыльца. Предметъ этотъ былъ такъ знакомъ мельнику, что не удостоился даже его вниманія.

Игнатьичъ вошелъ въ сѣни и взялся за ручку двери, ведущей въ комнату; но тотчасъ же подумалъ, что отворить дверь попытка тщетная, ибо она, конечно, на крючокъ. Благо-разумно рассуждая, что гораздо лучше разбудить сначала Авдотью въ чуланѣ, онъ уже хотѣлъ выпустить скобу изъ кулака; но дверь, поддаваясь самому легкому давленію руки, заскрипѣла на несмазанныхъ петляхъ и стала отворяться.

За занавѣсками кровати, стоявшей въ углу комнаты, слышалось легкое храпѣніе; но при стукѣ, произведенномъ затворяемою дверью, мельничиха проснулась и соннымъ голо-сомъ спросила изъ-за полога:

— Это ты, Авдотья?

— Нѣтъ; это я, Касьяновна, сказала мельникъ.

Марья Касьяновна, съ широкими отъ испуга и взумленія глазами, высунулась изъ-за полога.

Въ ту же самую минуту, глаза мельника наткнулись на охотничій кафтанчикъ Адама Адамыча, висѣвшій на стѣнкѣ блага стула, и на другія принадлежности его наряда, помѣщавшіяся на плетенкѣ того же стула... Страшная мысль мелькнула у него въ головѣ, и онъ, голосомъ, получившимъ интонацію большаго колокола, прорычалъ такія слова:

— Ну, что ты глаза-то выпучила? чего испужалась?

— Я ничего не испужалась... начала мельничиха, соединяя одною рукой распахивавшіяся полотнища полога. — Чего мнѣ пужаться?

— Чего те пужаться? — съ глухимъ хохотомъ проговорилъ Игнатьичъ: — а чьи сапоги?

— Известно, чьи: Адамъ Адамыча.: — Любезный герой нашъ, въ сосѣднѣмъ убѣжищѣ, пробудился при громкомъ произнесеніи мельничихой его имени.

— А камзолъ чей? продолжалъ допрашивать мельникъ голосомъ, переходившимъ все въ болѣе и болѣе густые тоны.

— Его же... смиренно отвѣчала Марья Касьяновна, начинавшая уже трепетать подъ звуками мужниныхъ словъ.

— А самъ гдѣ? спро иль наконецъ Игнатьичъ, держась руками за свои бока.

— Самъ онъ... отвѣчала совершенно опѣшившая супруга, — самъ онъ...

— Вотъ я тебя!... и началъ...

— Батюшка, не бей, кричала мельничиха, голубчикъ, не бей... — Но мы избавляемъ читателей отъ послѣдовавшей трагической сцены.

— Адамъ Адамычъ хотѣлъ убѣжать изъ сосѣдней каморки; мельникъ, точно, былъ совершенно погруженъ въ пучину своего бышенста и въ громъ собственныхъ рѣчей не разслышалъ не совсемъ тихихъ движеній Адама Адамыча. Но когда ссй послѣдній, облеченный уже въ сапоги, выскользнулъ вдругъ и хотѣлъ было захватить по дорогѣ все свое платье со стула, а потомъ дать тягу въ дверь, — Игнатьичъ остановилъ его слѣдующимъ перуномъ своей громоносной рѣчи, оставляя волосы несчастной жены:

— Куда, колбасникъ?... Улизнуть хочешь? а! — Ты у меня не уйдешь! Я тебя, стараго чорта, проучу. Парфѣнка! а, Парфѣнка!

Пароёнка, впрочемъ, не явился.

— Постой! Ты что? Ведь ты, колбаса, такой же мужикъ, какъ и я. Что ты, дворянинъ, что ли, подлые твои буркалы? а!

Мъра терпѣнія Адама Адамыча наконецъ переполнилась, когда жилистая и крѣпкая, какъ сталь, ручища Игнатьича готовилась по видимому зашить его, или, по крайней-мѣрѣ, ухватить за волосы. Какъ только замѣтилъ онъ такой, превосходящій границы всякаго приличія, порывъ мельника, тотчасъ же, съ удивительною ловкостью, наклонился и вырвался изъ рукъ истязателя. Дѣломъ одной минуты было для него схватить со стула всю свою одежду и броситься къ выходу. Но мельникъ не выпустилъ его безъ всякаго вреда изъ своей хаты: пяткой правой ноги далъ онъ ему такого толчка въ спину, что Адамъ Адамычъ ударился головой о косякъ двери, и раскроилъ себѣ ухо.

Ошеломленный, поруганный и взбѣшенный, не прознося ни полслова, выбѣжалъ онъ въ сѣни. Мельникъ и тутъ не оставилъ его безъ преслѣдованія, и, схвативъ что-то длинное и твердое въ углу сѣней—не то мстлу, не то кочергу, такъ хватилъ имъ въ тылъ злополучнаго Нѣмца, что тотъ слетѣлъ съ крыльца, какъ говорится, шеметомъ.

Тошяя Пальма, въ которой никто никогда не подозревалъ возможности лаять или кусаться, при видѣ горестнаго пораженія своего хозяина и злодѣйственныхъ поступковъ мельника, бросилась на Игнатьича съ свирѣпымъ лаемъ, и принялась рвать ему широкія порты и кусать его за тучныя ляшки. Какъ ни билъ ее мельникъ тѣмъ орудіемъ, которымъ окончательно поразилъ Адама Адамыча, Пальма не унималась, и отстала только тогда, когда господинъ ея выбрался, прихрамывая, за ворота. Мельникъ принялся было травить ее своею дворнягой; но дворняга не двинулась съ мѣста въ погоню за Пальмой, хотя и лаяла, вѣдая мордуверху.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по уходѣ Адама Адамыча, разыгралась на мельницѣ не одна сцена самаго трагическаго свойства и колорита; но авторъ, не желая входить слишкомъ далеко въ семейныя тайны, опускаетъ здѣсь завѣсу на всѣ мельничныя происшествія, и обращается прямо къ главному предмету своего разсказа.

Адамъ Адамычъ на мельничномъ мосту успѣлъ снаря-

днѣся, какъ слѣдуетъ, и исправить все не совсѣмъ-приличное неглижѣ своего одѣянія. При этомъ, онъ съ горестью замѣтилъ, что нѣтъ съ нимъ пистонницы, которую онъ положилъ на столъ въ мельпиковой комнатѣ, и что обронилъ онъ, вѣроятно въ сѣняхъ, одну изъ подтяжекъ.

Парфѣнка, повстрѣчавшійся ему на мосту, увидѣвъ его туалетъ и смущеніе, немедленно смѣкнулъ, что дѣло неладно, а потому остановился, сдѣлалъ какую-то весьма непристойную гримасу, и потомъ задудилъ чуть не подъ самое ухо моего героя какую-то глупую пѣсню на глиняной уткѣ съ двумя дырами въ боку и въ хвостъ.

Когда же Адамъ Адамычъ отправился далѣе, и, чувствуя сильную боль въ правой ногѣ, очень замѣтно прихрамывалъ, Парфѣнка захохоталъ и кричалъ ему вслѣдъ:

— Эхма! Конниковъ-то пара, да и тѣ не разомъ берутъ. Припопонивай пристяжную-то, баринъ!

Странная вещь! какъ на канунѣ, когда Адамъ Адамычъ вышелъ изъ городу, чтобы идти къ мельницѣ, всякое явленіе умиряло его душевное безпокойство, и вносило утѣшеніе въ его разбитое сердце, такъ теперь каждый предметъ, попадавшійся въ глаза нашему герою, производилъ въ немъ больше и больше тревоги. Мельничныя колеса, казалось, подтрунивали надъ нимъ; лошади, ковылявшая на лужайкѣ за мостомъ, съ треногой на переднихъ ногахъ, какъ-будто укоряла его, что и онъ ковыляется; свинья, просунувшая глупую голову въ плетень околицы, представлялась ему живымъ укоромъ, какъ-будто говоря, что вотъ дескать, «и я вислоухая съ обоими цѣлыми ушами, а у тебя, добраго чловѣка, одно въ кровь расшибено»; зеленныя кобылки выскакивали изъ зеленой же травы словно для того, чтобы показать Адаму Адамычу все преимущество своихъ ногъ передъ его некорыстной парой. Даже само яркое солнце, весело горѣвшее на свѣтломъ небѣ, казалось, для того только сіять, чтобы озарять своими лучами всю глубину позора злосчастнаго Нѣмца. Грустно, страшно-грустно было ему, и неизмѣримодлинна казалась ему семиверстная дорога до города. Ника-

кое утѣшеніе и не думало заглядывать въ его сердце, — и не откуда было явиться этому утѣшенію.

Возвратился Адамъ Адамычъ въ свѣренкія стѣны своей комнатки въ то самое время, какъ семейство господина Желнобובה занималось распиваніемъ чая. Никакъ не надѣялся онъ придти такъ рано, и глубоко раскаявался въ своемъ необдуманномъ рѣшеніи пуститься вчера въ ночь на мельницу.

«Что бы идти мнѣ сегодня!» — думалъ онъ: «ничего бы подобнаго не могло случиться. Какъ покажусь я сегодня тамъ?...»

Подъ словомъ «тамъ» Адамъ Адамычъ разумѣлъ литературно-художественное собраніе въ домъ любознательной и чувствительной вдовицы.

Наведенный этою мыслію на обсужденіе настоящаго своего положенія, герой нашъ тщательно обмылъ холодною водою свое раненное ухо, залѣпилъ его англійскимъ пластыремъ и завязалъ черной косынкой. Потомъ принялся было выправлять свою хромую ногу, но ноги не выправилъ, а произвелъ въ ней еще сильнѣйшую боль.

Во время этой операціи, казачекъ Алешка явился звать Адама Адамыча кушать чай; но Адамъ Адамычъ поручилъ сказать, что такъ-какъ онъ ходилъ на тягу вальдшнеповъ и только-что воротился, очень усталый, то просить чай прислать на верхъ, въ его комнатку.

Послѣ чая засѣлъ онъ перечитать и нѣсколько поисправить стоившее ему великихъ трудовъ стихотворное произведеніе на русскомъ діалектѣ, приготовленное къ вечеру Александрины. Онъ нашелъ въ немъ нѣсколько погрѣшностей, и потому разсудилъ переписать его снова. Для этой цѣли Адамъ Адамычъ взялъ чрезвычайно-красивый листокъ почтовой бумаги свѣтло-лиловаго цвѣта съ золотою бордюрой, и на него перенесъ не разъ перемаранныя строки своего стихотворенія.

Безконечнымъ казался ему настоящій день, потому-что его безпрестанно тревожило ожиданіе вечера. Какое-то тоскливое чувство, нѣчто въ родѣ предчувствія не то горя, не то радости, волновало его душу. За что ни принимался онъ, читать ли книгу, курить ли трубку, мечтать ли, посидѣвъ минутъ съ пятнадцать, онъ глядѣлъ на свои часы, думалъ,

что время подвинулось на целый часъ къ назначенному вдовою термину; но время, какъ-будто въ пику Адаму Адамычу, шло чрезвычайно-медленно.

Самъ собственноручно приготовилъ Адамъ Адамычъ все, что должно было дать ему торжественный видъ въ этотъ вечеръ: и черный фракъ, давно-давно сшитый и рѣдко надѣвавшийся, и панталоны со штрипками, и жилетъ лиловый съ малиновыми цвѣтами, украшенный стеклянными пуговками,—праздничный жилетъ! Сапоги свои Адамъ Адамычъ нѣсколько разъ обдувалъ и подносилъ къ окну, на солнце, посмотреть, не потускнѣлъ ли ихъ глянецъ. Стихотвореніе, свернутое трубочкой и обвязанное розовой ленточкой, лежало на столѣ совсѣмъ готовое къ прочтенію.

Но какъ ни занять былъ герой нашъ ожиданіями литературно-художественнаго вечера и приготовленіями къ нему, безпрестанно втѣснялась въ его голову скорбная мысль объ утреннемъ происшествіи и тяжелымъ прессомъ налегала на его темя.

Вечеръ наконецъ наступилъ.... Пробыло семь часовъ.

VIII.

Все лучшее общество Забубеньева собралось на вечеръ къ лобезной вдовицѣ, отыскивавшей Чацкаго.

Вы можете быть, не разъ уже съговали на меня, читатель, что я останавливаюсь слишкомъ-долго передъ лицами, которыхъ, безъ ущерба для исторіи Адама Адамыча, могъ бы прѣйти молчаніемъ. Сердитесь и вините меня, сколько хотите, а въ настоящей главѣ я не могу удержаться, чтобы не представить вамъ избранный кругъ Забубеньева, собравшійся на торжество искусствъ къ прекрасной Александринѣ.

Какихъ достойныхъ людей не было на этомъ вечерѣ! Господи Боже мой! что за люди! И гдѣ же сосредоточилось такое по преимуществу отборное челоѣчество? — Въ маленькомъ городкѣ, который гордый столичный житель честить названіемъ глуши, захоlustья и деревенщины, — въ тихомъ, скромномъ, буколически-пріютномъ Забубеньевѣ.

Сіяютъ зала и гостиная, озаренныя кенкетами и лампами; меланхолическій свѣтъ бросаетъ на обдуманную обста-

новку уютнаго будуара подвѣшенный въ чащѣ плоча китайскій фонарикъ.

Свѣтлый домъ чувствительной вдовицы кипитъ гостями.

Вотъ они! вотъ достойные члены достойнаго забубеньевскаго общества!...

— Вотъ городничій Перепелкинъ, длинный и тонкій, какъ дигиль, но за то чрезвычайно любезный съ дамами, не смотря на ужасную ревность его жены, крохотной, черненькой дамочки, съ желтоватымъ лицомъ. Что за удивительный тонъ! что за невыразимая прелесть обхожденія!— Стоитъ только нечаянно оглянуться какой-нибудь барышнѣ, и Перепелкинъ бѣжитъ уже съ тарелкой варенья, или со стаканомъ воды... такъ предупредителенъ! Нѣсколько суровый съ подчиненными и въ присутствіи ихъ прямой, какъ верста, въ женскомъ обществѣ онъ мягокъ, какъ воскъ, и гибокъ, какъ угорь.

За то супруга его, обладающая страшнымъ количествомъ жолчи, въ женскомъ обществѣ становится еще сердитѣе. Вместе съ нѣкою дѣвицей Полетаевой, своею приживалкой, тоже чрезвычайно злой, хотя и горбатой, онъ постоянно насмѣшничаютъ надо всѣми.

Эти два женскихъ лица нужны были, вѣроятно, для забубеньевскаго общества, какъ тѣнь въ картинѣ,—и это единственная тѣнь его.

Посмотримъ далѣе!

Вотъ господинъ Сафьяновъ, судья, человекъ не молодой, но стоящій молодаго. Щеки пышутъ пурпуромъ здоровья, и животъ играетъ почти главную роль въ его фигурѣ; тѣмъ не менѣе, онъ человекъ чрезвычайно-начитанный, что съ перваго же разу видно изъ его разговора.

Вотъ дама, очень хорошая и бывалая дама, мадамъ Дергачова, вдова, сестра исправника Юзгина. Единственная слабость ея любовь къ ближнему. Нѣтъ ни одного столь незначительнаго происшествія въ городѣ, которое не возбудило бы ея участія. Какъ то случилось, что учитель уезднаго училища, Митрофановъ, человекъ совершенно ей незнакомый, разбилъ себя затылокъ во время гололедицы. Обстоятельство это, дойдя до ея свѣденія, такъ потрясло ее, что она была цѣлый

день какъ помѣшанная, и чтобы разсѣяться и разделить свое соболѣзнованіе, поѣхала къ Марѣ Петровнѣ Юзгиной, къ Софьѣ Алексѣевнѣ Перекацковской, — однимъ словомъ, ко всѣмъ своимъ знакомымъ въ городѣ. Сердце ея такъ нѣжно, что даже радостныя происшествія производятъ на нее такой-же эффектъ.

Марѣ Петровна Юзгина и Софья Алексѣевна Перекацковская — тоже дамы превосходныя. Эстетическая разборчивость въ туалетѣ первой и образованность послѣдней достойны всякаго вниманія.

Марѣ Петровна, не смотря на то, что у нея дочка ужъ подростаетъ въ невѣсты, все еще очень привлекательна, и одѣвается съ удивительнымъ вкусомъ. Она выписываетъ и шляпы, и чепцы, и платья прямо изъ губернскаго города. Гармоническое соединеніе цвѣтовъ достигнуто ею въ тонкости: если шляпка на ней желтая, то платье всегда малиновое; если платье голубое, то мантилья непременно зеленая.

Софья Алексѣевна столько же отличается своею образованностью и начитанностью, сколько Юзгина вкусомъ. Поэзія русская знакома ей очень коротко, и сужденія ея о разныхъ писателяхъ чрезвычайно вѣрны, хотя и не отличаются разнообразіемъ. Но ея мнѣнію, Ломоносовъ мило пишетъ; Державинъ очень мило пишетъ, а Пушкинъ премило пишетъ. Замѣтьте, какаѣ тонкости выраженія: пишетъ, а не писалъ! Всякій разомъ смекнетъ, что писатели эти никогда не умрутъ.

Мужъ Софьи Алексѣевны, Матвей Антонычъ Перекацковскій уѣздный стряпчій, человекъ чрезвычайно положительный, и часто говоритъ Софьѣ Алексѣевнѣ, когда она примется разговаривать объ ученыхъ предметахъ, что она, душенька, зарпортовалась, а потому знала бы чулки да свивальники, что весьма огорчаетъ Софью Алексѣевну. Единственная нѣжная черта въ характерѣ Матвея Антоныча — чрезвычайная любовь къ дѣтямъ, которыхъ у него очель много. Для каждаго изъ нихъ нѣжный родитель имѣетъ въ запасъ по нѣскольку самыхъ ласкательныхъ именъ. Ущипнетъ за щеку и скажетъ: «Ахъ, ты фигурантъ эдакій!» или: «Ахъ, ты, физикъ эдакій!» Называетъ иногда и профессоромъ, и Камча-

дломъ, и карбышемъ, и фанатикомъ, и скептикомъ, и шарманщикомъ. Случалось даже, что восклицалъ иногда: «Ахъ, ты, карандашъ эдакій!»

Вотъ еще одинъ замѣчательный господинъ: прїѣзжій изъ губернскаго города, управляющій питейнымъ откупомъ Сольвычегодовъ, человекъ безъ затылка, но за то съ брюшкомъ, увѣшаннымъ цѣлою дюжиной всякихъ печатокъ. Онъ много видалъ, и бывалъ въ столицахъ; а нынче только-что возвратился съ нижегородской ярмарки и все рассказываетъ, чрезвычайно прїятно картавя, про какую-то «актънзу», которая славно поетъ, хотя и дѣлаетъ «гымазы».

Вотъ молодой человекъ очень прїятный наружности и высокаго роста, москѣ Подмикиткинъ, до невѣроятія развитой и ловкій, — совершенный живчикъ. Дамы очень къ нему благоволятъ; но особенное участіе принимаютъ въ немъ три дѣвицы Дергачовы, всегда одѣтыя въ одинаковое платье, — очень образованныя дѣвицы, хотя и нѣсколько заматерѣлыя въ безбрачномъ состояніи....

Но мнѣ придется говорить слишкомъ много, если я вздумаю представлять вниманію читателя по-одиначкѣ всѣхъ членовъ прекраснаго Забубеньевского общества.... Довольно, если я скажу, что остальные представители его такіе же достойные люди, какъ и упомянутые мною гости Александры Оуминишны. Однимъ словомъ, забубеньевское общество премилое общество, какъ сказала бы Софья Алексѣевна.

Нечего и говорить, что, кромѣ всѣхъ поименованныхъ гостей, на вечеръ милой вдовы находился и крутящій безбожно усы и совершенно безъэтикетный прїѣзжій Погуровъ; и штабъ-лекаръ Шелопаевъ, умощенный розовымъ масломъ, котораго прописывалъ изъ аптеки по полуфунту ежемѣсячно, прибавляя на рецептахъ «рго те»; и Лизанька Юзгина, въ локончикахъ, съ открытой шейкой и въ панталончикахъ съ кружевцемъ; и буйный Педагогъ Закурдаевъ, во фракъ, и какъ водится, въ пуху; и вольнодумецъ Петинька и достопочтенный его родитель — Максимъ Петровичъ, лица — болѣе или менѣе, уже знакомыя читателю.

Въ углу гостинной сидѣлъ и герой нашъ, прибранный по праздничному, но все еще не говорливый и угрюмый, съ подвязанною щечкой.

Хозяйка, обладая одной ей свойственною любезностью, не оставила ни одного гостя безъ нѣсколькихъ пріятливыхъ словъ. Адама Адамыча спросила, отчего у него подвязана щека, и, получивъ въ отвѣтъ, что у него болятъ зубы, чрезвычайно мило выразила свое о томъ сожалѣніе. У Марьи Петровны спросила, скоро ли пріѣдетъ изъ узда ея супругъ. Услыхавъ разсказъ Сольвычегодова о Нижегородской «акть-изъ», лукаво погрозила ему пальцемъ и назвала его куртизаночъ.... Однимъ словомъ, каждому сказала что-нибудь очень любезное.

Наконецъ, послѣ того, какъ взятый для послугъ отъ господина Желнобובה, казачокъ Алешка разнесъ чай, художественное торжество начало понемногу устроиваться.

Въ залѣ составился бостонъ изъ Максима Петровича, губернскаго откупщика, вдовы Дергачовой и стряпчаго Перекандовскаго. Какъ люди, несочувствующіе успѣхамъ изящныхъ искусствъ, они не должны были мѣшать своею зѣвотой полнотѣ торжества.

Городничій, при всемъ томъ, что питалъ сильную страстишку къ картамъ, никакъ не могъ измѣнить своему влеченію къ прекрасному полу, и потому перегибался чуть не въ три погибели передъ тремя Дергачовыми, говоря имъ вещи самаго милаго свойства.

Пожилая дамы, какъ-то: городничиха, исправничиха и стряпчиха, помѣстились на диванъ въ гостинной, и вынули изъ ридикюлей разныя работы: прошивки, чулки и тому подобное. Горбатая приживалка городничихи приткнулась гдѣ-то за диваномъ, у самаго уха Перепелкиной, и безпрестанно нашептывала ей всякія колкія замѣчанія, отъ коихъ у обѣихъ пріятельницъ губы сводило иронической улыбкой. Судья, какъ человекъ тонкаго ума и обхожденія, и весьма способный для дамскаго общества, помѣщался на креслѣ около пожилыхъ дамъ.

Закурдаевъ, повидимому, очень хорошо сошедшійся съ усатымъ Погуровымъ, стоялъ съ нимъ въ дверяхъ залы, подсмѣиваясь надъ дѣвицами Дергачовыми, передъ которыми юлили городничій и вертлявый Подмикиткинъ. Дѣвицы Дергачовы чрезвычайно быстро шагали изъ залы въ гостиную и обратно, и производили платьями ужасный вѣтеръ, отъ котораго можно было очень легко получить зубную боль.

Петинька стоялъ передъ Лизынькой Юзгиной, которая сидѣла въ большомъ креслѣ, въ будуарѣ вдовы, и признавался ей въ любви, отчего уши Лизыньки сдѣлались краснѣе кулача.

Только герой изъшъ былъ одинокъ и сосредоточенъ въ самомъ себѣ на этомъ вечерѣ.

Замѣтивъ такое невеселое положеніе Нѣнца, Закурдаевъ собрался уже подойти къ нему, хватить его ладонью по ляшкѣ и возгласить: «Что ты замолкъ и сидишь одиноко?» Но не успѣлъ.

Въ гостиной показалась плѣнительная хозяйка. Она остановилась посреди комнаты, съ пріятностью закатила половину сѣрыхъ зрачковъ подъ лобъ и произнесла:

— Не пора ли намъ и начать?

Къ этому прибавила она нѣсколько словъ о пользѣ просвѣщенія, о развитіи талантовъ, — словъ, которыхъ мы не приводимъ, боясь какъ нибудь исказить ихъ своимъ не искуснымъ перомъ.

Потомъ вдова вошла въ свой будуаръ и вывела оттуда Петиньку и Лизыньку, и усадила послѣднюю за фортепьяно въ залѣ, а Петинькѣ указала мѣсто за стуломъ его дамы.

Разбитые клавиши издали смутный звукъ, и два голоса заились дуэтомъ. Петинька напрягалъ всю силу своего горла; плечи Лизыньки, отъ усильнаго акомпанимента, совсѣмъ вылезли изъ предписанныхъ имъ границъ.

Громкое одобреніе дѣвицъ Дергачовыхъ, Погурова, Подмикиткина и самой хозяйки, наградило пѣвцовъ, когда они кончили.

Господинъ Желнобобовъ воскликнулъ:

— А ну, ничего! ладно спыто! Только ты, Петя, — только ты... А ну, вамъ ходить! (обратился онъ къ Перекандовскому)... Ты только больно орешь, Петя!

Сольвычегодовъ, при сей вѣрной оказіи, замѣтилъ что-то о «гъимазахъ» Нижегородской «актызы».

Стряпчій, знавшій Петиньку съ раннихъ лѣтъ, обратился было къ нему, вѣроятно для того, чтобы сказать: «Ахъ ты, фокусникъ эдакій!» или: «Ахъ, ты, филантропъ эдакій!» Но былъ остановленъ вдовой Дергачовой, которая не любила, когда во время игры говорить о постороннемъ.

— Молодецъ! — возгласилъ Закурдаевъ, трепля Петиньку по плечу: — славно откололъ дуэтецъ!

Дамы, сидѣвшія въ гостиной, и опустившія, во время пѣнія, свои работы на колѣни, нашли нужнымъ сдѣлать тоже нѣсколько замѣчаній. Блестящая начитанностью Софья Алексеевна сказала, отчасти съ цѣлью польстить исправничихъ, что Лизанька премило постъ, и что у нея много акустики; на это господинъ Сафьяновъ, нежелавшій уступить Перекандовской въ красоту выраженій, замѣтилъ, что его оптика совершенно согласна съ ея оптикой.

Горбунья пустила какую-то злобную штуку въ ухо городничихъ, и та совершенно неожиданно выказала рядъ зубовъ, такихъ желтыхъ, какъ будто и они были одержимы жолчью.

Штаб-лекаръ Шелопаевъ, все начало вечера проведенный въ буфетъ, только тутъ явился въ залу; но замѣчанія никакого не сдѣлалъ, справедливо полагая, что городничій вѣрно ужъ все объяснить, потому что сильно размахиваетъ и вывертываетъ руками и ногами передъ покраснѣвшей Лизанькой.

За тѣмъ, послѣ варенья, разнесеннаго гостямъ, и сильно, повидимому, занимавшаго городничаго, ибо онъ безпрестанно совался къ подносу съ цѣлью угодить дѣвницамъ, — послѣ варенья, повѣсть, сочиненная Закурдаевымъ въ одинъ присѣсть, на рваныхъ и чумазыхъ лоскуткахъ, должна была усладить гостей Александрины. По этому, всѣ, кромѣ игроковъ да штаб-лекаря, который опять отправился въ буфетъ, усѣлись въ гостиной.

Закурдаевъ придвинулся съ своимъ стуломъ къ столу и сказалъ:

— Извините, если мало будетъ связи! торопясь.... Да и вообще, надо замѣтить, слогъ у меня отрывистый.

— Читайте! читайте! воскликнули въ одинъ голосъ дѣвицы Дергачовы.

Такъ какъ одна изъ этихъ дѣвицъ, произнося означенныя слова, кивнула головой, то Перепелкинъ, принявъ этотъ кивокъ за выраженіе какого-то тайнаго желанія, бросился было подать ей варенья. Варенья, однакожь, не оказалось ни въ одномъ углу, и потому онъ долженъ былъ уgomониться.

— Начинаю! — произнесъ Закурдаевъ. — Глупѣйшая моя исторія не будетъ длинна.

И онъ началъ читать, по вынутымъ изъ кармана равнымъ четверткамъ и осьмушкамъ, повесть Имяниницу:

(Редакція по особеннымъ причинамъ избавляетъ читателей на время отъ повѣсти Забубеньевского беллетриста).

— Вотъ, и вся тутъ, не долга! — сказалъ педагогъ Закурдаевъ, засовывая въ карманъ лоскутки, по которымъ читалъ.

Повесть произвела на трехъ дамъ, сидѣвшихъ на диванѣ, непріятное впечатлѣніе; горбунья свиснула даже на ухо городничихъ самое нравственное «фш!» Дѣвицы Дергачовы ничего не сказали. Лизанька ничего не поняла, хотя и была довольно умная и дальновидная дѣвушка. За то вдова подошла, вмѣстѣ съ Погуровымъ, благодарить автора.

Погуровъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Мѣтко схвачено!

Александрина пожимала другую руку Закурдаева и повторяла:

— Вы гений! вы гевій, Василій Семенычъ! Отчего вы такъ мало пишете?

— Я ничего не пишу, — отвѣчалъ, кланяясь, Закурдаевъ.

Адамъ Адамычъ, съ тоскою смотрѣвшій на эту сцену, не могъ понять, что хорошаго нашла прекрасная вдовица въ исторіи, сочиненной Закурдаевымъ.

«Ужь если такая дрянъ могла понравиться, то что же ожидать меня?» думалъ онъ, ощупывая въ боковомъ карманѣ фрака листокъ, связанный розовой ленточкой.

Онъ уже, казалось, предвкушалъ свой будущій триумфъ.

Вдовица подошла къ старшей дѣвицѣ Дергачовой, и просила ее сыграть что-нибудь на фортепiano, — и дѣвица Дергачова не замедлила грянуть какую-то мазурку.

Вдовица, умѣвшая распределить удовольствія своего вечера, рѣшилась, вслѣдъ за игрою Дергачовой, выставить на посмѣяніе всѣхъ нашего героя, — и потому подсѣла къ Адаму Адамычу, въ то время, какъ въ залѣ бойко выработывалась на разбитомъ фортепiano мазурка. Не смотря на громогласное разсужденіе Сафьянова о томъ, что въ повѣсти должна быть своя оптика, Адамъ Адамычъ слышалъ всѣ тихія рѣчи, которыми ласкала слухъ его Александрина. Она сидѣла такъ близко къ нашему герою, что порой благовонные тирбушоны ея касались его ланить, и обоняніе его вѣжилось упонительнымъ запахомъ пачули, который подымался отъ ея волнующейся груди и пышныхъ плечъ, сверкавшихъ, подобно запретному плоду, въ очи Нѣмца. Любовь, страстная и безграничная любовь, клокотала въ чашѣ его сердца, въ то время, какъ слова, одно другаго слаще и медовѣе, лились въ его упоенныя уши. А между тѣмъ, горбунья шипѣла уже надъ ухомъ городничихи, и жолчные зубы Перепелкиной давно были наружъ.

Когда мазурка была кончена дѣвицей Дергачовой, а ловкій городничій успѣлъ уже вырвать у казачка Алешки поднось съ яблоками, и предложилъ ихъ артисткѣ, — вдова опять пригласила всѣхъ занять мѣста свои въ гостиной.

Адамъ Адамычъ, находясь въ самомъ восторженномъ состояніи, какъ птица какаля-нибудь, подкуренная различными ладонами, вышелъ очень развязно на средину комнаты, сѣлъ на тотъ стулъ, гдѣ помѣщался до того Закурдаевъ, и вынулъ изъ кармана свои стишки.

Погуровъ, крутя усы, поталкивалъ Закурдаева; Закурдаевъ, насунувшая брови, попихивалъ локтемъ Петиньку; а Петинька, улыбаясь, глядѣлъ на качающаго головою Подмикиткина.

Штаб-лекаръ Шелопаевъ просунулся было въ гостиную; но, вѣроятно, замѣтивъ, что ему тутъ не предстоитъ ровно ничего особенно пріятнаго, немедленно скрылся опять въ буфетъ.

— Читайте, Адамъ Адамычъ! произнесла сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ вдовица.

— Читайте! сказала городничиха, показывая зубы своей приживалкѣ.

Многое говорить въ пользу Адама Адамыча, сказалъ госпожь Перекандовской пурпурный Сафьяновъ, вывертывая рукой какую-то довольно темную фигуру:—во первыхъ....

Но хозяйка не дала ему досказать, что во первыхъ и что во вторыхъ, потому что снова повторила:

— Читайте, читайте, Адамъ Адамычъ!

— Мое сочиненіе, началъ дрожащимъ голосомъ Адамъ Адамычъ,—естъ идиллія.

— Нѣмецкая душа! проговорилъ тихонько Закурдаевъ, толкая Погурова:—идиллію съгнѣлъ.

— Она называется, продолжалъ Адамъ Адамычъ съ усиливающимся дрожаніемъ въ голосъ,—«Филемонъ....»

— Историческая тема! сказала Софья Алексѣевна Сафьянову.

— Сейчасъ послѣдуетъ Бавкида, шепнулъ Закурдаевъ Погурову.

— Читайте, Адамъ Адамычъ! повторила хозяйка.

Герой нашъ взглянулъ на нее. Она, казалось, вся превратилась въ слухъ; глубокая любовь светила въ ея глазахъ....

— «Филемонъ», началъ опять Адамъ Адамычъ, почерпнувшій силы во взглядъ на вдову,—«Филемонъ и Бауцисъ»....

— Ха, ха, ха! покотился Петинька:—какая Бауцисъ?

— Какая Бауцисъ? спрашивалъ Закурдаевъ.

— Вы, можетъ быть, не читали Овида!—сказалъ, оборачиваясь къ смѣющимся, Адамъ Адамычъ.—Бауцисъ была....

Петинька продолжалъ хохотать, и не могъ произнести ни слова.

— По-русски говорятъ Бавкида, а не Бауцисъ, замѣтилъ Закурдаевъ.

Адамъ Адамычъ опять взглянулъ на вдову. Она, по-прежнему, была вся—ухо, и смотрѣла на героя съ любовью.

— Это неправильно! сказалъ Адамъ Адамычъ, защищаясь съ достаточной увѣренностію отъ замѣчанія Закурдаева.

— Полноте, полноте! сказала Александрина, подмигивая Закурдаеву. — Ваши придирки мелочны; да къ тому-жь это только заглавіе. Не въ заглавіи дѣло, а въ содержаніи. — Продолжайте, Адамъ Адамычъ!

Герой нашъ, ободренный привѣтомъ вдовы, несмотря на досаду, произведенную въ немъ смѣхомъ Петиньки и замѣчаніемъ Закурдаева, откашлялся и началъ съ большимъ чувствомъ

«Однѣя овечь. . . .»

Продолжать ему не дали. Казалось, никто и знать не хотѣлъ, что будетъ съ «однимъ овцомъ,» ибо хохотъ всѣхъ усть, бывшихъ въ гостинной, грянулъ оглушающимъ залпомъ въ слухъ пораженного стихотворца. Звонкимъ, какъ колокольчикъ, хохотомъ заливалась Лизанька Юзгина; три дѣвицы Дергачовы разсыпались горохомъ, придерживая обѣими руками дебелия груди, ежеминутно угрожавшія разорвать тугіе корсеты; до ушей обнажались зубы городничихи; съживъ губы въ родъ бутылочнаго горлышка, тонкую трель пускала дѣвица Полеяева; хозяйка только прыскала по временамъ, стараясь удержаться отъ смѣха; Закурдаевъ басилъ; Погуровъ, вторя ему, забылъ даже о своихъ усахъ, о которыхъ помнилъ и въ самыя критическія минуты жизни; Петинька стучала ногами и металъ руками, при чемъ оглушала своимъ головнымъ хохотомъ всю честную компанію; господинъ Сабьяновъ пускалъ свое «ха, ха, ха!» откуда-то издали, вѣроятно изъ самаго живота; госпожа Юзгина благимъ матомъ взвизгивала и захлебывалась; начитанная Перекандовская совсѣмъ, какъ говоритъ, зашлась, упавъ головой на спинку дивана. Городничій и Подмикиткинъ вскочили, и оба подошли къ дѣвицамъ Дергачовымъ. Перепелкинъ превосходно акомпанировалъ дѣвицамъ, а Подмикиткинъ рѣшился было сказать какую-то фразу младшей Дергачовой; но, отъ страшныхъ усилій удержать смѣхъ, что-то совершенно ненужное выскочило у него изъ носу. Обстоятельство этого сильно его сконфузило, и онъ отретировался, не говоря ни слова. — Концертъ былъ превосходный.

Адамъ Адамычъ, оглушенный всеми хохочущими голосами, сидѣлъ на стулѣ, какъ мертвый, и сначала никакъ не сообразилъ, что предметомъ смѣха есть онъ самъ и его бѣдная

идилля. Онъ все искалъ глазами гдѣ-нибудь за дверью скрывающуюся фигуру штаб-лекаря Шелопаева, который, вѣрно, выкинулъ какое-нибудь за ба вное колѣнце для потѣхи всѣхъ; но Шелопаевъ сидѣлъ въ буфетѣ, разговаривая съ Наташей, и глазъ Адама Адамыча нигдѣ не могъ открыть его. Тогда только уразумѣлъ герой нашъ, что смѣются просто на просто надъ нимъ самимъ, а не надъ штаб-лекаремъ Шелопаевымъ, когда онъ замѣтилъ, что каждый, взглянувъ на него, единственного безстрастно-серьезнаго члена гостиной, раздражался, если могъ, въ четверо сильнѣйшимъ взрывомъ хохота.

Только что мысль о такомъ униженіи забрела въ голову Адама Адамыча, листокъ стиховъ былъ отчаянно скомканъ у него въ кулакъ, лицо его страшно поблѣднѣло, губы затряслись, вѣки заморгали и дрожащія ноги быстро понесли уничтоженнаго Пьмца, помимо вертляваго и сконфуженнаго Подмикиткина, по направленію къ передней.

Тщетно вдова, принявъ серьезный видъ, упрасивала его остаться: онъ ужъ видѣлъ ея коварный смѣхъ! тщетно Погуровъ и Закурдаевъ влекли его назадъ за обѣ руки. Тщетно самъ Желнобобовъ восклицалъ изъ-за картъ:

— А ну, Адамычъ, Адамычъ! что ты упираешься!

Тщетно, тщетно все!

Не произносилъ ни пол-слова, но блѣднѣя все болѣе и болѣе, Адамъ Адамычъ вырвался изъ удерживавшихъ его рукъ, и бѣгомъ бросился изъ воротъ.

Долго еще шелъ вечеръ у вдовы. И Погуровъ прочелъ свое стихотвореніе, описывавшее Дарьяль, Казбекъ и Терекъ; и средняя Дергачова спѣла Французскій романсъ; и Петинька прочелъ стишки, въ которыхъ говорилъ, что *они* (кто, покрыто мракомъ тайны), что *она* — цвѣтокъ, а онъ, Петинька, — вѣтерокъ; что душа *ея* — аромать, а душа его, Петиньки... однимъ словомъ, что-то чрезвычайно милое и вѣжное....

Но все это не будетъ уже описано моимъ перомъ. Я не могу болѣе говорить о веселыхъ предметахъ, когда любезный герой мой удрученъ тяжелымъ горемъ. Миѣ становится грустно, очень грустно; чуть ли даже слезы не навертываются на глазахъ моихъ.

IX.

Страшное что то творилось съ Адамомъ Адамычемъ, когда онъ нешолъ, а бѣгалъ по узкимъ и темнымъ улицамъ Забубеньева. Голова его горѣла, и сердце ныло. Вся эти, мелкія для посторонняго глаза, но крупныя и грозныя для собственнаго сердца неудачи, огорченія и насмѣшки давили бѣднаго героя нашего своею тяжестью. Онъ бы, казалось, хотѣлъ и заплакать; но, какъ нарочно, глаза у него и ложило, и жгло, а ни одной капли не проступало на нихъ. Холодное, хмуро-нависшее небо какъ будто сжалилось надъ нимъ и заплакало, вмѣсто его, студеными дождевыми слезами.

«Хоть бы забыть все это горе! хоть бы уснуть! хоть бы умереть!» — мелькало въ головѣ несчастнаго, уничтоженнаго Нѣмца. — «Забыть! забыть! Но гдѣ и какъ забудешь все это?... Вотъ бы... Да нѣтъ, поздно!.. Ужъ заперто, вѣрно.»

Но тутъ, на углу какой то улицы, въ глаза его ударилъ свѣтъ изъ маленькаго оконца, и онъ, махнувъ рукой, завернулъ туда, откуда глядѣлъ этотъ свѣтъ, и скоро вышелъ назадъ съ небольшимъ сверткомъ подъ мышкой.

И, черезъ часъ, Адамъ Адамычъ забылъ свои горести; забылъ даже свои рѣдкія, бывлыя радости, забылъ все окружающее, забылъ и самого себя... Темно было въ его кануркѣ, недопитой полуштофъ стоялъ у кровати, на стулѣ; Адамъ Адамычъ спалъ крѣпко, и ни одна греза не тревожила его.

На другой день, по утру, прежде-чѣмъ семья достопочтеннаго Желнобובה собралась за чайнымъ столомъ, въ лакейской стоялъ тучный Игнатьичъ, дружески потчуетъ табаккомъ, Макарыча и ожидая выхода самого Максима Петровича.

— А ну, здорово, здорово!... зачѣмъ пожаловаль? говориль, выходя въ переднюю, господинъ Желнобобовъ, облеченный въ ермолку и халать.

— Здравія желаю, батюшка, Максимъ Петровичъ! — сказалъ, кланяясь, мельникъ.

— А ну, что, какъ живешь? Помалу что-ли, нѣтъ, что заглянуть? а!

— Нѣтъ, слава Богу, дѣлишки плетутся себѣ по манѣхоньку, Максимъ Петровичъ.

— А ну, ладно, ладно! Такъ, значить, просто повидаться зашолъ? спасибо!

— Нѣту, Максимъ Петровичъ, и дѣльце есть.... да, признательно сказать, такое дѣльце, что хоть бы и неговорить, такъ въ туже пору....

— Что-же, что-же такое? — спросилъ Желнобобовъ. Вотъ оно у меня гдѣ сидитъ, Максимъ Петровичъ! — сказалъ мельникъ, наклоняя голову и тыча себя въ затылокъ указательнымъ перстомъ.

— Говори, говори! А ну, можно помочь, — помогу!

— Да говори-то, — сказалъ Игнатьичъ, почосывая за ухомъ, — ужъ и говорить-то.... Ей Богу, срамительное такое дѣло.

Мельникъ взглянулъ косвенно на Макарыча, показывая тѣмъ, что ужъ такое срамительное дѣло, что и говорить при людяхъ негодится.

— А ну, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ! — сказалъ Максимъ Петровичъ, показавъ губой на входъ въ залу.

Въ кабинетъ услышалъ онъ тотъ обманутаго мужа ту неприятную для чести его исторію, съ которой уже знакомъ читатель. Мельникъ рассказывалъ съ такимъ жаромъ и азартомъ, что принужденъ былъ безпрестанно вооружаться правою полою своего долговязаго сюртука, что бы отирать потъ съ чела.

Рассказъ мельника, передавшій всѣ малѣйшія подробности посѣщенія Адама Адамыча, произвелъ по видимому, весьма сильное впечатлѣніе на нравственнаго отца семейства, потому что губа его не могла ни какъ придти въ нормальное положеніе и находилась въ постоянной ажитации.

— Рѣдъ ужъ, ефто, Максимъ Петровичъ, — оканчивалъ мельникъ: — ефто челоуѣку, что ножъ въ бокъ. Наипаче....

— Ахъ, онъ, шельмецъ, шельмецъ! — прервалъ Максимъ Петровичъ, расхаживая въ волненіи по кабинету и шлепая неистово своими красными казанскими сапожками. — А ну, стой! стой! Я изъ него канальскій духъ выгоню! стой! Онъ у меня запоетъ кота еремѣя.... запоетъ. Погоди! — А ну, Алецка! Алецка!.... акая бестія! гдѣ этотъ мерзецъ? Подъ-ка, подъ-ка, Игнатьичъ! кликни Алецку сюда!

Алешка впрочем летьль уже къ кабинету, и поплеть головой прямо въ пузо мельнику.

— Что ты? что ты мечешься, какъ угорьльй? поросенокъ ты эдакй грязный! — крикнуль Максимъ Петровичъ при видъ сшибки, заставившей мельника возвратиться въ кабинетъ.

— Чего изволите-сь? — спросиль, не сробьвь, казачокъ и фыркнуль на весь домъ.

— А ну, пошоль, пошли комвъ Адамыча! пошоль, — да живо у меня!

Алешка бросилься на антресоли къ Ньмцу, и засталъ героя нашего не спящимъ, но еще лежащимъ на постели.

Адамъ Адамычъ, проснувшись, и не поднялся съ своего ложа, а чувствуя, что опять встають въ душъ его всъ муки и страданія отверженной любви и пораженнаго самолюбя, протянулъ руку къ сосуду, ночевавшему на ближайшемъ стуль, и хлебнулъ достаточную струю забвеня. Правый глазъ его былъ уже закрытъ огромнымъ въкомъ, и только левый смутно различалъ окружающяе предметы.

— Пожалуйте-сь къ Максиму Петровичу! — сказалъ казачокъ, войдя въ комнатку Ньмца.

— За чьмъ? — спросиль Адамъ Адамычъ, обративъ на козачка свое левое око.

— Я незнаю, зачьмъ-сь. Они у себя, въ кабинетъ.

— Зачьмъ? — сердито повториль Ньмецъ.

— Незнаю-сь.

Герой нашъ поднялся съ постели, и, скрпя зубами, показалъ казачку два сжатые кулака.

— Ей-Богу, не знаю-сь, Адамъ Адамычъ... Тамъ у нихъ мельникъ-сь.

— Вонъ, вонъ отсюда! — закричалъ бышненнымъ голосомъ Адамъ Адамычъ, тоная неистово ногами и хватаясь за стуль.

Лицо его было такъ искажено яростью, что казачка прояль страхъ. Онъ быстро бросилься въ дверь, прихлопнулъ ее, и почти скатился съ лъстницы. До самаго кабинета казалось ему, что онъ слышитъ за собой погоню взбешеннаго Адама Адамыча.

Когда казачок донесъ господину Желнобобову, что Адамъ Адамычъ не хочетъ явиться, потому что пьянъ, Максимъ Петровичъ пришолъ въ неописанную злобу.

Онъ немедленно отправилъ къ Нѣмцу Макарыча; но Адамъ Адамычъ принялъ уже свои мѣры. Только что почтенный дворецкій просунулъ голову въ комнату Нѣмца, какъ увидѣлъ направленное на себя дуло ружья и услыхалъ скрипъ зубовъ и крикъ: «Weg!» — Дѣломъ одной секунды было для Макарыча захлѣпнуться дверью и потомъ сбѣжать внизъ.

Всѣ горести спали въ Адамъ Адамычъ и бодрствовало одно только чувство, — чувство самосохраненія. Бранясь и покачиваясь, ходилъ онъ по своей комнатѣ съ ружьемъ, ожидая новаго появленія какого-нибудь злоказненнаго чело-вѣка, — и только нечаянно набрелъ на мысль — запереться ключемъ въ своей кануркѣ.

Страннымъ психологическимъ явленіемъ было въ героямъ то, что когда онъ подгуливалъ случайно, на нѣсколько часовъ, и долженъ былъ вскорѣ протрезвиться, кротость его была необычайна; когда же наступало время запитъ на опредѣленный срокъ, (нечего уже автору скрывать этой грустной болѣзни героя!) онъ становился злымъ и бѣшенымъ до невѣроятія.

Всѣ старанія со стороны Максима Петровича привести въ нормальное состояніе голову Адама Адамыча оказались въ настоящій разъ тщетными попытками.

Какъ ни строго было наказано всѣмъ челядинцамъ имѣть бдительный за нимъ надзоръ и не выпускать его изъ дому, Адамъ Адамычъ, по окончаніи штофа успѣлъ таки уйти и возвратился въ еще болѣе плачевномъ положеніи.

Словно въ чадѣ, прошла для Адама Адамыча цѣлая недѣля. Отлучался-ли, не отлучался-ли онъ изъ дому, не замѣтно было никакой надежды на его протрезвленіе.

Максимъ Петровичъ нарядилъ даже слѣдствіе для отысканія путей, по коимъ Нѣмецъ получаетъ горячительную влагу. Слѣдователемъ былъ назначенъ дворецкій Макарычъ, и, по тщательнымъ его розысканіямъ, сильное подозрѣніе

жгло на Алешку, ибо Алешка по цѣлымъ днямъ грызъ орѣхи, купилъ себѣ огромный комплектъ бабокъ, и тѣшилъ очень часто въ орлянку, въ приличномъ званіи его и лѣтавъ обществѣ. Авторъ обязуется сказать, что Алешка, точно, былъ главнымъ комисіонеромъ Адама Адамыча по части продовольствія его штофами и полуштофами зелена-вина; при исполненіи такихъ комисій, казачекъ, разумется, усердно обворовывалъ несчастнаго моего героя. Хотя, по окончаніи слѣдствія, Алешку и высѣкли; однако это не помогло.... Алешка, какъ водится, ни мало не исправился, и продолжалъ такъ-же не похвально служить Адаму Адамычу.

Цѣлые дни лежалъ Нѣмецъ, запершись у себя, на кровати, и впускалъ въ свою комнату одного Алешку. Онъ почти ничего не ѣлъ, похудѣлъ и ослабѣлъ невыразимо.

Наконецъ, и другая недѣля болезненнаго состоянія Адама Адамыча подходила къ концу, и всѣ въ домѣ, казалось, забыли даже о его существованіи. Но, въ одинъ прекрасный вечеръ, Максимъ Петровичъ, сидя за чайнымъ столомъ, почувствовалъ вдругъ въ головѣ своей рожденіе одной гениальной мысли.

— А ну, послать за Шелопаевымъ!—крикнулъ онъ, совершенно неожиданно прервавъ рѣчь Бобелины о какомъ-то хозяйственномъ предметѣ.

Глашка вынырнула изъ дѣвичьей.

— За кѣмъ послать-съ? спросила она съ обычной вертлявостью.

— За Шелопаевымъ! повторилъ господинъ Желнобобовъ.

— Что это ужъ недурно ли вы себя чувствуете? спросила съ заботливостью Татьяна Васильевна.

— А ну, знать ничего нехочу! послать за Шелопаевымъ! проговорилъ Максимъ Петровичъ, и на всемъ лицѣ его выразилось довольство своею мыслью.

— Да зачѣмъ же это-съ? дерзнула опять съ нежностью спросить экономка.

— А ну, чтожь ты стоишь? слышала,— послать за Шелопаевымъ! произнесъ снова господинъ Желнобобовъ, обращаясь къ Глашкѣ.

— Сейчас-съ! сказала Глашка и ушла.

— Ахъ, Максимъ Петровичъ воскликнула домоправительница:— вы меня пугаете, ей-Богу!... ужъ не сдѣлалось ли съ вами чего?

— Ничего, ни чего, отвѣчалъ Максимъ Петровичъ:— ничего не сдѣлалось со мной. А ну, терпѣніе! терпѣніе!

При этихъ словахъ маститый Желнобобовъ громко чавкалъ нижнею губой и думалъ:

— «А ну, погоди! погоди! выгоню я изъ тебя канальскій духъ!»

Эта дума, какъ ввроятно понялъ читатель, относилась прямо къ моему герою.

Когда, вслѣдствіе посольства изъ дому господина Желнобобова, явился штаб-лекаръ Шелопаевъ, благоухающій розовымъ масломъ, которое текло съ его головы въ обильномъ количествѣ,—Максимъ Петровичъ возсѣдалъ уже въ кабинетъ, на своемъ мягкомъ креслѣ, и по-обыкновенію почти ни о чемъ недумалъ.

Бобелина страшно терзалась любопытствомъ, и безпрестанно выглядывала въ залу изъ двери гостиной.

Когдаже кабинетная дверь затворилась за штаб-лекаремъ, экономка легкими шагами подкралась къ ней, и приложила любопытное ухо свое къ замочной скважинѣ.

Въ кабинетъ шолъ слѣдующій разговоръ.

— А ну, можетъ быть, и есть средство? говорилъ господинъ Желнобобовъ.—Посмотрѣли бы вы въ какойнибудь книжецъ!...

— Да нѣтъ-съ, Максимъ Петровичъ! отвѣчалъ Шелопаевъ:—ужъ я зналъ бы-съ

— Вѣдь это просто бѣда, бѣда! продолжалъ Желнобобовъ.—Дѣтямъ учиться надо, а онъ тамъ чортъ его знаетъ, въ какомъ видѣ!

— Надо постroje присматривать-съ.

— А ну, нѣтъ чловѣка — нѣтъ такаго чловѣка! Все мерзавцы.... Самн, чать, посятъ ему.

— Развѣ предложить вамъ вотъ что-съ, Максимъ Петровичъ.... Незнаю только, согласитесь ли вы-съ ...

— А ну, что? что такое?

— Да вотъ, отравили бы вы его въ больницу-съ. Ужь мы бы тамъ за нимъ присмотрѣли-съ!

— Ахъ, вотъ въ самомъ дѣлѣ, хорошо! вотъ хорошо! воскликнулъ Максимъ Петровичъ, приподнимаясь съ кресель. — А ну, не приходило мнѣ этого въ голову, не приходило.

Бобелина, чрезвычайно недовольная пустою узнавшею ея новости, ускользнула въ свою комнату.

Максимъ Петровичъ позвалъ не медленно дворецкаго Макарыча, пушившаго въ эту минуту казачка Алешку за его неблаговидное поведеніе, и отдалъ приказаніе отправить героя нашего въ больницу и употребить даже насиліе, если бы онъ вздумалъ артачиться и упираться.

Насилія, впрочемъ, не привелось употреблять, ибо, когда Макарычъ съ постояннымъ партнеромъ своимъ по игрѣ въ носки и фильку, чеботаремъ Денискою, явился въ комнату Нѣмца, Нѣмецъ лежалъ вверхъ лицомъ на своей кровати, блѣдный, какъ снѣгъ, и не движимый, какъ пласть.

Страшный хаосъ царствовалъ въ серенькой комнаткѣ, и, при первомъ взглядѣ на нее, можно было угадать бѣдственное положеніе хозяина, который, въ здоровомъ состояніи, держалъ въ порядкѣ и холъ свой тѣсный уголокъ. Пальма лежала на постели, на ногахъ своего господина. — А господинъ ея уже другую недѣлю не снималъ съ себя фрака, въ которомъ возвратился отъ вдовы, и былъ весь покрытъ пухомъ и измятъ; изъ-подъ высокаго галстука, неснимавшагося съ шеи его съ той же самой поры, выглядывала щетинистая борода, которая дѣлала еще болѣе впалыми его худыя, ввалившіяся щеки; лѣвой глазъ едва проглядывалъ изъ-подъ краснаго сморщеннаго вѣка, а правый давно уже невидѣлъ Божьяго свѣта.

Грустна была картина, представшая очамъ Макарыча и Дениски; но по врожденной нечувствительности своей, ни тотъ, ни другой не были тронуты этою картиной, — а отпустили даже по нѣскольку остротъ, обращенныхъ на личность, званіе и настоящее печальное положеніе несчастнаго моего героя.

Прежде чѣмъ приступили къ исполненію порученія возложеннаго на нихъ Максимомъ Петровичемъ, оба эти молодца осмотрѣли въ подробности комнату, при чемъ не упустили раздѣлить между собой нѣсколько монетъ мелкаго серебра, валявшихся безъ всякаго призрѣнія на небольшомъ письменномъ столѣ Адама Адамыча. По страсти своей къ трубочнымъ дѣламъ, Дениска тутъ же наложилъ себѣ любимую трубку Адама Адамыча, съ изображеніемъ города Магдебурга, и совершенно фамильярно закурилъ ее. Въ продолженіе всего этого времени, герой нашъ не прикасался и къ трубкѣ: она не снималась съ гвоздика и была вся покрыта пылью. Дениска разсудилъ также, что недолжно упускать ничего изъ виду, и потому прибралъ весь табакъ, какой былъ у Адама Адамыча.

Только послѣ всего этого, было приступлено и къ самому хозяину темной комнатки. Пальму согнали съ ногъ его на полъ, причѣмъ она такъ жалобно простонала, что болѣе чувствительные свидѣтели вѣрно бы заплакали. Макарычъ, напротивъ, далъ ей здороваго пинка и обругалъ ее самымъ неприличнымъ образомъ. За тѣмъ, и Дениска, и Макарычъ, взяли подъ руки Адама Адамыча и подняли его. Неизвѣстно, спалъ онъ, или бодрствовалъ: одинъ глазъ его глядѣлъ, и губы, едва шевелясь, борматали что-то; но руки висли какъ плети, по сторонамъ похудѣлаго тѣла, и онъ былъ ужасно тяжелъ, даже для сильныхъ мышцъ Макарыча и чеботаря. Не дѣлая никакого сопротивленія, не произнося ни одного внятнаго слова, и волоча, но не переставляя ноги, былъ онъ сведенъ внизъ, при довольно неучливой брани обоихъ вожакъ его.

Въ лакейской, штаб-лекаръ Шелопаевъ посмотрѣлъ ему въ бѣдное лицо, покачалъ благовонною головой, и съ свойственною ему живостью отправился домой, отдавъ приказаніе сдать пациента въ больницу съ рукъ на-руки подлекарку Пименову.

У крѣльца стояли уже заложенные дрожки. Макарычъ и Дениска согнули кой какъ колѣни несчастному, и усадили его. Макарычъ помѣстился рядомъ, и, придерживая одною

рукою фуражку, еле льпившуюся на голову моего героя, другого обнявъ его плечи, велель ъхать, куда слѣдуетъ.

Дрожки двинулись, — и въ этотъ вечеръ, въ забубеньской больницѣ стало однимъ больнымъ больше; но едва ли былъ въ ней хоть одинъ недужный, который сравнился бы страданіями своими съ тою страшною болью, которая едва затихла въ груди нашего героя послѣ частыхъ приѣмовъ лекарства, называемаго струями забвенія.

X

Адамъ Адамычъ очнулся въ бѣломъ балахонѣ, въ бѣломъ колпакѣ, на больничной кровати, съ черною досечкой надъ головой. По большой комнатѣ слабыми шагами ходило два-три человѣка, одѣтыхъ такъ же, какъ онъ. Но странная вещь! — ни нарядъ его самого, ни эта большая, уставленная постелями комната, ни эти больные въ бѣлыхъ халатахъ и колпакахъ, ни мало не удивили его. Казалось, онъ очнулся только затѣмъ, что бы взглянуть въ послѣдній разъ на дневной свѣтъ и на яркое солнце, которое весело глядѣло въ большія окна и играло на бѣлыхъ стѣнахъ.

Скоро, глаза его опять закрылись, и огромныя вѣки уже не подымались болѣе.

Штаб-лекаръ Шелопаевъ, тщательно наблюдавшій за больнымъ Нѣмцомъ, никакъ немогъ сообразить сразу, отчего онъ такъ долго не приходитъ въ себя. Прислушиваясь къ дыханію моего героя, онъ нашолъ, что дыханіе это очень тяжело и прерывисто; но думалъ что все скоро пройдетъ, и дурь, какъ онъ называлъ недугъ Адама Адамыча, кончится. Къ вечеру, дурь эта, точно, кончилась; но кончилась единственно потому, что пришло конецъ и бѣдственной жизни Адама Адамыча. Тихо, безъ стоновъ, отпустило изможденное тѣло живившую его душу въ нныя, болѣе безымятежныя страны. Когда Пименовъ, по особому наказу штаб-лекаря, заботившійся о нашемъ героѣ, принесъ ему бульонъ для ужина, Адамъ Адамычъ былъ уже бездыханенъ, и смерть его очень поразила подлекаря.

Немедленно дали знать о кончинѣ гувернера господину

Желнобобову, который въ это время, былъ въ чайной, въ кругу всѣхъ своихъ чадъ и домочадцевъ. Онъ многозначительно подбѣхалъ нижнею губой къ самому носу и произнесъ:

— А ну, жаль, жаль! Вѣчная ему память! Жаль!... Добрый былъ человекъ.

— Вотъ, испивалъ только, сказала Бобелина, — а ужъ, точно, простая душа былъ покойникъ.

А ну, неожиданно, неожиданно помре! прибавилъ Максимъ Петровичъ.

Петинька сказала тоже что-то, но такое незначительное, что и повторять не стоить.

Господинъ Желнобобовъ началъ, было говорить Петинькѣ, что-бъ онъ сходилъ въ больницу отдать послѣдній долгъ усопшему наставнику, да и братьевъ бы съ собой взять; но Татьяна Васильевна забросила его такимъ множествомъ доводовъ, что не слѣдъ Петинькѣ идти туда, и доказала такъ хорошо пустоту этого предложенія, что Максимъ Петровичъ даже строго запретилъ отправляться на прощанье съ Адамомъ Адамычемъ, если бъ кто нибудь и пожелалъ этого.

Дѣти господина Желнобобова какъ-то странно и породовались кончинѣ Нѣмца, и пожалѣли о ней: породовались, потому что имъ предстояла длинная перспектива праздныхъ часовъ; пожалѣли, потому—что чувствовали некоторую привязанность къ доброму Адаму Адамычу.

Макарьчъ, прерванный приходомъ извѣстителя изъ больницы на самомъ бойкомъ ходу, которымъ думалъ совсѣмъ подрѣзать Дениску, тотчасъ же оставилъ игру, и вмѣстѣ съ чеботаремъ, отправился въ комнатку покойника, чтобы разделить съ своимъ партнеромъ кой-какія вещи Адама Адамыча.

Закурдаевъ узналъ о смерти героя нашего поздно вечеромъ, когда чеботарь явился съ поживой! Закурдаевъ былъ, кажется, совсемъ городъ единственный человекъ, въ которомъ пробудилось нѣсколько грустныхъ мыслей по поводу этой темной и неожиданной смерти. Онъ глубоко раскаялся во всѣхъ своихъ шуткахъ, которыя производили такое резкое впечатлѣніе на мягкое сердце его товарища по охотѣ.

Каждый вечеръ, пропустивъ въ желудокъ стаканчикъ

померанцовки и потомъ стаканчикъ травнику изъ заветной бутылки, и поужинавъ, Василій Семенычъ имѣлъ обыкновеніе посидѣть нѣсколько времени, въ бодрственномъ состояніи, на своемъ диванчикѣ, и спѣть на сонъ грядущій какую нибудь пѣсенку съ аккомпаньементомъ гитары. На этотъ разъ, заслуженный инструментъ звучалъ у него не совсѣмъ весело; Закурдаевъ думалъ о томъ, какъ часто покойный Немецъ былъ его слушателемъ въ эти поздніе часы, какъ любилъ онъ немецко-латинскую пѣсню про клирика, въ которой всегда съ особой энергіей пѣлъ стихъ: «*Nic est meus dactylus*» Вспомнилъ также Закурдаевъ какъ, бывало, подчасъ и прослезится добрый Немецъ, слушая вную пѣсню, какъ приятно улыбается при «*Gaudeamus,*» и Закурдаевъ запѣлъ эту прекрасную пѣсню; но веселые стихи ея выходили вовсе нетакими веселыми, какими должны бы были выйдти, и грустно, очень-грустно прозвучали изъ-устъ Закурдаева слова:

«*Venit mors velociter,
Rapit nos atrociter,
Nemini parcetur.*»

За тѣмъ Закурдаевъ легъ спать, рѣшившись на слѣдующій день пойти посмотрѣть мертваго.

Вѣсть о смерти наставника Желнобобовскихъ дѣтей скоро прошла по всему пространству Забубеньева, но не произвела почти никакой сенсаци. Только сострадательная Дергачова ощутила въ себѣ какое то тревоженіе, и потому, чтобы разсѣять его, отправилась разсказать о кончинѣ Адама Адамыча Софьѣ Алексѣевнѣ, Марѣ Петровнѣ и всѣмъ другимъ знакомымъ дамамъ.

Такимъ образомъ, съ Адамомъ Адамычемъ было все покончено въ Забубеньевѣ. Его похоронили въ простомъ бѣломъ гробѣ, на общемъ кладбищѣ: но вдали отъ всѣхъ другихъ покойниковъ на самомъ краю—близъ, чахлой березки одиноко выросшей у ограды.

Пальма, все время, съ той самой минуты, какъ хозяинъ ея переехалъ въ больницу, была не наживотъ, а на смерть, подъ самыми окнами кабинета Максима Петровича. Пока Адамъ Адамычъ былъ живъ, ее только глядели отъ оконъ и били —

впрочемъ, такъ неловко, что перешлиби ей одну переднюю ногу; когда же Адама Адамыча не стало, и Пальма, вытянувъ шею, завывала еще сильнѣе, и не унималась ни отъ какихъ угрозъ и побоевъ, господинъ Желнобобовъ, нетерпѣвшій у себя въ домѣ подобныхъ безчинствъ, поручилъ чеботарю Денискъ пристрѣлить неугомонную собаку, что чеботарь и исполнилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Въ тотъ день, когда, непровожаемый и неоплакиваемый ни кѣмъ, герой нашъ отправился на погостъ и занялъ новую квартирку, еще тѣснѣе той комнаты, въ которой жилъ на антресоляхъ у старика Желнобобова, — въ тотъ день, всѣ члены достойнаго Забубеньевского общества получили по пригластельной карточкѣ отъ чувствительной вдовицы, искавшей Чацкаго. Карточкѣ приглашали на чай въ этотъ вечеръ. На сей разъ, вдова не приготовляла ни какого литературно — художественнаго торжества, и никто не ожидалъ ничего особеннаго, Но именно тогда-то и должно было случиться нѣчто истинно-особенное.

Александрина нашла себѣ Чацкаго.... да, нашла Чацкаго, правда, болѣе похожаго на Поздрева, чѣмъ на Чацкаго — но тѣмъ не менѣе нашла. Этотъ счастливецъ былъ прѣзжій Погуровъ, безбожный преслѣдователь своихъ густыхъ усовъ. — Велико было удивленіе всѣхъ гостей, и особенно-жолчно проглянули зубы городничихи, когда, въ полномъ присутствіи всей Забубеньевской аристократіи, вдова объявила, что сердце ея избрало прѣзжаго Погурова.

Э П И Л О Г ъ.

Чахлая березка трясеть на вѣтру своею не пышной головкой, и краснѣющія листья срываются съ тощихъ вѣтокъ; они желтѣютъ на сухой землѣ, свертываются въ трубочки, и вѣтеръ кружитъ ихъ надъ сѣрымъ холмикомъ, подъ которымъ улеглось тѣло Адама Адамыча.

Не много прошло времени его кончины, а Петинька раздумалъ уже ѣхать въ гимназію, и Закурдаевъ получилъ отставку, поздравивъ бывшаго ученика своего со вступленіемъ на службу, подъ начальство краснорѣчиваго господина Сафьянова.

Дожди принялись кропить осеннюю землю; ни листка не осталось на чахлой березке, и сама она дрогнет и гнется под частым дождем, — и сврал могилка потемнела.

А между тем, Погуров успел уже опротивить своей чувствительной супруге, потому что каждый день прожигает ей платья своею неугасимою трубкой...

Наконец и зима наступила, и вятки снуют по широкому полю, заноса глубоким снегом одинокую могилу....

А между тем....

Что произошло между тем в Забубеньеве, неизвестно автору. Тут оканчиваются все его свидения о городке, в котором угасла жизнь его героя.

Прощай, прощай, мой любезный герой! Пришлось тебе уснуть там, где и не думалось. Любящее сердце твоей рыжей и худощавой матери не чуло тебя такой далекой и грустной могилы: сердце это предвещало тебе иную, более высокую чреду, чем какую занимал ты на земле!

И что случилось теперь с самою могилкой твоей? Может быть, она уже сравнялась с землей, и нет у нея ни знака, ни отмычки!

Что-то случилось и с самым Забубеньевым? Может быть, уже не один тамошний уроженец не произнесет теперь: «И я родился в Акади!» Может быть, дни золотого века и там стали пасторальным вымыслом, — и нет там ничего буколического и не пахнет Шатобрианом.

А все эти лица, окружавшие когда-то моего героя и брошенные предъ глазами читателя!... Кто знает! может быть, уже истлели в сырой земле и назолившая губа, и угрюмый нось господина Желнобובה; может быть, Петинька женился уже на комьнибудь, — положим, хоть на Лизыньке Юзгиной; может быть.... Все, все может быть....

Но вярнее всего то, что если ктонибудь спросит теперь в Забубеньеве обь Адамь Адамычъ, то там скажутъ:

— Что-то не помнится, чтобы былъ здѣсь когданибудь такой человекъ. Можетъ, — былъ; а, можетъ, и небыло никогда такого:

Pulvis et umbra sumus!

Михаилъ Михайловъ.

МОЗАИКА.

(ИЗЪ ДОРОЖНАГО ПОРТФЕЛЯ).

(Продолженіе).

Заключеніе о непріятной встрѣчѣ. — Природа и городъ. — Овербекъ и его пріятель. — Объясненіе Пуризма въ живописи; истинно религиозное искусство. — Ожесточеніе Пуризма противъ другихъ самобытныхъ дарованій. — Разоблаченіе значенія Овербека. — Остерія въ Триссуро. — Домъ владельца Марка Петруччи. — Красавица-невидимка.

Послѣ непріятной встрѣчи мы шли далѣе безпрестанно оборачивая головы назадъ, и только спустя полчаса пути, отдались прежнему спокойствію и безстрашію.

— Экая бестія! — сказалъ мой спутникъ. — Встрѣтился бы онъ одного изъ насъ, а не двоихъ, то ободралъ бы такъ, что пришлось бы купаться въ этой рѣкѣ, въ ожиданіи благотворительной руки съ платьемъ; а можетъ быть и подстрѣлилъ бы какъ дикую утку!

— А будь у него двуствольное ружье, — замѣтилъ я, — то можетъ быть не поцеремонился бы и съ обоими.

Въ Римѣ недавно казнили одного убійцу, который вѣрно полюбилъ грѣхи гуртомъ и покался на духу еще въ трехъ жертвахъ.

— Однако согласитесь, — перебилъ меня Шарль, — дикость этихъ мѣстъ необходимо должна порождать охотниковъ такого рода, какъ мы встрѣтили.

— Не знаю какъ вы, но я при видѣ этихъ угрюмыхъ, — издыравленныхъ временемъ скалъ, при оглушительномъ потокѣ этой рѣки, глядя на непроницаемость этого лѣса, вдыхаю въ себя какую то отвагу, какой и въ половину нечувствую въ душныхъ городскихъ улицахъ и переулкахъ.

Предъ нами вдругъ открылась прекрасная картина и мы присѣли отдохнуть.

— Много принесло хорошаго искусство челоуѣку, продолжалъ пейзажистъ, — но многое и отхлынуло отъ него съ развитіемъ всевозможныхъ искусствъ; громады строеній растутъ въ городахъ; — все матеріалы природы извращены имъ на свою пользу и принимаютъ образы удобствъ и красоты, по его прихоти; природѣ же осталось мѣсто только въ немногихъ палисадникахъ или на бульварахъ. Ну, небо другое дѣло, мы до него недоросли.

Однако память же изъ пушекъ, чтобы выкликать въ теръ, — замѣтилъ я смѣясь.

— Вотъ это-то обогащеніе искусствами, — перебилъ Шарль, и приводитъ какъ кажется людей къ искусственности и неестественности въ самой жизни.

— Полноте, Шарль — возразилъ я, — вы впадаете въ крайности; кто же изъ горожанъ не спѣшитъ лѣтомъ на дачу или въ деревню? — развѣ вы не тысячу разъ слыхивали вздохи и вслѣдъ за ними слова: — мнѣ душно здѣсь, я лѣсъ хочу, — которые иногда произносятся очень серьезно.

— Серьезно, говорите вы? — ужъ не такъ ли серьезно, какъ Овербекъ пишетъ свои картины.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ я.

— Я хочу вамъ сказать о представителѣ пуристической школы живописи, и идолѣ всѣхъ тѣхъ художниковъ, которые не имѣя собственнаго возрѣнія на искусство, мечтаютъ быть Джіоттами, Чиммабуями, или, вѣрнѣе, сказать быть подражателями Овербека.

— Хорошо что вы не встрѣтили во мнѣ поклонника этого неудавшагося Кардинала; — замѣтилъ я Шарлю, — а то бы мы въ эту же минуту разошлись въ разныя стороны, и тогда прощай путешествіе на Сибилю! помилуйте, какъ незнать такъ называемыхъ пуристовъ? — однако пойдемъ далѣе! — сказалъ я Шарлю, вставши съ камня.

— Да, ненавистна эта новая секта въ исторической живописи, снова началъ мой товарищъ, — она у насъ загубила въ Римѣ очень даровитаго художника, о которомъ

печатать въ своихъ письмахъ очень уважаемый русскій писатель. — Терпѣть немогу этой ходульной школы. — Ну естественно ли? художникъ вѣсто того, чтобы изучать произведенія всѣхъ вѣковъ и родовъ, и, подобно пчелѣ, собирать соки съ разнокачественныхъ цвѣтовъ и, возвратясь въ свой улей производить свой мѣдъ, поставляетъ себя не премьною цѣлю приближаться, изъ всѣхъ силъ, исключительно къ характеру и достоинствамъ итальянскихъ живописцевъ, до Рафаельскаго времени. — Стыль Массачіо, Фьволе, Чимматуре, Джіотто и другихъ, принять или за высочайшій образецъ живописи; а я вамъ скажу, что какъ ни одному гениальному скульптору новаго времени невозможно создать что либо подобное Венерѣ Милоской или торсу рѣвки Иллисъ, точно также невозможно Овербеку и его последователямъ заслужить славу Перуджино и всѣхъ истинныхъ представителей религіознаго искусства.

Когда горячая вѣра воздвигла великолѣпный Соборъ въ Орвіето, именно въ концѣ XIII столѣтія, то превосходная мраморная статуя Св. Севастьяна, въ натуральнѣй росгѣ и нынѣ сохранившаяся, была произведена бѣдливѣйшимъ орвіетскимъ скульпторомъ, имя котораго не извѣстно — за двадцать эю, единственно изъ стремленія вѣрующаго принести свою лепту на олтаре Богу. — Вотъ такъ можно понимать искусство, внушенное религіею; за то эту статуею можно любоваться не налюбуясь, такъ много въ ней теплой молитвы и упованія на Высшую силу; а нехолоднаго поторенія красоть, перечувствованныхъ древними мастерами, что бросается въ глаза въ картинахъ Овербека.

Сильное увлеченіе вовлекло уже многіе таланты въ вялое, скучное и безжизненное подражаніе; даже ошибкамъ и явнымъ недостаткамъ обожаемыхъ или древнихъ мастеровъ. — Скажу вамъ откровенно, при каждомъ посѣщеніи мастерской Овербека, я чувствую какой то внутренній холодъ, не смотря на то, что онъ очень рачительно и достаточно педагогически толкуеть публикѣ сюжетъ своихъ картинъ. И право: нельзя не пожалѣть, — что многіе талантливые люди смотрять на создателя картины: *Возрожденіе искусства*

какъ на бога живописи, и совершенно теряютъ самобытность своихъ дарованій, кроя и склеивая свои картины по пуристическому аршину, а не создавая ихъ по произволу фантазіи. — Слѣдовало бы на всѣхъ воротахъ и переулкахъ Рима написать крупными буквами изреченіе Буонаротти: *Che chi andava dietro ad alcuno, mai passare innanzi non gli poteva* Это было бы предостереженіемъ для всѣхъ неопытныхъ пришельцевъ, безпрестанно прибывающихъ въ столицу искусствъ.

— Зараза пуризма, — прибавилъ я, — развилась нынѣ во всей своей повальной силѣ, и страждущіе этою болѣзнію опрокидываютъ всѣ противопоставляемые ей карантинны, чрезъ что впадаютъ въ совершенное бѣснованіе, во время котораго всѣ произведенія, не носящія на себѣ отпечатка до-Рафаэльской живописи, или, лучше сказать, овербековщины, не признаются созданіями чистаго, прямаго искусства; на нихъ смотрятъ какъ на побочный плодъ оскверненной кисти, и часто, что можно извинить только припадками бѣснованія, эти фанатики поносятъ самымъ грубымъ образомъ многія, неучастныя ихъ секты имена, кои на самомъ дѣлѣ заслуживаютъ удивленіе и уваженіе, потому что сами себя прокладываютъ свѣтлый, блестящій путь на трудномъ художественномъ поприщѣ. Все, что въ кругъ пуризма, то составляетъ у пуристовъ высшую степень искусства; все же антипуристическое называется у нихъ *искусствомъ пынъшняго моднаго стька*. — О, сколько приходилось портить крови, скажу вамъ, Шарль, при встрѣчахъ съ этими пуристами!

— У меня она едва не вся обратилась въ жолчь, — перебилъ меня пейзажистъ, — когда я увидѣлъ главу ихъ, именно какъ онъ является по воскресеньямъ, между посѣтителями всевозможныхъ націй, въ своей мастерской; и является въ высокомъ бархатномъ беретѣ, въ широкомъ бархатномъ и до того длинномъ халатѣ, что полы его разстилаются по полу студіи, и въ паденіи своемъ, безъ сомнѣнія, съ бѣльшею жизнью, рисуютъ складки, нежели кисть самаго обладателя — до рафаэлевскаго халата. — Признаюсь,

уже по одному такому костюму, — сказалъ Шарль, заливаясь смѣхомъ, — это истинно великій художникъ! находясь около него, кажется, и отъ башмака его научишься чему-нибудь необыкновенному, возвышенному. Каково же желаніе-то перенести себя въ до-рафаэльское время! ужь онъ не только рисунками и картинами хочетъ напоминать избранныхъ имъ за образецъ мастеровъ; но рѣшительно всею своимъ существомъ погружается въ ихъ эпоху, и даже самимъ костюмомъ переноситъ посѣщающую его публику въ немодныя вѣка живописи. — По моему это высшая степень искусства морочить полуобразованныхъ путешественниковъ. — Однако я знаю многихъ, — которые ходятъ смотреть болѣе халатъ его и шапку, нежели произведенія.

— А если этотъ костюмъ составляетъ его странность? замѣтилъ я.

— Тогда пускай бы онъ ходилъ ужь въ немъ и по улицамъ! При томъ странности могутъ быть только безсознательныя, а у Овербека, каждый шагъ, каждое поднятіе глазъ къ небу, измѣненіе голоса, какъ у истаго Іезуита, совершаются видимо по заданнымъ имъ самимъ нотамъ, которыя онъ изучилъ въ большемъ совершенствѣ, нежели самую живопись; — а живописи его недостаетъ малаго..... только жизни и одушевленія!

— Какъ намъ теперъ недостаетъ освѣщенія! — сказалъ я моему спутнику, потому что въ это время луна закуталась въ хлопья налетѣвшихъ облаковъ, и насъ окружила такая темень, что мы не могли продолжать дороги, темъ болѣе, что, занятые разговоромъ, не рассмотрѣли вдалѣ.

— Ненавижу автоматовъ, — продолжалъ Шарль, — которые лицемерствуютъ предъ олтаремъ искусства; но они по естественному закону, имѣютъ своихъ поклонниковъ. — Всмотритесь-ка, — сказалъ Шарль, взявъ меня заруку, — вѣдь это блеститъ огонекъ!

Точно! и кажется здѣсь не можетъ быть блудящій! — отвѣчалъ я обрадовавшись, потому что оба мы ужь чувствовали усталость въ ногахъ.

— Однакожь, отъ этого огонька намъ не легче, потому то приближаясь къ нему, въ этой темнотѣ, мы можемъ

заблудиться, — замѣтилъ Шарль, и началъ шаркать спичками по коробкѣ, чтобы закурить сигару.

— Это еще ничего! сказалъ я, — только бы не провалиться куда-нибудь! — Дайте-ка огня!

Въ это время послышался отдаленный бой часовъ; мы наострили уши, и оба вслухъ сосчитали двѣнадцать.

— Мы близъ Триссунго, нѣтъ сомнѣнiя! — закричалъ я.

— Палки впередъ! — весело вскрикнулъ Шарль, и мы побрели дальше ощупывая дорогу нашими посохами; но этаго рода шествiе продолжалось недолго, потому что мѣсяцъ, какъ бы почувствовавши всю неловкость нашего положенiя, снова облилъ своимъ чарующимъ свѣтомъ лѣвый берегъ рѣки, которая замѣтно стала расширяться въ этихъ мѣстахъ, а съ нею расширялась и дорога.

Наконецъ мы очутились въ долину. Утесы и скалы остались за нами, и мы увидѣли городокъ, раскинутый на порядочномъ пространствѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки, съ правой стороны котораго, какъ задняя декорационная завѣсь, тянулась въ туманѣ цѣпь горъ; а съ лѣвой густой каштановый лѣсъ выказывалъ на своемъ грунтѣ бѣльвиіея дома обывателей, которые покоились глубокимъ сномъ. Только въ одномъ изъ домовъ горѣлъ огонь, куда мы и поспѣшили въ открытыя настежъ двери. Это была остерiя, гдѣ мы нашли двоихъ мужчинъ среднихъ лѣтъ и одного старика. Первые, усѣвшись за столомъ, пили вино; а послѣдній, по видимому, хозяинъ остерiи, помѣщался на обрубкѣ дерева, задомъ къ огромному пылавшему огнемъ камню. — Откуда? спросилъ насъ хозяинъ. — Изъ Аква-Санта! отвѣчали мы. — Поздненько! замѣтилъ осте (*); потомъ закинувъ руки назадъ и осмотрѣвъ насъ съ ногъ до головы, спросилъ: хотите вина?

Не успѣли мы отворить рта на его вопросъ, какъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ наполнилъ стаканы виномъ, и предложилъ намъ подкрѣпиться съ дороги, прибавляя свое гостепрiимное: *favorisca!* За радушный прiемъ, не рѣдкій

(*) Хозяинъ.

между Итальянцами, мы отплатили двумя медами, которыхъ хозяинъ не замѣдлалъ вынести изъ погреба, куда былъ ходъ чрезъ отверстіе, находившееся въ полу той же комнаты.

Очутившись въ незнакомыхъ мѣстахъ въ ночную пору, мы не проронили ни одного слова по-русски, и не хотѣли, чтобы въ насъ признали иностранцевъ, и потому торопились только узнать, гдѣ находится домъ Петруччи, къ которому я имѣлъ письмо.

— А!.. Марко.... Пришедши къ мосту, вы перейдете рѣку, и съ моста вправо третій самый большой домъ будетъ старика, котораго вы ищете — отвѣтить намъ хозяинъ остеріи.

— Достучимся ли мы къ нему въ эту пору? — спросилъ я.

— Онъ старъ, какъ я, и мнѣ и ему плохо спится; а сегодня съ продажи онъ получилъ барыши, такъ вѣрно до пѣтуховъ просидитъ надъ счетами, — отвѣтилъ Осте.

Мы развѣялись желаньями доброй ночи и вышли изъ остеріи.

Когда мы переходили мостъ, брошенный съ камня на камень на протяженіи двѣнадцати, а можетъ быть и больше, сажень, то онъ гнулся и трещалъ подъ нами; рѣка во всемъ раздольѣ бушевала, прыгая чрезъ камень, и, казалось, готова была сорвать мостъ и обратить его въ щепы; однако этого не случилось, — и чрезъ минуту мы были уже у дверей дома посседента Петруччи, и стучали въ нихъ большимъ желѣзнымъ кольцомъ.

Вскорѣ послышался шорохъ на внутренней лѣстницѣ, и въ щеляхъ двери замелькалъ свѣтъ лючерны.

— Кто это стучитъ такъ громко? раздался голосъ старика.

Друзья! Атіі! — отвѣтили мы самыми сладкими голосами — всегдашній отвѣтъ на вопросъ: кто входитъ.

— Мы пришли къ вамъ съ письмомъ отъ вашего родственника Паломбини.

— Гдѣ же письмо? спросилъ осторожный хозяинъ, не открывши дверей.

— У насъ, но какъ вамъ передать его?

— Просуньте подъ дверью.

Я тотчас отправилъ письмо чрезъ порядочную щель, которой прежде не замѣтилъ.

Воцарилось молчаніе, потомъ пружина замка щелкнула два раза, и неизбежное, но на этотъ разъ чрезвычайно отрадное *favotisca*, раздалось намъ на встрѣчу.

Мы поднялись по каменной, довольно опрятной лѣстницѣ, во второй этажъ, и вошли въ большую комнату, гдѣ царствовалъ картинный беспорядокъ. — При видѣ послѣдняго, въ отсутствіе хозяина, который вдругъ скрылся, я сообщилъ Шарлю объ одномъ художникѣ-поклонникѣ живописности Италіи: какъ онъ встрѣтись въ Римѣ съ своимъ знакомцемъ, любившимъ въ высочайшей степени комфортъ, защищалъ и отстаивалъ какую-то лѣстницу дома на вышинѣ трехъ саженьей, въ которой недоставало по крайней мѣрѣ десяти ступень. — Помилуйте, на этой лѣстницѣ сломаешь голову! говорилъ защитникъ комфорта. — Да, пожалуй можно сломать голову; но все-таки это живописно! вскрикнулъ внѣ себя обожатель картинности.

Посреди обширной комнаты мы нашли столъ, на которомъ стояла лочерна, едва освѣщавшая средину; въ углахъ были потемки, — тутъ былъ навалень разныхъ домашнихъ скарбъ и орудія земледѣлія и покоса; на стѣнахъ висѣла лошадиная упряжь; въ другомъ мѣстѣ на полу и на ступенькахъ выглядывали мышки съ мукою, сѣдла; позади ихъ торчали два огромныя шкафа съ посудой; мѣстами громоздились ящики и корыты съ различными сѣменами и овощами; въ простѣнкахъ между оконъ висѣли гравюры, изображавшія мученья и чудеса католическихъ святыхъ, которыя, въ художественномъ отношеніи, были немного лучше нашихъ лубочныхъ картинокъ; въ одномъ изъ простѣнковъ висѣло большое деревянное Распятіе, убранный искусственными цвѣтами, и — о, варварство, сродное всей Италіи! — это Распятіе было раскрашено.

Вся наружность комнаты обличала вполне довольство поседента, и выказывала всю его любовь къ хозяйственности.

Я уже по дорогѣ сообщилъ Шарлю, что Петруччи, какъ я слышалъ въ *Acqua santa*, имѣлъ дочь Маріуччу, красавицу, и потому мы не мало сожалѣли, что въ эту пору нельзя было ее видѣть; между тѣмъ присутствіе въ этомъ домѣ красавицы-невидимки обуюло насъ увлечатель-

ной силою безпредметнаго мечтанья; — мы посматривали то въ темные углы, то въ каминъ, какъ будто онъ могъ подарить насъ такимъ же сюрпризомъ, какъ балетъ Сильфиды, и..... совместно сказать, глядѣли даже на потолокъ, въ которомъ видѣлось небольшое отверстіе, какъ будто и оттуда могла спуститься къ намъ занимавшая наше воображеніе Маріучча.

Маленькій, съдѣнькій Петруччи, введя насъ въ комнату, пригласилъ съестъ у большаго каминна, гдѣ вспыхивалъ повременамъ потухавшій огонь. Онъ предлагалъ отдохнуть съ дороги, и началъ снова изъ угла въ уголь, и хлопалъ безпрестанно дверьми, хлопотавъ объ ужинѣ. — Мы просили его не беспокоиться, и говорили, что будемъ довольствоваться очень малымъ; но онъ продолжалъ суетиться, приговаривая: *dopo camminare — bisogna mangiare!* (*)

Въ одно мгновеніе на столѣ, покрытомъ чистой скатертью, явились фиги, которыя сквозь шелуху сочлились собственнымъ сахаромъ; огромныя и тонкія отрѣзья колоритной ветчины свѣшивались черезъ края тарелки; курица, пахнувшая дымомъ, докладывала, что она, по общему обычаю итальянцевъ, была изжарена на вертелѣ; виноградъ красивыми гроздами нѣжился въ плетеной соломенной корзинкѣ; а сыръ *cavallo*, столь любимый потомками Брута, разносилъ кругомъ себя такой ароматъ, который вѣроятно могъ бы опрокинуть въ обморокъ даму съ слабыми нервами.

Петруччи угощалъ насъ отъ всего сердца, и забрасывалъ разспросами о нашемъ отечествѣ; но глаза наши начали смыкаться отъ усталости; мы не могли удовлетворить любонитство старика, не отъѣзжавшаго отъ своего дома далѣе пятнадцати миль.

На этотъ разъ онъ забылъ прибавить съ своей стороны, что *dopo camminare bisogna anche dormire* (**); однако, замѣтивъ въ насъ, какъ мы нескрывали зѣвоту и потяготу, онъ раза два вставалъ съ своего стула и скрывался за дверью, ведшей въ другую комнату, гдѣ слышался разговоръ, прерываемый усладительнымъ для насъ въ эти минуты взбиваньемъ перины и подушекъ.

(*) После ходьбы надо поестъ.

(**) После ходьбы надо также и уснуть.

— Что же, синьори, вы уже окончили вашъ ужинъ? — спросилъ Петруччи, воротившись къ намъ. Неужели вы также мало ѣдите у Поломбини?

— Благодаримъ васъ синьоръ Марке! — Большая, усталость скорѣе отнимаетъ аппетитъ, нежели даетъ его, — отвѣтилъ я, намѣкая на время сна.

— А вотъ сей часъ вы и отдохнете! — сказала смѣтливый старичекъ. При этихъ словахъ дверь смежной комнаты распахнулась, и мимо насъ, чрезъ залу, стрѣлой промелькнула женская фигура, и скрылась въ противоположныхъ дверяхъ. Лючерна отъ движенія воздуха чуть не потухла. Мы встепенулись..... я такъ и думалъ, что тотчасъ будемъ окружены сифидами или тѣнями изъ Роберта дьявола.

— Какія ножки! — вскричалъ Шарль, къ счастью порусски, но тотчасъ опомнился, и схвативъ кисть винограда, началъ меня имъ подбивать.

Я ничего уже не видалъ, кромѣ голыхъ стройныхъ ножекъ, обутыхъ только въ башмаки; эти ножки близкой своей блеснули въ глаза; остальная же фигура дѣвушки, во время ея появленія, была закрыта чѣмъ-то.

Вуона notte! — сказала нашъ Реттисси, указывая на комнату, изъ которой выбѣжала дѣвушка.

Мы начали упрекать добраго хозяина за его излишніе хлопоты, которые обезпокоили даже его домашнихъ; долго спорили, чтобы онъ воротилъ дочь въ ея комнату и не хотѣли войти туда, говоря, что мы, безъ дальнихъ хлопотъ, уснемъ на стульяхъ въ залѣ; но старикъ былъ непреклоненъ, и почти насильно втокнулъ насъ въ спальню красотки-невидимки, и запирая за нами дверь, пожелалъ намъ снова доброй ночи.

Широкую и высоко-постланную постель Мариуччи мы нашли въ совершенномъ порядкѣ. Въ душѣ мы крайне досадовали на прерванный сонъ красавицы, которая, можетъ быть, проклинала насъ въ эту минуту.

— Вотъ сны-то увидимъ! — сказалъ мнѣ Шарль, завертываясь въ тканое одѣяло.

Я про себя подумалъ тоже, и утонулъ головою въ пуховой подушкѣ.

Рамазанова.

МОЛЬЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, Жоржъ Занда.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Людовикъ ХІУ.

Мольеръ.

Конде.

Брекуръ.

Дюпаркъ.

Баронъ.

Аржанда Бежаръ.

Магдалина Бежаръ.

Пьерретта Лафоре, служанка Мольера.

Зала въ Версали, служащая фойе комедіантамъ; посерединѣ залы столъ съ зеркаломъ и вещами, нужными для прически комедіантовъ. На право и на лѣво, на первомъ планѣ, по століку съ зеркаломъ и съ лицами. На второмъ планѣ на право полуотворенная дверь, которая ведетъ въ театръ, и въ которую видна передняя. На лѣво, на второмъ планѣ, угольное окно съ занавѣсками, выходящее въ Версальскіе сады. Въ глубинѣ, картины того времени и два маленькіхъ стола, у каждаго стола табуретъ; въ среднюю дверь, совершенно отворенную, видна большая передняя. Двое часовыхъ ходятъ по ней взадъ и впередъ. Театръ устланъ коврами.

ЯВЛЕНІЕ I.

МОЛЬЕРЪ и ПЬЕРРЕТТА.

(Мольеръ въ костюмъ Сганареля выходитъ съ права съ Пьерреттою, которая, идя за нимъ, продолжаетъ его одѣвать).

МОЛЬЕРЪ. Ну, хорошо, Лафоре — я совсѣмъ готовъ, не правдали?

ПЬЕРРЕТТА. Эхъ, господинъ Мольеръ, подождите немного, — какой вы скорый!

МОЛЬЕРЪ. Я не скоръ, я тороплюсь,—пора.

ПЬЕРРЕТТА. Напрасно вы торопитесь: дворъ не станеть торопиться; тамъ еще всъ за столомъ, и вамъ придется ждать добрый часъ.

МОЛЬЕРЪ. Что за дѣло, душа моя, — король назначилъ спектакль въ шесть часовъ—въ шесть часовъ все и должно быть готово,—и я первый; мы должны ждать короля, а не король насъ.

ПЬЕРРЕТТА. Э, сударь! вѣдь ждалъ же король сегодня утромъ г. Люлли.

МОЛЬЕРЪ. Будто?

ПЬЕРРЕТТА. Такъ вы этого не знаете?... Во дворцѣ всъ объ этомъ говорятъ.

МОЛЬЕРЪ. Да вѣдь Версальскій дворець великъ, не могу же я быть вездѣ. Что жъ такое было?

ПЬЕРРЕТТА. Вотъ изволите, сударь, видѣть, король ждалъ сим... сим... какъ бишь это?

МОЛЬЕРЪ. Симфонія?

ПЬЕРРЕТТА. Ну да—симфонія, а г. Люлли находилъ, что его музыканты играютъ ее не такъ, какъ слѣдуетъ—разъ велѣлъ сыграть, два раза, три раза—все на ладъ нейдетъ—ну, бѣсится, изъ себя вонъ выходитъ, скрипки ломаетъ,—а король и дворъ все ждутъ; король посылаетъ наконецъ пажа,—г. Люлли какъ ни въ чемъ не бывало; король еще пажа,—тому и дѣла нѣтъ; король еще третьяго пажа, который пришелъ, да и говоритъ: король, дескать, изволить васъ дожидаться.... На это г. Люлли ему: король нашъ господинъ, сударь, не правдали?...—Да, сударь.... — ну такъ, онъ и господинъ своего ожиданія.

МОЛЬЕРЪ. Чортъ знаетъ, какъ уменъ человекъ!.... Что жъ, не знаешь, король разсердился?

ПЬЕРРЕТТА. Говорятъ, свѣлся отъ чистаго сердца. Значить, и вамъ не изъ чего мучиться. Наши другіе господа и госпожи не стануть торопиться, какъ вы.... Вотъ мамзель Магдалина Бежаръ—объ этой л—ни слова, она все равно что вы—всегда старается, а другая, укъ, какая это!

МОЛЬЕРЪ. Арманда?

ПЬЕРРЕТТА. Цѣлый часъ одинъ узелокъ завязываетъ, а кончить, такъ преспокойно паятся передъ зеркаломъ, когда всѣ ее зовутъ.

МОЛЬЕРЪ. Ты несправедлива; съ нѣкотораго времени она стала очень старательна.

ПЬЕРРЕТТА. Да, когда вы на нее смотрите, потому что она хочетъ вамъ угодить.

МОЛЬЕРЪ (*съ волненіемъ*). Мнѣ угодить—говоришь ты?

ПЬЕРРЕТТА. Хитра она,—видите, что вы, что ни день, то богаче, что ни день, то больше ласкаютъ васъ большіе господа, больше любятъ король, что ни день, то слава ваша растетъ при дворѣ и по городу—ну, и знаетъ, что ей надобно угождать вамъ, чтобы остаться въ вашей труппѣ, и представлять въ ней первыя роли: не то было, какъ вы были начальникомъ странствующей труппы, игравшей чаще въ овинахъ, чѣмъ въ замкахъ: вамъ поперечили, вамъ дѣлали насмѣхъ, васъ звали сварливымъ.... а Богу извѣстно, что вы никогда такимъ не были—ну, а теперь, какъ вы стали маленько сварливы, вамъ льстятъ, вамъ потакаютъ.

МОЛЬЕРЪ. Ты говоришь, что я сталъ сварливъ?

ПЬЕРРЕТТА. Оно не то чтобы я васъ за это бранила—у васъ столько горя.... Вотъ и теперь, какой у васъ усталый видъ.

МОЛЬЕРЪ (*идя къ столу*). Усталый видъ! Дай же мнѣ поскорѣ ящички, надобно поддѣлать свою физиономію.

ПЬЕРРЕТТА. Не теперь еще,—румяны спадутъ прежде, чѣмъ вы выйдете на сцену,—вы успокойтесь только, сидьте на это кресло, протяните ноги; знаете ли вы, что мы здѣсь вотъ уже двѣнадцать дней празднуемъ, и что вамъ не удавалось соснуть трехъ добрыхъ часовъ въ ночь?

МОЛЬЕРЪ. Что за дѣло?.... За старика что ли ты меня считаешь, потому что тебѣ двадцать пять лѣтъ, какъ Армандъ?

ПЬЕРРЕТТА. Вы не старикъ, но вамъ подѣ сорокъ, и вы не молоды.

МОЛЬЕРЪ. Надѣюсь, что еще молодъ.

ПЬЕРРЕТТА. Э, нѣтъ, нѣтъ!

МОЛЬЕРЪ. Конечно, молодъ, конечно молодъ, говорятъ тебѣ! Замолчишь ли ты, проклятый языкъ!

ПЬЕРРЕТТА. Ну вот и ругаться стали!

МОЛЬЕРЪ (смѣясь). Я это пробую сцену изъ комедіи, которую стану сейчасъ играть.

ПЬЕРРЕТТА (смѣясь). А вѣдь и въ правду: это какъ въ вашей: «хоть трѣсни, а женись,» гдѣ Сганарель ни за что не хочетъ, чтобы ему было столько лѣтъ, сколько насчитываетъ ему его кумъ... Ну, да вы и не такой старичишка, какъ Сганарель, и не спятили, какъ онъ, съ ума, чтобы думать о женитьбѣ.

МОЛЬЕРЪ. Почему-жъ бы мнѣ о ней и не думать?

ПЬЕРРЕТТА. Потому что вы были всегда противъ женитьбы.

МОЛЬЕРЪ. Это не причина.

ПЬЕРРЕТТА. Ну коли вы опомнились, такъ я знаю только одну жену по васъ, мамзель Бежаръ.

МОЛЬЕРЪ (съ живостью). Съ ума ты сошла? Арманда!...

ПЬЕРРЕТТА. Тото нѣтъ! эта слишкомъ молода и слишкомъ въ себя влюблена, — а мамзель Бежаръ старшая — она конечно постарше, а все еще хорошенькая, — и главное то, у ней сердце есть, умъ есть, — бодрости много, почти какъ у васъ.

МОЛЬЕРЪ. Бѣдная Магдалина!

ПЬЕРРЕТТА. Что же, сударь, вы ее развѣ не любите?

МОЛЬЕРЪ. Люблю, всѣмъ сердцемъ люблю и уважаю; но къ ней я чувствовалъ всегда только: честную дружбу.

ПЬЕРРЕТТА. А какую же дружбу, господи! Мольеръ, вы хотите чувствовать къ своей женѣ?

МОЛЬЕРЪ. Ты права, Пьерретта! (про себя) У этой женщины вырываются подъ часъ слова съ убійственнымъ здравымъ смысломъ; (громко) — но на какой чортъ ты мнѣ это все говоришь — я вовсе и не думаю жениться.

ПЬЕРРЕТТА. О! женитесь, если хотите — я буду уважать вашу жену, и служить ей, будь она хоть дьяволъ въ юбкѣ.

ЯВЛЕНИЕ II.

МОЛЬЕРЪ, ПЬЕРРЕТТА, БРЕКУРЪ и ДЮПАРКЪ.

(Оба въ костюмахъ докторовъ комедій. Они входятъ съ правой стороны).

МОЛЬЕРЪ. А! друзья мои.... вы готовы, хорошъ Брекуръ въ костюмъ Панкраса, Дюпаркъ—Марфуруумъ — отличные доктора, и будутъ хорошо играть.

БРЕКУРЪ. Будь покоенъ, мы всѣ знаемъ наши роли и, пьеса намъ нравится—коротко, но весело, и характеры такъ ловко обрисованы—хоть бы въ большомъ сочиненіи.

ДЮПАРКЪ. Въ этомъ-то, по моему мнѣнію, и недостатокъ. Начинаешь интересоваться лицами въ минуту, когда пьеса кончается.

МОЛЬЕРЪ. Чте же прикажешь дѣлать, мой другъ?... Сочинить пьесу, разучить ее, поставить и сыграть въ сорокъ восемь часовъ—да еще съ балетомъ!

ДЮПАРКЪ. Да,—пьеса предлогъ для балета, а балетъ — предлогъ для того, чтобы король танцеваль.

ПЬЕРРЕТТА. Какъ это сочинить четыре новыхъ пьесы въ двѣ недѣли!

МОЛЬЕРЪ. Королю извѣстно, что Тартюфъ готовъ; что касается до принцессы Элидской, онъ позволилъ мнѣ взять для этого дѣла товарища.

ДЮПАРКЪ. Когда вы этимъ довольны—ваше дѣло!

БРЕКУРЪ. Малѣйшій очеркъ Мольера—очеркъ мастера, и Тартюфъ докажетъ, что авторъ Мизантропа не упаль.

ДЮПАРКЪ (Мольеру). А вы читали королю Тартюфа?

МОЛЬЕРЪ. Читаль.

ДЮПАРКЪ. Всего?

МОЛЬЕРЪ. Конечно.

ДЮПАРКЪ. И ему нравится?

МОЛЬЕРЪ. Король гораздо снисходительнѣе тебя, мой другъ; онъ сказалъ мнѣ, что не знаетъ, что лучше—Тартюфъ или Мизантропъ

ДЮПАРКЪ. Удивительное дѣло, что король это сказалъ!

БРЕКУРЪ. За что жъ ты бѣсишься?

ДЮПАРКЪ. За сюжетъ Тартюфа, который надвѣляетъ враговъ Мольеру.

МОЛЬЕРЪ. Пусть ихъ! король и публика за меня.

БРЮКЮРЪ. А Фронду похоронили, слава Богу.

МОЛЬЕРЪ. Благодаря королю, — на всегда, друзья мои! король молодежь, король красавецъ, король любить забавы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и внимательно и спокойно ведетъ свою политику.

ДЮПАРКЪ. Все такъ, да слишкомъ много людей узнаютъ себя въ Тартюфа — и они, пожалуй, повредятъ Мольеру у самаго короля.

БРЮКЮРЪ. Тебѣ все представляется въ черномъ видѣ.

ДЮПАРКЪ. То есть, какъ оно есть.

МОЛЬЕРЪ. Богъ да защититъ насъ, друзья мои — будемъ исполнять свое дѣло, король поощряетъ насъ на правду, будемъ же говорить правду, хотя бы дорого пришлось за нее заплатиться. *(За дверью слышны литавры).*

ВВЛЕНІЕ III.

МОЛЬЕРЪ, БРЮКЮРЪ, ДЮПАРКЪ, ПЬЕРРЕТТА, АРМАНДА и МАГДАЛИНА БЕЖАРЪ.

МАГДАЛИНА. Господа! слышите громъ музыки? Король изволилъ выдти изъ-за стола, и вамъ надобно идти на сцену.

МОЛЬЕРЪ *(Пьерретта)*. Скорѣй, Лафоре, бѣлиль, румянь — подавай мнѣ мои брови, мою съдую бороду... Видишь, мнѣ давно надобно бы было быть готовымъ *(оправляется передъ зеркаломъ)*.

БРЮКЮРЪ. Не къ чему торопиться: дворъ четверть часа будетъ идти изъ очарованнаго грота въ замокъ, — да сколько еще времени пройдетъ, пока усядутся.

МОЛЬЕРЪ. Готовы ли вы къ балету, дѣвицы Бежаръ? Вы должны въ немъ лвиться.

МАГДАЛИНА. Я готова.

МОЛЬЕРЪ. А вы, Арманда?

АРМАНДА. Буду готова.

ДЮПАРКЪ. Помните, что пьеса пройдетъ вся двадцать минутъ: вамъ обыкновенно недостаточно этого времени, чтобы приколоть булавку.

МОЛЬЕРЪ. Гдѣ же баронъ? маленький баронъ вѣдь тоже въ замокъ?

ДЮПАРКЪ. Ну—на этого плоха надежда.... онъ того и гляди, простоятъ передъ какимъ-нибудь фонтаномъ, страдая отъ любви къ своему собственному изображенію, какъ прекрасный Нарцисъ, глупѣйшей памяти.

МОЛЬЕРЪ (*продолжая одѣваться*). Что же дѣлать? Онъ въ самомъ дѣлѣ красавецъ, этотъ мальчикъ: онъ нравится цѣлому свѣту,—нельзя ему не простить, что онъ нравится самому себѣ.

ДЮПАРКЪ. Да, да! потакайте ему больше: вы сами знаете, что стоитъ вамъ чванство вашего приемыша!

БРЕКУРЪ. Что же! Если молодой баронъ разорить немало Мольера на наряды и кружева: такъ и надобно подымать бурю за эти ребяческіе забавы!

ДЮПАРКЪ (*вставая*). Чортъ бы побралъ такого ребенка, у котораго ужъ борода пробилась.... спросите-ка о немъ у горничныхъ придворныхъ дамъ.

БРЕКУРЪ. Да за женой что-ли онъ за твоей волочится?

ДЮПАРКЪ. Мнѣ до жены моей дѣла нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она галопируетъ пажемъ на королевскихъ каруселяхъ, мнѣ кажется, что она не жена моя, а стремлиной.

ОДИНЪ ИЗЪ ПРИДВОРНЫХЪ (*входя*). Господа комедіанты, васъ ждуть. (*Во все продолженіе этой сцены, актеры убирались передъ зеркалами*).

МОЛЬЕРЪ (*переставши гримироваться*). Ну, идите! (*Актеры выходятъ, а онъ самъ, передъ уходомъ, оборачивается къ Армандѣ, которая стоитъ у окна*). Вы остаетесь, Арманда? Успѣхъ моей комедіи васъ не интересуеть?

АРМАНДА. Напротивъ, я сейчасъ иду за вами, посмотрю только, какъ пройдетъ королевская свита.

МОЛЬЕРЪ. Ахъ, да! всѣ эти красивые господа, всѣ эти маркизы. (*Пьерреттъ нѣсколько тревожно*).... Останься съ нею, ты мнѣ больше теперь не нужна.

ПЬЕРРЕТТА. Да я хочу на васъ смотрѣть, какъ вы будете играть,—и держать вашъ плащъ за кулисами. (*Мольеръ выходитъ*).

ПЬЕРРЕТТА (*идя за нимъ, про себя*). Мамзель Арманда и сама себя сбережетъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

АРМАНДА (*одна у открытаго окна*). А! вотъ кадрили короля: графъ д'Арманьякъ, герцогъ де Сентъ-Энльянъ, маркизь де Суакуръ, самый искусный въ игрѣ въ кольцо послѣ Его Величества.... маркизь де Вилльруа. (*Отходя отъ окна*) Мольеръ терпѣть не можетъ маркизовъ.... да это можетъ быть отъ того, что онъ самъ не маркизь.... Знатность, что ни говори, не приобретается — А бѣдный этотъ Мольеръ, какъ меня ревнуетъ. Я вѣдь очень люблю его, и всегда рада его побѣсить — онъ такъ уменъ, когда сердится, и такъ добръ, когда перестаетъ ворчать.... и такъ простъ душою, когда у меня же просить прощенія послѣ ссоры!

ЯВЛЕНИЕ V.

АРМАНДА, БАРОНЪ.

(*Арманда опять стала у окна и не оборачивается, когда баронъ входитъ потихоньку въ среднюю дверь*).

БАРОНЪ (*съ волненіемъ*). Ахъ, вы одни, мадмуазель Бежаръ?

АРМАНДА (*сидя въ передѣ зеркаломъ*). Это вы, баронъ.... что вамъ нужно?

БАРОНЪ. Видѣть васъ на минуту, благо представился такой прекрасный случай!

АРМАНДА. Хорошо, — ну а потомъ?

БАРОНЪ. О! если такъ вы будете меня всегда принимать, я не посмѣю сказать вамъ никогда ничего!

АРМАНДА. Вамъ кажется нечего сказать мнѣ больше того, что вы написали! (*оборачивается къ нему, и вынимаетъ изъ своего кармана записку*).

БАРОНЪ. О! вы получили мое письмо.... вы его прочли... вы его сберегли!... Арманда!...

АРМАНДА. Да, я сберегла его, чтобы показать Мольеру.

БАРОНЪ. О, нѣтъ.... не дѣлайте этого! Ужели вы хотите посорить меня съ нимъ?

АРМАНДА. И есть за что: ваша записка для него очень оскорбительна. (*Развертываетъ письмо, и читаетъ его, небре-*

жно облокотясь на столъ). «Нѣтъ, вы не любите, вы никогда не будете любить Мольера, неправда ли?... онъ тоже не любить васъ, онъ слишкомъ важенъ для васъ, вы — слишкомъ молоды для него: ввѣрьтесь молодому сердцу, полному надеждъ и мужества. Я — ничтоженъ еще, но любовь заставитъ меня достигнуть славы и богатства, если вы только ободрите меня, и проч. и проч». Очень мило все это; но Мольеру не очень лестно будетъ уваженіе, которое вы совѣтуете мнѣ питать къ нему!

баронъ. Оскорбить, очернить Мольера, я никогда не думалъ. Слушайте, Арманда, я чувствую, что люблю васъ противъ воли своей, люблю васъ больше, чѣмъ бы слѣдовало, люблю васъ больше, чѣмъ Мольера... а между тѣмъ, я знаю, что долженъ дорожить Мольеромъ больше, чѣмъ самимъ собою, не ревновать къ его счастью, а утѣшаться имъ.... Да! любите его, Арманда! Онъ такъ добръ! любите его, — я буду счастливъ этимъ, да! *(заливается слезами)*.

арманда *(съ удивленіемъ смотритъ на него, — про себя)*. Вотъ любящее-то сердце! *(громко)*. Перестаньте, мой милый Баронъ, побольше мужества, особенно передъ другими. Вы слишкомъ выказываете свое чувство ко мнѣ, и кончится тѣмъ, что Мольеръ это замѣтитъ.

баронъ. Такъ онъ васъ любитъ?

арманда. Не знаю, но вѣдь вы сами такъ думаете?

баронъ. Арманда, я ничего не думаю, я ничего не знаю, — я буду думать только то, что вы мнѣ скажете.... ваше дѣло не дать мнѣ заблуждаться.

арманда *(здумавше)*. Вы слишкомъ добродѣтельны въ отношеніи къ дружбѣ, — такая добродѣтель была бы невыгодна для той, которая бы васъ полюбила.

баронъ. Что вы хотите сказать, Арманда? — Арманда! еслибъ вы меня любили!

арманда. Ну! еслибъ я васъ любила — и еслибъ Мольеръ имѣлъ на меня виды, — горе обманутаго въ надеждахъ Мольера не помѣшало ли бы вамъ наслаждаться вашимъ счастьемъ?

баронъ. Такъ и быть! говорите мнѣ о Мольерѣ, и прямо, скажите, что вы его любите.

АРМАНДА. Это опять другое дѣло—у васъ въ головѣ не влжуются мысли, баронъ. Вопросъ былъ въ томъ: любима ли я Мольеромъ, и должны ли вы, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ меня?

БАРОНЪ (*уничтоженный*). Произнесите же мой приговоръ. Любить ли онъ васъ?

АРМАНДА (*внимательно смотря на него*). Вы честны, какъ рыцарь. Вы вѣдь готовы совсѣмъ излечиться отъ любви, если я скажу: да! стало быть, вы меня не любите?...

БАРОНЪ. Излечиться! вы говорите излечиться! смерть въ самомъ дѣлѣ отъ всего вылечитъ.

АРМАНДА (*смѣясь*). Ахъ, баронъ, если вы хотите умереть, я вѣдь принуждена не давать вамъ умирать,—не тигрица же я въ самомъ дѣлѣ,—и тогда, худо придется Мольеру!

БАРОНЪ. Арманда, вы меня убиваете... Да, да—улыбайтесь презрительно, насмѣхайтесь, находите меня смѣшнымъ.... Говорите, что влюбленные всегда говорятъ о смерти. Огъскивайте въ моей слабости—силъ презирать меня.... Но вы смѣетесь не въ пору еще, и — пусть я несчастенъ, больше чѣмъ высказать можно,—по крайней мѣрѣ, я еще не совсѣмъ преступенъ.... Не смѣйтесь же, Арманда,—я не подлець,—а человекъ, котораго вы хотите растоптать въ прахъ, и котораго разобьетъ, можетъ быть, горе, но не капризь вашъ! (*уходитъ стремительно на право*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АРМАНДА (*одна*). бѣднѣй баронъ! пріятно было бы побдить въ немъ угроженія совѣсти... Я смѣялась не въ пору? Нѣтъ, въ такой борьбѣ самъ зайдешь всегда дальше, чѣмъ думаешь;—баронъ не такой мужъ, какой мнѣ надобенъ. Быть женой простаго комедіанта — фи! Пойти взглянуть, какой успѣхъ имѣеть при дворѣ эта комедія Мольера! (*хочетъ идти. Конде и Магдалина входятъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Арманда, Магдалина, принцъ Конде.

КОНДЕ (*входя, Магдалину*). Нѣтъ, нѣтъ—я подожду его здѣсь, если онъ придетъ сей-часъ; я не въ такомъ костюмѣ,

чтобы могъ показаться. Его Величество даетъ мнѣ особую аудіенцію послѣ балета, а покаместъ я хочу пожать руку Мольеру, въ этомъ укромномъ уголкѣ, который больше королевскихъ праздниковъ приличенъ человѣку, утомленному битвами и путешествіями.... Но это, кажется, сестра ваша, если я не ошибаюсь?

АРМАНДА (*узнавая его*). Мон-сеньёръ, принцъ Конде!

КОНДЕ. Извините меня, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ я не видалъ васъ, — я васъ не узналъ съ перваго раза; въ эти годы вы столько же выиграли, сколько я потерялъ.

АРМАНДА (*кокетливо*). О! мон-сеньёръ! я храню ваше кольцо—оно никогда меня не покидало.

КОНДЕ. Тысячу разъ благодарю васъ (*цѣлуя ея руку, про себя*). Все таже самая, съ той же выученною наивностью (*громко*). Вы, говорятъ,—теперь превосходная актриса (*Магдалинъ*) Такъ говорить о васъ обихъ.

МАГДАЛИНА. Мы употребляемъ всѣ наши старанія, что бы быть достойными тѣхъ высокихъ милостей, которыя король оказываетъ трупъ Мольера.

КОНДЕ. Знаете ли, сударыня; что когда повсюду, и въ шумъ сраженій и въ уединеніи, доходили до меня слухи о славѣ Мольера,—я нисколько не удивлялся.

АРМАНДА. Ваше Высочество изволили вспомнить, что это имя принадлежитъ человѣку, встрѣченному вами разъ на дороге?

КОНДЕ. Это путешествіе, сударыня, слишкомъ замѣчательно въ моей жизни, и я не могъ забыть его — я проскакалъ сто двадцать миль, почти одинъ, по враждебной странѣ, въ то самое время, когда за мою голову положена была цѣна.... И только одинъ человѣкъ узналъ меня, и онъ по благородству и честности не выдалъ меня, хоть былъ и не моей партіи, хоть и осуждалъ мое дѣло. Этотъ человѣкъ былъ Мольеръ, великій Мольеръ, который игралъ тогда весьма жалкую роль на свѣтѣ, но въ которомъ, не знаю по какому-то откровенно-возвышенному виду, угадалъ я человѣка выше толпы. — Мольеръ, о которомъ теперь можно сказать,

что если Корнель настольная книга сильныхъ земли, то онъ — настольная книга всѣхъ людей безъ извѣтiя.

МАГДАЛИНА. Ахъ! отъ чего Мольеръ не слышитъ словъ вашего высочества! я запомню ихъ, что бы передать ему.

АРМАНДА. А я право и не знала, что онъ такъ знаменитъ!... я видѣла, что онъ прiятно забавляетъ дворъ и городъ, но никогда бы не подумала, что о немъ говорить во всѣхъ странахъ, въ которыхъ изволили вы быть, ваше высочество, и что слава его такъ дорога великому Конде!

КОНДЕ. Живя вблизи самаго свѣтила, вы не могли видѣть, какъ далеко просгираются его лучи — а притомъ же, молодости и красотѣ свойственно гордиться собою, и желать силъ только собственнымъ блескомъ. Но, я слышу шумъ — вѣрно комедiя кончилась.

МАГДАЛИНА. Да, мон-сенъеръ. Мольеръ идетъ сюда отдохнуть нѣсколько минутъ передъ балетомъ; я побѣгу — скажу ему....

КОНДЕ. Нѣтъ, позвольте мнѣ пожалуйста, идти съ вами — я хочу обнять его безъ предувѣдомленiй, и посмотрю, узнаетъ ли онъ меня съ перваго раза (*пропускаетъ ее впередъ*).

МАГДАЛИНА. Повинуюсь. (*уходятъ оба на право*).

ЯВЛЕНIЕ VIII.

АРМАНДА (*одна*). Вотъ и хорошо, значить, что я была благоразумна, и равно пренебрегала маленькими комедiантами и большими господами. О! слава!... Мольеръ! Мольеръ, ревнивый, строгий.... не молодой!... но за то, сколько славы!

ЯВЛЕНIЕ IX.

Арманда, Баронъ.

БАРОНЪ (*входя быстро съ правой стороны*). Мольеръ идетъ сюда.... неужели вы вложите подозрѣнiе въ его сердце, и покажете ему мое письмо? — Сожгите его, забудьте его, умоляю васъ!

АРМАНДА. Я?... да развѣ я стану помнить о томъ, что вы мнѣ писали или говорили?

БАРОНЪ. О, Боже мой!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢЖЕ, КОНДЕ, МОЛЬЕРЪ, МАГДАЛИНА, БРЕКУРЪ, ДЮПАРКЪ, ПЬЕРРЕТТА.

МОЛЬЕРЪ (*входя съ Конде*). Кажется, нынче — лучший день въ моей жизни. Побѣдитель при Нордлингенъ и Рокруа вспомнилъ о Мольерѣ, и удостоилъ прижать его къ сердцу, въ честь нравственности и истины. Ахъ, я говорилъ вамъ, мон-сеньёръ, что вы снова станете добрымъ сыномъ Франціи!

КОНДЕ (*нѣсколько оскорбленный*). Развѣ я когда-нибудь былъ нѣмымъ! (*Успокоиваясь*) но мы объ этомъ еще поговоримъ — съ вами я много буду говорить, вамъ же теперь нечего терять время. Оставляю васъ и приглашаю къ себѣ въ Шантильи (*пожимаетъ ему руку. Увидѣвъ Брекура*) А! господинъ, когда-то хотѣвшій перерезать мнѣ горло, вашу руку также, прошу васъ. (*Подаетъ руку Брекуру*) Вашъ покорнѣйшій слуга, сударыни. (*Мольеру, который идетъ провожать его*). Нѣтъ, нѣтъ — не покидайте своего поста. (*Тихонько отстраняетъ его и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢЖЕ, КРОМЪ КОНДЕ.

МОЛЬЕРЪ. Великій человекъ правъ — за работу, дѣти мои, за работу! Баронъ, ты готовъ, — посмотри, поди — готовы ли танцоры г-да Арналь, Нобле, Дезе.

БАРОНЪ. У меня списокъ, — я сдѣлаю перекличку (*уходитъ*).

МОЛЬЕРЪ. Ты, Брекуръ, обещалъ помочь одѣваться г. графу д'Арманьяку: это -- второй выходъ пятой сцены, кадрили гогенаровъ, — напоминай ему хорошенько, — этимъ большимъ господамъ лишь бы танцевать, а во-время ли, нѣтъ ли, не ихъ забота.

БРЕКУРЪ. Иду (*уходитъ въ среднюю дверь*).

ДЮПАРКЪ (*Мольеру*). Я надзираю надъ демонами... Эти чертенята собрались ли въ залъ маленькихъ королевскихъ танцоровъ?

МОЛЬЕРЪ. Собрались всѣ вмѣстѣ — добрые и злые духи. Дюпаркъ уходитъ на право).

МАГДАЛИНА. Я пойду взгляну, на мѣстахъ ли испанскія пѣвицы. (*уходитъ тоже на право*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мольеръ, Арманда, Пьерретта.

ПЬЕРРЕТТА (*Мольеру*). А вы, надѣюсь, отдохнете немного передъ тѣмъ, какъ пойдете опять ломаться?

МОЛЬЕРЪ (*садясь*). Да, пожалуй... Обо всемъ ли я позаботился?... Ахъ, я забылъ главное,—король пройдетъ черезъ эту комнату въ мой кабинетъ одѣваться; ты мнѣ поможешь его костюмировать—ступай, убирай, чисти, вытирай зеркала!... живо

ПЬЕРРЕТТА. Ужъ и Мольеровой—то служанкой быть большая честь... а теперь я королевская служанка.... кто бы могъ это подумать? (*уходитъ на право*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мольеръ, Арманда.

МОЛЬЕРЪ (*вставляя съ утомленнымъ видомъ, идя къ Армандѣ*). Я вамъ говорилъ, Арманда, что вамъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до моей бѣдной комедіи.

АРМАНДА. А между тѣмъ, я знаю, что она имѣла огромный успѣхъ.

МОЛЬЕРЪ. Какъ вамъ знать объ этомъ? Васъ не было.

АРМАНДА. Да развѣ я не знала, что она хороша?... Неужели вы думаете, что я такъ мало знаю въ этомъ толку, чтобы сомнѣваться въ успѣхъ вашихъ произведеній?

МОЛЬЕРЪ. Я охотно отдалъ бы этотъ комплиментъ за одинъ взглядъ участія: вы знаете, Арманда, что не для публики, не для пѣлаго свѣта я пишу и играю комедію. Есть минуты, Арманда, когда я ко всему равнодушенъ; самъ не могу объяснить иногда этого состоянія моей души,—не знаю, что могло бы оживить ее, когда я на сценѣ,—но похвалы и рукоплесканія этой позолоченной толпы оставляютъ въ ней все ту же пустоту и тоску. Да, Арманда, да! я отдалъ бы охотно всѣ ваши закулисные комплименты и всю эту славу, въ которой мнѣ завидуютъ, за одинъ взглядъ истиннаго участія, когда я на сценѣ. Тамъ-то нужно было бы сердце, которое бы хоть сколько-нибудь согревало меня своею теплотой!

АРМАНДА (*вставая*). Да развѣ вы не знаете, что меня удержало здѣсь присугувіе г. принца?

МОЛЬЕРЪ. Да!—или пошлости какого-нибудь дворцоваго офицера, или даже, ребячество барона, по чему я знаю?— Вы находите удовольствіе только въ пустякахъ и вамъ вѣчно пятнадцать лѣтъ.

АРМАНДА. Пѣтъ, мой другъ—мнѣ двадцать пять — и я это вижу, потому что разсуждаю, думаю, понимаю.

МОЛЬЕРЪ. Ну! а я, которому уже не двадцать пять лѣтъ, я не отдаю времени, остающагося мнѣ отъ дѣлъ и заботъ, холоднымъ соображеніямъ разсудка; сердце мое управляетъ мною въ эти минуты, и я чувствую тогда, что я живу, что я люблю, что я страдаю.

АРМАНДА (*съ вкрадчивою ласкою*). Кого же любите вы, Мольеръ?

МОЛЬЕРЪ (*съ досадю*). О! не васъ.

АРМАНДА (*оскорбленная*). Знаю, что я мало достойна этого, что вы больше любите сестру мою, чѣмъ меня.

МОЛЬЕРЪ. Конечно — она лучше васъ, ваша сестра.

АРМАНДА (*по прежнему*). Такъ что же вы на ней не женитесь?... она же кстати и совсѣмъ созрѣла, поджидая васъ.

МОЛЬЕРЪ. Что вы это говорите? Ни сестра ваша, ни я, никогда не думали о женитьбѣ.

АРМАНДА. Ну, она только говоритъ это — а вы, можетъ быть, вы точно имѣете отвращеніе къ браку.

МОЛЬЕРЪ. О! безъ сомнѣнія — особенно съ тѣхъ норъ, какъ знаю васъ.

АРМАНДА. Въ такомъ случаѣ, Мольеръ, для чего же вы требуете съ моей стороны столько вниманія и любви?

МОЛЬЕРЪ (*взволнованный*). Я васъ не понимаю. Не привыкъ ли я смотреть на васъ, какъ на свою дочь? не должны ли вы любить меня какъ отца?—и любовь, которой я требую отъ васъ—ужели оскорбляетъ приличіе?

АРМАНДА (*съ притворной скромностью*). Да, если бъ я отдалась ей безъ благоразумія и осторожности.

МОЛЬЕРЪ (*между увлеченіемъ и подозрительностью*). Вы насмѣхаетесь, Арманда? уже не разыгрываете ли вы желанную

смиреницу, съ челоуькомъ, которьй слиш комъ уважаетъ себя чтобы подать поводъ къ подозрѣнiямъ?

АРМАНДА (съ твердостью). Если вы зовете жеманствомъ добродѣтель, Мольтерь, — мнѣ остается только оставить васъ на всегда.

МОЛЬЕРЪ (съ горестiю). Оставить меня! Да зачѣмъ же, Боже мой! что за капризъ! Ахъ! она меня сведеть съ ума!

АРМАНДА. Это не капризъ, и я считаю себя благоразумнѣе васъ, г. Мольтерь, говоря вамъ, что смотрю на бракъ, какъ на единственную цѣль честной женщины, какъ на единственное истинное средство быть любимой. Здѣсь мнѣ льстятъ съ одной стороны, проповѣдуютъ съ другой. Я не пользуюсь, ни любовью, которую ко мнѣ выказываютъ, ни поученiями, которья мнѣ дѣлаютъ, — потому что я противлюсь обоульщенiямъ, и не заслуживаю брани: я хочу выйти замужъ, говорю я вамъ: — вы должны узнать это, и сестра моя тоже.

МОЛЬЕРЪ (блѣдный и дрожащiй). За кого же это, позвольте васъ спросить, рѣшились вы выйти за мужъ?

АРМАНДА. Объ этомъ я еще ничего не знаю — и не думала.

МОЛЬЕРЪ (внѣ себя). Вздоръ, Арманда! Вы кого-нибудь любите!

АРМАНДА. Какое же вамъ до этого дѣло?

МОЛЬЕРЪ (убитый). Вы правы, это не мое дѣло — и я не имѣю права васъ спрашивать. Вотъ ваша сестра — ей слѣдуетъ узнать ваши чувства, — говорите съ нею (закрываетъ голову руками).

ЯВЛЕНIЕ ХIУ.

Мольтерь, Арманда, Магдалина.

МАГДАЛИНА. Что это, Мольтерь — вы совсѣмъ разстроены? вы вѣрно больны. (Магдалина подходитъ къ нему и останавливается въ недоумѣнiи).

АРМАНДА (про себя). Ну, пора кончить (громко). Ничего, сестрица, мы ссорились — я хочу выйти замужъ, а онъ на меня сердится: спрашивается, за что?

МАГДАЛИНА (про себя). О, я знаю за что. (Громко). Но, въ самомъ дѣлѣ, что за дѣло ему? говорите же, Мольтерь.

МОЛЬЕРЪ (*дѣлая уси не надъ собою*). Мнѣ нечего сказать вамъ, кромѣ того, что я нахожу страннымъ это внезапное рѣшеніе, и оскорбительнымъ тотъ способъ, который она употребляла для объявленія его: я считалъ себя ея другомъ, совѣтникомъ, защитникомъ, а она таитъ отъ меня свои намѣренія; пусть же хранить ихъ она въ самой себѣ, или скажетъ вамъ: я умываю руки.

МАГДАЛИНА. Говори, сестра. Отъ чего не сказать вамъ прямо Мольеру, кого ты любишь.

АРМАНДА (*смотря на Мольера*). Это невозможно.

МАГДАЛИНА (*подходя къ Армандѣ*). Мнѣ, покрайней мѣрѣ, ты скажешь?

АРМАНДА. Да, если вы общаете мнѣ хранить тайну ото всѣхъ и (*указывая на Мольера*) отъ него перваго.

МАГДАЛИНА. Вы слышите, другъ мой... Что мнѣ дѣлать?

МОЛЬЕРЪ (*вставая*). Выслушать ее, дать ей полезный совѣтъ, выдать ее за мужъ за того, кто ей нравится, если это честный человѣкъ—и не совѣтоваться со мной, если таковъ капризъ ея неблагодарности (*уходитъ на право*).

МАГДАЛИНА (*смотря ему въ слѣдъ, про себя*). Боже, какъ онъ страдаетъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

МАГДАЛИНА, АРМАНДА.

МАГДАЛИНА. Говори, милая Арманда, я твой лучший другъ, скажи мнѣ свою тайну.

АРМАНДА. Хорошая сестра моя, то, что я скажу тебѣ, огорчитъ тебя, потому что обо мнѣ стоитъ пожалѣть. Я люблю Мольера, а Мольеръ меня не любитъ, никогда и не будетъ любить,—а если бы даже и любилъ,—онъ не хочетъ жениться, честь моя и достоинство велютъ мнѣ позабыть его; и потому я прошу тебя помочь мнѣ удалиться отъ него, сказать, что я имѣю намѣреніе выйдти замужъ за кого-нибудь другаго.

МАГДАЛИНА (*растерявшись*). Вы любите Мольера! вы! вы лжете!

АРМАНДА (*бросая взглядъ на дверь*). Я лгу?... кого же могу я любить кромѣ Мольера (*показывая видъ, что хочетъ уйти*). Не выше ли, не лучше ли, не прекраснѣй ли, не любезнѣй

ли онъ всѣхъ людей, которыхъ я знаю?... и зовите мнѣ кого-нибудь, на кого бы стоило глядѣть рядомъ съ нимъ? (съ притворнымъ отчаяніемъ). Но онъ не терпитъ меня, — не терпитъ брака — а ты осуждаешь меня за то, что я хочу скрыть мои чувства!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Арманда, Магдалина, Мольеръ.

МОЛЬЕРЪ (антъ себя, бросаясь на сцену). Она любитъ меня, — она сказала это! (Магд. минь). О, милая Бежаръ — меня, меня она любитъ, я задыхаюсь отъ радости, я умру. (падаетъ на кресло. Арманда въ притворномъ смущеніи. Магдалина поражена).

МАГДАЛИНА (про себя). Увы, часъ насталь! (громко). Что же, Мольеръ? — вы любите ее съ давнихъ поръ, — будьте счастливы.

МОЛЬЕРЪ. Я любилъ ее, такъ вы знали это?... Я самъ этого не зналъ.

АРМАНДА. Сестра обманываетъ меня — вы меня не любите.

МОЛЬЕРЪ (вставая и съ восторгомъ сжимая ее въ объятіяхъ). Арманда! дитя мое... любовь моя! жена моя!

АРМАНДА. Ваша жена, Мольеръ? вы сказали: ваша жена?

МОЛЬЕРЪ. Да, моя подруга и моя спутница на всегда, передъ Богомъ и передъ людьми.

АРМАНДА. Жена Мольера... сестра, благослови же меня на счастье и славу.

МАГДАЛИНА. Будь достойна его, моя милая Арманда (объясняетъ Пьерретта).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣжъ, Пьерретта.

ПЬЕРРЕТТА. Господинъ Мольеръ! Господинъ Мольеръ! король, король идетъ.

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тѣже, Людовикъ XIV со свитою.

КОРОЛЬ. Мольеръ, у насъ десять минутъ на одѣванье.

Все ли готово?

МОЛЬЕРЪ (*внимательно осматривая его*). Да, Ваше величество.

КОРОЛЬ. Пойдите же.

МОЛЬЕРЪ. Если Ваше Величество удостоиваете посвятить десять минутъ на переодѣванье, осмѣливаюсь попросить одну для себя лично.

КОРОЛЬ (*улыбаясь*). Даю вамъ двѣ, говорите скорѣе.

МОЛЬЕРЪ. Прошу соизволенія Вашего Величества на бракъ мой съ дѣвицею Грезиндою-Армандою Бежаръ, которая употребить старанія продолжать съ прежнею ревностью свою службу и быть достойною королевскихъ милостей.

КОРОЛЬ. Этотъ бракъ мнѣ очень пріятенъ, потому что упрочиваетъ моему театру превосходную актрису. Поздравляю васъ обоихъ. Г-жа Мольеръ, вы должны поддержать великое имя: не король Франціи, но весь миръ подписываетъ нынѣ вашу дворянскую грамоту. (*Проходящая, естъ слѣдуютъ за нимъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIX.

МАГДАЛИНА, ПЬЕРРЕТТА.

Магдалина, которая осталась назади съ Пьерреттою, качается и готова упасть. Пьерретта ее поддерживаетъ.

ПЬЕРРЕТТА. Что вы, мамзель Магдалина, — вамъ дурно? Какъ вы поблѣднѣли!

МАГДАЛИНА. Ничего.... ничего; Лафоре, надобно идти танцовать..., ахъ, моя бѣдная Лафоре (*съ рыданіемъ и воплемъ падаетъ на руки Пьерретты*).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

*Мольеръ.**Баронъ.**Брекуръ.**Дюпаркъ.**Конде.**Арманда Бежаръ, жена Мольера.**Магдалина Бежаръ.**Мадлена, дочь Мольера, восьми лѣтъ.**Пьерретта Лафоре.*

Въ отѣль: комната Мольера. При поднятіи завѣсъ слышна пѣсня. Мольеръ сидитъ передъ столомъ, въ большихъ креслахъ, подлѣ него стулъ; столъ заваленъ книгами и бумагами—подлѣ стола маленькій шкафъ съ ящиками. На второмъ планѣ на право, окна въ садъ. На лѣво на первомъ планѣ небольшой столикъ на одной ножкѣ и два стула; на второмъ планѣ, дверь, ведущая въ комнату Мольера, въ углу на лѣво, большой старинный каминъ и подлѣ него кушетка. Въ глубинѣ дверь, въ которую видна передняя—по обѣимъ сторонамъ ея старинные стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мольеръ, Баронъ (за сценой слышна пѣсня; потомъ Баронъ открываетъ среднюю дверь и идетъ на цыпочкахъ. Слышны ластенно слова):

Несчастіе—на свѣтъ родиться,

И счастье—раньше умереть.

МОЛЬЕРЪ (повторяя эти стихи).

Несчастіе—на свѣтъ родиться

И счастье—раньше умереть.

Во снѣ что-ли слышались мнѣ эти слова на голосъ за-
стойной пѣсни? вотъ странный способъ веселиться (видя ба-
рона). А, ты здѣсь, дитя мое?

БАРОНЪ (идя къ Мольеру). Какъ? вы еще не легли,
другъ мой? Я пришелъ взглянуть, спите-ли вы?

МОЛЬЕРЪ. Какъ тутъ спать съ этимъ народомъ, который
своимъ смѣхомъ, спорами и пѣснями даже въ моемъ Отельс-

комъ уединеніи, отнимаетъ у меня часы отдыха!... Изъ моей комнаты мнѣ было ужъ черезъ чуръ ихъ слышно—я укрывся сюда, а все еще ихъ слышу!

баронъ. Но вамъ не хорошо на этихъ креслахъ.—лучше бы вамъ было на постели.

мольтеръ. Постели сдѣланы для людей здоровыхъ—больнымъ онѣ—могилы; я задыхаюсь въ постели и больше уже не ложусь. Но скажи пожалуй, баронъ, что за дикую штуку они пѣли сейчасъ?

баронъ. Это экспромтъ г. Шапеля, которому вино внушаетъ черныя мысли.

мольтеръ. Ну—это въ первый разъ!

баронъ. Меланхолія нашла сначала на г. Буало, который разсуждалъ съ большимъ краснорѣчіемъ о сентенціи незнаю кто-то изъ древнихъ, что первое счастье не родиться, а второе—рано умереть. Г. Нантулье подтверждалъ его мнѣніе. Г. Шапель сначала съ нимъ спорилъ, а потомъ согласился. Онъ импровизировалъ премрачные стихи, на которые г. Люлли тотчасъ-же сочинилъ превеселую музыку—и вотъ теперь, они плачутъ, смѣются и поютъ, сами не зная что и почему.

мольтеръ (*вставая*). Что такое человекъ? Существо, которое веселится или плачетъ, никогда не находя точки опоры въ здоровомъ разсудкѣ или покоѣ сердца. Вѣчное горе на днѣ радости и отчаяніе даже въ пьянствѣ!... Ну, а Лафонтень все еще тамъ?

баронъ. Онъ отправился въ полночь, — находя, что съ него довольно, и нисколько не подозревая, что его мистификовали и осмѣивали во все это время. Онъ былъ еще разсѣянное, чѣмъ обыкновенно.

мольтеръ. Они вѣчно надъ нимъ смѣются—но, какъ они ни бейся—никому изъ нихъ не удастся унижить добряка. Ахъ, да! который часъ, баронъ?

баронъ. Не знаю право: совсѣмъ разсвѣло—и ваши гости собираются идти. Г. Буало сочинилъ для васъ эти стихи, и просилъ отдать вамъ ихъ на прощанье и въ благодарность за угощеніе.

МОЛЬЕРЪ (*взявши стихи*). Ступай же, проводи ихъ, а потомъ ложись спать: не люблю я, въ твои лѣта, такую безпорядочность жизни.

БАРОНЪ. Надобно же было замѣнить васъ.

МОЛЬЕРЪ. Конечно—и несчастная Лафоре была тоже на ногахъ цѣлую ночь?

БАРОНЪ. Какъ всегда, нисколько не жалуясь.

МОЛЬЕРЪ. Бѣдные дѣти мои!...—у меня слишкомъ разгульные друзья, которымъ дѣла нѣтъ ни до вашего здоровья, ни до моей болѣзни! Я охотно бы платилъ Шапелю за то, что бы онъ угощалъ свою компанію гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не у меня... не разбудили ли они дочь мою своимъ крикомъ?

БАРОНЪ. Малютка и спала и спитъ отлично.

МОЛЬЕРЪ. Хорошо; ступай-же, проводи ихъ, и еще разъ извинись за меня, что осужденный врачами на одно молоко, я не могъ съ ними пить.

БАРОНЪ. Постарайтесь теперь уснуть.

МОЛЬЕРЪ. Постараюсь, дитя мое (*Баронъ цѣлуетъ у него руку и уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ II.

МОЛЬЕРЪ, одинъ, читаетъ стихи Буало.

Благодарю, Буало ты думаешь, что меня нужно утѣшать въ преслѣдованіяхъ ханжей! ты думаешь, что мои страданія происходятъ отъ ихъ оскорбленій; Шапель тоже такъ думаетъ. Друзья мои, вы все обманываетесь.—Если бы только съ этимъ бороться, силъ бы у меня стало.... Но увь! мое горе,—не горе поэта и актера, а горе человека—и сердце мое обливається кровью отъ столькихъ ранъ, что я не чувствую даже тѣхъ, которыя наносятся моему самолюбию (*дверь тихонько открывается*). Кто тутъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

МОЛЬЕРЪ, ПЬЕРРЕТТА, ведетъ маленькую Мадлену.

МАДЛЕНА (*съ букетомъ въ рукахъ*). Это я, папа—я встала рано. Лафоре сказала, что нынче день вашего рожденья

и что вамъ надобно принести, какъ только вы проснетесь, то, что вы больше всего любите.

МОЛЬЕРЪ (*береть ее на колѣни къ себѣ*). Да, да—конечно она правду говоритъ, твоя добрая Пьерретта; она знаетъ, что мою маленькую Мадлену люблю я больше всего на свѣтѣ (*цѣлуетъ ее*).

МАЛЕНЬКАЯ МАДЛЕНА. Лафоре сказала тоже мнѣ, что маменька крестная, тетушка Бежаръ, непременно придетъ нынче навѣстить меня, и принесетъ мнѣ большую, хорошую куклу.... А мамаша моя придетъ?

ПЬЕРРЕТТА. Завтра можетъ быть.

МАЛ. МАДЛЕНА. Ты все такъ говоришь—завтра?.. Что это вы плачете, папа?.. У васъ все лице мокрое?

МОЛЬЕРЪ. Пѣть, милочка, нѣтъ! (*Пьерретта*). Уведи ее—дѣти не должны видѣть слезъ. (*Дочери*). Ступай бѣгать въ садъ, мамзель—а потомъ воротись со мной завтракать....

МАЛ. МАДЛЕНА. Хорошо, папа (*дѣлаетъ ему ручкой*). Пьерретта ведетъ ее до двери и смотритъ ей вслѣдъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ПЬЕРРЕТТА, МОЛЬЕРЪ.

ПЬЕРРЕТТА. Какая красоточка—а, сударь?

МОЛЬЕРЪ. Хорошо, какъ ея мать.

ПЬЕРРЕТТА (*про себя*). Все ему на горе, даже дочь. (*Громко*). Ну, сударь, теперь пора спать—цѣлую ночь былъ у васъ содомъ.

МОЛЬЕРЪ. Разошлись они?

ПЬЕРРЕТТА. Разошлись—и утро по крайнѣй мѣрѣ будетъ спокойное.

МОЛЬЕРЪ. Спать—это для меня мечта. Знаешь что, Лафоре? лучше будетъ, если я подышу утреннимъ воздухомъ,—отвори окно; даже и въ этой комнатѣ разить виномъ.

ПЬЕРРЕТТА (*отворяя окно*). Оно точно—весь домъ заразили!

МОЛЬЕРЪ (*становясь къ окну*). Чудесное весеннее утро: солнце взошло, птицы поютъ.... Смотри, Лафоре, смотри—

малютка бѣгаетъ за бабочкой. Ахъ—эта прелесть, этотъ расцвѣтъ жизни.... Я видѣлъ, какъ мать ея бѣгала такъ же!

ПЬЕРРЕТТА. Ну, да что жъ такое?... вѣдь не такъ далеко ея мать, — напишите ей только, она воротится.

МОЛЬЕРЪ. Она далеко отъ дороги долга.

ПЬЕРРЕТТА. Э! нѣтъ, сударь, она въ Парижѣ, въ вашей квартирѣ, на улицѣ Ришльѣ.

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ!... говорятъ тебѣ, что ея тамъ нѣтъ; она бѣдитъ по полямъ, по замкамъ, по дворцамъ—ей нужно жить, какъ королевы!

ПЬЕРРЕТТА. Ну, конечно—она скучаетъ здѣсь.... она еще молода.... моложе васъ, и хороша какъ ангель.... она любитъ вырядиться, въ люди показаться.... Да это все пройдетъ, право, пройдетъ,—вѣдь она ведетъ себя честно, такъ и пусть ее.... Вы о себѣ-то лучше подумайте: пишите свои комедіи. Не забирайте вы чепухи въ голову.... Веселитесь съ друзьями, благо есть у васъ хорошіе.... Вотъ г. баронъ, приѣздомъ—онъ точно вашъ сыночекъ, малый честный — и комедіантъ хорошій, который дѣлаетъ вамъ честь (*смотря въ дѣръ*). А вотъ и еще двое и тоже славные—видите, они встали спозаранокъ и пришли васъ поздравить.

МОЛЬЕРЪ. Ахъ, да! Дюпаркъ, Брекуръ—мой вѣрные товарищи; я люблю ихъ поровну, хоть одинъ дѣлаетъ мнѣ всегда добро, а другой зло.

ПЬЕРРЕТТА. Э! да у него ужъ такой норовъ собачій у г. Дюпарка-то, а вѣдь любить онъ васъ не меньше (*отворяетъ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ V.

МОЛЬЕРЪ, ПЬЕРРЕТТА, БРЕКУРЪ, ДЮПАРКЪ, БАРОНЪ. (*Брекуръ и Дюпаркъ—съ букетами*).

БРЕКУРЪ (*обнимая Мольера*). Мы тебѣ принесли славное извѣстіе для дня твоего рожденія. Дюкруази и ла-Торпильеръ воротились сегодня изъ королевскаго лагеря.

МОЛЬЕРЪ. Право?

БРЕКУРЪ. Они постучались къ намъ въ дверь и сказали, что устали и лягутъ, но что поручаютъ передать тебѣ по-

воленіе играть Тартюфа для всей Парижской публики — и вотъ оно!

МОЛЬЕРЪ. (*распечатывая пакетъ*). Наконецъ-то! ахъ, друзья мои, какое важное дѣло въ нашей бѣдной жизни, вотъ Тартюфъ!

ПЬЕРРЕТТА. Ну, мы будемъ играть Тартюфа!

ДЮПАРКЪ. Говорилъ я тебѣ напередъ, что худо будетъ, что король самъ наконецъ тебя оставитъ на жертву ханжамъ.

МОЛЬЕРЪ. Дюпаркъ вѣчно съ своими замашками, — и король самъ разсмѣялся бы, если бы ихъ слышалъ.

ДЮПАРКЪ. Нѣтъ, ужъ онъ бы не разсмѣялся.

МОЛЬЕРЪ. Слушай, другъ мой, если бы ты уважалъ что-нибудь на свѣтѣ, то ты уважалъ бы мое святое... да, святое чувство къ этому человѣку, который зовется Людовикомъ XIV. О! я знаю, мой Гераклитъ, знаю наизусть твои возраженія, — но вспомни, прошу тебя, что, если онъ заказывалъ мнѣ иногда работы слишкомъ поспѣшныя, то, съ другой стороны, давалъ мнѣ средства зрѣло обдумывать другія, чего я никогда бы не могъ, сдѣлать, оставаясь бѣднымъ и безвѣстнымъ. Его проникательный умъ съ перваго раза угадалъ, что въ насъ больше прочнаго и настоящаго, чѣмъ въ этихъ крикунахъ Бургонскаго отеля, которые были властелинами театра. Вкусъ его, который былъ закономъ для всей Франціи, помогъ намъ блистательно воскресить старую, настоящую, хорошую комедію, ту, которая свѣтуетъ надъ современными нравами и исправляетъ людей отъ ихъ недостатковъ. Понятна послѣ этого моя глубокая признательность къ человѣку, который помогъ мнѣ сказать много полезныхъ истинъ, котораго могучая рука держала бичъ, каравшій сильныхъ земли. Этотъ человѣкъ нѣсколько разъ обнажалъ передо мною свое сердце— онъ требовалъ у меня советовъ, и слѣдовалъ имъ, давалъ мнѣ советы, и я съ пользою имъ слѣдовалъ, — отицѣлъ за меня своимъ придворнымъ, посадивши меня за столъ съ собою, когда они всѣ стояли на ногахъ пораженные и уничтоженные. Я не родился неблагодарнымъ, и не могу переимѣнить себя въ мои годы.

БРЕКЮРЪ. Ахъ, Мольеръ!—человѣкъ въ тебѣ выше даже великаго писателя.

БАРОНЪ (*пожимая ему руку*). Отецъ мой!

ПЬЕРРЕТТА (*отирая глаза*). Когда Мольеръ говоритъ о королѣ и о себѣ—я плачу всегда; это моя исторія съ Мольеромъ.

МОЛЬЕРЪ. Будетъ однако разсуждать, друзья мои; завтра мы дадимъ Тартюфа, такъ какъ мы уже его объявили.

ЛЮПАРКЪ. Съ носомъ же теперъ тѣ, которые хотѣли его запретить!

БАРОНЪ. Ъдемте въ Парижъ — намъ надобно пригото-
вотиться.

МОЛЬЕРЪ. А! мой молодой Дамисъ, — ты скучасяшъ по театральнымъ лампамъ. Ну, это меня поразшевелитъ не много и заставитъ забыть о болѣзни. Помогите мнѣ все приготовить, друзья мои — ты, Пьерретта, укладывайся, пока я буду одѣваться. Баронъ, приведи въ порядокъ мои бумаги, пожалуйста, и запри всѣ ящики (*всѣ уходятъ на льво, кромѣ Барона*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

БАРОНЪ (*одинъ, приводя съ порядокъ бумаги*) Да, эта поѣздка будетъ ему въ пользу.... а мнѣ на горе! Мы опять ее увидимъ—вѣдь придется же отдать ей ея роль въ Тартюфѣ, и, что Мольеръ ни говори, онъ готовъ скорѣе простить ее, чѣмъ проклинать.... Дай мнѣ мужества, Боже!... пусть страдаю я — былъ бы онъ только счастливъ! А, рукопись «Жеманницъ....» кажется, въ порядкѣ.... Стихи Буало.... стихи, опять стихи,—похвалы, пасквили, письма (*беретъ одно распечатанное*) — письма безъимянные! Вотъ одно, только что полученное (*читаетъ*) «Доводится до свѣденія Еломира....» Еломиръ! ахъ, да, это анаграмма имени Мольера, «о заботахъ «его милой половины обратитъ въ блистательную скандалѣз-нѣйшую дѣйствительность подозрѣнiе бѣднаго Сганареля». — О! это ужасно—«Принцъ К. лучший другъ подлаго и безбожнаго сочинителя Тартюфа, мститъ въ эту минуту за всѣхъ «обманутыхъ мужей, надъ несчастiемъ которыхъ онъ такъ за-бавно острится» (*вѣтъ письмо съ негодованiемъ*). И вотъ что

пишутъ они ему каждый день, мерзавцы! Ахъ, Мольеръ! бѣд-
ный великій человекъ—какъ дорого платишься ты за честь
говорить правду людямъ!... Его жена... нѣтъ, это невозможно,
а впрочемъ... Ахъ, эта женщина—демонъ! (*кладетъ локти на
столъ и облачивается на руки головою*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

АРМАНДА, БАРОНЪ.

АРМАНДА (*входя тихо въ среднюю дверь*). Здравствуйте,
баронъ. Гдѣ Мольеръ?

БАРОНЪ (*вставал*). Какъ! это вы, сударыня?

АРМАНДА. Что жъ это васъ такъ удивляетъ?

БАРОНЪ. Конечно удивляетъ — нельзя было предполо-
жить, чтобы вы такъ скоро узнали о представлении Тар-
тофа—и при томъ думали всѣ, что вы не въ Парижѣ.

АРМАНДА. Не въ Парижѣ! зачѣмъ же не сказать простѣ,—
въ Шантильи?

БАРОНЪ. Мольеру сказали, Мольеру писали, сударыня,
что вы тамъ—и онъ въ этомъ убѣжденъ.

АРМАНДА. И совершенно основательно, потому что я
сейчасъ только отсюда.

БАРОНЪ. Какъ! вы сами признаетесь!...

АРМАНДА. Не признаюсь, а объявляю, съ вашего позво-
ленія: что же тутъ дурнаго?

БАРОНЪ. Вы спрашиваете?

АРМАНДА (*смѣясь*). Понимаю.... Ахъ, какая у васъ слав-
ная мысль.... принцъ Конде.... Дайте мнѣ вдоволь нахохо-
таться.... Я такъ и знала, что это говорить—но никакъ не
предполагала, чтобы сочли за серьезное, ужъ здѣсь-то въ
особенности (*садится на льво*).

БАРОНЪ. Она смѣется, а—Мольеръ глотаетъ слезы, она
смѣется—а отъ нея умираютъ съ горя.

АРМАНДА. Ну! вы хотите меня увѣрить, что мужъ мой
исходить слезами!

БАРОНЪ. Вы не вѣрите мукамъ, которыхъ не дѣлите.
Таково свойство всѣхъ неблагодарныхъ и холодныхъ сердецъ.

АРМАНДА (*посль минутнаго молчанія и вставая*):
Г. баронъ, неудобно ли вамъ сказать, по какому праву вы читаете мнѣ правоученія и дѣлаете обиды?

БАРОНЪ (*смущенный*). Безпокоюсь, тревожась за Мольера...

АРМАНДА. Г. баронъ, у васъ есть другая причина, гораздо хуже, но къ которой женщины такъ привыкли, что ею уже не оскорбляются....

БАРОНЪ. Какая же?

АРМАНДА. Притворяйтесь, притворяйтесь, что вы не знаете: я тоже притворюсь, что не понимаю, почему вы ревнуете меня еще больше, чѣмъ мой мужъ, и сочту это поведеніе за недостойное честнаго чловѣка.

БАРОНЪ. Арманда!

АРМАНДА. Что, баронъ?

БАРОНЪ. У васъ или голова вѣтренная или сердце развращенное.

АРМАНДА. А какъ по вашему мнѣнію?

БАРОНЪ. Вы хотите принудить меня сказать, что я люблю васъ, когда этого вовсе нѣтъ, когда я объ этомъ никогда и не думалъ!

АРМАНДА. Коротка же у васъ память, баронъ.

БАРОНЪ. Я думалъ, что у васъ должна быть еще короче.

АРМАНДА. О! я не держу реэстра всѣмъ любовнымъ признаніямъ, которые мнѣ дѣлаются! Но случайно я сберегла, я нашла на дняхъ одну записочку, которую когда-то получила въ Версали.

БАРОНЪ. Вы объ этомъ помните—и не хотите, чтобы я забылъ! О! вы ничему не вѣрите; вы никого не уважаете, вамъ ничто ни свято....

АРМАНДА. О! безъ сомнѣнія,—я виновна въ святотатствѣ, потому что отгадываю, что мужчины бранятъ только тѣхъ женщинъ, за которыми волочатся.

БАРОНЪ. Ахъ, вы заставите сомнѣваться самаго твердаго чловѣка въ его совѣсти, — но чтобы не утвердить васъ въ такихъ подозрѣніяхъ, я уйду отсюда и не возвращусь больше... Прощайте, сударыня. (*Хочетъ выйти*).

АРМАНДА. Извинитѣ.... вы останетесь, баронъ.

БАРОНЪ. Ни за что.

АРМАНДА (*смѣясь*). Вы останетесь, говорю я вамъ.

БАРОНЪ (*возвращаясь*). Вы думаете! Вы хотите удержать меня здѣсь противъ моей воли, чтобы поднять меня на смѣхъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе унижать человека съ честной душой, дѣлая его въроломнымъ измѣнникомъ въ отношеніи къ его лучшему другу и обольщая его надеждами, которыхъ несбыточность сознаете сами.

АРМАНДА. А! вотъ наконецъ мы и дошли до настоящаго дѣла, баронъ. Еслибъ у васъ была надежда, вы, разумѣется, остались и нашли бы въ себѣ такъ же краснорѣчіе для того, чтобы поколебать мою добродѣтель, какое употребляете теперь на услуги своей собственной (*Баронъ, раздосадованный, хочетъ уйти*). Ну да полноте, баронъ, — мы все говоримъ глупости. Слава Богу, въ душѣ мы лучше чѣмъ на словахъ—и притомъ, мы старые друзья, которыхъ не можетъ же поссорить шутка. Я отдаю справедливость вашимъ добрымъ чувствамъ—вы должны лучше узнать и мои. Я хочу вымечить Мольера отъ ревности; хочу попробовать подчиниться строгимъ требованіямъ его вкуса и привычекъ; я отказываюсь отъ свѣтскихъ забавъ, хотя онъ и невинны: я не хочу съ этихъ поръ уходить ни на шагъ отъ моего мужа. Но могу ли я это сдѣлать, если никто не поможетъ мнѣ, и если всѣ окружающіе его бѣгутъ отъ меня, отталкиваютъ меня? Много борьбы и горестей ждетъ меня здѣсь — я это знаю. Какъ мнѣ бороться, если я не могу разсчитывать ни на чью привязанность? Какъ вынести скуку совершеннаго уединенія, если не будетъ со мною по крайней мѣрѣ—юнаго и веселаго товарища прошлыхъ лѣтъ?

БАРОНЪ. Нѣтъ, нѣтъ—не говорите со мной такъ!—лучше ужъ по мнѣ ваша ненависть, чѣмъ въроломная дружба!

АРМАНДА (*про себя*). Это мы еще увидимъ.... (*вслухъ*)—Такъ идите; я тоже уйду—и навсегда.

БАРОНЪ. Вы хотите, стало быть, убить Мольера?

АРМАНДА. А вы не хотите, чтобы онъ жилъ, когда сами подстрекаете меня его оставить? (*Слышенъ шумъ съ правой стороны*). Сюда идутъ—я слышу знакомые голоса: они пред-

вѣщаютъ бурю.... Я смѣло встану передъ нимъ или отступлю, смотря потому, оставите вы меня или поддержите.

баронъ. Но въ этихъ домашнихъ буряхъ, я не могу ничего.... я не долженъ ничего говорить.... я не долженъ даже присутствовать....

арманда. Не покидайте меня, баронъ—не говорите ничего, ^япожалуй, но не оставляйте меня съ ними одну.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Арманда, Дюпаркъ, Магдалина, Баронъ, Бреккуръ.

арманда (*свободно идя къ нимъ на встрѣчу и подставляя лобъ сестрѣ, которая ее цѣлуетъ*). Здравствуйте, сестрица, здравствуйте, добрые друзья мои. Мольеръ не съ вами?

магдалина. Мольеръ еще не вставалъ.

арманда. Не боленъ ли онъ?... я пойду....

дюпаркъ (*быстро, становясь у дверей*). Не ходите — это напрасно; онъ васъ не приметъ,

арманда (*гордо*). Онъ поручилъ вамъ сказать это мнѣ? дюпаркъ. Я самъ себя это поручилъ.

магдалина. Дюпаркъ, дайте намъ поговорить, пожалуйста (*садится съ Армандою на право*).

дюпаркъ. Нѣтъ, нѣтъ, нечего тутъ церемониться, я ей все выскажу. Какъ смѣете вы, безстыдная женщина, прѣхать сюда въ каретѣ изъ Шантильи, съ гербомъ Конде?

баронъ (*въ волненіи*). Господинъ Дюпаркъ.....

дюпаркъ. Я не съ тобой говорю — я говорю съ госпожей Мольеръ и говорю ей....

бреккуръ. Ничего ты больше не скажешь—или между нами выйдетъ дѣло. Арманда! слушайте. Не знаю, что значить эта поѣздка въ Шантильи, но при видѣ кареты, вѣзжавшей на дворъ, Мольеръ почувствовалъ себя до того больнымъ, что мы испугались,—въ первую минуту бышенства онъ оттолкнулъ насъ отъ себя, и, безъ всякихъ объясненій, заперся въ своей комнатѣ.

магдалина. Вы впрочемъ не отчаявайтесь отъ этого, Арманда! вы знаете, что размышленіе всегда его успокоиваетъ. Онъ выслушаетъ, я не сомнѣваюсь, причины, которыя вы

представите въ объясненіе вашего отсутствія и въ опроверженіе злоязычныхъ толковъ.

АРМАНДА (смотря на Барона, который стоитъ неподвижный). Мнѣ нечего сказать противъ клеветы, слишкомъ низкой для того что бы очернить меня,—пора бы и Мольеру, ради своей и моей чести, научиться презирать ее.

БРЕКУРЬ. Мой добрый другъ, я въ правѣ говорить съ вами, какъ старый товарищъ, который баловалъ васъ, когда вы были еще ребенкомъ; не будьте такъ горды—не унижительно покоряться тому, кто насъ любитъ. Если вы невинны, въ чѣмъ я вполне увѣренъ, оправдайтесь—и вы будете выслушаны: если за вами есть какая-нибудь маленькая вина, любите—и вы будете прощены (*цалуетъ у нея руку*).

АРМАНДА. Брекуръ, вы человекъ съ здравымъ смысломъ, и потому, я скажу вамъ, что если бы вы были на моемъ мѣстѣ, у васъ не стало бы терпѣнія, которое вы мнѣ совѣтуете. Участь моя горька, и я ее не заслужила: у Мольера есть недостатокъ свойственный его возрасту....

дюПАРКЪ. Мольеръ не такъ же старъ для васъ, чтобы вамъ слѣдовало ругаться надъ его старостью; вамъ ужъ самимъ подъ тридцать, моя любезнѣйшая—не подъ лѣта вамъ быть вѣтреницей.

МАГДАЛИНА (*Армандъ*). Не слушайте этаго грубіяна, который въ душѣ впрочемъ васъ любитъ—и думайте только о Мольерѣ. Онъ очень боленъ и очень несчастенъ, повѣрьте мнѣ,

АРМАНДА. Это меня глубоко огорчаетъ — но для чего же хотять непременно, чтобы я винила въ томъ себя? неужели мало этого горя — и надобно прибавить къ нему еще позоръ, котораго я вовсе не заслуживаю:

МАГДАЛИНА. Ахъ, кто вамъ говорить о позорѣ, моя милая Арманда? Я знаю съ своей стороны очень хорошо, что ваше поведеніе было всегда чисто — но не въ шумъ свѣта, а въ семействѣ вашемъ должны бы были блистать ваши достоинства. Вы ведете разсыланную жизнь, которая сама по себѣ нисколько не преступна, но которая становится преступною, если стоить мужу спокойствія, счастья и жизни.

АРМАНДА (*вставая*). Зачѣмъ же онъ такъ тревожится! БРЕКУРЪ. Ахъ, моя бѣдная Арманда — да оттого, что вы не отвѣчаете на его страсть къ вамъ.

АРМАНДА. Вы хотите, чтобы я была страстна къ нему, когда ни къ кому не была еще страстна? Если бы я была страстною женщиной, вышла ли бы я за Мольера? Неужели не можетъ онъ удовольствоваться спокойною дружбой, единственнымъ чувствомъ, какое я могу питать къ мужу, (*смотря на Барона, который отворачивается*), и ко всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ?

МАГДАЛИНА (*вставая, пораженная*). О Боже мой! вы не можете любить Мольера! такое сердце, какъ его, не согрѣло вашего сердца! Вы видите въ немъ только мужа, какъ всякій мужъ, человѣка, какъ всѣ другіе люди! Какъ! несчастная женщина! Если потомство будетъ судить тебя, оно осудитъ тебя, какъ бы добра и умна ты ни была! Оно скажетъ, что жена Мольера не любила Мольера — и въ глазахъ его, это будетъ такимъ же преступленіемъ, какъ если бы ты измѣнила ему. Вотъ чего не поняла ты, бѣдная сестра моя. Ты, жадная къ славѣ, ты думала, что одного его имени достаточно для того, чтобы сдѣлать тебя знаменитою, — но ты не подумала, что это имя наложило на тебя обязанность дѣлать его счастливымъ.

ДЮПАРКЪ (*подходя къ Магдалинѣ*). Вотъ это — такъ!

АРМАНДА (*съ досадю*). Я нахожу вашу проповѣдь совершенно неумѣстною, сестрица; я могу отвѣтить вамъ, что ваше постоянное присутствіе и вѣчныя заботы о моемъ мужѣ дѣлаютъ мои заботы совершенно бесполезными и даже лишаютъ меня твердости при всемъ добромъ желаніи.

МАГДАЛИНА (*съ изумленіемъ*). Я васъ не понимаю.

АРМАНДА. Вы слишкомъ хорошо меня понимаете, потому что краснѣете. Загляните въ свое сердце, Магдалина Бежаръ, и посмотрите, нѣтъ ли разныхъ способовъ быть преступной? можетъ быть, я точно виновна въ томъ, что недостаточно люблю Мольера — но можетъ быть такъ же — вы виновны, потому что любите его больше его жены.

МАГДАЛИНА (съ горестью). О зачерствѣлое, холодное сердце! — это слишкомъ, Арманда.... Арманда, у меня не станетъ словъ отвѣчать вамъ.... Вижу, что вы хотите прогнать меня отсюда — я повинуюсь. Но, ради неба, замѣните Мольеру друзей, которыхъ вы его лишасте; сдѣлайте его счастливымъ, любите его — я молда бы васъ объ этомъ на колыняхъ, если бы могла думать, что вы меня послушаетесь. (*Хочетъ уйти; Дюпаркъ съ живостью обращается къ Армандѣ*).

ДЮПАРКЪ. Это ужъ черезъ чуръ — и нѣтъ больше силъ молчать; ни тѣни стыда нѣтъ въ васъ, когда вы сваливаете вину на ту, кто сидитъ больше васъ, на вашу сестру, которая принесла вамъ сама себя въ жертву. Ну да, мы всѣ это знаемъ, хоть она и никогда не говорила. Вы знаете это лучше всѣхъ, и вы же ее упрекаете! Вы выдаете себя за добродѣтельную! вы скверните это имя — оно къ вамъ нейдетъ: вы точно не отдасте никому своего сердца, потому что у васъ его нѣтъ, но вы продаете свое холодное лице всѣмъ безстыднымъ взглядамъ — вы склоняете равнодушное ухо ко всякой глупой и пошлой болтовнѣ, — вы отдаете свое праздное время занятіямъ тщеславнаго кокетства; да, говорю я вамъ, вы кокетка, а нѣтъ ничего на свѣтѣ холоднѣе, подлѣе и преступнѣе кокетки!

(*Садится на льво, Арманда хочетъ уйти. Баронъ дѣлаетъ движеніе. Онъ встрѣчаетъ торжествующій взглядъ Арманды, которая безстрастно выслушала упреки Дюпарка. Баронъ отступаетъ въ ужасъ. Арманда терлетъ наконецъ ладнокрое.*

АРМАНДА (прямо смотря на всѣхъ). Я презираю обиды — но если я подвержена имъ въ собственномъ моемъ домѣ, и Мольеръ не хочетъ принять меня какъ жену, не хочетъ защитить меня, какъ жену — уступаю мѣсто тѣмъ, кто хочетъ занять его. (*Повелительнымъ тономъ и отпалкивая Брекура и Магдалину, которые хотятъ ее удержать*). Оставайтесь, оставайтесь — я оставляю вамъ Мольера, и оставляю на всегда. Ахъ! я могу сказать теперь, какъ одно изъ его лицъ: домъ мой мнѣ постылъ, и я ни разу не возвращаюсь въ него не находя въ немъ отчаянія : (*выходитъ закрывши лице руками. Магдалина въ обморокъ, Баронъ падаетъ головой на руки*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢЖЕ, МОЛЬЕРЪ (*Мольеръ входитъ въ двери медленными шагами, посреди общаго безмолвія*).

МОЛЬЕРЪ. Что жъ? она уѣхала? (*Брекуръ качаетъ головою въ знакъ подтвержденія*). Уѣхала не видавъ меня, не давъ мнѣ времени возвратить надъ собою власть разсудка! Друзья мои, не говорите мнѣ, что она говорила, что дѣлала... ничего не говорите мнѣ.

МАГДАЛИНА (*Брекуру*). Онъ страдаетъ по ней, вы видите. О! надобно бѣжать за ней! (*Мольеръ, видя это, останавливаетъ ее*).

МОЛЬЕРЪ (*дѣлая надъ собою усиліе*). Друзья мои, пусть станеть въ насъ достаточно философіи и умьня жить, чтобы не зарыться окончательно въ домашніе дрязги—мы не въ правѣ такъ дѣлать, и не имѣемъ на это времени: надобно подумать о Тартюфѣ.

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢЖЕ, ПЬЕРРЕТТА.

ПЬЕРРЕТТА (*прибѣгая въ тревогѣ*). Господинъ Мольеръ! господинъ Мольеръ!

МОЛЬЕРЪ. Что такое? что съ тобой, Пьерретта?

ПЬЕРРЕТТА. Ея здѣсь нѣтъ? нѣтъ, — ея нѣтъ здѣсь?

МОЛЬЕРЪ. Кого? кого?

ПЬЕРРЕТТА. Малютки, сударь; вашей дочери!

МОЛЬЕРЪ. Моей дочери! гдѣ жъ она? гдѣ жъ она?

ПЬЕРРЕТТА. Она пошла, сударь, въ садъ, вы сами видѣли, и была тамъ, пока барыня была здѣсь.... Я пошла за ребенкомъ, чтобы новести его къ маменькѣ.

МОЛЬЕРЪ. Ну, говори.... доканчивай скорѣе.... ты меня уморишь!

ПЬЕРРЕТТА. Я пошла сударь — а мамзели-то и нѣтъ ужъ въ саду. Бѣгала, бѣгала по всему дому, нигдѣ не нашла. Никто ее не видалъ, сударь, никто.

МОЛЬЕРЪ. Дитя мое! дитя мое!

ДЮПАРКЪ. Это мать ее увезла, готовъ побожиться.

МОЛЬЕРЪ. Мать! да, она часто грозила мнѣ этимъ!

ДЮПАРКЪ. Мольеръ, черезъ часъ дочь будетъ въ твоихъ объятіяхъ, я тебѣ за это отвѣчаю.

МОЛЬЕРЪ (удерживая Брекура и другихъ, которые хотятъ бѣжать за Армандой). Остановитесь, друзья мои—не надо ни дѣлать шума и соблазна, особенно передъ ребенкомъ, который любитъ и уважаетъ свою мать. Увѣрьтесь только, сама ли мать увозитъ ее,— не противьтесь этому. (Брекуръ, Дюпаркъ и Баронъ уходятъ) О Боже мой, Боже мой! отнять у меня дочь, единственное счастье, которое мнѣ дала она! Я паду подъ этимъ послѣднимъ ударомъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

МОЛЬЕРЪ, МАГДАЛИНА, БАРОНЪ, БРЕКУРЪ, ДЮПАРКЪ, ПЬЕРРЕТТА, КОНДЕ, который ведетъ за руку маленькую Мадлену.

ПЬЕРРЕТТА (выходя изъ комнаты Мольера и увидевъ ребенка). Вотъ она! вотъ она, сударь!

МОЛЬЕРЪ (схватывая въ объятія дочь). О дитя мое! мое сокровище! Простите меня, принцъ! Ваше высочество изволили прѣхать къ сумасшедшему... Я считалъ дочь мою погибшею или похищенною... Вы спасаете мнѣ жизнь и возвращаете разсудокъ.

КОНДЕ. Я очень счастливъ этимъ, Мольеръ — и хочу сдѣлать еще болѣе (понижая голосъ). Я хочу спасти такъ же и честь вашу.

МОЛЬЕРЪ (измѣняется въ лицѣ, передаетъ дочь Пьерреттѣ, сдѣлавши знакъ, чтобы она унесла ее, со взглядомъ, въ которомъ видно бѣшенство. Пьерретта выходитъ съ ребенкомъ на лѣво). Мою честь! ахъ, да! Позвольте, монсеньеръ, я совсѣмъ потерялъ память; большая честь для меня, что вы удостоили войти въ мой бѣдный домъ, но я долженъ былъ ожидать этого. Разстояніе сана и богатства исчезаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ.

КОНДЕ. Мольеръ!

МОЛЬЕРЪ (разтерзанный). О, да! Мольеръ, этотъ бѣдный Мольеръ! этотъ простиакъ Сганарель, котораго можно быть лучшимъ другомъ: все это въ порядкѣ вещей! О, да! я знаю, что принцу Конде, великому Конде—обязанъ я всѣмъ моимъ

счастьемъ. Жена моя сто разъ говорила мнѣ это въ искреннія минуты; безъ совѣта г. принца, жена моя не вышла бы за меня за мужъ. И точно, чѣмъ не обязанъ я доброму принцу? онъ возвращаетъ мнѣ дочь мою, онъ.... Гдѣ же л! я ничего больше не понимаю.... Съ кѣмъ л?

кондв. Вы со мною, господинъ Мольеръ, съ человѣкомъ котораго вы обижаете, съ истиннымъ другомъ, котораго душу вы растерзали!

мольеръ (*въ половину приходя въ себя*). Что говорилъ я, друзья мои? не съ ума ли я сошелъ?

кондв. Да, но это проходитъ—ваше лице проясняется: справедливость и разсудокъ возвращаетъ надъ вами себѣ права—и вы будете слушать меня спокойно; не такъ ли?

мольеръ (*мрачно и гордо*). Да, принцъ, я покоенъ, очень покоенъ!

кондв (*другимъ лицамъ, которыя хотятъ удалиться*). Останьтесь, останьтесь, прошу васъ; я хочу, чтобы оправданіе мое и госпожи Мольеръ совершилось передъ свидѣтелями, передъ семьей и друзьями Мольера. Г-жа Мольеръ побѣжала въ Шантильи съ принцессами моими дочерьми, которыя желали разыграть между собою маленькую комедію своего сочиненія. Меня не было—я только что сейчасъ изъ королевскаго лагеря—и воспользовался своимъ возвращеніемъ, чтобы привести вамъ позволеніе играть *Тартюфа*. Можетъ быть, впрочемъ, друзья меня уже предупредили.... но я подѣзжалъ веселый и довольный, и вдругъ вижу ребенка, котораго бѣжитъ за каретой и кричитъ.... Карета останавливается.... Выходитъ госпожа Мольеръ, — и узнавши отъ нея, что здѣсь произошло, я взялъ съ собой вашу дочь, давши ей обещаніе, что она скоро увидится съ своей матерью.

мольеръ. Ахъ, бѣдный ребенокъ! она не хочетъ съ ней разлучиться! но мать, плакала ли она, г. принцъ, плакала ли она, когда дочь бѣжала за нею?

кондв. Да, Мольеръ, она сильно плакала.

магдалина. Бѣдняжка! разстаться, съ своимъ ребенкомъ! это ужасно!

мольеръ. Но зачѣмъ же она его оставила?

конде. Вѣдь вы не хотѣли принять ее?

мольеръ. Развѣ я сдѣлалъ это?

конде. И я былъ этому причиной?

мольеръ. Развѣ я говорилъ это?

конде. Мольеръ, считаете ли вы меня способнымъ на клятвopреступленіе? -

мольеръ. Конечно, нѣтъ!

конде. Такъ я вамъ даю мое слово, что честь Мольера для меня священна, и что я считалъ бы себя чрезвычайно глупымъ, чрезвычайно преступнымъ, и въ особенности чрезвычайно неблагодарнымъ, если бы это было иначе.

мольеръ. Сомнѣваться въ словъ Конде! это невозможно — его уста никогда не произносили лжи. Благодарю, принцъ; простите меня, что я въ васъ сомнѣвался.

конде (*идя въ залу бину сцены*). Откройте же свои объятія—потому, что я привезъ ее сюда!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ, АРМАНДА.

(*Арманду ведетъ Конде. Она идетъ къ Мольеру, — его первое движеніе принять ее въ объятія*).

мольеръ (*обнимая ее*). Жена моя! (*Послѣ минутнаго молчанія*). Арманда! вы не будете больше страдать—я клянусь вамъ въ этомъ; и полагаясь на вашу честь, не буду беспокоить васъ своею ревностію. Но, прежде чѣмъ я любовникъ, я мужъ и отецъ, на моей ответственности ваша репутація, которую вы недостаточно храните отъ дурныхъ толковъ; на моей ответственности — воспитаніе моей дочери, которой нужны хорошіе примѣры. И потому, я заклинаю васъ, жена моя, не во имя моей любви, но во имя вашей совѣсти, переносить скуку сидячей жизни. Я имѣлъ бы власть принудить васъ — но я ненавижу принужденіи для себя и для другихъ, и, отрицаясь отъ своихъ правъ, я не говорю съ вами во имя нашихъ общихъ обязанностей.

баронъ (*съ живостью, тихо Армандѣ*). Смерть на лицѣ его! покоритесь! (*Арманда отвѣчаетъ ему взглядомъ*).

АРМАНДА (*идя къ Мольеру*). Вотъ такъ надобно было бы говорить со мною сначала; голосъ разсудка сильно дѣйствуетъ на спокойную душу, какова моя — и я подчиняюсь съ полнымъ смиреніемъ. Мольеръ, съ этихъ поръ, я посвящаю вамъ все свои заботы и прошу васъ простить мнѣ все, что я заставила васъ выстрадать (*становится на колѣна*).

МОЛЬЕРЪ. Приди къ моему сердцу, не заботь твоихъ я требую для удовлетворенія моего эгонизма—твою дочь и твое доброе имя поручаю я твоему храненію.

АРМАНДА (*сестрѣ*). Сестрица, я оскорбила васъ, и прошу васъ позабыть это. (*Склоняется предъ Магдалиной, та подымаетъ ее и цѣлуетъ со слезами*).

МАГДАЛИНА (*тихо Армандѣ*). Ты спасаешь жизнь Мольеру; убей меня, если хочешь — все-таки я благословлю тебя тысячу разъ.

АРМАНДА (*Дюпаркю*). Дюпаркъ, ты обидѣлъ меня, но я тебя прощаю—я помню время, когда ты цѣлые дни носилъ меня на рукахъ, говоря, что ты терпѣть не можешь дѣтей. Хочешь мириться, мой старый товарищъ? (*подставляетъ ему лобъ*).

ДЮПАРКЪ (*цѣлуя ее въ лобъ*). Колотушкой бы тебя надобно по твоей скверной головѣ.

АРМАНДА (*смотря на барона и обращаясь къ Конде*). Довольны ли вы наконецъ мною, господинъ принцъ?

КОНДЕ (*цѣлуя ея руку*). Да, сударыня! теперь, Мольеръ, въ Парижъ!

МОЛЬЕРЪ. Да монсеньёръ, играть *Тартюфа*! (*выходятъ въ кромѣ Брекура и Барона*).

БРЕКУРЪ (*подходя къ Барону*). Баронъ, я видѣлъ, какъ вы сказали Армандѣ слово.... которое вдругъ измѣнило совершенно ея намѣреніе.... Прекрасно, но этого довольно. Вы не должны здѣсь оставаться.

БАРОНЪ. Да, да, я уѣду.

БРЕКУРЪ. Можно убить Мольера.... нельзя.... не должно унижать его.

БАРОНЪ (*бросается въ объятія Брекура*). Пойдемъ! пойдемъ, другъ мой! (*Уходятъ*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мольеръ.
 Брекуръ.
 Конде.
 Дюпаркъ.
 Баронъ.
 Магдалина Божаръ.
 Арианда Божаръ, жена Мольера.
 Пьерретта Лафоре.
 Машинистъ мастерь.
 Машинистъ подмастерье.
 Рабочіе.

Сцена театра: только что окончили пьесу: «Больной отъ мнѣнія»,—занавѣсъ опущенъ; рабочіе снимаютъ кенкеты, другіе тужатъ и выносятъ сѣчи рампы,—одинъ открываетъ уголъ занавѣса—и видны зрители; Конде сидитъ въ большихъ креслахъ у столика, на который приносятъ канделябру, на право, на первомъ планѣ; на лѣво на первомъ планѣ стулъ; въ глубинѣ, противъ публики—кулиса; на право, на второмъ планѣ—столъ и стулъ; лѣвая сторона составляетъ глубину театра; на первомъ и на второмъ планѣ на лѣво, двери, ведущія въ уборныя комедіантовъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Конде, работники, Пьерретта.

ПЬЕРРЕТТА (рабочимъ). Ну, что же вы? кончили?
 РАБОТНИКЪ. Кончили, матушка Лафоре, кончили—можетъ
 прийти, когда угодно.

ДРУГОЙ РАБОТНИКЪ. А развѣ ужъ очень онъ усталъ
 нынче вечеромъ, господинъ Мольеръ-то?

ПЬЕРРЕТТА. Онъ, да!

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ. Стало быть, онъ не придетъ сюда
 отдохнуть, какъ обыкновенно, послѣ представленія?

ПЬЕРРЕТТА. Придетъ, когда одѣнется — я его не пущу
 на воздухъ изъ уборной, прежде чѣмъ онъ простынетъ.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ. Вы, мамзель Лафоре, о немъ позаботьтесь.

КОНДЕ (*Пьерреттъ*). Мамзель Лафоре, эти добрые люди, кажется, очень привязаны къ Мольтеру?

ПЬЕРРЕТТА. Да вѣдь и нельзя иначе, монсеньерь.... еслибы вы знали.... онъ игралъ сегодня вечеромъ, хоть и очень боленъ, и когда мы стали было просить его не играть, онъ сказалъ: могу ли я тутъ отдыхать, когда пятьдесятъ человекъ работниковъ, честныхъ отцевъ семейства, потеряютъ отъ этаго день, и будутъ голодны!

ВТОРОЙ РАБОТНИКЪ. Господи Боже мой, неужели попустишь ты, чтобы умеръ такой человекъ?

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ. Можно ли намъ остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока онъ выйдетъ, чтобы посмотреть, каково его здоровье?

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ. Да, да — ему пріятно будетъ видѣть, какъ вы его любите; только вы не тѣснитесь около него.

ПЬЕРРЕТТА. Мы къ нему и не подойдемъ, мы вонъ тамъ на лѣстницахъ стоимъ, чтобы не шумѣть (*рѣсходятся*).

КОНДЕ (*Пьерреттъ, которая тоже выходитъ*). Мамзель Лафоре, не говорите Мольтеру, что я жду его — онъ, пожалуй, станетъ торопиться, и еще больше устанетъ (*Пьерретта выходитъ на лѣво въ дверь уборной*).

ЯВЛЕНІЕ II.

КОНДЕ, Брекуръ *выходитъ съ лѣвой стороны*.

КОНДЕ. Только еще четверть десятого, и я успѣю дожидаться его прежде чѣмъ пойду играть съ королемъ.... Ахъ, господинъ Брекуръ, я совершенно растерзанъ!

БРЕКУРЪ. И я тоже, монсеньерь — а вѣдь кажется пьеса нынче была преострая и преселая!

КОНДЕ. Да, «Больной отъ мнѣнія» — опять высокое произведеніе, въ которомъ изученіе нравовъ и насмѣшка надъ чело-вѣческой слабостью скрыты подъ покровомъ самой забавной веселости, — но я не смѣюсь: у меня сердце сжималось отъ горя

О! насмѣхаться такъ надъ собственной болѣзнію, г. Брекуръ, это достойно стонка.

БРЕКУРЪ (*печально*). Да, въ этомъ—мужество комедіанта. Конде! Сцена, когда Аргантъ притворяется умершимъ, производитъ мрачное впечатлѣніе.

БРЕКУРЪ. А эти слова еще, которыя Мольеръ старается сказать такъ забавно, и отъ которыхъ такъ смѣется публика: «нѣтъ ли опасности въ томъ, чтобы притвориться мертвымъ?»

конде. И, знаете, когда ему надобно было выйти изъ состоянія притворной смерти, онъ, кажется, долженъ былъ сдѣлать большое усиліе надъ собою, чтобы возвратиться къ жизни.

БРЕКУРЪ. Магдалина Бежаръ, которая занимала роль Туанетты, принуждена была трясти его за руку, и я видѣлъ, какъ эта несчастная дѣвушка поблѣднѣла подъ румянами, покрывшими ея щеки, подъ смѣшною гримасой, какую должна была корчить.

конде. Брекуръ, я видѣлъ нѣчто еще болѣе ужасное, что замѣтили и другіе, сидѣвшіе какъ я же по бокамъ сцены. Въ продолженіи шутовской церемоніи, Мольеръ повидимому невыносимо страдалъ, и когда онъ произнесъ во второй разъ *Жю*, на губахъ у него показалась кровавая пѣна. Я едва не вскочилъ съ мѣста и не перервалъ спектакля. Мольеръ удержалъ меня принужденнымъ смѣхомъ и повелительнымъ жестомъ вонна, которому никто не долженъ мѣшать умереть на своемъ постѣ (*слышенъ шумъ за сценой*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Конде, Брекуръ, Дюпаркъ, Магдалина.

БРЕКУРЪ. Что, Дюпаркъ? одѣлся Мольеръ.

ДЮПАРКЪ. Не знаю—я въ страшномъ бѣшенствѣ.

конде (*Дюпарку*). Что такое? говорите при мнѣ, если это касается Мольера!

ДЮПАРКЪ (*снимая шляпу*). Вотъ въ чемъ дѣло, монсеньеръ. Одинъ сѣръ Монфлѣри, который съ большимъ чванствомъ величаетъ себя дворяниномъ—точно невидаль ка-

кая, точно онъ одинъ дворянинъ изъ комедіантовъ, точно ты, Брекуръ, да и всякой почти въ трупъ Мольера, не дворяне....

БРЕКУРЪ. Ну, что до этого—продолжай.

ДЮПАРКЪ. Такъ изволите видѣть, этотъ Монфлѣри, подкупленный, должно быть ханжамъ, или чортъ его знаетъ съ чего, подалъ королю доносъ на Мольера, которымъ обвиняетъ его, что онъ женился на своей собственной дочери.

БРЕКУРЪ. Это что такое? я ровно ничего не понимаю.

МАГДАЛИНА. Хотятъ доказать, что моя дружба къ Мольеру была не всегда чиста, что не сестра мнѣ Арманда—а дочь моя.... и его.

БРЕКУРЪ. Ваша.... ну, ужъ это обвиненіе даже смѣшно, не только гнусно.

МАГДАЛИНА. Вамъ смѣшно—да ... но Королю?

КОНДЪ. Король взглянетъ на брачный актъ Мольера, или просто поверитъ слову Конде, при которомъ этотъ актъ совершенъ, и который подписывалъ его при жизни и въ присутствіи вашей матери; да и этого даже не будетъ, Король просто не поверитъ....

БРЕКУРЪ. Простите за сомнѣніе, ваше высочество, но Король не всегда же окруженъ щелющебными свидѣтельствами, и можно....

КОНДЪ. Вы правы, Брекуръ. Сожалю, что не видался съ Мольеромъ—но теперь, главное дѣло—бѣжать защищать его. Карета моя внизу, я поведу въ Лувръ. Мы увидимся, господя! (*уходитъ, Брекуръ провожаетъ его съ канделяброю въ рукахъ*).

ДЮПАРКЪ и БРЕКУРЪ. Ахъ, монсеньеръ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДЮПАРКЪ, МАГДАЛИНА.

ДЮПАРКЪ. Такъ, такъ—надобно пустить это въ огласку и опешельмовать сѣра Монфлѣри. У Мольера привычка—презирать клевету; онъ не довольно мстителенъ и даетъ этимъ повадку подлецамъ! Если доносъ не будетъ публично опровергнуть, многіе ему повѣрятъ; публика неблагодарна, какъ

кошка, и по глупости станеть повторять сслетни, не спрашивая, справедливы онъ или нѣтъ.... гнусная, но упорная клевета цѣпляется за великихъ людей и преслѣдуетъ ихъ дни послѣ смерти.

ЯВЛЕНИЕ V.

Мольеръ, Пьерретта, Дюпаркъ, Магдалина.

МОЛЬЕРЪ (*входя*). Что это ты, Дюпаркъ, говоришь о смерти?

ДЮПАРКЪ. Я не говорю о смерти.

МАГДАЛИНА. Лучше ли вамъ, другъ мой?

МОЛЬЕРЪ. Гораздо лучше, добрая сестра; что жъ это вы оба такъ печальны?

ДЮПАРКЪ. Вовсе не печальны.

МОЛЬЕРЪ (*указывая на Лафоре*). И она тоже.

ПЬЕРРЕТТА. Вамъ известно, что женщины отъ пустяковъ беспокоятся, — потому что ничего не знаютъ; мы вѣдь тоже въ своемъ родѣ «больные отъ мнѣнія» — за тѣхъ, кого мы любимъ; не такъ ли, мамзель Бежаръ? (*потихоньку дѣлаетъ ей знаки*).

МАГДАЛИНА. Конечно, моя милая Лафоре.

МОЛЬЕРЪ. Лафоре, Дюпаркъ — ступайте ко мнѣ и готовьтесь къ ужину, мы всѣ поужинаемъ вмѣстѣ и Брекуръ съ нами.... да гдѣ онъ? и гдѣ баронъ?

ДЮПАРКЪ. Брекуръ былъ здѣсь сейчасъ.

ПЬЕРРЕТТА. А г. баронъ костюмъ скидаетъ.

ДЮПАРКЪ. Но я бы тебѣ посоветывалъ лечь въ постель, Мольеръ, это для тебя будетъ лучше.

МОЛЬЕРЪ. Я лягу, если захочу, но неужели же отъ того, что я самъ плохой собесѣдникъ, домъ мой долженъ быть глухъ и нѣмъ съ десяти часовъ вечера?

ДЮПАРКЪ. Мы исполнимъ твою волю — я оставлю тебѣ свои носилки.

МОЛЬЕРЪ. Не нужно, не нужно... мнѣ лучше будетъ пройтись, — это же вѣдь такъ близко.... ступайте, ступайте! (*Дюпаркъ и Пьерретта уходятъ на лѣво*).

МАГДАЛИНА. Арманда еще не готова; позвольте мнѣ, Мольеръ, не покидать васъ здѣсь одного.

МОЛЬЕРЪ (*шепотомъ*). Да, сестра моя, оставайтесь!

ЯВЛЕНИЕ VI.

МОЛЬЕРЪ, МАГДАЛИНА.

МОЛЬЕРЪ (*сидясь на кресло*). Другъ мой, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ? Во все время нашей долгой и тихой дружбы, не случилось ли мнѣ, безъ моего вѣдома, невольно огорчить васъ?

МАГДАЛИНА. Къ чему этотъ вопросъ? никогда, конечно.

МОЛЬЕРЪ. Какъ, я никогда не огорчалъ васъ, я былъ всегда достоинъ вашей доверенности! — когда я клялся вамъ, что не люблю вашей сестры, не женюсь на ней никогда, я васъ же обманывалъ?

МАГДАЛИНА. Вы были убѣждены добросовѣстно.

МОЛЬЕРЪ. О да! клянусь Богомъ, а между тѣмъ — я не сдержалъ слова, даннаго вамъ, даннаго себѣ.

МАГДАЛИНА. Вы были свободны отъ него съ тѣхъ поръ, когда яснѣе чѣмъ вы сами, увидѣла я внутренность вашего сердца.

МОЛЬЕРЪ. Да, это такъ, благородная, кроткая дѣвушка! но я... не былъ ли я безумцемъ, эгоистомъ, слѣпцомъ.

МАГДАЛИНА. Къ чему все это, Мольеръ? Развѣ я подала вамъ поводъ сомнѣваться во мнѣ или въ васъ самихъ?

МОЛЬЕРЪ. Вы—никогда! вы чистый алмазь,—когда глядишься въ него, не видишь даже собственныхъ проступковъ — они исчезаютъ въ его блескъ!... О! сколько добра вы мнѣ сдѣлали—вы не скучали моими страданіями,—а нашлись между тѣмъ мерзавцы, которые оклеветали самое чистое чувство нашего сердца!

МАГДАЛИНА. Что вы хотите сказать, Мольеръ?

МОЛЬЕРЪ (*вставая*). Ничего, ничего — мы послѣ поговоримъ объ этомъ; нынче, я хочу только поручить вамъ дочь свою, вашу крестницу, мою маленькую Мадлену, радость моей жизни, горе мое при смерти—позаботьтесь о ней, другъ мой, сдѣлайте ее скромною, мужественной и доброй, какъ вы.

Пусть не старается она нравиться людямъ, пусть составитъ она счастье одного человека.... Привязанность, доброта!... О! женщина добрая... чего же другаго еще желать? (*увидавъ барсна, который всходитъ съ лѣвой стороны*). Вотъ баронъ; будьте спокойны, сестра моя, я покорился своей судьбѣ. (*Барону*). Иди же сюда!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Баронъ, Мольеръ, Магдалина.

МОЛЬЕРЪ (*взявши обѣихъ за руки*). Ну, теперъ, дѣти мои, когда я чувствую себя спокойнымъ и готовымъ на все,—я хочу благословить васъ на случай какой-нибудь болѣзни, которая можетъ лишить меня (*Баронъ трепещетъ*)—я не говорю: жизни — нѣтъ! но силы на время. (*Барону*). И тебѣ моя благодарность тоже, за нѣжныя заботы, которыми ты меня окружаешь, для которыхъ ты отрекаешься отъ молодости, торжествъ и удовольствій. Небеса награждать тебя, дитя мое; они дадутъ тебѣ нравственную силу, то есть талантъ— а за нимъ придетъ и слава,—но не будь тогда упоенъ ею: дѣлай, какъ я, который всегда искалъ недостатковъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ своей игрѣ, въ то время, когда другіе видѣли только хорошія ихъ стороны. Только тогда, когда вѣчно недоволенъ собою, можно достигать совершенства; если разъ ты доволенъ собою—другіе уже тобой не довольны, потому что ты не стремишься болѣе, не работаешь.... Вспомни меня, когда меня не будетъ болѣе.

БАРОНЪ (*сжимая его руки*). Боже—какъ холодны ваши руки!

МОЛЬЕРЪ. Ничего, ничего; я согрѣюсь на ходу.... Готова ли наконецъ Арманда?

МАГДАЛИНА. Я сбѣгаю, скажу ей, что вы ее ждете? (*Уходитъ. Баронъ надѣваетъ плащъ на Мольера, который идетъ тоже*).

МОЛЬЕРЪ. А я пойду пока, отдамъ приказанія на счетъ завтрашняго представленія (*выходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

БАРОНЪ (одинъ). Не знаю, испуганъ что ли я, но мнѣ кажется, что наступаетъ его послѣдній часъ... а жена его нисколько и не тревожится!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Баронъ, Арманда.

АРМАНДА (входя). Что же? воротится ли мы наконецъ домой?

БАРОНЪ. Но Мольеръ ждетъ васъ давно, сударыня.

АРМАНДА. Что жъ онъ не шелъ ко мнѣ въ уборную?

БАРОНЪ. Да, чтобы встрѣтить тамъ г. де Визе, челоуѣка, котораго онъ терпѣть не можетъ, да и подѣломъ!

АРМАНДА. Онъ бы встрѣтилъ у меня двухъ маркизовъ и совѣтника парламента.

БАРОНЪ. Онъ сегодня вечеромъ очень боленъ, сударыня, и не слѣдуетъ глушить его звонкими именами и титулами вашихъ великолѣпныхъ знакомствъ; вы знаете, что онъ не любитъ ужинать съ этою знатью, которую приглашаетъ не самъ.

АРМАНДА. Знать не считаетъ за слишкомъ большую честь ужинать съ комедіантами; я ихъ не звала, зная, что вы сегодня вечеромъ нашъ гость, мой милый.

БАРОНЪ (спокойно). О! вы прекрасно сдѣлали.

АРМАНДА. Удивляюсь, право, наставническому тону г. барона, которій ужинаетъ съ маркизами, и, говорятъ даже, съ дюшессами.

БАРОНЪ. Когда Мольеръ боленъ, я не ужинаю, я его не покидаю и не вожу къ нему людей, которые могутъ его беспокоить, предпочитая его спокойствіе моему удовольствію и его общество всякому другому.

АРМАНДА. Баронъ, вы рыщитесь, кажется, вывести меня изъ границъ всякаго терпѣнія. Подумайте объ этомъ хорошенько,—такія нравоченія могу я простить только ревности; что жъ это, опять что ли ревность по прежнему?

БАРОНЪ. Нѣтъ, сударыня—мое сердце такъ же спокойно. Близъ васъ, какъ ваша совесть вблизи отъ моего благодѣтеля.

у меня осталось къ вамъ только чувство глубокаго уваженія, которымъ я обязанъ жень Мольера....

АРМАНДА. А! такъ это, значить, правда, что вы влюблены въ кого-то?

БАРОНЪ. Отъ чего жь бы и не такъ, ударыня?

АРМАНДА. Поздравляю васъ, господинъ баронъ! *(Про себя)*
О! я за все отомщу!

ЯВЛЕНИЕ X.

Мольеръ, Баронъ, Арманда.

МОЛЬЕРЪ *(на второмъ планѣ, говоря съ работниками)*
Да, друзья мои—завтра Скарамушь и Итальянцы—послѣ завтра нашъ «Больной отъ мнѣнія» въ пятый разъ. Пожалуйста, чтобы все было готово къ четыремъ часамъ, и мы могли начать. Вы знаете, что я не могу больше по ночамъ работать.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ. О! будьте покойны, господинъ Мольеръ—только не ходите сегодня вечеромъ пѣшкомъ: холодъ ужасный и дождь идетъ съ вѣтромъ.

БАРОНЪ *(подходя къ Мольеру)*. Дождь идетъ! Побѣгу, отыщу вамъ носилки и велю принести сюда *(уходитъ на лѣво)*.

МОЛЬЕРЪ. Хорошо, мой другъ, хорошо.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Арманда, Мольеръ.

МОЛЬЕРЪ. Что это, Арманда — вы какъ будто плачете?

АРМАНДА. Мнѣ тяжело, мой другъ.

МОЛЬЕРЪ. Какъ, это все изъ-за доноса съера Монфлери? неужели не станеть у васъ силъ презирать эту глупость, о которой ни я, ни сестра ваша, нисколько не заботимся.

АРМАНДА. Въ волѣ сестры быть на столько мужественной, но подобныя клеветы достаются мнѣ дорого, и приводятъ меня въ ужасное состояніе.

МОЛЬЕРЪ. И какъ всегда, вы хотите выместить на мнѣ, что у меня такіе презрѣнные враги!

АРМАНДА *(вставая)*. Какъ, мой другъ, вѣчно упреки?

МОЛЬЕРЪ. Упреки! нѣтъ, если вы смотрите на это, какъ на жалобы ревности, вы обманываетесь... Арманда, эти жалобы я сдвинулъ давно въ сердце, и тамъ онѣ умерли.

АРМАНДА. Такъ вы уже меня не любите?

МОЛЬЕРЪ. Я не люблю тебя, Арманда!... я тебя браню, я тебя упрекаю, а все отъ того, что люблю тебя какъ дочь свою.

АРМАНДА. Какъ дочь вашу?

МОЛЬЕРЪ (*смущенный*). Моя дочь!... о, не достойныя. Они хотятъ осквернить это сладкое имя, которымъ я привыкъ звать тебя!.. Хотятъ отравить мнѣ такое честное, такое святое чувство, которое было для моего сердца вѣчною пристанью во всѣхъ буряхъ, его волновавшихъ (*падаетъ въ кресла*).

АРМАНДА. Не думайте объ этомъ, Мольеръ; я буду всегда любить его, это имя дочери, и потому-то, я ревную васъ къ г. барону, который тоже зоветъ васъ отцемъ.

МОЛЬЕРЪ. Ревнуете? вы ревнуете меня — къ моимъ привязанностямъ—давно ли это?

АРМАНДА. Съ тѣхъ поръ, какъ вы удостоиваете этой привязанности г. барона, который ея недостойнъ.

МОЛЬЕРЪ. Арманда, умоляю тебя—не смущай души моей изъ-за каприза; если баронъ даже неблагодаренъ—не говори мнѣ, не говори мнѣ.

АРМАНДА. Вы заграждаете мнѣ уста, Мольеръ,—я буду страдать молча: ахъ! вы очень перемѣнились ко мнѣ, потому что вы слѣпы до такой степени!

МОЛЬЕРЪ (*взволнованный*). Что это у васъ тамъ за бумага?... говорите скорѣй, подайте мнѣ ее сюда.

АРМАНДА. Нѣтъ, вамъ будетъ это очень тяжело, вы такъ любите г. барона!

МОЛЬЕРЪ. Г. барона... вѣчно г. баронъ. Говорите же наконецъ, что вы хотите сказать.

АРМАНДА. Мольеръ, это дѣло очень щекотливое.... Г. баронъ преслѣдуетъ меня своей любовью.... Меня возмущаетъ эта измѣна въ отношеніи къ вамъ, и я не могу быть такъ долго его сообщницей, перенося все молча: прошу васъ отказать ему отъ дому, не говоря за что.... общайтесь это мнѣ

МОЛЬЕРЪ. Все это мнѣ подозрительно: я не могу дать вамъ обещанія, пока вы мнѣ не дадите яснаго доказательства на обвиненіе.

АРМАНДА. Это мнѣ очень легко,—но смотрите же! мое доказательство въ обмѣнъ за ваше слово ничего не говоритъ барону.

МОЛЬЕРЪ. Общаю вамъ не говорить ему объ этомъ доказательствѣ,—мнѣ слѣдуетъ судить о немъ.

АРМАНДА: Мольеръ никогда не давалъ слова на вѣтеръ.

МОЛЬЕРЪ (*нетерпливо*). Вы это знаете—поскорѣй бумагу, дайте мнѣ бумагу....

АРМАНДА (*колеблясь*). Но Мольеръ....

МОЛЬЕРЪ. Дайте же, я требую (*Арманда трепещетъ и падаетъ ему письмо; Мольеръ читаетъ съ страннымъ спокойствіемъ*). «Арманда, вы не любите, вы никогда не будите любить Мольера—не правда ли? Онъ тоже не любить васъ, это не возможно; онъ слишкомъ важенъ для васъ, вы слишкомъ молоды для него.... молодость, любовь» (*читаетъ про себя*). Да, признаніе въ любви, общія мѣста (*сжимая письмо въ руку*). Любовное письмо, какъ всякое другое.

АРМАНДА (*съ безпокойствомъ*). Что же, Мольеръ?

МОЛЬЕРЪ (*вставая съ приговорнымъ спокойствіемъ*). Я ужъ больше не ревнивъ, я вамъ сказалъ это, Арманда,—но я прогону барона, поведеніе его не честно.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Баронъ, Мольеръ, Арманда.

БАРОНЪ (*входя съ лѣвой стороны*). Другъ мой, я нашелъ наконецъ носильщиковъ.... насилу отыскалъ въ кабакъ.... Они здѣсь.... угодно вамъ отправиться?

МОЛЬЕРЪ. Пусть они съ минутою подождутъ—мнѣ нужно говорить съ вами, баронъ.

АРМАНДА (*тихо Мольеру*). Какъ, при мнѣ?

МОЛЬЕРЪ (*такъ же*). Нѣтъ, возьмите носилки—и тотчасъ же приплите мнѣ ихъ назадъ.

АРМАНДА. Но помните о вашемъ обещаніи; не говорите ему....

МОЛЬЕРЪ. Я общалъ.

АРМАНДА. Да отдайте же мнѣ письмо!

МОЛЬЕРЪ. Идите, идите! (*Арманда уходитъ жалво*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МОЛЬЕРЪ, БАРОНЪ.

БАРОНЪ. Что вы прикажите мнѣ, отецъ мой?

МОЛЬЕРЪ. Твой отецъ?... точно ли я для тебя отецъ?

БАРОНЪ. О, да—нѣжный отецъ, и вы не усомнитесь никогда въ моемъ сердцѣ. Боже мой, какъ вы блѣдны! Верно вамъ хуже?

МОЛЬЕРЪ. (*съ сосредоточеннымъ гнѣвомъ*). Я здоровъ.

БАРОНЪ. Но ваши руки нисколько не согрѣлись...

МОЛЬЕРЪ. Мнѣ не выносимо холодно — но что нужды? въ этихъ рукахъ есть еще сила.

БАРОНЪ (*про себя*). Да—онъ сдавилъ совсѣмъ мои. (*громко*) Боже мой! да что съ вами?

МОЛЬЕРЪ. Баронъ, вы должны бы знать, кажется, что у васъ нѣтъ друга лучше Мольера!... О! не краснѣйте! я ни въ чемъ не хочу упрекать васъ; то, что я сдѣлалъ для васъ, первый встрѣчный съ какими-нибудь деньгами въ карманѣ и сколько, нибудь доброй душой, сдѣлалъ бы такъ же... но, чѣмъ я готовъ похвалиться передъ вами, баронъ, такъ это тѣмъ, что любилъ васъ, какъ отецъ любить сына—и за это, изволите видѣть, нельзя расплатиться словами; одною любовью платится за любовь, и если въ сердцѣ вашемъ нѣтъ къ Мольеру сильной и истинной дружбы,—Мольеръ самый несчастный отецъ, и у барона самое негодное сердце.

БАРОНЪ. Для чего вы мнѣ все это говорите, Мольеръ, и съ такимъ разгнѣваннымъ видомъ? Боже мой, чѣмъ могъ я оскорбить васъ?

МОЛЬЕРЪ. Вы неблагодарны, баронъ а я чувствовалъ всегда отвращеніе къ неблагодарнымъ, потому что никогда самъ таковъ не былъ, и не понимаю, чтобы можно было быть такимъ.

баронъ. Я неблагодарный? Богъ свидѣтель, что нѣтъ жертвъ, которыхъ бы я не захотѣлъ принести, и мукъ, которыя не счелъ бы славнымъ вытерпѣть, изъ любви къ вамъ.

мольтеръ. Слова, клятвы,—поди прочь, я тебя презираю.

баронъ. Отецъ мой.... возможно ли?

мольтеръ. Прочь, говорю я тебѣ, я теперь ничего для тебя.

баронъ (*про себя*). Это горячка.... это припадокъ безумія! (*громко*). Мольтеръ, пойдите домой, пойдите, вы больны.... Это раздраженіе.

мольтеръ. Я не боленъ, я не съумасшедшій: я владѣю вполне моимъ разсудкомъ, моими силами, и говорю вамъ, что вы предатель.

баронъ. Мольтеръ, я обязанъ все вытерпѣть отъ васъ.... но если правда, что я виновенъ, скажите же мнѣ въ чемъ, и если нужно искупить мою вину, вся кровь моя...

мольтеръ (*выходя изъ себя*). Напрасно притворство, сударь, и ваша наглость огромяетъ меня: я думалъ, что при первомъ словѣ вы убьете съ глазъ моихъ. Знайте же, что я не дамъ вамъ никакихъ объясненій и никакихъ не приму отъ васъ: уйдите, я пощажу васъ отъ позора быть публично выгнаннымъ изъ моего дома. Но здѣсь, я тоже у себя (*съ напряженностью*). Этотъ театръ тоже мой домъ, мое святилище, святилище торжества и ложе смерти! здѣсь хотѣлъ я возвысить васъ до себя талантомъ и добродѣтельно, чтобы оставить вамъ въ наслѣдство плодъ столькихъ трудовъ, горестей и заботъ! Вы воротитесь сюда, когда меня здѣсь не будетъ болѣе; но при жизни моей, нога ваша не будетъ здѣсь, потому что вы скверните мѣсто, которое очистилъ я любовью къ правдѣ и словами правды!

баронъ. Мольтеръ, я не угодилъ вамъ; я васъ оскорбилъ можетъ быть.... и между тѣмъ, могу поклясться тѣмъ, что я чту больше всего на свѣтѣ—вашимъ знаменитымъ именемъ, вашей славой, которая для меня священна, вашей добротой, которую цѣню я глубоко....

мольтеръ. Молчи! Ты не можешь даже пощадить меня отъ гора слышать изъ устъ твоихъ богохуленія! (*съ судоро-*

рожию смілою схватывая его за плеча и принудивъ упасть на колѣна). Такъ молодъ, съ такимъ яснымъ взглядомъ, съ такими чистыми чертами, и такой страшный развратъ въ сердцѣ... О! ты мнѣ противенъ... такъ бы кажется и убилъ тебя! (*отталкиваетъ барона, такъ что тотъ падаетъ*).

БАРОНЪ (*вмѣ себя, вставая*). О мой Боже, еслибъ вы не были моимъ благодѣтелемъ..

МОЛЬЕРЪ (*говоря самъ съ собою и не глядя на него*). Господи! потерять возможность уважать и любить то, что предпочиталъ я всему остальному въ мірѣ... лишиться милости короля, котораго любилъ я глубоко, быть вынужденнымъ заглушить въ груди-любовь, самую страстную и высокую, какую когда-либо чувствовалъ человекъ къ женщинѣ... дойти до того чтобы презирать человека, котораго вскормилъ я и воспиталъ, какъ собственного сына... Ахъ, теперь-то я старъ... старъ.. старъ... мнѣ сто лѣтъ!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

МОЛЬЕРЪ, БАРОНЪ, МАГДАЛИНА, ПЬЕРРЕТТА, ДЮПАРКЪ, КОНДЕ, БРЕКУРЪ, РАБОТНИКИ. (*Брекуръ и Дюпаркъ сбѣгаютъ съ льва, поддерживаютъ Мольера и ведутъ его къ креслу*).

БРЕКУРЪ. Мольеръ, встревоженные тѣмъ, что тебя долго нѣтъ, мы сами пришли.

ПЬЕРРЕТТА (*за кулисами*). Да, монсеньеръ, онъ еще здѣсь (*Конде входитъ съ Магдалиной и Пьерреттой*).

МАГДАЛИНА. Мольеръ! о Господи!

ПЬЕРРЕТТА. Помогите.... ахъ, Боже мой, помогите! (*входятъ всѣ работники, трое дѣорянъ свиты Конде и ослынавливаются пораженные*).

МОЛЬЕРЪ. Нѣтъ, не поможетъ ничто... кромѣ вашего сердца.—покой, молчаніе; молитесь, молитесь за меня. (*Всѣ работники падютъ на колѣни*). Богъ здѣсь, какъ и повсюду.

КОНДЕ (*подходя къ Мольеру*). Мольеръ, я видѣлъ Короля... Козни вашихъ враговъ пали въ прахъ передъ его къ вамъ благоволеніемъ, и, въ доказательство, онъ проситъ васъ къ себѣ, чтобы посоветоваться насчетъ устройства одного праздника... Въ состояніи ли вы присутствовать при Королевскомъ раздѣваньи?

мольтерь (*выходя из задумчивости*). Король! праздник! Мольерь! (*медленно падает въ кресла*). Принцъ, скажите Его Величеству, что его Мольерь умирасть!

конде (*держа за руку*). Отходить... Но вотъ что-то въ рукъ у него... его послѣдняя воля, конечно, которую мы должны обязать исполнить свято, пока онъ еще дышетъ... Читайте, г. баронъ.

баронъ. (*взявши бумагу*). Боже! вотъ что его убило.

дюпаркъ. (*хочетъ взять бумагу*). Что такое?

баронъ. (*отдавая письмо Брекуру*). Письмо, безумное и ребяческое письмо, которое писалъ я къ женѣ его до ея свадьбы... О Мольерь, о мой благодѣтель, ты не слышишь меня, я не могу оправдаться, и ты умрешь, проклиная меня (*рыдая падаетъ на колѣни*).

дюпаркъ. баронъ, ежели ты виноватъ въ его смерти... О! я тебя убью!

брекуръ. Нѣтъ, Баронъ не виноватъ; онъ любилъ Арманду, но побѣдилъ самого себя, и съ тѣхъ поръ, какъ она стала женою Мольера, баронъ былъ достоинъ Мольера. Отходящая въ вѣчность душа моего друга, великая душа лучшаго изъ людей, если ты можешь еще слышать меня—да оставяжь тебя гнѣвъ и горестъ!.. перейди съ миромъ въ лучший мѣръ, и знай, что вокругъ тебя только вѣрныя сердца въ эту минуту!

дюпаркъ. Увы! онъ не слышитъ болѣе.

мольтерь (*приходя въ чувства*). Нѣтъ, нѣтъ, я слышу. Баронъ—къ моему сердцу. (*Баронъ бросается къ ногамъ Мольера, который обнимаетъ его*). Прости умирающему... Ахъ! она... она убила меня... Я ее прощаю: Магдалина, сестра моя, друзья мои... благородный Конде, добрая моя Пьерретта... работники мои... Достойные люди! я покидаю васъ, не жалѣйте обо мнѣ... я такъ часто желалъ этой минуты... но, Господи, какъ тяжело умирать человеку.

брекуръ. Онъ еще дышетъ, отнесемъ его домой!

мольтерь (*подымаясь*). Да, я хочу умереть дома... я хочу благословить свою дочь.

конде (*подходя къ нему*). Обопритесь о меня, Мольерь.

дюпаркъ. О! потерять единственнаго человека, котораго я когда-либо любилъ!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНАГО ДѢЙСТВІЯ.

НАЕМНЫЕ ДРУЗЬЯ БОГАТЫХ РИМЛЯНЪ П В. ПО Р. X.

(ПО ЛУКІАНУ).

Сатирическія сочиненія Лукіана, писателя II в. по Р. X., въ высокой степени важны и любопытны. Ни у какого другаго писателя не найдете вы такой живой и яркой картины умственной и нравственной порчи тогдашняго греческаго общества. Съ одной любопытной стороною быта образованныхъ Грековъ этого времени подробно знакомить предлагаемое мною теперь въ сокращеніи сочиненіе Лукіана о наемныхъ друзьяхъ (Περὶ τῶν ἐπιμοῦρα σπυρίτων); въ немъ описывается жизнь Грековъ, поступавшихъ въ богатые римскіе дома на положеніи компаньоновъ и гувернеровъ.

Лукіанъ, не смотря на огромный талантъ, не былъ свободенъ отъ недостатковъ тогдашней реторики: самыя лучшія его сочиненія страдаютъ иногда многословіемъ, натянутыми, изысканными сравненіями и т. п. Потому я не вездѣ строго держался подлинника: многое опускалъ, кое-гдѣ немного измѣнялъ подлинникъ. Но форму подлинника удержалъ почти вполнѣ: Лукіанъ къ одному изъ своихъ друзей, имѣвшему намѣреніе поступить въ одинъ богатый римскій домъ, пишетъ письмо, которымъ старается отклонить его отъ этого намѣренія.

Многіе завидуютъ положенію такого наемника. Они говорятъ: друзья у него знатнѣйшіе люди въ Римѣ; онъ отлично обѣдаетъ, и при томъ не въ складчину (*); помѣщеніе, квартира у него отличная; въ дорогъ всевозможный комфортъ: лежить себѣ развалившись, въ коляскѣ, запряженной по модѣ бѣлыми лошадьми! и въ довершеніе всего получаетъ за все

(*) Пирушки у Грековъ по большей части устроивались въ складчину каждый участникъ вносилъ свою долю или деньгами, или натурою.

это еще жалованье, да и не маленькое! Просто, у нихъ 'все родится не съянное и не паханное.

Лукіанъ не удивляется, что этими прелестями увлекаются танцоры, музыканты, шуты, которымъ безъ богатыхъ людей нельзя жить: они ни на что другое не годятся; но видѣть въ такомъ положеніи людей образованныхъ, грамматиковъ, т. е. ученыхъ, реторовъ, философовъ, видѣть ихъ въ такомъ положеніи возмутительно для Лукіана. Онъ разбираетъ причины, по которымъ образованные, ученые люди избираютъ жизнь при богачахъ. Сами они ссылаются на бѣдность, на неспособность заниматься тяжелыми трудами, которые бы обезпечивали ихъ насущный хлѣбъ. Лукіанъ говоритъ имъ (и слѣдующимъ за тѣмъ описаніемъ доказываетъ), что они отъ бѣдности такую жизнь не спасаются, а только на всегда отдаются ей; что трудовъ въ такой жизни еще больше, чѣмъ во всякой другой. Самъ Лукіанъ находитъ причину влеченія къ такой жизни въ желаніи жить получше, понязище; и очень удачно сравниваетъ тѣхъ, которые увлекаются такою жизнью, съ любовниками, которые волочатся за отчаянными кокетками: какъ онъ, такъ и богачи только заманиваютъ въ свои сѣти неопытныхъ и неблагоразумныхъ любовниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе жизни наемныхъ друзей. Мы будемъ описывать ее словами Лукіана.

Даже и попасть въ богатый домъ не легко. Нужно для этого много бѣгать; нужно съ ранняго утра весь день сторожить у дверей. Когда вытолкаютъ тебя, не пустягъ въ домъ, обругаютъ безстыдникомъ, надобдливимъ, — все сноси терпѣливо! Подчиняйся прихоти варвара привратника, варвара швейцара; плати имъ еще, чтобы они запомнили твое имя; издерживай послѣднія твои деньги на платье, выбирай цвѣта, которые нравятся господину, за которымъ ты ухаживаешь; а то вооружишь его противъ себя. Слѣдуй повсюду за нимъ, точнѣе — открывай ему дорогу подъ толчками его слугъ. Много дней пройдетъ, а онъ и не посмотритъ на тебя. Наконецъ ты удостоился этого счастья. Онъ замѣтилъ тебя, подзываетъ, спрашиваетъ, что придетъ ему въ голову... Тутъ-то начинается въ тебѣ тревога! Потъ градомъ, голова

страшно кружится, ты дрожишь.... вовсе не кстати: своихъ замѣшательствомъ только тышишь тѣхъ, которые при этомъ присутствуютъ. Тебѣ нужно, напримѣръ, отвѣчать на вопросъ: «кто былъ царь Ахеевъ?» а ты говоришь: «у нихъ было тысяча кораблей» (*). Честные и добрые люди отнесутъ это къ застынчивости; наглецы назовутъ трусостию; а кто желаетъ тебѣ зла, — невѣжествомъ. Воспользовавшись такъ неудачно первою милостию знатнаго барина, ты уходишь, проклиная свою глупую ненаходчивость.

Когда наконецъ «много бессонныхъ ночей проведешь ты и дней кровавыхъ,» (**) да и не изъ-за Елены, не изъ-за Пергама Пріамова, а изъ-за пяти оловъ, чаемыхъ тобою (меньше 20 к. сереб.), когда судьба пошлетъ тебѣ какого-нибудь трагическаго бога (*deus ex machina*), который тебя представить: тогда тебя экзаменуютъ! Богачу-то въ это время ничего; нельзя сказать, чтобы ему было неприятно: его хвалятъ, прославляютъ. А тебѣ.... тебѣ кажется это борьбою на жизнь и смерть. Тебѣ приходитъ на мысль, что вотъ тебѣ этотъ господинъ откажетъ; тогда и другіе тебя не примутъ! Сердце твое разрывается на части. Ты съ завистию смотришь на тѣхъ, которые вмѣстѣ съ тобою экзаменуются (предположи, что и другіе добиваются того же счастья); всѣ свои отвѣты находишь неудовлетворительными; боишься и надеешься! Не отводишь глазъ отъ лица экзаменатора: если онъ въ рѣчахъ твоихъ что-нибудь похулитъ, ты совсѣмъ теряешься; а если онъ слушаетъ тебя съ улыбкою, ты радуешься, оживаешь. Само собою разумѣется, у тебя много противниковъ, соперниковъ: каждый изъ нихъ тайно, изъ засады, мечетъ на тебя стрѣлы. Представь еще вотъ что: человека съ длинной бороною, съдаго—экзаменуютъ! въ его же присутствіи судачать о немъ! говорятъ одни въ его пользу, другіе противъ его! А между тѣмъ развѣдываютъ обо всей твоей прошлой жизни; и стоитъ только сосѣду твоему или кому другому

(*) Царемъ, главнымъ предводителемъ Ахеевъ (такъ назывались обитатели Греки, дѣйствующіе въ Илиадѣ и Одиссее), ходившихъ подъ Трою, былъ Агамемнонъ.

(**) Гом. Илиад. IX, 528

казать, что ты развратникъ, или другое что-нибудь въ родѣ этого, — слова его принимаются всѣми, словно воля Зевесова. А если всѣ единогласно тебя похваляютъ, опять бѣда! скажутъ: «что-то подозрительно! видно, онъ подкупилъ ихъ». И такъ тебѣ нужно много благопріятныхъ обстоятельствъ, и ни одной, рѣшительно ни одной помѣхи! Только въ такомъ случаѣ ты успѣешь.

Хорошо! Все тебѣ удалось, даже лучше, чѣмъ какъ ты мечталъ. Онъ (богачъ) самъ похвалилъ твои рѣчи; тѣ изъ его друзей, которые познатнѣе и пользуются особеннымъ довѣріемъ его въ этихъ дѣлахъ, братъ тебя не отсовѣтываютъ; и жена этого хочетъ; и управитель съ дворецкимъ не противъ; жизни твоей никто не осудилъ; все мирно, все улажено!

Послѣ такого блистательнаго успѣха, (который Лукіагъ сравниваетъ съ побѣдою на олимпійскихъ играхъ, со взятіемъ Вавилона и т. п.) следовало бы, кажется, тебѣ отдохнуть, заниматься только тѣмъ дѣломъ, для котораго ты нанятъ; остальное время спать въ растяжку, и исправно получать жалованье. Не тутъ-то было.

Начну съ перваго обѣда, которымъ, какъ водится, угоститъ тебя твой меценатъ въ ознаменованіе вашего будущаго сожитія. Вотъ приходитъ звать тебя ловкій, обходительный лакей. Прежде всего тебѣ нужно задобрить его, сунуть въ руку никакъ не менѣе пяти драхмъ (около 115 к. сер.); а то покажешься человѣкомъ не свѣтскимъ, незнающимъ обхожденія. Тотъ сперва поломается, скажетъ тебѣ: «Полноте-съ! подите вы! мнѣ братъ съ васъ?... право, ни за что!» Наконецъ согласится, и уйдетъ, отъ души хохоча надъ тобою. Ты же вынешь чистое платье, вымоешься, принарядишься какъ можно лучше, и отправляешься. Нужно знать, когда и къ обѣду явиться: раньше другихъ прійти не принято, — показываетъ незнаніе приличій; позже всѣхъ прійти тоже не хорошо, — отнесутъ къ занѣсчивости. И такъ, улучивъ настоящую пору, ты входишь. Тебя принимаютъ отлично, съ большимъ почетомъ; берутъ за руку; кладутъ немного выше хозяина, послѣ двухъ-трехъ самыхъ лучшихъ, старинныхъ друзей его. Ты же — словно вошелъ въ домъ Зевесовъ

и все дивишься, всѣмъ, что ни происходитъ передъ тобою, восхищаешься. Все тебѣ ново, незнакомо. Прислуга на тебя смотритъ, каждый гость тоже наблюдаетъ за тобою: что-то ты станешь дѣлать. Самъ даже хозяинъ озабоченъ: если ты слишкомъ часто станешь поглядывать на жену, дѣтей, велить слугамъ присматривать за тобою. Слуги, видя твое смущеніе, смѣются надъ твоею неопытностію; изъ того, что для тебя новость салфетка, заключаютъ, что ты прежде никогда въ порядочномъ домѣ не обѣдалъ. Ты, естественно, потѣеешь отъ замѣшательства. Тебѣ хочется пить, — и ты не рѣшаешься попросить, чтобы не прослыть пьяницею; передъ тобою лежатъ разные плоды, искусно разложенные, — ты не знаешь, къ чему прежде протянуть руку, къ чему послѣ; и поглядываешь искоса на сосѣда, дѣлаешь, что онъ; и такимъ образомъ замѣчаешь порядокъ обѣда. Словомъ, ты растерялся, смущаешься всѣмъ. То думаешь: «какъ счастливъ этотъ господинъ! у него и золото, и слоновая кость; во всемъ роскошь!» то жальешь о себѣ: «а какъ я-то ничтоженъ! а еще туда же, воображалъ, что живу! Что это за жизнь!» Иногда приходитъ тебѣ на мысль, что вотъ и ты теперь будешь всѣмъ этимъ пользоваться.

Начинается заздравное питье. Хозяинъ потребовалъ огромный кубокъ, пьешь твое здоровье, величая тебя *ушительмъ* или другимъ подобнымъ именемъ. Ты берешь отъ него кубокъ, тебѣ нужно что-нибудь такое же сказать ему: но ты по неопытности не знаешь, что сказать, — и даешь поводъ считать тебя пельжею. Этотъ заздравный кубокъ возбудилъ уже зависть къ тебѣ въ старыхъ *друзьяхъ* богача; да и при самомъ уже началѣ обѣда ты оскорбилъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сегодня только пришелъ, и предпочтенъ имъ, много ужъ лѣтъ выносившимъ рабство. И заводятъ они межъ собою такой разговоръ: «Вотъ еще, говорить одинъ, чего недоставало въ нашихъ неприятностяхъ: быть ниже тѣхъ, которые только что вошли въ домъ. Однимъ этимъ Гелленамъ и открытъ городъ Римлянъ! А за что ихъ намъ предпочитаютъ? Ужъ не думаютъ-ли они, что приносятъ Богъ вѣсть какую пользу своими жалкими декламациями?» — «А замѣтилъ ты, прибавля-

еть другой, сколько онъ выпить, сколько сожрать? Все, что ни лежало передъ нимъ, все стащилъ. Не воспитанный человекъ! да и проголодался же онъ жестоко. И во снѣ-то, видно, не вдалъ блага хлѣба; о цесаркахъ и фазанахъ и говорить нечего. Благо, еще косточки намъ оставилъ.»—«Эхъ вы, перебиваетъ третій, пустой народъ! Вотъ увидите, и пяти дней не пройдетъ, какъ его тутъ же, съ нами, будутъ угощать. Теперь онъ въ чести и въ холь, точь въ точь новые башмаки. Когда же ихъ поносятъ, понстопчатъ, позапачкаютъ въ грязи,—кидаютъ подъ кровать самымъ непристойнымъ образомъ, и тамъ они валяются, всѣ въ клопахъ. Тоже и съ нимъ будетъ».—Такъ-то они о тебѣ судачатъ, и готовятся уже сплетничать, клеветать на тебя.

Весь этотъ пиръ твой, въ честь твою. Большая часть разговоровъ ведется о тебѣ. Ты же по непривычкѣ хватилъ сверхъ мѣры тонкаго, но крепкаго вина. Тебѣ нужно выйти.... Какъ тутъ быть? и подняться прежде другихъ нехорошо, и оставаться небезопасно.... А попойка тлется; рѣчи идутъ за рѣчами, представленія за представленіями (*) (хозяинъ хочетъ показать тебѣ всю свою роскошь). А ты въ это время выносишь жестокую пытку; не видишь, что дѣлается кругомъ тебя; не слышишь, когда поютъ, или когда какой-нибудь молодець, всѣми прославляемый, играетъ на клаварѣ. И ты долженъ все хвалить! а въ душѣ молишься, чтобы все это провалилось сквозь землю, или чтобы гдѣ-нибудь открылся пожаръ: авось тогда бы кончилось пиршество.

Вотъ тебѣ, мой другъ, этотъ первый роскошный обѣдъ. По мнѣ онъ не вкуснѣ простой зелени, приправленной солью, когда я могу ѣсть ее, сколько хочу и когда хочу. Утромъ на слѣдующій день (не стану распространяться объ отрыжкѣ, о рвотѣ, которая будетъ у тебя ночью), утромъ вамъ нужно будетъ условиться о цѣнѣ, по сколько и въ какіе сроки получать тебѣ жалованье. Твой Меценатъ призываетъ тебя, велитъ садиться, и въ присутствіи двухъ, трехъ друзей начинаеть такую рѣчь: «каково наше состояніе, ты имѣлъ уже случай видѣть,

(*) На пиршествахъ Грековъ и Римлянъ играли музыканты, танцовали искусныя танцовщицы, показывались фокусы и т. п.

видѣлъ, что хвастовства тутъ нѣтъ ни капли, все просто, прозаично, обыкновенно. Тебѣ слѣдуетъ вести себя такъ, какъ бы у насъ съ тобою все было общее. Да и смѣшно-бы было, если бы я самое важное и дорогое для меня, мою душу или душу дѣтей (если у нанимающаго есть дѣти, требующіе образованія) поручилъ тебѣ, а надъ остальнымъ не считалъ бы тебя равнымъ мнѣ господиномъ. Но все таки нужно кое въ чемъ условиться. Я вижу, — характеръ твой умѣренный; ты въ себѣ самомъ находишь довольство; понимаю и то, что ты не въ надеждѣ на большое жалованье вошелъ въ нашъ домъ, а ради расположенія нашего и ради почета, которымъ ты въ глазахъ всѣхъ будешь пользоваться. А все таки нужно и кое-какія условія сдѣлать. Такъ ты самъ скажи, чего ты хочешь. Не забывай впрочемъ и того, что по годовымъ праздникамъ мы будемъ дѣлать тебѣ подарки. Мы этого не выпустимъ изъ виду, хоть теперь и не условливаемся. А ты знаешь, въ году много такихъ случаетъ. И такъ, сообразуясь съ этимъ, ты, я надѣюсь, назначишь жалованье поумѣренное. Ведь вамъ ученымъ и слѣдуетъ стоять выше корыстолюбія.» Этой рѣчью онъ разбиваетъ всѣ твои надежды и совершенно тебя опутываетъ. Ты, мечтавшій когда-то о талантахъ (талантъ 1365 р. сер.), о тысячахъ, о поляхъ и дачахъ, ты по немногу начинаешь понимать его скряжничество; а все таки обещанія его соблазняютъ тебя; слова: все у насъ будетъ общее, считаешь ты истинными и непреложными; а того не знаешь, что такія вещи «губы еще замочать, а нѣба не замочать;» (*) наконецъ, изъ застычивости, ты предоставляешь ему самому опредѣлить условія. Онъ отказывается, и поручаетъ кому-либо изъ присутствующихъ при этомъ друзей вступить въ это дѣло и назначить цѣну, которая была бы и ему не отяготительна (у него много издержекъ *понуужнѣ* этихъ), и для нанимающагося не обидна. Этотъ другъ, старый плутъ, съ измала выросшій въ лести, такъ говоритъ: «ты долженъ согласиться, что ты счастливѣе всѣхъ въ этомъ городѣ: тебѣ достается то, чего многіе отъ судьбы добиваются, и едва-едва получаютъ. Я разумно: удостоиться сожитія, раз-

(*) Гом. Млад. XII, 498.

дѣлать очагъ этого господина, быть приняту въ первый домъ въ Римѣ. Это выше талантовъ Креза, выше богатства Мидина! (*) Ты съ этимъ согласишься, если только знаешь цѣну вещамъ. Я увѣренъ, жить съ нимъ желали-бы даже многіе знатные люди, хотя бы имъ пришлось и приплатить что-нибудь за это, — изъ за одной славы, чтобы посторонніе видѣли ихъ товарищами и друзьями его. Потому не знаю, какъ описать твое счастье: ты еще жалованье будешь получать за такое блаженство. Потому полагаю, достаточно для тебя столько-то,» — скажетъ сущую малость, особенно по твоимъ ожиданіямъ. Дѣлать нечего: нужно быть довольну и этимъ. Да и ускользнуть тебѣ, коли ужъ разъ попалъ въ сѣти, невозможно. Берешь въ зубы удила, отдаешься во власть Мецената; тѣмъ болѣе, что сначала онъ не слишкомъ затягиваетъ ихъ, не слишкомъ больно прищипываетъ тебя, пока ты, — и самъ не заметишь, какъ, — пока ты не сдѣлаешься совершенно ручнымъ.

Съ этого времени посторонніе завидуютъ тебѣ, видя, что ты живешь за рѣшеткой, отдѣляющей ихъ отъ богача; приходишь за нее безвозбранно, сталъ однимъ изъ домашнихъ, изъ самыхъ близкихъ людей. Ты же самъ еще не видишь, почему имъ кажется ты счастливымъ. Все таки ты радъ, обманываешь самого себя, думаешь, что впередъ все будетъ лучше и лучше. А выходить на оборотъ! дѣла твои каждый день плошають, все пятятся назадъ. Мало по малу ты начинаешь прозревать; начинаешь понимать, что тѣ золотыя твои надежды были ничто иное, какъ золотистыя мыльные пузыри; а труды въ новомъ твоёмъ положеніи тяжёлы, дѣйствительны, не мечта, неизбежны, безпрестанны. Теперь ты можетъ быть еще спросишь: что-же это за труды? Я не вижу, что труднаго въ такой жизни; не могу понять, что ты находишь тутъ утомительнаго и невыносимаго. Такъ послушай-же меня, любезный другъ; вникни не только въ то, возможна-ли въ этой жизни усталость, но даже нѣтъ-ли въ ней низости, безчестія. Слушай внимательно.

(*) Мидя (Мидасъ), мидяскій фригійскій царь, известный тѣмъ, что имѣлъ безразсудное желаніе обращать все въ золото.

Прежде всего, съ этого времени не считай себя свободнымъ, забудь о своемъ благородномъ происхожденіи. Все это, родъ, свободу, предковъ, — все это ты оставишь за порогомъ, лишь только продашь себя на это служеніе. И такъ ты непременно будешь рабомъ (какъ хочешь, оскорбляйся этимъ словомъ), и рабомъ-то не одного человека, а многихъ. Съ утра до вечера, поникши головою, ты будешь служить—за неподобную плату. (*) И такъ какъ ты не выросъ въ рабствѣ, поздно, на старости лѣтъ, принялся за эту науку, то ты никакъ передъ другими не отличишься. Потому баринъ не слишкомъ будетъ тебя жаловать. Тебя портить воспоминаніе о прежней жизни; оно коробитъ иногда твое сердце,—и отъ того ты плохослуживъ. Можетъ быть, впрочемъ, ты полагаешь, что тебѣ для свободы достаточно ужъ того, что ты не сынъ Пиррія или Зопріона (*имена рабовъ*), что горластый бирючь не кричалъ на площади о твоей продажѣ, какъ кричигъ онъ о какомъ-нибудь Виенянинѣ. Но.... когда ты, любезный, въ первое число мѣсяца, обокъ съ Пиррією и Зопріономъ, протянешь руку подобно прочимъ слугамъ и возьмешь слѣдующее тебѣ жалованіе: о! это ужъ значить, что ты проданъ. Ненужно было бирюча для того человека, который самъ себя былъ бирючемъ, который такъ долго, такъ усердно искалъ себя барина. Такъ-то, мерзавецъ! сказалъ бы я такому человеку, особенно если онъ мыслящій человекъ. Такъ-то! Если бы ты плылъ на корабль и тебя взял въ плѣнъ, продалъ кому-нибудь непріятель или разбойникъ, вѣдь ты бы жаловался: вотъ, молъ, за что терплю?—Если бы кто-нибудь схватилъ тебя и выдалъ за своего раба, вѣдь ты бы воззвалъ къ законамъ, страшно бы огорчался, негодовалъ, громко кричалъ-бы. о земля, о боги! А самъ себя, за нѣсколько оловъ, въ такія лѣта, когда если бы ты былъ и природнымъ рабомъ, время бы уже тебѣ подумать о свободѣ, самъ себя ты продалъ вмѣстѣ и съ добродѣтелью и съ мудростію. Ты не устыдился тѣхъ рвчей, которыя говорили изящный Платонъ, Хрисиппъ, Аристотель, тебѣ не совѣстно стоять на одной доскѣ со льстецами, пошла-

(*) Пародія стиха Одисс. XIX. 341.

ками, шутами; ты одинъ среди толпы Римлянъ пируешь на шумныхъ, многочисленныхъ пиршествахъ, среди всякой сволочи, ты хвалишь все безъ стыда, пьешь сверхъ мѣры, на зарѣ встаешь по звонку, лишаешь себя самаго пріятнаго сна, бѣгаешь взадъ и впередъ, не смывъ еще на ногахъ вчерашней грязи. Неужели у тебя не достало зелени, не хватило ключевой воды?... Ты похожъ на обезьяну на привязи: она возбуждаетъ общій смѣхъ,—а воображаетъ, что ей славное житье: много смоквь!

Барину твоему мало нужды до наукъ, ради которыхъ онъ взялъ тебя: что общаго, говорить пословица, у осла съ лирою? и въ самомъ дѣлѣ, посмотри: вѣдь совсѣмъ онъ бѣдняга исчахъ отъ страсти къ Гомеровою мудрости, къ Демосоенову краснорѣчію, къ Платоновой возвышенности... Но у тебя длинная борода, важная наружность, ловко накинуть гелленскій гиматій; всѣ знаютъ тебя за граматика, ретора, философа. Такъ ему и кажется, что недурно и такого чело-вѣка присоединить къ толпѣ провожатыхъ: тогда онъ покажется любителемъ гелленскихъ хитростей и мудростей, вообще просвѣщенія. По всему видно, онъ нанялъ не диковинныя твои рѣчи, а твою бороду, твой тривонъ (*истертый, грубый гиматій, — принадлежность спойковъ*). Потому нужно, чтобы тебя всегда съ нимъ видѣли, чтобы ты ни на шагъ отъ него не удалялся. Съ ранняго утра ты долженъ выставлять себя на показъ, а онъ дорогой изрѣдка положить тебѣ на плечо руку и станеть болтать, о чемъ ему вздумается, показывая встрѣчнымъ, что онъ и на улицѣ не забываетъ музъ. Ты, жалкій, слѣдуешь за его носилками, то бѣгомъ, то шагомъ, то подъ гору, то на гору; потъешь, задыхаешься. Онъ зайдетъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, болтаетъ съ нимъ; а ты стой въ передней; и състь тебѣ негдѣ! отъ нечего дѣлать вынешь книгу и читаешь...

Наконецъ, когда ты, не ѣвши, не пивши, протаскаешься за нимъ до ночи: вымывшись кое-какъ и не въ свое время, являешься около полуночи къ обѣду, не пользуясь уже прежнимъ почетомъ и вниманіемъ! Чуть поступить кто-нибудь посвѣжѣе да помоложе, тебя все назадъ да назадъ! Такимъ обра-

зомъ ты, загнавный ужъ въ самый непочетный уголъ, лежишь себѣ, будучи только свидѣтелемъ обносимыхъ кушаній; съ жадностію, какъ собака, глодаешь кости, и то если дойдутъ до тебя; или жесткіе листья, въ которые обертываются кушанья (въ родѣ *cotelettes en papillotes*). Даже цѣлаго яйца тебѣ не достается. И птица не такая, какъ другимъ: почетному гостю жирная и мясистая, а тебѣ полцыпленка или голубъ такой, что зубы сломаешь. Если кто явится послѣ начала обѣда, слуга отнимаетъ и то, что ты уже взялъ, и бормочетъ: ты нашъ! И вино-то тебѣ даютъ дрянное. Потому ты пьешь въ золотомъ или въ серебряномъ сосудѣ, чтобы не замѣтили цвѣта вина. Да и того иногда не достается: попросишь, а слуга будто и не слышитъ тебя.

Если при этомъ какой-нибудь лакей наушникъ донесетъ на тебя, что ты за столомъ одинъ не похвалилъ пляски или игры на киварѣ барынина любимца,—тебѣ еще готовится опасность, и немалая. Потому тебѣ нужно, хоѣ бы тебя томила жажда пуше, чѣмъ лягушку на песокъ, — кричать изо всѣхъ силъ, чтобы замѣтили тебя; а иногда, даже когда другіе ужъ замолчатъ, крикнуть какую-нибудь обдуманную лесть.

Ты голодаешь, томишься жаждою, — и умащень разными мастями, на головѣ твоей вѣнокъ... Да это забавно! Знаешь, на что ты тогдаходишь? На памятники надъ умершими. Надъ ними, творя по умершимъ поминки, льютъ благовонныя масти, украшаютъ ихъ вѣнками; а сами пируютъ и пьютъ...

Опасность твоя со стороны клеветы еще болѣе увеличивается, если у твоего барина молодая жена или дочь. При томъ ты самъ чувствуешь, что негодишься на ту службу, на которую нанялся: разные шуты, музыканты, плясуны больше тебя здѣсь выиграютъ. Ты самъ чувствуешь, что твоя наружность, твоя борода, твой важный видъ, не гармонируетъ съ этой компаніей. А вздумаешь подражать имъ, то не только другимъ, самому становится скверно.

Безпрестанные труды зараждаютъ въ тебѣ чахотку, одышку, ревматизмъ, подагру. Тебѣ часто нужно слечь въ постель, а ты крѣпишься. Сочтутъ, пожалуй, болѣзнь за

выдумку, за уклоненіе отъ обязанностей. Ты блѣдень, походишь на умирающаго.

Когда наступитъ праздникъ, тебѣ дарятъ какую-нибудь плохенькую, гнилую одежонку. За нѣсколько еще дней передъ этимъ является къ тебѣ слуга, подслушавшій разговоръ барина: ты дашь ему за это порядочное вознагражденіе. Въ самый праздникъ утромъ приносятъ ее тебѣ, — человекъ тринадцать! Каждый твердитъ: «Я много разъ заводилъ съ бариномъ разговоръ объ этомъ. — Я напомнилъ. — Я выбралъ самую лучшую вещь». Всѣмъ нужно дать, и она еще, уходя отъ тебя, ворчатъ, что мало далъ.

А тебѣ самому платится жалованье по два, по четыре овола (7—15 к. сер.) И еще, когда напомнишь о немъ, называютъ тебя человекомъ тяжелымъ, безпокойнымъ. Да и не получишь безъ того, чтобы не поклоняться, не польстить. Этого мало: умасли дворецкаго, не забудь домашнихъ друзей. Что получишь, то, разумѣется, сейчасъ же отдашь портному, сапожнику, лекарю.

Вотъ какія пріятности предстоятъ тебѣ въ городѣ. А въ дорогѣ, когда вздумается твоему барину куда-нибудь выѣхать, — еще большія. Вы выезжаете; въ этотъ день, какъ нарочно, идетъ сильный дождь; всѣ увѣхали, а ты ждешь. Наконецъ, когда уже всѣ отправятся, тебя посадятъ вмѣстѣ съ поваромъ или парикмахеромъ барыни; не подстелютъ даже соломы, сколько нужно. Бываетъ иногда еще хуже. Вотъ какая исторія случилась съ Фесмополидомъ, съдымъ, бородачымъ стоикомъ. Онъ былъ компаньономъ у одной барыни. Быть компаньономъ у лицъ, принадлежащихъ къ прекрасному полу, еще хуже, чѣмъ у мужчинъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ римскихъ барынь хлопчуть о томъ, чтобы имъ твердили, что онъ и образованный, и умный; что стихи ихъ немного хуже Сафиныхъ. Потому онъ таскаютъ тоже за носиками грамматиковъ, реторовъ, философовъ. Слушаютъ-же ихъ (и это потѣшно!) или во время туалета, когда имъ волосы убираютъ, или за обѣдомъ: въ другое время нѣкогда! Часто случается, что въ то время, когда философъ излагаетъ свое ченіе, войдетъ горничная и подастъ ей *billet doux*. Тогда

разговоры о добродѣтели на время прекращаются, пока она ответить; потомъ опять начинаются. Такую роль игралъ при одной римской барынь съдой, бородатый стоикъ Ѳесмополидъ. Однажды они ѣхали куда-то. Не стану описывать разныхъ проказъ, какія выкидывалъ шутъ (кинедъ) барыни, помещенный по распоряженію ея въ одну съ нимъ повозку. Среди дороги она начала съ нимъ такую рѣчь: «Ѳесмополидъ! окажи мнѣ услугу, услугу не пустую. Пожалуйста не отговаривайся; не заставь долго просить себя». Ѳесмополидъ далъ слово исполнить ея желаніе. «Я вижу, ты человекъ честный, рачительный, любящій. Потому прошу тебя вотъ о чемъ. Ты знаешь мою собачку Миррину: возьми ее къ себѣ въ повозку, береги ее; позаботься, чтобы она ни въ чемъ не терпѣла нужды. Она бѣдненькая скоро родить. А эти проклятые ослушники лакеи не только о ней, обо мнѣ не слишкомъ заботятся. Такъ побереги мою миленькую собачку.» Ѳесмополидъ согласился.—Что потомъ было, прочтите у Лукіана...

Наконецъ къ довершенію всего—тебя прогоняютъ. У тебя много враговъ; они стараются при всякомъ случаѣ очернить, оклеветать тебя передъ бариномъ. А тотъ охотно всему вѣрить; ему ужъ хочется отдѣлаться отъ тебя: онъ видитъ, что ты отъ безпрестанныхъ трудовъ усталъ, изнурился, хромаешь на службѣ, что у тебя начинается подагра. Потому придирается къ чему-нибудь совершенно несправедливо и ночью выталкиваетъ тебя въ зашей. Ты уходишь отъ него безо всего, ни на что негодный, наживши только на старости лѣтъ красавицу подагру, да разучившись всему, что когда-то зналъ, да отростивши брюшко—ненасытнаго и неумолимаго злодѣя: къ простой и умѣренной пищѣ теперь тебѣ ужъ трудно привыкнуть даже. Другое такое-же мѣсто тебѣ почти невозможно найти: ужъ по тому, что я сейчасъ сказалъ о томъ, какимъ ты выйдешь изъ дома прогнавшаго тебя барина, ужъ по тому только едва-ли кто тебя приметъ. А тутъ еще тотъ, кто прогналъ тебя, постарается въ оправданіе свое распустить слухи, что ты развратникъ, отравитель и т. п. Ему всегда повѣрять: никому не придетъ и въ голову наводить справки о томъ, справедливы-ли его слова. А ты... ты Гел

лень, значить, характера пустаго, способенъ на всякія штуки.

Всѣхъ насъ Гелленовъ считаютъ такими, и имѣютъ основаніе. Многіе изъ насъ вступаютъ въ дома богатыхъ Римлянъ, не зная ничего путнаго и полезнаго; потому берутся за гаданія, отравленія; заговариваютъ, колдуютъ. Притомъ большая часть изъ насъ льстецы, падки на деньги. Наконецъ наемному другу легко познакомиться съ семейными и другими тайнами знатнаго господина. А эти тайны частенько бываютъ куда какъ не красивы! Естественно, ему нужно позаботиться, чтобы, если вздумается тебѣ рассказывать о нихъ, никто тебѣ не повѣрилъ; и для того онъ чернить тебя.

Такъ описываетъ Лукіанъ быть ученаго наемника въ римскихъ домахъ. Кажется, пояснить тутъ нечего: вы видите его во всѣхъ положеніяхъ; знаете жалованье этихъ господъ — 5 оловъ въ день, — въ годъ, то есть, около 70 р. сер!... присутствуете при заключеніи условій между нанимающими и нанимающимся, и т. д. Немного дошло до насъ отъ классической древности сочиненій, которыя бы такъ наглядно и такъ подробно знакомили насъ съ древнею жизнью!

Б. Ордынский.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА,

I.

Вы уже не однократно желали получить отъ меня физиологическія письма, и я не рѣдко собирался удовлетворить вашему желанію. Но всякій разъ, какъ я ни принимался, непреодолимая робость приводила въ замѣшательство всѣ мои мысли. Созданіе научныхъ произведеній представляетъ столько же трудностей, сколько и созданіе художественныхъ. Необходимо, чтобы онѣ не только замѣшлялись, но и выполнялись въ часы свободнаго досуга и силы. Что мы обязаны дѣлать, то мы часто дѣлаемъ не охотно, между тѣмъ какъ

не рѣдко какое-нибудь внѣшнее, по видимому случайное обстоятельство, порождаетъ въ насъ рядъ внутреннихъ мыслей, возбуждающихъ насъ къ самой энергической дѣятельности. Гёте утверждалъ, что случайныя стихотворенія всегда удаются всѣхъ лучше, и характеризуя свою собственную натуру выраженіемъ «объективное мышленіе», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какому направленію должны слѣдовать натуральные философы въ своихъ созерцаніяхъ. Я всегда посоветую естествоиспытателю идти по этому направленію, въ особенности, когда ему нужно будетъ выдти изъ тѣснаго круга специальности и адресоваться къ массѣ публики.

Въ астрономіи, физикѣ, химіи, гораздо легче отыскать общія начала, нежели въ физиологіи. Предметы этихъ наукъ гораздо доступнѣе, объясненія ежедневныхъ явленій, которыя онъ разсматриваютъ, гораздо проще, основы гораздо прочнѣе, методъ совершеннѣе и надежнѣе. Какъ ни разнообразны движенія, происходящія отъ взаимнаго вліянія другъ на друга тѣлъ нашей планетной системы, ихъ все-таки можно приписать простымъ и известнымъ силамъ, ихъ все-таки можно вѣрно измѣрить и сдѣлать понятными даже для ребенка.

Нельзя сказать того о процессахъ органической жизни. Со времени Гарвея теченіе крови отъ сердца и къ сердцу намъ столько же известно, сколько со времени Коперника обращеніе планетъ вокругъ солнца. Но едвали можно найти законъ обращенія крови такъ легко, какъ Ньютонъ нашель законъ движенія планетъ; ибо дѣйствія и противодѣйствія перваго процесса необыкновенно сложны, что бы ихъ можно было непосредственно вывести изъ одного начала. Въ отношеніи къ ученію объ обращеніи крови физиологія дѣлако еще не достигла той стегени, на какую поставлена астрономія воззрѣніями Кепплера. Здѣсь очень кстати можно напомнить известныя слова одного остроумнаго и вѣрнаго естествоиспытателя: еще не выросло дерево, изъ котораго должна быть сдѣлана колыбель того, кто въ ученіи объ обращеніи крови замѣнитъ Ньютона.

Прибавьте къ этому, что въ органической жизни множество физическихъ и химическихъ процессовъ, которые служатъ

для одной общей цѣли и законныя отравленія которыхъ мы привыкли приписывать особеннымъ жизненнымъ силамъ. Сверхъ того въ высшихъ органическихъ существахъ съ этими соматическими процессами соединяется рядъ совершенно другихъ, безспорно болѣе разнообразныхъ и сложныхъ явленій, которыя мы называемъ душевными способностями. Къ довершенію несчастія эти психическія силы служатъ предметомъ спора между двумя совершенно различными партіями, между естествоиспытателями и философами, изъ которыхъ многіе оставляютъ поле сраженія, отчаяваясь въ побѣдѣ.

Не смотря на всѣ эти трудности, я постараюсь разрѣшить въ моихъ письмахъ нѣкоторыя физиологическіе вопросы. Конечно въ нихъ много будетъ соломы, но, надѣюсь, кое-гдѣ попадетса и сѣмя, которое сбережется для будущаго посѣва. Я не буду излагать свои взгляды въ систематическомъ порядкѣ, а просто буду слѣдовать произвольному теченію своихъ мыслей.

Это первое письмо посылаю къ вамъ изъ Триеста, куда нѣкогда толпами стекались нѣмецкіе ботаники, зоологи и анатомы. Здѣсь, на крайней границѣ древняго и новаго Германскаго (?) государства, гдѣ встрѣчаются и перемѣшиваются сѣверныя и южныя формы растений и животныхъ, начало довольно часто появляться на берегу моря одно изъ тѣхъ удивительныхъ животныхъ, которыя между прочими своими органами обладаютъ электрическими членами, зависящими отъ нервической системы и отчасти отъ воли. Это животное гнусь. Съ этой-то рыбы мы и начнемъ наши физиологическія изслѣдованія.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ (*).

1.

Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Руси быють челомъ и являютъ твоего Государева Боярина Князя Ивана Ивановича Шуйскаго *скоморохи* Павлушка Койдратьевъ, сынъ Зарубинъ, да Вторышка Михайловъ, да Конашка Доментіевъ, да боярина жъ Князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго Федька Степановъ, сынъ Чечотка, твоегожъ Государства дворцоваго села Дунилова на приказнова на Андрея Михайлова сына Крюкова, да на ево людей. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 141 (1633) году Майя въ 25 день, пришли мы, Государь, въ твое дворцовое село Дунилово для своего промыслишку и съ ходьбы къ нему Ондрею явились, и тогожъ, Государь, числа онъ Ондрей насъ сиротъ зазвалъ къ себѣ на дворъ, и зазавъ, заперъ насъ въ баню, а заперши вымучилъ у насъ сиротъ у Павлушки семь рублей, а у Федьки двадцать пять рублей, да Артюшкиныхъ денегъ пять рублей. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всея Росіи, пожалуй насъ сиротъ, вели, Государь, нашу челобитную явку записать. Царь Государь, сиплуйся, пожалуй.

2.

Царю, Государю и Великому Князю Алексію Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержцу быють челомъ сироты твои Шуп посаду земской староста Минка

(*) Первые шесть грамотъ появятся скоро въ любопытномъ описаніи Шуп, которое издастъ ревностный антикварій мѣстный, г. Борисовъ. Ред.

Осиповъ и во всѣхъ Шуляхъ посацкихъ людей мѣсто: жалоба, Государь, намъ сиротамъ твоимъ на Шуянина жъ посацкого человѣка на Ивана Поздѣва, сына прозвище Короба: будучи у насъ сиротъ твоихъ въ Шуѣ на посадь, онъ Иванъ Коробъ пьетъ и бражничаетъ безобразно и зерню и карты играетъ, и жену свою бьетъ и мучитъ не по закону. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи Самодержецъ; пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели, Государь, ево Ивана Короба зъ женою ево и дѣтьми изъ Шуи съ посаду выслать вонъ, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ вѣтъ отъ тебя Великаго Государя въ пенъ и опаль не быть, и отъ ево Ивана плутовства и озорничества въ конецъ не погибнуть. Государь Царь, смилуйся.

3.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи Самодержцу быють челомъ и извѣщаютъ сироты твои Шуи посаду земской старостишко Микифорко Стенановъ да ларешной Исачко Лукьяновъ и земскіе цѣловальники и всѣ Шуяне Посацкіе люди. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 179 (1671) году Декабря въ 4 день билъ челомъ тебѣ Великому Государю и извѣщалъ въ Шуѣ въ Земской избѣ намъ сиротамъ Шуянинъ посацкой человѣкъ Ѳедька Ивановъ сынъ Саратовцовъ: была де у нихъ свадьба, женился братъ его Ѳедькинъ Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Ѳедорною и надъ снохою Овдотьицею скорбь, почала бить безъ ума и безъ памяти, кликать въ порчѣ, *а отпуская де ту свадьбу отъ всякаго лиха Шуянинъ посацкой человѣкъ Гришка Трофимовъ сынъ Панинъ*, и на завтрое де той свадьбы пришелъ къ намъ Степкъ и Ѳедькъ въ домъ Шуйской тюремной сторожъ Оська Григорьевъ, сынъ Палатовъ, и взялъ съ насъ посулу денегъ десять алтынъ четыре деньга, да шапку мужскую, да два перстня, да ширинку, да платъ миткальной, и *рѣкъ* мать ихъ и сноху отъ той скорби *отходить* и поставить въ цѣль умъ и разумъ попржнему, и онъ де Оська матери ихъ и

снохи въ цѣль уиѣ не поставилъ. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи Самодержецъ, пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели, Государь, челобитье наше и извѣтъ принять и записать, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ въ той ихъ Гришкинѣ и Оськинѣ плутнѣ отъ тебѣ Великаго Государя въ пенѣ не быть и въ конецъ не погибнуть. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

4.

Роспись мнѣ Прѣкофью съ Иваномъ Смоляниновымъ (*), что платежъ велѣ (въ Москвѣ). Отнесли въ приказъ большіе казны 105 рублей, 25 алтынъ, 4 деньги. Молодымъ подъячимъ дано отъ денегъ отчету и за работу всево рубль. Справному Ивану Ляшину данъ рубль, да пирога 3 алтына, да ему же 2 гуся, цѣна 4 алтына 4 деньги. Людямъ его 10 денегъ, извощику 6 денегъ. Дьяку Льву Никифоровичу 16 алтынъ 4 деньги, ему же пирога 3 алтына 2 деньги, 2 гуся цѣна 5 алтынъ. Думнаго Аверкія Степановича люди выпрошали 6 алтынъ 10 денегъ. Стрѣлецкаго приказу подъячому Андрею Коврову дано по 2 рубли, ему же пирога 3 алтына 2 деньги, два гуся цѣна 4 алтына 4 деньги, людямъ его 10 денегъ, извощику 6 денегъ. Дьяку Леонтію Кондратовичу данъ рубль, пирога 3 алтына 2 деньги, два гуся цѣна 5 алтынъ; людямъ его 10 денегъ, извощику 6 денегъ. Молодымъ подъячимъ за работу всево дано 35 алтынъ, Стрѣлецкаго жъ приказу дано сторожамъ 3 алтына 2 деньги, да сами двое спили и съѣли въ 7 дней 7 алтынъ 4 деньги, за постоялова далъ 7 денегъ 2 алтына, да какъ грамоту носили къ печати, стало 6 денегъ.

5.

Государю Тихону Христофоровичу бьетъ челомъ крестьяншка твой села Мошны Артюшка Романовъ: по твоему государскому указу староста правилъ на мнѣ сиротѣ твоемъ твоѣ государскіе оброчные деньги. А мнѣ сиротѣ твоему взять не-

(*) Изъ актовъ видно, что онъ былъ земскимъ Шуйскимъ старостою.

гдѣ, потому что скудень, бѣдень, хлѣба нѣтъ у меня сироты твоево ни куса, кормлюся по міру, а скотины у меня никакіе нѣтъ, и курицы въ домѣ, одна кляченка и та умираеть. Умилюстивися, государь Тихонъ Христофоровичъ, пожалуй меня сироту твоего, не дай, государь, въ конепъ разоритца, пощадн мене, государь, сироту своего на нынѣшній годъ оброкомъ. Государь, смилуйся пожалуй. Писано къ Т. Х. Гундорть, Марту лѣта $\frac{182}{1674}$.

6.

Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣвичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи Самодержцу бьетъ челомъ сирота твой шуянинъ Гришка Григорьевъ сынъ Чичаевъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, 1701-мъ году, Ноября въ 17 день Шуянинъ Иванъ Андреевъ сынъ Розмазинъ называлъ меня сироту твоего *табащикомъ*, и говорилъ, будто я на Москвѣ табакомъ торговалъ, и тѣмъ меня сироту твоего *обесчестилъ* при свидѣтеляхъ при шуянахъ посацкихъ людяхъ при Иванъ меньшомъ Гнѣвышевѣ, при Степанъ Боженовѣ. Милосердый Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣвичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи Самодержецъ, пожалуй меня сироту своего, вели, Государь, въ Шуѣ въ земской избѣ передъ бурмистры передъ Иваномъ Яковлевымъ съ товарищи ево Ивана противъ сего моего челобитья допросить и свидѣтелями розыскать. Великій Государь, смилуйся.

ДОНСКИИ

КНЯЗЯ

ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОЛИЦЫНА (*).

Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и Великой Государынѣ, Благотворной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софьи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ холопи ваши, Васька Голицынъ съ товарищи, челомъ бьютъ: Нынѣшняго настоящаго 195 года Мая 20 дня въ Вашей Великихъ Государей (и проч.) грамотѣ къ намъ, холопомъ Вашимъ, изъ разряду за приписью Думнаго Дьяка Василья Григорьевича Семенова писано о посылкѣ ко мнѣ, холопу Вашему, въ Большой полкъ изъ обители Пресвятыя Богородицы, именуемая Донскія, чудотворнаго ея, Пресвятыя и Пречистыя Владычицы Богородицы, милосердыя Царицы и Присно-Дѣвы Маріи, образа, да мощей Великомученика Христова и побѣдоносца Георгія съ окольничимъ съ княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Жировымъ-Засѣкинѣмъ, да тояжъ обители съ Архимандритомъ Никономъ, вручающіе намъ, холопей Вашихъ и подданнаго Вашего, Гетмана Ивана Самойловича и нашихъ полковъ Ваше Государское богохранимое воинство Ея непобѣдимые Воеводы милости и заступленію, яко матери премилосердо, да сама полками нашими правительствуетъ, и ото всякихъ напастей заступаетъ, и отъ противныхъ находеній сохранять, и надъ враги Ваши преславныя побѣды и дивное одолженіе являетъ. И мнѣбъ, холопу Вашему, послать отъ себя въ полки къ товарищамъ моимъ сходнымъ, къ боярамъ и Воеводамъ съ товарищи, таноужъ и къ подданному Вашему, Гетману, чтобъ они были въ полкъ ко мнѣ холопу Вашему, а полку своего Вашимъ Государскимъ ратнымъ людямъ, Стольникомъ, и Генераломъ, и Полковникомъ, и Стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ, и жильцамъ, и начальнымъ людямъ велѣть сказать, чтобъ они для встрѣчи того Пресвятыя Владычицы Богоро-

(*). Доставлено П. И. Ивановымъ.

дицы образа были въ готовности. А какъ Боларе и Воеводы, товарищи мои сходны, съ товарищи своими и подданной Вашъ Гетманъ въ полкъ ко мнѣ холопу Вашему съѣдутся и полковъ нашихъ ратные люди сойдутся, и мнѣ, холопу Вашему, велѣть полку своего протопопу съ соборяны и всѣхъ полковъ священникомъ для встрѣчи того чудотворнаго образа итти съ животворящими кресты и со святыми иконы на назначенное мѣсто, гдѣ тотъ Святой образъ встрѣтитъ, а самимъ итти за животворящими Кресты со святыми иконы и за собою велѣть итти вышеписанныхъ чиновъ Вашимъ, Великихъ Государей, ратнымъ людемъ; а какъ къ образу Пресвятыя Богородицы придемъ, и велѣть тотъ образъ, такъ и мощи Великомученика Христова Георгія принять съ священникомъ и нести въ полкъ съ молебнымъ пѣніемъ, а въ церкви велѣть пѣть молебное пѣніе къ Господу Богу и Пречистой Его Матере и великому Архистратигу Божию Михаилу и Троичнымъ небеснымъ Силамъ, и всѣмъ святымъ и страстотерпцу Христову и побѣдоносцу Георгію о Вашемъ Государскомъ многолѣтнемъ здравіи и о всѣхъ православныхъ христіанахъ и о мирѣ и тишинѣ и благоденствіи и побѣдѣ и одолѣніи на враговъ Креста Христова, и о избавленіи находящихся всякихъ болѣзней; а по молебномъ пѣніи воду святить; а по освященіи воды тою святою водою велѣть всякихъ чиновъ ратныхъ людей и знамена и наряды и всякіе полковые припасы кропити; а по совершеніи всего того дѣйства тотъ Пресвятыя Богородицы образъ съ Спасителевымъ образомъ и съ животворящимъ Крестомъ поставить въ той церкви противъ мѣстнаго образа на особомъ наложѣ, такъ же и мощи великомученика Христова Георгія, гдѣ пристойно, съ украшеніемъ. И за чудотворнымъ Пресвятыя Владычицы Богородицы образомъ и за мощми Великомученика Христова и побѣдоносца Георгія окольничей князь Василей Ѳедоровичъ Жироваго-Засѣкинъ и Архимандритъ пріѣхали къ обозу полку моего, холопа Вашего, къ рѣкѣ Арели Мая въ 27 день. А въ 28 день по Вашему Великихъ Государей указу съ животворящими Кресты и со святыми иконы протопопъ съ соборяны и всѣхъ полковъ священ-

ники, а за животворящими Кресты и за святыми иконы я, холопъ Вашъ, и товарищи мои, сходные бояря и Воеводы съ товарищи, и полковъ нашихъ Ваши Великихъ Государей ратные люди: Стольники, Генералы, и Полковники, и Стряпчѣ, и Дворяне Московскіе, и жильцы, и Начальные люди, и всякихъ чиновъ ратные люди тотъ чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы и мощи Великомученика Христова Георгія встрѣтили отъ полку моего за полторы версты съ великимъ усердіемъ и радостно, а многіе и со слезами, моля у Господа Бога и у Ней Пресвятой Его Бога Матери о побѣдъ надъ непріятеля Креста святаго. И принявъ тотъ чудотворный Пресвятыя и Пречистыя Владычицы Богородицы милосердыя Царицы и Приснодѣвы Маріи образъ и мощи Великомученика Христова и побѣдоносца Георгія, священники несли въ полкъ съ молебнымъ пѣніемъ до церкви; а въ церкви по Вашему Великихъ Государей, указу пѣли молебное пѣніе о Вашемъ Государскомъ многолѣтнемъ здравіи, а притомъ о побѣдъ на враги Креста Христова, и воду святили, и Святою водою ваше Великихъ Государей знамя и знамена ратные и полковые и всякихъ чиновъ ратныхъ людей, такъ же нарядъ и всякіе полковые припасы кропили, и во всемъ по Вашему, Великихъ Государей, указу, прося у Всемогущаго Господа Бога милости и у Пресвятыя Его Бога Матери помощи и заступленія, исполняти будемъ. А архимандриту Никону съ священницы и діаконы, по Вашему Великихъ Государей указу, вельѣлъ я, холопъ Вашъ, при образъ Пресвятыя Богородицы быть у меня въ полку; а околыничаго Князя Василья Ѳедоровича къ Вамъ Великимъ Государемъ Царемъ и великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и Великой Государынѣ Благочестивой Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, я, холопъ Вашъ, отпустилъ изъ обозу, переправяся рѣку Арель отъ рѣчки Чаплинки Малъ въ 30 день, и вельѣлъ ему о пріѣздѣ своемъ объявить и сію отписку отдать въ разрядъ Думному Дѣяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

О ТЕОПТИИ В. В. ТРЕДИАКОВСКАГО.

Въ 1754 году Тредиаковскій окончилъ два свои труда, надъ которыми сидѣлъ четыре года: Псалтирь, переложенную въ стихи, и Теоптию, или Богозрѣнiе. Въ последнемъ сочиненiи онъ разсматриваетъ различныя явленiя въ природѣ видимой, и указываетъ повсюду на премудрость Творца. Оба эти сочиненiя онъ представилъ въ томъ же году въ Святейшiй Синодъ съ прошенiемъ разсмотрѣть ихъ и одобрить. Теоптiя была разсмотрѣна Гаврииломъ, Епископомъ Коломенскимъ и Каширскимъ, и въ 1755 году онъ далъ Тредиаковскому письменное свидѣтельство, что въ Теоптии нѣтъ ничего противнаго Церкви. Въ началѣ Апрѣля 1757 года Тредиаковскій представилъ въ Синодъ «доношенiе» или просьбу, въ которой просилъ дозволенiя напечатать Теоптию, и тутъ же подробно изложилъ, какой орфографiи должна держаться Типографiя при напечатанiи его сочиненiя. Вотъ это доношенiе:

Святейшему Правительствующему Синоду

Покорнѣйшее доношенiе,

Отъ Профессора Санктпетербургскiа Императорскiа Академiи Наукъ Васiля Кириллова сына Тредиаковскаго, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Въ прошломъ 1754 году предъявилъ я именованный при доношенiи Святейшему Правительствующему Синоду преложенную мною стихами книгу псалмовъ и съ пророческими пѣсньми, да и еще того жъ года при доношенiи жъ книгу,

сочиненную мною также стихами, названную Θεоптією, для освидѣтельствованія, дабы мнѣ можно было по времени издать ихъ въ свѣтъ безопасно.

2.

И по тѣмъ моимъ покорнѣйшимъ доношеніямъ и прошеніямъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ благоволилъ помнуге тѣ объ книги рассмотреть Синодальными Членами, первую Преосвященнымъ Сувестромъ, Архіепискомъ Санктпетербургскимъ и Шлюссельбургскимъ и Архимандритомъ Троицкаго Александроневскаго монастыря, а вторую Преосвященнымъ Гавріиломъ, Епископомъ тогда Коломенскимъ и Каширскимъ: да и снабдилъ меня милостиво письменнымъ засвидѣтельствомъ прошлаго 1755 года въ томъ, что въ тѣхъ книгахъ никакія противности Церкви святой не присмотрѣно.

3.

Съ тѣхъ времянь многіи изъ Боголюбивыхъ людей требуютъ у меня ихъ на прочтеніе, а иныи и на преписаніе; такъ что я ни читателей, ни преписателей всѣхъ однимъ токмо подлинникомъ удовольствовать не могу по нынѣ: сверхъ же того и всегда опасался, чтобъ преписатели не внесли въ списки важныхъ какихъ погрѣшностей и тѣмъ не нанесли бы предосужденія какъ разсматривавшимъ просвѣщеннымъ и благочудрымъ Синодальнымъ Членамъ, такъ и мнѣ съ правымъ намѣреніемъ трудившемуся: а ктому жъ нѣсколько и боюсь, чтобъ тѣмъ единственнымъ книгамъ, обрацаемымъ разными руками, не избиться, или и во вся не затеряться.

4.

Сии причины возбудили во мнѣ желаніе нынѣ, чтобъ помянутыя книги напечатать церковнымъ тшомъ, какъ по всему духовные.

5.

И такъ 1., желаю имъ напечатаннымъ быть въ листъ и обѣимъ въ одну книгу, дабы расходу быть на нихъ совокупному; ибо иныи пожелаютъ лучше кушитъ шалтирь, а другіи

охотнѣе Θεоптію, отъ чего или та или другая оставаться будетъ; но въ совокупномъ сопряженіи ни первая, ни вторая не останется; толстота жъ книги въ печати не превзойдетъ удобо-обращаемыя мѣры. 2., Літерамъ употребленнымъ быть желаю на предисловія такъ называемымъ въ Московской Типографіи Арсеньевскимъ; на теѣтъ въ џлтири Осиповскимъ, а въ Θεоптіи — Воскресенскимъ, на аргументы біблійнымъ; а на примѣчанія на поляхъ Кутеннскимъ: сіе значитъ, что я желаю предисловіямъ быть крупнымъ, џлтирному теѣту по мѣлче предъ предисловіемъ, а Θεоптійскому и того, какъ домо-стінскому, и такъ далѣе по пропорціи. 3., Ореографіи желаю быть употребляемой въ церковной печати въ разсужденіи літеръ ς, в, ѡ̃, ѡ, ξ, ψ, ï, кои не употребляются въ гражданской и слѣдовательно не находятся въ моихъ подлинникахъ: а возвратное э хотя и есть въ нихъ, но вмѣсто его желаю быть вездѣ церковному ε въ печати. 4., Просодіи на односложныхъ реченіяхъ отнюдь никакой быть не желаю: ибо такія реченія почитаются въ стихахъ по количеству общими, то есть, долгія или краткія мѣры, а острое или тяжкое удареніе на нихъ будетъ повреждать всегда и неотмѣнно скансію по стопамъ: и не желаю жъ быть просодіи и на реченіи двусложномъ, иногда и трисложномъ, слѣдующемъ по нескла-емыхъ предчинныхъ частицахъ, каковы суть: на, не, за, но, и подобные; ибо сіи частицы часто съамлютъ съ двусложнаго или трисложнаго реченія удареніе на себя въ стопъ, и тѣмъ лишаютъ возвышенія слѣдующее реченіе, какъ то: *не-было* вмѣсто *не-было*; *будежъ* гдѣ онъ не лишаютъ возвышенія такое реченіе, то тамъ быть надобно природному ударенію, какъ-то: *за-рѣкѣю*; чего ради удареніямъ находящимся въ подлинникахъ, наблюдаемымъ быть всемѣрно желаю: понеже они въ нихъ поставлены вездѣ острыми, на такихъ точно реченіяхъ, а при томъ и на такихъ, кои въ нашемъ языкѣ двояко, по употребленію, ударяются, какъ на примѣръ: *тотчасъ* и *тотчасъ*. 5., Реченіямъ, полагаемымъ подъ тїтлами, или сіглами, быть всемъ полнымъ желаю, дабы одному стїху, при совокупленіи тїтлъ, не казаться короче предъ другимъ, да и венкусныхъ

бы и тупых читателей не приводит въ затрудненіе: словомъ, всѣхъ реченій полносложныхъ, безъ всякихъ тахиграфическихъ сокращеній желаю. 6., Еріковъ и паеровъ надъ реченіями нигдѣ не желаю, но вездѣ или ъ, или ь въ срединѣ, — какъ то: *объявляю*, а не *об'являю*: ибо въ семь состоитъ, какъ извѣсно, главное основаніе каллиграфіи. 7., Препинаніямъ строчнымъ желаю всеконечно всѣмъ быть тѣмъ, которыя зрятя въ моихъ подлинникахъ, и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, а особливо вопросному препинанію и по фигурѣ тому жъ быть желаю. 8., Единитныхъ, находящихся въ подлинникахъ моихъ, между цѣлыми двумя, тремя, иногда жъ и многими реченіями въ срединѣ, не желаю: ибо сей секретъ есть новый, и хотя при томъ превесма важный для опредѣленія точности въ разумъ, однако изобрѣтенъ для гражданскія печати, въ коемъ не надъ каждымъ реченіемъ есть удареніе. 9., Литерамъ, означающимъ число, желаю быть употребляемымъ въ церковной печати вмѣсто цифрныхъ знаковъ и Римскихъ.

6.

Ежели Святѣйшій Правительствующій Синодъ благоизволитъ опредѣлить, чтобъ книгамъ симъ быть напечатаннымъ на моемъ иждивеніи; то покорнѣйше прошу опредѣлить печатать шесть сотъ токмо книгъ и денегъ за напечатаніе не спрашивать съ меня пота, пока не выберется сумма, въ кою станутъ матеріалы съ печатаніемъ: ибо я человекъ весьма не богатый, такъ что не продавъ книгъ, не могу имѣть надлежащія тоя суммы: а притомъ и приказать прислать мнѣ сюда пятьдесятъ книгъ въ тетрадахъ по напечатаніи, а прочимъ бы отданнымъ быть для продажи повѣренными отъ меня: но буде опредѣлится, чтобъ имъ быть печатаннымъ не на моемъ иждивеніи, то предано въ волю Святѣйшаго Правительствующаго Синода, печатать ихъ столько, сколько угодно будетъ: однако меня трудившагося чрезъ четыре года надъ ними, возскаать по благорассмотрѣнію въ нѣкоторое утѣшеніе за подъятыя труды.

Того ради упогая на милостивое благоснисходительство Св. Правительствующаго Синода, покорнѣйше прошу оныя мои рукописныя книги приказать принять и отослать ихъ для напечатанія по изображенному здѣсь въ пятомъ пунктѣ способу въ Типографію церковныя печати на моемъ или не на моемъ иждивеніи, какъ за полезнѣе разсуждено быть имѣеть. Доношеніе писалъ я Василій Тредіаковскій и руку приложилъ. Апрѣля дня 1757 года»

Во уваженіе къ бѣдности, на которую жаловался Тредіаковскій, Св. Синодъ согласился исполнить его просьбу, и 22 Апрѣля того же года Θεоптія послана въ Московскую Синодальную Типографію съ указомъ, чтобъ она была напечатана. Въ то же время (1 Мая 1757 года) Тредіаковскій послалъ къ справщикамъ Московской Типографіи письмо, въ которомъ просилъ ихъ обратить при печатаніи вниманіе на всѣ его замѣчанія касательно орфографіи, и присоединилъ къ прежнимъ замѣчаніямъ дополненія и объясненія. Вотъ это письмо:

Благородныи Господа справщики Московскія древнія Типографіи!
Государи мои!

Извините не имѣющаго чести васъ знать самолично, ниже именъ вашихъ, а пишущаго къ вамъ: собственная моя нужда, можно жъ сказать, что и всеобщая,—причиною къ утружденію васъ симъ въ достойно почитаемой вашей должности, къ которой прибѣгаю. Уповаю, что уже полученъ вами указъ изъ Св. Правительствующаго Синода о напечатаніи книгъ моихъ *шалтири* и *Θεоптіи*: а способъ, какимъ желаю быть имъ напечатаннымъ, изображенъ въ 5-мъ пунктѣ моего доношенія, которое къ вамъ и послано подлинное нарочно. Чего ради приѣмлю сей случай заблаговременно къ изъясненію вамъ здѣсь онаго пункта.

Что подъ 1-мъ числомъ въ немъ, то само собою ясно: равнымъ образомъ что и подъ 2-мъ. Но что подъ 3-мъ въ разсужденіи письменъ *с, в, ѿ, ѡ, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ, ѣ*; то сію орфографію я точно разумю церковную. Напримѣръ: чтобъ наборщикамъ набирать: *звѣзда, зло, зми*, а не *звѣзда, зло, зми*, какъ то у меня въ подлинникъ для гражданскія печати изготовленномъ. Чтобъ въ срединѣ и на концѣ реченія быть *з*, какъ то: *пагубномъ*, а не *пагубному*, какъ у меня: однако предлогу быть *у* и *у* жъ въ самомъ началѣ реченія; какъ то: *у служенія, убійство*. Чтобъ быть *ѿ* (*), гдѣ есть предлогъ, какъ то: *ѿ силы*, а не *отъ силы*; но въ сложныхъ можетъ лучше и правильнѣе быть *от*, какъ: *отлагаю*, а не *ѡлагаю*. Чтобъ родительнымъ падежамъ различаемымъ быть отъ винительныхъ чрезъ *ѡ*, и взаимно винительнымъ отъ родительныхъ чрезъ *о*, какъ то: *великаго мужа дѣло*, и, *великаго человека почитаю*: въ сложныхъ можетъ стоять вездѣ *о*, какъ то: *осязю*, а не *ѡсязю*. Чтобъ въ Греческихъ и Латинскихъ реченіяхъ быть *ѣ* и *ѡ*, а не *кс* и *пс*, какъ то: *теѣтъ, ѡалтиръ*, а не *текстъ, псалтиръ*. Чтобъ *ѣ* полагаемой за *ї* быть въ реченіяхъ, какъ то: *Егѣпетъ*, а не *Египетъ*; но полагаемой за *в* не быть, какъ то: *Евсевій, Авторъ*, а не *Евсевій, Авторъ*. Въмѣсто возвратнаго *э*, чтобъ вездѣ быть *Е*, какъ то: *Епікуръ*, а не *Эпікуръ*. Въ чужестранныхъ реченіяхъ, кои требуютъ письмени *ї*, быть сему *ї*, какъ то: *Спіноза*, а не *Спиноза, Императрица*, а не *Императрица*. Въ Греческихъ, которыя пишутся чрезъ *и*, быть сему жъ, какъ то: *ѡалтиръ*, а не *ѡалтиръ*; но въ употребляемыхъ у насъ съ Латинскаго Греческихъ быть *е* и съ духовою, какъ то: *Гомеръ*, а не *Омиръ*, равнымъ образомъ и *Гораций*, а не *Оратій, Цицеронъ*, а не *Кікеронъ*; однако *Күръ*, а не *Ціръ*, ибо такъ повелѣваетъ употребленіе. Сіе касается до Греческія каппы, означаемыя у Латинъ литтерою *с, це*. Чтожъ до 4-го числа въ томъ же довошеніи, тому всемирно наблюдаему быть желаю такъ, какъ преднаписано: сіе токмо присовокупляю къ

(*) Въмѣсто слав. *отъ*, за недостаткомъ. Слав. буквъ въ типографіи.

изъясненію, именно жъ, чтобъ такъ называемыхъ периспоменъ или обличенныхъ нигдѣ не ставить. Пусть онѣ различаютъ токмо у Грамматиковъ нашихъ единственное съ множественнымъ числомъ, какъ то: *великія Цѣркви* единственно въ родительномъ, и *великія Цѣркви* множественно въ именительномъ, и какъ бездушная вещь, то и въ винительномъ: нужда сія для меня, для моихъ читателей и для различенія смыслу, есть не нужная, а *дикая*; сверхъ того, что у Грековъ и у Латинъ сія просодія значила совокупно острое и тяжкое удареніе, но у насъ того нѣтъ ни *духомъ*, ни *волею*. И такъ вмѣсто периспоменъ вездѣ быть желаю или острой, или тяжелой, какъ того требуетъ или предній, или средній, или послѣдній слогъ. Въ подлинникъ моемъ и на послѣднихъ словахъ вездѣ стоитъ острая; но въ вашей печати должно ему быть премѣняемому на послѣднихъ токмо въ тяжкую. Подъ 5-мъ числомъ упомянуто, что я не желаю ни титлъ, ни словотитлъ, но всѣхъ реченій полныхъ слогами, а не сокращенныхъ такими значками, для скорого присянія бывшими у древнихъ въ употребленіи, а не для чести: сіе я распространяю и до глогольтитлъ и до добротитлъ и до овтитлъ, и словомъ, до всѣхъ сокращеній, на верху ставимыхъ. Слѣдовательно набраннымъ и выправленнымъ реченіямъ такъ желаю: вмѣсто: *Бгъ*, *Богъ*; вмѣсто: *Евѣліе*, *Евангеліе*; вмѣсто *Бѣа*, *Богородица*, вмѣсто *прѣтль*, *престола*; вмѣсто *прѣрокъ* *пророкъ*. Число 6-е ерики и паерки отмечаетъ, то есть, вмѣсто *объявляю* не быть бы *объявляю*. Число 7-е требуетъ неотмѣнно тѣхъ самыхъ препинаній, на тѣхъ мѣстахъ, и такихъ начертаніемъ, какія въ подлинникъ видимы. Чрезъ единичные подъ 8-мъ числомъ разумію, какъ то въ подлинникъ, такія изобразенія, кои связываютъ два, три, иногда и многія реченія, вознося ихъ къ единому вышшему ударенію предъ прочими, или снося ихъ отъ единого такого ударенія, на примѣръ: *Богъ-сть-всемогущій*, и *Богъ-ѣсть-всемогущій*, и *Богъ-есть-всемогущій*. Снѣтъ точно единичнымъ быть въ печати вашей не желаю, а не соединяющимъ реченіе, преносимое слогами изъ первыя строки во вторую непосредственно: таинство сіе есть

новое, но превесма и нужное, однакожь въ гражданской печати, въ коей не на каждомъ реченіи бываетъ удареніе. О числѣ 9-мъ излишне упоминать: ибо не употребляются у васъ ни цифірныи знаки, ни Римскіи, но азбучныи наши подъ тѣлами. Самъ числамъ азбучнымъ и въ монхъ книгахъ быть должно. Едва было и здѣсь не позабылъ напомянуть о надглаголіяхъ отъ именъ прилагательныхъ усвченныхъ, средняго рода, единственнаго числа. Надглаголіямъ сямъ желаю быть различнымъ отъ помянутыхъ именъ буквою *ω*, какъ то: *дѣло свято*, гдѣ *свято* есть имя; но *сдѣлано святоω*, сіе *святоω* есть надглаголіе, которое различено отъ имени чрезъ *ω*, какъ то и требуетъ сего церковная орѳографія. Вы изволите увидѣть въ подлинникѣ, что имена прилагательныя цѣлыя множественнаго числа окончываются мною мужескія на *и*, какъ: *святими*, женскія на *е*, какъ: *святые*, а среднія токмо на *я*, какъ: *святія*: сему всемѣрно непремѣнну быть желаю.

Ежели могу васъ, государи мои, просить, то покорно прошу подлинника не спускать съ глазъ при правленіи, что до разума и исправности слоговъ въ реченіяхъ; а не худо бѣ, когда бѣ вы всѣ благоволили цѣрознь кавычить каждый листь: ибо что одинъ опуститъ, другой опущенное усмотритъ: *мнози очи больше видятъ, нежели два*: мнѣ сея работы нѣжность весьма извѣсна, труждающемуся при Академіи 26 лѣтъ: испыталъ я, коль скоро можно ошибиться, а *особливо въ новомъ и небываломъ дѣлѣ*. И какъ я уповаю, что на каждый мѣсяцъ можетъ выходить на чисто изъ печати по 4 листа по крайній мѣрѣ; то прошу ~~къ~~ пересылать мнѣ чрезъ ямскую почту по мѣсячно отдѣланныи листы въ книгѣ (разумію листы единыя книги, а не всего завода), вручая пакетъ, коему должно быть четырехлиственному, или пятилиственному, Высокородному Господину Ассесору тоя ямскія канцеляріи, Василью Васильевичу Татаринѣву. Сіе для дого, чтобъ заблаговременно могъ я замѣтить типографскіе погрѣшности (кои паче моего чаянія могутъ либо найтись), и къ вамъ при окончаніи книги переслать для припечатанія. Но да даруетъ Всемогущій, чтобъ ни одной и малѣйшей не быть погрѣшности, п чтобъ Московской

Типографіи всегда пребыть исправной; какъ то сначала и понынѣ пребываетъ! Надѣясь на ваше снисходительство, что моего прошенія для собственнаго вашей чести и хвалы не оставите тщетнымъ, и докажете, что оно у васъ нѣсколько не было пренебрегаемымъ, впрочемъ есмь съ почтеніемъ, а за прѣлѣжность пребуду съ благодареніемъ

вашъ

Государей моихъ
покорный слуга
Академіи наукъ Профессоръ
Василій Тредіаковскій.

Изъ С. П. Бурга, д. 1 Маія 1757.

Товарищемъ Директора типографіи былъ въ это время Аонасій Пельскій, (*) бывшій прежде учителемъ въ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Письмо Тредіаковского, въ которомъ онъ даетъ такія строгія грамматическія наставленія типографіи, весьма непріятно подѣйствовало на Пельскаго, и онъ написалъ на Θεоптію критику, и съ подписью справщика Григорія Кондакова послалъ ее въ Синодъ. Представляемъ рецензію Пельскаго:

В Ы П И С К А

о сумнительствахъ въ Θεоптіи находящихся.

Въ оригиналѣ написано:

мнѣніе:

въ предисловіи къ читателю.

Въ опроверженіи проклятаго спіпозина мудрованія, достохвальнымъ образомъ и превосходнымъ хотя и потрудиваясь преславныи мужи, Генричъ-Моръ и Петръ-Поареть.

Еретики толкиихъ похвалъ отъ церкви православнокатолической не достойны. ¶

Божественную сію руководительницу, то есть философію.

Къ познанію Бога руководительницу кажется приличнѣе.

Сей страхъ, да даруетъ Вселобліи, чтобъ ему и быть и пре-

Быть видится должно, не безъ основанія или безъ искоревенія;

(*) Вероятно отецъ того Пельскаго, маіе. М. П.

къ которому Карамзинъ пишетъ по-

ВЪ ОРЫГОНАЛЪ НАПИСАНО:

М Н Б Н І Е:

быть, всегда у насъ безъ основанія.

ибо сіе послѣдовало съ вышеположеннаго авторомъ довода такого: великое несчастіе челоуку есть имѣть книги наполненныя смертоноснымъ ядомъ злобожія и безбожности, которыя когда отъ незнающихъ философію читаются, могутъ вринуть ихъ въ невсцѣльную проказу безбожія и въ ровъ погибели.

Григорій святой, іерархъ Назіанза града.

Григорій - Назіанзинъ іерархомъ Назіанза града не былъ, а былъ Патріархомъ въ Византіи, умоленъ Благотѣрнымъ Царемъ Θεодосіемъ и всѣмъ народомъ и воспріялъ тотъ престолъ; какъ явствуется въ описаніи житія его въ Минеи Четыи, Генваря 25-го дня.

Въ спістолю первой:

Наконецъ Фарнесскій оный дивный Геркулесъ, статуа и вѣры, кою Петръ въ свой садъ привезъ, безъ искусныя руки и не заложился.

Въ союзѣ и, такоужъ и въ реченіи: вѣры, сумбѣніе и темность.

Полно вамъ въ бредѣ утвердаться.

Въ бредѣ — реченіе неупотребительное.

Въ спістолю второй:

Но буде, напротивъ, мы вкругъ его вертимся, Чему, поемля то, безмѣрно мы чудимся;

Ибо сіе хотя и подѣ договоромъ положено, однакоужъ оно находится противно Священному писанію.

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО:

М И Ъ Н И К:

То къмъ въ срединѣ той постав-
лено оно?

И равно тамъ къ чему жъ собой
прикрѣплено?

И какъ? есть жито все и пламенно
спироды.

Вотъ самъ и кругъ земный, не жи-
докъ, какъ-то воды,

Да грубъ собой и твердъ, вертится
отъ чего

Въ пространствѣ таковомъ свѣтила
вкругъ того,

А твердый никакой составъ ему
прешоны

Не здѣлалъ никогда ни въ стрѣчу
ни въ нагоны?

Пусть будетъ механизъмъ, пусть
пластическій духъ,

Кой постоянно толь нашъ обра-
щаетъ кругъ;

Пусть что влечетъ спреди, пусть
стыла подвигаетъ:

Верховну силу все и умъ предпо-
лагаетъ.

Что болѣй сила та, весь движущая
свѣтъ,

Въ которой ни слѣдовъ и непосто-
янству нѣтъ.

Полезна міру есть, живущимъ всѣмъ
выгодна

По всюду вгрунтъ та жъ, но вразни
многоплодна,

То больше человекъ есть долженъ
познавать

Созданію Творца.

Небесныхъ мы свѣтилъ въ числѣ
луну зримъ ближе,

Вышереченному Священному пи-
санію противно.

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО:

М Н Ъ Н І Е:

Ходящу за землей, стоящу прочихъ
ниже.

Какъ снаю сія отъемлетъ свѣтъ
луна

У солнца, чтобъ тотъ въ ночь
намъ подала она.

Въ епістоль третіей:

Згибаются они землею пресмы-
каясь, (то есть ползающіи гады.)

Мы солнце зримъ, оно (въ коли-
кожъ верстъ мильоновъ?)

Есть болѣе земли, и обществомъ
законовъ

Иль ходитъ, иль стоитъ въ про-
странствіи такомъ.

Тожъ въ малой мошкѣ есть, что
въ китѣ и слонѣ;

Есть голова, глаза и тѣла слогъ
отвѣ.

Рядъ внутреннихъ частей есть въ
нихъ, и кровь и жилы,

Утробы, сердце есть, и равномѣр-
ны силы;

Когдабъ свершенный кормъ на-
шелъ себѣ въ жизнь скотъ;

То могъ бы получить бессмертіе
черезъ тотъ,

И получилъ бы тѣмъ и вѣчную
онъ младость,

Въ томъ чувствуя всегда необы-
чайну сладость.

Земля не есть вина движущая
или орудіе какое гадовъ згибаю-
щихся или пресмыкающихся.

По Божественному писанію солн-
це ходитъ.

По естеству кажется быть силъ
въ китѣ и словѣ болшей, а въ
малой мошкѣ меньшей.

Скоту не дано бессмертія и вѣч-
ныя младости опредѣленіемъ Бо-
жимъ: того ради скотъ бессмертія
и вѣчныя младости получить не
можетъ, хотя-бъ нашелъ скотъ
и свершенный кормъ себѣ въ
жизнь. Прочее же пишу бессмертія
виновною доказать трудно, ибо по

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО:

По пища вся его несовершенство
здѣсь;

За тѣмъ помалу онъ и гибнетъ
тѣбя весь.

Чтобъ скимпу вытти въ свѣтъ,
безъ лвицы и безъ лва

Не можно, долгъ, чтобъ тѣ соеди-
нились два,

Взаимно въ сильной той внутрь
склонности другъ къ другу

Подобному себѣ и третьему въ
услугу,

Чтожъ преклоняетъ лвовъ, для
оного плода,

Въ сопряженіи своемъ къ подъятію
труда,

Который обоимъ какъ тягостенъ
не мнитса,

Такъ зѣло та къ тому чета еще
стремитса?

Какой тотъ поламъ двумъ, толь
пребогатый, даръ,

Кой вспламеняетъ такъ къ собще-
нью въ нихъ жаръ?

Взаимна та любовь, магнитъ сер-
дець небесный;

Не насъ однихъ, всего, что тварь,
союзъ нелесный.

Движеній мать и цѣль, всяя при-
роды сокъ,

И жизнь, и красота, и красоты
цвѣткокъ.

Всегдашняя живыхъ и ихъ петлѣнна
сладость;

Разумныхъ здѣсь чиновъ неизре-
ченна радость.

М Н Ъ Н І Е :

смерти чловѣкъ и безъ пищи есть
безсмертенъ.

Рѣчь идетъ о рожденіи четверо-
ножныхъ звѣрей *in specie*, но по-
неже она плодovита, и что до че-
стныхъ ушей, грубо положена, чѣмъ
больше можетъ побудить читателя
на смѣхъ о трудахъ излншнихъ
автора, нежели ему благодарить,
того ради лучше видится оную со-
кратить и сдѣлать по въжлявѣс.

Любовь, то есть скотскую по-
хоть магнитомъ сердець небесныхъ
назвать непристойно.

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО:

М Н Ъ Н І Е:

Вина клоняща насъ и къ чести и
къ добру.
Дающа намъ покой, веляща быть
въ міру,
Цѣляща ядъ вражды, къ согласію,
ведуша,
Вся тихости полна, зла люта не
имуша;
Бодряща слабыхъ та, а тѣшаща въ
печаль,
Побѣдствующихъ всѣхъ насъ при-
водяща въ жаль.

Мы все то зримъ въ звѣряхъ,
зримъ въ каждомъ то животномъ,
Машины суть они, въ своемъ со-
ставѣ плотномъ,
Подобны всѣ часамъ, имѣющіе въ
даръ,
Внутри вмѣсто всѣхъ пружинъ, ду-
шевный вѣкій паръ.
Однакъ, при чувствахъ всѣхъ, пре-
многа разумѣють.

Медвѣдей, ни овецъ, ни явовъ, ни
лошадей,
Отъ случая не зримъ, ни силъ
господь, людей;
Но всѣ отъ пары тѣ подобныя ро-
дятся,
И послѣ какъ жена и мужъ сово-
купаются.
А третіяго такъ раждающая та,
Совокупившись ужъ съ любовію,
чета,
Въ рожденіи своемъ искусству не
причина,

Скоту разума не дано, то и ра-
зумѣть ему не можно, да и авторъ
здѣсь себѣ противорѣчить и ме-
ханізмъ вводитъ.

Учтивѣйшей поэзіи быть бы при-
личествовало.

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО:

М Н Ъ Н І Е:

Составить не могла и хитраго въ
томъ чина.

Не токможь составлять та не мо-
гла частей,

Но не дается ей отнюдь ниже въ-
стей.

Познать бы точно, какъ, что оныя
въ утробъ

Составилось, и есть по сродной ей
особь.

Орудіе отецъ, орудіе и мать.

Раждаемаго чловѣка не одно
орудіе есть отецъ и мать, но и
Богъ: ибо душа чловѣческая не
раждается отъ сѣмене, но отъ Бо-
га вливается въ тѣло чловѣческое.

Хоть отъими и мысль (то есть
скоту):

Когда у скота смысла нѣтъ, то
не должно быть въ скотѣ и мысли:
ибо мысль происходитъ отъ смы-
сла.

И лица его (то есть крокодила)
онъ смысленъ находить (т.
с. іхневмонь).

Смысленъ за предписаннымъ ре-
зономъ должно исключить, кжжется.

Чтобъ разума въ себѣ скотъ боль-
ше насъ имѣлъ?

Скотъ разума въ себѣ ни много,
ни мало не имѣеть, для того, что
ему не давъ.

И частожь разумъ нашъ приводитъ
насъ въ обманъ,

Хотя намъ и въ вождя и въ стра-
жа оный данъ.

Разумъ нашъ непомраченной въ
понятіи вещей не выше нашихъ
силъ въ обманъ насъ не приводитъ;
кромѣжь того ежели разумъ нашъ
въ обманъ насъ приводитъ, то кто
отъ обмана насъ отводитъ.

Не возражай, что скотъ, съ сво-
имъ побудкомъ тѣмъ,

Шарочно будтобъ онъ былъ осуж-
денный къмъ,

Побудкомъ реченіе неупотре-
бительно и невѣжливо и авторомъ
туть положено за истинкѣ ско-
томъ.

ВЪ ОРГИНАЛѢ НАПИСАНО:

М И Ъ Н І Е:

Погрѣшности творить во многомъ
зablуждая.

Когда бѣ всегда во всемъ исправ-
ныхъ зрѣть намъ ихъ;
То-бѣ разумъ совершенъ признать
былъ долгъ въ самихъ,
(т. е. въ скотахъ).

Въ епістоліи четвертой.

Въ очи наши кто всадилъ небо,
море, землю.

Человѣкъ по тѣлу болше могъ и
менше быть.

Еслибъ были менше, бѣдствій бы
намъ не избыть;

Многи звѣрибъ и скоты за все на-
падали

И конечно-бѣ не боясь насъ они
топтали.

Будежъ бы великимъ чрезвычайно
всѣмъ быть намъ;

То-бѣ обжирцы были человѣки по
устамъ:

Много-бѣ пищи мы въ числѣ ма-
ломъ поглотили:

Коней и другихъ скотовъ мы-бѣ
не находили,

Коиамъ бы возможно на себѣ насъ
здѣсь носить;

Весъ бы тѣмъ порядокъ должно
было намъ смѣсить;

Разума совершеннаго ни несо-
вершеннаго въ скотахъ признавать
не одолаемся.

Всажденнымъ быть въ очи наши
небу, землѣ, и морю тропологично
не служить. Богъ только предста-
вилъ очамъ нашимъ, и зракъ нашъ
только понимаетъ, а не имѣеть.

Бѣдствія намъ бываютъ не отъ
меншины, и бѣдствій избываемъ не
великоюжъ, и насъ топтать звѣ-
рямъ изъ того не слѣдуетъ.

Блибъ столько, сколько желу-
докъ вмѣщать могъ, а чрезъ мѣру
ѣсть бы не могли, и обжирцами
не были.

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО:

О М Н Ъ Н І Е :

Не могли-бъ найти вещаствъ мы
себѣ довольныхъ,

Какъ въ строенію градскихъ, такъ
домовъ наполныхъ.

Въ тягость мы-бъ ужъ были въ
жизни и себѣ самимъ.

Въ епістоль пятый:

Въ старь гъки мудрецы.

Встарь вмѣсто встарину, весь-
ма подло.

1758 года, Августа 16.

КРИТИКА И ВИЗЛОГРАФІЯ.

Замѣчанія на статью, помѣщенную въ 6 N Отечественныхъ Записокъ 1851 года, подъ названіемъ: **Религіозно-языческаго значенія избы Славянца.** *Аванасьева.*

Отдавая должную справедливость стремленію къ изслѣдованіямъ исторической нашей жизни, мы повторимъ старое правило, что изслѣдователь не долженъ произвольно, съ натяжками, подводить былинны (*) подъ теорію, предварительно имъ самимъ построенную или изысканную отъ другихъ, и никакъ не выводить изъ нея новыхъ былинъ; теорія сама есть сводъ выводовъ изъ истинъ, положительно дознанныхъ, и былинъ вѣрныхъ. Не мѣшаетъ также изслѣдователю и то помнить, что труды его предшественниковъ, хотя и прокладываютъ ему дорогу, но онъ имѣетъ полное право, иногда даже обязанъ, ссылаться на объясненныя ими былинъ и доказанныя мнѣнія; но предположенія, догадки и личныя убѣжденія предшественниковъ должны сохранять въ его изслѣдованіяхъ свой собственный характеръ; ихъ нельзя принимать за дознанныя истины. Кажется, нельзя не согласиться на эти условія, иначе личныя убѣжденія и догадки одного будутъ закономъ для другихъ. Уваженіе къ авторитетамъ не имѣетъ обязательной силы. Нужно ли доказывать, что произволъ здѣсь, какъ и во всякомъ ученомъ трудѣ, не имѣетъ мѣста? По моему личному убѣженію, г. Аванасьевъ часто не выполняетъ предложенныхъ здѣсь условій; потому-то, при всемъ уваженіи моемъ къ таланту, къ добросовѣстному и полезному труду изслѣдователя, рѣшаюсь поспорить съ нимъ, не думая при томъ считать своихъ мнѣній безошибочными.

Г. Аванасьевъ, приступая къ объясненію религіозно-языческаго значенія избы Славянца, говоритъ: «Славянинъ, вслѣдствіе естественныхъ условій, опредѣлившихъ первоначальное развитіе его быта, былъ по преимуществу чловѣкомъ домовитымъ, семьяниномъ!» — Что естественныя условія опредѣляютъ развитіе первоначальнаго быта народ-

(*) Редакція осмыслилась замѣнить этимъ словомъ варварскіе факты.

паго, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; по какъ эти условія сдѣлали Славянина *по преимуществу домовитымъ* человекомъ, *семьяниномъ*, это для многихъ остается загадкой; слѣдовательно, выводъ: «оттого изба, въ которой жило семейство Славянина, имѣла для него великое значеніе», равно какъ и предшествующія мысли, что «въ семьѣ его сосредоточивались самые живые интересы и хранились самыя заветныя преданія и вѣрованія», не могутъ быть приняты за истины и требуютъ доказательствъ. Г. Аванасьевъ хочетъ все это подтвердить словами Нестора: «имѣяху бо законъ отцевъ своихъ и преданія.» Но развѣ слова сіи имѣютъ какое-либо отношеніе къ *избѣ* и даже къ *семьѣ*? Справьтесь съ лѣтописью, и вы никакъ не сможете приладить ихъ къ тому, что хотите доказать ими.

Далѣе, чтобъ объяснить сосредоточенность жизни Славянъ *въ избѣ у очага*, сочинитель доказываетъ разьединенность и разсѣянность житья родовъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ, и для того ссылается на разныхъ писателей, и древнихъ и новыхъ; такъ, на примѣръ, онъ приводитъ свидѣтельство Нестора, что «каждый родъ жилъ на своемъ мѣстѣ *особь*». т. е. раздѣльно. Но во-первыхъ, слово «особь» вовсе не значить разьединенно, а только — независимо другъ отъ друга (о себѣ, по себѣ), — и Несторъ это говоритъ для того, чтобъ пояснить разность обычаевъ у разныхъ племенъ; во-вторыхъ, какъ же изъ разьединенности и разсѣянности родовъ сдѣлать общее заключеніе объ одинаковости понятій разныхъ племенъ, объ одинаковомъ *обожаніи очага*? Что-нибудь одно: или мѣстныя и климатическія обстоятельства другія естественныя условія опредѣляютъ первоначальное развитіе народнаго быта и первоначальныхъ понятій, — что впрочемъ несомнѣнно; или при разьединенной и разсѣянной жизни развиваются *одинаковыя понятія*. Въ-третьихъ, сочинитель часто упоминаетъ о *разьединенномъ, разсѣянномъ и обособленномъ* житьѣ Славянъ, вовсе не объясняя, что онъ разумѣетъ подъ этими словами, а такое объясненіе очень нужно. Кто знакомъ съ исторіею русскаго народа и съ настоящимъ житьемъ его, тотъ нелегко пойметъ эту обособленность; потому что Русскіе всегда любили, да и доселѣ любятъ, жить большими семьями, — что согласно и съ родовыми ихъ связями, которыя такъ уважаются Славянами. Русскій человекъ смѣется надъ тѣми *приходами*, которые разсѣяны мелкими выселками и деревушками, и говоритъ: такое-то село *чертъ въ кузовъ несъ, да кучками разтресъ*.

Показавъ въ выпискахъ изъ разныхъ писателей житье-бытье нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, сочинитель переходитъ къ житью

великорусских крестьян, и описывает морально-семейный быт их словами Пэссека: «У Русских есть семейства изъ пяти «и шести женатыхъ братьевъ, которые съ женами и дѣтьми живутъ въ *одной избѣ*, или, покрайней мѣрѣ, *на одномъ дворѣ*; всѣ заодно «работаютъ и всѣ *повинуются* или *старшему брату*, или *отцу*, «или даже *дѣду*, который часто едва движется, но не отказывается «отъ семейной власти, отъ своего первенства. — Всѣ невѣстки въ по-«слушаніи у одной старшей или матери ихъ мужей.» Изъ этого описанія дѣлаетъ онъ слѣдующій выводъ: «Такимъ образомъ въ избѣ помѣщаются нѣсколько поколѣній. Избы у русскихъ крестьянъ *часто попадаютъ курныя*; дымъ выходитъ въ волоковое окно и въ разтворенную дверь. Большая печь въ углу и палаты составляютъ необходимость всякой *избы*». Что касается до первой мысли о помѣщеніи нѣсколькихъ поколѣній въ одной избѣ, она дѣйствительно выходитъ изъ предшествующаго; но все остальное не имѣетъ никакой связи съ прежними показаніями. А эти признаки избы даютъ ли какое-нибудь понятіе о жилищѣ русскаго крестьянина? *Часто попадаютъ курныя! Не попадаютъ*, а до второй четверти настоящаго столѣтія *была* избы только изрѣдка *падались* развѣ у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ; только на большихъ дорогахъ, да и то самыхъ торныхъ, какъ между Москвою и Петербургомъ, онѣ не были рѣдкостью. Судя по тому, что г. Аванасевъ говоритъ о частяхъ дома русскаго крестьянина, объ избѣ и принадлежностяхъ ея, можно думать, что онъ все это узналъ только изъ книгъ, а не изъ дѣйствительнаго быта русскаго человѣка; да мимоходомъ можно сказать тоже самое и о знаніи его русскихъ повѣрій,—впрочемъ объ этомъ рѣчь впереди. Чтобъ не останавливаться часто въ продолженіи сей статьи на объятіи частей русскаго домостроительства, которое такъ невѣрно представлено сочинителемъ, я помѣщаю здѣсь полное описаніе крестьянскаго дома.

Начатки русскаго, а можетъ быть и вообще Славянскаго строительнаго искусства, съ остаткомъ первобытнаго его характера, можемъ видѣть и нынѣ въ сельскихъ строеніяхъ по всей средней Россіи. Кто тамъ жилъ, или только ѣзжалъ не безъ вниманія, тотъ конечно знаетъ, что значить *связь* въ домостроствѣ русскомъ: она обыкновенно состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: *изба*, *спни* и *горница*, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои необходимыя и случайныя части, отдѣлы и принадлежности. Нѣтъ сомнѣнія, что прежде образованія правильной *связи* были сначала два отдѣльных строеніе; а еще вѣроятнѣе, прежде всего была одна только *изба*, пріютъ отъ холода; потомъ, для боль-

шаго удобства, противъ ея стали строить *горницы*, какъ лѣтнее жилище, и какъ чистый покой для гостей; въ послѣдствіи эти два строенія *связаны* переходомъ, *сѣнями*, и оттого все это названо *связью*. Самыя названія и устройство частей связи показываютъ назначеніе ихъ. *Изба* *избавляетъ* отъ холода; *горница*, въ которой жилие устраивается очень высоко въ сравненіи съ избой, назначена для принатія гостей въ лѣтнее время, — тутъ же и спальня молодыхъ; а *стѣни*, соединяя ту и другую, даютъ въ жаркое время тѣнь, прохладу, и представляютъ лѣтнюю столовую, да и зимой имѣютъ свое служебное назначеніе для нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. *Изба*, по устройству своему будучи шире *горницы* и *сѣней*, выдается на дворъ выступомъ, такъ что образуетъ значительный уголъ, въ которомъ обыкновенно устривается вдоль сѣвей *крыльцо*; оно имѣетъ видъ крыла, и нередко своею затѣйливою крышей, точеными столбами и рѣзными перилами придаетъ строенію красивый видъ. При богатыхъ домахъ бывають и заднія крыльца, которыя придѣлываются съ другой стороны сѣвей и не отличаются украшеніями. Кровля всего зданія, всегда высокая, островерхая, представляетъ видъ треугольной призмы, положенной вдоль всей связи; концы кровли, выдаваясь довольно далеко отъ стѣны, образуютъ значительный навѣсъ; по краямъ кровли, образующей навѣсъ, отъ князка до нижнихъ угловъ прикрѣпляются рѣзные тѣсницы или тонкія доски — *полотенцы*, украшенные разными изображеніями и фигурами, которыя нередко помѣщаются также и вдоль всего князка — гребня кровли.

Внутренность избы имѣетъ только два порядка въ расположеніи ея частей, судя по тому, *черная* ли изба — *курная*, или *бѣлая*. Входя изъ сѣней въ *черную* *избу* и обратившись отъ дверей на лѣвую сторону, вы увидите въ самомъ углу полку съ образами; по обѣимъ сторонамъ полки по волоковому окну: одно на крыльцо, а другое на дворъ — отступленія очень рѣдки. Уголъ, гдѣ помѣщаются святые образа, называются *большимъ* или *переднимъ*, иногда *краснымъ*; а также *большимъ мѣстомъ*; за обѣдомъ и ужиномъ здѣсь обыкновенно садится старшій въ домѣ, или почетный гость. Отъ двери къ переднему углу тянется лавка съ закрытымъ подлашкомъ, называемая *коникомъ*, вѣроятно, отъ того, что конецъ ея у двери почти всегда бываетъ украшенъ, вырѣзанною изъ дерева, лошадиною головкой. (*) Отъ передняго угла къ заднему тянется во всю длину стѣны *большая лавка*, на которой во время пировъ и празднествъ сажаютъ женщинъ — гостей; по средямъ

(*) Едва ли такъ. *Ред.*

этой, так называемой, *большой* стѣны въ хорошихъ или богатыхъ избахъ дѣлается *косячатое* или *красное окно*, а въ бѣдныхъ *волоковое*; вдоль задней стѣны, противоположно конику, придѣлывается широкая въ вѣсколько досокъ *лабка*, которая служитъ кроватью старшей хозяйки—*набольшой*, съ малыми дѣтьми или внуками; подъ этой лавкой въ зимнее время помѣщаются ягнята; все это мѣсто—*кутъ*. Вверху надъ кутомъ помѣщены *палати*, которыя занимаютъ четверть всего верха избы. Далѣе отъ кута возвышается *казенка*, немного ниже печи, къ которой она пристроена; подъ казенкою ходъ въ подполь, куда ведетъ дверь, находящаяся прямопротивъ избяной двери. Рядомъ съ казенкою стоитъ въ углу большая широкая *печь*, устьемъ къ двери, или, лучше сказать, къ *поду*, т. е. домашней ручной мельницѣ, которая находится въ углу на право отъ входа въ избу, противъ устья печи. (*) Между *подомъ* и печью помѣщается *судная лавка* или посудная, а надъ нею почти столь же длинная, закрытая полка—*поставецъ*—родъ буфета. Передъ печью родъ очага—*загнетка* или *шестокъ*. Отъ возвышенія, сдѣланнаго надъ концемъ казенки и дверью въ подполь, идетъ *грядка* и оканчивается надъ дверью избяною; она назначается для сушенія дровъ и растопки. Часто полъ раздѣляется порогомъ, который, начиная отъ конца коника, идетъ до конца вѣшняго бока казенки и называется *середюю*; такъ что пространство между дверью и подомъ съ одной стороны, и казенкою и печью съ другой бываетъ ниже остальной части пола большою ступью. Въ переднемъ углу вдоль большой лавки, доходя до половины длины ея, стоитъ длинный столъ, по большей части дубовый. Рядомъ со столомъ во всю длину стоитъ узкая скамья. Вверху около печи, въ обѣихъ стѣнахъ по окну волоковому для выпуска дыма: одно противъ устья, а другое надъ казенкой. Здѣсь вы видите въ точномъ значеніи русскую *избу*, примѣненную, по первобытнымъ понятіямъ, къ хозяйству и нуждамъ простаго народа. Все въ ней на своемъ мѣстѣ; даже *свѣтлицъ* съ желѣзными въ верху его ушками съ появленіемъ темныхъ вечеровъ и длинныхъ ночей появляется на своемъ завѣтномъ мѣстѣ; по конецъ длиннаго стола, и держитъ горящую лучину.

Но *горница*, которой полъ возвышается надъ помостомъ съней двумя, тремя, и даже четырьмя широкими ступеньками, устроена совсемъ иначе: здѣсь все примѣнено къ бѣдной сельской роскоши; потому не только объемъ, но и расположеніе и устройство ея не-

(*) *Подъ* есть часть печи—внутренній полъ ея. Другаго пода мы не знаемъ. Ред.

одинаковы; въ ней все согласуются съ средствами и понятіями хозяйства о роскоши. Да и бѣлая изба, которая, не только въ деревнѣ, но даже въ городѣ между бѣдными классами жителей, сохранила свой первообразъ, ясно, есть слѣдствіе понятій, болѣе очищенныхъ и отличающихъ жизнь человѣческую отъ жизни первобытной, полуживотной: здѣсь уже нѣтъ ни *коника*, ни *пода*, ни *кута*, ни *казенки*, ни *середы*, все это изгнано, и порядокъ измѣненъ. Печь поставлена тамъ, гдѣ въ черной избѣ подѣ, съ правой руки отъ входа, устьемъ обращена въ дальній уголъ, слѣдовательно, прикрываетъ отъ взоровъ входящаго все безпорядки, необходимые при стряпнѣ. Здѣсь нѣтъ уже волоковыхъ оконъ; она освѣщается окнами красными, косячатыми; она не вмѣщаетъ въ себя домашнихъ животныхъ. Таково было строительное искусство въ Россіи съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ объемъ строеній, въ размѣщеніи нѣкоторыхъ пристроекъ, въ частныхъ подробностяхъ и украшеніяхъ происходили и происходятъ измѣненія; но общій характеръ связи, такъ сказать, типъ ея остался тотъ же самый. Справедливость этого мнѣнія доказывается, во-первыхъ, повсемѣстнымъ сходствомъ общаго устройства пѣлой связи и особенно *избы*; во-вторыхъ, тѣмъ, что русскій челоуѣкъ безъ необходимости не терпитъ новизны; въ-третьихъ и тѣмъ, что онъ безъ нужды не любитъ ломать себѣ голову думаньемъ да гаданьемъ, что повседневныя житейскія дѣла его должны идти по пробитой тропѣ, что онъ, входя отъ роду въ первый разъ въ чужой домъ въ гости или на ночлегъ, въ потьмахъ хочетъ знать и знаетъ, куда помолиться Богу, гдѣ найти хозяйша, гдѣ хозяйку, гдѣ высушить рукавицы, варяги и онучи; оттого-то хозяйственная часть дома должна быть проста; и *изба* осталась таже, какъ она дошла до необходимаго въ простомъ быту удобства, съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ. Но въ весельѣ русскій неумѣренъ, въ самыхъ ограниченныхъ своихъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ неразчетливъ; оттого-то украшенія зданій бываютъ затѣйливы, размахисты, выразительны, или, лучше сказать, рѣзки; оттого-то горница и свѣтелки измѣнились по прихотлямъ самаго даже плотника. Но и въ этихъ произвольныхъ измѣненіяхъ есть законъ народности, о которомъ здѣсь едва ли умѣстно разпространяться: я и такъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ сторону.

Однако, простите, еще нѣсколько словъ о томъ же. Въ концѣ той-же 55-й страницы г. сочинитель говоритъ: «Названіе *изба* первоначально означало только ту *теплую* часть жилища, въ которой

быть поставленъ *очагъ*: а потому необходимо отличить *избу* отъ *свѣтлицы* (*кльти*); послѣдняя всегда строится черезъ сѣни насу-противъ первой.» Считаю нужнымъ замѣтить при семъ случаѣ, что *свѣтлицу* необходимо отличать не только отъ *избы*, но ее надо отличать еще отъ *горницы*, съ которою она болѣе сходствуетъ, нежели съ *избою*, а тѣмъ болѣе отъ *кльти*, которую сочинитель поставилъ въ скобкахъ при свѣтлицѣ. Та часть связи, которая строится *насу-противъ* *избы*, не всегда называется свѣтлица, а только въ такомъ случаѣ, когда она соотвѣтствуетъ этому названію своею свѣтлостію; общее же названіе ей — *горница*, иногда *вышка*. Собственно говоря, свѣтелка или свѣтлица есть принадлежность богатаго дома, слѣдовательно она — рѣдкость, роскошь, какъ, на примѣръ, при домѣ священника въ богатомъ приходѣ, головы, старосты, т. д. Она болѣею частію занимается дѣвушками, окнами выходитъ въ садъ; въ ней нѣтъ волоковыхъ оконъ, а все *кослицатыя* (*красныя*); здѣсь хранятся дорогіе образа, и вообще вещи цѣнныя (въ крестьянскомъ быту) и родовыя. Хотя горница иногда называется *кльтью*; но это бываетъ только въ домахъ бѣдныхъ, въ семьяхъ одинокихъ, гдѣ одна хозяйка, и горница за неимѣніемъ особой кльти, собственно такъ называемой, исполняетъ ея назначеніе. Кльть же есть небольшое строеніе, которое всегда бываетъ отдѣльно въ сторонѣ отъ главной *связи*; она строится безъ печи, съ маленькимъ волоковымъ окномъ. Такихъ кльтей въ большихъ семьяхъ бываетъ по нѣскольку, такъ что каждая невестка или сноха имѣетъ свою отдѣльную кльть для храненія въ ней своего личнаго и мужа ея частнаго имущества, какъ напр: ихъ платья, бѣлья холстовъ (*красна*) ея наряденныхъ и выткаиныхъ; молодые тамъ и спятъ, не смотря ни на какіе морозы, прикрываясь перинами. Иногда впрочемъ эти кльти строятся довольно большія и раздѣляются тонкобревенчатую стѣною на нѣсколько кльтушекъ для каждой пары или четы.

Г. Аванасьеву непременно хочется доказать обожаніе *избы*, *огня*, *очага* или *печи* и *дыма* Славянами; потому онъ утверждаетъ, что у нихъ, не смотря на множество пристроекъ сѣней, горницъ, свѣтелокъ и кльтей, изба всегда была одна и очагъ одинъ (*печь*). Для этого онъ объясняетъ и доказываетъ сродство *избы*, *печи*, *огня* и *дыма* извѣстною народною загадкой: «мать толста, дочь красна, сынъ подъ облака ушелъ,» — мать — печь, дочь — огонь, сынъ — дымъ. Собственно въ народной загадкѣ къ слову «сынъ» прибавляется «*хараберь*»; это слово нужно, потому что онъ подъ облака ушелъ. Я не хочу и не буду оспаривать обожанія *избы* и *печи*; хотя, правду сказать, вѣрится съ тру-

домъ, потому что между привязанностію и обожніемъ огромная разность,—да и догадка — не была. Не легко доказать, что Славяне обожали *печь* или очагъ, и доказать тѣмъ, что Русскій или вообще Славянской, мужичекъ любитъ валяться на печи, особенно прѣхавъ изъ *путины*, а баба хлопочетъ день и ночь передъ печью. Это не Славянская, а общечеловѣческая склонность; и Французы и Англичане жмутся къ камину, и Нѣмецкая кухарка всегда хлопочетъ у очага или плиты, и даже котъ любитъ грѣться у печки. Огонь всѣхъ грѣетъ равно, и обожателей и необожателей. Сомнительно также и то, чтобы у Славянскихъ родовъ *очагъ былъ одинъ, и изба была одна*, потому, пока этотъ родъ *черезъ нарожденіе* не сдѣлался слишкомъ великъ. Здѣсь можно бы замѣтить, что выраженіе: «*слишкомъ великъ*,» не представляетъ никакого определеннаго понятія, но дѣло не въ томъ. Мы ничего не знаемъ положительно о томъ, какъ все это было во времена отдаленной древности, и г. Аванасьевъ, дѣлая произвольныя догадки о единствѣ избы и очага, не показываетъ намъ никакихъ былей для утвержденія своихъ мыслей; но во времена историческія мы встрѣчаемъ *терема теплые*, следовательно съ печами или очагами, и избы разныхъ названій по различію назначенія ихъ, какъ напримѣръ, въ историческихъ преданіяхъ о жилищахъ жень великихъ князей въ языческія времена, въ рассказъ священника Василя объ ослѣпленіи Василя. Да и современное житіе Русскаго крестьянина, которое, во мнѣнію самого г. Аванасьева, въ сущности нисколько не измѣнилось, не подтверждаетъ этого единства избы и очага; стоитъ только вспомнить хутора малороссійскіе, пчельники, удаленные отъ домовъ, и скотныя избы въ большихъ русскихъ семьяхъ. Наконецъ русскій народъ въ своихъ клятвахъ, пословицахъ, погворкахъ, прибауткахъ и сказкахъ сохранилъ воспоминаніе о всемъ, что онъ любилъ и что исповидѣлъ; гдѣ же мы видимъ или слышимъ, чтобы русскій человекъ клялся печью или избою? Въ брани же или попрекъ лѣптямъ: «ахъ, ты лежбоекъ *запечной*,» вѣтъ ничего лестнаго для *печи*.

Я уже имѣлъ случай выразить подозрѣніе, что г. Аванасьевъ знакомъ съ русскимъ бытомъ по книгамъ только; теперь встрѣчается ясное доказательство тому, что онъ и народныя повѣрья знаетъ только по книгамъ. Шаткость такого знанія такъ очевидна, что не требуетъ доказательствъ; на немъ нельзя основать прочнаго зданія. Сочинитель въ доказательство обожанія печи, огня и дыма приводитъ извѣстную загадку: «Мать толста, дочь красна, сынъ (хараберь) подь облака ушелъ,» и показываетъ, что она взята имъ изъ «Быта русскаго

народа» Терещенки; этимъ онъ ясно обнаружилъ, что не зналъ загадки прежде чтенія книги Терещевки; иначе не пропустилъ бы слова «характеръ.» Кто знаетъ духъ русскаго языка, знакомъ съ эстетическимъ чувствомъ народа, тотъ подобнаго слова не пропуститъ. Русскій чловѣкъ, услышавъ испорченную такимъ образомъ загадку, скажетъ: *да это, барицъ, какъ-то не складно!* Въ самомъ дѣлѣ, даже наше ухо, отвыкшее отъ народнаго склада рѣчи, чувствуетъ, что чего-то не достаетъ при такихъ пропускахъ. Да притомъ эта загадка не такая забытая древность, чтобъ искать ее у г. Терещенки; она живетъ въ памяти и живомъ говорѣ народа. Книжность знаній сочинителя видна и изъ того, что онъ съ напряженіемъ доказываетъ средство печи, огня и дыма, какъ будто новую истину; онъ приводитъ слова г. Терещенки, объясняющія средство свѣтилъ небесныхъ: «Славянинъ все представленія свои облачалъ въ патриархальныя родственныя формы; самыя божества свѣта являлись одною семьею:

Красное солнышко—то хозяинъ въ дому;

Свѣтель мѣсяць—то хозяйка въ дому;

Часты звезды—то милы дѣтушки!»

Ежели эти стихи замѣчательны въ народной поэзіи, такъ вовсе не потому, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ свидѣтельствовали, что, такъ называемыя, божества свѣта являлись Славянину (не лучше ли Русскому?) одною семьею; а по смѣлому сравненію хозяина съ солнцемъ, хозяйки съ мѣсяцемъ и проч. Да и что это за божества свѣта? откуда мы взяли ихъ? Самые эти стихи прямо противорѣчатъ обожанію свѣтилъ небесныхъ; простодушный поэтъ древности не осмѣлился бы сравнить людей съ божествами: онъ боялся боговъ. Такія сравненія принадлежатъ утонченному или испорченному вкусу школьныхъ стихотворцевъ.

Тамъ, гдѣ воображеніе имѣетъ просторный разгулъ, произволь и догадки, ежели не всегда умѣстны, то, по крайней мѣрѣ, понятны; но такой произволь, какимъ пользуется г. Аванасевъ въ производствѣ словъ, которое, какъ извѣстно, подчинено постояннымъ законамъ, не совсѣмъ понятенъ. Въ основаніе объясненія словъ, относящихся къ предмету изслѣдованія, сочинитель говоритъ: «Въ религіозномъ значеніи *очаги* кроется филологическое и археологическое объясненіе словъ и понятій, принадлежащихъ нашему языку, и тѣсно связанныхъ съ предметомъ нашей статьи.» Вслѣдствіе этого положенія онъ производитъ слово *изба*, отъ глагола *топить*; потому что находитъ у Нестора слово *истопка*, отсюда—*истба*, накопецъ—*изба*. Несторъ, равно какъ и современники его могли называть *избу истопкой*; но изъ этого во-

все не слѣдуетъ, чтобъ *изба* происходила отъ *истопки*. Такое слово-производство невозможно, во-первыхъ, потому что слова производятся отъ другихъ посредствомъ нарощенія или измѣненія ихъ окончаній, а не посредствомъ утѣченія. Въ этихъ нарощеніяхъ и измѣненіяхъ есть опредѣленные формы, подъ которыя никакъ нельзя подвести перемѣну — *топка* на *ба*; всякій безъ особенныхъ усилій пойметъ, что здѣсь слогъ *ба* — коренной. Во вторыхъ, вѣроятно, сочинителю изслѣдованій извѣстенъ старинный глаголь: *бавить*, вышедшій изъ употребленія и оставшійся только въ сложныхъ словахъ: *при-ба-вить*, *у-ба-вить*, *про-ба-вить*, *из-ба-вить*. Ясно, что здѣсь слогъ: *вить* — глагольное нарощеніе, признакъ извѣстнаго разряда дѣйствительныхъ глаголовъ, а *ба* — коренной слогъ, къ которому прилагаются предлоги, и между прочимъ *из*; такимъ образомъ выходитъ *изба*, что значитъ, такъ сказать, *сохранъ*, *сохрана*. Если сочинитель охотникъ ссылаться на пѣсни, то мы попросимъ его послушать и пѣсенку:

Ты изба ли моя, *избавушка*,
Ты *сохрана* моя надежная
Отъ невгоды злой, буйна вѣтера... (*)

Еще страннѣе кажется произведеніе слова *домъ* — отъ *дымъ*. Слогъ *дымъ*, или слово *дымъ* дѣйствительно есть корень, отъ котораго происходятъ: *дымитъ*, *воз-дым-ать*, но никакъ не *домъ*. Пусть г. Аванасевъ вспомнитъ латинское слово: *domus*, и споръ нашъ, кажется, будетъ рѣшенъ. Если же когда-то слово *дымъ*, употреблялось въ значеніи дома; такъ это не по этимологическому средству словъ, а въ переносномъ значеніи именемъ признака назывался предметъ. Окно онъ называетъ *дымоволокомъ*, намекая тѣмъ на *волоковое окно*; и эта аналогія не удачна. Окно называется *волоковымъ* потому, что оно закрывается и открывается *волокомъ*, задвигиваніемъ и отдвигиваніемъ доски, вставленной въ пазы двухъ бревенъ.

За тѣмъ слѣдуетъ изчисленіе и описаніе нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ народныхъ. Все это не только занимательно, но и полезно для знакомства съ Русскимъ бытомъ. Однако при всей благодарности, которую мы обязаны г. Аванасеву за эти извѣстія, нельзя не сдѣлать нѣсколько замѣчаній на его догадки и выводы; такъ, на примѣръ, онъ говоритъ, что первоначальныя жертвоприношенія принадлежали *Очагу* — это убѣдительно доказывается тѣмъ *фактомъ*, что «аттрибуты кухни

(*) Въ пѣснь только игра словъ, хотя, правда, и прежнее производство избы отъ *истопки* не совсѣмъ вѣроятно. Ред.

и очага — *кочерга, помело, голикъ, ухватъ, лопата, сковорода* и проч. получили значеніе орудій жертвенныхъ.» Неужели въ самомъ дѣлѣ это фактъ? Гдѣ же, какъ и чѣмъ онъ обнаружился? Да ежели это было и фактомъ, что кочерга со всею своею братією были орудіями жрецовъ; то слѣдуетъ ли изъ того, что первоначальныя жертвоприношенія принадлежали очагу? Гдѣ эти *аттрибуты* прежде употреблялись, на кухнѣ или при жертвоприношеніи? Да и самый *очагъ* чѣмъ прежде былъ, простымъ очагомъ (печью) для сваренія пищи и обогрѣванія шалаша, или божествомъ, которому приносили жертвы? Ежели справедливо послѣднее, то за что же онъ попалъ въ боги? — Признаюсь въ ограниченности моей смысленности, — я тутъ ничего не понимаю. Долго ломалъ я себѣ голову надъ этимъ силлогизмомъ; старался пояснить его статью о *Вѣдунъ и Вѣдьмъ*, на которую сочинитель ссылается, но никакъ не могъ разгадать его. Положимъ, что очагъ прежде былъ божествомъ — что впрочемъ вѣрно, — что кочерга, помело, ухватъ, (или, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ его, рогачъ) долго ли, коротко ли служили богу-очагу, потомъ сослали ихъ на кухню (порусски поварню, *челядию*); такъ неужели они на простую кухню приняты, по тому что нѣкогда служили богу-очагу, были священными — въ языческомъ смыслѣ — орудіями жертвоприношенія? — Нѣтъ, они на кухнѣ или на поварнѣ употребляются, просто, по тому, что ими удобно загребать угли, заметать золу и ставить или вынимать горшки. Конечно, на это можно бѣ выдумать орудія иныя; да вотъ бѣда, что Русскій человекъ не любитъ много думать, особенно попусту. А впрочемъ и Нѣмки не пренебрегаютъ этихъ простыхъ орудій.

Г. Аванасевъ хочетъ, во что бы то ни стало, найти непрерывную связь и послѣдовательность между значеніемъ очага и всѣми повѣрьями, обрядами и обычаями Славянъ, — это его любимый конекъ, который, мимоходомъ сказать, часто бываетъ такъ упрямъ, что завозитъ въдока въ темный лѣсъ. Такъ, рассказывая очень интересныя повѣрья и обряды, совершаемые Русскими при новосельяхъ, онъ прибавляетъ, что на всякомъ новосельѣ послѣ перваго ужина (это называется *влодины*), въ знакъ будущаго обилія и счастья, разбиваютъ всѣ старые горшки, въ которыхъ готовили ужинъ, при этомъ разбиваютъ и тотъ горшокъ, въ которомъ принесенъ огонь изъ стараго дома на новый очагъ. Все это очень хорошо! Но напрасно сочинитель этимъ обычаемъ хочетъ объяснить происхожденіе того повѣрья, что Русскіе считаютъ хорошею примѣтою, когда на пирушкѣ, преимущественно, имянинной, свадебной и крестинной, нечаянно разобьютъ какую-либо посуду; тутъ

нѣтъ никакой связи; въ первомъ случаѣ бьютъ горшки умышленно, преднамѣренно, обычно, и хозяйка, которая всегда дрожитъ за каждый горшечикъ, на входинахъ сама выдаетъ ихъ; а во второмъ случаѣ вся сила въ печальности, неумышленности. Что же касается до обычая, который напрасно сочинитель называетъ обрядомъ, — бить грошки на свадьбѣ — (т. е. на другой день свадьбы), то онъ имѣетъ свое особенное значеніе и происхожденіе, которое вовсе не зависитъ отъ вѣры въ счастье, приносимое или ожидаемое отъ разбитія горшковъ, а есть знанъ *совершившагосл счастья*. Вотъ въ чемъ значеніе свадебнаго обычая! Дружка и сваха на Русской свадьбѣ совѣмъ не то, что *шаферъ* и *demoiselle d'honneur*, — какъ мы привыкли думать — на нашей столичной свадьбѣ. Нѣтъ, дружка и сваха хотя еще и молодые люди, но они уже брачные, и преимущественно разторопные; они должны знать все, что отнесется къ свадьбѣ — и явное и тайное. Дружка выкупаетъ и достаетъ невесту, и привозитъ ее въ церковь; сваха тотъ-часъ послѣ вѣчанія въ трапезѣ церковной расплетаетъ новобрачной дѣвичью косу, заплетаетъ ей волосы въ двѣ жепскія косы и закрываетъ ихъ кичкою, кокошникомъ или другимъ головнымъ уборомъ отъ чужихъ взоровъ на всегда (*). Дружка и сваха ведутъ молодыхъ спать, тамъ раздѣваютъ ихъ, нагрѣваютъ имъ постель и укладываютъ; утромъ они поднимаютъ молодыхъ съ постели, слѣдовательно первые узнаютъ всѣ ихъ тайны; послѣ того отправляются по домамъ всѣхъ родственниковъ, и тамъ-то бьютъ горшки и всякую другую посуду, какая попадаетъ имъ на глаза при входѣ въ избу, *извѣщая* тѣмъ о радостномъ событіи; и просятъ *хлѣба соли откушать съ княземъ молодымъ и съ его княгиней*. Родственники и особенно родители новобрачной пуще грома боятся скромнаго и тихаго появленія въ ихъ домъ дружка безъ свахи для приглашенія на пирь. Едва только полетятъ черепки отъ разбитыхъ горшковъ, какъ старуха-мать и даже бабка молодой, которая дотолѣ иногда сидятъ подгорюнясь, пускаются первая въ плясъ. Послѣ тихаго приглашенія на хлѣбъ-соль, родители уныло отправляются въ домъ молодыхъ; тамъ ожидаетъ ихъ оскорбительная встрѣча: едва переступаютъ они порогъ, имъ подносятъ пива, вина или меда въ стаканѣхъ со свищами на днѣ. — Не считаю нужнымъ говорить о подробностяхъ свадебныхъ; они сюда нейдутъ. — Вотъ истинное значеніе

(*) Ничѣмъ не лзя такъ жестоко обидѣть Русскую женщину, какъ сорвать съ головы кичку и открыть ей голову; это величайшее безчестіе.

свадебнаго обычая *бить горшки и другую посуду!* Форма ея груба, дика, но направленіе грубо-нравственно, поучительно! Правда, что теперь все это измѣняется, сглаживается.

Хотя гаданія, примѣты и врачеваніе посредствомъ огня, составляющіи повѣрья Русскаго простолудія, указаны авторомъ очень вѣрно, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ нынѣ встрѣчаемъ и узнаемъ даже въ полу-образованныхъ классахъ народа; однако справедливость требуетъ и здѣсь кое-что замѣтить. 1-е, все это очень мало относится къ настоящей темѣ — къ религиозно-языческому значенію избы Славяннина; — 2-е, сочинитель, говоря о заклинаніяхъ и молябахъ, долженъ бы для примѣра представить нѣкоторыя изъ этихъ заклинаній; тогда бы всякій могъ видѣть, дѣйствительно ли огонь играетъ главную роль въ гаданіи или леченіи? Всякому, на примѣръ, кто знакомъ съ этими повѣрьями, извѣстно, что при умываніи или вспрыскиваніи отъ *дурнаго глаза*, хотя и кладутъ уголь, но вода имѣетъ главное значеніе въ врачеваніи; при этомъ же врачеваніи отъ *дурнаго глаза* употребляется слизываніе большого языкомъ, что не имѣетъ никакой связи съ огнемъ. Наконецъ, есть ли какое-нибудь отношеніе между огнемъ и хоть слѣдующими заклинаніями, которыя употребляются знахарками при леченіяхъ: «на морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буяпѣ стоитъ старый дубъ, а подъ тѣмъ дубомъ сундукъ (ящикъ)-зарыть, а въ томъ ящикѣ утка сѣрая, да въ той уткѣ...?». 3-е, связь или послѣдовательность, которую сочинитель хочетъ открыть между обожаніемъ огня и очага, и между описанными повѣрьями, также остается загадочна, а выводы, основанные на ней, произвольны и натянуты. Неужели все, на чемъ люди гадаютъ, надо причислить къ божествамъ? — Напримѣръ, подозрѣваемыхъ въ кражѣ заставляютъ плевать на вѣтеръ: коли брызги попали на лице, виновать; а нѣтъ, такъ правъ. Что изъ этого слѣдуетъ?

Нерѣдко положительность, съ какою г. Леонасьевъ рассказываетъ, разсуждаетъ и увѣряетъ читателя въ истинѣ того, что составляетъ самый причудливый вымыселъ, бываетъ изумительна; вотъ на примѣръ: «Изда, служащая *первоначальнымъ мѣстомъ* совершенія религиозныхъ обрядовъ, кромѣ постоянного въ ней пребыванія *очага*, освящалась еще нисхожденіемъ въ нее *другихъ свѣтлыхъ боговъ*. Сила жертвы и моленій такъ была велика, что божества, призываемые Славяниномъ, *оставляли небо и нисходили къ немъ въ избу вкушать отъ жертвенныхъ приношеній*, сожигаемыхъ на очагѣ, и помогать въ бѣдѣ человѣку. Славянинъ глубоко вѣрилъ въ силу заповѣднаго слова

своей молябы, и не разъ обращался къ небеснымъ божестрамъ свѣта съ такимъ призывомъ: «Мѣсяцъ ты *красный*, *сойди въ мою клѣтъ*; солнушко ты *привольное*, *взойди на мой дворъ*», или: «*сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь и унеси ее подъ облака.*» Отсюда родилось вѣрованіе, что въ избѣ можетъ таинственно присутствовать вся боготворимая сила природы, или, по выраженію старинной пѣсни:»

Чудо въ теремъ совершилося:
 На небѣ солнце, въ теремъ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремъ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремъ звѣзды:
 На небѣ зари, въ теремъ зари;
 И вся красота поднебесная!..»

Читая эти строки, думаешь вольно, ужъ не вѣрять ли нашъ сочинитель въ дѣйствительность такихъ чудесъ? Такъ велика любовь его къ своему предмету, такъ сильно его увлеченіе! А между тѣмъ все это не болѣе, какъ его собственное созданіе. Правда, въ народной памяти хранятся и эти обращенія къ солнцу и мѣсяцу, и эти стишки *о чудѣ въ теремъ*; но народъ никогда не думалъ дарить имъ такого значенія, и они никакъ не могутъ быть ни доказательствомъ обожаемости очага, ни выводами обожанія его; изъ ряду съ этими призывами и обращеніями въ народѣ сохранилось много и другихъ, подобныхъ имъ, особенно къ рѣкамъ и вѣтрамъ, на прим. «Унеси ты мое горе, быстра рѣчевка, съ собой....» или «Вѣтеръ ты мой, ахъ, буйный вѣтеръ! разнеси ты мою тоску, ты мою тоску по чисту полю, по чисту полю, въ дремучій лѣсъ....» Невѣжество полудикаго народа способно ему внушить много дикихъ идей; но едва ли самый грубый дикарь можетъ вѣрять постоянно, считать, такъ сказать, за догматъ, что солнце и мѣсяцъ и звѣзды сходятъ къ нему въ избу. Онъ видитъ и вѣрять, что свѣтъ мѣсяца, свѣтъ и теплота солнца сходятъ къ нему на дворъ и въ окно избы, на его сады, огороды, поля и луга, и просить отъ нихъ свѣта и тепла; и при томъ просить ихъ не всегда при боготвореніи, а иногда просто—какъ вещи пріятной и полезной. Развѣ мы не говоримъ: «Дождикъ, пріударь, батюшка, хорошенько!» или, развѣ не слышимъ, какъ малые ребята поютъ: «Дождикъ, дождикъ, перестань, мы поѣдемъ во Рязань....» Если даже мы допустимъ справедливость основной мысли сочинителя, и признаемъ вѣрыми его выводы—хотя они превосходятъ всякое сомнѣше;—то и тогда встрѣтимъ здѣсь явное противорѣчіе. Г. Аванась въ усиливается доказать *обожаніе очага и*

святость избы, какъ вмѣстилища божества; а между тѣмъ онъ *очагъ* называется только жертвенникомъ, на которомъ сожигались жертвенныя приношенія. Потомъ, доказывая, что *изба*, кромѣ постоянного пребыванія въ ней *очага*, освѣщалась нисхожденіемъ въ нее и другихъ свѣтлыхъ боговъ, представляетъ призывъ *краснаго* мѣсяца въ *клять*; вѣдь *клять* не *изба*. въ ней нѣтъ ни *очага*, ни *печи*. Да и то нужно замѣтить, что въ этихъ обращеніяхъ и призывахъ едва ли мѣсяць когда-либо называется *краснымъ*? Сколько мнѣ помнится, во всѣхъ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ и прісказкахъ солнце называется то *яснымъ*, то *краснымъ*, а о лунѣ и звѣздахъ говорится всегда: «*свѣтлая* мѣсяць, *часты* звѣзды.» Можно бы сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи вообще этихъ призывовъ; но я и такъ боюсь упрека за придирки къ мелочамъ; потому что многіе изъ нашего читающаго общества считаютъ всѣ народныя повѣрья, да и самую народность, за такую мелочь, къ которой занимаются только педанты. А вотъ заключеніе, что отсюда родилось вѣрованіе въ возможность присутствованія въ избѣ всей благотворной силы природы, и что старинная пѣсня: «чудо въ теремѣ покзалося,» выражаетъ это вѣрованіе, выше всѣхъ скачковъ въ умозаключеніяхъ. Какъ могло изъ этихъ призывовъ родиться такое вѣрованіе? Тутъ по неволѣ вспомнишь старинную поговорку: «родилося чадушко старше бабушки.» Ужъ если допустить сродство или послѣдовательность между ними, то скорѣе эти призывы могли родиться изъ вѣрованія. Не помню, поются ли эти стихи о чудѣ въ теремѣ, какъ особенная пѣсня; но навѣрное знаю, что они употребляются въ нѣкоторыхъ сказкахъ для изображенія великолѣпія палаговъ и дворцовъ сказочныхъ, и преимущественно въ сказкахъ восточнаго происхожденія, какъ наприм. *О Золотой горѣ*, *о Жарь-птицѣ*. Здѣсь они имѣютъ смыслъ вовсе не религіозный, а просто, какъ я уже сказалъ, изображаютъ красоту и роскошь терема, который какъ будто споритъ съ великолѣпіемъ небеснымъ; выраженіе: «и вся *красота* поднебесная,» прямо указываетъ на это значеніе.

«Такимъ религіознымъ значеніемъ *избы*,» продолжаетъ сочинитель, легко объясняется Славянское гостепрѣимство.» Нѣтъ! не здѣсь надо искать начала Славянскаго гостепрѣимства; оно есть слѣдствіе географическаго положенія и историческихъ обстоятельствъ и судьбы. Сочинитель нашъ другихъ объясненій Славянскаго гостепрѣимства не допускаетъ, и прямо говоритъ, что онъ *ничего не объясняетъ*. За чѣмъ же допустилъ онъ мысль, что естественныя условія опредѣляютъ первоначальныя понятія, бытъ и характеръ народа? *Очагъ*

не есть исключительное условие славянского жита, а общее всѣхъ народовъ, особенно европейскихъ; слѣдовательно, онъ долженъ имѣть одинаковое вліяніе на всѣ народы, пользующіеся имъ. Вывода гостеприимства Славянъ изъ значенія избы, какъ мы объяснимъ узаконившійся обычай Славянъ, который позволялъ украсть тому, кто не имѣлъ у себя запаса, чтобъ уподчивать далекаго гостя? Нѣтъ! гостеприимство само по себѣ свято; и оно не могло развиваться отъ значенія избы; потому что только зимою гостя принимаютъ и принимали въ избы, лѣтомъ же въ горнищѣ, въ клѣтѣ, а чаще всего въ сѣняхъ, гдѣ нѣтъ очага.

И такъ Славянину безъ очага нѣтъ спасенія! Сочинитель нашъ всю Русскую міеологію выводитъ изъ очага; а домовый есть даже олицетвореніе его; очагъ и домовый — два однозначащіе слова и понятія. Цѣлая половина статьи посвящена домовому, какъ проявленію очага. Впрочемъ въ этой половинѣ статьи много дѣльсваго и достойнаго вниманія, хотя много и такого, что вызываетъ на споръ и требуетъ исправленій. Лучшая сторона этой части, равно какъ и всей статьи, безъ сомнѣнія, матеріальная, т. е. описаніе домового, извѣстія о народныхъ повѣртіяхъ и нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ народа. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить развѣ только то, что г. Афанасьевъ несомнѣнно знакомъ съ Русскимъ домостроительствомъ; такъ, на примѣръ, онъ называетъ *кутомъ* то мѣсто, гдѣ стряпаютъ, все пространство отъ печи и загнетки до двери вдоль *судной лавки*. Самое уже слово: *кутишищъ* — хозяинъ, которое онъ приводитъ для объясненія слова: *кутъ*, должно было напомнить ему, что мѣсто передъ печью, гдѣ провозходитъ стряпня, находится въ распоряженіи хозяйки, а не хозяина. Прошу припомнить описаніе избы.

Если г. Афанасьевъ не хорошо знаетъ Русскій домъ или жилище Русскаго челоуѣка, то еще менѣе знакомъ онъ съ домовымъ и со всѣмъ его родствомъ. *Домовой*, *Водной* и *Лихій* — родные братья; самыя названія ихъ прилагательными именами и распределеніе ихъ владѣній, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ Русскихъ Славянъ и характеру страны ихъ, составляли весь міръ, извѣстный имъ, доказываютъ сродство этихъ божковъ; только характеры ихъ различны: *Домовой* — существо степенное, вѣжливое; онъ всегда занятъ домохозяйствомъ, озабоченъ ухаживаніемъ за любимыми животными, потому-то его и называютъ *дѣдушкой*; *Водной* людей не любитъ, потому онъ не только не служитъ имъ, но и старается, сколько можетъ, вредить; онъ даже не любитъ, чтобы люди произносили его имя, и вѣрно за

угрюмость названъ также *дыдомъ съдымъ*; *Лишій* — весельчакъ, шалунъ, потому его иначе называютъ *Шутомъ*; онъ любитъ шутить, дурачить людей; будучи въ *лѣсу* — съ *лѣсомъ*, а въ *травь* — съ *травой ровенъ*, онъ умѣетъ принимать на себя всѣ виды, поддѣлываться подь разные голоса; аукаясь и перекликаясь съ людьми въ *лѣсу*, особенно съ трусами и хвастунами, заманиваетъ и заводитъ ихъ въ труппу, въ болото, и хохочетъ надъ ними. Какъ же этихъ молодцовъ связать съ *очагомъ* и съ *избою!* Домовой, по словамъ г. Аванасьева, «*главнымъ образомъ живетъ подъ или за печкой*»; но за печью онъ рѣшительно жить не хочетъ, потому что Русскіе кладутъ (техническое слово: *бьютъ*) печи плотно къ стѣнамъ; подъ печью онъ могъ бы жить, — тамъ есть мѣсто, только не для него, а для кочерги, помѣла и ухватовъ; онъ же долженъ быть безпрестанно въ *кѣвахъ*, гдѣ живетъ скотина, за которой онъ ухаживаетъ, и которая тоскуетъ безъ него: лошади ржутъ, коровы ревуть, овцы блѣютъ и куры кудакчутъ. Говорятъ: «знать, домовый лѣнивъ, коля животное не водится.» Сочинитель говоритъ, будто домовый «*больше любитъ сырыхъ и вороныхъ лошадей, а чаще обижаетъ соловыхъ и буланыхъ.*» Рѣшительно неправда! Неужели г. Аванасьеву не случилось слышать: «у насъ *сырые не по двору*, а вотъ *гнѣдыхъ* али *буланыхъ*, такъ любить!» — Одинъ домовый любитъ такую шерсть, а другой другую, къ остальнымъ или равнодушенъ или гонитъ ихъ. Нерѣдко кучера при перемѣнѣ квартиры говорятъ: «нѣтъ, сударь, въ *этомъ домѣ* *сѣраго-то* не *взлюбилъ*, *знать не по двору*; ужъ не завести ли *козла?*» — Слово: *по-двору* или *не-по-двору*, указываетъ мѣстопребываніе домашнего.

Домовой есть олицетвореніе очага; слѣдовательно, гдѣ есть очагъ, тамъ и домовый, а гдѣ нѣтъ очага, тамъ и домашнего нѣтъ. Между тѣмъ г. А. говоритъ, что въ каждой банѣ, на каждой мельницѣ непременно есть свой домовый. Но ни въ банѣ, ни на мельницѣ *очага* нѣтъ; слѣдовательно или тамъ нѣтъ домашнего, или онъ не олицетвореніе очага, и можетъ существовать и жить независимо отъ него. Конечно въ банѣ есть печь, да она не имѣетъ ничего общаго съ очагомъ, и не совмѣщаетъ въ себѣ его условій. А на мельницѣ и печи нѣтъ; да тутъ домашнему и дѣлать нечего: тутъ животы нѣтъ. Вѣроятно сочинитель слышалъ, что мельница не можетъ стоять безъ колдуна, и безъ содѣйствія нечистой силы. О! это совсѣмъ другое дѣло! Нѣтъ сомнѣнія, что для построенія мельницы и содержанія ея въ порядкѣ, въ исправности, необходимы знанія механики, ежели не теоретическія, то, по крайней мѣрѣ, опытные, наглядныя; а чтобъ простолюдинъ,

не имѣющій понятія о наукѣ, и безграмотный, могъ приобрести такія знанія, и приложить ихъ къ дѣлу, то надобно ему имѣть необыкновенную смѣлливость, смѣтливость и провидательность, которыя не часто встрѣчаются; оттого-то попытки завести и устроить мельницу по большой части бывають неудачны: то колеса ломаются, то плотина прорывается. Такія неудачи—плодъ неразумнiя дѣла—приписываются обыкновенно *Водяному дѣдушкѣ*, какъ *исдоброхоту* людскому. А коли найдется такой человекъ, который умѣетъ устроить и уладить мельницу, и совладать съ упрямствомъ воды, того назовутъ *колдуномъ*, который повелѣваетъ нечистыми силами и водными и сухопутными. Вотъ почему простолюдинъ вѣритъ, что одинъ мельникъ умѣетъ управиться съ нечистыми, а другой не совладѣетъ съ ними, или на его долю достались такіе лихіе черти, что и самъ сатана отъ нихъ отказался. Такъ между *домовымъ дѣдушкою* и мельничными чертями, которые впрочемъ не любятъ этого названія, большая разница: первый живетъ въ домѣ и служитъ не хозяину, а *животнымъ* его (скотинѣ); а другіе или состоятъ въ услуженіи мельника, или въ борьбѣ съ нимъ, не позволяя ему завладѣть стихіями. Потому-то при переходѣ на новоселье переманивають домового въ новый домъ не горшкомъ съ углями, какъ рассказываетъ г. А., а перегономъ скотины, при чемъ есть особыя заклинанія, а иногда угрожаютъ домовому, что не будутъ кормить его любимой животинки, если онъ не перейдетъ съ ними.

«Видимая связь домового съ очагомъ высказывается въ томъ повѣрѣ, что домовою чаще всего принимаетъ видъ трубочиста». Вотъ какъ опасно поддаваться стремленію любимаго конька своего. Вѣроятно, г. А. согласится съ тѣмъ, что, гдѣ были *только однѣ курныя* избы, тамъ трубочистовъ конечно не было, да и быть не могло. И безъ этого анахронизма мысль о *сродствѣ божества свѣта и тепла, очага, домового и трубочиста*, такъ странна, что, право, какъ-то не вѣрится, чтобы человекъ ученый могъ высказать ее не шутя; однако же эта мысль въ разбираемой статьѣ повторяется нѣсколько разъ безъ всякихъ шутокъ со всею дидактическою важностію. «Всѣ божества свѣта и тепла представлялись у Славянъ,» говоритъ сочинитель, «покрытыми шерстью, такъ и домовою». «Съ такимъ представленіемъ домового косматымъ находится въ связи и слѣдующее повѣрье: кто хочетъ видѣть домового, тотъ можетъ видѣть его на Пасху въ коровникѣ или хлѣвѣ, гдѣ онъ сидитъ въ углу притаившись.» Что Русскіе, а можетъ быть, и другіе Славяне, представляли домового косматымъ,

это очень вѣроятно и естественно по духу народных вѣрованій; потому что шерсть у насъ вообще есть символъ обилія; оттого-то, когда молодые прѣзжаютъ отъ вѣнца, ихъ сажаютъ на шубу шерстью вверхъ; когда продаютъ лошадь или корову, то передаютъ поводъ не голыми руками, а изъ полы въ полу; и слово: *голый*, въ рѣчи о человѣкѣ означаетъ *бѣдный*, — *гольтепа* — *бѣдность*; могли быть у тѣхъ и другихъ Славянъ разныя повѣрья, относящіяся къ мохнатости домового и шерстистымъ предметамъ вообще; но чтобъ все это имѣло такую послѣдовательность, чтобъ домовою былъ представителемъ *божества свѣта и тепла*, чтобъ именно отъ того былъ мохнатымъ, и чтобъ мохнатость его была въ связи съ возможностью видѣть его на Пасху въ хлѣву, — это трудно понять. Домовою, этотъ житель темныхъ угловъ, этотъ герой темноты и ночныхъ походовъ, этотъ невидимка и воръ, который крадетъ кормъ у одной скотины и украдкою переноситъ къ другой — есть представитель свѣта! Это насмѣшка надъ домовымъ! хорошо, что онъ теперь въ отставку, и сосланъ въ деревню; а то не обошлось бы безъ бѣды.

Наконецъ исторія о пѣтухахъ! Да, пѣтухи въ религіозно-языческомъ значеніи избы занимаютъ важное мѣсто. Г. А. между прочимъ говоритъ положительно: «*Какъ представителя свѣта и тепла*, домового языческое вѣрованіе сблизило съ *пѣтухомъ*». «Въ языческой религіозной системѣ, пѣтухъ признавался *птицею солнца и очага*.» «Слова: *кочетъ*, *пѣтухъ*, *пѣвень* служили метафорическимъ обозначеніемъ *огня, печи и очага*. Чѣмъ же все это доказывается? — Во 1-хъ, тѣмъ, что пѣтухъ привѣтствуетъ солнце; во 2-хъ, что пѣніемъ своимъ прогоняетъ нечистую силу; въ 3-хъ, что по крику пѣтуха простой народъ считаетъ время и заключаетъ о ведрѣ и непогодѣ (ненастьѣ); въ 4-хъ, что у Скандинавовъ пѣтухъ считался *символомъ огня*; въ 5-хъ, Русскою загадкой: «*красный* кочетокъ по нашествѣ бѣжитъ»; и въ 6-хъ, поговоркой: «и пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится, — и курица на своемъ пепелищѣ гребетъ.» — Наконецъ сдѣлано такое заключеніе: «теперь становится *вполнѣ понятнымъ*, почему домовою нисколько не стѣсняется пѣтушымъ крикомъ, котораго такъ боится вся нечистая сила». Противъ этихъ шести доказательствъ и заключенія попробуемъ представить другія шесть, противоположныя имъ, и вывести свое заключеніе. 1-е. Нѣкоторые представленные доказательства нуждаются сами въ доказательствахъ, какъ напримѣръ, N 1, N 4. Обязанъ ли читатель вѣрить сочинителю на честное слово? Почему сочинитель, будучи такъ щедръ и рсточи-

тѣлѣнъ на указаніи и ссылки, не потрудился привести былинъ для подтвержденія такихъ мыслей, которыя всякому могутъ показаться произвольными?—2-е. Простой народъ не считаетъ времени по крику пѣтуха; онъ только приблизительно угадываетъ раннюю пору утра по пѣнію пѣтуховъ; а невзгоду или невѣстье еще вѣрнѣе и чаще предугадываетъ по карканью вороны, по визжанію свиней, по валяню собакъ и т. п.; такъ почему же и воронъ, и собакъ и свиней язычкое вѣроваііе не сблизило съ домовымъ, очагомъ, огнемъ и началомъ свѣта? 3-е. Дѣйствительно простой народъ вѣритъ, что пѣніе пѣтуха прогоняетъ нечистыя силы; но это повѣрье едва ли можно назвать остаткомъ язычества? Кажется, это повѣрье произошло во времена христіанскія, именно отъ того, что пѣніе пѣтуховъ предвѣщаетъ начало божественной службы—заутренни; мнѣніе это можно подтвердить извѣстною поговоркой: что ты вертишься, какъ бѣсъ передъ заутренней; смотри, чтобъ пѣтухъ не пропѣлъ! 4-е. Считался или не считался у Скандинавовъ пѣтухъ символомъ огня, не знаю; но у насъ на Руси дѣйствительно называютъ огонь *краснымъ пѣтухомъ*. Нерѣдко на разгульной попойкѣ пьяный мужикъ, обиженный другимъ, въ злобѣ или только въ утѣшеніе своего безсилія, хвастаетъ и грозитъ обидчику: «Погоди, я те подпущу *краснаго пѣтушка!* (т. е. подожгу)». Но замѣьте, *краснаго*. Значить, здѣсь вся сила не въ натурѣ пѣтуха, нѣ въ пѣніи его, а въ цвѣтѣ, въ *краснотѣ*. А этотъ красный, *огненный* цвѣтъ у пѣтуховъ въ простой породѣ куръ, есть преобладающій. Этимъ легко объясняется и приведенная сочинителемъ, русская загадка: «*красный пѣтушокъ по жердочкѣ бѣжить*», да и, такъ называемая, датская поговорка: «красный пѣтухъ на кровлѣ поетъ», тѣмъ же можетъ быть объяснена; а впрочемъ за ней не надо въ Данію ѣздить; она извѣстна и въ Россіи. 5-е *Весьма знаменательная* поговорка: «И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится (на своемъ пепелищѣ и курица гребетъ)» вовсе не такъ знаменательна, какъ кажется г. А. Здѣсь рѣчь не о силѣ и значимости пѣтуха и курицы, а напротивъ объ ихъ безсиліи; частица и рѣшаетъ судьбу пѣтуха и курицы, она даетъ все значеніе выраженію. Эта поговорка напоминаетъ намъ многія другія сходныя съ ней: «въ своемъ болотѣ и лягушка поетъ (т. е. квакаетъ)»; «и въ Польшѣ, говорятъ, пѣтъ хозяина больше,» «на безблюдьи и Тома дворянищъ». Объяснять эти поговорки не считаю нужнымъ; они взаимно одна другую объясняютъ. 6-е. Домовой не стѣняется крикомъ пѣтуха не потому, что сей послѣдній считается символомъ огня, что предвѣщаетъ солнце, храбрится на своемъ пепелищѣ—чаще говорится: на своемъ

подворья — и проч.; а по тому, что домовою — властитель всѣхъ домашнихъ животныхъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что пѣтухъ, равно какъ и курица, которая передъ снѣгомъ хвостомъ мететъ, и ворона и свинья, предвѣщательницы ненастья, всѣ имѣютъ одинаковое отношеніе къ *огню* и *очагу* или *печи*.

Виновать! еще нѣсколько словъ о *курахъ* и о *кошкѣ*. Не помню, въ который разъ повторяя о переходѣ изъ стараго дома на новоселье, что называется у насъ *входинами* — *праздновать входины*, — сочинитель говорить: «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до-сихъ-поръ, при переселеніи въ новый домъ, прежде всего вносятъ въ него икону, *хлѣбъ-соль*, или съ *растворнымъ тѣстомъ*, *кошку*, *пѣтуха* и *курицу*; потомъ входитъ семья въ избу, *обращается къ красному углу и молится*». Принесеніе иконы и обращеніе съ молитвою въ красный или большой уголъ, гдѣ обыкновенно ставятся образа, — обряды христіанскіе, въ чемъ и сочинитель согласенъ; однако почему-то онъ думаетъ, что «*подробности этого обряда указываютъ на прежній характеръ обряднаго перехода на новоселье*». А «*участіе кошки, пѣтуха и курицы*» онъ прямо называетъ «*видимыми остатками язычества*; потому что пѣтухъ — *птица очага (?)* и *символь огня, домового*» и проч. «*Кошку*, какъ звѣря *мохнатого*, также приносятъ собственно для домового.» Не знаю, правъ ли я? Если не правъ, такъ какою въ грѣхъ своею; по прочтеніи и разборъ статьи г. А. мнѣ нѣсколько разъ приходила на память басня Крылова — «*Ларчикъ*,» съ ея заключеніемъ: «А ларчикъ просто открывался». Въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ такъ далеко пускаться за объясненіемъ вещей самыхъ простыхъ? За чѣмъ называть *повѣрье* и *обрядомъ* дѣло обыкновенное, повседневное, и искать причинъ его во временахъ доисторическихъ, баснословныхъ, когда онъ у насъ передъ глазами? Всѣ домашнія животныя по своимъ инстинктамъ или привычкамъ можно разлѣлить на два разряда: одни изъ нихъ привязаны къ человѣку, и любятъ хозяина или кого-либо изъ домашнихъ; другіе привязаны къ мѣсту, и любятъ домъ или тѣ части дома, гдѣ находятъ для себя пристанище и кормъ, и выводятъ дѣтвой. Къ первымъ принадлежатъ преимущественно собака, лошадь и другія; хозяева перешли, показали мѣсто, и она за ними идутъ и тамъ остаются; къ послѣднимъ особенно относятся *кошки* и *куры*; ихъ нельзя ни переманить, ни перегнать; ихъ надо перенести, да еще какъ? закрывши глаза, чтобъ они не видали дороги, а то опять уйдутъ на старое мѣсто. Отъ чего же часто переноситъ ихъ ночью! Днемъ куры всѣ разбредутся по дворамъ, огородамъ и по гумнамъ, ихъ не соберешь;

ночью онъ смирно сидятъ на пашести; ихъ тихо спимуть, посадятъ въ лукошко или въ мѣшокъ, и отнесутъ на новое мѣсто. Привычки же эти зависятъ частію отъ самыхъ свойствъ животныхъ, частію отъ способовъ прокормленія. И такъ надобно ли удивляться, что куръ и кошекъ переносятъ на новоселье преимущественно ночью? Надобно ли это считать древне-языческимъ повѣрьемъ и обрядомъ и искать объясненій его въ археологіи? Мы уже видѣли, что пѣтухъ попалъ въ загадку и поговорку не потому, что онъ пѣтухъ, а потому, что онъ *красный*; теперь видимъ, что на новоселье переносятъ его не потому, что онъ символъ огня, сродни очагу и домовому, а потому, что его съ вольнымъ его гаремомъ иначе нельзя заманить въ новый домъ. Такъ и въ весеніе кошки въ новый домъ не обрядъ религиозно-языческій въ честь домового, а простая хозяйственная мѣра для предохраненія отъ мышей; ее переносятъ не какъ *мохнатого звѣря собственно для домового*, а какъ истребительницу крысъ и мышей, которая не дадутъ житья хозяину безъ кошки.

Въ заключеніе своей статьи г. А. говоритъ: «Такъ какъ изба въ языческія времена была *первымъ храмомъ*, а *очагъ—божествомъ*; то естественно, первыми служителями божества были тѣ, которые обращались съ очагомъ и его атрибутами, то-есть, топили печь и приготовляли пищу. Эти *хозяйственные* и вмѣстѣ *религіозныя* занятія принадлежали *старшимъ въ родѣ*.» Потомъ, объясняя власть старшихъ, онъ прибавляетъ: «Народныя преданія сохранили много свидѣтельствъ о богослужебномъ значеніи стариковъ и старухъ.» Горячо и смѣло сказано! Пока рѣчь шла объ очагѣ, домовыхъ, пѣтухахъ и кошкахъ, дотоль предположенія и догадки произвольныя и недоказанныя казались только странными; но когда уже говорится о предметахъ чисто историческихъ, тогда всякій произвольный предсудитель въ научномъ отношеніи; особенно непростительно произвольнымъ своимъ мнѣніямъ давать видъ достовѣрной, непреложной истины, и основывать на нихъ положительныя выводы, имѣющіе историческую важность. Гдѣ, когда и чѣмъ сочинитель доказалъ, что *изба* была *первымъ храмомъ*, и—что важнѣе всего—*очагъ* былъ *божествомъ* и притомъ *первымъ*, что *стряпня принадлежала старшимъ въ родѣ*, что этою стряпнею занимались старики, что распорядители и властители горшковъ, ухватовъ или рсгачей, помель и другихъ припечныхъ атрибутовъ были первыми жрецами и жрицами, а вслѣдствіе того стряпухи были первыми судьями и властительницами славянскихъ родовъ? Какія это *народныя преданія сохранили множество сви-*

дѣйствѣ въ богослужебномъ значеніи старухъ? Преподобный Несторъ, говоря о кумирахъ, нигдѣ не проронилъ слова, ни одного намека, по которому бы можно было догадываться о существованіи храмовъ у Русскихъ Славянъ и одноплеменныхъ сосѣдей ихъ. Покажите намъ хоть одно историческое сказаніе, преданіе, или повѣрье, которое бы говорило объ обожаніи очага или печи, кочерги и помела. Не укажутъ ли намъ на ту поговорку, которую обыкновенно употребляютъ по смерти дурнаго человѣка: «Или изъ-го онъ не человѣкъ, и умеръ не родитель; вотъ ужъ ни Богу свѣча, ни черту кочерга!» Почему самымъ почетнымъ мѣстомъ въ избѣ почитается передній уголь, діагонально противоположный печи, а не самая печь или прилежащія къ ней мѣста, казенка или судная лавка, ежели печь такъ многозначительна? Всѣ наши старинныя сказки, въ которыхъ главными дѣйствующими бывали дураки, проводившіе почти всю жизнь на печи, не большой почетъ даютъ этому мѣсту. Ежеди г. А. знаетъ много преданій, которыя свидѣльствуютъ о богослужебномъ значеніи стариковъ и старухъ, *занимавшихся стряпнею*; то большаго ли труда ему стоило подѣлиться съ читателями частію своихъ знаній и рассказать два-три такихъ преданій; а между тѣмъ и статья его и читатели были бы въ выигрышѣ. Можетъ быть онъ знаетъ, что на службу богамъ — т. е. въ званіе жрецовъ и жриць — допускались только люди старые; это совсѣмъ другое дѣло; изъ этого никакъ нельзя сдѣлать заключенія, что всѣ стряпухи и старики, *занимающіеся стряпнею*, всѣ напавалъ были жрецы и жрицы. Наши предки чтимы стариковъ; однакожъ при случаѣ говорили: «Стараго кобеля по батькой звать.»

Разбирать и объяснять старину — дѣло великое, святое; но эта самая великость дѣла и налагаетъ на насъ великую обязанность быть осторожными въ исполненіи его, особенно теперь. Было время, когда у насъ и ясныя, доказанныя истины принимались неохотно, тяжело, и даже возбуждали перѣдко ропотъ, и именно по тому, что были новы; тогда новое не многихъ прельщало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольныя догадки, незрѣлыя мысли, не укоренились въ умахъ шаткихъ! Но теперь, когда новизна сдѣлалась главнымъ признакомъ достоинства въ ученой и литературной дѣятельности; всякое новое искаженіе труда вътоваго хотя бы считать заслугой, всякая нововведенная небылица на гениальнаго дѣйствителя принимается за признакъ смѣлаго таланта, — всякій добросовѣстный писатель, особенно благонамѣренный изслѣдователь старины, долженъ быть остороженъ; потому что вредъ, могущій произойти.

отъ необдуманности или незрѣлости, всегда будетъ соразмѣрять силу его таланта. Увѣренный, что г. Аванасьевъ оцѣнитъ мою дѣль и не обидится общимъ направлеиємъ моихъ замѣчаній, я покорнѣе прошу его извинить нѣкоторыя жесткія выраженія, невольно вырвавшіяся. Увѣряю именемъ истины и науки, что если бы я не уважалъ его дѣятельности и любви къ предмету, никогда бы не рѣшился вступить съ нимъ въ споръ. Мнѣ кажется, нельзя оспаривать того, что лучше одну истину внести въ область знаній, но чистую, ясную, нежели девять запутанныхъ новыми заблужденіями.

В. Плаксинъ.

Галлерей Польскихъ писателей. Часть II. *Осторожнѣй съ огнемъ*, Повесть I. Крашевскаго. Переводъ А. Аванасьева. Кіевъ. Изданіе Юсифа Завадскаго. 1851.

Мы желали отдать второй части «Галлерей» болѣе хвалы, нежели первой, но къ сожалѣнію не можемъ, особенно вспоминая исполненное претензій предисловіе издателя къ первой части его сборника. Издатель, сколько намъ помнится, обѣщавъ помочь горю русской литературы, погрязшей въ переводахъ мануфактурныхъ издѣлій Дюма, Евг. Сю,—открыть новую, свѣжую руду въ литературѣ, еще намъ мало знакомой, хотя и родственной, въ литературѣ польской. Мы были въ правѣ ожидать, конечно, что дѣйствительно нѣчто новое и свѣжее представитъ намъ изданіе, и не совсѣмъ довольные «Буданкомъ» Крашевскаго, его ходульностью и сентиментальными замашками, снисходительно взглянули впрочемъ и на неудачный выборъ и на выполненіе дѣла, еще болѣе неудачное, въ надеждѣ, что послѣдующія части «Галлерей» познакомятъ насъ съ дѣйствительно *замѣчательными* произведеніями *замѣчательныхъ* польскихъ повѣствователей. Мы ни какъ не думали, что издатель рѣшился—или смѣяться надъ русской публикой, или клеветать на польскую литературу, выдавая за ея замѣчательныя произведенія такія штуки, которыя въ нашей литературѣ кажутся отставшими цѣлымъ двадцати-пятилѣтіемъ. Помилуйте, г. издатель Галлерей Польскихъ писателей! Публику, которая выросла на Пушкинѣ, прочла *Героя нашего времени*, знаетъ наизусть Мертвыя души и т. д. и т. д.—эту публику вы вздумали угощать вычуриостію, любезной развѣ только иногородному подписчику Современника,—и сентиментальностію, по истиннѣ достойною временъ «давнпрошедшихъ», — публику, которой правились безъискусственныя изображенія Хазарова и Мари Стущицкой,

вы хотите усладить двумя идеальными и изліяніями праничныхъ чувствъ, — публику, которая недавно еще сочувствовала горячо серьезнымъ страданіямъ «Антонины» — вы считаете способною заинтересоваться какими-то слезно-чувствительными барышнями и мелодраматическимъ героемъ. Нѣтъ! вы не знаете русской публики, г. издатель «Галереи Польскихъ писателей», — и кромѣ того, напрасно думаете, что произведенія въ родѣ «Осторожнѣй съ огнемъ» — сколько-нибудь лучше фабричныхъ товаровъ Дюма и комп. Трудно сравнивать пошлости, но все-таки нельзя не сознаться что пошлости Дюма гораздо современныхъ пошлостей въ родѣ «Осторожнѣй съ огнемъ.»

Не желя, чтобы и читатели и издатель «Галереи» обвиняли насъ въ безапелляціонныхъ приговорахъ, въ безосновности сужденій, мы займемся нѣсколько повѣстью, которую г. Завадскій считаетъ *замѣчательнымъ* произведеніемъ польской литературы и полезнымъ для русской.

Разговариваютъ, изволите видѣть, двѣ барышни — въ лѣсу разумѣтся, подъ *сыню деревъ* — и разговариваютъ конечно о любви. Но прежде должно сказать вамъ, что обѣ барышни — наружности *идеальной*. «Ясное чело» одной изъ нихъ — «освѣяли свѣтлыя волны, какъ золотистый ореолъ освѣяетъ ангеловъ. Было то бѣлое поле, на которомъ, кажется, «видѣлись бѣгущія мысли, ясныя, золотистыя, крылатыя; каждая выра-зительно появлялась на немъ, проплывала сквозь волшебныя очи и «исчезала. Кто же знаетъ, гдѣ исчезаютъ, куда стремятся мысли?»

Прекрасно — т. е. должно быть было прекрасно въ тридцатыхъ годахъ, когда всякую Марью Сергѣвну рисовали тѣми чертами, какими Байронъ рисовалъ Ленгу Гяура или Гюльнару Корсара, — когда являлись гиперболическія посланія къ двумъ свѣтлоокимъ и незабвеннымъ, сокровеннымъ небомъ за Невой широкою — т. е., презрѣнной прозой говоря, жившимъ на Петербургской сторонѣ, посланія, въ которыхъ изображалось съ такой же точно поэзіею, какъ двѣ незабвенная несла тихо и торжественно грудь полураскрытую, и т. д.... Но, какимъ идеалистомъ вы ни будьте, почтеннѣйшій читатель, а невольную улыбку срываетъ съ вашихъ устъ въ настоящее время, это бѣлое поле, по которому *бѣгаютъ* мысли, *проплывающія* сквозь *волшебныя* очи, такую же невольную улыбку, какъ изображеніе тихой мысли — зрѣющей въ свѣтломъ разумѣ, разгорающейся искрой, и потомъ.... но чтó потомъ происходитъ съ мыслию, справьтесъ въ извѣстномъ вамъ стихотвореніи къ Незабвенной дѣвѣ.... а намъ позвольте рассказать, о чемъ бесѣдуютъ

идеальной дѣвицы г. Крашевскаго, изъ которыхъ одна, прекрасная Юлія — блондинка, а другая, подружка прекрасной Юліи — брюнетка.

«А я, сказала блондинка (она же и прекрасная Юлія), живо подымаю голову, если бы я любила, если бы платила за любовь малѣйшимъ знакомъ взаимности, требовала бы у моего возлюбленнаго, какъ древняя героиня, тысячи доказательствъ: двумъ, тремъ не вѣрю. Эти «господа, считая насъ слабыми, легковѣрными существами, думаютъ: «о, только бы я ей улынулся, только бы пожелалъ! вѣтъ, со мной «не такъ легко будетъ. Пока увѣрюсь, поддамся, любезный мой вытерпеть муки чистилища: буду его дразнить, сердить, надоедать.»

Такъ начинается повѣсть г. Крашевскаго — и признаемся откровенно, начало насъ нѣсколько заинтересовало. Мы ждали встрѣтить психологическій анализъ дѣтски-своевольнаго, капризнаго и вмѣстѣ страстнаго женскаго характера, думали, что г. Крашевскій избралъ одинъ изъ неисчерпаемыхъ предметовъ, которые вѣчно будутъ дразнить человеческое любопытство, одинъ изъ запутанныхъ вопросовъ, словомъ, одну изъ этихъ прихотливо-самостоятельныхъ женскихъ натуръ, и глубокихъ и вѣтренныхъ въ одно и то же время, — одну изъ тѣхъ,

Которымъ рано въ жизни все понятно,

одну изъ тѣхъ, которыя

Полюбить не скоро,

За то не разлюбить ужъ даромъ,

этотъ идеалъ, который тревожилъ нашего рано погибшаго поэта, который такъ граціозно-легко изображаетъ А. де Мюссе въ своихъ Марианнахъ, Лауреттахъ, въ своихъ гордыхъ андалузскихъ-графиняхъ — идеалъ, созданный изъ самыхъ противоположныхъ чертъ — изъ гнѣбности и упрямства, изъ фантастичности и расчета, изъ страстныхъ увлеченій и безграничной вѣтренности, любимую, завѣтную, неотвязную, лукаво соблазнительную мечту всякаго истиннаго сына XIX вѣка.... Мы думали, что встрѣтимся съ подобнымъ существомъ въ повѣсти г. Крашевскаго, и жадно принялись читать ее, надѣясь встрѣтить новыя, мѣстныя, польскія черты этого идеала. Мы горько ошиблись въ нашемъ ожиданіи.

Ошиблись мы потому, что героиня, не по внутренней силѣ въ ней живущей, производитъ разныя штуки съ своимъ любезнымъ, а такъ, по произволу автора, желавшаго поставить ее на ходули, и закончить всю трогательную исторію весьма старой, хотя и назидательной нравственной апофеогмой, что счастьемъ играть опасно, апофеогмой, ко-

горя такъ же ясно выводится изъ всего разсказа, какъ извѣстное заключеніе, что мужичиѣ

Рядится въ юбку странно и опасно,
 Придется же когда-нибудь себя
 Брить бороду ему, что не согласно
 Съ природою дамской,

изъ Пушкинскаго «Домика въ Коломнѣ.»

Дѣвушки разсуждаютъ о любви и цѣлуются. По этому поводу авторъ, предложивъ уже разъ глубокомысленный вопросъ, гдѣ исчезаютъ и куда дѣваются мысли, проплывшія сквозь волшебныя очи, — задумывается надъ вопросомъ столько же глубокомысленнымъ. «Но кто же знаетъ — говоритъ онъ — что думаютъ дѣвушки, когда цѣлуются, кто знаетъ, мыслятъ ли онѣ въ это время?..» Мы очень любимъ подобныя глубокіе вопросы, напоминающіе намъ всегда самоуглубленіе Киры Мокиевича.

«Опустивъ головки, сплетись руками, обѣ мечтали. Брюнетка смотрѣла на землю; блондинка Юлія устремила взоръ» (NB. Идеальныя «дѣвы никогда не глядятъ просто, а всегда устремляютъ взоръ — это въ порядкѣ вещей) «на деревья, на ясныя лучи солнца, отъ которыхъ «даже не смыкались ея рѣсницы. И довольно времени прошло нечувствительно — а имъ показалось однимъ мгновеніемъ.»

Изъ такого блаженнаго, хотя нѣсколько миѳическаго, состоянія вывести двухъ мечтательницъ — необыкновенное происшествіе, которому предшествуютъ разныя страсти и ужасты, даже землетрясеніе.

«Внезпно за ними раздался шумъ, земля задрожала и и. т. д.» Явился прекрасный всадникъ, который и предназначенъ быть жертвою теоріи прекрасной Юліи о любви и о прочемъ. Юлія заговорила съ нимъ и съ перваго же раза *восчувствовала* къ нему влеченіе. Происшествіе это разсказала она своей бабушкѣ — Старостинѣ. Бабушка Старостина — точно такое же лице, какъ матушка Пана Яна въ «Будничкѣ», т. е. изображена самыми общими чертами и представляетъ идеалъ невозможной доброты, самопожертвованія и т. д. Верно другимъ образомъ авторъ не умѣетъ изображать старыхъ матушекъ и бабушекъ. Не споримъ, что подобный, безчертвый способъ изображенія весьма удобенъ для повѣствователя, — но за то читатели приуждены возвращаться къ воспоминаніямъ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда они читали назидательныя произведенія Кампе и Беркена, гдѣ добродѣтельныя лица изображаются точно такимъ же нехитрымъ способомъ. Что удобнѣе въ самомъ дѣлѣ для разсказчика, какъ *расхваливать*

одни выводимыя имъ лица и *брашты* другіл. Произведеніе выходитъ и наставительно и обширно по объему, а между тѣмъ, автору оно не стоило большихъ хлопотъ.

По г. Крашевскій удивляетъ насъ любовью къ подобнымъ изображеніямъ, потому что все-таки человекъ не бездарный, и какъ только дѣло касается до изображенія настоящей дѣйствительности, *точно* существующей, *точно* видѣнной авторомъ, — такъ лицо у него выходитъ лицомъ. Къ сожалѣнію, такія *лица* — въ повѣстяхъ г. Крашевскаго, только вводныя, попадають въ нихъ случайно. Мы замѣтили при разборѣ «Будника», что автору этой неудачной мелодрамы удалось лице Матвѣя, сына стараго Бартоша. Не можемъ не обратить вниманія читателей и въ этой еще болѣе неудачной штукѣ, на комическій типъ Войцеха, стараго служителя Старостины, лица еще болѣе эпизодическаго, чѣмъ Матвѣй въ Будникѣ. Войцеха позвала Старостина для того, чтобы распросить его о томъ, кто развѣзжаетъ по ея лѣсу на лихомъ скакунѣ, но случайно выступившій въ романѣ Войцехъ — несравненно лучше и дѣвы *идеальной*, прекрасной Юліи, и подруги ея *черноокой* и грустной Маріи, и злаго (ухъ какого злаго!) опекуна Юліи, и героя разсказа, пана Яна. Не дурень еще уѣздный предводитель, являющійся такъ же случайно, не дурень былъ бы и честный старикъ — отецъ Яна, одинокій владѣтель небольшого помѣстья, если бы изображая его, авторъ не впалъ въ идеализмъ т. е. въ безличность.... но дурно, положительно дурно склеена вся исторія. Дѣло все въ томъ, что, вынесши различныя испытанія, *любезный* Юліи оказывается несостоятельнымъ въ послѣднемъ, которому она его подвергла, въ долгой разлукѣ съ нею въ отношеніяхъ съ грустной *жертвою рока и человѣческой злобы*, черноокою Марією. Янъ Дорскій умираетъ. Марія идетъ въ монастырь.

«А Юлія? — спрашиваетъ авторъ. — Она жива, но жизнь ея на вѣки «покрылась трауромъ. Одинокю съ горемъ и раскаяніемъ существуетъ «она въ Домбровѣ, и на одинокомъ кладбищѣ навѣщаетъ могилы Старостины и Яна.

«Ломко счастье человѣческое — заключаетъ онъ — но надо бросать его ко землю.»

Трогательно и наставительно!

Переводчикъ такъ же вѣренъ своему русско-польскому языку, какъ издатель галлерей вѣренъ принятой имъ методѣ выбирать изъ произведеній польской литературы такія, которыя съ весьма невыгодной стороны представляютъ дарованія *замѣчательныхъ* польскихъ писателей. Г.

Ярмарка Тщеславія, романъ визъ героя. Вильяма Теккерея. Въ десяти частяхъ. Переводъ съ Англійскаго. Спб. 1851, in-8°, 614 страницъ.

О Теккереѣ и о его «Ярмаркѣ тщеславія» или «Базарѣ житейской суеты,» какъ правильнѣе названъ этотъ романъ въ переводѣ Отечественныхъ Записокъ,—говорено очень много въ нашихъ журналахъ, такъ что едва ли можно что-нибудь прибавить ко всему уже сказанному. Надобно замѣтить весьма утѣшительный фактъ, что въ сужденіяхъ своихъ объ иностранныхъ современныхъ писателяхъ, наши журналы рѣдко, почти даже никогда не попадаютъ въ тѣ забавные промахи, которые такъ часты у нихъ въ отношеніи къ писателямъ, отдѣленнымъ отъ насъ двадцатипятилѣтіемъ, еще чаще къ тѣмъ, которые жили за полвѣка или въ прошломъ вѣкѣ. Развѣ-развѣ какого-нибудь Сисфильда сочтутъ за англійскаго писателя.—О Теккереѣ же, о Диккенсѣ, о Коррерѣ-Белѣ (авторъ Дженъ Эйръ)—они всѣ разсуждаютъ прекрасно. Въ самомъ дѣлѣ—тутъ подъ руками всѣ источники свѣденій, раскройте любой изъ современныхъ европейскихъ журналовъ, вы непременно встрѣтите статью или статейку о томъ, о другомъ или о третьемъ изъ современныхъ писателей.... Это вѣдь не Ричардсонъ какой-нибудь, о которомъ толкуютъ у насъ по единственному источнику, по Жюль-Жанену, не Стеризъ, о которомъ знаемъ мы только по слуху. Тутъ дѣло ясное, тутъ не лзя позволять себѣ ни одного приговора, который бы рѣзко расходился съ общимъ мнѣніемъ Европейской критики, выраженнымъ въ томъ или другомъ изъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналовъ,—тутъ всякая ошибка встрѣтитъ непременно обличеніе, особенно въ настоящее время, когда журналы наши только и живутъ, что взаимными обличеніями.... А чтѣ,—приходитъ намъ часто въ голову,—если бы поднять всѣ старыя промахи нашихъ журналовъ, не исключая и Москвитянина? Вышла бы, право, брошюра чрезвычайно назидательная! Чтѣ, если вспомнить, напримѣръ, какъ въ одной статьѣ отецъ поэта Теодора Кёрнера, переписывавшійся съ Шиллеромъ, смѣшивался весьма павно съ самимъ Т. Кёрнеромъ, и какъ сынъ обвинялся за отца въ томъ, что онъ былъ и *schöne Seele* и такой-сикой... чтѣ если *sine ira et studio* представить теперь разные взгляды съ высока на вторую часть Фауста, *заимствованные* изъ одного рьянаго нѣмецкаго журнала, —оригинально-глубокія разсужденія о Миѣ Промеѣя, цѣликомъ переведенные изъ того же журнала и смѣло выданные авторомъ за соб-

ственные, до которых онъ «собственнымъ умомъ дошелъ», какъ Тяпкинъ Липкинъ, оригинальныя письма о разныхъ странахъ свѣта, замствованныя (безъ указанія источниковъ) изъ разныхъ номеровъ *Revue des deux mondes*... и т. д. и т. д.? Сколько бы колоссальныхъ, *сдланныхъ* уже репутаций поколебалось, сколько бы дѣтской и забавной недобросовѣстности вышло наружу.... Тѣмъ пріятнѣе думать, что въ настоящее время невозможны грубые промахи или дѣтскія родомонтады, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ современнымъ писателямъ. Читать въ нашихъ журналахъ статьи о Диккенсѣ, Теккереѣ, Коррерѣ-Бельѣ, любо-дорого! Все ровню, гладко, прилично, все идетъ какъ по маслу. Прочтите, на примѣръ, статью о Теккереевомъ романѣ въ Отечественныхъ Запискахъ», ту самую статью, которая доказала какъ дважды два четыре, что переводъ Современника никуда не годится, лишите ее этого *воинственнаго* характера—и все вообще, относящееся прямо къ «Ярмаркѣ Тщеславія,»—вы прочтете съ пользою и удовольствіемъ. Авторъ ея не кидаетъ высихъ, новыхъ взглядовъ, а спокойно, просто, основательно анализируетъ характеры романа и дѣлать его по достоинству, принимая въ соображеніе сужденія европейской критики... Въ одномъ только не согласны мы съ рецензентомъ «Отеч. Зап.»—Онъ какъ-то слишкомъ строго смотритъ на одну изъ героинь *Vanity Fair*—на милую, граціозную, хотя дѣйствительно нѣсколько плаксивую Амелію Седли. Правда, что эта кроткая, любящая, и, пожалуй, нѣсколько неблагоразумная въ своей любви натура, совершенно терится на «базарѣ житейской суеты»,—правда, что въ ней нѣтъ житейскаго такта, что сентиментальность вредитъ ей даже въ ея семейныхъ отношеніяхъ, что по сентиментальности же ссорится она съ единственнымъ искренне преданнымъ ей человекомъ, майоромъ Доббипомъ.... но все-таки симпатія читателя къ ней невольна приковывается. Можно очароваться, пожалуй, умной и даровитой, хотя недобросовѣстной Ребеккой, входить въ ея интересы, съ участіемъ слѣдить за ея интригами, понимать ея желаніе пробиться, во чтобы то ни стало, въ высшіе слои общественной жизни, можно даже оправдать ее всею тою жизнію, которая кипитъ, волнуется и мятется вокругъ нея, жизнію безпощадныхъ эгоизмовъ, мелкихъ тщеславій вообще, суетою и волненіемъ этого житейскаго моря, изображеннаго талантливимъ романистомъ съ удивительною живостью и простотою, но участіе къ Ребеккѣ есть уже слѣдствіе нѣкоторой рефлексіи и далеко отъ той непосредственной симпатіи, которую чувствуешь къ Амеліи Седли; такое участіе внушаютъ почти всѣ лица романа до Джозефа Седли включительно, потому что всѣ они

изображены Теккеремъ съ поразительною правдою, и всѣ—равно необходимые члены на «базаръ житейской суеты.»

Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ общемъ впечатлѣніи, которое производитъ эта огромная, разнообразно-пестрая картина. Чувство, которое остается подъ конецъ въ читателѣ, есть нѣкоторое грустное утомленіе. Самъ готовъ какъ будто сказать: «Суета суетствій и вселенская суета»—и въ этомъ заключается глубокой смыслъ Теккереева произведенія, вѣрнаго зеркала этой жизни

Wo vier Welten ihre Schätze tauschen
An der Themse, auf dem Markt der Welt,

и разнообразіе явленій которой приводится однако же все въ одному знаменателю:

Und es herrscht der Erde Gott—das Geld (*):

Г.

КАКСТОНЫ, СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА въ 18 частяхъ, послѣднее сочиненіе *Бульвера*, пер. съ Англ. Москва. Въ Универ. типог. 1850 г., въ 2 томахъ, въ большую 8-ку.

Эдуардъ Литтовъ Бульверъ или Бовльверъ (Bulwer), будучи еще студентомъ въ Кембриджѣ, обнаружилъ замѣчательное дарованіе въ поэмѣ «о валліи», которая заслужила академическую награду. 1816 года онъ въ первый разъ является предъ публикою съ своими стихотвореніями; но они и слѣдовавшія за ними были встрѣчены читателями равнодушно, и Бульверъ принялся за романъ. «Пельгемъ» (Pelham), появившійся въ 1826 году, доставилъ ему большую извѣстность. За этимъ романомъ слѣдовали очень многія его произведенія, между которыми «Евгеній Арамъ» (Eugene Aram) въ 1832 году, «Послѣдніе дни Помпеи» (Last days of Pompeii) 1835, и особенно «Англія и Англичане» (England the English) въ 1833 году обратили на него вниманіе всей Европы, и имя его поставили въ числѣ знаменитыхъ романистовъ. Въ 1838 году, сжался надъ упадкомъ драматургій, Бульверъ принялъ намѣреніе испытать свой талантъ и на сценическомъ поприщѣ.

(*) Шиллеръ An die Freunde.

Замѣчательны въ этомъ родѣ «Ришелье», давно переведенный и на Русскій языкъ, и «Капитанъ корабля.»

Вальтеръ-Скотъ — поэтъ-историкъ, представившій въ своихъ произведеніяхъ лица минавшаго времени, съ ихъ характеромъ, обычаями и окружавшею природою; насмѣшливый, причудливый, вспылчивый Байронъ явился въ литературѣ съ характерами скептицизма, меланхолиі, разочарованія, несправедливости и отчаянія, Бульверъ же представитель [въ своихъ произведеніяхъ дендизма и благоприличія. Въ нихъ опъ является то историкомъ, то философомъ, то критикомъ, то политикомъ, и постоянно разсуждаетъ о предметахъ важныхъ и высокихъ. Дѣйствующія лица его ученые, дипломаты, литераторы или банкиры и аферисты.

Кто привыкъ читать только тѣ романы, въ которыхъ описывается страстная любовь, небывалыя приключенія, чудовищныя характеры и волшебныя превращенія съ дѣйствующими лицами, съ эффектными завязками и драматическими развязками, тотъ пусть не беретъ за чтеніе «Какстоновъ», какъ и другихъ произведеній Бульвера. — Достоинствъ ихъ надо искать въ глубинѣ мыслей, въ отчетливой живописи характеровъ, въ яркой ихъ оригинальности, и въ спокойномъ созерцаніи явленій всего человѣческаго міра. «Какстоны» представляютъ картину домашней семейной жизни. Здѣсь не можетъ быть сильныхъ, страшныхъ и возмутительныхъ бурь, а если они и случаются, то очень рѣдко. Говорятъ, что нѣкоторыя сочиненія нужно изучить, чтобы понять ихъ поэзію. Какстоны именно принадлежатъ къ этому разряду книгъ. Ихъ мало прочесть разъ и два, но нужно долго вчитываться въ нихъ, чтобы вполне насладиться ихъ красотами.

Н. Р-Р.

Описаніе военно-учебныхъ заведеній Пруссіи. Сост. Баронъ Н. В. Медемъ. Спб. 1851. Стр. 106 въ 8 д. л.

Въ Пруссіи для образованія офицеровъ учреждены слѣдующіе четыре рода военно-учебныхъ заведеній: 1) Королевское военное училище, съ присоединенными къ нему воспитательными заведеніями, для образованія армейскихъ офицеровъ, 2) Дивизионныя училища, 3) Артиллерійское инженерное училище, и 4) Общее военное училище, для споспѣшествованія высшему образованію офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ. Курсы этихъ заведеній представляютъ правильную послѣдовательность и тѣсную между собою связь, дѣлающія весьма удобнымъ не только переходъ изъ низшаго заведенія въ высшее, но даже изъ одного рода службы къ другому.... Впрочемъ Прусская военно-учебная система направ-

лена преимущественно къ возможному расширенію общихъ свѣдній, какъ приготовительныхъ, такъ и собственно-военныхъ, но на образованіе офицеровъ для специальныхъ родовъ войскъ обращаютъ очень недостаточное вниманіе, и ня по одной отрасли специальныхъ родовъ службы не доводятъ наукъ до совершенно полнаго высшаго развитія, предоставляя это самостоятельнымъ занятіямъ офицеровъ послѣ ихъ выпуска изъ заведенія. — Королевское военное училище до 1848 г. называлось главнымъ или Берлинскимъ отдѣленіемъ Кадетскаго Корпуса, и составляло вмѣстѣ съ четырьмя провинціальными отдѣленіями одно цѣлое подъ названіемъ Кадетскаго Корпуса. Всѣ эти учебныя заведенія, основанныя въ 1838 году, по образцу Русскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, были сходны съ ними, какъ частнымъ, такъ и общимъ своимъ устройствомъ; провинціальныя заведенія соотвѣтствовали нашимъ губерскимъ Корпусамъ, Берлинское отдѣленіе — нашему Дворянскому полку. Но въ Октябрѣ 1848 года, вслѣдствіе неблагопріятныхъ внутреннихъ обстоятельствъ, Прусское правительство нашлось вынужденнымъ лишить большую часть этихъ заведеній исключительнаго военнаго ихъ устройства и направленія.

Метода ученія въ Пруссіи вообще та же самая, какая принята во всей Германіи, Россіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы. Но Прусскія военно-учебныя заведенія отличаются тѣмъ, что въ послѣдніе годы стали употреблять менѣе времени на классы, и болѣе на приготовительныя занятія воспитанниковъ. Принято также за правило, чтобы преподаватели вмѣстѣ съ обучающимися переходили въ слѣдующіе классы; такимъ образомъ они остаются при однихъ и тѣхъ же воспитанникахъ въ продолженіе всего курса, и излагаютъ имъ свой предметъ, начиная отъ нижняго до самаго высшаго класса. Выгоды этого правила полагаютъ, во-1-хъ, въ томъ, что учителя, оставаясь постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, при однихъ и тѣхъ же воспитанникахъ, болѣе могутъ проникнуть въ характеръ и способности каждаго, примѣнить способъ преподаванія къ качествамъ ихъ и дѣлать аттестацію съ болѣею основательностію; во-2-хъ, что нравственная связь между воспитанниками и учителями отъ времени становится гораздо тѣснѣе, даетъ послѣднимъ возможность пріобрѣтать сильное вліяніе на образъ мыслей и поведеніе воспитанниковъ; и, наконецъ, въ-3-хъ, что при изложеніи всѣхъ частей науки однимъ и тѣмъ же преподавателемъ можетъ быть исполнѣ сохранена послѣдовательность и единство ея, между тѣмъ какъ, при преподаваніи науки по частямъ разными лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой особый взглядъ и способъ изложенія, логическая связь между частями легко

можетъ быть нарушена. Выгоды, изложенныя въ первыхъ двухъ пунктахъ, неоспоримы; что же касается до третьяго, то онъ имѣетъ важность только для такихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ, подобно какъ въ Пруссіи, предоставлена преподавателямъ большая свобода въ способъ и порядкъ изложенія. Тамъ вовсе не полагается постоянныхъ, утвержденныхъ начальствомъ, учебныхъ программъ. Учителю, вновь поступающему въ заведеніе, сообщаютъ краткій конспектъ, показывающій объемъ науки, духъ и направленіе, въ которыхъ она должна преподаваться. На основаніи такого конспекта, самъ учитель составляетъ уже подробную программу, которая представляется на разсмотрѣніе начальства, и почти всегда утверждается безъ малѣйшаго измѣненія, если въ ней не будетъ найдено явнаго отступленія отъ даннаго конспекта. Таковой порядокъ, имѣющей цѣлю доставить учителю полный просторъ къ развитію науки, соответственно его собственному взгляду, имѣетъ важныя неудобства....

Этихъ двухъ извлеченій изъ книги Барона Н. В. Медема, мы думаемъ, достаточно, чтобы судить о занимательности и ясности его изложенія. Избранный предметъ до подробности и критически изученъ авторомъ, къ заслуженной извѣстности котораго, какъ военнаго писателя, этотъ новый трудъ прибавляетъ новое право.

Исторія Красной площади. Собраль Н. Зеленецкій. М., 1851. стр. 237 въ 16 д. л.

«Исторія Красной площади»... заглавіе не безъ заманчивости. Что же такая это за исторія? Прочтемъ. «Исторія Красной площади, говоритъ авторъ, тѣсно связана не только съ исторіею Москвы, но и съ исторіею Россіи, съ того времени, когда лучи (!!!) народа Русскаго сосредоточились въ Москвѣ».... Мысль, можно бы сказать, широкая, но, къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ никакой мысли, а просто наборъ словъ. Потомъ авторъ продолжаетъ: «Не знаю, приходитъ ли вамъ, мои любезныя читатели и читательницы, что-нибудь на мысль во время проѣзда вашего или прохода черезъ Красную площадь; но я не могу пройти по ней равнодушно. По крайней мѣрѣ я всегда хожу съ удовольствіемъ и нерѣдко останавливаюсь передъ существующими около нея и на ней памятниками минувшаго. Почтенная древность, представляясь взорамъ моимъ, невольно принуждаетъ меня взглянуть въ прошедшее».... Вслѣдствіе этого заглядыванія въ прошедшее, авторъ начинаетъ *припоминать* — сперва разныя историческія данныя, напримѣръ, когда построена Иверская часовня, а потомъ уже не одни данныя, а цѣлыя страницы. «Взглянувъ на Кремль,» онъ «не можетъ не вспомнить»

трех страницъ выписокъ изъ Карамзина и Жуковскаго. Три страницы, впрочемъ, для хорошей памяти ничего. Но далѣе, при взглядѣ на Новый дворецъ, авторъ напоминаетъ объ немъ статью г. Дмитриева, статью, едва умѣстившуюся на 36 страницахъ, напоминаетъ слово въ слово, не пропустивъ ни одной запятой: вотъ это уже слишкомъ много и для хорошей памяти, и возможно только при феноменальномъ, особенномъ устройствѣ головы. После такого блистательнаго подвига своей памяти, авторъ даетъ ей отдыхъ, и переходя къ Казанскому собору, довольствуется только слѣдующимъ: «Неподалеку отъ Воскресенскихъ воротъ смиренно стоитъ Казанскій соборъ, *любуясь Красной площадью и стѣнами Кремлевскими*. Храмъ этотъ особенно милъ мнѣ, потому что на моей родинѣ церковь во имя Казанскія же Божія Матери. Но я не могу *забыть*,» когда построены Казанскій соборъ.— За тѣмъ, сказавъ кое-что, все по изобрѣтенной имъ системѣ припоминаній, о Покровскомъ соборѣ и Лобномъ мѣстѣ, авторъ не можетъ не вспомнить при этомъ о Грекахъ и Римлянахъ, которые, домогаясь первенства, проливали кровь человѣческую, — а отъ Грековъ и Римлянъ, прямою дорогою, переходить къ Годунову, эпохъ Самозванцевъ и междоусобицъ, и, благодаря своей удивительной памяти, *припоминаетъ шестьдесятъ четыре страницы* выписокъ изъ Карамзина. Заключение этого неслыханнаго «припоминанія» принадлежитъ уже самому автору, — онъ своимъ умомъ дошелъ до него. Вотъ оно: «Проживя безъ одиннадцати лѣтъ тысячу лѣтъ историческимъ бытiемъ своимъ, не говоря уже о томъ времени, которое она пробыла *во чревь* исторiи, и которое, если свидѣтельство Плинія о Скинскихъ послахъ, говорившихъ занимательную рѣчь Александру Македонскому, простирается еще на тысячу лѣтъ, — Россiя, какъ богатая невѣста, убѣленная, украшенная, съ наполненными неисчисленнымъ богатствомъ сундуками, *любуется женихомъ своимъ*.... И мы теперь сидимъ каждый подъ многоплодною своею смоковницею, *препокойно сидимъ, удивляемся*...». Да, мы также сидимъ, и также удивляемся, какъ можно издавать въ наше время такіа книжонки!

Разсуждая о происхожденiи названiя Красной площади и пускаясь въ филологію собственнаго изобрѣтенiя, авторъ говоритъ, что начало ея, т. е. Красной площади, покрыто мракомъ неизвѣстности; а такъ какъ и начало Москвы, по мнѣнiю автора, терается въ подобномъ же мракѣ; то при этомъ кстати же слѣдуютъ разныя припоминанiя о началѣ Москвы. По случаю воспоминанiя о крестныхъ ходахъ, которые проходятъ чрезъ Красную площадь, авторъ снова припоминаетъ страницъ

60 изъ Карамзина и Глинки. Наконецъ, описывая памятникъ Мипину и Пожарскому, беретъ Вѣстникъ Европы и припоминаетъ изъ него... сколько страницъ—мы уже и счетъ потеряли. Этимъ припоминаемъ и оканчивается «Исторія Красной площади.» Но рецензія еще не кончилась.

Если бы спросили, на какомъ основаніи авторъ перешелъ отъ Красной площади къ Кремлевскимъ зданіямъ, почему припомнилъ объ однихъ, и забылъ о другихъ: на это мы не знали бы что отвѣчать; такая ужъ видно логика у автора! Но если спросить, почему, среди своихъ припоминаній, онъ надѣлалъ промаховъ, не потрудился справиться со многими источниками, то отвѣтъ будетъ коротокъ и ясенъ: *не припомнилъ*—и все тутъ!...

Но было бы несправедливостью умолчать, что, припоминая вдругъ страницъ по 60, откуда вздумается, авторъ въ то же время не чуждъ и другихъ предметовъ, которые хотя никакъ не вяжутся съ исторіею, но въ своемъ родѣ очень замѣчательны. Онъ даритъ этимъ предметамъ не болѣе какъ по нѣскольку строкъ,—но что это за строки! Напримѣръ, рѣчь идетъ о Цвѣточномъ рядѣ: «сидя на лавочкахъ его, можно было предаваться философскимъ размышленіямъ объ отысканіи какого-нибудь философскаго камня и *объ искусствѣ наживать деньги*». Это можно было, когда садъ существовалъ на Театральной площади; что же дѣлать съ тѣхъ поръ, какъ онъ переведенъ на Трубной бульваръ? Удобно ли, сидя на лавочкахъ этого послѣдняго, мечтать объ искусствѣ наживать деньги? Почему же вѣтъ, мечтать никому не запрещается, и авторъ мечтаетъ, что со временемъ Трубной бульваръ перешеголяетъ Тверской, особенно «когда устроится на немъ кофейная, гдѣ можно получать чай, кофе и прохладительные напитки,» и будетъ играть музыка.... Вотъ еще одно замѣчательное неисторическое мѣсто. Говоря о движеніи на Красной площади, авторъ доходитъ до лирическаго восторга: «скачутъ и гремятъ разнаго рода повозки, скачутъ во всѣ стороны всадники, тянутся безконечные обозы, воздухъ оглашается разными кликами и звонкими голосами.... Хотите ли видѣть кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ? подите на Красную площадь, и вы *непременно съ ними увидите*.» Кстати—это удивительное открытіе: какъ варочно, я не засталъ сегодня ни Ивана Ивановича, ни Ивана Никифоровича; навѣрно, они разгуливаютъ на Красной площади; но что же имъ тамъ дѣлать въ такую пору? (близко къ полдню)—знать, читаютъ, при лунномъ свѣтѣ «Исторію Красной площади», да поджидаютъ знакомыхъ, которые не застали ихъ дома. И такъ—бѣгу!... К.

Исторія Россіи отъ древнѣйшихъ временъ. томъ 1-й.
Соч. Сергѣя Соловьева. Москва, въ Унив. тип. въ 8 долю, с.
279, LXI, 14. (Окончаніе).

ГЛАВА VIII.

Внутреннее состояніе Русскаго общества въ первый періодъ его существованія. Главу эту авторъ начинаетъ такъ: «Мы видѣли въ началѣ нашего разсказа, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленія наряда въ землѣ, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ пашелся призванный къ призвавшимъ, какъ опредѣлилось значеніе князя? Для рѣшенія сего вопроса мы должны обратиться къ понятіямъ племенъ, призвавшихъ власть.—Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общою жизнію въ слѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достигнуть только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое-либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ.» На сколько правильны всѣ сіи положенія, мы увидимъ при слѣдующемъ разборѣ. Лѣтопись говоритъ о Славянахъ Ильменскихъ, Кривичахъ и Чуди: «Изгнаша Варяги за море. и педаша имъ дани. и почаша сами въ себѣ владѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: цоипшемъ себѣ князь, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву»,—а въ другихъ спискахъ: «рядилъ по ряду по праву.» Слѣдовательно первое положеніе, что князь былъ призванъ для установленія наряда въ землѣ взволнованной усобицами, согласно съ лѣтописью. Но чтобы усобицы, указанныя въ лѣтописи, были именно родовыя, этого допустить нельзя; выраженіе лѣтописца: «воста родъ на родъ», не означаетъ именно родовыхъ усобицъ; ибо приглашатели князей,

Славяно-Ильменскіе и Кривичи, по свидѣтельству самаго лѣтописца, задолго до приглашенія имѣли довольно значительные города, въ которыхъ первоначальные роды жили въ общемъ союзѣ, составляли одно цѣлое—общину; а родовой бытъ не терпѣть соединенія, онъ требуетъ жизни отдѣльной, разъединенной, о чемъ не разъ уже говорилъ и г. Соловьевъ; слѣдовательно роды, живущіе вмѣстѣ въ одномъ городѣ, находятся уже не въ родовомъ бытѣ, а въ общинномъ; а потому и усобицы, производимыя таковыми родами, уже не родовыя усобицы, а общинныя, ибо производятся въ общинѣ и вытекаютъ изъ быта общиннаго, а не родоваго; самый результатъ сихъ усобицъ прямо указываетъ на общинный бытъ, и притомъ не на недавній, но на старый, къ которому роды привыкли; ибо Славяне и Кривичи дорожатъ союзомъ, не думаютъ раздѣлиться, какъ того требовалъ бы родовой бытъ, а напротивъ того рѣшаются призвать князя со стороны, который бы успокоилъ общину, чтобы община не распалась.

Далѣе, желая показать, какъ опредѣлилось значеніе князя, авторъ говоритъ: «Племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ, живущіе вмѣстѣ, составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотѣли возстановить это прежнее единство, хотѣли, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ.... Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединить какое либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ». Это положеніе не только не правильно, какъ вытекающее изъ перваго положенія, котораго ложность уже доказана, но даже само въ себѣ заключаетъ много противорѣчій; ибо ежели племена не составляли одного цѣлаго, ежели они не имѣли одного общаго родоначальника, какъ въ самомъ дѣлѣ и было, ежели въ нихъ не было единства; то имъ нельзя было возстановлять небывалаго единства, ибо возстановляется только то, что было. А ежели допустить прежнее единство, какъ и дѣлаетъ авторъ, говоря: «племена хотѣли возстановить прежнее единство,» то необходимо должно допустить, что разнородныя племена составляли прежде что-то цѣлое, а это цѣлое можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ токмо общиною, общиннымъ единствомъ, ибо при разнородности племенъ, родовое единство рѣшительно невозможно. Слѣдовательно племена, приглашая князей, хлопочуть возстановить разпадавшееся отъ усобицъ общинное единство, а не родовое. А посему и значеніе князя могло быть, не какъ представителя несуществующаго общаго рода или родоначальника, старшаго въ родѣ, а какъ Государа общины, владѣльца,

рѣшителя, суди́и общинныхъ распрей; лѣтопись прямо говоритъ: «иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву» или «рядилъ по ряду по праву,» т. е. согласно съ тѣмъ рядомъ, уряжевьемъ, на которомъ онъ приглашевъ общиною. Самое прибытіе Рюрика показываетъ, что приглашался Государь, а не родоначальникъ; ибо въ лѣтописи сказано: «избрашася 3 брата съ роды своими, поюща по себѣ всю Русь.» И прибывши къ приглашателямъ, старшій братъ Рюрикъ съѣлъ въ Ладогѣ, второй Сивеусъ на Бѣльозерѣ, и третій Труворъ въ Изборскѣ. А когда бы приглашался родоначальникъ, то Рюрикъ долженъ бы придти только съ своими родственниками, а не брать съ собою всей Руси, т. е. цѣлаго племени (*), ибо, взявши съ собою цѣлое племя, котораго онъ былъ главою, родоначальникомъ, тѣмъ самымъ не превращалъ, а усиливалъ родовыя усобицы, присоединя къ враждующимъ родамъ новый родъ совершенно чуждый, слѣдовательно враждебный; чего, конечно, не могли бы не замѣтить приглашатели, ежели бы они приглашали родоначальника, а не Государя общины. Напротивъ Рюрикъ, приглашаясь какъ Государь, естественно долженъ былъ вести съ собою всю Русь, чтобы имѣть въ ней силу, на которой бы опиралась его власть надъ общинниками; сами общинники приглашатели видѣли здѣсь только силу своего Государя, необходимую для того, чтобы власть его была въ уваженіи, а не чуждый родъ, каковымъ необходимо должна была казаться Русь, ежели бы приглашатели жили подъ родовымъ бытомъ, и приглашали себѣ родоначальника. Занятіе Рюрикомъ и его братьями трехъ разныхъ городовъ въ разныхъ племенахъ также указываетъ не на родоначальниковъ, а на Государей-владѣльцевъ; ежели племена приглашали общаго родоначальника, то за чѣмъ они принимаютъ трехъ, и сажаютъ ихъ въ разныхъ городахъ: такимъ принятіемъ они явно бы отступили отъ своей главной цѣли—имѣть общаго родоначальника, и дали бы родовой враждѣ новыя силы, назначивши разнымъ враждующимъ племенамъ особыхъ родоначальниковъ. Но совсѣмъ другой оборотъ принимаетъ дѣло, когда Рюрикъ съ братьями являются не

(*) Предполагать, что Русь была не особое племя, мы не можемъ; ибо лѣтопись прямо говоритъ: «сице бо звахуся тѣи Варяги-Русь, яко се друзи зовутся Свое, дрзѣи же Урмане, Англане; друзи Готе; тако и сіи.» Ежели Шведы, Норвежцы, Англичане, Готы, составляли каждый особое племя, то слѣдственно и Русь была особеннымъ племенемъ, на что указываютъ и Скандинавскія Саги, по которымъ Русь жила по обомъ берегамъ Ботническаго залива.

мнимыми самодѣльными родоначальниками призванныхъ племенъ, а Государями владѣльцами по взаимному ряду; здѣсь власть, основанная на общемъ рядѣ, самую уже общностию ряда поддерживаетъ единство, и устраняетъ раздоры и усобицы.

Далѣе авторъ старается изъ значенія родоначальника объяснить кругъ власти князя и его отношенія къ призваннымъ племенамъ, и говорить: «Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о строѣ земскомъ, о ратахъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьей во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ, его дворъ мѣсто суда, его слуги исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемена, всякій новый уставъ проникалъ отъ него.» Все это извѣстно, и до нѣкоторой степени справедливо, хотя на дѣлѣ власть княжеская была гораздо шире сихъ границъ; но и указанныя здѣсь явленія власти проникали не изъ значенія князя родоначальника, а изъ значенія князя Государя, владѣльца; ибо не должно забывать, что при Рюрикѣ и его преемникахъ была дружина, которая приводила въ исполненіе приказанія Государя, а при родоначальникѣ дружины быть не могло; исполнителями его приказаній должны быть сами родичи. При томъ при объясненіи отношеній князя къ племенамъ на Руси, не должно забывать, что отношенія сіи были двухъ родовъ; иныя отношенія къ племенамъ призваннымъ его, и иныя къ тѣмъ, къ которымъ князя пришли безъ приглашенія; по г. Соловьеву вовсе опустилъ изъ виду это важное и существенное различіе; отъ чего исторія, имъ писанная, и теперь уже страдаетъ неясностию и неопредѣленностию въ этомъ дѣлѣ, и должна еще болѣе страдать въ послѣдствіи.

Нотомъ авторъ обращается къ вопросу: «что стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племенъ?» и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, въ главѣ которой стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ; такъ долго мы видимъ городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ: они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ

ними совѣтуется князь.» Этотъ отвѣтъ очень замѣчательнъ, и во 1-хъ тѣмъ, что показываетъ всю шаткость идей о родовомъ бытѣ. Авторъ прежде говорилъ, что Варяжскій князь былъ приглашенъ въ значеніи родоначальника, старшаго въ родѣ; а теперь этого же князя называетъ главою общины, слѣдовательно уже не родоначальникомъ, не старшимъ въ родѣ, а Государемъ; (вотъ его слова: «соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, въ главѣ которой стоялъ одинъ общій князь»), и даже утверждаетъ, что власть этого главы общины должна была уничтожить власть князей родоначальниковъ. А во 2-хъ замѣчательность сего отвѣта заключается въ томъ, что онъ вовсе несогласенъ съ русской исторіей, авторъ здѣсь все строитъ на основаніи имъ же вымышленнаго родового быта, а Славянскія племена, пригласившія Рюрика, за долго еще до этого приглашенія жили общинами, городами, какъ мы уже видѣли выше; слѣдовательно все, что бы годилось при родовомъ бытѣ, къ нимъ не относится; далѣе авторъ говоритъ о какихъ-то князьяхъ родоначальникахъ, а по лѣтописямъ таковыхъ князей, во время приглашенія Рюрика, нигдѣ не упоминается, кромѣ только однихъ Древлянъ, которые сватаютъ Ольгу за своего князя Мала, и говорятъ: «ваши князи добри суть, иже распасли суть землю Деревску.» Потомъ онъ князей родоначальниковъ переименовываетъ въ городскихъ старцевъ; но объ этомъ переименованіи нѣтъ и помину ни въ одномъ памятникѣ; а напротивъ есть ясное указаніе, что старцы вовсе не были князьями родоначальниками; такъ подъ 997 годомъ при описаніи осады Бѣлгорода Печенѣгами упоминается о старцѣ и о старѣйшинахъ городскихъ; а мы знаемъ, что Бѣлгородъ былъ построенъ Владимиромъ и населенъ людьми изъ разныхъ городовъ, не далѣе, какъ за 8 лѣтъ до сказанной осады; слѣдовательно здѣсь не откуда было быть князьямъ родоначальникамъ: а посему старцы и старѣйшины городскіе вовсе не означали меньшихъ князей. По крайней мѣрѣ такъ мы должны понимать по свидѣтельству лѣтописей.

Объясняя отношеніе княжой дружины къ князю и къ землѣ, авторъ говоритъ, что отношеніе это вовсе не походило на отношенія дружины въ западной Европѣ. Въ этомъ давно известномъ положеніи, мы вполнѣ согласны, ибо отношенія князя на Руси вытекали изъ того, что онъ былъ приглашенъ племенами, чего не было на западѣ, слѣдовательно и отношенія его дружины не могли походить на западныя. Но рассматривая составъ княжеской дружины, авторъ вдается въ подробности, хотя очень любопытныя, но не вездѣ согласныя съ исторією. Такъ напримѣръ говоритъ, что «мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ

разныя должности, въ отличіе отъ бояръ жившихъ при князѣ, въ столичномъ его городѣ, назывались уменьшительно боярцы.» Это мнѣніе авторъ основываетъ на слѣдующемъ выраженіи Нестора: «Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшу и Вышегородскія боярцы.» Здѣсь конечно бояре Вышегородскіе названы боярцами (*); но это не значитъ еще, чтобъ всѣхъ городовъ бояре назывались уменьшительнымъ боярцами; а напротивъ лѣтописецъ своимъ выраженіемъ только хотѣлъ показать презрѣніе къ соучастникамъ Святополкова злодѣйства; въ другихъ же мѣстахъ лѣтописи нигдѣ нѣтъ и намѣку на подобное названіе городскихъ бояръ. Или еще, объясняя слово *огнищанинъ*, авторъ говоритъ: «Огнищанинъ долженъ означать челоуѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домочадца княжескаго, челоуѣка близкаго къ князю, его думца, боярина, въ переводѣ на наши понятія, придворнаго челоуѣка.» Мы здѣсь не беремъ объяснять слова *огнищанинъ*, но не можемъ не сказать, что объясненіе г. Соловьева не выражаетъ предмета такъ, какъ указываютъ древніе памятники. Напр. Русская Правда говоритъ: «же убьютъ огнищанина въ разбой, или убійца не ищуть; то вирное платити, въ ней же вири голова ляжетъ.» Или же убьютъ огнищанина у кѣлти, и у коня, или у говяда, или у коровѣ татыбы; то убити въ пса мѣсто.» Сія двѣ статьи Правды никакъ не прикладываются къ боярину думцу княжескому, въ какомъ бы состояніи общество ни находилось; еще съ натяжками разбой можно допустить, но воровство, подломъ чужой кѣлти, покража коровы, говяда, прямо указываютъ, что огнищанинъ не былъ бояриномъ, думцомъ княжескимъ; даже свидѣтельство представленное авторомъ — «а за тиунъ за огнищный, и за конюшни, то 80 гривень», показываетъ не на боярина, а на отрока княжескаго, на слугу, какъ въ Правдѣ обозначена и самая статья о *княжи отроци*; слѣдовательно Правда прямо говоритъ, что тиунъ огнищный былъ отрокъ, незначительный слуга княжескій, приставленный къ огнищу, а не бояринъ, не думецъ. На то же значеніе огнищанина указываетъ и выставленное г. Соловьевымъ сравненіе огнищанина съ дворяниномъ; сравненіе это очень правдоподобно; но здѣсь не должно забывать, что дворянинъ первоначально означалъ именно мѣлкаго слугу княжескаго, даже и не свободнаго. Такъ въ лѣтописи подъ 1175 годомъ сказано, что по убіеніи Андрея Боголюбскаго «горожане Боголюбскимъ и дворяне разграбиша домъ княжъ, посадникъ его и тиуновъ его дома пограбиша, а самѣхъ избиша,

(*) А почему же не боярскія дѣти? М. П.

дѣтскими и мечники избѣша, а домы ихъ пограбиша.» (Лавр. 157.) Здѣсь, конечно, никто не назоветъ дворянъ высшими думцами княжескимъ, ибо они за одно съ градскою чернью грабили и били посадниковъ княжикъ, т. е. бояръ, мечниковъ и дѣтскихъ, т. е. младшую дружину. Слово дворянинъ стало употребляться для означенія высшаго сословія не прежде половины царствованія Ивана Васильевича Грознаго. Слѣдовательно сравненіе огнищанина съ дворяниномъ, именно показываетъ, что огнищанинъ былъ не болѣе, какъ мѣлкій слуга княжескій, даже можетъ быть и не свободный.

Разбирая городское и сельское народоселеніе, не принадлежащее къ князей дружинѣ, г. Соловьевъ говоритъ: «мы видѣли, что прежніе города Славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣіемъ. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родового быта: по смерти общаго родоначальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобъ соединенными силами обрабатывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной самостоятельной дѣятельности пріобрѣсть больше другихъ членовъ рода, то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной дѣятельности; слѣдовательно, если въ концѣ описываемаго періода мы видимъ различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны предположить ослабленіе родового быта. Различіе занятій и мѣна условливались уже тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія — воинскіе отряды, дружины Князей. Въ нѣкоторыхъ городахъ поселились Князья, въ другихъ мужи князіе съ воинскими отрядами. Этотъ приплывъ народонаселенія съ средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ поселить торговлю и промышленность.» Здѣсь прежде всего бросается въ глаза мысль, что прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣіемъ. Мысль эта о древнихъ славянскихъ городахъ, давно повторяется въ нашей исторической литературѣ, такъ что уже само обратилось въ древность; всѣ повторяютъ сказанное прежде, и никто никогда не подумалъ доказать, правильно ли это мнѣніе. Конечно, слова лѣтописи, вложенныя въ уста Ольги, говорившей Древлянамъ: «а вси гради ваша предашася мѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя», указываютъ на

земледѣіе; но здѣсь еще невидать, что бы древніе славянскіе города были только огороженными селами, жители которых занимались однимъ земледѣіемъ, и что бы въ нихъ не было другихъ промысловъ. Ольга могла говорить Древлянамъ: «а вси града ваши предашася мнѣ, и дѣлають нивы своя и землѣ своя», ибо, по свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, въ древности было обыкновеніе у сельскихъ жителей, при нападеніи непріятельскомъ, укрываться въ города, къ которымъ принадлежали сельчане; слѣдовательно здѣсь Ольга говоритъ о земледѣліи сельчанъ, удалившихся при ея нападеніи на города, а не о земледѣліи горожанъ. Но даже допустивъ, что въ некоторые изъ горожанъ имѣли земли въ города и обрабатывали ихъ сами или черезъ своихъ слугъ, нельзя еще утверждать, что бы земледѣіе было исключительнымъ единственнымъ занятіемъ древнихъ славянскихъ горожанъ: летопись даже о Коростенцахъ, къ которымъ относилась вышеприведенная слова Ольги, говоритъ, что они занимались еще пчеловодствомъ и звѣроловствомъ; ибо вотъ ихъ слова къ Ольгѣ: «что хоцеша у насъ? ради даемъ медомъ и скорою»; а когда у нихъ были уже три промысла, то необходимо должно допустить и четвертый, торговлю, ибо не для домашняго же только обиходу они собирали медъ и шкуры звѣрей. А когда мы находимъ свидѣтельство о разныхъ промыслахъ у Древлянъ, которыхъ летописецъ называетъ менѣ развитыми, живущими звѣринскимъ образомъ; то безъ сомнѣнія въ другихъ племенахъ, болѣе развитыхъ, на примѣръ у Полянъ, Кривичей, Новгородцевъ и Сѣверянъ, промышленность была еще обширнѣе и разнообразнѣе; на это указываютъ съ одной стороны города сихъ племенъ, преимущественно построенные на большой торговой дорогѣ по Днѣпру, Двинѣ, Волгѣ, и у озеръ Чудскаго, Ладонскаго и Ильмена; самая мѣстность городовъ свидѣтельствуесть, что они не могли быть только огороженными селами, представителями замкнутости родового быта, ибо въ такомъ случаѣ они строились бы не на большой дорогѣ, а гдѣ-нибудь въ лѣсу въ недоступной глуши, находясь же на большой торговой дорогѣ, на пути соединенія Сѣверозападной Европы съ Византією и Азією, они волей-неволей переставали быть селами и дѣлались торговыми городами. Съ другой стороны, о разныхъ промыслахъ у Новгородцевъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства: такъ по летописямъ мы знаемъ, что они были хорошими плотниками и гончарами, и при томъ не со времени прибытія Варяжскихъ Князей, а гораздо прежде; а въ Скандинавскихъ сагахъ есть извѣстія о ихъ богатствѣ и обширной торговлѣ также за долго до Рюрика. Все это ясно говоритъ, что въ глав-

ныхъ Славянскихъ племенахъ на Руси, и даже въ некоторыхъ менѣе значительныхъ, города еще до прибытія Варяжскихъ килзей были городами, а не огороженными селами. Но есть и еще доказательство чисто городскаго, а не сельскаго значенія древнихъ Русскихъ городовъ до Рюрика. Это доказательство заключается въ томъ, что сельское народонаселеніе зависѣло отъ городскаго, и даже между городами одни были старшіе, а другіе младшіе, пригороды, которые подчинились старшимъ и находились подъ ихъ управленіемъ; такъ мы знаемъ, что Псковъ и Ладога получали посадниковъ изъ Новгорода; и конечно это развилось не при Рюриковичахъ, для которыхъ вовсе не была нужна такая связь между городами; слѣдовательно это подчиненіе пригородовъ старшимъ городамъ, и зависимость сельъ вообще отъ городовъ, были стариннымъ древнимъ устройствомъ въ Славянскихъ племенахъ на Руси: а посему ясно, что города на Руси до Рюрика имѣли значеніе не огороженныхъ сельъ, но высшихъ правительственныхъ центровъ соединенія народонаселенія въ томъ или другомъ племени, которые господствовали надъ селами и деревнями. Это господство городовъ надъ селами осязательно выказывается въ походахъ Аскольда и Олега на югъ по Днѣпру: по свидѣтельству лѣтописи, Аскольдъ и Диръ, принятые Кіевлянами, получили власть и надъ всемъ племенемъ Полянъ, точно также Олегъ, взявши Смоленскъ, въ то же время безъ всякаго сопротивленія былъ признанъ Княземъ и отъ всѣхъ Кривичей. Если бы города были только огороженными селами, то занятіе того или другаго города не выражало бы еще подчиненія плѣбого племени. Самъ г. Соловьевъ даже опровергаетъ свое мнѣніе о городахъ, ибо говоритъ прямо, что сельское народонаселеніе считалось ниже городскаго; слѣдовательно самъ противъ воли сознаетъ, что города не были только огороженными селами, и приводитъ въ доказательство поступокъ Ярослава, который, побѣдивши Святополка, одѣлалъ гражданъ Новгорода по 10 гривенъ, а сельчанъ по гривнѣ. Мы же кстати приведемъ другой древнѣйшій примѣръ Олега, который, въ договорѣ съ Греками, требовалъ окладовъ на города, а не на села; слѣдовательно признавалъ только города представителями племенъ, села же считалъ зависѣвшими отъ городовъ.

Теперь, когда мы видимъ несостоятельность главнаго положенія, т. е. что «прежніе Славянскіе города были ни что иное, какъ огороженные села», сами собою уничтожаются и всѣ выводы, сдѣланные г. Соловьевымъ изъ сего положенія; слѣдовательно и торговля въ Славянскихъ городахъ появилась не въ концѣ описываемаго періода, а

была еще до Рюрика, и не дружина княжеская породила эту торговлю, и села стали зависеть от городов не от того, что в городах поселились князья или мужи княжие, как проповедует авторь, ибо мы уже видели эту зависимость селъ еще до прибытія или поселенія князей въ городахъ, — о родовомъ бытѣ я уже не говорю, ибо не состоятельность мнѣнія Соловьева объ этомъ предметъ уже доказана выше.

Разсматривая, на какіе классы раздѣлялось общество въ описываемый періодъ, г. Соловьевъ говоритъ: «Въ противоположность князю все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ. Въ Русской Правдѣ все княжеское, княжіе люди, княжеская собственность постоянно противопоставляется смердѣму». Но какъ въ названіи мужа и дружины, такъ и въ названіи смерда, мы не можемъ съ самаго начала искать точности, опредѣленности: смердъ означалъ простаго человѣка, и слѣдовательно это названіе могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; такъ смердъ противопоставляется мужу княжескому, такъ сельское народонаселеніе подъ именемъ смердовъ, противопоставляется городскому. Въ противоположность мужу княжескому, простой человѣкъ назывался также людинъ.» Мы рѣшительно не знаемъ, на какомъ основаніи авторь утверждаетъ, что въ противоположность князю все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ; ни лѣтописи, ни Русская правда, не подають и намъ къ такому заключенію; у Нестора прямо сказано, что смердами назывались сельскіе жители, земледѣльцы, — вотъ подлинныя слова лѣтописи: И почаша думати дружина Святополча, яко негодно нынѣ веснѣ иди хочемъ (на Половцевъ), погубить смерды и ролью ихъ.» И рече Володимиръ: «дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете ею же то ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и приѣхавъ Половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ, имѣтъ жену его, и дѣти его, и все его имѣніе.» (*) Въ Русской же правдѣ, вмѣсто мнимаго противоположенія княжескаго смердѣму, изчисляются разныя классы жителей: «Ежели не будетъ кто его (убитаго) мсти, то положити за голову 80 гривень, аче будетъ князь мужъ или тѣна княжа. Аче ли будетъ Русинъ, любо гридь, любо купецъ, любо тѣвунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо Славнинъ, то 40 гривень положити заць.»

Далѣе, при изчисленіи классовъ тогдашняго общества, г. Соловьевъ говоритъ о закупахъ или наймистахъ, о холопахъ, о ремесленникахъ и изгояхъ. Здѣсь къ сожалѣнію авторь пропустилъ нѣсколько классовъ, на которые дѣлилось тогдашнее общество, и которые упоминаются ясно

(*) Лавр. стр. 118.

въ Русской Правдѣ; такъ, на примѣръ, онъ не упомянулъ о купцахъ, о гридахъ, о Русинахъ, Варагахъ, Колбягахъ и Славянахъ, а по Русской Правдѣ это дѣленіе признавалось юридическимъ, и влекло за собою различныя права того или другаго класса, и это различіе правъ мы видимъ и по лѣтописямъ. Слѣдовательно обзоръ Русскаго общества въ описываемомъ періодѣ, сдѣланный г. Соловьевымъ, явно не полонъ и не передаетъ надлежащаго понятія о тогдашнемъ обществѣ.

Разбирая Русскую Правду, г. Соловьевъ говоритъ: «Русская Правда первыми строками своими напоминаетъ намъ о древнемъ бытѣ племенъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ; но въ тоже время указываетъ и на измѣненія, происшедшія въ этомъ быту послѣ призванія князей.» Это правда; она напоминаетъ о древнемъ бытѣ племенъ, но какъ о такомъ бытѣ, который уже давно отжилъ, который измѣнился еще до Рюрика за долго; ибо, во-первыхъ, она мсть за убійство ограничиваетъ почти одной семьей, а не родомъ, и во 2-хъ, не оставляетъ убійцу безъ наказанія, хотя бы родственники и не думали мстить, и налагаетъ на него пеню въ 80 или 40 гривенъ, смотря во званію убитаго; такихъ чисто общинныхъ учреждений, очевидно, не могли ввести Рюриковичи, ежели бы до нихъ у главныхъ Славянскихъ племенъ на Руси не было общиннаго быта; ибо, хотя они и были призваны какъ судьи, разбиратели дѣлъ, но уже въ самомъ призваніи ихъ стояло главнымъ условіемъ *судить по праву, рядить по ряду*, слѣдовательно по тѣмъ законамъ, которые еще до нихъ существовали между приглашателями; конечно, съ развитіемъ общества должны необходимо развиваться и законы, но развитіе ихъ всегда идетъ постепенно и медленно. А посему Русская правда въ основаніяхъ своихъ должна быть старше Рюрика, хотя въ подробностяхъ, какъ писанный законъ, явилась при Ярославѣ; сему яснымъ свидѣтельствомъ служить то, что статьи ея мы находимъ въ договорѣ Олега съ Греками, гдѣ есть прямая ссылка на Русскій законъ, и даже главные статьи Правды въ первоначальномъ ихъ видѣ; Олеговъ же договоръ былъ черезъ 50 лѣтъ по призваніи Рюрика; слѣдовательно никакъ нельзя допустить, чтобы такъ быстро могли измѣниться основные законы изъ родовыхъ въ общинныя, да и притомъ въ самомъ договорѣ статьи Русской Правды представляются не какъ какое-нибудь нововведеніе, но какъ обычный исконный Русскій законъ; тоже подтверждаетъ и Игоревъ договоръ, бывший черезъ 33 года послѣ Олега, въ которомъ статьи Правды повторены даже тѣми же словами, какими они выражены въ Олеговомъ договорѣ; здѣсь мы видимъ такую медленность въ измѣненіи законовъ въ древности, что въ

продолженіи 33 дѣтъ даже ни одна буква закона не измѣнилась. Все это ясно говоритъ, что Русская Правда служитъ выраженіемъ общиннаго быта, не какъ нововведеніи, сдѣланнаго Рюриковичами, но какъ стариннаго общественнаго устройства въ главнымъ Славянскихъ племенахъ на Руси. Г. Соловьевъ, приписывая его Рюриковичамъ, даже явно противорѣчитъ себѣ, ибо онъ выше говорилъ, что Варяжскіе князья были призваны только въ званіи родоначальниковъ, слѣдовательно, очевидно, не могли вводить общинныхъ законовъ, какъ не согласныхъ съ значеніемъ родоначальника.

Разсматривая встрѣчающееся въ Русской Правдѣ различіе разбойничества отъ убійства въ ссорѣ, по враждѣ, г. Соловьевъ приписываетъ введеніе этого различія христіанству, — вотъ его слова: «трудно себѣ представить, чтобъ безразличность между этими двумя дѣйствіями могла удержаться долго послѣ припятія христіанства, когда уже при Владимирѣ мы видимъ, что епископы настаиваютъ на необходимости казнить разбойниковъ.» Мы не знаемъ, откуда авторъ почерпнулъ такое разсужденіе; но для всякаго ясно, что дѣло было въ обратномъ положеніи, а не въ томъ, въ какомъ онъ его представляетъ, что христіанство скорѣе смягчило, сгладило, существовавшее въ обществѣ слишкомъ рѣзкое различіе между разбойничествомъ и убійствомъ въ ссорѣ; ибо по христіанскимъ понятіямъ убійство, сдѣланное въ ссорѣ по враждѣ, и убійство въ разбоѣ безразлично считаются беззаконіемъ, преступленіемъ нравственности, хотя и не въ одинаковой степени; по языческимъ же понятіямъ, въ обществѣ, гдѣ матеріальныя выгоды или убытки считаются выше всего, убійство въ ссорѣ, по враждѣ, почти не считалось преступленіемъ, убійство же въ разбоѣ признавалось злодѣянствомъ самымъ большимъ, ибо оно нарушало матеріальныя выгоды общества. На что ясно и указываетъ Русская Правда: ибо мы въ ней находимъ учрежденіе товарищества, основаннаго на вкладахъ, для поголовнаго платежа виры въ случаѣ убійства, учиненнаго однимъ изъ вкладчиковъ, въ ссорѣ или по враждѣ; это учрежденіе прямо говоритъ, что общество, законно допускавшее такое учрежденіе, убійство въ ссорѣ или по враждѣ рѣшительно не признавало преступленіемъ, а видѣло въ немъ только убытокъ, который вознаграждался установленнымъ платежемъ, но разбойничество, по свидѣтельству той же Правды, не допускалось къ подобному покровительству общины, ибо законъ говоритъ: «за разбойника люде не платятъ, но выдадутъ и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе.» Слѣдовательно община рѣзко отличала разбойничество отъ убійства въ ссорѣ, и отличіе свое основывала не на хри-

христіанскихъ, а на языческихъ понятіяхъ о томъ и другомъ поступкѣ. А по сему и всѣ учрежденія, вытекающія изъ такого различія, очевидно принадлежать къ до-христіанской древности въ Русскомъ обществѣ, и христіанскимъ издателемъ Русской Правды допущены въ изданное имъ уложеніе только по тому, что онъ не могъ ихъ изключить, не нарушая основныхъ законовъ народа, глубоко и давно проникнутаго общиннымъ бытомъ.

Разбирая законъ о наследствѣ, г. Соловьевъ говоритъ: «о наследствѣ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи: если умретъ простой человекъ, смердъ, и сыновей у него не будетъ, то имущество его переходитъ къ князю; если останутся у него дочери, то давать часть на нихъ, какую, не сказано; впрочемъ она зависѣла отъ князя; если же дочери будутъ замужемъ, то не давать имъ части. Если умретъ бояринъ или дружинникъ, то имѣніе нейдетъ къ князю, но если не будетъ сыновей, то дочери возмуть.» Сія двѣ статьи авторъ объясняетъ различными правами дружинниковъ и смердовъ, и первую именно на основаніи началъ родового быта; по его словамъ: «послѣ призванія князей въ городахъ община замѣнила родъ, родоначальника замѣнилъ князь Рюриковичъ, имѣніе бездѣтнаго смерда переходило къ общинѣ, въ распоряженіе князя, дочь не наследовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить свой родъ для чужаго, незамужняя женщина не могла быть самостоятельною владѣлицею, самостоятельнымъ членомъ общины, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода.» Что дружина и смерды имѣли различныя права, это ясно; но раскрытіе права княжяго наследства послѣ смерда на основаніяхъ родового быта не удовлетворительно и исполнено противорѣчій. Такъ авторъ говоритъ, что князь наследовалъ послѣ смерда потому, что онъ замѣнилъ родоначальника, и что въ городахъ община замѣнила родъ: но статья скорѣе говоритъ о сельскихъ, а не о городскихъ жителяхъ, ибо мы уже видѣли въ свидѣтельствѣ Нестора, что смердами назывались сельскіе земледѣльцы, слѣдовательно право князя на наследованіе послѣ смерда основывалось на другихъ началахъ. Далѣе авторъ говоритъ, что дочь не наследовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить свой родъ для чужаго; но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы во время язычества у Русскихъ Славянъ дочь необходимо должна была переходить въ чужой родъ, ибо по языческимъ понятіямъ она могла вступить, ежели признавать проповѣдуемую г. Соловьевымъ замкнутость родового быта, въ бракъ и въ свой родъ; — слѣдовательно дочь не наследовала послѣ отца

не по старому обычаю, а по новому закону христіанскому, по которому ей нельзя было вступить въ бракъ въ своемъ родѣ. А ежели настоящую статью Русской Правды, о ненаслѣдованіи дочери послѣ отца, признать свидѣтельствомъ, что дочь въ древности необходимо должна переходить въ чужой родъ, что и очень возможно; то эта статья будетъ новымъ неопровержимымъ доказательствомъ, что по старому обычаю въ дорюриковское время между Русскими Славянами вовсе не существовало исключительности и замкнутости родовъ, что Славяне сіи издавна жили подъ общиннымъ, а не подъ родовымъ бытомъ. А по сему и исключеніе перехода имущества въ боковыя линіи родственныхъ, подтверждаемое Русскою Правдою, нельзя считать признакомъ недавняго перехода Славянъ отъ родового быта къ общинному, какъ того хочетъ г. Соловьевъ, но что здѣсь были свои исконныя чисто общинныя начала, по которымъ каждая семья считалась самостоятельнымъ членомъ общины.

Разсмотрѣвъ содержаніе Русской Правды, г. Соловьевъ обращается къ правамъ эпохи, какъ они представляются намъ Правдою и летописью, и начинаетъ свое изслѣдованіе такъ: «Кровавая мечь, частая возможность убійства, въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ Древлянами и Древлянъ съ нимъ, мщеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимирѣ, поступки Добрыни въ Полоцкѣ съ семьею Рогволода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка, вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ, и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ — ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ — вотъ герой эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ, отсюда видимъ частыя единоборства, въ которыхъ оружіе не употребляется: борются обыкновенно схватывая другъ друга, желая раздавить и ударить о землю: оружіе — это уже человеческое, искусственное, замѣняющее животную силу: при владѣніи оружіемъ требуется ловкость, искусство.» И далѣе говоритъ: «мы видимъ повсюду проявленія матеріальной силы, ей первое мѣсто, ей почетъ отъ князя до простолюдина; чрезъ нее простолюдинъ можетъ сдѣлаться великимъ мужемъ, какъ сдѣлался Янъ Усмошвецъ, она вѣрное средство для пріобрѣтенія славы и добычи.» Итакъ, по словамъ г. Соловьева, отъ Рюрика до Владимира нравы Русскаго общества выражались какимъ-то цареніемъ матеріальной силы даже чисто животной; но таковы ли были нравы, это вопросъ еще нерѣшенный, по крайней

мѣръ доказательства, представленныя г. Соловьевымъ, не удовлетворительны. Онъ первымъ доказательствомъ выставляетъ кровавую месть, мы согласны, что месть можно принять признакомъ первенства физической силы въ нравахъ общества, но только тогда, когда месть признается единственною законною управою въ обществѣ; изъ лѣтописи же мы знаемъ, что Владимиръ отвергшій было виры, замѣнявшія сперва кровавую месть, а потомъ законную казнь разбойниковъ, въ послѣдствіи по совѣту епископовъ и старцевъ опять ввелъ виры, при чемъ сказано въ лѣтописи; «и живяше Володимиръ, по устроенью отню и дѣдю.» Слѣдовательно, по прямому свидѣтельству Нестора, виры, замѣнявшія месть и казнь, существовали уже при Святославѣ и Игорѣ, месть была стѣснена вирами; слѣдовательно уже и въ то время въ Русскомъ обществѣ не было первенства физической силы, и въ нравахъ соперничала ей другая сила болѣе нравственная.

Второе доказательство заключается въ частой возможности убійства въ ссорахъ на пирахъ; мы и частую возможность убійства также согласны принять за признакъ первенства физической силы въ обществѣ. Но была ли эта частая возможность въ Русскомъ обществѣ IX, X и XI столѣтій, мы на это не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ того времени; слѣдовательно и приписывать ее тогдашнему обществу не можемъ; а статью Русской Правды: «Оже будетъ убилъ или въ свадѣ, или въ пиру явлено, то тако ему платили по върви», никто не имѣетъ права признавать свидѣтельствомъ часто возможности убійствъ въ пиру и въ ссорѣ; ибо и въ нынѣшнихъ законахъ есть также статьи о подобныхъ убійствахъ, но они не доказываютъ частой возможности сихъ убійствъ въ наше время.

А въ поступкахъ Игоря съ Древянами и Древянъ съ нимъ, въ мщеніи Ольги, въ умноженіи разбоевъ при Владимирѣ, въ поступкахъ Добрыни съ семьею Рогволода и съ Ярополкомъ, и въ поведеніи Святлополка, которыя г. Соловьевъ также приводитъ какъ доказательства своего мнѣнія, еще менѣе доказательства въ пользу его мнѣнія; изъ поступковъ Игоря съ Древянами мы знаемъ только два, 1-й въ 944 году, когда онъ усмирялъ Древянъ, возмущившихся послѣ Олеговой смерти, 2-й въ 945 году, когда онъ по прозьбѣ дружины ходилъ къ Древянамъ собирать дань и дѣлалъ имъ насиліе; конечно для каждаго ясно, что оба сіи поступка характеризуютъ не нравы общества, будто бы выражающіеся въ первенствѣ физической силы: ибо, во 1-хъ, противъ мятежниковъ во всякомъ обществѣ и во всѣ вѣка употребляется физическая сила; а во 2-хъ, въ сборѣ дани указывается только на форму

тогдашнихъ отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ, на нравы же общества здѣсь нѣтъ и намека. Изъ поступковъ Древланъ съ Игоремъ, вѣроятно, г. Соловьевъ мѣтитъ на убіеніе Игоря; это правда, что при убіеніи Игоря была употреблена физическая сила, но здѣсь должно смотрѣть не на самое дѣйствіе убіенія, а на цѣль и побужденіе къ дѣйствію, цѣль же Древланъ была болѣе или менѣе нравственная, они защищали свои семейства, свое достоинствіе. Въ мщеніи же Ольги ясно выказываются преимущества силы духовной надъ физическою даже въ самомъ дѣйствіи, ибо Ольга дѣйствуетъ не столько физическою силою, сколько хитростію, умомъ. Умноженіе разбоевъ при Владимірѣ отнюдь не было проявленіемъ первенства физической силы въ правахъ общества, ибо самъ г. Соловьевъ прежде сказалъ, что разбой сіи были дѣломъ закоренѣлыхъ язычниковъ противъ введенія христіанства Владиміромъ; слѣдовательно они вытекали изъ побужденій религиозныхъ, т. е. чисто духовныхъ, нравственныхъ, хотя и ложно понимаемыхъ. Поступки Добрыни съ семейю Рогволода и съ Ярополкомъ также нисколько не доказываютъ первенства физической силы въ обществѣ. Въ дѣлѣ Добрыни съ семейю Рогволода выказывается собственно только личный характеръ самаго Добрыни; а въ борьбѣ съ Ярополкомъ въ самомъ ясномъ свѣтѣ выставляется преобладаніе ума надъ физическою силою; ибо по свидѣтельству лѣтописи вся борьба была ведена самою разчитанною хитростію, физическая же сила почти не дѣйствовала. Наконецъ въ поведеніи Святополка были внѣшнее вліяніе и происка отъ Римскаго двора и отъ Польскаго.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Соловьевъ приводитъ еще будто бы часто употреблявшееся въ то время единоборство въ битвахъ даже безъ оружія, при помощи одной животненной силы; но по свидѣтельству лѣтописей на пространствѣ почти двухъ сотъ лѣтъ мы знаемъ только два единоборства, Яна Усмошвеца съ Печенѣгомъ и Мстислава съ Редедю, на третье вызвалъ Цимисхій Святослава, но тотъ не принялъ вызова; слѣдовательно единоборства были не только не часты, но даже очень рѣдки; а посему доказательство сіе вовсе не относится къ Русской исторіи описываемаго времени. Итакъ для каждаго ясно, что всѣ доказательства, приведенныя г. Соловьевымъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о первенствѣ и преобладаніи физической силы общества за IX, X и XI вѣка, не доказываютъ этого преобладанія. А посему мнѣніе сіе, какъ бездоказательное, сомнительно и недостоверно является.

Потомъ г. Соловьевъ переходитъ къ описанію тогдашнихъ обычаевъ, и изображаетъ ихъ въ сильномъ противорѣчій съ основными своими мнѣніями о нравахъ тогдашняго общества:

Приступая къ описанію занятій того времени на Руси, авторъ говоритъ: «Занятія жителей составляло земледѣліе; жители городовъ воздѣлывали нивы и земли свои.» Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ занятій было и земледѣліе, на это мы имѣемъ свидѣтельства лѣтописей и другихъ тогдашнихъ памятниковъ, но оно отнюдь не было исключительнымъ промысломъ, особенно для городскихъ жителей; и приводимыя г. Соловьевымъ слова Ольги къ Древлянамъ: «все гради ваша дѣлаютъ нивы своя и земли своя,» какъ мы уже видѣли выше, доказываютъ не земледѣльческую промышленность горожанъ, а только свидѣтствуютъ, что при нападении непріятелей и сельчане укрывались въ города. Да и самъ г. Соловьевъ изчисляетъ многіе промыслы, бывшіе въ то время на Руси, и даже приводитъ свидѣтельство Адама Бременскаго, что Кіевъ считался соперникомъ Константинополя. Следовательно мы не имѣемъ никакого права считать земледѣліе исключительнымъ промысломъ тогдашняго времени на Руси, что ясно подтверждаетъ и Русская Правда, которая не показываетъ преимуществъ земледѣлія передъ другими промыслами. И въ числѣ наибольшаго промысла очевидно была торговля.

Но г. Соловьевъ рѣшительно отвергаетъ существованіе торговли до прибытія Варяжскихъ князей; вотъ его слова: «Мы видѣли занятія племень: была ли въ числѣ ихъ торговля, существовала ли мѣна произведеній между племенами до появленія среди нихъ Варяговъ-Руси? Повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ, обитаемой Славянскими племенами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ; одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медь, воскъ, звѣринныя кожи; то же было у Полянъ и у другихъ племень. Но съ призваніемъ Варяжскихъ князей, съ появленіемъ ихъ дружины, дѣла начали перемѣняться; среди земледѣческаго народонаселенія, добывавшаго все нужное безъ раздѣленія занятій, сосредоточенныхъ въ семьѣ, явилась воинская дружина, образовались слѣдовательно два различныя слоя народонаселенія, съ различными занятіями—и является мѣна.» Конечно, все сказанное теперь г. Соловьевымъ никто не назоветъ исторіею, ибо здѣсь нѣтъ ни одного факта, а одни голыя разсужденія, набранныя для того, чтобы по заданному себѣ авторомъ тезису доказать, что между Славянскими племенами на Руси не существовало торговли. Нѣтъ сомнѣнія, что, по правиламъ науки, въ дѣлѣ историческомъ тезисы должны быть доказываемы фактами; но авторъ не нашелъ фактовъ подтвер-

ждающих его мнѣніе, и по неволѣ долженъ былъ отдѣливаться одними разсужденіями; а по сему и мы разсмотримъ разсужденія г. Соловьева, сперва въ ихъ собственномъ значеніи, и потомъ въ отношеніи къ извѣстіямъ, сохранившимся въ древнихъ памятникахъ. Г. Соловьевъ говоритъ: «Образъ жизни Славянскихъ племенъ на Руси былъ одинаковъ; одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,» слѣдовательно, по его мнѣнію, не было мѣны. Но одинаки ли были потребности и занятія у Русскихъ Славянъ, этого еще доказать нельзя; или по крайней мѣрѣ г. Соловьевъ нигдѣ не доказалъ; ибо сказавши, что на Руси у Славянъ было земледѣліе, скотоводство и нѣкоторыя ремесла, онъ этимъ не доказалъ еще, что всѣ сія занятія были одинаковы у всѣхъ Славянскихъ племенъ на Руси; физическое свойство земель; занятыхъ разными племенами на Руси, указываетъ совершенно на противное; ибо, конечно, никто не назоветъ, что Новгородскій край одинаковъ съ Кіевскимъ или Галицкимъ и Волынскимъ, а по сему никто и не докажетъ, чтобы между жителями сихъ краевъ не было нужды въ мѣнѣ произведеній, — въ торговлѣ. Слѣдовательно по самому простому и естественному соображенію, хитросплетенный софизмъ г. Соловьева, — о невозможности мѣны между Славянскими племенами на Руси, оказывается явно несостоятельнымъ и нелѣпымъ. По обратимся къ фактамъ, не найдемъ ли въ нихъ поддержки мнѣнію г. Соловьева. Фактовъ относительно внутренней торговли на Руси до IX вѣка мы не имѣемъ; ибо до насъ не дошло никакихъ подробныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому времени; впрочемъ за однимъ недостаткомъ свидѣтельствъ мы не имѣемъ права отвергать существованіе внутренней торговли, какъ по существу дѣла, такъ и по тому, что мы имѣемъ ясныя свидѣтельства о виѣшней торговлѣ за то же время, а торговля виѣшняя безъ внутренней существовать не можетъ. А изъ фактовъ виѣшней торговли мы находимъ одинъ и очень важный даже у г. Соловьева; онъ говоритъ, что жена Гаруна-аль-Решиды, первая ввела въ моду шубы, подбитыя Русскими горностаами или соболями; по исторіи извѣстно, что Гарунъ-аль-Решидъ умеръ въ 809 году; слѣдовательно соболи или горностаи, получаемые изъ Русской земли, привозились ко двору Халифа по крайней мѣрѣ за 50 лѣтъ до прибытія Рюрика въ Новгородъ; а по сему для каждаго очевидно, что этотъ фактъ прямо опровергаетъ мнѣніе г. Соловьева, и ясно говоритъ, что у Славянскихъ племенъ на Руси существовала торговля съ Азією еще до прибытія Рюрика. А вотъ еще факты, доставляемые другими источниками, которые также прямо говорятъ, что торговля у Сла-

вянскихъ племень на Руси была довольно обширна за долго до прибытія Рюрика въ Новгородъ. Такъ Саксонъ Грамматикъ свидѣтельствуеъ, что Датскіе купцы во время князя Гальфедана, отца Гаральда Гильдитана, плавали въ Россію, слѣдовательно торговали съ Русскими Славянами въ началѣ VIII вѣка. Константинъ Порфирородный и Адамъ Бременскій утверждаютъ, что чрезъ земли Русскихъ Славянь издавна лежалъ большой торговый путь, по которому Сѣверная Европа торговала съ Константинополемъ. Въ сагѣ Гальфедана Естенида упоминается о Ладожской торговлѣ съ Скандинавами, на купеческихъ корабляхъ, приходившихъ въ Ладогу за долго до прибытія Рюрика. То же подтверждаютъ разные клады, находимые въ Сѣверной Россіи; такъ напримеръ въ 1833 году, въ Новгородской губерніи найденъ значительный кладъ, состоящій изъ Арабскихъ монетъ, чеканенныхъ въ VIII столѣтіи, именно въ 711, 790 и 792 годахъ; этотъ фактъ ясно говоритъ, что въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка Новгородцы уже торговали съ Волжскою Болгаріею и чрезъ нее получали Арабскія монеты; ибо извѣстно, что Мусульманскіе государи всегда старались переливать монеты своихъ предшественниковъ, слѣдовательно монеты VIII столѣтія могли сохраниться только такимъ образомъ, ежели они были зарыты во время ближайшее къ ихъ выпуску въ свѣтъ. Противъ силъ очевидныхъ фактовъ, конечно, спорить не льзя; слѣдовательно мнѣніе, что торговля у Русскихъ Славянь началась только съ прибытія Варяжскихъ князей, не имѣетъ основанія ни въ здоровомъ разсужденіи о ходѣ дѣлъ, ни въ фактахъ, добытыхъ исторіею.

Далѣе г. Соловьевъ перечисляетъ товары, вывозимые изъ Руси и привозимые въ Русь; въ этомъ перечисленіи нѣтъ ничего новаго, оно цѣлкомъ взято изъ Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о Русской исторіи, писанныхъ г. Погодинымъ; то же должно сказать и о характерѣ тогдашней торговли; только г. Погодинъ прямо говоритъ, изъ какихъ источниковъ онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія: онъ ссылается на Константина Порфиророднаго, и на Скандинавскія извѣстія, собранныя Стрингольмомъ; а г. Соловьевъ выдаетъ все сіе только отъ своего лица; вотъ его слова: «Торговля въ тѣ времена была тѣсно связана съ пиратствомъ: Взрягъ являлся на извѣстный берегъ подъ видомъ торговли; и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями; но при первомъ удобномъ случаѣ изъ купца онъ становился пиратомъ, и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде велъ мѣну.» Но должно сознаться, что г. Соловьевъ не слово въ слово списывалъ здѣсь у г. Погодина, онъ пошелъ далѣе своего источника и прямо говоритъ, что торговля была тѣсно связана съ пиратствомъ, т. е. какъ будто бы тогда и не торговали безъ разбоя,

а г. Погодинъ замѣчаетъ только, что торговое путешествіе было вмѣстѣ и военнымъ, и очень осторожно и осмотрительно приводитъ слова Стрингольма: «Сѣверные Викинги занимались торговлею вмѣстѣ съ разбоемъ; иногда выѣзжали они на разбой, иногда для торговли; и не рѣдко торговля путешествія соединены были у нихъ съ военными въ одно время. Въ такомъ случаѣ былъ у нихъ обычай заключать сначала перемиріе съ жителями на берегахъ, къ коимъ они приставали, чтобъ торговать съ ними и мѣнять товары на товары; лишь только торговля оканчивалась и назначенное для нее время приходило къ концу, тогда миръ былъ отлагаемъ, и за торгомъ слѣдовала война.» Здѣсь каждый ясно видитъ, что разбой не былъ принадлежностью тогдашней торговли, но только бывали случаи, что торговцы иногда превращались въ разбойниковъ; и все это совершенно согласно съ источниками и съ ходомъ дѣла, и нисколько не отзывается односторонностію, которая видна изъ словъ г. Соловьева. Съ такою же осторожностію говорить и знаменитый нашъ Исторіографъ Карамзинъ, разбирая договоръ Игоря съ Греками; вотъ его слова: «Требоваша Грековъ въ договоръ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы Россійскіе предъявляли отъ своего князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: ту, кажется, что нѣкоторые Россіане подъ видомъ купчества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно торговать въ Царь-градъ. Надобно было отличить истинныхъ купцовъ отъ разбойниковъ.» Здѣсь утверждается только, что бывали случаи соединенія торговли съ разбоемъ, но нѣтъ и намековъ на то, чтобы торговля была тѣсно связана съ пиратствомъ, чего, конечно, не могло быть и на самомъ дѣлѣ; ибо, ежели бы въ тогдашнемъ Русскомъ торговцѣ непременно должно было видѣть пирата, то Греки въ договоръ съ Игоремъ хлопотали бы не о томъ, чтобы Русскіе мореходцы приходили съ письменными свидѣтельствами князя, но чтобы они вовсе не ходили въ Константинополь, ибо пиратъ и съ свидѣтельствомъ отъ князя не оставилъ бы своего ремесла, особенно ежели оно было обще для всѣхъ Русскихъ торговцевъ.

Говоря о торговлѣ Русскихъ съ Болгарами, авторъ пишетъ: «Руссы сильно желали вымѣнивать на свои товары Арабскія монеты, диргеми, которые вездѣ и во всякомъ значеніи имѣли большую цѣнность. Посредствомъ этого пути Арабскія монеты разпространились по разнымъ мѣстамъ тогдашнихъ Русскихъ областей; какъ рѣдкія, всегда цѣнныя вещи, какъ украшенія, переходили они изъ рода въ родъ, изъ рукъ въ руки, закапывались въ землю вмѣстѣ съ

мертвецами, зарывались въ видѣ кладовъ, и такимъ образомъ дошли до насъ.» Здѣсь авторъ всѣми силами старается выставить Арабскія монеты въ понятіяхъ Руссовъ не какъ деньги, но какъ рѣдкія, всегда цѣнные вещи, какъ украшенія; по его мнѣнію Руссы не умѣли еще признавать монетъ за орудіе торговли, они старались добывать ихъ только какъ игрушки, какъ украшенія, какъ такія вещицы, которыя и дороги и красивы. Но факты, приводимые имъ же самимъ, ясно говорятъ противное, и прямо указываютъ, что Руссы принимали Арабскія монеты, какъ орудіе мѣны—торговли, слѣдовательно въ полномъ значеніи денегъ. Изчисляя товары, получаемые Руссами отъ Арабовъ, онъ говоритъ: «Руссы могли брать у Арабовъ дорогіе камни, бисеръ, особенно зеленаго цвѣта (нитки коего составляли любимое ожерелье Русскихъ женщинъ, которыхъ мужья раззорялись, платя не рѣдко по диргему—отъ 15 до 20 коп. серебромъ за каждую бисеринку), золотыя и серебряныя издѣлія, запястья, кольца, булавки, рукоятки и проч.» Это изчисленіе товаровъ и замѣчаніе о дорогихъ бисерахъ, взятые изъ Арабскихъ свидѣтельствъ, ясно говорятъ, что Арабскія монеты принимались Русскими именно какъ деньги, а не какъ украшенія или блестящія вещицы; ибо Руссы на Арабскія монеты покупали бисеръ и очень дорогою цѣною, платя за каждую зеленую бисеринку по диргему, т. е. по 15 или 20 коп. серебромъ. Напротивъ, ежели бы диргемы принимались Руссами въ значеніи украшенія, то они не стали бы ихъ мѣнять на бисеръ, а покупали бы бисеръ на свои товары; ибо они не мѣняли же на бисеръ кольца, запястья, булавки и другихъ вещицъ, принимаемыхъ именно въ значеніи украшеній. Слѣдовательно факты здѣсь совершенно въ разладѣ съ мнѣніемъ г. Соловьева, и мнѣніе сіе, какъ совершенно бездоказательное, не можетъ принадлежать Русской исторіи.

Далѣе авторъ, желая доказать, что въ то время не было большихъ торговыхъ капиталовъ, говоритъ: «Замѣтимъ, что кромѣ зарытія монетъ въ могилы, клады въ понятіяхъ народа обыкновенно соединяются съ представленіемъ о разбойникахъ, зарывавшихъ въ землю награбленное; что разбой въ это время были сильны, на это имѣемъ ясное свидѣтельство въ летописяхъ и преданіяхъ; такимъ образомъ можетъ объясниться происхожденіе большихъ кладовъ, какъ на примѣръ близъ Великихъ Лукъ найденъ кладъ въ семь слишкомъ тысячъ цѣлковыхъ. Предполагая разбойничество, какъ одно изъ средствъ накопленія большихъ кладовъ, мы не отвергаемъ возможности накопленія значительныхъ капиталовъ и посредствомъ торговли; но здѣсь замѣтимъ, что никакъ

нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятся куфическія монеты, напримѣръ X вѣка, непременно были зарыты въ этомъ вѣкѣ; монеты X вѣка могли зайти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и сохраненіи и въ послѣдующія вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопляться разными средствами въ однихъ рукахъ, и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спусти послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ отъ большихъ кладовъ съ куфическими монетами X вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ капиталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси.» По всему видно, что автору очень хочется доказать свое мнѣніе о несуществованіи значительныхъ торговыхъ капиталовъ на Руси въ X вѣкѣ; но значительные клады, находимые въ наше время съ монетами VIII, IX и X вѣковъ, представляютъ ему неодолимое препятствіе: онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, и идетъ отъ одной странной натяжки къ другой болѣе странной. Прежде всего онъ говоритъ, что не однимъ путемъ мѣны могло дойти въ Россію большое количество монетъ; «значительное количество ихъ должно было достаться Руссамъ во время счастливаго похода Святослава на Козарь, Буртасовъ и Волжскихъ Болгарь.» Нѣтъ сомнѣнія, что дружина Святослава въ Волжскій походъ свой пріобрѣла довольно денегъ; но не должно забывать прежнихъ словъ автора, что съ Святославомъ на Волгу ходила только его удалая дружина, а не войско собранное отъ племенъ, а дружинѣ этой некогда было разходиться, она безпрестанно была занята походами, и съ Волги почти прямо пошла на Дунай, гдѣ по большей части положила свои головы въ войнахъ съ Болгарами, Греками и Печенѣгами; клады же по преимуществу находятъ на Сѣверѣ, въ краю Новгородскомъ, слѣдовательно они не могли быть зарыты дружинниками Святослава. Г. Соловьевъ, самъ какъ бы чувствуя слабую сторону своего доказательства, прибѣгаетъ къ другому средству; онъ говоритъ, что «Арабскія монеты могли быть завезены въ Русскія области также Болгарами.» Мы съ этимъ совершенно согласны; но это доказательство явно не въ пользу г. Соловьева, оно прямо говоритъ о сильной торговлѣ, ибо Болгары привозили Арабскія монеты на Русь ни для чего иного, какъ для торговли, и Русскіе пріобрѣтали ихъ также торговлею; слѣдовательно Арабскія монеты здѣсь были явно торговымъ капиталомъ. Г. Соловьевъ вѣроятно видѣлъ это и самъ; а по сему приводитъ новое доказательство, и говоритъ: мы знаемъ, что князья наши часто нанимали Варяговъ для одного какого-нибудь похода; разумѣется, наемники брали плату свою преимущественно серебромъ, и такимъ образомъ диргеми изъ казны

княжеской переходили къ наемнымъ Варягамъ.» Безъ сомнѣнiя, часть Арабскихъ монеть изъ казны княжеской могла переходить къ наемнымъ Варягамъ въ видѣ платы; но здѣсь должно принять въ соображенiе, что эта часть, положимъ, и довольно значительная въ итогъ при выпускѣ изъ княжеской казны, естественно дѣлалась ничтожною при дѣлежѣ между наемниками, и доля, достававшаяся въ уплату одному наемнику, никакъ не могла составлять значительнаго капитала, напримѣръ хоть бы въ семь пудъ серебра, какъ вѣсилъ одинъ извѣстный кладъ Арабскихъ монеть, найденный въ Новгородскомъ краю; при томъ не надо забывать, 1-е, что наемные воины, состояще преимущественно изъ людей удалыхъ и беззаботныхъ, вообще не столько собиратели, сколько расточители; и во 2-хъ, плата наемнымъ воинамъ хотя и выдавалась иногда серебромъ, но княжеская казна постоянно и преимущественно въ этомъ случаѣ старалась отдѣлываться звѣриными шкурами и другими товарами, на трату же серебра была не очень податлива; на это мы имѣемъ свидѣтельство и въ лѣтописяхъ, гдѣ Владимиръ говоритъ Варягамъ, требовавшимъ платы: «даже вы куны сберуть за мѣсяць.» Этому правилу сбергать деньги княжеская казна держалась даже и въ позднѣйшее время, такъ въ XVI и XVIII в. Государи Московскiе платили наемнымъ воинамъ Нѣмцамъ, Шотландцамъ и другимъ иноземцамъ преимущественно мѣхами, на что мы имѣемъ много официальныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ третье доказательство г. Соловьева недостаточнѣе и страннѣе прежнихъ двухъ. Но изобрѣтательность его неистощима, онъ представляетъ новое доказательство, страннѣйшее всѣхъ прежнихъ; онъ, какъ мы привели уже выше, предполагаетъ разбойничество, какъ одно изъ средствъ накопленiя большихъ кладовъ. Это правда, что между людьми ходитъ мнѣнiе, что легче накопить деньги воровствомъ и грабжею, нежели честнымъ трудомъ и торговлею; но несомнѣтельность такого мнѣнiя такъ очевидна, что его не стоитъ и опровергать. Разбойничество не было промысломъ нашихъ предковъ, оно всегда считалось какъ исключенiе изъ круга народной дѣятельности, строго пресѣдуемое закономъ и обществомъ; слѣдовательно его никакъ нельзя полагать въ числѣ общихъ обычныхъ средствъ къ накопленiю капиталовъ, хотя лѣтописи и говорятъ, что при Владимирѣ усилились разбой; но самъ же г. Соловьевъ выше сказалъ, и довольно правильно, что «разбойники умножились при Владимирѣ въ слѣдствiе бѣгства тѣхъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли принять христіанства» (стр. 183). Слѣдовательно разбой сiи были не какъ промыселъ, или средство добывать

деньги, но какъ бессмысленный протестъ закоренѣлаго язычества противъ Христіанства. Но вотъ и последнее доказательство о несуществованіи на Руси большихъ торговыхъ капиталовъ въ X вѣкѣ; оно, какъ мы привели уже выше, состоитъ въ томъ, что большіе клады съ Арабскими монетами, на примѣръ, X вѣка накопились послѣ многихъ переходовъ изъ рукъ въ руки отъ одного поколѣнія къ другому, и были зарыты въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія. Вотъ подлинно диковинное доказательство, страннѣе котораго и придумать нельзя. Довольно значительный кладъ, на примѣръ въ семь тысячъ слишкомъ дѣлковыхъ, скопился по маленькимъ долямъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, переходя изъ рода въ родъ, и притомъ какъ чудно скопился изъ однихъ только диргемовъ X-го вѣка, отъ чего же въ него не попали ни Русскія монеты XII, XIII и XIV столѣтій, ни Греческія, ни Западно-Европейскія; а мы знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что всѣ сии разряды монетъ въ продолженіи этого времени были въ употребленіи на Руси, и встрѣчаются въ иныхъ кладахъ. Мы, право, уже не знаемъ, какъ могъ скопиться такой кладъ въ продолженіи многихъ вѣковъ; единственнымъ объясненіемъ такого скопленія можетъ быть предположеніе, что его собирали какіе-нибудь наследственные нумизматы, которые преимущественно изъ роду въ родъ составляли коллекцію арабскихъ монетъ именно X-го вѣка, и набрали ихъ семь тысячъ дѣлковыхъ. Конечно, это предположеніе очень странно и неосуществимо на дѣлѣ, но другаго объясненія придумать нельзя, ибо г. Соловьевъ не признаетъ возможность самаго естественнаго составленія такого капитала однимъ торговцемъ въ X или XI вѣкѣ. А посему для каждаго очевидно, что мнѣніе г. Соловьева о невозможности существованія на Руси значительныхъ торговыхъ капиталовъ въ X вѣкѣ несостоятельно, и что всѣ доказательства, представленныя имъ или недостаточны, или даже отличаются крайнею странностію; и мы изъ сожалѣнія къ г. Соловьеву долго не рѣшались выставить ихъ наружу, и наконецъ рѣшились только потому, что имѣли въ виду дать полезный урокъ, который впредь удерживалъ бы другихъ отъ подобныхъ попытокъ исказить настоящій смыслъ фактовъ.

Окончивъ разсужденія о торговлѣ, г. Соловьевъ переходитъ къ разсужденіямъ о вліяніи христіанства на Русское общество, хотя иногда и не безъ ошибокъ, но онѣ окупаются дѣльными мыслями, впрочемъ по большей части извѣстными, и мы, не гоняясь за ошибками, благодаримъ автора за ихъ повтореніе. Наконецъ г. Соловьевъ заключаетъ свою первую книгу Исторіи Россіи общими выводами.

Выводы сія вытекають изъ положеній, высказанныхъ авторомъ въ продолженіи цѣлой книги, которая уже или опровергнута нами, или принята; по сему мы и не находимъ здѣсь надобности повторять сказаннаго, и прекращаемъ нашу и безъ того длинную рецензію съ полнымъ и искреннимъ желаніемъ лучшихъ успѣховъ автору въ слѣдующихъ томахъ исторіи. У.

II. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 6 книжекъ за 1851 годъ.

Вообще говоря, у насъ мало читають не литературные журналы, не смотря на ихъ важность. Это отчасти объясняется спеціальностью ихъ содержанія, и отчасти малочисленностью ученыхъ и въ самомъ дѣлѣ образованныхъ людей! Само собою разумѣется, что мы говоримъ лишь о настоящемъ, — будущее покрыто завѣсою, быть можетъ скрывающею что-либо блестящее. Но теперь мы пока еще не привыкли къ строгой отчетности, съ которой министерскіе журналы не рѣдко сообщаютъ намъ официальные статистическія свѣдѣнія; они какъ будто не нужны намъ. Конечно, наиболѣе благомыслящая часть публики, та часть ея, которая представляетъ собою интересы и стремленія нашего общества въ настоящее время, съ любознательностью встрѣчаетъ всякое сочиненіе, всякую статью по отечественной исторіи, статистикѣ, географіи и т. д., а въ этомъ нельзя не видѣть утѣшительнаго успѣха на поприщѣ исторической и статической науки, или, что тоже, на поприщѣ самопознанія. Всякое общество, а въ томъ числѣ и русское общество, начинаетъ свое дѣло въ лицѣ относительно — нѣкоторыхъ, которые дѣлаются его представителями. То, что находится за ними, также перерабатывается, также совершенствуется, но медленно, прочтѣе и положительно. Уже наступило время, когда не одни ученые, но и значительная часть читающей публики призадумывается надъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ нашего отечества, и интересуется всѣмъ, что до него касается. Значитъ, интересъ къ его изученію уже возбужденъ: остается поддерживать его, удовлетворяя ему.

Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ существенно отличается отъ журналовъ другихъ министерствъ въ томъ отношеніи, что соединяетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся внутренней жизни Россіи, тогда какъ содержаніе другихъ журналовъ болѣе или менѣе частное, спеціальное. — Мы съ особеннымъ удовольствіемъ беремъ на себя трудъ распространять въ массѣ читающей публики тѣ любопытныя данныя, которыя находимъ въ этомъ полезномъ изданіи.

Замѣчательнѣйшими статьями, въ первыхъ шести книжкахъ журнала за текущій годъ, показались намъ:

1) г. Скальковскаго, *Географическое обозрѣніе торговыхъ рынковъ Новой-Россіи*. Эта статья—собственно опытъ географическаго описанія центровъ торговой дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ, и еще не кончена. Мы заимствуемъ изъ нея слѣдующія свѣдѣнія.— Въ Новой-Россіи находится 17 рынковъ для заграничной торговли на Черномъ морѣ, Таврическомъ проливѣ, Азовскомъ морѣ, на устьяхъ Дона, Днѣпра, Буга и Дуная. Въ порты Чернаго и Азовскаго морей, а равно и въ Дунайскіе порты, въ два слѣдующія одно за другимъ десятилѣтія (1824—1833; 1834—43) приходило изъ-за границы слѣдующее число кораблей всѣхъ націй: въ первое десятилѣтіе—10,314, во второе—14,614,—а въ слѣдующее *пятилѣтіе*, отъ 1844 до 48 года, число кораблей возрасло до 12,989. Что касается до участія русскаго флага въ этомъ мореходствѣ, то изъ 14,470 судовъ большаго плаванія, прибывшихъ къ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ портамъ съ 1843 по 49 годъ, подъ русскимъ флагомъ было—2,859 судовъ. Наиболѣе иностранныхъ судовъ приходило изъ Англіи, Италіи, Греціи, Турціи, Австріи и Франціи. Первое мѣсто въ заграничномъ судоходствѣ принадлежитъ Одессѣ, второе Таганрогу, потомъ Измаилу, Бердянску и Мариуполю, не смотря на то, что Одесскій рейдъ открытъ для страшныхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, а Таганрогскій заливъ отличается мелководьемъ.

Любопытно сравненіе сѣверныхъ портовъ съ Новороссійскими и Бессарабскими въ торговомъ отношеніи. Въ теченіи 6 лѣтъ отъ 1843 до 48 года къ первымъ пришло судовъ изъ-за границы—25,122, ко вторымъ—14,470, но вмѣстимость первыхъ судовъ была слишкомъ въ 2, милл. ластовъ, тогда какъ вмѣстимость послѣднихъ простиралась до 1,800 т. ластовъ. Что касается цѣнности груза тѣхъ и другихъ, то весь годовой привозъ товаровъ къ Новороссійскимъ портамъ доходилъ отъ 5 до 8½ милл., что составляетъ менѣе 1/10 цѣнности товаровъ, привозимыхъ ежегодно къ сѣвернымъ портамъ Имперіи.

Что касается до каботажнаго или прибрежнаго мореходства, то число каботажныхъ судовъ въ Новороссійскихъ портахъ, въ теченіе 20 лѣтъ, почти удесятирилось—въ сравненіи съ первымъ его движеніемъ, и почти удвоилось съ 1837 г. Весь каботажъ Балтійскаго и Бѣлаго морей равняется каботажу одного Ростовскаго порта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣнность груза на сѣверныхъ судахъ гораздо выше цѣнности грузовъ Новороссійскаго судоходства.

Пароходство сдѣлало здѣсь не менѣе большіе успѣхи. До 1831 года дѣйствовали здѣсь всего три парохода. Въ 1849—1850 годахъ здѣсь дѣйствовало 12 пароходовъ: 8 по внутреннему и 4 по заграничному сообщенію. Въ теченіе 1849 года эти пароходы перевезли болѣе 14,000 пассажировъ и принесли доходу болѣе 150,008 р. сер. Съ другой стороны рѣчное судоходство Новороссійскаго края привлекаетъ сюда ежегодно отъ 3,600 до 4,600 судовъ различной величины и до 2,100 плотовъ и барокъ, съ грузомъ цѣною отъ 6 до 12 мил. р. сер., и занимаетъ круглымъ числомъ 27,000 рабочихъ.

2) Изъ небольшой статьи *Учрежденіе Самарской губерніи* мы узнаемъ нѣсколько любопытныхъ цифръ. Новая губернія составлена изъ частей смежныхъ съ нею, крайне обширныхъ по пространству и весьма многолюдныхъ губерній: Оренбургской, Симбирской и Саратовской, заключавшихъ пространство слишкомъ въ 41 т. кв. геогр. м. Самарская губернія составляется изъ слѣдующихъ 7 уѣздовъ: четырехъ западныхъ — Ставропольскаго, Самарскаго, Новоузенскаго и Николаевскаго, и трехъ восточныхъ — Бугульминскаго, Бугуруславскаго и Бузулуцкаго, а по раздѣленіи Николаевскаго уѣзда на два, будетъ состоять изъ 8 уѣздовъ. Общій итогъ сельскаго населенія новой, пятьдесятъ-осьмой губерніи, по изслѣдованіямъ 1846 года состоитъ слишкомъ изъ миліона душъ об. п., а городского населенія, по изслѣдованіямъ 1842 года—35,207 душъ об. п. Мужескій полъ относится къ женскому въ сельскомъ населеніи какъ 4: 1, а въ городскомъ какъ 8: 9.

3) Г. Артемьевъ, *Древній Болгарскій городъ Жукотинъ*, статья, которую мы особенно рекомендуемъ любителямъ древностей вообще и отечественныхъ древностей въ особенности.

4) Подробный отчетъ о Нижегородской ярмаркѣ—въ 1850 году. Мы сокращаемъ этотъ отчетъ въ слѣдующую таблицу.

Всѣхъ товаровъ привезено было на 55,984,581 р. с.

Изъ нихъ Русскихъ товаровъ 42,942,861

а именно:

Пушнаго (выдѣланнаго и не выдѣланнаго) товара на	4,108,665
Кожъ (выдѣланныхъ и не выдѣланныхъ)	1,979,536
Металловъ и металлическихъ издѣлій	8,632,938
Глиняныхъ и стеклянныхъ издѣлій	515,545
Лѣснаго товару и древесныхъ издѣлій	849,098
Папитковъ	875,460
Рыбнаго товару	627,470

поэзиі въ первой половинѣ XVII вѣка; XI. Драматическое искусство въ XVII вѣкѣ; XII. Вѣкъ Людовика XIV; XIII. Расинъ; XIV. Мольеръ; XV. Лафонтенъ; XVI. Буало; XVII. Состояніе поэзиі въ XVII вѣкѣ; XVIII. Драматическое искусство послѣ Корнеля, Расина и Мольера; XIX. Состояніе прозы въ вѣкъ Людовика XIV; XX. Мораль и философія; XXI. Исторія, романы и проч.; XXII. Столѣтіе XVIII. Лирическая поэзія; XXIII. Вольтеръ; XXIV. Эпическая и дидактическая поэзиі; XXV. Драматическое искусство; XXVI. Комедіи; XXVII. Басни и разныя стихотворенія; XXVIII. Прозаики XVIII вѣка; XXIX. Мораль, философія и критика; XXX. Исторія и романы; XXXI. Патуральная исторія; XXXII. Столѣтіе XIX. Прозаики; XXXIII. Андрие, Тиссонъ и Вильменъ; XXXIV. Шагобрианъ и К. Нодье; XXXV. Историческія науки; XXXVI. Мемуары и исторія философіи; XXXVII. Романисты; XXXVIII. Драматическое искусство; XXXIX. Эпическая и лирическая поэзиі; XL. Разныя стихотворенія.

Содержаніе этой полезной книги достаточно показываетъ, съ какою цѣлю, и для кого она составлена. Трудъ автора ограничивается, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, выборомъ критическихъ сужденій о Французскихъ писателяхъ изъ разныхъ руководствъ и помѣщеніемъ образцовъ изъ сочиненій лучшихъ авторовъ.

Печатать позволяется. Москва, Октября 15 дня, 1854 года.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

Китайскихъ (часть на 6,119,400 р. с., за продажею осталось на 1,019,000 р. с., и шелковыхъ тканей, сигаръ, красокъ, игрушекъ, чубукъ и пр. на 34,000) 6,513,400.

Бухарско-Хивинскихъ (пряеной хлопчатой бумаги, бухарскаго шелку, бохты, бурмети, шалей, мерлушки, лисиць и пр.) 551,179 р.

Персидскихъ и закавказскихъ 1,195,019.

За сбытомъ осталось азиатскихъ товаровъ на 1,243, 500 р. с. Сравнительно съ ярмаркою 1849 г. по привозу—на 134,912 менше, а по сбыту—на 421,588 р. болше.

Выручка въ разныхъ събстныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ и увеселительныхъ заведеніяхъ простиралась, въ продолженіе ярмарки 1850 г., до 212,855 р. с.; противъ 1849 г. на 8,945 р. с. менше.

Монеты въ мѣняльномъ ряду, золотой, серебряной и мѣдной, размѣнено было на 625,000 р.

Слѣдовательно весь оборотный капиталъ ярмарочной торговли 1850 года, включительно съ выручкою въ означенныхъ заведеніяхъ, простирался до 56,822,436 р., или на 435,871 р. менше, чѣмъ въ 1849 году.

Дохода отъ найма торговыхъ помѣщеній собрано ярмарочнымъ комитетомъ 160,421 р. 32 к., или на 2,808 р. 77 к. болше, чѣмъ 1849 году.

5) Г. Скальковскаго, *Каботажъ, парходство и рѣчное судоходство въ Новороссійскомъ краѣ*, изъ которой мы уже извлекли любопытнѣйшія данныя.

6) *О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ*, и начало статьи: *Общественное хозяйство города Одессы*.

7) Г. Ханькова: *Очерки исторіи медицинской полиціи въ Россіи*, и 8) г. Михайлова: *Промыслы Зырянъ Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ Вологодской губерніи*. Промыслы Зырянъ чрезвычайно разнообразны: зимою, они стрѣляютъ рѣбчиковъ, промышляютъ бѣлку, горностая, выдру, кунцу, медвѣдя, волка, росомаху, соболя, лисицу, лось, оленя, выгодно сбывая ихъ купцамъ; занимаются постройкой барокъ и мелкихъ судовъ по пристанямъ Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ, добываніемъ желѣзной руды (она повсемѣстна на всемъ протяженіи Устьсысольскаго уѣзда) и точильнаго камня, вываркою соли, рубкою дровъ на заводы, и отчасти извозомъ. Весною занимаются чисткою полей и луговъ, поствомъ яровыхъ хлѣбовъ и рыбной ловлей, а лѣто и осень проводятъ въ полевыхъ работахъ, занимаются судоходствомъ, птицеводствомъ, и въ особенности — рыбными промыслами,

выбираютъ и разчищаютъ мѣста для подсѣкъ, добываютъ кедровые орѣхи въ лѣсахъ по Вычегдѣ, Вишерѣ и Печорѣ; наконецъ, собираютъ цѣлительныя и красильныя травы, напримѣръ, толокнянку, которую отправляютъ на судахъ, по бывшему Старо-Екатерининскому каналу, въ Казань и другіе города. Зыряне—отличные звѣроловы. Читая статью г. Михайлова, вы тотчасъ вспоминаете о лѣсахъ Америки и храбрыхъ ихъ обитателяхъ Индійцахъ. Дѣти Зырянъ уже рождаются звѣроловами: «они не требуютъ у отцовъ ни кафтановъ праздничныхъ, ни рубахъ красныхъ, ни шапокъ городскихъ, а со слезами просятъ купить имъ *громкую игрушку*, то-есть, виговку, получивъ которую и начинаютъ бродить въ лѣтнее время по окрестнымъ лѣсамъ, забывая про обѣдъ и ужинъ, когда охота оказывается неудачною» (стр. 77 — 78). Намъ хотѣлось бы выписать изъ статьи г. Михайлова нѣсколько страницъ о приготовленіяхъ къ звѣриному промыслу, повторяющемуся два раза въ годъ, но боимся слишкомъ расширить объемъ нашей статьи. Замѣтимъ только, что порохъ — самая драгоценная вещь для Зырянина. «За фунтъ пороху они платятъ купцамъ десятокъ горностаевъ или полтора десятка бѣлокъ, и считаютъ себя въ большомъ выигрышѣ, благодарятъ купцовъ, низко имъ кланяются, даже прибавляютъ имъ шкурки по двѣ, а купцы себѣ на ум!» Въ одномъ Устьсысольскомъ уѣздѣ пороху выходитъ въ годъ на 40,000 р. с., полагая за фунтъ, по казенной цѣнѣ, 50 к. с.—Рыбная ловля Зырянъ чрезвычайно значительна; Устьсысольскій уѣздъ такъ богатъ водами, что большихъ и малыхъ извѣстныхъ рѣкъ считается въ немъ до 50, не говоря объ озерахъ, въ безчисленномъ множествѣ разбросанныхъ по уѣзду (онъ заключаетъ въ себѣ 92,000,000 десятинъ), между которыми есть много и большихъ, простирающихся въ длину отъ 30 до 50 верстъ. Семга, нельма и стерлядь составляютъ важнѣйшія статьи мѣстной рыбной промышленности. Рыболовные снаряды чрезвычайно разнообразны. Важнѣйшую статью птичьяго промысла составляютъ рябчики, скупаемые купцами для отправки въ Москву, Петербургъ и др. города. Въ одинъ Петербургъ отправляютъ ихъ до 200,000 штукъ.—Способы ловли также разнообразны.

9) Извлеченіе изъ новаго труда г. Академика Кеппена относительно численности и обиталищъ Литовскаго племени въ настоящее время (*Der Littauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts*), трудъ, помѣщенный въ «Историко-филологическомъ Бюллетенѣ С-Петербургской Императорской Академіи Наукъ» NN^o 18 и 19). Мы заимствуемъ изъ него слѣдующія данныя:

I. *Литва* подраздѣляется на двѣ группы: *Литву* и *Жмудь*. Вотъ приблизительная численность ихъ во время восьмой ревизіи (1834 г.).

Въ Ковенской губ. Жмуди 308,683 об. п.; Литвы 260,414, всего 568,794 д.

Всѣ они католики, исключая 20,000 православныхъ, лютеранъ и реформатовъ.

Въ Виленской губ.	137,320
— Гродненской губ.	2,338
— Курляндской губ.	7,434

Итого въ Россіи живущей Литвы и Жмуди. . . . 716,886 об. п.

Въ царствѣ Польскомъ число Литвиновъ простирается до 184,000 душъ об. п., живущихъ въ Августовской губ.

Въ Прусскомъ королевствѣ: въ Кенигсберскомъ и Гомбинскомъ округахъ, на пространствѣ 183 к. м. 252,700 об. п.

Общее число Литвы 1,154,000 чел.

II. *Латыши.*

Въ Курляндской губ. 1843 г.	400,000 об. п.
— Лифляндской — 1842 г.	318,872 —
— Витебской — 1847 г.	142,497 —

Всѣ они католики, исключая 2,784 чел. православныхъ и 7 Аугсбургскаго исповѣданія.

Въ Ковенской губ.	6,341
---------------------------	-------

Изъ нихъ 2,094 лютеранъ; прочіе католики.

Въ Псковской губ. 1846 г.	458
-----------------------------------	-----

Въ С. Петербургской обоюго пола лютеранъ. . .	2,000
---	-------

и римско-католиковъ.	250
------------------------------	-----

Итого.	872,000 д. об. п.
----------------	-------------------

Литвиновъ.	1,154,000
--------------------	-----------

Всего Литовскаго племени. 2,026,000

Изъ нихъ 1,589,000 живутъ въ Россіи, 184,000 въ Польшѣ и 253,000 въ Пруссіи. Латыши занимаютъ пространство въ 1200 кв. м., Литвины—1,400 кв. м.—(въ Россіи—800, въ Польшѣ болѣе 120, въ Пруссіи до 200), всего—около 2,300 кв. м.

40) Статя г. Данилевскаго, *Статистическія изслѣдованія о распредѣленіи и движеніи народонаселенія въ Россіи за 1846 годъ*. Въ ожиданіи ея окончанія, переходимъ къ *Статистикѣ градобитій въ Имперіи въ теченіе 1850 года*. Всѣхъ градобитій въ этомъ году

было 276; отъ нихъ пострадали всѣ губерніи, кромѣ восьми. Кромѣ двухъ случаевъ градобитій, бывшихъ въ Закавказь 13 апрѣля и 1 сентября, всѣ остальные имѣли мѣсто въ періодѣ четырехъ-лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ слѣдующимъ распредѣленіемъ: въ іюль 120, въ іюнь—70, въ маѣ—54, въ августѣ—30. Въ 46 пострадавшихъ губерніяхъ, потерпѣли 186 уѣздовъ; самое большее число (14) уѣздовъ подвергшихся градобитіямъ, принадлежитъ Казанской, самое меньшее (1)—Архангельской, Астраханской, Воронежской, Иркутской, Курской, С-Петербургской, Смоленской, Московской и Тамбовской. Число пострадавшихъ уѣздовъ относится къ общему числу ихъ, какъ 1: 2,7. Градъ былъ величиною въ *куриное яйцо*: въ Астраханской, Владимірской, Гродненской, Псковской, Тифлисской, Тверской, Костромской губерніяхъ; величиною въ *яблоко*:—въ Витебской и Псковской; величиною въ *вершокъ*:—въ Екатеринославской губ. Самый замѣчательный случай былъ въ Нухинскомъ округѣ Шемахинской губ., гдѣ нѣкоторыя градины вѣсили, по донесенію, до 25 фунтовъ. Убытки отъ градобитій простирались по пространству на 91,427 десятинъ, по оцѣнкѣ — на 1,112,851 р. с.

Историческое обозрѣніе узаконеній о трактирныхъ заведеніяхъ и Историческій очеркъ распространенія и устройства Русскаго владычества подѣ Кавказомъ и въ Закавказь (ст. IV).

Таковы статьи, показавшіяся намъ наиболѣе выдающимися въ шести первыхъ книжкахъ журнала. Желая этимъ обозрѣніемъ только начать дѣло, мы не приводили многихъ замѣчательныхъ статистическихъ данныхъ, разбѣянныхъ въ отдѣленіи «Смѣси» журнала; но, при обозрѣніи каждой изъ послѣдующихъ книжекъ, постараемся не упускать изъ виду этихъ драгоценныхъ, во многихъ отношеніяхъ, актовъ.

Отечественныя Записки. Августъ и Сентябрь, NN 8 и 9.

«Старый домъ», такъ долго тянувшійся въ О. З. и вѣроятно успѣвнѣйшій наскучить самымъ отчаяннымъ тѣщамъ, наконецъ прекратился въ нынѣшнемъ номерѣ; говоримъ—прекратился, а не окончился, потому, что окончиться можетъ только то, что по своей природѣ имѣетъ естественный и своевременный конецъ. «Старый же домъ», по своему содержанію, могъ длиться на неопредѣленное время, и только по независимымъ отъ него обстоятельствамъ или по прихоти автора прекратился въ 8-мъ, а не въ 10-мъ или 11-мъ номерѣ.

Этимъ замѣчаніемъ мы было и думали разстаться съ романомъ В. Р. Зотова, но намъ пришли въ голову нѣкоторыя соображенія. При самомъ началѣ этого романа, мы встрѣтили его не серьезнымъ разборомъ, но шутивнымъ замѣчаніемъ, какими сопровождали потомъ и все его длинное шествіе. По настоящему такимъ образомъ и слѣдовало бы относиться критику къ произведеніямъ подобнымъ «Старому дому»; но принимая въ соображеніе успѣхъ, которымъ пользовались въ нашей публикѣ нѣкоторые подобные же романы, мы можемъ полагать, что найдутся читатели, которымъ понравится и «Старый домъ.» а наши бездоказательныя замѣчанія на него покажутся придирками, или, по крайней мѣрѣ, нисколько не послужатъ къ установленію истинныхъ отношеній между читателемъ и романомъ В. Р. Зотова. Потому мы считаемъ нужнымъ сказать теперь, по окончаніи его, нѣсколько серьезныхъ словъ для уясненія значенія и достоинствъ подобныхъ романовъ вообще.

Въ послѣднее время наши критики стали смотрѣть съ весьма различныхъ и произвольныхъ точекъ на произведенія изящно-литературныя, но почти всѣ они согласны въ одномъ требованіи—это требованіе *естественности*. Конечно, одни изъ нихъ подкладываютъ подъ это слово совсѣмъ не то, что подкладываютъ другіе, но уже важно то, что установился въ этомъ отношеніи прочно хотя одинъ пунктъ, что всѣ сошлись въ одномъ, хотя часто и смутно понимаемомъ дѣлѣ. Что же такое эта *естественность*, которой представительницею слыма нѣкоторое время, такъ называемая, натуральная школа? почему законно ея требованіе? какія особенныя свойства придаетъ она художественнымъ произведеніямъ? какими путями достигается она?—вотъ вопросы, которыхъ полное и удовлетворительное рѣшеніе было бы, безъ сомнѣнія, очень интересно. Въ ожиданіи такого рѣшенія, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, на сколько это нужно для нашей настоящей дѣли, именно, для показанія того, чѣмъ грѣшатъ противъ искусства такіе романы, какъ напр. *Старый Домъ*.

Одностороннее пониманіе естественности можетъ быть, какъ мы сказали, весьма различно. Одни полагаютъ ее въ чрезвычайной близости къ дѣйствительной жизни, простирая это требованіе до того, что исключаютъ изъ искусства область чудеснаго и фантастическаго, на томъ основаніи, что такого не бываетъ въ жизни, и что слѣдовательно, принимая въ себя эти элементы, искусство удаляется отъ дѣйствительности и впадаетъ въ ложное направленіе. Близость къ дѣйствительности, согласіе съ нею, въ самомъ дѣлѣ, спасаютъ искусство

отъ заблужденій, потому что даютъ ему твердое основаніе и не позволяютъ уклониться въ произволь. Если, напр., герои, выведенные авторомъ, будутъ очень похожи на лица въ самомъ дѣлѣ и часто встрѣчаемыя, или происшествія съ ними случающіяся будутъ таковы, какія въ самомъ дѣлѣ и обыкновенно случаются съ подобными лицами; то, конечно, во всемъ этомъ не будетъ ничего лишняго. Тогда простое знаніе жизни и обычаевъ спасетъ автора отъ неестественнаго и натузгаго въ его произведеніяхъ. Иные, понявъ это, и получивъ такимъ образомъ довольно вѣрный, хотя и односторонній, критеріумъ для опредѣленія достоинствъ литературныхъ произведеній, не хотятъ уже видѣть ничего болѣе, и чувствуютъ страхъ и шаткость своего положенія, какъ скоро видятъ, что ихъ стрываютъ отъ той почвы, на которой они сидятъ крѣпко, и заставляютъ перенести судъ въ другую сферу, созданную авторомъ. Отсюда объясняется, напр., недовольство нѣкоторыхъ критиковъ при внесеніи чудснаго въ романъ или повѣсть; при чемъ они требуютъ уже другой оцѣнки и для произнесенія этой оцѣнки другихъ данныхъ въ критикѣ, кромѣ нѣ котораго знанія жизни и обычаевъ. По другому пониманію, естественность состоитъ въ вѣрности характеровъ, т. е. въ томъ, чтобы дѣйствія одного и того же лица не противорѣчили одно другому. Если, напр., какой-нибудь господинъ, выведенный въ продолженіи повѣсти тихимъ и скромнымъ, къ концу повѣсти разсердится и сдѣлаетъ какой-нибудь рѣшительный поступокъ, то тотчасъ замѣчаютъ, что авторъ погрѣшилъ противъ естественности. Изъ такого пониманія выходятъ иногда у критиковъ очень забавныя промахи и недоразумѣнія. Есть и такіе, которые смѣшиваютъ естественность съ умѣренностью, и называютъ неестественными всѣ душевныя движенія, которыя выходятъ изъ уровня обыкновенно встрѣчаемыхъ характеровъ или лежатъ вѣвъ собственной опытности критика, и т. д.

Если, оставивъ всѣ умствованія, обратиться къ изслѣдованію нашихъ непосредственныхъ отношеній къ изящно-литературнымъ произведеніямъ и постараться отличить то, что въ нихъ дается нашему чувству, какъ естественность, то легко увидимъ, что въ существенныхъ чертахъ это есть такое ихъ свойство, по которому они представляются какъ бы дѣйствительностью. Это значитъ, что лица, въ нихъ выведенныя, кажутся намъ живыми и индивидуальными, событія правдивыми и вѣрно обставленными, однимъ словомъ, ни на минуту мы не замѣчаемъ ни выдумки, ни произвола, но присутствуемъ какъ бы при настоящемъ, въ самомъ дѣлѣ совершающемся, дѣйствіи. Разсматривая это свойство изящно-литературныхъ произведеній съ извѣстной точки, можно, пожалуй, при-

знать его за отрицательное. Въ самомъ дѣлѣ, это есть только первый признакъ, необходимое условіе изящнаго; за тѣмъ для романа, напр., или повѣсти остаются другія свойства, опредѣляющія степень ихъ достоинства: широта задуманныхъ характеровъ, глубина мысли, лежащей въ основаніи. Но уже достиженіе этого перваго свойства представляетъ гораздо болѣе трудностей, нежели какъ это можетъ показаться на первый разъ. Дѣйствительно, не такъ легко, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые, создать живыя лица, не списывая ихъ съ какихъ-нибудь въ самомъ дѣлѣ существующихъ, поставить ихъ въ такія отношенія между собою, въ какое бы стали дѣйствительно эти лица, если бы они были живые, не вставить въ числѣ часто многообразныхъ оттѣнковъ характера этихъ *выдуманныхъ* лицъ ни одного такого, который бы противорѣчилъ общему типу (при чемъ никакія внѣшнія указанія не могутъ поддержать автора), не допустить во множествѣ различныхъ поступковъ опять таки *выдуманнаго* лица ни одного такого, который бы не вытекалъ изъ общаго представленія объ индивидуальности лица и не пояснялъ это послѣднее. Для достиженія всего этого недостаточно ни ума, ни житейской опытности, ни даже психологическаго знанія челоуѣка — и только одному истинному таланту дано побѣждать безъ усилій эти трудности, которыхъ онъ даже не замѣчаетъ, но которыя однако ясны намъ, когда мы анализируемъ дѣятельность таланта, и представляются дѣйствительными, непобѣдимыми трудностями, когда вздумаешь посторонними средствами добиться тѣхъ же результатовъ. — Отъ того люди безталантливые, хотя бы и не глупые, тотчасъ впадаютъ въ множество промаховъ противъ естественности, какъ только берутся за поддѣлку подъ какой-нибудь родъ художественныхъ произведеній, и то, что напишутъ они, не имѣетъ никакихъ достоинствъ, хотя и сохраняетъ нѣкоторое подобіе истинно художественнаго.

Можно спросить, отчего естественность, или то, что мы разумѣемъ подъ естественностью, считаемъ мы за главный признакъ художественности изящно-литературныхъ произведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ за главное доказательство таланта ихъ автора. — Отвѣтъ очень простъ: можно челоуѣку способному и умному придумать интересную завязку въ повѣсти, напр., можно выставить многія интересныя черты, замѣченныя, положимъ, въ современномъ обществѣ, можно украсить свой рассказъ остроумными и дѣльными замѣтками и мыслями, можно сообщить своему произведенію глубоко-правственное направленіе, и мало ли какія еще несомнѣныя достоинства можно придать тому, что выходитъ изъ—

подъ пера нашего: но нельзя, не имѣя таланта, достигнуть той оконченности отдѣлки, которая не оставляетъ ничего желать болѣе, той мелочной вѣрности подробностей, той наконецъ полноты представленія, которая производитъ совершенное очарованіе. Такихъ результатовъ можетъ достигнуть только талантъ, потому что самый простой анализъ указываетъ уже намъ на невозможность силами обыкновенныхъ способностей произвести что-либо подобное.

Но почему же наконецъ мы цѣнимъ только эту естественность, служащую для насъ признакомъ таланта, почему не хотимъ мы дать большой цѣны такимъ романамъ или повѣстямъ, которые иногда не лишены постороннихъ достоинствъ? Пусть нѣтъ въ нихъ положительно изящнаго, пусть не доставляютъ они намъ чистаго наслажденія своими цѣльными образами, своею, всѣхъ поражающею, правдою, но они могутъ имѣть достоинства другаго рода; въ основѣ ихъ можетъ лежать справедливая и глубокая мысль, въ нихъ могутъ быть сообщены житейскою опытностью добытые результаты, они могутъ наконецъ представлять, хотя и не вполне конкретные, но между тѣмъ очень понятные характеры.

Такъ въ самомъ дѣлѣ говорятъ многіе, такъ кажется многимъ. Но такъ ли это дѣйствительно? Мало ли мнѣній, которыя живутъ и ходятъ за справедливыми, только потому, что имѣютъ нѣкоторый видъ правдоподобія, не представляютъ никакой грубой, очевидной, логической ошибки, и что наконецъ людямъ, довольно равнодушнымъ къ дѣлу, нѣтъ времени и охоты вдуматься въ нихъ хорошенько, всмотрѣться, на сколько въ нихъ правды.

Какое, напр., достоинство имѣютъ живыя, цѣльныя лица, созданныя талантомъ? Вслѣдствіе того особеннаго процесса, которымъ соединены въ одинъ образъ всѣ разнообразныя черты, процесса, котораго начатки лежатъ въ душѣ каждаго и для котораго данными служатъ вѣрныя, ничѣмъ не испорченныя наблюденія, всякій получаетъ возможность прозрѣть то лицо, которое выведено писателемъ, понять его такъ, какъ не понималъ онъ, можетъ быть, самыхъ близкихъ къ нему людей, понять всю законность соединенія именно такихъ чертъ въ одномъ лицѣ, получить на этотъ разъ самому тотъ даръ прозорливости, который прирожденъ художнику. Можетъ ли дать что-нибудь подобное характеръ, положимъ, даже и похожій нѣсколько на такіе, какіе бываютъ въ дѣйствительности, если онъ однако склеенъ кое-какъ и Богъ знаетъ по какимъ законамъ. Не трогаемъ вопроса о таинствахъ творческаго процесса, но не можемъ однако не замѣтить, что цѣлыя тысячи особаго рода безукоризненно выработанныхъ душевныхъ образованій необхо-

дны для того, чтобы создать хотя одинъ живой образъ, и что, какъ въ душѣ художника они должны были быть предварительнымъ дѣломъ, такъ въ душѣ читателя они могутъ быть болѣе или менѣе необходимымъ послѣдствіемъ типично созданнаго и принятаго въ сознаніе лица. Уже пменно тѣмъ дорогъ всякій органической процессъ, каковъ процессъ творчества, что въ самомъ продуктѣ его скрытно присутствуютъ тѣ душевные законы, которымъ повинуются творчество въ своей дѣятельности, и которые, переносясь въ этомъ скрытомъ видѣ въ душу другаго человѣка, не остаются тамъ безъ вліянія. Ничего такого не остается отъ образа, который вызвалъ къ дѣйствительности бездною разнородныхъ соображеній, случайныхъ прихотей автора и другими причинами, на которыя не остается никакихъ указаній въ самомъ образѣ, или, по крайней мѣрѣ, если мы иногда и догадываемся о нихъ, то тотчасъ же догадываемся о ихъ случайности и беззаконности.

Отчего дорожимъ мы художественною идеею, выписанною изъ какого-нибудь изящно-литературнаго произведенія? Отъ того, между прочимъ, что вѣрнымъ ручательствомъ за ея правду служитъ намъ талантъ автора, которому мы неволью вѣряемся, если признаемъ его за особую силу. Ибо наконецъ что-нибудь одно: или творчество есть особая, самобытная сфера, столько же закопная, какъ, напр., сфера мысли, — тогда нельзя не признать за талантѣмъ, какъ представителемъ этого рода дѣятельности, способности производить оригинальныя, никакимъ другимъ путемъ воплѣть не вырабатываемыя идеи; или творчество есть только искусственное орудіе для выраженія результатовъ, добываемыхъ иными способами; тогда не нуженъ талантъ, нѣтъ искусства, а есть только умѣнье ловко и разнообразно выражать свои мысли.

Если же есть талантъ, есть художественныя произведенія, какъ его выраженія, тогда есть и особыя идеи, которыя могутъ быть воплѣть и прилично выражены только въ искусствѣ, которыя даже вырабатываются нѣсколько различнымъ путемъ отъ того рода мыслей, для которыхъ полнѣйшимъ выраженіемъ служатъ, напр., законченный ученый трудъ или другія формы.

Такихъ только идей ищемъ мы въ современныхъ литературныхъ явленіяхъ; ихъ только цѣнимъ и имъ воплѣть вѣримъ. Ибо, какъ ни дорожимъ мы результатами мысли, работающей въ сферѣ, напр., положительныхъ знаній, опытныхъ наукъ и т. д., мы однако хорошо знаемъ, что не въ сферѣ искусства слѣдуетъ имъ выражаться, или, что не можемъ мы воплѣть довѣряться сухой мысли, когда она, обращаясь съ вопросами, близкими къ тѣмъ, которые въ настоящее время имѣютъ предметомъ

искусство, старается облечь ихъ въ формы, принимаемыя обыкновенно произведеніями таланта. Мы не доверяемъ ей потому, что хорошо знаемъ, какъ легко ей уклониться отъ правды, когда она не спасается ни тою особою силой, которая называется талантомъ, ни строгою системою мышленія, невозможной для нея въ чуждой ей сферѣ. Мы знаемъ, сколько капризнаго, односторонняго, личнаго, можетъ быть въ такой мысли:

Далѣе, отчего дорожимъ мы въ произведеніяхъ таланта тѣми трогательными, поднимающими душу надъ обыкновеннымъ уровнемъ, положеніями или чертами, которыя обыкновенно называются эффектными? Отъ того, что не безплодными остаются въ душѣ такія движенія; по устроится она ими, приводится въ порядокъ, образуется однимъ словомъ, какъ образуется глазъ, подъ влияніемъ не условно красивыхъ и граціозныхъ, но по истинѣ изящныхъ образовъ, которыхъ красота основана на законахъ, общихъ для всякой человѣческой души, но не во всякой душѣ ясныхъ и выработанныхъ до способности самобытно создавать изящное. Отъ того, что разъ ввѣрившись таланту, какъ непогрѣшительной, природной силѣ, мы радуемся всякому увеличенію его средствъ дѣйствовать на душу другихъ людей. Но какую цѣну имѣетъ хотя бы и искусное изобрѣтеніе эффектныхъ спецъ, съ единственною цѣлью произведенія эффекта? Зачѣмъ они иногда мучатъ насъ бесплодно или безцѣльно?

Нѣсколько не претендуя исчерпать предметъ, котораго мы коснулись только слегка, мы указали однако на нѣкоторыя изъ достоинствъ такихъ произведеній, которыя носятъ на себѣ несомнѣнныя признаки таланта; мы старались также объяснить отчасти, почему не имѣютъ достоинствъ никакія поддѣлки подъ художественную форму. Нужно ли прилагать наши разсужденія къ «Старому дому». Пусть спроситъ только себя читатель, выполнено ли въ немъ то первое условіе художественнаго произведенія, которое мы назвали естественностью.

Намъ предстоить теперь сказать наше мнѣніе о *Силуетъ*—романѣ г. Вонлярларскаго. Выразить наше окончательное сужденіе объ этомъ романѣ мы не можемъ уже потому, что имѣемъ передъ собой только первую часть его, а обѣщано три. Но мы полагаемъ себя въ правѣ сказать нѣсколько словъ вообще объ этомъ родѣ, ибо направленіе и характеръ его уже достаточно выразились и въ первой части. Романъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ все достоинство заключается въ его интересности, въ количествѣ трогательныхъ и волнующихъ положеній, въ картинахъ баловъ, раутовъ, игорныхъ домовъ и т. д., въ герояхъ, между которыми бываютъ благородные, любящіе

молодые люди и злодѣя хитрые, безсердечные и коварные. При чтеніи такихъ романовъ читатель, или еще вѣрнѣе читательница, начинаютъ съ разу питать расположеніе къ одному или двумъ изъ дѣйствующихъ лицъ и страдать вмѣстѣ съ ними отъ преслѣдованій злыхъ людей или какихъ-нибудь несчастныхъ недоразумѣній. Несмотря на кажущуюся ограниченность подобной формы, здѣсь можетъ быть множество вариаций. Всѣ они однако имѣютъ въ виду производить впечатлѣніе известнаго рода, волновать читателя переходами отъ близкаго счастья героевъ къ бѣдствіямъ и отъ грозящей гибели къ неожиданному благополучію. Есть между подобными романами такіе, которые отличаются совершеннымъ незнаніемъ ни жизни, ни свѣта, ни человѣка; про романъ г. Вовиллярскаго этого нельзя сказать; слогъ хорошъ, — видно, что романъ написанъ человѣкомъ умнымъ, много видавшимъ, однимъ словомъ такимъ, котораго *записки* (*memoires*), можетъ быть, не лишены бы были интереса, особенно для потомства... Но мы предоставляемъ себѣ удовольствіе говорить объ этомъ романѣ по его окончаніи.

Эпическая поэзія, Ѳ. Буслаева, статья вторая и послѣдняя. Имя автора этой статьи уже достаточно ручается за ея достоинство; г. Буслаевъ давно уже извѣстенъ нашей публикѣ, какъ даровитый и пытливый изслѣдователь нашей народной старины. Его статьи, посвященныя филологическимъ и мифологическимъ изысканіямъ, представляютъ множество самыхъ любопытнѣйшихъ соображеній, которыя приводятъ насъ къ уразумѣнію темнаго до-историческаго періода нашей жизни.—Но ни одна изъ его статей не имѣетъ, по нашему мнѣнію, такого особеннаго интереса для современности, какъ та, о которой мы желаемъ говорить теперь нашимъ читателямъ. — Не трудно понять, въ чемъ состоитъ особенно интересное отношеніе этой статьи къ нашему времени: стоитъ только обратить вниманіе на характеръ современной литературы. — Не входя въ подробныя объясненія всѣмъ извѣстныхъ причинъ, почему наша литература приняла исключительно сатирической характеръ, мы замѣтимъ только, что такое положеніе литературы, несмотря на его неизбежность, не представляетъ много отраднаго.—Это постоянно непріязненное отношеніе къ изображаемой дѣйствительности, это строгое обличеніе современныхъ пороковъ, при всей неисчислимой нравственной пользѣ, держитъ и поэта, и читателя въ томъ сумрачномъ, серьезномъ настроеніи, которое не можетъ достаточно вознаградить ихъ за восторгъ, сообщаемый поэзіей лучшихъ литературныхъ эпохъ.—А между прочимъ дѣло дошло почти до того, что большая часть читающаго общества такъ сжилась съ сатирой

такъ успѣла привыкнуть къ ея строгому характеру, что рѣшительно готова удовлетвориться ею и забыть изъ-за нея другія болѣе свѣтлыя и болѣе привлекательныя поэтическія области. (*)

Вотъ почему мы находимъ статью г. Буслаева особенно интересною! Она напоминаетъ нашему искусственному времени, потерявшему вкусъ къ изящной простотѣ и пріобывшему къ красотѣ многоусловной, тѣ древнія, испоконъ вѣка сохранившіяся формы поэзіи, на которыхъ лежитъ печать вѣчной красоты, которыя живутъ доселѣ и будутъ жить послѣ насъ, для обличенія заблужденій условнаго вкуса, какъ залогъ его возврата къ утраченному цѣломудрію.

Къ интереснымъ статьямъ въ разбираемыхъ двухъ книжкахъ принадлежатъ *А. Н. Аванасьева*: отвѣтъ г. Кавелину по поводу статьи «Вѣдунъ и Вѣдьма». — Такъ какъ мы надѣемся, что этотъ интересный споръ двухъ трудолюбивыхъ воздѣльвателей нашей старины еще не окончился, и съ обѣихъ сторонъ, можетъ быть, выскажется много доводовъ, въ защиту каждымъ своего мнѣнія, то слишкомъ раннія сужденія о правотѣ или неправотѣ кого-нибудь изъ спорящихъ мы считаемъ неумѣстными. Подождемъ; вѣроятно дѣло разъяснится само собой.

Другая еще болѣе интересная статья принадлежитъ П. Н. Кудравцеву. Это отвѣтъ на записку, представленную въ Академію наукъ, президентомъ ея графомъ С. С. Уваровомъ, подъ заглавіемъ: Досто-вѣрнѣ ли становится исторія? Въ этомъ отвѣтѣ, какъ и слѣдовало ожидать, представляется фактическое доказательство успѣховъ исторіи въ наше время, показывается постепенное улучшеніе исторической критики, и заслуги въ этомъ отношеніи тѣхъ великихъ дѣятелей науки, которымъ она обязана своимъ движеніемъ. Помимо полемическаго значенія статьи П. Н. Кудравцева, умное изложеніе ея и множество дѣльных замѣчаній дѣлаютъ ее интересною даже и для такихъ людей, которые бы прочли ее, не будучи прежде знакомы съ тѣмъ вопросомъ, на который она предназначена служить отвѣтомъ.

Въ 9-й книжкѣ окончена повѣсть Крашевскаго — *Последній изъ Ськиринскихъ*. При другихъ обстоятельствахъ повѣсть эта осталась бы совершенно незамѣченной, потому что не имѣетъ никакихъ вышуклыхъ достоинствъ. Но при недостаткѣ хорошихъ повѣстей въ нашей литературѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ, нельзя не обратить вниманія на ея простое и безыскусственное изложеніе, въ слѣдствіе ко-

(*) Въ этомъ отношеніи мы скажемъ со временемъ нѣсколько строгихъ словъ автору повѣсти, и выше помѣщенной, которая, при неотъемлемыхъ своихъ достоинствахъ, грѣшитъ слишкомъ натуральностію. *Ред.*

того она получаетъ очень много правдоподобія, т. е. очень похожа на нехитрый рассказъ о какомъ-либо истинномъ событіи; — достоинство, котораго лишены многія наши доморощенныя произведенія.

Въ сентябрьской же книжкѣ нельзя не обратить вниманія на статью *И. И. Введенскаго* о переводахъ романа Теккерея «Vanity Fair» въ Отечественныхъ Запискахъ и Современникъ. Факты, выставленные въ этой статьѣ г. Введенскимъ, крайне интересны и поучительны. Особенно забавною показалась намъ простодушная ошибка Современника, выдавшего мѣсто, сочиненное г. Введенскимъ, за мѣсто изъ Теккерея, и притомъ сдѣлавшаго это вслѣдъ за увѣреніемъ, что онъ читалъ Теккерея въ подлинникъ. По истинѣ такого смѣшного промаха давно не запомнить Русская литература. Но, сочувствуя въ этомъ дѣлѣ Отечественнымъ Запискамъ, на сколько они правы при обличеніи Современника, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ безпреромонно ведущаго себя съ публикой, мы не можемъ также не выставить въ истинномъ свѣтѣ не совсѣмъ удачную выкодку самого редактора Отечественныхъ Записокъ. Воспользовавшись случаемъ поразить Современникъ чужими руками, онъ вздумалъ выгородить себя совершенно изъ несовсѣмъ благообразнаго дѣла, известнаго въ литературѣ подъ названіемъ *осеннихъ походовъ*, и рѣшился принять видъ чловѣка, *принужденнаго* помѣстить въ своемъ журналѣ статью сотрудника. Для этой цели онъ подписалъ въ одномъ мѣстѣ статьи Введенскаго, гдѣ тотъ предлагаетъ выставить ошибки Современника при переводѣ «Vanity Fair», слова: «Нѣтъ ужъ избавьте, сдѣлайте милость»!, и потомъ прибавилъ въ концѣ статьи объясненіе отъ себя. Все это, можетъ быть, и было бы правдоподобно, если бы не помѣщена была недавно отъ редакціи статья, гдѣ очень усердно собирались ошибки Современника. Но теперь это выходитъ какой-то забавной игрой въ благородство. — Ну кто же повѣритъ, зная все дѣло, чтобы редакторъ Отечественныхъ Записокъ не былъ радъ статьѣ г. Введенскаго. — Зачѣмъ же притворяться? Побѣда надъ враждебнымъ журналомъ была бы блистательная, а этимъ дѣломъ немного испорчено.

Теперь, хотя и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, мы принуждены перейти къ темной сторонѣ Отечественныхъ Записокъ, къ тѣмъ, къ счастью довольно рѣдкимъ въ нихъ, явленіямъ, которыя бросаютъ нѣсколько подозрительный свѣтъ на ихъ любовь къ правдѣ и добросовѣстную оцѣнку литературныхъ явленій. — Въ этотъ разъ мы должны отмѣтить въ своей рецензіи два факта, которые и постараемся представить въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Въ смѣси 8-й книжки Отечественныхъ Записокъ, подъ рубрикою

«журнальные замѣтки» съ крайнимъ удивленіемъ прочли мы слѣдующую замѣтку :

«Сообщаемъ публикѣ о весьма важномъ открытіи. Одинъ изъ сотрудниковъ «Москвитянина», въ недавнее время, именно въ NN 9 и 10-мъ, соединенныхъ воедино, открылъ въ египетскихъ пирамидахъ — *фасадъ*. Вотъ подлинныя слова новаго Колomba, скрывшаго по скромности свое имя :

«Въ известныхъ всему свѣту египетскихъ пирамидахъ ни матеріалъ, ни форма не имѣютъ никакихъ особыхъ достоинствъ, а между тѣмъ пирамиды эти, по своей громадности, производятъ такія чувства, которыхъ бы никакъ не ожидалъ тотъ, кто былъ бы знакомъ только съ камнемъ, изъ котораго они сдѣланы, и имѣлъ понятіе объ ихъ очень нехитромъ *фасадѣ*»».

«Вслѣдствіе этого открытія, важнаго для архитектуры вообще, и для «Москвитянина» въ особенности, *фасадъ* его, въ NN 9 и 10-мъ, значительно измѣнился. Еслибъ египетская кампанія Наполеона случилась послѣ выхода означенныхъ нумеровъ, то и онъ, вѣроятно, измѣнилъ бы свое знаменитое изреченіе, и вмѣсто того, чтобъ сказать воннамъ: «сорокъ вѣковъ смотреть на васъ съ высоты пирамидъ», сказалъ бы: «сорокъ вѣковъ смотреть на васъ съ фасада пирамидъ».

Безъ объясненія трудно даже понять, чего хотѣли Отечественныя Записки, составляя эту статейку; поэтому мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ.—Дѣло въ томъ, что въ Москвитянинѣ начался съ нынѣшнимъ годомъ ежемѣсячный обзоръ Русскихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Отечественныхъ Записокъ. Въ этихъ обзорахъ намъ нѣсколько разъ случалось обличать Отечественныя Записки въ промахахъ различнаго рода. Впрочемъ всякій, кто слѣдилъ за ходомъ этого дѣла, замѣтилъ, конечно, что мы не желали выставлять на видъ только эти промахи, и точно также *искренно* хвалили и все хорошее въ этомъ журналѣ. Но, по известнаго рода журнальнымъ понятіямъ, Отечественнымъ Запискамъ нужно было отмстить за нанесенную имъ, будто бы, обиду, и вотъ, порывшись въ *шести* книжкахъ Москвитянина, во всѣхъ статьяхъ нашихъ они успѣли найти ошибку, состоящую въ томъ, что, желая сказать о фигурѣ пирамидъ, мы употребили въ самомъ дѣлѣ неловкое выраженіе *фасадъ*. Въ восторгѣ отъ своего открытія, понятномъ послѣ долгихъ и тревожныхъ поисковъ, они не могли даже сообразить, что публикѣ, которая не знаетъ, какъ дорога имъ даже такая ошибка, могло показаться страннымъ: чему такъ радуется человекъ?, какъ странно казалось постороннимъ видѣть Архимеда, выскочившаго тоже по слу-

чаю одного открытія изъ купальни и въ натурѣ бѣгущаго по улицамъ съ крикомъ *εὐρηκα*. Но Архимеду было изъ чего подвергаться, въ известномъ отношеніи справедливымъ насмѣшкамъ толпы, притомъ онъ только пренебрегалъ ими, а не навязывался самъ. Изъ чего же республиковали Отечественныя Записки свою неприличную радость, зная развѣ только они сами.

Но что сказать о тѣхъ въ высшей степени грубыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ, какими честить рецензентъ Отечественныхъ Записокъ сотрудниковъ Москвитянина, въ разборѣ шести книжекъ этого журнала, по случаю статей Эраста Благонравова, говоримъ — сотрудниковъ, потому что кого же иначе можетъ онъ разумѣть подъ *товарищами*. Любопытно было бы знать, неужели подобныя *рецензiи* пишутся тѣми же самыми людьми, которые въ другое время толкуютъ о литературѣ, объ искусствѣ и о другихъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ, или предусмотрительный редакторъ держитъ на подобные случаи особыхъ отважныхъ людей, въ родѣ италіанскихъ брави, которые, по совершеніи своего достойнаго подвига, удаляются съ литературнаго поприща, ожидая новой работы. — Достойные по своей рѣшительности люди!

Не лишентъ также интереса слѣдующій вопросъ: неужели есть еще у насъ такая публика, въ глазахъ которой возвышается одинъ журналъ передъ другимъ, если позволяеть себѣ сказать ему такую грубость, какая едва только позволительна въ печати. Сомнительно, а впрочемъ, можетъ быть, есть и такіе, по мнѣнію которыхъ это значить поддерживать достоинство журнала. *Е.*

ПАНТЕОНЪ И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. Августъ, книжка VIII.

Когда мы читаемъ водевили и комедіи нашихъ доморошенныхъ Скрибовъ, насъ въ особенности интересуютъ *causae causales* и *causae finales*, которымъ эти произведенія обязаны появленіемъ своимъ на свѣтъ — т. е. то, *почему*, по какимъ побужденіямъ и *для чего*, для какихъ цѣлей они пишутся. Вопросъ — только по видимому трудный для разрѣшенія, а на самомъ дѣлѣ рѣшаемый весьма легко и удобно всякимъ, кто вглядывался въ состояніе нашей современной драматургіи и сцены. Обозрѣвая Пантеонъ и Репертуаръ, мы начали свою статью *констатированіемъ* (просимъ прощенія за юридическій терминъ) факта, что не сцена существуетъ у насъ для драматургіи, а драматургія для сцены, что — за очень рѣдкими исключеніями — пьесы пишутся, какъ

либретто — только не на музыку, а на игру известных сценических сюжетов. Двойной вред происходит от этого. *Во-первых*, сцена теряет всякое серьезное художественное значение: сценическое искусство, как самостоятельное, как отвлеченное от драматургии, лишается своего внутреннего содержания и остается только пустою формою, между тѣмъ какъ, по самому назначенію своему, оно должно быть осуществленіемъ созданій драматическихъ поэтовъ, должно сообщать округлость и жизненную полноту образамъ, обозначеннымъ, такъ сказать, только чертами въ драматическихъ произведеніяхъ. *Во-вторыхъ* самое сценическое искусство много страдаетъ отъ такого рабскаго служенія ему драматургии; известные сценическіе сюжеты, на игру которыхъ пишутся либретто, застываютъ, такъ сказать, въ однихъ и тѣхъ же формахъ игры. Пояснимъ эту мысль, какъ для многихъ не совершенно ясную, частнымъ приложеніемъ. Известному сценическому артисту удалось хорошо разъ выразить известное движеніе души — драматурги подмѣтили это, и принялись писать либретто на это движеніе, на этотъ отгвѣнокъ страсти. Душевное движеніе, безпрестанно повторяемое, обращается у артиста въ обычный пріемъ, и вся игра можетъ получить наконецъ обычный характеръ. Намъ могутъ возразить на наше замѣчаніе мыслию великаго знатока и критика драматургии и сценическаго искусства, Лессинга: «Gewisse mittelmässige Stücke — говоритъ онъ въ предувѣдомленіи къ «Гамбургской драматургии» — «müssen auch schon darum beibehalten werden, weil sie gewisse vorzügliche Rollen haben, in welchen der oder jener Acteur seine ganze «Stärke zeigen kann», т. е. «нѣкоторыя посредственныя штуки должны сдерживаться на сценѣ, потому что въ нихъ есть известныя выгодныя роли, въ которыхъ тотъ или другой актеръ можетъ показать всю свою силу», — но Лессингъ тоже только *заявилъ* этимъ замѣчаніемъ печальное состояніе тогдашняго Гамбургскаго и вообще Нѣмецкаго театра, и чѣмъ успешнѣе шло дѣло, тѣмъ становился строже и строже ко всякой посредственности. У насъ же сцена стоитъ уже на довольно высокой степени, и потому, мы въ правѣ вопіять на рабское служеніе ей драматургии, въ правѣ желать, чтобы не отюды на известныя душевныя движенія, которыя *можетъ* выразить тотъ или другой артистъ, разыгрывались передъ нами, а живыя созданія, которыя *должны* осуществлять артисты.

Между тѣмъ, это желаніе, по причинамъ, отъ состоянія сцены, весьма блестящаго, нисколько не зависящимъ, остается только *pium desiderium* — и можетъ быть даже, никогда такъ, какъ въ настоящую минуту, не

II-е) Авторская недобросовестность, которая видна въ томъ, что а) нѣтъ ссылокъ на источники, откуда заимствуются показанія, и б) не признаются заслуги другихъ.

III-е) Отсутствие системы. Процессъ составленія книги былъ таковъ: авторъ дѣлалъ изъ разныхъ источниковъ выписки, потомъ переписывалъ ихъ, не приводя къ какому-нибудь результату; по этому вся книга его, лишенная связующаго начала, есть не что иное, какъ сплошная выписка изъ разныхъ несоображенныхъ и критически неочищенныхъ матеріаловъ.

1. По поводу оригинальнаго и вполне удовлетворительнаго объясненія лажа, бывшаго у насъ до 1840 года, г. рецензентъ говоритъ такъ: «Не входя въ подробное разсмотрѣніе мнѣнія автора объ этомъ предметѣ, достаточно вообще замѣтить, что объясненія автора о причинахъ лажа не согласны съ началами политической экономіи.» Сейчасъ увидимъ, какъ неосновательно это обвиненіе. Въ своей книгѣ авторъ изложилъ добытые имъ прежде результаты о лажѣ, которому онъ посвятилъ цѣлую статью во 2 N. Москвитянина за 1841 г. Объяснивъ, что *лажемъ* у насъ ошибочно называли возвышеніе цѣнности всей денежной системы, авторъ доказываетъ, что вексельный, заграничный курсъ рубля стоялъ выше пѣри, и такимъ образомъ очень осторожно приступаетъ къ своей задачѣ. Изложивъ два странныя мнѣнія о сущности лажа и опровергнувъ ихъ, авторъ высказываетъ свое, что лажъ происходилъ отъ недостатка денегъ. Естественно, что онъ не довольствуется этимъ голословнымъ положеніемъ, а разсматриваетъ цѣнность всей выбитой монеты въ теченіе 16 лѣтъ. Но несмотря на значительную цифру этой цѣнности, ввозъ иностранной монеты, постоянно возраставшій, и наконецъ въ 1839 году дошедшій до неслыханной цифри — 55 мил. руб. асс, неоспоримо доказалъ, что тогда была настоящая нужда въ орудіяхъ оборота и мнѣновыхъ сдѣлокъ. Такой нужды можно было удовлетворить только возвышеніемъ курса денегъ, или, что одно и тоже, пониженіемъ цѣны товаровъ. И это возвышеніе цѣнности денегъ случилось действительно и шло естественнымъ путемъ. Известно всякому, что одна изъ аксіомъ Политической Экономіи выражаетъ: требованіе, превышающее предложеніе, всегда поднимаетъ цѣнность предмета. Недостатокъ въ чемъ-нибудь можетъ поднять цѣнность предмета именно потому, что этотъ предметъ менѣе предлагаютъ, чѣмъ спрашиваютъ. Стало быть и объясненіе автора «Экономической Статистики» совершенно согласно съ Политической Экономіей, а возраженіе г. рецензента ясно показываетъ, что онъ не довольно знакомъ даже съ основными нача-

лами этой науки. Теперь намъ стало понятнымъ, почему г. рецензентъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе мнѣнія автора о лажѣ, считаетъ достаточнымъ вообще замѣтить... и проч. Иначе онъ вмѣсто упрека въ незнаніи долженъ бы сказать благодарность автору за его научное объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, г. Горловъ первый научнымъ образомъ опредѣлилъ значеніе лажа, а прежде него существовали мнѣнія, которыя только нужно высказать проще, такъ какъ они есть, не прикрывая ихъ звонкими фразами, чтобы видѣть ихъ несостоятельность. По первому мнѣнію выходило, что причиною лажа было систематическое дѣйствіе мѣняль, которые при всѣхъ операціяхъ промѣна поднимали денежный лажъ, а по второму — спекуляціи купцовъ, которые привозили звонкую монету въ Малороссію и такимъ образомъ (любопытный *saltus in probando!*) возвышали тамъ ея цѣнность. Г. Горловъ — смотрѣлъ на этотъ предметъ серьезно, и какъ ученый, добросовѣстно разрѣшилъ свою задачу. —

Далѣе г. рецензентъ упрекаетъ автора въ незнаніи нѣкоторыхъ «достоверныхъ и оффиціальныхъ источниковъ»; отъ этаго незнанія происходитъ то, что авторъ о «Славянскихъ рыбныхъ промыслахъ даже вовсе не упоминалъ.» Мы приглашаемъ г. рецензента открыть Экономическую Статистику на 310 стр.; онъ увидитъ, что этимъ промысламъ посвящены двѣ цѣлыя страницы. Также падаетъ другое обвиненіе, что авторъ будто бы не упоминаетъ о важнѣйшихъ распоряженіяхъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи на пользу овцеводства; мы отсылаемъ его къ 322 и 323 стр. книги, гдѣ онъ найдетъ искомыя свѣденія. На 259 стр. г. рецензентъ говоритъ: «Цифры, приводимыя авторомъ, могутъ дать ошибочное понятіе о значеніи Кяхтинской мѣвы: по его показанію общій оборотъ въ ней составляетъ до 5 м. р. с., а если бы авторъ справился съ «Видами торговли», изданными съ 1841 года, то удостовѣрился бы, что одного чаю вымѣнивается почти на 7 м. р. с.» А если бы г. рецензентъ справился съ разбираемой книгой, то онъ удостовѣрился бы, что цифра 5 мил. относится къ 10-лѣтнему періоду (1830 — 1840), въ которой ежегодные торговые обороты доходили именно до этой суммы; а если бы г. рецензентъ справился съ табличкой В. (2), приложенной къ книгѣ, то удостовѣрился бы, что она составлена по «Видамъ торговли», изданнымъ съ 1841 года, и такимъ образомъ отложилъ бы въ сторону советъ, во всякомъ случаѣ не совсемъ уместный. Незнаніе достоверныхъ и оффиціальныхъ источниковъ, по мнѣнію г. рецензента, проявляется у автора всего болѣе въ статьѣ о коневодствѣ, въ которой онъ не представляетъ никакихъ данныхъ о состояніи

коневодства въ Имперіи, (стр. 252). Это правда. Послѣ книги г. Горлова наши свѣденія объ этомъ предметѣ далеко ушли впередъ; они такъ точны, что можно по пальцамъ пересчитать всѣхъ лошадей. Если г. рецензентъ, напр. меня спроситъ: «а сколько лошадей было въ Кіевской губерніи въ 1845 году»; я сей-часъ же отвѣчу ему: 99,999. (*) Но *такія* подробныя свѣденія стали известны только въ 1851 году, слѣд. спустя два года послѣ изданія Экономической Статистики. Г. рецензентъ говоритъ, что авторъ не могъ жаловаться на недостатокъ печатныхъ матеріаловъ для статьи о коневодствѣ; «довольно указать, говоритъ онъ, на одни официальные листочки, какъ-то: Журналъ Коннозаводства и многія статьи въ журналахъ Министерствъ Внутр. Дѣлъ и Гос. Имуществъ.» Что касается до перваго журнала, имъ авторъ пользовался для статьи о коневодствѣ; отсылаемъ г. рецензента къ 324 и 325 стр., гдѣ сообщаются результаты обзорнія государственныхъ коннозаводскихъ учрежденій (1847. N 1, жур. кон. и охоты), и отчета по управленію государственнаго коннозаводства (N 6 того же года). Любопытно знать, почему г. рецензентъ *считаетъ достаточнымъ* указать на журналы Министерствъ Вн. Дѣлъ и Гос. Имуществъ. Всякій, кто *указываетъ*, обязанъ дѣлать свои указанія съ точностію и опредѣлительностію; а въ указаніяхъ г. рецензента иногда даже не названъ источникъ, которымъ бы слѣдовало воспользоваться и который по его мнѣнію упущенъ авторомъ изъ виду. Такъ, напр., авторъ (с. 267) говоритъ, что о зимней доставкѣ клади извозчиками, о движеніи транспортовъ, къ сожалѣнію, не имется никакихъ статистическихъ свѣденій. Г. рецензентъ (стр. 257) опять *считаетъ достаточнымъ* сдѣлать такое указаніе: «свѣденій довольно много, только они разсыяны, не сведены въ одно цѣло». По чему же онъ не сказалъ прямо, что *тамъ-то* можно найти искомыя свѣденія? Должно быть по очень простой причинѣ: они самому ему едва ли извѣстны, потому что не существуютъ. Ошибки, которыя рецензентъ далѣе видитъ въ Экономической Статистикѣ, и которыя, по его мнѣнію, происходятъ отъ того же источника—незнанія, по нашему мнѣнію не довольно важны, чтобъ обратить вниманіе просвѣщенной критики. Въ Экономической Статистикѣ стоитъ, напр., названіе Гениге: г. рецензентъ замѣчаетъ, что это неточность; нужно Ениче. Кимбургскія озера автора должны быть Княбурскія (243 ст.), или указаніе на 7 N жур. Миш. Вн. Дѣлъ (см. 237 с.) не точно: нужно 9 N; ли-лянд-

(*) См. Сельско-хозяйственный атласъ, таб. 11-я, и объясненіе къ нему, стр. 88. С.-Пб. 1881.

скія коренныя овчарни неправильно названы казенными. Эти неправильности и неточности мы по справедливости отнесемъ къ переписчику и корректору книги. Но удержавшись отъ этого замѣчанія, г. рецензентъ никакъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать другое. Авторъ, исчисляя бракуемые товары (лѣсъ, конопляное масло и пр.), употребилъ слово *и прочіе*. Это большая неточность по мнѣнію г. рецензента. «Подъ словомъ *и проч.* можно разуметь, что и *всѣ другіе* товары отпускаются не иначе, какъ съ бракомъ» (258 ст.), говоритъ онъ, и такимъ образомъ учитъ автора русскому языку. До сихъ поръ всякій думалъ, что слово *проч.*, происходящее отъ прокъ (остатокъ), значить всѣ остальные, принадлежащіе къ известному роду (*genus*). и стало быть у автора нужно читать такъ: лѣсъ, конопляное масло и всѣ остальные, бракуемые товары. Г. рецензентъ предлагаетъ теперь новое значеніе для слова *прочій* и предлагаетъ очень скромно (можно подумать, говорить онъ) слѣд. заслуживаетъ тѣмъ еще болѣшую признательность.

II. Разсмотримъ теперь, въ какой степени справедливо обвиненіе въ авторской недобросовѣстности. Но самый поверхностный взглядъ на «Эк. ст.» убѣждаетъ въ противномъ: сколько цитатъ, и цитатъ, приведенныхъ съ величайшею точностію, именно за тѣмъ, чтобы не придать словамъ другаго хоть оттенка иной мысли и сообщить читателю возможность сравнить и самыя данныя, и результатъ, изъ нихъ полученный. Но эта-то самая добросовѣстность и дала поводъ къ обвиненіямъ. Г. рецензентъ, напр., характеризуетъ статью о климатѣ, какъ состоящую «изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ: она начинается переводомъ изъ Гумбольдта (*Asie centrale*, Г. III), далѣе идетъ извлеченіе изъ сочиненій Латкина, Иславина, Гацмана, (изд. въ *Beiträge zur Kenntniss des russischen Reichs*, von Behr und Helmersen), Палласа, Гебеля, Ханыкова». Подумаешь, что рецензентъ очень ученъ, но посмотришь въ разбираемую имъ книгу, и увидишь, что авторъ вездѣ приводилъ источники, откуда заимствовалъ показанія, и слѣд. г. рецензенту осталось только списывать приводимыя цитаты. Если бы авторъ не привелъ всѣхъ этихъ источниковъ, г. рецензентъ и не подумалъ бы назвать эту статью выпиской, а сказалъ бы, что она очень стройно составлена. И такъ эту добросовѣстность г. рецензентъ хочетъ обратить, какъ улику на автора (какъ будто бы ученый не можетъ и не долженъ пользоваться результатами науки!), и этого мало: онъ еще обвиняетъ его въ недобросовѣстности. На 244 стр. г. рецензентъ говоритъ: «послѣ свѣдѣній о распредѣленіи лѣса по полосамъ, авторъ представляетъ изъ жур. Мин. Гос.

Имущ. выписку о количествѣ лѣсовъ по губерніямъ и о породахъ лѣсныхъ деревь, *не обозначая, однакоже, этого заимствованія*. Мы, напротивъ, видимъ, что на 112 стр. Эк. Ст. на 10 строкъ снизу напечатано: «Въ европейской Россіи произрастаетъ болѣе ста породъ деревь (Жур. Мин. Г. И. loco cit, также 1841, 1). Далѣе видимъ *resumé* этой статьи. Вотъ еще обвиненіе: «На стр. 266 представлена общая табличка протяженія каналовъ, заимствованная, *безъ указанія источника*, изъ Жур. Мин. Гос. Им.» И здѣсь цитату найти тоже очень легко, стоитъ только прочесть пять строкъ далѣе. На 267 стр. (табличка оканчивается четвертой строкой снизу 266 стр.) на второй строкъ стоитъ звездочка, и въ выноскѣ читаемъ: см. М. Chevalier и Г. И. (для того, чтобы понять это сокращеніе, см на оборотъ III ст. введенія въ Эк. Ст. объясненіе сокращеній, гдѣ на первой же строкъ напечатано: Г. И. вмѣсто Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ) въ прив. мѣств. Такую же сноску можно найдти въ нѣсколькихъ мѣстахъ главъ о средствахъ сообщенія и каналахъ именно потому, что она поставлена пятымъ источникомъ по предмету средствъ сообщенія, и г. Горловъ называетъ ее прекрасной (стр. 230), стало быть отдастъ ей полную справедливость. За чѣмъ же обвинять его?

Но болѣе всего г. рецензентъ возстаетъ на автора за то, что онъ назвалъ таблицы о населеніи, напечатанныя въ матеріалахъ для Статистики Россіи, бесполезными. Ужели матеріалы, восклицаетъ онъ, и прекрасныя матеріалы, какъ эти таблицы, бесполезны по тому только, что въ нихъ не подведены итоги по губерніямъ и періодамъ? «Г. рецензентъ противорѣчитъ самъ себя. Матеріалы, заключающіеся въ таблицахъ, онъ называетъ прекрасными именно потому, что они матеріалы, и приводимыя въ нихъ данныя не слиты въ одно цѣлое, представлены въ необработанномъ видѣ, который позволялъ бы обозрѣвать предметъ во всемъ его объемѣ: напротивъ того они предложены читателю въ той самой формѣ, въ какой найдены въ источникахъ... и пр., автора же Эк. Ст. обвиняетъ въ этомъ. Мы совершенно согласны съ авторомъ Э. С. въ томъ, что матеріалы, о которыхъ идетъ рѣчь, требуютъ еще предварительнаго труда подведенія итоговъ, за тѣмъ, чтобъ можно было ими воспользоваться. Люди просвѣщенные сознаютъ эту ощутительную потребность, и въ нынѣшнемъ году появилась статья, имѣющая цѣлю вышепредложенную задачу. Авторъ ея (г. Заблоцкій) вотъ что говоритъ въ предисловіи къ составленнымъ имъ таблицамъ: «матеріаламъ этимъ мы старались придать форму *наиболѣе удобную для изысканій статистиковъ; отдѣлимъ глав-*

мѣшше итоги и отношенія съ раздѣленіемъ епархій православнаго исповѣданія на группы, по географическому ихъ положенію» ()*. Если бъ уже всѣ работы надъ матеріалами для движенія населенія были кончены, то нужно было бы только повзвратъ ихъ, а не налагать на себя снова ту же работу. И такъ напрасно г. рецензентъ говоритъ, что авторъ Эк. Ст. не оцѣнилъ таблицъ, помѣщенныхъ въ «Матеріалахъ»; онъ оцѣнилъ ихъ.

III. Третьяго рода обвиненія касаются метода, которому слѣдовалъ авторъ Эк. Статистики при ея составленіи. Представимъ слова самаго г. рецензента. «Приводимыя авторомъ статистическія данныя не слиты въ одно цѣлое, представлены не въ томъ образѣ, который позволялъ бы легко обозрѣвать предметъ во всемъ его объемѣ (что и составляетъ цѣль такого систематическаго сочиненія), напротивъ того, они предложены читателю въ той самой формѣ, въ какой найдены въ источникахъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, составленныхъ разными людьми, по разнымъ случаямъ и для разныхъ цѣлей.» Разберемъ этотъ приговоръ. Что значитъ—статистическія данныя не слиты въ одно цѣлое? Можетъ быть г. рецензентъ разумѣлъ здѣсь конечный результатъ, наглядный перечень богатствъ Россіи, приведенныхъ къ одному общему мѣрному цѣнности—деньгамъ. Если это такъ, то онъ не вникъ въ сущность работы г. Горлова и едва ли понимаетъ всю тягость своего требованія. При настоящихъ статистическихъ источникахъ эта оцѣнка невозможна, да и едва ли когда-нибудь будетъ возможна. Мы можемъ оцѣнить, напр., торговлю ввѣзшую, огромную произволительность мануфактурную, но не имѣемъ *статистическихъ* данныхъ для того, чтобы судить о дѣятельности земледѣльской. Въ этомъ случаѣ мы можемъ довольствоваться хоть гадательными числами, которыя можемъ извлечь изъ трехъ предположеній, принятыхъ за истину. Если десятина даетъ *известное* количество хлѣба, то *столько-то* десятинъ (опять предположеніе) дадутъ определенное число четвертей, а какъ цѣна четверти *известна* (третье предположеніе), то весь урожай будетъ составлять известную цѣнность. Въ другихъ случаяхъ не можемъ употребить и гаданій, напр. какъ вычислить количество рукъ и животной силы, употребляемыхъ въ земледѣльческихъ работахъ? Условія мѣстности такъ многообразны, что мы и гаданій—то употребить не можемъ. Есть еще труднѣе задачи. Чѣмъ оцѣнить нравственное вліяніе страховыхъ обществъ, банковъ—чѣмъ оцѣнить дѣйствіе больницъ, возстановляющихъ здоровье, т. е. способность

(*) См. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи С.-П.-Б. 1881, стр. 81.

къ труду, чѣмъ оценить увѣренность, что собственность ограждена правдивымъ закономъ? И такъ въ статистикѣ много пренитересныхъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ мы не можемъ предложить и гаданій, потому что и гаданія требуютъ среднихъ величинъ. Стало бытъ, конечнаго результата для всей экономической статистики Россіи представить нельзя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ приблизительно вѣрныя данныя, въ другихъ приблизительно вѣрныя предположенія, въ иныхъ же факты такъ мало изучены, что и предположеній сдѣлать нельзя. Но, можетъ быть, г. рецензентъ хотѣлъ только замѣтить автору, что у него данныя представлены не въ обработанномъ видѣ, не въ строгой, логической послѣдовательности, какъ онъ выражается, и въ этомъ смыслѣ книга его не есть одно цѣлое. Выяснимъ въ такое обвиненіе. Всякое цѣлое есть выраженіе предвѣренной мысли, исполненіе предвзятой цѣли. Мысль, руководившая авторомъ Э. Ст., была показать, сколько позволяютъ существующія свѣденія, развитіе экономического быта Россіи въ извѣстный моментъ. Такая обширная задача является въ нашей литературѣ въ первый разъ, и въ строгомъ, точномъ смыслѣ, при настоящемъ состояніи статистическихъ источниковъ;—задача, едва ли разрѣшимая. И такъ на книгу г. Горлова нужно, во первыхъ, смотрѣть, какъ на первый опытъ разрѣшенія многотрудной задачи, и во 2-хъ, судить ее должно по отношенію къ *существующимъ источникамъ* (а не къ *ria desideria* науки): содержитъ ли она ихъ показанія, сличены ли эти показанія, выведенъ ли изъ нихъ результатъ, какъ о достоверности показаній, такъ точно и о развитіи разныхъ отраслей экономического быта. Не маловажна и эта задача. Для ея разрѣшенія требуется самое добросовѣстное изученіе источниковъ, самая мелочная точность въ сохраненіи мысли и характера показанія. Авторъ разрѣшилъ такую задачу вполне удовлетворительно. Изъ его книги прямо узнаешь, что одинъ отдѣлъ статистическаго матеріала предлагаетъ вѣрныя свѣденія, другой только сомнительныя цифры, третій ожидаетъ еще дѣлателей, узнаешь даже и то, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ не приступали къ теоретическому разрѣшенію вопроса: какъ собрать показанія? Напр. въ статьѣ о естественномъ составѣ населенія авторъ, намекнувъ на важность возраста и пола, говоритъ, что мы не имѣемъ свѣденій о раздѣленіи населенія по возрастамъ, а относительно пола приводитъ одну статью за тѣмъ только, чтобы показать ея противорѣчіе съ выводами другой статьи, имѣющей предметомъ ту же самую задачу. Такимъ образомъ *внимательный* читатель безъ выводовъ и заключеній автора можетъ су-

дать о литературѣ этого вопроса, котораго рѣшеніе, стало быть, вовсе не подвинулось впередъ, по недостатку точныхъ данныхъ (*). Особенную заслугу автора составляетъ принятый имъ методъ передавать показанія источника *иногда* слово въ слово. Этимъ методомъ авторъ лучше всякихъ разборовъ и голословныхъ толкованій о достоинствѣ того или другаго источника даетъ самому читателю возможность вывести заключеніе. Такую добросовѣстную и осмотрительную работу могъ выполнить только человекъ, знакомый съ филологическими приемами и имвующій самую серьезную эрудицію. Но этой работы не понялъ г. рецензентъ; онъ не понимаетъ, къ чему ведетъ хоть извлеченіе изъ манифеста о ревизіи. Этотъ манифестъ, какъ рѣсе justificative, лучше всего ручается за достоинство полученныхъ цифръ, потому что показываетъ, какъ точно ведется ревизія, а г. рецензенту угодно было сказать, что «это выписка, не относящаяся къ статистикѣ, не подаетъ автору повода ни къ какимъ статистическимъ соображеніямъ и потому совершенно неумѣстна.» (стр. 238). Эти слова показываютъ намъ, что г. рецензентъ уважаетъ только цифры, а не старается знать, какъ они получены. Мы опредѣлили истинное значеніе извлеченій въ книгѣ автора, такъ неосновательно и безперемонно названныхъ г. рецензентомъ просто выписками. Эти извлеченія прямо знакомятъ съ источникомъ и такимъ образомъ лучше всего даютъ читателю возможность судить, справедливы ли выводы автора Эк. Ст. Возвратимся опять къ приговору г. рецензента. Онъ говоритъ, что данныя г. Горлова относятся къ разнымъ эпохамъ, составлены разными людьми (еще бы однимъ человекомъ! легко сказать!), по разнымъ случаямъ и для разныхъ цѣлей (статистику нѣтъ нужды до того, какое побужденіе руководитъ авторомъ извѣстнаго сочиненія; были бы только справедливы его показанія): след. и единства между такими показаніями быть не можетъ.» Поверхностность такого воззрѣнія очевидна. Въ статистикѣ необходимы показанія разныхъ эпохъ для сравненія, какъ развивается одна и таже отрасль хозяйственной дѣятельности. Замѣтимъ еще, что въ Эк. Ст., кромѣ показаній, исторически опредѣляющихъ развитіе экономического быта Россіи, всѣ показанія относятся къ пятилѣтію (1842—1847), след. не къ разнымъ эпохамъ. Если же г. рецензентъ требуетъ, чтобы данныя непременно относились къ извѣстному году, то такое требованіе показываетъ только его непрактичность, незнакомство съ статическими источниками и непониманіе значенія

(*) См. рецензію на 240 стр. Прочтя это мѣсто въ Э. Ст., г. рецензентъ остался въ недоумѣніи.

статистики. Эта наука не есть ведомость за данный год: она показывает развитие государства в данное время. Изъ года въ годъ экономическій бытъ очень мѣняется, урожай, особенный запросъ на наши продукты, повальная болѣзнь и множество случайныхъ обстоятельствъ видоизмѣняютъ этотъ бытъ, и слѣд. чѣмъ длиннѣе будетъ рядъ постоянныхъ наблюдений, тѣмъ вѣрнѣе изъ нихъ выведенный результатъ. При томъ нельзя получить свѣдѣній обо всѣхъ вѣтвяхъ эк. быта за изв. годъ. Какъ старался авторъ о томъ, чтобы сообщаемыя имъ свѣдѣнія были новѣе и точнѣе, доказательствомъ служить то, что, составивъ свою книгу въ 1847 году и издавая ее въ 1849, онъ помѣстилъ въ примѣчаніяхъ все то, что появилось новаго въ *одинъ* годъ, протекшій отъ составленія книги до ея изданія. Эта добросовѣстность автора даетъ ему новое право на благодарность читателя. Почему авторъ не внесъ эти примѣчанія въ текстъ,—на это онъ имѣлъ разныя причины, какъ самъ говоритъ въ предисловіи. *Уважимъ* эти причины.

Выше показано, какъ неосновательно введенное на автора обвиненіе въ томъ, что онъ безъ цѣли привелъ «выписку» изъ манифеста. Также неосновательно другое обвиненіе, касающееся статьи о населеніи по составу. Авторъ, вѣрный своей цѣли изобразить экономическій бытъ Россіи, т. е. тѣ средства, которыми удовлетворяетъ она своимъ нуждамъ, устраняетъ отъ себя филологическіе, историческіе и нравственные вопросы. «Дѣло мое было (слова г. Горлова) не полное изчисленіе племенъ, ихъ языки, а домашній бытъ, способъ существованія нѣкоторыхъ типическихъ народовъ, дающихъ понятіе о бродячей, кочевой, степной, осѣдой жизни». Эта задача вполне соответствуетъ плану всей Эк. Статистики Россіи, и здѣсь всякій признаетъ заслугу ея автора въ томъ, что онъ не удовольствовался одною номенклатурою племенъ и сомнительными данными о величинѣ ихъ населенія, но онъ задалъ себѣ задачу болѣе полезную и существенную. На великомъ пространствѣ обширнѣйшей въ свѣтъ имперіи живетъ множество племенъ; эти племена такіе же подданные Русскаго Императора, какъ и мы, чисто Русскіе, слѣд. исключать ихъ экономическій бытъ изъ статистическаго сочиненія, какъ у насъ обыкновенно это дѣлали, нельзя. Но такой ли это экономическій бытъ, какой у коренныхъ Русскихъ? Такія ли потребности, такое ли удовлетвореніе потребностей? Эти вопросы разрѣшаются разсмотрѣніемъ природы, окружающей эти племена, и изложеніемъ ихъ жизни, которая у многихъ племенъ проходитъ лишь въ томъ, чтобы всеми средствами противоборствовать этой природѣ и добыть себѣ средства къ сущест-

вованію. Наложивъ на себя такой трудъ, авторъ долженъ былъ имѣть руководителей. Путешествія, совершенныя иностранцами и Русскими, предлагали ему богатый матеріалъ. Но некоторыя изъ этихъ путешествій составляютъ книги бѣльшаго объема, чѣмъ «Ж Статистика Россіи.» Стало быть нужно было такъ усвоить себѣ известное сочиненіе, такъ имъ проникнуться, чтобы въ немногихъ словахъ изложить все характеристическое, разрешающее предложенный вопросъ. И вотъ добросовѣстный авторъ, изучивъ весь запасъ имѣющихся матеріаловъ, передаетъ намъ иногда словами самихъ путешественниковъ все характеризующее домашній (т. е. экономическій) бытъ этихъ племенъ. А за это обвиняютъ его! «Вся статья о племенахъ, говоритъ г. рецензентъ, не есть ученая обработка имѣющихся матеріаловъ; это есть рядъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій весьма различнаго ученаго достоинства, выписокъ, сдѣланныхъ безъ строгой критики, безъ системы и даже безъ соблюденія необходимой соразмѣрности въ объемѣ. Напр. о «вародахъ славянскаго племени, составляющихъ $\frac{1}{4}$ населенія Россіи, «ничего не сказано, а о Самоѣдахъ помѣщена изъ сочиненій «Гг. Иславина и Латкина выписка на пяти страницахъ, и проч.» Когда мы прочли эти строки, намъ пришелъ на память известный стихъ:

Слова-то я и не приметилъ!

Г. рецензентъ того и не приметилъ, что изложенію экономическаго быта славянскаго племени, составляющаго $\frac{1}{4}$ населенія Россіи, посвящена вся книга, за исключеніемъ главы о племенахъ! Что же касается до источниковъ, которыми пользовался авторъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. рецензентомъ, хоть напр. въ томъ, что Коля не можетъ быть авторитетомъ для ученаго труда и что его сочиненіе есть только записная книжка туриста, не имѣющая ученаго достоинства. И туристъ можетъ сдѣлать любопытныя замѣчанія о экономическомъ бытѣ, можетъ также предложить любопытныя данныя ученому, не имѣющему *точныхъ* матеріаловъ для своего труда. Это доказываетъ даже извлеченіе, приведенное авторомъ Э. С. изъ книги Коля. Характеристика пастушескаго населенія Крыма, поселянъ и горожанъ, чрезвычайно любопытна. Съ одной стороны видишь человека, которому кажется труднымъ понть своихъ овецъ каждый день, который даже для себя не можетъ приготовить колодца, а довольствуется грязной водой, добытой изъ глубокаго оврага; съ другой видишь уже цивилизацію, правда, азіатскую, но все-таки цивилизацію, которая уже чувствуетъ потребность въ обществѣ и удобствахъ жизни и удовлетворяетъ этой потребности на свой образецъ—кофейнями и каравансараями. В

этой страничкой, взятой из Коля, хоть не полно, но все-таки характеризуется экономический бытъ крымских татаръ: этого быта уже не смѣшаешь съ бытомъ другого какого-нибудь татарскаго племени, хоть Якута напримврь. Не понята также г. рецензентомъ и заимствованная изъ Врангеля характеристика сибирскихъ пустынь, на которыхъ живутъ Якуты. Известно каждому, какое сильное вліаніе имѣетъ мѣстность на человека. Описавъ эту мѣстность и обусловленный ею экономический бытъ народа, на ней живущаго, лучше всякихъ объясненій дашь поводъ *разсудительному* читателю составить заключеніе о томъ, какая доля выпала этому народу. Если взять въ соображеніе, что средняя температура, окружающая Якуты $= 8^{\circ}$, что рѣки въ ихъ странѣ свободны ото льда только два мѣсяца, что зима продолжается тамъ девять мѣсяцевъ и морозы доходятъ до 43° , если припомнить, говорю, мѣстные условія, окружающія Якута, всякому станетъ понятнымъ экономический бытъ этого народа, и предстанетъ тогда во всей наготѣ своей и его ужасающая бѣдность и безвыходность его положенія. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же этому бѣдному человечеству высвободиться изъ-подъ физическихъ опредѣленій природы, которыя такъ грозно держатъ его въ своей зависимости! И когда прочтешь со вниманіемъ извлеченіе изъ книги г. Врангеля, повторишь вслѣдъ за авторомъ Эк. Статистики полныя мысли слова: «Разсматривая этотъ гиперборейскій климатъ, эту скудость пустынь, невольно спрашиваешь себя, чего здѣсь ищетъ человекъ, какъ будтобы нѣтъ лучшаго уголка на всемъ земномъ шарѣ, за чѣмъ пришелъ онъ въ эти мѣста, гдѣ должна быть граница обитаемаго міра, гдѣ одѣвъ лишь (слова г. Врангеля) безконечныя, снѣгомъ и льдомъ покрытыя пустыни ограничиваютъ горизонтъ, гдѣ подъ твердымъ покровомъ вѣчной зимы погребенная природа не можетъ почти ничего представить ему, и гдѣ жизнь его есть горестное бореніе съ ужасами холода и голода.»

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ обвиненій видны вся строгость и безпристрастіе, которыя съ такимъ самоотверженіемъ наложилъ на себя г. рецензентъ, начиная свою статью. Нельзя однакоже не привести еще нѣсколько обвиненій, которыя выказываютъ въ надлежащемъ свѣтѣ способность и права г. рецензента на критику такого ученаго труда, какъ Эк. Статистика. Разсматривая составъ населенія по сословіямъ и приведя для этого таблицу изъ матеріаловъ для статистики Россійской Имперіи, г. Горловъ замѣтилъ, что эту таблицу нужно пользоваться съ ограниченіями, потому, что промышленныя занятія не опредѣляются гражданскимъ положеніемъ или мѣстомъ жительства, а это именно имѣетъ въ виду

предложенная читателю таблица. Авторъ справедливо говоритъ, что многіе купцы и дворяне содержатъ фабрики, мѣщане въ городахъ часто занимаются земледѣліемъ и мелкою торговлею, крестьяне ходятъ по паспортамъ, наиваются на фабрики, на промыслы; и такъ табличка не даетъ вѣрнаго понятія о томъ, сколько рукъ участвуютъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, и при томъ, какъ сословія раздѣляются по участию въ трудъ и капиталъ. Такое справедливое замѣчаніе автора подало г. рецензенту поводъ сказать слѣдующія строки: «Послѣ это можно было ожидать, что авторъ приметъ на себя трудъ сдѣлать, *по извѣстнымъ въ статистикѣ приемамъ, приблизительныя вычисленія*; но онъ ограничивается выпискою лишь того, что находитъ *въ обработанномъ видѣ*, а самъ ни къ какимъ вычисленіямъ не прибѣгаетъ.» Слова чрезвычайно замѣчательныя: во 1-хъ, мы узнаемъ, что г. рецензенту *извѣстны* какіе-то *статистическіе приемы* для разрѣшенія самой многосложнѣйшей изъ задачъ — какъ участвуютъ сословія въ разныхъ отдѣлахъ промышленной дѣятельности. Мы до сихъ поръ думали, что для разрѣшенія этой задачи нужно имѣть самыя вѣрныя положительныя данныя (*) о капиталѣ и трудѣ во всѣхъ ихъ видахъ, и что разрѣшать эту задачу à priori рѣшительная невозможность, именно отъ подвижности сословій, не имѣющихъ кастическаго устройства; г. рецензентъ сдѣлалъ теперь открытіе въ наукѣ: какъ жаль, что онъ не объяснилъ его! Во 2-хъ изъ словъ г. рецензента ясно видно, что матеріалъ представленъ тогда въ обработанномъ видѣ, когда надъ нимъ совершился процессъ ариѳметическаго сложения, потому что предложенная табличка о сословіяхъ составлена изъ множества табличекъ, и всѣ числа извѣстнаго сословія, напр. дворянъ, нужно было сложить. Вотъ вамъ табличка и въ *обработанномъ видѣ*! Но самъ же г. рецензентъ за двѣ страницы передъ тѣмъ (стр. 237) говоритъ, что матеріалъ представленъ тогда въ обработанномъ видѣ, когда все, что необходимо для объясненія состоянія предмета, представлено въ логической, стройной послѣдовательности, не упущено изъ виду ничего важнаго. . . И съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ мы вполне согласны.

Нѣкоторыя выраженія написаны такъ замысловато, что и понять ихъ не умѣешь. Каждое слово—русское, и, взятое отдѣльно, понятно; но прочтешь все выраженіе, не узнаешь, чего хочетъ г.

(*) Такъ недавно одинъ добросовѣстный авторъ (Н. А. Милютинъ) говоритъ, что о городскихъ населеніяхъ исчисленія наши не могутъ достигнуть полной безусловной точности (стр. 254 Сбор. стат. свѣд. о Рос.), и приводитъ данныя о земледѣльческихъ населеніяхъ, «безъ притязаній даже и на эту степень вѣрности.» (стр. 258 ib).

рецензентъ. Вотъ примѣръ: «Авторъ (г. Горловъ) самъ устраняетъ отъ себя вопросы чисто этнографическіе (*), *хотя, казалось бы, что, говоря* въ статистическомъ сочиненіи о племенахъ, мудроно устранить то, что составляетъ основу и краеугольный камень статистическихъ распределеній народа въ племенномъ отношеніи» (**). Сознаемся по совѣсти, что не понимаемъ этого, такъ кудреватю написаннаго, выраженія. Статистическое распределеніе народа въ *племенномъ (?) отношеніи*. . . Если г. рецензентъ употребилъ эти слова вмѣсто: численная величина населенія, разсматриваемаго по племенамъ, то всякій согласится, что этнографія въ этомъ отношеніи не составляетъ краеугольнаго камня. При томъ же, придавая такой смыслъ словамъ г. рецензента, придаешь къ заключенію, что именемъ статистики онъ называетъ все, гдѣ только есть числа. Правда, говорятъ иные про статистику буръ и трупосъченій, но это не статистика. Хотѣлъ ли г. рецензентъ сказать, что статистику, имѣющую въ виду экономическій бытъ разныхъ племенъ, долженъ положить этнографію основой и краеугольнымъ камнемъ своихъ изслѣдованій? Но въ такомъ случаѣ опять непониманіе статистики и этнографіи. Последняя наука, дающая понятіе о нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, пищѣ и вообще о домашней жизни, никакъ не можетъ быть основой для изслѣдованія экономическаго быта, изслѣдованія, котораго первый вопросъ—какія условія окружаютъ человека (слѣд. вовсе не этнографическій), и второй—какъ онъ сдружился съ этими условіями и въ какой мѣрѣ достигаетъ хозяйственной цѣли—матеріальнаго благосостоянія. И ужъ конечно самая надежная путеводительница для того, чтобы узнать, какое это племя, къ какой отрасли человечества принадлежитъ оно, это филологія. Языкъ не такъ легко забывается, какъ разные обычаи, нравы, измѣняющіеся съ ходомъ историческихъ обстоятельствъ; а въ языкъ новаго корня не выдумаешь; будешь только развивать корень, указанный за тысячелѣтія до насъ. Повторимъ опять, что не понимаемъ вышеприведенныхъ словъ г. рецензента.

Чрезвычайно неприятно подвѣствовало на насъ также обвиненіе автора въ томъ, будто бы онъ привелъ совершенно разнородныя данныя для характеристики развитія фабричной промышленности въ Россіи, и что изъ этихъ матеріаловъ нельзя извлечь никакой мысли для сравненія. Это правда, если читать Эк. Ст. для того, что-

(*) Г. рецензентъ очень любитъ слово *чисто*; желательно знать, какіе вопросы, относящіеся къ этнографіи, суть не чисто этнографическіе.

(**) Выписано съ дипломатическою точностію: соблюдена и пунктуация г. рецензента.

бы насладиться сознаниемъ, что изъ буквъ выйдетъ какое-нибудь слово, а если читать съ мыслию поучиться изъ предлагаемаго сочиненія, то сейчасъ найдешь матеріалы для сравненія. Напр. табличка Германа прямо показываетъ число *всѣхъ* заводовъ и фабрикъ въ Россіи за 1812 годъ, и въ ней указаны *нѣкоторыя* губерніи, въ которыхъ особенно развита какая-нибудь отрасль фабричной дѣятельности; съ этой табличкой нужно сравнить другую, взятую изъ журнала Мин. Внутр. Дѣлъ о числѣ *всѣхъ* заводовъ за 1839 годъ. Что же касается до извлеченія изъ книги г. Пельчинскаго, то въ немъ приведена общая цѣнность разныхъ произведеній мануфактурной дѣятельности и показанъ процентъ, на который увеличилась эта цѣнность въ 10-ти-лѣтній промежутокъ (1822—1832). Стало быть, *сравненіе*, котораго ищетъ г. рецензентъ, *возможно*, но дѣло въ томъ, будетъ ли оно полезно. Г. рецензентъ не касается этого вопроса и ничего не замѣчаетъ здѣсь автору, вѣрно потому, что дѣло идетъ уже о значеніи цифръ, а не о самихъ цифрахъ. Между тѣмъ можно бы сдѣлать справедливое замѣчаніе, что числовыя показанія о фабрикахъ и ихъ производительности, взятая для сравненія по нѣсколькимъ годамъ, ничего не доказываютъ. Если въ настоящее время по изв. фабрикаціи существуетъ 100 заведеній, а чрезъ 5 лѣтъ ихъ будетъ 150, значитъ ли это, что фабрикація въ пять лѣтъ увеличилась на 50%? Тоже возраженіе прилагается и къ цѣнности произведеній. Одинъ и тотъ же результатъ можетъ получаться на большемъ количествѣ заведеній; съ другой стороны увеличившаяся цѣнность произведеній можетъ происходить отъ увеличившихся издержекъ производства и особенно отъ цѣнности перваго матеріала и заработной платы. Самое точное мѣрило развивающейся промышленности — увеличеніе числа рабочихъ рукъ, животной и механической силы. По неизмѣннѣю достоверныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, поблагодаримъ автора и за то, что онъ намъ сообщаетъ. Наше возраженіе мы высказали за тѣмъ только, чтобы показать, что г. рецензентъ имѣлъ въ виду только мелочи, и что въ его возраженіяхъ нѣтъ ничего существеннаго, истинно научнаго. Но *gratias agimus tibi!*

Представимъ теперь для большей наглядности результаты нашей статьи. Положеніе, которое вытекаетъ а *contrario*, изъ опроверженія мнѣній г. рецензента, и касается автора Экономической Статистики, можно высказать такъ: авторъ съ здравою критикою и истиннымъ дарованіемъ воспользовался самыми лучшими по своей части источниками, добросовѣстно представить ихъ, не скрывая

труды предшественниковъ, но отдавая имъ должную справедливость, и книга его есть лучшее въ настоящее время систематическое сочиненіе объ экономическомъ бытѣ Россіи, принимая это слово въ такомъ именно смыслѣ, который придалъ ему авторъ. Наше положеніе основывается на томъ, что г. рецензентъ не указалъ ни одного источника, которымъ бы авторъ не воспользовался, а сдѣлалъ только общія указанія и притомъ на такіе журналы, которыми авторъ пользовался. Тѣ свидетельства о многостороннемъ развитіи экономическаго быта Россіи, которыя г. рецензентъ такъ неудачно называетъ выписками, обращаются въ улику на самаго г. рецензента. Эти свидетельства показываютъ, съ какою заботливостію авторъ старался о достоинствѣ своего труда, который, имѣя въ виду такую многосложную задачу, какъ экономическій бытъ Россіи, никакъ не могъ довольствоваться указаніями одной какой-нибудь личности или оффиціальнаго журнала; такой трудъ долженъ былъ совершиться именно чрезъ добросовѣстное изученіе всего статистическаго матеріала и поставленіе его на такую точку зрѣнія, съ которой бы читатель ясно могъ усмотрѣть и достоинство источника и значеніе показаній, которыя онъ сообщаетъ. Съ другой стороны эти свидетельства ясно убѣждаютъ, что г. рецензентъ, имѣя одностороннюю привязанность къ цифрамъ, вовсе не желаетъ знать, ни того, какъ получены эти цифры, ни того, къ чему ведутъ они; онъ думаетъ, что статистическое сочиненіе можетъ читать всякій, кто лишь умѣетъ читать. Для него не имѣютъ никакого значенія цифры о раздѣленіи половъ, о ревизіи и проч. Заклучимъ нашу статью желаніемъ видѣть побольше такихъ книгъ, какъ Экономическая Статистика. Мы увѣрены, что тогда скоро подвинется впередъ наука о государственномъ хозяйствѣ Россіи, въ особенности, если она встрѣтитъ истинно ученую критику, а не одну пустую придирчивость и докторальный тонъ, которыми маскируется всякое полувѣніе. Второе наше желаніе—видѣть отвѣтъ самого автора на повѣренную нами рецензію.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

МОЛОДОСТЬ ТОРВАЛЬДЗЕНА.

1770—1804.

Сочиненіе Тиле.

Прежде нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію этой книги, мы считаемъ не лишнимъ, рассказать, какимъ образомъ авторъ ея, г. Тиле, бывшій однимъ изъ самыхъ короткихъ друзей Торвальдзена, пріобрѣлъ матеріалы, на основаніи которыхъ онъ изобразилъ молодость великаго художника. Въ Мартѣ, 1844 года, умеръ Торвальдзенъ; тогда король Христіанъ VIII предложилъ Тиле отправиться въ Италію; какъ одинъ изъ душеприкащиковъ покойнаго художника, онъ долженъ былъ принять въ Римѣ участіе въ хлопотахъ, оказавшихся необходимыми для доставленія Даніи обладанія тою частью художническаго наслѣдства Торвальдзена, которая еще находилась въ его опустылой мастерской, подъ охраненіемъ Австрійскаго посланника, Графа Люцова.

Квартира Торвальдзена въ Римѣ представляла по смерти художника весьма печальную картину. Среди разбросанной соломы, опилокъ, досокъ и разнаго сора, оставшагося послѣ упаковки, стояли старыя, полуразвалившіяся шкапы и разломанные столы и стулья; домъ былъ совершенно оставленъ, и на дверяхъ уже давно не было замковъ. Въ грустномъ расположеніи духа прохаживался г. Тиле по комнатамъ, рылся въ хламу, покрывавшемъ полъ, и вытаскивалъ изъ него все, что казалось ему заслуживающимъ вниманія. Тамъ и сямъ выглядывали изъ соломы клочки бумаги; то были письма или отрывки изъ нихъ, визитныя карточки и т. п., на нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывались слѣды рисунковъ или цѣлыя строки, написанныя собственною рукою Торвальдзена. Тиле началъ всѣ эти вещи собирать, и скоро убѣдился, что здѣсь можно найти много полезнаго для біографа великаго художника. Послѣ болѣе тщательныхъ поисковъ, найденъ былъ еще старыя, черныя портфель съ ржавыми мѣдными ободками, котораго почтенная, массивная внѣшность напоминала Исландскихъ предковъ Торвальдзена. Въ немъ были письма отъ отца и матери художника. Письма отъ другихъ лицъ Торвальдзенъ не берегъ такъ тщательно. При жизни Торвальдзена, въ одной изъ комнатъ его квартиры въ Римѣ, можно было видѣть открытый ящикъ со множествомъ брошенныхъ и оставленныхъ безъ прочтенія писемъ, на которыхъ попадались иногда собственноручные рисунки художника, и которыя счастливый находчикъ могъ безъ угрызенія совѣсти спрятать къ себѣ въ карманъ.

Однако же Торвальдсенъ никогда намѣренно не истреблялъ своихъ писемъ; онъ только откладывалъ въ сторону, когда они ему мѣшали. По этому можно было надѣяться, что часть этихъ бумагъ отыщется, и дѣйствительно, эта надежда не замедлила оправдаться. Изъ Торвальдсеновой комнаты спускалась лѣстница къ глубокому погребу, казавшемуся почти неприступнымъ. Въ послѣдніе годы въ немъ пряталъ Торвальдсенъ испорченныя гипсовыя фигуры. Тиле, съ фонаремъ въ рукахъ, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, проложилъ себѣ путь къ этому погребу; мусоръ, лежавшій за ветхою, полуизгнившею дверью, представилъ много затрудненій. Прежде всего, глазамъ Тиле и его товарищей представлялась куча глины, потомъ экземпляръ мраморнаго рельефа «пляски музъ на Геликонѣ», и наконецъ нѣсколько деревянныхъ ящиковъ и разнаго рода хламъ. Здѣсь-то, среди камней, стеколъ и глиняныхъ глыбъ, найдены были сырыя, полуизвѣденныя червями бумаги, которыя всѣ были высушены, переплетены и въ ящикахъ отправлены въ Данію.

Возвратившись въ Копенгагенъ, г. Тиле принялся за разсмотрѣніе этихъ бумагъ; надо было соединять разрозненныя части и тщательно разсматривать каждый листокъ, чтобы увидать, нѣтъ ли на немъ строкъ, написанныхъ рукою Торвальдсена. Ибо письма, которыя онъ получалъ, пригласительныя билеты, визитныя карточки и т. п., обыкновенно довольно долго валялись у него на столѣ, такъ что нерѣдко случалось, что, когда въ головѣ его рождалась какая-нибудь мысль, онъ записывалъ ее на первомъ попадавшемся ему подъ руки клочкѣ бумаги. На этихъ же конвертахъ и билетахъ писалъ онъ конверты для своихъ писемъ и набрасывалъ эскизы. Такимъ образомъ, Тиле собралъ сто полныхъ писемъ, и сверхъ того нѣсколько замятокъ и даже эскизовъ и рисунковъ. Изъ этихъ бумагъ Тиле выбралъ относящіяся къ молодости Торвальдсена, и на основаніи ихъ написалъ разсматриваемую нами теперь книгу.

Фамилія Торвальдсена происходитъ изъ Исландіи, гдѣ она пользовалась извѣстностью и уваженіемъ въ теченіи семи столѣтій. Дядь художника былъ сперва причетникомъ, и потомъ священникомъ. Онъ отправилъ двухъ сыновей своихъ въ Копенгагенъ, гдѣ младшій изъ нихъ, Готшалкъ занялся рѣзнымъ искусствомъ. 19 Ноября 1770 года, роился у него Бертель Торвальдсенъ. Отецъ былъ бѣденъ, и сынъ, бывшій единственною утѣхою своей матери, съ самаго ранняго дѣтства познакомился съ лишеніями пужды. Неискусство и нетрезвая жизнь Готшалка еще болѣе увеличивали бѣдствія семейства. Въ 1781 году молодой Торвальдсенъ, благодаря

стараніямъ одного друга его семейства, принять былъ въ школу академіи; здѣсь онъ скоро поступилъ во второй классъ, и обратилъ на себя вниманіе учителя Гейнриха Лофлера, преподававшего ему рисованье фигуръ съ оригиналовъ. Во время своего пребыванія въ школѣ, онъ не переставалъ помогать отцу въ его работѣ. Въ 1785 году перешелъ онъ въ гипсовую школу академіи, гдѣ впервые познакомился съ древними статуями. Въ 1786 году, поступилъ онъ въ модельную школу, гдѣ глазамъ его въ первый разъ представилась сама природа, и гдѣ онъ нашелъ себя друга и покровителя въ живописцѣ Николаѣ Абильтгардѣ. Уже въ 1787 году получилъ онъ первую академическую премію, т. е. такъ называемую малую серебряную медаль. Въ 1793 году онъ получилъ большую золотую медаль. Съ этихъ поръ онъ могъ надѣяться получить отъ академіи пособіе на трехлѣтнее путешествіе и увидать Италію. Заботы о прокормленіи родителей долгое время удерживали его въ Копенгагенѣ. Все это время онъ занимался уроками рисованія и сниманіемъ портретовъ, за которые онъ получалъ довольно хорошую плату. Талантъ его скоро обратилъ на себя въ Копенгагенѣ общее вниманіе; онъ получилъ входъ во многія семейства и познакомился съ лучшими художниками академіи.

Въ Ноябрь 1795 года получилъ онъ пособіе на три года, доставлявшее ему ежегодно 400 талеровъ. Весною 1796 года снаряженъ былъ королевскій фрегатъ въ Средиземное море, которому поручено было открыть переговоры съ Триполемъ. На этомъ фрегатѣ Торвальдзевъ и отправился въ Италію черезъ Нѣмецкое море и каналъ, мимо береговъ Испаніи и Гибралтара. Во время плаванія посетилъ онъ Малагу, гдѣ на театрѣ познакомился съ одною испанскою пѣвицею. Недалеко отъ Сициліи застигла его буря; но онъ благополучно избавился отъ нея и высадился у Палермо. Отсюда онъ отправился въ Неаполь, гдѣ познакомился съ Тишбейномъ и многими другими лицами, снабдившими его рекомендательными письмами въ Римъ, куда онъ и пріѣхалъ 8 Марта 1797 года. Этотъ день называетъ онъ вторымъ своимъ рожденіемъ; ибо въ Римѣ увидалъ онъ, какъ онъ самъ выразился, свѣтъ міра. Здѣсь нашелъ онъ себя благодѣтеля въ Цегъ (Zoëga) и вѣрнаго друга въ великомъ живописцѣ Карстенсѣ. Но этимъ еще не упрочилось его положеніе. Торвальдзевъ пріѣхалъ въ Римъ въ то самое время, какъ лучшіе памятники города были отправлены въ Парижъ. Политическое положеніе Церковной области было отчаянное, и сообщенія ея съ Даніею весьма трудны. Съ этого времени жизнь его извѣстнѣе. По этому мы не станемъ ее

рассказывать; скажемъ только, что сочиненіе Тиле вѣрно и полно изображаетъ намъ, какими трудными путями великій художникъ достигъ той высоты славы, на которой мы видимъ его во второй половинѣ его жизни.

Исторія Маріи Стюартъ, Минье. Едва ли найдется въ исторіи лицо болѣе драматическое, нежели Марія Стюартъ. Двойной бѣсъ красоты и несчастія вьнчаетъ ея голову, павшую подъ съкирой палача, такимъ вьнцомъ, который въ состояніи былъ бы возбудить зависть въ славной соперницѣ ея, Елисаветѣ, если бы чувство зависти проникло въ могильные склепы вестминстерскаго аббатства, гдѣ спятъ вьчнымъ сномъ обв королевы. Но какъ согласить эту нвжную и почтительную симпатію, которая влечетъ неволью къ несчастной королевы Шотландской, съ убьженіемъ въ ея виновности? Мракомъ тайны и сомнѣнія покрыто еще, послѣ болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, одно изъ событій ея трагической жизни,—разсѣйте это облако, покажите намъ, какъ въ Гамлетъ, преступницу, застигнутую на самомъ преступленіи, и ни обличенную неотразимыми доказательствами, — и мы увѣрены, передъ которой, по сказаніямъ, склонилась на колѣни во время одного крестнаго хода, какая-то благочестивая Парп-капка, спрашивая всѣхъ, не ангелъ ли она небесный? Два тома, издавшихся г. Минье, опять поднимаютъ этотъ вопросъ, котораго не давно еще коснулся другой авторъ, г. Дарю, въ своей исторіи Маріи Стюартъ.

Г. Минье упоминаетъ въ предисловіи о книгѣ своего предшественника. Два сочиненія, вышедшія одно вслѣдъ за другимъ, черпавшія иногда изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, естественно должны имѣть нѣсколько сходныхъ пунктовъ, но они совершенно различны въ подробностяхъ изложенія, и если сходятся, то въ однихъ заключеніяхъ обв избранной героинѣ. Оба автора убьждены въ ея виновности, и прощаютъ ей только изъ чувства состраданія внушаемаго ея долгими томненіями; но у г. Дарю состраданіе горячо, какъ энтузіазмъ; это любовь поэта, понимающаго и раздѣляющаго страсть тѣхъ, которые, обольщенные болѣе красотою, чѣмъ вьнцемъ сирены, дерзали на все, лишь бы заступить мѣсто убитаго Дерри и убійца Босвелла; ничто не пугаетъ его воображенія въ этой женщинѣ, которую считаетъ онъ однако неоспоримо преступною; онъ изображаетъ съ какимъ-то восторгомъ чувственности ея гибельныя прелести. Онъ дивится ей и любитъ ее, представляя даже доказательства вьтренности, которая безпощадно уби-

вала или лишала свободы своихъ любимцевъ. Если бы Марія Стюартъ воскресла, г. Дарго не усомнился бы пасть къ ногамъ королевы или къ ногамъ узницы, пошелъ бы за нею всюду, отдалъ бы все за одну ея улыбку. Есть въ этомъ вольномъ самоослепленіи своего рода обаяніе—и въ слогъ г-на Дарго чувствуется какое-то поэтическое упоеніе, чувствуется въ смелости и въ некоторыхъ выраженій, на которыя, впрочемъ, мы не станемъ нападать во имя истинной исторіи.

Въроятно, Вальтеръ-Скоттъ опасался этой странной любви, которую внушала Марія Стюартъ всемъ поэтамъ, когда ему предлагали писать исторію ея жизни. Онъ началъ рыться въ источникахъ, долго колебался и наконецъ отказался совершенно, не желая, какъ говорилъ онъ, быть вынужденнымъ осудить официально королеву Шотландскую.... Онъ не дерзнулъ оправдать ее вполнѣ и въ романъ своемъ, Аббата, — но тамъ онъ могъ безнаказанно обойти трудную историческую задачу, — и, прочитавъ нѣсколько разъ Аббата, все-таки спросишь себя: была ли виновна Марія Стюартъ?...

По видимому, этотъ вопросъ заставилъ взяться за перо и г. Минье. Историкъ умный и наблюдательный, философъ больше, чѣмъ поэтъ — хотя вмѣстѣ и искусный артистъ — больше любящій истинну, чѣмъ эффектъ, впечатлительный ко всему прекрасному, но слишкомъ добросовѣстный для того, чтобы жертвовать точностью подробностей тому, что зовутъ обыкновенно формою, и что часто не болѣе какъ фраза, — новый историкъ Маріи Стюартъ исполнилъ къ ней также искренняго сожалѣнія. Но сожалѣніе г. Минье не похоже на сожалѣніе г. Дарго; въ этомъ сожалѣніи нѣтъ любви—онъ судитъ Марію и осуждаетъ ее прежде всего, какъ преступницу, потомъ, какъ необходимую жертву ложной политики, какъ прародительницу двухъ столько же несчастныхъ Стюартовъ, Карла I-го и Іакова II-го, изгнаннаго за желаніе возстановить католическую религію. Отъ Минье, историка революціи, нѣсколько фаталиста—можно было опасаться большаго предубѣжденія противъ королевы, жертвы стараго феодализма и религіозной реформы XVI вѣка. И между тѣмъ, будущій историкъ кальвинистской реформы, которой только эпизодъ представляетъ собою Шотландская трагедія, г. Минье добросовѣстно и съ уваженіемъ говоритъ о католицизмѣ и его защитникахъ—однимъ словомъ, эти два тома столько же удовлетворяютъ чувство, сколько удивляютъ обширностью эрудиціи и подробностью изученій,—и хотя г. Минье разрушилъ многія изъ прежнихъ историческихъ предразсудковъ,

но вездѣ интересуетъ необыкновеннымъ искусствомъ разсказа. Между тѣмъ, остается все еще нѣсколько сомнѣній на счетъ виновности королевы, которая, цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ, въ томленьи заключенія, не переставала повторять: «я невинна», которая громко говорила Вольсингему, министру ея соперницы: «Я не могу оправдаться своими бумагами, потому что онѣ похищены.» До сихъ поръ еще, по словамъ самаго Минье, эти обвиненія тяготеютъ на памяти *мало добросовѣстнаго* секретаря Елисаветы. «Ужели вы думаете, господинъ секретарь,—прибавляла она—что «я не знаю всѣхъ хитростей, которыя вы употребляли противъ меня? Ваши шпионы окружали меня со всѣхъ сторонъ—но вы, можете быть, не знаете, что нѣкоторые изъ нихъ лжесвидѣтельстввали и уведомили меня объ этомъ,—и если они дѣйствовали такъ—продолжала она, обращаясь ко всему собранію,—какъ могу «я быть увѣрена, что не подписалась подъ мою руку, чтобы осудить меня на казнь?» По словамъ самаго же г. Минье—это обвиненіе подтверждается новѣйшими открытіями г. Тайтлера.

Но то, что говорила Марія Стюартъ Вольсингему на счетъ бумагъ, послужившихъ основаніемъ для приговора Елисаветы—могла ли она сказать и на счетъ писемъ и сонетовъ, найденныхъ въ знаменитой серебрянной шкатулкѣ?

Этотъ вопросъ въ подробности разсмотрѣлъ г. Минье въ приложеніи ко второму тому его сочиненія—приложеніи, отличающемся логическою послѣдовательностью выводовъ. Желательно было бы только, чтобы историкъ напечаталъ въ цѣлости письма Маріи, не оригинальный текстъ, конечно, потому что онъ не существуетъ, а одинъ изъ тѣхъ Латинскихъ, Англійскихъ и Шотландскихъ переводовъ, которые слово въ слово передали подлинникъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что опубликованы были только эти переводы, и нѣтъ даже копій оригинала, который прежде всего должно было бы обнародовать по всемъ правиламъ судопроизводства — вмѣстѣ съ переводомъ Латинскимъ, Англійскимъ или Шотландскимъ. Это письмо Маріи Стюартъ доказываетъ, что на проэктъ освободить ее отъ мужа, она вооружалась весьма слабо, но что вмѣстѣ съ тѣмъ, она не знала, какимъ образомъ Босвелъ и дѣйствительные его сообщники достигнуть своей цѣли. Въ этомъ письмѣ она выражаетъ свое отвращеніе къ тому, чтобы завлечь мужа обманомъ, измѣной, — боится быть предательницей, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ: «Дайте мнѣ знать, чѣмъ вы рѣшили на счетъ того, что вамъ известно, чтобы намъ согласиться другъ съ другомъ и чтобы ничто не произошло инымъ образомъ.» *Дайте мнѣ знать*—зна-

читать она не знала; а между темъ, для обвинителей это значило: «Дайте мнѣ знать, какъ вы его убьете—ножомъ, ядомъ, водою, огнемъ» и проч. Увы! враги Маріи еще проще толковали ея сообщничество, говоря, что она торопила Босвелю выполнить то, въ чемъ они сговорились—на счетъ смерти короля, давши ему какую-нибудь *отраву*. Г. Минье приводит (Томъ I, стр. 300) одного испанскаго писателя, который рассказываетъ, что достоверно знаетъ о письмѣ, писанномъ рукою королевы Маріи къ Босвелю больше чѣмъ въ три страницы, въ которомъ она торопитъ его *отравить* короля. Г. Минье, кажется, слишкомъ опрометчиво разрѣшилъ этотъ спорный пунктъ.

Марія Стюартъ, отвергая то, что письма заключавшіяся въ шкатулкѣ, писаны ею, утверждала постоянно, что докажетъ ихъ подложность, если ей покажутъ подлинники.

Латинскій переводъ писемъ Маріи Стюартъ приписывается Боченену. Между темъ слогъ не отличается обыкновеннымъ изяществомъ латини стиховъ и прозы этаго знаменитаго педагога. Перечитывая со вниманіемъ рассказъ г. Минье о совѣщаніяхъ въ Йоркѣ и Вестминстерѣ, на которыхъ разсматриваемы были письма, мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что слѣдствіе должно было быть производимо съ бдѣшею точностью. Г. Минье говоритъ, что оно было неправильно по формамъ, но за то обличительно по сущности, и что Марія прибѣгала ко всемъ средствамъ для предотвращенія раскрытія документовъ. Между темъ, въ это-то самое время, Марія писала, говоря о тѣхъ, которые вишили ее въ томъ, что интересами своего сына она пожертвовала Босвелю: «Достаточно одной такой клеветы, чтобы судить о всемъ остальномъ. «Естественная любовь матери къ сыну вопіетъ противъ нихъ.»—Г. Дарго допуская пламенную любовь Маріи къ Босвелю (вопросъ столько же запутанный, какъ и другіе), заключаетъ впрочемъ справедливо, что эта любовь не могла побѣдить въ ней материнскаго чувства, и что Босвелъ тщетно пытался овладѣть молодымъ принцемъ. Марія была беременна, когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, не соглашалась на разводъ, котораго требовали враги Босвелю. Она боялась, чтобы ребенка ея не объявили незаконнымъ. Ни г. Дарго, ни г. Минье не говорятъ ничего о судьбѣ этаго несчастнаго плода брака Маріи и Босвелю. Говорятъ, Марія родила дочь, и успѣла отправить ее во Францію, гдѣ та впоследствии, по такимъ же темнымъ слухамъ, вступила въ монастырь и умерла монахиней. Въ числѣ разныхъ портретовъ Маріи Стюартъ, есть портретъ ея, въ одеждѣ монахини—не портретъ ли это ея дочери?

Босвелъ, какъ извѣстно, достигъ преступной цѣли своихъ замысловъ — и сообщники его, присудившіе королеву вступить съ нимъ въ бракъ и тѣмъ оправдать его, — сдѣлались жестокими его врагами, какъ только онъ связалъ судьбу свою съ судьбой королевы. Заговорщики вторгаются въ Эдинбургъ, зовутъ къ оружію, требуютъ мщенія противъ убійцъ Дернли.

»Заговоръ знати усиливался съ каждымъ днемъ, — говоритъ г. Минье; — Маріи Стюартъ были не совсемъ неизвѣстны намѣренія ея враговъ, которые всѣ были удалены отъ двора. Она, казалось, не боялась ихъ и обходилась даже довольно презрительно съ начальниками новой лиги. Употребляя въ дѣло противъ нихъ «свой *насмѣшливый умъ* и дѣлая намеки на характеръ ихъ или *положеніе*, она говорила, что Атоль не боѣе какъ слабый челоувѣкъ, что она найдетъ средство замкнуть уста Арджию — и что «до сихъ поръ еще сапоги Мортонна *въ грязи и въ дырахъ* вствѣдствіе его изгнанія.» Ясно, что *насмѣшливый умъ* королевы г. Минье видитъ здѣсь въ намекъ на *разорванные сапоги* Мортонна. Эти слова королевы переведены изъ Тайтлеровой исторіи Шотландіи, но въ подлинникъ выражены они не совсемъ такъ: «Что касается до Мортонна, который еще не успѣлъ *снять сапоговъ* «послѣ путешествія и очистить ихъ отъ пыли или грязи, — онъ будетъ отосланъ туда же, откуда прибылъ» — сказано тамъ. Эта ошибка, конечно, не важна, но у г. Минье встрѣчается нѣсколько подобныхъ, и какъ можемъ мы поручиться, что таковыхъ же нѣтъ въ переводъ знаменитаго письма?»

Г. Минье не обратилъ надлежащаго вниманія на характеръ Мортонна и на двойственную причину ненависти, которую питалъ къ нему Киркельди де Гранжъ. Этому послѣднему г. Минье воздаетъ полную справедливость — и хвалитъ его за рыцарскій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, Киркельди, котораго коннетабль Монморанси считалъ за храбрѣйшаго воина его времени, — былъ какой-то Баяръ между лердами Шотландіи. Жаль, что, принимаясь разсказывать подвиги Киркельди, г. Минье не могъ воспользоваться вышедшими недавно записками о немъ; въ нихъ увидѣлъ бы онъ, что обманутый сначала врагами Маріи, онъ увидалъ потомъ, что былъ обманутъ, и не безъ угрызений совѣсти выставилъ свое знамя на стѣнахъ Эдинбургскаго замка. Это раскаяніе храбраго рыцаря дорого обошлось Мортону, который долженъ былъ призвать Англію для покоренія замка; — тѣмъ болѣе, что съ чувствомъ преданности Эдинбургской узицѣ, у Киркельди соединялось чувство личной вражды къ Мортону. Описывая подвиги этаго послѣдняго за-

щитника королевы, г. Минье, приводит письмо Кильгрю къ Борлео и прибавляетъ: «Кильгрю тѣмъ болѣе былъ въ правѣ ожидать переговоровъ со стороны Киркельди, что замокъ Блеккинесъ «былъ сданъ Мортону женою брата его, Джемса Киркельди, который тамъ начальствовалъ.» Но это не такъ. Замокъ Блеккинесъ точно былъ сданъ и сданъ женою Джемса Киркельди, Еленою Лесли, но ее соблазнилъ самъ же Мортонъ, и она продала мужа любовнику, какъ это ясно изъ «Записокъ и приключеній сэра Вильяма Киркельди де Гранжъ».

Но всѣ эти мелкія невѣрности нисколько не уничтожаютъ неоспоримыхъ достоинствъ сочиненія г. Минье. Всѣ женскія противорѣчія трагическаго и вмѣстѣ милаго характера несчастной Маріи— удивительно понятны г. Минье, строгимъ къ королеву, снисходительнымъ къ женщинѣ. Съ добросовѣстностью южнаго челоуѣка, онъ не таитъ своей невольной симпатіи къ этой, болѣе южной, чѣмъ сѣверной натурѣ—и умѣетъ мастерски воспроизводить ея личность.

—

Пятнадцать лѣтъ изъ царствованія Людовика XIV (1700-1715), соч. Эрнеста Морне.

Г. Эрнестъ Морне изложилъ исторію печальной половины царствованія *Великаго Короля*.

Если изъ всѣхъ столѣтій Французской Исторіи 18 вѣкъ всего менѣе былъ предметомъ синтетическаго изученія, то онъ по крайней мѣрѣ породилъ чрезвычайно много спеціальныхъ и аналитическихъ сочиненій. Съ тѣхъ поръ, какъ полтора вѣка тому назадъ, поколѣніе Людовика XIV сошло въ могилу, множество семейныхъ бумагъ, официальныхъ писемъ, писемъ частныхъ лицъ, относящихся къ эпохѣ Великаго Короля, были изданы въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ (1830—50); множество сочиненій сдѣлали известными подлинныя документы, драгоценныя матеріалы, покрытыя досель забвеніемъ. Двѣ замѣчательныя книги, напечатанныя по повелѣнію правительства: «Переговоры по случаю испанскаго наслѣдства при Людовикѣ XIV», сочиненіе Минье, и «Записки о войнѣ за испанское наслѣдство при Людовикѣ XIV», генерала Пеле, въ особенности пролили яркій свѣтъ на эту эпоху. Желаніе быть въ числѣ первыхъ, воспользовавшихся этими неизданными памятниками, было одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ Эрнеста Морне. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что занимательность предмета завлекла его не менѣе богатства источниковъ. Вотъ его слова: «Послѣдніе годы царствованія Людовика XIV богаты великими ррѣлищами: дипломатическая исторія, господствующая во всемъ

этомъ періодѣ, возбуждаетъ живое участіе своимъ огромнымъ значеніемъ. Исторія договоровъ о раздѣлахъ, по случаю испанскаго наслѣдства (1668-1700), завѣщаніе Карла II (1700), утвержденіе этого завѣщанія, унижительные переговоры Гертруденбергскіе, Утрехтскій миръ, великая дипломатическая партія 18-го столѣтія (1713),—это событія, достойныя вниманія всѣхъ мыслящихъ людей, всѣхъ занимающихся исторіей, всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ въ прошедшемъ живыхъ преданій своего отечества. Далѣе, военныя событія отличаются еще большею жизнью и драматичностью: тамъ, правда, вы найдете неудачные походы Виллера, Талара, Марзина; но за то и блестящіе подвиги, походы: Вандома, Бервика, Виллара рядомъ съ проигранными сраженіями при Бленгеймъ, Рамилы, при Туринъ, Удснартъ, Мальплаке; славныя побѣды при Фридрингенъ, Гѣхштетъ, при Альмансъ и Дененъ. Исторія морскихъ финансовъхъ установленій, религіозныхъ движеній, исторія философіи, внутренняя исторія государства такъ же представляли г. Эрнесту Морне богатый выборъ событій, достойныхъ изученія. Онъ изложилъ управленіе общихъ контролеровъ Шамильера и Демаре; сраженіе при Малагъ, борьбу Людовика XIV съ протестантами и ясенистами, образованіе философской партіи и жизнь Версальскую въ послѣдніе годы Людовика XIV, старость короля и М-те де Ментенонъ, печальный рядъ неудачъ, бѣдность этого мраморнаго дворца, блестящаго золотомъ, несчастья въ королевскомъ семействѣ, смерть дофина, герцога, герцогини Бургундской, и въ то-же время подозрѣнія въ ужасномъ злодѣяннн, обвиненія въ отравленнн, направленные противъ герцога Орлеанскаго, будущаго правителя Франціи; потомъ—послѣднія минуты Людовика XIV, его завѣщаніе, его болѣзнь, великое зрѣлище Короля на смертномъ одрѣ, который благословляетъ твердой рукой своего правнука, отрока, назначеннаго носить его тяжелую корону, и сходитъ потомъ въ могилу, медленно угасая съ царственнымъ достоинствомъ всей своей жизни, съ холоднымъ, спокойнымъ величіемъ солнца, взятаго имъ въ эмблему.

Исторія этихъ послѣднихъ 15 лѣтъ царствованія Людовика XIV наполнить три тома in-8°. Эрнестъ Морне намѣревается потомъ, если успѣхъ увѣнчаетъ его труды, издать исторію регентства (1715 — 1723) и, можетъ быть, начало царствованія Людовика XV (1723—1750), и такимъ образомъ обработаетъ всю первую половину XVIII столѣтія. Покуда, онъ издалъ только первый томъ первой части этого обширнаго историческаго труда.

Этотъ первый томъ состоитъ изъ 8 главъ. Шесть главъ заключаютъ исторію испанскаго наслѣдства и изложеніе войны, въ

слѣдствіе его возникшей, до отпаденія герцога Савойскаго и короля Португальскаго, т. е. до того времени, когда вся Европа, за исключеніемъ Сѣверныхъ державъ и Испаніи, соединилась въ одинъ страшный союзъ противъ Людовика XIV.

Военныя событія разсказаны, безспорно, съ пониманіемъ дѣла, и возбуждаютъ живѣе участіе; но они занимаютъ слишкомъ значительную часть этого тома. Большая умѣренность въ изложеніи стратегическихъ подробностей не повредила бы достоинству книги и сдѣлала бы ее доступнѣе большинству читателей. Дипломатическій отдѣлъ представляетъ для публики гораздо болѣе новаго и увлекательнаго. Благодаря трудамъ Минье, Эрнестъ Морне могъ разоблачить факты чрезвычайно важные, оставшіеся неизвѣстными въ продолженіи полутора столѣтій. Такъ, напримѣръ, онъ доказалъ, что завѣщаніе Карла II не было плодомъ французской дипломатіи во Франціи, какъ объ этомъ говорили доселѣ все исторіи. «Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этаго писанія, говоритъ онъ; теперь пора уже отказаться отъ такого несправедливаго обвиненія, сорвать завѣсу съ исторической истины и воздать каждому должное по заслугамъ. Завѣщаніе Карла II было дѣломъ національнымъ, дѣломъ Испанскимъ, а не дѣломъ Французскимъ. Не послы Людовика XIV, а гранды Испанскаго королевства внушили его умирающему сыну Филиппу IV для спасенія единства своего отечества. Желаніе Людовика XIV отказаться отъ этого завѣщанія неоспоримо доказываетъ, что онъ не принималъ никакого участія въ составленіи акта. Извѣстному совѣщанію, въ которомъ онъ представилъ Испанскаго короля своему совѣту, предшествовало другое, въ слѣдствіе котораго онъ заключилъ договоръ о раздѣлѣ. Эти важные факты выведены изъ официальныхъ документовъ архива иностранныхъ дѣлъ,—изъ документовъ, которые Минье сообщилъ Эрнесту Морне и которые въ скоромъ времени будутъ изданы въ «Переговорахъ по случаю Испанскаго наслѣдства при Людовикѣ XIV.»

Возстаніе и война въ Севенскихъ горахъ наполняютъ двѣ послѣднія главы этого тома. Ничего не можетъ быть увлекательнѣе и ничто не производитъ болѣе грустнаго впечатлѣнія на читателей, какъ этотъ печальный разсказъ о варварскихъ поступкахъ католиковъ и гугенотовъ въ различныхъ эпизодахъ этого продолжительнаго возстанія. Эрнестъ Морне съ рѣдкой добросовѣстностью и талантомъ собралъ все извѣстія, изданныя въ свѣтъ о Камизарахъ и ихъ предводителяхъ, и эти извѣстія пополнилъ счастливыми открытіями, которыя онъ сдѣлалъ въ архивахъ военнаго министерства. Съ трудомъ можно повѣрить неслыханнымъ злодѣяніямъ

которыми опозорили себя объ партіи; но при этомъ должно признаться, что католики далеко превзошли гугенотовъ звѣрствомъ и безразсудностью. «Должно схватить всѣхъ подозрительныхъ людей,» писалъ Плянкъ Шамильяру, «мужчинъ и женщинъ, и на вѣрную погибель отправить ихъ на море.» Дѣло шло о принявшихъ католицизмъ. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ Жульенъ отправилъ Шамильяру рапортъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ какъ въ нашихъ походахъ, при малѣйшей тревогѣ, они (т. е. павнныя) могли причинить намъ большія неудобства, то я отдавалъ приказаніе разможить имъ голову, по мѣртъ того, какъ мнѣ ихъ приводили. *Это берегаетъ издержки судопроизводства и исполненія смертной казни.* Это вредныя змѣи, которымъ не мѣшаетъ раздавить голову какъ можно скорѣе.»

Полную и вѣрную оцѣнку сочиненія г. Эрнеста Морне должно отложить до его окончанія. Но уже и теперь появленіе перваго тома заставляетъ публику ожидать съ нетерпѣніемъ продолженія и окончанія «*Quinz ans du règne de Louis XIV.*»

Филиппъ Яфе, ученикъ Леопольда Ранке, известный своею «Исторіею Германіи временъ Лотара Саксонскаго», издаетъ свой замѣчательный историческій трудъ: «*Res gestae Paragum*», первая часть котораго уже вышла изъ печати. Желательно, чтобы это новое сочиненіе отличалось той основательностью и тѣмъ короткимъ знакомствомъ съ источниками, которыя характеризуютъ прежіе труды автора, правда не совсѣмъ удовлетворительные сухостью въ изложеніи.

Докторъ Генрихъ Кюнцель напечаталъ «*Біографію и рѣчи Сэра Роберта Пилля.*»

Die Staatshaushaltung der Athener von August Böckh. Berl. 1851. I. Bds. B. 1—4. Новое изданіе.

Имя Бѣка и колоссальныя труды его по части греческихъ древностей болѣе нежели известны ученому міру. Издавая въ послѣднее время важнѣйшіе новооткрываемыя памятники греческой письменности, Бѣкъ еще прежде составлялъ систематическое сочиненіе о политико-экономическомъ бытѣ Аѣинъ, которое всегда служило и служить прочнымъ основаніемъ всѣхъ новѣйшихъ изысканій по этому предмету. Едва ли кто изъ новѣйшихъ ученыхъ, занимающихся греческими древностями, не упомянетъ въ своихъ трудахъ о сочиненіи Бѣка *Die Staatshaushaltung d. Ath.* и не отдастъ

ему при томъ полной справедливости ; самыя его ошибки , если можно такъ назвать неизбежные результаты обширности труда , не остались безъ пользы для науки , вызвавъ изысканія другихъ. Обширная начитанность Бёка, его изумительная провицательность и остроуміе и необыкновенная добросовѣстность, которою отличается этотъ трудъ , придають ему авторитетъ источника , такъ что при каждомъ вопросѣ изъ греческихъ государственныхъ древностей нельзя не обратить вниманія на то , что о немъ говоритъ Бёкъ. При всемъ томъ однако должно помнить , что сочиненіе Бёка было издано еще въ 1817 г. , а въ продолженіи почти 35 лѣтъ съ того времени открыто было большое количество новыхъ матеріаловъ для изученія греческихъ древностей ; особенно важны въ этомъ отношеніи надписи , изданныя большею частью самимъ же Бёкомъ въ его извѣстномъ *Corpus inscriptionum graecarum*. Въ слѣдствіе всего этого многое въ сочиненіи Бёка должно было само собою измѣниться ; явилась необходимость иное исправить, иное еще болѣе подтвердить и оправдать, многое дополнить. Однако Бёкъ не приступилъ прямо къ всеобщей переработкѣ и пересмотру цѣлаго сочиненія, а прежде занялся исправленіемъ и дополненіемъ отдѣльныхъ его частей ; такъ , еще въ 1838 г. вышло отдѣльное его сочиненіе о мѣрв и вѣсв , въ 1840 г. о морскихъ силахъ Аѳинскаго государства, и мн. др. отдѣльныя статьи. Только послѣ этихъ специальныхъ трудовъ Бёкъ приступилъ къ пересмотру всего своего сочиненія , при чемъ обратилъ вниманіе на всѣ позднѣйшія изслѣдованія , и мнѣнія важнѣйшія , но противорѣчащія положеніямъ Бёка, разобраны имъ съ надлежащею полнотою и свойственною ему основательностью.

Это новое изданіе вышло въ нынѣшнемъ году ; мы не успѣли еще его получить , но важность сочиненія побудила насъ воспользоваться извѣщеніемъ о его новомъ изданіи. Подробности о немъ мы заимствовали изъ словъ одного лейпцигскаго рецензента (*Leipziger Repertorium d. deutsch. und ausländ. Lit. herausg. v. J. Gersdorf. 9 Jahrg. II. Bds. 5 Hft. S. 249 Recens. Dr. H. Brandes*). Такъ какъ эта рецензія вовсе не полемическая—она дѣлаетъ одно фактическое сравненіе новаго изданія съ предъидущимъ , указывая на важнѣйшія перемены и дополненія , — то мы можемъ теперь же сдѣлать изъ нея извлеченіе.

Въ слѣдствіе значительныхъ преобразованій , говоритъ лейпцигскій рецензентъ , новое изданіе сочиненія Бёка : *D. St. d. Ath.* получило совершенно другую внѣшнюю форму : двѣ части перваго изданія (1817 г.) , составляя по прежнему 4 книги , соединены въ

одну часть — первую; вторую часть составлять »Прибавленія,« а третья часть займетъ собою особое изслѣдованіе о морскихъ силахъ Аѳинъ. Изъ дополненій и улучшеній первой части, уже изданной, обращаютъ особенное вниманіе слѣдующія:

Книги первой 4-я глава заключаетъ изслѣдованіе о серебряныхъ деньгахъ; въ новомъ изданіи здѣсь мы находимъ не только положительное и точное опредѣленіе цѣнности серебрянаго таланта, но и указаніе на различныя отношенія и различныя курсы вообще серебра въ Аѳинахъ; кромѣ того теперь Бѣкъ подробно объясняетъ тѣ основанія, на которыя опираются различныя предположенія о томъ же предметѣ Бартелеми, Прокеша и др. Въ новомъ же изданіи мы находимъ опредѣленное сравненіе греческихъ денегъ съ новѣйшими: по изысканіямъ Бѣка, аттическій талантъ=1500 грец. Thal., мина=25 Thal., драхма=6 ггг., оболъ = ггг.

Книги второй 6-я глава представляетъ пространное изложеніе объ обязанностяхъ аѳинскихъ тамій (государственныхъ казначеевъ), какъ дополненіе къ стр. 183 перваго изданія. Между прочимъ, авторъ высказываетъ здѣсь мнѣніе, что только въ первыя времена, до Димосеена и нѣсколько позднѣе, управленіе финансами находилось въ рукахъ одного лица, а около 286 г. до Р. X. нѣсколько времени это управленіе ввѣрялось особому правительственному мѣсту, состоявшему изъ нѣсколькихъ лицъ. Относительно подробностей управленія финансами Бѣкъ остается и въ новомъ изданіи при предположеніи, которое, можетъ быть, по его мнѣнію, единственно допущено, что въ Аѳинахъ было одно главное казначейство, которому подчинялись другія отдѣльныя управленія; но, продолжаетъ Бѣкъ, нѣтъ никакой возможности, при столь запутанныхъ и частныхъ перемѣнахъ, объяснить вполнѣ устройство государственной казны и т. д. Въ 8-й гл. той же самой книги, по новому изданію, говорится несравненно подробнѣе объ обязанностяхъ такъ называемаго *Υραμιματῶν; ὁ κοστὰ πρὸς τῶν ἰσθμῶν* (бухгалтеръ отдѣльной пританіи сенатскаго Собранія).

Третьей книги 16-я глава (о союзникахъ аѳинскихъ до анархій) въ новомъ изданіи даетъ намъ болѣе точное указаніе повинностей союзниковъ, извлеченное изъ отдѣльныхъ примѣровъ, приводимыхъ древними писателями. Но самое значительное дополненіе мы находимъ въ 20-й гл. той же книги, гдѣ авторъ, по словамъ Лейпцигскаго рецензента, весьма основательно и опредѣлительно доказываетъ, 1) что государственная аѳинская казна хранилась въ Описеодомѣ Пареевона (подвальное мѣсто храма Аѳины);

между тѣмъ въ первомъ изданіи (1,473) это мнѣніе Бѣка есть только одна догадка, основанная имъ на собственномъ же толкованіи одной надписи (II, 203), и притомъ утверждаемая въ противоположность положительному извѣстію схолиаста Аристофанова «Богача,» стр. 194, который называетъ Описеодомъ храма Аѣины Поляды, а не Парѣеиона, мѣстомъ храненія казны; 2, что почти вся государственная казна была посвящена Аѣинѣ; 3, что не все деньги вручались тамъ этой богини; 4, что одна часть денегъ предназначалась къ расходу, а другая составляла неприкосновенный капиталъ, къ которому приступать дозволялось только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и т. д.

Четвертой книги 16-я глава, кромѣ обширной полемики противъ Фсльбрехта (de antidosi стр. 9 и слѣд.), заключаетъ въ себѣ, по новому изданію, цѣлый отдѣлъ, въ которомъ объясняется извѣстное мѣсто рѣчи Димосеена пр. Афовита стр. 841 объ антидозѣ, размѣнѣ имущества, одномъ изъ постановленій Солона, по которому бѣдный, въ случаѣ несправедливаго обложенія имущества повинностями, могъ требовать размѣна имущества съ богатымъ, на которомъ лежали меньшія повинности, сравнительно съ его состояніемъ.

Нельзя не согласиться съ Лейпцигскимъ рецензентомъ, что и эти немногіе примѣры достаточно могутъ убѣдить, что новое изданіе сочиненія Бѣка не только передѣлано имъ въ цѣлости, но даже и значительно дополнено. Главное преимущество этого новаго изданія предъ прежнимъ, заключаетъ рецензентъ, состоитъ въ томъ, что въ последнемъ изданіи многое является доказаннымъ съ большею очевидностью, между тѣмъ какъ въ первомъ изданіи мы часто встрѣчаемъ мнѣнія только правдоподобныя и иногда даже сомнительныя. По полученіи нами, вышедшей уже, первой части и по отпечатаніи остальныхъ двухъ, мы постараемся представить подробную рецензію этого важнаго труда корифея нашей науки. Весьма интересна должна быть вторая часть, гдѣ будутъ заключаться оди «Прибавленія», которыя въ первомъ изданіи занимали весьма незначительную часть. Еще болѣе интересно узнать въ третьей части новаго изданія, какое приметь Бѣкъ чтеніе извѣстной надписи «de munificentis Athenarum restituendis; послѣ редакціи Уссинга, основанной на личномъ осмотрѣ надписи, прежнія догадки, относительно времени, къ которому должна относиться надпись, едва ли могутъ имѣть какое-нибудь значеніе.

М. Стасюлевичъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ГИЗО.

Французскіе журналы извѣщаютъ о многихъ новыхъ произведеніяхъ Гизо. Прежде всего явится Исторія происхожденія представительныхъ правленій въ Европѣ, въ 2 томахъ. Подъ этимъ заглавіемъ напечатается курсъ, читанный знаменитымъ профессоромъ въ Сорбоннѣ въ 1820—1822 годахъ, и служившій основаніемъ известнаго курса объ исторіи образованія во Франціи и Европѣ. Гизо, въ предисловіи, просмотрѣлъ теперь и проверилъ записки, веденныя въ то время нѣкоторыми слушателями, и далъ имъ такой видъ, какой получили послѣдніе его курсы. Мы сомнѣваемся въ этомъ изданіи. Еслибъ курсъ былъ такъ значителенъ, то онъ былъ бы изданъ тогда же, или по крайней мѣрѣ вслѣдъ за курсомъ 1828—1829 годовъ, которые имѣли такой блистательный успѣхъ. Спекуляціи книгопродавцевъ верно играютъ здѣсь роль. Послѣ вступительной рѣчи съ безпристрастіемъ историческомъ какъ требованіи нашего времени, (это уже общія мѣста обвѣщанія), профессоръ развертываетъ въ 1 томѣ (26 лекцій) картину древнѣйшихъ учреждений представительныхъ отъ 5 до 11 вѣка, у Англосаксовъ въ Великобританіи, у Франковъ въ Галліи, и Визиготовъ въ Испаніи. Во второмъ томѣ (25 лекцій) изображаются опыты Англійскіе отъ покоренія Норманновъ до царствованія королей изъ дома Тудоровъ.

Любопытны «Размысленія и изученія нравственныя, *Meditations et etudes Morales*. Вотъ ихъ содержаніе: 1, о состояніи душъ, 2, о религіи въ новыхъ обществахъ; 3, о католицизмѣ, протестантизмѣ и философіи во Франціи; 4 о безсмертіи души, 5, о почтеніи къ умершимъ; 6, о верѣ; 7, о воспитаніи послѣдовательномъ въ продолженіи жизни; 8, совѣты отца о воспитаніи: I, по коликую должно имѣть въ виду различіе характеровъ, II, о неравенствѣ способностей, и о средствахъ, какъ помогать неудобствамъ, отъ того происходящимъ; III, о средствахъ соревнованія; IV, о воспитаніи, которое человекъ даетъ себѣ самъ; 9, о мысляхъ Рабле, 10, Монтанъ; 11, Тасса — о воспитаніи.

Вѣроятно въ этомъ изданіи помѣстятся разныя рѣчи Гизо въ торжественныхъ собраніяхъ: мы укажемъ одну, произнесенную имъ въ собраніи Библейскаго общества въ Лондонѣ, въ прошломъ году, которую смѣло можно поставить въ число лучшихъ его страницъ.

Парламентскія рѣчи, съ примѣчаніями и объясненіями, четыре тома.

Характеры и портреты политическіе и литературныя, два тома, (*Fragmenta de memoires personnels*). Отрывки изъ записокъ личныхъ, одинъ томъ. Изслѣдованія объ изящныхъ искусствахъ, одинъ томъ.

Какова дѣятельность! Положимъ, что все это труды прежніе, но чего стоитъ все пересмотрѣть, исправить, приготовить къ изданію. Читатели должны помнить, что недавно выдалъ Гизо сочиненіе о Вашингтонѣ и Монкѣ, и значительно дополнилъ свое сочиненіе объ англійской революціи. А сколько пишетъ и издаетъ Тьеръ, Ламартинъ, Барантъ, дѣйствуя между тѣмъ и на другомъ поприщѣ. Откуда они берутъ время!

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Наконецъ празднества, которыми Парижъ тѣшилъ своихъ дорогихъ гостей, лорда мера города Лондона и его спутниковъ, окончились. Сэръ-Джонъ Мозгровъ уѣхалъ, и Парижане уже затѣваютъ новыя увеселенія, ищутъ новыхъ предлоговъ пировать и праздновать.

Мы не станемъ описывать всехъ пировъ и празднествъ, данныхъ въ честь высокорожденныхъ сыновъ Альбіона; они все описаны, все пересказаны, и теперь извѣстія о нихъ были бы запоздалыми. Такова участь всехъ журналовъ! Ежедневные листки, съ хищническою поспѣшностью, на-подхватъ разбираютъ изъ иностранныхъ газетъ все новое, все интересное, и если редакція какого-нибудь журнала не сумѣетъ выбрать статей, которыя не теряютъ достоинства отъ *запоздалости*, то не рѣдко изъ ежедневнаго изданія образуется *еже не дѣльное*, и, следовательно, *еже не читаемое*. Прелесть новизны, върная приманка любопытства, неотъемлемое стяжаніе газетъ, рѣдко достается на долю журналамъ.

Нельзя однако же не сказать нѣсколько словъ о блестящемъ представленіи въ ипподромѣ, снискавшемъ лестное одобреніе заморскихъ джентльменовъ. Это представленіе, не смотря на дурную погоду, имѣло полный успѣхъ.

Г. Арно (старшій) искусный распорядитель этого праздника, желая угостить лорда мера, его альдерменовъ, шерифовъ и весь штабъ британскихъ путешественниковъ, а равно представителей всемірной выставки, увеселеніемъ, не помѣщеннымъ въ официальные программы; заботясь притомъ о многочисленномъ стеченіи публики, предположилъ дать представленіе въ обширномъ ипподромѣ, близъ заставы Звѣзды. Сэръ-Джонъ Мозгровъ принялъ приглашеніе, и спектакль былъ назначенъ 7 августа.

Во весь предшествовавшие праздники погода была прекрасная. Солнце сияло въ полномъ блескѣ, и какъ будто привыкшее къ французской любезности, въ свою очередь хотѣло угостить пріятныхъ редкимъ для нихъ явленіемъ: чередой ясныхъ дней; по въ четвергъ, 7 числа, боясь наскучить однообразіемъ ведра и какъ бы желая припомнить имъ пасмурную ихъ родину, скрылось за тучи, и покрыло Парижъ лондонскимъ подусвѣтомъ.

Еще за долго до представленія, по длинной аллеѣ Элисейскаго поля, тянулись къ триумфальной аркѣ ряды экипажей; тысячи зрителей стекались на зрѣлище, не смотря на возвышеніе цѣны за мѣста. Ипподромъ украшенъ былъ Французскими и Англійскими флагами. Въ три часа назначено начало спектакля; въ два всѣ мѣста были уже заняты.

Залъ изъ пушекъ возвѣстивъ прибытіе лорда мера и его свиты. Многочисленный оркестръ ипподрома встрѣтилъ ихъ Англійскимъ народнымъ гимномъ: *God save the Queen*, который сэръ Мозгровъ и его свита выслушали стоя, съ непокрытой головою.

При началѣ спектакля, солнце снова проглянуло, и осветивъ яркіе цвѣты флаговъ и костюмовъ, блестящее оружіе и толпу почитателей, представило обворожительное зрѣлище. Огромное пространство и многочисленное стеченіе народа, производятъ всегда какое-то величественное впечатлѣніе.

Артисты, одушевленные присутствіемъ знаменитыхъ гостей и множествомъ зрителей, превзошли себя въ ловкости, граціи и свѣлости. Англичане, которыхъ было очень много въ циркѣ, аплодировали съ увлеченіемъ, которое у нихъ становится увлекательно-искреннимъ, когда они разъ ему предаются. Напрасно ихъ почитаютъ неколебимо-хладнокровными; они только не воспріимчивы и не опрометчивы; энтузіазмъ ихъ еще пылче Французскаго.

Многочисленный, пышно костюмированный кортежъ среднихъ вѣковъ, символизировавший, по программѣ, соединеніе Англій съ Франціею, и по словамъ г. Арно, олицетворявшій вноскаательно рѣчь лорда мера въ ратушѣ, вызвалъ взрывъ восторга, рукоплесканій и одобрительныхъ кликовъ. Двѣ юныя красавицы, блондинка Сесилія и брюнетка Амелія, олицетворявшія двѣ великія націи, всегда соперничествовавшія, иногда враждебныя, слѣдовали на великолѣпной колесницѣ, рука съ рукой. Длинная свита разныхъ мифологическихъ боговъ и богинь, музъ, аллегорическихъ лицъ, герольдовъ, окружали колесницу, запряженную статными лошадьми.

Когда кортежъ поравнялся съ ложею лорда мера, онъ всталъ и привѣтливо поклонился. Англичане крикнули ура, а дамы

махали платками. Кортёжъ былъ истинно блестящій. Нельзя не подивиться средствамъ ипподрома, успѣвшаго въ два-три дня приготовить такой великолѣпный спектакль.

Но чего не было въ программѣ, — это дождя, а онъ между тѣмъ болѣе часу шелъ порядкомъ, холодный и пронизательный. Всѣ флаги, шитыя золотомъ туники, кафтаны, все промокло насквозь; всѣ артисты, небесные и земные, продрогли, — одинъ энтузіазмъ не охлаждалъ. Царица морей, Англія, буквально была вся въ водѣ. Англичане не могутъ пожаловаться, чтобы ипподромъ припалъ ихъ слишкомъ *сухо*.

Но все это не мѣшало. Праздникъ шелъ своей чередой. Наконецъ Франція и Англія, промокнувъ до костей и дрожа отъ стужи, задумали подняться изъ этой англійской атмосферы за облака, чтобы обсохнуть и отогрѣться на солнцѣ французскаго неба. Громадный аэростатъ *Орель*, наполненный уже газомъ, ожидалъ путешественницъ, принимая, не морщась, ручьи дождя, на свою непроницаемую оболочку, Мокрая сѣти и веревки до того увеличили вѣсъ шара, что г. Годаръ почиталъ полетъ весьма труднымъ. По программѣ, всѣ лица аллегоріи должны были подняться на воздухъ. Лордъ меръ предложилъ, чтобы дружественныя державы остались на землѣ, но безстрашныя не отложили своего полета и пустились, какъ бы ничего не бывало.

Эта минута была точно торжественна. Гроза свирѣпствовала въ полномъ разгулѣ. Молніи, свѣтлыми, бѣлыми струями вились въ воздухъ. Двѣ отважныя дѣвицы усьлись въ лодку, общая высушить свой костюмъ на лучахъ горячаго солнца. Они отлетѣли въ минуту ужаснаго удара грома, разразившагося надъ Парижемъ. Эффектъ былъ фантастическій, трогательный, почти ужасающій. Мокрая публика аплодировала съ изступленіемъ. Лордъ меръ позвалъ г. Арно, и благодаря его за спектакль, вручилъ ему два дорогіе перстня для безстрашныхъ амазонокъ, которыя въ эту минуту пролетали сквозь грозныя тучи.

Отъѣздъ сэра Мозгрова, не помѣшаетъ, кажется, Парижанамъ веселиться. Только и говорятъ объ увеселеніяхъ. Увеселеніе теперь лозунгъ несмѣтной арміи Французовъ, ополчившейся противъ скуки. Есть увеселительные поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ, увеселительный журналъ, подписка на тридцать дней увеселеній, — и послѣднія не дороги: пятнадцать франковъ за тридцать дней веселья! Это дешевле грибовъ; это невѣроятно! — за то этому никто и не вѣритъ.

Спекуляція точно отважна, и если г. Рюнь (Адолфъ и Комп.)

осуществить этот проэктъ, въ общее и свое удовольствіа, онъ будетъ истинно изобрѣтательный спекулантъ.

До сихъ поръ, въ этомъ проэктѣ вѣрно только то, что г. Ріонъ выговорилъ себѣ, за *трудъ* изобрѣтенія, по три франка съ подписчика; если этихъ подписчиковъ соберется, какъ онъ предполагаетъ, 200,000, то онъ положить въ карманъ 600,000 франковъ на *покрытіе издержекъ воображенія*. Что касается до увеселеній, трудно понять, чѣмъ сдумаетъ онъ повеселить на пятьдесятъ сантимовъ въ сутки! Покуда рѣчь идетъ только о театрахъ. Прочія увеселенія: въ публичныхъ садахъ въ окрестностяхъ Парижа, въ Анверъ, Энгень, Равела, Рамбулье и проч., не подь рукой, и не на руку искателямъ дешевизны. Туда надобно вѣхать, а это передвиженіе не дешево, такъ, что дешевое удовольствіе будетъ стоить порядочныхъ денегъ, особливо если счесть издержки на мѣсть, за кушанье, напитки и пр., и выйдетъ на повѣрку, что предлагаемая выгода—убыточна. Но еще не пришло время разгадывать таинственность этого смѣлаго пуфа. Изобрѣтатель самъ, въ своихъ объявленіяхъ, кроется за непроницаемой завѣсой смѣливой неясности. Можетъ быть г. Ріонъ имѣетъ тайную цѣль сорвать что-нибудь за *отступъ* (слазу) съ компаніи Горо, Пласъ и Ружіери, которыхъ помысль онъ усвоилъ, только въ другихъ размѣрахъ. Впрочемъ, на тысячу франковъ увеселеній, считая по цѣнѣ мѣсть, за пятнадцать франковъ, какъ сказано въ объявленіи, было бы имѣть ежедневно на тридцать три франка билетовъ на увеселенія, за пятьдесятъ сантимовъ: тридцать три франка барыша! Но можно ли издержать тысячу франковъ на увеселенія, изчисленные въ объявленіи, хотя бы и въ подневномъ ихъ распредѣленіи? На обещанныя въ объявленіи удовольствія: театры и публичные сады, достаточно нѣсколько франковъ. Правда, что общаются еще: чудовишные праздники, исключительно для членовъ общества (*des fêtes monstres, créées spécialement pour les Sociétaires*), но не объясняютъ, что это за праздники. Все темно, не вѣрно, не ясно. Чтобы судить, подождемъ времени, когда г. Ріонъ объяснится вполне. Мы ограничимся покуда замѣчаніемъ, которое невольно тѣснится въ наши мысли. Во всѣхъ Парижскихъ театрахъ наберется отъ осемнадцати до девятнадцати тысячъ мѣсть, въ томъ числѣ и самая послѣдняя мѣста. Г. Ріонъ намѣренъ войти съ дирекціями этихъ театровъ въ сдѣлку. Натурально, что ему не уступать всѣхъ мѣсть, безъ исключенія. Что же станется съ 200,000 тысячъ подписчиковъ въ несчастные дни? А дожди въ этомъ году не редки. Не имѣя возможности *увеселить*

ихъ въ публичныхъ садахъ и въ другихъ заведеніяхъ подѣ открытымъ небомъ, какъ помѣстить ихъ въ театрахъ на двѣнадцать или пятнадцать тысячъ мѣстъ? еще не каждый подписчикъ пойдетъ въ раекъ. Все въ этомъ дѣлѣ превъзываетъ мистификацію!

Кстати о мистификаціяхъ. Какова журнальная летучая утка г-на Тома Дарвиля? Многіе изъ Парижскихъ журналовъ, почерпнувшіе это извѣстіе не изъ *перваго источника*, не на шутку разсердились на эту замысловатую продѣлку. Одинъ изъ нихъ, весьма степенный и серьезный, заказалъ своему редактору-экономисту большую статью, въ которой поручилъ ему тщательно рассмотреть вопросъ о таможахъ, почтахъ и проч., въ отношеніи къ изобрѣтенію, которое подастъ возможность цѣлымъ стаямъ тайно-проносчиковъ, миновать заставы и перелетать черезъ границы. Статья готова, набрана въ типографіи; вопросъ обсужденъ со всѣхъ фазовъ своей политической, экономической и стратегической занимательности; всѣ возможные послѣдствія, неудобства и выгоды предвидѣны и выведены; система безпошлиннаго ввоза развита во всей полнотѣ своей; новый *безтаможенный союзъ* обдуманъ, и вдругъ всѣ выводы, всѣ соображенія рушились отъ замѣны одного выраженія его синонимомъ. Искусство летать не *изобрѣтено*, а *выдуманно*! Гневъ журнала, вынужденнаго записать за статью, которая *бездально, безпошлинно* не пишется, былъ и смѣшонъ и трогателенъ. Пришлось утѣшиться тѣмъ, что мистификація открылась еще во вѣмля. Впрочемъ подобныя мистификаціи рѣдко не удивляютъ; въ особенности, если они относятся къ случаямъ хотя нѣсколько правдоподобнымъ. За нѣсколько предъ симъ лѣтъ былъ примѣръ, увѣчавшійся полнымъ успѣхомъ. Въ одномъ Марсельскомъ журналѣ напечатано было извѣстіе о камнѣ, съ барельефомъ, съ надписями, открытомъ на полѣ, черезъ которое некогда пролегала дорога Римлянъ. Изображеніе камня, съ снимками надписей, приложено къ журналу. Двое ученыхъ, члены такихъ-то и такихъ-то академій, написали въ мѣстныхъ періодическихъ листкахъ ученые статьи объ этой археологической находкѣ, вступили въ споръ о значеніи надписей, и сначала оба держались въ границахъ безпристрастной полемики. Мало по малу различіе мнѣній раздражило ученыхъ, въ статьи ихъ начала вкрадываться вѣдкость личностей, и вскоре возгорѣлась ожесточенная война. Многія академіи вмѣшались въ споръ, защищая мнѣнія того или другаго изъ двухъ археологовъ. Наконецъ, между двумя соперниками дошло до оскорбленій, и никто не былъ удивленъ, прочтя вскоре въ одномъ изъ журналовъ извѣстіе, что одинъ изъ нихъ палъ подѣ ударами шпаги своего антагониста.

на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обрѣтенъ Римскій камень. Королевскій прокуроръ принялъ искреннее участіе въ этомъ дѣлѣ и предписалъ арестовать побѣдителя. Въ тоже самое время Эсская академія назначила сумму на приобрѣтеніе памятника.... А между тѣмъ все это была выдумка, и камень и дуэль. — Ничего не открыто,—никто не былъ убитъ.

Это не помѣшало, впрочемъ, добрымъ жителямъ прованскаго городка Сень-Формона, въ которомъ, по словамъ сочинителя этой мистификаціи, родился ученый мужъ, положившій животъ свой въ оборонѣ науки, воздвигнуть кенотафъ знаменитому ея соотечественнику, погибшему отъ неукротимаго рвенія своего къ истинѣ, въ ученыхъ изысканіяхъ. Видя этотъ памятникъ, какъ долженъ смѣяться про себя Мери, который часто бываетъ въ Сень-Формонѣ, проезжая въ Марсель, и который былъ сочинителемъ этой чудесной *утки*.

Бельгія, Германія и даже нѣсколько Парижъ, недавно были жертвами другой дерзкой мистификаціи. Публикованъ былъ каталогъ продававшейся бібліотеки покойнаго Графа Борзаса, наполненной самыми рѣдкими сочиненіями. Многія министерства назначили суммы на покупку этихъ рѣдкостей, никогда не существовавшихъ!

Въ заключеніе всѣхъ этихъ мистификацій, скажемъ нѣсколько словъ объ улитковомъ телеграфѣ.

3-го Августа многіе любопытные и невѣрующіе (въ числѣ ихъ находились Гг. Эмиль де Жирардешъ и Викторъ Гюго) присутствовали при опытахъ, произведенныхъ г-мъ Бенуа. Не станемъ описывать подробностей опыта, потому что самые производители не берутся объяснить нѣкоторыхъ совершившихся при этомъ явленій, а г. Жюльенъ Тарганъ, обычный исторіографъ этихъ необыкновенныхъ вещей, рассказывалъ видѣнное, также ни за что не ручается. Дѣло въ томъ, что нѣсколько словъ дѣйствительно были переданы съ одного конца сарая на другой, съ помощію двухъ азбукъ изъ симпатическихъ, магнетическихъ, электрическихъ улитокъ. Опыты будутъ продолжаться.—Подождемъ! сколько шансовъ для г-на Фалу, изобрѣтателя этого телеграфа, попасть въ академію на мѣсто покойнаго Дюпати!

Въ ожиданіи этого соблазна, расскажемъ о другомъ:

На бульварѣ оперы, на углу улицы Друо, на самомъ видномъ мѣстѣ Парижа, въ бельэтажѣ единственнаго дома, оставшагося еще несломаннымъ возлѣ совершенно уже разобраннаго дома Шуазеля, женщина, содержащая обѣденный столъ (*table d'hôte*), повѣсила на

углу дома, на двѣ улицы, двойную вывѣску, на которой, огромными синими буквами по бѣлому полю написано:

Г-жа Риперъ, сестра Г-на Тьерса, бывшаго председателя совѣта министровъ, даетъ завтраки по 1 фр. 50 сант., обѣды по 3 фр., для дамъ по 2 фр. 50 сант. Народъ съ утра до вечера толпится передъ этой вывѣскою.

Еще за нѣсколько предъ симъ лѣтъ эта же госпожа раздавала по рукамъ адресныя карточки—съ подобной же подписью; никто не обращалъ на нихъ вниманія; но теперь соблазнъ дошелъ до такихъ размѣровъ, что нельзя не удивляться, какъ начальство это терпитъ. Все, что известно о характерѣ, образѣ мыслей и чувствахъ г-на Тьерса, славнаго историка и государственнаго мужа; о его великодушной любви къ искусствамъ, о его поощреніяхъ и пособіяхъ многимъ писателямъ и артистамъ,—все заставляетъ думать, что эта родственница впала въ какой-нибудь неисправимый порокъ, что она утомила желаніе помогать ей и теперь оправдываетъ беззаботливость о ея участи низкою, непростительною местию.

Недавно полицейскіе, замѣтя скопище народа у этаго дома, пригласили трактирщицу снять вывѣску, какъ предметъ привлекающей толпу, но она показала имъ формальное дозволеніе мѣстнаго начальства, и они вынуждены были ее оставить.

Недавно умерла въ Парижѣ въ престарѣлыхъ лѣтахъ г-жа Ленорманъ, вдова содержателя типографіи, который вмѣстѣ съ г. Бертенемъ (старшимъ) основалъ въ 1797 году Журналъ Преній (*Journal des Debats*); сынъ ея до сихъ поръ печатаетъ этотъ журналъ. Она начала богатѣть торговлею иностранныхъ книгъ и впоследствии основала одинъ изъ значительнѣйшихъ домовъ Парижа. Однажды, когда имя ея сдѣлалось уже известнымъ, къ ней пришелъ молодой человекъ, и открылъ ей свое желаніе совершить путешествіе въ Грецію и къ святымъ мѣстамъ. Энтузіазмъ юноши понравился г-жѣ Ленорманъ и она ссудила ему 10,000 франковъ. Два года былъ онъ въ отсутствіи, и возвратясь въ 1805 году, привезъ рукопись съ заглавіемъ: *Путевыя записки изъ Парижа въ Иерусалимъ, Франсуа-Августа де Шатобриана...* Г-жа Ленорманъ издала рукопись, а равно слѣдовавшія за нею *Le genie du christianisme, Atlas, René* и проч. Замогильныя записки оказались неблагодарными къ этой умной и доброй женщинѣ, какъ авторъ ихъ былъ неблагодаренъ ко многимъ. Счастливы тѣ, которые помогали ему, которые любили его и на которыхъ онъ изъ-за могилы не бросилъ насмѣшки или оскорбленія!

Въ это время г-жа Ленорманъ дѣлала значительные обороты по своей торговлѣ. Она издала *Лексиконъ Ноэля, Уроки литературы и нравственности и проч.* Когда она оставила дѣла, къ ней ѣзжали многія политическія и академическія знаменитости. Г. де Фонтанъ былъ ей преданъ. Въ послѣдствіи, когда она пожелала разстаться съ свѣтскою жизнію, она удалилась въ помѣстье, недалеко отъ Бьевра, принадлежавшее прежде Жюно д'Абрантесъ.

Г-жа Ленорманъ издала записки своей совиенницы, известной гадательницы, которая гадала Наполеону, и которой онъ далъ сто тысячъ франковъ. Обѣ Ленорманъ жили въ одномъ кварталѣ города: издательница при улицѣ Сены, а Сивилла при новой улицѣ Сены. Общее имя, одновременность улицъ и близость жительства, подавали часто поводъ къ ошибкамъ. Вотъ одна изъ нитъ, которая характеризуетъ издательницу:

Въ одно утро, молодая дѣвушка, встревоженная, почти потерявшаяся, вбѣгаетъ къ ней. «Вы, говорятъ, читаете въ будущемъ.... Помогите мнѣ.»

Г-жа Ленорманъ внимательно посмотрѣла на незнакомку; видѣть, судя по наружности, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и послѣ нѣсколькихъ пустыхъ вопросовъ, которые, впрочемъ, утверждаютъ ее въ подозрѣніи, говорить ей:

— Вы покинули родителей?— Да!— Вы увлекаетесь страстною любовью?— Да!— Онъ уговорилъ васъ бѣжать съ нимъ?— Да!— Вотъ настоящее, дитя мое....

— Но будущее, будущее?

— Вотъ и будущее: онъ васъ обезчеститъ.... Онъ васъ покинетъ.... Вы погибнете въ нищету и слезахъ..... Старикъ, вашъ родитель умретъ со стыда и отчаянія.... Вотъ ваше будущее!

Пользуясь смятеніемъ и доверчивостію бѣдной молодой дѣвушки, она успокоила мало по малу восторженность ея страсти, убѣдила ее, что есть еще возможность избѣгнуть угрожающей ей участи, посадила ее въ карету и отвезла къ родителямъ.

— Ахъ, сударыня, стало бытъ вы въ самомъ дѣлѣ волшебница, когда такъ хорошо угадали,—сказала спасенная дѣвушка!

— Нѣтъ, дитя мое.... Но я мать!

Удивительно, что *Journal des Debats* ничего не упоминаетъ о женщинѣ, вполнѣ заслуживающей его уваженіе и память.

Важнѣйшее изъ современныхъ литературныхъ событій есть появленіе въ свѣтъ сочиненія Ламартина *l'Histoire de la Restauration*, изъ которой многіе отрывки были помѣщены въ журналахъ. Пѣвецъ *Гармоній* превзошелъ теперь плодovitостію всензвѣстнаго

сочинителя Монте-Кристо. Со времени февральской революціи, самаго громкаго изъ его произведеній, г. Ламартинъ нашелъ средство, управляя немножко, или даже слишкомъ много, Франціею, немножко законодательствуя, немножко путешествуя по Востоку и по другимъ странамъ земнаго шара, нашелъ средство, говоримъ мы, издать въ свѣтъ нѣсколько сочиненій, на которыхъ имя его поставлено не въ родъ фабричнаго клейма, не въ обиду другимъ будь сказано. Г. Ламартинъ работаетъ одинъ, и вотъ что произвелъ онъ въ три года:

Признанія, потомъ *Новыя признанія*, — *Тусень Лувертюръ*, — эническая драма, *Рафаель*, — *Исторія революціи 1848 года*, — *Женевева*, — *Грашльщикъ изъ Сень-Пугень*, (*le Tailleur de pierre de Saint-Point*) — и *Исторію реставраціи*, которой четыре огромные тома уже готовы. Прибавимъ къ этому два полные листа печати, которые онъ долженъ доставить каждый мѣсяць въ редакцію *Conseiller du Peuple*, большой томъ предисловіи къ полному изданію его сочиненій, на которое подписка не отвѣчала ожиданію, и кучу статей въ его журналъ *le Pays*.

Мы не намѣрены приниматься за критическій разборъ этихъ сочиненій; мы не будемъ изслѣдовать, почему журналъ, заплатившій очень дорого за *Tailleur de Saint-Point*, вынужденъ былъ, не теряя времени, снова обратиться къ г-ну Сю, и какъ другой журналъ, чтобы поддержать себя при этомъ паутинномъ сотрудничествѣ, не убоился суда исправительной полиціи и помѣщалъ въ своихъ столбцахъ иллюстрированные рассказы — Бокармэ. Мы хотимъ сказать не съ недружелюбіемъ, а съ чувствомъ грустнаго участія, что горестно видѣть, какъ человекъ съ такою славою безчестить себя торговлею; — что люди, не снискавшіе такой известности, гибли въ подобныхъ трудахъ. Можно ли повѣрить, что одинъ журналъ даетъ г-на Ламартина подписчикамъ, какъ премію, и прибавляетъ къ нему путешествіе по морю, такъ что подписчикъ считаетъ знаменитаго писателя ни во что, и цѣнитъ только удовольствіе морской прогулки. Самый посредственный литераторъ едва ли на это согласится, а человекъ такого значенія, такое громкое имя, терлется въ такихъ мелочныхъ оборотахъ. (*)

Что хуже всего, что для достиженія такой плодовитости, необходимо прибѣгать къ уловкамъ, послѣ которыхъ самое сочине-

(*) На путевыхъ дворахъ желѣзныхъ дорогъ изъ Парижа къ гаванямъ пролива, разложены большія желтыя афишки, на которыхъ огромными буквами написано: «*повѣдка въ Лондонѣ безденежна; подпишитесь на журналъ г. Ламартина: Pays*».

вѣ становится только средствомъ къ достиженію цѣли—денетъ. Для этаго обыкновенно берутся два извѣстныхъ сочиненія объ одной и той же эпохѣ. Одно изъ нихъ кладется по правую руку,— другое по лѣвую, а писатель садится по срединѣ, и пишетъ, взглядывая то на право, то на лѣво, и вплетая въ свою рукопись все, что можетъ привести себѣ на память изъ эпохи, съ героями которой онъ жилъ; пишетъ и не прочитываетъ, по недостатку времени, и вписываетъ, для увеличенія объема сочиненія, все имена и прозванія дѣйствующихъ и не дѣйствующихъ лицъ, описываетъ мѣстности, города и прибѣгаетъ къ тысячѣ другихъ хитростей, чтобы продать редакцію. Напримеръ: Робеспьеръ вездѣ является съ именемъ *Максимиліана*, которое приноситъ столько сантимовъ, сколько въ немъ буквъ. Этимъ средствомъ выигрывается листъ другой на каждомъ томѣ.... и досадно и жалко!

Чѣмъ же извинить это? извиненіе на все найдется. Шатобрианъ сказалъ: *tout comprendre, serait tout pardonner*. Кажется, что г. Ламартинъ не имѣетъ довольно духу, чтобы свергнуть съ себя бремя изъ которыхъ привычекъ, весьма тягостныхъ въ частной жизни. Со времени переворотовъ въ его состояніи, онъ не отпустилъ ни одного лакея, не продалъ ни одной лошади. Вотъ для чего онъ работаетъ. Чтобы жить большимъ баринкомъ, быть снисходительнымъ съ фермерами, сострадательнымъ къ бѣднымъ, всегда великодушнымъ, онъ истощаетъ свои умственные способности и губить свою славу. Какъ не вспомнить при этомъ недавно умершаго бѣднаго полудумнаго поэта Ласалли, который, видя, какъ Ламартинъ отправлялся на Востокъ на четырехъ судахъ, написалъ къ нему: «Вы отъѣзжаете такъ далеко, а я не могу добраться и подѣ тѣнь дерева, не имѣя бышмаковъ!» Поэтъ вынулъ тысячу франковъ изъ дорожнаго кошелька своего и отослалъ поэту-завистнику, при письмѣ, исполненномъ ума и чувства.

Г. Ламартинъ живетъ теперь въ Виллѣ *Мадридъ*, въ Булонскомъ лѣсу. Онъ встаетъ съ восходомъ солнца, пьетъ очень много чаю и работаетъ отъ тринадцати до четырнадцати часовъ въ сутки. Онъ все пишетъ самъ, кромѣ журнальныхъ статей, которыя диктуетъ. Онъ окончилъ уже половину *Исторіи Реставраціи*, за которую заплачено ему 200,000 фр. по 25,000 фр. за томъ. Онъ доставляетъ издателю по одному тому въ мѣсяцъ. Г-жа Ламартинъ переводитъ это сочиненіе на англійскій языкъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышелъ X ѳ томъ *Исторіи Консульства и Имперіи* г-на Тьерса. Какой контрастъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ! Г. Тьерсъ рассказываетъ *Иліаду* Ваграмской битвы; г.

Ламартинъ написалъ Эпопею паденія побѣдителя. Едва три года протекли между этими событіями. Любопытно узнать, успѣтъ ли Исторія Реставраціи способствовать *пересмотру* (la revision) республики 1848 года какъ Исторія Жиронды способствовала низверженію монархіи 1830 года. Ваграмская битва г. Тьерса прекрасна и до того очаровываетъ читателя, что онъ невольно становится Наполеонистомъ, какъ г. Берье признается, что сдѣлался имъ, выходя изъ Жюльи, или, какимъ былъ самъ г. Тьерсъ, съ перомъ въ рукахъ, въ X-мъ томѣ своей исторіи, не смотря на свою грозную филиппику противъ смотровъ подъ Сатори.

Упомянемъ здѣсь кстати о двухъ томахъ исторіи Конвента, которые издалъ Барантъ, строгій судья революціи.

Въ Англіи издано *Путешествіе въ Америку* леди Стюартъ / Вортлей. Это одно изъ любопытнѣйшихъ путешествій.

Юсифъ Наполеонъ Рикарди написалъ *Исторію Революціи* Италіи въ 1848 году. Г. Рикарди историкъ добросовѣстный, хотя и слишкомъ пылкій. Г. Альфредъ Булено перевелъ это сочиненіе на Французскій языкъ.

Г. Гильоментъ издаетъ *Словарь политической экономіи* Сочиненіе это весьма важно, а прежніе труды г. Гильомента: *Collection des principaux économes*, и *Journal des économes*, десять лѣтъ уже издаваемый, ручаются за старательность изданія этого словаря.

Новое изданіе сочиненія г. Бастіа: *Les Harmonies économiques*, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній этой науки, дополненное многими статьями и матеріалами, заготовленными авторомъ для 2-го тома, весьма изящно.

Изданіе весьма замѣчательнаго сочиненія г-на Моро-Кристьяна, *Du problème de la misère, et de sa solution chez les peuples anciens et modernes*, окончилось выпускомъ 3-го, послѣдняго, тома

Но возвратимся къ Парижскимъ увеселеніямъ.

Афиши, проспекты, журналы и оклеенныя объявленіями стѣны домовъ, все говоритъ объ увеселеніяхъ. Но къ чему же столько увеселеній? Г. Ламартинъ, который старается теперь низвергнуть дядю, чтобы досадить *племяннику*, сказалъ однажды предержное слово: «Франція скучаетъ.» Это было въ царствованіе Людовика Филиппа. Гг. Горо, Пласъ и Ружьери удѣлились за этотъ парадоксъ, равно какъ и г. Рионъ (Адольфъ и Комп.), и рѣшили, что такое положеніе вещей, сносное прежде, вовсе теперь не годится, и потому они намѣрены умчать насъ въ вихрь удовольствій, о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали. Повѣрить всѣмъ ихъ обещаніямъ, есть тоже, что вѣрить изъясненіямъ уваженія, преда-

ности, высокопочитанія и покорности, которыми оканчиваются все письма. Но правы ли и господа увеселители, повѣрившіе г. Ламартину, что Франція скучаетъ? Французы очень хорошо знаютъ причины, по которымъ они въ полномъ правѣ грустить... но что за поводъ веселиться? Да они объ этомъ и не спросятъ. Спекулянты рѣшили, что они должны веселиться. Пожалуй, будемъ веселиться,—отвѣчаютъ они.—Грядущее угрожаетъ имъ гибельными событіями. Что нужны,—вѣдь и жирондисты пировали!

Однако, видя, сколько средствъ въ Парижѣ провести все это время и безъ помощи подрячиковъ на поставку удовольствій, трудно повѣрить, чтобы Парижъ скучалъ; развѣ что, какъ Юнгъ и Вертеръ, онъ находитъ въ этой скукѣ удовольствіе?

Посмотримъ, чѣмъ можно веселиться въ августѣ?

Во-первыхъ—обычныя, ежедневныя увеселенія.

Памятники, наполненные множествомъ замѣчательныхъ предметовъ, мало или вовсе неизвѣстныхъ бѣльшей части Парижскихъ жителей.

Музеи: живописи, скульптуры, древностей, драгоценныхъ камней, наконецъ двадцать музеевъ всѣхъ временъ и всѣхъ націй, собранные въ обширныхъ залахъ всѣхъ этажей Старого и Нового Лувра.

Музей новѣйшей живописи въ Люксембургскомъ Дворцѣ; артиллерійскій музей; музей Естественной Исторіи и Ботаническій садъ; музей Дюпонтрена; монетный музей; музей дома Клоуи и для спеціальныхъ людей множество кабинетовъ и галлерей минералогическихъ, геологическихъ, зоологическихъ, анатомическихъ, ботаническихъ и проч.

Сотни галлерей и собраній частныхъ.

Библіотеки, собранія рукописей, гравюръ, рисунковъ и проч.

Биржа, Банкъ, подвалы, наполненные слитками серебра и золота.

Прежнія Камеры депутатовъ и перовъ.—Академіи, залы заведеній, принадлежащія къ нимъ музеи и бібліотеки.

Путевые дворы желѣзныхъ дорогъ,—Стразбургскій, великолѣпнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ.

Июльская колонна и ея подземные склепы.

Вандомская и ея вершина.

Консерваторія музыки.—Любопытный музей искусствъ и ремеслъ.

Диорамы, полиорамы, панорамы, навалорамы, георамы и другія рамы удивительныхъ зрѣлищъ.

Церковь Парижской Божией Матери, ея башни, ея склепы. — Храмъ Св. Магдалины. — la Sainte-Chappelle.

Гобеленевская мануфактура, зеркальная фабрика; Обсерваторія, запасные магазины, Арсеналь; Ратуша; Національная типографія; Домъ Ивваландовъ, Домъ Капитула почетнаго Легіона, Вальде-Грасъ, Институтъ глухо-нѣмыхъ, нѣсколько замѣчательныхъ больницъ.

Тюльери, — Люксембургскій Дворецъ, — Монетный Дворъ.

Зданіе судовъ, — Счетная Палата и Государственный Совѣтъ, — Пантеонъ, его подземные склепы (гробницы Ж. Ж. Руссо, Вольтера, Фенелона и проч.), куполь его, господствующій надъ цѣлымъ Парижемъ, — келейныя тюрьмы, — Сорбонна и множество другихъ монументовъ и любопытныхъ мѣстностей, которыя выражаютъ обычаи, вкусъ, искусства, науку и исторію жителей столицы.

Гульбища: Тюльерійскіе сады, Люксембургскій, Сады Пале-ролла, Ботаническій, Елисейскія поля, Булонскій лѣсъ, Триумфальная арка Звѣзды, сверху которой открывается видъ на три департаменты.

Прибавьте къ этому представленію въ ипподромъ, съ трехъ до шести часовъ, — на Марсовомъ полѣ, скачки, аэростаты и проч. — національныя арены, и повсюду магазины роскошныхъ товаровъ, безчисленное множество ресторацій, кофейныхъ домовъ, кондитерскихъ, пассажи, крытыя галлери и проч., и проч.

Будемъ ли говорить объ окрестностяхъ Парижа? Во всѣ замѣчательныя загородныя мѣста ходятъ увеселительныя поѣзды, (trains de plaisir), омнибусы, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Компъень. Замокъ Франциска I-го, Музей, Паркъ, сады, оркестры музыки, публичныя танцы. Вечеромъ иллюминація, фейерверкъ, въ полчаса пути отъ Парижа.

Фонтенебло. Великолѣпный замокъ, въ которомъ жили: Францискъ I-й, Генрихъ IV-й, Лудовикъ XIII-й, Лудовикъ XIV-й, Лудовикъ XV-й, Наполеонъ и Лудовикъ Филиппъ, который возобновилъ и украсилъ его. Природа, искусство, историческія воспоминашя — все привлекаетъ въ этотъ прекрасный замокъ.

Антель. Деревня на берегу Сены, на опушкѣ Булонскаго лѣса. Любимое убѣжище Буало, Мольера, Расина, Лафонтена, Фраঙ্клина, Гельвеціуса, Кондерсета. Въ двадцати минутахъ отъ Парижа.

Шарантонъ. Известный домъ умалишенныхъ. Тамъ бываютъ лѣтомъ праздники. Въ двадцати минутахъ отъ Парижа.

Шуази-Леруа, на берегу Сены, замокъ, построенный двинцею де-Монпансье, родственницею Лудовика XIV, украшенный Лудовикомъ XV-мъ. Тамъ былъ устроенъ чудесный столъ, опускавшійся въ нижній этажъ и поднимавшійся съ кушаньями въ столовую, гдѣ царскіе собесѣдники были избавлены любопытныхъ слуха и взора прислуги.

Эженъ. Источникъ сврпой воды. Прекрасныя мѣста для прогулки, обширное озеро. По вечерамъ публичные праздники, балы; большой паркъ. Въ полудне отъ Парижа.

Дома на Сень (Maisons sur Seine). Замокъ, построенный Мансардомъ (изобрѣтателемъ мансарды, свѣтлицъ подъ крышею). Тамъ цѣлое сокровище предметовъ времени Карла IX, найденныхъ въ подвалахъ маршаломъ Мезономъ. Вольтеръ живалъ въ этомъ замкѣ, и сочинилъ тамъ *Эдипа* и *Артемизу*. Наполеонъ купилъ это помѣстье послѣ 1793 года и подарилъ его Маршалу Лашну, герцогу Монтебелло. Г. Лафитъ купилъ его отъ вдовы маршала и преобразовалъ паркъ въ образцовую усадьбу, которая сдѣлалась теперь почти большимъ городомъ. По воскресеньямъ публичные праздники. Въ двадцати пяти минутахъ отъ Парижа.

Мальмезонъ. Любимое мѣстопребываніе Императрицы Жозефины, которая тамъ скончалась въ 1814 году, и похоронена въ ближайшей церкви въ Рюэли. Наполеонъ подписалъ тамъ свое второе отреченіе отъ престола 29 іюня 1815 года. Собственность королевы Христины Испанской, которая купила ее въ 1812 году, чтобы спасти отъ разрушенія. Въ полудне отъ Парижа.

Марли. Замокъ и сады Лудовика XIV-го, опустошенные въ первую революцію. Тамъ устроена знаменитая гидравлическая машина, которой 225 насосовъ, погруженные въ рѣку, поднимаютъ воду на 167 метровъ выше уровня рѣки. Водоємъ въ тысячу метровъ, передающій эту воду въ версальскія трубы. Машина, поднимающая эту воду на 500 метровъ, для передачи въ водопроводъ. Полтора часа отъ Парижа.

Медонъ. Старый замокъ, построенный Филибертомъ-де-Лормъ для кардинала Лотарингскаго (cardinal de Lorraine). Новый замокъ построенъ Лудовикомъ XIV-мъ. Прежнее мѣстопребываніе герцога Бордосскаго. Обширная терраса на Сену, видъ на цѣлый Парижъ и на 186 селеній. Франсуа Рабелѣ былъ приходскимъ священникомъ въ Медонѣ. Въ полудне пути отъ Парижа.

Монморанси. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстовъ въ окрестностяхъ. Тамъ жилъ Ж. Ж. Руссо и тамъ написалъ онъ большую

часть своихъ сочиненій. Литтлхскій уроженецъ Гретри также обиталъ въ этомъ замкѣ. Въ полчаса отъ Парижа.

Валерианская гора (le mont Valerien). Высочайшее изъ окружающихъ Парижъ укрѣпленій. Тамъ похоронена г-жа Жанлисъ. Тридцать минутъ отъ Парижа.

Морфонтевь. Одна изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей. Рѣки, обширнѣйшія озера, гроты, скалы, лѣса и даже степь. Прежнее помѣстье Юсефа Бонапарте. Часъ пути отъ Парижа.

Нельи. Опустошенный, разрушенный, разграбленный замокъ Лудовика Филиппа. Въ нѣсколькихъ минутахъ отъ Парижа.

Рамбулье. Старинный замокъ съ пятью высокими башнями, гдѣ умеръ Францискъ I-й, въ 1547 году. Паркъ и сады Ленотра, пруды, заводъ мериносовъ. Публичныя празднества. Часъ пути отъ Парижа.

Роменвилъ. Прекрасныя рощи; мѣстность, прославленная романами Поль-де-Кока, гдѣ онъ и живетъ. Въ полчаса отъ Парижа.

Сенъ Клу, на берегу Сены. Замокъ, паркъ, сады. Генрихъ III погибъ тамъ въ 1589 году отъ кинжала Доминиканца Жака Клементія. Лудовикъ XIV распорядился тамъ постройками и подарилъ этотъ замокъ брату своему Генриху Орлеанскому. Въ 1782 году Орлеанская фамилія продала его Лудовику XVI-му, для Маріи Антуанеты, которая сдѣлала тамъ много украшеній. Тамъ совершилось въ 1799 году 18 брюмера, съ котораго началось величіе Наполеона. Въ 1814 и 1815 замокъ много пострадалъ. Карлъ X исправилъ его и жилъ тамъ лѣтомъ. Оттуда раздавалъ повеленія въ июль 1830 года. Великолѣпнѣ замка, роскошно украшеннаго образцовыми произведеніями искусства, парки и сады, прекрасное мѣстоположеніе на берегу Сены, ставятъ Сен-Клу въ числѣ прекраснѣйшихъ замковъ въ свѣтѣ. Тамъ живетъ теперь Президентъ Республики. Тридцать минутъ отъ Парижа.

Сенъ-Жерменъ. Развалины бывшаго новаго замка, построеннаго Генрихомъ IV, который любилъ это мѣстопребываніе. Лудовикъ XIII и Лудовикъ XIV тоже живали тамъ. Въ этомъ замкѣ умеръ Англійскій король Іаковъ II. Со временъ Лудовика Голстаго (Louis le Gros) тридцать королей и королевъ обитали этотъ замокъ. Любопытныя и пространныя постройки различныхъ эпохъ, суть памятники шести вѣковъ Французской Имперіи. Видъ съ террасы можно причесть къ лучшимъ во Франціи. Въ городѣ 15,000 жителей. На гору ведетъ атмосферическая желѣзная дорога. Ежедневные праздники, арены, спектакли и проч. Часъ пути отъ Парижа.

Ссо. Сады стариннаго замка, построеннаго Кольбертомъ. Резиденція г-жи Монтеспанъ. Изъ прежней оранжереи устроена балъная зала. Праздники, игры, иллюминаціи. Криволинейная желѣзная дорога въ мелкія извилины. Двадцать пять минутъ отъ Парижа!

Сееръ, на опушкѣ Сенклюдскаго лѣса. Извѣстная фарфоровая фабрика. Четверть часа пути отъ Парижа.

Сюрень. Единственное, можетъ быть, мѣсто на цѣломъ земномъ шарѣ, гдѣ обычай увѣнчанія добродѣтели (*le couronnement des rosières*) еще сохраняется. Этимъ дѣвицамъ дается сто экио въ придаюе. Праздники, весьма любимыя публикою.

Версаль. Въ этомъ имени все уже сказано. Городъ созданъ Лудовикомъ XIV. Одинъ изъ лучшихъ, если не лучший дворецъ въ свѣтѣ; паркъ, сады, пруды, фонтаны, оранжереи — все чудеса. Два замка Трианона. Музей, посвященный славы Франціи, основанный Лудовикомъ Филиппомъ, который издержалъ на это тридцать милліоновъ франковъ собственныхъ денегъ, и котораго портретъ мятежники 1848 года — прокололи. Три четверти часа пути отъ Парижа.

Къ этому следуетъ прибавить множество мѣстъ, отстоящихъ на выстрѣль отъ Парижа, гдѣ спекулятивность установила привлекательные ежедневные праздники, какъ напримѣръ, для дневныхъ увеселеній:

Шалеть Санъ-Суси, близъ Ссо; — Клермонъ сюръ Уазъ; — Бѣлый домъ (*Maison-Blanche*); — Вилеть, гдѣ бывають гонки на водахъ; — Фоли Аньеръ, всѣхъ родовъ игры, манежъ, ярмарки, разныя зрѣлища и вечеромъ балъ. Праздники въ Тернѣ, въ Мантѣ, въ Исси, въ Монпужѣ, въ Вильд'Авре, въ Лашапелъ Сенъ Дени, въ Мелумъ, скачки въ Муленъ и проч.

Теперь укажемъ вечернія забавы:

Замокъ цѣлтовъ. Балы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; въ воскресенье концертъ.

Шаторужъ. Праздники ежедневно, иллюминаціи, фейерверки, адскій оркестръ, изступленные танцы (*dîners eperducs*), растрепанныя обольщенія (*seductions echevelés*).

Сады Мабилъ. Одна изъ примѣчательностей Парижа. Оркестръ такъ хорошъ, что плясешь по невогѣ, даже сидя. *Rendez-vous* всѣхъ модныхъ лоретокъ и ихъ кавалеровъ или другихъ.... Балы по воскресеньямъ, праздники по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. *Rendez-vous* дипломатическихъ чиновниковъ. Не рѣдко и знатныя дамы вкрадываются туда, чтобы видѣть....

Въ числѣ заведеній подѣ открытымъ небомъ, гдѣ бывають танцы, музыка, тѣни, фейерверки, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ: la Closerie de lilas,—la Grande et la petite chaumière le chateau de tilleuls,—le Chateau d'eau,—l'Elisée Montmartre,—le Wauxhall,—l'Hermitage,—la boule noire,—le Ranelagh, и другія мѣста при заставахъ.

Касино-Паганини, въ срединѣ Парижа, возстановленное издателемъ музыки г-мъ Бернаромъ Латтѣ. Отборный оркестръ, публика не совсѣмъ отборная. Балы по понедѣльникамъ, четвергамъ и пятницамъ. Въ воскресенье концертъ.

Храмъ Асмодеа на Елисейскомъ полѣ, противъ садовъ. Представленія магии и призраковъ физика Лаказа и Индѣйскаго фокусника. Модные семейные спектакли.

Дворецъ обезьянъ. Обезьяны и ученые собаки, утѣха дѣтей и ихъ родителей.

Пѣвчіе кофейни (Cafés chantant): Café Мокка, на бульварѣ bonne Nouvelle. Константицъ, превосходный комическій пѣвецъ.

Пѣвчая кофейня солнечныхъ часовъ (ducadran), при Монтмартурской улицѣ. Тамъ играютъ иногда хорошіе артисты, отошедшіе отъ мѣста изъ провинціальныхъ оркестровъ.

Кофейня спящихъ, въ Палерояль. Тамъ бьютъ въ барабаны, такъ, что можно оглохнуть.

Кофейня Морель и *Кофейня пословъ* на Елисейскихъ поляхъ. Столы подѣ открытымъ небомъ, кіоскъ, наполненный музыкантами и пѣвцами. Тамъ случались проблески талантовъ. *Молодая птичница* (La jeune fille aux oiseaux) была артистка-львица Кофейни Пословъ.

Зала Аршера, рыбный бульваръ, опыты электро-магнетизма. Пропустимъ множество другихъ кофейныхъ домовъ, гдѣ каждый вечеръ толпа посѣтителей, и приступимъ къ театрамъ.

Театръ Оперы. Здѣсь проходятъ весь репертуаръ извѣстныхъ или бывшихъ извѣстными пьесъ, такъ, что иностранецъ можетъ въ непродолжительное время ознакомиться со всеми прежними и настоящими операми. Теперь ставятъ на этомъ театрѣ *Вѣчнаго Жиды*, либретто Скриба, музыка Галевы, для дебюта молодой, но уже славной пѣвицы Дрезденскаго театра—дѣвицы Лагрика.

Комическая опера. Представленія г-жи Угальдъ и Раймона; новая партіція г. Амбруаза Тома. Теперь ставятъ здѣсь оперу Мальяра, подѣ названіемъ: *Поцелуй дѣвы* (le baiser de la Vierge).

Французскій Театръ (Theatre Français). Много новыхъ талантовъ и часто новыхъ пьесы.

Одеонъ. Въ этомъ театрѣ не бываетъ зрителей.—Теперь это извнпительно, потому что онъ закрытъ.

Драматическая Гимназія (Gymnase Dramatique). Здѣсь ставить весьма старательно комедію Бальзака—*Un Cadet*, которая, какъ говорятъ, очень оригинальна.

Театръ des Varietés. На здѣшней сценѣ танцуютъ теперь Испанки, стройныя, гибкія, изящныя представительницы роскоши, вѣги и сладострастной выразительности Испанскихъ танцевъ. Новый директоръ, г. Карпье, кажется, подниметь этотъ театръ, такъ низко упавшій подъ управленіемъ знаменитаго Тибодо. Здѣсь играютъ теперь новость за новостью. *Гомонъ* Бераужера, олицетворенная дѣвицею Пажъ, имѣла здѣсь совершенный успѣхъ.

Театръ Водевилей откроется 1-го Сентября.

Національная Опера будетъ открыта въ началѣ того же мѣсяца, въ зданіи б. Историческаго театра. Г. Эд. Севестръ собралъ труппу прекрасныхъ пѣвцовъ и въ партіяхъ у него нѣтъ недостатка. Театръ будетъ открытъ оперою въ трехъ дѣйствіяхъ—*Колдунья*, слова г. Скриба и Густава Вагнера, музыка г. Буасельд. Главная роль будетъ исполнена дѣвицею Рувруа. За этой пьесой будетъ слѣдовать: *Бразильская роза*, музыка Фелисіана Давида, въ которой будутъ пѣть: дѣвица Гишаръ и Соле. Говорятъ также объ оперѣ *Улиссъ*, которую г. Понсаръ не хотѣлъ представить въ новый комитетъ Французскаго театра, и которой музыка, сначала ограниченная хорами, въ Гомерическомъ вкусѣ, развилась подъ полнымъ, профессорскимъ перомъ г. Гуно, автора партіи *Сафо*.

Театръ Монпансье, даетъ теперь самую увлекательную шутку (une folie) *Le chapeau de paille d'Italie*, которая наполняетъ каждый день залу театра, безъ малѣйшаго содѣйствія г-на Рюшъ и его тридцати дней увеселеній по пятидесяти сантимовъ.

Театръ Сенъ-Мартенской заставы. Успѣхъ пьесы *Сальваторъ Роза*, Фердинанда Дюге, снискалъ этому театру расположеніе публики. Мелингъ производитъ тамъ furor (Cosi dicono gli Italiani!). И здѣсь нечего дѣлать г-ну Рюшу съ его пятьюдесятью сантимами!

Театръ de la gaité. Тутъ играетъ Леметръ въ роли Кина,—этого довольно для успѣха. Теперь этотъ театръ возобновляетъ съ большою роскошью давнишнее волшебное представленіе, въ 18-ти картинахъ: *Семь замковъ дьявола*. Казначей театра общается себѣ болѣе тридцати дней удовольствія.

L'Ambigu comique приводитъ въ ужасъ цѣлый бульваръ пьесою бѣднаго Мерля: *Чудовище и Чародѣй*. Здѣсь ставятъ те-

перь *Исторію розы и Мошльцика*. Прекрасная собой и любимая публикою артистка г-жа Гюйонъ будетъ вскорѣ играть въ пьесъ, нарочно для нея написанной, двумя даровитыми сочинителями.

Національный Циркъ (le cirque nation^{al}) даетъ два раза въ недѣлю: *Застава Клшии*. Циркъ Елисейскаго поля привлекаетъ ежедневно многочисленную публику удивительнымъ искусствомъ своихъ наездниковъ и наездницъ, и неподражаемыми штукаами Американца Франклина на слабо-натянутомъ канатъ.

Остаются еще, хотя второстепенныя, но для многихъ не мене любопытныя зрѣлища: *Les Folies dramatiques*,—*les Delassements comiques*,—*les Funambules*, театръ *Lazary*,—Люксембургскій и множество концертовъ, представлений магіи, магнетическихъ, электрическихъ, пиротехническихъ, аэростатическихъ, алхимическихъ, пиррическихъ, физическихъ, метеорологическихъ, гимнастическихъ, кабалистическихъ, френологическихъ, комическихъ, трагическихъ, и многихъ другихъ. Никогда такъ много ученыхъ, какъ теперь, не посвящало себя наставленію и увеселенію публики.

Вотъ источники и средства для развлеченій въ Парижѣ, не говоря объ удовольствіяхъ общества, семейныхъ и гостеприимства;—и этимъ еще недовольны подрядчики увеселеній. Они думаютъ, что жажда веселиться въ парижанахъ такъ велика, что для погашенія ея нужно придумывать новыя увеселенія. Посмотримъ, что они придумали:

О г. Рюиъ нечего и говорить. — Кажется цѣль его заключается, какъ мы уже сказали, чтобы Горо, Пастъ и Ружіери заплатили ему за отступъ. Предпріятіе сихъ послѣднихъ надежныя, судя по капиталамъ, ввѣреннымъ Парижемъ, Франціею и даже нвоземцами.

Говорятъ, что итогъ подписки составляетъ уже пятьсотъ тысячъ франковъ, и эти средства позволяютъ приступить къ приготовленіямъ. Антрепренеры намѣрены воздвигнуть, такъ сказать, посреди Парижа другой монументальный городъ, и доставить жителямъ города, пріѣзжимъ изъ провинцій и иностранцамъ, великолѣпные праздники, небывалыя зрѣлища, собраніе увеселеній, которыя надолго бы оставили слѣды въ памяти зрителей, и которыя, приведя въ движеніе значительныя капиталы, принесутъ несомнѣнную пользу многимъ, даже изъ тѣхъ, которые придутъ веселиться.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль требовать отъ публики капиталы на приведеніе въ исполненіе такое огромное предпріятіе, смѣлѣсь перваго взгляда, но сообразивъ обстоятельства, успѣхъ почти

несомнѣнъ. Когда провинціальныя города, Валансьентъ, собралъ подпискою болѣе ста тысячъ франковъ на ярморочный праздникъ, а Лиль двѣсти пятьдесятъ тысячъ на музыкальное торжество, можно было надѣяться, что столица образованнаго міра въ состояніи дать требуемую министромъ Внутреннихъ Дѣлъ сумму. Дѣло начато, и подписныя листы наполняются быстро, и должно ожидать, что сумма, требуемая для исполненія смѣлаго помысла, вскорѣ накопится.

Восемьсотъ первыхъ подписчиковъ, принадлежащіе къ высшему купечеству Парижа, подали примѣръ и подписка пошла успешно. Многіе подписались на три, на пять, даже на десять тысячъ франковъ. Число внесшихъ по тысячъ и по пятисотъ франковъ очень велико.

Сообщаемъ извлеченіе изъ программы Гг. Гора, Пласъ и Ружіери, на восемь дней увеселеній, которыя Парижъ предложитъ Европѣ.

Первый день. Публичный праздникъ подъ открытымъ небомъ, триумфальный маршъ европейской промышленности. Обѣдъ на тысячу кувертовъ, въ зданіи Биржи, для основателей увеселеній. Для дамъ приготовлены мѣста на хорахъ, великолѣпно украшенныхъ. Угощеніе для посетительницъ.

Второй день. Выставка произведеній земледѣлія, цвѣтовъ и проч. Общества: хоровъ и гармошій, и музыки на трубахъ подъ дирекціею Адольфа Сакса, соберутся на конкурсъ, предшествуемый своими знаменами или значками.

Третій день. Большой музыкальный конгрессъ, подъ дирекціею г-на Сакса. Раздача премій въ залѣ празднествъ, построенной на Елисейскомъ полѣ. Вечеромъ концертъ и иллюминація въ національномъ дворцѣ, въ Люксембургѣ, на площади *des Vosges* и пр.

Четвертый день. Литературное и музыкальное торжество, въ честь великихъ людей всѣхъ странъ, въ Пантеонѣ.

Пятый день. Представленіе историческаго балета, съ пѣніемъ, декламациею и танцами, въ коемъ будутъ участвовать 2,500 лицъ. Въ этомъ спектаклѣ представлены будутъ всѣ постепенныя измѣненія (*les phases*) цивилизаціи. Слова сочинены г-мъ Меріа, музыка Фелисіаномъ Давидомъ, балетъ г-мъ Лакомбомъ.

Шестой день. Праздникъ въ Версальскомъ паркѣ. Фонтаны въ полной игрѣ. Дневное представленіе въ залѣ дворца, одного изъ образцовыхъ произведеній Французской сцены. Вечеромъ иллюминація парка и фонтановъ. Представленіе балета: *Альсина*, или *Очарованный островъ*—Мольера, на плоту устроенномъ на боль-

шомъ каналъ, какъ было при Лудовикѣ XIV въ 1665 году. Спектакль кончится пожаромъ и истребленіемъ острова, при великолѣпномъ фейерверкѣ.

Седьмой день. Большой балъ въ честь увѣнчанныхъ экспонентовъ всемірной выставки, Французовъ и иностранцевъ, — въ залъ, построенной на Елисейскомъ полѣ, въ которой можетъ помѣститься 25,000 человекъ. Угощеніе безденежно.

Восьмой день (Воскресенье) празднества и публичныя увеселенія во всѣхъ мѣстахъ столицы. Въ 10 часовъ утра народное молебствіе въ храмъ Парижской Богоматери и освященіе знаменъ всѣхъ націй міра. Музыка богослуженія сочинена нарочно на этотъ случай г-мъ Берліозомъ и посвящена принцу Алберту. Лондонской *Sacred harmonie society* будутъ посланы приглашенія, равно какъ Брюссельской, Гентской и Лилльской, чтобы они участвовали въ этомъ торжествѣ. Вечеромъ балъ, публичные спектакли, иллюминація въ цѣломъ городѣ, фейерверкъ на Елисейскомъ полѣ, при заставѣ du Trope и въ Люксембургѣ.

Подписка производится на слѣдующихъ основаніяхъ.

Итогъ потребной суммы составляетъ 1,500,000 франковъ.

Меньшая подписная цѣна 5 франковъ. За эти деньги выдается билетъ съ номеромъ серіи, и другой съ очереднымъ номеромъ которые даютъ право на тиражъ для выигрыша одного изъ 30,000 вынутыхъ по жребію мѣстъ (раздѣленныхъ также на серіи способомъ тиража), въ залы концертовъ, спектаклей, баловъ, пиршествъ при фейерверкахъ, право на тиражъ томболы, и кромѣ того на серебрянную позолоченную медаль въ память празднества и богато переплетенный экземпляръ отчета о празднествахъ.

Подписка въ 50 франковъ даетъ право на вѣрное мѣсто на балѣ, или на пиршествѣ въ зданіи биржи, или въ специальномъ спектаклѣ, или на большомъ концертѣ. Кромѣ того предоставляетъ право на случайность выигрыша, какъ сказано выше.

Кто внесетъ сто франковъ, тому предоставляется кромѣ вышеписанныхъ преимуществъ, *вѣрное мѣсто* (*place assurée*) на балѣ, на торжество, или два мѣста, для кавалера и дамы, на балѣ или на спектаклѣ.

Подписка въ 500 франковъ предоставляетъ титулъ основателя, два билета на балѣ, для кавалера и дамы, два мѣста въ спектаклѣ, одно на пиршествѣ въ зданіи биржи, приглашеніе на приемъ дамъ, два мѣста на фейерверкѣ и на праздникѣ въ Версали, — дипломъ на пергаментѣ, серебрянную позолоченную медаль и богатый экземпляръ отчета.

Подписка принимается у банкировъ Беше, Тома и комп., а сумма вносится въ Французскій банкъ. Если итогъ подписки не составитъ потребной суммы, подписные деньги возвратятся по принадлежности подписчикамъ. Если дѣло удастся, суммы поступятъ въ распределение особой комиссіи изъ 200 главнѣйшихъ подписчиковъ и комиссаровъ отъ правительства. Вотъ планъ и средства исполненія.

Увидимъ, удастся ли Парижу это замысловатое предпріятіе?

Во время похоронъ маршала Себастьяни, несчастный случай причинилъ Франціи невознаградимую потерю. Вся внутренность церкви въ Домъ Инвалидовъ и украшавшія ее знамена, которыми гордилось это государство, сдѣлались добычею пламени. Вотъ какъ это случилось. Церемонія похоронъ назначена была въ полдень. Съ десяти часовъ войска собрались на эспланадѣ, а почтенные остатки Французскихъ армій — инвалиды, разставлены были въ шеренги, на двухъ находящихся предъ церковью дворахъ, и во внутренности храма. Церковь украшена была траурными драперіями. Кругомъ разставлены были канделабры, а на алтарь горѣло множество свѣчей. Въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ трибуны были полны. Вдали слышно уже было пѣніе духовенства, приближавшагося въ процессіи, когда одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что свѣча, стоявшая на алтарѣ, сообщила пламя одной изъ драперій, позади алтаря. Рядовой пожарной команды и нѣсколько солдатъ республиканской гвардіи бросились тушить огонь, но въ церкви не было лѣстницъ, а длинные шести, съ мокрыми на концахъ губками, которыми пытались гасить огонь, привели въ движеніе драперію, еще усиливали пламя, которое быстро сообщилось другимъ драперіямъ и ближнимъ знаменамъ.

Настало ужасное смятеніе. Дамы бѣжали съ трибунъ, мужчины толпились при выходѣ, всѣ кричали, суетились, всѣ приказывали, — никто не исполнялъ приказаній.

Вскорѣ прибыла пожарная команда; ливейныя войска, Венсенскіе егеря и республиканская гвардія разставлены были цѣпью, и къ погашенію пожара приступлено въ порядкѣ. Но всѣ усилія остались тщетными. Пламя распростраилось съ немовѣрною быстротою, и почти все, что было въ церкви сгораемаго, — сгорѣло. При самомъ началѣ пожара, священникъ этой церкви былъ занятъ одною только мыслию. «Спасемъ тѣло маршала, спасемъ покойника», кричалъ онъ. Наконецъ просьба его услышана. Множество присутствовавшихъ бросились къ гробу и вынесли его, сначала на церковный дворъ, а потомъ на дроги, запряженные въ

четыре лошади, и стоявшія у воротъ церковнаго двора. Президентъ Республики, извѣстясь объ этомъ несчастномъ случаѣ, поспѣшилъ въ домъ Инвалидовъ и оставался тамъ до самаго окончанія пожара. Тогда какъ пламя свирѣпствовало еще въ церкви, не смотря на дѣятельность и усилія пожарной команды, важный вопросъ занималъ присутствовавшихъ министровъ, префекта полиціи и губернатора дома инвалидовъ: «Слѣдуетъ ли, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, отложить похороны маршала, или окончить обрядъ этого же дня?» По некоторомъ соображеніи, рѣшено не откладывать, и немедленно приступлено къ продолженію обряда. Родственники маршала, въ томъ числѣ генералъ Тибурцій Себастьяни, и юный Праленъ, внукъ покойнаго маршала, заняли свои мѣста близъ катафалка, впереди котораго стояли сослуживцы маршала. Кругомъ стояли украшенные орденами унтеръ-офицеры, выбранные изъ войскъ Парижскаго гарнизона. Обвѣхавъ дворъ при пушечной пальбѣ, кортежъ остановился предъ церковью. Генералъ Лавестинъ вкратцѣ разсказалъ славную жизнь маршала. Какъ во внутренности церкви пожаръ не совсемъ еще прекратился и пожарныя трубы еще тамъ дѣйствовали, то гробъ обнесли боковымъ коридоромъ въ церковныя склепы, и тамъ устроивъ подвижной алтарь, посреди густаго дыма и стоя ногами въ водѣ, разлитой пожарными трубами, пропѣли *de profundis*.

Эта сцена, вдали великолѣпія свѣта, тронула всѣхъ присутствовавшихъ. Многіе были поражены при мысли, что покойнаго маршала преслѣдовалъ какой-то фатализмъ даже и по смерти.

Потери, въ матеріальномъ значеніи, не велики. Но сколько знаменъ славныхъ памятниковъ лишилась Франція! Нѣсколько знаменъ спасены, но большая часть сгорѣла или повреждена. Къ симъ послѣднимъ принадлежитъ *зонтикъ* Марокскаго Императора. Этотъ трофей юной Алжирской арміи спасенъ г-мъ Греланомъ и бывшими съ нимъ солдатами.

(Изъ журнала *Patrie*.)

Докторъ Паулусъ назначилъ профессора Рейхлинга-Мельдега не только своимъ душеприкащикомъ, но и наследникомъ богатаго собранія своихъ рукописей, въ коемъ, кромѣ множества сборниковъ о догматикѣ, о нравоученіи, церковной исторіи и т. д., заключаются примѣчательные дневники покойника, впродолженіи ученаго путешествія по Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи. Здѣсь описаны многія важныя лица, мѣста и обстоятельства времени. Мы должны упомянуть также объ обширной перепискѣ съ знаменитыми мужами и женами нашего времени: Шиллеромъ, Жанъ

Полець, Гердеромъ, Лаватеромъ, Августомъ Вильгельмомъ и Фридрихомъ Шлегелями, Гегелемъ, Фоссомъ, Ернестиною Фоссъ, г-жею Вейтъ, уроженною Мендельсонъ, послѣ женою Шлегеля. Бумаги Паулуса проливаютъ большой свѣтъ на классическое время Иены и Веймара, а особенно о Гете, Шиллеръ, Гердеръ и Виландъ.

Смерть стараго Окена лишила высшее Цюрихское училище знаменитато имени, но не составила чувствительной потери. Его лекціи, по причинѣ устарѣлой методы, находили мало сочувствія и были рѣдко посѣщаемы. Окенъ, въ послѣдніе года своей жизни, былъ слишкомъ разстроены духомъ. Онъ не могъ простить Германіи то, что она позабыла объ немъ, какъ объ ученомъ и политикѣ. Происшествія 1848 года не произвели на него почти никакого впечатлѣнія. Окенъ, подобно многимъ другимъ въ старости, дѣлался безпрестанно охранительнѣе, и знакомые прежнихъ лѣтъ, посвящавшіе его въ Цюрихъ, не узнавали въ немъ прежняго, такъ называемаго, пламеннаго патріота временъ студенческихъ.

Общественная Лудернская бібліотека обогатилась богатой церковной бібліотекою монастыря Святаго Урбана—около 40,000 томовъ. Аукціонная продажа дублетовъ (около 7 т.) началась недавно. Между этими дублетами много теологическихъ и историческихъ сочиненій, по большой части относящихся къ Іезуитамъ, весьма рѣдкихъ.

ВЕЧЕРНЯ ВЪ ВЕЛИКОЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ (*).

Великая Константинопольская Церковь доселѣ сохранила древній обычай отправлять вечерню въ первый день Святыя Пасхи съ нѣкоторыми особенностями, придающими богослуженію нарочитую торжественность. Вселенскій Патріархъ не только присутствуетъ при семъ богослуженіи, но и совершаетъ оное самъ со всѣмъ освященнымъ Соборомъ. Это не вечерня, какъ называютъ ее Греки, но *δεύτερα ἑσπέραις* — второе воскресеніе. Многочислѣннѣйшее стеченіе Православнаго народа всѣхъ племенъ и націй, въ разнообразныхъ костюмахъ и съ лицами оживленными веселіемъ и радостію, обыкновенно возвышаетъ общую радость праздника и самую торжественность богослуженія. Но эта праздничная ра-

(*) Это описаніе принадлежитъ достопочтенному духовному лицу изъ Русскихъ, и доставлено въ Редакцію при благосклонномъ посредствѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго.

дость православия весьма значительно усугублена была нынѣ присутствіемъ при Патріаршемъ служеніи самыхъ представителей православныхъ народовъ. Депутаты Сербскій и Молдо-Влахійскій, Греческій Посланникъ Метаксасъ, съ чиновниками своими, и наконецъ Русскій Посланникъ Владиміръ Павловичъ Титовъ, съ первымъ Русскимъ Драгоманомъ Аргиропуло, съ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Лелли и съ Секретарями Миссіи посѣтили Святѣйшаго предъ вечернею, и потомъ всѣ они присутствовали при службѣ Божіей. Зрѣлище было трогательное и весьма утѣшительное для сердца православнаго. Если когда, то въ это богослуженіе маститый Кириархъ Константинопольскій видимъ былъ Патріархомъ Православно-Вселенскимъ.

Я вошелъ въ Синодиконъ около половины одиннадцатаго часа дня. Всѣ означенные сановники уже были тамъ и сидѣли по лѣвую сторону Патріарха. Поздравивъ Его Святѣйшество съ праздникомъ, и принявъ отъ него благословеніе, я помѣстился тамъ же, между своими. Вскорѣ за тѣмъ, по знаку Патріарха, вторствующій Иеродіаконъ подошелъ ко мнѣ и отъ имени Святѣйшаго предложилъ: не хочу ли я участвовать съ нимъ въ вечернемъ богослуженіи и прочитатъ Евангеліе на Славянскомъ языкѣ. Съ радостію принято было мною это предложеніе, тѣмъ паче, что г. Посланникъ изъяснилъ на то полное согласіе. Между тѣмъ, посреди Синодальной залы, въ которой мы были, на кругломъ столѣ разложено было полное патріаршее облаченіе, между конемъ обращали на себя особенное вниманіе золотая корона древней формы Византійскихъ Царей, съ жемчужными и діамантовыми украшеніями, брилліантовый евокліонъ, принесенный въ даръ Византійскимъ Императоромъ Θεодосіемъ Пресвятой Богоматери на ея всечестную икону, именуемую Влакернскою, и приносимый на сей разъ въ патріархію, для возложенія на себя Святѣйшимъ, и наконецъ золотой крестъ, не большой и не богатый по веществу и работѣ, но неоцѣненный по заключающейся въ немъ Святынь: — это частицы отъ животворящаго древа Господня.

Спустя не много по моемъ приходѣ, вошли въ залу Преосвященные Митрополиты, и по обычномъ цалованіи Патріарха, съли по правую руку его. Въ одиннадцать часовъ вошли Иеродіаконъ, Иеромонахи и Архимандриты, для принятія благословенія, и по облаченіи, послѣдніе два чина расположились въ ближайшей залѣ, а Архидіаконъ и Девтеревонъ съ кадильницами, три Иеродіаконъ съ рипидами и большимъ выноснымъ крестомъ, шесть Иеродіаконовъ съ трикиріями и дикиріями, предшествуемые Лампадаріемъ и пѣв-

чими (восемь человекъ, и все они въ мирской одеждѣ), снова вошли въ залу синодальную и расположились предъ столомъ. По знаку Протосинкелла, наблюдавшаго за порядкомъ церемоніи, я взялъ благословеніе у Патріарха, а за мною и все Митрополиты, и стали все облачаться въ полное облаченіе, также какъ и самъ Святѣйшій. Цѣвчіе пѣле: *да возрадуется душа моя о Господь*, а Архидіаконъ возглашалъ изъ псалмовъ то же самое, что и у насъ при облаченіи Преосвященныхъ.

При окончаніи облаченія, процессія двинулась изъ Синодикона въ слѣдующемъ порядкѣ: первѣе шелъ Ламнадарій, за нимъ два Іеродіакона съ рипидами, и въ срединѣ ихъ Іеродіаконъ съ крестомъ, за тѣмъ Іеродіаконъ съ трикиріями и дикиріями, а за ними Архидіаконъ и Девтеревонъ съ кадилами; потомъ четыре чета Іеромонаховъ и двѣ Архимандритовъ; за ними Протосинкеллъ и Великій Економъ несли большое серебряное Евангеліе, пожалованное патріарху отъ нашего Двора. Я сталъ въ рядъ Архимандритовъ предъ Евангеліемъ, но Святѣйшему угодно было, чтобы я шелъ за Евангеліемъ; за мною непосредственно слѣдовали Преосвященные въ каллимавхіяхъ съ клобуками и съ Евангеліями въ рукахъ. Рядъ Святителей заключалъ Первосвятитель, держа въ одной рукѣ, также небольшое, Греческое Евангеліе, весьма хорошо оправленное въ серебро, а въ другой — свой Патріаршій жезлъ (гораздо выше нашихъ Архіерейскихъ посоховъ, формою костьля и безъ сулка). Такимъ образомъ шестіе Патріарха на вечерню было въ собственномъ смыслѣ *со славою*.

Спустившись на послѣднюю террасу крыльца, и видя предъ собою море волнующагося народа, наводнявшаго всю площадь двора Патріаршаго, а вокругъ себя — многочисленный соборъ освященныхъ, послѣдуемыхъ сонмомъ Преосвященныхъ, и наконецъ самимъ Протокиріархомъ Православія, я трепеталъ отъ душевнаго восторга и невольно перенесъ мыслію къ минувшимъ временамъ Юстиніановъ и Константиновъ, когда Православная Церковь Божія сіяла полнымъ блескомъ своего величія и славы.

Девятисотчисленный клиръ и величественнѣйшій въ мірѣ храмъ Премудрому Богу, Богу въдомому и Живому, блеснули въ моей памяти, какъ свѣтлые метеоры, давно исчезнувшіе во мракъ прошедшаго. Я готовъ былъ предаться сладкимъ мечтамъ о Св. Софій, но предстоявшая существенность остановила мои восторги. Предъ нами былъ храмъ, въ который направлялось наше шестіе; предъ нами было убогое тѣмъ же богатымъ Святилище, воздвигнутаго рукою безсмертнаго Юстиніана; предъ нами было четверо-

угольное здание, болѣе похожее на обыкновенный домъ, чѣмъ на Христіанскую церковь,—зданіе мрачное, поникшее подъ черепичною плоскою крышею,—зданіе весьма тѣсное для вселенскаго престола, и безъ главы *возглавленное* желѣзнымъ крестомъ. Вотъ, думалъ я, живое изображеніе внѣшняго, а можетъ быть, и внутренняго, внѣшняго состоянія Великой церкви Константинопольской! Но я подавилъ въ себѣ эту скорбную мысль, какъ неблаговременную и несомвѣстную ни съ величіемъ праздника, ни съ торжественностію священной процессіи.

Протѣснвшись сквозь густую массу народа, мы вошли въ храмъ западными дверями. Нельзя передать Русскому, небывавшему на Востокъ, того, что представила взору моему внутренность храма; ибо наши храмы много не похожи своимъ внутреннимъ устройствомъ на храмы Греческіе. Не говоря уже о помостѣ церковномъ, клиросы и, такъ называемыя, стасидіи (отдѣльныя мѣста для стоянія, устроенныя по срединѣ церкви въ два ряда и по стѣнамъ, почти отъ дверей до иконостаса) покрыты были народомъ въ фескахъ и безъ фесокъ, держащимся за что только было можно. Казалось, люди стояли одни на головахъ другихъ, въ нѣсколько рядовъ.

По прибытіи въ алтарь, Митрополиты стали вокругъ престола, съ трехъ сторонъ; меня поставили прямо противу Патріарха, который одинъ стоялъ у лицевой стороны Св. трапезы. Всѣ прочіе, Архимандриты и Геромонахи, стали позади насъ, образуя второй рядъ. Непосредственно за симъ, Святѣйшій принималъ отъ Архидіакона кадило, и знаменуя онымъ крестообразно Св. престолъ, возгласилъ: *Δοξὰ τῆς αὐτῆς καὶ ὁμοουσιῶ καὶ ἑσώτου* и пр. По пропетіи въ алтарь и на клиросахъ по трижды: *Χριστὸς ἀνέστη*, Патріархъ началъ возглашать стихи такимъ образомъ: стоя предъ престоломъ, по срединѣ: *да воскреснетъ Богъ*; перешедъ на правый уголъ престола: *яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ*; ставъ на юговосточномъ углѣ онаго: *такъ да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія*; потомъ предъ престоломъ, по срединѣ, лицомъ на западъ: *Сей день, его же сотвори Господь*; на сѣверовосточномъ углѣ онаго: *Слава*, на Сѣверозападномъ и нынѣ. Митрополиты и всѣ освященные, стоявшіе въ алтарь, раздѣлившись на двѣ стороны, отвѣтствовали на каждый стихъ Патріарха пѣніемъ: *Христосъ воскресъ*, по Гречески и по Русски, попеременно. За тѣмъ обычная сктевія и *Господи воззвахъ*.

Во время продолжительнаго пѣнія на *Господи воззвахъ*, Патріархъ, предшествуемый лампадаріемъ, осмью діаконами и че-

тырѣмъ ~~мѣстами~~ (*), началъ каженіе, по окончаніи коего, при пѣніи *славъ*, онъ возвратился въ алтарь, а при пѣніи *и нѣмъ* снова вышелъ изъ онаго съ жезломъ, въ сопровожденіи всѣхъ Іереевъ и Діаконовъ, и сталъ на тронъ (Патріаршій тронъ стоитъ не посреди церкви, какъ у насъ Архіерейскія кѣседры, а на правой сторонѣ церкви, лицомъ на Сѣверъ); когда же началось пѣніе: *Свѣте тихій*, онъ оставилъ тронъ, и, освѣнивъ народъ въ Царскихъ вратахъ, сталъ предъ престоломъ. За тѣмъ по пропѣніи Митрополитами великаго прокимна, возглашеннаго самимъ Патріархомъ, Святѣйшій взошелъ на горнее мѣсто (*εἰς τοῦ δὲ ὑβροῦν*), для чтенія Евангелія. Четыре Митрополита стали на возвышеніи, по правую руку его (на левой стояли посланники и депутаты съ своими чиновниками); а прочіе остались по ту и другую сторону престола. Для меня поставленъ былъ аналой съ славянскимъ Евангелиемъ, въ Царскихъ вратахъ, лицомъ къ народу; Протосвященникъ сталъ на первыхъ ступеняхъ Патріаршаго трона, въ самой церкви, а Архидіаконъ на своемъ амвонѣ. (Діаконскій амвонъ находится при одномъ изъ столбовъ, въ срединѣ церкви, какъ наши проповѣдническія кѣседры, только гораздо выше ихъ).

Началу чтенія Евангелія предшествовалъ довольно пріятный звонъ въ три полуколокольчика, держимыя параклисіархами въ разныхъ мѣстахъ алтаря. Въ это же самое время зажжены были всѣ поликандила и всѣ свѣчи, бывшія во храмѣ предъ мѣстными иконами и въ рукахъ предстоящихъ. Тройственный свѣтъ, — свѣтъ разноцвѣтныхъ агіокерій предстоявшаго народа, свѣтъ хрустальныхъ кандилъ изъ-подъ сводовъ храма, и свѣтъ яркаго, полудневаго солнца, слившійся въ одно лучезарное блистаніе, — казался какъ бы изображеніемъ того божественнаго свѣта, коего исполнилось, въ востаніе Христова, небо же и земля и преисподняя.

Чтеніе началъ Патріархъ на Греческомъ языкѣ словами: *и о сподобитися намъ*. Всѣхъ читающихъ было двѣнадцать лицъ, и всѣ въ свою чреду повторяли возглашенное Патріархомъ на четырехъ языкахъ: на Греческомъ, Славянскомъ, Арабскомъ и Турецкомъ. За тѣмъ: *премудрость прости, услышимъ Святаго Евангелія*, повторенное также всеми. Благожеланіе мира преподавъ одинъ Святѣйшій, а потомъ за нимъ всѣ повторили: *отъ Іоанна Святаго Евангелія чтеніе, вонмемъ*. Евангеліе — *Суцу позда*, раздѣлено было, при чтеніи, на пять частей, и при окончаніи каждой части, каждымъ изъ лицъ читающихъ раздавался звонъ въ тѣ же мадые кампаны, — звонъ подобный нашему, называемому пере-

(*) Родъ Турецкихъ Полицейскихъ нижнихъ чиновъ.

боромъ или переводомъ. Русскіе звуки, слышимые во храмѣ Греческомъ, въ нѣдрахъ самой матери нашей по вѣрѣ, и произносимые однимъ изъ служителей Церкви Русской—первородной Святой дщери ея, обратили на себя особенное вниманіе предстоящихъ. И среди всеобщей тишины, послѣдовавшей за шумомъ и криками тѣснившагося собранія, быть можетъ, не одинъ я думалъ при семъ, во глубинѣ души моей: и такъ воистинну однимъ и тѣмъ же духомъ движутся и живутъ православные Востокъ и Сѣверъ, ибо тамъ и здѣсь единъ Господь, едина вѣра, едино исповѣданіе, едино служеніе,—и что Святая Церковь Христова, не смотря на разстояніе мѣстъ и времени, воистинну, есть Церковь единая и соборная.

Чтеніе Евангелія продолжалось около получаса, и оно составляло существеннѣйшую часть богослуженія; ибо, по сказаніи за тѣмъ большой и просительной ектеній, священная процессія начала обратное шествіе изъ храма тѣмъ же порядкомъ, хотя не тѣмъ же путемъ. Выходъ послѣдовалъ въ алтарную дверь съ восточной стороны. Прекрасная, умилительная картина представилась взору моему по выходѣ изъ храма. Все пространство двора церковнаго и съ сей стороны, также какъ съ западной, и даже вся улица, прилегавшая къ нему, покрыты были множествомъ народа, большею частію простаго, но непоколебимаго въ исповѣданіи вѣры отцовъ своихъ. Не могли проникнуть во внутренность храма, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали появленія праздничнаго шествія, и когда показались Геронды-Святители, и въ главѣ ихъ самъ Кириархъ, такъ рѣдко видимый народомъ, все, что было внутри и вѣн двора, благоговѣнно преклонилось предъ освященнымъ соборомъ, и потомъ двинулось къ нему неотразимымъ приливомъ, не говоря, чтобы облобызать Св. Евангеліе, или принять благословеніе, но чтобы прикоснуться, по крайнѣй мѣрѣ, къ священной одеждѣ своихъ Архипастырей. Не смотря на усилія Патриаршихъ кавасовъ, употреблявшихъ всѣ мѣры, и даже не совсемъ кроткія, чтобы разрѣдить толпу, невозможно было идти впередъ. Наконецъ, открылась узкая тропа между двухъ стѣнъ народа, и шествіе началось. Евангеліе—эта новозавѣтная Святыня, этотъ истинный кивотъ Господень, заключающій въ себѣ слова Божія, изглаголанная не чрезъ Пророковъ, какъ древль, но чрезъ самого Единороднаго, предшествовало, какъ и прежде, сонму Иерарховъ, окруженныхъ христоробивымъ народомъ, въ веселіи празднующимъ Пасху новую и святую. Пѣвчіе начали пасхальные стиховны, и торжественные припѣвы: *да воскреснетъ Богъ и ра-*

сточатся врази его, довольно громко раздались подъ открытымъ небомъ. Такъ древній Израиль, освятивъ себя празднованіемъ законной пасхи, шелъ некогда отъ горы Синайской при подобныхъ восклицаніяхъ и въ предшествіи кивота Божія. И отыдоша отъ горы Господни, и кивотъ завета Господня предвидяше предъ ними. И бысть егда воздвизаху кивотъ, и рече Моисей: востани Господи, и да распылятся врази твои и да бѣжатъ всѣ ненавидящии Тебе (Числ. 10, 33, 34). Но тамъ было, думалъ я, все образы, все сѣни; мы же зримъ самое событіе тѣхъ образовъ; для насъ возсіяло изъ гроба истинное солнце правды; наша пасха не единолѣтній агнецъ отъ стада овчихъ, но Агнецъ Божій, предувѣщенный отъ сложенія міра.

Веселись убо и торжествуй, новый, благодатный Израиль! Твоя пасха законна, вѣчна въ роды родовъ. Престанеть время, небеса кануть, земля и яже на ней дѣла сгорятъ, но твоя радость не престанеть: она—радость вѣчная, тогда только начнется, когда плоды воскресенія твоего Искупителя откроются во всемъ безмѣрномъ величїи, и когда ты истѣе прїобщишься Пасхи священнѣйшей, самаго Христа, въ невечернемъ дни царствія Его.

Съ прибытіемъ въ Синодиконъ, пѣніе кончилось. Патріархъ, разоблачаясь, произнесъ отпускъ, и по разоблаченіи, благословилъ предстоящихъ и съѣлъ на обычномъ своемъ мѣствѣ. Такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, съѣли по ту и другую сторону его Митрополиты и посѣтители, и за тѣмъ началось обычное угощеніе. Святѣйшій былъ весьма доволенъ посѣщеніемъ Посланниковъ и особенно Русскаго. Долго и дружелюбно бесѣдовалъ онъ съ ними о различныхъ предметахъ. Наконецъ, въ исходѣ перваго часа по полудни, Посланники, а за ними и всѣ бывшіе въ злѣ, приняли благословеніе у Патріарха и стали расходиться. При благословеніи, Его Святѣйшество роздалъ всѣмъ и каждому по нѣскольку вызолоченныхъ цвѣтами яицъ. Вмѣствъ съ прочими отправился и я къ своей вечернѣ, благословляя и прославляя въ душѣ моей нима воскресшаго Жизнодавца.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТАНИНА.

ВѢСТИ ИЗЪ КІЕВА.

Торжественный актъ Университета; извлеченіе изъ отчета о состояніи его въ 1880/81 г.; прекрасный обычай въ Нльжинской гимназіи; торжественные акты прочихъ Кіевскихъ учебныхъ заведеній; Архимандритъ Агаангелъ; нльскольکو замѣтокъ о Софійскомъ соборѣ, кладь, погода, дачахъ, театрѣ и литературныхъ новостяхъ; солнечное затмѣніе 16 Іюля въ Кіевѣ; обзоръ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за истекшее полугодіе настоящаго года.

Въ ряду мѣсяцевъ, Іюнь замѣчательнъ преимущественно своими учебными торжествами. Его можно назвать мѣсяцемъ умственной жатвы, потому что въ немъ являются результаты учебной дѣятельности цѣлаго года. Присутствуя на этихъ скромныхъ праздникахъ ученой жизни, невольно испытываешь какую-то отраду, чувствуешь душевную гордость, видя торжество мысли человѣческой, блистательные плоды непрерывнаго, всесторонняго ея развитія. Рядъ этихъ праздниковъ—торжественныхъ актовъ—достойно начался въ Кіевѣ, въ этотъ году, актомъ университетскимъ, бывшимъ 10 Іюня. Въ 10 часовъ утра совершена была въ университетской церкви обѣдня настоятелемъ церкви, священникомъ, профессоромъ здѣшней Духовной академіи, Крамаревымъ; послѣ обѣдни отправленъ былъ молебенъ прибывшимъ въ Кіевъ Архимандритомъ монастыря Эсѣигоменъ—что на Аѳонской горѣ—Агаангеломъ, и окропленъ св. водою, освященною крестомъ изъ животворящаго древа, университетъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ производилась разнаго рода поправка. Въ часъ по полудни, по прибытіи въ университетскую залу торжественныхъ собраній Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Филарета, Его Преосвященства Викарія митрополіи Аполінарія, Его Сіятельства, исправляющаго должность Кіевскаго военнаго Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора, князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, Его Превосходительства г. Губернатора И. И. Фундуклея, Его Превосходительства, г. помощника попечителя округа, М. В. Юзефовича, знатнѣйшаго духовенства и высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, актъ начался пѣніемъ молитвы «Царю небесный». За тѣмъ Синдикъ университета, Н. И. Зубковичъ прочелъ отчетъ о состо-

яніи университета за истекшей 18⁶⁰/₆₁ академическій годъ; потомъ Деканъ физико-математическаго факультета, ординарный профессоръ Н. А. Дьяченко прочелъ написанную имъ рѣчь; въ заключеніе Синдикъ университета объявилъ темы, заданныя для соисканія награды медалями на будущій 18⁶¹/₆₂ акад. годъ, и провозгласилъ имена Студентовъ, удостоенныхъ медалями за поданныя ими сочиненія въ истекшемъ году. Актъ заключился пѣніемъ гимна «Боже Царя храни» съ аккомпаниментомъ музыки.

Я считаю не лишнимъ представить здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ отчета университетскаго, во 1-хъ потому, что объ актахъ здѣшняго университета, кромѣ газетныхъ объявленій въ 5 строкъ, нигдѣ ничего болѣе не было говорено, во 2-хъ потому, что извлеченія эти имѣютъ современный интересъ, болѣе или менѣе общій. Вотъ прежде всего ученые труды гг. Профессоровъ и преподавателей университета.

Ректоръ Траутфеттеръ приготовилъ къ печати, для помѣщенія въ Естественной Исторіи губерній Кіевскаго учебнаго округа, издаваемой Комисією, Выс. чайше учрежденною, «*о растително-географическихъ округахъ Европейской Россіи*».

Ординарный профессоръ Нейкирхъ продолжалъ начатое имъ сочиненіе: *Dichter kanon, oder Verzeichniss der lesenswerthesten poetischen Schriften aller Zeiten und aller Nationen*.

Орд. профессоръ Иванишевъ приготовлялъ къ изданію акты объ Уніи.

Профессоръ протоіерей Скворцовъ сочинилъ многія церковныя поученія, составилъ разныя статьи для журнала *Воскресное чтеніе*, занимался исправленіемъ и дополненіемъ для втораго изданія «*Записокъ по церковному законовѣденію*».

Орд. проф. Козловъ продолжалъ составлять монографію о *скорбуть*.

Орд. проф. Кесслеръ напечаталъ 2 статьи по Естественной Исторіи округа: 1) *о млекопитающихъ животныхъ* и 2) *птицы (породы?) воробьиныя*,—и приготовилъ къ печати статью: *птицы хищныя и куриныя*.

Орд. проф. Вальтеръ напечаталъ *Курсъ Анатоміи* и приготовилъ къ печати *Остеологию*, *Синдеологию* и часть *Миологиіи* и шесть журнальныхъ статей.

Орд. проф. Матвѣевъ составлялъ руководство къ *повысальному искусству*.

Исправляющій долги. орд. пр. Делленъ напечаталъ *Краткій*

историческая очерк вранскій Преческой литературы.

Экстраорд. Пр. Якубовскій приготовилъ къ печати статью о труде въ сельскомъ хозяйствѣ.

Исправл. должн. экстраорд. Проф. Метлинскій напечаталъ *Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи.*

Адъюнктъ Селивъ обработывалъ написанное имъ сочиненіе о *Драматической поэзіи въ Россіи; преимущественно о комедіи.*

Адъюнктъ Шульгинъ написалъ *Историческое изслѣдованіе о реформаторахъ, предшествовавшихъ Лютеру*, и продолжалъ начатое имъ сочиненіе: *о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго.*

Адъюнктъ Себодяктонъ написалъ по естественной исторіи округа двѣ статьи: 1) *о кристаллическихъ породахъ губерній Киевской, Волынской и Подольской*, и 2) *о породахъ и металлахъ осадчатыхъ Киевской губерніи.*

Адъюнктъ Дьяченко написалъ разсужденіе на степень доктора: *о кризиснѣ поверхностей.*

Адъюнктъ Вунге приготовилъ къ печати сочиненіе: *о теоріи кредита.*

Помощникъ Директора терапевтической клініки, Доцентъ Слободзинскій напечаталъ разсужденіе свое на степень Доктора медицины: *De respirationis mechanismo in preuritide et morbis quibusdam rhythmum observato.*

Сверхъ того, некоторые профессора и преподаватели университета совершили въ минувшемъ академическомъ году, по порученію Начальника округа, ученія поѣздки, имѣвшія цѣлю собраніе матеріаловъ для Естественной исторіи Киевскаго учебнаго округа.

Въ 18⁸⁰/₁ acad. году принято въ университетъ студентовъ 156, въ томъ числѣ на Историко-Филолог. Факультетѣ 11, на Физико-Математическій 16, на Юридическій 30 и на Медицинскій—98 человекъ. Всего въ настоящее время въ университетѣ св. Владимира состоитъ 611 студентовъ, сверхъ того—постороннихъ лицъ, посещающихъ университетскія лекціи, 32 человека. Въ теченіе года выданы дипломы и свидѣтельства на разные степени и званія 71 лицу.

Къ концу 18⁸⁰/₁ г. учебныя пособія университета находились въ слѣдующемъ состояніи: университетская бібліотека имѣетъ

88,707 томовъ, а библіотека института казенно-коштныхъ студентовъ— 4962 тома. Въ кабинетахъ: Зоологическомъ, находится 36,575 предметовъ, Минералогическомъ—12,032 номера минераловъ, окаменелостей, горныхъ породъ и инструментовъ; Физическомъ—439 приборовъ; милицъ-кабинетъ— 24,558 древнихъ монетъ и медалей; архитектурномъ—756 предметовъ; технологическомъ, технологической лабораторіи и собраніи машинъ и моделей для прикладной математики—1736 предм.; анатомическомъ и анатомическомъ театр 1717 препаратовъ и 369 разныхъ снарядовъ и принадлежностей; въ кабинетъ сравнительной анатоміи 2416 препаратовъ, а въ собраніи инструментовъ и снарядовъ для физиологическихъ опытовъ 108 номеровъ или 326 предметовъ; въ гербаріи 14 951 видъ сухихъ растений въ 34,550 экземплярахъ, въ ботаническомъ саду 4.769 видовъ растений, въ 31,945 экземплярахъ; въ химическомъ кабинетъ и химической лабораторіи снарядовъ и приборовъ 605 номеровъ, химическихъ произведеній, реактивовъ и матеріаловъ 1980 номеровъ; въ музей изящныхъ искусствъ и древностей 532 предмета; въ астрономической обсерваторіи 67 снарядовъ и приборовъ; въ собраніи художественныхъ произведеній, состоящемъ изъ отдѣленій живописнаго, скульптурнаго и гравировальнаго, 2736 предметовъ; въ собраніи агрономическихъ моделей и машинъ 213 номеровъ; въ фармакологическомъ собраніи снарядовъ и моделей 82, образцовыхъ лекарственныхъ веществъ 453, препаратовъ 147 и сочиненій 12 номеровъ.

Въ терапевтической клиникѣ, находящейся въ вѣдѣніи орд. Проф. Цыцурина, пользовалось въ теченіи минувшаго акад. года 168 больныхъ. Изъ этаго числа выздоровѣло 112, получило облегченіе 33, вышло въ прежнемъ состояніи 6, умерло 11 человекъ. За совѣтами въ клинику приходило 300 больныхъ.

Въ хирургической клиникѣ, находящейся въ вѣдѣніи орд. Проф. Караваева, пользовалось 130 больныхъ. Изъ нихъ выздоровѣло 89, получило облегченіе 15, осталось въ прежнемъ состояніи 14 и умерло 12. Сдѣлано операцій 124. За совѣтами приходило 695 больныхъ; имъ сдѣлано операцій 137. Рядъ операцій, исчисляемый въ отчетъ университета, возбуждаетъ глубокое уваженіе къ современному состоянію хирургіи и достойному представителю ея въ здѣшнемъ университетѣ Вл. Аѳ. Караваеву, давно уже пользующемуся громкой извѣстностію.

На будущій 18^{мъ} учебный годъ предложены для соисканія наградъ медалями слѣдующія задачи: отъ историко-филологичес-

каго факультета: объ успѣхахъ археологическаго, историческаго и литературнаго направленія у Славянскихъ народовъ въ последнее время. Отъ физико-математическаго: объ измѣреніи влажности воздуха, съ подробнымъ описаніемъ устройства и употребленія инструментовъ, которыми всего болѣе пользуются для этой цѣли. Отъ юридическаго: о правахъ и обязанностяхъ осѣдлыхъ ивродцевъ и въ особенности Евреевъ въ Россіи. Отъ медицинскаго: Анатомія и механика плечеваго сочлененія (*articulatio scapuli humeralis*) человека.—За эти сочиненія на темы, заданныя въ прошломъ году, удостоены наградъ золотыми медалями студенты: историко-филологическаго факультета *Лашнюковъ Иванъ*, и медицинскаго *Краузе Вильгельмъ*, и серебрянную медалью студентъ медич. факультета *Петровскій Антонъ*.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ скажу здѣсь нѣсколько словъ о сочиненіи г. *Лашнюкова*: о причинахъ усобицъ между Русскими князьями и ихъ вліяніи на современное общество въ періодахъ времени отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимина. Сколько могу припомнить изъ рецензій этого сочиненія, написанной Професоромъ Русской исторіи П. В. Павловымъ, сочиненіе г. *Лашнюкова*, соединяя въ себѣ точные результаты тщательныхъ изслѣдовацій всѣхъ нашихъ извѣстныхъ историковъ—Эверса, Рейца, Карамзина, Погодина, Устрялова, Кавелина, Соловьева—вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ много новаго, самобытнаго, могущаго занять достойное мѣсто въ области науки Русской исторіи. Такой отзывъ стоитъ болѣе всякой медали. Советъ университета призналъ сочиненіе г. *Лашнюкова* вполне достойнымъ напечатанія на казенный счетъ. Будучи непосредственнымъ свидѣтелемъ такого страдающаго явленія, вдвойнѣ радуешься ему: потому во первыхъ, что съ каждымъ годомъ ревностное и плодovitое изученіе Русской исторіи болѣе и болѣе встрѣчается, не только между лицами, спеціально занявшимися ею, но и среди молодыхъ людей, занимающихся энциклопедически, и чуть ли не болѣе трудящихся, при любви къ одному предмету, среди многихъ разнородныхъ предметовъ; во 2-хъ радуешься тому, что это благотворное стремленіе возникаетъ и въ нашемъ университетѣ, еще такъ юномъ по своему существованію, но уже богатомъ воспитанниками, дѣлающими ему честь,—воспитанниками, извѣстными преимущественно въ ученомъ мѣрѣ.—Я навѣрно знаю, что надъ задачей, блистательно выполненною г. *Лашнюковымъ*, трудилось еще нѣсколько студентовъ здѣшняго университета, но различныя обстоятельства, *вполнѣ не*

длиннѣйша отъ лица (здесь эта фраза имѣетъ самое истинное при-
менение), побуждали насъ окончить ее. Я привелъ этотъ фактъ для
того только, чтобы показать современность научнаго извращенія
вѣдомствъ юрехико-эолологическаго факультета въ славенномъ уни-
верситетѣ. Сочиненіе г. Лашнюкова получаетъ еще большаго цѣну
потому, что оно написано авторомъ въ послѣдній годъ его уни-
верситетскихъ занятій, среди многотрудныхъ постоянныхъ приго-
товленій къ окончательному экзамену. г-нъ Лашнюковъ кончила
курсъ въ Нѣжинскомъ лицей князя Безбородко, имѣющемъ только
юридическій факультетъ, потомъ поступилъ въ здѣшній универ-
ситетъ. Здѣсь кстати замѣчу о счастливой судьбѣ Нѣжинскаго
лицея. Это учебное заведеніе, известное прежде подъ именемъ
Высшаго Безбородкинскаго училища, образовало уже нѣсколькихъ
извѣстнѣйшихъ литераторовъ нашихъ: Гоголя, Лукашевича, Гребенку,
Куколъника; Базилъ; въ настоящее время двое изъ недавнихъ вѣдом-
ствъ его подали богатыя надежды—явиться по извѣстнымъ дѣятелями на
поприщѣ науки, это гг. Трощина и Лашнюковъ. Первый не давлю
надалъ въ С.-Петербургѣ *Исторію судебныхъ учреждений въ Россіи*;
онъ, находясь въ лицей, получилъ за часть настоящаго своего со-
чиненія золотую медаль, и сочиненіе его было напечатано на ка-
зенный счетъ, по опредѣленію совѣта лицея. Настоящее же по-
лное сочиненіе его встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, единогласный лест-
ный отзывъ критики.

Прежде чѣмъ обращаюсь къ разсказу о торжественныхъ актѣхъ
прочихъ учебныхъ заведеній Кіевскихъ, считаю вполне прилич-
нымъ, говоря о Нѣжинскомъ лицей, сказать кстати нѣсколько
словъ о прекрасномъ обычаѣ, существующемъ въ Нѣжинской гим-
назій, находящейся при лицей. Въ ней, всякій день предъ начатіемъ
уроковъ, въ 8¼ часа, ученики гимназій и студенты лицея собира-
ются въ сборную залу, въ самомъ строгомъ порядкѣ, по классамъ и
отдѣленіямъ, для слушанія Евангелія. Всякій день читается стра-
ницы двѣ и болѣе по порядку такъ что весь кругъ Евангелія со-
вершается два-три раза въ теченіи учебнаго года. Такой поря-
докъ чтенія сообразенъ съ цѣлью: во 1-хъ, для сего не надо забо-
титься о пріисканіи на всякій день предзназначеннаго Евангелія;
во 2-хъ не надо переворачивать по нѣскольку страницъ взадъ и
впередъ, какъ это бываетъ иногда при чтеніи Евангелія, по бого-
служебному порядку; въ 3-хъ, Евангелія дней каникулярныхъ и
праздничныхъ, при такомъ порядкѣ чтенія, не пропускаются; въ
4-хъ всегда читается изъ Евангелія гораздо болѣе, чѣмъ сколько
нужно на каждый день Церковію; въ 5-хъ Евангеліе читается

въ томъ изданіи, которое имѣетъ сводные тексты—Славянскій и Русскій, и которое не имѣетъ при себѣ указателя каждодневныхъ чтеній; наконецъ въ б-хъ, порядокъ и последовательность повѣствованій евангельскихъ, чрезъ повтореніе ихъ въ годъ два-три раза и чрезъ десятилетнее пребываніе воспитанника въ гимназіи и потомъ въ лицей, такъ хорошо впечатлѣваются въ памяти внимательнаго слушателя, что онъ потомъ надолго удерживаетъ въ умѣ связь и стройность евангельскаго разсказа. Евангеліе читается или з коноучителемъ заведеній, или однимъ изъ студентовъ, или лучшимъ ученикомъ изъ высшихъ классовъ гимназіи. Предъ началомъ чтенія читается «Царю небесный», по окончаніи чтенія «Достойно естъ»,— и ученики опять стройно, попарно, по классамъ, начиная съ пизшаго, расходятся по своимъ мѣстамъ. Вы видите, что этотъ обычай въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ, потому что имѣетъ значеніе молитвы,— и молитвы общей, единодушнѣй, евангельской. Безъ всякаго сомнѣнія, внимательный слушатель не рѣдко испытывалъ благія послѣдствія этой семейной молитвы. И вы, конечно, искренно пожелаете, чтобъ этотъ обычай, вполне достойный подражанія, введенъ былъ и во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ; вы, конечно, будете рады, если вашъ журналъ будетъ проводникомъ этого благаго обычая въ наши учебныя заведенія, въ которыхъ нынѣ, по премудрой волѣ Благочестивѣйшаго Монарха, ученіе въ-ры и нравственности преподается вездѣ, какъ главный и основной предметъ человѣческихъ познаній, съ усердіемъ и теплотою,— потому что *Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію* (слова Высочайшаго Указа).

20 іюня былъ торжественный актъ обѣихъ гимназіій и дворянскихъ училищъ Киевскихъ; порядокъ совершенія вообще гимназическихъ актовъ такъ единообразенъ, что мнѣ нечего распространяться объ этомъ актѣ.

23 іюня былъ актъ въ Образцовыхъ пансіонѣ г-жи Завязской. Пансіонъ этотъ во всемъ достойно поддерживаетъ зданіиному институту благородныхъ дѣвицъ, и имѣетъ тѣ же нравы, какия приписаны институту, за исключеніемъ шифра. Актъ его состоялъ изъ двухъ частей: музыкальнаго испытанія, бывшаго 22 іюня, и испытанія въ наукахъ — 23 іюня. Ограничю объ этомъ заключеніемъ, что акты пансіонныя бывають несравненно интереснѣе и привлекательнѣе чѣмъ гимназическія. Разнообразіе и граціозность состава ихъ даютъ имъ эти преимущества. И въ этомъ дѣлѣ, вы здѣсь останетесь очень довольны увидѣвши воспитанницъ, надобуете ли прервать

ными работами ихъ, наслушаетесь очаровательнаго пѣнія и музыки услышите очень милыя, трогательныя привѣтственные и прощальныя рѣчи и стихи самыхъ пансіонерокъ, чего не бываетъ во многихъ гимназіяхъ, посмотритесь рѣдкихъ, граціозныхъ танцевъ, и, наконецъ, наслаждаясь умственно и духовно, — очень порядочно подкрѣпите свои наблюдающія силы прекраснымъ десертомъ.

Рядъ торжественныхъ актовъ блистательно оконченъ былъ 30 іюня актомъ въ здѣшней Духовной Академіи. Надо прежде сказать, что актъ въ Академіи, въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ и Образцовомъ пансіонѣ г-жи Зальвской бываетъ черезъ два года, а не каждый годъ; и пріемъ въ эти заведенія бываетъ только черезъ два года, послѣ всякаго акта. Въ этотъ годъ Духовная Академія праздновала окончаніе XV-го учебнаго курса своего. Вотъ краткая программа торжественнаго акта ея. Испытаніе началось съ выпускныхъ воспитанниковъ, составляющихъ высшее отдѣленіе Академіи, а потомъ съ воспитанниковъ первыхъ двухъ лѣтъ, или низшаго отдѣленія Академіи. Послѣ молитвы «Царю небесный», одинъ изъ студентовъ Академіи произнесъ привѣтственную рѣчь. За тѣмъ студентъ Божовскій прочелъ сокращенно собственное разсужденіе: *о заслугахъ Кіево-Печерской лавры для Русской Церкви и государства*. Вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторые изъ выпускныхъ студентовъ, какъ предназначаемые къ должности наставниковъ, возложили съ кафедръ, въ видѣ пробныхъ лекцій, избранныя части слѣдующихъ предметовъ: Богословія Догматическаго, Богословія Дѣятельнаго, изъ уроковъ по чтенію Св. писанія, изъ Богословія обличительнаго, Патрологіи, Каноническаго Права, Церковнаго Канона, изъ Церковной Исторіи общей, изъ Исторіи Русской Церкви. Въ заключеніе испытанія студентовъ высшаго отдѣленія, студентъ Волковъ прочелъ сокращенно собственное разсужденіе: *ученіе Св. Писанія о божественномъ происхожденіи Царской власти*. За тѣмъ началось испытаніе студентовъ низшаго отдѣленія изъ слѣдующихъ предметовъ: Метафизики, Психологіи, Исторіи Философіи, Общей Словесности, Общей Гражданской Исторіи, Исторіи Русской, Математики и Физики. Посвѣтителямъ предоставлено было полное право дѣлать при этомъ вопросы и возраженія испытываемымъ студентамъ. Программою назначено было еще испытаніе изъ языковъ: Еврейскаго, Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго въ переводахъ съ этихъ языковъ на Русскій и обратно; но время не позволило сдѣлать его. Въ заключеніе испытанія одинъ изъ студентовъ произнесъ благодарственную рѣчь, и

всеми студентами Академіи пропѣтъ стихъ: *слава въ вышнихъ Богу*. За тѣмъ Митрополитъ Филаретъ напутствовалъ краткими словами студентовъ, окончившихъ курсъ академическаго ученія, благословилъ каждого изъ нихъ на поприще службы, и, освѣя благословеніемъ всѣхъ присутствующихъ, оставилъ залу, при громкихъ, продолжительныхъ восклицаніяхъ: «исполаэти деспота». Изъ этой краткой программы акта, вы видите, какъ онъ былъ разнообразенъ, занимателенъ, торжественъ. Я получилъ на этомъ праздникѣ много удовольствія, и чту память его благодарнымъ воспоминаніемъ. Позвольте мнѣ еще прибавить нѣсколько замѣчаній объ образѣ испытанія студентовъ Академіи.

Я не знаю, какъ достойно похвалить обычаи, предоставлять сцену акта для подвиговъ выпускнымъ воспитанникамъ: здѣсь, съ кафедръ, молодые люди то излагаютъ изученные импредметы, по своей методѣ, по своимъ приѣмамъ, заботясь о простотѣ, плавности, занимательности изложенія и содержанія; то читаютъ собственныя сочиненія, представляютъ плоды своей опытности, свои результаты, добытые долгимъ и прилежнымъ путемъ ученія и изученія! И какое благотворное соревнованіе является при этомъ въ молодыхъ сердцахъ! Какъ сознательно понимаютъ они честь, которую даритъ имъ дозволеніе начальства—говорить съ кафедръ, предъ большимъ стеченіемъ образованныхъ, опытныхъ посѣтителей! Какимъ ревностнымъ желаніемъ вдохновляется каждый изъ нихъ, — желаніемъ обратить на себя преимущественное вниманіе, выказать въ болѣе яркомъ свѣтѣ плоды своей дѣятельности! Исходя на дѣло служенія, они стараются показать, какъ они будутъ вести его: они читаютъ лекціи въ томъ же святилищѣ наукъ, гдѣ они сами только что кончили свое образованіе,—предъ тѣми же лицами, которые ихъ наставляли. Одушевляясь этою мыслию, каждый изъ студентовъ Академіи выполнилъ свое дѣло съ посильнымъ, своеобразнымъ достоинствомъ и отличіемъ. Скажу въ заключеніе, что рѣчи — прѣдѣственная и благодарственная, — сказанныя студентами, были полны искреннихъ чувствъ признательности къ здѣшнему Архипасгырю и всѣмъ наставникамъ, звучали сознаніемъ высокости долга и твердою рѣшимостію исполнить достойно и праведно, предлежащій всякому подвигъ.

Въ концѣ мая прибылъ въ Кіевъ Архимандритъ Агаѳангель, настоятель Эсѳигмено-Вознесенскаго монастыря, что на Св. Аѳонской горѣ. Онъ путешествуетъ по Россіи уже нѣсколько лѣтъ, съ Высочайшаго соизволенія и благословенія Святѣйшаго Си-

носа, собирая доброты для даши на пользу крѣпче дужа-
дающей своей обители, Имя съ собою радкое, сопровожде —
часть древа животворящаго, Креста Господня, оны вездѣ, по всѣмъ
посылаемымъ мѣстамъ нашей обширной Россіи, встрѣчаютъ усерд-
ную, ревностную помощь. Появляе его въ какомъ-либо городѣ
примекало туда многія тысячи богомольцевъ за цѣсколькѣ сотъ
верстъ, и всегда сопровождалось общими зѣлками благочестія и
усердія Русскихъ къ Святине, Кіевъ, а преимущественно Кіево-
Печерская дѣбра, были особенно рады желанному гостю: основа-
тель дѣвры, Св. Антоній, началъ свое подвижническое поприще
именно въ обители Эсѣнгменской; тамъ оны оставилъ ископанную
имъ пещеру, надъ которою въ 1849 году воздвигнута церковь во
имя его; тамъ оны принялъ благословеніе на распротраденіе мона-
шества въ Россіи. Поему Печерская дѣбра, какъ обязавшая своимъ
духовнымъ происхожденіемъ Эсѣнгменской обители, съ сердечнымъ
привѣтомъ встрѣтила нагостявша ея, и оказала съ своей стороны
впечатительную заботливость о ней, какъ о своей духовной ма-
тери. Вслѣдъ за дѣброю и другіе здѣшніе монастыри, въ лицѣ
своихъ нагостявель, принесли послѣдній даръ на подлзу своей
персональности. Жители Кіева наперерывъ стремились удостоить
сея счастьемъ освятить свои дома, присутствіемъ радкой святлины, од-
служить молебны и приложиться къ ней. Ревностный Архимандритъ
Агавангелъ немедленно исполнялъ желанія благочестивыхъ и
по цѣлымъ днямъ вездѣ изъ дома въ домъ, дѣвры, гдѣ оны
имѣли пріютъ свой, болѣе, чѣмъ когда-либо, наполнялись богомоль-
цами, усердствующими помолвиться животворящему древу. Пора ока-
заться здѣсь, на память временамъ являющимся, что изъ части этого
древа, которое владѣетъ Эсѣнгменская обитель, слѣданы два крѣ-
ста: одинъ въ серебряной оправѣ, безъ рукоятки — имъ соверша-
лось осваченіе воды, при всякомъ молебствіи, другой — въ золотой
рамкѣ, съ рукояткою, предлагался для благоговѣйнаго поклоненія
и добыванія, Архимандритъ Агавангелъ ухажалъ, изъ Кіева 17-го
Іюля прямо въ Одессу, гдѣ пробывши цѣсколькѣ времени, намерѣ-
вался возвратиться въ свою обитель.

Монастырь Эсѣнгмень — въ переводѣ *Утѣшительный*, названный
такъ отъ своего положенія, между высокими стѣпными мѣстами. го-
рами, основанъ въ 5 вѣкѣ Греческимъ Императоромъ Маркіаномъ
и Св. Нарисію. Пулхарію, отъ которой получена оны часть жи-
вотворящаго древа. Эта обитель помергивалась, многими смутами и
голеніями, неоднократно была разорена варварскими; самая здѣшняя
она приняла на соварманскую ветвь; она не чинитъ, выкапываетъ

средствъ къ исправленію разрушеннаго стѣны монастырскаго, къ окончанію возобновленнаго храма, и даже для самыхъ необходимыхъ потребностей! Такое положеніе ея, — уже возбужденное участіе въ доброй мнѣи Россіи, благодаря вниманію Высочайшаго Нутешественника, — должно быть всегда подкрѣплено личными пожертвованіями. Въ этомъ смыслѣ, Архимандритъ Агаѳангелъ, отправляясь обратно въ свою обитель, отправляетъ въ Россію свои просительныя письма о вспоможеніи скудной обители. Усердствующіе могутъ доставлять свои приношенія Намѣстнику Кіево-Печерскія лавръ, Архимандриту Давридію, который отъ себя будетъ доставлять ихъ въ Эсанинскую обитель.

Кромѣ святыни — животворящаго древа — имѣвшей временное пребываніе въ Печерской лаврѣ, обитель эта въ недавнемъ времени имѣла счастье увеличить множество своей святыни новою святыщею — частицею мощей Апостола Андрея Первозваннаго. Частица эта привезена А. Н. Муравьевымъ изъ Аѳонской горы, гдѣ старцы даровали ему двѣ частицы Тезоименитаго Апостола, въ благодарность за многія блага, исходатайствованныя и оказанныя лично этимъ благочестивымъ поклонникомъ въ бытность его на Св. Аѳонской горѣ въ 1849 году. Привезенная имъ частица въ Кіевъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода, помещена въ Лаврѣ. Красивый позолоченный надой сохраняетъ въ серебряномъ ковчегѣ эту святыщу, открытую недавно для благоговѣйнаго поклоненія усердныхъ богомольцевъ.

Говоря вообще о святыняхъ, прилично будетъ сказать несколько словъ о ревностно продолжающемся возобновеніи Софійскаго Собора, и прежде всего сплыву исправить незамѣтно вращающуюся ошибку въ рассказѣ о внутренности его: въ куполѣ, ниже лика архангеловъ, въ простѣвкахъ между оконнами, сълѣдуетъ лиць 12 Апостоловъ, а не святителей, какъ сказано въ Ю. П. Москвитина. По окончаніи работъ въ Соборѣ, я поговорю подробно и всемъ внутреннемъ видѣ его, а теперь скажу только, что весь главный куполь и все верхнія большія арки и свѣтлы уже совершенно окончены, расписаны и большею частію позолочены. Мнѣ очень пріятно сказать здѣсь, что неусыпные ревностные труды Гермопаха, отца Иринеарха, встрѣчаютъ справедливыя награды. Св. Синодъ пожелалъ его императорскимъ прикомандиромъ. Тогда же отецъ Иринеархъ приступилъ къ позолоченію колокольнаго и малаго храма Михайловскаго монастыря, а по окончаніи келомыни Софійскаго Собора, о. Иринеархъ займется позолотою ея высокаго

купола (*). Таковы разнообразны и изумительно-быстрые подвиги достойнѣйшаго о. Ириварха! По окончаніи всѣхъ этихъ работъ, Кіевъ справедливо можетъ быть названъ *Златоверхимъ*: почти 50 ярко-сверкающихъ куполовъ вѣнчаютъ въ разныхъ мѣстахъ его красивые многоглавыя храмы.

Блестя наружно своими златоглавыми высокими куполами, Кіевъ является изрѣдка и внутрення, земныя своя сокровища. Я говорю о недавно найденномъ (въ маѣ) кладѣ, о которомъ я сказалъ уже нѣсколько словъ въ последнемъ своемъ письмѣ (№ 13 Москв. Вѣд. Изв.). Мнѣ придется и здѣсь указать не много. Трудно опредѣлить количество клада, потому что множество монетъ, до прибытія на мѣсто находки г. овицера, начальствовавшего надъ работами, было расхищено.; г. Начальнику губерніи было доставлено, быть можетъ, около половины; безъ всякаго сомнѣнія, ихъ найдено нѣсколько тысячъ. Кувшинъ, въ которомъ найдены онѣ, былъ разбитъ, и потому нельзя опредѣлить величины самаго кувшина, чтобы, по величинѣ его, можно было судить о количествѣ монетъ. Кувшинъ этотъ былъ очень толстъ, изъ нежженой глины, и залитъ воскомъ. Такъ какъ всего найденнаго количества монетъ нельзя и видѣть, то невозможно и рѣшить, на сколько главныхъ видовъ раздѣляются эти монеты по своимъ надписямъ и по объему. Самое большое число видовъ по надписямъ, какое случилось инымъ видѣть, есть 5. Величиною своею монеты, большею частію, равняются 30 коп. с.; очень мало вертѣлось большихъ по объему, еще рѣже—меньшихъ, чѣмъ 30 к. с. Всѣ монеты круглы, нѣкоторыя не много и не долго обрѣзаны, на краяхъ нѣсколькихъ монетъ есть точки, вѣроятно имѣющія какое-то значеніе. На каждой монетѣ первая строка изображена большими буквами, вторая и третья — меньшими буквами Арабскаго языка. Всѣ монеты чрезвычайно тонки, звукъ издають жестяной. Металлъ ихъ, по разложенію ученаго аптекаря при здѣшнемъ Университетѣ, г. Сегета, есть чистое серебро въ древнѣйшихъ и съ нѣкоторою примѣсью мѣди въ новѣйшихъ. Чеканка сохранилась большею частію чрезвычайно явственно. Судя по различному сохраненію чеканки, по чистотѣ отдѣлки монетъ и по сличенію ихъ съ монетами подобнаго рода, входящимися въ нумизматическомъ кабинетѣ нашего Университета, можно полагать, что всѣ они принадлежатъ не одному времени. Говорятъ, что между

(*) Любителямъ красоты природы и извѣстности, рекомендую Сосійскую колокольню, какъ чрезвычайно чудесный пунктъ для наблюденія: съ высоты четвертаго яруса ея открывается гораздо лучшій видъ, чѣмъ съ колокольни лаврской; городъ видѣть оттуда во всѣхъ своихъ частяхъ, всѣ улицы, дома, сады видны какъ нельзя яснѣе и привлекательнѣе.

ними есть монеты XI, IX и даже VII вѣка. Я сказалъ теперь все, что могъ узнать объ этомъ кладѣ. Больше точныхъ и подробныхъ извѣстій будемъ ждать отъ археологовъ. Остается сказать еще, что кладъ этотъ найденъ неподалеку отъ Аскольдовой могилы, въ такомъ мѣстѣ, которое едва ли могло быть заселено въ старину, по обрывистой и крутой поверхности его и тѣмъ густымъ лѣсамъ, которые нѣкогда покрывали правый берегъ Днѣпра (*).

Состояніе погоды въ Іюнѣ было также переменчиво, какъ въ Маѣ: не много было ясныхъ дней; шли частые, продолжительные дожди, иногда при яркомъ солнечномъ сіяніи были нѣсколько разъ сильныя грозы съ градомъ, слѣдствіемъ ихъ были значительныя поврежденія: кое-гдѣ побиты хлѣба, здѣсь напоръ воды опрокинулъ мѣльницы, разорвалъ плотины, тамъ дорога покрылась огромными шаровидными глыбами земли, образовавшимися изъ песку и пыли отъ силы вихря и дождя. Отъ частыхъ дождей пострадало и полотно шоссе, проводимаго отъ Подола къ новостроющемуся мосту, по берегу Днѣпра; чрезъ это набивка шоссе щебнемъ отложена до будущаго лѣта. Іюль былъ богатъ светлыми, жаркими днями, только къ концу его сдѣлались холодными вечера и утра; такая же погода длилась и въ первую половину Августа.

Изъ общественныхъ удовольствій были, въ теченіи Іюля, пикники, загородныя гулянья, пѣздки на пароходѣ. Въ окрестностяхъ Кіева находится всего только двѣ дачи, открытыя публикѣ: одна съ поэтическимъ названіемъ *Кинь-грусть*—графа Кушелева-Безбородко, другая—Статскаго Совѣтника М. П. Добринскаго; но Кіевъ такъ богатъ очаровательными окрестностями, что можно много указать прелестныхъ мѣстъ для гулянья, напр. *Шулявищина* или митрополитанская роща (нѣсколько лѣтъ тому въ ней былъ дворецъ митрополитовъ Кіевскихъ); село *Борщаговка*, гдѣ во всякое воскресенье лѣтомъ бываетъ большое стеченіе народа, по причинѣ чудотворнаго образа Божіей Матери, находящагося въ тамошней церкви; село *Гореничи* также съ чудотворной иконой; м. *Межигорье* съ известной фаянсовой фабрикой—мѣсто, наиболѣе посѣщаемое по своему чарующему мѣстоположенію, съ источникомъ, называемымъ *звонками*, отъ звука струй его, падавшихъ нѣкогда на металлическое дно; пустыни *Китаевская* и *Голоспѣвская*, послѣдняя—лѣтнее мѣсто-пребываніе Владыки Кіевскаго; *Выдубицкій* монастырь и роща при

(*) Смотри ниже объ этихъ монетахъ, (ноя корреспонденты прислали мнѣ экз. 50,) извѣстіе нашего опытнаго минимата П. С. Савельева, которому доставлялъ я ихъ для разсмотрѣнія. М. П.

мангъ, ботаническій садъ при университетѣ и всего еще оставшійся Царскій садъ. Кромѣ того, если некогда чужеземцы дадутъ, выходящія кофейники нежданно приглашаютъ къ себѣ своихъ друзей знакомыхъ, и затѣваютъ маршочки и гуляния часами до захода солнца. Окружающіе Царскій садъ были искомъ рогу малочисленны и постоянно привлекали къ себѣ избравшіяшую публику. Кіевляне часто отправляются по вечерамъ на дуть за Подоломъ, близъ Днепра, и цѣлосу проводятъ тамъ время за шумнымъ чаемъ, въ обществѣ близкихъ своихъ. Сказать коротко: человеку съ состояніемъ можно чрезвычайно весело провести въ Кіевѣ лѣтнее время: въ немъ и въ окрестностяхъ его такъ много различно-замѣчательныхъ предметовъ, мѣстностей, которые манятъ къ себѣ взоры, и сердце, и умъ наблюдателя. Я не думаю пускаться въ описанія лучшихъ достопримѣчательностей Кіева, потому во 1-хъ, что слишкомъ трудно представить словами полное понятіе о красотѣ мѣста и видамъ, тутъ нужно художническое перо Гоголя или Тургенева, а во 2-хъ потому, что вижу въ этомъ мало пользы и удовольствія для читателей. Да и кто не видитъ Кіева, кто не знакомъ болѣе или менѣе съ нимъ? Кто не былъ очарованъ разнообразными, дивными красотами его? Я могу сказать еще одно: советъ всемъ, пріѣзжающимъ въ Кіевъ на богомолье, остаться въ немъ, постъ монитвеннаго дѣла; еще видели двѣ, для разсмотрѣнія всего того, чѣмъ такъ богатъ и славенъ лишь величавый Кіевъ.

Дѣлѣ театра окончено уже послѣдній сезонъ своего существованія, — въ началѣ Августа приступили къ сломкѣ его; между тѣмъ, въ это время явилось на сценѣ его нѣсколько личностей, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ: г. Львовъ и г-жа Кравченкова, перешедшіе сюда съ Харьковской сцены, г. Протасовъ, уже бывшій, года два тому, на здѣшней сценѣ и дѣлвй любимецъ нашей публики, нашъ Мартыновъ, нашъ Шумскій и пр. и пр. Пѣснѣ давались разнообразныя, новыя, исполнены съ бдѣншей отчетливостію, чѣмъ прежде, публика почти наполнила театр.

До постройки новаго зданія театра, труппа здѣшнихъ актеровъ будетъ давать свои представленія на Подолѣ, въ нарочно приготовленномъ для того домѣ.

Вотъ нѣсколько литературныхъ новостей, явившихся въ последнее время: 1) Краткій Историческій Очеркъ Древней Греческой Литературы, соч. профессора Деллена; 2) Осторожный съ огня, повѣсть Крашевскаго, второй выпускъ Галлерей Польскихъ писателей; 3) Стихотворенія и куплеты изъ ненапечатанныхъ водевилей, соч. Альфреда Фель-Юнка; 4) Русскій Солдатъ, часть 1-я, из-

дана 2-е, помеченное съ инициалами въ Киевѣ неизвестномъ. Приятною новостью будетъ сочиненіе г. Давыдова, о которомъ я говорилъ выше, въ извлеченіи изъ университетскаго отчета; кроме того, Киевскія губернскія Вѣдомости объявляютъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ романа изъ жизни известной княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, сочиненіи Н. Семеновскаго, автора «Сказанія Малороссійской и Запорожской»; но инъ самъ авторъ говорилъ на дняхъ, что едва ли онъ издастъ его въ Киевѣ, и намеренъ взять въ Одессу, гдѣ съ чрезвычайною роскошью издаются книги. Есть еще частные слухи о скоромъ извлеченіи въ свѣтъ другихъ сочиненій, но я не стану говорить объ нихъ: потому что въ Киевѣ не рѣдкость и то, что книга, вполнѣ отпечатанная и готова къ выходу, лежитъ месяцами и годы въ чердакѣ типографіи. Въ заключеніе скажу еще новость, уже нѣсколько времени ожидаемую: непрерывное, дѣлательное приготовленіе къ изданію Естественной Исторіи губерній Киевскаго учебнаго округа; уже некоторыя статьи ее изданы очень красиво, другія печатаются, третья заготовляются... Я не говорю о множествѣ учебныхъ книгъ, постоянно печатающихся въ университетской типографіи.

Теперь передамъ нѣсколько замѣтокъ о солнечномъ затмѣніи, бывшемъ 16 Іюля. Для Киева не было вычислено начало, продолженіе и конецъ затмѣнія, и потому нельзя было повѣрить астрономическія предсказанія. По моему наблюденію, затмѣніе началось въ 4 часа 29 м. Безъ всякаго сомнѣнія, настоящее начало затмѣнія произошло нѣсколько ранее: трудно импровизированному астроному, хотя бы и съ вооруженнымъ глазомъ, съ точностію уяснить начало затмѣнія. Погода въ тотъ день съ утра была ясная, жара доходила въ полдень до 28° въ тѣни, въ первомъ часу по полуд. туча обложила небо, послышался громъ, но къ началу затмѣнія небо было чисто, светло-голубаго цвѣта; два или три перистыхъ облака окружали солнце, нѣсколько его не закрывая. Затмѣніе солнца началось съ нижняго края, обращеннаго къ сѣверу. Сквозь законченное стекло легко было видно, какъ солнце, закрытаясь темнымъ тѣломъ луны, мало по малу принимало видъ серпа, но не такъ остроконечнаго, какъ серпъ луны; смотря на него простымъ глазомъ, можно было замѣтить, что оно имѣло неправильный видъ серпа съ закругленными концами, и поверхность луны въ такомъ фазѣ казалась бѣловатою. Продолженіи луны за солнцемъ не было видно. Когда закрылась большая половина солнца, свѣтъ его замѣтно ослабѣлъ, и въ 5 часовъ вечера сдвинулось такъ быстро, какъ въ 8 часовъ. Предъ началомъ совершеннаго затмѣ-

ня, по стѣнамъ домовъ замелькали тѣни длинными горизонтальными полосами дымчатаго свѣта, волнуясь то вверхъ, то внизъ. Какой-то блѣдный, печальный свѣтъ распространялся болѣе и болѣе. Переходъ отъ этаго свѣта къ совершенному помраченію произошлъ быстро. Солнце въ послѣдній моментъ своего исчезанія, показалось звездочкой на верхнемъ краѣ, обращенномъ къ югу, — звездочкой трепещущаго, яркаго свѣта, болѣе яркаго, чѣмъ свѣтъ звездъ 1-го разряда, потомъ совершенно скрылось, и темная сторона луны явственно появилась на его поверхности. Начало полнаго затмвнія произошло въ 5 ч. 30 м. Еще за нѣсколько секундъ до него, вокругъ луны образовалась блѣдная, волнистая ободочка, блѣдно-желтаго цвѣта, шириною въ вершокъ; она колебалась и измѣняла степень своего свѣта и объемъ разширенія; при блескѣ этой ободочки, предметы бросали очень слабую, чуть замѣтную тѣнь. Совершенной темноты не было, а было отчасти похоже на время въ 10 час. яснаго Іюльскаго вечера; читать можно было съ усиліемъ, бумага книги казалась блѣдно-желтоватою, а буквы смѣшивались, ввротатно, отъ волненія свѣта ободочки. Еще когда солнце виднѣлось узкямъ, бѣловатымъ серпомъ, появились на небѣ три звезды; это были, какъ говорятъ, Венера, Касторъ и Регулъ; но свѣтъ этихъ небесныхъ тѣлъ былъ не такъ яркъ, какъ ночью, болѣе бѣловатъ, нежели желтый. Поверхность неба сохранила свой чистый голубой цвѣтъ только на восточной и южной сторонѣ; въ мѣстахъ же близъ С. З. цвѣтъ неба былъ сѣроватъ. На лунѣ не было замѣчено переливовъ свѣта и тѣней и никакой свѣтлой точки. Въ комнатахъ сдѣлалось такъ темно, что можно было подать свѣчи. Совершенно полное затмвніе продолжалось 57 секундъ; за тѣмъ солнце сверкнуло на верхнемъ краѣ, обращенномъ къ северу, опять такой же трепещущей, яркой звездочкой, и быстро, быстро блестящій ликъ его появлялся изъ-за луны. Переходъ отъ темноты къ свѣту совершился гораздо быстрее, чѣмъ предъ затмвніемъ переходъ отъ свѣта къ темнотѣ, грустный колоритъ природы былъ слабѣе и менѣе замѣтенъ. Конца всего затмвнія нельзя было опредѣлить съ точностію, потому что солнце закрылось, прежде окончанія затмвнія, облаками.

Объ этомъ затмвннн столько было писаюо и говорено, что его ожидали болѣе съ любопытствомъ, нежели съ безпокойствомъ, люди всякаго сословія. Нашлись было досужіе языки, которые говорили, что оно будетъ продолжаться нѣсколько часовъ, что при этомъ будетъ или землетрасеніе, или страшная гроза, или нестерпимая тяжесть воздуха и пр. и пр.; но эти басни не произвели опасеній.

При началъ затмѣнія солнца, явилось много импровизированныхъ астрономовъ, смотрѣвшихъ сквозь закопченныя стекла на исчезающее солнце. Иные заблаговременно отправились на возвышенныя мѣста, чтобы удобнѣе и больше рассмотреть многія обстоятельства солнечнаго затмѣнія. Безпокойство было отчасти замѣчено между простолюдинами: одни бранили наблюдателей ротозѣями, считая наблюдение грѣхомъ и совѣтуя молиться Богу, другіе спѣшили домой, третьи торопливо снимали вѣвѣски, затворяли двери, окна, и разнымъ образомъ суетились. Цвѣтъ лица людей и вѣсѣхъ предметовъ казался блѣднымъ, всѣ оттѣнки цвѣта лицъ какъ бы исчезли, и лица были однообразнаго тона, такъ что, въ разстояніи 10 шаговъ, въ толпѣ трудно было распознать знакомое лицо, даже въ моменты прежде и послѣ совершеннаго затмѣнія. При началѣ появленія солнца, многіе изъ простолюдиновъ сняли шапки, и благоговѣйно крестились появлявшемуся свѣтилу. Между животными не замѣчено было особой тревоги; многія дворовыя животныя и птицы преспокойно стояли, и сидѣли, и ходили,—только утки и куры обнаружили торопливую суматоху, и, прихлопывая крыльями, собирались въ кучу и усаживались, какъ бы предъ наступленіемъ ночи; голуби тихо сидѣли на кровляхъ, воробьи попрыгали въ гнѣзда, а по окончаніи затмѣнія, воробьи и ласточки летали низко и кружились; лошади вѣхали тихо, но безъ замѣтной тревоги. На цвѣтахъ растеній ничего не было видно. Предъ началомъ затмѣнія и во время его, сдѣлалось гораздо свѣжѣе, хотя вѣтра не было; а послѣ затмѣнія, солнце скоро покрылось облаками, появились тучи, повѣялъ рѣзкій вѣтеръ, и вечеръ окончился сильнымъ вихремъ пыли и дождемъ, нѣсколько разъ пускавшимся ночью. Конечно, эти и нѣкоторыя другія обстоятельства, при затмѣніи солнца, могли быть гораздо явственнѣе и разнообразнѣе гдѣ либо въ деревнѣ, а не на шумной улицѣ такого города, какъ Кіевъ.

Помнящіе затмѣніе, бывшее въ 1842 г., принялись за сравненіе его съ теперешнимъ, и отчасти потому, что настоящее вообще дѣйствуетъ на наши чувства и воображеніе сильнѣе, нежели прошедшее, большею частію говорили, что нынѣшнее затмѣніе было несравненно сильнѣе, нежели въ 1812 г. Говорятъ, что ободочка вокругъ солнца была гораздо слабѣе тогда, и во все время полнаго затмѣнія, солнце сверкало яркой звѣздочкой. Мнѣ же случилось видѣть прежне затмѣніе далеко отъ Кіева въ Конопоть (Черниг. губ.) и притомъ въ пасмурную погоду, и потому я не могу провести вѣрную параллель между затмѣніями, не наблюдаяши ихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Я хорошо помню, что тогда было

гораздо темнее, чемъ теперь; впрочемъ, это естественно, потому что тогда густыя облака и тучи совершенно закрывали отъ насъ все небо.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ прекрасной статьи профессора Кіевской Духовной Академіи Чиховича о затмѣніи 16 Іюля (Кіевск. губ. Вѣдом. № 30), во время котораго случилось ему сдѣлать вотъ какое чрезвычайно интересное наблюденіе:

«Въ это время (когда началось совершенное затмѣніе), я не отвожу глазъ отъ трубы—и вотъ близь темнаго края луны, около 40° ниже горизонтальнаго діаметра солнца (приблизительно, по глазомеру), съ правой стороны его, является блестящій выступъ, потомъ, около 30° выше того же діаметра и съ той же стороны—другой подобный; наконецъ, чрезъ малѣйшій промежутокъ времени, показывается между ними третій выступъ, нѣсколько ниже горизонтальнаго солнечнаго діаметра: эти выступы принимаютъ определенную величину, представляясь въ своихъ вершинахъ суженными, сіяютъ блѣднѣйшими свѣтомъ, съ легкимъ розовымъ оттенкомъ, и, въ свѣтломъ концѣ, кажутся тремя драгоценными брилліантами. Но съ первымъ блескомъ солнца, свѣтъ и свѣтлые выступы исчезаютъ. Эти три свѣтые выступа, появившіяся у луннаго края, съ той стороны солнца, откуда началось затмѣніе, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ затмѣнительнѣйшимъ явленіямъ. Свѣтъ ихъ былъ ярче свѣта вѣнца и отличался отъ него постоянствомъ и розовымъ оттенкомъ. Съ той стороны, куда двигалась луна, да и вообще ни въ какомъ другомъ мѣстѣ темной окружности, ничего подобнаго не примѣчено. Тѣ ли это выступы, которые замѣчены были астрономами въ 1842-мъ году? А и тогда уомотрѣно ихъ только три. Мы не можемъ дать определеннаго понятія о видимой ихъ величинѣ, можемъ только сказать, что они являлись послѣдовательно, хотя въ весьма краткій промежутокъ времени; къ вершинамъ казались нѣсколько суженными и ничѣмъ не отдѣлялись отъ темной лунной окружности, изъ-за которой появились. Неужели это солнечныя горы? Но если видимыя теперь выступы тождественны съ выступами 1842 года, то какъ представить, чтобы солнце, при обращеніи на своей оси, имѣло и теперь въ своихъ частяхъ совершенно тоже отношеніе къ намъ по юженію, какъ и тогда? Если же эти выступы не тождественны съ прежними, то отчего и теперь замѣчено ихъ столько же, сколько и тогда?» (Кіев. Губ. Вѣд. № 31, стр. 231 и 236).

Въ заключеніе письма, я намеренъ ввести одно нововведеніе въ свои «Вѣсти изъ Кіева», которое, надѣюсь, будетъ не бесполезно. Я искренно буду радъ, если оно удостоится сочувствія вашего и встрѣтитъ подражаніе въ письмахъ прочихъ корреспондентовъ вашихъ. Это именно—перечень всехъ замѣчательныхъ статей мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, съ общими замѣчаніями объ изданіи Вѣдомостей. При этомъ я отнюдь не присвоиваю себѣ права дѣлать полную критическую оцѣнку какой бы то ни было статьи. Я прослѣжу теперь все полугодичное изданіе Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, 26 номеровъ ихъ за этотъ годъ. Такъ какъ намереніе мое имѣетъ новизну, то да позволено будетъ мнѣ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о здѣшнихъ Вѣдомостяхъ, прежде чѣмъ приступлю къ обзору ихъ за этотъ годъ.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости начали издаваться съ 1837 г., подъ переменною редакціей лицъ, всегда назначаемыхъ Гражданскимъ Губернаторомъ, который былъ цензоромъ ихъ. Высочайшимъ Указомъ настоящаго года повелѣно подчинить неофициальную часть Губернскихъ Вѣдомостей общей ценсурѣ. До 1845 г. Кіев. Г. Вѣд. издавались, какъ совершенно оціанальная газета; неоціанальная часть ихъ была необязательною, и появлялась изрѣдка, по накопленіи статей. Съ 1845 г., со времени преобразованія штата Губернскихъ Правленій, Вѣдомости получили тотъ видъ, въ которомъ издаются они теперь. Составъ ихъ раздѣляется на двѣ главныя части: оціанальную и неоціанальную. Первая часть имѣетъ два отдѣла — общій и мѣстный; въ томъ и другомъ печатаются постановленія Правительства, имѣющія характеръ мѣстный, и объявленія разнаго рода отъ различныхъ мѣстъ и лицъ. Вторая часть, сбивчиво называемая: «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей отдѣлъ второй», имѣетъ три главныя подраздѣленія: въ первомъ печатаются разныя большія, болѣе или менѣе важныя статьи, во второмъ — смѣсь, въ третьемъ — частныя извѣщенія, наконецъ еженедѣльная вѣдомость базарныхъ цѣнъ въ Кіевѣ, о пріѣхавшихъ въ Кіевъ и выѣхавшихъ изъ него, и метеорологическія наблюденія въ теченіе недѣли, начатыя (13 марта) съ 10 N Вѣд. за этотъ годъ. Разумѣется, я займусь только неоціанальною частію ихъ: составъ и выполненіе оціанальной части, понятны по самому названію ея. Содержаніе неоціанальной части хотя подчинено программѣ, но вполне выполняется развѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Причиною тому недостатокъ сотрудниковъ и ограниченныи объемъ газеты. Надо знать, какъ ограничена редакція здѣшней газеты, чтобы имѣть возможность произнести точный, правдивыи

судъ надъ изданіемъ. Вся редакція заключается въ одномъ редакторѣ, но этотъ редакторъ есть вмѣстѣ начальникъ газетнаго стола, корректоръ Вѣд. и корректоръ всего, печатающагося въ губернской типографіи. Вотъ почему иной разъ печатается въ Вѣд. то, что только есть въ портфелѣ редакціи; вотъ почему иногда перепечатываются статьи изъ другихъ періодическихъ изданій, — статьи, вовсе не имѣющія мѣстнаго, общедоступнаго интереса, вотъ почему вы въ иномъ номерѣ встрѣтите одну, въ другомъ двѣ, въ третьемъ нѣсколько разнородныхъ статей. Сотрудники Вѣдомостей часто случайные; когда кто хочетъ, тогда и напишетъ статью; обязанныхъ, непремѣнныхъ сотрудниковъ нѣтъ; вотъ почему редакторъ очень часто стѣдуетъ на это и вызываетъ сотрудниковъ, прося присылать даже матеріалы для статьи, предлагая свой трудъ для обработки ихъ. Не смотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, Кіевскія Вѣдомости выходятъ всегда исправно, не чужды разнообразія и нѣкоторой доли занимательности; у нихъ есть читатели, которые съ любопытствомъ ожидаютъ всякаго новаго номера газеты, накопецъ Вѣдомости наши совершенно чужды упрека въ мелкой дробности статей, чѣмъ такъ отличаются многія наши періодическія, преимущественно литературныя изданія. Надо однако быть откровеннымъ, и высказать темныя стороны изданія здѣшнихъ Вѣд. за этотъ годъ. Они прежде имѣли цвѣтущіе періоды своего существованія, а теперь много уступаютъ содержаніемъ своимъ содержанію за прошлые годы, напр. за 1846, 1847. Не могу умолчать еще, что грамматика всеми своими частями замѣтно и часто хромаетъ во многихъ статьяхъ здѣшней газеты. Пора, однако, взглянуть на то, что есть въ ней теперь.

Для лучшаго обзорнія замѣчательныхъ статей я подведу ихъ подъ нѣсколько отдѣловъ. Вотъ какіе можно различить главные отдѣлы въ изданіи Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей: историческій, статистическій, этнографическій, промышленный и фельетонный. Статьи, наполняющія эти отдѣлы, представляютъ собою, съ немногими исключеніями, матеріалы, а не систематическія, самостоятельныя изслѣдованія; они находятся въ первомъ подраздѣленіи неофициальной части, — подраздѣленіи, не имѣющемъ особаго названія. Въ смѣси помѣщаются мелкія извѣстія и мѣстные замѣтки. Вотъ списокъ статей въ 26 номер. Кіев. Губ. Вѣдомостей за этотъ годъ.

Отдѣлъ историческій. Замѣчанія о названіи города Канева, Прот. Дашкевича, N 1. Извлеченія изъ неизданной древней Малороссійской летописи: а) о войнѣ Богдана Хмельницкаго съ Поляками, N 13; б) отъ куда и что рады востанна козакъ на Поляковъ, N

15; в) сказаніе во кратцѣ о Хмельницкаго родѣ и о войнѣ на Цоцорѣ, N 15. (*Сообщены А. Сементовскимъ*). Григорій Савичъ Скворода, священника Мацкевича, NN 17 и 18. Украина (Nuncia vetustatis) Прот. Дашкевича, NN 21, 22 23. и 24. Воспоминаніе о переходѣ чрезъ Кіевъ гвардіи въ 1828 г. Н. Киселевскаго, N 24. Воспоминаніе о Княгинѣ Наталіи Борисовнѣ Долгоруковой, N 25. Путешественникъ. — Кіевъ съ окрестностями, Н. Сементовскаго, N 26 (обширное продолженіе во 2-мъ полугодіи). Сказаніе о казацкой войнѣ зляхами подѣ Переяславлемъ и о Гетманѣ Тарасѣ, чесо ради воста на поляки, N 26. (*Сооб. А. Сементовскимъ*).

Отдѣлъ статистическій. О Крещенской ярмаркѣ 1851 года, N 9, Якова Загорскаго. Матеріалы для статистики. Историческія свѣденія о замѣчательныхъ городахъ и мѣстечкахъ Кіевской губ., NN 9, 10, 11 и 12. Кіевское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, N 19.

Отдѣлъ этнографическій. Простонародныя замѣчанія о погодѣ, N 4. О Кіевской міеологіи и о языческомъ поклоненіи, N 6, Якова Загорскаго. Замѣтки о народныхъ праздникахъ Кіевской губ. NN 20, 21 и 22, (продолженіе статей, напечатанныхъ въ Кіев. Г. Вѣд. за 1850 г. NN 16, 17 и 18), А. Сементовскаго.

Промышленный. Задача отъ М. Г. И. о составленіи Руководства къ огородничеству и садоводству, N 3. Объявленіе объ изданіи газеты Посредникъ, N 4. О посѣвныхъ сѣменахъ изъ Англіи, вывезенныхъ Лаутономъ, N 5. О маслѣ изъ каменнаго угля, Н. Киселевскаго. N 9. Виды на торговлю сахаромъ и коф. О приложеніи электричества къ замкамъ, Н. Киселевскаго, N 8. Промышленность Кіев. г. N 13. Составъ для клеенія разныхъ вещей, Н. Киселевскаго, N 19. О переродѣ или перемѣнѣ сѣменныхъ качествъ, Г. Мясоедова, N 20. Числа о табачныхъ фабрикахъ и табачныхъ завед. Кіев. губ., N 24. О выставкѣ въ г. Курскѣ, N 25, и множество мелкихъ хозяйственныхъ и медицинскихъ статей.

Смѣсь. Городскія извѣстія, NN 1 и 6. Мѣстная хроника, NN 2, 5, 8 и 26. Вислчій мостъ въ Кіевѣ, N 16. Археологическая новость—о кладѣ, N 24. Гулянье 1-го Мая, N 24. Театральныя замѣтки: Дебютъ Львова, N 17; О Соловкинѣ; Дебюты Кравченковой, N 26. О полномъ солнечномъ затмѣніи. Предварительныя наставленія Н. Киселевскаго, N 24.

Въ смѣси газеты помѣщено множество мелкихъ извѣстій разнаго рода: литературныхъ, біографическихъ, историческихъ, хозяйственныхъ, химическихъ, большею частію перепечатанныхъ. Мѣстная хроника чрезвычайно рѣдка, скудна и умалчиваетъ о многомъ.

Изъ этого черенія статей, помѣщенныхъ въ полугодовой издаваніи Киевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, видно, что газета наша имѣетъ разнообразіе и занимательность, видно, что Редакторъ (г. Загорскій) дѣлаетъ отъ себя все, что можетъ, наполняетъ газету преимущественно статьями историческими, болѣе или менѣе важными, помѣщаетъ статьи, относящіяся къ народнымъ обычаямъ, праздникамъ и пр.; — следовательно отражаетъ въ завѣдываемой имъ газетѣ характеръ нынѣшней научной дѣятельности. Уже эти два направленія, преобладающія въ дѣйствительной газетѣ, проявляющіяся въ оригинальныхъ статьяхъ, не заимствованныхъ, — направленія современные, общезанимательныя, въ состояніи выкупить всѣ ея недостатки, почти всегда не зависящіе отъ Редактора. Время и предѣлы статьи не позволяютъ мнѣ указать и доказать особенную важность некоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ Киевскихъ Губ. Вѣд.

Пора дать отдыхъ доброму любознательному читателю и мѣсто другимъ, болѣе занимательнѣйшимъ извѣстіямъ изъ разныхъ концовъ нашей великой Россіи! П. С.

Кіевъ. 17 Августа, 1881 г.

Старая Руса. Давно мнѣ хотѣлось побывать въ Старой Русѣ, и только нынѣшнимъ лѣтомъ удалось выполнить свое желаніе. Я выѣхалъ изъ Новгорода 8 Юнія, въ день празднованія памяти Варлаамія Хутынскаго. Какъ не очевидецъ, не описываю въ настоящемъ письмѣ этого замѣчательнаго для Новгородцевъ дня; скажу только, что тогда совершается самый дальній крестный ходъ изъ города въ Хутынскій монастырь, отстоящій отъ него на 12 верстѣ. Послѣ крестнаго хода открывается въ городѣ ярмарка, продолжающаяся дней 10; но объ ней когда-нибудь послѣ. Теперь обращаюсь къ начатому. Ильменскій пароходъ везъ въ Старую Русу болѣе 150 человекъ пассажировъ, большинство которыхъ составляли больные отирающіеся для пользованія соляными ваннами и грязями. Видъ удалявшагося отъ глазъ нашихъ города былъ великолѣпный. Прѣбхавъ церковь Рождества Богородицы на Перынь (гдѣ, по преданію, стоялъ Перунъ), мы вошли въ озеро, на окраинахъ котораго виднѣлись сперва монастыри Перекопскій и Клопскій, далѣе села Бронницы, Ракомо, Коростыно и другія замѣчательныя въ исторіи Новгорода села и деревни. Часамъ къ 6 по-полудни показался Взводъ, полевая деревня, лежащая при устьѣ р. Ловати. Далѣе надо было вѣхать верстѣ 20 вверхъ, по рѣкамъ Ловати и Полисти; на берегахъ послѣдней и раскинута Старая Руса, главный городъ северныхъ военныхъ поселеній.

Старая Руса, по величинѣ и наружному виду, городъ очень порядочный, не хуже нѣаго губернскаго: распланированъ правильно, улицы широки, мощены и опрятны; дома невысокіе и по большой части камелные; церквей не много (до 15-ти) и расположены пропорціонально частямъ города, только около ваннъ онѣ скучены, изъ чего и заключить можно, что важнѣйшая часть прежней Русы была около этихъ мѣстъ, нынѣ почти пустыхъ. Въ городѣ находится мужской Спасо-Преображенскій монастырь. Встарину, какъ въ Русь, такъ и около нея было ихъ нѣсколько; нѣкоторые изъ нихъ обращены въ приходскія церкви, напр. въ Косинѣ, въ Кречевѣ, а отъ другихъ не осталось и слѣдовъ. Говоря о Русѣ, нельзя пройти молчаніемъ прекрасный липовый бульваръ, на разстояніи почти двухверстномъ, осыная лѣвый берегъ Полисти; во всякое время дня здѣсь можно найти густую тѣнь. Въ распоряженіи же Старорусской публики находятся еще два сада: Дворцовый и Паркъ при ваннахъ, содержимые въ отличномъ порядкѣ. Къ удивленію, впрочемъ, публика мало пользуется этими благами природы: вы всегда ихъ найдете пустыми, и только изрѣдка какая-нибудь краснощекая мѣщанка торопливо перебѣгаетъ по дорожкамъ. Къ капитальнымъ примѣчательностямъ города, внесеннымъ даже въ географическіе учебники, относятся — соловаренный заводъ и заведеніе для пользованія соляными ваннами. Скажу нѣсколько словъ о заводѣ. Старая Руса издавна славилась соловареніемъ; но система прежняго значительно разнилась отъ нынѣшней. Теперь вывариваютъ соль только лѣтомъ, а прежде вываривали ее круглый годъ. Соленая вода, проходя по открытому жолобу, зимою градировалась сама собою; прѣсная вода частію примерзала къ жолобу, частію испарялась; къ тому же въ зимнее время меньше примѣшивается къ водѣ земляныхъ частицъ. Послѣ того вода входила въ котель, гдѣ подвергалась уже вышариванію черезъ огонь. Вываренная такимъ образомъ соль, или, лучше сказать, густой рассоль передивался въ особый котель для вторичной выварки, послѣ чего соль только просушивалась въ особыхъ сушильняхъ. Такимъ образомъ приготовленная соль, по словамъ здѣшнихъ старожиловъ, была отличнаго достоинства. Нынѣшній заводъ выдѣлываетъ соли круглымъ числомъ до 100,000 пудъ въ годъ; но Старорусская соль не имѣетъ хорошихъ качествъ, потому что здѣшніе соляные источники, кромѣ незначительнаго, относительно, количества соли, заключаютъ въ себѣ нѣсколько другихъ ингредіентовъ, которые не выходятъ тѣмъ путемъ, которому подвергаютъ рассоль. Хотя соденіе въ прокъ мяса и въ

особенности огурцовъ, отправляемыхъ даже въ Петербургъ, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ промысловъ, но для этого не употребляютъ здѣшной соли, а покупаютъ заграничную, которой расходуется здѣсь болѣе 10,000 пудъ. При всемъ томъ, всякій любознательный посетитель Русы, безъ сомнѣнія, полюбуется этимъ заводомъ и подивится его машинамъ, составляющимъ торжество механики. Здѣсь же, на заводъ, провелъ лѣта своей юности и покойный Министръ Финансовъ Графъ Канкринъ.

Теперь о ваннахъ. Зданія при ваннахъ, не отличаясь ни изяществомъ постройки, ни удобствами для больныхъ, расположены подлѣ соленого озера и состоятъ изъ трехъ отдѣленій: купальнаго, пароваго и грязнаго. При ваннахъ разведенъ обширный паркъ, который еще не разросся порядкомъ, и потому мало имѣетъ тѣни; но современемъ будетъ отличнымъ садомъ. Тутъ же сооружено каменное зданіе изящной архитектуры, въ которомъ предполагалось устроить ванны, но, къ сожалѣнію, уже нѣсколько лѣтъ оно заброшено и замѣтно приходитъ въ упадокъ. Для увеселенія больныхъ играетъ ежедневно музыка. Число больныхъ, прибѣгающихъ къ цѣлебному свойству здѣшнихъ водъ, съ каждымъ годомъ уменьшается; причина тому отчасти заключается въ томъ, что многіе, которымъ Старорусскія воды доставили бы несомнѣнную пользу, тѣдутъ охотнѣе за границу, по неистребившемуся еще предрасудку, будто у насъ, въ Россіи, ничего не можетъ быть хорошаго, кромѣ кислой капусты да квасу. Виноваты также въ томъ и здѣшніе медвѣки, считающіе Старорусскую воду специфическимъ средствомъ противъ всевозможныхъ болѣзней, тогда какъ для людей слабой комплекціи она рѣшительно вредна. Нельзя также не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ врачей, что все вообще минеральныя воды не столько полезны сами по себѣ (потому что всегда могутъ быть составлены въ аптекахъ), сколько потому, что заставляютъ больного совершенно измѣнить образъ жизни. Для этой цѣли при всѣхъ знаменитыхъ минеральныхъ источникахъ устроены всевозможныя увеселенія и развлеченія, которыя благотворно дѣйствуютъ на самыя застарѣлыя недуги, а Старая Руса ничего подобнаго не имѣетъ. Обратимся теперь къ промышленности Старой Русы. Кромѣ упомянутаго соловареннаго завода, есть здѣсь еще казенный лѣсопильный и мукомольный паровой заводъ, до 10 небольшихъ кожевенныхъ, одинъ для выделки восковыхъ свѣчей и нѣсколько кирпичныхъ. Городъ ведетъ значительную торговлю съ С.-Петербургомъ льномъ, сѣномъ, овсомъ и некоторыми другими земледѣльческими продуктами. Льняная промышлен-

ность Старой Русы годъ отъ году упадаетъ, потому что, послѣ нѣсколькихъ банкротствъ, не можетъ уже соперничать съ Сольцами, гдѣ скопились большіе капиталы и больше удобствъ для сбыта товару. Въ Старой Русѣ бываетъ въ году двѣ ярмарки: Крещенская и Петровская; первая замѣчательна по большому пригону лошадей русской породы; вторая же, Петровская, не заслуживаетъ вовсе вниманія. Общественная жизнь Русы до нельзя скучна и однообразна: сплетни да карты— вотъ два якоря спасенія отъ убійственной скуки, за которые одинаково хватаются и мужескій и женскій полъ. Женщины купческаго и мѣщанскаго сословія имѣютъ здѣсь скверный обычай— чернить зубы и безъ зазрвнія совтсти румяниться; по праздникамъ еще можно видѣть здѣсь старинныя національныя Русскія одежды— жемчужные оборы, рифеты и пр. Въ Старорусскомъ уѣздѣ есть много кургановъ или, по мѣстному именованію, *сопокъ*; народное преданіе о каждой группѣ ихъ говоритъ что-нибудь историческое: то погребены въ нихъ Литовцы, погибшіе отъ междоусобицы, то Нѣмцы, то жертвы мороваго повѣтрія и т. д. Не вдалекѣ отъ С. Русы есть деревня Марѣина съ курганами; народное преданіе говоритъ, что тутъ было помѣстье Марѣы Посадницы, и что въ курганахъ погребены нѣкоторые изъ ея предковъ и родственниковъ. На краю города, по правому берегу Полисти, мѣстность называется Цергино, что ясно указываетъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ Перунъ, съ чѣмъ согласно и народное преданіе. Общеприятное мнѣніе, будто Перуновы капища находились только въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, едва ли справедливо; можно съ большою вѣроятностію полагать, что они были въ каждомъ значительномъ городѣ того времени, доказательствомъ чему могутъ служить, кромѣ народныхъ преданій, часто и самыя названія мѣстностей. Вообще, до сихъ поръ вниманіе ученыхъ мало было обращено на филологическій составъ нѣкоторыхъ старинныхъ названій городовъ, селъ и урочищъ, каковы на пр. Старая Руса, Новгородъ, Ильмень, Ладога, Грузино и др., тогда какъ путемъ филологіи можно бы, кажется, нѣсколько разъяснить до-историческую эпоху Руси. Кстати, нельзя пройти молчаніемъ ошибки, замѣченной мною въ статьѣ Г. Шепинга, помѣщенной въ майской книгѣ Москвитянина— о курганахъ Кіевскихъ. Авторъ полагаетъ, что названіе Волосовой улицы въ Новгородѣ произошло отъ кумира Волоса; это несправедливо: она названа такъ потому, что на ней находилась и до сихъ поръ находится церковь Священномученика Власія. Если ужъ непременно надо искать въ Новгородѣ стойбище идола Волоса, то всего приличнѣе

искать его на Волоотовомъ полѣ, близъ города, что подтверждаетъ и народное преданіе. Впоследствии, какъ на Пергинѣ, такъ и на Волотовѣ были построены монастыри, какъ будто очистительныя жертвы за слѣдующихъ предковъ; церкви на этихъ мѣстахъ и до сихъ поръ сохранились. Нельзя также согласиться съ г. Шепингомъ, будто наименованіе Буяны улицы произошло отъ баснословнаго Славянскаго пѣвца Бална; не ввротнѣе ли будетъ, если производить это прозвище отъ *буяновъ*, которые могли находиться на концѣ ея, такъ какъ эта улица выходила на Волховъ?

Еще на канунъ Ильина дня началась здѣсь уборка хлѣба; урожай ржи посредственный—самъ четверть съ небольшимъ; овсы идутъ плохо: сначала забило ихъ дождемъ, а послѣ прижгло солнцемъ. Ленъ идетъ очень порядочно, пшеница еще не дозрѣла. Сѣно мѣстами вышло прекрасное, а на низменныхъ поляхъ, бывшихъ долго подъ водою, еще и 3 Августа косить не начинали. Приятно выйти въ эту пору за городъ и смотреть на работу поселянъ; невольно припоминаешь извѣстные стихи Баратынскаго:

А между тѣмъ досужій селянинъ
 Плодъ годовыхъ трудовъ собираетъ:
 Сметавъ въ стога смѣшенный злакъ домытъ,
 Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ
 Гуляеть серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
 Своимъ стоять въ копнахъ блестящихъ,
 Иль тлутелъ, вдоль живы, на возахъ,
 Подъ тяжкой ношею скрипящихъ.
 И хлѣбныхъ скреда золотыхъ градъ
 Подъѣмается кругомъ крестьянскихъ хатъ, и г. д.

7 Августа, 1881 г.

Куприяновъ.

Р. С. Не знаю, извѣстно ли ученымъ слѣдующее народное преданіе, слышанное мною на дняхъ отъ одного любителя древностей. Въ Порховскомъ уездѣ, Псковской губ., есть рѣчка Судомъ, впадающая въ Шелонь. На этой рѣчкѣ Судомѣ находятся двѣ невысокія горки, одна на одномъ берегу ея, а другая на противоположномъ. На одной изъ нихъ еще сохранились и по нынѣ слѣды стариннаго укрѣпленія, Вышгорода; про другую же горку народъ рассказываетъ слѣдующее. Въ старинные года, когда на Руси не было еще судовъ, и жили всѣ въ довольствіи и правдѣ, не обижая другъ друга, самъ Богъ производилъ судъ на этомъ мѣстѣ. Съ неба спускалась цѣпь, и каждый изъ тяжущихся, взойдя на гору, долженъ былъ брать ее рукою: невинный всегда доставалъ, а виноватый никогда—цѣпь подымалась выше. Такъ продолжался судъ долгое время, и всѣ были довольны его рѣшеніемъ. Наконецъ смыскался смертный, который осмыслился обмануть Небесное Правосу-

де. Вотъ какъ это случилось. Нѣкто бралъ займы деньги. По прошествіи срока кредиторъ является къ должнику за деньгами; послѣдній запирается, что никогда у него займы денегъ не бралъ. Такъ какъ свидѣтелей при томъ не было, то тяжущимся вѣлно идти на гору Судому и предать это дѣло суду Божию. Должникъ поднялся на хитрость: выдолбилъ палку и наполнилъ ее деньгами, сколько действительно бралъ займы. Подсудимые къ назначенному мѣсту пришли. По жребію кредитору досталось взяться за цѣпь первому; онъ ее безъ усилій и досталъ. Должникъ, всходя на гору, передалъ свой посохъ, наполненный деньгами, на поддержаніе первому и—тоже досталъ цѣпь. Сойдя съ горы, посохъ свой онъ получилъ обратно; но Божество, оскорбленное такимъ низкимъ обманомъ, подняло цѣпь на небо, и съ тѣхъ поръ она уже не опускалась. Говорятъ, что народъ и до сихъ поръ питаетъ особое уваженіе къ этому мѣсту: никто не пройдетъ мимо его, чтобъ не снять шапки и не перекреститься. Это преданіе, не лишнее поэзи, можетъ служить новымъ примѣромъ Русскихъ преданій, бывшихъ на Руси въ первые вѣки христіанства, а можетъ быть, и раньше. Н. К.

Изъ Петербурга. *Купфическія монеты изъ Кіевского клада, поступившія въ Погодинское древлехранилище.* — Изъ 37 диргемовъ или серебряныхъ купфическихъ монетъ Кіевского клада, мною рассмотрѣнныхъ, четыре принадлежатъ Халифамъ *Аббасидскаго* дома Аль-Мансуру и Мегди, и выбиты въ Багдадѣ и Мухаммедіи въ 154 и 159 годахъ гаджры, т. е. 771 и 776 отъ Р. Х. Остальные диргеи выбиты всѣ въ Мавераннегрѣ, въ городахъ Самаркандѣ, Мервѣ и Шахъ (Ташкендѣ); отъ цѣльнъ столѣтіемъ моложе Халифскихъ, именно IX и X вѣка. Принадлежатъ онѣ князьямъ династїи *Тагиридовъ*, властвовавшихъ въ Мавераннегрѣ передъ Саманидами, и князьямъ *Саманидскимъ*; монеты послѣднихъ далеко превышаютъ другія количествомъ. *Тагиридскія* монеты простираются отъ 246 до 278 года гаджры (т. е. отъ 862 по 891 нашего лѣтосчисленія). *Саманидскія* всѣ одного князя, *Измаила Ахмедовича*, который щедро надѣлялъ имъ древнюю Русь, отъ 280 по 293 годъ (893 по 906). П. Савельевъ.

20 *Августа*. Я сейчасъ съ похоронъ *Френа*. Вы, вѣроятно, прочли уже въ газетахъ извѣстіе объ этой потерѣ для науки. Онъ умеръ 16 числа, въ девять часовъ вечера, послѣ кратковременной болѣзни. Имя *Френа* одно изъ самыхъ безукоризненныхъ въ исторіи наукъ. Ученѣйшій арабистъ, основатель и князь восточной нумизматики, *Френъ* оказалъ великія услуги

и Русской исторіи. Тридцать четыре года живя въ Россіи, онъ сроднился съ Россіею, и жилъ только для своей науки и приложенія ея къ Россіи. Академикъ, онъ почиталъ долгомъ трудиться лишь для науки, не только не искалъ, но даже отказывался отъ всякихъ другихъ предлагаемыхъ мѣстъ и должностей. Безкорыстный жрецъ науки, онъ не оставилъ своему семейству ничего, кромѣ честнаго, неукоризненнаго и по заслугамъ знаменитаго имени!

Печальная церемонія происходила въ Лютеранской церкви, въ первой линіи на Васильевскомъ острову. Оттуда потянулась на Смоленское кладбище. Члены Академіи Наукъ, почти всѣ Петербургскіе оріенталисты и многіе посторонніе ученые провожали усопшаго. На кладбищѣ, г. академикъ Броссѣ произнесъ надъ могилою краткую, но съ чувствомъ написанную рѣчь на Французскомъ языкѣ. Всѣ бросили горсть песку на бранныя останки, и Френа уже шѣтъ на землѣ...

Френа по справедливости называли патриархомъ Русскихъ оріенталистовъ. Шѣтъ оріенталиста въ Россіи, который бы не былъ ему чѣмъ-либо обязанъ — или какъ арабисту, или какъ нумизмату, князю-директору Азіятскаго Музея, или какъ члену Академіи. Ученая услужливость его не знала предѣловъ: онъ со всякимъ готовъ былъ дѣлиться всеми своими знаніями, всякому служить своими книгами, своими записками и замѣтками, на пользу той науки, которой былъ жрецомъ и достойнымъ представителемъ.

Френу было 69 лѣтъ. Проведя жизнь безукоризненно, совершивъ добросовѣстно свое поприще, онъ заснулъ тихо и безматужно, сномъ мудреца.

Френовъ — не много...

П. Савельевъ.

Рядъ случаю подтвердить съ своей стороны прекрасное свидѣтельство достойнаго нашего ученаго, и вспомнить съ благодарностію одно рѣдкое свойство Френа — дружеское расположеніе именно къ Русскимъ ученымъ, молодымъ и старымъ, искреннее желаніе имъ пользы, что не о многихъ иностранцахъ сказать можно. Въ концѣ 1827 года нѣтъ я честь въ первый разъ представился Френу. Онъ встрѣтилъ меня любезнымъ привѣтствіемъ, что меня знаетъ, и въ ту же минуту принялся рыться въ своихъ бумагахъ, чтобъ найти записку Круга о моей диссертации, которую тотъ годъ за два написалъ ему въ отвѣтъ на предложеніе прочесть ее. Черезъ нѣсколько минутъ записка, писанная карандашемъ, была найдена. Френъ подаль нѣтъ ее съ торжествомъ. Ему, казалось, пріятно было доставить удовольствіе молодому человеку, сообщивъ ему отзывъ знаменитаго ученаго, случайный и заглазый. Съ тѣхъ поръ познакомился я съ Френомъ, совершилъ въ 1839 году путешествіе съ нимъ нѣтъ на пароходѣ изъ Петербурга въ Данцигъ и Любекъ. Онъ тогда ѣздилъ побывать на своей родинѣ въ Ростокъ, послѣ 24-лѣтняго, кажется, отсутствія, но однакожъ, вивышій къ Россіи, остался тамъ даже меньше назначеннаго срока. Нѣсколько разъ обращался я послѣ къ Френу, поручая его покровительству молодыхъ людей, и не могу довольно хвалиться его готовностію дѣлать для нихъ все возможное. Всѣ мои ученые просьбы исполнялись съ поспѣшностію. Принять я былъ у Френа всегда какъ родной, и считаю долгомъ помануть здѣсь добромъ добраго человека. *М. П.*

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

Царелюбивая Москва издревле встрѣчала и встрѣчаетъ своихъ Царей Помазанниковъ съ любовью и радостію; прибытіе Ихъ въ древнюю столицу составляетъ праздникъ для народа. Такъ она уже четверть столѣтія не одинъ разъ встрѣчала нынѣ славно-царствующаго Государа Императора Николая I. Какъ скоро придетъ вѣсть, что Онъ будетъ въ Свою Москву, густыя толпы народа ждутъ Его на улицахъ не рѣдко до поздней ночи; но появленіе Его не утѣтитъ и во мракѣ ночномъ. Громкія, восторженныя восклицанія привѣтствуютъ Его и сопровождаютъ Его шествіе, является ли Онъ съ лаврами побѣдъ надъ врагами, или съ оливою славнаго мира, или съ фіаломъ утѣшенія и отрады въ часы бѣдствія, опасности и страха.

Но нынѣ, еще за нѣсколько недѣль до прибытія Государа Императора въ Москву, замѣтно было въ ней какое-то необыкновенное движеніе, ожиданіе чего-то великаго, радостнаго и торжественнаго. Народъ самъ, безъ всякаго внѣшняго побужденія, придумывалъ празднество, онъ готовился поздравить въ Москвѣ возлюбленнаго своего Царя съ окончаніемъ перваго двадцатипятилѣтія Его царствованія и съ началомъ слѣдующаго; желалъ принести вмѣстѣ съ Царемъ-Помазанникомъ благодареніе Царю Царей за протекшее двадцатипятилѣтіе и молить Его о благословеніи въ грядущемъ всего Августѣйшаго Царственнаго Дома миромъ и благоденствіемъ.

Молитвенныя желанія народа исполнились. Государъ Императоръ съ Императрицею, Наслѣдникомъ Престола и другими Членами Августѣйшаго Дома является въ Москву, съ нетерпѣніемъ ожидавшую Царственнаго своего Хозяина. Путь его совершился по вновь устроенной желѣзной дорогѣ, которая должна сблизить объ Столицы для взаимной ихъ пользы. Безъ преувеличенія скажемъ, что и сама природа привѣтствовала Русскаго Царя улыбкою своей; послѣ ненастныхъ дней, которые стояли въ началѣ Ав-

густа, погода вдругъ перемѣнилась, настали дни ясные и теплые. Кто же изобразить всю полноту любви и восторга, выражаемаго лицами и восклицаніями, въ то самое время, когда Царь съ тремя поколѣніями Августѣйшаго Дома своего, въ сопровожденіи своихъ Фельдмаршаловъ, Министровъ и всего Генералитета, шествовалъ въ первопрестольный Храмъ, гдѣ, назадъ тому четверть вѣка, Онъ принялъ священное помазаніе на Царство! Эгогъ гулъ голосовъ, вмѣстѣ съ звуками нѣсколькихъ тысячъ колоколовъ, сливался въ какую-то чудную гармонию. Плотамя массы народа колыхались, какъ волны, сталкивались между собою; но при появленіи Государя, сами собою, раздавались. Такое трогательно-величественное зрѣлище любви и преданности народа, и сближеніе съ нимъ Царя, видѣть можно только въ Россіи. Если оно поразительно для иностранцевъ, то сколько оно понятно и драгоцѣнно сердцу соотечественниковъ, которые, въ первый еще разъ по истеченіи четверти вѣка, празднуютъ съ Царемъ—Помазанникомъ торжественный день Его коронованія въ Москвѣ.

При вступленіи на Праотеческій Престоль, первымъ обѣтомъ царствованія Николая I было: «жить единственно для любезнаго Отечества, чтобы стяжать благословеніе Божіе и любовь народную.» Отъ перваго до настоящаго дня, царствованіе Его служить блистательнымъ доказательствомъ, что Онъ живетъ единственно для блага и славы Отечества, что все годы двѣдѣлянаго правленія Его ознаменованы подвигами Его государственной мудрости, правосудія, безкорыстнаго великодушія и милосердія. Неусыпными заботами и трудами, пожертвованіемъ собою, готовностью на все опасности, гдѣ бы только видѣть пользу и честь Россіи, Государь оправдалъ Свой обѣтъ Царству и тѣмъ достойно стяжалъ благословеніе Божіе и любовь народную.

Благословеніе небесное очевидно на трехъ поколѣніяхъ Августѣйшей Семьи Царя нашего, на великихъ Его предпріятіяхъ, утѣчанныхъ вождѣнными усилкомъ, на торжествахъ Его надъ врагами Отечества, надъ врагами закона и общественнаго спокойствія. Не явно ли и не чудно ли Его хранилъ и спасалъ Промыслъ среди пыла битвъ и буйства крамолы, на бурномъ морѣ и между зараженными въ больницахъ! Какъ долгоденствіе царствованія есть уже залогъ благословенія Божія надъ Царемъ и Царствомъ, то теплыя молитвы верноподданныхъ, Имъ счастливыхъ, возносятся къ Небу о виспосланіи сего благословенія Помазаннику Божію. Они повторяютъ Ему прѣдвѣстное слово древнихъ Державцамъ: «Царю, во вѣки живи.» (Даніилъ. VI, 22).

Любовь народная, готовая на вся жертвы за Царя, срываетъ и сопровождаетъ Его вездѣ, высказывается въ пламенныхъ молитвахъ къ Господу силъ: «да сѣмя Царяво во вѣкъ пребудетъ, и «Престоль его, яко солнце.»

Вечеромъ Кремлевскій садъ и весь городъ были великолепно иллюминированы. Всегда въ этотъ день Москва торжественно украшалась огнями, но трудно передать великолѣпіе нынѣшней иллюминаціи. Кремлевскій садъ былъ весь въ огняхъ, окрестныя зданія соревновали между собою въ богатствѣ и вкусѣ освѣщенія. Но что сказать о томъ великолѣпномъ видѣ, который представлялся изъ Кремля на Замоскворѣчье? Оно представляло чудную картину: то былъ какой-то волшебный, огненный городъ. Тверская улица какъ бы не хотѣла уступить въ этотъ разъ Кремлевскому саду. Во всемъ продолженіи своемъ она озарена была непрерывнымъ рядомъ огней блиставшихъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; почти на каждомъ домѣ горѣлъ щитъ, украшенный вѣвзелевымъ Именемъ Ихъ Величествъ; съ Тверскою соперничали другія улицы. Трудно перечислить все замѣчательное, что представляла великолѣпная иллюминація Москвы, раскинувшейся на необъятномъ пространствѣ и повсюду съ равнымъ усердіемъ убранный огнями для торжественнаго, всемъ радостнаго дня.

Погодинское древлехранилище, ошастливленное въ прошломъ 1849 году посещеніемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великаго Князя, Цесаревича Александра Николаевича, Великой Княгини Цесаревны Маріи Александровны, Великаго Князя Константина Николаевича, Великой Княгини Ольги Николаевны и ея супруга Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Карла, удостоилось посещенія и нынѣ, сего Августа 25-го числа, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екаторины Михайловны и ея супруга Принца Мекленбургъ-Стрелецкаго, Великой Княгини Ольги Николаевны, 28 числа, во второй разъ, 1-го Сентября Наслѣдной Принцессы Саксенъ-Веймарской Софи (дочери Королевы Нидерландской Анны Павловны) и ея Супруга Наслѣднаго Принца Саксенъ-Веймарскаго, (сына Великой Княгини Маріи Павловны). Вся собранія, составляющія древлехранилище, какъ-то: рукописей, старопечатныхъ книгъ, образовъ живописныхъ, шитыхъ, резныхъ (на деревѣ, кости, камнѣ), литыхъ, крестовъ, утвари церковной, монетъ, печатей, грамотъ, бумагъ царскихъ, манифестовъ, памятникъ перама Русскаго гравированія, лубочныхъ

картинокъ, портретовъ Русскихъ, вещей, принадлежащихъ къ одеждѣ, посудѣ, нарядамъ, подлинныхъ памятниковъ литературы и администраціи, автографовъ примѣчательныхъ Русскихъ людей и проч. и проч., были рассмотрѣны Высокими почитателями съ глубочайшимъ вниманіемъ, свидѣтельствовавшимъ о любви къ отечественнымъ древностямъ, и ни одно посѣщеніе не продолжалось менѣе двухъ часовъ.

Въ древлехранилище въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль поступили: старинный ларчикъ, обдѣланный снаружи проволокой, а внутри обитый бархатомъ, старинный мѣдный гребешокъ, ставленная грамота за собственноручною подписью М. Стефана Яворскаго, другая — Дмитрія Ростовскаго; двѣ жалованныя грамоты Ивану Ив. Большому Волинскому Царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, нѣсколько крестиковъ мѣдныхъ древнихъ, отличное написанный молитвенничекъ съ живописными украшеніями поручика Батюшкова, 1731 года.

Гдѣ-то въ Симбирской или Казанской губ., найдена золотая цѣпь, вѣсомъ въ 84 зол., съ гривною или медалью, въ 20 зол. Нашедшій крестьянинъ, по приговору міра, продалъ ее, говорятъ, (по 3 р. за зол.), и половину денегъ взялъ себя, а другую отдалъ въ церковь. Купившій продалъ въ свою очередь купцу по 4 р. за зол., а тому предлагали уже 4 р. 50 к. Купецъ увѣдомил моего одного комиссіонера, который обѣщалъ ему по 20 к. набавки, съ тѣмъ чтобъ онъ привезъ гривну на ярмарку. Ожидая подробнѣйшихъ извѣстій объ этой драгоцѣннѣйшей находкѣ.

Бенефисъ г. Садовскаго. Король Лиръ. Спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ очень интересную новость. 26-го числа этого мѣсяца, мы увидимъ П. М. Садовскаго въ одной изъ лучшихъ Шекспировскихъ ролей — въ роли Короля Лира. Московская публика такъ хорошо знаетъ талантъ г. Садовскаго, такъ привыкла соединять съ его именемъ истинно художническое исполненіе всякой роли, что вѣроятно будетъ обрадована этимъ извѣстіемъ. Любимый Москвою артистъ въ полномъ развитіи своихъ сценическихъ силъ, котораго слава уже упрочена, выступаетъ на новое поприще. Мы увидимъ въ Король Лиръ не дебютанта, который, не разсуждая о важности дѣла, берется за великаго Шекспира, нѣтъ! многолѣтняя сценическая опытность и безукоризненное служеніе искусству даютъ право г. Садовскому на славный, но вмѣстѣ и трудный опытъ, слу-

жать порукою за успѣхъ или, по крайней мѣрѣ, за истинно эстетическое удовольствіе видѣть славную борьбу актера съ безсмертнымъ драматургомъ.

Можемъ ли мы отказать г. Садовскому въ сочувствіи къ такому важному событію въ его артистической жизни? Припомнимъ, въ чемъ мы до сихъ поръ видѣли г. Садовскаго! Исключая піесъ Гоголя, всегда онъ былъ неизмѣримо выше своихъ ролей. Такое положеніе тяжело для художника, горячо-любящаго свое искусство. И въ правъ ли мы ограничивать его исполненіемъ однихъ комическихъ или даже только смѣшныхъ ролей, теперь, когда артистъ, чувствуя въ себѣ иныя силы и иныя стороны, которыя, по незначительности его репертура не могли быть употреблены достойно, открываетъ для своего таланта новую дорогу—берется за воспроизведеніе истинно художественныхъ образовъ. Пожелаемъ ему успѣха въ его смѣломъ и благородномъ подвигѣ. Чѣмъ труднѣе задача для артиста — любимца нашей публики, тѣмъ болѣе славы! Во все продолженіе своего служенія искусству, г. Садовскій не измѣнилъ нашимъ надеждамъ ни разу.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ.

НА

МОСКВИТЯНИНЪ

1852 ГОДА.

Объявляя о подпискѣ на Москвитянина 1851 года, редакція сочла за лучшее напомнить читателямъ о тѣхъ статьяхъ, кои помѣщены были ею въ 1850 году, а именно:

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: Повѣсти: Вельтмана (Чудодѣй); Дріанскаго (Одарка Квочка); Колошина (Вашъ старый знакомый); Писемскаго (Тюфякъ); Рамазанова (Говорящія статуи); Сумарокова (Лицо и изнанка, Неудачный Маскарадъ).

Комедіи: Загоскина (Повздка за границу); Островскаго (Свои люди—сочтемся).

Разсказы: Горчакова (О Пушкинѣ и современникахъ); Погодина (Св. игуменъ Θεодосій); князя Салтыкова (Объ Индіи); Стурзы (О востокѣ).

ИНОСТРАННЫЯ РОМАНЫ и повѣсти: герцогини Д'Арбувиля, Бульвера, де-Валлона, де-Мюссе, и проч.

СТИХОТВОРЕНІЯ: *Берга*, *Глинки*, *Дмитріева*, *Жадовской*, *Мел*, *Миллера*, *Павловой*, *гр. Ростомшиной*, *Тютчева*, *Фета*, *Хомякова*.

МАТЕРИАЛЫ для біографій: *Д. В. Давыдова*, *Кострова*, *Ломоносова*, *Сперанскаго*, *Суворова*, *Тихона Воронеж.*, *Хераскова*.

Въ отдѣленіи **НАУКЪ** статьи: *Буслаева*, *Дмитріева*, *Забѣлина*, *О. Іакинва*, *Мельникова*, *кн. Оболенскаго*, *Перевощикова*, *Погодина*, *Попова*, *Преображенскаго*, и проч.

Точно такъ представитъ она и въ настоящемъ объявленіи краткое исчисленіе, что помѣщено было ею въ продолженіи 1851 г.

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: Повѣсти: *Бакунинской*: Село Турбаи; *Герца*: Вильма; *Григоровича*: Прохожіи; *Дріанскаго*: Мелкотравчатые; *Жадовской*: Сила прошедшаго; *Ж. Кочто* изъ жизни г. Арфанова; *Ковалевскаго*: Мелкопомѣстные помѣщики; *Михайлова*: Нянюшка (сцены); *Рамазанова*: Мозаика.

Разсказы: *Архипова*: Три дня въ аулѣ; *Басова* (Воспоминаніе о Парижѣ); *Б.* (Воспоминаніе о службѣ на Кавказѣ); *Батюшкова* (Константина Николаевича, вновь найденныя статьи); Воспоминаніе мѣсть сраженій и путешествій; О Петинѣ; *Вяземскаго*, князя Петра Андреевича (Письма); *Вистенгофа* (Отрывки изъ записокъ игрока); *В.* (Физиономія Нижегородской ярмарки); *Дмитріева* (Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій); *Погодина* (Мстиславъ Галицкій, Мономахъ); *Стурдзы* (Современныя очерки Востока), и проч.

Изъ **СТИХОТВОРЕНІЙ** назовемъ: *Берга*: Сундъ и Упасундъ, изъ Магабгараты; *Дмитріева*: Деревенскія элегіи; *Мел*: Августа 22, 1851 г., Святцылика и проч.; *Миллера*: Королевичъ, изъ Уланды; *графини Ростомшиной*: Циркъ 19 столѣтія, Весенній гимнъ. Неаполь. Мелкія стихотворенія: *Григорьева*, *Карамышева*, *Шоломсава*, *Тютчева* и *Фета*.

ИНОСТРАННЫЯ ПОВѢСТИ и разсказы: Уроула, Деревенскій лекарь, повѣсти герцогами *д'Арбувиля*; Заочная любовь, *Сем-Браннара*; Самарянка, *Луи-Вельо*; *Олеала*, *Т. Гатль*; Кладбища на берегу моря, *Диккенса*; Замокъ въ пустыни, *Жоранъ-Занда*; Отъездъ во время, комедія *де-Ларра*; Кроазиль, повѣсть *Альбрэде де-Моосе*; Сцены изъ Мексиканской войны, *Габр. Ферри*; Искателя золота въ ореднихъ виахъ, — *Раймондъ Дуддъ*; Фонтана; наконецъ романъ *Диккенса*: Жизнь, приключенія, опыты и наблюденія *Дэвида Копперфильда младшаго*, который будетъ скоро оконченъ.

Въ отдѣленіи **МАТЕРІАЛОВЪ** для Русской исторіи и исторіи Русской словесности назовемъ: Памятники древней Русской словесности; Переписка Царя *Алекся Михайловича* съ княземъ *Одоевскимъ*; Указъ о городской вѣдѣ, въ 17 вѣкѣ; князь *Симеонъ Шаховской*, сочинитель канона Св. Сергію; Проектъ покоренія *Америки* при Петрѣ I-мъ; Просьба *Тредьяковскаго* въ Сенатъ; Обзоръ Русской словесности, *Штелина*; Старый Московскій Университетъ (*И. О. Тимковскаго*); Учрежденіе для студентовъ Лаврской семинаріи Митрополита *Платона*; Письма: *Карла Бирона*, *Палласа*, *Потемкина*, *Татищева*, *Тихона* Еп. Воронежскаго, барона *Розенкампа*; А. В.; Литературныя воспоминанія (объ Арзамасѣ).

Въ отдѣленіи **НАУКЪ** оригинальныя статьи: *О. Іакинфа*: О народахъ средней Азіи; *Лешкова*: О древней Московской городской полиціи; *Спаскаго*: Объ успѣхахъ Метеорологіи, Измѣняется ли климатъ съ теченіемъ времени; *Срезневскаго*: Объ языческихъ суеврѣяхъ Русскихъ; С.: Организмъ и жизнь; *Шевырева*: Теорія смѣшаннаго; *Шепинга*: Изслѣдованіе о Володимировыхъ кумирахъ; *графа С. С. Уварова*: Достовернѣе ли становится исторія?

Переводныя: Несторіане; Исторія раздѣленія времени; Азій и Бонифацій, Ам. Тьерри, и проч.

По отдѣленію **ПРОМЫШЛЕННОСТИ**: *Альбова*: (О льняной промышленности); *И. В. Сабурова*: (О сѣвооборотахъ); *Н. И. Анненкова* и проч.

СТАТЬИ О МОСКОВСКИХЪ НОВОСТЯХЪ. *Берга*: Сельцо Захарово, Б.: (Фанни-Эльслеръ); *Погодина* (О Крашенинниковѣ; Утро въ пересыльномъ замкѣ; Единовѣрческая церковь; О публичныхъ лекціяхъ въ Университетѣ; Гг. Грановскаго, Шевырева; О Пропіеяхъ; О судьбахъ Итали; Обвѣдъ въ честь Айвазовскаго и Иордана; О Московскихъ вѣдомостяхъ; Пенелопическій лоскутокъ); *Рамазанова* (Художественныя новости); *Рабуса* (О живописи); *Шевырева* (Два концерта студентовъ, Анализъ акта философскаго сознанія).

Изъ **ВНУТРЕННИХЪ ИЗВѢСТІЙ** укажемъ на письма: изъ Петербурга (*князя Вяземскаго*, *Сумарокова*, *Рамазанова*, *Ознобишина*); *Благо* объ Одесѣ; *князя Кострова*: Замѣтки о курганахъ южной части Евсейской губ.; О городѣ Туруханскѣ; *Купрелнова* о Новгородѣ; *Мельникова*: о Китайской кормовой травѣ, Записки о Нижегородской губер., Павловская промышленность; П., О Кіевѣ; *Пежемскаго*: Наблюденіе въ Иркутскѣ; *Автономова*-

Спаскаго, Путь отъ Баку до Петербурга; *Сущинова*, о Харьковѣ. *Тр-аго*, Путевыя записки по Маторожин; *Ястребова*, Киргизскіе Шамацы, и проч.

Изъ известій заграничныхъ назовемъ здѣсь только: О желѣзныхъ дорогахъ, какъ стратегическомъ средствѣ; Упадокъ цѣнности золота; Исторія хрустальнаго дворца; Описаніе всемірной выставки; Макреда и Шекспиръ; Охота на воровъ въ Лондонѣ; Осенніе письма съ Рейна; Князь Меттернихъ въ Брюсселѣ; Судебное дѣло Бокарме; Вина зимою; О туземномъ народонаселеніи Мексики; О новомъ Египтѣ; Христіанство на о. Цейлонѣ; Письма Птица изъ Сѣверной Америки; Бостонское общество ориенталистовъ; Свадьба Негровъ на о. Тринидадѣ; Вечерня въ день Пасхи въ Константинополѣ.

ВЛОГРАФІИ: Баллы, Буассе, Вагера, Вальтера, Лингенбека, Одюбона, г-жи Рекамье, Себастиани, и проч.

Изъ рецензій иностранныхъ книгъ замѣтимъ: Объ естественной исторіи пальмъ, *Марціуса*; Путешествіе по востоку, доктора *Грена*; новыя сочиненія *Эбелинга*, *Мундта* и *Махолоя* о Макіавелли, исторія Герцоговъ Гизовъ, Маркиза де *Булье*; Женевскаго *Ламартина*, и проч.

Вотъ что нами помѣщено. Теперь исчислимъ несколько статей, кои Редакція уже заготовила для помѣщенія впередъ.

Въ запасъ на будущее время она имѣетъ для отдѣленій Русской словесности: Ипохондрикъ, большая комедія г. *Писемскаго*, автора *Тюэля* и Мари Ступицыной; Бѣдная невеста, большая комедія *Остресскаго*; Адамъ Адамычъ, повѣсть г. *Михайлова*; Комикъ провинціальный разговоръ г. *Июсскаго*; Забытый книжкаль, г. *Архипова*; Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, повѣсть г. *Ковалевскаго*; Савушка, разговоръ г. *Колореса*; Хмара, г. *Мел*; Послѣдній богатырь, г. *Берга*; Нѣмка г. К., и проч.

Въ отдѣленіи наукъ: Исторія учрежденій Русскихъ о путяхъ сообщеній, почтахъ, общественной благотворительности, Пр. *Ашкова*; Исторія Физики, г. *Перевощикова*; Ани, древняя столица Багретидовъ, г. *Иванова*; Записки Гордона о времени Пятъ I, Дѣла *Тредьяковскаго*, Письма *Карамзина*, *Пушкина*, Частная жизнь князей, *Погодина*, и проч.

Отдѣленіе журналистики распространится еще болѣе, и все любезнѣе или достойное вниманія во всѣхъ прочіихъ журналахъ будетъ замѣчаться или извлекаться; въ нынѣшнемъ году мы обозрѣвали Военный и Морской журналы, Современникъ, Библіотеку

для Чтенія, Отечественныя Записки, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ.

Число корреспондентовъ редакціи по разнымъ городамъ безпрестанно умножается, и любопытныя свѣдѣнія представляются ей во всякой книгѣ. Мы надѣемся имѣть, кроме изчисленныхъ, въ будущемъ году постоянныхъ корреспондентовъ въ *Петербургъ, Вологдѣ, Симферополь, Ставрополь*, и проч.

Извѣстія о *Московскомъ театрѣ* уже начались, и читатели наши получили статьи о Самойловой и Полтавцевѣ. Редакція имѣетъ нѣсколько статей вготовъ о знаменитостяхъ нашей труппы.

Наконецъ упоминаемъ объ отдѣленіи *Иностранной литературы*, которое должно также сдѣлаться пошше.

Что касается до *картинокъ моды*, то ни одинъ Русскій журналъ, кроме листка г-жи Кошелевской, не можетъ похвалиться подобными тѣмъ, кои представлялъ Москвитининъ.

—
Москвитининъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Повѣсти—романы—драмы—комедіи—сцены—очерки—путешествія—стихотворенія.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Новѣйшія произведенія словесности, преимущественно английской, частию французской и немецкой,—современныя путешествія.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ, МАТЕРІАЛЫ.

Статьи по всемъ отраслямъ человѣческихъ знаній, преимущественно оригинальныя,—извлеченія изъ сочиненій иностранныхъ, имѣющихъ приложеніе къ Россіи.

IV.

К Р И Т И К А.

Подробный разборъ произведеній отечественныхъ писателей, преимущественно чисто-литературныхъ и историческихъ,—разсмотрѣніе общихъ вопросовъ отечественной словесности, наиболѣе современной.

V.

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

Краткія рецензіи книгъ, появляющихся въ Россіи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) Заграничныя 1) ученые: Абтисисъ естественныхъ наукъ; отчеты о вѣдѣніяхъ ученыхъ обществъ, пріятельныя предпріятія, открытія, 2) художественныя, литературныя, музыкальныя и театральныя; 3) сельскоиндустриальныя новости.

б) Внутреннія: 1) извлеченія изъ Журналовъ Министерствъ, газетъ и губернскихъ ведомостей; 2) корреспонденція редакціи.

в) Московскія. Событія изъ исторіи Москвы, прежней и нынѣшней. Повседневная хроника.

VII.

С М Ъ С Ъ.

Мелкія повѣсти, рассказы, очерки, оригинальныя и переводныя, анекдоты, замѣчанія.

Молы, съ парижскими картинками.

Въ 1852 г. Москвитянинъ будетъ выходить въ 1-е и 15-е числа каждаго мѣсяца, книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ нынѣшняго формата. (Если случится когда по необходимости или удобству выдать двѣ книги вмѣстѣ, то онѣ всегда будутъ состоять изъ бѣльшаго количества листовъ, нежели сколько имѣютъ выданныя порознь.) Цѣна за годовое изданіе: въ Москвѣ 15 руб. сер., съ пересылкою въ другіе города 16 руб. 50 к. сер. Подписка принимается по прежнему: Въ книжной лавкѣ Москвитянина, при его Канторѣ на Большой Димитровкѣ, въ домѣ Живаго. Иногородные благоволятъ относиться въ Газетную экспедицію Московскаго Почтамта.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Лондонскіе журналы не мало напугали тамошнихъ жителей, въ особенности привъзжихъ, слухами объ учредившемся обществѣ грабителей, принявшихъ систему Индвйскихъ Туговъ (душителѣй). На прохожаго нападаютъ трое: одинъ давить его за горло, другой закрываетъ ему глаза, а третій опораживаетъ карманы. Въ Times описывали въ прошломъ мѣсяцѣ, какъ жители уединеннаго, деревенскаго дома выдержали правильную осаду разбойниковъ. Нельзя однако же судить строго безпорядки въ Англии. Ни въ одномъ даже вполне благоустроенномъ государствѣ, при самой дѣятельной власти законовъ и полиціи, не возможно истребить злоумышленниковъ. Розказы газетъ и нѣсколько случаевъ еще не улика странъ, гдѣ покорность законамъ и повиновеніе властямъ ввелись въ обычай. Учрежденіе и дѣйствіе Лондонской полиціи превосходны, а уступчивость и даже содѣйствія жителей доставляютъ чинамъ полиціи возможность къ успешному развитію своей дѣятельности. Безпокойный, строптивый Французъ, видитъ въ полицейскомъ существѣ противнѣе, антипатическое; Англичанинъ, другъ порядка, смотритъ на него, какъ на защитника и ручательство общественнаго спокойствія. Во Франціи, полицейскій чиновникъ, зная недружелюбное расположеніе къ нему толпы, дѣйствуетъ противъ нея подѣ влияніемъ инстинктивнаго чувства враждебной и оскорбительной взаимности; въ Англии, напротивъ того, онъ убѣжденъ въ добромъ о себѣ мнѣніи, и старается усилить успешность возложенныхъ на него обязанностей, въ чемъ каждый ему помогаетъ. Во Франціи полиція противодѣйствуетъ обществу; — въ Англии она только совѣтуетъ благонамвренности большинства. Отъ того-то въ Англии полицейскій чиновникъ учтивъ, предупредителенъ. Онъ охотно отвѣчаетъ на разспросы, привѣтливо предлагаетъ совѣты, снисходительно сообщаетъ требуемыя свѣдѣнія. Это живая, ходячая справка, естественная опора всѣхъ и каждаго. Всегда опрятный и прилично одѣтый, онъ все дѣлаетъ съ

сознаемъ собственнаго достоинства и внушаетъ невольное уваженіе. Мы не знаемъ, поступаетъ ли онъ въ свою должность, какъ въ Парижъ, изъ касты людей подозрительной, двусмысленной нравственности;—по крайней мѣрѣ на видъ, ничто въ немъ этого не обличаетъ.

Права и обязанности этихъ чиновниковъ опредѣлены и распределены превосходно. Полиція покрываетъ безпредѣльный Лондонъ, повсемѣстно и безпрестанно, сътѣю наблюденія, надзора, помощи и заступничества. Эти сражи порядка, какъ отдельные дѣтели общей силы, соединены между собою разсчитанною близостью разстоянія, условнымъ знакомъ. Ничто не избѣгнетъ ихъ бдительнаго вниманія, исключая развѣ тѣ кварталы, тѣ притоны своеволія, гдѣ начальство сочло за благо ослабить надзоръ, и отчасти допустить беспорядки, подобно, какъ врачъ не залечиваетъ гноящуюся рану, направляя туда испорченные соки и поддерживая тѣмъ здоровье цѣлаго тѣла. Отворите ночью ваше окно, позовите,— къ вамъ немедленно явится полицейскій. Онъ скажетъ вамъ который часъ, какова погода; онъ же предупреждаетъ жителей о близости пожара, идетъ за врачомъ для больного, укажетъ путь сбившемуся съ дороги и проводитъ нуждающагося въ провожатомъ. Съ одиннадцати часовъ вечера, онъ пускается въ обходъ, глядитъ, заперта ли дверь каждаго дома, и если видитъ какой-либо въ домъ беспорядокъ, предостерегаетъ о томъ хозяина. Заметьте притомъ, что онъ неподкупенъ.

Источникъ этого влеченія къ благоустройству заключается въ положительности Англичанъ, въ этой врожденной наклонности, отличительномъ признакъ національной личности. Стремленіе къ положительному лишаетъ, можетъ быть, ихъ изящества вкуса, способности сознать прелесть формъ, чувствовать утонченность умственныхъ наслажденій, за то ихъ положительность и отсутствіе того, что френологи называютъ *фантазією*, составляетъ ихъ силу, ихъ могущество, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ Французы, поклонники изящества и наслажденій, властители моды и вкуса, народъ артистическій и воспріимчивый,—лишились Индіи. Правда, что Французскія бронзы и рѣзные украшенія по дереву, превзошли все, что было въ этомъ родѣ на всемірной выставкѣ,— за то Англійскій флагъ господственно развѣвается въ гавайяхъ Мадраса и Пондичери; за то и всемірная выставка открыта не въ Парижѣ, а въ Лондонѣ...

Изъ того же источника истекаетъ исключительное уваженіе Англичанъ къ богатству, и недостатокъ сочувствія, скажемъ,

должнаго вниманія къ отличнымъ писателямъ, даже къ ученымъ. По словамъ Эдуарда Литтона Бульвера, Англичане дорого платятъ только генераламъ, которые хорошо убиваютъ, дипломатамъ, которые хорошо обманываютъ, и музыкантамъ, услаждающимъ ихъ слухъ. Люди, вліяющіе на умъ, научающіе, развивающіе мышление, живутъ, чѣмъ могутъ. Почетныя награды принадлежать исключительно знати; — для умственной аристократіи онѣ недоступны. Байронъ никогда не былъ бы баронетомъ, не будь онъ прежде лордомъ; Вальполь, хотя и притворно, выказывалъ презрѣніе къ своему перу, зная, что въ его званіи писать было унижительно; а одинъ профессоръ, въ похвальномъ словѣ Бойлю, желая возвеличить этого ученаго, сказалъ между прочимъ: «Бойль великой человекъ, потому что онъ былъ не только *отцемъ* химіи, но еще *братомъ* графа Корка!»

По тѣмъ же причинамъ и общественный и семейный бытъ Англичанъ, представляетъ разительную противоположность обычаямъ другихъ націй: Англичанинъ вовсе не общителенъ. Въ его семейномъ быту устранена всякая внѣшность, за то въ немъ сосредоточиваются всѣ сладости, все достоинство этого состоянія. Въ Англій, женщина, вышедши замужъ, сходитъ съ поприща свѣта, между тѣмъ, какъ во Франціи, и, можно сказать, въ цѣлой Европѣ, та же женщина только чрезъ брачную спальню выходитъ на театръ общественной дѣятельности. Ни въ одной странѣ женщина не посвящаетъ себя такъ исключительно обязанностямъ супруги и матери, какъ въ Англій, гдѣ, съ 25-ти до 40 лѣтъ, она умираетъ для общества.

Въ другихъ странахъ Европы, дѣвушка живетъ подъ болѣе или менѣе строгимъ надзоромъ, въ болѣе или менѣе условной зависимости, и начинаетъ жить самобытно только по вступленіи въ бракъ, пользуясь тогда всеми правами и преимуществами, предоставляемыми ей правами и супругомъ. Въ Англій дѣвушка выходитъ одна, даже съ кавалеромъ,—во Франціи никогда; и на оборотъ: во Франціи замужняя женщина выходитъ съ кавалеромъ, или одна,—въ Англій это неприлично. Во Франціи женщина съ 25 до 40 лѣтъ господствуетъ, устанавливаетъ моды, даетъ тонъ, является въ театрахъ и концертахъ, ѣдетъ къ водамъ, держитъ открытый домъ, танцуетъ, ѣздитъ верхомъ, поетъ въ обществахъ, рождаетъ страсти, дразнитъ желанія, потрясаетъ до основанія общественныя нравы, обычаи, привычки, разоряетъ мужа или содѣйствуетъ ему своими связями, своимъ вліяніемъ,—эта женщина, средоточіе, блескъ, центропрелекующая сила нашей общественной жизни,—въ Англій су-

шествуетъ только въ высшемъ словѣ общества, въ *nobility*; въ словѣн гражданъ, купцевъ, достаточныхъ жителей, ея нѣтъ. Въ обществѣ этихъ сословій является только дваушка, которая ищетъ мужа, и женщина, исполнившая уже долгъ супруги и матери. Проведя лучшія лѣта своей жизни подъ смиреннымъ кровомъ семейной пустыни, она отвыкаетъ отъ внѣшней жизни, даже теряетъ влеченіе къ ней, какъ бы чувствуя, что уже поздно...

Вотъ почему Англичанинъ ищетъ въ невестѣ семейныхъ добродѣтелей, а не блестящихъ достоинствъ современнаго воспитанія. — Вотъ почему невеста и ея родители ищутъ въ женихѣ не достоинства ума, не преимущества образованности, а богатства, одного богатства. По ихъ мнѣнію, картина семейнаго счастья хороша только въ золотой рамѣ.

Упадокъ изящныхъ искусствъ въ Англіи, или правильнѣе, несоответственность ихъ успѣховъ успѣхамъ въ другіихъ странахъ, есть также необходимое слѣдствіе направленія Англичанъ къ положительному. Англійская школа живописи стоитъ ниже Французской и Бельгійской. Нельзя однако не сознаться, что многіе Англійскіе живописцы имѣютъ не оспоримыя достоинства, и если Европа такъ мало съ ними знакома, то виною не посредственность артистовъ, а національная гордость, которая не выпускаетъ произведенія соотечественниковъ изъ Англіи, и пріобрѣтаетъ ихъ преимущественно предъ иностранцами, хотя бы эти произведенія и уступали въ достоинствѣ чужестраннымъ. Англія по всей справедливости можетъ гордиться такими артистами, какъ: Лендзиръ, этотъ Лафонтенъ-живописецъ; Давидъ Робертъ, знаменитый пейзажистъ, авторъ живописнаго путешествія въ Египетъ; сиръ Колико, напоминающій Бельгійца Гнипа; Вебстеръ, достойный преемникъ Вильки, соперника Французскаго живописца Шарле; Станфильдъ, который такъ искусно переноситъ на полотно весь ужасъ и всю прелесть буря; Фростъ, обещающій переселить въ Англію школу Альбана и Діаца; Кресвинъ, вѣрный копистъ природы въ пейзажахъ, и многіе другіе. Скажемъ еще нѣсколько словъ о Несторѣ Англійской живописи, о славномъ Торнерѣ, болѣе о его личности, нежели о всензвѣстномъ его дарованіи.

Торнеръ, какъ извѣстно, отличился въ пейзажномъ родѣ и въ изображеніи морскихъ видовъ. Онъ придумалъ эту туманность, эту неопредѣленность, неясность очерковъ, это сліяніе тѣней, которыя, при его пониманіи эффектности, придаютъ его произведеніямъ какую-то поэзію, — даже трогательность. Нѣсколько скалъ, немного неба, немного моря, часто бывало достаточно для цѣлой картины.

Есть много его картинъ для кипсековъ, куда рѣзецъ гравера перенесъ эти отличительныя достоинства кисти Торнера. Оригинальныя его картины стали рѣдки и дорого цѣнятся знатоками; лучшее ихъ собраніе въ Лондонѣ принадлежитъ негоціанту г-ну Бикнелю и помѣщено въ его роскошномъ домѣ Гернъ-Гиллъ. Этотъ любитель живописи платилъ за нѣкоторыя картины Торнера по 3,000 ф. ст.,—сумма, до которой не достигло ни одно изъ произведеній современныхъ живописцевъ.

Торнеру 80 лѣтъ. Онъ богатъ и до того скупъ, что имя его вошло въ поговорку. Скупъ, какъ Торнеръ, говорятъ о скрягахъ. Въ одномъ только случаѣ онъ забываетъ о бережливости, становится даже расточительнымъ: это, когда дѣло идетъ о приобретѣніи, или, такъ сказать, о выкупѣ собственныхъ картинъ. Домъ его почти развалился и требуетъ поправокъ. Въ комнатахъ ходитъ вѣтеръ, потолокъ пробиваетъ дождь, но ему до этого нѣтъ дѣла; онъ не выдастъ ни полушки на починку, а жадно скупаетъ свои картины, вовсе не заботясь о томъ, что онѣ гниютъ въ его развалинахъ. Лѣтъ тому пятнадцать, когда его дарованіе было во всей своей силѣ, онъ написалъ: *Торжество* и *Паденіе Карвагена*. Сочиненіе этихъ картинъ полуфантастическое, а въ исполненіи, знаніе эффектовъ и туманность, о которой мы говорили, достигли поэтическаго выраженія. Много разъ предлагали ему хорошія деньги за эти картины, — онъ всегда отказывался продать ихъ. Однажды, кто-то изъ вельможъ, объявилъ ему, что королева желала бы видѣть его картины въ одной изъ публичныхъ галерей; — онъ не уступилъ и желанію королевы. Въ другой разъ лордъ Пемброкъ подалъ ему подписанное условіе продажи, съ пробѣломъ для цѣны, полагая, что его скупость не устоитъ противъ искушенія вынести огромную сумму;—Торнеръ отказалъ.

Однажды лордъ, подъ вѣдвіемъ котораго состоятъ народныя хранилища произведеній искусствъ, опасаясь, чтобы *Торжество* и *Паденіе Карвагена* не ускользнули въ частныя руки, отправился къ упрямому артисту и сказалъ ему: Вы хотите наслаждаться видомъ вашихъ картинъ... Это ваше право; но вы произвольно лишаете себя значительной суммы, составляющей ихъ цѣну,—дѣло могло бы уладиться. Можно вамъ заплатить за нихъ, то есть, обезпечить только права государства на эти драгоценныя произведенія,—и оставить ихъ у васъ, пока... пока вамъ будетъ это угодно.

— Понимаю.—А послѣ моей смерти?

— Вы бессмертны, только какъ живописецъ, г. Торнеръ!

— Гм!—и на устахъ артиста, появилась тонкая, саркастическая улыбка.

— Вы не соглашаетесь?

— Да... мои картины....

— Упомянувъ въ вашемъ духовномъ завѣщаніи, что за нихъ заплачено, вы могли бы оставить ихъ для *national gallery*.

— Мое завѣщаніе написано, сухо отвѣчалъ старикъ.... Я упомянулъ въ немъ и о картинахъ.

— Какъ же вы о нихъ рѣшили?

— Онъ,—онъ будутъ погребены вмѣстѣ со мною.

Мнѣнія Лондонской публики не согласны, должно ли будетъ исполнить такую странную волю завѣщателя? Одни утверждаютъ, что произведеніе рукъ и мысли артиста есть самая священная собственность, и никто не можетъ отнять у него право располагать ею произвольно. Другіе говорятъ, что завѣщаніе сумасшедшаго не можетъ имѣть обязательную силу. Торнеръ слышитъ это, улыбается и молчитъ.

Можетъ быть, онъ скрываетъ злой умыселъ и предъ смертію истребитъ эти картины.

Чтенія Теккерея идутъ успѣшно. По четвергамъ зала поэта, какъ его называлъ Жюль Жанешъ, наполняется знатію и литераторами; все хотятъ слышать оратора, придавашаго новую цѣну современному роману, истинно литературнымъ слогомъ. Онъ уже разсказалъ біографіи Свѣта, Попе, Гогарта, Фильдинга, и проч. Чтенія его издаются.

Луи Бланъ, слѣдуя примѣру г. Теккерея, Леди Сомервилъ и другихъ, также открылъ публичныя чтенія. Вотъ что пишетъ объ этихъ чтеніяхъ Германская путешественница, дѣв. Левальдъ:

«Сегодня вечеромъ, я была вмѣстѣ съ двумя пріятельницами: Англичанкою и Нѣмкою, на послѣднемъ чтеніи *Louis Blanc*, который читаетъ Исторію Соціализма. Чтенія эти происходятъ въ домъ бѣдной наружности, неподалеку отъ Оксфордской улицы. Миссъ Б..., хотя уже не въ первый разъ пріѣхала на эти лекціи, не узнала бы однако двери, ведущей въ залу, если бы не замѣтила группы мужчинъ, бородатыхъ, въ Каламбрійскихъ шапкахъ, стоявшихъ у входа. Мы пріѣхали въ 9-ть часовъ вечера. Насъ ввели темнымъ корридоромъ въ залу, въ которой днемъ учатся дѣти какого-то пріюта. Подъ низкимъ сводомъ висѣла простая лампа. Красныя знамена развѣшаны были по стѣнамъ, на которыхъ на-

писано было бѣлыми буквами: *Fraternité, égalité, liberté*. Сверху, между двумя Фригійскими колпаками, висѣло маленькое знамя, съ надписью: *Anniversaire de la revolution de Février*. Неопрятность комнаты, гирлянды поблекшихъ цвѣтовъ и изодранные занавѣсы, производили непріятное впечатлѣніе на взоръ, привыкшій къ Англійскому комфорту. Слушателей собралось, мало по малу, человекъ до ста, въ томъ числѣ до пятнадцати дамъ. Изъ мужчинъ никто не былъ одѣтъ съ изысканностію, отличающею Французовъ; всѣ имѣли какой-то странный видъ. Но въ этомъ изношенномъ одѣяніи встрѣчались головы съ прекрасными чертами, съ отпечаткомъ живой мысли, типы, которые восхитили бы живописца. Въ особенносн замѣчательнъ былъ старикъ, котораго вниманіе выражалось язвительною улыбкою ненависти; казалось, что онъ уже видѣлъ торжество своихъ идей, предрекаемое на кафедрѣ. Что касается до самаго лектора, онъ все тотъ же, какъ я его видѣла въ 1848 году въ Люксембургѣ, когда онъ былъ могущественъ. Костюмъ его, старательно изысканный, представляетъ разительный контрастъ съ рубищами его слушателей. Онъ былъ въ синемъ фракѣ, съ металлическими пуговицами, въ черныхъ перчаткахъ, и въ высокомъ шоловомъ галстукѣ, какіе обыкновенно носятъ малорослые. Волосы у него темные; профиль его, и вообще цвѣлая фізіономія, а въ особенности движеніе угловъ его губъ, показались мнѣ признаками, Еврейскаго происхожденія, но говорятъ, что Louis Владе не Жидъ, равно какъ и его предки.

Нѣкто Альбертъ Смитъ (Smith) также наложилъ подать на уши любопытныхъ жителей Лондона; чувствуя себя неспособнымъ къ публичнымъ чтеніямъ, онъ придумалъ *публичные рассказы*. Вотъ исторія рассказчика.

Нѣсколько лѣтъ тому, г. Смитъ былъ молодой, весьма бѣдный адвокатъ. Какой-то лордъ предложилъ ему сѣздить съ нимъ на Востокъ, въ качествѣ домашняго секретаря;—Смитъ согласился. Въ Триестѣ путешественники поссорились. Великодушный лордъ, разставаясь съ своимъ секретаремъ, выплатилъ ему годовое жалованье, то есть 6,000 франковъ. Г. Смитъ не зналъ, что начать, распорядившись дѣлами своими въ Лондонѣ такъ, чтобы пребыть цѣлый годъ въ отсутствіи. Будучи на цѣлый годъ свободенъ, съ мѣшкомъ гиней въ карманѣ, съ настроеннымъ на чудеса востока воображеніемъ, молодой человекъ рѣшился продолжать путешествіе, натурально не съ теми удобствами, которыя обещало ему соупутствіе богатаго лорда, за то съ меньшею зависимостію, съ свободою артиста, сообразно съ средствами, предоставленными ему случаемъ.

Ровно через год г. Смитъ возвратился въ Лондонъ. Онъ рассказывалъ любопытнымъ друзьямъ свои похождения, отъ нечего-дѣлать, и самъ не зная, за что взялся, чтобы упредить будущность. Друзья хвалили его рассказы, и это подало ему мысль публично рассказывать свое путешествіе. Рассказывать путешествіе на Востокъ, послѣ столькихъ печатныхъ путешествій въ этой странѣ, — дѣло трудное! Но г. Смитъ выбралъ новую точку зрѣнія: вмѣсто лирическаго повѣствованія, онъ принялся рассказывать сущую правду. Оставя въ сторонѣ Пирей, Паренонъ, мечеть св. Софій, пирамиды и Святые мѣста, онъ прозаически пересказалъ простые всѣдневныя случаи своего странствованія, досадныя неудачи, неудобства въ странахъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и аэро-статовъ въ пустыняхъ, гдѣ кочевые караваны питаютъ осѣдлыхъ жителей. Онъ говорилъ, какъ его обманывали Арабы въ степяхъ, и не таилъ своихъ продѣлокъ въ каждомъ городѣ. Рассказъ его отзывался пріятельскою бесѣдой у камина, искренностію семейнаго круга. Это былъ разговоръ среди друзей, задушевная исповѣдь въ родномъ пріютѣ. Вѣрный отчетъ въ неожиданныхъ впечатлѣніяхъ, комическія подробности, рассказанныя съ умомъ, оригинально, все способствовало успѣху г. Смита, и вскорѣ онъ нанялъ для своихъ засѣданій залу на Hanover-Street (гдѣ поутру служатъ обѣдню, въ полдень даютъ концертъ и вечеромъ бываютъ представленія какого-то фокусника). Повторяя почти ежедневно свои похождения, г. Смитъ приобрѣлъ ту остроту и ловкость изложенія, когорыя составляютъ едва ли не единственное достоинство повѣствователя и главную занимательность рассказа. Число слушателей день-отъ-дня увеличивалось и простиралось наконецъ отъ 500 до 600 человекъ. Считая по полугинезъ съ человека, г. Смитъ получалъ до 6,000 франковъ ежедневнаго дохода.

Въ концѣ Іюня онъ купилъ прекрасный домъ при Wimpole-Street, а 1-го Августа, видя, что любопытство его слушателей истощилось, и его приключенія на Востокъ потеряли прелесть новизны, онъ отправился въ Швейцарію, гдѣ вмѣстѣ съ тремя воспитанниками Оксфордскаго университета, восходилъ на вершину Монблана, отправясь изъ Шамуни 15 числа прошлаго Августа. Подвиги свои въ Швейцаріи, г. Смитъ намѣревается рассказывать въ наступающую весну.

Въ три-четыре путешествія онъ можетъ сдѣлать миллионъ.... Вотъ что приноситъ въ Англию счастливая идея!

Заглянемъ теперь въ Парижъ. Тамъ всегда найдете о чемъ поговорить, и мы советуемъ г. Смигу вписать этотъ городъ въ свой спекулятивный маршрутъ.

Начнемъ съ театровъ. Театръ оперы давалъ въ честь лорда мера представление *Les nations*, аллегорія, съ пвнїемъ и танцами. Альбони вступила на сцену въ оперѣ *Пророкъ*, и вскорѣ будетъ играть Розину въ Севильскомъ цирюльникѣ. Масоль появится вновь на здѣшней сценѣ въ оперѣ *La gicce de Churge*, и будетъ играть въ *Juif errant* Галеви. Американская пѣвица г-жа Тедеско, ангажирована театромъ оперы.

На театрѣ *Les Francais* давали новую драму—*Mathurin Ragnier*; комедию—*le Baron Lafleur*, и пьесу г. Лазера—*Chacun de son côté*, въ которой м-лле Judith прекрасно исполнила роль, созданную г-жею Марсѣ. Недавно Ренье восхищалъ любителей древнихъ классическихъ фарсовъ въ *les Fourberies de Scapin*. Теперь ставятъ на этомъ театрѣ м-лле *de la Seglière*, драму знаменитаго комика и сотрудника г. Жюля Сандо. (Эта повѣсть напечатана была въ Москвитинѣ). На театрѣ *Opéra-Comique* играли *Seraphina*, оперу въ одномъ дѣйствїи, музыка г. *Clemenceau de Saint Julien*. Опера эта известна съ 1847 года; нѣсколько разъ была передѣлана, оставлена и возобновлена.

На этомъ театрѣ дебютировалъ съ успѣхомъ нѣкто *Coulon*, въ партїи баса. *M-r Bataille*, прежнїй басъ комической оперы, окончивая контрактный срокъ, требовалъ значительной прибавки жалованья, такъ, что содержатель театра *M-r Perin* рѣшился его отпустить. Къ счастью г-на Перень, въ это самое время *M-r Coulon* не будучи ангажированъ въ Парижѣ, отправлялся въ Стразбургъ. Артистъ этотъ имѣетъ прекрасный голосъ и много искусства. Г. Перень заплатилъ за него 4,000 франковъ неустойки Стразбургскому импрезарїю. *Coulon* дебютировалъ въ оперѣ *Fée aux roses*. *M. Bataille* увидѣлъ тогда, что онъ не необходимъ, и рѣшился остаться на прежнемъ жалованьи, зарабатывая въ два спектакля каждую недѣлю столько, какъ три или четыре пародные представителя, законодательства и болтая цѣлый годъ.

Въ *Gymnase* играли *Les philosophes de vingt ans*, соч. г-жи Бертоны, и давали наконецъ значительную пьесу Бальзака—*Mercadet*. Резкія современныя идеи составляютъ единственное достоинство этой комедїи. Цинизмъ нѣкоторыхъ выраженїй въ этой пьесѣ, былъ поводомъ, что представленїя ея были приостановлены на другой день послѣ ея появленїя, и это обстоятельство еще болѣе способствовало успѣху. Супруга г. Бальзака продала *Mercadet* журналу *Pays*. Парижанамъ угрожаетъ цѣлый обвалъ посмертныхъ сочиненїй Бальзака. Они появляются въ фельетонахъ, въ *Revue*, на сценѣ. Въ *Ambigu* приготавливаютъ *La peau de Chagrin*, пьесу,

передланную изъ романа Бальзака. За 500 франковъ каждый имѣетъ право вывести на любую сцену любой романъ безсмертнаго историка человѣческихъ слабостей.

На театрѣ Variétés давали въ Августѣ *La Goton Beranger*, *Le Mari d'une jolie femme*, *Le fameux numéro*, *Un lingot* и наконецъ *La Chine à Paris*, несносную плоскость, въ которой весь умъ автора виденъ только въ томъ, что онъ скрылъ свое имя. Въ этой-то пьесѣ появились на сцену Китайцы. Но за чѣмъ? развѣ потребность въ нихъ была такъ ощущительна? И еще какіе Китайцы! прегадкіе, преуродливые, скорѣе Татары, Калмыки, Монголы, нежели настоящіе Китайцы. Мы воображаемъ себѣ Китайцевъ прекрасными игрушками человѣческой породы, одѣтыми въ богатый костюмъ съ яркими фантастическими цвѣтками, съ пламенеющими драконами, — и что же мы увидѣли? Безобразныя нескладныя фигуры, гадко одѣтыя, неловкія. Трудно повѣрить, чтобы эти уроды были представителями поданныхъ чистой крови великаго Хеу-Тчу.

Ихъ эволюціи и музыка еще отвратительнѣе ихъ самихъ. Мандаринъ, съ какими-то вилами въ рукахъ, представляетъ сраженіе съ самимъ собою, побвждаетъ самого себя и самъ же обращается въ бѣгство. Потомъ другой проказникъ сдѣлалъ нѣсколько неловкихъ, но вовсе не смѣшныхъ скачковъ, — вотъ и все, а гармонію ихъ тамъ-тамъ и тонгъ, можно сравнить съ звономъ и дребезгомъ кострюль, сковородъ и прочей кухонной посуды.

Накинская роза безобразна даже для Китайки. Мандаринъ Кей-Сингъ-ми-Тчиту похожъ на Швейцарскаго Кретина. И всѣ эти господа обернуты въ какія-то запачканныя тряпки, съ развѣшанными въ беспорядкѣ бляхами. Это просто мистификація, сценическая, Китайская утка!

Театръ *Montansier* теперь болѣе другихъ посѣщаемъ и почти всегда полонъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ тамъ появились только двѣ новости: *En manches de chemise* и *Le charreau de paille d'Italie*. Любовь публики къ этому театру не прерывается въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ. Теперь ее привлекаетъ туда прекрасная пьеса гг. Маркъ-Мишеля и Лабиса (*Le charreau de paille*), и игра въ ней превосходнаго комика Равеля. Неутомимая дирекція этого театра приготовляетъ еще новый фарсъ, въ насмѣшку аэростатамъ и летучимъ людямъ. Каждый день сотни любопытныхъ съ досадою выходятъ изъ кассы театра, не доставъ билета.

На театрахъ *La gaité* и *l'Ambigu* не давали ничего новаго. М-ле *Emilie Guyon* учитъ новую роль, созданіе которой придаетъ въ вступающую зиму новый блескъ послѣднему изъ сихъ театровъ.

Valeria, одна изъ любимыхъ пьесъ публики, оставляетъ сцену театра улицы Richelieu и г-жу Рашель, чтобы вступить на сцену театра бульваровъ, гдѣ роль г-жи Рашель займетъ красавица артистка m-lle Guyon.

Циркъ давалъ: *Медвѣдь и дикій человекъ*; пьеса эта и по заглавію и по содержанию, очень кстати на сценѣ *безлюдной пустыни* цирка. Другой циркъ, на Елисейскомъ полѣ, продолжаетъ привлекать публику—и генерала Кавеньяка. Ипподромъ пускаетъ шаръ за шаромъ, сдвигаетъ свою труппу для *Arc-de-Triomphe* и *Les arènes Saint Antoine* и удваиваетъ доходы. Славныя *тридцать дней веселья* г-на Ріона не состоялись, какъ можно было предвидѣть, а проектъ Горо, Пласъ и Ружьери ввроятно приметъ меньшіе размѣры и ограничится концертомъ, спектаклемъ и баломъ. Сборы Парижскихъ театровъ въ Августъ простирались до 585,000 франковъ, и 110 тысячами франковъ превзошли сборы въ Іюль. Можно ожидать, что въ Сентябрь они еще возрастутъ. Осенній вѣтеръ вытѣсняетъ публику изъ публичныхъ садовъ спектаклей подѣ открытымъ небомъ.

Но не Парижане виною возрастанія театральныхъ доходовъ. Съ наступленіемъ вакаціи Парижъ пустуетъ. Парижанинъ бѣжитъ теперь изъ города, куда можетъ. Одинъ ѣдетъ къ морскимъ водамъ, другой на охоту, третій въ деревню, на Рейнъ, въ Италію, въ Бельгію, — куда занесетъ вѣтеръ желаній и обстоятельствъ, — куда позволить карманъ. Жители департаментовъ также бѣгутъ отъ домашняго очага, но бѣгутъ въ Парижъ, искать удовольствій, которыхъ нѣтъ въ департаментахъ, и теперь на улицахъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ, вездѣ встрѣчаются новыя лица, незнакомыя, странныя, сохранившія и въ костюмѣ, и въ приемахъ и даже въ чертахъ лица отпечатокъ иногородности.

Товарищъ Ломлей, г. Гиллеръ, уже въ Парижѣ, гдѣ онъ готовится лирическіе элементы на зимній сезонъ. Знаменитый артистъ намѣренъ преобразовать оркестръ, которымъ онъ самъ будетъ часто дирижировать. Онъ преобразуетъ также хоры, измѣнитъ репертуаръ и придастъ ему болѣе жизни, души. Парижъ услышитъ неслыханныя партіи. Наступающій сезонъ обѣщаетъ много, а г. Ломлей, продолжая оставаться директоромъ театра, не шадитъ приобретенныхъ *стерлинговъ*, чтобы великолѣпіемъ своей сцены привлечь публику.

Въ Спа, дневные праздники смѣняются вечернею иллюминаціей; въ Баденъ-Баденъ съѣхались всѣ знаменитости политики, науки, литературы. Парижскіе чиновники, люди должностные, пользуются

свободою вакацій, отправились въ Лондонъ. Говорятъ, что при закрытіи выставки и раздачѣ наградъ, данъ будетъ великолѣпный пиръ. Кстати о выставкѣ: Жюль Жаненъ получалъ собственноручное письмо отъ принца Альберта, въ которомъ привѣтливый супругъ могущественной королевы увѣдомляетъ писателя о великолѣпномъ изданіи въ Лондонѣ, въ Французскомъ текстѣ, его занимательныхъ писемъ, помѣщенныхъ въ *Journal des Debats*, подъ заглавіемъ: *Le mois de Mai à Londres et l'exposition de 1851*. Къ этому изданію приложенъ чрезвычайно схожій и превосходно гравированный портретъ знаменитаго критика. Г. Жюль Жаненъ выбралъ удачный эниграфъ къ этому сочиненію изъ Сенеки (письмо СХ), котораго содержаніе представляетъ прекрасное примѣненіе къ теперешнему случаю. Вотъ онъ: «я былъ недавно на выставкѣ богатствъ Рима; я видѣлъ тамъ чудеса, образцовыя произведенія изъ «серебра и золота, которыхъ формы были еще драгоценнѣе металла; тамъ были также ткани и изящныя матеріи для украшеній, «одѣянія, привезенныя изъ странъ, даже болѣе отдаленныхъ, чѣмъ «границы Римской державы... Я видѣлъ изумленнымъ окомъ, все «великолѣпіе и пышность, выставленныя на показъ блестящимъ до- «статкомъ народа-властелина».

Говоря о послѣднемъ сочиненіи Жюль-Жанена, скажемъ и о томъ, которое вскорѣ появится въ свѣтъ. Это романъ, буколическій разсказъ, трогательный, страстный, полный юной жизни прихотливо названный: *Les Gaietés champêtres*. Говорятъ, что авторъ этого смѣлаго сочиненія представляетъ въ немъ Лудвика XV въ весьма невыгодномъ свѣтъ».

Огромныя филантропическіе проекты составляются теперь въ замкахъ, въ деревняхъ, повсюду, гдѣ собирается богатое сословіе. Кромѣ подписокъ въ пользу бѣдныхъ, сбора милостыни (*quêtes*), домашнихъ лоттерей, и проч.,—четыре знатныя дамы намѣрены дать шесть большихъ концертовъ-баловъ, и разсчитываютъ собрать десять тысячъ подписчиковъ по сту франковъ. На собранныя деньги построены будутъ два большіе приюта для вдовъ работниковъ. Балы эти (если министръ согласится) будутъ даны въ Тюльери. Въ этомъ обществѣ разсказывали много случаевъ о благотвореніяхъ.—Вотъ одинъ изъ нихъ:

Мальчикъ, у котораго было въ карманѣ два су, встрѣтилъ нищаго и отдалъ ему одно су. Увидавъ это, его окружила толпа убогихъ. Мальчикъ былъ въ недоумѣніи; нищихъ было двадцать человекъ, а у него только одно су. Если это су размѣнять на самую мелкую звонкую монету Франціи, все невозможно будетъ

одвѣтъ двадцать человѣкъ. Меньше су только лъары и сантимы. Одно су содержитъ четыре лъара или пять сантимовъ;—раздѣлъ невозможенъ. Въ это время проходитъ поселянинъ, и видя замѣшательство мальчика, спросилъ о причинѣ. Я пособно горю, сказалъ онъ, узнавъ въ чемъ дѣло и подумавъ немного. За снмъ онъ вынулъ изъ кармана пять су, и размвнявъ ихъ на лъары, получилъ двадцать лъаровъ. Отдавая каждому нищему одинъ лъаръ, онъ требовалъ одинъ сантимъ сдачи. Вышло, что онъ роздалъ двадцать лъаровъ, т. е. пять су, и получилъ сдачи двадцать сантимовъ, или четыре су, такъ что на повѣрку онъ выдалъ только одно су. Не каждый математикъ нашель бы такую комбинацію относительной цѣнности монетъ, придуманную простымъ поселяниномъ.

Главнѣйшія Парижскія газеты, другъ за другомъ, пересказали ужасный случай въ Сень-При (Saint-Priest) и заплатили дань похвалы и сожалѣнія памяти Alexis de Vallon (*). Всѣ единогласно признають благородство его душевныхъ и умственныхъ качествъ. Тѣ, которые знали Alexis de Vallon только по его сочиненіямъ, не могли не оцѣнить свѣжесть и силу его воображенія, вѣрность его идей, тонкость его наблюденій и эту возвышенность чувствъ, тѣмъ болѣе поразительную, что она проявлялась безъ усиія, почти мимо воли автора. Можетъ быть даже, что онъ не вполнѣ, не довольно предавался этимъ увлеченіямъ, умвря ихъ живостью отсутствіемъ пылкости въ слогъ, и тѣмъ вводилъ въ заблужденіе поверхностно судившаго читателя. Даже въ литературныхъ трудахъ Alexis de Vallon замѣтенъ этотъ недостатокъ: недоувѣрчивость къ самому себѣ. Безпрестанно сопротивляясь увлеченіямъ сердца и своей волю воображенія, избгвая всего, что могло бы казаться преувеличеннымъ, натянутымъ, подготовленнымъ, онъ часто клеветалъ на самаго себя. Въ немъ господствовала какая-то стыдливость, какое-то цѣломудріе чувствъ, которыя удерживали изліянія, вырывавшіяся изъ души его. При первомъ взглядѣ не трудно было обмануться, и многіе обманывались. Многіе видѣли въ Alexis de Vallon скептическій умъ, беззаботное сердце, и они ошибались. Правда, онъ не уступалъ первому порыву, не вѣрялъ души каждому. Радужный и привѣтливый со всми, онъ былъ тихъ, скромненъ и остороженъ въ сношеніяхъ вседневной жизни, но въ его обращеніи, въ его характерѣ не было ни спвси, ни высокоумврія.

Тѣ, которые хорошо знали Alexis de Vallon, всего болѣе удивлялись невозмутимой гармоніи прекрасныхъ качествъ этого избран-

(*) Это имя знакомо читателямъ Москвитинамъ. Мы перевели многія его статьи. Ред.

ника; но эти щедрые дары природы нельзя было распознать иначе как постепенно, продолжительным и тщательным наблюдением. Доброе и нежное его сердце было осмыслено умом твердым, суждением разумным и безпристрастным. Глубокий наблюдатель, он не был опрометчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Одаренный прямымъ и безпристрастнымъ умомъ, онъ искалъ истины, но уступая господству страстей и предубѣжденія, и не колеблясь отрекался отъ заблужденія или повѣрялъ торопливо принятое впечатлѣніе. За то, въ своихъ зрѣло-обдуманыхъ намѣреніяхъ, онъ былъ непоколебимъ. Такая неизмѣнная правота ведетъ непосредственно къ независимости характера. Онъ былъ независимъ, потому что былъ справедливъ, и эти столь рѣдкія качества взаимно другъ друга поддерживали. Въ Alexis de Vallon не было ничего пошло-обыкновеннаго, потому что его умъ и чувства возносили его выше мелочей жизни. Одной-его мужественной независимости достаточно уже было, чтобы образовать изъ него человека высшаго, предназначеннаго переступить за черту посредственности, во всехъ положеніяхъ, въ которыхъ развивалась дѣятельность его мысли. Но къ чему эти грустные похвалы? Другіе уже сказали, какими правами Alexis de Vallon снискалъ всеобщее сожалѣніе, сопровождавшее его въ могилу, гдѣ онъ покоится возлѣ праха своего отца.

Электрисный телеграфъ Беквелля (Baskwell).

Не вѣсть известно чрезвычайное и замысловатое устройство электрическаго телеграфа, передающаго депешу, не условными знаками или буквами и нѣкоторыми фразами по одиночкѣ, но цѣлымъ точнымъ снимкомъ (fac-simile) на бумагу. Сообщаемъ здѣсь описаніе такого телеграфа, бывшаго на Лондонской выставкѣ, придуманнаго г-мъ Беквелемъ.

На станціи отправленія устроенъ металлическій цилиндръ, вращающійся около своей оси посредствомъ сочетанія нѣсколькихъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе гирею. На противоположной станціи находится такой же цилиндръ, съ точно такимъ же механизмомъ. Оба механизма имѣютъ совершенно равномерное движеніе. Невмѣрно-быстрый токъ электрической струи, которая можетъ въ одно и то же мгновеніе дѣйствовать на обоихъ станціяхъ, подзюютъ ему возможность разомъ пускать въ ходъ или останавливать оба механизма. При каждомъ цилиндръ устроенъ металлическій шпиль, или чертежная игла (tracelot), которая движется впродоль цилиндра, слегка къ нему прикасаясь, и при его круговращательномъ движеніи описываетъ около него спираль. Разумѣется, что круги этой спирали можно произвольно сблизить или

раздвинуть, соразмѣряя движеніе цилиндра съ движеніемъ чертильни-ка. Цилиндръ на станціи отправленія депешей покрывается тон-кимъ слоемъ сургуча. Депеша пишется по сургучу грабштихомъ, такъ, чтобы очерки буквъ проникали сквозь сургучъ до самаго ме-талла. Изъ этого слѣдуетъ, что цилиндръ будетъ проводникомъ электричества только въ обнаженныхъ отъ сургуча мѣстахъ. На другой станціи, на цилиндръ накладывается листъ бумаги, смоченный кислотатымъ растворомъ синеродисто-железистаго по-тассія (*une solution acidulée de ferro-cyanure de potassium*). Тогда оба механизма приводятся въ движеніе. Покуда чертильникъ проходитъ по сургучу, электрической токъ прерванъ, но съ каж-дымъ прикосновеніемъ къ металлу, ему сообщается искра, которую онъ передаетъ чертильнику другой станціи, посредствомъ устро-еннаго между ними проводника. Эта искра оставляетъ, на приго-товленной, какъ выше сказано, бумагѣ, цвѣтную точку, на мѣстѣ, соответствующемъ тому мѣсту перваго цилиндра, откуда искра эта была воспринята. Такимъ образомъ, когда чертильникъ первой станціи пробѣжитъ въ весьма сближенныхъ, почти сплошныхъ кру-гахъ депешу, написанную на покрытомъ сургучомъ цилиндрѣ, снимокъ этой депеши обозначится на листѣ бумаги, покрываю-щемъ цилиндръ второй станціи. Ускоря движеніе цилиндра и чер-тильника, сей послѣдній можетъ пробѣгать чрезвычайно скоро весьма длинную депешу; и потому сообщеніе посредствомъ элект-рописнаго телеграфа, по быстротѣ своей, приобретаетъ несом-нливое преимущество предъ обыкновеннымъ электро-телеграфни-ческимъ сообщеніемъ.

Англичане применили дѣйствіе электричества въ рудокоп-няхъ, для разлома скалъ, препятствующихъ работамъ. Преимуще-ство этого способа предъ прежнимъ состоитъ въ томъ, что при-готовивъ въ скалѣ нѣсколько пороховыхъ камеръ, можно воспалить ихъ все въ одно время, проведя чрезъ нихъ затравки тонкую пла-тинную проволоку, которая, раскаляясь на цѣломъ своемъ про-тяженіи въ одно время, разомъ воспалитъ все камеры. Этотъ способъ былъ бы, кажется, весьма удобенъ въ ломаніи мрамора и гранита, гдѣ отъ одновременнаго воспаленія всей линіи пороховыхъ камеръ зависитъ длина отлома. Если это примѣненіе также удобно въ практикѣ, какъ намъ кажется въ теоріи, то мы скоро увидимъ въ Россіи монолиты, въ сравненіи съ которыми Траянова колошпа предъ базиликою св. Петра, покажется ничтожнымъ тротуарнымъ столбикомъ. Въ матеріалѣ недостатка не будетъ: Фишляндія недалеко.

Книгопродавцы гг. Фөрнъ и Перротенъ издають теперь

Двенадцать Дней Рафаэля. Изданіе будетъ состоять изъ двенадцати тетрадей, въ каждой по одной гравюрѣ, съ описаніемъ, составленнымъ ученымъ литераторомъ г-нъ Пейсономъ. Два выпуска поступили уже въ продажу: Св. Цецилія, лучшая картина Белоньскаго музея, и Мадона Сикстинская (de Saint Sixte)—алмазь Дрезденской галереи. Мадонна гравирована г-мъ Леви, — Св. Цецилія г-мъ Пеле. Можно сказать, что эти артисты принадлежатъ къ числу первоначальныхъ граверовъ Франціи. Выпуски выходятъ по мѣсячно: въ Іюнь 1852 года изданіе будетъ окончено. Его Святѣйшество Папа Пій IX принялъ посвященіе этой книги, во всѣхъ отношеніяхъ весьма замѣчательной.

Въ дѣтописяхъ оперной музыки нѣтъ примѣра, чтобы чѣмъ-либо оперы были столько разъ представлены въ короткое время, какъ оперы Мейербера: *Робертъ Гугеноты* и *Пророкъ*. Первая изъ нихъ представлена въ Парижѣ 323 раза, вторая 205, а послѣдняя 100 разъ. Итогъ представленій всѣхъ трехъ оперъ составляетъ 628, не считая спектаклей, въ которые давались некоторыя дѣйствія этихъ пьесъ отдѣльно. Сборъ за сто представленій Пророка, поступившаго на Парижскую сцену въ 1849, не смотря на свирѣпствовавшую тогда холеру и политическіе перероты, составляетъ 788,075 франковъ!

Въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ, издано въ Германіи 1,256 музыкальныхъ сочиненій, въ томъ числѣ 582 для фортепьяно въ двѣ руки и 64 въ четыре, 47 для фортепьяно со скрипкою и 399 для пѣнія.

ОБЗОРЪ ЗАСѢДАНІЙ АНГЛІЙСКАГО ПАРЛАМЕНТА ЗА 1851 Г.

Въ нынѣшнемъ году Англійскій парламентъ открылъ свои засѣданія 4 Февраля; а закрылъ ихъ 8 Августа. Слѣдовательно они продолжались 6 мѣсяцевъ и 4 дня. Такимъ образомъ засѣданіе нынѣшняго года 11 днями короче засѣданія 1850 года. Въ теченіи этого времени палата депутатовъ имѣла 118 засѣданій, которыя всего на все заняли 886 часовъ; слѣдовательно среднимъ числомъ на каждое засѣданіе пришлось по $7\frac{1}{2}$ часовъ. Лорды имѣли только 91 засѣданіе; ихъ засѣданія заняли 217 часовъ, слѣдовательно каждое изъ нихъ продолжалось $2\frac{1}{2}$ часа. Въ нижней палатѣ собраніе голосовъ происходило 226 разъ, а въ верхней только 15. Поименные вызовы (appel nominal) въ нижней Палатѣ случались рѣже обыкновеннаго; всего на все ихъ было только семь, а именно: 1) 18 Февраля, при предложеніи М. Скромпа, назначаютъ осо-

был Комитетъ для разсмотрѣнія, не полезно ли будетъ издать для всѣхъ трехъ королевствъ одни и тѣже законы о бѣдныхъ; 2) 29 Апрѣля, при предложеніи М. Евэртса распространить на колоніи введенное въ Англіи смягченіе смертной казни; 3) 20 Мая, при предложеніи сэра В. Мольсворта представить Королеву адресъ съ прошеніемъ прекратить ссылку преступниковъ на Ванъ-Дименову землю; 4) 19 Юля, при предложеніи М. Гейвуда уничтожить религиозную присягу, даваемую Оксфордскому Кембриджскому и Дублинскому университетамъ; 5) 28 Юля, при предложеніи М. Ньюдегита составить реестръ иностраннымъ продуктамъ, находящимся во дворцѣ выставки. 6) 29 Юля, при возобновленномъ предложеніи М. Энсти прекратить ссылку преступниковъ на Ванъ-Дименову землю, и наконецъ 7) 1 Августа, при предложеніи сэра Дж. Пакингтона позволить ввозителямъ нерафинированнаго сахару рафинировать его подъ надзоромъ правительства, и потомъ, въ отношеніи къ туземному потребленію, поступать съ нихъ товаромъ, какъ съ ввезеннымъ рафинированнымъ сахаромъ.

Только три раза не могло состояться засѣданія (т. е. при открытіи засѣданія не было 40 членовъ): 13 Марта, 13 Мая и 9 Юня. Вотъ важнѣйшіе предметы законодательства во время этихъ засѣданій. 4 Февраля: Королева читаетъ тропиую рѣчь. Въ Верхней Палатѣ лордъ Еффингамъ представляетъ адресъ, который принять единогласно. Лордъ Шестибѣри отказывается отъ предсѣдательства въ Комитетахъ и лордъ Редедэль назначается на его мѣсто. Въ нижней Палатѣ Маркизь Кильдартъ предлагаетъ адресъ, который принимается безъ отбираія голосовъ: въ Англіи вышли изъ моды упорныя адресныя пренія. 6 Февраля: Нижняя Палата благодаритъ за службу своего прежняго секретаря М. Дж. Лея. 8 Февраля: лордъ Дж. Россель предлагаетъ билль о воспрепятствованіи противозаконнаго принатія церковныхъ титуловъ. Послѣ 4-хъ-дневнаго пренія билль принимается 395 голосами противъ 63; министерское большинство 332. 10 Февраля: М. Энсти предлагаетъ отмѣнить всѣ постановленія противъ вѣроисповѣданія и церкви Римскихъ католиковъ. Билль отвергается большинствомъ 175 противъ 35. 11-го Февраля М. Дизраели предлагаетъ вмѣнить въ долгъ правительству озботиться объ убыткахъ землевладѣльцевъ. Послѣ двухдневныхъ преній, предложеніе отвергается большинствомъ 281 голоса противъ 267: министерское большинство 14. 17-го Февраля, Канцлеръ Казначейства представляетъ докладъ о состояніи финансовъ. 20 Февраля М. Локе Кингъ предлагаетъ билль объ уравнианіи избя-

рательнаго права графствамъ Англии и Валлиса съ избирательнымъ правомъ въ городахъ, тѣмъ , чтобы землевладелецъ , получающій до 10 стерл. годоваго дохода, могъ быть избирателемъ. Не смотря на сопротивленіе министерства, билль принимается большинствомъ 100 противъ 52. 24 Февраля лордъ Дж. Россель объявляетъ, что по причинѣ этого пораженія и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ съ своими товарищами выходитъ въ отставку ; по его предложенію Палата откладываетъ засѣданія на 4 дня. Въ верхней Палатѣ маркизъ Ладсдоунъ объявляетъ тоже самое. лордъ Стайлей объявляетъ, что Королева призываетъ его къ себѣ; подробнѣйшія объясненія онъ обѣщаетъ дать впоследствии. Графъ Сень - Джерменъ предлагаетъ вторичное чтеніе билля о бракахъ между зятемъ и свояченицею ; предложеніе отвергается большинствомъ 50 противъ 16. 28 Февраля : лордъ Ландсдоунъ объявляетъ , что попытки составить коалиціонное министерство съ помощію сэра Джемса Грагама и лорда Абердина не удались, и что Королева призвала къ себѣ для совѣта Герцога Веллингтона. Такого же рода объявленіе даетъ лордъ Дж. Россель въ Палатѣ депутатовъ. 3 Марта лордъ Ландсдоунъ и Дж. Россель объявляютъ , что Королева, слѣдуя совѣту Герцога Веллингтона, приглашала своихъ прежнихъ министровъ снова принять управленіе дѣлами, и что по этому послѣдніе заблагоразсудили повиноваться необходимости. 7 Марта : сэръ г. Грей предлагаетъ въ Палатѣ Депутатовъ второе чтеніе билля о церковныхъ титлахъ, и объяснить измѣненія , сдѣланныя во время перваго чтенія. Послѣ 8 дневнаго пренія предложеніе его принимается большинствомъ 438 противъ 95. 11 Марта : лордъ Дюнканъ предлагаетъ въ нижней Палатѣ, чтобы всѣ деньги , получаемыя съ Королевскихъ лѣсовъ и другихъ коронныхъ угодьевъ, вносимы были въ Государственную кассу, какъ обыкновенные доходы. Предложеніе его принимается большинствомъ 120 противъ 119. 19 Марта : отвергается билль М. Фрюенса (Frewens) объ уничтоженіи налога на хмль, большинствомъ 131 противъ 9. 21 и 24 Марта : объясненія касательно Миссъ Августы Гальботъ. 27 Марта Виконтъ Джослейнъ предлагаетъ нарядить комиссію для изысканія мѣстъ , необходимыхъ для улучшенія пароходнаго сообщенія между Англіею, Индіею и Австраліею. Предложеніе его принимается съ доношеніемъ, что изысканія комиссіи должны быть распространены и на пароходное сообщеніе съ Китаемъ. Лордъ Дж. Россель получаетъ полномочіе представить билль о назначеніи новаго вицекандлера. Лордъ Линдгорстъ обращаетъ вниманіе верхней Палаты на суще-

ствующія въ Англіи иностранныя политическія общества, которыя находятся въ корреспонденціи съ революціонерами различныхъ континентальныхъ государствъ, и стараются нарушить спокойствіе союзныхъ съ Англіею странъ. Министерство даетъ отвѣтъ уклончивый. 1 Апрѣля: Лордъ Торрингтонъ оправдываетъ въ верхней Палатѣ свое управленіе островомъ Цейлономъ. 2 Апрѣля: предлагается второе чтеніе билля Лока Кинга о распространеніи избирательнаго права графствъ. Онъ отвергается 209 противъ 83: министерское большинство 216. Второе чтеніе билля Лока о поправкѣ счетовъ желѣзныхъ дорогъ. 3 Апрѣля: Лордъ Дж. Россель предлагаетъ Палатѣ обсудить въ комитетахъ, какъ должно приводить къ присягѣ депутатовъ, выбранныхъ изъ Евреевъ. Предложеніе принимается 116 противъ 98. 4 Апрѣля: Канцлеръ Казначейства представляетъ свой исправленный бюджетъ, и предлагаетъ уничтожить налоги на кофе и иностранный строевой лѣсъ, а налогъ на окна заменить налогомъ на дома. 7 Апрѣля: М. Геррисъ предлагаетъ: такъ какъ налоги на доходы первоначально установлены для удовлетворенія временнымъ потребностямъ, то нельзя ли уменьшить объемъ ихъ, на сколько это позволяеть теперешнее состояніе финансовъ. Предложеніе отвергается 278 противъ 230. 8 Апрѣля: принимается предложеніе Г. Трелани назначить особенный комитетъ для изслѣдованія некоторыхъ несообразностей въ распредѣленіи и взиманіи церковныхъ налоговъ. Сэръ г. В. Барронъ предлагаетъ, чтобы комитетъ всего парламента занялся изслѣдованіемъ бѣдственнаго состоянія Ирландіи и изысканіемъ необходимыхъ для нея пособій. Предложеніе отвергается 138 противъ 129. 9 Апрѣля: Второе чтеніе билля, представленнаго Лондонскимъ общиннымъ совѣтомъ, о распространеніи Смитфилдскаго рынка, отвергается 246 противъ 124; напротивъ того министерскій билль о перемѣщеніи этого рынка допускается къ вторичному чтенію 230 противъ 65. 10 Апрѣля: предложеніе Сэра Мольсворта, чтобы метрополія какъ можно скорѣе освободила себя отъ военныхъ и гражданскихъ издержекъ на всѣ колоніи, за исключеніемъ только военныхъ и преступническихъ поселеній, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ этимъ колоніямъ представлена была самая обширная автономія, не принимается. 11 Апрѣля: предложеніе М. Дизраели, чтобы при уменьшеніи всякаго налога, и при наложеніи новаго, прежде всего обращали вниманіе на нужды поселянъ и земледѣльцевъ, отвергается 263 противъ 250. 14 Апрѣля: принимаются предложенія канцлера Казначейства касательно домового на-

лога и пошлинъ на кофе и строевой лѣсъ. 16 Апрѣля: М. Эддерней предлагаетъ послать комиссію въ южную Африку для изслѣдованія на мѣстѣ, какъ всего лучше можно устроить отношенія Капской колоши къ племенамъ Каэровъ. Предложеніе отвергается 129 противъ 59; въ замѣнъ этого, большинствомъ 128 противъ 60, принимается предложеніе Лорда Дж. Росселя поручить это изслѣдованіе особому парламентскому комитету. Пасхальныя феріи. 29 Апрѣля: сэръ, Г. Грей получаетъ полномочіе представить билль о лучшемъ способѣ снабженія столицы водою. 1 Мая: билль объ измѣненіи присяжной формулы для Евреевъ допускается ко второму чтенію 202 противъ 177. 2 Мая: предложеніе М. Юма о продленіи налога на доходы только на одинъ годъ, принимается 244 противъ 230. 5 Мая: лордъ Джемсъ Россель соглашается на назначеніе комитета для разсмотрѣнія налога на доходы. Онъ объясняетъ, на какія распоряженія и измѣненія, касательно жалованья государственнымъ чиновникамъ, согласилось правительство по указаніямъ особой комиссіи, наряженной по этому предмету. 6 Мая: отвергается предложеніе М. Берклея установить въ Англіи и Валлисѣ равномерный налогъ въ пользу бѣдныхъ, который не долженъ превышать 1 шеллинга и 6 пенсовъ съ ф. стерлинговъ. Лордъ Наасъ предлагаетъ Палатѣ заняться въ комитетахъ изслѣдованіемъ способа взиманія подати съ водокъ. Оказывается 159 голосовъ въ пользу предложенія и столько же противъ него. Лишній голосъ председателя палаты рѣшаетъ противъ правительства. М. Ребукъ грубо совѣтуетъ лорду Джемсу Росселю лучше выходить въ отставку, нежели оставаться при управленіи, имѣя на своей сторонѣ меньшинство въ парламентѣ. Лордъ Джонъ возражаетъ, что изъ четырехъ дѣлъ, окончившихся не въ пользу правительства, ни одно не заключаетъ въ себѣ выраженія недовѣрчивости къ правительству, равно какъ ни одно не касалось такого важнаго вопроса, чтобы могло обязать министровъ выйти въ отставку. М. Ельисъ представляетъ билль о нарядженіи комиссіи для изслѣдованія подкупа, произшедшаго при выборахъ въ ст. Альбанъ. Предложеніе М. Кэля объ уничтоженіи пошлины съ солоду отвергается 258 противъ 122. Кацлеръ Казначейства прибавляетъ къ биллю о налогѣ на собственность и доходы статью, предоставляющую временнымъ фермерамъ право апелляціи на слишкомъ высокіе налоги. М. Уркгартъ предлагаетъ палатѣ выразить, что присвоенія папской куріи вызваны прежними поступками Вигскаго министерства, и что письмо лорда Дж. Росселя къ епископу Дургамскому дало поводъ

ожидать законнаго удовлетворенія, какое вовсе не доставлено биллемъ о церковныхъ титулахъ. Предложеніе отвергается 280 противъ 201. 12 Мая, сильными большинствами отвергаются предложенія многихъ Ирландскихъ депутатовъ объ отсрочкѣ преній по поводу билля о титулахъ. Предложенія г. Лася о вторичномъ прочтеніи его билля, по которому монастырскіе дома Католиковъ должны быть подвергаемы обыскамъ назначенныхъ для этого отъ правительства комиссіею, отвергается 123 противъ 91. Вторичныя предложенія Ирландскихъ депутатовъ объ отсрочкѣ преній по поводу билля о титулахъ отвергаются 395 противъ 46; потомъ билль рѣшеніемъ 116 противъ 35, препровождается на обсужденіе комитетовъ. 19 Мая: предложенія объ отсрочкѣ этихъ преній снова отвергаются сильными большинствами. Графъ Грей излагаетъ въ Верхней Палатѣ причины, побудившія правительство вопреки опредѣленію парламента отъ 16 Апрѣля, послать въ южную Африку двухъ комиссаровъ, для подкрѣпленія тамошняго намѣстника, приведеннаго Кафрскою войною въ затруднительное положеніе. 22-го Мая: отвергается предложеніе М. Еwartса о распространеніи на Шотландію и по возможности на колоніи установленнаго въ Англіи смягченія уголовныхъ наказаній. Предложеніе М. В. Фока поощрить просвѣщеніе въ странѣ, учрежденіемъ свободныхъ школъ для мирскихъ предметовъ, которыя должны быть содержимы на счетъ общинъ; и находиться подъ надзоромъ комиссій, наряжаемыхъ жертвователями, отвергнуто 139 противъ 49. Предложеніе М. Л. Годжеса уменьшить пошлины съ хмеля съ 2 пенсовъ до 1 пенса съ фунта—отвергается 38 противъ 27. Предложеніе графа Арунделя, избавить отъ наказаній, установленныхъ биллемъ о титулахъ, всѣ дѣйствія Римско-Католическихъ епископовъ, относящіяся къ ихъ духовнымъ обязанностямъ, отвергнуто 216 противъ 61. 26-го Мая: Ирландскіе депутаты предлагаютъ сдѣлать въ билль о титулахъ различныя измѣненія; но они всѣ отвергаются значительными большинствами. Такъ предложеніе М. Ке (Keogh) исключить Ирландію изъ круга дѣйствія этого билля, отвергнуто 344 противъ 59. Билль о контролѣ счетовъ желѣзныхъ дорогъ, отвергается 62 противъ 56. 30 Мая: билль о титулахъ разсматривается въ комитетахъ. Первая статья принимается 244 противъ 82. Билль о колониальной оцѣнкѣ (Colonial-qualification bill), по которому собственность въ колоніяхъ даетъ право на избираемость въ Парламентъ совершенно наравнѣ съ собственностью въ метрополи, допущенъ ко второму чтенію большинствомъ 72 противъ 31. 2 Юня: предложеніе г. Юма нарядить особую ком-

мисію для обсужденія налога на собственность и доходы, принимается 193 противъ 94. 4 Іюня: второе чтеніе билля лорда Мельгенда о Шотландскихъ школахъ, который отвергается 137 противъ 124. 5 Іюня: Министерскій билль о снабженіи столицы водою, допускается ко второму чтенію, большинствомъ 95 противъ 71. Предложеніе М. Т. Беринга, касательно смѣшиванія кофе съ цикоріемъ, отвергается 94 противъ 89. 7 Іюня: Въ комитетъ отвергаются разныя измѣненія въ билль о титлахъ, предложенныя Ирландскими депутатами. 12-го Іюня: предложеніе М. Эистей сдѣлать выговоръ сэру Девисону, намѣстнику Вандименовой земли, за то, что онъ, отнявъ у политическихъ ссыльныхъ о'Донногью, о'Догертей и м'Манусъ, выданные имъ позволенные билеты, отвергается безъ собиранія голосовъ. Предложеніе М. Юма уменьшить одну третью расходы на морскіе запасы, отвергается 108 противъ 36. 13 Іюня. Назначается сумма на покрытие издержекъ Кафрской войны. 16 Іюня: предложеніе М. Спунера, уменьшить на 1,230 ♦ стер. сумму, назначенную на Ирландскія публичныя зданія (23,235 ♦ стер.), отвергается 121 противъ 119. Билль о сокращеніи парламентскаго дѣлопроизводства, отвергается 66 противъ 12. 17 Іюня: предложеніе М. Баса, уменьшить до половины теперешній налогъ на солодъ, отвергается 16 противъ 31. М. Кобденъ предлагаетъ представить Королевы адресъ съ прошеніемъ, чтобы ея Величество повелѣла статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ войти въ сношенія съ французскимъ правительствомъ для того, чтобы по возможности достигнуть обоюднаго уменьшенія военныхъ силъ, и этимъ примѣромъ подѣйствовать на другія Европейскія государства. На обѣщаніе лорда Пальмерстона, что правительство приметъ въ уваженіе филантропическія цѣли почтеннаго члена, М. Кобденъ беретъ свое предложеніе назадъ. 18 Іюня билль о запрещеніи по воскресеньямъ мелочной торговли, отвергается 77 противъ 42. 20 Іюня: вторая статья билля о церковныхъ титлахъ принимается 150 противъ 35. Третья статья принимается безъ собиранія голосовъ. 23 Іюня: М. Вальполь предлагаетъ къ предисловію билля о титлахъ рядъ дополненій, въ которыхъ въ опредѣленныхъ словахъ должна быть выражена совершенная независимость англійской Королевы и церкви отъ всякаго иностраннаго духовнаго вліянія; но предложеніе его признается излишнимъ и отвергается 140 противъ 131. Точно также отвергается 141 противъ 117 предложеніе того же самого члена, объяснить въ предисловіи причины, побудившія парламентъ прибѣгнуть къ этой антипапистической мѣрѣ. Наконецъ предложеніе въ своей

первоначальной, министерской редакціи, принимается 200 противъ 79. 24 Іюня, билль о перемѣщеніи Лондонскаго Смитовскаго рынка допускается къ третьему чтенію 81 противъ 32. 25 Іюня: билль о Шотландскихъ школахъ, отвергается 66 противъ 65. Точно также отвергается 94 противъ 15 билль объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей въ постановленіяхъ касательно продажи въ Ирландіи имѣній, обремененныхъ долгами. 26 Іюня: билль объ изслѣдованіи подкупа, происшедшаго на выборахъ въ Ст. Альбанъ, допускается къ третьему чтенію, 37 противъ 16. Предложеніе М. Ребека дать вознагражденіе Англійскимъ купцамъ, которыхъ имѣнія были въ 1807 конфискованы въ Копенгагенъ, отвергается 126 противъ 49. 27 Іюня: предложеніе сэра Ф. Тезейгера, замѣнить въ предисловіи билля о титулахъ слова: «(папское) письмо или рескриптъ» словами «письма или рескрипты», для того, чтобы мѣра эта и на будущее время предохраняла отъ всякаго посягновенія принимается 135 противу 100. Точно также принимается 165 противъ 109, предложенное тѣмъ же самымъ членомъ измѣненіе ко второй статьѣ, которымъ запрещается ввозить въ соединенныя королевства и обнародывать въ нихъ буллы или рескрипты, учреждающіе въ королевствѣ архіепископства или епископства. 30 Іюля: М. Дизраели снова предлагаетъ облегченіемъ налоговъ оказать нѣкоторую помощь интересу сельскихъ хозяевъ; но предложеніе его отвергается 242 противъ 129. 1 Іюня: предложеніе маркиза Блендоурда въ Нижней Палатѣ представить Королеву адресъ съ прошеніемъ, чтобы для лучшаго удовлетворенія религиозныхъ потребностей жителей Англій и Валлиса были учреждены новыя приходы, принимается безъ собиранія голосовъ. 3 Іюня: въ нижней Палатѣ билль объ Евреяхъ единогласно допускается къ третьему чтенію. 4 Іюля: Третье чтеніе билля о титулахъ. На вопросъ: «должно-ли теперь билль принять окончательно», лордъ Дж. Россель предлагаетъ уничтожить измѣненія сэра Тезейгера; но предложеніе его отвергается 208 противъ 129. Точно также отвергается, 175 противъ 124, предложеніе его уничтожить въ билль слова, которыми не только Королевскій прокуроръ, но и всякій частный человекъ, уполномочивается доносить на прелатовъ, провинившихся въ принятіи титула. После этого билль принимается 263 противъ 46, и представляется въ Верхнюю Палату, въ которой онъ въ первый разъ читается 8 Іюля. Билль о дальнѣйшемъ облегченіи продажи въ Ирландіи имѣній, обремененныхъ долгами, отвергается въ Палатѣ Лордовъ 16 противу 3. 8 Іюля: Предложеніе

Лорда Гросвенора объ уничтоженіи ежегодной пошлины съ аттестатовъ Королевскихъ адвокатовъ принимается 162 противъ 132. Предложеніе М. Берклея, представить билль объ охраненіи Британскихъ и Ирландскихъ парламентскихъ выборовъ тайною подачею голосовъ (ballot) принимается, не смотря на сопротивленіе министерства, 87 противъ 50. Предложеніе М. Сколли уменьшить чрезмѣрное размноженіе рабочихъ домовъ для бѣдныхъ въ Ирландіи доставленіемъ бѣднымъ другаго рода занятій отвергается 64 противъ 42. 10 Іюля: Третье чтеніе билля объ уменьшеніи жалованья верховнымъ судьямъ и о замѣненіи налога на окна налогомъ на дома. Предложеніе М. Юма подвергнуть разсмотрѣнію особой парламентской комисіи поведеніе сэра Джемса Брука на берегу Борнео, а именно обстоятельства его кровопролитнаго нападенія на Дейяковъ (21 Іюня 1849 г.), отвергается значительнымъ большинствомъ 211 (230 противъ 19). Лордъ Брумъ отказывается отъ своего билля о распространеніи юрисдикціи шерифскихъ судовъ на случаи банкротства. 11 Іюля: Лордъ Редедэль говоритъ въ Верхней Палатѣ рѣчь въ пользу возобновленія конвокаціи (т. е. прежняго церковнаго парламента). Все дѣло кончилось только тѣмъ, что ему обещали дать копию съ прошенія, поданнаго для этой цѣли въ Парламентъ духовными и мірянами Кентерберійскаго діоцеза. 15 Іюля: Предложеніе графа Дерби (Лорда Стенлея) о сообщеніи Парламенту корреспонденціи и ордеровъ министерства касательно предполагаемой конституціи Капской колоніи отвергается въ Верхней Палатѣ 74 противъ 68. Предложеніе лорда Нааса въ Нижней палатѣ взять въ уваженіе стѣсненное предложеніе Ирландскихъ мѣльниковъ отвергается 128 противъ 93. 17 Іюля: Билль объ Евреяхъ отвергается въ Верхней Палатѣ, послѣ втораго чтенія, 144 противъ 108. 18 Іюля: Альдерманъ Саломонсъ является въ Палату депутатовъ, чтобы занять мѣсто отъ имени мѣстечка Гринвича. Онъ даетъ три парламентскія присяги, съ исключеніемъ однако же словъ: «по истинной христіанской вѣрѣ.» Вслѣдствіе этого, ораторъ приказываетъ ему выйти изъ залы. По этому поводу начались жаркія пренія, которыя наконецъ были отсрочены до 21 Іюня, 21 Іюля: М. Саломонсъ снова является и садится на министерской сторонѣ Палаты. Ораторъ приказываетъ ему удалиться и приглашаетъ Палату подкрѣпить его приказаніе. Лордъ Дж. Россель, отвѣчая на это приглашеніе, предлагаетъ слѣдующую резолюцію: такъ какъ М. Саломонсъ не далъ присяги по установленной закономъ формѣ, то онъ долженъ Палату оставить. М. Б. Осбэрнъ предлагаетъ измѣненіе (amende-

ment): такъ какъ М. Саломонсъ далъ присягу въ формѣ, наиболее обязательной для его совѣсти, то онъ имѣетъ право засѣдать въ Палатѣ. М. Энстей предлагаетъ отложить преніе; но предложеніе его отвергается 257 противъ 65. При этомъ альдерменъ Саломонсъ также подаетъ голосъ, снова садится на свое мѣсто, и произноситъ къ Палатѣ краткую рѣчь. Послѣ многократныхъ собираній голосовъ, резолюція лорда Дж. Росселя принимается 257 противъ 65, и послѣ того, какъ Министры объявили, что намѣрены не допускать судебного преслѣдованія М. Саломонса, этотъ послѣдній вышелъ изъ залы. 21 Іюля: Маркизь Ландсдоунъ предлагаетъ въ Верхней Палатѣ второе чтеніе билля о церковныхъ титулахъ. Графъ Абердинъ предлагаетъ билль отвергнуть. Послѣ двухдневныхъ преній, билль допускается ко второму чтенію, 265 противъ 38. 22-го Іюля: Лордъ Джонъ Россель предлагаетъ теперь формальное опредѣленіе, что М. Саломонсъ не можетъ засѣдать въ Палатѣ, пока не дѣстъ присяги по законной формѣ. Противъ этого М. Бетгемсъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе: Баронъ Ротшильдъ и Альдерменъ Саломонсъ имѣютъ право засѣдать въ Палатѣ, ибо они дали присягу по формѣ, наиболее обязательной для ихъ совѣсти. Это предложеніе отвергается 118 противъ 71, и преніе отсрочивается до 28 Іюля. 24 Іюля: М. Геррисъ предлагаетъ представить правительству адресъ о томъ, чтобы оно приняло надлежащія мѣры для приведенія въ исполненіе тѣхъ опредѣленій акта объ уничтоженіи навигаціонныхъ законовъ, которыми Ея Величество уполномочивается взыскивать съ государствъ, не уничтожившихъ въ отношеніи къ Англіи стѣснительныхъ положеній своихъ морскихъ законовъ. Послѣ продолжительныхъ преній М. Геррисъ беретъ свое предложеніе назадъ 25-го Іюля: билль объ уничтоженіи закона о патентахъ единогласно допускается ко второму чтенію. Предложеніе лорда Монтигля въ Верхней Палатѣ исключить Ирландію изъ круга дѣйствія билля о церковныхъ титулахъ, отвергается 82 противъ 17. Предложеніе графа Гренвилля не давать вознагражденія жителямъ Лондона, за преимущества которыхъ они лишаются черезъ перемѣщеніе Свидѣльскаго рынка, принимается 59 противъ 95. Ораторъ Нижней Палаты читаетъ письмо М. Саломонса, въ которомъ онъ пишетъ, что на него поданы два прощенія о взысканіи съ него денежнаго штрафа, положеннаго статутами за незаконное засѣданіе и подаваніе голоса въ Парламентъ. (За каждый случай по 500 ф. стерл.). Предложеніе сэра Б. Галльса, согласиться на просьбу Гринвичскихъ избирателей о томъ, чтобы отъ нихъ имени адвокатъ защищалъ передъ Па-

латою интересы избраннаго ими въ представители М. Саломонса, отвергается 135 противъ 75. Подобное же предложеніе М. Эстеля отъ имени Лондонскихъ избирателей и въ пользу барона Ротшильда, отвергается 77 противъ 41, и предложеніе лорда Джемса Росселя снова принимается 123 противъ 68. 29 Іюля: Вторичное предложеніе М. Фрьюнса уничтожить налогъ на хмль отвергается 59 противъ 30. 29 Іюля: М. Гейвудъ предлагаетъ поднести Королевы адресъ съ прошеніемъ, чтобы Ея Величество приказала сохранить хрустальный дворецъ въ его настоящемъ видѣ до 1 Мая, 1852 года, для того, чтобы между тѣмъ можно было сообразить, какое назначеніе слѣдуетъ ему дать на будущее время. Предложеніе принимается 78 противъ 47. 30 Іюля: билль о церковныхъ титулахъ единогласно допускается въ Верхней Палатѣ, къ третьему чтенію, и принимается, а 1 Августа онъ черезъ комиссію получаетъ Королевское утвержденіе. 8 Августа Королева лично закрываетъ Парламентъ.

ТЕАТРЫ ВЪ НЬЮ-ЙОРКѢ.

Кэстль-Гарденъ и Итальянская опера. — М-те Бозіо. — Драматическое искусство въ Нью-Йоркѣ. — Попытка французскаго театра.

На оконечности тригольнаго мыса, въ самой точкѣ пересѣченія двухъ потоковъ, которыхъ пространное и двойное устье образуетъ вмѣстѣ съ моремъ великолѣпный Нью-Йоркскій заливъ, — возвышается уединенная башня, похожая скорѣе на колоссальный пирогъ, нежели на какую-нибудь цитадель. Это зданіе, построенное на небольшомъ островкѣ, и соединенное съ твердою землею висячимъ мостомъ, упирается въ море, и обмываетъ въ немъ свою подошву. Вмѣсто пояса, обвивается, кругомъ его могучихъ боковъ, легкая галлерей изъ деревянныхъ колонокъ; голова его окутана капишономъ изъ краснаго листоваго желѣза, въ видѣ сплюсненнаго конуса, а надъ головой возвышается бельведеръ на подобіе какого-то голубятника. Это зданіе — Кэстль-Гарденъ, старинная крѣпость, преобразенная въ храмъ музъ, внутренность которой, оглашаемая нѣкогда звономъ оружія, оглашается теперь гармоническими пѣснями великихъ маэстро Италіи; Кэстль-Гарденъ, сборное мѣсто для лѣтнихъ увеселеній, театръ, къ которому такъ благосклонна мода лѣтомъ, и такъ жестока, неблагодарна, съ первымъ наступленіемъ холодовъ.

Кэстль-Гарденъ заслуживаетъ, чтобы написали его исторію, потому что исторія его есть исторія самаго Нью-Йорка. И двѣ-

ствительно, что народных торжествъ, что ремесленныхъ выставокъ, что радостныхъ увеселеній и важныхъ собраний оставили здѣсь слѣдъ свой на каждой лавкѣ, на каждой перегородкѣ этихъ стѣнъ! Какъ передовой сторожъ, старая крѣпость оберегала покой Нью-Йорка въ минувшіе дни политическихъ переворотовъ; и теперь, обезоруженная и безпечная, она не спитъ, бодрствуетъ по прежнему, но бодрствуетъ для того, чтобы съ любовью заглядываться въ широкій горизонтъ чуднаго пролива, для того, чтобы съ гордостью привѣтствовать невозмутимое величіе Соединенныхъ Штатовъ, чьи безчисленные корабли далеко, далеко прорѣзываютъ Гудзонъ и Синеѣ море.

Отдѣлая Кэстль-Гарденъ отъ всѣхъ воспоминаній, съ нимъ связанныхъ, глядя на него съ одной архитектурной точки зрѣнія, не найдете вы въ немъ ничего замѣчательнаго. Снаружи, это просто тяжелая, подавленная ротонда, темнаго кирпичнаго цвѣта. Внутри тоже нѣтъ ни богатства, ни излщества въ отдѣлкѣ. Огромная палата, пересѣкаемая эстрадой, служащей подчасъ сценой, подчасъ трибуной, безчисленныя лавки, выдвинутыя полукружіемъ, галлерей, поддерживаемая массивными столбами и изгибающаяся надъ партеромъ, убогое газовое освѣщеніе, стѣны, по мѣстамъ измѣнившія цвѣтъ свой, ударающія то въ грязно-розовую, то въ желтый цвѣта, нѣсколько картушъ *à fresco*, кое-гдѣ выказывающія свои грубо малеванныя аллегоріи,—вездѣ мишура, отсутствіе вкуса, жалкое обезьянство—и вотъ передъ вами вся внутренность Кэстль-Гардена. Но за что же, спросите вы, такимъ уваженіемъ пользуется Кэстль-Гарденъ въ лѣтнее время? — Величественная панорама Нью-Йоркскаго залива и благотворная прохлада, дышащая здѣсь въ пылкіе и знойные лѣтніе дни—вотъ что привлекаетъ сюда городскихъ жителей. Прибавьте къ тому соседство Баттарей, единственное мѣсто прогулки, черезъ которое лежитъ дорога въ Кэстль-Гарденъ, и которое оставлено варварскою модою на долю матросовъ и кухарокъ.

Постоянной оперной залой сдѣлался Кэстль-Гарденъ очень недавно, съ 1850 года. Непопулярность и въ особенности тѣснота залы Astor-Place, неудобной ктому же и для голоса пѣвцовъ, принудила итальянскую труппу выбрать мѣсто обширнѣйшее, гдѣ за дешевѣйшую цѣну могли бы они имѣть и большее число слушателей. Пробывши нѣсколько времени въ саду Нибло, переселилась она на остальные дни въ Кэстль-Гарденъ. Этимъ переселеніемъ онародилась опера, стала доступна она послѣднему изъ бѣдняковъ, и народъ толпами залитъ въ театръ. Были

въ этотъ годъ представленія, гдѣ вмѣщалось до 5 и 6 тысячи слушателей.

Эта мысль сдѣлать оперу доступной для всякаго человека, должна была естественно увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Въ Нью-Йоркѣ, этомъ царствѣ большинства, всякое предпріятіе, въ надеждѣ успѣха, должно непременно обращаться къ массѣ. Кэстль-Гарденъ служить тому подтвержденіемъ; скажемъ болѣе, быстрые успѣхи, которыми можетъ похвалиться музыкальный вкусъ жителей Нью-Йорка,—суть тоже необходимое послѣдствіе этого движенія цѣвь на мѣста.

Вотъ почему итальянская опера сдѣлалась потребностью въ Нью-Йоркѣ и основала тамъ свое постоянное мѣстопробываніе. Въ теченіи двухъ лѣтъ прошло здѣсь уже три оперныхъ сезона, и теперь наступилъ четвертый.

Нынѣшняя итальянская труппа изъ Гаваны состоитъ подъ дирекціей умнаго и энергическаго Максъ-Маретрека. Художническая передача великихъ итальянскихъ маэстро въ лицѣ г-жъ Бозіо, Труффи и Бертукка, г-дъ Бадіали, Сальви, Беттини и Марини, — которые вѣроятно останутся здѣсь и на зиму—показала наконецъ, чѣмъ долженъ быть лирической театрѣ въ городѣ, имѣющемъ пріязанія на умственную цивилизацію. Еще до нихъ, М-ше Лабордъ — что нынѣ въ Парижской оперѣ — проложила здѣсь дорогу для классическаго искусства. Принята была она и оцѣнена, правда, холодно; но эта холодность произошла скорѣе отъ того, что не во время еще явилась она передъ публикой, а можетъ быть, также и отъ смѣшнаго предубѣжденія противъ всѣхъ пѣвцовъ-не Итальянцевъ. Теперь бы приняли ее иначе и оцѣнили по заслугамъ.

Артистъ, наиболее пользующійся успѣхомъ въ нынѣшнее лѣто, *star* (звѣзда) лѣтняго сезона, есть безъ сомнѣнія г-жа Бозіо. Она пѣла въ Парижѣ въ 1848 году, въ то время, когда политическіе интересы вытѣснили совершенно интересы искусства. Это талантъ, полный великихъ надеждъ въ будущемъ; въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ отзывъ объ ней М. Régis de Trobriand, одного изъ умѣйшихъ музыкальных критиковъ нашего времени. Вотъ что писалъ онъ о г-жѣ Бозіо, годъ тому назадъ:

«Г-жа Бозіо—*organo sfolato* во всемъ музыкальномъ смыслѣ этого слова. Она дебютировала здѣсь въ Лукреціи Борджіа. Кто объяснить намъ, зачѣмъ г-жа Бозіо пріѣхала въ Нью-Йоркъ съ своей репутаціей второстепенной пѣвицы между примадоннами Гаванской труппы? Какъ? второстепенная пѣвица, съ такой полнотой и пріятностью голоса; второстепенная пѣвица съ такимъ

умѣемъ владѣть своимъ голосомъ, съ такимъ знаньемъ эффектовъ, съ такимъ механизмомъ въ исполненіи! Тутъ, вѣроятно, не такъ поняла гаванская публика. Намъ приходилось слышать, что у г-жи Бозио нѣтъ силы органа, что ея среднія ноты (*notes du médium*) не отличаются надлежащей звучностью; но это все равно, если бы упрекать тенора, что его голосъ не такъ *soigné*, какъ у баритона, другими словами, — это бессмыслица. Вѣрный и одинаково-звучный органъ ея пробѣгаетъ безчисленныя ступени гаммъ, не ошибаясь, не ослабляя ни на мгновенье, — и при всемъ томъ, это еще не главная ея заслуга. Величайшій вкусъ въ отѣнкахъ, непонятная чистота выполнения, однимъ словомъ, изумительное искусство въ расположеніи — все это даетъ ей право на мѣсто гораздо высшее, несмотря на безсознательныя впечатлѣнія ея цѣнителей. Нужно ли прибавлять, какъ отчетливо игра г-жи Бозио, какъ велико ея умѣнье держаться на сценѣ? Трудно быть аристократически граціознѣе ея на сценѣ, и если молодая актриса не могла, въ глазахъ публики, казаться дѣйствительной матерью Джениаро, за то предстала предъ той же публикой прекрасная драматическая пѣвица, съ рѣдкимъ искусствомъ выполнявшая трудную роль Лукреціи Борджіа.»

Къ этому лестному отзыву прибавлять уже нечего; сказать развѣ, что г-жа Бозио, въ теченіи одного года, сдѣлала громадный шагъ впередъ: талантъ ея, нервный, чистый, аристократическій, растетъ съ каждымъ днемъ.

Но оставимъ и итальянскую оперу, и бросимъ бѣглый взглядъ на другіе театры, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ показать состояніе драматическаго искусства въ Нью-Йоркѣ.

Въ Нью-Йоркѣ теперь шесть большихъ театровъ, кромѣ Кэстль-Гардена и Astor-Place'a, которые могутъ назваться постоянными театрами итальянской оперы, хотя изрѣдка появляются въ нихъ и комедія и трагедія съ своими масками. Прочіе театры назначены исключительно для драматическихъ представлений; таковы: театръ Broadway, Буртонъ, Нибло, Бругэмскій Лицей, Национальный театръ и театръ Боуэри. Мы не станемъ говорить здѣсь о представленіяхъ въ Барнумскомъ музеѣ, ни о другихъ увеселительныхъ мѣстахъ: они не могутъ назваться театрами въ настоящемъ смыслѣ этого слова. И такъ вотъ вамъ восемь театровъ на городъ изъ полумиліона жителей! Къ сожалѣнію, количество не всегда равняется качеству. Мы, признаемся, охотнѣе пожелали бы Нью-Йорку и четыре театра вмѣсто 8, лишь бы хороши были эти четыре театра. Но — больно сознаться — на

двѣя выходитъ иное на восемь театровъ, хорошо, если отыщется театра три сносныхъ — вы въ бэрышахъ. На сколько высоко стоитъ музыка въ Нью-Йоркѣ, на столько отстало, непонято, неопытно въ немъ искусство драматическое. Ни публикѣ, ни актерамъ и не снилось здѣсь, что такое истинный театръ. Театръ здѣсь ремесло, не искусство. Актеромъ дѣляется человекъ, какъ дѣлается мясникомъ, не подозревая вовсе, что нуженъ для этого талантъ и изученіе искусства. За весьма немногими исключеніями, это правило общее. Что оскорбило бы человека со вкусомъ, то кажется возвышеннымъ для большинства публики; и не разъ, слушая громкія рукоплесканія судорожнымъ завываніямъ драматическихъ героевъ, спрашивали мы себя съ ужасомъ, кто же повиненъ изъ насъ въ грѣхъ, мы или публика. Сомнѣніе и ужасъ продолжались однакожъ не долго. Перенеситесь на минуту на Нью-Йоркскую сцену; разберите хорошенько этого актера, входящаго на сцену: онъ выступаетъ впередъ торжественно, съ какимъ-то величіемъ, выпрямивши ноги, высоко поднявши голову, прикрытую огромной шляпой съ огромнѣйшимъ перомъ (эти перья, по мнѣнію Англичанъ, придаютъ большой эффектъ ихъ драмамъ); и этотъ актеръ съ царской поступью, что скажетъ онъ вамъ? безъ сомнѣнія, какое-нибудь великое, глубоко-философское, *to be or not to be* (быть или не быть) — ошиблись; онъ спрашиваетъ своего сосѣда: ужинали ли вы? — Теперь, не угодно ли взглянуть на этотъ костюмъ: штаны зеленые, красный жилетъ, желтый казакинъ и синіе чулки; на всѣхъ швахъ все ленточки, точно веселый шутъ на праздникъ народномъ. Дѣйствіе происходить во времена Кромвелля, и герой пьесы въ пудренномъ парикѣ — это еще согласно съ тогдашней модой; но вотъ онъ разинулъ ротъ, подслушайте интонаціи его голоса, присмотритесь къ его движеніямъ, походкѣ. Такъ ли ходятъ люди, даже и при дворѣ Елисаветы? Такъ ли говорятъ люди въ дѣйствительной жизни? такъ ли садятся они? Если уже создалъ Богъ человека съ такими немощами, лучше бы было родиться обезьяной или носорогомъ; обезьяна, по крайней мѣрѣ, жива и смыслена въ своихъ движеніяхъ, а носорогъ полонъ добродушія при всемъ своемъ величии. Вотъ что поразитъ васъ на первый разъ на американской сценѣ, если въ васъ есть хоть частица изящнаго вкуса. Любовь къ искусству, изученіе роли, дикція, естественность — объ этомъ вѣтъ и помину, и если какой-нибудь актеръ, хоть немного пойметъ свою роль, онъ становится тотчасъ звѣздой (star); — и тогда прощайте Книжъ или Макреда, онъ ихъ и въ подметки себѣ взять не захочетъ. Надо

сознаться, впрочем, что таланты можетъ быть и являлись бы на американской сценѣ, если бы умѣли обрабатывать ихъ и развивать дѣльнымъ ученіемъ; но въ томъ-то и дѣло, что для Американцевъ образовать актера, какъ выстроить пароходъ, ничего не стоитъ; выпускаютъ человака на подмостки, какъ спускаютъ шлюбку въ море, то есть, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы и стройки по условленнымъ подрядамъ. Станете вы искать именъ на Американскомъ театрѣ, сколько же начтете вы? Театровъ восемь въ Нью-Йоркѣ — и что же произвели они? Три или четыре знаменитости всего: миссъ Кусманъ, первая изъ всѣхъ; Едвинъ Форрестъ, Буртонъ, Пласидъ. А что же остается за ними? Есть нѣсколько артистовъ, не лишенныхъ по своему извѣстной оригинальности, но всѣ вообще грѣшатъ они противъ изученія основнаго закона искусства.

Откуда же такая бѣдность драматическаго искусства въ Нью-Йоркѣ? Ахъ, Боже мой! да опять оттуда же, откуда въ Соединенныхъ Штатахъ и недостатокъ въ живописцахъ, музыкантахъ, скульпторахъ и поэтахъ: и все оттого, что до сихъ поръ матеріальный элементъ развиваемъ былъ здѣсь въ ущербъ элементу духовному. Надо было на первый разъ разбогатѣть — намѣреніе умное и логически-вѣрное. Теперь же, когда приобрѣтено богатство, этотъ недостатокъ въ артистическомъ развитіи юной республики, скоровосполнится. Американцы жаждутъ этого пополненія всей душой, — что ясно доказывается приѣмомъ, оказаннымъ ими небольшою французскою труппою, набранной извѣстнымъ парижскимъ актеромъ Робертомъ Кемпомъ. Робертъ Кемпъ намѣренъ основать французской театръ въ Нью-Йоркѣ; но прежде нежели предпринять что-нибудь рѣшительное, захотѣлось ему въ теченіи восьми дней изслѣдовать хорошенько почву, на которую онъ намѣренъ вступить. Съ этой мыслью далъ онъ нѣсколько представленій въ Бруэмскомъ Лицѣв. *Донъ Цезарь-де-Базанъ*, *Она безумная*, *Кинъ*, сыгранны были имъ съ величайшимъ успѣхомъ. Кемпъ почти произвелъ драматическую революцію, или, по крайней мѣрѣ, пригготовилъ къ тому почву. Американцы, вообще скупые на похвалы иностраннымъ артистамъ, не могли не признать превосходства французскихъ актеровъ передъ американскими. Тамошніе журналы *Country* и *Enquirer* напечатали замѣчательную статью по поводу игры Кемпа и его труппы. И дѣйствительно, въ предпріятіи этого челоука лежитъ вопросъ чисто-артистическаго интереса.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

КАМАЧИНЦЫ.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о малочисленномъ и мало-извѣстномъ племени Сибирскихъ инородцевъ, бродящемъ въ дремучей тайгѣ Канскаго округа, по берегамъ рѣкъ Кана, Маны, Пезо и Шимжи, около снѣговаго бѣлогорья, по рѣчкамъ Кулѣжъ, Мими, Кирѣль, Анжъ, Тукмъ, Кужъ, Игиль, Идаръ, Кунгусъ и Тайбъ; наконецъ, по берегамъ рѣкъ Оны и Чуны, среди вѣчной, едва проходимой пустыни. Племя это называютъ обыкновенно Камачинцами, Камасинцами, Камышинцами, Каймаками и Каймаженцами. Простой народъ чаще всего титуруетъ его, безъ дальнѣйшихъ справокъ, Татарами, хотя, какъ увидимъ ниже, Камачинцы вовсе не Татары.

Время и обстоятельства наложили тяжкую руку на исторію Сибирскихъ инородцевъ: до насъ дошли только самыя ничтожныя сказанія о бытѣ ихъ предковъ. Какъ тыни, Сибирскіе инородцы мелькаютъ предъ вами теперь въ своихъ обширныхъ степяхъ, темныхъ тайгахъ и непроходимыхъ тундрахъ, — какъ тыни мелькаютъ они и на страницахъ исторіи. Кто они, откуда пришли, какаѣ вѣра ихъ, какой языкъ, — обо всемъ этомъ Сибирскіе лѣтописи и официальные акты почти ничего не говорятъ, или говорятъ вскользь, при случаѣ. Конечно, въ этомъ никто не станетъ винить ни лѣтописцевъ, ни Сибирскихъ воеводъ: этнографическія и историческія изслѣдованія не входили, да и едва ли могли входить, по разнымъ причинамъ, въ кругъ ихъ дѣйствій; по все-таки нельзя не пожалѣть, какъ у насъ мало еще сдѣлано до сихъ поръ для исторіи и этнографіи Сибирскихъ инородцевъ, между тѣмъ какъ средства для этого были, и еще долго будутъ представляться. — Не ходя далеко за примѣрами, обратимъ вниманіе хоть на Камачинцевъ. Мы такъ мало знаемъ ихъ самихъ и ихъ прошедшее, что, не погрѣшивъ, можемъ сказать — ничего не знаемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ извѣстнаго народа въ большей части случаевъ скорѣе и нагляднѣе всего можетъ показать родственныя отношенія его къ другимъ народамъ. Мы не знаемъ языка Камачинцевъ, да и едва ли кто, кромѣ Кастрена, занимался этимъ. Къ сожалѣнію, изслѣдованія его еще не обнародованы, и по этому вопросу о происхожденіи Камачинцевъ въ настоящее время еще не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Впрочемъ, об-

ище мнѣніе писавшихъ о Сибирскихъ инородцахъ таково, что Камачинцы принадлежатъ къ многочисленному Финскому племени и родные братья Самовдамъ. Въ самомъ дѣлѣ, наружный обликъ ихъ и языкъ, (*) сколько можно судить по словамъ, приведеннымъ у Степанова, сильно говорятъ въ пользу этого мнѣнія. Какъ бы то ни было, не говоря ни про, ни contra по этому предмету, упомяну только, что названіе свое Камачинцы получили отъ горы Камышъ-тага, между Оною и Чуною, гдѣ они некогда преимущественно бродили; что Русскіе познакомились съ ними и обложили ясакомъ не раньше второй половины XVII вѣка, около того времени, когда устроенъ въ первый разъ Канскій острожекъ; что встрѣтити Камачинцевъ Русскіе могли въ двухъ пунктахъ — или на Кану, поднимаясь вверхъ по теченію его, или на Манъ, также поднимаясь вверхъ по теченію ея; что, наконецъ, покореніе Камачинцевъ не могло быть ни сколько затруднительнымъ, потому что кроткіе и не воинственные, они по одной своей малочисленности не могли думать о малѣйшемъ сопротивленіи... Вотъ все, что можно сказать объ исторіи Камачинцевъ. Обратимъ лучше вниманіе на теперешній ихъ бытъ.

Число Камачинцевъ весьма незначительно. — По осмой ревизіи ихъ считалось 223 души мужскаго и 176 женскаго пола; по девятой насчитано мужчинъ 209, а женщинъ 229 душъ, и именно въ улусахъ: Агульскомъ 48 д. муж. и 45 жен. п., въ Аба-лаковскомъ 86 д. муж. и 86 жен. пола, и въ Угумановомъ 75 д. муж. и 98 жен. — Камачинцы Агульского или Пантыкова улуса, по большей части, живутъ разсыянно въ Русскихъ селеніяхъ и только весьма немногіе изъ нихъ обитаютъ въ своихъ юртахъ по Агулу, верстахъ въ тридцати выше впаденія его въ Канъ при дер. Хомутовой. — Угумановскій улусъ, состоящій изъ смѣси съ Татарами, кочуетъ по берегамъ рѣчки Рыбной, въ 156 верстахъ отъ Канска, — и далѣе по р. Сиперъ и Сѣлѣвъ, равно какъ и на соседнихъ степяхъ; нѣкоторые инородцы этого улуса даже со

(*) У меня было около 800 словъ и рѣченій Камачинскихъ, но къ сожалѣнію, я ихъ никакъ не могу отыскать въ своихъ бумагахъ. Впрочемъ всего, они какъ ибудь затерялись во время моихъ разъѣздовъ. Степановъ приводитъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи сравненіе названій цыръ Самовдскихъ и Камачинскихъ, которое показываетъ разительное родство между этими двумя языками. Такъ напримеръ: 1. на обоихъ языкахъ значить *объ*, 2—по-Самовдски—*сиди*, Камачински—*шиди*; 3—Самовдски—*нілръ*, Камачински—*науръ*, 4—по-Самовдски—*тесть*, Камачински—*теды*, 5—по-Самовдски—*Самарлягъ*, Камачински—*сумла*, и т. п. Смот. опис. Енисейской губерніи, С.-Петербургъ, 7. 41 стр. 58.

всѣмъ переселились въ Русскія селенія — Малорыбинское, Стойбицкое, Агинское, Жойское и Перовское.—Наконецъ, Абалаковский улусъ, состоящій весь изъ бродячихъ Камачинцевъ, занимаетъ мѣста около Бѣлогорья, у истоковъ рѣкъ Кана и Агула, и далѣе по берегамъ Оны и Чуны. Пристанище, которое они посѣщаютъ наиболѣе, — это мѣсто около деревни Анжи, въ 150 и 200 верстахъ, въ вершинахъ рѣкъ Кана, Маны и Шалки, падшей въ Минусинскомъ округѣ въ р. Енисей. Здѣсь мы будемъ преимущественно говорить о Камачинцахъ Абалакова улуса, такъ какъ они болѣе другихъ сохранили нѣкоторыя черты самобытности.

Но для того, чтобы поближе познакомиться съ общественнымъ и домашнимъ бытомъ Камачинцевъ, съ ихъ нравами и обычаями,—поведемте къ истокамъ Кана, если вы только охотникъ ѣздить верхомъ и не боитесь дремучей Сибирской тайги, съ ея каменными хребтами горъ, съ зыбучими болотами, съ ея стремнистыми горными рѣками. Выберемъ для этого путешествія самое лучшее время — половину Юня: тогда нѣтъ еще ни убійственныхъ жаровъ, ни невыносимой мошки. Правда, что вамъ грозятъ, въ замѣнъ этого, очень холодныя ночи и мириады комаровъ; но противъ холода можно застѣсь чѣмъ-нибудь теплымъ, а противъ комаровъ васъ защититъ нѣсколько сѣтка. Итакъ, съ Богомъ, въ дорогу! Провѣхавъ нѣсколько верстъ отъ селенія Агинскаго, куда чаще всего выходятъ Камачинцы, вы узкою тропинкою начинаете мало по малу углубляться въ горы, и, часа черезъ три ѣзды, видите себя со всѣхъ сторонъ окруженными ими. Горы эти поросли густымъ сосновымъ лѣсомъ, елками, тутами и березами. Горные ручьи встрѣчаются на каждомъ шагу, и, если ваша лошадь не слишкомъ привычна къ таѣжному пути, то вамъ предстоитъ не мало труда перебираться чрезъ болота или подниматься на гребни горъ: въ первомъ случаѣ—одинъ неосторожный шагъ лошади—и вы можете по горло засѣсть съ нею въ тинь; во второмъ—вамъ иногда приходится на страшной высотѣ висѣть всѣмъ тѣломъ надъ пропастью. Впрочемъ, всѣ эти маленькяя непрятности таѣжнаго путешествія далеко выкупаются тѣми величественно-дикими картинками природы, которыя на каждомъ шагу раскидываются предъ вашими глазами. Но картины надо видѣть, а не описывать. Не могу только не обратить вашего вниманія на одно обстоятельство: нѣтъ еще мѣсяца, какъ сошелъ снѣгъ; на многихъ горахъ онъ лежитъ еще и теперъ, въ половинѣ Юня; а между тѣмъ, на всемъ протяженіи вашего пути трава выросла едва ли не болѣе аршина; жимолость и черемуха какъ будто облиты мо-

локомъ; астры, лиліи и колокольчики цвѣтутъ во всей красѣ. — Трудно высказать, какъ пріятно подѣ вечеръ отдохнуть на такой травѣ, на такихъ цвѣтахъ, пробжавъ въ продолженіе дня верстъ семьдесятъ или осемьдесятъ самаго утомительнаго пути. Мѣста приваловъ, обыкновенно, избираются по близости рѣчекъ, разводять курево, чтобы сколько нибудь отогнать комаровъ, а лошадей развьючиваютъ, спутываютъ и пускаютъ пастись, привязавъ имъ на шею колокольчики, чтобы они не зашли куда-нибудь. Въ продолженіе трехдневнаго, четырехдневнаго пути, вамъ не разъ случалось замѣчать, что хребты горъ то какъ будто сходятся въ дали, то расходятся, а между ними, какъ змѣя, извивается какая-то рѣка, — это Канъ. — Но вотъ амфитеатръ горъ расширяется болѣе и болѣе; предъ вами открывается долина въ нѣсколько верстъ длины и ширины, и по срединѣ ея величественные изгибы поманутой рѣки. По берегу Кана раскинуто нѣсколько конусообразныхъ матовъ, изъ которыхъ сквозь верхнія отверстія выходитъ густой дымъ и тихо стелется въ вечернемъ воздухѣ.... Это стойбище Камачинцевъ: мы достигли цѣли нашего путешествія.

Появленіе новаго лица производитъ страшное волненіе въ цѣломъ стойбищѣ: мужчины, женщины, дѣти — все высыпаетъ посмотреть на васъ. Увидѣвъ десятка два-три Камачинцевъ, вы замѣчаете, что они, большею частію, росту средняго, широкоплечи, и какъ будто нѣсколько сутуловаты. Лица у нихъ круглыя, темнооливковаго цвѣта, глаза узкіе, носъ продолговатый, уши длинныя, волосы черныя — на головѣ густыя и длинныя, а на бородѣ рѣдкіе; выраженіе лица нѣсколько задумчивое. Женщины не отличаются особенною красотою, но за то ихъ далеко нельзя назвать безобразными: въ ихъ физиогноміи есть что-то, напоминающее цыганокъ. Вообще говоря, не слишкомъ граціозный костюмъ ихъ чрезвычайно много отнимаетъ у нихъ природной красоты. Одежда какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, одна и та же, такъ что съ перваго раза вы и не отличите мужчинъ отъ женщины: эта одежда состоитъ изъ длинныхъ сапоговъ изъ оленьей кожи, голенища которыхъ перетягиваются ремнями, изъ короткаго исподняго платья, которое отъ пояса спускается внизъ не далѣе, какъ на двѣ четверти, и изъ парки, рода рубахи изъ оленьей кожи, или изъ пыжей (молодыхъ оленей, выпутыхъ изъ мертвой матки), шерстью вверхъ. Зимомъ къ этому присоединяется еще даха или шуба изъ оленьихъ и козлиныхъ шкуръ, шерстью также вверхъ, а на голову надвѣвается шапка изъ волчей, медвежьей или другой какой-нибудь шкуры, формою въ родѣ Киргизскаго ма-

лаяя. Лытомъ Камачинцы почти никогда не покрываютъ головы. Впрочемъ, вся эта одежда свойственна не однимъ имъ, но и другимъ бродячимъ народамъ. Многихъ Камачинцевъ, мужчинъ и женщинъ,—вы увидите въ одеждѣ, какую носятъ Русскіе крестьяне и поселенцы,—мужчинъ въ армякахъ и азямахъ изъ верблюжьей шерсти,—женщинъ въ ситцевыхъ сафаахъ, съ платками на головахъ. Эти вещи они приобретаютъ въ Русскихъ селеніяхъ, платя за нихъ, разумется, втрое дороже противъ настоящей ихъ цѣнности.

Но пока вы успѣли сдѣлать кое-какія замѣчанія насчетъ костюма и физиономіи Камачинцевъ, они окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ. Начинаются разспросы — кто вы, какъ попали сюда, за чѣмъ, что новаго тамъ, откуда вы пріѣхали. Впрочемъ на васъ смотрятъ какъ-то подозрительно, какъ будто бы не вполне доверяя вашимъ словамъ. Въ этомъ случаѣ, если вы взяли съ собою жожакомъ какого-нибудь бывалаго крестьянина изъ Ачинскаго селенія, у котораго есть здѣсь кумовья (кумовство чрезвычайно высоко уважается Камачинцами), который хорошо знаетъ привычки инородцевъ,—то онъ вамъ поможетъ какъ нельзя болѣе. Во первыхъ, онъ раздастъ окружающимъ нѣсколько листовъ табаку, до котораго Камачинцы страшные охотники; во вторыхъ, потребуетъ къ себѣ означенныхъ кумовьевъ. Сперва ему пресерьезно отвѣтять, что ихъ нѣтъ дома, что они уже съ недвѣлю отправились ловить рыбу и т. п.; но чрезъ нѣсколько минутъ они какъ будто сваливаются съ неба, являются просить табаку и дружески приглашаютъ васъ войти въ матъ. Мать или гунъ—обыкновенное жилище Камачинцевъ—состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ жердей, вбитыхъ въ землю такъ, что они внизу составляютъ окружность отъ пяти до шести аршинъ въ діаметръ, а сверху отверстіе около полуаршина для прохода дыма. Этотъ конусъ обтягивается берестою или выдѣланными кожами. Теперь, если вамъ любопытно взглянуть на внутренность мата, то, пожалуй, войдите въ него по приглашенію новыхъ вашихъ знакомыхъ; но долго оставаться тамъ я не советую, подъ опасеніемъ пролить горчайшія слезы отъ дыму. При томъ же, внутренность мата представляетъ весьма мало занимательнаго: на стѣнахъ висятъ выдѣланныя оленьи и другія кожи, выточки, шочи; полъ около стѣнъ покрытъ также оленьими кожами; посреди мата разведенъ огонь, надъ которымъ виситъ котелокъ съ чѣмъ-нибудь съестнымъ—вотъ и все. Чѣмъ оставаться въ матѣ, въ жару и дыму, лучше выйти на чистый воздухъ, тѣмъ болѣе, что предъ входомъ въ матъ васъ

ждать уже князецъ или староста Камачинцевъ, съ которымъ вашъ опытный вожакъ подружился уже не на шутку и называетъ его: «ваше почтеніе, Ивацъ Ивашовичъ», или какъ-нибудь иначе.

Я совсѣмъ было забылъ сказать, что Камачинцы Абалакова улуса всѣ давнымъ-давно уже христіане. Каждый годъ два раза—лѣтомъ около Петрова дни, а зимою около Николина дни—они входятъ съ своими семействами въ селеніе Агинское, живутъ тамъ нѣсколько дней, посѣщаютъ церковь и потомъ снова уходятъ въ свои родные лѣса. Разумется, что въ это время мѣстный священникъ креститъ ихъ дѣтей, которыя родились, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, благословляетъ браки, которые de facto совершены уже давно, и т. п. Въ Петровскій Постъ 184... года я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ нѣсколько человекъ Камачинцевъ говѣли и причащались Св. Тайнъ въ селеніи Агинскомъ. Какъ только они прибыли туда, добрый священникъ, зная, что мѣстные жители стануть непременно спавать ихъ виномъ, чтобы выманить какую-нибудь рухлядь, призвалъ ихъ къ себѣ и растолковалъ имъ, что они готовятся къ великому дѣлу, и что, по этому, должны вести себя какъ можно лучше. Въ слѣдствіе этого убѣжденія, всѣ, рѣшившіеся исполнить долгъ христіанскій, Разбивъ за селеніемъ свои маты, три дни постоянно бывали въ церкви и молились очень усердно. Но ничего не могло быть умильнѣе зрѣлища, какъ то, когда они причащались. Съ какимъ трепетомъ и вмѣстѣ съ какою радостію подступали они къ Св. Дарамъ! Нельзя не пожалеть только объ одномъ, и именно, что они ни одного слова не понимаютъ изъ литургіи. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы хоть самыя употребительныя молитвы перевести на ихъ языкъ, то это произвело бы самое благотворное вліяніе на образъ ихъ жизни: почва такъ нова и такъ доступна плодородію, что слово Божіе принесетъ на ней роскошную жатву. Мѣстному священнику, который видитъ ихъ довольно часто и имѣетъ всѣ средства научить ихъ языкъ, это легче всего сдѣлать. Замѣчу кстати, что изъ всѣхъ святыхъ они наиболее почитаютъ Никола Чудотворца. Увидя образъ его, они подходятъ къ нему со страхомъ, кланяются въ землю и обвѣшиваютъ его бѣлками и соболями. Впрочемъ, говоря вообще, понятія о христіанствѣ у нихъ самыя темныя и сбивчивыя.

Камачинцы Абалакова улуса, какъ замѣчено выше,—бродячіе, то есть такіе, которые, не имѣя никакой осѣлости, переходятъ съ одного мѣста на другое по лѣсамъ и рѣкамъ, для зѣвролов-

ства и рыболовства, отдельными родами или семействами. Все управление их состоит из князца, который в официальных сношениях, обыкновенно, называется старостою. Староста иногда избирается цѣлымъ улусомъ, иногда наследуетъ это званіе отъ отца, смотря по личнымъ своимъ достоинствамъ. Вообще староста лицо чрезвычайно важное въ улусѣ. Онъ принимается въ значеніи старшаго лица въ родѣ, какъ будто родъ составляетъ одно семейство. По этому, права и обязанности старосты довольно обширны. Такъ, напримѣръ, онъ собираетъ съ своего рода ясакъ и вноситъ его по принадлежности (*); въ случаѣ какой-либо обиды или притѣсненія, онъ безъ особенной доверенности можетъ жаловаться и защищать своихъ родовичей; чрезъ него мѣстная полиція получаетъ всѣ нужныя ей свѣдѣнія о родѣ, и дѣйствуетъ на управление имъ не иначе, какъ чрезъ старосту; наконецъ онъ взыскиваетъ съ родовичей за всѣ маловажные проступки, если только они не входятъ въ кругъ дѣйствій, подлежащихъ вѣдѣнію уголовныхъ закоповъ. Изъ маловажныхъ проступковъ, Камачинцы чаще всего попадаютъ въ воровствъ, дракъ и пьянствъ.

Если одинъ Камачинецъ украдетъ что-нибудь у другаго (напримѣръ вынулъ звѣря изъ ловушки или рыбу изъ самолова) и на него падаетъ въ этомъ сильное подозрѣніе, а явныя улики нѣтъ, то его заставляютъ присягнуть, что пропажа произошла не отъ него. Прежде, какъ рассказываютъ старики, эта присяга состояла въ томъ, что подозрѣваемого въ кражѣ становили при восходѣ солнца лицомъ къ нему и заставляли произнести слѣдующія слова: «если я говорю не правду, то пусть умру вмѣстѣ съ закатомъ солнца»; но теперь этотъ обрядъ вышелъ изъ употребленія, и присяга состоитъ просто въ троекратномъ цалованіи дула заряженной винтовки. Камачинцы убѣждены, что если подозрѣваемый говоритъ не правду, то въ то время, когда онъ будетъ цаловать винтовку, она непременно выстрѣлитъ и убьетъ его. Очевидно, что это то же самое, что Судъ Божій среднихъ вѣковъ. Если же Камачинецъ пойманъ въ кражѣ на мѣстѣ преступленія, то украденное отъ него отбирается и возвращается хозяину, а виновный, по распоряженію старосты, наказывается розгами.

По существующимъ узаконеніямъ, строжайше воспрещается ввозить вина въ стойбища и улусы инородцевъ. По этому, пока

(*) Ясакъ платятъ только тѣ лица мужскаго пола, которые не моложе 18 и не старѣе 80 лѣтъ. Цѣны на каждый родъ звѣря утверждаются въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири по прошествіи каждаго трехъ лѣтъ.

Камачинцы въ тайгѣ,—они примѣръ трезвости и воздержанія. Но только что они вышли въ какое-нибудь Русское селеніе, то никакая власть не въ состояніи удержать ихъ отъ пьянства. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Впрочемъ, въ этомъ, большею частію виновны не они, а Русскіе крестьяне и поселенцы. Зная, что каждый изъ Камачинцевъ вынесъ съ собою изъ тайги какую-нибудь рухлядь, они стараются заманить ихъ къ себѣ, ласкаютъ, называютъ кумовьями и подносятъ рюмку водки. За рюмку водки Камачинецъ вытаскиваетъ изъ рукава свой одежды и даритъ хозяину двѣ-три былки; ему подносятъ другую—онъ вынимаетъ соболя, наконецъ, дѣло оканчивается тѣмъ, что, выпивъ пять-шесть рюмокъ, Камачинецъ остается только въ одной своей бѣдной одеждѣ, которая и даромъ не нужна ласковому куму. Тутъ хитрый крестьянинъ или поселенецъ прекращаетъ угощеніе, не смотря на сильныя просьбы гостя поднести еще вина. Чтобы поскорѣй отъ него отдѣлаться, онъ, обыкновенно, заставляетъ кого-нибудь изъ домашнихъ торопливо вбѣжать въ комнату и сказать, что пріѣхалъ Засѣдатель. При этомъ словѣ Камачинецъ непременно уйдетъ и спрячется гдѣ-нибудь въ лѣсу. Если же онъ, къ несчастію, такъ пьянъ, что не въ состояніи уйти, а при томъ начнетъ шумѣть, то его связываютъ и отводятъ къ старостѣ. Розги—обыкновенное наказаніе въ подобныхъ случаяхъ. Одинъ прикащикъ золотопромышленника разсказывалъ мнѣ, что, возвращаясь съ поисковъ золота, разъ онъ встрѣтилъ въ тайгѣ двухъ Камачинцевъ, которые ловили рыбу. Желая сколько-нибудь купить ея у нихъ, онъ предложилъ имъ по рюмкѣ водки. За это они отдали ему все, что ни наловили; однакожъ стали просить еще вина. Зная, что они въ подобныхъ случаяхъ бываютъ не отвязчивы, прикащикъ припорицалъ лошадь и поскакалъ отъ нихъ. Что жъ, вы думаете—это ихъ остановило? Нѣтъ, они гнались за нимъ болѣе двухъ верстъ и предлагали за рюмку водки всю свою одежду.

Кроткіе и послушные, обыкновенно Камачинцы въ пьяномъ видѣ бываютъ безпокойны и сварливы; а потому и драки между ними не рѣдки. Наказаніе за это—розги.

Уголовныхъ преступленій, какъ-то: убійствъ, грабежей и т. п., между ними никогда не бываетъ; равнымъ образомъ, не было примѣра, чтобы домашнія исправительныя мѣры оказались не действительными надъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ.

По чрезвычайной трудности говорить съ Камачинцами о предметахъ отвлеченныхъ, вы, при всемъ вашемъ стараніи, не успеваете ничего собрать положительнаго относительно ихъ юридическаго быта

как-то: о правѣ по имуществу каждаго лица, составляющаго семью, о правѣ наслѣдства и т. п. Это происходитъ не отъ того, чтобы Камачинцы были тупоумы—нѣтъ, они очень толковы и сметливы въ некоторыхъ случаяхъ; но подобнаго рода идеи превосходятъ ихъ пониманія. Къ этому должно еще прибавить, что вы съ ними должны объясняться по Русски, между тѣмъ какъ они очень плохо понимаютъ этотъ языкъ. Мало того, будучи отъ природы скрытны и робки, Камачинцы никакъ не могутъ постигнуть, зачѣмъ вы ихъ спрашиваете о такихъ вещахъ, которыя очень хорошо известны каждому ихъ ребенку. Ужъ не кроется ли тутъ какой-нибудь извѣстности съ вашей стороны? Забравъ себѣ въ голову эту мысль, Камачинецъ на каждый вашъ вопросъ о юридическомъ ихъ бытѣ будетъ постоянно отвѣчать: «не знаемъ, батка, что говоришь; не знаемъ: плохо по вашему языкъ знаемъ». По этому, не доспрашиваясь того, о чемъ нельзя доспроситься, посмотримъ, не доступны ли для нашего изслѣдованія обряды, которыми сопровождаются у Камачинцевъ браки и похороны, какъ явленія, соотвѣствующія всегда болѣе наглядными фактами

Конечно, проживъ нѣсколько времени въ тайгѣ, въ кругу Камачинцевъ, можно не разъ видѣть во всей подробности и свадьбы ихъ, и похороны; но въ короткое пребываніе между ними—вамъ едва ли представится къ этому случай.—Впрочемъ, если вы хотите непременно удовлетворить свое любопытство въ этомъ отношеніи, то вождь вашъ, который не разъ бывалъ и на свадьбахъ и на похоровахъ Камачинцевъ, который очень хорошо знаетъ домашній ихъ бытъ, расскажетъ много интереснаго объ этомъ предметѣ.

Свадебные обряды Камачинцевъ весьма просты. Когда Камачинецъ задумалъ жениться, то идетъ къ отцу невесты, объявляетъ, что дочь его понравилась ему, и условливается съ нимъ о калымѣ. Калымъ этотъ, обыкновенно, состоитъ изъ десятка другаго оленя или изъ нѣсколькихъ десятковъ звѣриныхъ шкуръ. Если отецъ невесты согласенъ на предложеніе, то тутъ же назначается и день свадьбы. Въ этотъ день, въ мать отца невесты сходятся родственники какъ съ его стороны, такъ и со стороны жениха; садятся вокругъ разведеннаго огня и начинаютъ вѣтъ вареную и жареную оленину, сохатину, рыбу и т. п. Столъ этотъ продолжается до вечера, и во все это время женихъ и невеста сидятъ рядомъ. Когда наступитъ ночь, гости расходятся по своимъ мамамъ, и хотя бракъ еще не освященъ церковью, но съ этого времени молодая начинаетъ жить въ хатѣ своего мужа.

Жена у Камачинца, какъ у большей части бродячихъ народовъ, исполняетъ рѣшительно всѣ домашнія работы. Она выдѣлываетъ шкуры убитыхъ звѣрей и шьетъ изъ нихъ платье; она ставитъ мать и заботится объ его поддержаніи; она ходитъ за оленями—единственное богатство Камачинцевъ—и готовитъ пищу; на конецъ на ея попеченіи лежитъ воспитаніе дѣтей,—хотя, впрочемъ, это такого рода воспитаніе, которое не требуетъ со стороны матери никакой особенной заботливости.

Полуодѣтыя и зимою и лѣтомъ, дѣти Камачинцевъ рано привыкаютъ ко всѣмъ возможнымъ лишеніямъ.—Если бы вы зимою въ жестокой трескучей морозъ потрудились заглянуть въ мать Камачинца, вы бы удивились, какимъ образомъ могутъ существовать эти маленькія дѣти, ползающія въ немъ около огня. Хотя въ верхнее отверстіе мата дымъ валитъ столбомъ, но за всѣмъ тѣмъ имъ наполненъ и весь матъ до того, что почти не видно, кто въ немъ находится; въ отверстіе, представляющее дверь и состоящее изъ цыновки или оленьей кожи, безпрестанно дуетъ вѣтеръ; въ самомъ матѣ грязно, сыро, а въ двухъ шагахъ отъ постоянного горящаго въ немъ огня—холодно. Между тѣмъ, маленькіе Камачинцы ни сколько не заботятся о всѣхъ этихъ неудобствахъ. Полуголые, а иногда и совсѣмъ голые, они весело ползаютъ вокругъ огня, жгутъ имъ себѣ руки, и совершенно вспотѣвши, выползаютъ на дворъ и валяются подлѣ мата среди оленей, выбирающихъ мохъ и траву изъ-подъ снѣга. За то, возмужавъ, они не боятся ни холода, ни жара. Воспитаніе мальчика стремится къ тому, чтобъ сдѣлать изъ него хорошаго охотника, стрѣлка; воспитаніе дѣвочки—къ тому, чтобъ сдѣлать изъ нея современемъ хорошую хозяйку дома.

Подобно Тунгусамъ, Самодѣямъ и многимъ другимъ бродячимъ народамъ, Камачинцы весь свой вѣкъ проводятъ на охотѣ, которая составляетъ для нихъ единственный источникъ пріобрѣтенія. Цѣлое лѣто они ловятъ рыбы, цѣлую зиму бродятъ съ винтовкою по тайгѣ и бьютъ бѣлокъ, медвѣдей, росомахъ, соболей и т. п. Какъ въ рыбной ловлѣ, такъ и въ стрѣльбѣ Камачинецъ чрезвычайно искусенъ: самолетъ свой онъ поставитъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ бы вы никакъ не предполагали рыбы; въ стрѣльбѣ онъ не знаетъ промаху и бьетъ соболя прямо въ голову маленькою пулею на тридцати-саженномъ разстояніи.

Не знаю, есть ли какіе-нибудь пляски у Камачинцевъ; но что касается до пѣсенъ, то должно сказать, что они вовсе не пѣсенный народъ. Впрочемъ, пожалуй, если вы станете убѣждать Камачинца спѣть вамъ какую-нибудь пѣсню и главное, поднесете ему

рюмку вина,—то онъ споетъ ее, но вы удивитесь, когда узнаете, что эта пѣсня есть ничто иное, какъ переводъ известной Русской пѣсни: *какъ по мосту-мосту*, или какой-нибудь другой. Услышавъ въ Русскомъ селеніи какую-нибудь пѣсню и понявъ ее содержаніе, Камачинецъ переводитъ ее на свой языкъ и при случаѣ поетъ. Однакожъ, Степановъ пишетъ, что онъ слышалъ отъ нихъ весьма интересную балладу, которую они называли *чумаки*. Привожу ее здѣсь, не ручаясь, впрочемъ, нисколько за ея достовѣрность.

«Молодая Дадыгатъ оставила подножіе горы Прижи-мыя и перелѣзла черезъ хребетъ Нушуу-мыя, къ народу Саянскому. Она не любила своего мужа. Кальмажины, сказала она Саянамъ, хотятъ идти на васъ войною. И Кальмажины пришли въ слѣдъ за нею. Стоитъ большой мѣть. Въ немъ спрятана была за дровами Дадыгатъ. Начался бой мѣдными стрѣлками; продолжался два дни. Мы ихъ разбили на голову. Мы вошли въ мѣть, раскидали поленья и нашли Дадыгатъ. Она забросила себѣ руки на затылокъ, завывала и умоляла мужа простить ее; онъ былъ согласенъ, но мы не хотѣли простить ее; привязали за ноги къ двумъ конямъ и пустили въ поле. Кони разорвали на двѣ части Дадыгатъ».

При погребеніи мертвыхъ у Камачинцевъ не совершается никакихъ особенныхъ обрядовъ: зимою они зарываютъ покойниковъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю, дѣлая надъ могилами небольшія насыпи.

Жизнь этого небольшого племени, какъ видите,—простая, не богатая радостями, соединенная со всевозможнаго рода лишеніями. Но, не зная лучшей, Камачинецъ ни за что въ свѣтъ ни рѣшится разстаться съ нею и покинуть свою родную тайгу, которая ему известна какъ пять пальцевъ. По всей вѣроятности, племя это долго будетъ оставаться бродячимъ.

Но, можетъ быть, вы уже соскучились въ тайгѣ, въ обществѣ Камачинцевъ? Въ такомъ случаѣ, раскланяемся съ ними и—въ обратный путь. На обратномъ пути мы встрѣтимъ тѣ же горы, тѣ же горныя рѣчки, тѣ же топи, которыя уже видѣли. Путь трудный и не веселый! Но я все-таки очень радъ, если вы во время этого маленькаго путешествія хоть сколько-нибудь познакомились съ Камачинцами.

Кн. Костровъ.

Красноярскъ
21 Іюля 1881 г.

Р В Ч Ъ,

ПРОИЗВЕШЕННАЯ

ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ИННОКЕНТИЕМЪ,

АРХИЕПИСКОПОМЪ ХЕРСОНСКИМЪ И ГАВРИЧЕСКИМЪ,

17-го іюня, 1881-го года,

при заложениі на берегу морскомъ часовни, съ престоломъ во имя всѣхъ Святыхъ Россійскихъ, для помѣщенія св. иконъ, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи на благословіе г. Одессы по случаю новочрежденнаго ежегоднаго крестнаго хода, въ память ея основанія.

Кто думалъ и ожидалъ, что на этомъ мѣстѣ, такъ недавно еще оспоренномъ у волнъ морскихъ, станетъ такъ скоро домъ молитвы и будетъ посвященъ не одному какому-либо божественному или святому лицу, какъ это обычно, а цѣлому собору святыхъ угодниковъ Россійскихъ? — Тѣмъ паче, кто думалъ и ожидалъ, чтобы сіи угодники Божіи — въ вѣрномъ и точномъ изображеніи ихъ святыхъ ликовъ — всѣ сами предстали теперь среди насъ на этомъ мѣстѣ, какъ бы для видимаго и немедленнаго усвоенія себя, создаемаго во имя ихъ, храма? — Но о чемъ никто не думалъ, чего никто не ожидалъ, то самое совершается теперь во славу Бога, дивнаго во святыхъ своихъ, — на благословіе граду нашему, по окончаніи его пятидесятилѣтія!... Какъ случилось все это? — Случилось весьма поучительнымъ для насъ образомъ: мы становимся богаты отъ собственной нашей скудости!..... Въ самомъ дѣлѣ, когда за два года предъ симъ рѣшено было увѣковѣчить для града нашего память его пятидесятилѣтія ежегоднымъ торжественнымъ ходженіемъ крестнымъ, то оказалось, что у насъ, по самой юности нашего бытія гражданскаго, нѣтъ, какъ въ другихъ градахъ, древнихъ святынь церковныхъ, коими особенно обыкли благоукрашаться ходенія крестныя. Для восполненія сего недостатка, надлежало, по необходимости, прибѣгнуть, такъ сказать, къ займу духовному у другихъ древнихъ градовъ и святыхъ обителей отечественныхъ; — и вотъ, благодаря духу общенія христіанскаго, едва только услышалось о нашей нуждѣ и духовной скудости, какъ изъ всѣхъ градовъ и обителей, славящихся мощами угодниковъ Божіихъ и чудотворными иконами, начали являться къ намъ на благословіе ихъ святыхъ изображенія и лики, какъ бы въ доказательство того, что Матерь Божія и святые угодники всегда готовы на помощь намъ, только бы мы не отвращали отъ нихъ лица своего. —

Но тутъ опять обнаружилась наша новая духовная скудость; ибо когда пришли къ намъ эти великіе и святыя гости, то ни одинъ изъ нашихъ домовъ молитвы не оказался способнымъ вмѣстить ихъ въ полномъ числѣ и съ подобающимъ приличіемъ; а раздвѣять ихъ по разнымъ храмамъ значило бы лишить желающихъ возможности видѣть ихъ все вкупѣ. Что было дѣлать? — Самая необходимость велѣла помышлять о новомъ домѣ молитвы, который бы могъ служить для нихъ общимъ и нераздѣльнымъ пристанищемъ; ибо не оставить же было столь великихъ и святыхъ гостей безъ крова и пріюта.

Но помыслить о семъ было легко, а исполнить замышленное не безъ труда: не потому, чтобы градъ нашъ не въ состояніи былъ сдѣлать, что нужно, для достойнаго пріятія столь великихъ и святыхъ посѣтителей, а потому, что на первый разъ, подъ живымъ и радостнымъ впечатлѣніемъ отъ новаго нашего праздника, намъ не хотѣлось обнаруживать всенародно нашу скудость духовную, для возбужденія въ комъ бы то ни было усердія отъратить ее. Желалось и ожидалось усердія, не вызваннаго нарочно, а совершенно произвольнаго и, такъ сказать, самороднаго; — а благодареніе Господу — упованіе наше не поерамилось! Не протекло и седмицы отъ совершенія праздника, какъ явился человекъ желанный, который отъ благочестиваго рвенія по Божь и чести святыхъ Его, единъ сталъ за всехъ и принялъ на себя — иные сказали бы трудъ и издержки, а мы скажемъ — святую и великую честь — устроить особенное и постоянное помѣщеніе для всехъ святыхъ гостей нашихъ. Не теперь, и не въ слухъ самого христіолюбиваго создателя, — оцѣнять сей подвигъ вѣры и любви его оцѣнить съ признательностію весь градъ нашъ; ему воздадутъ честь самыя отдаленныя потомки, приходя въ храмъ сей на молитву; тѣмъ паче не останется онъ въ забвеніи предъ Тѣмъ, отъ имени Коего сказано: *добротна дателя любитъ Господь!*

И такъ, видите, какъ мы дѣлаемся богаты отъ самой скудости нашей! — Имѣй мы древнюю святыню сами, — мы не прибѣгли бы къ другимъ градамъ за нею; будь наши дома молитвы удобны къ помѣщенію всего лика святыхъ икошь, — мы не залагали бы теперь новаго для нихъ храма. Такъ *врующимъ въ Бога*, по слову Апостола, все, самая скудость, *способствуетъ во благо!*

Я сказалъ, что мы становимся теперь богаты духовно; ибо не малое пріобрѣтеніе уже то, что у насъ будетъ новый домъ молитвы, и при томъ такой, какого, сколько извѣстно, не было еще досель на землѣ отечественной, то есть, въ честь и пмять всехъ Святыхъ Россійскихъ. Но, кромѣ сего, въ новомъ храмѣ нашемъ

будетъ находиться то, чего такъ же нѣтъ въ прочихъ храмахъ, нѣ только у насъ, но и у другихъ: я разумю столь значительное собраніе вѣрныхъ и точныхъ изображеній съ лика чудотворныхъ иконъ Богоматери и съ лика угодниковъ, коихъ нетлѣнными мощами украшаются грады и обители отечественныя. Послѣ сего каждый, не выходя изъ града нашего, а приходя только въ храмъ сей, можетъ имѣть утѣшеніе — видѣть въ совокупности подобія той святыни, коею славятся разныя края обширнаго отечества нашего. И что я говорю: видѣть одни подобія? Нѣтъ, не подобія токмо святыни, а въ нѣкоторой степени, можно сказать, самую святыню. Ибо не скроемъ отъ васъ, братія, нашей тайны: когда дошла до насъ вѣсть о готовности собратій нашихъ послужить намъ въ нуждѣ нашей; то мы молили ихъ усугубить цѣну даруемаго совершеніемъ молебнаго пѣнія предъ ракою угодника Божія, отъ лица коего шла къ намъ его икона, помазаніемъ ея отъ св. елѣя, предъ нимъ неугасимо горящаго, и окропленіемъ отъ воды съ многоцѣлебныхъ мощей его. Подобное совершено было и надъ изображеніями, святыми для насъ съ чудотворныхъ иконъ. Такимъ образомъ, здѣсь, въ семъ домѣ молитвы, будутъ стоять не простыя иконы, — не дѣло одной кисти художника, — а лики, исполненные отъ живоносной силы, почіющей въ чудотворныхъ иконахъ и во гробахъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ.

Возблагодари же, градъ Одесса, Господа за сіе новое знаменіе къ тебѣ милости Божіей! Призирая съ высоты нагорной на сіе святилище, не поникай долу маловѣріемъ, а возносись мыслями къ созерцанію судебъ Божіихъ, надъ тобою явленныхъ, являемыхъ и имѣющихъ являться. Отнынѣ смотри на все, приходящее изъ-за моря, сквозь сей храмъ, въ коемъ, несмотря на малость его, въ лицѣ присланной тебѣ на благословеніе святыни своея — будетъ стоять и взирать на тебя — вся православная Россія!..

Море Черное, да отразится и на твоихъ мрачныхъ волнахъ духовная близина приближающейся къ тебѣ святыни Всероссійской! Ты принесло намъ нѣкогда на хребтѣ твоемъ крестъ и евангеліе съ Вѣрою православною! Зри и радуйся! Се питомцы сѣя Вѣры, достигшіе *въ мужа совершенна*, возрашше *въ мѣру возраста Христова*, приходятъ въ ликахъ своихъ цѣлымъ соборомъ вселиться на брегъ твой, да разумеешь, что сѣмя Вѣры, тобою принесенное, не осталось безъ плода сторичнаго, и да повѣдаешь прочимъ брегамъ твоимъ, еще не просвѣщеннымъ свѣтомъ сѣя Вѣры, что оны готовы возсіять и для нихъ изъ Богопросвѣщенной державы Россійской.

Какъ отрадно будетъ теперь для каждаго, остающаго по чему-либо отечество, иди къ пристани, зайти въ сей храмъ и помолиться о успѣхъ предпринимаемаго пути морскаго всѣмъ Святымъ Россійскимъ, въ числѣ коихъ найдетъ онъ и святаго покровителя той страны, гдѣ родился и откуда пришелъ!

Какъ утѣшительно будетъ каждому, возвратившемуся изъ дальняго странствованія, вступя на брегъ, поспѣшить въ сей же храмъ, дабы пасть со слезами умиленія предъ ликомъ святыхъ заступниковъ земли отечественной!

Благодареніе Господу, тако о насъ и о градѣ нашемъ возблаговолѣвшему!

ВѢЧЕРЬ 4 ІЮЛЯ ВЪ ЛАГЕРЬ ПРИ С. КРАСНОМЪ.

(Посвящ. А. И. М—ой).

Жизнь въ нашемъ лагерѣ, исключая нѣкоторые дни, постоянно одна и та же: утромъ учеба, вечеромъ однимъ стрельба въ цѣль, другимъ пѣсни и отдыхъ. Ковчится ужинъ, — соберутся солдаты въ тѣсный кружокъ промежъ своихъ палатокъ, выйдетъ на средину бойкій запѣвало — и далеко, по огроному военному полю, понесется ихъ звонкая, дружная пѣсня... Но я виноватъ: началъ говорить съ вами объ лагерной жизни, а забылъ сказать: гдѣ и какъ расположенъ нашъ лагерь?

Вотъ уже слишкомъ тридцать лѣтъ, какъ лагерь Гвардейскихъ корпусовъ съ прикомандированными къ нимъ частями постоянно помѣщается близъ Краснаго села.

Село Красное лежитъ въ 24-хъ верстахъ отъ С.-Петербурга по дорогѣ въ г. Гатчино, по такъ называемому Бѣлорусскому тракту, и не только по обширности своей, но даже по богатству и зажиточности крестьянъ можетъ поспорить съ любымъ изъ самыхъ известныхъ сѣлъ нашей Россіи. Говорятъ, оно основано еще при Петрѣ Великомъ; говорятъ, будто бы при немъ и по его указу были переселены туда нѣкоторые изъ жителей г. Коломны и ея окрестностей, что подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что одна часть Краснаго до сихъ поръ носитъ названіе слободы Коломенской. Не выдаю этого извѣстія за неоспоримый фактъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ рукой никакихъ вѣрныхъ источниковъ. Какъ бы то ни было, а Красное село, благодаря расположенію нашего лагера, хорошеетъ съ каждымъ годомъ больше и больше. Любо смотреть на ту длинную верену чистыхъ, опрятныхъ крестьянскихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые годятся бы въ каждый уездный городъ.

Прекрасные лѣтніе Дворцы—Государя Императора, Его Императорскаго Высочества Наслѣдника-Цесаревича, Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича, съ ихъ тѣнистыми садами по всему скату горы, на которой построено село,— съ одной стороны; домъ начальника Штаба Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, командующаго Гвардейскими и Гренадерскимъ корпусами; нѣсколько домовъ для Двора Его Императорскаго Величества — съ другой,— все это служитъ лучшимъ украшеніемъ Краснаго села. Близъ него-то раскинутъ нашъ огромный лагерь, раздѣляющійся на три части: авангардный, большой и кавалерійскій. Авангардный лагерь, какъ то видно и по названію его, лежитъ впереди, правымъ флангомъ примыкаетъ къ Красному селу и тянется потомъ версты на двѣ съ половиною и даже на три, ломаясь по срединѣ въ тупой уголъ. Въ немъ помѣщается 3-я гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, три Стрѣлковыхъ батальона: Лейбъ-гвардіи Финскій, Гренадерскій и Резервный; учебная артиллерійская пѣшая бригада и образцовый пѣхотный полкъ, который составляетъ такимъ образомъ лѣвый флангъ лагеря.

Сзади его, въ разстояніи полуторы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и двухъ версты, расположенъ большой лагерь, составленный изъ 1-й и 2-й Гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій съ принадлежащими къ нимъ двумя пѣшими бригадами гвардейской артиллеріи и изъ 1-го учебнаго карабинернаго полка. Большой лагерь тянется версты на четыре и правымъ флангомъ своимъ заходитъ почти за все Красное село, описывая на протяженіи своимъ небольшую дугу.

Большой и авангардный лагеря раздѣлены между собою двумя озерами: Дудергофскимъ и Безымяннымъ, которые соединяются между собою рѣчкой Дудергофкой. Года три тому, на одномъ изъ береговъ ея разбросаны были бѣдныя, полуразвалившіяся избы, такъ называемой, Фабрикантской Слободки. Они сломаны и вмѣсто нихъ теперь красуются очень хорошенькія и уютныя дачи, которыя отдаются въ наемъ на лѣтнее время.

Постоянные жильцы ихъ—сѣмьи нѣкоторыхъ изъ гвардейскихъ офицеровъ.

Оба лагеря—большой и авангардный—расположены на совершенно открытомъ, нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ. Прошлою осенью разрешено въ нихъ разбивать сады — и Богъ дастъ, черезъ нѣсколько лѣтъ эти шесть тысячъ деревьевъ, посаженныхъ въ каждомъ полку, дадутъ прекрасную тѣнь въ жаркую лѣтнюю пору.

Кавалерійскій лагерь разбитъ позади Павловской Слободы, составляющей начало села Краснаго, ближе къ Петербургскому шоссе и версты полторы впереди большаго лагеря. Въ немъ стоитъ по очереди одна изъ легкихъ кавалерійскихъ дивизій. Другая же, а также и кирасирская дивизія съ ихъ артиллеріей, располагается по квартирамъ въ Красномъ селѣ и окрестностяхъ.

Вотъ легкой очеркъ расположенія войскъ нашего корпуса лагеремъ.

Впереди авангарднаго лагеря, на нѣсколько верстъ тянется военное поле, на которомъ, въ случаѣ надобности, безъ затрудненія могутъ за одинъ разъ учиться всѣ три пѣхотныя дивизіи.

Въво отъ большаго и авангарднаго лагерей возвышаются два очень удобныхъ мѣста для гулянья: это горы Дудергофъ и Киргофъ.

Но не объ этихъ мѣстахъ, которыя такъ хорошо знакомы каждому изъ насъ, которыя памятны мнѣ не однимъ свѣтлымъ воспоминаніемъ прожитаго времени, не объ нихъ я хочу поговорить съ вами.

Мнѣ хочется рассказать объ одномъ днѣ, мнѣ хочется передать вамъ впечатлѣнія одного только вечера, который глубоко запалъ въ сердце и на долго врѣзался въ память каждого изъ насъ.

Это было 4-го Іюля. Въ этотъ день, въ восемь часовъ вечера, назначено было открытіе Красносельскаго военнаго театра въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, командующаго Корпусами,—и всѣ, кто только могъ и успѣлъ во время заpastись билетами на кресла или ложи, всѣ спѣшили туда къ назначенному времени.

Театръ не великъ: въ партерѣ всего 151 кресло, не считая мѣсть за ними, и кажется, 32 ложи, расположенныхъ въ два яруса. Къ будущему лѣту предполагено наддѣлать еще одинъ ярусъ ложъ—и это будетъ совершенно кстати. Театръ построенъ между большими и авангарднымъ лагерями, ближе къ сему послѣднему, недалеко отъ Безъмяннаго озера. Онъ очень красивъ снаружи и отдѣланъ внутри съ тою благородною простотою и вкусомъ, которые дѣлаютъ честь строителю его, архитектору Н. А. Сычову. Ложи и оба яруса отдѣланы подѣ бѣлый мраморъ—и эта близина производитъ прекрасный эффектъ при полномъ освѣщеніи театра, которое производится посредствомъ лампъ и очень красивой люстры: двухглавый, бронзированный орелъ поддерживаетъ ее у потолка посрединѣ театра.

Передняя заваньсъ представляетъ видъ на Безъмянное озеро, навильонъ для танцевъ, купальни и часть большаго лагеря,—видъ какъ нельзя болѣе приспособленный къ самому назначенію театра.

Театръ деревянный и построенъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Не смотря на это, постройка его обошлась очень дешево: около десяти тысячъ серебромъ: цѣна, какъ видите, почти невероятная, если не брать въ расчетъ того, что строили и отдѣлывали его мастеравые гвѣрдейскихъ полковъ, что строился онъ подъ надзоромъ людей опытныхъ, и что наконецъ архитекторъ, проектировавшій и наблюдавшій за ходомъ постройки, не только не взялъ за все это никакого вознагражденія, но еще самъ хлопоталъ и старался о возможной дешевизнѣ матеріаловъ.

При этомъ, нельзя не отдать полной благодарности главному распорядителю постройки, дежурному штабъ-офицеру штаба Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, Командующаго Корпусами, Полковнику Н. П. Синельникову.

Для открытія театра назначены были три пьесы, такъ хорошо знакомыя всякому любителю русской сцены: Бѣлая Камелія, Провинціалка и Домашняя Исторія. Всѣ онѣ слишкомъ извѣстны, чтобы подробно говорить объ нихъ. Скажу только, что рѣдко можно встрѣтить такое единство въ исполненіи ролей, такую дружную и прекрасную игру, какъ въ этотъ памятный вечеръ. В. В. Самойлова, столько разъ восхищавшая въ Бѣлой Камеліи—Петербургу и Москву, Жулева, Мартыновъ, Самойловъ, Григорьевъ 1-й—все они были истинно хороши въ своихъ роляхъ, въ особенности же В. В. Самойлова и Мартыновъ. Отъ г-жи Жулевой мы бы потребовали больше жизни и простоты въ игрѣ и какъ можно меньше жеманной эффектности.

Но вотъ кончился спектакль; тихо и плавно опять поднялась занавѣсь и открыла чисто военную картину: тамъ, вдали, на сценѣ, раздались наши родныя, звучныя, солдатскія пѣсни, вышелъ Григорьевъ 1-й и отъ души проговорилъ стихи, сочиненные имъ на этотъ случай. И вотъ все, бывшіе въ театрѣ, все дамы и офицеры, какъ бы сговорившись, встали со своихъ мѣстъ—и ура, это русское, многозначительное, сердечное ура, раздалось по всему театрѣ, и долгимъ, благодарственнымъ крикомъ носилось между всеми посѣтителями, приветствуя нашего царственнаго Начальника.... Такъ открылся нашъ театръ, такъ кончилось первое представленіе на немъ. Съ техъ поръ еженедѣльно по вторникамъ и пятницамъ начались спектакли, продолжавшіеся вплоть до самаго окончанія лагеря.

Театръ постоянно полонъ: многіе даже, при всемъ желаніи своемъ, не могли достать билетовъ ни на одно изъ заранее назначенныхъ представлений, въ которыхъ постоянно участвовали лучшіе артисты Петербургской сцены. Между ними блестяще теперь и г-жа Орлова, столь любимая, столь знакомая Московскому, Одесскому и Кіевскому театрамъ. Нынѣшній годъ театральная дирекція ангажировала ее въ Петербургъ,—и г-жа Орлова не забыла навѣстить и нашъ маленькій театръ. Мнѣ случалось во многихъ мѣстахъ видѣть г-жу Орлову—и признаюсь, вездѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ, на нашемъ Красносельскомъ театрѣ—она все та же истинная, высокая

артистка, глубоко преданная искусству. Года не состарили ее для сцены: игра ее также проста, свежа и симпатична, как и несколько летъ тому. Отъ души поздравляемъ нашу сцену съ приобретениемъ такого прекраснаго таланта.

Теперь, заканчивая свою статью, скажу нѣсколько словъ и объ театральномъ оркестрѣ. Оркестръ довольно великъ по театру и составленъ изъ лучшихъ музыкантовъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ: не къ чему, следовательно, и прибавлять, что онъ очень хорошъ.

Цѣна мѣстамъ въ театрѣ очень умеренная: ложа — 6-ть руб. сер; первые три ряда кресель по два, а остальные по одному рублю серебромъ за каждое представленіе.

Плата актерамъ по-спектакльная.

Игра оркестра вознаграждается сборомъ съ концерта, даваемого въ пользу музыкантовъ въ концѣ лагеря.

Нынѣшній разъ, этотъ концертъ былъ 8-го Августа, и въ немъ между прочимъ участвовали: г-жа Степанова, Орлова, Жулева; г-да Каратыгинъ, Мартыновъ, Петровъ, Булоховъ.

Каратыгинъ продекламировалъ отрывокъ изъ поэмы Пушкина: «Мѣдный Всадникъ»; Мартыновъ прочелъ — и прочелъ прекрасно — рассказъ капитана Конѣйкина изъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя; а г-жа Орлова отъѣзды г-жи Курдюковой за границу, Матлева.

Петровъ и Булоховъ очень хорошо прочли по роману, и потому вмѣстѣ съ г-жей Степановой, трю изъ оперы «Жизнь за Царя» Глинки.

Жулева тоже пѣла хорошо и съ большимъ чувствомъ — романсъ Гурилева: «Что такъ сильно сердце бьется».

Наконецъ, самый оркестръ, подъ управленіемъ г. капельмейстера Чапиевскаго, прекрасно исполнилъ увертюру изъ оперы: «Семирамида» Россини, галопъ, соч. Лидера и увертюру изъ оперы: «Король Ивепсоть, соч. Адама.

И такъ, поздравьте насъ: съ нынѣшняго лѣта, Богъ дастъ, мы будемъ постоянно, въ лагерное время, наслаждаться прекрасною игрою прекрасныхъ артистовъ. Впереди театра, между небольшимъ, очень хорошенькимъ паркомъ, на самомъ берегу Безымяннаго озера, расположенъ павильонъ для танцевъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ отдѣланъ совершенно за-ново и отдѣланъ щегольски, просто, но прекрасно. Здѣсь разъ, а иногда и два раза въ недѣлю собираются любители и любительницы танцевъ, и долго, за полночь иногда идутъ эти простые, веселые балы, оживленные тою светскою непринужденностью, которая дается очень немногимъ.

П. Непановъ.

С. Петербургъ.

1851 г. 30 Августа.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ДВУХЪ ВИДАХЪ МОСКВЫ, НАПИСАННЫХЪ И. К.
АЙВАЗОВСКИМЪ.

Кто изъ читателей не имѣлъ случая, въ дѣтскомъ возрастѣ, получать, въ день именинъ или рожденія, въ подарокъ ящикъ съ соковыми красками, тотъ не знакомъ съ обаятельнымъ впечатлѣніемъ, которое овладѣваетъ малюткою при видѣ глянцевоитыхъ плитокъ лазури, кармина, бакана, гумигуда, расположенныхъ въ стройномъ порядкѣ, въ уютномъ ящикѣ; а тутъ рядомъ и кисти трехъ-четыреухъ различныхъ величинъ. По видимому, кажется: ну, что можетъ быть проще и ничтожнѣе этого ящика, особенно послѣ взгляда на радугу, перекинувшуюся съ одного горизонта на другой?— Но не забудемъ, что Богъ далъ всѣмъ людямъ способность сочувствовать красотамъ природы; а въ некоторыхъ наградилъ этою способностію въ особенности, которая и породила въ нихъ другую высшую способность—творчество.

Предъ малюткой-самоучкой краски патерты на тарелкѣ; а бумага, раскинутая на столѣ, представляетъ обширное поле его фантази. На этомъ лоскуткѣ является весь міръ, окружающій зарождающагося художника. Тутъ увидите и вчера видѣнный ручей, который прокрадывался подъ плакучей ивой, и Короля Лира, въ цвѣтахъ и въ слезахъ, который наканунѣ игралъ въ театрѣ; встрѣтите и опрокинутую на бокъ убогую избушку, чуть не на курьихъ ножкахъ; и несвязную сказку или о Бовѣ, на сонѣ грядущій; и приливъ моря, волны котораго разбиваютъ въ щепы корабль, съ флагомъ несуществующей націи.

Все пріятно или ужасно поражающее насъ, спрашивается на кисть художника, и такое настроеніе души, въ истинномъ талантѣ обнаруживается въ дѣтствѣ, за немногими исключеніями. Нельзя безъ особеннаго удовольствія смотреть даже на самые уродливыя рисунки ребенка, какъ на слабыя попытки, можетъ быть, будущаго гениа. Избушка лишена всякой перспективы, чудовищный дымъ вѣетъ изъ трубы хижинъ; старичокъ, на вывихнутыхъ ногахъ, несетъ мяшокъ съ чѣмъ-то; немѣлкій мостъ, черезъ который можетъ безопасно шагать только ребяческое воображеніе, переброшенъ черезъ рѣку, нарисованную одинакимъ пріемомъ и штрихомъ, какъ трава; какія-то небывалыя утки плаваютъ на пруду. Да и чего не нарисуетъ доброе, наивное настроеніе дитяти, незнакомаго еще ни съ какимъ злодѣемъ, кромѣ указательнаго пальца няни, обращеннаго на кроватку. Тогда-то, при дѣтскомъ побужденіи ко

спу, отнимаются и карандашъ, и краски; а тарелка, эта пробная папютра, возвращается въ кухню, и весь красочный, цвѣточный мiръ колыбельнаго художника смывается, въ одно мгновеніе, мочалкой судомойки.

Но проходить годы... и человѣку, которому суждено сродниться съ прекраснымъ, суждено вмѣстѣ съ тѣмъ и отстаивать его, и бороться за него; но уже не съ няньками и судомойками.

Для объясненія, скажу слѣдующее:

Встрѣчаются нынѣ люди, полные пуристическихъ претензій, которые не хотятъ призвать въ современномъ обществѣ художественнаго начала, и всѣ порывы художника, безъ исключенія, относить къ корыстолюбивымъ цѣлямъ. Вотъ первый, къ счастью, немногочисленный, болѣзненный отдѣлъ нашихъ критиковъ. Я разумью людей, встрѣчающихся въ обществахъ.

Во второй рядъ знатоковъ мы поставили тѣхъ цѣнителей искусствъ, которые своими дѣйствіями, лишь въ уменьшительномъ видѣ, усвоили имя меценатовъ и тѣмъ присвоили себѣ право судить совершенно произвольно произведенія художества.

Наконецъ, есть третій разрядъ критиковъ, едва ли не самый пустой и не самый вредный для искусства, это, такъ называемыя, даровитыя натуры, не дающія плодовъ, но которымъ не мало удивляются въ некоторыхъ муравейникахъ. Къ этому же разряду относимъ также даровитыя натуры на всѣ руки, которыя изучали искусства при встрѣчѣ съ Рубини, Маріо, обдывали съ Листомъ, были за панибрата съ талантами своего времени, и съ ихъ слабостями; однимъ словомъ, праздные люди, которые всюду бѣгаютъ и безнаказанно кладутъ на артиста, съ высоты своего поверхностнаго взгляда, свою пломбу *художника или шарлатана*. Этнхъ праздныхъ болтуновъ слушаетъ праздная толпа очень охотно, и часто ихъ мнѣніе дѣлается упрямымъ мнѣніемъ большихъ кружковъ. Советовалъ бы я такимъ *паразитамъ искусства* сперва намозолить руки, пріобрѣтая ими себѣ хлѣбъ насущный, и тогда рѣшиться произносить свой судъ. Тогда было бы менше опрометчивости въ ихъ сужденіяхъ, и болѣе любви и уваженія къ искусству и труду.

Не стану оспаривать, что съ малыхъ лѣтъ обезпеченная жизнь, страсть къ собакамъ, охота на зайцевъ и волковъ, и другія неголоволонныя занятія гораздо доступнѣе всякому, нежели совѣстливое и специальное изученіе какого бы-то ни было искусства; а между тѣмъ, тѣ же самыя охотники до зайцевъ, до дичи, наконецъ до картинъ, годъ тому назадъ, позволили себѣ дерзость сомнѣваться въ талантѣ Айвазовскаго.

Спршивается: откуда взяли они это право? Ужъ не во время ли сади яйца составилось это мнѣніе? — Не нравится намъ эта живопись! — говорятъ они. — Отвѣчаемъ: положимъ, что у каждаго барона своя фантазія; но это еще не значитъ, что фантазія каждаго барона составляетъ дѣльный, настоящій приговоръ художнику. — Откуда они взяли эту ярко голубую воду? — снова кричатъ они. — Желаемъ вамъ, господа, хоть во снѣ увидать красоты Итали! — отвѣтимъ мы.

Не хотѣть ли эти мудрые толкователи взглянуть на двѣ новыя картины нашего славнаго художника.

Вотъ она, страшная година испытанія Русскаго народнаго духа, до сихъ поръ еще никѣмъ такъ краснорѣчиво не переданная. Бѣдственный, разрушительный пожаръ поглощаетъ Москву, рушатся Божіи храмы, все объято пламенемъ, которое бурчить, шипеть, полощется надъ древнею столицею огнемъ очищенія, мечетъ головки по воздуху. Рѣка, отражая бѣдствіе Москвы, кажется, должна сейчасъ изсякнуть отъ жгучести непотушимаго пожара. Нужно придвинуть цѣлое море, чтобы залить это ужасающее, гибельное пекло; здѣсь талантъ Айвазовскаго, забывъ свою любимую стихію, загорѣлся и разлился моремъ огня. Страшно становится за Блочнокаменную! Угрюмо и надгробно стоятъ, до половины видныя зрителю, башни Кремля; французскій часовой у входа во Дворецъ Царей Русскихъ; но безвыходно положеніе Наполеона, скрестившаго по обыкновенію руки на груди. Передъ нимъ отбросила огненные брызги и дымъ, только-что упавшая на землю головня; — и великій полководецъ, можетъ быть, уподобляетъ ей свои несбывшіеся замыслы.

Я видѣлъ нѣсколько картинъ и картинокъ пожара Москвы, и сколько встрѣчалъ въ нихъ суматохи, бѣготни; какое несмѣтное число фигуръ, спасающихся изъ окошекъ, и такихъ, которые спускаются съ крышъ по лѣстницамъ и по веревкамъ; и какъ легко замѣчаешь во всемъ этомъ посредственность или бездарность. Тонкій, художественный тактъ Айвазовскаго привелъ художника къ болѣе поразительному, болѣе драматическому сочиненію картины. Въ его картинѣ суматоха между людьми нѣтъ; здѣсь съ кисти художника страшное событіе буквально повисло надъ головами побѣдителей міра; и опасность, и отчаянное, неожиданное положеніе сомкнуло героевъ въ три отдѣльныя группы, какъ можетъ сомкнуть внезапно и инстинктивно самыхъ храбрыхъ людей, гроза, упавшая между ними съ неба. Сзади Императора Французовъ, въ числѣ сподвижниковъ его славы, виднѣтъ Мюратъ, далеко не въ

той щеголеватой и маршальной позе, въ которой они красовались на конѣ, при вступленіи въ Москву, перетяжка Каменный мостъ.

Движеніе огня въ картинахъ и вся обстановка изумительно ярки и прекрасны.

Когда приаживали раму къ этой картинѣ, то одинъ изъ столяровъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: вѣдь это, сударь, Наполеонъ, въ свромъ-то? — Да, — отвечалъ я. — Вѣдь войъ и даише-то какъ будто все генералы, а не простые люди. — Почему жъ ты такъ думаешь? — спросилъ я. — Да ни одинъ не шелохнется; словно къ мѣсту прикованы. — Стало припекло шибко! — замѣтилъ другой столяръ и прибавилъ: помни — то такъ и хлещетъ!

Если бы вообще некоторые цвѣтели болѣе поддавались природному чувству, если еще въ нихъ оно не совершенно заглушено, и подходили бы къ картинамъ безъ ложныхъ мудрствований и предуѣждений, тогда, преисполненные прямой, чистой любви къ прекрасному, они получали бы способность принимать тотъ усладительный фидлъ отъ вдохновенія художника, который не каждому изъ насъ суждено извлекать изъ души своей.

Слишкомъ положительные и болѣзненно-самолюбивые люди забываютъ, что художникъ, не даромъ извѣстный Европѣ и получившій заказы отъ Академій: Берлина, Вѣны, Амстердама, Филадельфии, стоитъ несравненно выше ихъ толковъ, и выше ихъ саникъ.

Слѣдующая картина Айвазовскаго снова опредѣляетъ въ немъ истиннаго художника, фантазія котораго переноситъ насъ на нѣсколько лѣтъ впередъ.

Нынѣ воздвигаемый храмъ Спаса, достопамятный памятникъ спасенія Россіи и міра Европы, представляется совершенно оконченнымъ, такъ что уже и церковная процессія движется на перти храма. Отсюда, съ утреннимъ солнцемъ, освѣщающимъ Москву, стремится народъ принести теплую молитву Царю царствующихъ.

Многіе даровитые наши художники и иностранцы писали виды Москвы; но надо отдать справедливость Айвазовскому, что еще никому до сихъ поръ не посчастливилось выбрать такую прекрасную точку для написанія Москвы. Въ центрѣ мы видимъ колокольню Ивана Великаго, Соборы, новый Дворецъ, однимъ словомъ, въ этой картинѣ мы встрѣчаемъ все, что имѣетъ Москва драгоценнаго для Русскаго сердца. Такое множество зданій, башенъ, церквей, покрытыхъ всевозможными красками, такая пестрота составляли ввролтю не малую задачу для художника; но

ему не, впервые одолеть трудности; и на этот раз, онъ пролилъ такую гармонию на свою картину, которая согласовала всё множество вошедшихъ въ картину предметовъ, и ввѣтъ на зрителя какою-то торжественностью. Свѣтъ солнца какъ-то особенно ласково и привѣтливо столется по краснымъ зданіямъ столицы православія, и, при движеніи народа, стекающагося съ разныхъ сторонъ на молитву, чудится благовѣсть колоколовъ Блокаменной.

Вѣроятно, жители Москвы и всѣ Русскіе также отъ души благодарятъ Айвазовскаго, что онъ покинулъ на время бунтующее море, и бросилъ свой якорь у береговъ Москвы рѣки, дабы подарить намъ высокимъ художественнымъ наслажденіемъ.

И въ солнцѣ бываютъ пятна, и потому микроскопъ щепетильныхъ знатоковъ, пожалуй, будетъ наведенъ на мягкіе недостатки этихъ и другихъ произведеній кисти Айвазовскаго. Предоставимъ же право микроскопическимъ знатокамъ высказать, въ свою очередь, свои понятія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтимъ имъ, чтобъ они были осторожнѣе, и быструю производительность Айвазовскаго никакъ не вѣняли бы ему въ порокъ.

Нужно знать, что обв картины Айвазовскаго, описанныя нами, были исполнены въ Феодосіи, даже безъ предварительныхъ эскизовъ красками, которыми необходимо бы запасся другой художникъ здѣсь, на мѣстѣ. Высшая, тонкая впечатлительность и гениальное памятованіе, неуловимыхъ для другаго, красотъ природы, составляютъ исключительную характеристическую черту необыкновеннаго таланта Айвазовскаго. Картина, которая должна явиться изъ-подъ его кисти, заранѣе уже окончена въ его воображеніи; это не трудъ тѣхъ артистовъ, которые считаютъ листья на ветвяхъ копируемаго ими дерева; и потому, смѣшно было бы упрекать художника въ его плодовитости, въ пылкости фантазіи и въ самой гениальности. Для большаго уразумѣнія, для некоторыхъ, нужно прибавить — можетъ ли Айвазовскій сказать волнъ или облаку: стой, погоди, я еще тебя не кончилъ, какъ мы можемъ сказать это натурщику въ нашей мастерской; — и потому согласитесь, что нельзя назначать сеансы Каспію, Адриатикъ, Океану и громовымъ тучамъ; а для этого нужно, безъ сомнѣнія, имѣть такую особенную способность, которая заставляетъ иногда и самаго невѣжду чтить въ Айвазовскомъ истиннаго, славнаго художника, приносящаго честь Россіи.

О другихъ картинахъ Айвазовскаго скажется въ общемъ обзорѣ выставки училища живописи и ваянія. *Николай Рамазановъ.*

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

А. Григорьева.

III.

Прошедшій театральный годъ.

Наша лѣтопись началась интересами минуты, хотя, по обстоятельствамъ отъ нея не зависящимъ, и поотстала нѣсколько отъ этихъ интересовъ, сообщивъ мѣсяцемъ поздне о пребываніи въ Москвѣ прекрасной гостьи, къ появленію которой на нашей сценѣ удивительно прилагались стихи изъ Ромео и Юліи:

So sheweth a snowy dove trooping with crows,
As yonder Lady o'er her Fellows sheweth.

(Актъ I, сцена 8.);

такъ-же поздно говорила о г Полтавцевъ въ роляхъ Гамлета, Бидермана и Чацкаго,—и вообще не обвѣщаетъ быть всегда своевременною; но за то, постарается быть постоянною, подробною и по возможности безпристрастною. По возможности—говорю я, ибо безъ такой оговорки не въ правѣ обойтись ни одинъ театральный рецензентъ. Живое представленіе, дѣйствующее на всѣ человѣческія чувства, не то, что печатныя листы книги, лежащей передъ критикомъ: театральному рецензенту всегда предстоитъ опасность увлечься—и дай Богъ ему только больше увлекаться образомъ мыслей, нежели минутными, личными ощущеніями. Увлеченіе началами искусства, въ какую бы крайность оно его ни повело—не лишитъ его по крайней мѣрѣ довѣрія со стороны публики и даже самихъ артистовъ, какъ бы ни оскорбила подъ-часъ послѣднихъ, жестко и прямо высказанная правда, какъ бы ни показалось имъ подъ-часъ страннымъ и парадоксальнымъ известное положеніе.

Театральный годъ или сезонъ теперь оканчивается, какъ старій Русскій годъ, начинаясь Сентяремъ. Собственно говоря, даже опъ окончился, потому что Іюнь, Іюль и Августъ—мѣсяцы, когда въ театръ ходятъ только театралы и рецензенты, когда представленія бывають много-много раза три въ недѣль. Настоящій театральный сезонъ имѣетъ три эпохи: одну довольно длинную: эпоху бенефисовъ, новыхъ пьесъ, замѣчательныхъ дебютовъ—отъ Сентября и до начала масляницы,—за симъ, кратковременную эпоху утреннихъ и вечеровыхъ спектаклей, разнообразныхъ, великолѣпныхъ и нѣсколько безтолковыхъ—масляницу,—и наконецъ—мѣсяць послѣ Святой недѣли. Въ послѣдній промежутокъ времени, Москва обыкновенно наслаждается игрою привѣзжихъ артистовъ и весьма мало посѣщаетъ бенефисы, выпавшіе на долю

второстепенныхъ сюжетовъ. Каждая изъ этихъ эпохъ имѣетъ свои характеристическіе признаки, свою публику....

Обращаюсь теперь къ воспоминаніямъ о прошедшемъ театральномъ сезонѣ. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, читатели не должны ожидать отъ летописца статистики театра за прошлый годъ; онъ только на будущее время обѣщается быть отчетливымъ и подробнымъ. Теперь же приходится разрозненныя воспоминанія привязать къ какимъ-нибудь выдающимся пунктамъ, сосредоточить ихъ вокругъ явленій замѣтныхъ. Такими выдающимися пунктами будутъ прежде всего замѣчательные артисты.—Устраняю *М. С. Щеткина*, котораго слава уже установлена. Замѣчу только, что прошлый годъ онъ явился истиннымъ художникомъ въ роли «Жоржа Дандена» въ пьесѣ Мольера, давной въ его бенефисъ,—былъ таковымъ же въ Мольеровскомъ Скупомъ,—несколько разъ въ Городничемъ, въ Фамусовъ, въ Михаилѣ Чупругѣ, сыгралъ несколько слезныхъ драматическихъ ролей къ прискорбію всѣхъ истинныхъ и безпристрастныхъ его поклонниковъ,—устраняю *г. Полтавцева*, которому посвящена мною особая статья;—устраняю *г. Живокина*, увлекающаго невольно всѣхъ своей необыкновенною веселостью, силою своего дарованія, но несправимаго въ стремленіяхъ угождать вкусу *доброй* части публики. Три артиста владычествуютъ кромѣ этихъ трехъ—общеею симпатіею массы: *П. М. Садовскій*, за нимъ *Шумскій* и потомъ слѣдуетъ еще недавно только ставшій высоко во мнѣніи публики, пользующійся наравнѣ почти съ *Г. В. И. Живокини* и *К. Н. Полтавцевымъ*—любовію массы, молодой и дѣйствительно даровитый артистъ *С. В. Васильевъ*. Къ числу этихъ любимыхъ мужскихъ дарованій—принадлежитъ еще не старѣющее дарованіе *г. Никифорова*, хотя и ограниченное известнымъ кругомъ ролей. *П. М. Садовскій*—одна изъ тѣхъ истинно-гениальныхъ художественныхъ натуръ, у которыхъ непосредственныя данныя природы идутъ объ руку съ добросовѣстнымъ, глубокимъ изученіемъ своего дѣла, которыя не уставая дѣлаютъ все новые шаги и возвышаются съ каждымъ новымъ шагомъ. Таланту Садовскаго почти нельзя положить предѣловъ, потому что онъ самъ не знаетъ предѣловъ въ созданіи ролей. Доказательство этому на лицѣ—въ роли Осипа въ «Ревизорѣ» съ каждымъ новымъ представленіемъ, артистъ все глубже и глубже проникается своею ролею, видитъ въ ней все новыя и новыя черты—и каждый разъ, то новое, необычайно вѣрное движеніе, то незначительное повышение или пониженіе тона въ известномъ мѣствѣ—и постоянно все бѣдшая и бѣдшая простота и свобода—выска-

зываютъ новыя стогоны Осипа. Замѣчательно, что играя новую роль въ первый разъ, Садовскій какъ будто еще не сжился съ нею, какъ будто еще неловко ему, не усвоилъ онъ всѣхъ ея отгвнковъ—и чѣмъ чаще играетъ онъ, тѣмъ подымается выше и выше,—тогда какъ это бываетъ на оборотъ у другихъ артистовъ. Иначе и быть нельзя: талантъ вполне сочувствующій жизни, чрезвычайно простой въ своемъ творчествѣ, обладающій своеобразнымъ, глубокимъ юморомъ,—нашъ артистъ стремится постоянно къ цѣльному пониманію, къ созданію типа—вършии всегда въ основахъ, до безконечности равнообразенъ въ подробностяхъ. Юморъ его не сверкаетъ искрами, а живетъ въ немъ постоянно: одушевленіе его такъ цѣльно, что его хватаетъ на всю роль, и потому, нѣтъ особенно выдающихся, рѣзкихъ порывовъ. Все—мягко, цѣльно, жизненно. Живое лице ходитъ передъ вами—все равно, создано ли оно самимъ артистомъ изъ ничтожныхъ данныхъ, или представляетъ собою осуществленный образъ великаго поэта. *Пузину* ли это въ водевилѣ «Отецъ какихъ мало»—разсказывающій съ неподражаемо-наивною торжественностію объ Александровской колоннѣ и о лежащей красавицѣ Помпеев, Пузину съ его комическою чопорностію костюма и претензіями на высокій слогъ,— *Осипъ* ли—который дѣйствуетъ даже когда молчитъ и стоитъ въ сторонѣ; чистя сапоги; или подходитъ къ Хлестакову уговаривать его вѣхать,— *Подколесинъ* ли, въ которомъ видимо и осязаемо для зрителя, растеть и раететь сомнѣніе, отъ нерышительнаго тона словъ—«что если бы прыгнуть?» до фантастическаго прыжка въ окно,— *Профъ* ли *Стахицъ Замухрышкинъ*, *Лисичкинъ* ли въ комедіи г. Анда: *багатая старушка*, этотъ Тартюфъ еп гегіме съ трогательнымъ тономъ словъ—«Тетушка! родная!», подобострастный и лукавый, съ нравственными сентенціями на устахъ,— *офицеръ* ли съ романсомъ на устахъ: «Прощаясь, ангелъ мой, съ тобою»—въ водевилѣ: «Что имѣемъ не хранимъ»—старикъ ли *лакш* въ комедіи М. Н. Загоскина, съ недоверчивою улыбкою слушающій барыню, когда она говоритъ, что за границею такъ тепло—что шуба не понадобится, стоящій въ раздумьи съ этою шубою или выводящій М-ше Вельскую изъ терпѣнія своей неповоротливостію и неопытною,— *уситый* или *ревнивецъ* въ водевилѣ «Нѣтъ денегъ, дайте сдачи»—съ нѣсколькими буйными наклонностями и съ поползновеніемъ захватить ближнему въ ухо—дантистъ эдакой, по выраженію Копѣйкина, *отецъ* ли царской невесты Марья Собакиной, съ глубокимъ, хотя не высказывающимся въ громкихъ вопляхъ чувствомъ—вездѣ это сама художественная истина, вездѣ это—типъ.

Не простая копія съ дѣйствительности—лица представляемыя Садовскимъ—они вполне созданы, созданы самостоятельно, созданы целю, потому что артист—психологъ прежде всего имѣетъ въ виду моральныя пружины, управляющія жизнью известнаго существа, ищетъ повсюду правды,—береть ее изъ себя самого, когда нѣтъ ея въ роли. Таковъ Садовскій, наравнѣ съ которымъ трудно поставить кого-либо. Я не рѣшусь поставить на равнѣ съ нимъ даже г. Шумскаго, не смотря на то, что въ последнее время, молодой артистъ создалъ несколько типовъ, какъ истинный мастеръ. Есть разница между творчествомъ того и другаго артиста, и разницу эту отыскать не трудно: Садовскій—гораздо болѣе глубокий психологъ въ созданіи своихъ типовъ: внѣшній образъ важенъ для него только, поколику выражаетъ внутреннія пружины бытія Подколесина, Осипа и т. д.—Шумскій—черезъ внѣшнее, даетъ узнавать внутреннее, отдѣляя внѣшній образъ до самыхъ мелочныхъ подробностей,—творя можетъ быть не разомъ, а по частямъ, аналитически,—но доходя почастнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ до цѣльнаго образа, который Садовскій схватываетъ вдругъ, непосредственнымъ инстинктомъ, и чему потомъ, съ любовію художника сообщается осязаемую форму. По этому—то, Садовскій сначала какъ будто не въ ладу съ формами, и чѣмъ чаще играетъ онъ роль, тѣмъ болѣе онъ съ нею сживается, прибавляя все новыя черты. Шумскій остается вѣрнымъ постоянно разъ сложенному имъ типу, и дѣйствительно трудно представить себя иной типъ, нежели какой имъ сложенъ,—но не надобно забывать, что эти типы—во первыхъ—внѣшніе, типы, скорѣе представители известныхъ сословій или направленій,—а во вторыхъ, что по самой натурѣ своей г. Шумскій не способенъ къ осуществленію столькихъ разнообразныхъ типовъ, какъ Садовскій. Графъ въ *Провинціалкѣ*, Ардатовъ въ *«Странной ночи»* имѣютъ между собою много общаго въ дешевомъ разочарованіи, въ празднои апатіи, въ претензіи, но что общаго между Осипомъ и Подколесинимъ, и даже между Осипомъ и Лавромъ въ *«Поездкѣ за границу»*? Однимъ словомъ, даровитому Шумскому самой натурой подожени предвѣли. Внѣшность его, рвѣчье—способны только къ осуществленію известнаго *genre*. Превосходный, въ особенности въ роляхъ поддѣлки,—онъ скорѣе даровитый копистъ съ натуры, нежели творецъ, хотя, надобно сказать правду, копія его полны жизни, колорита, истинны.

Другою стороною своего таланта г. Шумскій имѣетъ нѣчто общее съ г. *Васильевымъ*. Такъ, покрайней мѣрѣ, казалось многимъ прежде, потому что г. Шумскій выступилъ въ нѣсколькихъ роляхъ,

въ которыхъ привыкли видѣть г. Васильева; но, въ настоящую минуту, амплуа г. Шумскаго и г. Васильева опредѣлилось окончательно, и всякое сравненіе одного съ другимъ, было бы совершенно неумѣстно. У каждаго изъ нихъ есть своя сфера — и никогда, можетъ быть, не выставляются такъ рельефно прекрасныя артистическія средства того и другаго, какъ тогда, когда они играютъ оба въ одной пьесѣ. Таковы они были, на примѣръ, въ пьесѣ «Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ». Г. Васильевъ игралъ роль простака Пишо, г. Шумскій роль Фата-Леонара — и на нихъ смотрѣли все съ одинаковымъ наслажденіемъ. Г. Шумскій создалъ чудный типъ парижскаго щеголя дурнаго тона:

Qui hante un peu les mauvais lieux.

Все въ немъ, отъ цвѣта и покроя платья, до шляпы, неестественно надвинутой на бокъ отъ движеній, отзывавшихся необузданною страстью къ канкану, до презрительной улыбки съ высоты величія — все дышало истиннымъ фатствомъ дурнаго тона и самодовольствомъ героя Шомьеры; едва ли даже какой-либо французскій артистъ создалъ бы этотъ типъ болѣе удачно, болѣе по-французски. Это не русскій моншеръ Коломны или франтъ замоскворѣчья съ ухарскими ухватками, а истинный Парижанинъ съ изломанными, но какъ-то непринужденными, какъ-то легкими манерами. На немъ лежитъ доскѣ развитой вполнѣ цивилизаціи, все въ немъ претензія, — но въ этой претензіи нѣтъ неуклюжести. Въ противоположность г. Шумскому, г. Васильевъ былъ до послѣдней степени наивенъ и брость, какъ и слѣдовало ему быть по характеру своей роли: нельзя было удержаться отъ смѣха, когда съ вялою и сонною физиономіею, плавъ онъ саптаментально:

*Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Клару,
Я пересталъ курить сигару.*

и т. д.

Они оба, и г. Васильевъ и г. Шумскій — такъ сказать, просидѣвъ въ картину въ сценѣ, когда Леонаръ учитъ Пишо волочиться, и ломаясь самодовольно, отвѣчаетъ на его наивные вопросы: «потомъ? потомъ?» Сознаніе собственнаго величія на физиономіи одчаго, смиренное благоговеніе и почти идиотская простота на лицѣ другаго, небрежная поза Леонара и въ противоположность ей, напряженное вниманіе Пишо! надобно замѣтить, что вообще весь этотъ водвилъ разыгранъ былъ съ удивительнымъ ансамблемъ и мужскими и женскими сюжетами. *г. П. Степановъ*, въ роли стараго машиниста, селадона, былъ хорошъ до истиннаго комизма; въ *г-жѣ Наумоной*

было довольно наивности, и, редкой у наших артистов, способности говорить просто. Не удивитесь, что я вмещаю въ достоинство простоту дьякціи; въ этомъ высказывается или счастливо-одаренная или покрайней мѣрѣ умная сценическая натура. Хороша была также и *г-жа Степанова*, въ роли дорожной гризетки; она довольно ловко обозначила характеръ, состоящій изъ страннаго смѣшенія сантиментальности, съ манерами и понятіями пуассардаки. Упомяну еще о нѣкоторыхъ другихъ комедіяхъ и водвилляхъ, въ которыхъ являлись въ прошломъ году Гг. Шумскій и Васильевъ. Это были:

1) *Два мужа*: здѣсь играли *Гг. Шумскій и Колосовъ, г-жи Соболева 2-я Наумова и Кашина*. *Г-нъ Шумскій* явился оригинальнѣйшимъ чудакомъ, но не наивнымъ шуткомъ, какъ сдѣлалъ бы всякій другой, менѣе умный артистъ. Это былъ тоже фатъ, но, совершенно другаго рода, чѣмъ Леонаръ. Фатъ Риго, выпелъ гулякой, малымъ самодовольнымъ и втренымъ—но самодовольнымъ безъ аффектаціи, втренымъ безъ задней мысли, онъ былъ, однимъ словомъ, умнѣе и добрѣе Леонара—въ немъ высказалось много увлеченія и сердца, когда онъ ревновалъ собственную жену—вы не могли негодовать на него даже тогда, когда онъ, самодовольно потрасывался всѣмъ корпусомъ, пѣлъ куплетъ о своихъ побѣдахъ—вы видѣли, что это просто *bon vivant* и притомъ весьма неглупый, а не фатъ по процессіи.—*Г. Шумскій* мастерски создалъ даже фizioномію Риго—веселую и чрезвычайно плутоватую... *Г. Колосовъ* никакимъ образомъ не оправдалъ предпочтенія, которое въ водвилляхъ было оказано ему молодой дамой. *Г-жа Соболева 2-я* имѣла претензію быть дублетомъ *г-жи Васильевой*—*г-жа Наумова* была очень мила, *г-жа Кашина* мастерски отдѣлала роль старой цѣломудренной экономки.

2) *Барская спѣсь и Аютины глазки*. Въ этомъ живомъ и умномъ водвиллѣ, Шумскій занималъ роль Мотылькова. Опять фатъ и опять лице, нисколько непохожее ни на Леонара, ни на Риго, Фатъ, поплатившійся за свои воображаемыя торжества, потерю здоровья, фатъ почти совершенно безголовый и между тѣмъ нахально самоувѣренный: и фizioномія и типъ и манеры были у *г. Шумскаго* совершенно иные, хотя мнѣ кажется, что въ цѣломъ созданіи роли, проглядывали нѣкоторыя утрировки, что то слишкомъ рѣзкое, чего до сихъ поръ не видать было въ округленной, исполненной тонкихъ оттѣнковъ игрѣ молодаго артиста, чего долженъ избѣгать истинный художникъ. Противоположность этой угловатости представляло собою мастерское, безъ-эффектное и пол-

ное жизни, созданіе Чухлымова г. Садовскимъ. Это былъ тоже типъ, но не снятый съ того или другаго случайнаго лица а представлявшій собою цѣлый родъ, съ чертами тоюко личными, но не скопированными, а свободно-созданными.

3) *Дядюшкинъ фракъ и тетюшкинъ капотъ*. Здѣсь на долю г. Шумскому выпала роль безъ всякаго опредѣленнаго характера, хотя повидимому вся исполненная движенія—роль, заключающаяся вся въ быготнѣ, порывахъ и фарсахъ—и такъ какъ, живости въ натурѣ молодаго артиста станетъ на вѣсколько натуръ, то не мудрено, что онъ увлекалъ всѣхъ своимъ одушевленіемъ, что онъ отдавался порывамъ, какъ никто кромѣ его не можетъ отдаться—а опредѣленнаго образа не вышло и выдти не могло. Въ самой живости, въ самомъ увлеченіи, г. Шумскій находилъ себѣ соперника въ г. Никифоровѣ, который былъ неподражаемо хорошъ.

Что касается до г. Васильева, то его ампуа опредѣлилось уже давно—это роли *нашихъ претнаковъ*, ампуа чрезвычайно богатое при настоящемъ упадкѣ истиннаго драматическаго искусства. Всѣ эти различные господа, съ растрепанными или разбитыми физиономіями, съ подбитыми глазами, съ разбитыми носами—во всѣхъ водвилыхъ пролетѣ обыкновенно на одну мѣрку. Это уже не лица, а условныя отвѣченія, что-то въ родѣ старинныхъ арлекиновъ. У нихъ у всѣхъ, всегда и постоянно одни и тѣже качества, всѣ они—одинаково просты, одинаково неловки, одинаково добродушны, они всѣ болѣе или менѣе подвергаются маленькой несправности быть осмѣляемыми или битыми какими-нибудь—или омураченными въ своей любви, въ своей ревности и т. д. Прототипъ ихъ—*Жанно Бижу* въ водвилѣ: «Любовное воззе или цирюльничъ-стихотворецъ», и съ легкой руки автора этого водвилля, развелось несметное количество этихъ Жанно Бижу. Сначала, пока еще не истощился запасъ комическихъ положеній, въ которыхъ подобный характеръ можетъ быть поставленъ, Жанно Бижу казался даже и лицами, благодаря игрѣ такихъ артистовъ, какъ Мартыновъ; наконецъ они начинаютъ видимо надоедать, видимо обращаться во что-то условное, почти безжизненное—интереса въ ихъ положеніяхъ принимать уже нельзя потому, что всѣ эти положенія знаешь наизусть, угадываешь напередъ, съ перваго появленія на сцену подобнаго господина, съ растрепанною наружносцію, въ странномъ и условномъ костюмѣ. Однимъ словомъ, эти quasi-лица стали уже слишкомъ напрашиваться на смѣхъ, чтобы надъ ними было можно искренно смѣяться. Горѣ артисту, который безъ сильныхъ, собственныхъ средствъ, возмется гешаръ за этотъ родъ: толъ-

ко могущественное комическое дарованіе въ состояніи вдохнуть жизнь въ эти почервившія и сжавшіяся отъ времени муміи. Доказательство на лице: въ одной изъ подобныхъ ролей, именно въ роли мужа, въ водвиле: «Сто тысячъ или беда имѣть отъ мужа тайны» дебютировалъ въ началъ прошлаго сезона *г-изъ Лавровъ* — и хоть бы одно рукоплесканіе привѣтствовало дебютанта, не смотря на то, что онъ повидимому дѣлалъ все требуемое ролью — и приходилъ въ отчаяніе отъ воображаемаго отравленія и скакалъ по сценѣ. Ничего не вышло, потому что въ самомъ артистѣ не оказалось собственнаго дарованія. А съ другой стороны — является безпрестанно *г. Васильевъ* въ этихъ однообразныхъ роляхъ, и хохотъ, немолкающій хохотъ сопровождаетъ каждое его комически нелѣпное или эксцентрическое движеніе — и встрѣчаютъ его и провожаютъ рукоплесканіями. Публика хохочетъ не на этихъ надовзвизшихъ ей гостодѣ, а на *г. Васильева*, и этотъ хохотъ, эти рукоплесканія даиъ его таланту. *Г. Васильевъ* вездѣ все тотъ же *г. Васильевъ*, и это качество, которое было бы недостаткомъ въ дарованіи менѣе сильнымъ — въ немъ чрезвычайно увлекательно. Водвилы и комедіи, въ которыхъ онъ былъ въ особенности замѣчательнъ, въ прошломъ году — были

1) *Девичьи клятвы* — одна изъ тѣхъ невинныхъ нелѣпостей, которыя имѣютъ успѣхъ во Франціи, благодаря многосторонности тамошней общесвенной жизни, и которыя нисколько не приложимы ни къ нашей быту, ни къ нашимъ понятіямъ. Дѣло въ томъ, что двѣ дѣвушки, начитавшіяся романовъ въ родѣ *Матильды*, *Евг. Сю*, *восчувствовали* отвращеніе къ браку и дали другъ другу торжественную клятву не выходить замужъ, въ слѣдствіе чего, разумѣется, тотчасъ же и отдали руку и сердце — одна (*г-жа Васильева*) какому-то юношѣ (*г. Самаринъ*), другая (*г-жа Бороздина*) — наивному простаку садовнику (*г. Васильевъ*). Боже мой — какъ все эти невинныя проишествія удовлетворяли бы вполне желаніямъ того господина въ Театральномъ развѣздѣ, который, помнит-ся, говоритъ: «Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ, свѣтскихъ случаевъ? Ну положимъ, напримеръ, я отправился на Антекарскій островъ, а кучеръ вдругъ завезъ меня на Выборскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ случаевъ?» ... Этотъ любезный водвиль, напримеръ, — онъ рѣшительно по мѣркѣ желаній такого любителя невинныхъ и забавныхъ случаевъ. Невиненъ этотъ водвиль, уже потому — что у насъ двѣ дѣвушки дадутъ развѣ скорѣе клятву выйти за мужъ, во что бы то ни стало, quand même, за перваго встрѣчнаго, точно какъ будто бы *Оберонъ Шекспировскаго «Сна въ Ивановскую ночь»* оросилъ вѣки

ихъ глазъ, сокомъ того же приворотнаго цвѣтка, которыми надѣлалъ онъ столько чудесъ съ своей Титаніей и съ другими.

Но что такое былъ г. *Васильевъ* въ невинной роли садовника,—это право трудно даже пересказать: въ самой роли ровно ничего нѣтъ, кромѣ старыхъ, избитыхъ, опошлѣвшихъ наивностей—но надобно было видѣть молодаго артиста въ сценѣ, напримѣръ, съ предметомъ его страсти, поворотившимся къ нему спиною, когда онъ говоритъ, что *всѣ родные уже пріѣхали на свадьбу въ одноконкахъ*,—надобно было видѣть порывы его комической ревности, его бышенство на ветеринарнаго, котораго считаетъ онъ виновникомъ всей кутерьмы, чтобы одѣлать рѣдкія, непосредственныя дарованія г. *Васильева*. Ясно, что всѣ эти удачныя порывы, мастерскіе жесты, комическія интонаціи,—слѣдствіе какого-то чуднаго инстинкта или пожалуй вдохновенія, хоть я не люблю этого часто злоупотребляемаго слова. Нельзя безъ смѣха вспомнить г. *Васильева* въ сценѣ, гдѣ онъ возвращается отъ ветеринарнаго съ подбитымъ глазомъ, но опять, здѣсь виною смѣха г. *Васильевъ*, а не отвлеченное лице садовника и даже не положеніе до пельзя уже изтасканное.

2) «*Школьный учитель или дураковъ учить, что жертвыхъ лечить*» Это водевиль уже старый и отличающійся крайнею глупостью—но онъ держится на сценѣ и будетъ держаться, пока на ней есть г. *Никифоровъ* (учитель) и г. *Васильевъ* (старшій классъ). О! неподражаемый старшій классъ, съ наивной смѣлостью отвѣта: *дѣвяти!*—на вопросъ учителя: шестью девять; съ важностью и съ учительскимъ тономъ, когда въ отсутствіе учителя онъ замѣняетъ его въ пиколѣ съ удивительно-тупой физіономіею, по которой можно судить, что въ головѣ сильно посвистываетъ.

3) *Парики*. Въ этомъ забавномъ водевилѣ г. *Васильевъ* смѣшнить до упаду самаго равнодушнаго зрителя—и кромѣ того, у него тутъ столько минутъ истиннаго увлеченія, комическихъ порывовъ, восклицаній прямо отъ души, наивности, abandon,—что пустѣвшій фарсъ смотрится съ удовольствіемъ нѣсколько разъ сряду. Надобно сказать, что этому фарсу какъ-то особенно посчастливилось на нашей сценѣ. *Г-жа Сабурова 1-я* само совершенство въ роли старой маркизы, лорнирующей камердинера съ словами какой онъ интересныя,—*г-жа Бороздина 2-я* чрезвычайно мила садовницей, игра *г-жа Касицкой* полна души, простоты и наивности, г. *Жиекини* рѣшительно неподражаемъ, г. *Шумскій*—съумѣвъ сдѣлать рельежною даже ничтожную роль парикмахера.

4) Въ комедіи «старое время», данной въ бенефисъ Садовскаго, г. Васильевъ игралъ роль гвардейскаго офицера, нѣмецкаго происхожденія—и тутъ обнаружилась слабость его въ созданіи типовъ, сравнительно съ г. Шумскимъ. Онъ былъ очень забавенъ, но—и только. Даже г. Ольгинъ, игравшій денщика, былъ гораздо болѣе типомъ. Вообще, не покушаясь сравнивать двухъ артистовъ, въ отношеніи къ амбуа должно по степени таланта поставить г. Шумскаго гораздо выше г. Васильева; съ условіями столько же даровитой организаціи, соединяется у г. Шумскаго постоянное, ревностное изученіе, серьезное пониманіе дѣла, добросовѣстная отдѣлка роли, какъ бы пуста и ничтожна она ни была. Отъ этого, г. Шумскій можетъ всегда съ успѣхомъ являться въ амбуа г. Васильева, хотя будетъ тутъ ниже самаго себя; г. же Васильевъ положительно неспособенъ занимать роли г. Шумскаго. Онъ играетъ порывами, мѣстами, а не цѣльно, не отдѣлываетъ ролей—а отдается инстинкту своего дарованія, увлечетъ и поразитъ васъ, но никогда почти не произведетъ полнаго впечатлѣнія.

Къ тремъ замѣчательнымъ талантамъ, изъ которыхъ одинъ по всему праву, стоитъ названія гениальнаго, привязалъ я все комическія впечатлѣнія прошедшаго сезона.

Надобно же сказать нѣсколько словъ, о драмахъ, которыя появлялись въ бенефисы и умирали мирно послѣ втораго представленія—но здѣсь, за исключеніемъ г. Полтавцева—не къ кому приковать воспоминаніе, и приходится разсматривать самыя произведенія, совершенно новыя или возобновленныя въ теченіе года. Это были, сколько мнѣ помнится:

- 1) Морской волкъ (драма новая).
- 2) Девись или блаженство безумія (возобновленная).
- 3) Самопожертвованіе или двѣ женщины (новая).
- 4) Жена артиста (возобновленная).
- 5) Жребій на жизнь и смерть (новая).
- 6) Отцовское проклятіе (возобновленная).
- 7) Пятнадцать лѣтъ въ Парижѣ (возобновленная).

1) *Морской волкъ*. Эта штука разыграна на извѣстную тему столкновенія въ душѣ дочери любви къ отцу, съ любовію къ мужу, съ одной стороны, и столкновенія грубости съ нѣжностію въ характерѣ отца, съ другой. Написана она совершенно по рецепту сльдующаго рода:

1) Въ первомъ актѣ, прощаніе (заочное) дочери, увѣжающей съ мужемъ, совершающееся подъ сентиментальную музыку, съ тра-

гической выступкой, съ колыханіями груди и рыданіями. Тутъ же: отчаяніе отца подъ вой вѣтра и шумъ бури.

2) Во второмъ актѣ: прибытіе отца въ мѣсто увѣжища бѣглецовъ, — сонъ его и великолѣпная тирада подъ музыку, — появленіе дочери и колеблющаяся выступка ея, подъ музыку же.

3) Все это *трогательное* содержаніе было бы слишкомъ тяжело для нервовъ публики. Слѣдуетъ ввести элементъ веселости. Для этого придумано лице г. Куку, отличающагося обжорствомъ и растолстѣвшаго во второмъ актѣ безъ г-жи Куку, бывавшей съ нѣжною дочерью въ Америку и произведшей тамъ на свѣтъ черномазыхъ мальчишекъ. Въ первомъ актѣ г. Куку, подозрѣвая вѣрность дражайшей половины, поетъ куплетъ....

Во второмъ актѣ, по поводу черномазыхъ мальчишекъ, онъ поетъ куплетъ еще болѣе милый. Можно подозрѣвать даже, что все *патетическое* пьесы, придумано именно для лица г. Куку и для его милыхъ куплетовъ — потому что само по себѣ, оно куда какъ поистерлось.

Оставя всѣ шутки, неужели гг. сочинители и передѣлыватели драмъ, не чувствуютъ ложнаго положенія, въ которомъ они находятся, обязанные насильственно вводить, забавное и въ небогатое содержаніе своихъ драмъ? Неужели, съ другой стороны, не видятъ они, что нельзя наконецъ пытатъ нервы публики одними и тѣми же положеніями, — не сознаютъ той простой истины, что положеніе взятое отдѣльно отъ психологическихъ пружинъ, его производящихъ, не болѣе какъ мертвое тѣло, оставленное жизнию, — неужели они серьезно могутъ вѣрить въ рукоплесканія, исторгаемыя или вгрюю артистовъ, или напряженностью минуты, въ слезы, плохо цѣнимыя всякимъ, кто испыталъ слабость нервовъ человеческихъ, и наконецъ въ вызовы авторовъ, обратившіеся во что-то неизбежное и дешелое? Кстати, о вызовѣ авторовъ: въ доказательство того, какъ давно уже узналъ на нихъ весь курсъ, какъ на старую истертую монету, привожу въ назиданіе нашихъ драматурговъ мѣсто изъ Гамбургской драматургіи Лессинга. Разбирая Меропу Вольтера онъ говоритъ слѣдующее:

«Меропа была встрѣчена необыкновеннымъ образомъ, и партнеръ оказалъ честь поэту, безпримѣрную въ его время. Правда, что до того еще, публика весьма почтительно встрѣчала великаго Корнеля: стулъ его въ театрѣ былъ постоянно свободенъ, не смотря на большое стеченіе зрителей — и когда входилъ онъ, то всѣ вставали. Корнель въ театрѣ пользовался такимъ же уваженіемъ, какъ у себя дома: когда приходитъ лозяинъ, что справедливо»

какъ не то, чтобы гости оказали ему учтивость? Но Вольтеру вышло на долю нечто совершенно новое: театръ пожелалъ видѣть лицомъ къ лицу, человека, которому онъ удивлялся. Когда представлѣніе кончилось—потребовали автора, и кричали и шумѣли до тѣхъ поръ, пока г. Вольтеръ не вышелъ и не далъ на себя взглянуть. Не знаю, что здѣсь для меня болѣе дико: дѣтское ли любопытство публики или тщеславная угодливость поэта? Что же это? смотреть что ли авторъ иначе, чѣмъ другіе? И какъ слабо должно быть впечатлѣніе, оставленное созданіемъ, когда въ ту же самую минуту не желаютъ ничего иного, какъ видѣть фигуру творца? Истинно мастерское произведеніе, кажется мнѣ, такъ наполняетъ насъ самимъ собою, что забываемъ при этомъ и производителя—что мы смотримъ на него, не какъ на твореніе известной личности, а какъ на созданіе цѣлой природы... Въ противномъ случаѣ, иллюзія, значитъ, слишкомъ слаба—значитъ не столько натура, сколько работа почувствована, когда такъ жаждутъ видѣть работника. Между тѣмъ, какъ ни мало лестно въ сущности для талантиливаго человека желаніе публики, узрѣть его лицомъ къ лицу (потому что, какого же диковиннаго звѣря толпа не желаетъ видѣть)?—но тщеславіе французскихъ поэтовъ охотно ему поддавалось. Отъ Вольтера до Мармонтеля, отъ Мармонтеля до какого-нибудь Кордье,—все они въ свою очередь стояли у позорнаго столба и корчили многогрѣшную физиономію. Потѣха зашла такъ далеко, что серьезные люди стали за это сердиться. И недавно нашелся одинъ молодой авторъ довольно смѣлый для того, чтобы не явиться на зовъ партера: пьеса его была посредственна, но поступокъ его благороденъ и достоинъ подражанія. Я бы желалъ лучше уничтожить подобный обычай своимъ примѣромъ, чѣмъ подать къ нему поводъ десятью Меропами».

На этомъ буквальнопереведенномъ мною отрывкѣ, лежитъ слой въковой пыли—но много благородства и правды—въ протестъ честнаго драматурга и великаго критика. Въ самомъ дѣлѣ—и въ настоящую минуту, едва ли не тоже самое можетъ быть сказано по поводу вызововъ. По крайней мѣрѣ, достоверно то, что вызовы потеряли всякое значеніе, и что въ нихъ никто уже болѣе не вѣритъ. Факты вызововъ были бы, впрочемъ, только смѣшны, если бы неумѣренная жажда ихъ не заставляла авторовъ драматическихъ пьесъ, насиловать свое бѣдное воображеніе, чтобы вытянуть изъ него нѣсколько грубыхъ эффектовъ въ родѣ тѣхъ, какими изобилуетъ драма *Морской волкъ*. Въ драмѣ игралъ г. Леонидовъ—роль Перрика, г. Самаринъ 1-й — роль Лейтенанта Тьерри. г. Ва-

Сильевъ—роль Куку, *г-жа Косицкая*—роль Аріолиты, *г-жа Сабурова 2-я*—роль мадамъ Куку. *Г. Леонидовъ* былъ бы хорошъ, если бы не пересолил своей роли и не обратилъ грубости моряка въ какое то дикое звѣрство. Въ сценѣ, когда морякъ узнаетъ о бѣдствѣ дочери и подъ шумъ разыгравшейся бури то проклинаетъ ее, то приходитъ за нею въ отчаяніе,—*г. Леонидовъ* съ искреннимъ порывомъ бросился на колѣни, на выразительномъ лицѣ его обозначилось неподдѣльное отчаяніе, слова бѣжали у него изъ устъ — и со стороны чисто пластической, онъ былъ прекрасенъ,—но этотъ рвзкій, дикій голосъ, и въ особенности форсированныя интонаціи — портили все дѣло. Такъ же былъ хорошъ онъ, пластически, и *только* пластически во второмъ актѣ, когда ямается съ посѣдьюю отъ горя головою, дряхлымъ прежде времени старикомъ, отыскивающимъ свою Аріолиту,—но зачѣмъ онъ пѣлъ жалобно свою тираду, а не говорилъ ее просто? зачѣмъ звучали опять его рѣчи несноснымъ, заученнымъ тономъ?—У *г-жи Косицкой* были тѣ свѣтлыя промежутки, за которые иногда бываешь способенъ простить артисткѣ ея явное неуваженіе къ искусству, тѣ минуты, которыя заставляютъ увлечься грубѣйшимъ эффектомъ пошлѣйшей пьесы, въ которыя чудно выразительнымъ, прекраснымъ становится ея лицо,—у нея вырвались стоны до того искренніе и раздражающіе сердце, что къ нимъ нельзя было остаться равнодушнымъ. Вообще, много простоты и правды было въ ея игрѣ, въ продолженіе всей длинной и скучной драмы.

Точно также просто игралъ роль и *г. Самаринъ 1-й*, хотя, разумѣется, не могъ воздержаться отъ вкоренившейся привычки пѣть по нотамъ въ сентиментальныхъ мѣстахъ, не могъ не всплескивать руками въ концѣ періодовъ.

Г. Васильевъ въ роли Куку умѣлъ дополнить своею собственною личностью всѣ пробѣлы характера, сгладить всю шероховатость, придать колоритъ наивности всемъ пошлостямъ — умѣлъ наконецъ заставить смѣяться толпу, тому, что вовсе не смѣшно для нравственнаго и для эстетическаго чувства.

Г-жа Сабурова 2-я была очень хороша въ роли мадамъ Куку—бойкой, рвзкой женщиной, бой-бабы—въ которой однако есть своя грація, грація грубоватая, если можно такъ выразиться, грація простыхъ, нѣсколько удальствомъ отличающихся манеръ, грація тяжеловатой походки, и эксцентрическихъ движеній не воспитанной, но не дуриной въ пластическомъ отношеніи женщины, на которую иногда невольно залюбуешься, особенно, если въ ней много искренности, прямоты, непосредственности. У подобныхъ женщинъ есть свои милыя, хоть и грубыя движенія,—въ нихъ много того, что зо-

вется abandon—и все это довольно тонко подмечено было артисткой. Такое исполненіе пріятно удивило публику, потому что до этой роли—никакихъ признаковъ таланта не обнаруживалось въ молодой артисткѣ. Можетъ быть, такіа роли—ея спеціальность—и нельзя не пожелать, чтобы, хотя въ не большомъ спеціальномъ кругѣ ролей,—г-жа Сабурова 2-я напоминала нѣсколько превосходную артистку, которой носить она имя. Покаместъ, конечно, это—только *prima disiderium*—потому что нельзя же, по одной удавшейся роли, заключить о дѣйствительномъ присутствіи таланта. Отрадно, по крайней мѣрѣ, надѣяться на возможность его проявленія.

2) *Девись или блаженство безумія*. Эта драма построена на мысли противной здравому смыслу, а между тѣмъ имѣвшей кредитъ во время полного ризгула романтизма, на страшной мысли, что съумасшедшіе счастливые обладающихъ разумомъ. Кроме того, «Блаженство безумія» представляетъ собою крайнюю степень того обмеленія, если можно такъ выразиться, — до котораго дошла современная драматургія. Въ основу драматическихъ произведеній берется теперь такое motto, котораго достанетъ развѣ на одно лирическое стихотвореніе: подразумевается, что скудное содержаніе расплывается обыкновенными и повсюду встрѣчающимися подробностями. Молодой Ирландецъ влюбленъ въ свою молочную сестру, которая сдѣлалась по стеченію равныхъ обстоятельствъ знатной госпожой, и помѣшался на мотивъ пѣсни, которую она когда-то пѣвала. Она тоже полупомѣшана на этомъ мотивѣ. Ирландца вылъчиваютъ — и онъ прокликаетъ доктора, который его вылъчивалъ, потому что любимые призраки его оставили. Любимый предметъ является самъ къ нему, въ прежнемъ костюмѣ и съ прежнею пѣснью. Девись, воображая, что онъ опять сошелъ съ ума, благословляетъ свое съумасшествіе, и т. д. Прибавьте къ этому еще съумасшедшаго Патрика, воображающаго себя милліонеромъ и составляющаго разные неудобоисполнимые проекты, — доктора и няньку Девиса, — лица для входовъ и выходовъ—и вотъ вамъ драма. Девиса игралъ г. Самаринъ 1, и игралъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ и обыкновенною сентиментальностью. Г. Шумскій мастерски создалъ вышность чудака Патрика; игра г-жи Ольгиной была весьма слаба.

3) *Самопожертвованіе или двѣ женщины*. Опять та же самая невѣроятная скудость содержанія. У одного доктора есть дочь и еще воспитанница. Воспитанница (г-жа Косицкая) влюблена въ юношу (г. Самаринъ 1). Въ того же юношу влюблена и дочь (г-жа Васильева). Воспитанница жертвуетъ собою — конецъ первому акту. Во второмъ актѣ, воспитанница, сдѣлавшаяся знаме-

нитой пѣвицей, еще разъ жертвуетъ собою и выходитъ за Англичанина (*г. Шумскій*), который дерется за нее на дуэли, и проч. Выше всѣхъ другихъ артистовъ былъ здѣсь *г. Шумскій*, въ роли чудака-Англичанина. Что касается до *г-жъ Васильевой* и *Косицкой*, то достоинства и недостатки каждой изъ нихъ обозначались очень рѣдко. Много дано *г-жп Косицкой*, но многого должно отъ нея и требовать. Дано ей то, что дается не многимъ, исключительнымъ организаціямъ, внутренней огонь, который ярко вспыхиваетъ подъ часъ, то раздирающимъ душу стономъ, то поразительнымъ жестомъ, то чуднымъ взглядомъ — дана ей мягкая рѣчь, льющаяся въ душу такими звуками, которымъ противустоятъ часто нѣтъ никакой возможности, дана ей наявность простая и безыскусственная. Спрашивается, что же она дѣлаетъ изъ этихъ богатыхъ даровъ природы? Ни одной роли не обдуманно ей какъ слѣдуетъ, всѣ превосходныя данныя натуры ея пренебрежены. *Г-жа Косицкая* привыкла отдаваться на волю непосредственнаго вдохновенія, и можетъ быть, въ этомъ виновата не столько она сама, сколько ея фанатическіе поклонники. Не заботясь объ отдѣлкѣ роли, она принуждена постоянно форсировать свои натуральныя средства, безпрестанно призывать на помощь стоны и колыханія груди — и наконецъ, одни только прозелиты *г-жи Косицкой* могутъ выносить эти одинаково и безпрестанно повторяющіяся эффекты. Непріятно видѣть, что сама *г-жа Косицкая* увлекается мнѣніемъ своихъ поклонниковъ и продолжаетъ постоянно отдаваться вдохновенію, т. е., говоря прозаически, не обдумываетъ ролей, не уничтожаетъ шероховатостей въ своей манерѣ, провинциализмовъ въ рѣчи и наконецъ пѣнія по нотамъ эффектныхъ моноголовъ. Если *г-жа Косицкая* будетъ продолжать такъ, то одно паденіе ожидаетъ артистку, которой стыдно съ ея превосходными средствами идти по избитой дорогѣ. Не того ждетъ отъ нея искусство, не того въ правѣ отъ нея требовать искусство. Положимъ, что внѣшнія условія: ростъ, станъ и въ особенности отсутствіе идеальнаго выраженія во всей фигурѣ — дѣлаютъ ей навсегда недоступными образы Шекспировыхъ женщинъ *Офеліи*, *Юліи*, *Дездемоны*, *Корделіи* — но она можетъ достигать совершенства въ роляхъ болѣе страстныхъ, ибо, что касается до страстныхъ порывовъ, то едва ли кто изъ артистокъ надвѣленъ способностью къ нимъ въ болѣе степенной, нежели *г-жа Косицкая*. Ими увлекаетъ она невольно самаго равнодушнаго челоуѣка, не смотря на то, что въ послѣднее время, игра ея вообще, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ вспышекъ таланта, пришла совершенно въ уровень съ сентиментальною игрою *г. Самарина*.

Г-жа Васильева (Лаврова) по внешнимъ условіямъ натуры, гораздо способнѣе г-жи Косицкой къ амплу драматическихъ и комическихъ *genres premiers* — даже не уступить ей въ своего рода даровитости. Ей не дано бурныхъ, стремительныхъ порывовъ, но будетъ совершенно несправедливо сказать, что ей не достаетъ жара и страстности. Нѣтъ! у нея есть своя страстность, только болѣе сосредоточенная внутри, способная выказываться рѣже, но дѣйствующая чуть ли не вѣрвѣ. Кроме того, въ ней есть то качество, отсутствіемъ котораго страдаютъ многіе изъ нашихъ артистокъ — есть *женственность*. Наружность ея, подвижная фizioномія, врожденная грація манеръ (не смотря на всю ихъ испорченность), особенность нѣсколькихъ позъ и движеній, которыя поразятъ иногда своей прелестью, — жаръ чувства, хотя проявляющійся весьма рѣдко, — все это обывало бы въ г-жѣ Васильевой замѣчательную *jeune premiere*, если бы недостатки ея игры не бросались въ глаза каждому, на равнѣ съ прекрасными данными натуры, если бы, вслѣдъ за инстинктивно-вѣрнымъ и инстинктивно-граціознымъ движеніемъ или таковымъ же порывомъ, — не нарушала каждый разъ почти впечатлѣнія, невыносимая, странная аффектація. Ложный ли взглядъ на дѣло, дурные ли примѣры тому причиною, но г-жа Васильева до такой степени злоупотребляетъ подвижностью своей фizioноміи, что ея улыбки становятся гримасами, возбуждающими крайнее непріятное чувство; — до того старается быть граціозною — понимая, какъ видно, фальшиво граціозность, невообразимую безъ свободы — что многія движенія и позы ея кидаются въ глаза своей безвкусною манерностью, многія интонаціи ея искусственны до приторности.

Между тѣмъ, двѣ эти артистки, *г-жа Косицкая* и *г-жа Васильева* — первыя на нашей сценѣ. Можно упомянуть о *г-жѣ Медвѣдовой*, о *г-жахъ Бороздиныхъ*, въ особенности о *Бороздиной 2-й*, преміей сублиеткѣ, съ простою граціозною игрою, о *г-жѣ Никифоровой*, которую тоже слѣдуетъ похвалить за безискусственную простоту, пожалуй о *г-жѣ Наумовой* — но ампла этихъ молодыхъ артистокъ болѣе или менѣе ограничено.

Но обращаюсь опять къ оставленнымъ мною на время драмамъ :

4) *Жена артиста*. Здѣсь, *г. Самаринъ* искусно представлялъ слѣпаго артиста.

5) *Жребій на жизнь и смерть*. Эта драма была дана въ бенефисъ *г. Живокина*; даровитый артистъ взялся въ ней за полу-драматическую роль и оправдалъ справедливость пословицы: «Не въ свои сани не садись».

6) *Отцовское проклятіе (La lègicse)*. Здѣсь играли *г. Нямчиновъ* — старика отца, и *г-жа Косицкая* — преступную дочь. Драма исторгла слезы изъ глазъ доброй части публики.

7) *Пятнадцать летъ въ Парижѣ*, драма-водевилъ сыграна была только два раза, потому что оказалась чрезвычайно скучною.

Вотъ вамъ, почтенные читатели, и всѣ драматическія впечатлѣнія, которыя уцѣлели въ головѣ летописца отъ прошедшаго театральнаго года. Ихъ очень немного — какъ видите! Что дѣлать? Будетъ ли слѣдующій сезонъ щедрѣе, — это, по выраженію одного, извѣстнаго и вамъ и мнѣ учебника — «*покрыто мракомъ неизвѣстности*».

ВЫСТАВКА НАШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КЛАССА — Московское происшествіе! Никогда еще не была она такъ богата и примѣчательна, какъ нынѣ. Успѣхъ очевиденъ къ удовольствію друзей искусства. Посѣтители толпами ходятъ по заламъ. Всего пріятнѣе, всего важнѣе, всего утѣшительнѣе, что между купечествомъ и среднимъ сословіемъ явилось множество охотниковъ, которые, наперерывъ другъ передъ другомъ, раскупаютъ произведенія. Намъ обещано обстоятельное обзорѣе ихъ, а теперь мы сообщимъ только имена достойныхъ ревнителей искусства: Гг. Куманинъ предложилъ 300 руб. сер. за купающуюся Итальянку Новаковича, Толмачевъ — 400 руб. сер. за его же Одалиску, Смирновъ — 300 р. сер. за Вахтанку, Толмачевъ — 350 р. сер. за изображение внутренности Успенскаго Собора, Шухвостова, Куманинъ — 150 р. с. за пейзажъ — зиму, Саврасовъ и проч и проч. Многія картины и всякія будутъ разыграны въ лоттерею, по окончаніи выставки. Билеты всѣ (3 тысячи) почти разобраны. Одинъ Графъ С. С. Уваровъ, удостовившій своего посвѣщенія выставку, взялъ 50. Ученики, разбогатѣвъ сверхъ ожиданій, возвеселились духомъ и возрадовались, расхаживаютъ по заламъ въ щеголеватыхъ пальто, и, ободренные, запасясь средствами, приготавливаются къ новымъ работамъ. Честь и слава учителямъ — Гг. Скотти, Рабусу, Рамзанову и проч. Благодарность Попечителямъ класса!

Черезъ Москву протѣхалъ недавно извѣстный писатель нашъ *П. И. Небольсинъ* совершившій путешествіе въ страны Прикаспійскія, по Киргизскимъ степямъ, и собравшій, говорятъ, множество любопытныхъ свѣдѣній о томъ краѣ. Онъ останавливался у П. В. Голубкова, знаменитаго покровителя всѣхъ предпріятій ученыхъ, торговыхъ и другихъ, имѣющихъ предметомъ своимъ Азію.

Въ хранилище мое поступило: съ Нижегородской ярмарки отъ Ѳ. В. Лопухина — Сборникъ, драгоценный Службою въ недѣлю православія, гдѣ поименованы, при возглашеніи вѣчной памяти, всѣ боаре и знатные воины навѣше на бояхъ съ Татарами, начиная съ Куликовскаго. Поименованы также, при провозглашеніи азаемы, всѣ еретики Русскіе. Сборникъ принадлежитъ концу 16 или началу 17 вѣка, ибо оканчивается лицами этого времени, и составлялъ прежде огромную рукопись: доставшаяся мнѣ часть начинается съ 627 стр. Въ срединѣ попадаются однакожъ четырехсотыя. Переплетчикъ, по моимъ примѣтамъ Нижегородскій, перемѣшалъ листы. *М. П.*

Письмо изъ Петербурга. 10 Сентября скончался знаменитый нашъ художникъ, патриархъ русскихъ живописцевъ, — *Алексій Егоровичъ Егоровъ*, около осьмидесяти лѣтъ отъ роду. Ученикъ Угрюмова, родоначальника русской школы живописи, Егоровъ кончилъ курсъ въ Академіи Художествъ въ девятилѣтнихъ г.; съ 1803 по 1807 г. провѣлъ въ Италіи, и по возвращеніи въ Петербургъ назначенъ былъ профессоромъ. Три поколѣнія художниковъ Егорову обязаны своимъ художническимъ воспитаніемъ; нынѣшніе профессора Академіи большею частію его ученики; *Шебуевъ* и *Демуть-Малиновскій* остались отъ этой знаменитой гряды Угрюмовскихъ учениковъ. — К. Брюловъ всегда съ признательностію называлъ Егорова своимъ учителемъ. Но кромѣ заслугъ профессорскихъ, Егоровъ стоить высоко, какъ художникъ: это нашъ *Камучини*. Его «Истязаніе Спасителя» — произведеніе классическое. Дѣятельность его кисти была неутомима, и едва ли есть возможность исчислить все, что онъ написалъ въ теченіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ своей художнической жизни. Не отвлекаясь никакими посторонними занятіями, онъ всю свою жизнь посвящалъ искусству. Егоровъ примѣчательнъ и какъ личность: это одинъ изъ немногихъ типовъ простодушныхъ и добродѣтельныхъ старцевъ, сохранившихъ до смерти младенческую чистоту души и наивныя понятія о мірѣ и обществѣ. Одна весьма высокая особа, удостоивъ посѣщеніемъ его мастерскую, обратила вниманіе на сочиняемую имъ картину и похвалила ее. — «Спасибо, матушка, спасибо!» отвѣчалъ на похвалы Егоровъ: «радуетъ меня не столько то, что ты меня хвалишь, а что дѣло-то понимаешь!» — Желательно было бы собрать побольше подобныхъ анекдотовъ для характеристики Егорова. 13-го Сентября отпѣли покойнаго въ академической церкви. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, у самой церкви, близъ могилы тестя его — *Мартоса*. Шагахъ во столько далѣе лежитъ ихъ учитель — *Угрюмовъ*.

11 Сентября скончался, въ цѣтъ лѣтъ, другой художникъ русскій, *Николай Ефимовичъ Ефимовъ*, профессоръ архитектуры, стровитель многихъ прекрасныхъ зданій въ Столицѣ. Тѣло его погребли въ Ново-Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ, сооружаемомъ по его проекту (за Московскою заставою).

— Вышла въ свѣтъ *Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ*, профессора К. А. Невоминна, въ трехъ большихъ томахъ, — классическое произведеніе, которое займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей юридической литературѣ. Такія явленія составляютъ утѣшеніе серьезнаго чловѣка среди пустоты журнальной. Дай Богъ почаще!

— Археологическое общество выдало въ свѣтъ великолѣпно

изданный томъ въ-четвертку, съ литохромическими рисунками, подъ заглавіемъ: *Керчь и Воспоръ. Исслѣдованіе о Керченскихъ древностяхъ и Опытъ хронологіи царства Воспорскаго*, соч. Г. Сабатье. члена Общества. Молодой Графъ А. С. Уваровъ печатаетъ свои изслѣдованія о классическихъ *древностяхъ Южной Россіи* (великользное изданіе in-folio).

ОТВѢТЬ НА ВОПРОСЪ Г. ШЕСТАКОВА: «КАКІЕ ВѢЩИ (?) У НАСЪ БЫВАЮТЪ КРИТИКИ?»

Подъ этимъ страннымъ заглавіемъ напечатано г. Шестаковымъ въ 96 N. Москов. Вѣд. (11-го Августа сего года) возраженіе на мой отзывъ (Соврем. N. 6) объ его статьѣ въ Пропилеяхъ. Возраженіе это, собственно, не относится ни къ литературѣ, ни къ наукѣ; притомъ, оно понятно и интересно только для немногихъ. Потому мнѣ отвѣчать на него не следовало бы. Но есть нѣкоторыя постороннія, мѣстные и временныя, обстоятельства, по которымъ считаю нужнымъ отвѣтить; хотя это и мнѣ вовсе неприятно, да и для г. Ш., скажу его словами, молчаніе мое было бы выгоднѣе.

Отвѣтъ г. Ш. вдвое, если не втрое, длиннѣе моего отзыва. Потому, отвѣчать мнѣ ему подробно значило бы злоупотреблять терпѣніемъ читателей. Но съ другой стороны, мнѣ нужно отстоять и оправдать замѣчанія, сдѣланныя мною въ Соврем. на статью г. Ш. Я повторю *весь* мой отзывъ о ней, прибавивъ пополненія, которыми, надѣюсь, устранятся почти весь его возраженія. Весь же отступленія г. Ш., разныя екивоки, намеки, и для меня, признаюсь, не совѣмъ понятныя, оставляю безъ отвѣта.

Въ началѣ статьи, г. Шестаковъ говоритъ, что онъ намѣренъ своей статьею охарактеризовать мои рецензіи и критики, прежнія и настоящую (о Пропилеяхъ). Критика моя, говоритъ онъ, не знаетъ преградъ; ни разнообразное содержаніе книги, ни ея объемъ (?) не затрудняютъ меня; я приступаю къ разбору книгъ, нисколько не сомнѣваясь въ своихъ силахъ, и т. д. Чѣмъ же доказываетъ г. Ш. свое мнѣніе? Повѣрите ли?... тѣмъ, что я, отдавая въ Соврем. отчетъ о *пятнадцати* статьяхъ, вошедшихъ въ Пропилеи, высказываю положительно свое мнѣніе только о *пяти* статьяхъ; о прочихъ же *десяти* прямо отказываюсь судить: о девяти—по причинѣ недостаточнаго знанія предмета, о десятой—потому, что она моя! Вы не вѣрите? Загляните въ мою статью, или хоть въ статью г. Ш. Удивительный силлогизмъ! Вышла, видите ли, книга по предмету, нѣкоторыми частями котораго я занимаюсь уже давно; о пяти изъ пятнадцати статей, вошедшихъ

въ эту книгу, я берусь сказать свое мнѣніе (NB, по просьбѣ самаго издателя), прочіи только излагаю. Что же отсюда слѣдуетъ?... что я недобросовѣстенъ, заносчивъ, берусь говорить о томъ, чего не знаю, и т. д.

Теперь приступлю къ подробностямъ моего отзыва о статьѣ г. Ш., хотя въ отвѣтъ ему достаточно бы было уже сказаннаго мною.

Я сказалъ въ Современникѣ, что паразиты Плавта и Теренція представлены г. Ш. какъ нельзя удовлетворительнѣе; переводъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, живъ и легокъ; предметъ любопытный; статья имѣетъ свои достоинства. Противъ этого (и только противъ этого) г. Ш. не возражаетъ. Говоря о вступленіи, которое г. Ш. предпосылаетъ своей статьѣ, сказалъ я такъ: «это вступленіе само по себѣ *очень коротко*, относительно же настоящаго предмета статьи, то есть паразитовъ Плавтовыхъ и Теренціевыхъ, *слишкомъ длинно*.» По ошибкѣ вмѣсто «коротко» напечатано въ Современникѣ «хорошо». Эта явная опечатка дала поводъ г. Ш. къ разнымъ разглагольствіямъ, отвѣчать на которыя теперь, по указаніи опечатки, считаю излишнимъ. Есть еще опечатка въ моемъ отзывѣ о статьѣ г. Ш. «пропадаетъ» вмѣсто «пропадетъ». Говори объ этомъ мѣстѣ, г. Ш. обвиняетъ меня въ искаженіи чужихъ словъ («пропадетъ» принадлежитъ г. Ш.). Смыслю увѣрить его, что я считаю преступленіемъ искажать чужія слова: никто не докажетъ, чтобы я когда-либо искажалъ чужія слова. Кромѣ этихъ двухъ опечатокъ въ статьѣ моей о Пропилеяхъ есть еще и другія. Кто печатаетъ въ срочномъ изданіи, за глаза, не просматривая самъ корректуры, тотъ никакъ не можетъ предотвратить опечатокъ. Но непонятно, какъ могли вкратъся онѣ въ статью въ 40 съ небольшимъ страницъ, печатавшуюся на глазахъ автора въ изданіи не срочномъ, долго не выходившемъ въ свѣтъ. Я показалъ въ статьѣ г. Ш., имѣющей 44 стр., три опечатки (изъ нихъ, впрочемъ, одна оказывается не опечаткою); г. Ш. на это отвѣчаетъ: «можно бы было ихъ выискать и побольше». Непростительная небрежность.

Вообще статья г. Ш. написана и напечатана небрежнѣе прочихъ статей, вошедшихъ въ Пронилей. На немногія изъ этихъ небрежностей я счелъ долгомъ указать, чѣмъ и имѣлъ непріятность вызвать его отвѣтъ. Небрежности, замѣченныя мною въ статьѣ г. Ш. изъ деликатности названы были недосмотрами, обмолвками. Конечно, неточно; объ этомъ самъ теперь жалю: даль возможность г. Ш. придать нѣкоторымъ изъ его возраженій видимость правдоподобія.

На стр. 181 статьи г. Ш. «О роли паразитовъ» сказано «при-
свѣсть къ столу.» И теперь скажу, следовало-бы сказать: прилечь.
Конечно, это-бы потребовало поясненія въ двухъ, трехъ словахъ.
Но, какъ-бы то ни было, съ объясненіями, или безъ объясненій,
а нужно сохранять малѣйшіе отбѣнки древняго міра, когда знако-
мишь съ нимъ. На котятъ тутъ нечего ссылаться. Что паразитъ
въ Стіхъ проситъ столько мѣста, чтобы *копенку* лечь, откуда
еще ничего не слѣдуетъ: на такомъ мѣствъ чловѣку пельзя не
только лечь или свѣсть, но даже стать; можно только *прислониться*.
Притомъ это примѣръ исключительный; такими примѣрами не до-
казываютъ. Кто, на примѣръ, основываясь на чемъ-нибудь вы-
раженіи: «сквозь замочную щель пролѣзеть,» станетъ заключать о
возможности пролѣзть сквозь замочную щель?

«Стр. 182. Выраженіе: «руками сильными, мѣдными, неутоми-
мыми, огню самому не уступающими,» нужно было-бы пояснить.»
Такъ я сказалъ въ Совр., и теперь тоже повторяю.

Стр. 183. О Лукіанѣ сказано у г. Шестакова, что онъ оста-
вилъ *нѣсколько* сатирическихъ произведеній. Сказать: нѣсколько,
о сочиненіяхъ древняго писателя, отъ котораго дошло до насъ
около 2000 стр. стереот. изд. (четыре тома), вельзя. Г. Ш.
оправдываетъ свое выраженіе тѣмъ, что двѣло шло не объ опредѣ-
леніи количества Лукіановымъ сочиненій, а объ означеніи рода ихъ.
Тогда за чѣмъ-же: нѣсколько?

Нельпость Мейерова мнѣнія, опять повторяю, очевидна; опро-
вергать его было не за чѣмъ.

Стр. 180. «Мы видимъ, что уже *древній* поэтъ (*Діодоръ*)
ясно и опредѣленно *высказалъ намъ*, что между древними параси-
тами, *священною вещію*» и т. д. Вся фраза неловка. Древнимъ же
назвать Діодора, поэта *средней* комедіи, т. е. жившаго поздне
Аристофана, древнимъ назвать его могъ г. Ш. развѣ только от-
носительно себя. Ужъ согласитесь, г. противникъ, что «древній» у
васъ просто риторическая прибавка.

«Стр. 187. «И въ остальныхъ трехъ комедіяхъ.» Нужно было
«прибавить: изъ восьми, въ которыхъ выводятся паразиты. А то,
«кто не знаетъ, сколько Плавтовыхъ комедій, или не обратитъ вни-
манія на 185 стр., на которой говорится, что паразиты выводятся
«въ восьми Плавтовыхъ комедіяхъ, тотъ подумаетъ, что отъ Плавта
«дошло до насъ только восемь комедій.»

Такъ я сказалъ въ Современникъ. Возраженія г. Ш. не по-
колебали моего замѣчанія.

Стр. 194. «Развѣ только пропадетъ тотъ, кто ихъ говоритъ,
если онъ дома обѣдаетъ». Это, просто, непонятно, ни отдельно,
ни въ связи.

Въ концѣ статьи г. Ш. говоритъ, что типъ паразита вмѣстѣ съ древнимъ міромъ *изжилъ* свою жизнь; что въ новомъ мірѣ *нѣтъ уже мѣста* этому типу; что наши комедіи *не могутъ* уже выставить такихъ циническихъ личностей, какія видимъ мы въ древней комедіи, и т. д. Я указалъ г. Шестакову на Антона Ивановича «Обыкновенной Исторіи», на Недопоскина у г. Тургенева, на «Утро молодого человека» г. Островскаго, на множество другихъ паразитовъ въ одной нашей литературѣ, только тѣмъ непохожихъ на древнихъ паразитовъ, что эти ходили въ гиматіяхъ и въ тогахъ, а наши ходятъ въ фракахъ и сюртукахъ. Я указалъ г. Ш. на эти характеры и заключилъ его-же словъми, выкинувъ, гдѣ нужно, *не*: «У насъ есть тоже гастрономы, любящіе пообѣдать на чужой счетъ; одному исканію обѣдовъ посвящена ихъ жизнь. Наша литература можетъ представить такія же циническія личности, какія видимъ и въ древней комедіи.» Правъ ли я, пусть судить читатель. Дѣло только въ томъ, что г. Ш. обидѣлся этимъ сближеніемъ, и, поправляясь, своимъ словамъ, выше приведеннымъ и, кажется, яснымъ, даетъ въ отвѣтъ такой смыслъ: *«я вовсе не отрицаю паразитовъ въ наше время»*.... То-ли это?

До сихъ поръ мои дѣла обходятъ благополучно. Незнаю, какъ находить читатель (впрочемъ я полагаю, что у немногихъ хватитъ терпѣнія слѣдить за такой скучной и мелочной полемикой), а мое сознаніе до сихъ поръ говоритъ мнѣ, что я правъ. Остается еще два возраженія г. Ш., въ справедливости которыхъ я открыто сознаюсь. Могу только въ извиненіе себѣ привести нѣкоторыя облегчающія обстоятельства. На стр. 181 упоминаются у г. Ш. пѣсни Фриниха. Фринихъ былъ трагическій поэтъ. Потому мнѣ пришло въ голову, не опечатка ли тутъ: предположеніе весьма естественное, когда идетъ дѣло о статьѣ, заключающей довольно, и опечатокъ и небрежностей. Впрочемъ я справился въ одной, другой книгѣ. Нѣтъ! Не видно, чтобы Фринихъ писалъ пѣсни. А пѣсни Фринида славилась. Я и сдѣлалъ замѣтку: «взвратно: Фринида?» Теперь открывается, что мѣсто г. Шестакова взято изъ Аеенея; и тамъ точно *упоминается* (только упоминается) пѣанъ Фриниха. Но за чѣмъ же г. Ш. не сдѣлалъ ссылки? Аееней великъ; справляясь въ немъ нелегко. Да мнѣ и въ голову не пришло въ немъ справиться.

Другое мѣсто. Идетъ разговоръ между хвастливымъ Пиргополиникомъ и паразитомъ. Они считаютъ, сколько перебито неприятелей Пиргополиникомъ. Паразитъ считаетъ безсовѣстно: изъ 190 вышло 7000 (стр. 189). Дѣлае идетъ такой разговоръ: «Л. Такъ и должно быть. Хорошо сосчиталъ. *Артотрогъ* (паразитъ).

А вѣдь не написано у меня. Это я такъ помню. П. Память у тебя славная. А. Обвѣды твои напоминаютъ мнѣ.» О чемъ? Вы видите, что объекта къ слову: напоминаютъ, нѣтъ; и нельзя подразумевать никакого объекта. «Напоминаютъ» я принялъ за опечатку и поправилъ: «напоминаетъ.» Дѣло казалось опять мнѣ такъ яснымъ, что я не подумалъ справиться. Оказывается, что тутъ нѣтъ опечатки. Такъ значитъ — не Русская фраза, подобная той, которая хотя и отмѣчена у меня на предыдущей страницѣ, но не вошла въ статью Соврем., (какъ и много другихъ замѣтокъ): «Не хочу я теперь объ этомъ.» Это два единственные мѣста (г. Ш. самъ это хорошо знаетъ), объ которыхъ я не справился, по причинамъ, мнѣ кажется, извинительнымъ.

И такъ только два справедливыхъ возраженія! Стоило же изъ-за этого занимать четыре столбца Моск. Вѣд., писать статью длинную, длинную, исполненную екивоковъ, темныхъ намековъ, выходовъ!

Сущность моего отзыва о статьѣ г-на Шестакова, напечатанной въ Проплеяхъ, остается во всей силѣ. Но если г-нъ Шестаковъ ужъ разъ возсталъ на меня съ такими слабыми средствами и съ такой неприличной горячностію, то какъ не ожидать, что онъ рѣшится возстать и въ другой и въ третій разъ? Только я ужъ едва ли буду отвѣчать ему: совѣстно занимать публику такими пустяками. А если и буду отвѣчать, то только тамъ, гдѣ онъ помѣститъ свою статью.

Б. Ордынский.

Г. Москва.

1831 г. Сентября 4.

О П Е Ч А Т К И.

На стр. 121, строка 24, въ Москов. извѣстіяхъ надо читать: Положеніе Наполеона, заложившаго руки по обыкновенію за жилетъ.

Стр. 183, строка 18: Россіи. нужно: Россіи?

Стр. 184, строка 27 послѣ: величавымъ считаю, — прибавить слѣдуетъ: къ этой статьѣ, заимствованной изъ Аграмской газеты.

Передъ пятою строкою долженъ быть поставленъ знакъ вводной рѣчи (*), которою заключается на 183 стр. строка 18, послѣ слова: Волгу.

Стр. 290, строка 2: разсматривая — разсмотрѣвъ.

Счетъ страницъ въ концѣ перваго отдѣленія послѣ 380 сдѣланъ неправильно: 417—424 вмѣсто 381—388.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНІЧНЫЯ.

Парижъ наполненъ провинціалами. Жители южныхъ департаментовъ, всегдашніе домохозяева, теперь толпами съезжаются въ столицу. Марсель, Тулонъ, Нимъ, Монпелье, Тулуза и другіе города полуденной Франціи, опустыли, — половина ихъ народонаселенія находится въ Парижѣ. На гуляньяхъ, въ рестораціяхъ, въ кофейняхъ, въ театрѣ, повсюду слышится эта звучная рѣчь, это виноградное удареніе въ словахъ, которыя характеризуютъ соотечественниковъ оливковаго дерева и безплодной ели.

Что же привлекаетъ въ Парижъ этихъ людей, которыхъ патриархальныя добродѣтели, домохозяство и расчетливость, очень похожая на скупость, вошли во Франціи въ поговорку? Въ отвѣтъ мы приведемъ разговоръ двухъ такихъ переселенцевъ, подслушанный однимъ изъ парижскихъ фельетонистовъ у Вефура, известнаго содержателя одного изъ гастрономическихъ приютовъ прожорливой Лютеціи.

Каково, говорилъ загорелый капиталистъ, дядя Антуанъ здѣсь, и еще съ цѣлымъ семействомъ. — Неужели — этогъ скупецъ? — Чему дивиться? — Онъ сдѣлалъ какъ я. Десять лѣтъ я откладывалъ третью часть своего дохода, переносилъ самыя горькія лишенія, и къ исходу 1847 года у моего нотаріуса скопилось *шестьдесятъ тысячъ* франковъ моихъ трудовыхъ денегъ Настала Февральская революція, и я въ одинъ день потерялъ — все!.. Съ тѣхъ поръ я пересталъ копить деньги; приходъ съ расходомъ всегда взрѣнь. Я наслаждаюсь настоящимъ, и, помня прошедшее, не забочусь о будущемъ. То же дѣлаетъ и дядя Антуанъ, и многіе другіе. Кто знаетъ, что готовитъ намъ 1852 годъ, а стоимъ ли труда копить деньги для *красныхъ*, чтобы всего лишиться въ новую сумятицу? *Garçon!* бутылку Марго, — только лучшаго! . . .

Эта эпикурейская философія овладѣла преимущественно жителями провинцій. Въ трактирахъ и кофейняхъ, навѣщаемыхъ провинціалами, ежедневно слышатся подобныя разговоры и идетъ пиръ горой. Парижане, напротивъ того, начинаютъ скупиться и бере-

гутъ деньгу про чорный день. Это стеченіе тороватыхъ иногородцевъ придаетъ публичному Парижу много жизни, много дѣятельности. Жаль, что проектъ увеселеній Горо, Пласъ и Ружьери не состоялся: министръ рѣшительно отказалъ. О *тридцати дняхъ* г-на Риона и говорить нечего; это была глупая шутка, и не смотря на упорность, съ которою этотъ спекулянтъ и теперь старается увлечь въ свое предпріятіе ремесленниковъ, носильщиковъ и водозововъ, проектъ этотъ рѣшительно упалъ, и возбуждаетъ только насмѣшки и презрѣніе публики.

Спектакли привлекаютъ толпы иногородныхъ пришельцевъ, и почти всѣ театры бываютъ наполнены зрителями. Все предвѣщаетъ блестящій зимній сезонъ для парижской сцены. Впрочемъ и содержатели театровъ не остаются неблагоприятными къ вниманію публики и готовятъ много новостей, много хорошаго. Упомянемъ о нѣкоторыхъ: Въ театрѣ Оперы, г-жа Альбони появится въ Пророкъ. Эта артистка не измѣняется. Все тотъ же прекрасный голосъ, обдуманная, осторожная метода. Она не взволнуетъ, не тронетъ, по всегда увлекательна. Въ ней незамѣтно ни малѣйшаго усилія, и она никогда не устаетъ, но за то никогда и не утомляется. Она поетъ и играетъ въ роли Fidès (въ Пророкъ) не такъ, какъ страстная мать, а какъ добрая маменька. Зрителю нравится эта новость; ему пріятно отдохнуть послѣ апилептическихъ нароксизмовъ, которыми его угощали прежнія артистки, и Опера собираетъ деньги съ легкой руки Альбони. Къ зимѣ сезону ставятъ Вѣчнаго Жида. Либрето этой оперы заимствовано не изъ фантастическаго романа Евгенія Сю. Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ ему удалось лучше, нежели съ притчею о *Блудномъ сынѣ*. Г. Галеви скоро окончатъ партицію этой оперы. Знатоки, слышавшіе нѣкоторые нумера, говорятъ много хорошаго о новомъ произведеніи даровитаго творца *Жидовки* и *Молніи*. На дняхъ дебютировалъ на здѣшней сценѣ г. Депассіо. Онъ былъ простымъ работникомъ въ провинціальномъ городѣ. Кто-то изъ артистовъ открылъ сокровище голоса въ груди этого работника, и г. Депассіо пріѣхалъ въ Парижъ, учился въ консерваторіи, гдѣ получилъ премію, и вступилъ на сцену въ Брюссель. Голосъ у г. Депассіо прекрасный, но музыкальное его образованіе несовершенно и требуетъ тщательнаго и искусно направленнаго упражненія. Дебютантъ былъ очень хорошо принятъ публикою.

Недавно давали въ театрѣ Комической Оперы, возобновленную оперу Мегюля—*Иосифъ*, которая не была представлена съ 1828 года. Почти цѣлое поколѣніе Парижанъ не слышало этого образ-

цоваго произведенія. Г. Бюсинъ, въ роля Іакова, и дѣвица *Лефеввръ*, въ роля Венямина, много способствовали успѣху оперы. Дѣвица *Лефеввръ* еще въ веснѣ своего возраста, и недавно вступила на драматическое поприще. Мегюль написалъ *Іосифа* въ 1807 году. Кромѣ этой его оперы: *Эфрозина и Караденъ*, *Алонзо и Кора*, *Мелидоръ и Фрозина*, *Стратоника*, *Адріенъ*, *Ирапио* и проч. имѣли современный успѣхъ. Онъ положилъ также на музыку *le Chant du départ*, народный романсъ, въ родѣ *Marseillaise*. Въ поэмѣ оперы *Іосифъ*, такъ много простоты, что она кажется изыскачною. Либрето написалъ Александръ Дюваль, въ слѣдствіе вызова: привести въ первобытную, библейскую простоту повѣствованіе, обезображенное Бауръ-Лорьяномъ въ его напыщенной трагедіи. Сначала Мегюль сдѣлалъ изъ этой поэмы ораторію. Эта задача была тѣмъ труднѣе, что въ самой поэмѣ мало драматическаго дѣйствія и этотъ недостатокъ надобно было замѣнить жизненностію музыки. Прекрасныя, трогательныя мелодіи нашли почитателей и въ нашихъ современникахъ; успѣхъ былъ полный. Постановка старательна, и верна во всѣхъ древнихъ подробностяхъ. Артисты прекрасно поддержали славу композитора. Въ исполненіи г-ца Бюссина были свѣтлыя проблески высокаго таланта, а дѣвица *Лефеввръ*, въ роли *Любимца-Венямина*, сдѣлалась любимицей восхищенной публики. Возобновленіе этой оперы вполне заслуживаетъ признательность публики—дирекціи за выборъ пьесы, а артистамъ за исполненіе.

Национальная Опера на сихъ дняхъ открываетъ свой театръ въ передѣланной залѣ бывшаго Историческаго Театра, дирекція котораго обанкрутилась. Зала окружена галереями, сходящимися на аванъ-сценѣ. На первой галереи начертаны имена Бойельде, Вебера, Герольда, Беллини; надъ сценой—имена Жерубини, Далайракъ, Гретри, Моцарта. Въ началѣ аванъ сцены стоятъ бюсты Люлли и Глюкка. Въ первый спектакль дана будетъ опера Фелисіана Давида—Брезиліенка, (*la Bresilienne*), либрето Скриба, и опера г-на Буалло—*Колдунья* (*la Sorcière*).

Въ день открытія Одеона представлена была комедія: *Семейства*, сочиненіе Эрнеста Серре. Эта пьеса принадлежитъ къ числу тѣхъ важныхъ произведеній литературы, которыхъ нравственное и философическое направленіе дѣлаютъ честь автору. Цѣль его была укрѣпить священные узы семейнаго быта, которыя заблужденіе революціонныхъ нововводителей пытается расторгнуть, затѣнивъ ихъ химерическимъ братствомъ человечества. Г. Серре нападаетъ оружіемъ высокаго, истиннаго комизма на расторгненіе супружеской связи (*Separation de corps*). Предметъ, исполненный

драматическаго интереса и чистой нравственности, высокіе, благородныя порывы чувства, художническая отдылка въ стихосложеніи и удивительная естественность въ діалогахъ, — способствовали успѣху этой отличной пьесы, которой уважаемые публикою критики отдали полную справедливость. Комедія «*Семейства*» показала публикѣ, изъ какихъ талантливыхъ артистовъ составлена труппа г-на Делароша.

Театръ *Ришельвской улицы* снова даетъ этотъ водевиль безъ куплетовъ, который называютъ: *Воспитанницы института Сень Сиръ* (*Les demoiselles de Saint-Cyr*). Главное достоинство пьесы состоитъ въ игрѣ двухъ сестеръ Броганъ, въ роляхъ, созданныхъ дѣвцами Плесси и Анаи. Одна сестра прекрасна собою какъ ангель, — другая увлекательна какъ лукавый демонъ. Нельзя быть непринужденнѣе, чувствительнѣе, пріятнѣе обворожительной Мадленъ; невозможно быть лукавѣе, рѣзвѣе, шаловливѣе проказницы Августины. Какъ воспитательно было это состязаніе двухъ талантовъ, эта борьба, окончившаяся двумя побѣдами. Леру игралъ съ свойственнымъ ему достоинствомъ. Сначала одушевленный благороднымъ негодованіемъ, потомъ усиливаясь скрыть овладѣвшую имъ нѣжность, онъ былъ истинно высокъ въ роли, созданной г-мъ Фирмень-Релье, и увлекательно, творчески смѣшенъ въ лицѣ капиталиста. Въ этой пьесѣ игра актеровъ обвѣщаетъ богатые сборы. — Дѣвица Биронъ, прекрасная и ловкая субретка, поступившая на Театръ *Комеди* со сцены *Одеона*, имѣвшая замѣчательный успѣхъ въ своихъ дебютахъ, уничтожаетъ свой контрактъ и платитъ десять тысячъ неустойки, по условію, заключенному съ г-мъ Гуссе. Эта милая отступница покидаетъ сцену и свои успѣхи, уступая *частному вліянію*. . . . Выборъ въ члены общества (*Sociétaire*) опять вскружилъ головы многимъ артистамъ Театра улицы Ришелье. На два-три мѣста членовъ явилось двадцать кандидатовъ. Быть членомъ драматическаго общества *Театра Комеди* (*Comedie-Française*), есть сладкая мечта людей, желающихъ приобрести шесть тысячъ ливровъ дохода, безъ большихъ хлопотъ.

Театръ Водевилья откроютъ на дняхъ, новою пьесою *Ouistiti*, въ которой будетъ играть *г-жа Дежазе*; за этимъ послѣдуетъ *Захожденіе звезды* (*Le coucher d'une etoile*) Леона Гозлана. *Mercedet* привлекаетъ въ Театръ *Gymnase* многочисленную публику. Въ *Варьете* продолжаютъ показывать *Обезьянъ-Китайцевъ*, о которыхъ мы недавно говорили. У г-на Карпье въ водевилѣ: *Планица и его дитя*, появилась соперница малютки *Целсны Монталанъ*; ее зовутъ *Маріа Дальби*. Въ первый дебютъ, когда отецъ ея входитъ на сцену пьяный и въ дракъ съ своими кабачными при-

ателями, бѣдненькая Дальби, увидавъ его на репетиціяхъ въ костюмѣ, перепугалась, заплакала и убѣжала со сцены.

Въ концѣ Сентября (н. ст.) на Театрѣ Оперы давали Оберову Фенеллу (La Muette de Portici); театръ былъ полонъ. Зрители, посвящающіе театръ для разсвѣнія, восхищались связею, игривою музыкаю Обера. Исполненіе этой оперы шло не совсѣмъ удачно. Дебютантъ г. Шанюи, о которомъ такъ много говорили, когда онъ былъ еще въ Консерваторіи, не оправдалъ ожиданій публики. *Пиэтро*, желая придать *лицу* локальный неаполитанскій колоритъ, выпачкался бистромъ (темно-коричневая краска) и подрумянилъ голыя ноги; только тѣмъ успѣлъ онъ обратить на себя вниманіе публики. Постановка этой оперы не измѣнилась со дня ея перваго появленія.—Г. Скрибъ прѣвзжалъ на это представленіе изъ Брюсселя, гдѣ онъ тогда находился.

Театрѣ Оперы ставятъ новый балетъ: Vert-Vert.

Соломенная шляпка (Le chapeau de paille) безсмысленно воцарилась на сценѣ Театра *Gymnase*. Французскій театръ (Théâtre Français) послѣ неудачнаго возобновленія *Маркизы де Сеннетеръ*, репетируетъ теперь драму г-на Бовале—*Послѣдній изъ Абенсераговъ*. *Ле-Пентръ* старшій отличается на сценѣ Одеона въ *Аббата Лепе*, гдѣ удивленіе къ нему публики не глухо и не нѣмо, какъ воспитанники Аббата.—Г-жа Гніонъ, Рашель черни, восхищаетъ публику въ Амбигю. Отличная актриса привлечетъ въ этотъ театръ толпу, бѣжавшую отъ ослиной кожи (peau de chagrin), выдѣланной изъ прекраснаго романа Бальзака.

Циркъ Елисейскаго Поля собираетъ большія деньги съ десятию Англичанками. Мистрисъ Адамсъ и Бриджъ дѣлаютъ тамъ чудеса на канатѣ.

Знаменитая Лолла Монтезъ снова появилась на сценѣ. На сихъ дняхъ танцевала она въ Мобиль. Зала была наполнена зрителями всѣхъ сословій, начиная съ цвѣтной блузы и грязныхъ рукъ до бѣлаго галстука и палевыхъ перчатокъ. Красавица (по прозванію) появилась въ блестящемъ костюмѣ и танцевала, какъ всегда,—очень дурно. Известный спекулянтъ Барвумъ, о которомъ мы уже говорили, пригласитъ ее въ Америку. Этимъ Янки овладѣла, какъ видно, манія выставокъ (exhibitions). Онъ хотѣлъ купить хрустальный дворецъ, дѣлалъ предложенія г-ну Прудану, приглашалъ г-жу Бокарме, торговалъ у г-на Луміея сестеръ Крувелли, и, вѣроятно, если бы дѣло было возможное, возилъ бы на показъ вандомскую колонну съ иконолической исторіею Наполеона. Правдѣ, этотъ Барвумъ прелюбопытная вещь, и самъ стоитъ выставки! За немнѣн-

омъ лучшаго, онъ обратился теперь къ Мисъ Гедъ (Head), Долль Монтесть, графиня Ландефельдъ, самой эксцентричной диковинкѣ нашего времени. Недавно, послѣ спектакля, она пригласила къ себѣ нѣсколько бѣлыхъ галстуковъ на прощальный ужинъ. Хорошо понимая, что комплименты ея таланту говорятся только изъ снисхожденія, она сказала своимъ собесѣдникамъ: «кто не выдастъ меня въ аррагонской пляскѣ, тотъ не знаетъ еще, какъ мнѣ легко вскружить голову и истерзать сердце!» Всѣ начали упрашивать, и наконецъ она согласилась. Она вышла въ другую комнату и вскорѣ возвратилась съ шалевымъ тюрбаномъ на головѣ и съ выпитою до половины бутылкою шампанскаго. Тогда она запѣла веселую народную пѣсню, запивая виномъ каждый куплетъ. Въ этомъ восторженномъ положеніи, она совершенно измѣнилась, сдѣлалась странною, раздражительною, изступленною, и тогда можно было понять известныя безразсудства сумасбродной Доллы.

Дѣвица Монтесть художца, какъ прежде, глаза ея непостижимо прекрасны, волосы длинные и густые. Дѣвнадцать лѣтъ тому она вступила здѣсь на сцену. Ея появленіе въ Театръ Большой Оперы была несообразность болѣе жалкая, нежели смѣшная. Эта танцовщица, по несчастію, вовсе не умѣетъ танцовать, и послѣ своего фiasco, оставленная даже своими почитателями, вынуждена была идти изъ театра пѣшкомъ, пробираясь по грязи, въ тоненькихъ башмачкахъ, отыскивать извозчика, чтобы довзвѣхать домой. Въ послѣдствіи, эта искательница приключеній испытала многое, даже горькую участь писательницы. Она начала издавать свои записки; но къ чести публики эта спекуляція не удалась, и журналъ, въ которомъ издавались записки Доллы, вынужденъ былъ покинуть эти пошлые рассказы. Теперь, оставленная даже и своею молодостію, бѣдная женщина вѣдетъ за море, гдѣ ее будутъ показывать какъ диковинку. Въ ея грядущемъ кроется еще много приключеній, и не одна журнальная утка переплываешь отъ нея черезъ Атлантику. Въ Булони она танцовала; вотъ что пишутъ въ фѣйшкв 17 Сентября:

«Второе и послѣднее представленіе **знаменитой Доллы Монтесть**. Всеобщее участіе, возбуждаемое этимъ именемъ, которое, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, такъ громко отзывалось «во всѣхъ журналахъ», и успѣхи дѣвицы Монтесть во Франціи, въ Америкѣ и въ Баваріи, склонили администрацію театра, въ угожденіе тѣмъ, кто не могъ достать билета на вчерашнее представленіе, условиться съ нею на второе и послѣднее представленіе, и пр.

«Принимая въ соображеніе огромныя пожертвованія администраціи, чтобы склонить г-жу Доллу Монтесть на второе пред-

«оставленіе, предъ отъѣздомъ въ Америку, цѣна мѣстамъ назначается слѣдующая,» и проч.

Кстати о *запискахъ* славныхъ женщинъ. Г-жа Жоржъ, трагическая актриса, известная еще во времена Имперіи, намѣрена издать свои записки. Часто, смѣлый подвигъ обнародовать жизнь свою имѣеть заднюю мысль рассказать при своей и жизнь другихъ, въ особенности когда эти другіе богаты, въ значеніи и имѣють причины не желать, чтобы о нихъ упоминали въ некоторыхъ книгахъ. Не худо бы вообще мѣшать подобнымъ спекуляціямъ, которыя въ слѣдъ за *современницею* (la Contemporaine) такъ размножились. Пусть г-жа Жоржъ пишетъ объ искусствѣ, которое ее прославилло и въ которомъ она знаетъ толкъ, но рассказы о постороннихъ лицахъ, не умѣвшихъ, или не захотѣвшихъ купить ея молчанія, — это бесполезная огласка. Критика дельно поступила, возставъ на записки графини Ландсфельдъ-Монтесъ; но Долгъ терять было нечего, а г-жа Жоржъ должна пожалѣть прежней своей славы, и не унижать имени облагороженного искусствомъ.

Къ числу занимательныхъ парижскихъ новостей слѣдуетъ причестъ два брака: сынъ Бельгійскаго посланника во Франціи, принцъ де Линь, женится на дѣвицѣ Тальеранъ, дочери графа Гюи Тальерана, двоюроднаго брата знаменитаго епископа Отюнскаго, графа Тальерана-Перигоръ; а дѣвица Шевре, племянница г. Б. Сел, славнаго экономиста, дочь богатаго негоціанта, молодая дѣвушка, которой не трудно было выбрать жениха между герцогами и изъ среды первой знати Франціи, идетъ за человека ея сословія, г. Гильемева, фабриканта *настолицкихъ гаваанскихъ* сигаръ — въ *Парижѣ*. Это союзъ милліоновъ съ милліонами.

Вотъ еще третій бракъ. Въ началѣ этого мѣсяца молодая вдова Р. В. вышла за мужъ за литератора. Выходя изъ церкви, новобрачная сказала своему супругу: «Прости меня, другъ мой, — я обманула тебя!» Какъ! воскликнулъ встревоженный литераторъ? «Да, — я сказала тебѣ, что имѣю капиталъ въ 200,000 франковъ». — А ты ихъ не имѣешь?... Впрочемъ мнѣ все равно! Не то, другъ мой... у меня есть два милліона! — Увѣрють, что молодой человекъ простилъ обманщицу.

Этотъ бракъ заплатилъ литературѣ за другой, совершившійся нѣсколько тому лѣтъ. Известный писатель, академикъ, тогда еще молодой, русскій, теперь съ простодіею, пожилой, женился на Англичанкѣ, почитая ее богатою. Вечеромъ, послѣ свадьбы, прекрасная островитянка сказала поэту: милый Альфредъ!.. какъ много я должна любить тебя, когда рѣшилась такъ обмануть!.. Какъ это, вскрикнулъ поэтъ?... Я не имѣю ни одного шиллинга состоянія!..

Еще анекдотъ изъ супружеской жизни: молодая гречиха С. . . ., сидя въ ложѣ, вдвоемъ съ своимъ мужемъ, ужасно звала. Давали *Пророка*, будь сказано не въ укоръ г-ну Мейерберу. Приятельница графини, поспившая ее въ антрактъ, спросила: «Что съ тобою,—Лидія, ты непрерывно зъваешь?» Что думать, отвѣчала графиня; мужъ мой уверяетъ, что мы съ нимъ составляемъ одно существо, а я терпѣть не могу одиночества.

Журнальныя утки продолжаютъ еще кое-гдѣ квакать. Пишутъ, что Американецъ Д-ръ Робъ-Вартонъ открылъ какое-то раcтєніе, которое онъ назвалъ *Rido-formosa*, сглаживающее морщины.—Въ алжирскомъ журналѣ *Акбаръ* уведомляютъ, что одинъ тамошній житель наловилъ штукъ триста обезьянъ и отправляетъ ихъ въ Европу. Вотъ новая отрасль французской промышленности въ Африкѣ! восклицаетъ журналистъ.

За эти вздоры платятъ до 75 сантимовъ (копѣекъ) за строчку. Одинъ отставной поэтъ завелъ фабрику или заводъ такихъ утокъ. У него-то купила газета *le Constitutionnel* славнаго Родомира, подъ магнетическимъ взоромъ котораго зрѣетъ юганисбергскій виноградъ. Въ *pendant* къ этой баснѣ, рассказываютъ о дѣвочкѣ, отыскивающей трюфели. Ее водятъ по полямъ перигорскимъ, и гдѣ только есть трюфель,—она засыпаетъ. Этому же поэту-уточнику обязаны журналы всеми удивительными случаями на охотѣ и диковинками всенедней жизни. Кошка окотилась щенятами; г. Оеригонъ (что за фамилія!) ропагетъ заступъ, котрымъ онъ рылъ землю въ саду, и заступъ вонзается въ крышу зданія; начинаютъ копать и отрываютъ три римскія залы, мощенныя мозаикою и наполненыя амфорами.—Картина Теньера куплена за 50 су (62 к. сер.)—По уверенію журнала *Ordre*, близъ береговъ Алжиріи, открыта коралловая отмель. Множество другихъ подобныхъ извѣстій наполняютъ журналы. Все это можетъ худо кончиться. Довѣрчивому читателю наскучитъ почти ежедневный обманъ, и онъ перестанетъ вѣрить журнальнымъ статьямъ, тѣмъ болѣе, что много утокъ прокралось и въ политическое отдѣленіе газетъ, гдѣ имъ еще привольнѣе; въ наше время даже истинныя политическія событія часто невѣроятны, и выдумку трудно отличить отъ правды. И въ обычной жизни много случается невѣроятностей. Парижъ ловитъ ихъ на лету и ими питается. Никакіе перевороты, никакія событія не отвлекутъ Парижанина отъ трехъ священныхъ для него обязанностей: *разговаривать, рассказывать и разсуждать*. Это три главныя жизненныя отправленія жителя Парижа. Онъ не составляетъ его исключительнаго занятія, но примышланы

ко вѣзмъ его занятіямъ, какъ бы они ни были важны. Новости, — это воздухъ, которымъ онъ дышетъ. Здѣсь онъ рассказываетъ о кровавой, взаимной мести Американцевъ съ Испанцами за островъ Кубу; тамъ читаетъ новый манифестъ *красныхъ*; потомъ толкуетъ, какъ торжественно Ламартинъ отрекся отъ знаменитой статьи: *Портретъ Людовика Наполеона*, обнародованной главнымъ редакторомъ журнала *Pays*; вслѣдъ за тѣмъ передаетъ сплетни о лоттеревъ на золотые слитки, пересказываетъ сумасбродныя выходки Лоллы Монтезъ, или содержаніе адреса, который флотъ намѣренъ поднести принцу Жуанвильскому.

Но теперь Парижъ забылъ все эти новости, чтобы исключительно заняться самою *новою*, самою невѣроятною, представляющею обильный матеріалъ для рассказовъ, неистощимый источникъ для разсужденій и умствованій. Все журналы повторили подробности убійства, совершеннаго въ церкви Целестиновъ, въ Лионѣ, гдѣ одинъ извергъ зарѣзалъ женщину вовсе ему незнакому!

Много писали, много говорили объ отнявиз смертной казни; немудрено, если теперь противники этой строгой и по мнѣнію многихъ бесполезной мѣры закона, найдутъ въ этой ужасающей драмѣ новый аргументъ въ опору своей системы. Наскуча жизнию, этотъ безумецъ жаждалъ смерти; но не могъ рѣшиться на самоубійство, и толкуя по своему худо объясненныя ему въ юности непреложныя истины вѣрь, мыслилъ такъ: лишивъ себя жизни, я умру безъ покаянія; если же совершу преступленіе, за которое не миную эшафота, то буду имѣть время раскаться, получу передъ смертію отпущеніе грѣховъ, и умру въ блаженномъ состояніи праведника. Свыкшись съ этимъ безуміемъ, несчастный ворвался однажды въ церковь и зарѣзалъ двадцатилѣтнюю женщину, недавно вступившую въ супружество, готовившуюся сдѣлаться матерью.

Неужели этотъ человекъ, отнявшій у своей жертвы свѣтлую счастливую будущность, лишившій ее юной, милой для нея жизни, исполненной радостей и надеждъ, похитившій у ея родителей единственное ихъ дитя, послѣднее и лучшее въ жизни утѣшеніе, нанесъ неизлечимую рану сердцу супруга, неужели человекъ этотъ, ожидающій смерти, какъ благодѣянія, только умереть за вину свою, лишится постылой, ненавистной ему жизни? Неужели за столько преступленій, совершенныхъ однимъ ударомъ, убійцу награждать, облегчая его отъ тягостнаго ему бремени, исполняя его пламенное желаніе? Гилотина была цѣль его, и онъ въ своемъ поступкѣ искалъ самъ руки правосудія, чтобы она довела его до эшафота; онъ давно задумалъ чужою рукою совершить самоубій-

ство. Этому изверга слѣдуетъ осудить на цѣлую жизнь покаянія, подвергнуть его той казни, отъ которой бѣжалъ онъ на эшафотъ, оставить ему ненавистное для него существованіе. Пусть доживетъ онъ до глубокой старости, въ келейномъ заключеніи, пусть просвѣтаетъ въ одиночествѣ мысль его, потемнѣвшая въ огнѣ неистовыхъ страстей, пусть отчужденіе отъ свѣта пробудитъ въ душѣ его раскаяніе и угрызенія совѣсти, и пусть искупитъ онъ вину свою длинной чередою мучительныхъ дней!

Какими страшными недугами, какими предсмертными судорогами одержимо теперь огромное общественное тѣло, которое однако же не должно умереть! Издавна замѣчено, что вещественный міръ подвергается по временамъ и помѣстно кочующимъ опустошительнымъ эпидеміямъ. Этѣ повальные болѣзни нападаютъ, то на человѣческой родъ, и тогда чума, холера, горячки казнятъ бѣдное человечество; то въ атмосферѣ земнаго шара происходятъ феномены, выходящія изъ обычнаго порядка метеорическихъ явленій, или неразгаданныя возмущенія въ движеніи свѣтилъ небесныхъ; иногда на поверхности земли совершаются непредвидѣнные перевороты отъ неизвѣстныхъ причинъ, признаки ненормальнаго, болѣзненнаго дѣйствія естественныхъ силъ. Въ другой разъ въ растительномъ царствѣ господствуютъ проявленія заразной болѣзни, опустошительныя немощи, отъ безвѣстныхъ причинъ, неуступающія доселѣ извѣстнымъ средствамъ. Какой же нравственный недугъ посетилъ теперь умы большей половины европейскаго населенія; какая холера овладѣла утомленную мыслью чловѣка и терзаетъ ее мучительными корчами современной эпидеміи идей, какое противодѣйствіе одолѣетъ эту горячку духа, излѣчитъ это гибельное безуміе!

Обратимся теперь къ предметамъ не столь печальнымъ—къ утѣшительнымъ картинамъ жизненной драмы. Мы сейчасъ смотрѣли на чловѣка въ грѣховномъ паденіи, взглянемъ на него на пути спасенія. Въ этомъ существѣ такъ слабомъ и падкомъ къ заблужденію, есть много прекраснаго, великаго; есть проблески божественной жизни его двойственной природы. Благородныя мысли, великодушныя побужденія, развиваются въ чловѣкѣ не всегда силою мысли, образованіемъ, заповѣдью опыта и примѣровъ, онъ часто бываютъ врожденныя, безотчетныя, какъ порывъ чистой души, какъ потребность неспорченной нравственности, и потому нерѣдко проявляются въ самомъ возрастѣ и въ людяхъ, лишенныхъ всякаго образованія. Вотъ что недавно случилось въ Парижѣ:

Мальчикъ, находившійся для прислуги въ конторѣ банкира Меруа де Шаброль, вѣшалъ въ кабриолетѣ по улицѣ Лафитъ. Тельга

взявшая въ противномъ направленіи, повстрѣчалась съ кабриолетомъ, въ мѣствъ стѣсненномъ экипажами, и ударила мальчика оглоблею въ грудь. Несчастнаго перенесли въ ближнюю аптеку, и послали за докторомъ. Грудная доска была прошибена насквозь такъ что пульсація сердца и судорожныя движенія легкихъ были видны. Для перевязки и тщательнаго осмотра раны необходимо было снять съ мальчика верхнее платье, но къ удивленію предстоявшихъ мальчикъ объявилъ, что не позволитъ раздѣть себя, покуда не прійдетъ кто-либо изъ должностныхъ конторы банкира Шаброля, за которымъ немедленно послали. Напрасно прибывшій на помощь докторъ Шасепьякъ увѣрялъ мальчика, что только скорая, безотлагательная помощь можетъ спасти его; всѣ увѣженія оставались тщетными и даже увѣренность въ неминуемой гибели не могли побѣдить непонятнаго упорства раненаго. Наконецъ пріѣхалъ помощникъ казначея дома Шаброль. Тогда изнемогающій отъ страданій и потери крови больной, не будучи уже въ состояніи самъ сдѣлать движенія, дозволилъ снять одежду, подъ которой нашли портфель съ тремястами тысячъ франковъ, неразгаданную до тѣхъ поръ причину его высокаго сопротивленія. Онъ рыскался скорѣе умереть, нежели отдать въ чужія руки залогъ довѣрія своего начальника. Благодаря попеченіямъ искуснаго врача, есть надежда на выздоровленіе этого великодушнаго юноши.

Мы довольно говорили о Парижѣ: обратимся теперь къ другой столицѣ Европейской и сообщимъ прежде всего взглядъ на **экономію общественной жизни Лондона**, (*статья Эдм. Текса.*) Не толпы не достаетъ Лондону—движеніе еще болѣе увеличилось въ британской столицѣ въ послѣдніе года отъ введенія омнибусовъ. Теперь цѣлый свѣтъ катитъ по дорогамъ съ одного конца королевства на другой, и что въ особенности замѣчательно въ этой вѣчной суетѣ, въ этомъ ежечасномъ тревоженіи, въ этомъ ежеминутномъ движеніи, такъ это спокойствіе неутомимыхъ путешественниковъ,—флегматизмъ дѣловыхъ людей. Кто не видалъ Лондона,—съ трудомъ пойметъ, какъ городъ въ которомъ 2,500,000 жителей, который есть центральный пунктъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, который каждый день видитъ сотни кораблей на Темзѣ, городъ съ великолѣпными зданіями, съ лучшими въ свѣтѣ парками, съ богатѣйшей торговлей, и съ могущественнѣйшей аристократіей—можетъ быть въ тоже самое время столицею тоски и скуки. Когда бродишь по улицамъ Лондона, посреди множества этихъ омнибусовъ и каретъ, посреди этой массы народа, шаплюющей

площади, мосты, гульбища—не отдашь себя сначала отчету, почему все, что поражаетъ взглядъ: — роскошные экипажи, сіяющіе блестящими магазинами, здания и публика — все носить на себя какой-то мрачный видъ; только цытаясь разрѣшить эту странную задачу, открываешь наконецъ, что дѣлаетъ Лондонъ такъ печальнымъ видъ его мануфактурной и торговой сферы—это отсутствіе существенной стихіи жизни-народа. Въ Парижѣ всюду разнообразная и пестрая толпа:—она оживляетъ улицы и площади, публичные сады и бульвары; ее встрѣтишь на Шоссе д'Антенъ точно также какъ и въ предмѣстьяхъ Сентъ-Антуанъ; она присутствуетъ въ театрѣ, вмѣшивается во вся церемоніи, преобладаетъ на праздникахъ. Въ Лондонѣ подумаешь сначала, что въ городѣ исключительно живутъ джентльмены и нищія:—совершенное однообразіе костюмовъ, привычекъ, манеръ и лицъ. Вся въ черномъ платьѣ, все веселятся тѣмъ же самымъ похороннымъ образомъ, у всѣхъ одинаково скучный видъ. Работникъ, купецъ, зѣвака входятъ въ одинъ и тотъ же Public-House, хранятъ одинаковое молчаніе, и не различаются на первый разъ нисколько другъ отъ друга. Человѣкъ изъ простаго народа встрѣтится съ другимъ и также скажетъ при встрѣчѣ тоже, что нобльменъ нобльмену: *What beautiful whether! — Delightful day* — отвѣтитъ другой и пойдутъ оба своей дорогой. Снимите диврею съ лакея лорда, и ничто не помѣшаетъ вамъ принять его за самого лорда. У него и тяжелая походка, и холодный, презрительный видъ его господина. Вся Англичане какъ будто на одинъ образецъ. На всемъ пространствѣ Великобританіи едва ли найдутся два резко раздѣльныхъ типа. У всѣхъ въ равной степени, у герцога или негоціанта, у ремесленника или челоука толпы—этотъ строгій видъ, эти сжатые манеры, однимъ словомъ вся эта внѣшность, которая составляетъ существенный признакъ Англичанина.

Англичане знаютъ очень хорошо, какой эффектъ производятъ они на иностранцевъ. На дорогѣ изъ Аскотта, котораго скачки, исключительно посѣщаемые знатно и высшимъ гражданствомъ составляютъ контрастъ Эпсомскихъ, одинъ джентльменъ говорилъ мнѣ: «Я увѣренъ, что возвратясь во Францію, вы непременно станете рассказывать своимъ соотечественникамъ, что англійскій народъ—самый наскучивающій и самый скучающій изъ всѣхъ народовъ—вы не понимаете нашихъ безмолвныхъ удовольствій и торжественныхъ забавъ—вамъ надобно громкую и шумливую радость — а мы находимъ превосходнымъ нашу способъ веселиться и не променяемъ его на французскую веселость. Что прикажите на это отвѣчать?»

Можетъ быть, Англичане и точно веселятся, но ихъ недвижная маска, никогда не выдаетъ внутренняго удовольствія—и ничто не похоже такъ на скуку, какъ способъ ихъ веселья. Трудно, съ самымъ лучшимъ желаніемъ, смотрѣть на зѣвоту какъ на смѣхъ.

Этикетъ, державно царствующій въ этой странѣ не мало содѣйствуетъ къ поддержанію этой нестерпимой холодности во всѣхъ классахъ британскаго общества. Вслѣдствіе безчисленныхъ различій кастъ и ранговъ все распределено, разграничено, заранее предусмотрѣно — Знать въ собственномъ смыслѣ (nobility) — это герцоги, маркизы, графы (earls) или виконты — однимъ словомъ, перы, засѣдающіе въ парламентѣ и ихъ сыновья; ниже ихъ — баронеты и кавалеры (knights) — званія, достигаемые услугами государству. Первое изъ этихъ званій наследственное; второе же только по жизненное; эта знать втораго разряда, составляетъ gentry. Все что не входитъ въ nobility или въ gentry называемое commonalty, толпа. Отсюда — старая формула публичныхъ актовъ, еще сильно красующаяся каждой вечеръ на афишахъ: the nobility and gentry, and common people are respectfully informed. . .

Но, видъ этихъ двухъ официальныхъ аристократій, common people изобрелъ до двадцати другихъ различій. Человѣкъ, у котораго два милліона состоянія — почтеннѣе того, у котораго только полтора милліона и такъ далѣе: негоціантъ, почившій на лаврахъ, имѣетъ преимущество передъ негоціантомъ еще занимающимся дѣлами, капиталистъ стоитъ выше ремесленника: не говорю уже о сотнѣ другихъ отличій по корпораціямъ. Еслибъ я хотѣлъ исчислять классы — я долженъ былъ бы дѣлать исчисленія въ родѣ Гомеровскаго исчисленія кораблей. Понятно, какую холодность вводить въ общественныя отношенія эти классификаціи, которыя обращаютъ Великобританію въ какой то тюремный замокъ, гдѣ каждый живетъ за своею перегородкой. Вездѣ и повсюду проявляется духъ особенности. Когда купецъ посылаетъ кому нибудь счетъ, онъ считаетъ на фунты — медикъ, или занимающійся свободными искусствами, пишетъ счетъ на гвиней, хотя гвиней болѣе не существуетъ. Свободныя искусства выигрываютъ этимъ въ томъ отношеніи, что изъ уваженія на примѣръ къ званію медика, ему дадутъ за визитъ не меньше того, что ходила гвиней т. е. 1 пунктъ съ шиллингомъ, тогда какъ аптекарю дадутъ только фунтъ. Есть впрочемъ своя выгодная сторона въ этихъ безчисленныхъ подраздѣленіяхъ. Каждый хранить въ свѣтъ достоинство своего званія, занятія или капитала — и никогда не подвергнетесь въ этой фамиллярности дурнаго тона, съ которой во Франціи обходятся съ вами люди, ви-

дѣвшіе васъ не болѣе раза, кромѣ того, не встрѣтите вы въ Англіи подложныхъ графовъ, сомнительныхъ маркизовъ, вообще той апокрифической знати отъ которой прохода нѣтъ въ парижскихъ гостиницахъ; аристократія у Англичанъ учрежденіе серьезное и такъ какъ законъ предоставляетъ частнымъ людямъ мѣры для предупрежденія проступковъ, то найдется всегда десять человекъ, готовыхъ сорвать маску дворянина съ самозванца. Аристократія Англійская, какъ венеціанская олигархія, имѣетъ золотую книгу, которая содержитъ въ себѣ генеалогію всѣхъ знатныхъ фамилій, и не менѣе достокачально опредѣляетъ породу людей, какъ Stud-book породы лошадей.

Если вы оставите улицу, чтобы проникнуть въ одинъ изъ этихъ почернѣлыхъ домовъ, которые такъ походятъ на тюрьмы, не думайте, на основаніи сочиненій англійскихъ писателей послѣдняго столѣтія, что этотъ домъ—храмъ, посвященный скромному семейному божеству. Лондонъ не Парижъ—Лондонъ не Англія, когда, напротивъ, Парижъ—вся Франція. Настоящая Англія точно, и понимаетъ домашнія радости, внутреннюю жизнь, сладкія впечатлѣнія мирнаго существованія, и служить имъ; особенно въ графствахъ найдется множество семействъ, сохранившихъ простыя пресвитеріанскія преданія. Тамъ отецъ есть глава всей семьи, а старшій сынъ—его намѣстникъ. За семейнымъ обѣдомъ, въ которомъ участвуютъ слуги дома, отецъ вслухъ читаетъ общую молитву: онъ же вечеромъ читаетъ библію дѣтямъ, домохозяйкамъ и гостямъ—трогательная картина, надъ которой паритъ благодатный геній домашнихъ добродѣтелей. Но въ Лондонѣ—какая противоположность! Въ Лондонѣ—главы семейства почти никогда нѣтъ дома; онъ живетъ въ клубѣ, когда свободенъ отъ бремени дѣлъ. Клубъ сталъ для Лондонца неизбѣжною необходимостью. Жена остается печальная и покинутая посреди дѣтей, когда мужъ отправляется играть, курить и пить. Клубъ убилъ семейную жизнь во всѣхъ большихъ городахъ трехъ соединенныхъ королевствъ.

Нѣсколько словъ о клубахъ: я бывалъ въ главныхъ, находящихся въ Пель-Мель, на трафальгарской площади, и въ особенности въ Сентъ Джемсъ Стритъ.

Въ Англіи, матеріальные интересы сходятся и составляются съ удивительною легкостью. Чуть только зайдетъ дѣло о прорытіи каналовъ, о построеніи желѣзныхъ дорогъ, о колонизаціяхъ—капиталы стекаются со всѣхъ сторонъ. Этотъ духъ, скорѣе сотрудничества, нежели союзничества, выражается во всемъ, даже до малыхъ вещей. Представлю въ доказательство безчисленные клубы, эти

великолепные дворцы, гдѣ совокупляются все матеріальныя выгоды, кон может доставить сообщеніе.

Вообще эти заведенія великолѣпны превыше всякихъ спиченій. Обширное помѣщеніе, большія лѣстницы устланныя коврами, великолѣпное освѣщеніе и отопленіе; низкія залы украшены картинами, цвѣтами; сады содержатся съ королевскою роскошью. Въ верхнихъ этажахъ — залы для игры, для бесѣдъ, для чтенія; все окна открываются на террасы, заставленныя миртами, лаврами, розами, апельсинами и ароматными деревьями. Стекла въ нихъ колосальныхъ размѣровъ и страшной цѣны. Фрески украшаютъ потолки, арабески выются по карнизамъ — всюду горитъ золото. Каждый клубъ имѣетъ библіотеку и получаетъ журналы Англійскіе и иностранныя, есть даже залы ваннъ, а во второмъ этажѣ и спальни, гдѣ члены клуба могутъ провести ночь, если они слишкомъ устали, чтобы возвратиться домой, или не въ мѣру употребили горячительныхъ напитковъ. Цѣна за годовой билетъ различна, смотря по клубамъ, отъ двѣнадцати до двадцати фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Я обѣдалъ въ трехъ такихъ клубахъ, въ клубѣ арміи и флота, въ Реформъ-клубѣ, и въ Атенейумѣ, что въ Пель-Мель, подлѣ отеля лорда Пальмерстона, и противъ маленькаго дома, въ которомъ жилъ Людовикъ Бонапартъ, во время своего пребыванія въ Лондонѣ. Обѣдъ, приготовляемый по Французски — великолѣпенъ; вина — лучшій доброты — въ Лондонскомъ клубѣ, вообще единственномъ мѣстѣ, гдѣ можно обѣдать настоящимъ образомъ. Цѣна за эти обѣды — весьма умеренная; благодаря началу товарищества, джентельменъ съ скромнымъ состояніемъ, можетъ жить, какъ большой господинъ. Между тѣмъ искренности отношеній точно также не встрѣтится въ клубахъ, какъ и всюду. Каждый тамъ самъ по себѣ. Войдетъ, едва поклонившись, возьметъ журналъ или брошюру, посылаетъ слугъ по своимъ порученіямъ или назначаетъ свиданіе, гуляетъ по саду, по террасамъ, спитъ, куритъ, играетъ и никогда не разговариваетъ. Причина общаго безмолвія весьма проста. Большая часть членовъ клуба другъ съ другомъ не знакомы.

По роскоши и великолѣпію, самый замѣчательный изъ Лондонскихъ клубовъ, есть, можетъ быть Reform clubhouse — огромное зданіе съ іоническими колоннами, во вкусѣ итальянской архитектуры, окруженное каменною балюстрадаю. Входъ въ него — по невысокой лѣстницѣ, ведущей въ большую и великолѣпную залу, которой потолокъ поддерживается двадцатью іоническими колоннами, обложенными сіенскимъ мраморомъ, и съ пьедесталомъ изъ

краснаго порфира. Полъ въ среднѣ залы выложенъ мозанкою по образцу римской. Въ галлерей висятъ по стѣнамъ портреты лорда Голленда и другихъ *реформеровъ*. Куполь надъ галлереею подерживается двадцатью колоннами коринтскаго ордена. Внутренность зданія—великолѣпна; къ сожалѣнiю только, огромная зала, сіяющая золотомъ и лазурью заставлена мебелью, богатою, но не изящною.

Главные клубы Лондона: Army and Navy club, Реформъ клубъ Восточный, Портмадъ, Альфреда, Партедонъ—сборное мѣсто иностранцевъ, Атенеумъ, куда ходятъ литераторы и артисты. Клубъ Клеренсъ, клубъ Оксфордскій, въ который допускаются только джентельмены, учившіеся въ Оксфордскомъ Университетѣ, клубъ junior Universiti, — union Вестъ Индія, Альбионъ, и нѣсколько другихъ, которыхъ названій я не припомню. Кромѣ этихъ клубовъ перваго разряда, есть множество другихъ, какъ то клубъ шахматовъ, клубъ путешественниковъ, клубъ пловцовъ, клубъ жителей Сити (Citizens) клубъ холостяковъ, клубъ игроковъ, не считая клуба космополитовъ, клуба жокеевъ, клуба боксеровъ и наконецъ клуба эксцентриковъ.

Клубъ эксцентриковъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Има *эксцентрика*, — хотя происхожденія совершенно Британскаго, пользуется дурной славой въ Лондонѣ и во всей Англии. Въ этой странѣ, гдѣ умѣнье жить заключается въ томъ, чтобы затераться въ мнѣнiи другихъ, уничтожить по возможности свою личность—всею, кто надѣваетъ оригинальную фізіономію, — человекъ погибшій. Двери гостиныхъ для него затворяются, съ нимъ боются столкнуться на улицѣ, отъ него бѣгутъ какъ отъ кредитора. И для того, чтобы прослыть эксцентрикомъ въ Лондонѣ, нужно весьма немного. Попробуйте заговорить въ гостиной, что лордъ Байронъ великій поэтъ — вы тотчасъ же попали въ число эксцентриковъ. Англичанинъ обязанъ вѣрить генію Байрона, но ему не позволено публично удивляться творцу Лары и Донъ Жуана: эксцентрикъ вы, если скажите слово въ пользу Католической религіи, эксцентрикъ, если носите усы, эксцентрикъ, если вы въ сюртукъ послѣ шести часовъ вечера. Но если, исполняя разныя обще-принятая формальности, вы триста шестьдесятъ пять разъ въ годъ напиаетесь, вы не эксцентрикъ, вы просто Англійскій джентельменъ во всей силѣ слова, и ничто не препятствуетъ вамъ искать руки дочери какого-нибудь лорда, лишь бы только происхожденіе и имущество позволяло вамъ добиваться такой чести.

Ехcentric-Club, находящійся въ Сентъ-Джемсъ-Стритъ, былъ вначалъ своемъ — убъжищемъ всѣхъ несчастныхъ, которыхъ минутное заблужденіе или увлеченіе извергло изъ англійскаго общества, но скоро эксцентрики безбоязненно выступили наружу. Теперь доступъ въ этотъ клубъ весьма труденъ: чтобы быть его членомъ, надобно отличиться подвигами, которые бы подняли дыбомъ волосы на головѣ старой Англій. Въ эпоху, когда вступила на тронъ Ея Величество Королева Викторія, двери клуба отворялись настѣжъ передъ всякимъ влюбленнымъ въ нее. Но потомъ— этого стало недостаточно, когда всѣ влюбились въ королеву, отъ одного молодого лорда, который принужденъ былъ послать себя въ Индію, до платоническихъ трубочистовъ Боккингемскаго дворца.

Одинъ человекъ, изучивши глубоко Лондонскую хроніку, рассказывалъ мнѣ, по поводу клуба эксцентриковъ, анекдотъ, разрѣшающій загадку, которая была до сихъ поръ необъяснима. Два года тому назадъ, одинъ очень молодой человекъ изъ Джентри употреблялъ всѣ старанія, чтобы попасть въ клубъ эксцентриковъ. Чтобы достигнуть поскорѣ цѣли своего честолюбія, онъ пустился съ плеча поддерживать самыя неблагоразумныя мнѣнія и носить самыя странныя костюмы; наконецъ онъ добился таки, не смотря на свою крайнюю молодость, до счастья быть выгнаннымъ изъ всѣхъ домовъ, гдѣ его принимали. Но клубъ находилъ, что неопитъ еще не достоинъ высокой чести, и просилъ его подождать. Тогда юноша, нетерпѣливо желая вступить въ избранный кружокъ, рѣшился на отчаянную продѣлку, на то, чтобы жениться на этой пресловутой танцовщицѣ, которой имя красовалось во всѣхъ Европейскихъ журналахъ. Не смотря на отчаянье своей семьи, онъ повелъ къ алтарю дѣвицу Лоллу Монтесъ, прожилъ съ ней два мѣсяца въ Парижѣ, потомъ, оставя жену по прошествіи условнаго медоваго мѣсяца, возвратился въ Лондонъ, и явился къ эксцентрикамъ, которые, на этотъ разъ, приняли его съ отверстыми объятіями. Вотъ вамъ и тайна страннаго брака, изумившаго всѣхъ и въ Англій и въ цѣлой Европѣ.

Вообще, клубы дѣлаютъ Англичанъ эгонстами: они раздѣляютъ въ двѣ стороны мужчинъ и женщинъ, они убиваютъ семейную жизнь. Въ то время, какъ мужъ сидитъ за роскошнымъ обѣдомъ, пьетъ дорогія вина и проигрываетъ деньги, жена и дѣти цѣлую недѣлю ѣдятъ одну и ту же часть говядины. Это не мѣшаетъ, разумѣется, Лондонцамъ говорить безпрестанно о наслажденіяхъ семейной жизни и восхвалять домашніа добродѣтели.

Говоря о Лондонѣ, нельзя теперь не упомянуть о выставкѣ. Число посѣтителей уменьшается, хотя бываютъ дни, въ которые оно доходитъ до 50 т. человекъ.

29-го Августа королевская коммиссія приказала исполнительній коммиссіи заготовить 15,000 футляровъ для медалей, которыя будутъ розданы генеральнымъ и специальнымъ комиссарамъ, равно какъ и всемъ выставившимъ свои вещи.

Какъ ни близко время закрытія (10 Окт.), на выставку не перестаютъ присылать новыя вещи. На дняхъ прибыла превосходная мебель изъ тѣхъ частей Германіи, которыя известны подъ общимъ названіемъ Таможеннаго союза. Изъ Швеціи прибылъ цѣлый корабль съ вещами.

Теперь положительно извѣстно, что станется съ хрустальнымъ дворцомъ и чистымъ доходомъ, полученнымъ съ него во все время выставки. Доходы эти будутъ употреблены на предпріятія, подобныя выставкѣ, можетъ быть на промышленный музей или родъ института художниковъ и ремесленниковъ. Около нихъ сгруппируются рисовальная школа, картинная галлерей, ботанической и пр. музеи, и собраніе древностей. Для всего этого довольно мѣста въ Гайдъ-паркѣ. Сверхъ того устроится садъ съ прекраснѣйшими произведеніями садоводства и тепличными растеніями.

Общее число посѣтившихъ выставку въ продолженіи Августа мѣсяца, доходитъ до 4 м. человекъ слишкомъ. Сборъ въ этомъ же мѣсяцѣ простирался около 60 т. стер.

НОВОЕ СТРОЕНІЕ ПРОТИВЪ ГАЙДЪ-ПАРКА. Рѣшившись сдѣлать изъ выставки средство къ улучшенію участи производителей, принцъ Альбертъ избралъ планъ, наименѣе похожій на монашескую обитель или казармы, и наиболее приспособленный къ семейной жизни. Приближаясь къ Гайдъ-Парку, вы увидите это изящное строеніе, обращающее на себя общее вниманіе своей новостью, это домъ, въ которомъ будутъ помѣщаться семейства работниковъ. Онъ выстроено по приказанію и на счетъ принца Альберта, и стоитъ на такомъ мѣстѣ, съ котораго посѣтители выставки мастера, работники и капиталисты могутъ видѣть его и понять все его выгоды. Въ зданіи есть особая комната, въ которой посѣтители могутъ наводить свои справки.

Можно смѣло сказать, что подобное зданіе дастъ бѣдному семейству дешевое помѣщеніе, и притомъ такія удобства, какія вы найдете лишь въ домахъ богатыхъ людей, и то въ столицахъ. Этотъ

домъ назначенъ для четырехъ семействъ, по два въ каждомъ изъ двухъ его этажей. Общая комната для семейства занимает пространство въ 150 кв. футовъ. Подлѣ кухни, очень хорошо построенной и убранной всеми необходимыми кухонными принадлежностями (очагомъ, печью, самоварами разной величины, кастрюлями, сковородами и пр.), находится прачешная съ жолобомъ и нѣсколько полокъ для посуды. Въ трубу, въ которую течетъ дождевая вода, стекаютъ помои. Зданіе построено изъ кирпича и обезопасено отъ пожара.

Постройка стоила 11 т. р. асс. Въ другихъ мѣстахъ Англіи она можетъ стоить отъ 11 до 12 т. р. асс., такъ что отдавать эти квартиры въ нѣмъ за 1 р. с. или 1½ р. сер. въ недѣлю, значить получать 7 процентовъ съ капитала, который истраченъ на зданіе.

СТАТИСТИКА ЭМИГРАЦІЙ ВЪ АНГЛІИ. Изъ офоціальнѣхъ статистическихъ показаній видно, что съ 1825 по Апрель 1851 г. выселилось изъ Англіи слишкомъ 2½ м. человекъ; изъ нихъ около 850 т. выселились въ Соединенные Штаты; 200 т. человекъ въ Австраійскія колоніи, и около 40 т. въ другіе края. Въ 1850 году изъ соединеннаго королевства вытало около 300 т. человекъ. Среднее годовое число эмиграцій въ продолженіе 26 лѣтъ составить такимъ образомъ около 100 т. (Но въ 1825 году выселилось всего около 15 т. чел.) Больше двухъ третей досталось Соединеннымъ штатамъ.

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ ВЪ ИРЛАНДІИ. Если вѣрить нѣкоторымъ Англійскимъ газетамъ, протестантизмъ быстро распространяется въ Ирландіи. 16 Сентября текущаго года Туамскій епископъ принялъ въ лоно протестантской церкви 99 лицъ, изъ которыхъ лишь шестеро были воспитаны въ протестантскомъ ученіи. Эта церемонія происходила въ Галвейскомъ графствѣ.

КОРОЛЕВСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВО ВЪ ЛОНДОНѢ. Годичное засѣданіе Лондонскаго географическаго общества было чрезвычайно замѣчательно. Изъ доклада, представленнаго обществу его президентомъ, капитаномъ Смитомъ, видно, какіе важныя успѣхи сдѣлала въ прошедшемъ году географическая наука.

Лондонское географическое общество имѣетъ во всѣхъ пунктахъ земнаго шара своихъ корреспондентовъ, которые считаютъ долгомъ сообщать ему результаты своихъ географическихъ изслѣдованій. Оттого архивъ общества богатъ великими драгоценностями. Въ теченіи прошедшаго года оно получило множество изслѣдованій, которыя въ отчетъ президента раздѣлены на 4 отдѣленія—по числу издавна признанныхъ четырехъ частей свѣта. Изъ

этого отчета мы узнаем также, что въ кристалльномъ дворцѣ находится великолѣпное собраніе картъ и плановъ, сдѣланныхъ Вѣнскими топографами, и назначенныхъ въ подарокъ обществу отъ Австрійскаго правительства. Другое приношеніе также состоитъ изъ собранія картъ, и прислано отъ королевскаго общества стверныхъ Антикваріевъ (въ Копенгагенѣ), вмѣстѣ съ физическо-географическими картами, напечатанными Шведскимъ Наслѣднымъ прищемъ, и переданными отъ него г. Смиу Барономъ Розеномъ (*).

Отчетъ президента общества такъ обширенъ, что мы не можемъ представить его вполне, и ограничимся тѣмъ, что извлечемъ изъ него наиболее интересныя извѣстія:

ТРУДЫ РИТТЕРА И КОХА. Германія занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ этомъ отчетѣ, какъ по описаніямъ, путешествіямъ, такъ и по ученымъ изслѣдованіямъ въ области географіи. Профессоръ Риттеръ напечаталъ первую часть своей *«географіи Палестины»*, составляющей 15 томъ его *географіи Азіи* (*Erdkunde von Asien*). Это сочиненіе пошле всѣхъ доселѣ вышедшихъ описаній Палестины въ географическомъ отношеніи.

Одна изъ самыхъ важныхъ картъ, изданныхъ въ Германіи въ прошедшемъ году, есть безъ сомнѣнія карта Кавказскихъ горъ, профессора Коха. Она состоитъ изъ четырехъ листовъ и издана изящно. Кохъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по малой Азіи и Кавказу; онъ совершилъ научныя изслѣдованія и снялъ планы, которые, при содѣйствіи Русскаго Правительства, послужили матеріаломъ для его карты. На послѣдней означены мѣстныя политическія, этнологическія, ботаническія и геологическія подраздѣленія.

ЛУНДТЪ ВЪ ГРЕНЛАНДІИ. Общество получило извѣстіе, что г. Лундтъ посѣтилъ въ прошедшемъ году берега Гренландіи между 61° и 72° сѣв. шир. Онъ нашелъ богатые образцы свинца, желѣза, меди, въ которыхъ на 100 долей отъ 66 до 70 долей чистаго металла. Г. Лундтъ нашелъ богатые угольныя руды на пространствахъ 72° .

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ АФРИКѢ. Кстаті о Географіи. Южные берега и центральныя части Африки составляютъ пробѣлы въ нашихъ географическихъ картахъ. Съ одной стороны мѣстныя дикари, съ другой безконечныя пустыни, останавливаютъ самыхъ предпримчивыхъ путешественниковъ.

Еще немного времени, — и Египетъ сдѣлается для Англіи большой дорогой къ ея обширнымъ восточнымъ владѣніямъ. Новыя изслѣдованія Бурдалу для снятія плана Суецкаго перешейка при-

(*) Наши превосходныя карты неизвѣстны, кажется, въ Европѣ. Ред.

вели къ инымъ результатамъ, нежели добытые французскими учеными въ 1799 году. Бурдалу доказаль, что нѣтъ почти никакой разницы между уровнемъ Чернаго моря у Суеца и уровнемъ Средиземнаго моря у Пелузы. Робертъ Стефенсонъ доказаль въ свою очередь, что Горькія озера составляли нѣкогда оконечность Чермнаго моря, и что города Серапій и Таубость, которыхъ развалины еще теперъ встрѣчаются въ пустынь, находились на берегу его. Возвышеніе земли между Чермнымъ моремъ и Горькими озерами простирается всего отъ семи до восьми футовъ. На обоихъ берегахъ попадаетъ множество однородныхъ раковинъ и ископаемыхъ. Стефенсонъ посѣтилъ Сезострисовъ каналъ и озеро Тамзу и нашель здѣсь множество развалинъ. Онъ убѣжденъ, что мѣстная, почва была чрезвычайно плодородна въ эпоху построенія Серапія.

Интересъ географическихъ изслѣдованій въ Африкѣ нѣкоторымъ образомъ сосредоточивается на экспедиціи, отправившейся въ прошломъ году изъ Триполя внутрь Африки, подъ руководствомъ доктора Барта и Ричардсона. По послѣднимъ извѣстіямъ экспедиція перешла черезъ Сахару, и достигла границъ Аирскаго или Асбенскаго царства, гдѣ ей пришлось бороться съ непріязненными туземцами. Но сильное и дружеское вмѣшательство царя Энъ-Нура защитило ее. Докторъ Овербекъ писалъ Бунзену отъ 27-го Октября 1850 года, что экспедиція намѣревается нѣсколько дней спустя отправиться далѣе на Югъ. — Оттого Лондонское Общество каждый день ожидаетъ извѣстія о прибытіи ея къ озеру Теходу. Путешественники собрали важныя свѣдѣнія о средствахъ тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжали, о ихъ топографіи, геологіи и естественной исторіи. Съ помощію своихъ инструментовъ они опредѣлили широты и долготы тѣхъ мѣстъ, гдѣ останавливались. Что касается до западной Африки, то Дюбуркуа, лейтенантъ корабля, разсказаль въ одномъ письмѣ свое изслѣдованіе рѣки Тендо или Танаи, и присоединилъ къ разсказу географическую карту. Онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ на 40 лье отъ ея устья, но здѣсь долженъ былъ возвратиться по случаю засухи и мелководья.

Южная Африка представляетъ путешественникамъ широкое поле для дѣятельности. Эта часть земли известна менѣе всѣхъ другихъ ея частей. Ливингтонъ недавно сообщилъ о существованіи большаго озера, въ двухъ стахъ миляхъ отъ озера Нгами, по направленію къ С. З. Оба озера соединяются ручьемъ Теофъ. На новомъ озерѣ, говорятъ, есть нѣсколько большихъ острововъ. Фроикъ Гальтонъ предпринялъ изслѣдованіе озера Нгами, не смотря на опасность со стороны мѣстнаго населенія.

Не менѣ замѣчательно путешествіе мѣстнаго епископа по своей епархіи, занимающей пространство въ 800 кв. миль. Онъ употребилъ на объездъ епархіи 9 мѣсяцевъ, начиная съ 1 Апрѣля 1850 года, путешествовалъ то на лошади, то пѣшкомъ, и прошелъ такимъ образомъ 4, т. м. (*) Путевой журналъ его богатъ любопытнѣйшими свѣдѣніями и скоро будетъ изданъ въ свѣтъ.

Исслѣдованіе южныхъ береговъ Африки съ каждымъ днемъ подвигается впередъ, и обвѣщаетъ удобныя сообщенія торговой дѣятельности Европейцевъ. Изъ мѣстныхъ путешествій особенно замѣчательны рассказы Ребмана, Крафта и Мюнбаса о Юггѣ, Га-тури, Вакамбѣ и другихъ краяхъ, составляющихъ часть Инамиши или лунной страны. Они открыли Килиманджааро и Кенія—горы, покрытыя вѣчными снѣгами. Вопреки мнѣнію Птолемея, Геродота и Максима Тирскаго, въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что эти горы находятся близъ Баръ-аль-Абуада или Блага Нила. Обширная площадь въ южной Африкѣ совсѣмъ не состоитъ изъ постепенно поднимающихся возвышенностей, начиная съ береговъ Краснаго моря, какъ это обыкновенно думаютъ. Это край чрезвычайно возвышенный, очень неправильный по формѣ, крутой, приподнятый около Индійскаго океана, но спускающійся по направленію къ Нильской долинѣ.

НОВОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ НЬЮ-ЙОРКОМЪ И ЛОНДОНОМЪ. Въ настоящее время въ Америкѣ очень заняты путями сообщенія, быстротой ѣзды и сообщеній съ Европой, особенно между Нью-Йоркомъ и Лондономъ. Теперь уже доказано, что паровыя машины, отправляющіяся по желѣзнымъ дорогамъ, идутъ втрое скорѣе стимеровъ. Слѣдовательно, если вмѣсто того, чтобы, отправляясь изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль, сѣсть на корабль, на примеръ съ оконечности той косы, которая замыкаетъ новую Шотландію, предполагая, что коса эта соединится желѣзной дорогой съ Нью-Йоркомъ, то время переезда будетъ значительно сокращено.—Съ другой стороны, если сѣсть на корабль съ этого ближайшаго пункта на Американскомъ материкѣ и повзять въ Гальвай-Бей въ Ирландіи, предполагая, что отсюда идетъ желѣзная дорога въ Дублинъ, переездъ изъ Нью-Йорка въ Лондонъ будетъ еще быстрѣе. Если припомнить великія предпріятія, совершеныя Англичанами и сѣверо-Американцами въ послѣдніе годы, то нельзя не надѣяться, что и этотъ проектъ скоро осуществится.

(*) У нашего Камчатскаго Епископа Иннокентія епархіа еще вообширнѣе. Ред.

Прежде путешествіе въ восточную Индію и обратно совершалось въ два года. Нынѣ обыкновенный торговый корабль совершаетъ его въ 9 мѣсяцевъ. Въ 1750 г. три офицера Индійской компаніи отплыли изъ Даонесса 5 Апрѣля, и, пользуясь попутными ветрами, прибыли въ Бомбей въ Сентябрѣ. На это смотрѣли тогда, какъ на необыкновенно быстрый перевѣздъ. Въ 1850 г. тотъ же путь совершается въ два съ половиною мѣсяца, а известія изъ Бомбея достигаютъ Англій менѣе, нежели въ мѣсяць. Чему же, какъ не наукѣ и ея приложенію, обязаны мы за эти усовершенствованія? Отсюда—вся важность географическихъ изслѣдованій для образованія, для человечества.

Г. Верльгофъ нашелъ въ городскомъ архивѣ Целле сундукъ съ разными важными бумагами, а именно перепискою Герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, известнаго въ исторіи тридцатилѣтней войны, о которомъ недавно издана книга Графомъ Деккеномъ. Переписка доходитъ до сраженія при Брейтенфельдѣ и содержитъ въ себѣ письма Папенгейма, Густава Адольфа и другихъ лицъ, также какъ и черновыя письма Герцога.

БОЛОНИА. Начинались сумерки, когда мы пріѣхали на почтовой дворъ Болоніи. Я почевалъ было въ гостиницѣ подѣ вывѣскою Чернаго Орла, но послѣ тщетныхъ попытокъ согласить мои требованія, относительно удобства и опрятности, съ тѣмъ, что представляла эта гостиница, я принужденъ былъ переночевать въ Швейцарскій отель. Это настоящій дворецъ, построенный вовсе не для того, чтобы служить постоялымъ дворомъ: великолѣпная лѣстница, просторная, высокая передняя, украшенная картинами и бюстами; большія, свѣтлыя и прекрасно расположенныя комнаты. Часть дома была занята Австрійскимъ генераломъ и его штабомъ; ординарцы шмыгали взадъ и впередъ, и общій столъ состоялъ исключительно изъ однихъ офицеровъ; громкое веселье и непринужденная шутиливость нисколько не стѣснялись различіемъ чиновъ.

Мой соседъ съ лѣвой стороны былъ Французъ, видимо негодовавшій на хозяйскую кухню и неправильную последовательность блюдъ. Желтый гороховый супъ онъ встрѣтилъ недоверчивымъ взоромъ, и, отведавши, отставилъ въ сторону; вѣдь онъ никогда не видалъ его въ обѣденныхъ картахъ рестораторовъ Палероля. Миртадела, которую поднесли ему вслѣдъ за тѣмъ, была отвергнута съ презрѣніемъ; точно также макароны, какъ подавшія не въ свою очередь. Такъ какъ упрямо ожидаемая говядина не являлась, а голодъ не свой братъ, то соседъ мой рвышися, на-

конецъ, принятая за кусокъ баранины, но сопровождавшій ее картофель былъ съ досадою отвергнутъ, такъ какъ известно, что это мясо не употребляется ни съ какими другими овощами, кроме бѣлыхъ бобовъ. Мнѣ стало жаль бѣднаго Француза, что онъ не сидѣлъ въ это время за общимъ столомъ въ Германіи. Тамъ онъ самъ составилъ бы списокъ блюдъ, и опредѣлилъ ихъ последовательность, а хозяинъ и прочіе гости покорились бы въ этомъ случаѣ Французскому закону.

Болонья лучше выстроена, чѣмъ Падуа. Улицы ея не такъ узки, крытыя аллеи, проходящія по сторонамъ ихъ, образуются во многихъ мѣстахъ изъ высокихъ сводовъ, опирающихся на тонкія красивыя колонны; въ большихъ, великолѣпныхъ зданіяхъ также нѣтъ недостатка. Но тѣмъ не менѣ Болонью нельзя назвать прекраснымъ городомъ. Изъ числа многихъ домовъ, именующихся дворцами, весьма не многіе заслуживаютъ это названіе своей симметрией, выгоднымъ положеніемъ и вообще изящною внѣшностью. Обыкновенно, это тяжелыя каменныя массы, не имѣющія ни пріятнаго вида, ни удобства.

Въ одномъ изъ величайшихъ, знаменитѣйшихъ и выгоднѣе расположенныхъ дворцовъ, носящемъ имя Наполеонова зятя Бачіоки, расположилось Австрійское комендантство, которому я долженъ былъ сдѣлать визитъ по дѣламъ почты. Въ такой Нѣмецкой военной канцеляріи чувствуешь себя все таки свободнѣе, нежели въ Итальянскомъ полицейскомъ домѣ. Одна великолѣпная, величественная лестница его стоитъ труда пройти въ комендантскую.

Не далеко отъ дворца Бачіоки находится церковь Св. Доменика съ прославленною гробницею отца инквизиціи, или покрайней мѣрѣ ея ревностнѣйшихъ служителей. Но меня привлекалъ не св. Доменикъ, а король Енціо, имѣющій въ ней также памятникъ. Не смотря на долгіе поиски, я не нашелъ его, вѣрно онъ весьма незначителенъ, что меня удивляетъ, ибо воздвигнуть великолѣпный мавзолей съ пышною надписью побѣжденному врагу, умершему въ жестокомъ заключеніи, было совершенно во вкусъ того времени и въ характеръ народа.

Въ ратушѣ, въ которой заключенъ былъ Енціо, заключаются теперь только тамеры и гроши, но никогда пожизненно; она обращена въ сохранныую казну.

Церковь патрона Болоньи, Св. Петропія, есть, какъ мнѣ кажется, величайшая въ свѣтѣ—по своему плану. Счастливы соборы Регенсбургскій и Кельнскій, что они до половины не окончены. Эта церковь служитъ памятникомъ самаго пламеннаго

и благочестиваго усердія. Ибо Болонцы для того, чтобы очистить мѣсто этому храму, разрушили не менѣе восьми церквей. Правда, если эти церкви похожи на тѣ, которыя теперь еще въ отдаленномъ уголкѣ города тѣснятся одна къ другой, стѣна объ стѣну, то жертва еще не такъ велика.

Самый красивый храмъ въ Болоньи есть церковь санъ-Франческо. Конечно, внѣшность ея также незначительна, какъ и у прочихъ церквей, но внутренняя архитектура соединяетъ простоту съ величіемъ и достоинствомъ стилия. Къ несчастію впечатлѣніе, производимое этими качествами, ослабляется новѣйшими *украшеніями*, которыми подвергся храмъ. Послѣ долгаго употребленія на свѣтскія потребности, онъ въ настоящее время снова возвращенъ Богослуженію. Пѣдъ этомъ начали съ того, что окрасили его самыми пестрыми и фальшивыми красками. Вообще манія окрашивать и бѣлить производить здѣсь страшныя опустошенія. И однакожъ въ этой самой Болоньи есть разительныя доказательства способности кирпича удовлетворять самымъ благороднымъ архитектурическимъ цѣлямъ. Стоитъ только взглянуть на case della mercanzia съ ея гордыми сводами, стройными колонами и богатыми орнаментами фасада. Все это выполнено съ помощію кирпича и такъ чисто и красиво, что бѣляльщики не осмѣлились приступить къ зданію.

Я осмотрѣлъ также Университетъ. Отсюда-то распространилась по Европѣ и въ особенности по всей Германіи ученая лъва, называемая Римскимъ правомъ. Здѣсь-то сострѣпана изъ Римской науки и Византійской казустики эта юридическая тарбарщина, которая въ теченіи четырехъ столтій сводитъ съ ума нашихъ юристовъ и отравляетъ нашъ юридическій бытъ. О Ирнеріусъ; Аккурзіусъ и вы всѣ прочіе члены цѣха Глоссаторовъ, гдѣ были глаза у Данта, что онъ не видалъ въ васъ идолослужителей и губителей рода человѣческаго! Что толковать о вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ? Еще нынче есть люди, которые въ отвѣтъ на всякое сомнѣніе въ непогрѣшительности пандектовъ покачиваютъ головою, и пожимаютъ плечами. Они считаютъ образцомъ челоѣческой мудрости право, живущее въ однихъ школахъ, право, которое ученый педантъ, никогда не встрѣчавшійся лицомъ къ лицу съ жизнью, можетъ, сидя въ аудиторіи, распространять, измѣнять и направлять, право, котораго самъ Куяціусъ вполонину не понималъ. Неужели пѣтъ послѣ этого сумасшедшихъ домовъ въ Германіи! (*)

(*) Неужели нашъ знаменитый ученикъ Савиньи, Крыловъ, оставитъ такую хулу безъ опроверженія; хоть бы она заставила его прервать свое молчаніе, которое становится уже преступнымъ въ лѣтописяхъ науки. Ред.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ч Е Ч Н Я (*).

Если есть въ мірѣ страна, которая можетъ въ настоящее время похвалиться разнородностію племенъ, разъединенныхъ между собою нравами, обычаями, языкомъ и т. п., то это, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ только Кавказъ. Но край этотъ, пріобрѣтшій себѣ громкую извѣстность еще въ самыя отдаленныя времена древности и постоянно-обращавшій на себя вниманіе любознательныхъ людей, старавшихся изучить его разнообразіе, остается мало изслѣдованнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти совершенно неизвѣстнымъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ обитаютъ безпокойныя горскія племена, между которыми племя Чеченское, по своему фанатизму и безпредѣльному своеволію, играетъ важную роль. Это племя, сдѣлавшее издавна своими набѣгами и разбоями и щеголяющее теперь удалствомъ, скрывается въ неприступныхъ мѣстахъ, защищенныхъ самою природою. Земли, которыя оно населяло назадъ тому нѣсколко лѣтъ и въ настоящее время, извѣстны подъ именемъ Чечни.

Предѣлами Чечни, взятой вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней обществами, служатъ: на Сѣверѣ рѣка Терекъ отъ Липовскаго поста внизъ по теченію до впаденія въ него Суужи и немного далѣе къ Амир-Аджи-юртовскому укрѣпленію; на Востокѣ владѣнія Кумыковъ, до крѣпости Внезапной, потомъ рѣка Акташа или Камбулатъ, отдѣляющая ее отъ Лезгинскаго племени Салатау; на Югѣ край Дагестанскихъ горъ, извѣстныхъ подъ названіями Нахчиамъ, Таусутадагъ и другими, разъединяющими Чечню отъ Лезгинскихъ обществъ Гумбетъ, Анди, Чарбили, Чамалалъ и Анкратль — и земля

(*) Статья эта составлена мною изъ вѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ К. Ф.-мъ.

Хевсуровъ; на Западъ земли Ингушскихъ племенъ Цора, Галгай, Галангъ и Карабулакъ, — естественнаго же предѣла между Чечнею и этичи послѣдними двумя племенами не опредѣлено: одни считаютъ границею рѣку Ассу, а другіе Фортангу, — далѣе рѣка Сунжа отъ Аула Самышки до Пліева, а отъ сего послѣдняго идетъ почти прямая линія до Липовскаго поста.

Чечня, заключенная въ этихъ предѣлахъ, устланная почти совершенно вся, кромѣ только сѣверной своей части, высокими горами, покрытыми густымъ, вѣковымъ лѣсомъ, изрытая пропастями и оврагами, представляетъ глазамъ наблюдателя величественную картину, — дикую мѣстность, особенно, какъ говорятъ, въ южной сторонѣ, близъ горъ Сулой-Лама, Нахчи-лама и Таусута-Дага, замѣчательныхъ по своей возвышенности и неприступности.

Въ водахъ, какъ и въ горахъ, Чечня также не имѣетъ недостатка. Она изрытана на всемъ своемъ пространствѣ множествомъ рѣкъ и ручьевъ, шумно стремящихся по большей части въ ущельяхъ съ Юга на Сѣверъ. Между рѣками замѣчательны:

Терекъ, составляющій Сѣверную границу, протекаетъ около ста верстъ, начиная отъ станицы Галюгаевской до Амиръ-аджюрта. На этомъ пространствѣ, съ наступленіемъ жаровъ, отъ половины Мая до конца Іюля, Терекъ, отъ таянія въ горахъ снѣга, представляетъ разительное явленіе; воды его стремятся съ такою быстротою, что уносятъ деревья и ворочаютъ огромные камни; шумъ отъ волнъ его слышится за нѣсколько верстъ. Прежде, когда не было чрезъ него устроено мостовъ, на этомъ мѣстѣ всякое сообщеніе прекращалось. Противъ сильнаго напора водъ его не только экипажи, даже тяжело нагруженные арбы и артиллерійскія повозки не могли устоять и постоянно были опрокидываемы. Опасность при переправѣ увеличивается еще отъ неровности русла, изрытаго быстрымъ теченіемъ; самые отважные обитатели Чечни не осмѣливаются въ это время пускаться чрезъ рѣку.

Сунжа течетъ по Чечнѣ отъ Пліева аула на В. С. В. почти съ такою же быстротою, какъ и Терекъ, до самаго слиянія своего съ нимъ у Брагунскаго поста. Она принимаетъ множество горныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ болѣе извѣстны слѣдующія.

Асса, по выходѣ изъ ущелья Гуро въ Хевсуріи протекаетъ по землямъ Галгаевъ, Галашевцевъ и Карабулаковъ до впаденія своего близъ Закать-юрта, составляя, какъ думаютъ нѣкоторые, западную границу Чечни. Эта рѣчка, во время лѣта, быстрымъ те-

ченіем своимъ наноситъ очень часто большой вредъ горскимъ племенамъ, обитающимъ по теченію ея, унося у нихъ множество скота, единственное богатство горца.

Фортага беретъ свое начало въ предвлахъ Чечни, составляясь изъ нѣсколькихъ рѣчекъ, Гад, Мереджи и другихъ, течетъ на С. В. С., потомъ, по принятіи въ себя притока Натыхой, на С. до впаденія въ Сунжу близъ Ассы.

Валарикъ течетъ на Сѣверъ почти параллельно съ Натыхоемъ и впадаетъ въ Сунжу у самаго Закат-юртовскаго поста.

Гехи, образуясь въ горахъ, населенныхъ Чеченскимъ обществомъ Ахо, и принявъ нѣсколько ручьевъ, течетъ до впаденія своего близъ Алхан-юрта на Сѣверъ.

Рошинъ стремится въ своемъ теченіи параллельно съ Гехи.

Мартанъ, или, какъ нѣкоторые называютъ, Урусь-Мартанъ составляется въ землѣ Пшехойцевъ изъ небольшихъ ручьевъ, течетъ на Сѣверъ до аула Урусь, гдѣ принявъ рѣчку Тенги-нижу, продолжаетъ стремиться по тому же самому направленію до впаденія своего въ Сунжу.

Гонта вытекаетъ изъ Сѣверной части владнїи Кистовъ. Орошая прилегающія къ ней съ восточной стороны поляны, она приноситъ большую пользу Чеченцамъ-хлѣбопашцамъ, разливаясь во время весны по каналамъ и ручьямъ, которые послѣ высыхаютъ отъ жаровъ. Теченіе Гонты до самаго впаденія у аула Бугун-юрта довольно быстро.

Аргунъ, одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ Сунжи, беретъ свое начало въ Сѣверной части Хевсурїи, образуясь изъ нѣсколькихъ ручьевъ, вытекающихъ изъ ущелій Гуро, Иджа и Ардонъ и соединяющихся между собою на границахъ Чечни у деревни Штиль, откуда Аргунъ течетъ нѣсколько верстъ на Сѣверъ до аула Джерахо, потомъ поворачиваетъ на Востокъ до Бочах-хо, принимая между этими двумя деревнями съ обѣихъ сторонъ множество горныхъ притоковъ; далѣе принимаетъ теченіе на Сѣверъ до деревни Дачу-барзол, гдѣ слившись съ довольно большою и шумною рѣкою Шаро-Аргуномъ, продолжаетъ катить свои быстрыя воды въ томъ же самомъ направленіи до впаденія въ Сунжу у деревни Дохенъ-нрзу.

Джалка, съ притокомъ Басъ, выходящимъ изъ горы Сулойлама, течетъ до впаденія своего на Сѣверъ.

Халхалу, послѣдній притокъ Сунжи предъ впаденіемъ ея въ Терекъ, не много менѣе Аргуна, выходитъ изъ Ичкернскихъ горъ,

течетъ на С. З. С. до укрѣпленія Умаханъ-юрта. Халхалу принимаетъ много горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, изъ которыхъ намъ болѣе известны Гумсъ съ притокомъ Хумыхъ и Мичикъ.

Далѣе къ Востоку по Чечнѣ во владѣнїяхъ Ичкеринскаго общества протекають рѣки: Аксай, образующійся въ горахъ Нехчиламскихъ, напаяетъ гористую Ичкерію въ направленіи съ Юга на Северо-Востокъ до укрѣпленія Герзель-аула, у котораго онъ вступаетъ во владѣнїя Кумыковъ. За Аксаемъ текутъ въ томъ же направленіи рѣки Яманъ-су, Ярыксу и наконецъ Акташъ, отдѣляющій Чечню отъ Лезгинскаго общества Салатау.

Но кромѣ всѣхъ этихъ рѣкъ Чечня славится еще множествомъ горныхъ источниковъ и ключей, имѣющихъ цѣлебную силу, которые впрочемъ не пользуются между ея обитателями никакимъ уваженіемъ и остаются для насъ мало известными.

Въ отношеніи климата и температуры положительно сказать ничего нельзя; вообще замѣчаютъ, сообразуясь съ мѣстностію, что климатъ въ Чечнѣ долженъ быть здоровый, такъ какъ она вся, особенно въ южныхъ частяхъ, покрыта высокими горами, на которыхъ снѣгъ лежитъ въ продолженіи цѣлаго лѣта и тѣмъ умеряетъ жары; зимы бывають довольно суровы, но терпеливо впрочемъ переносятся обитателями Чечни.

Чечня съ принадлежащими къ ней обществами 'Ахо, Пшехой, Кисты, Шаро, Шатой, Дженибутръ, Шабузы, Ичкери, Аухъ, Мичикъ и Качколы раздѣляется въ настоящее время на двѣ части: на Большую и Малую Чечню, предѣломъ между которыми служатъ р. Гонта и Сунжа отъ деревни Бутунъ-юртъ до своего впаденія въ Терекъ. Племена и общества, живущія въ Большой и Малой Чечнѣ, кромѣ того подраздѣляются еще между собою на нѣсколько другихъ мелкихъ обществъ, нѣрѣдко враждебныхъ одно другому. Сверхъ того Чеченскія племена въ отношеніи къ Русскимъ носятъ слѣдующія названія: мирныхъ, непокорныхъ, горныхъ, и живущихъ на плоскости.

Чеченцы, поселенные на Терекъ, живя вблизи Русскихъ, начинаютъ привыкать къ гражданственности и составляютъ образованнѣйшую часть всей Чечни. Они управляются своими князьями, волю которыхъ во всемъ и всегда готовы исполнять. Они содержатъ теперь кордоны на правомъ берегу Терека и безусловно отдають требуемыя отъ нихъ повинности; съ единоплеменниками своими нѣрѣдко вступаютъ въ бой, особенно когда пожелають слѣдовать за Русскими войсками; вообще они отвыкли почти отъ удалства и готовы совершенно развить мирную, общественную жизнь

въ своихъ деревняхъ, если бы не опасались набеговъ со стороны враждебныхъ имъ племенъ.

Другой родъ мирныхъ Чеченцевъ заселяетъ плоскости по обѣимъ сторонамъ рѣки Сунжи и многихъ другихъ рѣчекъ, текущихъ съ горъ и впадающихъ въ Сунжу или въ Терекъ. Чеченцы эти состоятъ изъ племенъ Качкалыхъ, Аухъ, частью Карабулакъ и собственно Чеченцевъ. Изъ деревень ихъ болѣе известны Аласхан-юртъ, Уман-юртъ, Шавдонъ, Аласханъ, Наибъ-верды, Кошкельды, Бахтой вблизи укрѣпленія Герзель-аула, Тирасу, Карасу, Мискиль, Алты-мурза-юртъ, Ярыксу-аухъ, Акташь-аухъ, Кишень-аухъ, Юрть-аухъ и другія. Жители этихъ деревень, хотя также разделены въ управленіи между княжескими ихъ родами, но слабо повинуются Правительству, потому, что живутъ вблизи своихъ непокорныхъ соотечественниковъ; при малѣйшемъ удобномъ случаѣ всегда стараются помогать въ грабежахъ своимъ мятежнымъ товарищамъ и очень часто занимаютъ разбоями и сами.

Изъ непокорныхъ Чеченскихъ племенъ, живущихъ болѣею частью въ мѣстахъ гористыхъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ, между скалами и глубокими оврагами, и отличающихся отъ прочихъ обществъ своею ненавистію, жестокостію, грабежами, разбоями и убійствами, славятся болѣе Мичикъ (Мичиковцы или Мичигизы) и Ичкери; остальные же роды Шаро, Кисты, Пшехой, Ахо, вообще, судя по рассказамъ, начинаютъ противъ прежнихъ лѣтъ ослабѣвать въ своемъ безумномъ геройствѣ.

Всѣ эти общества, имѣя одинъ языкъ, не различествуя въ характерахъ, господствующихъ наклонностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, законахъ и вѣрѣ, безъ сомнѣнія должны принадлежать къ одному племени, известному подъ именемъ Чеченцевъ, на которыхъ мы преимущественно обратимъ теперь свое вниманіе, и посмотримъ, какъ они рассказываютъ о своемъ происхожденіи, о состояніи у нихъ общества до появленія Шамиля, о адатномъ судѣ и проч., и наконецъ о новомъ управленіи и преобразованіяхъ, сдѣланныхъ Шамилемъ, въ Чечніи и о томъ, къ чему именно клонятся фантастическіе замыслы этого челоуѣка, — предводителя разбойническихъ шаекъ.

По рассказамъ Чеченцевъ, богатая плоскость, простирающаяся отъ Сѣвернаго склона Дагестанскихъ горъ до Сунжи, представляла прежде видъ дремучаго и непроходимаго лѣса, въ которомъ рыскали одни только дикіе звѣри, не встрѣчая нигдѣ человеческого слѣда. На эту-то самую плоскость, назадъ тому не болѣе двухъ столѣтій, спустилось съ горъ Ичкеріи нѣсколько горскихъ семей изъ племени Нашхой, стѣсненныхъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ жи-

тельства, и следуя по течению водъ, поселилось въ теперешней Чечнѣ на плодородныхъ полянахъ, выходящихъ мѣстами по Аргуню, Шавдону и другимъ притокамъ Сунжи.

Земля, которую заняли Чеченцы, представляла всѣ удобства, потребныя для жизни, и полная двѣхъ степеней силъ, всегда вознаграждала легкій трудъ человека. Юное общество, отдаленное отъ прилежавшихъ къ нему владѣній въковыми лѣсами и быстрыми рѣками, непримѣтно росло и плодилось, нетревожимое ни Кабардинцами, ни Кумыками, ни Лезгинами, едва знавшими объ его существованіи. Однимъ словомъ, Чеченцы, первые обитатели этой пространной и плодородной земли, удовлетворявшей вполне требованіямъ ихъ, пользовались и кормились ею, какъ Божьимъ даромъ, не имѣя совершенно никакого понятія о личной поземельной собственности. Земля у нихъ, какъ вода и воздухъ, принадлежала всякому, и тотъ владѣлъ ею, кто хотѣлъ только ее обработывать.

Въ послѣдствіи, съ размноженіемъ семей, Чеченцы также сохранили главныя черты своего первобытнаго общества, основаннаго не насиліемъ, но возникшаго, какъ бы случайно, изъ общаго стеченія взаимныхъ выгодъ каждаго. Право личной поземельной собственности у нихъ не существовало и не существуетъ почти до настоящаго времени; но только при быстромъ увеличеніи народонаселенія, они начали нѣсколько цѣнить пахатныя мѣста и ограничили только общее право каждаго владѣть угодами.

Предки теперешнихъ Чеченцевъ, спускаясь съ горъ, селились не одновременно и не на однихъ мѣстахъ. Каждый новый пришлецъ выбиралъ себѣ мѣсто отдаленно отъ прочихъ, и, поселясь съ своею семьею, обработывалъ прилежавшую къ нему землю. Семья увеличивалась, занимала болѣе мѣста, т. е. обработывали большій округъ, наконецъ дошло до того, что двѣ различныя семьи, размножившіяся до нѣсколькихъ сотъ домовъ одного родства, сѣзжались съ своими плугами на пашняхъ и должны были такимъ образомъ по необходимости положить границы между своими владѣніями: въ одну сторону земля принадлежала одному родству, въ другую — сосѣднему. Но земля, раздѣленная между этими маленькими племенами, или, какъ называютъ ихъ въ Чечнѣ, Тохумами, не раздробилась на участки между членами ихъ, а оставалась по прежнему общему нераздѣльною собственностію цѣлаго родства. Каждый годъ, когда настаетъ время пахать, всѣ родственники собираются на свои поля и дѣлятъ ихъ на столько равныхъ дачъ, сколько домовъ считается въ Тохумѣ, потомъ уже жребій распределяетъ эти участки между ними. Получившій такимъ образомъ свой годовой участокъ дѣлается

полнымъ его хозяиномъ на цѣлый годъ, обрабатываетъ его самъ или отдаетъ другому на извѣстныхъ условіяхъ, или наконецъ оставляетъ необработаннымъ, смотря по своему желанію.

Относительно мѣстъ, занятыхъ лѣсами, у Чеченцевъ существуетъ особое право, и они не раздѣляются между ними, потому что лѣсъ не считается народнымъ богатствомъ. Вообще лѣсъ, которому въ Чечнѣ не знаютъ цѣны, такъ какъ его слишкомъ много и никто не ощущалъ въ немъ недостатка, составляетъ общую нераздѣльную собственность. Каждый пришлецъ или туземецъ имѣетъ полное право вырубить себѣ участокъ лѣса и поселиться на расчищенной имъ землѣ, и тогда приготовленное и воздѣланное его трудомъ мѣсто становится уже частною неотъемлемою собственностію. Такимъ точно образомъ сдѣлали Чеченцы, изъ Сунжинскихъ и Теречныхъ деревень бѣжавшіе за Сунжу во время возмущенія въ 1840 году. Они, не нашедши порожнихъ мѣстъ, вырубали для себя поляны въ лѣсахъ и поселились на нихъ.

Посмотримъ теперь, какое имѣютъ понятіе Чеченцы о раздѣленіи народа на классы и объ отношеніяхъ ихъ между собою. Всѣ принадлежавшіе къ Чеченскому племени выселенцы изъ Ичкеріи съ верховьевъ Аргуна составляютъ одинъ общій классъ вольныхъ людей, безъ подраздѣленій на Князей, Дворянъ и т. п. «Мы всѣ Узденя», говорятъ Чеченцы. Принимая слово Узденъ (Ёзюданъ—отъ себя) въ собственномъ смыслѣ, будетъ значить, что Чеченцы—люди зависящіе отъ самихъ себя. Но въ массѣ народонаселенія находится въ Чечнѣ немногочисленный классъ личныхъ рабовъ, образовавшійся изъ военнопленныхъ. Классъ этотъ ежедневно увеличивается вновь захваченными въ набѣгахъ, и хотя состояніе и тѣхъ и другихъ рабовъ почти одинаково, но ихъ различаютъ: первыхъ зовутъ *лаями*, вторыхъ—*іессирами*; потому что судьба ихъ еще не совсемъ определена: *іессиръ* можетъ быть выкупленъ и воротиться на родину; тогда какъ *лай*, забывшій свое происхожденіе, безъ связей съ отечествомъ своихъ предковъ, составляетъ неотъемлемую собственность своего господина. Положеніе *лаевъ* въ Чечнѣ есть то безусловное рабство, которое существовало въ древнемъ мірѣ. Рабъ считается не членомъ общества, а вещью своего господина, имѣющаго надъ нимъ неограниченную власть. *Лай* можетъ быть проданъ, наказанъ, лишенъ жизни по волѣ своего владѣтеля; пріобрѣтенною собственностію пользуется до тѣхъ поръ, пока господину не вздумается ее присвоить себѣ, потому что рабъ, труды его и вся жизнь принадлежать владѣльцу. Каковы бы ни были притѣсненія послѣдняго, онъ не имѣетъ права его покинуть и переселиться къ дру-

тому. Случается впрочем иногда, что рабъ, страшась жестокаго наказанія, бѣжить отъ своего хозяина и просить защиты у какого-либо сильнаго или уважаемаго человѣка. Тотъ принимаетъ его въ свой домъ и дѣлается заступникомъ у господина, уговариваетъ послѣдняго смягчить наказаніе или впередъ поступать милостивѣе, и, получивши въ томъ обѣщаніе, отпускаетъ *лая* обратно къ нему. Но защитникъ *лая* не можетъ удерживать его при себѣ противъ воли хозяина, подъ опасеніемъ преслѣдованія за воровство.

Не смотря на униженіе, въ которомъ находятся *лаи*, рабское происхожденіе не почитается постыднымъ. Дѣти отпущеника пользуются всеми правами вольныхъ коренныхъ Чеченцевъ. Самъ отпущеникъ, со дня своей свободы, вступаетъ тотъ-часъ въ классъ вольныхъ и равенъ всѣмъ, но онъ, какъ человѣкъ одинокій, котораго легко всегда обидѣтъ, не можетъ имѣть ни вѣса, ни значенія, потому что то и другое основано, какъ въ Чечнѣ, такъ и въ Дагестанѣ, на многочисленности родства, отъ того отпущеники, по большей части, воспользовавшись свободою, не покидаютъ бывшаго своего владѣльца, а берутъ въ замужество одну изъ дочерей или родственницъ его и населяются при немъ, какъ члены его семейства. Чтобы отпустить раба на волю, надобно дать ему письменную отпускную, составленную Кадіемъ, скрѣпленную имъ и двумя свидѣтелями. Когда же рабъ откупается, — долженъ быть сохраненъ тотъ же обрядъ. При чемъ откупныя деньги вручаются Кадію, который передаетъ ихъ владѣльцу. Отпущеникъ зовется *азатомъ*.

Что же касается до общественнаго управленія, то у Чеченцевъ, до Шамиля, — почти ни какого не было. Если же до того замѣчено было въ ихъ дѣствіяхъ единство, то оно происходило естественно и случайно отъ одинаковыхъ выгодъ, мѣстъ жительства и обычаевъ, но не было слѣдствіемъ какого-либо устроеннаго порядка. Каждый Тохумъ, каждая деревня управлялись отдѣльно, не вмѣшиваясь въ дѣла сосѣдей. Старшій въ родѣ выбирался обыкновенно въ посредники или судьи въ ссорахъ между родственниками. Въ большихъ деревняхъ, гдѣ жило нѣсколько Тохумовъ, каждый выбиралъ своего старика, и ссоры уже разбирались всѣми стариками вмѣстѣ. Впрочемъ, кругъ ихъ дѣйствій былъ очень ограниченъ и власть почти ничтожна. Кто желалъ — приходилъ къ нимъ судиться, но кто хотѣлъ отыскивать лично свое право, преслѣдовалъ самъ врага и дѣлалъ съ нимъ расправу, минуя стариковъ; наконецъ рѣшенія ихъ были не обязательны, въ большой части случаевъ исполненія ихъ зависли отъ воли тяжущихся. Судъ стариковъ, лишенный всякихъ понудительныхъ средствъ,

не менше того однакоже былъ постоянно уважаемъ Чеченцами и сохранился до самаго водворенія Шамиля. Врожденное чувство нѣкоторой подчиненности, какъ необходимое условіе всякаго общества, было оплотомъ, ограждавшимъ эту слабую гражданскую власть отъ разрушительныхъ порывовъ духа необузданной вольницы полудикаго народа. Чеченецъ, убѣгая всякаго ограниченія своей воли, какъ нестерпимой узды, невольно покорялся превосходству ума и опытности и часто исполнялъ добровольно приговоръ стариковъ, осудившихъ его.

Важныя дѣла, касавшіяся до цѣлой деревни, рѣшались на мірскихъ сходкахъ, на которыя сбѣгались все жители. Правиль же для этихъ народныхъ собраній совершенно никакихъ не существовало. Приходилъ всякій, кто хотѣлъ, говорилъ, что зналъ: толкамъ, крику и шуму не было конца. Случалось часто, что споръ кончался жестокой дракой; деревня вся дѣлилась на двѣ враждующія партіи, и одержавшіе верхъ выгоняли безжалостно побѣжденныхъ, конорые шли селиться на новыхъ мѣстахъ. Вотъ еще какъ безпорядочно сзывался народъ на эти чеченскія вѣчи: кто-нибудь изъ жителей, задумавши потолковать о важномъ дѣлѣ, вѣзель на кровлю мечети и оттуда сзывалъ народъ, какъ муэззины призываютъ правотѣрныхъ на молитву. Праздные сбѣгались на его голосъ, за ними поспѣшало все мужское народонаселеніе деревни, и такимъ образомъ на площади передъ мечетью составлялась мірская сходка. Когда предложеніе, дѣлаемое виновникомъ собранія, не было достойно вниманія,—толпа скоро расходилась, безъ негодованія на нарушителя общественнаго покоя, потому что для Чеченца всякая новость, всякій шумъ занимательны, а сходить на площадь изъ пустыковъ для людей, проводящихъ цѣлый день безъ дѣла,—ни чего не значить. Судъ по адату, о которомъ мы будемъ говорить послѣ, и мірскія сходки составляли долгое время въ Чечнѣ единственную основу всего общественнаго благоустройства. Впрочемъ, по преданіямъ стариковъ, однажды началъ было вводиться новый порядокъ вещей, болѣе сообразный съ правилами устроеннаго общества, но какъ подчиненность высшей власти весьма ненавистна для Чеченца, то порядокъ этотъ не могъ долго продолжаться. Причина же возникшаго-было благосостоянія заключалась въ слѣдующемъ.

Горскіе выходцы, составившіе теперь Чеченское племя, въ первыя времена своего поселенія, спокойно обрабатывали свою землю, не тревожимые сильными сосѣдами Кумыками и Кабардинцами, которые, если даже и знали объ ихъ существованіи, то мало обращали вниманія на горсть этихъ выходцевъ, разсѣянныхъ по

лсамъ, не успѣвшихъ еще ни обжиться, ни разбогатѣть,—и не представлявшихъ следовательно для хищническихъ набѣговъ богатой приманки. Сами Чеченцы, чувствуя свою слабость, жили въ то время смиренно, не обижая никого, и какъ бы скрываясь въ своихъ лѣсахъ. Тѣ изъ нихъ, которые выселились ближе къ Кабардинцамъ, какъ напр. Урусъ-Мартанцы, или къ Кумыкамъ, какъ наприм. Качкалыковцы и Мичиковцы добровольно даже отдавались подъ покровительство тамошнихъ князей, чтобы обезопасить себя отъ притѣсненій; они платили имъ ежегодную легкую дань и считались ихъ приверженцами, клиентами, по Кумыкскому выраженію: *«смотрящимъ народомъ.»* Князья не вмѣшивались въ ихъ управленіе, а только заступались иногда за нихъ, когда они прибѣгали къ защитѣ.

Когда Чеченцы были бедны, пока народонаселеніе ихъ, разбросанное по небольшимъ хуторамъ, не составляло еще порядочныхъ общинъ, они были покойны и нетревожимы; но когда стали возникать богатые деревни, когда на тучныхъ лугахъ стали ходить многочисленныя стада, — мирные дотоле сосѣди ихъ превратились въ неукротимыхъ хищниковъ. Набѣгъ въ Чечню былъ ширь для удалыхъ вѣздниковъ: добыча богатая и почти всегда вѣрная, опасности—мало, потому что въ Чечнѣ народъ, еще немногочисленный, жилъ, не зная ни единства, ни порядка. Когда отгоняли скотъ одной деревни, — жители сосѣднихъ деревень рѣдко подавали помощь первымъ, потому что каждая изъ нихъ составляла совершенно отдѣльное общество, безъ родства и почти безъ связей съ другими.

Долго страдали Чеченцы, не умѣя принять мѣръ для своей защиты: богатство ихъ привлекало хищниковъ, слабость и безпорядокъ не давали имъ возможности успешно отражать нападенія. Наконецъ они положили призвать къ себѣ сильнаго и храбраго князя и поручить ему возстановить порядокъ и защититъ ихъ отъ враговъ. Такимъ образомъ поселилась въ Чечнѣ славная семья Князей Турловыхъ, призванныхъ изъ Гумбета. Турловы пришли съ горъ съ многочисленною дружиною, всегда готовою идти за ними въ битву и, по первому приказанію, затупить свмеца бунта и неповиновенія, могущія возникнуть въ самой Чечнѣ. Власть Турловыхъ, основанная на выгодахъ самаго народа, скоро окрѣпнула и принесла свои благотѣльные плоды. Чеченцы, всѣ равно подчиненные одному княжескому дому, получили впервые понятіе о своемъ народномъ единствѣ; подлежа всѣ одинакой службѣ, нося одинакія обязанности, они перестали чуждаться другъ друга и начали составлять нѣчто цѣлое, однородное. Выгажалъ ли Князь на тре-

вогу, жители окрестныхъ деревень должны были слѣдовать за нимъ, не ограничиваясь, какъ было прежде, одною защитою своей частной собственности. Чечня разбогатѣла и отдохнула подъ управленіемъ своихъ Князей. Удалые шатъдники Кумыкскіе и Кабардинскіе, встрѣчая въ своихъ набѣгахъ сильный отпоръ, перестали гнаться за трудной и невѣрной добычей. Чеченцы, дотолъ всегда ограбленные и притѣсненные, стали, въ свою очередь, страшящимъ своихъ сосѣдей; воинственный духъ ихъ развился вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы, и толпы смѣльчаковъ ихъ для грабежа начали спускаться на Кумыкскую плоскость и за Терекъ.

Имя Турловыхъ пользовалось общимъ уваженіемъ въ Чечнѣ; вліяніе ихъ много способствовало къ учрежденію внутренняго порядка, но вся власть ихъ основывалась лишь на добровольномъ согласіи и на уваженіи къ нимъ народа; она не имѣла законнаго основанія, упроченнаго силою. Чеченцы призвали Турловыхъ въ эпоху бѣдствій и слабости, поэтому трудно было полагать, чтобы, по прошествіи стѣсненій, шаткая власть князей могла сохраниться на всегда въ Чечнѣ, чтобы чувство признательности къ оказаннымъ заслугамъ могло поборотъ въ полудикомъ народѣ врожденное отвращеніе къ подчиненности и любовь къ необузданной личной свободѣ. Такъ и сбылось: народонаселеніе въ Чечнѣ быстро возростало, благосостояніе жителей увеличивалось ежедневно, духъ воинственный достигалъ своего полнаго развитія. Въ то самое время сосѣднія племена быстро ослабѣвали и падали постепенно. Распри между сильными княжескими семьями, успѣхи русскаго оружія на Кавказѣ, изгнѣнность и порча нравовъ низводили первенствовавшія племена Кумыковъ и Кабардинцевъ на второстепенныя мѣста. Лучшіе шатъдники ихъ, болѣе уважаемые старики оставались или на полѣ битвы, или, покидая народное дѣло, переходили къ Русскимъ. Чеченцы перестали ихъ болѣться, время слабости для нихъ прошло, наступила эпоха могущества и съ нею вмѣстѣ возникъ духъ необузданной вольницы, временно укрощенный перенесенными бѣдствіями. Княжеская власть, которой они сами добровольно подчинились нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, показалась имъ тяжелымъ ярмомъ, когда они почувствовали себя въ силахъ съ успѣхомъ противиться своимъ врагамъ. Нужда миновалась, вмѣстѣ съ нею исчезли подчиненность и повиновеніе, оказываемыя князьямъ, и Турловы, не находя болѣе въ Чечнѣ ни уваженія, ни послушанія, къ которому привыкли, покинули неблагодарныхъ и переселились въ Надсунжинскія и Теречныя Чеченскія деревни, гдѣ долгое время еще пользовались правами, принадлежащими ихъ роду. Правленіе Турловыхъ, никогда почти не касавшееся внутренняго устрой-

ства, мало изменило Чеченцевъ въ ихъ гражданскомъ быту. По выходѣ, или лучше, по изгнаніи ихъ, гражданственность представлялась въ томъ же самомъ положеніи, какъ и въ первыя времена населенія края; вся разница состояла въ томъ, что тамъ, гдѣ прежде дымился въ лѣсу одинокій хуторокъ, раскидывался теперь огромный аулъ въ нѣсколько сотъ домовъ, большею частію одного родства. Кругъ связей общественныхъ, по прежнему, не переступалъ границъ родственныхъ связей, однакоже сталъ обширнѣе, потому что Тохумы росли непомѣрно. Чтобы выразить однимъ словомъ тогдашнее положеніе Чечни, можно сказать, что всѣ формы общественныхъ остались неприкосновенными, одинъ только размѣръ общества изменился, съ умноженіемъ его матеріальныхъ силъ.

Изображая общія черты гражданского устройства въ Чечнѣ, необходимо здѣсь сказать нѣсколько словъ о Чеченскихъ Надсунжинскихъ и Теречныхъ деревняхъ, во многомъ несходствующихъ съ описаннымъ нами выше. Лѣвый берегъ Сунжи и правый Терека, по которымъ до возмущенія 1840 г. были расположены богатыя Чеченскія деревни, населенныя Чеченцами, какъ полагаютъ, послѣ образованія Большой и Малой Чечни, эти земли, заключенныя между Терекомъ и Сунжею составляли издревле собственность Кабардинскихъ князей, имѣвшихъ тамъ свои покосы. Выходцы Чеченскіе, селившіеся на землѣ, имѣвшей уже своихъ хозяевъ, должны были, по необходимости, заключать съ ними условія и подчиняться извѣстнымъ правиламъ въ отношеніи вознагражденій за землю, которою они пользовались. Кабардинскіе князья, въ первыя времена поселенія ихъ, довольствовались наложеніемъ легкой подати, — по мѣркѣ пшеницы съ каждаго дома, потому что сами жили слишкомъ далеко отсюда въ своихъ кабардинскихъ аулахъ. Но въ послѣдствіи, когда Надсунженскія и Надтеречныя деревни размножились и разбогатѣли, многіе изъ Кабардинскихъ князей, покинувъ свои отцовскія жилища, перешли туда на постоянное жительство и ввели въ то время всѣ разнообразныя формы феодальнаго устройства, существовавшаго въ Кабардѣ, въ простой и односложный элементъ Чеченскаго общества.

Мы не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе ихъ гражданскаго быта, который почти во всемъ одинаковъ съ порядкомъ общественнымъ, существующимъ у Кумыковъ, но скажемъ только, что власть князей въ трехъ Чеченскихъ деревняхъ, не бывавшихъ за Сунжу въ возмущеніе 1840 года (Старомъ-Юртѣ, Новомъ-Юртѣ и Брагуахъ), въ настоящее время постоянно клонится къ упадку, частію отъ вліянія Русскихъ, частію отъ того, что народъ, разбо-

гатвши и размножившись, начинаетъ тяготиться податью, платимой князьямъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ оказать ему ни покровительства, ни защиты.

Замѣчательно еще, что въ Чечнѣ на управленіе не имѣло вліянія магометанское духовенство, которому, по смыслу самаго Корана, не только предоставлено высокое значеніе и почетное мѣсто въ обществѣ, но даже и власть гражданская, дающая ему большое участіе въ управленіи общественномъ: такъ какъ, по завѣщанію пророка, судъ и расправа между правовѣрными должны быть всегда дваны по шаріату, т. е. согласно правиламъ суда, изложеннымъ въ Коранѣ на всевозможные случаи преступленій. Кому же, кромѣ муллъ и ученыхъ алимовъ, трудившихся всю жизнь надъ истолкованіемъ часто темныхъ и неопредѣленныхъ изреченій священной книги, должна принадлежать власть судная? Вотъ главная причина того величія и той важности, которыя постоянно имѣло духовенство во всѣхъ благоустроенныхъ магометанскихъ государствахъ. Стоя, по образованію, выше всѣхъ классовъ народа, къ тому же, держа въ рукахъ всю судную власть, оно управляло произвольно умами легкомысленныхъ мусульманъ, привыкшихъ во всѣхъ дѣлахъ своей жизни покаряться его превосходству. Такъ было вездѣ, въ Турціи, Персіи, въ нашихъ закавказскихъ ханствахъ, и даже въ Дагестанѣ; но въ Чечнѣ, одной, можетъ быть, изъ всѣхъ мусульманскихъ земель, духовенство не пользовалось принадлежащимъ ему уваженіемъ до самаго водворенія Шамиля. Чеченцы всегда были плохими мусульманами, судъ по шаріату, слишкомъ-строгий по ихъ правамъ, въ рѣдкихъ случаяхъ находилъ мѣсто,—обычай и самоуправство рѣшали почти все дѣла, потому что въ Чечнѣ, какъ было сказано выше, не существовало никакого единства, никакого порядка. Въ подобномъ обществѣ власть духовенства, основанная на уваженіи къ религіи и на нѣкоторомъ гражданскомъ порядкѣ, не могла найти способной почвы, чтобы укорениться. Не поддерживаемое чувствомъ своего достоинства, духовенство пришло въ упадокъ и до водворенія Шамиля было бѣдно и невѣжественно; во всей Чечнѣ не было ни одного ученаго алима; молодые люди, посвятившіе себя изученію арабскаго языка (металимы), ходили воспитываться въ Чиркей, въ Акушу или Казн-Кумыкъ. Знаніе грамоты было единственное преимущество, которое Чеченскіе муллы имѣли надъ своими прихожанами: оно доставляло имъ нѣкоторое уваженіе въ народѣ, потому что, какъ грамотные люди, они были необходимы при описи имѣній, при составленіи духовныхъ завѣщаній и другихъ письменныхъ документовъ. Вообще духовенство въ Чеч-

нѣ не пользовалось никакими особыми правами и находилось въ совершенной зависимости у мірянъ. Посвященія въ духовное званіе не существовало, каждая деревня выбирала себѣ какого-либо грамотья, знающаго поарабски, и назначала его своимъ муллою, такъ какъ церковнослуженіе въ магометанской религіи не требуетъ особаго приготовленія, а состоитъ въ однихъ только молитвахъ, известныхъ каждому. Рѣшеніе по шаріату нѣкоторыхъ тяжбъ и составленіе письменныхъ актовъ, суть главныя обязанности и кругъ дѣятельности приходскаго муллы. Въ остальномъ, онъ по образу жизни ни чѣмъ не отличался отъ мірянъ. При ежегодномъ дѣлежѣ земель, онъ получалъ участокъ наравнѣ съ прочими жителями, и, какъ всѣ прочіе, занимался хлѣбопашествомъ и торговлею. Особыхъ доходовъ, предоставленныхъ магометанскому духовенству, Чеченскіе муллы не получали до водворенія власти Шамшиля, хотя, по Корану, каждой мусульманинъ обязанъ вносить ежегодно въ свою мечеть десятину годоваго жалованья и сотую часть своего стада. Сборъ этотъ, называемый *зекатомъ*, обыкновенно дѣлится муллою на три пая: одинъ онъ беретъ себѣ, а остальные два долженъ раздать бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ. Кромѣ того торговцы должны жертвовать ежегодно въ мечеть десятый процентъ съ годичнаго приращенія ихъ капитала, состоитъ ли онъ въ деньгахъ или товарѣ. Сборъ этотъ, подобно зекату, дѣлится муллою на нѣсколько долей: одна изъ нихъ принадлежитъ ему, а остальные должны быть разданы бѣднымъ. Но до настоящаго времени обычай этихъ ежегодныхъ приношеній, подобно многимъ другимъ обрядамъ мухаммеданской религіи, былъ слабо исполняемъ въ Чечнѣ, по общей холодности къ вѣрѣ; а если немногіе изъ набожныхъ стариковъ удѣляли часть своихъ доходовъ, для вспоможенія бѣднымъ, то рѣдко вручали зекатъ свой мулламъ, во большею частію сами раздавали его нуждающимся.

Въ нѣкоторыхъ большихъ деревняхъ было нѣсколько мечетей и нѣсколько муллъ; въ такомъ случаѣ одинъ изъ нихъ обыкновенно выбирался въ Кадій; достоинство его не составляло какой-либо высшей степени въ духовномъ званіи и не давало ему никакой власти надъ прочими муллами. Кадій былъ ничто болѣе, какъ довѣренное духовное лицо, которому предоставлялось предъ прочими муллами исключительное право разбирательства по шаріату случающихся въ его околѣдѣ тяжбъ, составленіе письменныхъ актовъ и вообще всѣ гражданскія дѣла, въ которыхъ допущено было вмешательство духовенства. Муллы, жившіе въ округѣ, гдѣ находился Кадій, должны были ограничиться однимъ церковнослуженіемъ. Сборъ

зеката съ денежных капиталов дѣлался Кадіемъ, который, отдѣливши часть, слѣдующую бѣднымъ, могъ все остальное взять себѣ, не удѣляя ничего мулламъ. Впрочемъ Кадіевъ въ Чечнѣ было немного, потому что избраніе ихъ требовало отъ жителей единства, которое трудно было установить.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію въ Чечнѣ суда, основаннаго на адатъ, и бросимъ предварительно взглядъ на происхожденіе самаго адата.

Адатъ есть судъ, основанный на нѣкоторыхъ принятыхъ правилахъ или законахъ, установленныхъ обычаемъ и освященныхъ давностію. Вотъ какъ Ичкиринскіе старики толкуютъ происхожденіе адатнаго суда. Въ прежнія времена, говорятъ они, когда народъ Чеченскій былъ еще малочисленъ и жилъ въ горахъ Ичкеріи и по верховью Аргуна, всѣ споры судились стариками; старики въ то время были умные, жили долго, знали многое и всегда рѣшали справедливо по своему уму, не руководствуясь никакимъ закономъ. Въ послѣдствіи, народъ Чеченскій размножился, въ горахъ стало тѣсно и многія племена выселились на плоскость къ Сунжѣ и Терреку. Новыя племена сохраняли сперва обычай предковъ и по прежнему слушались стариковъ; но вскорѣ сдѣлались буйными, неповиновыми, и перестали почитать старшинъ. Наконецъ народу наскучилъ беспорядокъ, никто не могъ рѣшить дѣло по уму предковъ, старики были не разумнѣе молодыхъ, потому что сами, пока держались на конѣ, проводили время въ разбояхъ и не знали ничего, что было въ старину. Всѣ общимъ голосомъ положили отправить посольство въ Нашхой, колыбель Чеченскаго народа, и спросить, какъ дѣлалось прежде, какой былъ порядокъ у дѣдовъ, чтобы опять ввести его у себя. Нашхойскіе старики долго думали объ этомъ, ихъ затрудняла просьба Чеченцевъ не отъ того, чтобы они не знали преданій, но съ тѣхъ поръ, какъ выселились Чеченцы, многое перемѣнилось и у нихъ самихъ. До того времени Нашхоевцы не имѣли настоящей религіи, не знали Божьяго правосудія, а старики ихъ всегда судили справедливо, по обычаямъ народа: но теперь они стали мусульманами; многое, что приказываетъ религія, не согласно съ ихъ обычаями; многое, что допущено обычаемъ, запрещается Кораномъ. Что дѣлать? Старики думали, совѣтывались и наконецъ рѣшились согласовать народныя обычаи съ догматами Корана, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это оказывалось возможно, не отнимая совершенно отъ народа его любимой, разгульной вольницы. Отъ этого составились теперешніе законы адата, для тѣхъ случаевъ, когда народъ, по своему праву, по своимъ обычаямъ, не могъ судиться

такъ, какъ изложено въ Коранѣ; относительно послѣдственныхъ дѣлъ, духовныхъ завѣщаній и опеки, Нашхойскіе старики опредѣлили разбираться по шаріату, такъ какъ повелѣно Богомъ. Съ тѣхъ поръ правила эти сохранились въ преданіяхъ и живутъ постоянно въ народной памяти.

Такимъ образомъ у Чеченцевъ введено было смѣшанное законодательство, составленное изъ двухъ противоположныхъ началъ: шаріата, основаннаго на общихъ правилахъ нравственности и религіи, и адата — на обычаяхъ народа ребяческаго и полудикаго, у котораго первый законъ, единственный, краеугольный его гражданскаго устройства — есть право сильного. Отсюда произошло, что адатъ распространился и усиливался всякій разъ, когда шаріатъ приходилъ въ забвѣніе, и на оборотъ, адатъ падалъ и былъ отмѣняемъ каждый разъ, когда шаріатъ находилъ себѣ ревностныхъ проповѣдниковъ и послѣдователей.

Въ послѣднее время адатъ много потерпѣлъ отъ вліянія Русской власти; съ другой стороны вновь возникшее ученіе въ Дагестанѣ о мюредизмѣ, совершенно измѣнившее прежнее условіе общественной жизни, перешло и утвердилось въ Чечнѣ. Въ настоящее время прежній адатъ остался между Чеченцами только въ однихъ надъ-теречныхъ деревняхъ, Новомъ и Старомъ Юртѣ и Брагугунахъ и Чеченскихъ деревняхъ, расположенныхъ на Кумыкской плоскости, но и здѣсь онъ измѣненъ вліяніемъ Русскихъ законовъ.

Приступая къ описанію законодательства у Чеченцевъ, чтобы составить объ немъ ясное понятіе, надобно рассмотреть тотъ порядокъ въ условіяхъ общественной жизни, который существовалъ въ Чечнѣ еще до завоеванія этого края Русскими и до утверженія тамъ Шамилемъ новой организаціи. По этому мы примемъ здѣсь за основаніе положеніе общества въ Ичкеріи, въ послѣднее время, до прибытія туда Шамиля, такъ какъ оно менѣе имѣло сношеній съ Русскими и слѣдовательно сохранило вполнѣ свои древніе обычаи.

Гражданственность вообще у Горцевъ стоитъ еще на низкой степени образованности, почему въ ней невозможно отыскать той опредѣлительности въ правахъ, какая замѣтна у народовъ болѣе образованныхъ. Адатъ можно назвать первымъ звеномъ соединенія чловѣка въ общество, переходомъ его отъ дикаго состоянія къ общественной жизни. Чловѣкъ, соединясь въ общество, старается оградить себя отъ насилія, чувствуетъ для этого необходимость условій и создаетъ правила, на которыхъ должна покоиться общественная жизнь; но правила эти, какъ и все, созданное чловѣкомъ въ состояніи его младенчества, не полны, слабы, и, по не-

имѣнію писменъ, существуютъ въ однихъ лишь преданіяхъ; а потому и исполнительной власти въ адатъ почти даже не существуетъ, штрафовъ и наказаній за преступленія никакихъ нѣтъ, или положены весьма слабыя. Вообще можно сказать, что адатъ ничто болѣе, какъ посреднической судъ, лишенный болѣею частію понудительныхъ мѣръ; исполненіе рѣшеній зависитъ отъ доброй воли тяжущихся, въ противномъ случаѣ, если одна сторона находитъ рѣшеніе для себя слишкомъ невыгоднымъ, адатъ пренебрегается. Тутъ послѣдняя граница закона и гражданскаго порядка, и первый шагъ къ личному праву. Тамъ, гдѣ законъ безсиленъ, каждый получаетъ обратно природное право мстить за обиду и наказывать своихъ враговъ, и вотъ начало этого страннаго законодательства канлы (крово-мщеніе), признаннаго у всѣхъ горскихъ племенъ, какъ дополнительный уставъ личнаго права, помѣщеннаго въ сводѣ ихъ преданій и гражданскихъ постановленій.

Такимъ образомъ всѣ личныя обиды и важнѣйшія преступленія, какъ-то: убійство, насиліе, у горцевъ никогда не судятся. По недостатку порядка и правильной организаціи ихъ общества, совершившій злодѣяніе имѣетъ всегда возможность уйти отъ преслѣдованія; на основаніи этого адатомъ допущено, не только кровомщеніе на лица, сдѣлавшіе злодѣяніе, но и на ихъ родственниковъ. Канла вообще состоитъ въ томъ, что родственникъ убитаго долженъ убить убійцу или кого-либо изъ его родственниковъ. Тѣ, съ своей стороны, опять должны отмстить за кровь кровью, и такимъ образомъ убійство продолжается безконечно. Отъ злого, послѣ каждаго убійства, между родственниками убитаго и родственниками совершившаго злодѣяніе, возникаетъ право канлы или кровомщенія, которое переходитъ потомъ даже отъ одного колѣна къ другому.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, въ которыхъ канла прекращается. Для этого лице, желающее примириться, противъ котораго имѣютъ канлы, отпускаетъ себѣ волосы, и, чрезъ знакомыхъ, проситъ противника о прощеніи. Если послѣдній согласится дать его, тогда желающаго примириться приводятъ къ нему въ домъ, и, въ знакъ примиренія, тотъ долженъ обрить ему голову. Примирившіеся почитаются послѣ кровными братьями и кланутся на Коранъ быть вѣрными другъ другу. Впрочемъ иногда бываютъ примѣры, что простившій, не смотря на примиреніе, убиваетъ своего кровнаго брата. За кровь можно также откупаться, то есть лицо, на которомъ состоитъ канла, платитъ провиннику известную сумму, за что тотъ при свидѣтеляхъ долженъ дать клятву, что преслѣдовать его не будетъ. Въ случаѣ, если бы послѣ того, когда

свѣдѣніе простить за деньги, убилъ откупившагося, то родственники могутъ заставитьъ перваго возратить деньги или имѣть на него канлу.

Воровскія дѣла у горцевъ подчинены также разбирательству адата. Ответчикъ, не опасаясь строгости закона, идетъ безъ сопротивленія на судъ, въ надеждѣ оправдаться, ибо въ случаѣ даже обвиненія наказаніе заключается въ одномъ лишь возвращеніи истцу украденнаго у него и меньшаго штрафа, напримвръ, за воровство лошади, ответчикъ платитъ только шесть рублей, за воровство коровы—три рубли серебромъ. За похищеніе же, сдѣланное въ домѣ, то есть въ саклѣ, воръ обязанъ заплатить истцу вдвое противъ того, что стоитъ пропажа.

Вообще обрядъ суда по адату весьма простъ. Противники, желая кончить дѣло, по адату выбираютъ, обыкновенно, въ посредники или судьи для себя, одного или двухъ старшинъ. Старшины, для избѣжанія лицемерія, выбираться должны не изъ того колвна или тохума, къ которому принадлежатъ тяжущіеся, а непременно изъ другаго. Старики выслушиваютъ отдельно каждого изъ разбирающихся, и, выслушавъ, произносятъ приговоръ. Старикамъ за судъ ничего не платится.

Для обвиненія необходимо, чтобы истецъ представилъ съ своей стороны одного или двухъ свидѣтелей. Свидѣтели должны быть совершеннолѣтніе, мужскаго пола и не изъ рабскаго сословія, лавъ. Въ случаѣ же, если бы истецъ не нашелъ свидѣтелей, то виновный оправдывается присягою на Коранъ. Сверхъ того должны присягнуть въ его оправданіе шесть постороннихъ лицъ, по его выбору, но Чеченцы мало уважаютъ присягу, и по адату, за ложное свидѣтельство не положено никакихъ наказаній, а потому присяга, хотя и пустой обрядъ, но въ разбирательствѣ допускается для того, что въ некоторыхъ случаяхъ, по неимѣнію ясныхъ доказательствъ, дѣло рѣшить было бы затруднительно.

Очныя ставки не требуются при судѣ адатомъ и свидѣтели или доношники, опасаясь мщенія, обвиняютъ преступника въ тайнѣ. Отъ этаго часто бываетъ, что обвиняемый, по невѣднію, выбираетъ въ число свидѣтелей, присяга которыхъ должна оправдать его, и то лицо, которое его уличаетъ, такимъ образомъ воровство отрывается. Иногда случается, что одинъ доношникъ имѣетъ дѣло и разбирается съ обвиняемымъ, и если старики приведенныя имъ доказательства найдутъ основательными и достаточными къ обвиненію, то обиженный получаетъ удовлетвореніе по приговору ихъ, не бывъ призванъ на судъ.

При рѣшеніи адатомъ необходимое условіе, чтобы судья единогласно положили приговоръ; въ случаѣ же разногласія между стариками, тяжущіяся стороны выбираютъ другихъ судей. Если изъ тяжущихся кто-либо остается недовольнымъ приговоромъ и не хочетъ выполнить возложенныхъ на него условій, то тогда онъ имѣетъ дѣло не только съ противникомъ, но и съ свидѣтелями и стариками, находившимися на судѣ, и тѣ обязаны уже принудить его къ исполненію. Впрочемъ обвиненному предоставлено также право и въ этомъ случаѣ выбирать другихъ судей. Иногда бываетъ,—такъ какъ въ адатѣ исполнительная власть не существуетъ,—что обиженный не въ состояніи принудить своего противника разбираться съ нимъ. Въ этомъ отношеніи, по адату, предоставляется обиженному во всякое время украсть у своего врага лошадь или какую-либо вещь, и такимъ образомъ, заставивъ противника разбираться съ собою, онъ представляетъ украденныя имъ вещи старикамъ, которыя, оцѣнивъ ихъ, отдаютъ обиженному ту часть, на которую онъ имѣлъ право, а остальные возвращаютъ хозяину.

Подобное право предоставлено адатомъ слабому при тяжбѣ съ сильнымъ, такъ какъ обидчикомъ очень часто бываетъ лицо, пользующееся въ обществѣ вѣсомъ и старики не въ состояніи принудить его къ исполненію приговора; въ этомъ случаѣ обиженный, собравъ свое имущество, удаляется въ другую деревню, въ которой есть больше его родственниковъ, и съ помощію ихъ старается украсть у своего обидчика лошадь, оружіе или какую-либо вещь, чтобы заставить этимъ врага невольно исполнить приговоръ. Вотъ обычай, на которыхъ основано въ Чечнѣ разбирательство дѣлъ между частными лицами. Взглянемъ теперь на ихъ семейныя отношенія и на нѣкоторые обряды.

Въ Чечнѣ не существуетъ ни одного закона, опредѣляющаго или ограждающаго власть отца надъ дѣтьми. Пока дѣти малолѣтны, пока не могутъ сопротивляться насилію, они въ безпредѣльной зависимости у отца; но какъ скоро подросли и начали владѣть оружіемъ, право сильнаго становится ихъ закономъ. Вся они считаются членами одного семейства и передъ судомъ адата пользуются одними правами наравнѣ съ отцомъ. Канла также можетъ быть между отцомъ и дѣтьми, и не рѣдко случались примѣры, что если отецъ убивалъ одного изъ своихъ сыновей, то остальные мстили отцу.

На домашнее имущество отецъ и сыновья имѣютъ одинаковое право. Последніе могутъ во всякое время заставить первого раздѣлить между ними имущество, въ которомъ имъ адатомъ пре-

доставляется одинаковая доля съ отцомъ. Отъ этого у Чеченцевъ бывають странныя случаи, напримвръ: одинъ отецъ, имѣя *шестерыхъ* взрослыхъ сыновей, задумалъ взять другую жену; сыновья, узнавши объ этомъ намврѣніи, потребовали отъ него сначала раздѣла, потому, говорили они, что было бы не справедливо дать, по смерти его, равную часть изъ наследства дѣтямъ второй жены, такъ какъ теперешнее имѣніе нажито ихъ трудами. Отецъ долженъ былъ согласиться. Раздѣливъ имѣніе съ своими сыновьями, онъ взялъ другую жену, отъ которой имѣлъ въ послѣдствіи семерыхъ дѣтей. По смерти отца, сыновья отъ первой жены вступили въ споръ съ дѣтьми второй, и требовали, чтобы отцовское наследство было раздѣлено по-ровну между всѣми. Дѣло разбиралось по адату, и старики оправдали первыхъ. Такимъ образомъ остальное имущество было раздѣлено на тринадцать частей, и каждый изъ дѣтей отъ второй жены получилъ только тринадцатую долю той части имѣнія, которая досталась отцу ихъ послѣ перваго раздѣла.

За сыновнее неповиновеніе отецъ вознагражденъ безпредѣльною покорностію дочерей, пока онѣ находятся въ его домѣ. Онъ содержитъ ихъ какъ знаетъ, и выдаетъ замужъ за кого хочетъ. Дочерямъ не предоставлено адатомъ никакого права въ дѣлѣжъ отцовскаго имѣнія, потому что дочь и дѣти ея не отвѣчаютъ за совершенное отцемъ или братьями убійство. Если по смерти отца остаются незамужнія дочери, то старшій братъ или ближайшій родственникъ обязанъ содержать ихъ и выдать замужъ. Вообще адаты не предоставляетъ женщинѣ никакой собственности, кромѣ только одного *калыма* или *кебина*, получаемого отъ мужа, и жениховаго подарка, дѣлаемого обыкновенно во время сговора или сватовства слѣдующимъ образомъ:

Когда отецъ согласится засватать дочь свою,—женихъ подноситъ дѣвушкѣ подарокъ, состоящій изъ шелковаго головнаго платка и десяти рублей серебромъ. Послѣ этого женихъ получаетъ право видѣться съ своей невестой втайнѣ, но если они встрѣтятся въ гостяхъ или вообще при людяхъ, приличіе требуетъ, чтобы они не говорили другъ съ другомъ, и невеста должна отвернуться отъ своего жениха, такъ, чтобы онъ не могъ видѣть ея лица. Жениху предоставляется также право оставить невесту, или, какъ говорится, отпустить ее, то есть дозволить ей выдти за другаго, но сама собою, сговоренная дѣвушка не можетъ отойти отъ жениха,—она должно смиренно ждать, пока онъ согласится освободить ее, т. е. заплатить калымъ. Между сговорами и женитьбой прохо-

дѣтъ часто нѣсколько лѣтъ, иногда отъ того, что женихъ не имѣетъ чѣмъ заплатить калыма, а иногда, разсердясь за что-либо на дѣвушку, онъ не отпускаетъ ее нарочно и, наконецъ, самъ женится на другой.

Мы сказали выше, что отецъ имѣетъ полное право засватать свою дочь за кого хочетъ; но есть обычай, по которому можно получить дѣвушку отъ брата. Если братъ, во время пирушки, согласится выпить за здоровье своей сестры съ кѣмъ-либо изъ присутствующихъ и тутъ же приметъ отъ него какой-нибудь подарокъ, сестра его, значитъ, засватана и онъ обязанъ принудить отца выдать ее за своего пріятеля. Въ противномъ случаѣ, отдарившій брата преслѣдуетъ его, какъ за кровную обиду. Впрочемъ, подобное сватовство рѣдко встрѣчается и принадлежитъ къ отчаяннымъ попыткамъ искателей, которые не надѣются обыкновеннымъ путемъ получить руку дѣвушки. Сюда же должно отнести еще слѣдующій, довольно странный, обычай, существующій у Чеченцевъ. Молодой человѣкъ сговаривается съ некоторыми своими пріятелями похитить дѣвушку и силою привести ее въ свой домъ. Для этого они въ избранное время нападаютъ на нее, и, не смотря на сопротивленіе, на драку, возникающую съ родственниками, уносятъ ее въ домъ влюбленнаго. Потомъ запираютъ ихъ вдвоемъ и караулятъ у дверей до тѣхъ поръ, пока влюбленный позоветъ ихъ въ комнату. Тогда дѣвушка при нихъ объявляетъ, хочетъ ли она воротиться въ домъ родителей или остаться у него; обыкновенно необходимость заставляетъ ее выбирать последнее, и она, съ этого времени, становится его законною женою.

Отецъ невесты, по полученіи отъ жениха калыма, обязанъ его передать вполнѣ своей дочери, въ то время, когда она выходитъ замужъ. Калымъ и подарокъ жениха составляютъ неприкосновенную собственность замужней женщины. Мужъ, безъ согласія жены, не имѣетъ никакого права распоряжаться ими, а если бы вздумалъ силою вынудить у своей супруги калымъ или подарокъ, то она можетъ прибѣгнуть къ родственникамъ и просить у нихъ защиты. Во всемъ остальномъ жена подчинена мужу, какъ лай своему господину. Она должна работать на него, сносить безропотно наказаніе и во всемъ стараться оказывать ему рабское уваженіе. Жена не имѣетъ даже права сидѣть въ присутствіи своего мужа и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлять трапезу. Подобное положеніе женщины обыкновенно въ необразованномъ, полудикомъ обществѣ, гдѣ физическая сила преимущественно признается законнымъ правомъ, а потому можно удивляться, что въ Чечнѣ женщина, не

смотря на рабство, въ которомъ находится, пользуется однако нѣкоторыми правами и ограждается нѣсколько обычаемъ отъ безпредѣльнаго самовластия мужчины. Напримѣръ: мужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ лишить жизни своей жены, даже и тогда, если онъ убѣждается въ ея невѣрности; обычаемъ предоставляется ему только право согнать ее со двора, откусивъ зубами носъ. Жена можетъ во всякое время развестись съ мужемъ, но въ такомъ случаѣ, при выходѣ изъ дому, она должна оставить ему свой калымъ и все находящееся у ней имущество. Если же, напротивъ, мужъ первый требуетъ развода, то онъ долженъ отпустить жену съ калымомъ и со всемъ ей принадлежащимъ.

Мать надъ дѣтьми не имѣетъ ни какой власти и едва только пользуется тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вложила въ человека къ виновницѣ его существованія.

Относительно порядка и взаимныхъ правъ родственниковъ, въ Чечнѣ опредѣлено руководствоваться одними законами шаріата, но и здѣсь древній Чеченскій обычай очень часто замѣняетъ повелѣнія Корана, и адатъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ шаріатомъ, отвергая частію опредѣленія послѣдняго. Отъ того въ Чечнѣ происходитъ смѣшанное законодательство, которое, смотря по волѣ тяжущихся, опирается то на адатъ, то на шаріатъ. Естественное право сыновей дѣлать между собою по ровну отцовское имѣніе, признано одинаково по адату и шаріату, но состояніе дочерей опредѣляется ими различно. Адатъ совершенно устраняетъ ихъ отъ дѣла имѣнія; по шаріату, напротивъ, дочь получаетъ третью долю изъ наследства, достоящагося брату. Впрочемъ, надобно замѣтить, что незамужняя сестра поступаетъ, обыкновенно, по смерти отца на попеченіе старшаго брата или дяди, которые обязаны содержать ее до замужества и составить приданное. Если отецъ, умирая, не оставилъ послѣ себя сыновей, имѣніе дѣлится на двѣ равныя части; одна половина отдается дочери, другая—ближайшему родственнику; когда нѣсколько дочерей,—имѣніе дѣлится на три доли: двѣ принадлежатъ дочерямъ, а третья отходитъ къ родственнику.

Законъ о порядкѣ наследства въ одной нисходящей линіи у Чеченцевъ не соблюдается. По неизмѣннѣ прямыхъ наследниковъ, имущество сына переходитъ къ отцу, предпочтительнѣе предъ братьями и племянниками; точно также дядя во многомъ предпочитается двоюроднымъ братьямъ. Это постановленіе, естественно, должно быть въ обществѣ, въ которомъ не существуетъ отцовской власти надъ взрослыми сыновьями и въ которомъ отецъ считается равнымъ съ ними. Въ Чечнѣ, гдѣ почти нѣтъ понятія о

личной недвижимой собственности, домашнее имущество, временно приобретенное трудомъ каждого изъ членовъ семьи, должно по ровну дѣлиться между ними, потому что каждый, не исключая самого отца, одинаково участвовать въ приобретеніи. Еще до сихъ поръ право собственности въ понятіи Чеченцевъ не имѣетъ положительнаго основанія: оно считается не болѣе, какъ личнымъ трудомъ, и потому не удивительно, что отецъ, обязанный во всякое время, по требованію сыновей, дѣлить съ ними свой домъ, получить по смерти одного изъ нихъ право наследовать его имуществомъ, предпочтительно предъ другими членами семейства. Жена не наследуетъ мужу, но должна выйти за его ближайшаго родственника, если онъ пожелаетъ ее взять, въ противномъ случаѣ, она получаетъ только четвертую долю изъ мужняго имущества и приобретаетъ тогда полное право располагать собою. По смерти жены, мужъ ни въ какомъ случаѣ не становится ея наследникомъ; принесенный ею калымъ, подарокъ жениха и другое, могущее быть приобретеннымъ ею имущество дѣлится между дѣтьми ея, соблюдая тѣ же самыя правила, какъ при дѣлѣжѣ отцовскаго имѣнія, то есть, чтобы доля сестры составляла третью часть братняго наследства. Если же жена бездѣтна, имущество ея возвращается въ родительскій домъ или переходитъ къ ближайшимъ ея родственникамъ.

По не имѣнію прямыхъ наследниковъ, къ которымъ, по Чеченскому обычаю, должно причислить отца, имѣніе покойнаго переходитъ въ боковыя линіи, къ роднымъ братьямъ предпочтительно племянниковъ, къ племянникамъ, предпочтительно дядей и къ дядямъ, предпочтительно двоюродныхъ братьевъ.

Есть, сверхъ того, обычай, на основаніи котораго постороннее лицо замѣняетъ всѣхъ прямыхъ наследниковъ. напримѣръ: хозяинъ наследуетъ послѣ своего кунака (гостя) умершаго въ его домъ всѣми вещами, которыя при немъ находились, къка-то платьемъ, оружіемъ, хотя бы у гостя были дѣти, отецъ или разные братья. Понятіе о гостепримствѣ служитъ основаніемъ этому обычаю у всѣхъ вообще Горцевъ. Куначество считается наравнѣ съ родствомъ, а потому хозяинъ, наследовавшій имуществомъ своего гостя, обязанъ также принять на себя его калмы, точно такъ, какъ и прочіе родственники.

Долги, оставшіеся послѣ умершаго, должны быть уплачены изъ имѣнія его, прежде раздѣла между наследниками, если между ними и займодавцами не существуетъ особой сдѣлки. Въ случаѣ,

если бы заимодавец объявил претензію, когда имѣніе уже раздѣлено, тогда долгъ раздѣляется поровну между всеми наследниками мужескаго пола. Но для того, чтобы претензія была дѣйствительна, онъ обязанъ представить письменный документъ, засвидѣтельствованный и скрѣпленный Кадіемъ. Кадій по этому же документу обязанъ удовлетворить заимодавца изъ имѣнія должника.

Когда умирающій человекъ—одинокій, безъ родства, ему представляется право завѣщать свое имѣніе, кому онъ пожелаетъ. Это единственный случай, въ которомъ духовное завѣщаніе покойника имѣетъ полную силу. Когда же у него есть родственники, онъ не можетъ, ни подъ какимъ предлогомъ, устранить ихъ отъ законнаго наследства. Пожертвованіе въ мечеть и на богоугодныя дѣла дозволяется, но въ такомъ только случаѣ, если они не превышаютъ третьей части имѣнія. Составленія духовныхъ завѣщаній, какъ дѣло, требующее грамотнаго и добросовѣтнаго человека, принадлежитъ духовнымъ лицамъ—Кадію или Мулль. Желающій передать свою послѣднюю волю призываетъ Кадія и двухъ постороннихъ лицъ, при которыхъ Кадій пишетъ духовное завѣщаніе со словъ объявителя и скрѣпляетъ дѣйствительность завѣщанія своею печатію вмѣстѣ съ свидѣтелями. Составленная такимъ образомъ духовная хранится у завѣщателя и по смерти его получаетъ законную силу.

Вводъ во владѣніе наследниковъ производится также духовными лицами. Кадій, по объявленіи ему о смерти одного изъ его прихожанъ, обязанъ тотъ-часъ составить подробную опись всему имѣнію умершаго и пешихъ о его сохраненіи до окончательнаго раздѣла между наследниками, которымъ онъ сдаетъ имущество по составленной описи. Исполненіе въ точности воли умершаго, когда оно не противно существующимъ законамъ, возложено по обычаю на Кадія. Назначеніе душеприкащиковъ особую волю покойника допускается тогда только, если Чеченецъ умретъ на чужой сторонѣ или посреди невѣрныхъ.

Въ случаѣ, когда наследники малолѣтны, надъ имѣніемъ учреждается опека, которая принадлежитъ преимущественно ближайшему родственнику, дядѣ или старшему брату, а за отсутствіемъ ихъ Кадію. Опекуну не предоставляется никакой доли изъ доходовъ имѣнія, за то онъ не обязанъ представлять отчетовъ въ своихъ расходахъ, лишь бы только имѣніе сохранено было имъ въ томъ видѣ, какъ оно принято по описи отъ Кадія, и лишь бы питомецъ содержанъ былъ прилично своему состоянію. Если родственники замѣтятъ недобросовѣстныя дѣйствія опекуна, разстрату

собственности или дурное обращеніе съ наследникомъ, то они имѣютъ право жаловаться объ этомъ Кадію, который разбираетъ дѣло, и если найдетъ опекуна виновнымъ, смѣняетъ его и присуждаетъ пополнить растрченную собственность малолѣтняго изъ своего имѣнія.

Чеченецъ дѣлается совершеннолѣтнимъ въ 15 лѣтъ; тогда надъ нимъ оканчивается опека и опекунъ въ присутствіи Кадія и родственниковъ сдаетъ имѣніе своему бывшему питомцу, согласно той описи, по которой самъ принималъ; чего при этомъ не достать, онъ обязанъ пополнить изъ своего. Женщины къ опекѣ не допускаются.

Если въ опекѣ состоитъ нѣсколько братьевъ, и если старшій изъ нихъ совершеннолѣтенъ, то можетъ требовать выдѣла своей части. Для этого онъ обращается къ Кадію, который, съ двумя или тремя свидѣтелями, раздѣливъ на равныя части все имѣніе, кидаетъ жребій, и та часть, которая придется на долю старшаго брата, поступаетъ въ его собственность.

Изображая Чеченское общество до появленія Шамиля, мы упоминали прежде, что возникшее въ Дагестанѣ новое ученіе о юридиказмѣ имѣло сильное вліяніе на общественную жизнь Чеченца. Теперь мы рассмотримъ, въ чемъ именно заключаются перемѣны, произведенныя въ Чечнѣ юридиказмомъ и мюридами, главою которыхъ считается Шамиль.

Въ началѣ 1840 года, Чеченцы взбунтовались и призвали къ себѣ Шамиля. Постигая хорошо народъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, зная духъ непостоянства и своеволія—отличительныя черты въ характерѣ Чеченца, Шамиль не вдругъ рѣшился пріѣхать къ нимъ. Онъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, прибылъ въ Урусъ-Мартанъ и наконецъ согласился принять управленіе надъ Чечнею, но только съ условіемъ, чтобы Чеченцы дали ему прежде присягу въ строгости исполнять всѣ издаваемые имъ законы и постановленія.

Изъ обстоятельствъ, болѣе всего споспѣшествовавшихъ Шамилю къ утвержденію власти въ Чечнѣ, было возмущеніе Надтеречныхъ и Суиужинскихъ деревень противъ Русскихъ. Возмутители, страшась наказанія, искали спасенія въ лесахъ и по необходимости должны были покориться власти одного человека, а человекомъ этимъ у Чеченцевъ былъ Шамиль. Въ слѣдъ за этимъ происходило движеніе нашихъ войскъ и разореніе нѣкоторыхъ ауловъ. Чеченцы, гонимые съ

одного мѣста на другое, боясь наказанія за непокорность, начали уже искать спасенія въ благоразуміи и волю челоуѣка, котораго избрали своимъ начальникомъ. Шамиль пользовался случаемъ, онъ утѣшалъ ихъ сладкою надеждою въ будущемъ, представлялъ раззореніе ячювъ ихъ нашими войсками бѣдствіемъ временнымъ, скоропроходящимъ, и возбуждалъ въ нихъ религіозный фанатизмъ, который всегда легко возбудить въ невѣжественномъ народѣ, особенно когда онъ находится въ критическомъ положеніи. Такимъ образомъ власть Шамиля принимала формы болѣе правильныя и положительныя. Замѣтимъ еще здѣсь, что Шамиль, пріобрѣтая одинажды силу, не терялъ ее уже послѣ, по напротивъ каждый случай, всякое ничтожное обстоятельство служили ему предюгомъ къ утверженію владычества, и онъ такъ искусно наложилъ на Чеченцевъ оковы, что имъ освободиться послѣ сдѣлалось уже невозможно.

Первымъ дѣйствіемъ Шамиля, по прибытіи въ Урусъ-Мартанъ, было потребовать аманатовъ изъ тѣхъ семействъ, которыя имѣли наиболѣе вліянія въ народѣ. Послѣ онъ началъ вербовать въ мюриды къ себѣ и своимъ сообщникамъ лучшее юношество. Этими мѣрами онъ привязалъ къ себѣ главныя Чеченскія семейства. Каждый, вступившій въ мюриды къ Шамилю, къ Ахверды-Магоми, Шуайбъ-Муллахъ и другимъ лицамъ, приближеннымъ къ основателю мюридизма, приносилъ на коранъ присягу слѣпо и свято исполнять все приказанія, какого бы рода они ни были. Мюриды обзывались поднять даже руку на роднаго брата, если бы потребовалъ того начальникъ. Такимъ образомъ мюриды составили, какъ бы, особый орденъ, исполнявшій волю одного только челоуѣка, забывая для него самыя узы родства. Такой строгій уставъ мюридизма послужилъ Шамилю главнымъ орудіемъ къ распространенію власти и далъ ему средство употреблять мюридовъ къ истребленію опасныхъ для него людей. Мюриды, совершившій, по приказанію своего начальника, нѣсколько убійствъ, возбуждалъ противъ себя враговъ, а чтобы избавиться отъ нихъ, онъ, по необходимости, долженъ былъ съ своимъ семействомъ и родственниками поступить въ слѣпыя приверженцы къ Шамилю. Такъ какъ по обычаю, существовавшему прежде у Чеченцевъ, между семействомъ мюрида, совершившаго злодѣяніе, и между родственниками убитаго возпикало кровомщеніе, то Шамиль постоянно старался побуждать молодыхъ людей къ убійствамъ, чтобы чрезъ то привязать ихъ къ себѣ.

Шамиль, пріобрѣтая посредствомъ мюридовъ вліяніе въ Чеченъ, началъ помышлять объ упроченіи тамъ своей власти. Чтобы обуз-

дать волю дикаго народа, онъ нашелъ нужнымъ уничтожить адатъ, потворствующій слабостію своихъ постановленій буйнымъ страстямъ Чеченцевъ, и вмѣсто адата предписалъ судить всѣ преступленія по шаріату. Духовенство получило съ этого времени значительную силу и вѣсъ. Шамиль поручилъ ему также воспитаніе юношества, учредивъ въ разныхъ мѣстахъ при мечетяхъ школы, для того, чтобы наставники, выбираемые всегда изъ преданныхъ ему людей, внушали молодому Чеченскому племени привязанность и любовь къ своему начальнику.

Шамиль въ непродолжительномъ времени ввелъ въ Чечнѣ новую администрацію, положилъ основаніе правильному образованію войска и издалъ сводъ новыхъ постановленій, незнакомыхъ до того времени Чеченцамъ.

Въ настоящее время Чечня раздѣляется на три участка: Мичиковскій, большую и малую Чечню. Каждый изъ этихъ участковъ имѣетъ своего особаго начальника, который соединяетъ въ своемъ лицѣ военную и гражданскую власть. Начальникъ этотъ называется Наибомъ. При Наибѣ, для разбирательства гражданскихъ дѣлъ, постоянно находится Кадій.

Наибство дѣлится на округа, которые управляются Мазунами; при Мазунахъ, для разбирательства дѣлъ, находится мулла. Кроме того мулла находится въ каждой деревнѣ для разбирательства словесныхъ тяжбъ. Муллы эти составляютъ первую инстанцію судебной власти. Рассмотрѣнные ими дѣла поступаютъ потомъ на рѣшеніе къ Мазуну, а въ важныхъ случаяхъ Мазунъ представляетъ ихъ на рассмотрѣніе и рѣшеніе Наibu.

Для рѣшенія же дѣлъ, касающихся общественнаго управленія и верховнаго суда, Шамиль, по предложенію Джелаль-Эддина, учредилъ въ 1841 году советъ Дивзнъ-Ханъ, въ которомъ присутствуютъ люди духовнаго званія, известные своею ученостію и преданностію къ мюридизму. Учрежденіе этого совета происходило въ прежде бывшемъ главномъ мѣстопребываніи Шамиля, *Даргахъ*, взятыхъ въ 1845 году княземъ М. С. Воронцовымъ.

Для приведенія въ исполненіе приказаній и распоряженій Наибовъ, при каждомъ изъ нихъ находится постоянная стража, составленная изъ мюридовъ; число людей въ этой стражѣ бываетъ не одинаково и простирается отъ ста до двухъсотъ и даже трехъсотъ человекъ.

При Мазунахъ вмѣсто мюридовъ находятся мартазски, которые набираются изъ десяти семействъ по одному. Мартазски

составляют отборную конницу, действующую всегда отдельно от прочих войск, под командою своего Мазуна.

Наибы обязаны давать войска по первому востребованію Шамиля. Каждое семейство должно выставить одного вооруженнаго пѣшимъ или коннымъ, по назначенію, сдѣланному Наибомъ, и снабдить ихъ нужнымъ провіантомъ. Надъ этими людьми назначены десятники, сотенные и пятисотенные начальники.

Сборъ большихъ партій производится обыкновенно слѣдующимъ образомъ: Наибъ отправляетъ мюридовъ къ мазунамъ съ приказаніемъ о сборѣ войска и о заготовленіи на известное число дней провіанта. Мазуны съ своей стороны рассылаютъ мартазсковъ къ сотеннымъ начальникамъ, а сотенные объявы уже, собравъ свою сотню, являться съ нею на сборный пунктъ, гдѣ надъ собравшеюся партіею принимаетъ командованіе Наибъ. О заготовленіи же провіанта мартазскъ обращается къ бегсуламъ или десятникамъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за исправнымъ отбываніемъ повинностей. Послѣ того мазунъ собираетъ своихъ мартазсковъ, и явившись съ ними къ Наibu, командуетъ ими въ продолженіи похода, по усмотрѣнію Наиба. Въ отсутствіи мазуна мѣсто его занимаетъ одинъ изъ мартазсковъ. Иногда Наибы не довольствуются сборомъ съ каждаго семейства по одному человѣку, но приказываютъ выходить всѣмъ, кто только въ состояніи носить оружіе, подъ опасеніемъ, за неисполненіе, строгаго наказанія.

Преступившіе военные законы предаются суду, по усмотрѣнію мазуновъ. Если преступленіе не столь важно и виновный не заслуживаетъ смертной казни, то приговоръ произноситъ самъ мазунъ, исполняя свое рѣшеніе—черезъ мартазсковъ. Важное же преступленіе, по рассмотрѣніи мазуномъ, поступаетъ на рѣшеніе къ Наibu, который, при разбирательствѣ вообще военныхъ преступленій, обязанъ руководствоваться особыми законами, изданными на этотъ предметъ Шамилемъ. По этимъ законамъ, за побѣгъ къ непріятелю и измѣну опредѣлена смертная казнь, но кромѣ виновника, который заочно присуждается къ казни, за него отвѣчаютъ еще десять поручителей, обязанныхъ заплатить пени 50 руб. сер. Для чего въ Чечивъ все мужское народонаселеніе совершеннолѣтнихъ людей раздѣлено на десятки; зачисленные въ нихъ составляютъ круговую поруку и обязаны наблюдать за поступками одинъ другаго. За измѣнническое сношеніе, какъ-то шпионство, полагается также смертная казнь. Всякое сношеніе съ племенами, покорными Русскому правительству, хотя бы и торго-

вое, строго воспрещается; провинившагося въ этомъ сажаютъ въ яму, подвергая тѣлесному наказанію. За ослушаніе и несовиновеніе къ старшему мѣра наказанія зависитъ отъ важности обстоятельствъ и времени, въ которое оно было оказано, такъ напримѣръ: во время похода или битвы ослушаніе очень часто наказывалось смертію; въ другихъ же менѣе важныхъ случаяхъ преступникъ подвергается обыкновенно тѣлесному наказанію. За цѣлку на службу наказаніе состоитъ въ посаженіи виновнаго въ яму на несколько дней, или въ палочныхъ ударахъ.

За храбрость и общественныя заслуги Шамилемъ установленны особые ордена, заключающіеся въ медаляхъ. Наибы Шуаньбь-Мулла и Улубей за подвиги свои въ 1842 году получили знаки въ видѣ звѣзды, съ надписью: *«илтъ силы, илтъ кртыгости, кромъ едишаго Бога.»* Сверхъ того Шамилемъ учреждены еще денежные награды и подарки.

На содержаніе мартазсковъ, духовенства, мечетей, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ Шамилемъ указаны особые доходы, заключающіеся въ слѣдующемъ: а) *зекатъ* или десятая часть съ доходовъ именія; б) *хомусъ*, пятая часть со всей добычи, сюда принадлежатъ и пшенице, и с) *бойтну-момъ*—штрафныхъ деньгахъ, взыскиваемыхъ за разныя преступленія, и имущество, оставшееся по смерти казеннаго преступника. Шамиль, какъ глава духовенства и правленія и предводитель военныхъ силъ, всѣ эти доходы, которые составляютъ, такъ называемую, шаріатскую казну, беретъ въ свое распоряженіе.

Изъ этого обзора новаго управленія, введеннаго Шамилемъ въ Чечню и другихъ подвластныхъ ему Дагестанскихъ обществахъ, видно стремленіе его къ основанію государства. Но государство это можетъ существовать только въ одномъ воображеніи Шамиля, а не на самомъ дѣлѣ, вблизи такой могущественной державы, какъ Россія, съ которою всѣ разнородные обитатели Кавказскихъ горъ, по своему географическому положенію, непременно должны слиться въ одно цѣлое.

Иванъ Ивановъ.

Ставрополь.

2 Сентября 1851 года.

О ВОРОНЕЖСКИХЪ АРБУЗАХЪ.

Арбузь есть плодъ здоровый, по вкусу весьма сладкій и пріятный, по своему свойству питательный, и вполне можетъ замѣнять нитье. Вообще арбузы, по своему качеству и свойству, суть такіе плоды, которые считаются у насъ въ Россіи лучшими изъ всехъ плодовъ. Кто бывалъ или живалъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ рождаются арбузы, тотъ знаетъ, чѣмъ они служатъ для жителей. Стоитъ только посмотреть на классъ рабочихъ, на низшій классъ гражданъ города и на поселянъ,—у нихъ въ завтракъ—арбузы, въ обѣдъ—арбузы, въ полудни—арбузы, въ ужинъ—арбузы; они имъ служатъ и пищею и питьемъ. Русскій ѣстъ арбузы и съ хлѣбомъ и безъ хлѣба.

Въ Воронежской губерніи арбузовъ бываетъ много, особенно нынѣшнее лѣто ими очень изобильно. Августъ и Сентябрь мѣсяцы самые роскошные на эти прекрасные плоды. Въ Воронежѣ арбузы появляются, обыкновенно, въ первыхъ числахъ Августа и нѣсколько раньше, (впрочемъ ранніе арбузы мало-зрѣлы); лучшіе появляются съ половины Августа и продолжаются даже за Сентябрь, а иной годъ и до Ноября; прекращаются только тогда, когда наступаютъ большіе морозы и выпадаетъ снѣгъ, но и тогда еще кое-гдѣ укрываются подъ соломой. Въ Воронежѣ базаръ занимаетъ большую площадь; стоитъ взглянуть, сколько въ каждый базаръ наставлено бываетъ возовъ и сколько ярусовъ большихъ и маленькихъ навалено этихъ плодовъ просто на землѣ, правильно и неправильно расположенными кучками, тщательно и искусно наваленными, или небрежно наваленными. Нынѣшнее лѣто урожай арбузовъ чрезвычайно великъ. Цѣны на нихъ различны, смотря по величинѣ арбуза и по его качеству. Лучшими арбузами считаются тѣ, которые имѣютъ мякоть (мясо) нѣжную, сочную, красную, крупичатую или рассыпчатую, которые во рту таютъ, какъ сахаръ, и отъ ножа колются, когда ихъ разрѣзываютъ. Лучшіе продаются отъ 3—10 к. сер. за арбузь и дороже. Впрочемъ высшая цѣна бываетъ только въ первое и послѣднее время появленія, а въ обыкновенное время, когда ихъ привозится много, они почти ни-почемъ;—возъ стоитъ отъ 50 к. до 2 р. сер. что выходитъ отъ $\frac{1}{2}$ до 2 к. сер. за штуку.

Спрашивается теперь, сколько же каждый базаръ привозится въ Воронежѣ арбузовъ и на сколько продается? Вотъ вопросъ, который невольно представляешь себѣ при видѣ огромнаго количества арбузовъ. Самый большой привозъ арбузовъ, и самая сильная торговля, начинается съ половины Августа и продолжается до

конца Сентября и далѣе; но если взять въ соображеніе все время торговой операціи, то оно будетъ составлять три мѣсяца. Не будемъ считать начала и конца этой операціи, потому что сначала ихъ привозится немного, а подѣ конецъ тоже начинаютъ уменьшаться, а все это время, взятое вмѣстѣ, примемъ до $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, и тогда выведемъ среднее число потребленія арбузовъ. Обыкновенно, во время самой славной торговли, каждый базаръ привозится арбузовъ отъ 500—до 800 возовъ и болѣе, но если сюда присоединить начало и конецъ торговли, то съ достовѣрностію можно положить, что въ каждый базаръ привозится отъ 500 до 1000 возовъ, что составитъ среднимъ числомъ до 750; на каждый возъ обыкновенно кладется отъ 80 до 125 арбузовъ, что составитъ среднимъ числомъ до 75,000 арбузовъ на каждый базарный день. Чтобы повѣрить этотъ выводъ, возьмемъ число народонаселенія г. Воронежа: оно простирается до 45 т. жителей, (не считая въ то число баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, и временно, но постоянно во все лѣто постороннихъ лицъ, пребывающихъ въ городѣ; тогда выйдетъ болѣе 50 т. до 60 т.) Положимъ, что каждый житель въ день съѣдаетъ по *одному* арбузу, не большому, что непременно придется, еще и мало (*). Мелкихъ арбузовъ бываетъ больше и расходится больше. Обыкновенная величина ихъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 четвертей въ окружности. Считая же среднимъ числомъ по $1\frac{1}{2}$ к. сер. арбузъ, находимъ, что *каждый день*, судя по числу народонаселенія, примерно съѣдается: до 45 т. арбузовъ на 675 руб. сер., а въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, (сложеннаго изъ трехъ) до 2 м. — на 30,375 — (**).

Вотъ какой значительный капиталъ издерживается жителями г. Воронежа на эти прекрасные плоды; и при всемъ томъ приходится около 70 к. сер. на человѣка въ лѣто. — Житье въ Воронежѣ! Арбузы дешевы, и доступны послѣднему бѣдняку. Нѣтъ ни одного дома, нѣтъ ни одного семейства, въ которомъ бы проходилъ обѣдъ или ужинъ безъ арбузовъ. Всѣ ѣдятъ безъ счета, и ѣдятъ столько, какъ говорится, сколько душъ угодно. Арбузы здѣсь составляютъ наслажденіе и роскошь. Здѣсь арбузы покупаютъ, боль-

(*) Мнѣ не разъ случалось быть очевидцемъ, какъ нѣсколько человѣкъ во время обѣда съѣдало количество арбузовъ, превышающее количество вѣдковъ.

(**) Въ подтвержденіе этого исчисленія представляется живой голосъ лица торговаго сословія: одинъ изъ торговцевъ арбузами, Воронежскій старожилъ, опытный и давнишній знатокъ торговаго дѣла, вполне заслуживающій довѣрія, — на вопросъ: «на сколько примерно всего продается въ Воронежѣ арбузовъ?» — не замедлялъ отвѣтить: *двѣ тысячи на сто ос,*

шею частію, возами, потому что розничная продажа дороже оптовой, напр. тѣ, которые покупаютъ *по арбузику*, платятъ, положимъ, по 2—4 к. сер, но если бы они купили тѣже арбузы, да возомъ, тогда навѣрное каждый арбузъ обошелся бы по $\frac{1}{2}$ много 2 к. серебр.

Арбузы въ Воронежѣ бывають величиною, (не говоря о самыхъ мелкихъ,) отъ 2 - 5 четвертей въ окружности. Посѣвомъ и разведеніемъ ихъ въ Воронежской губерніи занимается много рукъ. Нѣкоторые засеваютъ по нѣскольکو десятинъ, а именно отъ 5 до 40. Къ числу замѣчательныхъ багчевниковъ принадлежатъ Воронинъ и Зацвинъ, у которыхъ и арбузы всегда бывають лучше, чище и крупше. Последний сборъ арбузовъ бываетъ въ половинѣ Сентября и нѣсколько позже, смотря по времени, какова стоитъ погода. Последние арбузы снимаются съ плетей и кладутся въ большіе ярусы на багчахъ, или привозятся домой, складываются въ сараи, откуда и возятся на базаръ. Сбытъ и потребление арбузовъ ограничивается не только внутреннею торговлею по губерніи, но довольно значительный вывозъ производится и въ другіе отдаленные города, какъ-то: въ Тулу, въ Орелъ, въ Ливны, въ Бѣлевъ, въ Ефремовъ, во Владиміръ и въ нѣкоторые другіе. (*) Въ Москву идетъ весьма незначительное количество; берется, конечно, самый лучший арбузъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что доставка съ покупкою на мѣсть, отъ Воронежа до Москвы, обходится около 15—20 к. сер. за штуку, даже изъ Саратова обходится не дороже 30—40 копекъ сер. за каждый арбузъ.

Арбузами можно пользоваться не только лѣтомъ, но и зимою, только въ другомъ видѣ: обыкновенно на зиму арбузы солятъ точно также, какъ огурцы. Соленые арбузы очень пріятны, особенно если хорошо приготовлены. Лучшее приготовленіе состоитъ въ томъ, что арбузы солятся арбузми же;—это значитъ—приготовленные для солки арбузы пересыпаются мелко изрубленными арбузами; чѣмъ больше будутъ пересыпаны, тѣмъ лучше;—потомъ заливаются рассоломъ — и дѣло кончено. Изрубленные арбузы обращаются въ сокъ, который, смѣшавшись съ рассоломъ, удерживаетъ у цѣлыхъ арбузовъ свойственную имъ сладость и вкусъ.

(*) Что же теперь сказать о томъ, сколько вывозится арбузовъ въ другія губерніи, сколько, наконецъ, потребляется и въ одной Воронежской? Если въ одной Воронежѣ продается на 50 т. р. сер. то, вѣроятно, въ другіе города вывозится въ пять разъ больше, да на столько же, можетъ быть, потребляется по губерніи; и того, навѣрно, продается на сумму до 400 т. р. серебр.

Въ Саратовской губерніи изъ арбузовъ дѣлають *варенье и медь*. — Варенье дѣлають не изъ мякоти, а изъ корки арбузной. Для этого берутъ арбузную корку, срѣзають съ нея тоненько самую верхнюю твердую кожицу ея. Приготовивши такимъ образомъ достаточное количество очищенныхъ корокъ, изрѣзываютъ ихъ на части, потомъ изъ этихъ частей вырѣзываютъ различныя фигурки, напр. треугольнички, квадратикки, крестикки, на подобіе орденовъ, кружечки на подобіе колеса, звездочки большія и маленкія, и пр. и пр. Потомъ, всѣ эти вычурныя штучки варятъ обыкновеннымъ образомъ въ медю или въ сахаръ. Когда всѣ эти фигурки хорошо уварятся, они принимаютъ прозрачный янтарный видъ. Варенье на вкусъ довольно пріятно. Медь вывариваютъ изъ мякоти, варятъ его большою частью на багчахъ, въ котлахъ, и варятъ до тѣхъ поръ, пока сокъ станетъ сгущаться; тогда даютъ ему остынуть и процеживаютъ. Это выходитъ въ родъ картофельной патоки. Цветомъ этотъ медъ почти черный, вкусомъ сладокъ, но немного приторенъ, иной горьковатъ. Простой народъ лакомится имъ, какъ будто обыкновеннымъ медомъ, ѣдятъ во время стола, или когда вздумается, съ хлѣбомъ, или разводятъ его водой и употребляютъ вмѣсто сыты.

Воронжъ.

X. . . .

24 Сент. 1881 года.

Новгородъ. Мы не можемъ жаловаться на дурную погоду прошедшаго лѣта и наступившей осени: — время стоитъ удивительно теплое и сухое. Выраженіе — *смотреть Сентябрь*, то есть мрачно, уныло, мнѣ кажется, едва ли не анахронизмъ, потому что нашъ Сентябрь по большей части, есть одинъ изъ лучшихъ и пріятнѣйшихъ въ году мѣсяцевъ; Май чаще угощаетъ насъ снѣгомъ и холодными вѣтрами, чѣмъ Сентябрь. Каждый изъ насъ съѣшеть наслаждаться послѣдними теплыми днями усыпающей природы, думая: сегодня, вероятно, въ послѣдній разъ глядитъ привѣтливо солнышко, завтра же, безъ сомнѣнія, заревутъ вѣтры, забарабанитъ въ стекла дождь, понесутся стрые, холодные туманы; не тутъ-то было — на завтра солнце свѣтитъ еще ярче и теплѣе, Борей, кажется, забылъ свою обязанность, или затерялъ календарь на нынѣшній годъ, удостоверяющій, что 11-го Сентября, въ 5 ч. и 52 минуты должна наступить осень. Обыкновенная лѣтняя гостья горожанъ, скука, также не смѣла посѣтиться нынче между нами кромѣ хорошей погоды, располагающей всякаго, какъ известно къ веселости, мы имѣли удовольствіе слушать въ публичномъ саду два раза въ недѣлю музыку; конечно, это удовольствіе доставалось

даромъ. И ученые штукмейстеры, профессоры экспериментальной физики, механики и магии, ученики знаменитыхъ — Карла Боско, Андерона и другихъ, также пріѣзжали сюда съ предложеніями показать плоды своей многолѣтней опытности и заслужить лестное для нихъ вниманіе здѣшней почтеннѣйшей публики.

Для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности полюбоваться даровымъ зрѣлищемъ солнечнаго затмѣнія, нѣкто г. Боргманъ показывалъ за деньги подобіе этому любопытному явленію природы, при чемъ можно было видѣть и другія астрономическія, физическія и оптико-хроматическія подражанія дивной природы. Пріѣзжали и заморскіе звѣри — слонъ, гремучая змѣя и проч. — себя показать и насъ посмотреть. Наконецъ, г. Шульцъ прибылъ къ намъ съ восковыми фигурами для ознакомленія здѣшней публики съ отжившими знаменитостями разныхъ вѣковъ и народовъ. Смѣшно видѣть, какъ по манію владѣтеля этой замѣчательной коллекціи, поселившася изъ экономическихъ расчетовъ на баркѣ, выходятъ его автоматы церемонно раскланиваясь передъ *почтеннѣйшею* публикою, потомъ составляютъ кадрили, пляшутъ польку и вальсъ. Словомъ, мы провели нынѣшнее лѣто весело, какъ давно его не проводили.

Наружный видъ Новгорода, маю по маю, улучшается: крѣмъ множества частныхъ благообразныхъ строеній, ежегодно замѣняющихъ старые обветшаемые дома; нынѣшнимъ лѣтомъ почти отстроенъ великолѣпный домъ Дворянскаго Собранія, который, по окончательной отдѣлкѣ, можно будетъ считать лучшимъ зданіемъ въ Новгородѣ.

Судоходство идетъ своимъ порядкомъ: грузныхъ барокъ съ открытія навигаціи по 15 Сентября прошло черезъ Новгородъ всего 3,149, въ томъ числѣ караванныхъ 1,415, здѣшней грузки — 1,734. Въ навигацію 1850 года прошло здѣсь всего судовъ четыре тысячи, въ числѣ коихъ было 2,122 караванныхъ и 1,878 здѣшнихъ; главный товаръ, отправленный отсюда въ Петербургъ, былъ ленъ, котораго привезено здѣсь прошлаго года 523,249 пудовъ, на миллионъ слишкомъ рублей серебромъ; если прибавить сюда 157,244 пуда пакли на 96,175 рублей, кудели 12,235 пудовъ на 10 тыс. рублей, и 500 пудовъ пеньки на 1,500 р. с., то составитъ общее число льнянаго товару окою 700 тыс. пудовъ, почти на миллионъ двѣсти тыс. руб. сер. Судокрушеній, исключая весеннихъ, о которыхъ я упоминалъ въ свое время, благодаря Богу, больше не было.

Наконецъ, въ заключеніе, долженъ сообщить вамъ и литературную новость. На дняхъ здѣсь отпечатана и уже поступила въ продажу въ небольшомъ числѣ экземпляровъ книга «О мѣстополо-

женіи древняго Новгорода», соч. И. Красова, о составленіи которой я упоминалъ въ одномъ изъ прежнихъ своихъ писемъ. Книга вполне заслуживаетъ вниманія ученыхъ. При этомъ считаю приличнымъ указать на ошибку, которую я сдѣлалъ, рассматривая указатель г. Игнатьева. Островокъ Владыченъ дѣйствительно находится при подножіи Дѣтинца, между часовнею Николая Чудотворца и Водяными Воротами, а не на мѣстѣ бывшей Воскресенской слободы, куда я его отнесъ по догадкамъ. *Купріяновъ.*

• Харьковъ 30 Августа въ здѣшнемъ Университетѣ былъ актъ, и потому мы считаемъ не за лишнее подвѣститься утѣшительными явленіями ученой дѣятельности Харькова. Актъ начался рѣчью экстраординарнаго Профессора Ходнева; Каталитическія явленія. Основная мысль этого разсужденія та, что, такъ называемыя, *катализъ, каталитическая сила, каталитическія явленія*, введенныя въ науку въ 1836 г. Берцеліусомъ, и обыкновенно объясняющіяся *особенными* силами, могутъ быть подведены подъ обыкновенныя химическія. Ученая дѣятельность здѣшнихъ Гг. Профессоровъ, состояла, кромѣ чтенія лекцій, входившихъ въ кругъ университетскаго курса, въ чтеніи публичныхъ лекцій, ученыхъ экспедиціяхъ и учено-литературныхъ трудахъ.

Публичныя лекціи читаны были: 1-е) О. П. Соколовымъ, по предмету прикладной Механики, 2-е) Э. П. Ходневымъ, по предмету Технической Химіи, 3-е) Адъюнктомъ Коссовымъ, по предмету Технологіи, и 4-е) прикомандированнымъ, по Высочайшему повелѣнію, къ Попечителю Харьковскаго Учебнаго Округа, Лекторомъ Холецкимъ, по предмету Сельскаго Хозяйства.

Ученыя экспедиціи. Назначенная, въ 1847 г., съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, ученая экспедиція, состоявшая изъ Гг. преподавателей: Шидловскаго, Борисяка, Черняева и Черная, для опредѣленія Географическаго положенія Харьковской и смежныхъ съ нею губерній, и подробнаго изслѣдованія оныхъ, въ отношеніи къ Минералогіи, Геогнозѣ и Зоологіи, окончила свои изслѣдованія. Г. Шидловскій представилъ первую часть отчета о астрономическомъ путешествіи, совершенномъ въ 1847 и 1848 годахъ, и надѣется въ непродолжительномъ времени представить и вторую. Экстр. Пр. Черный представилъ три статьи: 1. О фаунѣ Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстъ, 2. Beitrage zur Fauna der Charkowschen und der anliegenden Gouvernements, и 3. Beobachtungen gesammelt auf Reisen in Charkowschen und den anliegenden Gouvernements. Орд. Пр. Черняевъ и Адъюнктъ Бо-

ряськѣ займаються обработкою подрбнаго ученаго отчета о путешествіи ихъ. Въ текущемъ году, Экс. Проф. Кочетовъ отправленъ въ Харьковскую, Полтавскую, Курскую, Екатеринославскую, Таврическую губерніи и землю Войска-Донскаго, для обозрѣнія оныхъ и изслѣдованія по части Сельскаго Хозяйства . Экстр. Проф. Костырѣ, во время лѣтнихъ ваканцій, предпринималъ поѣздку въ губерніи Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую, для наблюденія надъ разностями нарѣчія Южнорусскаго въ отношеніи къ Великорусскому нарѣчію сосѣднихъ губерній, и для разсмотрѣнія, филологически, храпщагося въ библіотекъ Переяславской семинаріи Евангелія, переведеннаго въ XVI в. на Южнорусскій языкъ.

Ученолитературная дѣятельность преподавателей: *Пр. Валицкій* приготовилъ очеркъ Исторіи Греческой литературы, *Пр. Лукьяновичъ* составилъ подробный конспектъ древностей общественной жизни Римлянъ и приготовилъ къ печати статью: Объ исчисленіи времени у Римлянъ; *Пр. Рославскій* издалъ первый выпускъ сочиненія своего: Обзорніе Исторіи Древняго міра; *Пр. Костырѣ* обработывалъ 3-й семестръ своего сочиненія о филологическомъ изученіи Русскаго языка; *Пр. Зернинъ* приготовилъ къ печати 1) статью: Нифонтъ, Епископъ Новгородскій, 2) два изслѣдованія: а) Объ отношеніяхъ Никона Патріарха къ Ц. Алексію Михайловичу, в) О мятежахъ, бывшихъ въ началѣ царствованія Ц. Алексія Михайловича; кромѣ того занимался обработкою очерковъ по внутренней Исторіи Византіи, начиная съ царствованія Юстиніана I-го. *Пр. Калениченко* написалъ: а) Description des limaces qui se trouvent dans l'Ukraine, и в) Классификація, синонимія и время свянія пшеницы, употребительнѣйшихъ въ Европѣ. *Пр. Борислякъ* приготовилъ къ печати сочиненіе: Геологическое описаніе Харьковской губерніи. *Пр. Лапшинъ* приготовилъ къ изданію: Записки, относящіяся къ статьѣ о магнетизмѣ вообще и къ магнетизму земнаго шара. Адъюнктъ *Каченовскій* приготовилъ къ напечатанію статью: О вліяніи рыцарства на право войны. *Пр. Ходневъ* писалъ Курскъ Технической химіи; и проч.

Къ концу истекшаго года Библіотека Университета состояла изъ 23,489 названій книгъ, періодическихъ изданій, брошюръ, рукописей, картъ, чертежей и эстамповъ въ 51,253 волюмахъ. Въ кабинетѣ чтенія, состоящій при библіотекѣ, выписано 36 названій газетъ и журналовъ: Русскихъ 14, иностранныхъ 22. Библіотека казеннокоштныхъ студентовъ состоитъ изъ 4,143 томовъ книгъ, періодическихъ изданій, брошюръ, картъ и чертежей, цѣною на 7,301 р. 61 к сер.

М. Сунитовъ.

12 Септѣбря 1881 г.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Изъ Московск. Вѣдомостей).

Его Сіятельство Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ провель въ Москвѣ не болѣе пяти дней, но въ это краткое время имъ осмотрѣна вся подвѣдомственная ему часть. Посѣщеніе Министра, облеченнаго Высочайшею довѣренностію, всегда имѣеть благотворныя послѣдствія, которыя не преминуть оказаться и въ семь случаевъ.

27-го Сентября, въ четвергъ, въ 9 часовъ утра Его Сіятельство прибылъ въ Университетъ, гдѣ осмотрѣвъ вновь устроенное помѣщеніе казенно-коштныхъ студентовъ и пансіонеровъ, и обошедъ всѣ кабинеты и библіотеку, — присутствовалъ на лекціяхъ. Начавъ съ лекціи Богословія, преподаваемого Протоіереемъ Терновскимъ, Его Сіятельство слушалъ за тѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ лекціи Гг. Профессоровъ: Грановскаго по Древней Исторіи, Крылова по Римскому праву и Драшусова по Астрономіи.

28-го, въ пятницу, Его Сіятельство, прибывъ въ Университетъ съ 8 часовъ утра, присутствовалъ на лекціяхъ Профессоровъ и преподавателей: Ляковскаго по Фармакологіи, Соловьева по Русской исторіи, Фишера по Ботаникѣ, Спасскаго по Физикѣ, Брашмана по Механикѣ, Терновскаго по Логикѣ.

Въ этотъ же день Князь Платонъ Александровичъ осматривалъ 1-ю гимназію въ новомъ ея помѣщеніи; присутствовалъ на урокахъ Закона Божія, Русскаго языка, Географіи; за тѣмъ осматривалъ также 4-ю гимназію, гдѣ присутствовалъ при обѣдѣ воспитанниковъ. Вечеромъ Его Сіятельство присутствовалъ въ Университетѣ на классическихъ бесѣдахъ и педагогическихъ упражненіяхъ, происходящихъ подъ руководствомъ Пр. Шевырева; здѣсь студенты читали свои сочиненія по различнымъ предметамъ Словесности.

29-го, въ субботу, Господинъ Министръ прибылъ въ Университетъ въ 9 часовъ утра и присутствовалъ на лекціяхъ Терапіи Проф. Топорова, Психологіи Проф. Терновскаго, Минералогіи Проф. Щуровскаго, Римскихъ Древностей Проф. Леонтьева, Новой Исторіи Проф. Кудрявцева, Педагогіи Проф. Шевырева. Изъ Уни-

верситета Его Сіятельство отправился въ типографію, и осматривалъ ее во всѣхъ подробностяхъ ея новаго устройства; за тѣмъ осмотрѣнъ былъ ботаническій садъ Университета въ его преобразованномъ видѣ, и въ заключеніе 2-я Московская гимназія.

30-го, въ воскресенье, слушалъ божественную литургію въ Университетской церкви, совершенную настоятелемъ сей церкви протоіереемъ Терновскимъ, соборнъ съ законоучителями гимназій; предъ окончаніемъ божественной литургіи протоіереемъ Терновскимъ было произнесено поучительное слово. При богослуженіи находилось все начальство Университета, профессоры, студенты и воспитанники всѣхъ 4-хъ гимназій.

Послѣ обѣдни Его Сіятельство отправился осматривать вновь воздвигнутое подъ надзоромъ пр. Драшусова зданіе университетской Обсерваторіи. Его Сіятельство съ особеннымъ участіемъ входилъ во всѣ подробности настоящаго прекраснаго устройства Обсерваторіи и всѣхъ ея принадлежностей.

Вечеромъ того же дня Его Сіятельство присутствовалъ на всенощномъ бдѣніи въ университетской церкви.

Октябрь 1-го въ понедѣльникъ, послѣ обѣдни, князь Платонъ Александровичъ осматривалъ древлехрамъ г. Погодина.

Октября 2-го во вторникъ, день своего отъезда, Е. С. осматривалъ Клиники Госпитальную и Факультетскую, 3-ю гимназію и Лазаревскій институтъ; за тѣмъ посѣтилъ еще разъ Университетъ, гдѣ простился съ профессорами и студентами.

Многозначительныя слова, при семъ сказанныя Господиномъ Министромъ, останутся навсегда памятными для слышавшихъ. Какъ въ этотъ разъ, такъ постоянно и прежде, Его Сіятельство извѣлалъ полное удовольствіе относительно превосходнаго устройства всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ частей здѣшняго учебнаго вѣдомства, и указывая преподавателямъ науки на высокую цѣль ихъ служенія, выразилъ свое полное сочувствіе прекрасному направленію, господствующему въ нашемъ Университетѣ. Къ особенной радости присутствовавшихъ, Его Сіятельство при этомъ подалъ надежду, что желѣзная дорога, которая соединитъ скоро обѣ столицы, дастъ ему возможность еще чаще посѣщать старѣйшій изъ Русскихъ Университетовъ.

ДѢЙСТВІЯ МОСКОВСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА 1851 ГОДА.—Въ прошломъ году, въ 14 школахъ Общества состояло 280 приходящихъ воспитаницъ и 135 пенсіонерокъ; къ началу настоящаго оставалось воспитаницъ 280 и пенсіонерокъ 124, всего 404 дѣвѣцы. Руководѣлія ихъ доставили въ кассу Общества до 2,800 р. с. (*). Для усиленія способовъ къ содержанію заведеній, ввѣренныхъ попеченію Совѣта Общества, даны были балы съ лотгерееми и аллегри, принесшіе чистой прибыліи до 2 т. р. сер. Сверхъ того отъ базара женскихъ руководѣлій выручено было слишкомъ 3 т. р. сер. Пожертвованія членовъ и комиссіонеровъ общества продолжались по прежнему; нѣкоторые врачи и аптекари жертвовали отъ себя лекарства для школъ общества. Доходы состояли почти въ 33 т. р. сер., а расходы простирались до 31 т.; за тѣмъ, къ 1-му Января 1851 г. въ кассѣ общества находилось до 114½ т. р. с.

СТРАННОПРИИМНЫЙ ДОМЪ ВЪ ХАМОВНИКАХЪ.—Въ Москвѣ, гдѣ богадѣльни, пріюты, больницы, вообще всякія благотворительныя учрежденія считаются во множествѣ,—довольно еще не доставало такого заведенія, которое имѣло бы предметомъ своимъ страннопріимство. Съ этою цѣлію учрежденъ иждивеніемъ Секундъ-Майора Ахлабаева страннопріимный домъ въ Хамовникахъ, подлѣ храма Св. Николая. Г. Ахлабаевъ не только устроилъ это заведеніе, но и обезпечилъ его существованіе.—Въ верхнемъ этажѣ красиваго каменнаго зданія помѣщена небольшая церковь въ славу Воскресенія Христова, отдѣляющая мужскую половину отъ женской; тамъ же есть и нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ для ночлега. Въ среднемъ этажѣ столовая, пріемная, больница, контора и наконецъ небольшія комнаты для самого основателя. Внизу особые покои для приходящихъ странниковъ. Здѣсь они получаютъ ночлегъ и пищу отъ одного до трехъ дней, а по усмотрѣнію попечителя заведенія и болѣе. Помѣщеніе устроено на 34 кровати; для большихъ готовъ врачъ.... Следуя обычаю Русскаго народа ознаменовывать добрыми дѣлами торжественные дни своихъ Государей, открытіе этого заведенія и освященіе церкви при немъ происходило 22 Августа, въ день коронаціи Государя Императора.

(*) Всего же заработано школами, со времени открытія ихъ, около 23½ т. руб. серебр.

БИОГРАФИЯ.

Москвитянинъ обязанъ сообщить своимъ читателямъ печальное извѣстіе о кончинѣ графа Алексѣя Сень-При, котораго сочиненіями нѣсколько разъ украсилось это изданіе.

Знаменитая фамилія графовъ Сень-При принадлежитъ Россіи вмѣстѣ съ Франціей. Три брата ихъ, вѣрные древнему престолу своихъ королей, оставили родину, вслѣдствіе ужасовъ революціи, и нашли себѣ у насъ второе отечество. Старшій вступилъ въ военную службу, и въ санѣ Генералъ-Адъютанта покойнаго Государя, палъ въ рядахъ Русскихъ воиновъ. Средній управлялъ Подоліей, и оставилъ тамъ до сихъ поръ признательную память, подобно своему съотечественнику, Герцогу Ришельё, въ Новой Россіи. Меньшій — ратоборствуетъ во Франціи, во имя родового своего начала, отличаясь правдивостью и твердостью характера среди общей шаткости и непостоянства.

Графъ Алексѣй Сень-При, Перъ Франціи, похищенный теперь смертію у отечества и литературы, былъ сыномъ средняго изъ трехъ братьевъ, женатаго на княжнѣ Голицыной. Онъ родился въ Россіи, въ 1805 году, воспитывался въ Ришельевскомъ лицей, и жилъ здѣсь до семнадцати-лѣтняго возраста. Послѣ первой реставраціи, когда все семейство возвратилось во Францію, молодой Сень-При, кончивъ воспитаніе, служилъ по дипломатической части, съ блестящимъ успѣхомъ, и въ концѣ своего служебнаго поприща занялъ мѣсто посланника въ Бразиліи, потомъ въ Португаліи, и наконецъ въ Даніи. Политическія обстоятельства переменились, и онъ, удалясь отъ дѣлъ, предался литературѣ. Его сочиненія, болѣе или менѣе обширныя, суть слѣдующія: о Королевской власти, объ Іезуитахъ (три изданія), о раздѣлѣ Польши, о покореніи Неаполя Карломъ д'Анжу, братомъ Людовика Святаго, о Герцогахъ Гизахъ. Самобытностію изслѣдованія, свѣтлостію мыслей, новыхъ и оригинальныхъ, любовью къ истинѣ, прекраснымъ слогомъ — онъ снискалъ себѣ вскорѣ почетное мѣсто между современными писателями, и Академія открыла ему свои двери. (Ему случилось говорить похвальное слово вѣдуть двумъ своимъ предѣстникамъ, потому что послѣдній скончался до принятія: это былъ случай, кажется, единственный въ лѣтописяхъ академіи, и новый академикъ исполнилъ свою обязанность съ такою ловкостью, что заслужилъ общее одобреніе.) Читатели Москвитянина знакомы съ нѣкоторыми изъ его произведеній; статья о Гизахъ, переведенная однимъ изъ опытнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, помѣщена была у насъ недавно, почти вполнѣ.

Въ нынѣшнемъ году, послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, пріѣхалъ онъ въ Россію по частнымъ дѣламъ своимъ, и былъ пріятенъ съ особеннымъ радушіемъ и уваженіемъ во всѣхъ кругахъ, начиная отъ высшаго до низшаго. Ему очень пріятна была такая встрѣча; дѣтскія воспоминанія, въ мѣстахъ, гдѣ онъ родился и воспитывался, доставляли ему удовольствіе самое живое; онъ былъ очень веселъ, радовался всѣмъ слѣдамъ давно-прошедшаго времени, отыскивалъ старыхъ знакомыхъ и ровестниковъ, сообщалъ имъ свои литературныя намѣренія, (особенно хотѣлось ему кончить поскорѣе большое сочиненіе свое о Вольтерѣ, гдѣ онъ надѣялся сказать много новаго), думалъ о живомъ, о жизни, а смерть уже закралась въ его тѣло. Онъ занемогъ (*). Болѣзнь казалась незначительною, однакожъ съ самаго начала онъ почувствовалъ, и сказалъ, что не избавится отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ — она усиливалась день отъ дня; больной началъ страдать, перенося свои страданія съ твердостью и спокойствіемъ, хотя мысль о дальнихъ милыхъ должна была преогорчать его душу еще больше болѣзни. Три дня болѣзнь какъ будто бы ослабила свои нападенія. Эти три дня больной посвятилъ Богу, и провелъ ихъ въ безпрерывной бесѣдѣ съ священникомъ, исповѣдовался и пріобщился Св. Тѣни. «Теперь я совсѣмъ спокоенъ и доволенъ», успѣлъ онъ сказать неутѣшному отцу, — который былъ одинъ при немъ изъ всего семейства... Нечего описывать горестъ старца, при потерѣ единственнаго сына... Черезъ нѣсколько минутъ послѣ сказанныхъ словъ, начался бредъ, и чрезъ восемь дней — его не стало, Сентября 15 го дня, 1851 года.

Почтимъ память достойнаго писателя, благороднаго чловѣка, почтеннаго гражданина, почтимъ, передъ его соотечественниками, выраженіемъ вашего сердечнаго участія, искреннаго уваженія и должной признательности.

Покойный былъ женатъ на Графинѣ де-ла-Гишъ, и оставилъ сына Егора, 15 лѣтъ, и двухъ дочерей, Софію и Елизавету; изъ нихъ одна за мужемъ за Графомъ Клермонъ-Тонеромъ, а другая за Графомъ Даркуромъ. *М. П.*

(*) За неделю до своей смертной болѣзни, онъ посѣтилъ мою учебную келью, вѣзъ съ Графомъ Д. П. Буловымъ, и съ живѣйшимъ любопытствомъ осматривалъ мои собранія. Для меня особенно пріятно было услышать изъ его устъ, при первомъ взглядѣ на древнѣйшій мой образъ Св. Георгія: «Это Норманскіе щиты и шлемы, такіе, какіе видны на Матильдинныхъ коврахъ въ Байе.» Щиты и мечи на образѣ Св. Георгія совершенно подобны представленнымъ на картинахъ Борисова житія, о коихъ навѣстала я это самое мѣсто въ прошедшемъ году, въ изданіяхъ Археологическаго общества. *М. П.*

**НѢЧТО ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ, БЫВШЕЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ
УЧИЛИЩѢ ЖИВОПИСИ И ВАЯНІА.**

— Что за нелегкая! Глянь народъ-то, такъ валомъ и валить! говорилъ извощикъ саяшнику, который поместился съ своимъ лоткомъ на тумбѣ тротуара, у воротъ Московскаго Почтамта. Давно ли, — продолжалъ извощикъ, — мимо этого дома проходили да крестились, — и возничій указалъ въ это время на бывшій Юшкова домъ; — а нынче, — продолжалъ онъ, — поди-ка, — и бары, и вслкій народъ въ дверяхъ такъ кишмя и кишить. — Смотри-ка, вѣдь давать другъ дружку; всѣ туда.

Въ то время, къ которому относится рассказъ, публикаціи о выставкѣ картинъ Айвазовскаго и учениковъ Училища Живописи и Ваянія привлекали въ Училище со всей Москвы толпы любопытныхъ, и не рѣдко, можно сказать, проходу не было отъ стеченія публики въ главныхъ дверяхъ зданія.

Вотъ лучшее доказательство расположенія московской публики къ искусствамъ; но въ древней столицѣ, всемъ извѣстно, они только еще укореняются.

— Сколько чертей-то изъ трубъ этого дома повыветыво! снова продолжалъ извощикъ; я, признаться, хоть и неробокъ, а лѣтъ восемь тому назадъ, какъ-то вечеркомъ подвѣзъ, помню, сюда кондуктора. Было темнымъ — темнехошько, зги не было видно, морозъ сильный; я передъ тѣмъ въ трактиръ погрѣлся, и только-лишь кондуктора спустилъ съ саней; глядь..... а изъ трубы-то Юшкова, ни дать, ни взять, вѣдьма; да какая! — я зажмурилъ глаза, да по шгой; а та — какъ въ землю вросла. — Ну, думаю, пропасть; а она-то полоснула мѣтлой въ воздухъ, да черезъ почтамтъ; ужъ чортъ ее знаетъ, куда ее понесло!

До сихъ поръ, саяшникъ, внимательно слушавшій рассказъ извощика, не могъ вступить съ нимъ въ разговоръ, бывши занятъ развѣномъ денегъ при продажѣ двухъ Саекъ — какому-то, какъ у насъ говорятъ — зипуну.

Когда продавецъ просунулъ свой кожаный мѣшокъ въ сапогъ, то улыбнулся, глядя на извощика, и началъ такъ: — эхъ ты деревеньщина! какіе тутъ черти да вѣдьмы! тутъ живутъ художники; хочешь такъ и тебя зановъ живьемъ сдымаютъ! — Я вотъ и самъ, года два тому назадъ, думалъ какъ ты; а какъ постоялъ вотъ у этихъ воротъ, да въ полпивной столкнулся съ натурщикомъ Ивановъ, такъ и вырздумалъ кое-что.

Извощикъ при этомъ предисловіи сълъ на подножки дрожекъ, и съ любопытствомъ разинулъ ротъ передъ раскащикомъ.

— Тамъ бабы-то есть... продолжалъ саяшникъ.

— Да, стой! перебилъ извощикъ, — какъ бишь ты сказалъ, — я что-то не выразумѣлъ: чтожъ за звѣрь этотъ натурщикъ?

— Купи сайку, такъ скажу! — отвѣчалъ саяшникъ.

— Полно, полно, — сказалъ смѣючись извощикъ, — вѣдь я ужъ заплатилъ тебѣ за одну!

— Ну, такъ жди еще вѣдьмы изъ трубы; ужъ напоследокъ — смотри, хватить она и тебя метлой.

Въ ночное время старикъ извощикъ можетъ быть и испугался бы подобныхъ словъ; но при многолюдности улицы, и при шумѣ безпрестанно подъезжавшихъ экипажей къ училищу и въ тоже время къ почтамту, онъ былъ храбръ.

— А я ее кнотомъ! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, не отъѣмаешься, — замѣтилъ саяшникъ; — тамъ есть одна Венера, что ли, заморская (*), кажется такъ называлъ ее натурщикъ Иванъ; такъ будетъ побольше твоей пѣгой, и хоть безъ рукъ, а стѣить ей только съ мѣста подняться, или гаркнуть, такъ поминай какъ звали, бывая вся — вотъ какъ разрѣжешь сайку, и нече сказать, красива!

— Ну, давай сайку! сказалъ извощикъ, — да только скажи, что это такое натурщикъ?

— А вотъ видишь ли, — и мелкій торговецъ, надрѣзавши и подавая сайку, продолжалъ: — это, просто, такой же человекъ, какъ ты да я; да только, видишь, художникамъ нужно, чтобы онъ былъ въ чемъ мать родила, вотъ они...

— Да чтожъ это за птица еще художникъ? перебилъ извощикъ.

— Эге, братъ, я вижу, ты ничего не понимаешь! — сказалъ съ досадою саяшникъ; — слушай! — Въ это время голосъ на улицѣ крикнулъ: извощикъ, въ денежный переулочъ!

Ванька, засунувъ сайку за пазуху, мигомъ очутился на дрожкахъ, и порядился съ мужиною молодыхъ лѣтъ, вышедшимъ съ выставки, съ небольшимъ портфелемъ подъ мышкой.

— А что, батюшка баринъ, что вы изволили смотреть въ этомъ домъ, откуда вы вышли.

— Картины, братецъ! отвѣчалъ свдокъ.

— Да быть не можетъ, сударь; вѣрно еще что-нибудь показываютъ! Вѣдь вотъ на Никитской, знаете, подъ воротами, тоже вѣдь картины, а вѣдь туда такъ много не вѣдаты!

(*) Венера Милосская.

— Тамъ даваны картины вашими братомъ мужикомъ, а тутъ картины даваны тоже русскими людьми, да только ужъ гораздо похитрѣе и лучше,—отвѣчалъ баринъ.

— А нашего брата поди-ка не пустять?

— Незнаю, попытайся!

— Завтра же,—подумалъ про себя извозчикъ, вспоминая о са-
шникѣ, и ударивъ немилосердо лошадь, на минуту смолкнулъ.

— А что, батюшка баринъ,—снова спросилъ ванька,—я вотъ знаю, что такое гудошникъ, а не можете ли сказать — есть еще прозвище, похожее на это; что оно значитъ?

— Не художникъ ли? спросилъ смѣячись съдокъ.

— Вотъ, вотъ, сударь!

— Ну, чтобы объяснить тебѣ короче, такъ скажу тебѣ, что ты везешь художника.

— Правѣе, крикнулъ извозчикъ, и потомъ сказалъ, замотавъ головой: а вѣдь все-таки, батюшка, ничего не понимаю.

— Ну вѣдь ты иконамъ молишься?

— Да какъ же, баринъ!—и извозчикъ, оглянувшись на съдока, перекрестился, минуя храмъ Эвца на Мясницкой.

— Видалъ же вѣдь ты не разъ Минина и Пожарскаго, противъ гостинаго двора?

— Какъ же, сударь, ѣзжалъ и мимо Пожарскаго.... Дюже ребята, богатыри словно; но какъ-то одѣты-то не по нашему; зимой, поди-ка, бѣднякамъ холодно!

— Ну а на Пречистенкѣ провѣзжалъ, я думаю, тоже не разъ мимо новой большой церкви, что строится во имя Христа Спасителя?

— Истинно Божій храмъ будетъ! Воѣ у Батюшки Царя хоромы-то новыя ужъ куда какъ высоки, а противъ церкви-то этой ужъ все не то.

— Такъ и знай, что кто пишетъ иконы, кто Божій Храмъ воздвигаетъ, кто Царю золотые хоромы строитъ, кто богатырей для памяти народу сохраняетъ, тотъ-то и называется художникомъ.

— Ну спасибо, баринъ! сказалъ извозчикъ, приподнявъ на голову шапку; вишь какой ты разговорчивый, родной!

— Эхма! закричалъ вдругъ старикъ, и соскочивъ съ дрожекъ, бросился къ лошади подтянуть подпругу, которая распустилась.

Въ это время перегнала ваньку щегольская пара и остановилась; на дрожкахъ сидѣлъ мушкетеръ среднихъ лѣтъ, одѣтый франтомъ; онъ пригласилъ художника и сѣлъ вмѣстѣ. Последний,

сунувъ гривенникъ въ руку извозчика, поздоровался съ Юрковымъ и принялъ его приглашеніе, и пара помчалась.

— Вы все съ собой взяли? спросилъ Юрковъ.

— Какъ видите! отвѣтилъ художникъ, указавъ на папку и небольшой ящикъ съ красками.

Черезъ нѣсколько минутъ Юрковъ и художникъ остановились у одного красиваго дома на Арбатской улицѣ.

Въ передней ливрейный лакей быстро принялъ пальто съ плечъ франта, но, повидимому, погнушался сдвѣять тоже съ художникомъ, котораго заподозрѣвъ по папкѣ подъ мышкой.

Два молодыхъ барышни этого слуги занимались живописью, и учитель ихъ, точь въ точь, являлся каждую недѣлю два раза въ этой передней съ изношенной портфелью въ рукахъ.

Привѣхшіе вошли въ гостиную.

— Рекомендую вамъ М-г Карандашина; я увѣренъ, онъ такіе сдвѣяетъ вамъ портреты, какихъ не было и на послѣдней выставкѣ.

Художникъ раскланялся съ обществомъ, которое состояло изъ двухъ молодыхъ дѣвицъ, старушки — ихъ бабушки и какого-то старика.

Ахъ, merci, cher oncle; какъ мы рады васъ видѣть, М-г Карандашинъ! сказала блондинка.

Dites moi, je vous prie...—въ это время Юрковъ что-то шепнулъ на ухо другой своей племянницѣ брюнеткѣ, которая сейчасъ же переначала рѣчь по-русски.

— Скажите, кому вы отдаете преимущество на бывшей выставкѣ?

— Мнѣ уже не разъ дѣлали этотъ вопросъ, но на это отвѣчать труднѣе, нежели вы, можетъ быть, думаете, сказалъ Карандашинъ.

— Помилуйте, чтожъ это значить? я сейчасъ васъ рекомендовалъ какъ отличнѣйшаго художника, — вскрикнулъ Юрковъ, роняя на свой жилетъ двѣженіемъ брови лорнетъ, которой до того покопѣлся въ глазной впадинѣ франта.

— Я полагаю, что для болѣе опытнаго художника, нежели я, — такой приговоръ былъ бы еще затруднительнѣе.

— Почему же этотъ спросила старушка, поднявъ свою голову въ чепецъ и облокотясь на столикъ, на который она сложила вязанный ею филе.

— Произведенія искусствъ такъ разнообразны, данныя художниковъ такъ различны; а уже о безчисленныхъ вкусахъ публики и говорить нечего. Потому, чтобы все это по совѣсти разобратъ и взвѣсить, надо гораздо болѣе свѣденій и опыта, нежели я ихъ имѣю; а при большихъ познаніяхъ — и самый отвѣтъ

разростется пожалуй въ цѣлую диссертацию.—Художникъ, не теряя дальше словъ, и видя предъ собою двухъ прекрасныхъ и граціозныхъ дѣвушекъ, думалъ, какъ бы скорѣе начать работу.

—Да я вижу,—вскрикнулъ Юрковъ,—что вы просто теоретикъ, а не пылкій художникъ, какъ я привыкъ воображать истиннаго артиста. При первой нашей встрѣчѣ, вы показались мнѣ совсѣмъ другимъ.—Франтъ засмѣялся и небрежно повалился въ мягкое кресло.

Блондинка и брюнетка вспыхнули, и начали шептаться между собою.

—Я вижу, что вы могли бы много сказать дѣльнаго моему племяннику; но вѣроятно не хотите терять времени, замѣтила старушка, и привѣтливо улыбнулась, видимо желая загладить и смягчить выходку племянника.

—Съ кого же начнетъ М-г Карандашинъ? спросила брюнетка.

—Нельзя ли въ группѣ? спросила блондинка.

—Какъ вамъ будетъ угодно! отвѣтилъ живописецъ.

—C'est vera charmant! поздравляю, Nadine, вотъ настоящая художница!—вскрикнулъ Юрковъ, обращаясь къ блондинкѣ; онъ бросилъ въ пепельницу недокуренную папиросу, и началъ возню со стульями и креслами; перетрогалъ вазы и другія вещи, украшавшія комнату; то опускалъ, то отдергивалъ занавѣсы у окошекъ, придумывая позы дѣвушкамъ.

У художника опустились руки.

—Къ чему все наше изученіе и постоянная, непритворная любовь къ искусству,—когда такому вертопраху дается это такъ легко? подумалъ онъ.

Однако не такъ вышло. Франтъ такъ усаживалъ своихъ племянницъ, что онъ пришли въ немалую на него досаду, а старушка серьезно раскричалась, заключивъ словами: глупо, глупо, это не твое дѣло! и заставила его снова закурить папиросу и опрокинуться въ кресло.

—Ну, посмотримъ, что вы сдѣлаете! ворчалъ онъ 'себя подъ носъ.

—М-г Туристовъ, сказалъ онъ вдругъ, обращаясь къ слишкомъ замѣтно молодившемуся старику, — усадите ихъ, вѣдь вы лѣтъ восемь были въ Италіи, и были коротко знакомы съ знаменитымъ Кипренскимъ!

Сердце живописца при этомъ имени сильно застучало въ груди, и онъ не зналъ еще, кого встрѣтилъ въ этомъ старикѣ. Старушка что-то снова хотѣла сказать племяннику; но замолчала потому, что щеголеватый старикъ въ свою очередь началъ вертѣть стулья, сто-

лнкъ, скамейки, и мучилъ различными посадками (былъ дѣвухекъ боясь въ тоже время измѣять на себѣ голубой жилетъ и манишку заграничной сорочки; такъ-то Туристовъ увлекся своимъ художественнымъ подвигомъ, на который былъ вызванъ подобнымъ себѣ знатокомъ; но все было тщетно.

Умаявшись какъ мартышка падъ чурбаномъ, старикъ оправилъ на себѣ платье, и выпрямивъ приматые воротнички, сказалъ нѣсколько словъ по-итальянски съ комическимъ отчаяшемъ, такъ что Карандашинъ при всемъ неприятомъ положеніи, въ которое былъ поставленъ, не могъ не засмѣяться, что не скрылось отъ глазъ Туристова.

— *Diavolo*,—вскрикнулъ послѣдній, — никакъ не могу вспомнить... видѣлъ я одну группу въ альбомѣ Кипренскаго, какъ досадно *Parlate italiano?* спросилъ старый щеголь Карандашина.

— Что вамъ угодно? спросилъ художникъ.

— *Mais il ne parle donc, ni français, ni italien*, вѣроятно не былъ и за границей—замѣтилъ съ презрѣніемъ и почти вслухъ старикъ.—Отъ чего вы не призвали Швинга съ Тверскаго бульвара? Какая же разница: съ тѣмъ и поговорить можно; да и внуки ваши отъ него что бы-нибудь переняли, сказалъ онъ старушкѣ, опять такъ, что Карандашинъ могъ слышать.

— Да вѣдь разница и въ цвѣтъ, батюшка! Однако этого рекомендовалъ В. А. Тропининъ, — отвѣтила старушка.

— Кто этотъ Тропининъ? спросилъ Юрковъ.

Художникъ въ эту минуту готовъ былъ разбить въ дребезги свой ящикъ съ красками, но какихъ порывовъ не сдерживаетъ приличіе.

— Какъ, племянничекъ, ты родился здѣсь въ Москвѣ, воспитывался въ Университетѣ, и не знаешь Тропинина!

— Ахъ, *ma tante*, да куда же ихъ всѣхъ знать! мало ли ихъ?

— Ну, такихъ не много, мой голубчикъ, — да и батюшки-то твоего покойнаго портретъ написанъ вѣдь этимъ же почтеннымъ художникомъ. Какъ же ты этого-то до сихъ поръ не зналъ? глупо, глупо!

— Совершенно позабылъ, *ma tante*. — И точно глупая и неловкая улыбка появилась на лицѣ племянника.

— По этой-то рекомендаціи я имѣю еще въ виду пригласить Г. Карандашина учителемъ для Нади и Вѣры—сказала старуха Туристову.

— Охъ ужъ эти учителя! у меня ихъ было, покрайней мѣрѣ, до десяти, и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, и въ Парижѣ, но рывительно

или чему не научились, сказали уже совершенно вслух и безцеремонно старикъ.

Карандашникъ, поблѣднѣвъ, замѣтилъ ему перерывавшимся отъ досады голосомъ: — не имѣю чести васъ знать, но долженъ сказать вамъ, что никакія усилія учителей ничего не могутъ сдѣлать, если въ ученикѣ нѣтъ дарованія и способностей; а у меня правило: если въ моихъ ученикахъ не замѣчаю таланта, то отъ нихъ отказываюсь.

Блондинка и брюнетка съ трудомъ сдерживали смѣхъ, а старушка поднесла платокъ ко рту, и принужденно закашляла, что не мало ободрило Карандашника, который началъ упрекать себя за горячность. Туристовъ бросилъ презрительный взглядъ на художника, небрежно поднялся съ дивана, раскланялся съ обществомъ, и безъ сомнѣнія не поклонился отпущившему за себя артисту, который во время общихъ поклоновъ взглянулъ на часы, и подумалъ: вотъ еще новый врагъ!

— Чортъ возьми, вотъ узнаю теперь художника! шепталъ Франтъ своимъ кузинамъ, — ай да Карандашникъ!

— Вамъ только помѣшали, сказала старушка художнику; не угодно ли вамъ заняться вашимъ дѣломъ, а ты, племянничекъ, съѣзди-ка въ русскія изданія, да купи гарусу: у Вѣрочки на попугалъ двухъ цвѣтвъ недостаетъ. Вотъ обращикъ. Приведешь обѣдать?

— Не знаю, ма tante, не дожидаетесь! И Юрковъ утѣгалъ за гарусомъ.

Художникъ просилъ извиненія у старушки, что позволилъ себѣ излишне горячее обращеніе съ Туристовымъ, на что услышалъ:

— Э, батюшка, порядкомъ вѣкъ вамъ онъ надомъ. Правда, что лѣтъ восемь ѣздилъ по Европѣ, со всеми знаменитѣстями познакомился: самому теперь, я думаю, за пятьдесятъ стукнуло; а такую иногда гиль несетъ, что уши вянутъ. Я въ молодости сама провела три года въ Италіи, и такъ теперь счастлива, что вела тогда свой дневникъ, да и цвѣточный альбомъ у меня до сихъ поръ сохранился. Самой взглянуть весело!

Въ это время художникъ заранѣе, во время предшествовавшихъ разговоровъ, обдумавшій обстановку группы, усадилъ обвѣхъ сестеръ просто, но мило, что очень понравилось старушкѣ, такъ что она сказала:

— Не всегда можно принимать пословицу: умъ хорошо, а два лучше. Племянника-то мнѣ легко было бы и выгнать; а этотъ болтунъ Туристовъ — посторонній человекъ; какъ нарочно принесло его.

— Ахъ, бабушка, глупой человекъ, да еще обѣхавшій Европу, это самая ужасная вещь! вскрикнула блондинка.

— Сиди, сиди смирно! сказала старушка. — Какъ ваше имя, Г. Карандашинъ? спросила она.

— Дмитрій Дмитриевичъ.

— Видишь, Дмитрій Дмитриевичъ навидывается абрисъ.

Художнику было плохо. Пасмурное сырое небо отнимало у него надежду начать портреты крѣсками въ первый сеансъ; а чрезъ полчаса наступила такая темень, хоть бы подать свѣчи.

— Извините, нѣтъ никакой возможности работать! сказалъ Карандашинъ, вставая съ своего мѣста.

— Что же, дѣло не къ спѣху, Д. Д-чъ! Вѣдь если вамъ здѣсь нельзя заниматься, то и дома тоже. Я старуха простая, и предлагаю вамъ у насъ отобѣдать, а между тѣмъ внучки мои покажутъ вамъ свои рисунки. У меня есть еще на васъ виды, именно; просить быть ихъ учителемъ. Взгляните, пожалуйста, можетъ быть она талантливѣе Туристова, — и старушка улыбнулась.

Объ дѣвушки выбѣжали изъ гостиной.

Необыкновенная доброта и умъ старушки очень расположили къ ней художника и сдѣлали его развязнѣе и словоохотнѣе. Онъ благодарилъ за предложенія, на счетъ же способностей дѣвушекъ не сомнѣвался, когда проглядывалъ принесенныя ими портреты. Тутъ были рисунки и карандашемъ, и сепией, и акварелью.

— Богъ знаетъ, что бы я заплатила, чтобы работать такъ акварелью, какъ работаетъ Воробьевъ! — сказала блондинка. — Помните на выставкѣ его Турку, молящагося старика, потомъ портретъ художника Соврасова. Это прелестъ!

— Совершенно согласенъ съ вами; головы его прекрасны; только можно пожелать ему еще болѣе точнаго, тщательнаго рисунка въ другихъ частяхъ, какъ напр. въ рукахъ.

— Присядьте-ка сюда поближе, Д. Д-чъ. У меня, на старости лѣтъ, иногда слова ходятъ мимо ушей.

Карандашинъ поместился около рабочаго столика старушки; тутъ же усѣлись и объ дѣвушки.

— Обратили ли вы особенное вниманіе на пейзажи Соврасова, того самаго, котораго портретомъ вы сей-часъ восхищались? спросилъ художникъ у блондинки.

— Отъ зимы его вѣтъ холодомъ; и какая мягкая, пріятная кисть; какая удачная группировка картины; какая тишина въ этомъ замарашемъ воздухѣ!

— А какова его Москва съ Иваномъ Великимъ?—обратилась брюнетка къ бабушкѣ.

— А вотъ спроси у художника! свои-то мнѣнія, домашнія, намъ уже известны, сказала послѣдняя.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, отвѣчалъ Карандашинъ, нѣсколько разъ грозовыя тучи виснули надъ Москвою, чему я былъ очевидцемъ два раза съ Воробьевыхъ горъ, и надо отдать справедливость Соврасову, что онъ передалъ этотъ моментъ чрезвычайно вѣрно и жизненно: видишь движеніе тучъ и слышишь шумъ вѣтвей дерева и замотавшейся травы,—быть ливню и грозъ. Такова картина.

— У него на картинѣ, — прибавила брюнетка, —солнышко прорвалось сквозь тучи и бросило лучи на Кремль, какъ бы не желая съ нимъ разстаться, какъ намъ, призываюсь, не хотѣлось бы разстаться съ самой картиной.

— Очень пріятно видѣть, что въ такое короткое время существованія училища, появляются такіе замѣчательные таланты, — сказала хозяйка.

— Я былъ въ 1839 году въ Москвѣ, —замѣтилъ Карандашинъ;— тогда художественный классъ помѣщался на большой Дмитровкѣ, въ домѣ Павлова. Тогда же я привезъ изъ Академіи бывшимъ преподавателямъ училища, покойному Дурнову и изнеможенному теперь болѣзнію В. С. Добровольскому, дипломы на академиковъ. Была выставка, и покойному директору класса М. Ф. Орлову они меня рекомендовали, какъ пріѣзжаго изъ Петербургской Академіи; послѣдній, сознавая всю недостаточность средствъ класса, встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— Классъ нашъ составляетъ переднюю вашей Академіи!

Это парадная лѣстница, — хотѣлъ я сказать; но языкъ мой не ворочается на комплементы. А какъ бы теперь порадовался покойный выставкѣ училища!

— Вотъ еще Шухвостовъ! замѣтила блондинка, —сколько правды въ его перспективахъ!

— Да, —отвѣчалъ Карандашинъ, — начиная съ общаго тона картины до каждой малѣйшей вещи; такъ у него во внутреннихъ видахъ Успенскаго собора и собора въ Ярославѣ; и съ какою любовью работаетъ этотъ художникъ!

— Впрочемъ, безъ любви можетъ ли существовать искусство, возразила старушка.

— Существуетъ, отвѣтилъ Карандашинъ. И тогда любовь замиляется заносчивостью и хвастливостью, за которыми почти всегда

рядомъ идетъ зависть. Повѣрьте, тотъ художникъ, который, критикуя замѣчательное произведеніе, обращающее на себя вниманіе всѣхъ, рассказываетъ во всеуслышаніе о томъ, какъ бы, по его мнѣнію, следовало пересоздать такую-то картину,—повѣрьте, говорю вамъ, не любить онъ искусство для искусства, а привязанъ къ нему ради себя; не теплое чувство изящнаго бьется въ это время въ его сердцѣ; но имъ руководствуетъ одно чудовищное самолюбіе. Онъ не способенъ восхищаться ни чѣмъ, что приходитъ къ нему извне; только собственными его произведеніями кажутся ему чѣмъ-то небывальнымъ; и часто такой художникъ, безъ зазвѣнія совѣсти, хвалитъ себя и удивляется своимъ работамъ; и, безъ сомнѣнія, ставитъ себя выше всѣхъ уже потому, что, на словахъ, можетъ переименовать всѣ картины, какого бы рода и содержанія онѣ ни были, а взглянешь поближе, такъ на двѣ — онъ не въ состояніи написать хорошаго портрета.

— Вотъ ужъ никакъ не думала, чтобы искусство не опиралось на любви! сказала брюнетка.

— Только разберите жизнь Рафаэля и Микель Анжело, какъ высшія геніальныя проявленія—въ одномъ любви, а въ другомъ высокомерія и гордости, и тогда убѣдитесь.

— Объясните же намъ эту разницу между двумя великими художниками! просила блондинка.

— Я вамъ могу доставить объ этомъ предметъ мою статью въ рукописи, также нѣчто и о различіи Кановы съ Торвальдсономъ, сказалъ художникъ. — Я предлагаю вамъ это какъ будущій зацѣ учитель.

— Однако надо велѣть подать свѣчи; ужасно темно! — сказала старушка, позвонила въ колокольчикъ, и вновь повела разговоръ о выставкѣ.

— А что вы скажете о бурѣ Айвазовскаго?

— Объ Айвазовскомъ позвольте сказать вамъ повоинъ; а теперь, чтобы не позабыть, скажу между нами о встрѣчѣ съ Гюденемъ. Я видѣлъ передъ бурей Айвазовскаго этого извѣстнаго французскаго живописца морскихъ видовъ, который былъ въ восхищеніи, отнюдь не притворномъ и не приторномъ; но велѣлъ за тѣмъ, въ чадѣ своей національной гордости, онъ наговорилъ такъ много глупостей и нелѣпостей о себѣ, объ Айвазовскомъ и даже о самой Москвѣ, что всѣ мы, обѣдавшие съ нимъ, рѣшили вести разговоръ по-русски и не обращать на него вниманія, которымъ до того онъ отъ всѣхъ насъ пользовался. Странно... замѣчательный французъ, даже за тонкимъ, вкуснымъ обѣдомъ, не могъ замаскировать своей

грубости и невжества; а вѣдь они мастера на это! Хвастовство его не имѣло предѣловъ; вѣроятно, онъ думалъ, что объѣдетъ съ готтентотами.

— Съ издавна у насъ эти господа страшно избалованы; сверхъ всехъ достоинствъ они еще отличаются нахальствомъ, и стыдно сказать, — прибавила хозяйка дома, — но этимъ-то больше и выигрываютъ. — Скажите ваше мнѣніе о бурѣ Айвазовскаго!

— О бурѣ могутъ судить люди видавшіе море, видавшіе Адриатику, море Средиземное, океанъ, и видавшіе бури; да и ты, уверяю васъ, далеко не настоящіе судьи, потому что красоты, которыя ловить глазъ художника, самое разнообразіе красотъ, котораго ищетъ пытливая наблюдательность опытнаго артиста, большею частію остаются незамѣченными другими людьми, занятыми совсѣмъ другимъ. Скажите сами, придетъ ли въ голову негоціанту, большинству туристовъ, или тому, кто возвращается съ минеральныхъ водъ, или тому, кто проигрался въ рулетку, — придетъ ли въ голову этимъ людямъ, ядущимъ, примѣрно, на пароходѣ, слѣдить за ходомъ валовъ, за пресѣченіемъ солнечныхъ лучей на ихъ поверхности, слѣдить за всеми мгновенными движеніями бунтующей стихіи, слѣдить за всею игрою и гармоніею красокъ, какими, напримеръ, отличается Неаполитанскій заливъ? Положимъ, они могутъ быть поражены общимъ видомъ моря безсознательно, положимъ, что некоторые изъ нихъ и замѣтятъ нѣсколько красотъ въ частности; но могутъ ли они уяснить себѣ всѣ тонкости этихъ красотъ и усвоить ихъ своей памяти, что именно, по преимуществу, принадлежитъ талантливой натурѣ художника, которому суждено быть живописцемъ моря самою судьбою; онъ родился у моря, выросъ въ морѣ и прославилъ себя моремъ. Въ бурѣ Айвазовскаго столько свѣту, что его хватило бы на пять картинъ иному художнику; вода прозрачна; вода бушуетъ; вода поражаетъ естественностью. Вотъ все, что могу сказать вамъ о бурѣ Айвазовскаго.

— Вы меня начинаете убѣждать, — замѣтила старушка, — что на сущѣ мы еще можемъ судить; но обсуживать бурю Айвазовскаго труднѣе; а вѣдь сколько было нелѣпыхъ сужденій объ этой картинѣ; и всѣ такъ отзывались легко, даже небрежно.

— Это общій духъ большой части посѣтителей, замѣтилъ художникъ. Всѣ хотятъ корчить знатоковъ, это общая зараза зъ настоящее время. Будьте уврены: легче накинуться на недостатокъ въ художественномъ произведеніи, нежели прочувствовать его красоты. Промахи можно указывать и вслѣдствіе нелѣпой наслышки,

а для сочувствія прекрасному пужно эстетическое образованіе, къ которому у насъ, говоря откровенно, проложена дорога еще не многимъ.

Раздался звонокъ, и явился Юрковъ съ нѣскою гарусовъ.

— Вотъ опоздалъ! сказала старушка. Тебѣ знатку не мѣшало бы послушать рѣчей художника, а то все толковалъ, что въ бурѣ Айвазовскаго воздухъ похожъ на золотую парчу. Вѣдь придется же въ голову!

— А, ужъ это не г. ли Карандашинъ нашелъ красоты въ этой бурѣ! Понятно, своихъ отстаиваетъ! сказалъ Франтъ, отдавая гарусъ старушкѣ.

— Не своихъ, но отстаиваю свое, г. Юрковъ; отстаиваю вообще искусство,—отвѣтилъ разгорячась Карандашинъ,— которое, вы полагаете, обсуживать легко, не изучая его и не слѣдя за нимъ постоянно. Вы привыкли смотреть на картины и статуи какъ на игрушки, которыя можетъ ломать и чинить капризъ любителя. Не забудьте, г. Юрковъ, что искусства появлялись всюду лишь вслѣдствіе возникшей образованности.

— Однако, послушайте...—хотѣлъ сказать Юрковъ; но хозяйка дома перебила его и сдѣлала вопросъ художнику:

— Я слышала, что Айвазовскій въ послѣднюю бытность въ Москвѣ много произвелъ очень замѣчательнаго?

— Онъ написалъ три картины Г. Купелево-Безбородкѣ, изъ которыхъ видъ Константинополя при вечернемъ солнцѣ и буря у береговъ Крыма особенно хороши; эти картины отосланы въ Петербургъ. Еще онъ сдѣлалъ двѣ картины гг. Солдатенковымъ; одна изъ нихъ, большая буря, очаровательна; потомъ онъ написалъ двѣ картины князю Юсупову, одну г. Лорису-Меликову, одну г. Четверикову, и двѣ маленькія бури. За исключеніемъ картинъ, принадлежащихъ Куш.-Безбородкѣ, остальные, безъ сомнѣнія, будутъ на слѣдующей выставкѣ училища.

— Замѣчательный также талантъ—это Новоковичъ!—замѣтила старушка.

— Его одалиска верхъ совершенства!—вскрикнулъ Юрковъ.

— Ну, мое мнѣніе не таково,—сказала хозяйка дома.—По моему Вакханка и купающаяся Итальянка несравненно лучше и варисованы и написаны. Права ли я, Д. Д.—чѣ?

— Я раздѣляю ваше мнѣніе, отвѣтилъ послѣдній, и скажу еще, что этотъ художникъ развивается необыкновенно быстро; нельзя не порадоваться, глядя на его успѣхи.

— Давай Богъ всемі! сказала старушка. Не правда ли, Д. Д.—чѣ, швейка Лялина также очень мила?

— Это одна изъ лучшихъ ученическихъ работъ, — отвѣчалъ Карандашинъ. — Въ ней нѣтъ ни претензіи на эффектность, ни того сліянiя красокъ на тѣлѣ, какъ на персикѣ, на что усиленно налегаютъ менѣе опытные, добиваясь колорита. Поза естественна, граціозна; обстановка характеристична.

— Такъ же отличаются естественностью и силою, — продолжалъ Карандашинъ, — двѣ головы стариковъ-Капуциновъ Лобова и Турчаннинова, и голова турки, работы Грибкова. Они пошли на правду въ живописи; а съ этимъ направлеиіемъ можно достигнуть многого хорошаго.

— Скажите, мсье Карандашинъ, — спросила брюнетка, — на выставкѣ были портреты Орлова, совершенно несходные между собою по манеру.

— Вы смѣшиваете однофамильцевъ, — отвѣчалъ Карандашинъ: портреты семейства г. Гальотера принадлежатъ Орлову бывшему ученику здѣшняго училища, очень даровитому художнику; но его, семейная картина, къ сожалѣнію, не окончена, не выдержана, особенно въ головкахъ дѣтей. — Портретъ же г. Салдатенкова написанъ прошлымъ лѣтомъ, другимъ Орловымъ, въ Римѣ, гдѣ этотъ художникъ проводитъ осьмый или девятый годъ въ постоянныхъ трудахъ, обращающихъ на себя общее вниманіе Рима, — и рѣдкій изъ русскихъ путешественниковъ-любителей не заказываетъ ему портрета.

— Ma tante, видѣ пора обѣдаты замѣтилъ Юрковъ, разглядывая часы и закрывая зѣвающій ротъ.

— Заговорились, — сказала старушка.

— Онъ такъ надоелъ, — сказала Юрковъ на ухо блондинкѣ, кивая головой на Карандашина, — а тетка слушаетъ-не послушается. Блондинка покачала своей хорошенькой головкой.

— Мнѣ очень понравились акварели Рыбинскаго, — сказала брюнетка, — помните сцены Нижегородской ярмарки?

— Въ нихъ очень много жизни и движенія; а въ той, гдѣ помѣщенъ былъ и самый видъ Нижняго, очень хорошъ былъ и общій тонъ картинки. Рыбинскій работаетъ необыкновенно быстро; разнохарактерныя толпы народа схвачены имъ какъ будто чрезъ дагерротипъ, такъ естественно онѣ группируются; но вмѣстѣ съ тѣмъ быстрота работы вводитъ этого художника иногда въ нѣкоторыя погрѣшности рисунка, чего впрочемъ ему такъ легко избѣгнуть. — Въ это время дакей внесъ въ гостиную закуску.

— Соловья баснями не кормят! — сказала Юрковъ, вставая съ кресель.

— Отъужь ты неутомонный соловушка, возразила хозяйка дома, также вставая съ дивана, съ помощію обхватъ дваушекъ.

— А чтоже вы ни слова не сказали о видѣ Москвы Аммона? спросилъ Юрковъ, закусывая глотокъ водки жирной сардинкой.

— Я не брался читать годовый отчетъ училища, а бесѣдовалъ съ вашими родными; къ тому же мы о многомъ еще не упомянули, — замѣтилъ Карандашинъ. — Если же вамъ угодно знать объ этомъ художникъ мое мнѣніе, то я не прочь. Точка, съ которой выбранъ видъ на Кремль, очень удачна, группировка строеній богата, игра контуровъ совершенно удовлетворяетъ глазъ; однимъ словомъ, линейная красота составляетъ главное въ картинѣ; но на этотъ разъ художникъ покусился разнообразіемъ красокъ, и потому мало игры въ тонахъ, мало воздушной перспективы.

— Люблю, что вы не задерживаетесь въ вашихъ сужденіяхъ, — замѣтилъ насмѣшливо Юрковъ.

— Это, кажется, не должно удивлять васъ, возразилъ Карандашинъ, — потому что я постоянно находилъ и нахожусь въ сферѣ художнической; къ тому же поставлю долгомъ судить о произведеніяхъ искусства всегда по первому впечатлѣнію, пока еще не успеютъ прожужжать уши самолюбивыя осы, эвистивные шмели и другія докучливыя насекомыя, въ которыхъ обращалъ Грандивль и самыхъ людей.

Едва Юрковъ успѣлъ проглотить послѣдній кусокъ закуски, какъ вошелъ лакей, и доложилъ, что кушать подано.

Усевшись за столъ, и естественно имѣли о выставкѣ смѣнились одною общемою мыслию не обжечь себя языкъ очень горячимъ, но вмѣстѣ очень вкуснымъ супомъ. Водворилась тишина, только слышалось за спиной каждаго изъ обѣдающихъ: хересь, лантъ; за третьимъ блюдомъ старушка обратилась къ Карандашину съ упрекомъ, что онъ какъ бы церемонится и не пьетъ вина.

— Вѣдь мы васъ мучили давеча вопросами за-просто, такъ и васъ прошу быть съ нами не на китайской ногѣ да я хочу вамъ слышать еще два-три вопроса, сказала хозяйка дома.

— Съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ, если они касаются моего предмета, — отвѣтилъ Карандашинъ.

— Скажите, почему о превосходномъ пейзажѣ *Мюера* такъ мало говорили въ публикѣ?

— Это объяснить не трудно—началь Карандашинъ. — Отсутствие всякой эффектности, тихіе, почти недвижные, иногда какъ бы задумчивые моменты природы, до сихъ поръ отличали кисти Меера; чтобы поставить себя въ возможность любоваться, напримеръ, пышнѣею его картиной, надобно отрѣшиться отъ тѣхъ впечатлѣній, которыми опутываютъ зрителя поразительные эффекты и пестрота красокъ другихъ видѣнныхъ картинъ; надобно смирить въ себѣ ту раздражительную впечатлительность, которая можетъ быть возбуждена лишь новыми, чаще не естественными эффектами, надобно изойти до той тишины, которою дышетъ сама природа въ картинѣ Меера, и тогда возникаетъ симпатія къ тѣмъ безматежнымъ красотамя, которыя понимаются лишь покойнымъ зрителемъ, умѣющимъ оцѣнить и тѣ произведенія, которыя не кидаются въ глаза публикѣ съ перваго раза.

— Bravo! вскрикнулъ Юрковъ, паливая хересь художнику и себѣ. И я начну брать у васъ уроки!

— Постой, не перебивай! сказала старушка, врядъ ли согласится Д. Д.—чь учить тебя; ужъ позднечко; а вотъ проучить такъ не мѣшало бы!

— Да и въ самой природѣ повторяется съ человекомъ, мнѣ кажется, тоже самое,—замѣтила блондица.—Я помню, продолжала она, когда мы жили въ Малороссіи, бывало, цѣлыя толпы гостей идутъ по полянѣ, идутъ прольскомъ, и никому нѣтъ дѣла до живописнаго вяза, и напрасно красуется передъ ними вѣтвистый дубъ; а какъ только налетитъ гроза, замотаютъ вѣтвями и вязъ и дубъ, такъ просыпается вниманіе къ тому, чего прежде не замѣчали.

— А ужъ если дерево раздроблено ударомъ молніи,—прибавилъ Карандашинъ,—то тутъ и конца не будетъ ахачьямъ и удивленіямъ красотамя его!

— Больше поражающее и масса публики доступнѣе,—замѣтила старушка. — Этимъ, кажется, и можно пояснить тотъ восторгъ, который произвела на выставкѣ копія *Турчанинова* съ Гранета.

— А я въ свою очередь,—сказалъ Карандашинъ,—объясняю этимъ трудность пониманія скульптуры, столько спокойной и въ добавокъ не имѣющей красокъ.

— Мы все говорили о живописцахъ, а что вы скажете, М-сье Карандашинъ, о работахъ скульпторовъ? —спросила брюнетка.

— Я имѣю причины быть къ нимъ пристрастнымъ, и потому уклоняюсь отъ вашего вопроса,—отвѣтилъ Карандашинъ.

— А почему же вамъ и не сказать объ нихъ? замѣтила старушка.— Гладіаторъ *Милославскаго*, игрокъ въ городки *Иванова*, работы *Мейкова* и звери *Бровскаго*, не говоря о другихъ, по моему, очень замѣчательны.

— Всѣ четверо, вами названные, — отвѣтилъ Карандашинъ — обладаютъ большими способностями; а всѣхъ скульпторовъ теперь, какъ я знаю, въ училищѣ одиннадцать человекъ. Вотъ все, что могу сказать вамъ.

— Довольно и этого! шепнулъ Юрковъ блондинкѣ, взявши въ руку бокаль, наполненный шампанскимъ.

— За процвѣтаніе искусствъ въ Москвѣ! — предложила тостъ старушка.

Тостъ былъ принятъ единодушно, и будущія ученицы Карандашина то же прильнули губками къ бокаламъ.

Н. Рамазановъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ СЕЛѢ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ.

Село *Архангельское*, на берегу Москвы рѣки, любимое мѣсто прогулки для Московскихъ богатыхъ жителей, столько знаменитое прекраснымъ мѣстоположеніемъ, произведеніями искусства, обширнымъ садомъ, богатыми оранжереями, многочисленной библіотекой, опустѣлое въ продолженіи многихъ лѣтъ, — огласилось опять кликами жизни и веселія. Молодой князь Юсуповъ, котораго имя сдѣлалось столько извѣстнымъ и любезнымъ для всѣхъ друзей добра по поводу прекраснаго его пожертвованія, въ память объ родителяхъ, на содержаніе въ Петербургскомъ университетѣ бѣднаго студента, занимающагося преимущественно Русскою Исторіей и Словесностью — давалъ тамъ великолѣпный праздникъ 4 дня, для высшаго Московскаго общества.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА.

Въ томъ вновь прибрѣтенномъ мною Сборникѣ, о коемъ сообщилъ я извѣстіе въ последнемъ номерѣ Москвитянина, въ самомъ началѣ, то есть съ 627 стр., помѣщенъ прекрасный списокъ Судебника, коему недостаетъ только послѣднихъ пяти статей. За тѣмъ слѣдуетъ посланіе Макарія Митрополита Царю Иоанну Васильевичу, выписка изъ кормчей, изъ родословныхъ, летописей и проч. Ахъ, еслибъ добратся, куда дѣвалась первая половина Сборника. Въ прошломъ году, слышалъ я, былъ привезенъ въ Москву отличный Стоглавъ съ ярмарки; не составлялъ ли онъ первую половину этого Сборника? Кромѣ его тотъ же торговецъ

привезъ мнѣ Подлинникъ, хотя краткій, но хорошій, съ нѣкоторыми изображеніями по краямъ; Цвѣтникъ, или собраніе житій и словъ; мѣдное изображеніе Авраама, Исаака и Иакова въ раю, глубокой древности, — у меня было уже подобное, но совершенно стершееся, и безъ оборотнаго изображенія; Св. Георгія, весьма древнее (въ храмилицѣ есть 23 разныхъ изображеній, но это новый вариантъ); Св. Николай, также новой вариантъ, подобіе Черниговской такъ называемой гривны, только безъ Русской надписи; Св. Бориса и Глѣба на коняхъ. Цѣнь съ гривною, о коей писалъ я прежде, на ярмарку не была привезена, а ожидается въ Москвѣ. По слухамъ она должна быть не Русская, а Болгарская, или Татарская. Другой мой комиссіонеръ, Д. В. Пискаревъ, привезъ мнѣ Острожскій часословъ, неизвѣстный библиографамъ, съ слѣдующимъ послѣсловіемъ: «Бога благаго благостію въ Троици хвалимаго напечатана бысть сія книжица часословъ глаголемая, учении ради отрочамъ, повелѣніемъ благочестиваго князя Константина, во свѣтомъ крещеніи нареченнаго Василія, княжата Острожскаго и проч., въ богоспасаемомъ отчизномъ градѣ его Острожѣ взято отъ созданія міра 7210, а отъ плоти зароженія Сына Божіа Христа истинаго Бога и Спаса нашего а х в мѣсца Декабря дня 10. М. П.

Господиновъ Ф. В.—въ помѣстилъ въ Москов. Вѣдомостяхъ еще статью, исполненную начитанности, учености и правды, о томъ же предметѣ, о которомъ мы отозвались въ 16 номерѣ Москвитянина, — но мы все таки остаемся при прежнемъ нашемъ убѣжденіи, что изъ двухъ старыхъ обмолвокъ, Д. И. Фонъ Вазина и князя Вяземскаго, не стоило поднимать столько шума, какъ говорить Шекспиръ,—и возводить на послѣдняго такое сильное обвиненіе.

Въ Москву привезенъ богатый *анатомическій Музей*. Собиратель его—Моравянинъ, г. Навратиль. Любителямъ естественныхъ знаній советуемъ посѣтить его непременно, и мы увѣрены заранее, что любопытство ихъ удовлетворится вполне. Здѣсь увидятъ они постепенное развитіе челоука отъ семидневнаго зародыша до полнаго развитія—(10-дневный плодъ, 2, 3, 4-хъ-недѣльный и такъ далѣе—42 степени). зародыши разныхъ животныхъ, глазъ со всеми своими частями, увеличенными въ 25 разъ, слуховой органъ, увеличенный въ два раза, устройство и расположеніе внутренностей, сердца, мозга, женщины, которая раскладывается на все составныя части, разные игры природы, изображенія важнѣйшихъ операций, болѣзней, и проч. и проч. Препараты сдѣланы отлично изъ воска; другіе, натуральные, сохраняются въ спиртѣ.

С М Ъ С Ъ.

Л В Ж А В О В Ш А Ъ.

Деревенскіе очерки ()*.

I.

На улицѣ снѣгъ валилъ хлопьями.

Въ крайней ветхой избушкѣ, на лавкѣ, опершись руками на бѣлый сосновый столъ, и грустно склонивъ на нихъ голову, сидѣлъ парень, въ тонкой пестрядиной рубашкѣ, съ зачесанными за уши, косымъ проборомъ, темнорусыми кудрями, съ черными глазами, съ атлетическими, обнаженными до локтей руками, и правильнымъ русскимъ очеркомъ чуть опушившагося лица. На глазахъ его на-вернулись слезы. Долго сидѣлъ онъ молча, и только судорожныя движенія его рукъ, которыми онъ, по временамъ, то судорожно сжималъ свою голову, то съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, безсмысленно, теръ изо всей силы столъ, обнаруживали глубокую тоску его сердца. Наконецъ онъ поднялъ глаза, обвелъ грустнымъ взглядомъ избу, и зарыдалъ.

— Родимая ты моя! — началъ причитывать парень, — и не почиталъ-то я тебя, и не поилъ-то я тебя, и не кормилъ, не слокоилъ твою старость!... И не спрашивала ты ничего отъ мепя, а сама все мнѣ же наровила, — да вѣдь ты думала, что я не люблю тебя!... Богъ видитъ, любилъ ли я тебя!...

Сю минуту только проводилъ парень мать свою на вѣчный покой — и остался одинъ, какъ персть, съ своей злодѣйкой бѣдностью, да съ своей безталанностью.

Грустно посматрѣвъ онъ на заплѣсневлія отъ сырости палаты, на перегородку, надъ которой на брусу лежали, давно забытыя, рѣшета и сита, деревянныя большія чашки, горшки, уполовникъ, косарь, щепаная лучина, — и еще грустнѣе стало ему: и вспомнилъ онъ, какъ третѣднись еще только, черезъ силу переломивъ свою немочь, старушка напекла блиновъ, и кликала туда, за

(*) Считаю необходимымъ предупредить читателя, знакомаго съ нашими народными бытомъ только по книгамъ, по большимъ дорогамъ и окрестностямъ столицъ, что, какъ ни много покажется ему буквѣлическимъ въ моемъ разказѣ, не смотря на то, онъ болѣе или менѣе вѣренъ съ дѣйствительности, и вынесенъ изъ того захолустья чисто русской жизни, куда не успѣло еще проникнуть вліяніе городское. *А.*

перегородку, къ лавку, своего Левку, и маслила своему родимому горячіе блины пасбираннымъ по добрымъ людямъ въ Петровки маслецомъ, и дѣлала ему изъ пасбиранныхъ же яицъ яичницу. И не было у старухи въ жизни другой заботы, кромѣ своего ненагляднаго. И вспомнилъ онъ, какъ за такую любовь старушки, онъ только озарничалъ съ нею, бражничалъ по деревнѣ съ ребятами, да тѣшился въ хороводахъ да въ посидѣлкахъ съ дѣвками, а дѣла своего не знавалъ и не дѣлывалъ.

— Прости меня, матушка! — сказалъ онъ, всхлипывая; потомъ всталъ и началъ молиться Богу.

Сдѣлалъ онъ три креста, положилъ три земныхъ поклона, — на четвертомъ рука его остановилась на лбу и не кончила креста: вспомнилъ онъ, взглянувъ на тѣло, какъ старушка, кончалась, все поднимала къ образамъ глаза, потомъ глядѣла на него, и будто что-то силилась ему сказать, и дѣлала рукою движенія, какъ будто силилась указать туда. Поручала ли только она этимъ Богу своего сына, или хотѣла что-нибудь передать, завѣщать ему — не могли тогда понять и догадаться. Но теперь у Левки пронеслась въ головѣ какая-то мысль: онъ всталъ на лавку, снималъ съ тѣла всѣ образа, осматривалъ его, но ничего особеннаго не нашеть. Остановившись на минуту въ раздумьѣ, онъ снялъ потомъ древніе медные кресты и образки со стѣны и синюю исписанную грамотку, прибитую подъ нихъ, и — подъ грамоткой оказался квадратикъ изъ чуть замѣтныхъ щелокъ. Увѣренность въ догадкѣ увеличилась. Онъ взялъ со стола ножъ, выворотилъ имъ крышку сдѣланнаго въ стѣнѣ потайнаго ящичка — и изъ него посыпались на лавку цѣлковики. Мать и изъ могилы подала своему дѣтищу руку помощи. Онъ торопливо, какъ будто боясь, чтобъ кто не подсмотрѣлъ и не лишилъ его такъ чудно открытаго сокровища, подобралъ съ лавки цѣлковики, счѣлъ, и сталъ считать ихъ. Оказалось двадцать цѣлковиковъ. Это была, вѣроятно, вся *сбѣина* старушки, скопленная ею по копейкамъ про черныи дещъ съ перваго дня замужства, или, быть можетъ, съ того дѣвическаго лѣта, когда она въ первый разъ продала офенъ батманъ сушеной черники, малины, бѣлыхъ грибовъ и ведерко соленыхъ, боровыхъ рыжиковъ и груздей, выношенныя ею въ лѣто.

Черезъ мѣсяць, въ воскресенье, Левка, отслуживъ на могилѣ панихиду по матери, и вернувшись домой, надѣвалъ новое плисовое полукафтанье и такіе же широкіе шаровары, и, смотря въ обломокъ зеркала, расчесывалъ себѣ голову. Потомъ сѣлъ за

сголь, вынулъ изъ кармапа два цѣлковика, положилъ передъ собою, и такъ началъ разсуждать про себя:

— Господи! прости мое великое согрѣшеніе.... Огмолю ли я когда этакой грѣхъ!... да не въ терпежь приходить, силъ моихъ нѣтъ; все мое сердце изныло — и чай, какъ уголь сдѣлалось... Какъ быть? Не давно еще, такъ, ни за что, ни про что, для смѣху только, я выдернулъ Елескѣ полбороды... Надать отдать ему оба цѣлковика: на одномъ не помирится... А на что я сапоги новые куплю?.. Развѣ продать бересто, что на крышу надралъ?... На льто надеру новзго; зимой течи нѣтъ, а льтомъ тепло и на улицѣ Продамъ!.. Подавись, черныи вдронъ... Да ужъ ежели голубчикъ не сдѣлаетъ...

Колдунъ Елеска, прозванный въ околodкѣ Вѣрономъ, былъ самое страшное и вмѣств самое беззащитное старое существо. Кромѣ Левки, пока не дошла до него бѣда, едва ли бы нашелся нѣ околodкѣ смѣльчакъ, который бы осмѣлился сдѣлать или сказать Вѣрону что-нибудь на зю, на перекуръ, или не позвать его на сватъбу, на братчину, на никольщину: такой смѣльчакъ не миновалъ бы несчастья: и молодыхъ бы въ пѣздѣ лошади разбила или въ лѣсъ занесла, и скотъ бы вымеръ у него, и самаго бы его лѣвшій обошелъ въ лѣсу, и проч. А Левка вбрилъ ли въ него, нѣтъ ли, все равно: у Левки рука чесалась и безъ его воли порывалась на достойнаго соперника—злую силу. И противъ такихъ смѣльчакoвъ Елеска, по своему званію, долженъ былъ находить силу и защиту въ самомъ себѣ, а жаловаться не смѣлъ и заикнуться: этимъ онъ потерялъ бы выгодное мнѣніе о себѣ. И это правильное понятіе сосѣдей о его личности, давало смѣлому, какъ Левкѣ, всякое право дѣлать съ нимъ, что угодно. Впрочемъ, въ общемъ мнѣніи Елеска былъ столько же добрый, какъ и злой духъ: его же дѣло было—вылечить скотъ, устроить свадьбу счастливо, приворожить дѣвицу къ молодцу, заговорить зубы и всякую немочь и недугъ, прогнать нечистаго, отвадить отъ лошадей домашнего, если онъ по почамъ ключить имъ гривы и завъ киваетъ ихъ до пвыи, погадать, и проч. и проч. И за все это довольствовался онъ гривенничкомъ, десяткомъ яицъ и т. п. Должностей онъ испрошелъ много: съ молода былъ въ ополченіи 12-го года, вернувшись на родину, сталъ жить бобылемъ, приглядывался дѣвкамъ, служилъ въ городѣ лакеемъ, былъ три года оженей, подѣ старость былъ церковнымъ сторожемъ, три года жилъ въ монастырѣ, и наконецъ попалъ въ колдуны. Жилъ онъ въ полверствѣ отъ деревни дворникомъ на опустѣвшемъ боярскомъ дворѣ, одинъ-одинешенекъ и

зимой и летом. Мѣсто его жительства много способствовало его званію: боярскій дворъ былъ не что иное, какъ широкій, зеленый лугъ съ разбросанными тамъ и сямъ деревянными развалинами погребовъ, сараевъ, и пр. Давно уже, чуть въ памятухи старикамъ, богатые господа забросили его и жили въ Москвѣ, либо въ Питерѣ, либо въ другихъ помѣстьяхъ. Никто не опасался отъ Елеси незаслуженнаго зла. Молодежь, напротивъ, еще любила его за розсказни и болтовню, вовсе не стариковскую, и, по исконному заведенію, весной, каждое воскресенье со всего околodka собиралась на боярскій дворъ качаться на качеляхъ и водить хороводы. Лицо Елеси было не глупое и благообразное старческое лицо. Его кудри и небольшая, но густая и курчавая бородка, которую онъ и подъ старость все еще любилъ расчесывать и холить, если бы не были такъ свѣды, очень много придавали бы его лицу молодечества. Онъ былъ живъ и вертлявъ, и, по временамъ, сидя на крыльцѣ своей лачуги и разсказывая окольной молодежи похождения своей молодости, до того воодушевлялся, что тусклые глаза его разгорались огнемъ юности, руки напрягались, и онъ, пожалуй, готовъ былъ тогда и трѣпака отхватить, и подратъся на кулачки, и отпустить молодецкое словцо красавицъ. Онъ до старости любилъ придерживаться чарки. Часто видали его, сидящаго задумчиво въ саду, подъ густой акаціей, на устроенной имъ самимъ дерновой бесѣдкѣ, среди его же руками разведенныхъ клумбъ, пестрѣвшихъ разными цвѣтами; и не одна баба видѣла, какъ онъ, въ полночь, ходилъ по этому саду на головѣ, и слышала, какъ съ нимъ разговаривала человѣчьимъ голосомъ вслая былинка.

— А, доселева русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нонича русской духъ самъ, какъ ладонъ, на домъ, — пропѣлъ Елеса, лишь только Левка показался въ дверь. — То-то, молодчикъ, не плюй въ колодець...

— Елисей Елисенчъ! прости; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — сказалъ Левка; — пришла до тебя нужда нужная.

— Прости, а полбороды-то у меня еще не выросло; выдернуть-то выдернулъ, а вставить-то, небось, не съумѣешь!

— Прости, Елисей Елисенчъ! На колѣнки встану, — отвѣчалъ Левка, видя проясняющееся лицо Елеси.

— Ну, лежачаго не бьютъ, — отвѣчалъ Елеса; — а что безчестья?

— Вотъ, сколь есть, — отвѣчалъ Левка, выкладывая на столъ цѣпковѣй.

—Сколь есть?—сказал Елеська съ лукавой улыбкой, — есть у тебя, молодець, и побольше, да и еще будетъ. Картишки что ли раскинуть?

—Нѣтъ, Елисей Елисеичъ!.

То-то нѣтъ, глупой ты человекъ. Ты свиснешь, а онъ ужъ и смыслить. Выкладывай остатокъ-то,—знаю, знаю, что тебѣ надо.

—Помоги, Елисей Елисеичъ,—отвѣчалъ Левка, выкладывая другой цѣлковой, — что ужъ отъ тебя таять, — съ тѣмъ и пришелъ... вѣстимо, ты и самъ все знаешь—нечего рассказывать.

—То-то ты, бобыль ты бездомной, заманила куды далеко, да и хотѣла помимо меня обойтись. А кто тебѣ, не я ли же все помогъ, глупой ты человекъ, какъ пьяная старостиха съ дочерью вѣхала съ братчины, да въ перельскъ опрокинулась телѣга, а лошади взблаговали, а ты подхватилъ старостихину дочь—не даль ей слетѣть въ грязь да сломить себѣ голову? Вѣдь ласково, чай, взглянула ова вѣпоры на тебя? Это, братъ, онъ еще однимъ только мизинчикомъ подшутить.

—Что тутъ и говорить, Елисей Елисеичъ,—отвѣчалъ Левка, — знаю, что ты же все: старостиха сама видѣла его, куды и хмѣль дѣлся; вѣкъ не забуду твоей милости,—помоги ужъ и еще,—ты началъ, ты и покончи.

Елеся былъ не злопамятець. Къ тому же приворожить, быть можетъ, по воспоминаю своей молодости, была его исключительная страсть. Подѣйствовали тутъ и два цѣлковика: Елеся отъ начала своего настоящаго ремесла ни отъ кого не видалъ такой богатой подачи. Притомъ приваечъ на свою сторону единственнаго своего врага, и тѣмъ увеличить свою славу и возстановить высокое мнѣніе о себѣ и вѣру въ себя, которыя начали колебаться со времени огласки Левкина поступка съ его бородой—въ этомъ онъ не могъ не видѣть своей явной пользы.

—Что съ тобой дѣлать,—сказалъ Елеся,—такъ и быть.. Полно тебѣ мыкаться по свѣту,—будь все по твоему. Поди къ дверямъ да стань ко мнѣ задомъ.

Левка исполнилъ это. Элеся вынулъ изъ стола пряникъ-сусяникъ, и взявъ его въ пригоршни, началъ что-то шептать надъ нимъ. По временамъ некоторыя таинственныя, никому, должно быть и ему самому непонятныя, и, очевидно, съ намѣреніемъ произносимыя громче, слова, долетали до слуха Левки.

—Стань отъ праведнаго солнца, приложись трою къ матери сырой земли, да говори за мной,—сказалъ онъ, кончивъ это дѣйствіе и подозвавъ Левку. Левка исполнилъ это, и проговорилъ за нимъ:

«Прикладываюсь я рабъ Божій Левъ къ матери сырой землѣ. Иванъ Марья, Яковъ Дарья, Адамъ Ева, земля мати, благослови своего плода взяти. Отъ пчелъ и отъ цвѣта медь, отъ неба и отъ травы цвѣтъ, отъ корене трава, отъ земли корень. А къ чему и тебя, плодъ, беру, къ тому будь для добра: како бываютъ радостны свѣтлому Воскресенію, и серебру и злату, тако бы радовались всея челоуѣцы мнѣ рабу Божию Льву, и отъ женской особы въ лк бви бы я былъ. — Гласъ твой слышу, очей твоихъ не вижу, сердце изъ тебя выну, подъ камень положу и на камени стану, — что хочу, то и творю. Сему моему заговору ключъ на замокъ. Аминь.»

— Ну, теперъ съ Богомъ, — сказалъ потомъ ему Елеська, отдавая пряникъ. — Дождись святюкъ, приди за мной, и пойдемъ вмѣстѣ на посидѣлки.... Тутъ разныя средства есть.... Пряникъ разлومیшь пополамъ — одну половинку съешь самъ, а другую ей дашь съѣсть. Только не забудь — безъ меня не подтствуетъ, скажи вѣпоры мнѣ.

— Спасибо, Елисей Елисичъ; вѣкъ не забуду твоей милости. Все, все сдѣлаю, какъ сказалъ, — отвѣчалъ Левка, отвышивая ему низкіе поклоны, и вышелъ отъ ворона безъ оглядки.

Святки. Время было давно уже за полночь; давно уже въ посидѣлкахъ дѣвушки попрятали прялки на полати, на полицы и подъ лавки; давно уже водили хороходы и играли въ разныя игры. Левка сидѣлъ въ углу задумавшись, въ новомъ полукафтани, шапоровахъ и со шляпой въ рукахъ. Давно уже замираетъ у Левки сердце, и бросаетъ онъ взгляды на дверь: много входитъ и выходитъ въ нее, но Елеськиной лысины нѣтъ какъ нѣтъ. Хоть бы выѣшались покаместъ ему въ игры, да что толку: игры и хороходы идутъ все такія, гдѣ мѣлодцу самому надо выбрать себѣ дѣвицу, а не случайно доставалась она; а старостиниой дочери зазорно бы было, еслибъ ее выбралъ бобыль, и не ставало на это смѣлости у Левки; онъ же не могъ и думать, чтобъ Наташа могла полюбить его: были тутъ и почище его: тутъ былъ и бурмистръ, и молодой холостой парень земской, большой грамотникъ, и управительской лакей съ *ермолюю*, да и все тутъ были лучше его — не бобыли бездомовные, хоть онъ и не уступилъ имъ сего-дня въ дѣлежкѣ дѣвушкамъ пряниковъ и баранокъ, хоть и бойко давича плясалъ и игралъ на балалайкѣ, хоть и все, кто тутъ ни былъ, по кружкѣ и по прочему, гдѣ могъ быть дѣлежъ полюбовный были ему закадычные друзья; но это *прочее* цыкогда не коснулось бы старостиниой дочки Наташи. Одна въ чести, избадованная у

отца и у матери, она была немножко горда, и иногда властолюбива между подругами, какъ старостина дочка, что, впрочемъ, ей было очень къ лицу; но въ вознагражденіе этихъ, не совсѣмъ похвальныхъ, случайныхъ ея качествъ, она была умна, руководыца, богомольна, скромница; въ характеръ ея была уже замѣтна твердость. По всѣмъ этимъ качествамъ она была недоступна для обыкновеннаго волокитства ребячь. Да и ни у кого бы, даже у земскаго Филиппа, не стало силъ погубить такую дѣвку—полюбить ее на время, и бросить потомъ, не жениться на ней.

И хороша была теперь Наташа. На ней былъ тѣневый, съ черными и красными полосами, матеревый сарафанъ, миткалевая сивгу бѣлаго рубашка, надъ полуоткрытой грудью на шеѣ три ряда крупныхъ ягтарей, на тонкихъ бѣлыхъ пальцахъ золоченныя кольца и перстни, въ ушахъ такія же серьги. Ея стройный и гибкій станъ, обтянутый широкой голубой лентой, ея темнорусая, длинная коса, небрежно, змѣею, раскинувшаяся случайно по бѣлому полуобнаженному плечу, ея черные глаза и брови, и немножко смуглое, съ округлыми и упругими формами личико—хоть кого такъ свели бы съ ума.

И долго сидѣлъ Левка въ кутѣ, съ душой крѣпкою. Хорошо былъ и Левка въ своихъ обновкахъ: полукафтанье его было растегнуто, и изъ-подъ него выставлялась красная рубашка и плетеный шелковый поясокъ, на шеѣ у него былъ голубой шелковый платокъ. Одною рукою онъ облокотился на окно и грустно склонилъ на нее голову, и небрежно разсыпались по рукъ, пробѣжавъ сквозь пальцы, его темныя кудри. Въ другой рукъ онъ держалъ новую пуховую шляпу съ красной шелковой ленточкой и павлинымъ перомъ. Никого изъ молодежи не было удалѣе и красивѣе Левки.

Вотъ наконецъ, только что хороводъ началъ было пѣть:

Коло Дону, коло Дону,
Коло тихаго Дуная,
Добрый молодець гуляетъ,
Щуру коней выбираеть,—

выставляется въ дверь лысина Елеськи, и сильно стукнуло сердце у Левки.

—Здравствуйте, красныя дѣвицы и добрыя мѣлодцы,—сказалъ Елеська, раскланываясь на всѣ стороны.

—Добро пожаловать, добрый мѣлодець.... Елисей Елисенчъ...—Дядя Елисей, дѣдушка Елисей, Елисей Елисенчъ!—раздалось оо

всѣхъ сторонѣ.—Въ хороводѣ его. Нѣтъ, дѣвы, давайте играть въ Дунай, онъ будетъ молодцемъ.

— Нѣтъ, дѣвы,—перебили другія,—давайте играть королемъ. Его въ короли—и картъ не станемъ раскидывать.—И со всѣхъ сторонѣ дѣвицы тормозили Елесю.

— Да полно ли вамъ, бзалайки вы эдакія безструнныя!—воскликнулъ наконецъ Елеса:—что я вамъ за ровня?... Нѣтъ, ужъ времена-те не те: зима на головѣ. Эхъ, кабы старые годъ—далъ бы я вамъ знать... А топере мое мѣсто развѣ вотъ гдѣ—лучину перетькать.—И съ этими словами онъ сѣлъ у свѣтца. Надо замѣтить, что въ посидѣлкахъ обыкновенно горѣла лучина, а свѣчка только тогда, когда въ угоду дѣвушкамъ приносима была догадливымъ молодцомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣвицы, въ короли его!—раздалось опять со всѣхъ сторонѣ.—Не отпѣкивайся, дядя Елисей, а не то мы тебя плясать еще заставимъ.

— Да перестаньте, трещетки вы эдакія: оглушила!—отвѣчалъ Елеса.—Ну, въ короли такъ въ короли.—Я же васъ!.. Ну, на мѣсто!

Всѣ дѣвушки и молодцы сѣли вокругъ стола, около Елеси, и начали подходить къ нему по порядку, со словами: «Король, король! я твоя слуга: что прикажешь дѣлать?» Всѣхъ дѣвушекъ какъ будто на зло, онъ сводилъ съ постылыми, либо—еще и того хуже—заставлялъ отворять дверь лбомъ. Наконецъ очередь дошла и до Наташи.

— Король, король! я твоя слуга, что прикажешь дѣлать?—проговорила она.

— Поди къ Левушкѣ сиротѣ, да отвори ему двѣнадцать аршинъ лентъ,—сказалъ ей важно король.

Никогда и ни для кого не могъ нарушиться уставъ игры, и Наташа, подошедъ къ Левкѣ, начала разводить руками, какъ будто отпѣривая аршиномъ, и стала послѣ каждаго размаха, краснѣя, церемонно цѣловаться съ Левкой.

Взглянувъ на Левку съ Наташей, и видя, что они исправно цѣлуются, король прозвнесъ Левкѣ важно, указывая на Наташу:

— За вврнуую твою службу вотъ тебѣ невѣста.

Много уже, по разнымъ порученіямъ и приказаніямъ короля, разошлось по угламъ и дѣвицъ и парней, и кружокъ около Елеси сталъ рѣдѣть. Онъ взглянулъ на бобыля и старостину дочку, и замѣтилъ, что Наташа не противилась его поцѣлуямъ, а только лица обонхъ пылали, какъ зарево, что не часто бываетъ на посидѣлкахъ отъ привычки къ поцѣлуямъ. Елеса всталъ изъ-за стола

и подошелъ къ свѣтцу переткнуть догорѣвшую лучину. Не успѣвъ онъ зажечь новой, какъ огарокъ изъ свѣтца какъ-то выпалъ въ подсвѣтешную лахань съ водою, и всѣ остались въ могильной тьмѣ. Левка обхватилъ станъ Наташи, Наташа обвила руками его шею и вся дрожала; они поцѣловались длиннымъ поцѣлуемъ. И палило Левкѣ лицо знойное дыханіе дѣвушки, и грудь ея волной колыбалась у его груди. Старуха стучала кремнемъ и плавью на шесткѣ за перегородкой.

— Любишь ты меня, Наташа?—спросилъ тихо Левка.

— Давно, Левка!—отвѣчала тихимъ голосомъ Наташа, прикорнувъ къ его груди. Левка обнялъ, и еще разъ крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее.

Могъ ли онъ вспомнить о Елесиномъ пряникѣ!..

Наконецъ лучи свѣта прорвались изъ-за перегородки въ дверь, и вслѣдъ за ними явилась старуха съ пыляющею лучиной въ рукахъ. Никто ни на кого не обратилъ особеннаго вниманія послѣ этого невѣроятнаго случая. Изъ одного только угла старая дѣвка съ усиленіемъ свела два косые глаза на раскраснѣвшихся лицахъ Левки и Наташи, и злобно улыбалась на нихъ. Давно уже бобылка Ненила *раскосье* имѣла виды на Левку, и нѣсколько уже разъ пыталась дать понять ему это, но Левка и знать ее не хотѣлъ,—и вчера только гордая Наташа за что-то взорвалась на нее, при всѣхъ дѣвицахъ обезчестила ее—въ глаза назвала *раскосье*. Кто зналъ Ненилу, тотъ, взглянувъ теперь на нее, тотчасъ догадался бы, что она задумала что-нибудь недоброе. Но Левкѣ и Наташѣ теперь было не до нея.

Начали играть въ «Дунай». Парни всѣ отшатнулись въ кутъ, а дѣвушки вновь свли кругомъ стола. Ненилу, какъ старшую и всегда помыкаемую въ подобныхъ случаяхъ, и еще другую дѣвушку, выбрали въ зватыя. И подъ пѣсню:

Вотъ какъ звали молодца,
Позывали удалца —
Дунай мой, Дунай,
Селивановичъ (*) Дунай!—

Ненила отправилась въ кутъ, и выборъ ея шлъ прямо на Левку. Левка никакъ не ожидалъ такой чести прежде земскаго Филиппа, бурмистра и управительскаго лакея, тѣмъ болѣе отъ Ненилы. Онъ надѣлъ шляпу, и Ненила вернулась съ нимъ. Дѣвицъ потѣшились и дали ему вѣсто. Подъ слова пѣсни:

(*) Вѣсто «Селивановичъ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ, поминется, «свѣтъ Ивановичъ» и «сынъ Ивановичъ».

Молодецъ вдовъ челоуъ,
 Съ молодца шляпа долой—
 Дунай мой, Дунай,
 Селивановичъ Дунай. —
 Ужъ ты, вдовушка, подай,
 Распрекрасная, подай!—

съ особеннымъ изворотомъ руки, Левка снялъ шляпу, небрежно бросилъ ее на столъ, и привставъ, поклонился сидѣвшей напротивъ дѣвушкѣ.

Но отвѣтомъ было:

Не слуга, сударь, твой,—
 Я не слушаю тебя.

Левка всталъ, пошелъ опять на прежнее мѣсто въ кутъ, и съелъ пригорюнившись, и склонивъ голову на руку. На этотъ разъ два молодца снова подходятъ къ нему и говорятъ ободрительнымъ голосомъ:

— Чтѣ, братъ, призадумался? На милость суда нѣтъ: давай, попробуемъ въ другой разъ.

Левка опять идетъ, чтѣ повторяется нѣсколько разъ. Наконецъ ему даютъ мѣсто противъ Наташи. Вновь шляпа бросается на столъ, вновь Левка ловко и низко кланяется подъ слова пѣсни:

Ужъ ты, дѣвица, подай,
 Распрекрасная, подай!

И неосторожная Наташа, вся раскраснѣвшись, подаетъ ему шляпу, запѣваетъ чуть слышно, волнующимся голосомъ, и хоръ подхватывается:

Я слуга, сударь, твой,
 Вотъ я слушаю тебя! —
 Дунай мой, Дунай,
 Селивановичъ Дунай.

Потупивъ глаза и пылая какъ зарево, она, противъ обычая, робко, чуть-чуть поцѣловалась съ нимъ. А у Ненилы злая улыбка все глубже и глубже прорѣзывала кругомъ губъ морщины, и узенькіе косые глазки ея сдѣлались масляными.

Весь этотъ вечеръ пара была въ какомъ-то забытьи и упоеніи, и не видѣла, чтѣ творилось кругомъ ихъ. Къ счастью еще, что всѣ эти нѣмыя сцены другимъ подругамъ, кромѣ Ненилы, были пока не въ домекъ.

Вернувшись домой, Левка, какъ полуумный, началъ хохотать и дѣлать прыжки по избѣ. Онъ и забытъ и не почувствовалъ, что хата его три дня не топлена, а на дворѣ стояли трескучіе крещенскіе морозы. Наконецъ отъ холода любовный хмѣль вечера

нѣсколько испарился изъ головы и далъ мѣсто разсудку. Левка завернулся въ армякъ и изгольный толупъ, и повалился на лавку. Счастье было еще такъ ново, что никакъ не могло придти Левкѣ въ голову заглянуть въ даль; но онъ былъ однако въ состояніи сообразить, что имъ съ Наташей нужно быть поосторожнѣе передъ дѣвцами.

И въ слѣдующіе дни святокъ, Левка и Наташа стали избѣгать случаевъ сходитья и цѣловаться въ играхъ; за то они вполнѣ вознаграждали это лишеніе, когда дѣвушки гурьбой отправляются на улицу гадать, и когда Левка въ темныхъ сѣняхъ подстережетъ Наташу, обхватитъ ея станъ, вырветъ на минуту изъ средъ подругъ и поцѣлуетъ.

Они и не замѣтили, какъ прошли святки. Постъ святокъ Левка видѣлъ богомольную Наташу только въ церкви, и любовался на нее, когда она съ умиленіемъ клала предъ Богоматерью земные поклоны — быть можетъ, за него, — и чище становились душа и сердце озарника Левки.

Настала масляница. Появилась гора, и рядомъ съ нею шесты. Шесты эти утверждались на костръ и висѣли изъ воздухъ, при ихъ началѣ, по крайней мѣрѣ, сажени на полторы отъ земли. Ни съ кѣмъ, кромѣ Левки, Наташа не прокатится по шестамъ, — ни съ кѣмъ, кромѣ его, не подвергнется опасности слетѣть подъ шесты, и, если не сломить, то, по крайней мѣрѣ, проломить себѣ голову объ ледъ. Впрочемъ, она была увврена, что въ Левкѣ стаетъ и ловкости и силы сдержать ее. Наступилъ и великій-постъ — прекратились игры и забавы. Молодые люди видѣлись рѣдко. — Но вотъ и Светлое Воскресенье. Кончилась заутреня. По всему храму раздаются радостныя восклицанія: «Христосъ воскрес! вѣстину воскресе!», вездѣ переходятъ изъ рукъ въ руки красныя яички. А изъ священникахъ и причетъ повѣя ризы и стихари такъ и горятъ серебромъ да золотомъ, а свѣтъ тысячи свѣчей такъ и играетъ, и переливается въ золоченой рѣзбѣ иконостаса. Весело, привольно душѣ и сердцу, и у стариковъ появились на глазахъ слезы умиленія, что еще разъ привелъ Господь дожить до великаго дня. А въ изблахъ, передъ парадными матерями прыгаютъ на одной ногѣ ребятишки и кричатъ: «мама! мама! молоко съ березки прилетѣло. Мама! мама! дай мнѣ красное яичко!»

Левка дождался Наташи на паперти.

— Христосъ воскресе, Наталья Степановна! — сказалъ онъ ей.

— Вѣстину воскресе, Левъ Васильевичъ! — отвѣчалъ, покраснѣвъ, дѣвушка.

Они улыбулись другъ другу, какъ старые знакомые, три раза поцѣловались и обмѣнялись красными яичками. И въ Христовъ день ни передъ кѣмъ не зазорно было и бобылю похристосоваться и поцѣловаться съ старостинной дочкой.

Пасху Левка гулялъ да бражничалъ съ молодежью по сосѣдямъ. Онъ былъ веселъ и счастливъ—заглядывать въ будущность ему не приходило еще въ голову.

Но его ожидало и грустное происшествіе.

Часто заворачивалъ Левка на боярскій дворъ къ Елесю. Смыкнувъ его колдовство, Левка полюбилъ его, и Елеся полюбилъ Левку. То, бывало, завернетъ Левка со стеклянкою простячку въ карманъ, купленнаго на выработанныя на чемъ-нибудь копейки, повеселитъ старика и поразогрѣтъ старыя кости и остывающую кровь, то придетъ такъ себѣ — побаласничать, отъ нечего дышать, и выпить на Елесинъ счетъ. О Пасхѣ завернулъ онъ къ Елесю похристосоваться. Взошедъ въ его хату, онъ остановился на тѣлѣ, передъ иконами, теплилась свѣчка, подъ нимъ, въ переднемъ углу, лежалъ больной Елеся. Глаза его были мутны. Онъ не шевелилъ уже ни рукой, ни ногой. За нимъ ходила бобылка Устинья, его старая знакомка. Левка подошелъ къ нему, и проговорилъ: ●

— Христовъ воскресе, дѣдушка Елисей!

Елеся съ усиленіемъ поднялъ на него глаза, узналъ его, и проговорилъ слабымъ голосомъ:

— Воистину воскресе, Левушка... Въ последній, знать, разъ, Левушка, привелъ меня Богъ дожить до великаго дня,—продолжалъ Елисей, послѣ минутнаго молчанія, хриплымъ голосомъ, и на тусклыхъ глазахъ его появились двѣ крупныя слезы,—да объ этомъ-то я не тосковалъ бы: Его святая воля,—старымъ костямъ и на мѣсто пора;—назадъ-то оглянуться страшно,—вотъ что сокрушаетъ меня...

Долго потомъ молчали они, наконецъ старикъ началъ опять:

— Такъ-то, Левушка: я былъ двѣ капли воды какъ ты: и того, и сего давай, та дѣвка не хороша, другая не помыслъ, и въ городѣ не житье, и въ деревнѣ не привольно — такъ бы вотъ, бывало, и извѣдалъ все! — И растратилъ я свою молодость ни за копейчку, разсорилъ свою силу по чужимъ людямъ, былъ бѣлоручка, не знавалъ ни сохи, ни косули, — и не спохватился, какъ пронеслась она, моя молодость, процвѣтала, какъ вода въ рѣшето.... Да вотъ нужда нужная да бѣда неминуемая и заставила на старость дѣтъ забыть стыдъ и совѣсть: и Бога я не побоялся, и людей не постыдился — всклепалъ на себя колдовство, знакомство съ нечистою силою, и обманывалъ добрыхъ людей. Охъ, тяжело

Ишь теперь, Левушка!.. А Богъ видитъ, зной ли я былъ чею-вѣкъ,—сдѣлалъ ли я зно умышленное вотъ хоть этакому ребенку — Старикъ заплакалъ, и потомъ продолжалъ:—такъ-то и ты, Левушка... Брось, забудь ты эту старостину дочку, кусь ли она бобылю бездомному; послушайся меня старика: ты вѣдь только еще помыкаешь на свѣтъ-отъ. Женись на какой-ни-на-есть степенной дѣвушкѣ да обзаведись домкомъ,—а то подъ старость и тебя застигнетъ моя судьбина да злая доля.

— Нѣтъ, силъ моихъ нѣтъ, Елисей Елисенчъ!—отвѣчалъ Левка, у котораго давно уже извернулись слезы на глазахъ.

— Глупой, глупой ты: силъ цѣтъ! вѣдь это намъ только такъ кажется: захоти, вотъ и сила будетъ,—сказалъ Елисей. — Сними грѣхъ съ моей души: грѣховодникъ я, грѣховодникъ старой — погубилъ парня и дѣвку.

— Нѣтъ, дѣдушка Елисей, и говорить объ этомъ нечего, — и хотѣть силъ нѣтъ,—отвѣчалъ Левка.—А тебѣ спасибо, большое спасибо, дѣдушка Елисей: не погубилъ ты насъ...

— Да что же ты сдѣлаешь, глупой ты человекъ? вѣдь ты бездомокъ,—сказалъ старикъ:—вѣдь не заставишь долю плясать подъ свою лудку.

— Заставлю, дядя Елисей!—отвѣчалъ Левка, сжавъ кулакъ и напрягнувъ руку, и удалски тряхнувъ головой, отчего густыя кудри его разсыпались и въ безпорядкѣ закинулись за уши.—Али силы у меня маю? Работать стану, ни днемъ, ни ночью не стану знать покою, руки все измозолю—да досягу же Наташу!

— Глупой ты, глупой этакой!—отвѣчалъ грустно старикъ. — Больно ты прытокъ: цѣтъ, братъ, подламываются и не этакія стѣны...—И, потомъ, помолчавъ, продолжалъ:—пу, слушай, ужъ коли такъ: ступай ты въ городъ, сыщи себѣ какое-ни-наесть мѣсто, съ первоначатья хоть въ поденщики, либо въ дворники, а потомъ — поприсмотришься — хоть въ лакеи къ хорошему барину, а либо, можетъ статься, попадешь и въ прикащики къ купцу: ты парень ловкой, грамотной, — куда ни помыкни, вездѣ годишься; надо только за умъ взятъся... Ловкой человекъ за рога поймаетъ счастье-то, за горами отыщеть талащ-отъ свой. Да живи, да береги каждую полушку, не токма что пропить, а и черствяго-то хлѣбца гоноши изъ кулака повствъ,—вернулъ раза-два языкомъ, да и будетъ. Вотъ какъ копейку-то зшибаютъ, да въ люди-то выходить. Вотъ года въ три-четыре, коли Господь-Богъ поможетъ, и зашибешь тыщевку. Вѣтпоры и Наташу съ руками отдасть за тебя старостиха Смекаешь ли ты это?

— Вотъ за эту рѣчь спасибо, дѣдушка Елисей, — отвѣчалъ Левка умильно. — Образъ съ табла сниму, что все сдѣлаю по твоему слову. Прости, дѣдушка Елисей! Когда тея навѣститъ-то?

— Ну, а когда удосужишься, — отвѣчалъ Елисей: — мертвымъ мертвое, а живымъ живое. Ходебница за мной есть. Прости меня, Дѣдушка.... вспомни старика, да помолись Богу за его душу грѣшную.

Черезъ нѣсколько дней Елисей скончался. Два только человека завертывали по воскресеньямъ на могилу колдуна: это старая его знакомка Устинья, да молодой парень Левка.

II.

Неняла три года платья не шила.

Поговорка.

Пасха была поздно. Не успѣли оглянуться, какъ и Егорей на дворъ. Въ первый разъ послѣ долгой зимы, съ шумомъ, ревомъ и блеянемъ бабы выгнали со дворовъ вербой скотъ на поле. Солнышко такъ и марило. Луга взасѣдѣли и зацвѣтели желтыми цветочками. На березахъ начали развиваться почки и весь воздухъ исполняли благоуханіемъ. Надъ головами вились и заводили трели жаворонки, и неслись вереницы гусей и крикливыхъ журавлей. Вотъ крикъ ихъ остановилъ бѣгавшаго по лужѣ по коленки въ водѣ босоногого мальчишку; онъ закинулъ голову и закричалъ во все горло: «Задній передняго впереди! Переднему хомуть на шею, заднему стрѣла въ задъ!» — И вотъ вереница журавлей, какъ будто по дѣйствию этихъ волшебныхъ словъ, въ самомъ дѣлѣ начала мяться, и задніе стали выпереживать переднихъ. Но вотъ выходитъ старуха и кричитъ на мальчишку во все горло:

— Ванька! Ванька! пошолъ, чертенокъ, домой; а то мать съ дубцомъ придетъ. Ишь ты, ай-ай!.. все ножонки у дурака жаворонки исклевали.

У Ваньки отъ грязи именно перетрескалась вся кожа на ногахъ, что называется «исклевали жаворонки», но онъ въ лужѣ, на всемъ привольѣ, ничего не чувствовалъ, и только высовывалъ языкъ и строилъ рожи старухѣ.

— Пошолъ, дуракъ: мама красненькое личко дастъ, — продолжала старуха.

Это послѣднее убѣжденіе подѣйствовало на мальчишку, и онъ со всѣхъ ногъ бросился по лѣстницѣ на рундукъ, такъ что чуть не сшибъ старуху съ ногъ.

Воскресенье. Вездѣ только вѣга жизни: вездѣ свѣтъ, да зелень да цвѣты, пѣсни, игры да радость.

Много уже двушекъ и молодцевъ собралось со всего око-
лодка на боярскомъ дворѣ. Одни пары качаются на качеляхъ, дру-
гіе водятъ хороводы или играютъ въ разные игры. Вотъ, на са-
мой серединѣ боярскаго двора, извивается длинная вереница дву-
шекъ. Каждая изъ нихъ крѣпко держится сзади за поясъ передней
подруги. Передъ передней — «маткой» показывается «воронъ». Онъ,
то съ той, то съ другой стороны забывая къ вереницѣ,
одну по одной, или по целому пятку и десятку отрываетъ дву-
шекъ — «двѣтять» отъ «матери». Вереница употребляетъ все усилія
избѣгнуть его когтей, и колышется, и извивается отъ него, какъ
змѣнный хвостъ. — А тамъ вонъ, въ сторонкѣ, молодцы и дѣвцы
хотятъ играть въ веревку, и жереблюютъ на длинной палкѣ, кому
водить. — Мальчишки залезли и развѣлись по гнилымъ крышамъ пу-
стыхъ строеній боярскаго двора, и стрѣляютъ оттуда въ двоекъ
изъ выверченныхъ изъ молодыхъ сосенъ пицалей, заражасмыхъ
намоченными и туго скомканными хлопьями льну. Хохотъ раздается
между ними, если какал-нибудь раненная двушка оглянется, за-
кричитъ на нихъ и погрозишь пальцемъ.

• Среди всей этой простоты, среди всего этого окружающаго
веселия, радости и нѣги жизни, подъ открытымъ яснымъ небомъ,
подъ зноемъ весенняго солнца, на вольной-воля, на широкомъ раз-
дольѣ, въ ароматъ свѣжей весенней зелени и цвѣтовъ, — вся эта та-
кая же вольная сумятица, — вся эта толкотня, бѣготня, шумъ,
гамъ, веселья пѣсни, — все это имѣетъ свою широкую поэзію —
поэзію сельской простоты и невинности.

«Все скучно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо — не покойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣтъ,
Такъ чуждо этой жизни правдой....»

Далеко по окрестности льются серебристые, звонкіе голоса
двушекъ въ хороводныхъ пѣсняхъ.

Наташа ходитъ въ хороводъ рядомъ съ Неннойю. Всѣхъ краше
она, всѣхъ звонче заливается ея серебристый голосокъ.

Нѣтъ еще ни земскаго Филиппа, ни управительскаго лакея,
ни Левки бобыля — цвѣта окольной молодежи, и двушки въ «Бо-
рисѣ» хотѣли уже замѣнить «Бориса» дѣвицей, какъ вдругъ издали
показался Левка. Онъ еще издали снялъ пуховую шляпу и по-
клонился двушкамъ. Вътерокъ небрежно закинулъ за уши его
кудри и раздувалъ ноздри его полукластаемъ; солнышко такъ и ит-

рало на серебряной пряжке его шляпы и въ свѣтлыхъ крупныхъ шарикахъ пуговицъ полукафтаныя.

— Борисы Борисы!... вотъ Борисы! Къ намъ, къ намъ!—закричали всѣ дѣвушки, махая ему платками.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы!—сказалъ Левка, подошедъ къ хороводу.

— Добро пожаловать, добрый молодецъ!—отвѣчали дѣвушки.—
Будь Борисомъ.

Левка взошелъ безмолвно въ кругъ, и пѣсня раздалась:

Ходить Борисъ по хороводу,
Ищетъ Борисъ себя невесту.

Ко многимъ уже присыкался Левка подъ слова пѣсни:

Будь ты мнѣ теща,
Дочь твоя невеста!

И все раздавалось:

Я тебя не теща,
Дочь моя не невеста.

И много уже разъ хоръ вторилъ, грустно, поджавъ голову рукою, проходившему по хороводу, Борису:

Охъ-ти мнѣ тошно,
Охъ-ти мнѣ грустно.

Наконецъ Борисъ подходитъ къ Ненилѣ, и Ненила затгивается:

Я тебя теща,
Дочь моя невеста—

и отдаетъ ему Наташу.

Въ первый разъ послѣ долгой разлуки рука его сжала руку дѣвушки, и раздался любовный поцѣлуй. Левка и Наташа, потупивъ глаза и краснѣя, пошли, подъ пѣсню, по хороводу какъ-то неловко. Теперь уже всѣ подружки перемигивались и улыбались двусмысленно, глядя на нихъ. Одна Ненила не улыбалась.

Отъ того не улыбалась Ненила, глядя на Левку и Наташу, что всѣ дѣвушки уже улыбались на нихъ. Давно Ненила не только помирилась, но даже подружилась съ Наташей. Никогда она не перечила ни въ одномъ словѣ старостихиной дочкѣ, всегда мелкимъ бѣсомъ извивалась передъ ней, всегда забвгала всѣ ея желанія, сносила всѣ ея маленькіе капризы, но не добилась отъ осторожной Наташи ни одного слова, даже намека, похожаго на сердечное откровеніе. Она, правда, мало и нуждалась въ сердечныхъ откровеніяхъ: для нея и твои подозрѣнія было уже достаточно, чтобъ распустить худую славу объ Левкѣ и Наташѣ. Подружи-

лась же она съ Наташей для того, чтобъ камень бросить изъ-за угла.

Ненила, дочь бобылки Елгушки, была дебела, какъ мужнина, дурна собой, коса, не рукодѣльна, неряха, безлепоха, прямая Ненила. Никто не любилъ ее, кромѣ тѣхъ, къ кому она постарается подмладиться, подбавиться, въ чемъ всегда впрочемъ успѣвала: стоило только захотѣть или имѣть нужду. Всѣ по-за глазамъ звали ее раскосьемъ, другаго и имени ей не было. Но она была смѣтлива, хитра и изворотлива: ты свиснешь, а Ненила уже смыслить. Зная свое безобразіе, она никогда не мечтала о хорошихъ, т. е. богатыхъ женихахъ, но она озлилась всѣми силами своей души, увидѣвъ, что даже бобыль Левка и ухѣмъ не ведетъ на ея ласки да привѣты, не хочетъ и знать ее,—и сей-часъ же, вѣрно, безошибочно, разсчитавъ по пальцамъ, составила въ головѣ планъ отомстить ему, отомстить вмѣстѣ и гордой Наташѣ, отомстить и ея матери старостихъ, за то, что этой послѣдней и въ голову никогда ни могло придти назвать бобылку Ненилу по имени, а всегда называла ее Ненькой, либо раскосьемъ, и въ очи и за очи, и безъ людей и при людяхъ,—да подъ часъ еще такъ прикрикнетъ, да притопнетъ на нее, что у Неньки душа въ пятки ускочить.

Сама она могла дѣйствовать только двусмысленными улыбками и только между подругами, которыя, зная каждая за собой свои грѣшки, едва ли бы согласились распускать худую славу о подругѣ,—и въ главное орудіе своей дѣятельности употребила мать свою. Елгинья была известная *обойдуха*, и давно занималась ремесломъ выносить соръ изъ избы въ избу. Но осторожно, хитро дѣйствовала она, когда дѣло шло о старостихиной дочкѣ. Шляясь по околотку для сбора Христа-ради молочка, сметанки, масла, аичекъ, крупки, чуть гдѣ большуха разговорится съ нею и, чуть разговоръ перейдетъ въ сплетни, она изъ кути, съ курянаго заглазка, извѣстнаго мѣста нищихъ, обыкновенно начинала напѣвать:

— Охъ, мать ты моя... говори, говори, да и молви... Не вѣрь-ко ты злымъ-то языкамъ На что ужъ вонъ старостихина дочь—най-дешь ли во всемъ околоткѣ такую скромницу да умницу, да и про ту чего-чего злые люди не наскажуть: ужъ и въ хоровахъ-то она къ Левкѣ бобылку на шею вѣшается, и по завьерьямъ-то она съ нимъ таскается, и по ночамъ-то онъ къ старость ходить, и понима-то его, и лобъ-то ему хочетъ староста забрить, и чего-чего не поскажутъ! Изъ зависти все, мать моя! Старостихина дочь да съ бобылемъ! Ну гдѣ правда-то понича въ людяхъ! Итъ, давно, видно, она на небеса улетѣла; о—охъ...: зависть-то, видно, впередъ насъ родилась: за зависть вѣдь и сатана съ неба свалился.

— Ахъ, мать ты моя! да какъ же это.... какъ это было?— восклицаетъ слушательница, разинувъ ротъ и настороживъ уши.

— Да вотъ—такъ и такъ,—отвѣчаетъ Елгушка, и пускается во все подробности.—Николи не вѣрю я, матушка, злымъ-то языкамъ! Въ глаза бы я наплевала этимъ безстыжымъ!—прибавляетъ она съ миной невинности, кончивъ разсказъ.

Вотъ отъ чего все дѣвушки перемигивались и улыбались, глядя на Левку и Наташу. Старостина дочка у нихъ матерей ужъ въ покоръ пошла. «Смотри, не будь какъ старостина дочка! Али и ты по старостиной дочкѣ пошла?»—говорили матери дочерямъ, предостерегая ихъ или прослышавъ о нихъ что-нибудь недоброе. И огласилась худая слава Наташи во всемъ околodкѣ. Только староста да старостиха ничего не знали не въдали про свою ненаглядную. Да присыкнись-ка кто къ старостихѣ съ такими рѣчьми про ея скромницу—она глаза бы выпарапала такой безстыжей клеветницѣ.

Никто изъ подругъ не осмѣлился также, даже для предостереженія, передать спѣсивой Наташѣ, какіе слухи носятя объ ней; и вотъ Наташа и Левка беззаботно, весело, играютъ въ горьки. Здѣсь не лзя уже каверзить Ненилѣ, развѣ когда она сама горитъ и нарочно не ловить ихъ; да и тогда Левка и Наташъ, крѣпко пожавъ другъ другу руку, нарочно стараются скорѣй разлучиться между собою. Наташу почти не выпускаетъ изъ рукъ земской Филипей.

Такъ проходило воскресенье. Дѣвушки и молодцы, одинъ по одному, стали расходиться по домамъ, и кружки рѣдѣли все болѣе и болѣе.

Солнышко село. Заря облила багрянымъ блескомъ половину неба. За гумнами, въ перельскѣ, которымъ нужно было проходить Наташѣ, была такая тишь, что, кажется, можно было подслушать, какъ растетъ травка. Изрѣдка только соловьи изччнали въ перекличку заводить свои трели, и вновь все смолкало. Изъ сосѣднихъ гуменъ и огородовъ доносился запахъ черемуховаго цвѣта и сливался съ запахомъ молодой зелени травъ и деревъ, и весь воздухъ пропитанъ былъ ихъ ароматомъ. Все это купалось въ серебряномъ, таинственномъ свѣтѣ полной луны. Всюду была разлита какая-то особенная, сродная только деревенскому воздуху, прохлада и вѣга.

Вотъ, шагахъ въ десяти отъ тропинки, что-то шелохнулось подъ кустомъ, и по зелени его колыхнулась чья-то тѣнь. Это былъ Левка. Давно уже онъ прислушивался и ждалъ, скоро ли

раздадутся условныя слова какой-то пѣсни. Наконецъ они чуть слышно раздались и донеслись до него дыханіемъ вѣтерка. Левка тихонько вышелъ изъ своей засады.

— Ты это, Наташа?—спросилъ шепотомъ Левка, приближившись къ дѣвушкѣ.

— Я, Левушка!—отвѣчала дѣвушка.

— Пойдемъ скорѣй туда, моя желанная.

— Нѣтъ, Левушка, простимся скорѣй,—отвѣчала дѣвушка: — дома матушка спохватится: я чай, давно ужинать ждуть.

— Да не бойся ты меня, глупенькая... Пойдемъ, ненаглядная моя... О нужномъ дѣлѣ надать переговорить.—И Левка повелъ дѣвушку въ глубь лѣса; она не противилась ему.

Они шли на мягкій мохъ подъ развѣистой березой. Левка приклонилъ головку дѣвушки къ своей щекѣ.

— Когда-то, Наташенька, можно мнѣ будетъ цѣловать тебя въ волю, беззазорно, и днемъ и при людяхъ?—сказалъ Левка, крѣпко цѣлуя ее.

— Объ этомъ и я уже думала, Левушка—отвѣчала дѣвушка.

— За тѣмъ-то вотъ я тебя и звалъ сюда, моя ненаглядная,—сказалъ Левка.—Придется намъ, Наташенька, разлучиться не на долго. Вотъ что я придумалъ, да добрый человекъ присоветывалъ: пойду я, Наташенька, въ городъ, въ Москву, найду тамъ себѣ мѣсто, ночи не стану спать—все стану работать; каждую копейку стану беречь, изъ кулака стану хлѣбъ черствый вѣсть. Проживу годка два—такъ, говорятъ, можно зашибить денежку. Погляди-ко ты, что я въпоры буду!.. Матушка твоя въпоры не поспѣевится... И станемъ мы и день и ночь, и безъ людей и при людяхъ, безъ усталы, вѣкъ цѣловаться, сокровище ты мое!.. Твоя рѣчь какая на это будетъ, Наташенька?... Али силы у меня не хватить? Али умъ не станетъ?

Дѣвушка задумалась. Всегда вѣрила она и въ слова и въ силу Левки,—да пронеслась у нея въ головкѣ другая черная мысль.

— Забудешь ты меня съ городскими дѣвицами, Левушка,—отвѣчала грустно дѣвушка;—покинешь дѣвку деревенскую, погубишь ты меня.

— Отъ тебя ли я это слышу, моя ненаглядная, мое сокровище—сказалъ Левка.—Богъ свидѣтель, что я до гробовой доски не забуду, не разлюблю тебя; разступись подо мной сыра земля, коли я полюблю когда другую.—И Левка перекрестился.

— Ну, а коли тѣкъ, Левушка,—отвѣчала дѣвушка,—разступись и подо мной сыра земля, коли я выйду за мужъ за другаго,

коли я не стану тебя любить до гробовой доски.—И она перекрестилась.—Дай мнѣ свое колечко, Левушка,—прибавила дѣвушка,—а тебѣ въ мое.—Они обмѣнялись кольцами, и начали осыпаться другъ друга поцѣлуями. Настала тишина.

— Не бойсь только ты ничего, моя милая,—сказала потомъ Левка, цѣлуя Наташу,—не впускай въ свою головку черныхъ думъ, не сумлевайся обо мнѣ: аль не хватигъ у меня ума въ люди выбиться? Да кажись, коли вспомю про тебя, мою красавицу, да про твои очи ясныя, такъ со дна я моря выплыву; умру ежели, такъ и тутъ, кажись, изъ-подъ гробовой доски да изъ-подъ желтаго песку—змѣй изовьюсь—да выползу, да буду твоимъ, а ты моею.

И вѣрила дѣвушка своему милому, и любовалась глядя на него, и слушая его рѣчи умныя да похвальбу молодецкую.

— Такъ иди же, Левушка, скорѣй, скорѣй, завтра же, въ городъ,—сказала дѣвушка, цѣлуя его;—а я здѣсь буду за тебя Богу молиться. Да не забудь свою Наташу.

— Пѣтъ, моя милая,—отвѣчала Левка,—дай мнѣ сперва досыта насмотрѣться на тебя, мою ненаглядную, дай походить съ тобой въ хоровахъ, да налюбоваться на тебя, мою красавицу, какъ ты тамъ лучше и пригоже всѣхъ, какъ мѣсяцъ межъ звѣздами. А тамъ—придетъ весна—и отправлюсь.

— А тамъ—придетъ весна—и съ Богомъ, Левушка,—повторила дѣвушка безсознательно его слова, перебирая пальчиками его кудри и въ какомъ-то утомленіи склоняя свою головку на его плечо..

Такъ, незаметно, праздникъ за праздникомъ, воскресенье за воскресеньемъ, проходила у дѣвухекъ и у Левки съ Наташей весна. Не было пона, до поры до времени, никакой заботы на сердцахъ у Левки. Прежде, бывало, при старушкѣ-матери, онъ хоть въ рѣдкѣ, то наймется на недѣлю покосить, попахать, то, выпросивъ у сосѣда лошадежки, вспашетъ свою узенькую полосу и на-светъ для матери льну, то нарубить и продастъ дровъ сажень, и проч., чтобъ не умереть съ голоду съ дряхлѣвшей съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе старушкой. А теперь онъ, пришедъ на ночь въ свою хату, довольствовался мечтами, да крохами, оставшимися послѣ старушки. Впрочемъ рѣдко бывалъ онъ дома: каждый почти день, то помочь у какого-нибудь зажиточнаго мужика, то праздникъ на какой-нибудь деревнѣ, то такъ пображничать привѣтитъ другой бобыль либо даже земской Филипей. И Левка вездѣ поспѣвалъ, гдѣ только стола на столѣ большая медная ендова съ опущеннымъ въ нее такимъ же ковшикомъ. О своей моло-

сенкѣ оны совсѣмъ забылъ, забылъ даже отдать ее въ кортому. Не заботился оно ни о хлѣбѣ насущномъ на завтрашній день, ни о томъ, какая слава ходитъ про него. Онъ сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ; другую путь-дорогу выбралъ онъ себѣ. И по прежнему сходился онъ съ Наташей въ хоровахъ и горькахъ, удалски началъ старостину дочку на качеляхъ, и любовался на свою красавицу, и поджидать ее подъ вечерокъ въ знакомомъ перелѣскѣ, и прощался съ нею длиннымъ, длиннымъ поцелуемъ.

И съ какимъ нетерпѣніемъ ждала дѣвушка новаго праздника, новаго воскресенья! И въ какомъ сладкомъ томленіи проводила она время отъ праздника до праздника! Отъ утра до вечера, съ вечера до новой утренней зари, и на яву и во снѣ, ей все думалось и грезилось про милаго. Шла ли она погулять въ поле, полюбоваться на волюющуюся зелень озими, поглядѣть на яровые воходы — она думала: «не встрѣчусь ли я съ нимъ!» Притиривала ли новый сарафанъ, надѣвала ли новую миткалевую рубашку, останавливалась ли она въ праздникъ передъ зеркаломъ въ раздумьѣ, что надѣть сегодня на шею, мелкія бусы или ягари, какую шелковую ленту вплести въ косу — голубую или розовую, какой лентой перетянуть свой тонкій, гибкій ставъ, — она думала: «больше ли такъ приглянусь я милому?» Когда мать входила въ избу нечаянно, и когда сидѣвшая за швейкой или за кружевомъ Наташа торопливо прятала что-то въ рабочей ящичекъ, — это прятала она или шелковый поясокъ, или околышъ на голову, вышитые ею золотомъ и бисеромъ, или голубую либо красную ленточку на шляпу, приготовляемая въ подарокъ милому при первой встрѣчѣ.

На дняхъ присылалась къ старостинѣ сваха отъ Филиппа земскаго. На слова: — У насъ купецъ — такой-то, а у тебя товаръ, — старостиха отвѣчала: — Ахъ-ты, мать ты моя! Это Филиппъ Естегвичъ?!.. Ай, батюшки: да чѣмъ дорогую гостью подчивать-то?.. Наташа! поди, принеси ендову бражки, да ерофенчку тамъ есть въ сѣнникѣ на маленькой полочкѣ; да разрѣжь кулебяку. Не обезсудь, мать ты моя: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.... Нежданная не гаданная гостья... Ахъ, матушки мои!.. Филипъ Естегвичъ!.. Ахъ онъ голубчикъ мой!.. Рады мы, матушка, радостью, да ты вѣдь сама знаешь, — она у насъ одна въ чести, наглядѣться не можемъ, избывать не станемъ: не опостыляла она намъ своимъ кроткимъ поведеніемъ; ей воля вольная.

Наташа вернулась и поставила на столъ ендову пива и стѣянку ерофенчу.

— Да вот и сама на лицо, легка на помыв. Чу, дитятко, — продолжала старуха, разглаживая рукой волосы дочери и цылуя ее въ лобь, — купецъ на тебя есть, Филиппъ Естегивичъ. Любовь али не любовь?

— Мнѣ всѣ любви, матушка, да не хочу я за мужъ, никогда не пойду: я стану съ вами жить, — отвѣчала наивно хитрая дѣвушка.

— Эхъ, крохотка ты моя, не говори этого: придетъ время — сама запросишься, — отвѣчала, улыбаясь, старостиха. — Ну вотъ, мать моя! — прибавила она, обращаясь къ сваяхъ.

Тѣмъ рѣчи и закончились.

Между тѣмъ пришелъ Троицынъ день — конецъ дѣвичьей весны и гулянокъ.

Солнышко такъ и марить, и видно, кажется, какъ золотые лучи его переливаются въ воздухѣ. Послѣ обеда съ говоромъ и гамомъ начала собираться среди улицы толпа красныхъ дѣвицъ и добрыхъ молодецкѣвъ. Грустно немножко было имъ: въ послѣдній разъ собирались они — проститься и разстаться на долго — до самыхъ святокъ. Грустнѣе было Наташѣ съ Левкой: не на вѣкъ ли разстанутся они сего-дня? Завтра Левка, помолясь Святому Спасу, снарядится въ путь-дорогу дальнюю да незнакомую, — и Богъ вѣсть, чтѣ станется съ Левкой и Наташей! Никогда Наташа съ такимъ усердіемъ не молилась Богоматери, какъ сего-дня у обедни, взглядывая по временамъ на Левку. Но за то въ настоящемъ днѣ много предстояло веселья молодецкамъ и дѣвицамъ.

Вотъ наконецъ всѣ собрались. Каждая почти дѣвушка, или маленькая ея сестренка или братишка, несла съ собою яичницу, жареную курицу, сглянку вина и два красныхъ лица; у нѣкоторыхъ были сверхъ того блины, каша, крупникъ, сухарникъ на подонкахъ, картофельный караваецъ и пр. Хороводъ дѣвушекъ устроился и двинулся съ пляской вдоль по деревнѣ. Молодцы шли за ними слѣдомъ. Пѣсня раздавалась. Далекое въ чистомъ воздухѣ вились серебряные голоса дѣвушекъ. —

Какъ во полѣ липонька,
Подъ липою яблонька,
Подъ яблонью бѣлая шатеръ,
Во томъ шатрѣ дѣвица
Рвала цѣтты со травы,
Вида вѣнокъ съ городокъ.
Кому вѣнокъ носить?
Старому вѣнка не вносить —
Моей молодос...

Моя молодость молод,
Все дивья красота.

Вотъ, сквозь волнующейся зелени застѣянныхъ полей, достигая они заветной рощи, выбрали мѣсто, разставили припасы по бархатной муравѣ луга, и вся толпа отправилась въ разбродъ по густой рощѣ. Остались только маленькія дѣвчонки и парнички караулить припасы. Каждая изъ дѣвушекъ наломала въ рощѣ вѣточекъ, нарвала цвѣтотъ и свила себѣ вѣнокъ. Вскорѣ вновь все собралось къ своему табору, надели, каждая себѣ, вѣнки на головы, устроились въ хороводъ, и двинулись къ рѣчкѣ. Мужчины опять слѣдомъ за ними. И веселая пѣсня огласила глушь рощи:

Весела бездумка, гдѣ милый мой вѣсть.
Огъ пать не вѣсть, любезный мой, за мной пледой вѣсть;
А я плада младешенька позантшккала
За утками, за гусями, за лебедями....

.....
Вы кумушки голубушки, подружки мои!
Кумитесь, любигесь, любите меня!
Пойдете вы въ зеленый садъ — возмите меня!
Вы станете цвѣточки рвать — нарвите и мнѣ,
Вы станете вѣночки вѣсть — снѣтите и мнѣ,
Вы станете на головки вѣсть — надѣньте и мнѣ.
Пойдете вы въ руку бросать — вы бросьте съ меня!

Между тѣмъ хороводъ приблизился къ рѣчкѣ; все дѣвушки небросали въ нее вѣнки съ головъ, и дѣлаютъ надъ ними наблюденіе. Пѣсня продолжается:

Вотъ все вѣнки носерхъ воды, а мой потонулъ:
Звать-то, звать-то любезный мой по мнѣ воздохнулъ.

Высоко всплылъ вѣнокъ Наташи и упрямо двинулся противъ теченія воды. Суевѣрная дѣвушка объяснила это по своему, весело улыбулась и прихлопнула въ ладоши.

Все дѣвушки и молодцы гурьбой возвращаются къ своимъ припасамъ, и дѣвушки рассаживаются небрежно по бархатной муравѣ за общую трапезу. Минутное молчаніе.

Одинъ по одному, начали раздаваться сквозь зубы привѣты краснѣющихъ дѣвушекъ: «Петрушка, садись! — Ванька, садись! — Фялька, садись!»

— Левка, садись! — чуть-чуть слышно, вся пылая какъ въ огнѣ и потупивъ глазки, проговорила Наташа.

Все пары разсылись, и церемонно принимались за первую рюмку и первый кусокъ. Наконецъ вино всемъ развязало языки....

Вся эта ватага, съ гамомъ, свистомъ и веселыми пѣснями поднялась и рассыпалась по густой рощѣ...

... Солнышко садилось. Въ полѣ раздавалось мычанье и блеванье возвращающагося на двѣры скота. По всей рошцѣ начали раздаваться ауканья. Подруги и парни, одинъ по одному, собрались къ своему табору, сплелись въ хороводъ, и хороводъ хотѣлъ уже двинуться домой, какъ вдругъ нѣкоторые подруги замѣтили, что Наташи нѣтъ между ними.

— Гдѣ Наташа?

— Не знаемъ. Осерчала, звать, на кого-ни-наестъ, надула губы, да домой ушла. Горда больно некстать, — сказали одни.

— Да и Левки нѣтъ, — прибавили другіе изъ подругъ и парней съ двусмысленной улыбкой.

— Ну, семеро одного не ждуть! — закричали всѣ — пойдемте, дѣвицы.

На томъ бы дѣло и кончилось, какъ вдругъ изъ-за толстаго ствола березы выставилось лицо старостиха.

— Можно ужъ вагуляться, матери мой. — кричала, подходя къ дѣвушкамъ, старостиха, — и по домамъ пора. Наташутка, а Наташа! пойдемъ, гуляка, домой; отецъ гнѣзается: давно ужинать сидеть. Нарочно пришла. Коровы давно ужъ съ поля пришли.

— Да ея нѣтъ, Аѳросинья Наумовна! — отвѣчали дѣвушки.

— Какъ такъ нѣтъ? — спросила съ испугомъ старостиха.

— Да нѣтъ! — отвѣчала дѣвушка: — аукали, аукали, не могли доукаться.

— Ахти страхи какіе! — воскликнула старостиха, ударивъ себя руками по бедрамъ; — ужъ не попритчилось ли что въ лесу, ужъ не *тотъ* ли обошелъ — чего добраго отъ злыхъ людей! И дома ведь по сяковы поры нѣтъ ея.

— Полно, Аѳросинья Науковна, — сказали дѣвушки, — не пужайся: звать разошлась ты съ ней; гдѣ жъ ей быть, какъ не дома?

— Какъ, мать ты моя, разошлась, — отвѣчала старостиха: — я по-за гумнамъ шла, а она всегда туто ходитъ. Ненька!.. а, раскосье! аль оглохла! Не молоденькая, кажись, пора парней-то выбросить изъ головы.

— Ахъ, матушка, Аѳросинья Наумовна! — отвѣчала Ненька. — Ахъ я глухая тетеря!... Что те надать?

— Пойдемъ-ка, походимъ со мною по рошцѣ, да поукаемъ, — сказала старостиха: — одной-то опасно, страхъ возметь.

— Пойдемъ, матушка, пойдемъ, — отвѣчала Ненька. — Да позови еще кого-ни-наестъ: больше-то — охотнѣй. Пойдемъ хоть ты, Настя, да и ты, Пестя.

— Пожалуй! — отвечали нехотя девушки. Онъ болѣе старостихи

Хороводъ отправился домой.

Солнышко между тѣмъ свѣло. Все стихло въ роцѣ.

— Ау, ау! Наташа, ау! подруга, ау! — раздавалось по роцѣ. Но отвѣта не было.

Еще и еще разъ повторились въ темнотѣ ауканья, но имъ отвѣчало только эхо, и вновь все смолкло. Изрѣдка только треснетъ сукъ валежника подъ увѣсистыми стопами старостихи, да пролепечутъ листки на осинѣ, да раздастся вдали трель соловья.

— Нѣтъ, видно, и впрямь мы разошлись съ ней, мать ты моя, — сказала наконецъ старостиха. — Гопере по зарѣ-то далеко слышно, услышала бы. Нечего дѣлать, пойдемте домой.

Онъ выбрались на поле и пошли по опушкѣ лѣса.

Въ воздухѣ была такая тишь, что можно было слышать полетъ духа. Тамъ только, гдѣ-то, въ глуши лѣса, по временамъ разивались въ переключку и дробились трели соловьевъ, да чуть доносились изъ глубины дремучаго ельника крики сыча, да невѣдомо гдѣ журчалъ ключъ холодной воды, да прочирикаетъ сверчекъ во ржи. Все это обливало трепетный, серебряный свѣтъ луны, и вездѣ разливалось благоуханіе отъ тысячъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ. И лѣса, и небо, и воздухъ, и вода, все ушито было и дышало тихою ибгою, прохладою, радостью, снѣдостью жизни и трепетомъ любви, все или творило еще вечернюю благодарственную молитву за наслажденія дня, или въ торжественномъ безмолвіи поклоилось послѣ трудовъ дневныхъ и ждало новаго живительнаго свѣта.

Старостиха и девушки молча приближались къ загумешному перельску.

— Экая благодать какая погодка-то стоитъ! — воскликнула вдругъ Ненила:—соловухи-то, соловухи-то такъ и заливаются.

— Наташа голубушка у меня страхъ любить слушать ихъ; рада ночь просидѣть у открытаго окошка,—сказала старостиха.

— Такъ вы бы, Аѳросинья Наумовна, велѣли поймать комуни-наестъ,—сказала Ненила.

— Да какъ бы это ты, матушка, его поймала? — возразила старостиха.—Экая ты бойкая: вѣдь онъ, чай, съ крыльями.

— Да я сама умѣю ихъ ловить, Аѳросинья Наумовна,—отвѣчала Ненила:—вѣдь онъ, коли поетъ, ничего не слышитъ, къ сѣ-мому можно подкрасться. Подкрался, да накрылъ водоломъ, коли низко сидитъ,—вотъ и вся тутъ хитрость.

— А что и впрямь, Ненька! — отвечала старостиха. — давай-ко-сь, попытаемь двинцл, завернемь въ лѣсъ: кажись, близко поеть. То-то бы радости Наташыл

— Да тутъ пытатъ нечего, — возразила Ненька: — я сію минутую изловлю. Только тише, тише, на перстыкать идите, и не дышите.

— А— ай, матушки! — проговорила старостиха шепотомъ, близкимъ къ хрипу уставшаго до одышки или дрялющаго что-нибудь черезъ силу, — и подалась въ лѣсъ.

Спутницы отошли уже на цыпочкахъ нѣсколько сажень отъ тропинки, какъ вдругъ подь деревомъ, по облитому серебристымъ луннымъ свѣтомъ зеленому мху, кольхнулась тѣнь, потомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, сплшила скрыться за кустомъ можжевельника другая....

III.

А хотѣла меня пати
 За Филлишюшка отдать, —
 За Филлишя не хочу,
 За Филлишя не хочу.

Пѣсн.

Левка пропалъ безъ вѣста.

— Охъ, страминца, охъ, безстыдница, сняла ты съ пашить плечь головушки, опозорила отца съ матерью! — такъ на другой день щунала старостиха свою дочку, ходя кругомъ ея. — Чадышко-то неаглядное, что сдѣлало, скромница-то наша, старостиха-то дочка!.. Отець-отъ желанный, — какъ онъ топере на мѣрь-отъ покажется?... Охъ, батюшка, — ой-ой-ой, Господи! къ сердцу приступило, всю грудь прострѣяло, свѣтъ изъ очей выкатился.

Наташа, безответная, только рыдала, склонившись къ косяку окна. Наконецъ она проговорила:

— Прости меня, матушка!

— Скромница-то, скромница-то паша, — продолжала старостиха: — не хочу я за мужъ, матушка, не пойду я за Фильку!.. свинопасъ не возметъ топере страминцу!.. Охъ, опомниться не могу, словно морокъ какой!.. Ну, говори, страмъ ты этакой, вольной волей, али неволей ты экое дѣло сдѣлала?

— Вольной волей, матушка! — отвечала, рыдая, дѣвушка. — Да ничѣмъ не обезчестила я себя... Прости меня, родная!

— У, страминца! такъ вотъ и ухвачу за косу-то! — воскликнула старуха, топорщась руками. — Здорово живешь да можешь, — щитѣмъ она не обезчестила себя! А бобылю проклятому, — будь я не Аороська старостиха — ежели добъ не забрюють.

Но не правду говорила старостиха, что будто бы старость стыдно будетъ носить показывать на мѣрѣ. Когда дошелъ до его ушей слухъ объ этомъ поступкѣ дочери, онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— А, не мое дѣло мать па то есть; баба бабу и знаетъ. А это вотъ правда, что Левушкѣ давно бы пора лобъ забрить: полно ему бражничать-то. Надать его гдѣ нинаестъ сыскаать, да схватить, да придставить къ управителю.

Грустно потянулись для Наташи дни. Стыдно было ей показаться куда бы то ни было въ добрые люди. Одно утѣшеніе находила она въ церкви, за божественной службой. И часто въ это время появлялись на глазахъ Наташи крупныя слезинки, и учащая тогда она земные поклоны передъ образомъ Богоматери. Она молилась за себя и за него.

Такъ прошелъ цѣлый годъ. Наташа не показывалась ни въ посидѣлкахъ о святкахъ, ни на боярскомъ дворѣ весною. Часто подруги съ грустью вспоминали о ней и о Левкѣ. Въ одно воскресенье Наташѣ сдѣлалось особенно тошно, и обсмывалась она попроситься у матери на боярскій дворъ, хоть разокъ посмотреть на веселыхъ подругъ, за ихъ игры да пляски, да тамъ и проводить весну.

— Глупенькая ты, глупенькая! Какъ сиротинка какая стала беззащитная, — отвѣчала старостиха со слезами. — Поди, дурочка, поди съ Богомъ, да вѣдь засмѣютъ тебя тамъ подруги да озорники ребята.

Проходя знакомымъ перельскомъ, Наташа завернула въ его глушь, и вышла оттуда съ заплаканными глазами.

Обрадовались подруги, увидя Наташу снова въ своемъ кругу, и начали всѣ подходить и заговаривать съ ней понемножку, опасаясь надорвать ея сердце какимъ-нибудь грустнымъ воспоминаніемъ или неосторожною рвчью. Если у птицъ есть чувство дружбы (а оно должно быть), то, безъ сомнѣнія, такъ пѣвчія птички подлетаютъ къ подругъ, вылетѣвшей случайно изъ клетки, и жалуютъ ее, и жалобно чирикаютъ вокругъ нея, и вместе радуются ея свободѣ, и болтася оскорбить ее какимъ-нибудь звукомъ, похожимъ на насмѣшку или упрекъ въ неосторожности и неловкости. — А молодцы, на которыхъ Наташа прежде и смотреть не хотѣла, свисиво теперь посматривали на нее — невѣстку на отмыстку. Одинъ только земской Филипей заговаривалъ съ ней, какъ ничего не бывало, и ходилъ и цѣловался съ ней въ хороводахъ, и игралъ въ горькахъ, и качался на качеляхъ, и все какъ-будто присыкался отманить Наташу въ сторону. Наконецъ онъ улучилъ ми-

нуту: въ горьки, пѣлавъ Наташу далеко отъ игравшихъ паръ, онъ крикнулъ оттуда, что не хочетъ больше играть.

— Наташа, Наташа! Наталья Степановна! — началъ Филѣка говорить почти шепотомъ Наташѣ, — голубка ты моя! постой, — пойдемъ тихонько, будто тулять. Все мое сердце изныло по тебѣ... Да хоть-бы любовался я на твое счастье съ добрымъ человекомъ, такъ въ полгоря бы было мнѣ свое-то горе горевать, а-то мычешься ты, какъ былинка въ полѣ, сиротинка безпріютная, съ головушкой неприкрытою, да надрываютъ твое сердечко злые языки! Не погуби меня, выдь за меня за мужъ, лебедушка моя ненаглядная!... Знаю я, все знаю, Наташенька, да что мнѣ до этого... Не надохся бы я на тебя, мою милую, не заставилъ бы раздѣвать, разувать, да ломать для меня обычай твой дѣвичій, а самъ бы тебя, мою красавицу, и раздѣлъ и разулъ, и спать уложилъ, самъ бы спозналъ всѣ твои свѣчки и обычаи, на рукахъ бы тебя носилъ, всякихъ обновъ бы тебѣ закупилъ. Не погуби меня, Наташенька!... Не перечь мнѣ... все. все знаю я...

Гордость Наташи проснулась. На глазахъ ея блеснули двѣ слезинки.

— Спасибо тебѣ Филипей Естегнѣичъ, за добрыя рѣчи, — отвѣчала дѣвушка: — добрый ты человекъ. Да и добрыя эти рѣчи не къ стати не пригоже говорить тебѣ, Филипей Естегнѣичъ! Знаешь-ты про меня, да не такъ, какъ я сама про себя знаю: вотъ Богъ на то — не безчѣстная я дѣвка, Филипей Естегнѣичъ. Полюбила я одного, — и люблю, и стану любить его до гробовой доски, гдѣ бы онъ ни былъ, хоть бы въ темной могилѣ. И это же скажу, пожалуй, хоть на всемъ міру, и никому, окромя отца да матери, нѣтъ дѣла до меня. А не въ терпѣжь придетъ имъ да мнѣ отъ злыхъ языковъ, руки на себя наложу, а твоей я ницой не думаю быть и не буду. Вотъ тебѣ послѣдняя рѣчь моя. Не гнѣвайся, Филипей Естегнѣичъ, на меня дѣвку вольную да упрямую: не переломашь свое сердце, не разорвешь его на двое.

Такъ пролетѣла весна. Настало лѣто. Время пошло своимъ чередомъ. Крестьяне принялись за лѣтнія работы. Изрѣдка повторялись еще сплетни, толки и слухи и о Левкѣ съ Наташей. То разнесется слухъ, что безпашпортный Левка выпросился Христа-ради почевать у бобылки въ Ермошкинѣ починкѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, или стаянеть ночью тамъ и тамъ печенного хлѣба; то мужикъ, воротившись изъ лѣсу, скажетъ, что слышалъ, или даже видалъ, какъ Левка на бору или въ загумennomъ перелѣскѣ игралъ въ свирѣль, или струнгалъ въ баладайку.

Носились даже слухи, что по почамъ Левка ходитъ въ село, и все ходитъ около старостина дому, и такъ, скося все, посматриваетъ на него, не то любовь онъ, не то нелюбовь ему.

Такъ проходятъ дни за днями, ничѣмъ невозмущаемые. Мирно мужички занимались полевыми работами. Игрѣдка только, то зверь потормошитъ въ лѣсу корову либо лошадь, либо другую животину, то буря попортитъ что-нибудь или не дастъ выдти на работу, и надвѣаетъ минутныхъ толковъ. Такъ, на дняхъ у старосты буря своротила съ избы всю крышу и разметала по теснѣ и по бересту, и такъ напугала лѣвиваго мужика Куську Сусла или Суслеца, что разъ, черезъ недѣлю послѣ этого, когда на дворъ моросилъ только дождикъ, онъ, вставъ послѣ обѣда изъ-за стола и потягиваясь, говорилъ женѣ безъ запинки:

— Пойдемъ, отдохнемъ-ка, Фетинья: итти на работу не лѣзя намъ: до нитки промочить, аль съ кровли доской зашибеть. Намедни, у старосты, помнишь, полдома вихремъ свихнуло. Да правду ли люди-то добрые бають, свихнуль-то Левушка проклятой поганью, за то, что за чѣмъ старостиха не выдала дочь за него. Видѣли всѣ, какъ Левушка-то въ вихрь пропесся съ багромъ... Онъ, вишь, съ Елеськи все колдовство снялъ на себя: и молитвы творилъ, и конь подымали — Елеська промучился шестеры сутки — не могъ умереть; — пришелъ къ нему Левка, Елеська мягнуль лишь ему, — и вдругъ почернѣлъ весь, какъ уголь. Ну съ нимъ и споналася Наташа... Да вздумалъ ее онъ силкомъ унести на коврѣ самолетъ за моря и лѣса! Да видно, сильнѣе нечистой-то крестная сила: Наташа, вишь, страхъ богомольна, всѣхъ прежде въ храмъ Божій идетъ; и за это въ глаза наплевала ему, да и бросила грѣхъ. А Левка съ досады въ бору одинъ на одинъ на медвѣдя пошелъ. Вѣстимо, что черепъ медвѣдь своротилъ. Да правду ли люди-то добрые бають, сажа-то нечистая сила медвѣдь тотъ и былъ. Знать вышелъ срокъ парню по свѣту гулять.

Все это проговорилъ Куська какъ по книгѣ, безъ запинки и безъ улыбки, важно, какъ степенный мужикъ. Фетинья слушала его разинувъ ротъ, и все принимала за чистую монету. А добрые люди, на которыхъ ссылался Куська, ровно ничего подобнаго не баяли. Откуда Куська подслушивалъ такія сказки, или какъ такъ скоро сочинялъ ихъ, это была его тайна: права поговорка, что всякое дѣло мастера боится.

Именно странно созданъ человекъ, — или фантазія — преобладающее свойство большинства человечества? — Вѣдь всѣ знали, что Фетинья пошлая дуря, и что Куська Суслецо отродясь не говори-

вадь правдиваго слова: такъ, разъ, онъ всѣхъ увѣрялъ и божился, что у него на огородѣ лукъ выросъ стрѣлками въ землю, а въ другой разъ, вернувшись изъ лѣсу, рассказывалъ, что нашелъ тамъ такой большой бѣлой грибокъ, что не могъ его топоромъ подрубить, и что на корнѣ его заворотилась бы четвертая лошадка; божился также, что на печи у него выросли вилы.

— Какъ вилы? — спрашивали его сосѣди Маслоцо, Брагаи Варега.

— Да такъ, какъ есть съвѣныя вилы! — отвѣчалъ онъ нешутя. — Я принесъ изъ лѣсу прутикъ, обстругалъ его, сдѣлалъ изъ него вилки, въ постель гороховый кисель ребятамъ вѣсть, да и забросилъ на печь просушить. Гляжу черезъ недѣлю: лежатъ на печи, какъ есть, большія съвѣныя вилы. Вонъ, хоть подите поглядите: на саравахъ стоятъ; наметни стогъ металь, да зубъ одинъ сломилъ, а павозъ наваливать и топерѣ еще пригодны.

Но не смотря на все это, на другой же день новая молва о Левкѣ пошла черезъ Фетинью по всему околodку. Стали даже носиться слухи, что то баба, ходившая за грибами, видѣла въ загуменномъ перелѣскѣ, на ели либо на осинѣ, грѣшную душу Левки, то слышали въ полночь, въ бору, заунывный могильный крикъ и вой его грѣшной души, и говорили, что это тоскуютъ его неотпѣтыя проклятыя кости, и пр. и проч. Загуменный перелѣсокъ и называть иначе не стали, какъ *Левкинымъ*, и со страхомъ, крестясь и творя молитву, проходили мимо него бабы, возвращавшіяся поѣднимъ вечеромъ съ поля со жнивы или съ снокоса. Матери стали стращать Левкой ребятишекъ; когда они заплачутъ или не въ время запросятся въ лѣсъ за грибами; и дѣвчонки и мальчишки, ходя за грибами, всегда обѣгали Левкинъ перелѣсокъ, перешептываясь между собою со страхомъ: «тамъ Левка ходитъ, дѣвка! задавить, либо въ смуть къ русалкамъ затащить!»

Эта молва дошла и до Наташи, и сильно подѣйствовала на ея послушную дѣвическую фантазію. Образъ Левки мало по малу началъ измѣняться въ ея душѣ, и наконецъ въ ней ясно нарисовался воздушный Левка, несущійся въ вихрѣ съ багромъ. Но дѣвушка не могла запретить своему сердцу любить его и въ этомъ видѣ. Увѣренность въ смерти Левки въ ней возрасла, и начала Наташа заливать по ночамъ слезами горячими о такой грѣшной кончинѣ и безславной гибели своего милаго, и еще чаще стала ходить въ храмъ Божій, и еще горяче молиться о его грѣшной душѣ.

А время шло своимъ чередомъ. Прошелъ годъ, другой, третій.

Быль на деревнѣ годовой праздникъ. День красный. Жара. На полѣ, у опушки лѣса, на сплоченныхъ на-скоро изъ досокъ

скамьяхъ, стоятъ святыя иконы. Народъ со всего почти прихода, въ самыхъ нарядныхъ, у кого только какія были, платьяхъ, усердно молится о изобилии плодовъ земныхъ и временахъ мирныхъ. Съдовласый старецъ, отецъ Никита, съ умилениемъ читаетъ молитву о благораствореніи воздуховъ и плодородіи земли и заклинаніе на птицъ и на всякій гадъ, пресмыкающійся по земли и летающій въ воздухъ.—А тамъ, въ сторонкѣ, стоятъ по столамъ въ деревянныхъ чашкахъ и блюдахъ говядина, телятина, свинина, каша гречневая, пшеничная, ячная, овсяная, пиво въ большихъ мѣднѣхъ ендавахъ, медъ, молоко, лица, пироги,—чѣмъ кого Господь благословилъ. А тамъ, зрѣлая колосистая рожь такъ и золотится, и клонится къ землѣ, и волнуется легкимъ вѣтеркомъ, какъ волшебное золотое море. Вдоль некоторыхъ полосъ стоятъ уже ряды суслоновъ; благословилъ Господь Богъ нынче хорошимъ урожаемъ,—сердце радуется: ближе, чѣмъ рука подать, отъ суслона до суслона, да и умолотъ, кажись, богатый будетъ: снопы такіе увѣсистые, что бабъ чуть въ пору будетъ и на овинъ поднять. — А мальчишки въ тонкихъ пестрядиныхъ или бумажныхъ красныхъ рубашкахъ, и дѣвчонки въ ситцевыхъ сарафанахъ весело бѣгаютъ, въ разсыпную и кучками, по полосамъ, рвутъ во ржи душистыя синюжки, поны, аграфены купальницы, вилы, грабли (*), и вяжутъ въ пучки. Вотъ мальчишка, держа близь рта попъ, наговариваетъ надъ нимъ на распѣвъ, во все горло: «попъ, попъ, попъ, выпусти собачку,—не выпустишь собачку—въ лѣсъ пошлю!» И вотъ, будто отъ дѣйствія его волшебныхъ словъ, изъ попа начали выползать маленькія черненькія насекомыя—это собачки. А другой мальчишка, у ошкы лѣса, нашедъ на масляникъ улитку, давить ее и приговариваетъ: «улитка, улитка, высуни рога, дамъ пирога!» И улитка по неволѣ высунула рога. Но вдругъ, будто въ наказаніе за его жестокость, впрыгнула было ему въ самую ноздрю зеленая травяная кобылка, а въ ухо чуть не влетѣло съ жужжаньемъ веретено. Мальчишка бросилъ свою жертву, заткнулъ уши ручонками, чихнулъ и пустился бѣжать. — А тамъ дѣвченка, поймавъ богову коровку, и держа ее на рукъ, напѣваетъ: «богова коровка, Богъ тебя создалъ, дай молочка!»

Молебень кончился. Радостно народъ подходитъ ко кресту. Отецъ діаконъ кропитъ всѣхъ святою водою. Старули, обмакивая въ блюдо пальцы, смачиваютъ ею глаза для здоровья,—и по вѣрв ихъ бываетъ имъ! Все просто, но все торжественно, радостно, мирно, тихо, светло и въ природѣ, и на душѣ, и на сердцѣ.

(*) Мѣстныя названія чистотель и травъ.

Вотъ отъ Левкина передьска еще кто-то спѣшать, — вѣрно хочеть захватить молебствіе. Вотъ онъ уже близко. Кто бы это? Такой длинноногій, въ короткомъ сюртукѣ, пуховой шляпѣ, въ бѣлой манишкѣ, жилетѣ, и съ серебряной часовой цѣпочкой на трупѣ!... Дьяконовъ сынъ? — Нѣтъ, вотъ онъ стоитъ у каши. — Управительской лакей? — Нѣтъ: у того съ роду не бывало часовъ, и никогда не одѣвался онъ такимъ щеголемъ. — Молодецъ приближился.

— Нечистая сила! — пронеслось тихонько, почти шепотомъ, по всей толпѣ, — и весь народъ шелохнулся.

Но вотъ онъ не только снялъ шляпу передъ святыми иконами, но опустился на лугъ на колѣни, и усердно, со слезами, сталъ молиться Богу и класть земные поклоны. Нѣтъ, это не нечистая сила!

Между тѣмъ кучка народа столпилась около упавшей безъ чувствъ двушки. Ее взяли на руки и понесли къ деревнѣ. Незнакомецъ замѣтилъ это, и молча последовалъ за толпою. Все это дѣлалось безъ большого шума и суматохи: никто не нарушилъ священнодѣствій.

На другой дѣнь въ помѣщицкѣй конторѣ была сходка. Старшины всѣхъ деревень и старики, и всѣ, кому до кого была мірская нужда и дѣло, собрались на нее. Староста, земскій и бурмистръ сидѣли за столами, и судили и рядили. Вдругъ дверь отворилась, и входитъ вчерашній незнакомецъ, но уже не въ сюртукѣ, а въ плисовомъ полукафтанѣ и шароварахъ. Взошедъ, онъ помолился Богу, поклонился старостѣ и сказалъ:

— Здравствуй, Степанъ Лукичъ! сколько зимъ, сколько лѣтъ не видались! Какъ здѣсь васъ Господь Богъ милуетъ?

Здравствуй, молодецъ, здравствуй. Долго ты гулялъ, что то выгулялъ. Вишь, какимъ щеголемъ появился, — баринъ бариномъ! — отвѣчалъ староста, разглаживая широкую бороду, и какъ-то двусмысленно и нерѣшительно, боясь сказать и лучшей и худшей привѣтъ.

— Ну, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, Степанъ Лукичъ! — отвѣчалъ незнакомецъ. — Здравствуй, Филиппъ Естегевичъ! — продолжалъ онъ, оборотясь къ земскому.

— Здравствуй, Левъ Васильичъ! — отвѣчалъ ласково земскій. — Какъ тебя Господь-Богъ милуетъ?

— Слава Богу! — отвѣчалъ Левка. — Прошелъ огни и воды, и мѣдныя трубы, да вотъ привелъ таки Богъ опять съ вами свидѣться. Вотъ письмо отъ барина вамъ и всему міру! — прибавилъ

онъ, подавая Филипыю письмо: бурмистръ и староста не знали грамотъ.

Земскій, взявъ письмо, распечатавъ и пробъжавъ его, всталъ, низко поклонился Левкѣ и сказалъ:

— Ну, Левъ Васильевичъ, сталъ во времени, и насъ помяни.

— Что ты, что ты, Богъ съ тобой! — отвѣчалъ Левка со слезою на глазахъ. — Вы только меня не забудьте да не оставьте въ первоначатыи, помогите мнѣ угодить и барину, и вамъ, и всѣмъ добрымъ людямъ.

— Слушайте, что пишетъ баринъ! — сказалъ Филипей, обращаясь къ бурмистру и старостѣ. — Да кстати я за одно прочту и всему міру. Слушайте, православные, что пишетъ баринъ намъ и вамъ, и всему міру! — прибавилъ онъ, оборотившись къ народу, и началъ читать:

«Сидоръ Ивановъ, Степанъ Лукинъ и Филипъ Естигнѣевъ! вы жаловались мнѣ на управителя, что онъ думаетъ только о своемъ карманѣ, а обо мнѣ да объ васъ не думаетъ, гоняетъ мужичковъ въ неустановленное время на задълье, принуждаетъ вывозить лишніи противъ назначеннаго дерева, выгонять лишніе плоты и дѣлать лишніи гусьяки и барки, а заработанныхъ денегъ мужичкамъ не выдаетъ и у себя удерживаетъ, — и я ему отказалъ. А къ вамъ посылаю въ прикащики моего крестьянина, вашего одновотчинника Льва Васильева, который и будетъ распоряжаться, пока я не пришу новаго управителя. Въ новости не оставьте его, почитайте и слушайте, — онъ парень умный, рачительный и добрый, и будетъ стараться объ васъ, беречь и любить васъ. Смотрите за мужичками, чтобы они работать не лѣнились, пьянствовали меньше, оброки платили исправнѣе, за что и я васъ и ихъ буду любить, беречь и благодарить.

Вашъ помѣщикъ...»

Народъ слушалъ, разиня ротъ, и съ удивленіемъ уставя глаза на чтеца и на Левку, и долго не могъ придти въ себя. Наконецъ нѣкоторые старики медленно подняли и завели назадъ руки, и начали копать ими въ затылкахъ. Не зависть и не боль честолюбія была пружиною этого движенія: мужичкамъ кто ни попу, тотъ батька, лишь бы берегъ ихъ, — а удивленіе и раздумье, усиліе рѣшить, какъ это зороны летаютъ такъ прямо? А известно, что Русскій мужичекъ не очень скоръ на рѣшеніе какого бы то ни было вопроса.

Вскорѣ послѣ побѣга Левки управитель увѣдомилъ объ этомъ барина, описавъ все примѣты бѣглеца, и вскорѣ послѣ того пришелъ отъ барина запросъ, какого Левка былъ поведенія, и отъ чего онъ бѣжалъ, и не было ли у него какихъ особенныхъ примѣтъ. Управитель увѣдомилъ, что поведенія Левка былъ разгульнаго и жизнь велъ праздную, что бѣжалъ неизвѣстно отъ чего, а примѣта особенная у него — на шеѣ три царапины, которыя получилъ Левка, помѣрившись разъ въ лѣсу силою съ мохнатымъ мишкой. И поддѣлъ-таки тогда Левка косолапаго на рогатину.

Скрывшись изъ деревни, безпачпортный Левка, сквозь огонь и воду, пробрался кой-какъ прямо въ Москву, отыскавъ своего барина, повалился ему въ ноги и разсказалъ всю правду истинную. Добрый и умный баринъ сжалился надъ молодымъ парнемъ, и по описаннымъ въ письмѣ управителя примѣтамъ удостовѣрившись въ его личности, оставилъ его у себя на дворнѣ. Преданный, усердный и расторопный Левка вскорѣ заслужилъ любовь и довѣренность барина. Особенно онъ полюбился молодому барину, съ которымъ всегда ѣздилъ кучеромъ и удалски правилъ залетною парой, такъ что

Кузнецкій мостъ, Арбатъ и Цоварская
Дивились двоицѣ, на бѣгъ ея взирая.

Накопецъ баринъ, имѣвъ случай получить отъ него много значительныхъ услугъ и узнавъ о притѣсненіяхъ крестьянамъ отъ наемнаго управителя и несоблюденіи имъ помѣщичьихъ выгодъ, рѣшилъ послать Левку въ прикашки на его мѣсто, давъ ему предварительно инструкцію и истинно отеческое наставленіе, — рѣшилъ это тѣмъ легче, что смѣтливый Левка не могъ не знать лучше всякаго ученаго управителя всѣхъ средствъ и способовъ къ улучшенію быта и исправленію земскихъ и помѣщичьихъ повинностей своихъ одноотчинниковъ, своей родины, — и конечно, благодарный Левка всѣ свои силы употребилъ на то, чтобы соблюсть выгоды добраго барина и вмѣстѣ угодить своимъ друзьямъ и одноотчинникамъ, среди которыхъ онъ родился и выросъ, и спозналъ и горе и радость.

— А-юй!... вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день! — говорилъ на другой день лгунъ Куська Сусло своей женѣ Фетиньѣ. — Голере дастъ онъ имъ знать Акулькину-то мать!... Говорилъ ведь я: эй, ребята, смотрите, полноте до поры до времени лгать да прилыгать о добромъ чловѣкѣ: не ровна доля выпадеть: — поглядите, что Левка будетъ либо панъ, либо палъ. Ну вотъ, не вышла ли моя правда на свѣжую воду? А они ужъ и колдуномъ-то его

ославили, и нечистая-то сила медведь его задавила, и по ночамъ-то его проклятая душа бродить да воетъ, да голоднымъ волкомъ завываетъ. Э— ахъ! вврь нонича людямъ-то! на обгорьлую полушку правды въ людяхъ не стало! Охъ, Господи, Господи!... Правду, знать, вчера одинъ прохожій старичекъ нищенкой сказывалъ мнѣ, что ровно черезъ годъ будетъ переставленіе свѣту...

Черезъ мѣсяць старостиха Афросинья Наумовна суежилась около стола, на которомъ, на бѣлой браной скатерти, стояли знакомыя намъ большая мѣдная ендова густато пива, ерофентъ, кулебяка со свищиной, ячница глазунья и блюдо свѣжаго меду,—и честила своего дорогаго зятя Льва Васильевича.

— Ахъ, батюшки, да чѣмъ же тебя, дорогаго гостя, подчинять-то?... Да выпей, батюшка, ерофенчку-то, да провѣдай, родной, хоть глазуньи-то: на одномъ маслецѣ сдѣлала, не подожгла, кажись. Али не сладко? Ты, вѣдь, чай, батюшка, въ новомъ-то домѣ все на городскую ногу поведешь,—подсласти, жена! Экая жена: не видить, что мужу несладко!

— Да я ужъ устала подслащать-то, матушка! — отвѣчала Наталья Степановна.

— Э-ахъ, матушка, раненько, раненько: и медовой-то мѣсяць чуть ли еще прошелъ? — сказала старостиха.—А мы-то здѣсь, батюшка,—прибавила она,—словно сироты безъ нея остались,—словно пусто въ избѣ-то стало. Сядемъ, бываетъ, со Степаномъ Лукичемъ за столъ обѣдать, да и ждемъ, и сидимъ, сложа руки, словно кого-то нѣтъ. Скучненько безъ нея стало, дорогаго ты мой.

— Ну за то намъ весело, матушка,—отвѣчал Левъ Васильевичъ,—и вѣкъ не соскучимся.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ, радости вы мои! — сказала старостиха.—Глядимъ мы на васъ, да не нарадуемся. Вотъ счастье-то послалъ Господь за наши грѣхи да за продерзости! Его Создателя вѣкъ должны мы благодарить.

— А ты бы, Левъ, бобылей-то всѣхъ на барки почаще гонялъ,—проговорилъ староста Степанъ Лукинъ, разглаживая густую бороду и насунивъ брови,—а то что они только бражничаютъ да баклуши бьютъ,—ни у кого ни кола ни двора. Туто хоть заработокъ гуртомъ получать стануть, такъ авось и поправатся, кто умъ-то въ голову возьметъ.

Послѣ обѣда молодые отправились по мянуть намогилѣ добраго Елесею.

В. Дементьевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЭРАСТА БЛАГОПРАВОВА.

Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
 Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

А. Пушкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Перечень открытій и замѣчательнѣйшихъ событій въ литературномъ, ученомъ и промышленномъ мірѣ съ 1837 года до нашего времени.—О вліяніи петербургскихъ журналовъ на вкусъ публики.—Пушкинъ, Лермонтовъ, Зотовъ, Бутковъ, Некрасовъ и Станискій, Зряховъ и Кузмичевъ.—Новый поэтъ и Эрастъ Благоправовъ.

Покойный А. С. Пушкинъ мнѣ говаривалъ: «Эрастъ! тебя не поймутъ. Тебѣ не вкусить сладкихъ восторговъ, доставляемыхъ намъ славой; ты пройдеши не замѣченный современниками, а судъ потомства до тебя не дойдетъ: ты уже будешь въ глубокой могилѣ, когда наконецъ поймутъ тебя и оцѣнятъ по достоинству твои стихотворенія. Лучше не печатай ихъ при своей жизни — лучше завѣщай ихъ потомству: твои правнуки напечатаютъ ихъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и верно никогда тебѣ не забудутъ. Да, Эрастъ, тебя не скоро поймутъ! Изчезнутъ поколѣнія, падутъ царства, народы сотрутся съ лица земли, и, не смотря на это, тебя все таки еще не поймутъ». Такъ говаривалъ мнѣ Пушкинъ и говаривалъ всегда, когда я ему приносилъ какое-нибудь новое произведеніе моего даровитаго пера. Я обыкновенно съ покорностью выслушивалъ такіа замѣчанія великаго поэта и благодарилъ его за сочувствіе и участіе. Однажды (это было уже осенью) прочиталъ я ему большую поэму въ описательномъ родѣ подъ заглавіемъ: «Путешественникъ по Испаніи или бой быковъ.» Пушкинъ пришелъ въ восторгъ отъ этой поэмы; онъ заплакалъ, обнялъ меня и воскликнулъ: «нѣтъ, Эрастъ, тебя не поймутъ!»

— Послушай, Пушкинъ,—сказалъ я ему—ты ошибаешься, ты впадаешь въ крайность. Ты предубѣжденъ противъ нашей сносной Повѣрь мнѣ, публика понимаетъ, что хорошо и что дурасова про-
 поступили

«Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ — воскликнуть великій поэтъ; — еслибъ публика знала, что хорошо, и что дурно, она поняла бы и оценила мои послѣднія произведенія; она бы не говорила, что мой *Кавказскій плпнникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ*, *Русланъ и Людмила*, *Братья-Разбойники* и другія мои юношескія попытки, выше *Бориса Годунова*, *Моцарта* и *Сальери*, *Скупаго Рыцаря* и другихъ вдохновенныхъ созданій моего уже созрѣвшаго генія. Еслибъ публика понимала, что дурно, что хорошо, то критика не осмѣлилась бы сказать, что я отсталъ отъ вѣка.» Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ это отъ Пушкина. Много воды утекло съ тѣхъ моръ; много совершилось великихъ событій въ области литературы, науки и искусства; много явилось новыхъ знаменитостей; много затмилось старыхъ; много поблекло и облетѣло лавровыхъ вѣнковъ, много терновыхъ обратилось въ лавровые и обратно. Имя Дикенса прогремѣло по всей Европѣ; вышелъ *Герой нашего времени* Лермонтова, вышли *Мертвые Души* Гоголя, вышла Хрестоматія г. Галахова; открыто дѣйствіе сѣрнаго ээира, усыпляющаго больнаго при операціяхъ; изобрѣтена огнестрѣльная вата; г. Боткинъ совершилъ наконецъ самъ путешествіе по Испаніи и описалъ его съ большимъ чувствомъ; вышла одна неслыханно замѣчательная статья, которая открываетъ совершенно новое и доказываетъ всѣмъ ученымъ, что они глубоко ошибались; была всемірная выставка въ Лондонѣ, о чемъ не однократно извѣщали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; публика съ удовольствіемъ прочла *Мертвое озеро* и *Старый Домъ* на страницахъ тѣхъ журналовъ, которые прежде очень невыгодно отзывались о такого рода произведеніяхъ и отличались литературной нетерпимостью. Вообще въ литературномъ мірѣ произошло много переворотовъ. Между тѣмъ, какъ вокругъ меня то и дѣло появлялись новыя литературныя знаменитости, я оставался въ совершенной неизвѣстности. Мнѣ стало завидно. Мнѣ стало прискорбно видѣть столько литературныхъ извѣстностей, пользующихся незаслуженной славой, между тѣмъ какъ свѣтъ и не подозреваетъ о существованіи моихъ стихотвореній, написанныхъ мной въ молодости. Зависть и желаніе выказать свой поэтический талантъ до того было овладѣли мной, что я, увлеченный примѣромъ одного Русскаго поэта, чуть не напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній; но меня удержало жестокое обстоятельство. У насъ въ Россіи нынѣ никакъ нельзя умалчивать стиховъ. Стихи всѣ возможными средствами и самыми раз-

Почными путями преслѣдуются нашими толстыми и прекраснаго Елес.чалами. Такое нерасположеніе къ поэзіи есть исключи-

тельная принадлежность нашихъ журналовъ. Во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы печатаются и читаются стихи и журналы выказываютъ къ нимъ сочувствіе. Но у насъ это бываетъ совсѣмъ иначе. У насъ позволяется писать прозу: въ прозѣ вы можете писать какія вамъ угодно пошлости, и будьте увѣрены, что, какъ бы вы плохо ни написали, Петербургскіе Журналы примутъ съ благодарностію на свои страницы ваше произведеніе. Но избави васъ Богъ написать, или — что еще опаснѣе — напечатать ваше стихотвореніе: стихотвореніе ваше будетъ встрѣчено самыми строгими, мелочными придирками; васъ поднимутъ на смѣхъ, назовутъ даже пожалуй *поэтомъ*, а выраженіе поэтъ съ нѣкотораго времени употребляется нашими журналами, какъ бранное слово. Что можетъ быть хуже романовъ: *Три страны свѣта*, *Вертвое озеро*, *Старый домъ* и другихъ литературныхъ спекуляцій? Ничего. А вѣдь эти несчастныя произведенія, имѣющія въ виду одни практическія цѣли, напечатаны въ двухъ нашихъ самыхъ лучшихъ, самыхъ Петербургскихъ журналахъ. Да это бы ничего, что они тамъ напечатаны: мало ли что теперь печатается въ этихъ журналахъ; извѣстно, что эти два журнала совершенствуются на пути жизни съ неудержимой быстротой, такъ что мы надѣемся, что въ скоромъ времени Гг. Зряховъ и Кузминчевъ примутъ въ нихъ дѣятельное и живое участіе. Но странно то, что публика, вкусъ которой дошелъ было до такой утонченности и разборчивости, опять стала такъ не прихотлива, что позволяетъ печатать и съ удовольствіемъ читаетъ пошлости, которыя теперь ей предлагаютъ. Впрочемъ я нарочно сказала, что это странно, а въ самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ ничего страннаго. Петербургскіе журналы *теперь* издаются не для той публики, для которой исключительно *было* стали писать Русскіе писатели. Помянутые журналы смекнули, что писать только для избранной публики невыгодно, что, если они будутъ писать только для нея, то у нея мало будетъ подписчиковъ. И вотъ они принялись за созданіе разныхъ романовъ на манеръ Александра Дюма. Да вѣдь оно и легче и дешевле: такого роду произведенія можетъ дѣлать, въ свободное время, сама редакція.

Каждый благомыслящій и благосамвренный человекъ, поразмысливъ о Русской журналистикѣ, можетъ предложить себѣ или кому нибудь другому слѣдующій вопросъ: отъ чего у насъ посредствомъ пародій безпощадно глумятся надъ стихотвореніями часто очень даровитыхъ поэтовъ, между тѣмъ какъ несносныя повѣсти г. Буткова, романы гг. Зотова, г. Станицкаго и Некрасова проходятъ безнаказанно? Отвѣтъ простъ: наши критики поступили

въ услуженіе къ публикѣ, и всѣми средствами стараются угодить ей. Они не хотятъ направлять и очищать ея вкуса: они потакаютъ и льстятъ ему. Вкусъ большинства, толпы, они взяли за нормальный, и преслѣдуютъ все то, что не нравится толпѣ. Толпѣ гораздо больше нравятся *Три страны свѣта*, чѣмъ стихотворенія Гг. Щербины и Мел; и не мудрено, такія произведенія, какъ Три страны свѣта дѣйствуютъ только на самыя грубыя чувства чело-вѣка, и доставляютъ чело-вѣку только чувственное наслажденіе: по этому они доступны каждому. Но для того чтобъ сочувствовать стихотвореніямъ господъ Щербины и Мел, надо имѣть развитое эстетическое чувство, надо сохранить въ себѣ душевную чистоту и свѣжесть, въ слѣдствіе которой чело-вѣкъ быстро поддается впечатлѣніямъ отъ художественныхъ произведеній. Этой-то чистоты душевной, этой свѣжести и нѣтъ въ большинствѣ публики, этой-то свѣжести и чистоты душевной уже нѣтъ въ редакторахъ и критикахъ, обольщенныхъ похвалами и сочувствіемъ толпы, и избалованныхъ мірскими благами и благопріобрѣтеніями. У нихъ сильно испорченъ вкусъ: имъ только могутъ нравиться литературныя принасти и ихъ нисколько не оскорбляютъ произведенія Гг Некрасова и Станицкаго, Буткова, Зотова и другихъ корнеевъ нашей наконецъ уже созрѣвшей литературы.

Какъ же мнѣ быть, при такихъ обстоятельствахъ? Какъ мнѣ высказать свое поэтическое дарованіе? Напечатать нисколько стихотвореній? Конечно, это легко сдѣлать, но за то каковы будутъ послѣдствія?

Всѣмъ извѣстно, что на берегахъ Невы издается Журналъ Современникъ. Трудолюбивая и образованная редакція наполняетъ свой журналъ очень серьезными и дѣльными статьями. Почти каждый мѣсяцъ она выказываетъ какую-нибудь новую сторону своихъ познаній и своей литературной добросовѣстности. Такъ недавно, напечатавъ статью г. Милютина, она выказала необыкновенное знаніе Польскаго языка, а вскорѣ послѣ того въ спорѣ съ Отечественными Записками обнаружила познаніе и языка Англійскаго....

Такія прекрасныя черты редакціи Современника постоянно ободраются и поощряются публикой, выписывающей его въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Но самая достопочтенная и достойная поощренія черта редакціи Современника заключается въ той ненависти, которую она выражаетъ къ поэзіи. Выраженіе этой ненависти редакція Современника возложила на Новаго Поэта. Отъ его страннаго имени, она преслѣдуетъ посредствомъ пародій

не только русских второстепенных поэтов, но даже Гейне, не только Гейне, но даже Лермонтова, не только Лермонтова, но даже самого Пушкина. Вы удивляетесь? вы не врите? вамъ кажется дикимъ, что какіе-нибудь производители пустыхъ стихковъ и Петербургскихъ фельетоновъ, осмѣливаются оскорблять тѣнь великаго поэта? О, не удивляйтесь! теперь на Пушкина смотрятъ совсѣмъ другими глазами, чѣмъ прежде. Авторитетъ Пушкина, если не уничтоженъ, то, по крайней мѣрѣ, сильно заподозрѣнъ. Въ нѣкоторыхъ журналахъ поговаривали, что многія даже лучшія стихотворенія Пушкина стали не современны, что Пушкинъ ниже Гоголя, что онъ уступаетъ Лермонтову, потому что не рѣшаетъ подобно ему общественныхъ вопросовъ. Этого мало: нѣкто иногородный подписчикъ очень наивно и вѣрно назвалъ творца Евгенія Онегина *поэтомъ далеко не безукоризненнымъ*. Кромѣ того г. Милюковъ въ своемъ очеркѣ *Исторіи Русской Поэзіи* изъяснилъ радость, что Пушкинъ умеръ: по его мнѣнію Пушкинъ былъ бы очень несчастливъ, еслибъ дожилъ до нашего времени, — *онъ бы былъ, какъ мертвецъ между живыми*; потому что еще при жизни отсталъ отъ вѣка. Это мнѣніе г. Милюкова, равно какъ и вся его книга, было одобрено Петербургскими журналами. Мы съ своей стороны также его одобряемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что бы было съ бѣднымъ Пушкинымъ, еслибъ онъ остался въ живыхъ? Еще въ 1836 г. онъ отсталъ отъ вѣка и современныхъ вопросовъ, а вѣдь съ тѣхъ поръ общество ушло еще дальше въ двѣ мысли. Сравните статьи Пушкина, писанныя въ послѣднее время его жизни, съ статьями Гг. Галахова, Сто-одного, съ брошюрой г. Милюкова и съ другими произведеніями новѣйшей критики, и вы увидите, какая между ними разница, и подумаете, что между вышечисленными господами и Пушкинымъ протекло болѣе трехсотъ лѣтъ. Такіе быстрые успѣхи сдѣлали въ послѣднее время наука и искусство!

И такъ я вамъ уже сказалъ, что Новый Поэтъ *забавляется писать* пародій на Пушкина, и Лермонтова. Я, право, не знаю чѣмъ объяснить такіе странные поступки со стороны редакціи Современника. Я было объяснилъ вамъ ихъ тѣмъ, что подобная редакція преслѣдуетъ стихи вообще; но только я хотѣлъ это написать, какъ вдругъ вспомнилъ, что Новый Поэтъ написалъ однажды пародію и на одного прозаика, именно на Гоголя. Изъ этого, пожалуй, можно заключить, что Новый Поэтъ преслѣдуетъ своими пародіями не всѣхъ писателей-стихотворцевъ, а всѣхъ хорошихъ писателей. Помните ли вы то величественное мѣсто въ Мертвыхъ

Душахъ, гдѣ такъ патетически обращается Гоголь къ Россіи, и, вполне сознавая ту великую роль, которую онъ играетъ въ дѣлѣ народнаго сознанія, восклицаетъ: «Русь, Русь!... чего ты хочешь отъ меня?... Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очей?»

Помните ли вы, когда тотъ же Гоголь, истерзанный душевными муками, подавленный тяжестью возложенныхъ имъ на себя вопросовъ, въ своей Перепискѣ съ Друзьями, торжественно кается въ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, и говоритъ, что книга его есть личная потребность очищенія. Кажется, не совсѣмъ бы было добросовѣстно смѣяться надъ этими двумя фразами. Но Новый Поэтъ смѣется надо есмь. По этому онъ слилъ во едино оба изреченія Гоголя, которыя мы здѣсь выписали, и составилъ изъ нихъ слѣдующую пародію:

Въ груди моей и буря, и смятенье,
Святымъ восторгомъ вѣчно движимъ я,—
Внимаетъ мнѣ Россія съ умиленьемъ.
Чего же, Русь, ты хочешь отъ меня?
Зачѣмъ съ такимъ невиданнымъ волненьемъ
Не сводишь ты съ меня своихъ очей?
О Русь, о Русь, съ нѣмымъ благоговѣньемъ—
Чего же ждешь ты отъ моихъ рѣчей?...
Иль чувствуешь, что слово вдохновенья
Въ устахъ моихъ, пылающимъ огнемъ,
Есть личная потребность очищенья,
И потому такая сила въ немъ.

Новый Поэтъ.

Какъ вамъ нравится эта циническая выходка Новаго Поэта? Такъ не учтиво у насъ обращаются съ великими писателями.

И такъ вы видите, что жестоко достается корифеямъ нашей литературы? Чегожъ послѣ этого ожидать мнѣ? Какъ послѣ этого мнѣ рѣшиться напечатать свои стихотворенія? А мнѣ очень хочется ихъ напечатать. Какъ же мнѣ быть? — Вотъ какъ: попробую напечатать нѣсколько пародій. Это единственный родъ, который допускается современной журналистикой; ибо журналистика сама занимается составленіемъ пародій; последнее обстоятельство очень понятно: изъ всѣхъ родовъ поэзіи этотъ родъ самый легкій и безопасный. Вы, вѣрно, согласитесь съ моимъ тезисомъ, если прочтете тѣ немногія строки, въ которыхъ я выражаю мое мнѣніе о пародіяхъ вообще. Главнѣйшее, истинно-дѣльное назначеніе пародій—высказать недостатки того стихотворенія, которое пародируется. Пародія должна смѣшать *только* указаніями на не-

достатки того произведенія, которое она изображаетъ въ карикатурѣ. Такова добросовѣстная и дѣльная пародія, и такія пародіи писать довольно трудно. Но у насъ пародіи пишутся совсѣмъ иначе. Наши пародіи смѣшать не указаніемъ на недостатки стихотвореній, но собственными неловкостями, не имѣющими въ характеръ своемъ ничего общаго съ стихотвореніями, которыя осмѣиваютъ. Такія пародіи писать очень легко, по крайней мѣрѣ, легче; чѣмъ написать стихотвореніе отъ себя: если вы напишете отъ себя стихотвореніе, то должны будете отвѣчать за каждый стихъ: если какой-нибудь стихъ окажется неловкимъ и смѣшнымъ, вы не можете сказать, что это сдѣлано умышленно; а случись такое обстоятельство съ пародіей, вы можете отговориться: — скажете, что — это нарочно, — и всѣ будутъ смѣяться и восхищаться вашимъ произведеніемъ. Пародія должна быть непременно лучше того стихотворенія, на которое она написана. Вамъ, вѣрно, случалось видѣть, какъ иные, одаренные отъ природы способностью передражнивать, изображаютъ въ карикатурѣ игру плохихъ актеровъ. Разумется, чтобы хорошо изобразить недостатки чьей-нибудь игры, надо имѣть болѣе сценическаго таланта, чѣмъ имѣетъ его тотъ, чью игру вы изображаете. — Есть еще родъ пародій, который владычествуетъ въ нашей литературѣ, но его я изображу ниже посредствомъ примѣровъ и выписокъ. Теперь, позвольте мнѣ вамъ представить мои слабыя опыты въ этомъ родѣ стихотворныхъ произведеній. Не будьте къ нимъ слишкомъ строги, и при чтеніи ихъ имѣйте постоянно въ виду, что это первый опытъ. Но чтобы вы яснѣе видѣли, какое мѣсто могутъ занять мои пародіи между отечественными упражненіями по этой части, я буду ихъ постоянно ставить въ параллель съ произведеніями Нового Поэта, который справедливо почитается *gran maestro* въ этомъ искусствѣ.

Помните ли вы прекрасное стихотвореніе Лермонтова: «они любили другъ друга такъ долго и нѣжно», которое я здѣсь на всякій случай выписываю?

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
 Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятельной;
 Но, какъ враги, избегали признанья и встрѣчи,
 И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
 Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьи,
 И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
 И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье, —
 Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

Это превосходное стихотворение Новый Поэтъ пародировалъ слѣдующимъ образомъ:

Въ одинъ трактиръ они оба ходили прилежно,
И пили съ отвагой и страстью безумно-мятежной.
Враждебно кончались ихъ билиардныя встрѣчи
И были и дики и буйны ихъ пьяныя рѣчи
Сражались они межъ собой, какъ враги и злодѣи,
И даже во снѣ другъ съ другомъ играли—
И вдругъ подрались,—хозяинъ прогналъ ихъ въ три шеи,
Но въ новомъ трактирѣ другъ друга они не узнали.

Что хотѣлъ показать Новый Поэтъ этой пародіей? Неужели онъ хотѣлъ выказать недостатки стихотворенія Лермонтова? Если такъ, то надо сознаться, что это ему не удалось. Если вы хотите изобразить въ карикатурѣ чью-нибудь физиономію, то должны поставить на видъ все рѣзкое этой физиономіи, все, чѣмъ она отличается отъ другихъ: тогда это будетъ карикатура. Но ежели вы, желая изобразить кого-нибудь въ карикатурѣ, нарисуете какое-нибудь глупое и уродливое лицо, не имѣющее съ нимъ никакого сходства, и къ этому лицу придѣлаете какое-нибудь туловище, облеченное въ платье того человѣка, котораго хотите осмѣять, то неужели это выйдетъ карикатура? Ежели такъ, то, повторяю, пародіи писать очень легко, — и въ доказательство этого тезиса, предлагаю на судъ публики пародію собственнаго сочиненія на одно тоже превосходное стихотвореніе Лермонтова:

Вотъ это стихотвореніе:

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ уповтѣльный бала
Цвѣтущая степи
Украины она променяла,

Но юга роднаго
На ней сохранились приметы
Среди ледянаго,
Среди безопаднаго свѣта.

Какъ ночи Украины
Въ мерцаніи звездъ незакатныхъ, —
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки:

Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжать и жгутъ ея ласки;

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, следуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранить она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не просить,
И въ гордомъ поков
Насмѣшку и зло переносить;

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнуть пожаромъ;

Полюбить не скоро,
За то не разлюбить ужъ даромъ.

М. Лермонтовъ.

Что можетъ быть граціознѣе, благоуханнѣе этого стихотворенія?
Но вотъ моя пародія на него:

* * *

На санъ половаго
(Увы!) промѣнять онъ рѣшился
Видъ края роднаго
И избу, въ которой родился.

Но съ тайной тоскою
Глядитъ онъ на жизнь городскую—
Стремится душою
Въ губернію все Костромскую.

И края роднаго
На немъ сохранилися знаки:
Безъ юмора злаго
Не можетъ глядѣть онъ на фраки;

Откупоривъ пробку,
На водку онъ гордый не просить,
И волосы въ скобку
Ибороду длинную носить;

Недвлю проводить,
 Предавшись трактирнымъ заботамъ,
 Но париться ходить
 Онъ въ баню всегда по субботамъ;

Пьетъ водку онъ рѣдко,
 За то ужъ когда онъ напьется, —
 Ругается мѣтко
 И сильно и больно дерется.

Въ немъ мало задора
 Откроешь неопытнымъ глазомъ:
 Ударить не скоро,
 За то пришибеть тебя разомъ.

Э. Благоврововъ.

У Пушкина есть слѣдующее стихотвореніе:

Мигъ вождельный насталъ, оконченъ мой трудъ многолѣтній.

Чтожъ непонятная грусть тайно тревожить меня?

Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ подешникъ ненужный,
 Плату пріившій свою, чуждый работъ другой?

Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,

Друга двроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

Въ концѣ I главы Евгенія Онѣгина, тотъ же Пушкинъ сказалъ:

Ступай же къ Невскимъ берегамъ,
 Новорожденное творенье,
 И заслужи мнѣ славы дань:
 Кривые толки, шумъ и брань.

Эти четыре стиха Новый Поэтъ очень искусно слилъ съ выше-
 выписаннымъ стихотвореніемъ, и составилъ слѣдующую пародію:

Дивно! сердце невольно тоска обуяла, когда
 Съ милымъ фантазіи чадамъ пришлось раставаться.
 Долго тебя я голубилъ въ мечтѣ, какъ святыню;
 Много съ тобою безсонныхъ ночей проводилъ я самъ-другъ
 Читалъ, перечитывалъ снова — и купно съ друзьями
 Звуками мной порожденными въ сласть упивался.
 Бѣдное чадо мое! нынѣ идешь ты на судъ кривошляковъ.
 Мужайся! искусство для нихъ не искусство — игрушка.
 Взоромъ безстыднымъ своимъ люди тебя оскорбятъ,
 Но прекраснаго участь (повѣрь мнѣ) всегда на землѣ такова.

Новый Поэтъ.

Какой тяжелый стихъ, какая неуклюжесть оборотовъ! Этакъ и я могу распародировать любое стихотвореніе Пушкина. Для при-
мѣра напишу пародію на слѣдующую его пьесу:

РОМАНСЪ.

Предъ Испанкой благородной
Двое витизей стоять,
Оба смѣло и свободно
Въ очи пр..мо ей глядятъ.

Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже,
И какъ слава имъ мила,
Но одинъ ей милъ—кого же
Дѣва сердцемъ избрала?

Кто, рѣши, любимъ тобою?
Оба дѣвъ говорятъ,
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

А. Пушкинъ.

Вотъ моя пародія на это стихотвореніе:

АРИЕТТА.

Передъ франтикомъ стоячнымъ
Два извощика стоять.
Оба въ паюсовъ обычномъ:
Оба везть его хотятъ,

Оба рядятся съ Неглинной
На Устрѣтенку въ Грачи
Довезти за пять-алтынный,
Оба съ виду лихачи.

Оба молоды и свѣжи,
Оба ростомъ высоки,
Оба съ полостью медвѣжьей,
У обоихъ рысаки.

Оба только на починъ,
Оба мигомъ долетать.
По какой же злой причинъ
Не садится гордый фатъ?

Э. Благодраговъ.

Не правда ли, читатель, что моя пародія очень мила? Но вы кажется, ею оскорбляетесь, вамъ кажется не приличнымъ, что я противопоставилъ двумъ прекраснымъ юношамъ, горящимъ пылкой любовью къ благородной испанкѣ, двухъ извощиковъ, увлекающихъ патетической рѣчью московскаго дэнди. Вы оскорбляетесь, читатель, но что же вы не оскорблялись тогда, когда г. Некрасовъ написалъ пародію на «Баюшки-баю» Лермонтова и помѣстилъ ее въ изданномъ имъ *Петербургскомъ сборникѣ*. Но вы, можете быть, не помните этой пародіи? извольте, я вамъ напомню... Но чтобъ вы яснѣе видѣли, гдѣ больше неприличія, въ моей ли пародіи на романсъ Пушкина, или въ пародіи г. издателя Современника на пѣсню Лермонтова,—выпишу и эту пѣсню.

КАЗАЧЬЯ

колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки-баю.
 Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
 Въ колыбель твою.
 Стану сказывать я сказки,
 Пѣсенку спою;
 Ты жь дремли, закрывши глазки,
 Баюшки-баю.
 По камнямъ струится Терекъ,
 Плещетъ мутный валъ;
 Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
 Точитъ свой кинжалъ;
 Но отецъ твой—старый воинъ,
 Закаленъ въ бою:
 Спи, малютка, будь спокоенъ,
 Баюшки-баю.
 Самъ узнаешь,—будетъ время,—
 Бранное житье;
 Смѣло вдвнешь ногу въ стремя
 И возьмешь ружье.
 Я съдѣльце боевое
 Шолкомъ разошью...
 Спи, дитя мое родное,
 Баюшки-баю.
 Богатырь ты будешь съ виду
 И казакъ душой,

Провожать тебя я выйду—
 Ты махнешь рукой...
 Сколько горькихъ слезъ украдкой
 Я въ ту ночь пролью!...
 Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
 Баюшки-баю.
 Стану я тоской томиться,
 Безутѣшно ждать;
 Стану цѣлый день молиться,
 Но почамъ гадать;
 Стану думать, что скучаешь
 Ты въ чужомъ краю...
 Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
 Баюшки-баю.
 Дамъ тебѣ я на дорогу
 Образокъ святой:
 Ты его, моляся Богу,
 Ставь передъ собой;
 Да, готовясь въ бой опасный,
 Помни мать свою...
 Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки-баю.

М. Лермонтовъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(Подражаніе Лермонтову).

Спи, пострѣль! пока безвредный,
 Баюшки-баю.
 Тускло смотритъ мѣсяць мѣдный
 Въ колыбель твою.
 Стану сказывать не сказки—
 Правду пропою.
 Ты жъ дремли, закрывши глазки,
 Баюшки-баю.
 По губерніи раздался
 Всѣмъ отраднѣй кликъ,
 Твой отецъ подъ судъ попался,
 Явныхъ тѣма уликъ!
 Но отецъ твой, плутъ извѣстный,
 Знаетъ роль свою.
 Спи, пострѣль, покуда честный!
 Баюшки-баю.

Подростешь—и міръ крещеный
 Скоро самъ поймешь,
 Купишь фракъ темнозеленый
 И перо возьмешь.
 Скажешь: «я благонамѣренъ,
 За добро стою».
 Спи, твой путь грядущій вѣрнѣй!
 Баюшки-баю.
 Будешь ты подъячій съ виду
 И подлецъ душой,
 Провожать тебя я выду —
 И махну рукой.
 Въ день привыкнешь ты картинно
 Спину гнуть свою.
 Спи-жь, пострѣль, пока невинный!
 Баюшки-баю.
 Тихъ и кротокъ, какъ овечка
 И кривонекъ лбомъ,
 До хорошаго мѣстечка
 Доползешь ужемъ,
 И охулки не положишь
 На руку свою.
 Спи, покуда красть не можешь!
 Баюшки-баю.
 Купишь домъ много-этажной,
 Схватишь крупной чинъ,
 И вдругъ станешь баринъ важный:
 Русскій дворянинъ.
 Заживешь—и мирно, ясно
 Кончишь жизнь свою,
 Спи, чиновникъ мой прекрасный.
 Баюшки-баю.

Н. Некрасовъ.

Ежели г. Некрасовъ позволилъ себѣ написать подражаніе Лермонтову въ такомъ приличномъ тонѣ, то да позволено же будетъ и мнѣ написать въ томъ же тонѣ подражаніе и самому г. Некрасову. Со страхомъ и трепетомъ приступаю къ этому подвигу, и выписываю слѣдующее стихотвореніе:

Если, мучимый страстью мятежной,
 Позабылся ревнивый твой другъ,
 И въ душѣ твоей кроткой и нежной
 Злое чувство проснулося вдругъ, —

Все, что вызвано словомъ ревнивымъ,
 Все, что подняло бурю въ груди,
 Переполнена гнѣвомъ правдивымъ
 Безпощадно ему возврати,
 Отвѣчай негодующимъ взоромъ;
 Оправданья и слезы осмиѣй,
 Порази его жгучимъ укоромъ, —
 Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнувъ отъ волненья,
 Ты поймешь его грустный недугъ,
 И дождется минуты прощенья
 Твой безумный, но любящій другъ, —
 Позабудь неповинное слово
 И упрекомъ своимъ не буди
 Угрызеній мучительныхъ снова
 У воскресшаго друга въ груди!
 Вѣрь, обидный порывъ подозрѣнья
 Безъ того ему м ного принесть
 Полныхъ муки, тревогъ, сожалѣнья
 И раскаянья поздняго слезъ.

Н. Некрасовъ.

Вотъ мое слабое подражаніе г. Некрасову:

Если кроткій, какъ волъ, въ трезвомъ видѣ,
 Во хмѣлю не покоенъ твой другъ,
 И, приравнясь къ пустышной обидѣ,
 Онъ тебя по лицу хватить вдругъ, —

Всѣмъ, что въ руки тебѣ попадетса,
 Поскорѣ въ него запусти:
 Онъ сробѣетъ, притихнетъ, уймется;
 Тутъ ты водку вели унести.

Если волви просить еще будетъ,
 Ни поль-рюмки ему не давай,
 И скажи, что дѣтей перебудить:
 «Спать, молъ, старый невѣжа, ступай!»

Но когда на другой день проспится
 И, вчерашнее вспомявши вдругъ,
 Прибѣжить предъ тобой извиниться
 Твой, хоть пьющій, но любящій другъ, —

Ни рассказомъ, ни темпымъ намекомъ.
 О вчерашнемъ, его не тревожь,
 Ни укоромъ, ни робкимъ упрекомъ
 Нестерпимыхъ страданій не множь.

Твой упрекъ для него хуже будки...
 На твоихъ онъ наказанъ глазахъ
 Тошнотой, страшной болью въ желудкѣ,
 И трясеньемъ въ рукахъ и ногахъ.

Э. Благоврововъ.

У Новаго Поэта есть еще манера пародировать: иногда онъ пародируетъ такъ, что у его пародіи нѣтъ ничего общаго съ стихотвореніемъ, на которое оно написано, не исключая даже и размѣра стиха. На примѣръ, какъ вамъ нравится это стихотвореніе?

Я здѣсь, Инезилья,
 Стою подѣ окномъ;
 Объята Севилья
 И мракомъ и сномъ.

Исполненъ отвагой,
 Окутанъ плащемъ,
 Съ гитарой и шпагой
 Стою подѣ окномъ.

Ты спишь-ли? Гитарой
 Тебя разбужу.
 Проснется ли старой?
 Мечемъ уложу.

Шелковыя петли
 Къ окошку привѣсь;
 Что медлишь? ужъ нѣтъ ли
 Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
 Стою подѣ окномъ.
 Объята Севилья
 И мракомъ и сномъ.

А. Пушкинъ.

Вотъ еще другое прекрасное стихотвореніе Пушкина въ этомъ же родѣ:

Ночной эфиръ
 Струить эфиръ.
 Шумить, бѣжить Гвадалквивиръ.
 Вотъ взошла луна златая....
 Тише! чу!... гитары звонъ....

Вотъ Испанка молодая
 Оперлася на балконъ.
 Ночной зефиръ, и проч.
 Скинь мантилью, ангелъ милый,
 И явись, какъ ясный день;
 Сквозь чугушныя перилы
 Ножку дивную продьны!..
 Ночной зефиръ, и проч.

Новый поэтъ слилъ эти два стихотворенія и написалъ слѣдующую пародію:

СЕРЕНАДА.

Въ томной нѣгѣ утопая,
 Сладострастія полна,
 Луннымъ свѣтомъ облитая,
 Вотъ Севилья, вотъ она!

Упоительно прекрасенъ,
 И вкушая сладкій миръ,
 Вотъ онъ блещетъ, гордъ и ясенъ,
 Голубой Гвадалквивиръ.—

Близъ порфиновыхъ ступеней,
 Надъ заснувшею водой,
 Тамъ, гдѣ двѣ сплелись сирени,
 Андалузецъ молодой.—

Шляпа съ длинными полями,
 Плащъ закинуть на плечо,
 Двѣ морщины надъ бровями,
 Взоръ сверкаетъ горячо.—

Подъ плащемъ его гитара
 И кинжалъ, надежный другъ,
 Въ мысляхъ только донья Клара....
 Чу!... и вдругъ гитары звукъ....

Съ первымъ звукомъ у балкона
 Промелькнула, будто тѣнь;
 То она, въ тѣни лимона,
 Хороша какъ ясный день!

То она!... и онъ трепещетъ,
 Звуки лѣтъ, какъ соловей,
 Заливается и мечетъ
 Огнь и пламень изъ очей.

Донья внемлетъ въ упоеньи,
 Ей отрадно и легко,
 Въ этихъ звукахъ, въ этомъ пѣньи
 Все такъ бурно — глубоко!

Подъ покровомъ темной ночи,
 Пѣсни пламенной въ отвѣтъ,
 Потуплая скромно очи,
 Донья бросила букетъ.—

Въ томной пѣгв утопая,
 Сладострастія полна,
 Луннымъ светомъ облитая,
 Вотъ Севилья, вотъ она! *Новый Поэтъ.*

Общее между стихотвореніями Пушкина и произведеніемъ Новаго Поэта только слѣдующее: всѣ онѣ серенады; у Пушкина описывается Испанецъ, поющій передъ окномъ Испанки, и у Новаго Поэта описывается Испанецъ, поющій передъ окномъ Испанки; у Пушкина упоминается о гитарѣ, и у Новаго Поэта упоминается о гитарѣ; у Пушкина упоминается о Гвадалквивирѣ, и у Новаго Поэта говорится объ этой рѣкѣ; у Пушкина Севилья, и у новаго поэта Севилья; у Пушкина сказано: *чу!* и у Новаго Поэта тоже сказано: *чу!*

Желательно бы знать, съ какой цѣлью написана эта пародія. Недостатковъ выписанныхъ мной стихотвореній Пушкина, она не раскрываетъ. Правда, она очень безцвѣтна, водяна и мѣстами шероховата по стиху, но вѣдь Пушкинъ въ этомъ нисколько не виноватъ: оба его стихотворенія представляютъ образчикъ гладкости, блеску и рельефности образовъ.

Постараюсь сдѣлать подражаніе Новому поэту. Возьму два изъ самыхъ лучшихъ стихотвореній Пушкина, *солью* ихъ, — и сдѣлаю пародію въ родѣ *Серенады* Новаго поэта.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
 Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ,
 Но пусть она васъ больше не тревожить;
 Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
 Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томимъ;
 Я васъ любилъ такъ пламенно, такъ нѣжно,
 Какъ дай вамъ Богъ любимымъ быть другимъ.

А. Пушкинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
 Волшебіямъ любви безумно предвзваться!
 Спокойствіе свое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться.
 Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почемужъ порой
 Не погружуся я въ минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдетъ передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье,
 Пройдетъ и скроется? Ужель не можно мнѣ
 Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей,
 Веселый мѣръ души, безпечные досуги,
 Все, даже счастье того, кто избранъ ей,
 Кто милой дѣвъ дастъ названіе супруги?

А. Пушкинъ.

Давно я васъ люблю, живу и движусь вами,
 Безплодной страстію давно томится грудь,
 Но никогда ничѣмъ—ни взглядомъ, ни словами
 Я вамъ не смѣлъ объ этомъ намекнуть:

Моя любовь, моя горячія признанья
 Вамъ душу робкую разстроить и смутять;
 Больной моей души безумныя страданья
 Болезнью тяжкою вамъ душу заразить;

Въ себя, страданіямъ моимъ въ вознагражденье
 Любовь насильно вы рѣшитесь возбудить
 Ко мнѣ. Но не хочу любви изъ сожалѣнья!
 Я знаю: вы меня не можете любить.

Къ чему искать любви мнѣ вашей, къ вамъ стремиться?
 Душѣ безгрѣшной и простой
 Не полюбить меня, во вѣки не сродниться
 Съ душой преступною, суровой и больной.

Напрасно къ вамъ любовь я, какъ змѣю, лелѣю,
 Напрасно мнѣ она томить и сушить грудь:
 Я знаю, что вы вѣкъ не будете моею,
 Что я безъ васъ пройду печальный жизни путь.

Когда стоите вы, какъ ангелъ, предо мною,
 Съ глазами полными и мира и огня,
 Я говорю въ душѣ съ равнивою тоскою:
 «Ахъ, этотъ цвѣтъ цвѣтеть не для меня!!!»

.....
 Всѣхъ этихъ мукъ любви, всей этой блажи, дури
 Дай Богъ, дай Богъ вблизи вамъ невидать.
 И по театру лишь да по литературѣ
 Ихъ въ отвлеченномъ видѣ знать.

Когда же и для васъ придетъ пора желаній
 И сладкихъ грѣзъ, волнующихъ намъ кровь,—
 Пускай, какъ благодать святая, безъ страданій
 Въ васъ тихимъ пламенемъ затеплится любовь...

Но... Ахъ!... признайтесь мнѣ (я тайны не нарушу)...
 Быть можетъ ужъ пора любви для васъ пришла?!
 Быть можетъ милую и родственную душу
 Едва разцвѣтшая душа уже нашла....

О, если вами онъ любимъ и васъ достоинъ
 И можетъ васъ любить, цѣнить и понимать,—
 Я радуюсь за васъ.... я счастливъ.... я спокоенъ....
 Я буду вашъ союзъ всегда благословлять.

Э. Благоураговъ.

Я сказалъ, что выписанная мною пародія Новаго Поэта отличается безцвѣтностью, водяностью и шероховатостью стиха; этими же самыми достоинствами отличается и моя пародія.

Но довольно пародировать Пушкина. Пародировать очень легко. Отъ того можно не только пародировать стихи Пушкина и Лермонтова, но даже творенія самаго г. Некрасова. Г. Некрасовъ написалъ слѣдующее, въ высшей степени граціозное, какъ по идѣ, такъ и по исполненію, стихотвореніе:

БУРЯ.

Не любилъ я ни грома, ни бури,
 И боялся, когда по лазури,
 Разрушеніе и гибель тая,
 Пробьжить золотая змѣя.
 Да вчера молодая сосѣдка
 Мнѣ сказала: въ саду есть бесѣдка ;
 Какъ стемнѣетъ, туда приходи.
 Расхидилося сердце въ груди!
 Я не зналъ, какъ я ночи дождуся,
 Вдругъ гляжу, и повѣрить боюся:
 Обложилось небо кругомъ,
 Блещетъ молнія,—бура и громъ.

Проклиная докучную бурю,
 Пуще прежнихъ брови я хмурю,
 И въ бесѣдку, тоскуя, иду,
 Что соседки я тамъ не найду:
 «Вѣдь она и робка и лѣнива,
 Въ бурю вытти ей изъ дому диво,
 И не вѣрить, что счастье мое
 Цѣлый міръ исходить для нея!
 Ахъ, люби она столько же страстно,
 Не казалась бы буря опасна,
 Не казалась бы ночь ей темна,
 Да на столько ли любить она?»
 Безъ надежды вхожу я въ бесѣдку.
 Озираюсь — и вижу соседку!
 — «Я боялась, что ты не прійдешь.»
 Не хочу, да и словъ не найдешь
 Передать этъ жаркія рѣчи,
 Этъ радость условенной встрѣчи.
 «Оба, другъ мой, боялися мы;
 «Но не грома, не бури, не тьмы:
 «Пусть тамъ буря реветъ нестерпимо,
 «Наша туча промчалася мимо,
 «Наше счастье тихо цвѣтеть,
 «Наше сердце любовью живеть.»
 Я сушилъ ея мокрыя ножки
 И, чѣмъ ярче блистали окошнички,
 Озаряясь мгновеннымъ лучемъ,
 И чѣмъ больше пугалъ ее громъ,
 Тѣмъ, любви ея вѣря сильнѣе,
 Наслаждался и жилъ я полнѣе,
 И блаженной какой тишиной
 Ввѣя буря пронзительной вой
 Въ эту темную ночь надо мной....
 Не боюсь теперь грома и бури
 И, когда по румяной лазури
 Пробѣжить золотая змѣя,
 Не робѣю, а радуюсь я.

Н. Некрасовъ.

Вотъ моя пародія:

КОФЕЙ.

Я сначала терпѣть не могъ кофей,
И, когда человекъ мой Прокофій
По утрамъ съ нимъ являлся къ женѣ,
То всегда тошно дѣлалось мнѣ.

Больше чувствовалъ склонность я къ чаю.
Но записочку разъ получаю:
«Завтра утромъ прійди, милой мой —
«Вмѣстѣ кофей пить будемъ съ тобой.»

Въ мигъ всю ложность и всѣ затрудненья
Я постигъ моего положенья.
Но законъ для меня *billet doux* —
На свиданіе къ милой иду.

Я дорогой дрожу весь заранѣ,
Прихожу. Чтожъ? Она на диванѣ
Передъ столикомъ чайнымъ сидитъ —
На спирту сама кофей варитъ.

Я не ждалъ такой дивной картины!
Опустили мы мигомъ гардины,
Чтобъ чей злой и насмѣшливый глазъ
Не замѣтилъ бы съ улицы насъ...

Опишу ли весь пылъ упоенья?!
Все, что можетъ себѣ въ услажденье,
Когда время свободное есть,
На просторѣ любовь изобрѣсть —

Все тогда съ нею мы испытали. —
О, съ какимъ наслажденьемъ глотали
Жирный кофей мы послѣ того:
Чашекъ десять я выпилъ его,

Она выпила то же немало,
И, прощаясь, мнѣ нѣжно сказала:
«Другъ мой милый, до этого дня
«Не любила вѣдь кофею я. —

«Я его съ отвращеньемъ варила,
«Но себя той надеждою льстила,
«Что охотникъ до кофею ты, —
«И сбилось предвѣщанье мечты.

«Но чего и въ мечтахъ мнѣ не снилось,
 «То со мною внезапно случилось:
 «Прежде кофey я въ ротъ не брала,
 «А теперь съ наслажденьемъ пью!»

— «Онъ мнѣ тоже всегда былъ противенъ.
 (Я сказалъ ей въ отвѣтъ), о, какъ дивенъ
 Волканическій пламень страстей:
 Онъ привычки мѣняетъ людей.»

Съ той поры полюбилъ я и кофey.
 Весьма часто, когда мой Прокофій
 По утрамъ съ нимъ приходитъ къ жепѣ,
 Я кричу: «дай, братъ, чашку и мнѣ».

Э. Благоврововъ.

Но вы, можетъ быть, скажете, что ужъ это стихотвореніе г. Некрасова черезъ чуръ плохо, и что потому его легко пародировать. Правда, что неуклюже этого стихотворенія едва ли можно что-нибудь найти: оно несравненно хуже всехъ стихотвореній, которыя пародировались въ Современникъ. Но возьмемъ два лучшія стихотворенія г. Некрасова, и, не смотря на всю ихъ прелесть, постараемся сдѣлать на каждое по пародію.

П Ъ Я Н И Ц А.

Жизнь въ трезвомъ положеніи
 Куда не хороша!
 Въ томительномъ бореніи
 Сама съ собой душа,
 А умъ въ тоску мучительной...
 И хочется тогда
 То славы соблазнительной,
 То страсти, то труда.
 Все та же, хата бѣдная
 Становится бѣднѣй,
 И мать—старуха бѣдная—
 Еще бѣднѣй-бѣднѣй.
 Запуганный, задавленный,
 Съ повикшей головой
 Идешь, какъ обезславленный,
 Гнушаясь самъ собой.
 Сгараешь злобой тайною,
 На скудный твой нарядъ

Съ усмѣшкой не случайно
 Всѣ, кажется, глядятъ.
 Все, что во снѣ мерещется,
 Какъ будто бы на зло,
 Въ глаза вотъ такъ и мечется
 Роскошно и светло!
 Все—поводъ къ искушенію,
 Все дразнить и томить,
 И руку къ преступленію
 Нетвердую манить....
 Ахъ, еслибъ часть ничтожную!...—
 Старушку бъ полечить,
 Сестрамъ бы не роскошную
 Обновку подарить!
 Страхнуть ярмо тяжелаго
 Гветущаго труда,—
 Быть можетъ буйну голову
 Сносилъ бы я тогда!
 Покинувъ путь губительный,
 Нашелъ бы путь иной,
 И въ трудъ иной—свѣжительный—
 Поникъ бы всей душой.
 Но тьма отвсюду черная
 На встрѣчу бѣдвяку...
 Одна открыта торная
 Дорога къ кабаку.

Н. Некрасовъ.

Что можетъ быть энергичнѣе этого стихотворенія и по содержанію и по выполненію? А вѣдь у меня и на него есть пародія. Читайте:

ПРОПОИЦА.

Когда въ кабакъ за водкою
 Мнѣ не на что послать,
 Когда сухою глоткою
 Рокъ злобный проклипать,
 Молить о сожалѣнн
 Нѣтъ больше сидъ во мнѣ,
 Всѣ лучшія движенія
 Какъ будто въ мертвомъ снѣ.
 Пылаешь тайной злобою
 Сгораешь отъ стыда —
 И собственной особою
 Гнушаешься тогда.

На бороду небритую,
 На прорванный халатъ
 И на щеку разбитую
 Всъ, кажется, глядятъ;
 Крещенскимъ грознымъ холодомъ
 Мнѣ вѣтъ отъ людей ;
 Животъ подводитъ голодомъ,
 Душа полна страстей,
 Мигъ каждый представляется
 Мнѣ случай впасть въ порокъ:
 То мнѣ въ глаза кидается
 Фуляровый платокъ,
 Прельщаюсь то монетою,
 То цвпью золотой,
 Тогда я вамъ совѣтую
 Присматривать за мной,
 Все, что легко уносится,
 Какъ можно дальше класть:
 Все въ руки такъ и просится,
 Все хочется украсть;
 Подобныя стремленія,
 Я за просто скажу,
 Нерѣдко въ исполненіе
 Съ успѣхомъ привожу.
 Что дѣлать? обстоятельства...
 Ахъ, если бы занять
 На слово безъ ручательства
 Цѣлковыхъ тридцать пять!....
 Сюртукъ себѣ хотѣ старинькой
 На площади бѣ купилъ,
 И дѣтямъ: Сонѣ съ Варинькой
 По платьицу бы сшилъ,
 Потѣшилъ бы для праздника,
 Сводилъ бы въ балаганъ,
 Купилъ бы для проказника,
 Сережки барабанъ,
 И матери бѣ подарочки
 Для виду хотѣ купилъ;
 Съ друзьями бы по чарочкѣ
 Польшинной пропустилъ....

Но деньгамъ, что случаются,
Дорога вѣсѣмъ одна—
Всѣ мигомъ отправляются
Въ питейный домъ спошна.

Э. Блаженновъ.

Теперь мнѣ остается составить пародію на самое лучшее произведеніе г. Некрасова, которое здѣсь слѣдуетъ:

ТРОЙКА.

Что ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За провѣзкою тройкой во слѣдъ?
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядывая провѣзкій корнетъ.

На тебя заглядывать не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь...
Вѣтся алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ — чорныхъ, какъ ночь;

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкой пушокъ,
Изъ подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.

Взглядъ одинъ чернобровый дикаржи,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика раззорить на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь.

Поживешь и по праздничишь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
За веряху пойдешь мужика.

Завязавши подъ мышку передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ,
А свекровь въ три пошиба гнуть.

Отъ работы и черной и трудной
 Отдастешь. не успѣвши разцѣвствъ....
 Погрузишься ты въ сонъ непробудной:
 Будешь няльчить, работать и вѣсть.

И въ лицѣ твоємъ, полномъ движенья,
 Полномъ жизни, — появится вдругъ
 Выраженъе тупаго терпѣнья
 И безсмысленный, вѣчный испугъ.

И схоронять въ сырую могилу,
 Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
 Безполезно угасшую силу
 И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди же съ тоской на дорогу
 И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
 И тоскливую въ сердцѣ тревогу
 Поскорѣй на всегда заглуши.

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
 Коня крѣпкя, и сыты, и бойки, —
 И лишицкѣ подъ хмѣлькомъ, и къ другой
 Мчится вихремъ корнетъ молодой.

Вотъ моя пародія:

Н. Некрасовъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Что съ тобой? ты дрожишь отъ волненья,
 Предъ тобою раскрытый журналъ....
 Знать статью—своего сочиненья
 Ты въ печати впервые увидалъ!

И съ горячей слезой умиленья
 И съ сердечнымъ участьемъ гляжу
 На твой трепеть, восторгъ и волненье;
 Въ положенье твое я вхожу:

Съ юныхъ лѣтъ полюбилъ ты словесность,
 Упражнялся съ любовію въ ней,
 Съ юныхъ лѣтъ тебѣ снились извѣстность
 И открытія въ сферѣ идей.

И къ тому, что во снѣ только смѣли
 Рисовать тебѣ рѣдко мечты,
 Наконецъ приступаешь на дѣлѣ,
 Какъ къ великому таинству ты.

Благороднаго сердца стремленье
 Съ приговоромъ сошлося судьбы
 Ты идешь на святое служенье,
 На арену журнальной борьбы.

Воспѣвая высокія чувства,
 Станешь правды учить ты людей,
 Объяснишь имъ созданья искусства
 И откроешь міръ новыхъ идей;

Бичевать станешь смѣло пороки,
 Къ исправленью сердца призывать,
 И, облитая горечью строки,
 Какъ перуны въ неправду метать.

На ученье твое отзовется
 Много пылкихъ и юныхъ сердецъ,
 И фортуна тебѣ улыбнется
 И сплететь тебѣ слава вѣнецъ.

Да не то тебѣ пало на долю:
 Будетъ смертью тебѣ твой успѣхъ.

Эфемернымъ пресытася успѣхомъ,
 Вздернешь носъ, охладѣешь въ труду,
 И мірскимъ весь отдашься утѣхамъ
 И толпы подчинившись суду;

И предъ свѣтскихъ приличій законамъ
 Будешь ты трепетать и вѣмтль,
 Будешь бредить комфортомъ и тономъ,—
 Размышлять, въ какой часъ что надѣть.

Дорогую наймешь ты квартиру,
 Съ моднымъ свѣтомъ знакомство сведешь;
 (Залетишь ты въ опасную сферу,—
 Закружишься,—морально падешь).

И забудешь святое призванье,
 Отъ науки себя отдалишь
 И запустишь журнала издание
 И талантъ свой уронишь, заспишь.

И лица твоего выраженье
 Жизнь такая какъ разъ измѣнить:
 Потеряешь ою жизнь, движенье,—
 Приметь пошлый, натянутый видъ.

Жизнь такая, такое веселье
 Скорѣ, скоро приносятъ плоды!
 Скука, свѣтскость, дендизмъ, и бездѣлье
 На лица оставляютъ слѣды.

И скоронать въ сырую могилу,
 Какъ пройдешь ты печальный свой путь,
 На пирахъ истощенную силу,
 Бдвннемъ изсушенную грудь.

Э. Благоправовъ.

Какъ вамъ нравится это стихотвореніе, Новый Поэтъ?
 Прощайте, Новый Поэтъ! будьте счастливы! остаюсь истинно
 къ вамъ расположенный фаворитъ вашъ

Эрастъ Благоправовъ.

С. Дабромиселово, Благово тожъ.
 1854 года 8 Июля.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Въ любопытной статьѣ о Московскомъ Каменномъ мостѣ, известнаго нашего археолога, И. М. Снегирева, помѣщенной въ 219 номеръ *Полцейскихъ Вѣдомостей*, сказано между прочимъ, что Москва обязана своимъ устройствомъ Графу Брюсу, преемнику Графа Чернышева. Едва ли это такъ. Москва обязана своимъ устройствомъ Графу Захару Григорьевичу Чернышеву, котораго общее преданіе почитаетъ знаменитѣйшимъ Градоначальникомъ, и причисляетъ къ сонму Государственныхъ первоклассныхъ людей Екатеринина вѣка. Отъ многихъ современниковъ слышалъ я слѣдующій анекдотъ, кажется, и напечатанный гдѣ-то: на одномъ почетномъ обѣдѣ графъ Брюсъ отозвался какъ-то неуважительно о некоторыхъ распоряженіяхъ своего предшественника. Митрополитъ Платонъ, тамъ присутствовавшій, пре-

ревалъ его тотчасъ съ свойственною ему откровенностью и живостью: я совѣтовалъ бы вамъ—сказалъ онъ,—отзываться осторожнѣе о такихъ людяхъ, какъ графъ Захаръ Григорьевичъ. Они родятся вѣками. Вотъ мы съ вами, такъ родимся безпрестанно: то Платонъ, то Брюсъ, то Платонъ, то Брюсъ.

Въ 173 номеръ *Сѣверной Пчелы* П. В. Хавскій, недовольный опустошеніемъ Хронологіи, учинилъ нашествіе на Генеологію, и уничтожаетъ существованіе великаго князя Всеволода Ольговича, называя Св. Михаила Черниговскаго правнукомъ Олеговымъ, а не праправнукомъ. Смѣемъ увѣрить его, что Всеволодъ существовалъ, и что вся жизнь его отъ перваго нападенія его на дядю Ярослава Святославича и брака съ дочерью Мстислава Владимировича, до самой кончины и предоставленія Кіевскаго стола брату родному Игорю Ольговичу, ясна и известна во всѣхъ азбукахъ Русской Исторіи.

Всеволодъ Ольговичъ оставилъ послѣ себя сына Святослава Всеволодовича, котораго также всѣ шаги известны по летописямъ, (а Святославъ Ольговичъ, соблазнитель, кажется, г. Хаевского, былъ его меньшій братъ). Этотъ Святославъ Всеволодовичъ, послѣ многихъ превратностей, получилъ Кіевскій столъ, на коемъ и умеръ.

Сынъ Святослава — Всеволодъ Черный, князь весьма примѣчательный и вполне известный, оставилъ по себѣ сына Св. Михаила Черниговскаго.

Г. Хавскій вмѣсто летописей взялся за позднѣйшіе сборники, въ которыхъ, разумѣется, ошибокъ и запутанности не оберешься. При томъ, разбирая имена, должно обращать вниманіе на дѣйствія, кои тѣмъ и другимъ именамъ принадлежать. Мы удивляемся, какимъ образомъ Сѣверная Пчела могла напечатать вопросъ, который могъ рѣшить послѣдній изъ ея сотрудниковъ.

Въ летописяхъ, до Монголовъ, всѣ князья такъ явственно и вѣрно различены, что можно усомниться разве только въ двухъ-трехъ не важныхъ случаяхъ.

Въ 121 номеръ *Московскихъ Вѣдомостей*, въ статьѣ о призрѣніи бѣдныхъ въ Россіи, нѣсколько разъ сказано, что дочь великаго князя Ярослава, Анна Ярославна, учредила въ 1086 г. училище для дѣвицъ бѣднаго состоянія (!) и построила на свои доходы (!!) для этого предмета обширное зданіе (!!!) Не Ярославовой дочери Анны, а Всеволодовой — Янкѣ приписываетъ Татищевъ это учрежденіе, Ярославова же дочь Анна была въ супружествѣ за Генрихомъ I, Королемъ Французскимъ.

Въ 223 номеръ Петербургскихъ Вѣдом. причислена Арифметика Магницкаго, печатанная при Петрѣ, къ библиографическимъ редкостямъ; ее можно получить за одинъ рубль у любого торговца антикваріа въ Москвѣ. М. П.

Ж Е Л О Ч И.

У насъ въ модѣ писать теперь *нѣкоторые* иностранныя слова, какъ онѣ на своихъ языкахъ пишутся (а о другихъ словахъ оставляется *продолженіе впрѣдъ*); особенно Англичане заставляютъ нашихъ литературныхъ франтовъ ломать языкъ безъ милосердія, и Уильямы, Уильямы, Гоунки, раздражаютъ намъ уши, хоть отъ того не знаемъ, ни пишемъ мы лучше, ни по-Русски, ни по-Английски. Но ничто не ново подъ луною: пуристы такіе бывали у насъ и въ прошедшемъ столѣтіи, и въ 1790 году напечатано было въ Петербургѣ у Шнора «Описаніе хода купеческихъ и другихъ каравановъ въ степной Аравіи, переводъ съ *Английскаго* языка». Переводы съ Франскаго языка еще не попадались!

Ярославскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія, перепечатанныя Московскими, о положеніи огородничества въ Ростовѣ, и заключаютъ: «впрочемъ судьба мятъ, шалфея, базилика, руты, чабера, мелиссы, острогона и другихъ произведеній дѣвственной *фауны*». Не Флоры ли? Покрайней мѣрѣ въ Москвѣ всѣ означенныя произведенія предоставляются въ завѣдываніе этой мифологической особы, вмѣстѣ съ Помоною. Впрочемъ въ Ярославлѣ можетъ быть другое разпредѣленіе, на которое мы нѣмало не претендуемъ.

Въ слѣдующемъ 21 номерѣ Москвитянина помѣщена будетъ статья: «Беседа любителей Русскаго слова и Арзамасъ, и мои воспоминанія», А. С. Стурдзы, Комикъ, большой рассказъ А. О. Писемскаго; а въ 22 мы напечатаетъ новыя греческія стихотворенія Н. О. Щербини, и большую комедію А. Н. Островскаго, — Бѣдная цѣвѣста.

ОБЪЯВЛЕНЕ О ПОДПИСКѢ
НА
МОСКВИТЯНИНЪ

1852 года.

Объявляя о подпискѣ на *Москвитянинъ* 1851 года, редакція сочла за лучшее напомнить читателямъ о тѣхъ статьяхъ, кои помѣщены были ею въ 1850 году, а именно:

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: Повѣсти: Вельтизна (Чудодѣй); Дріанскаго (Одѣрка Квочка); Колошова (Вашъ старый знакомый); Писемскаго (Тюфякъ); Рамазанова (Говорящія статуи); Сумарокова (Лицо и изнанка, Неудачный Маскарадъ).

Комедіи: Загоскина (Повѣдка за границу); Островскаго (Свои люди—сочтемся).

Разказы: Горчакова (О Пушкинѣ и современникахъ); Погодина (Св. игуменьъ Θεодосій); князь. Балтыкова (Объ Индіи); Стурзы (О востокъ).

ИНОСТРАННЫЯ РОМАНЫ и повѣсти: герцогини Д'Арбувиль, Бульвера, де-Валлона, де-Мюссе, и проч.

СТЕКОТВОРЕНІЯ: *Берга, Глинки, Дмитриева, Жадовской, Мел, Миллера, Павловой, гр. Ростопчиной, Тютчева, Фета, Хемькова,*

МАТЕРІАЛЫ для біографій: *Д. В. Давыдова, Кострова, Ломоносова, Сперанскаго, Суворова, Тихона Воронеж., Хараскова.*

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ НАУКЪ статьи: *Буслаева, Дмитриева, Забѣлина, О. Якинѣва, Мельникова, кн. Оболенскаго, Перевощикова, ?Погодина, Полова, Преображенскаго,* и проч.

Точно такъ представить она и въ настоящемъ объявленіи краткое исчисленіе, что помѣщено было ею въ продолженіи 1851 г.

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: Повѣсти: *Бакуниной: Село Турбан; Герца: Вильма; Григоровича: Прохожій; Дріанскаго: Мелкотравчатые; Жадовской: Сила прошедшаго; Ж. Кое что изъ жизни г. Арфанова; Ковалевскаго: Мелкопомѣстные помѣщики; Михайлова: Нянюшка (сцены); Рамазанова: Мозаика.*

Разказы: *Архипова: Три дня въ аулѣ; Басова (Воспоминаніе о Парижѣ); Б. (Воспоминаніе о службѣ на Кавказѣ); Батюшкова (Константина Николаевича, вновь найденныя статьи): Воспоминаніе мѣсть сраженій и путешествій; О Петинѣ; Взвѣскаго,*

князя Петра Андреевича (Писма); *Виртемгофа* (Отрывки из записок игрока); *В.* (Физиономія Нижегородской ярмарки); *Дмитриева* (Жизнь князя Михайловича Долгорукого); *Погодина* (Мстиславъ Галицкій, Мономахъ); *Стурдзы* (Современныя очерки Востока), и проч.

Изъ стихотвореній назовемъ: *Борж*; *Сундъ* и *Ушисундъ*, изъ Магабгаратъ; *Дмитриева*: Деревенскія злетіи; *Мел*: Августа 22 1851 г., Сметевина и проч.; *Миллера*: Королевичъ, изъ Уянда; *графини Рюстольной*: Циркъ 19 столѣтія, Весенній гимнъ, Неаполь Малкія стихотворенія: *Григорьева*, *Картамышева*, *Полонскаго*, *Тютчева* и *Фета*.

ИНОСТРАННЫЯ ПОВѢСТИ и рассказы: Уроула, Деревенскій лекарь, повѣсти *герцогини д'Арбувиль*; Заочная любовь, *Сен-Браннара*; Самарянка, *Луи-Вельо*; Омѣла, *Т. Готье*; Кладбище на берегу моря, *Диккенса*; Замокъ въ пустынь, *Жоржъ-Зандъ*; Отъѣздъ во время; комедія *де-Ларра*; Крозиль, повѣсть *Альфреда де-Мюссе*; Сцены изъ Мексиканской войны, *Габр. Ферри*; Искатель золота въ среднихъ вѣкахъ, — *Раймондъ Лулліи*; Фонтана; наконецъ романъ *Диккенса*: Жизнь, приключенія, опыты и наблюденія *Давида Копперфильда* младшаго, который будетъ скоро оконченъ.

Въ отдѣленіи **МАТЕРІАЛОВЪ** для Русской исторіи и исторіи Русской словесности назовемъ: Памятники древней Русской словесности: Переписка Царя *Алексѣя Михайловича* съ княземъ *Одоевскимъ*; Указъ о городской вѣдѣ, въ 17 вѣкѣ; князь *Симеонъ Шаховской*, сочинитель канона Св. Сергію; Проектъ покоренія *Америки* при Петрѣ I-мъ; Прочьба *Тредьяковскаго* въ Сенатъ; Обзоръніе Русской словесности, *Штеллна*; Старый Московскій Университетъ (*И. О. Тимковскаго*); Учрежденіе для студентовъ Лаврской семинаріи Митрополита *Платона*; Письма: *Карла Бирона*, *Палласа*, *Потемкина*, *Татищева*, *Тихона* Еп. Воронежскаго, барона *Розенкампа*; А. В.; Литературныя воспоминанія (объ *Арамаевѣ*).

Въ отдѣленіи **НАУКЪ** оригинальныя статьи: *О. Иашфа*: О народахъ средней Азіи; *Лешкова*: О древней Московской городской полиціи; *Снаскаго*: Объ успѣхахъ Метеорологіи, Измѣняется ли климатъ съ теченіемъ времени; *Срезневскаго*: Объ языческихъ суевѣріяхъ Русскихъ; *С.*: Организмъ и жизнь; *Шевырева*: Теорія смѣшнаго; *Шеллинга*: Исследование о Володимировыхъ кумирахъ; *графа С. С. Уварова*: Достоверны ли становятся исторіи?

Переводныя: Несторіане; Історія раздѣленія времени; Азій и Бонифацій, Ам. Тьері, и проч.

По отаженію промышленности: *Албога* (О дѣльной промышленности), *И. В. Сабурова* (О сввооборотахъ); *Н. Н. Анненкова* и проч.

СТАТЬИ О МОСКОВСКИХЪ НОВОСТЯХЪ. *Берга Сельцо* Захарово, *Б.*: (Фанш-Эльслеръ); *Позедина* (О Крашенинниковѣ; Утро въ пересыльномъ замкѣ; Единотѣрческая церковь; О публичныхъ лекціяхъ въ Университетѣ Гг. Грановскаго, Шевырева; О Пропиленхъ; О судьбахъ Италіи; Обѣдъ въ честь Айвазовскаго и Иордана; О Московскихъ вѣдомостяхъ; Пенелопическій лоскутокъ); *Рамазанова* (Художественныя новости); *Рабуса* (О живописи); *Шевырева* (Два концерта студентовъ, Анализъ акта философскаго сознанія).

Изъ **внутреннихъ** извѣстій укажемъ на письма: изъ Петербурга (князя *Вяземскаго*, *Сумарокова*, *Рамазанова*, *Ознобишина*); *Благо* объ Одессѣ; князя *Кострова*: Замѣтки о курганахъ южной части Евсейской губ.; О городѣ Туруханскѣ; *Купрелнова* о Новгородѣ; *Мельникова*: о Китайской кормовой травѣ, Записки о Нижегородской губер., Павловская промышленность; *П.*: О Кіевѣ; *Пажамскаго*: Наблюденіе въ Иркутскѣ; *Автономова-Спасскаго*: Путь отъ Баку до Петербурга; *Сунитова*, о Харьковѣ; *Тр-аго*, Путевыя записки по Малороссіи; *Ястребова*, Киргизскіе Шаманы, и проч.

Изъ **извѣстій заграничныхъ** назовемъ здѣсь только: О желѣзныхъ дорогахъ, какъ стратегическомъ средствѣ; Упадокъ цѣнности золота; Історія хрустальнаго дворца; Описаніе всемірной выставки; Макреди и Шекспиръ; Охота на воровъ въ Лондонѣ; Осеннія письма съ Рейна; Князь Меттернихъ въ Брюсселѣ; Судебное дѣло Бокарме; Вѣна зимою; О туземномъ народонаселеніи Мексики; О новомъ Египтѣ; Христіанство на о. Цейлонѣ; Письма Нѣмца изъ Сѣверной Америки; Бостонское общество ориенталистовъ; Свадьба Негровъ на о. Тринидадѣ; Вечерня въ день Пасхи въ Константинополѣ.

БИОГРАФИИ. Балля, Буффе, Вагорна, Вальтера, Лангенбека, Одюбона, г-жи Рекамье, Себастіани, и проч.

Изъ рецензій иностранныхъ книгъ замѣтимъ: Объ естественной исторіи пальмъ, *Мариуса*; Путешествіе по востоку, доктора *Грена*; новыя сочиненія *Эбеллинга*, *Мундта* и *Маколя* о Макиавелли; исторія Герцоговъ Гизовъ, Маркиза де *Булье*; Женевскаго *Ламартина*, и проч.

Вотъ что нами помѣщено. Теперь исчислимъ нѣсколько статей, кои Редакція уже заготовила для помѣщенія впрѣдъ.

Въ запасъ на будущее время она имѣеть для отдѣленій Русской словесности: Инокондрикъ, большая комедія г. *Писемскаго*, автора Тюфяка и Мари Ступицыной; Бѣдная пѣвста, большая комедія *Островскаго*; Адамъ Адамычъ, повесть г. *Михайлова*; Комикъ, провинціальный разсказъ г. *Писемскаго*; Завѣтный книжаль, г. *Архипова*; Огъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, повесть г. *Ковалевскаго*; Савушка, разсказъ г. *Кокорева*; Хмара, г. *Мелъ*; Последний богатырь, г. *Берга*; Нѣмка, г. *К.*, и проч.

Въ отдѣленіи наукъ: Исторія учрежденій Русскихъ о путяхъ сообщеній, почтахъ, общественной благотворительности, Пр. *Лешкова*; Исторія Физики, г. *Перевощикова*; Ани, древняя столица Багратидовъ, г. *Иванова*; записки Гордона о времени Петра I, Дѣла *Тредьяковскаго*, Письма *Карамзина*, *Пушкина*; Частная жизнь князей, *Погодина*, и проч.

Отдѣленіе *журналистики* распространится еще болѣе, и все любопытное или достойное вниманія во всѣхъ прочихъ журналахъ будетъ замѣчаться или извлекаться; въ нынѣшнемъ году мы обозрѣвали Военный и Морской журналы, Современникъ, Библіотеку для Чтенія, Отечественныя Записки, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ.

Число корреспондентовъ редакціи по разнымъ городамъ безпрестанно умножается, и любопытныя свѣдѣнія представляются ею во всякой книгѣ. Мы надеемся имѣть, кромѣ изчисленныхъ, въ будущемъ году постоянныхъ корреспондентовъ въ *Петербургъ*, *Володъ*, *Симферополь*, *Ставрополь*, и проч.

Извѣстія о *Московскомъ театрѣ* уже начались, и читатели наши получили статьи о Самойловой и Полтавцевѣ. Редакція имѣеть нѣсколько статей вготовѣ о знаменитостяхъ нашей труппы.

Наконецъ упомянемъ объ отдѣленіи *Иностранной литературы*, которое должно также сдѣлаться полнѣе.

Что касается до *картинокъ моды*, то ни одинъ Русскій журналъ, кромѣ листка г-жи Кошелевской, не можетъ похвалиться подобными тѣмъ, кои представлялъ Москвитянинъ.

Москвитянинъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Повѣсти—романы—драмы—комедіи—сцены—очерки—путешествія—стихотворенія.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Новыяшія произведенія словесности, преимущественно англійской, частию французской и немецкой, — современные путешествія.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ, МАТЕРИАЛЫ.

Статьи по всемъ отраслямъ человеческихъ знаній, преимущественно оригинальныя, — извлеченія изъ сочиненій иностранныхъ, имеющихъ приложение къ Россіи.

IV.

КРИТИКА.

Подробный разборъ произведеній отечественныхъ писателей преимущественно чисто-литературныхъ или историческихъ, — разсмотрѣніе общихъ вопросовъ отечественной словесности, наиболее современной.

V.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Краткія рецензіи книгъ, появляющихся въ Россіи.

VI.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) Заграничныя: 1) ученые извѣстия о естественныхъ наукахъ; отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, примѣчательныя предпріятія, открытія, 2) художественныя, литературныя, музыкальныя и театральныя; 3) фельетонныя новости.

б) Внутреннія: 1) извлеченія изъ Журналовъ Министерствъ, газетъ и губернскихъ вѣдомостей; 2) корреспонденція редакціи.

в) Московскія. Событія изъ исторіи Москвы, прежней и нынѣшней. Новостевыя хроника.

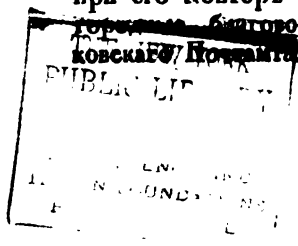
VII.

СМѢСЬ.

Мелкія повѣсти, рассказы, очерки, оригинальныя и переводныя анекдоты, замѣчанія.

Моды, съ парижскими картинками.

Въ 1852 г. Москвитянинъ будетъ выходить въ 1-е и 15-е числа каждаго мѣсяца, книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ нынѣшняго формата. (Если случится когда по необходимости или удобству выдать двѣ книги вмѣстѣ, то онъ всегда будетъ состоять изъ большаго количества листовъ, нежели сколько имѣютъ выданныя порознь.) Цѣна за годовое изданіе: въ Москвѣ 15 руб. сер., съ пересылкою въ другіе города 16 руб. 50 коп. сер. Подписка принимается по прежнему: въ книжной лавкѣ Москвитянина, при его Конторѣ на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Живаго. Иностранцы, желающіе отписаться въ Газетную экспедицію Московскаго Правительства

APR 12 1963

